

ТРЕПАВЛОВ В.В. НЕИЗДАННЫЕ РАБОТЫ

В.В. ТРЕПАВЛОВ

**НЕИЗДАННЫЕ
РАБОТЫ**

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В.В. Трепавлов

Неизданные работы

Москва
2024

УДК 94
ББК 63.521
Т66

*Книга подготовлена и издана при финансовом участии
Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования*

Ответственный редактор:
д.и.н. Ю.А. Петров

Научный редактор:
д.и.н. И.В. Зайцев

Составители:
к.и.н. К.С. Дроздов, к.и.н. Ж.Я. Рахаев

Рецензенты:
д.и.н. А.Ш. Кадырбаев, д.и.н. С.М. Шамин

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук
7 марта 2024 г.*

Т66 Трепавлов В.В.
Неизданные работы / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — М.: Издательский дом
«Медина», 2024. — 840 с.

ISBN 978-5-9756-0370-8

Настоящее издание впервые вводит в научный оборот разнохарактерные материалы из научного наследия выдающегося российского историка, члена-корреспондента РАН В. В. Трепавлова. Публикуемые работы рассматривают широкий спектр вопросов по ранней истории и политогенезу тюрко-монгольских народов России, формированию многонационального Российского государства. Среди материалов тома — законченные монографии «Батыр на троне: Ранняя государственность в героическом эпосе тюрко-монгольских народов России», «Хакимы Кипчакской степи. Очерки ранней истории ногайцев» и незавершенная монография «Эдигей». Кроме того, в издание включены доклады, записки и статьи по проблемам этнической политики России в XVII—XX вв., материалы учебного пособия «История Северного Кавказа», а также отзывы на кандидатские и докторские диссертации, рецензии на рукописи индивидуальных и коллективных монографий.

Публикацию неизданных работ В. В. Трепавлова предваряет обширное введение, в котором на основе архивных документов и воспоминаний его однокурсников показана роль Уральского университета в профессиональном становлении будущего ученого (публикация Главацкой Е. М. и Мазур Л. Н.); кроме того, специально рассмотрен творческий путь историка от поступления его в аспирантуру Института истории СССР Академии наук СССР в 1984 г. до защиты докторской диссертации в 2002 г. (статья Дроздова К. С. и Рахаева Ж. Я.). В качестве приложения к статье впервые вводятся в научный оборот многочисленные архивные документы из Научного архива ИРИ РАН и личного фонда В. В. Трепавлова, отражающие основные этапы научной биографии ученого.

На обложке использована фотография Боталбека Габидена (Bolatbek Gabiden) «Поле коричневой травы возле заснеженных гор в дневное время. Алтайские горы, Монголия».

Бесплатное использование по лицензии Unsplash.

ISBN 978-5-9756-0370-8

© Институт российской истории РАН, 2024
© Е. М. Главацкая, Л. Н. Мазур, 2024
© К. С. Дроздов, Ж. Я. Рахаев, 2024
© В. В. Трепавлов, Е. П. Захарова 2024
© ООО «Издательский дом “Медина”», 2024

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	11
-------------------	----

ВВЕДЕНИЕ. *Главацкая Е. М., Мазур Л. Н.*

Уральский университет в научной биографии В. В. Трепавлова: воспоминания и документы	12
---	-----------

Приложение (архивные документы и воспоминания о студенческой жизни В. В. Трепавлова)	15
--	----

Дроздов К. С., Рахаев Ж. Я.

Неопубликованное научное наследие члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук В. В. Трепавлова	55
---	-----------

Приложение (архивные документы к научной биографии В. В. Трепавлова)	70
--	----

Раздел I. Монографии

Батыр на троне. Ранняя государственность в героическом эпосе тюрско-монгольских народов России	169
---	------------

Введение	171
Глава 1. Этнический фольклор как исторический источник	172
Глава 2. Батыр во главе рода (якутское олонхо)	181
Глава 3. Батыр во главе улуса (алтайские сказания)	217
Глава 4. Ханская власть (эпосы тувы и хакасии)	242
Глава 5. Батыр и его дружина	265
Глава 6. Структура кочевого улуса	276
Глава 7. Крылья, военачальники, сопровитатели	290
Глава 8. Вождь и жрец	307
Глава 9. Ранняя государственность по данным героического эпоса	326
Заключение	356
Использованные источники и литература	358

Хакимы Кипчакской степи. Очерки ранней истории ногайцев	365
--	------------

От автора	367
Ногайцы в истории России	369
«Волга-матушка»: ногайская, казацкая, русская	376
Ногаи на царской службе	382
Княжеские роды ногайского происхождения	390
Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.	415
Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии	439
Хакимы Кипчакской степи (предки ногайцев в XIV–XV вв.)	441

Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно	480
Бий мангытов, коронованный chief	487
Нурадины Ногайской Орды	494
Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь»	509
Список сокращений.....	519
Едигей.....	521
Предисловие. Золотая Орда и Русь в умах современников и представлениях потомков.....	523
Глава 1. Улус Джучи: от расцвета к упадку.....	531
Генеалогическая легенда в политике и идеологии (постордынский Дешт-и Кипчак).....	546

Раздел II. Доклады, записки, статьи

Сибирь.....	553
Урянхайский прецедент (Тува в России и русские в Туве)	555
Основные принципы административно-территориального деления и управления в истории Российского государства	565
Распад Советского Союза (историографический аспект)	569
Позитивные и негативные образы России в ее этнической политике.....	582
Некоторые острые вопросы истории народов и межэтнических отношений	586
Казахстан: от кочевых ханств к президентской республике	594
Геополитика и эмиграция: Россия в судьбах грузинской элиты XVIII в.	604
Россия и Грузия в геополитике XVIII в. и современные трактовки вхождения Грузии в состав России (К 230-летию Георгиевского трактата)	612
Основные вехи истории грузино-югоосетинских и грузино-абхазских отношений.....	622
Формирование многонационального государства в России: синтез правовых систем.....	625
Переводы этнонимов в российской коммуникативной практике XVII в.	638

Раздел III. Учебные материалы

<i>Гатагова Л.С., Трепавлов В.В.</i>	
История Северного Кавказа.....	645
Северный Кавказ: географическая характеристика	645
Древнейшее население Северного Кавказа	646

Древние царства.....	647
Войны и нашествия	649
Княжества Северного Кавказа	650
Присоединение к России	652
Обычаи и традиции.....	653
Религии.....	655
Духовная культура.....	657
Города и архитектура.....	658
Экономика	659
Связи с народами Закавказья	663

Раздел IV. Отзывы и рецензии

Отзывы на диссертации.....	667
Отзыв на автореферат кандидатской диссертации Р.А. Абдуманапова	667
Отзыв на докторскую диссертацию М.-П.Б. Абдусаламова	668
Отзыв на кандидатскую диссертацию Л.Ф. Абзалова	672
Отзыв на докторскую диссертацию М.И. Амаралиева	675
Отзыв на докторскую диссертацию Ю.Д. Анчабадзе	677
Отзыв на докторскую диссертацию М.М. Батмаева	679
Отзыв на докторскую диссертацию А.Г. Бахтина	682
Отзыв на кандидатскую диссертацию И.В. Белозерова	687
Отзыв на докторскую диссертацию Т.В. Гаджиева	689
Отзыв на кандидатскую диссертацию Р.Т. Ганиева.....	693
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Ганич	696
Отзыв на автореферат докторской диссертации Е.М. Главацкой	698
Отзыв на автореферат докторскую диссертацию Э.-Б.М. Гучиновой	699
Отзыв на автореферат докторской диссертации К.Ф. Дзамихова	703
Отзыв на кандидатскую диссертацию С.Н. Жемухова	705
Отзыв на докторскую диссертацию И.В. Зайцева	707
Отзыв на автореферат докторской диссертации В.Ю. Зорина	710
Отзыв на автореферат докторской диссертации А.С. Зуева	711
Отзыв на докторскую диссертацию Ф.Г. Ислаева	712
Отзыв на кандидатскую диссертацию Р.В. Кадырова	716
Отзыв на кандидатскую диссертацию Э. Калана	719
Отзыв на докторскую диссертацию Р.Х. Керейтова	721
Отзыв на докторскую диссертации В.И. Колесника	724
Отзыв на автореферат кандидатской диссертации Н.Н. Константинова	727
Отзыв на автореферат докторской диссертации А.К. Кушкумбаева	728
Отзыв на кандидатскую диссертацию В.Я. Кыдыевой	729
Отзыв на автореферат кандидатской диссертации А.У. Мавлиева	733
Отзыв на кандидатскую диссертацию И.-Б.Т. Марзоева	734
Отзыв на автореферат докторской диссертации С.А. Мельникова	737
Отзыв на кандидатскую диссертацию М.В. Моисеева	738
Отзыв на кандидатскую диссертацию Е.О. Морозовой	741

Отзыв на кандидатскую диссертацию Н.П. Москаленко	744
Отзыв на автореферат кандидатской диссертации И.А. Мустакимова	749
Отзыв на диссертацию кандидата исторических наук Е.Р. Нестеровой	750
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.Н. Никитина	753
Отзыв на кандидатскую диссертацию Д.Н. Никитина	756
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.В. Парунина	758
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Порсина	762
Отзыв на докторскую диссертацию Д.А. Прохорова	765
Отзыв на докторскую диссертацию В.А. Росова	768
Отзыв на автореферат докторской диссертации С.В. Рыбакова	771
Отзыв на автореферат докторской диссертации А.Г. Ситдикова	772
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Султановой	773
Отзыв на докторскую диссертацию Ю.Н. Сушковой	776
Отзыв на докторскую диссертацию С.Д. Сыртыповой	780
Отзыв на кандидатскую диссертацию В.Т. Тепкеева	782
Отзыв на докторскую диссертацию В.Т. Тепкеева	785
Отзыв на докторскую диссертацию И.Х. Тхамоковой	788
Отзыв на докторскую диссертацию А.Ю. Хабутдинова	791
Отзыв на кандидатскую диссертацию Б.Р. Хисматуллина	794
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.В. Цюрюмова	797
Отзыв на докторскую диссертацию А.В. Цюрюмова	799
Отзыв на кандидатскую диссертацию А.Р. Чедия	802
Рецензии на рукописи книг	806
Рецензия на рукопись книги Ш.К. Ахметшина «Потомки татарской знати на русском престоле. XVI – первая четверть XVII века».....	806
Рецензия на рукопись монографии А.Г. Бахтина «Образование Казанского и Касимовского ханств».....	808
Рецензия на рукопись монографии И.В. Белича, А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой «Кульг святых в сибирском исламе: специфика универсального».....	809
Рецензия на рукопись монографии Е.В. Беловой «Русско-турецкие войны и население приграничных территорий. 1670–1770-е годы»	811
Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова «Сарбадары Самарканда»	812
Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова «Социально-экономическое положение Центральной Азии в XIII–XIV вв.»	812
Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова «Восстание Махмуда Тараби»	813
Рецензия на книгу М. Гешаева «Знаменитые чеченцы. Художественно-исторические очерки»	814
Рецензия на рукопись книги И.В. Зайцева «Очерки из истории культуры средневекового Крыма»	816
Рецензия на рукопись коллективной монографии «История Калмыкии в конце XIX–XX в.»	817
Рецензия на рукопись коллективной монографии «История культуры и образования Калмыкии».....	821

Рецензия на рукопись коллективной монографии «История Якутии», том 2	825
Рецензия на рукопись книги Ш.С. Камолиддина «Происхождение Саманидов»	827
Рецензия на рукопись коллективной монографии «Тюркские народы Крыма»	828
Рецензия на рукопись книги Р.Ю. Почекаева «Батый».....	829
Рецензия на коллективную монографию «Татары».....	830
Рецензия на рукопись монографии А.А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.)»	831
Рецензия на рукопись А.В. Шумкина «История тюркских обществ Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках».....	832
Рецензии на планы-проспекты изданий.....	834
Рецензия на план-проспект «Истории Кабардино-Балкарии» в 3-х томах	834
Рецензия на план-проспект первого тома «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней».....	836

Предисловие

Член-корреспондент РАН В.В. Трепавлов принадлежит к плеяде ученых, которыми по праву гордится российская историческая наука. Большинство его произведений до сих пор не утратило научной ценности, некоторые приобрели мировую известность и имеют все основания считаться классическими. Труды В.В. Трепавлова служат образцом строгой аргументации и глубины выводов, построенных на скрупулезном изучении конкретного исторического материала. Они привлекают внимание читателей блестящей формой изложения событий прошлого.

Вадим Винцерович оставил необычайно богатое и разнообразное по тематике творческое наследие. Более 500 научных и научно-популярных работ вышло из-под его пера. Среди них вошедшие в золотой фонд отечественной исторической науки монографии «Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности)» (М., 1993), «История Ногайской Орды» (М., 2002), ««Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв.» (М., 2007), «Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв.» (М., 2018), «Степные империи Евразии: монголы и татары» (М., 2018).

Поражают «география» и хронологические рамки его трудов: история народов Поволжья, Северного Кавказа, Казахстана, Центральной Азии и Монголии от раннего Средневековья до современности. Сфера научных интересов В.В. Трепавлова чрезвычайно широка. Это и формирование многонационального Российского государства, и национальная политика и межэтнические отношения в России, и закономерности функционирования империй и полиэтнических сообществ, и история народов России.

Может показаться, что Вадим Винцерович принадлежит к числу тех историков, чье научное наследие широко известно читателю. Его книги выходили большими тиражами, многие из них не раз переиздавались. Тем не менее, как показали предпринятые в течение последнего года архивные изыскания, еще немало научных и публицистических произведений В.В. Трепавлова ждет встречи с читателем. Настоящее издание яркое тому подтверждение.

Однажды один из сотрудников Центра истории народов России спросил у Вадима Винцеровича, был ли он в Монголии? «Нет», — ответил Трепавлов. «А почему, ведь у Вас, наверняка, было множество возможностей побывать там?». — «Конечно. Но я не хотел испортить то впечатление о природе и народах средневековой Монголии, которое сложилось у меня еще в период работы над кандидатской диссертацией», — сказал он. В память о научном наследии В.В. Трепавлова именно фотографию монгольских степей близ Алтайских гор, горной системы, которая, как известно, соединяет Россию, Монголию, Казахстан и Китай, мы решили выбрать для обложки данного издания.

*Ю.А. Петров,
доктор исторических наук, директор ИРИ РАН*

Введение

Главацкая Е.М., Мазур Л.Н.

Уральский университет в научной биографии В. В. Трепавлова: воспоминания и документы

Аннотация. Публикация посвящена памяти выдающегося российского историка, тюрколога, доктора исторических наук, члена-корреспондента РАН Вадима Винцеровича Трепавлова. В ее основе — документы из личного дела абитуриента В.В. Трепавлова и воспоминания его однокурсников о студенческой жизни будущего ученого на историческом факультете Уральского государственного университета в 1978–1983 гг.

Ключевые слова: Трепавлов В.В., Уральский государственный университет, исторический факультет

Glavatskaya E.M., Mazur L.N.

URAL UNIVERSITY IN THE SCIENTIFIC BIOGRAPHY OF V. V. TREPAVLOV: MEMORIES AND DOCUMENTS

Annotation. The publication is dedicated to the memory of the outstanding Russian historian, Turkologist, Doctor of Historical Sciences, corresponding member of the Russian Academy of Sciences Vadim Vintserovich Trepavlov, including his studies at the School of Young Historian and student life at the Faculty of History of Ural State University in 1978–1983.

Keywords: Trepavlov V.V., Ural State University, Faculty of History

Вадим Трепавлов родился 10 декабря 1960 г. в семье инженеров, которая проживала в самом южном окраинном рабочем районе Химмаш тогда еще «закрытого» города Свердловска. В 1968 г. он поступил в первый класс средней школы № 132, которую окончил в 1978 г. с отличными оценками по гуманитарным предметам — литературе, истории, обществоведению, географии, английскому языку, и хорошими — по физике, алгебре, геометрии, биологии. Накануне поступления в университет, в 1978 г., он прошел на областную олимпиаду по английскому языку и занял четвертое место. Успехи Вадима были отмечены Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР, грамотами за участие в олимпиадах и общественную работу.

Интерес Вадима к исторической науке сформировался довольно рано. Уже в старших классах он стал посещать Школу юного историка (ШЮИ), которая была открыта на историческом факультете УрГУ. Учащиеся слушали лекции преподавателей университета, писали рефераты, могли участвовать в археологических экспедициях.

В июле 1978 г. В. Трепавлов подал документы в приемную комиссию Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Вступительные испытания включали четыре экзамена: по русскому языку и литературе (устно и письменно), истории и иностранному языку. Учитывался также средний балл аттестата. Учеба в Школе юного историка приветствовалась, но не имела решающего значения. В результате проходной балл для выпускников средней школы был довольно высоким — 23,5. Вадим прошел без труда: в его экзаменационном листе по всем экзаменам стоит «5 (пять)» и еще 4,5 балла — среднеарифметическое по всем предметам школьного аттестата.

Первым студенческим опытом В. Трепавлова был «колхоз». После зачисления студентов направляли «на картошку» в рамках помощи подшефному совхозу. Студенты истфака в тот год работали на полях дер. Чувашково и Приданниково Красноуфимского района Свердловской области.

Полевые работы давали возможность вчерашним абитуриентам лучше узнать друг друга, познакомиться со старшекурсниками и преподавателями факультета. Именно здесь Вадим завел дружеские отношения с однокурсниками, например, с Н.Н. Барановым. Вернувшись из колхоза, новоиспеченный студент окунулся в студенческую жизнь, основную часть которой составлял учебный процесс — лекции, семинары, коллоквиумы. Экзамены за первый курс Вадим Винцерович сдал на «отлично». В дальнейшем были, конечно, и другие оценки. Так, например, не повезло «Истории КПСС», «Диалектическому материализму» и «Военной подготовке».

Важной частью учебного процесса была научно-исследовательская работа. Начиная с первого курса студенты писали курсовые работы по выбранной теме. Формально научная специализация по кафедрам на истфаке начиналась с 3-го курса, но большинство определялось с темой уже на первом-втором курсах. Тема у Вадима уже была, но специалистов по ней в городе, увы, не было. Поэтому руководителем его курсовых, а потом и дипломной работы стала археолог Бронислава Борисовна Овчинникова. С ней Вадим отправился и в свою первую археологическую экспедицию в Туву в 1979 г. Интерес к этому региону Вадим сохранил все студенческое время, регулярно участвуя в экспедициях Б.Б. Овчинниковой¹.

Дипломная работа, посвященная теме «Государственная традиция у монголов (XIII в.)», получила оценку «отлично». По результатам обучения в УрГУ Вадиму выдали «красный» диплом с отличием.

Студенческая жизнь исторического факультета не ограничивалась учебой. Добрую память о себе оставили различные факультетские праздники. Каждый из них сопровождался концертом студенческой самодеятельности, в которых со своими номерами и капустниками участвовали студенты. Сценарии писали сами, и в числе авторов, оставшихся в памяти поколений историков УрГУ, был

---

¹ Записано Е.М. Главацкой со слов В.В. Трепавлова во время репетиции.

Вадим. Одна из его пьес — «Пролетарская любовь Пин» — ироничная стилизация под китайские драматургические произведения 1970-х гг. была посвящена любимому Китаю. Рукописный текст пьесы в лучших традициях жанра имел перечень главных действующих лиц, комментарии автора по описанию мизансцен и т.д. Во вступительном слове, подготовленном Вадиком, ведущий должен был обозначить позицию автора и исполнителей пьесы: «... мы старались показать не политическую ситуацию, а сатирически, конечно, донести сам дух маоистской идеологической обработки, передать официальную трактовку театрального искусства в современном Китае».

Студенческие годы для каждого — определенный этап в жизни: кто-то разочаровался в выборе, сделанном пять лет назад, кто-то, уехав по распределению, стал учителем истории, найдя свое призвание в школе... Вадим после окончания УрГУ по распределению тоже был направлен на работу в спецшколу для детей с задержкой в развитии. Казалось бы, какая наука, какая Монгольская империя...? Но Вадик продолжил изучать языки, занимался интересующей его темой, и через два года поступил в аспирантуру Института российской истории АН СССР в Москве. По окончании аспирантуры он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской Империи XIII в.»².

---

² Подробнее о студенческих годах В.В. Трепавлова см.: *Главацкая Е.М., Мазур Л.Н.* Этюды о студенческой жизни в позднем СССР: материалы к биографии историка В.В. Трепавлова // *История и историки: историографический вестник*. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. 2024. С. 334–357.

Приложение (архивные документы и воспоминания о студенческой жизни В. В. Трепавлова)

№ 1

Аттестат о среднем образовании Трепавлова В.В.

АТТЕСТАТ

о среднем образовании

Настоящий аттестат выдан Трепавлову Вадиму Винцеровичу, родившемуся в г. Свердловске 10 декабря 1960 года, в том, что он в 1978 году окончил полный курс средней общеобразовательной школы № 132 г. Свердловска³ и обнаружил при примерном поведении следующие знания:

по русскому языку	4 (хорошо)
по литературе	5 (отлично)
по алгебре и началам анализа	4 (хорошо)
по геометрии	4 (хорошо)
по истории СССР	5 (отлично)
по всеобщей истории	5 (отлично)
по обществоведению	5 (отлично)
по физике	4 (хорошо)
по астрономии	4 (хорошо)
по химии	5 (отлично)
по биологии	4 (хорошо)
по географии	5 (отлично)
по иностранному языку (англ.)	5 (отлично)
по трудовому обучению	5 (отлично)
по физической культуре	4 (хорошо)

Кроме того, успешно выполнял программы по черчению, музыке и изобразительному искусству, а также по факультативным курсам.

³ В настоящее время — муниципальное автономное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 132 г. Екатеринбурга. Адрес: 620010, Екатеринбург, ул. Бородина, д. 1.

Директор школы /Подпись/

Зам. директора школы по учебной работе /Подпись/

Учителя: /Подпись/

/Подпись/

/Подпись/

/Подпись/

/Подпись/

Выдан 28 июня 1978 г.

г. Свердловск.

Ф № 991886

Личное дело Трепавлова В.В.

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича.

№ 2

Характеристика на выпускника средней школы № 132 Трепавлова В.В. Июнь 1978 г.

Характеристика

на выпускника 10 «А» класса средней школы № 132 Чкаловского района г. Свердловска Трепавлова Вадима Винцеровича, 1960 года рождения, уроженца г. Свердловска, члена ВЛКСМ.

Трепавлов Вадим обучался в средней школе № 132 с 1-го по 10-й класс. За все годы учебы к занятиям относился добросовестно. В младших классах был отличником, в старших — ударником учебы. Имеет особые склонности к изучению предметов гуманитарного цикла, английского языка. Особенно хорошие знания у Вадима по общественным наукам. Неоднократно принимал участие в районных и городских олимпиадах по истории, где занимал призовые места. В областной олимпиаде по английскому языку в 1978 году занял IV место. В 1976–1977 гг. в районных и городских олимпиадах по английскому языку занимал I и II места. Имеет ряд поощрений. К труду относится добросовестно. Активный участник всех субботников и трудовых десантов. Добросовестно относился к дежурству по школе. Имеет ряд поощрений. Физически развит хорошо. Вадим много читает дополнительной литературы, умело используя ее при своих ответах. Активный общественник, член комитета комсомола, руководитель сектора идейно-политического воспитания. Хороший организатор, отличный политинформатор, активный участник художественной самодеятельности класса и школы. Вадим внимательный, отзывчивый, хороший товарищ, пользуется большим авторитетом в комсомольской группе. Характеристика выдана после окончания средней школы.

Классный руководитель 10 «А» класса /Подпись/

Директор школы /Подпись/

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича. Л. 3–4.

№ 3

Заявление В.В. Трепавлова ректору Уральского государственного университета. 4 июля 1978 г.

Ректору
Уральского Трудового Красного Знамени
государственного университета им. А.М. Горького
От гр. Трепавлова Вадима Винцеровича,
проживающего в г. Свердловск, ул. Бородина, д. 4, кв. 51,
окончившего в 1978 г. среднюю школу № 132.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу допустить меня к вступительным экзаменам для поступления на дневное обучение исторического факультета по специальности история.

В общежитии не нуждаюсь.

О себе сообщаю следующие сведения: пол мужской, год рождения — 1960 г., место рождения — Свердловск, национальность — русский. Член ВЛКСМ. Социальное положение — учащийся.

Фамилия, имя и отчество родителей, их место жительства, кем и где они работают (наименование и местонахождение предприятия (организации), занимаемая должность).

Отец Трепавлов Вадим Анатольевич, ул. Уральская, д. 184, кв. 2, Свердловск; монтажник КИП ОРГРЭС. В семье не живет.

Мать Трепавлова Евгения Петровна, г. Свердловск, ул. Бородина, д. 4, кв. 51; старший инженер завода Уралхиммаш.

О себе дополнительно сообщаю: имею грамоту Министерства просвещения РСФСР и ряд грамот за участие в олимпиадах и активную общественную работу; посещал в УРГУ 2 года ШЮИ⁴. На «отлично» защитил реферат.

4 июля 1978 г.

/Подпись/

Зачислить на I курс дневного обучения по специальности «История».

Председатель приемной комиссии /Подпись/

Дата 22.08.[19]78⁵.

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича. Л. 1.

⁴ Школа юного историка Свердловского государственного университета им. А.М. Горького.

⁵ Помета Председателя приемной комиссии.

№ 4

Письменная работа по русскому языку и литературе Трепавлова В.В.
7 июля 1978 г.

Шифр (заполняется ответственным
секретарем приемной комиссии)

5

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ

Группа 4

Факультет исторический
ПИСЬМЕННАЯ РАБОТА

по русскому языку и литературе Трепавлова Вадима Винцеровича, окончил
среднюю школу № 132 г. Свердловская в 1978 г.

«Каждая черта великого художника есть достояние истории»
(Гого)

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А.М. ГОРЬКОГО

ЛИСТ-ВКЛАДЫШ

«Каждая черта великого художника есть достояние истории»

(Гого)

Каждый вид искусства отражает свое время. Наиболее полное представление об эпохе дает литература. Творения писателей доносят до нас образы, идеи, устремления современных им людей. Поистине неоцененными оказываются картины общества, нарисованные художниками слова, для последующих поколений. Таким образом, литературные произведения оказываются почти так же важны для истории, как и для литературы.

Обратимся к гениальным писателям прошлого века. Первая половина столетия — это Пушкин и Лермонтов. ««Евгений Онегин» явился подлинной энциклопедией русской жизни» (Белинский). Опираясь на описание жизни молодого человека, каких тысячи, поэт дал изумительную панораму многоликой России. Прочитав роман, мы узнаем не только историю неудачной любви героя, но и получаем представление об аристократическом воспитании («Сперва Madame за ним ходила, за ней Monsieur ее сменил...» и т.д.), театре, быте помещиков, крепостном праве, природе страны. Со страниц «Онегина» звучат и холодная светская беседа, и простая народная речь. Это произведение о судьбах современного поэту молодого поколения. В черновиках конца романа Онегин присоединяется к декабристам — еще одна важная строка в «энциклопедии».

Той же теме посвящено стихотворение Лермонтова «Дума», несравнимо меньшее по объему, но очень глубокое по смыслу. Боль за молодость, проходящую впустую, обвинение в бездельности звучат в ней. Это тоже маленькая энциклопедия, энциклопедия лет николаевской реакции.

«Богаты мы едва не с колыбели ошибками отцов и поздних им умом», т.е. перед глазами молодого поколения прошла борьба декабристов и их пораже-

ние, их «поздний ум», разочарование в борьбе. И так, лишь взяв по одному произведению каждого классика, можно понять, как отражены злободневные вопросы времени, чем жили люди в то время.

Девятнадцатый век отмечен плеядой гениальных писателей-реалистов. Это Гоголь, показавший Россию «мертвых душ», Россию Хлестаковых и Держиморд, Городничих и Почтмейстеров. Это Тургенев, коснувшийся в своих романах проблемы «лишних людей» («Рудин», «Новь»). Это Некрасов, воспевший русского крестьянина. Творение каждого из этих художников переполнены чертами, которые «есть достояние истории». Мне кажется, что всю жизнь Н. А. Некрасов только и делал, что писал энциклопедию жизни русского крестьянства. С разных сторон показаны жизнь и характеры представителей народа в стихотворениях «Размышления у парадного подъезда», «С работы», «Орина — мать солдатская», поэме «Кому на Руси жить хорошо». Черты, отраженные в первых двух, говорят, с одной стороны, о забитости, покорности простых людей, с другой — о лучших качествах русских простых людей: доброте, мягкости, душевности. Например, странники, не допущенные к вельможе, уходят униженные, «повторяя: суди его бог! Разводя безнадежно руками. И покида я видеть их мог, С непокрытыми шли головами». Из второго стихотворения:

«Здравствуй хозяйюшка, здравствуйте детки!
Выпить бы, эки стоят холода!
Инда забыл, что намедни последние выпил с десятником,
Ну, не беда...»

Совершенно иными, боевыми, твердыми показаны крестьяне в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: «Мужик что бык! втемяжится в башку какая блажь — Колом ее не вышибешь». Сложные полифоничные роман Ф. М. Достоевского, серьёзные и глубокие произведения Л. Н. Толстого, сатирические, обличающие рассказы, повести и пьесы Чехова — вот в чем доходит до нас далекая эпоха и доходит так, что читатель сам ощущает себя свидетелем и соучастником событий, вместе с героями он мучительно размышляет и ищет и радостно находит.

Великий Октябрь открыл не только новую эру не только в развитии литературы. Из писателей, отдавших служению молодой советской литературе, мне хотелось бы выделить Горького и Маяковского. Созданные ими образы Владимира Ильича Ленина действительно «есть достояние истории», бесценное наследство потомкам. «Живой весь Ильич», — говорила Н. К. Крупская об очерке «В. И. Ленин». Со страниц этого небольшого произведения, также как и из строк поэмы Маяковского, перед нами предстает колоссальная фигура Ленина — вождя, борца, человека во всей своей гениальности, во всей человечности. Нам дорога мельчайшая подробность его облика. В поэме и очерке Владимир Ильич не «творец истории», а «самый человеческий человек»:

«Не сатрапы твердости, триумфальною коляской
Мнущая тебя, подергивая вожжи.
Он к товарищу лишь людскую лаской.
Он к врагу вставал железа тверже».

«Он, как вы и я, совсем такой же,
Только разве что у самых глаз
Мысли больше нас морщинят кожей,
Да насмешливей и тверже губы, чем у нас».

Горький пишет в очерке, что азарт был свойством натуры Ленина, казалось, искры энергии сыпались из его глаз. Каждое произведение о вожде революции дополняет что-то к его портрету, помогает полнее ощутить его роль в истории человечества. Я считаю советскую Лениниану одним из главнейших литературных «достижений истории».

Социалистический реализм открыл перед художниками большие возможности для создания ярких образов наших современников. Такие великие советские писатели, как Фадеев, Шолохов, Леонов, Твардовский отразили всю сложность революционной перемены человеческого сознания, закалку характеров, утверждение нового в мировоззрении. Шолоховский Кондрат Майданников — классический образ русского крестьянина — колхозника, переступившего через ночные думы, горькие слезы по своей «худобе», «гадюку — жалость».

Невозможно было бы полно представить Гражданскую войну, не прочитав «Разгром» Фадеева, а Великую Отечественную — не узнав «Василия Теркина» Н. Т. Твардовского. Эти произведения настолько сильно дают почувствовать дух войны, ее время, что, может быть, прочитав сотни мемуаров, мы не получили бы такого яркого представления о ней.

Таким образом, творения великих художников так же прекрасны, как и важны для нас и для истории, чтобы, во-первых, получить представление об эпохе писателя, а во-вторых, художник, если он действительно велик, решает такие вопросы, которые важны и для современного человека.

5 (отлично) /Подпись/

Тема сочинения раскрыта полностью, глубоко. Автор сочинения для раскрытия темы использует богатый материал, умеет организовать его; для доказательства им приводятся верные примеры, иллюстративные материалы текстов⁶.

Архив УрФУ. Личное дело Тrepавлова Вадима Винцевича. Л. 6–15.

---

⁶ Помета экзаменатора.

№ 5
Ведомость вступительных экзаменов абитуриента В. В. Трепавлова.
1–16 августа 1978 г.

№	Наименование предметов (характер экзамена)	Дата экзамена	Оценка	Фамилии и инициалы экзаменаторов (писать разборчиво)	Подпись экзамена- торов
1	Русский язык и литература (письменно)	7.08.78	5 (пять)	Мармолевская В.А.	/Подпись/
2	Русский язык и литература (устно)	12.08.78	5 (пять)	Снопнова З.М. Мармолевская В. А.	/Подпись/ /Подпись/
3	История СССР (устно)	1.08.78	5 (пять)	Филиппова В. Миронова Л. П.	/Подпись/ /Подпись/
4	Иностранный язык (англ.) (устно)	16.08.78	5 (пять)	Абрамычева Л.Е. Сутигина Л. М.	/Подпись/ /Подпись/
Итого			20		

II. Средняя арифметическая по всем предметам из документов о среднем образовании 4,5

III. Общее количество баллов 24,5

Ответственный секретарь приемной комиссии /Подпись/

Сверено с ведомостями /Подпись/

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича. Л. 4.

№ 6

Личная карточка студента Уральского университета В. В. Трепавлова.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА СТУДЕНТА

Уральский государственный университет им. М. Горького

Специальность — история

Трепавлов Вадим Винцерович

1. Пол	Мужской	10. Сведения о родителях (отец, мать, их возраст, кем и где работают, местожительство)
2. Год и месяц рождения	10 декабря 1960	
3. Место рождения	г. Свердловск	Трепавлова Евгения Петровна, 44 года, старший инженер-конструктор, Уралхиммаш; г. Свердловск, ул. Бородина, д. 4, кв. 51.
4. Национальность	Русский	
5. Член или кандидат КПСС и с какого года		
6. Член ВЛКСМ и с какого года	Член ВЛКСМ с марта 1975	
7. Образование (какое учебное заведение окончил, когда и где)	Средняя школа № 132 г. Свердловск, 1978	Трепавлов Винцер Анатольевич, 44 года, инженер-конструктор, ОРГРЭС; г. Свердловск, ул. Пионерская, д. 2, кв. 35
8. Выполняемая работа до поступления в учебное заведение (где и в качестве кого)	Политмассовый сектор	11. Домашний адрес: а) (до поступления в ВУЗ) г. Свердловск, ул. Бородина, д. 4, кв. 51; б) (прописка в настоящее время) там же.
9. Семейное положение (холост, женат, наличие детей), местожительство жены		

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича. Л. 7.

Группа И-101. 1979 г. Вадик в первом ряду в центре. Крайняя слева — Е. М. Главацкая; в первом ряду крайний справа — А. А. Логиновских; на заднем ряду второй слева — Н. Н. Баранов, второй справа — О. А. Мазур.

№ 7

Пьеса В. В. Трепавлова «Пролетарская любовь Пин»

ПРОЛЕТАРСКАЯ ЛЮБОВЬ ПИН
(Воспеваю председателя Хуа!)⁷

[Пьеса в 5 действиях]

Действующие лица:

Пин Цин — отличница идеологической подготовки, 20 лет

Чжан Дуфан — непреклонный парторг, заботящийся о трудящихся как о своих детях

Муж Сяо — образцовая семья

Жена Дун — образцовая семья

Пан Куок — ползучая змея, шпионка с севера

Ли Сицын — одурманенный схизматик, бывший студент

⁷ Речь идет о втором председателе ЦК коммунистической партии Китая (КПК) Хуа Гофэне (7 октября 1976–28 июня 1981). В связи с этим можно определить примерное время написания пьесы В. В. Трепавловым — не позднее июня 1981 г.

Ку Ницын — одурманенный схизматик, бывший студент
Хун Цзи — ренегат рабочего дела, 20 лет
Народные массы.

ДЕЙСТВИЕ 1

Большое рисовое поле. На переднем плане куча корзин и мотыг. Справа — полевая кухня, на которой укреплен алый стяг и портрет Председателя Мао Цзэдуна⁸. Вдали виднеется типичная заштатная деревушка в 12–16 тысяч домов на холмистой равнине. Входит Хун Цзи.

Хун (озираясь):
Едрит твою! Опять я самый первый...
Нет никого, а главное — Пин Цин...
А, вон ползет парторг — стальные нервы.
Цветет и пахнет будто мандарин!

Чжан:
Прекрасный день, сотрудник Хун почтенный!
Зачем ты здесь и в поле не идешь?

Хун:
Ты видишь, я один и жду соседей.

Чжан:
Напрасно это: время не вернешь.
Припомни, как сказал Великий Мао:
Работать, спать — иного в жизни нет!

Хун (нетерпеливо перебивая):
Учил его цитаты я немало...
Пин Цин не видел?

Чжан:
Здесь она чуть свет!
Вглядишься в поля: ты видишь — между грядок
Маячит нечто белое — вон там.

Хун:
Бегу, бегу, спасибо, ненаглядный.
Сейчас производительность я дам.

Убегает.

---

⁸ Мао Цзэдун — китайский революционер, основатель Китайской Народной Республики, которую он возглавлял в качестве председателя Китайской коммунистической партии с момента создания КНР в 1949 г. вплоть до своей смерти в 1976 г.

Трепалов В. В.
Пролетарская любовь Пин. Рукопись

ДЕЙСТВИЕ 2

Рисовая грядка. Пин Цин работает.

Хун (вбегает):
О, здравствуй милая.
Я жду тебя давно!

Пин (не разгибаясь):
Зачем, любимый?
Ты бы поработал!
Когда я отдыхаю, все равно
Учу цитаты с пенъем беззаботным.

Хун:
Пойдем сегодня вечером к реке.
Смотреть, как солнце падает за горы.

Пин (не разгибаясь):
Собрание ведь в красном уголке.
Опять борьба! Моя стихия! Здорово!

Хун (пристраиваясь к ней):
Послушай, Пин, а может, не пойдем?
Что будет нам — всего лишь раз пропустим!

Пин (не разгибаясь):
С-обрание-то?!
Да ты в уме ль своем!
Смотрю, запахло от тебя Конфуцием⁹...
Прости за резкость, мой родной Хун Цзи,
Сегодня проспала я очень мало:
Гражданский долг исполнить порешив,
Всю ночь писала дацзыбао¹⁰.

Работают молча 2 часа. В это время хор за сценой исполняет ораторию «Народно-освободительная армия Китая переходит через Синьцзян и мощным, массивным ударом берет город Чжунхай».

Хун (разгибаясь):
Уж солнце высоко...
Невыносимый зной...
Сейчас пойти бы в речке искупаться!

Пин:
Замучилась сегодня я с тобой!
На нашего парторга мы должны равняться!
(Лукаво и кокетливо). Не хочешь, чтоб тебя я разлюбила? —
Греби мотыгой, что есть силы!

Хун (меняется в лице):
Ох, Боже мой!
Совсем забыл с тобой! —
Сейчас назначена мне встреча.
Прошу, родная, не ходи за мной:
Поймают вместе — сразу изувечат.

Бросает мотыгу, убегает. Пин Цин ясным, пронизательным взглядом смотрит ему вслед.

---

⁹ В эпоху культурной революции в Китае в 1966–1976 гг. конфуцианство порицалось как учение, стоящее на пути прогресса. В начале 1970-х гг. была развязана кампания под названием «Критика Линь Бяо и Конфуция».

¹⁰ Дацзыбао (кит. trad. 大字報, упр. 大字报, пиньинь dàzìbào — «газета, написанная большими иероглифами») — рукописная стенгазета в Китае, используемая для пропаганды, выражения протеста и т. д. Право на написание дацзыбао было закреплено в конституции КНР в 1975 г.

ДЕЙСТВИЕ 3

На куче навоза сидят Пан Куок, Ли Сичин и Ку Ницын.

Хун (вбегает).
Ох, извините, опоздал...
Спешил, бежал — не уложился!

Пан:
Ты, как всегда, нас напугал!

Ли: Я чуть с навоза не свалился.

Враги хохочут, показывая черные, гнилые зубы.

Пан:
Ну ладно! Хватит громких слов!
Последний раз тебя прощаю!

Ли:
Проси прощения!

Ку:
Будь готов!

Хун:
Всегда готов вредить Китаю!

Пан:
Я собрала вас, господа,
Чтоб объявить: сегодня — битва.
Сегодня вечером, да-да,
Мы будем выступать открыто.
Собрание в клубе на селе
Проводят, ужин отменяя...
Готовы драться?

Остальные:
Как же нет?!

Пан (достаёт из-за пазухи черные книжки):
Возьмите — к вечеру прочесть
Сей новый метод уклонизма.
А я пойду поспать, поесть (уходит).

Остальные:

Ваньсуй¹¹, о, северная схизма¹²!

Ку (прижимая к поганой груди черную книжульку):

Опять, как заново рожденный,

Пойду в народ вносить разлад!

Ли:

О, счастлив, трижды просвещенный.

Хун:

Который не глядит назад!

Ку и Ли: Дур-рак! Гляди назад, глупец —

Чуть где оступишься — конец!

Ли:

Созрела мысль во мне,

И хитрый план открылся:

Преподнести сюрприз учительнице Пан —

Недавно здесь один дефект женился —

Перевербую!

Ку и Хун: О-о-о! Вот это план!

Ли:

Но чтобы до конца увериться в удаче,

Возьму и вас с собой — в три глотки заорем.

Хун Цзи, за языком следи, мой мальчик!

Не то из-за тебя все трое пропадем.

Враги убегают, ехидно радуясь, визжа и подпрыгивая.

Из-за навозной кучи поднимается Пин Цин. Она все слышала.

Пин:

Ну что ж, любовь останется любовью,

Но оскорбление лучших чувств

Не смыть Хун Цзи своею кровью,

Фонтаном изрыгающей из уст.

---

¹¹ «Ваньсуй» в переводе с китайского означает «десять тысяч лет». На русский может переводиться как «Да здравствует!».

¹² По всей видимости, здесь В. В. Тrepавлов имеет в виду модель строительства коммунизма в Советском Союзе после смерти И. В. Сталина. Новый политический курс советского руководства во главе с Н. С. Хрущевым, направленный на экономическое развитие и сотрудничество с капиталистическими странами, политика «мирного сосуществования» социалистических и капиталистических стран, провозглашенная советским лидером, вызвали недовольство Мао Цзэдуна, который обвинил Хрущева и СССР в ревизионизме.

Но главное не это — Революция!!!
Да как он мог, да как он смел, подлец,
На самое святое замахнуться!
А как учил Учитель и Отец?
— Коль враг окажется свекровью, тещей, братом,
Иль женихом, иль матерью с отцом,
— Коль ты борец за дело Пролетариата,
Разоблачай их на ... и с концом.
О, Председатель! Ты как будто слышал,
Как о Тебе мечтала я на крыше!

Залитая счастливыми слезами, бредет в сторону партачейки доносить на бывшего жениха Хун Цзи — белого агента Цзян Цин и Пан Куок.

Конец 3 действия.

ДЕЙСТВИЕ 4

Рисовое поле. Муж Сяо и жена Дун работают, весело напевая:

Ты копай, копай мотыга —
Ямку за папу, ямку за маму,
А за Председателей Мао и Хуа —
Огромный ров в 40 рё глубиной.

Радостно смеются, обнимаются.

Сяо:
Как сладостен сей отзвук «тхай-пионг»,
Который издает мотыга.
Согласна ты, супруга?

Дун:
Боже мой!
Давай споем еще раз тихо.

Поют:
Тхай-пионг, тхай-пионг,
Вот где счастье земледельца —
Здесь копай и там копай!
Тхай-пионг — пионг-пионг.

Входят три скорпиона.

Ли:
Прекрасный день, почтенные соседи,
Хотелось б с вами переговорить.

Сяо:

Мы рады, но не время для беседы.
Ведь поле ждать не может: рис стоит.

Ли:

Ну, хорошо, работайте спокойно,
Надеюсь, это нам не повредит.
И здесь, на этом воздухе привольном,
О важном деле будем говорить.

Ку:

Узнайте же, счастливые супруги,
Что вас обманом завлекли в беду!

Дун:

Да что ты, батюшка!

Сяо:

Типун тебе, убогий!

Ку:

Тс-с! Тише! Я поближе подойду!
Нам верные источники доносят:
На западе и севере народ
Свободно платья шерстяные носит
И отпуска имеет каждый год.

Ли:

Зарплату каждый нищий получает,
И каждый ее знает наперед.

Хун:

Всегда готовы мы вредит Китаю!

Ли:

Убью! Заткнись, проклятый идиот!

Дун:

Да вы, друзья, отчет себе даете?
Ведь вы слегка ударились в уклон!

Сяо:

И не слегка — вы, что это тут врете?!
Пошли-ка вон, едрит вашу, пардон...

Дун:

А, впрочем, нет — хватай их, муженек,
Сдадим парторгу, пусть их расстреляют.

Хун:

Хватай, мы все равно не выдадим Куок.

Ли и Ку:

Молчи, урод, ну что за бестолочь такая!

Ку:

Супруги знают слишком много —

Ли:

Одна отныне им дорога!

Хладнокровно убивают Сяо и Дун. Свет меркнет. Рабочий день кончился.

ДЕЙСТВИЕ 5

Рабочий и крестьянский клуб заполнен трудящимися. Собрание еще не началось. Ни капли не уставшие земледельцы радостно поют зажигательную песню:

Трудовой закончен день на полях Китая,
Разлеглась ночная тень,
Дрему навевая.
Лишь не спит один парторг — пишет дацзыбао,
Как учил Народный Бог —
Председатель Мао!

На собраньи просидим — не зевнем ни разу,
До конца искореним
Белую заразу.
И, пока глаза глядят, нам собраний мало!
О, ваньсуй, Отец — Солдат
Председатель Мао!

Чжан:

Позвольте, родные крестьяне,
Собрание открытым считать.
Меня вы, конечно, узнали...

Крестьяне:

Отец ты нам вечный и мать!

Чжан:

Нельзя не гореть возмущеньем,
Зубами не скрипнуть нельзя.
Узнайте же: в наше селенье
Забрался противник, друзья!

Громкий рев возмущения. Четные номера выкрикивают цитаты, нечетные поют гимн Народного Китая. Постепенно стихают.

Чжан:

Сегодня во время обеда
Пришла ко мне девушка Пин.
Имели мы с нею беседу
— Вы слышите, дети мои?
И, гневом горя неподдельным,
Поведала девушка нам,
Как стал ренегатом последним
Один из отсталых крестьян.
Сегодня, с утра до обеда,
Считался он ей женихом.
Но девушка, выследив смело,
Пришла с донесеньем в партком.
Геройски она рассказала
О том, как, забравшись в навоз,
Схизматиков банда решала,
Как нужно разрушить колхоз...

Пан:

Постой, Чжан Дуфан почтенный,
Ведь слушать любого нельзя.
А, может, девчонка ревнует
И парня не хочет отдать.

Пин:

Она там над всеми диктует!
Схватить ее, ... вашу мать!

Пан:

Взмолчи и не путай собрание!
Послушайте, братья мои:
Вот это младое создание
Отравлено ядом любви.
Увидев Хун Цзи за навозом
В компании тихой такой,
Она возомнила... Не поздно
Еще объясниться с тобой.
Знай, мы обсуждали за кучей

Цитату под номером «пять»...
Товарищи выступят лучше.

Ли:
Мы рады всю правду сказать.
Действительно, так ведь и было:
Учили цитаты на слух...

Хун:
Но только какие — забыли.

Ку:
Молчи, дефективный лопух!

Народ бросается на изменников и извлекает у них черные книжки.

Пан:
Не допущу самосуда,
Пусть меня закон карает!

Ли и Ку:
Готовы мы!..

Пан:
Готова я!..

Хун:
Всегда везде вредить Китаю!

Народ убивает Пан Куок, Ли Сицина и Ку Ницына — людоедов с очень плохими мыслями. Хун Цзи выходит вперед, вытирая слезы.

Хун:
Не смог понять я весь кошмар
И ужас ревизионизма,
Но революции пожар
Не потушила эта схизма.

Пин:
Признавай свои ошибки, Хун,
И отрекись от заблуждений!

Хун:
Да здоровствует Мао Цзэдун!
Не понял я его свершений.
Спасибо, дорогая Пин,
За то, что в трудную минуту

Со смелой критикою ты
Пошла в партком, а не к кому-то!

Пин:

Меня вела туда любовь,
Зато теперь мы снова вместе!

Хун:

Пускай лилась сегодня кровь,
Но я вернулся вновь к невесте.
Уедем, милая, в Тибет —
Трудом докажем возрожденье!

Пин:

Поедем... Но пощады нет для тех,
Кого грызет сомненье!

Хун:

На веки вечные теперь
От них избавлено селенье!

Чжан:

О, хитрый и опасный зверь
Здесь наше испытал терпенье!
Под Председателя слова
Разоблачили мы шпионов!

Трудящиеся:

Живи в веках, родной Хуа,
Звезда китайских легионов!
Нас не свернуть с пути назад
Изменникам и технократам,
Как заявляет твой доклад
На съезде Партии десятом¹³.
Твои дела, твои слова
Нас окрыляют повсеместно,
Живи в веках, родной Хуа,
Луна и Солнце Поднебесной!
Кипит танец радости и счастья.
Необъятны земные просторы
И повсюду, куда ты не глянь,
Через реки, поля, через горы
Распростерлась Великая Хань.
От Урала до Инда и Ганга
Протянулись границы ее,

---

¹³ Десятый съезд КПК проходил в Пекине в августе 1973 г.

И на всем необъятном пространстве
Повторяется имя одно —
С этим именем трудятся люди
На Ямале и в Тайских лесах,
Человечество с ним да пребудет
В царстве счастья во всех временах.

ХУА ГОФЭН — УЧИТЕЛЬ И ОТЕЦ,
ВЛАСТИТЕЛЬ МЫСЛЕЙ И СЕРДЕЦ!

Занавес.

*Трепавлов В. В. Пролетарская любовь Пин. Рукопись
пьесы // Личный архив Е. М. Главацкой.*

№ 8

Воспоминания Баранова Н.Н.¹⁴ о Трепавлове В. В.

ВАДИК

Мое знакомство с Вадиком Трепавловым состоялось в сентябре 1978 г. Нас, успешно сдавших вступительные экзамены и зачисленных на первый курс исторического факультета, отправили в «абитурный колхоз» — на уборку картофеля с полей Красноуфимского района. Большинство первокурсников — историков оказалось в селе Приданниково¹⁵. Нас с Вадиком приставили к «сортировке» — мы должны были наполнять стандартные джутовые мешки картошкой, которая почти непрерывно сыпалась сверху вниз по транспортерной ленте. Заполненные мешки надо было отгаскивать в сторону. К концу рабочего дня их набиралось изрядно — десятка два. Потом приезжал «крокодил» — бортовой удлиненный грузовик «Зил», и мешки с картошкой грузили в его кузов. Такая конвейерная работа обходилась без особого умственного напряжения, но все же требовала согласованности действий, «сработанности».

Очень быстро мы с Вадиком убедились, что при всех личностных различиях у нас есть много общего. В первую очередь это ироничное отношение к окружающей официальной действительности, да и изрядная доля самоиронии. Выяснилось это просто — чтобы скрасить однообразие трудовых будней мы начали игру — по очереди один из нас по памяти цитировал любимых авторов, а другой должен был назвать произведение. Тут то и выяснилось, что наш круг чтения почти буквально совпадает, и в него входят в первую очередь не классики

¹⁴ Баранов Николай Николаевич, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Уральского федерального университета. Специализируется в области истории Германии нового и новейшего времени, истории немецкого политического либерализма.

¹⁵ Приданниково — деревня в Красноуфимском округе Свердловской области. Расположен на правом берегу реки Уфа в 4 км от административного центра округа — г. Красноуфимск.

школьной программы, а Ильф и Петров, братья Сругацкие, Булгаков и пр. Мы нашли общий язык и в другом отношении. Погода была сырая и холодная, земля под ногами превратилась в грязную жижу, а чтобы поднять тяжелый мешок с картошкой надо было ухватить его за низ, для чего требовалось погрузить руку в грязь по локоть. Вот тогда пришло понимание, какую практическую пользу имеет ненормативная лексика.

Запомнилась оригинальная манера подготовки Вадима к экзаменам. На самые каверзные вопросы он писал «флаги», на экзамен надевал костюм — тройку со множеством карманов, в каждый из них помещал по «флагу», и чтобы не забыть, где что лежит, рисовал схему — себя в костюме, а к каждому карману пририсовывал стрелочку с обозначением экзаменационного вопроса. Такой листочек свободно лежал перед ним на столе во время экзамена, так как ни с какой стороны не мог считаться шпаргалкой.

Некоторые поэтические экспромты Вадима, особенно под впечатлением от чрезвычайно эмоциональных лекций В. Н. Грак¹⁶ по Востоку:

Османская империя:

Мы брели от Каира, наши ноги в пыли.
Груды фруктов, инжира мы, подруги, несли.
Всюду слезы народа, всюду ханский разврат,
И свободы народу не принес танзимат.

Маоистский Китай:

Трудовой закончен день на полях Китая,
Пролегла ночная тень, дрему навевая.
Лишь не спит один парторг,
Пишет дацзыбао,
Как учил народный бог —
Председатель Мао.

Баранов Н. Н. Вадик. Письмо Баранова Н. Н. Мазур Л. Н. // [Электронное письмо]: baranovb1@mail.ru (отправлено 29.10.2023).

---

¹⁶ *Грак Валентина Николаевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и новейшей истории Уральского федерального университета, преподавала в 1968–2009 гг.

№ 9

Воспоминания Земцова В.Н.¹⁷ о Трепавлове В. В.

ВСПОМИНАЯ ВАДИКА

Впервые с Вадиком Трепавловым я встретился в Школе юного историка УрГУ. Несколько нас, восьмиклассников, пришедших из разных школ Свердловска (В. Трепавлов, Н. Баранов, И. Шамов, И. Шеврин, В. Акимов и др.), увлеченных историей и желавших во что бы то ни стало стать историками, а значит, поступить на истфак УрГУ (а это нами тогда воспринималось как высшая степень счастья), были полны решимости преодолеть все преграды на этом непростом пути.

Пожалуй, Вадик был среди нас, как казалось, самым внутренне сосредоточенным. Небольшого роста, крепкого сложения, пытавшийся уже тогда отпустить усы, которые бы свисали по обеим сторонам рта, куривший (тогда это можно было делать в туалете или даже рядом с ним), он был всезнающ, но одновременно сдержан, и с неподражаемым чувством юмора — тоже сдержанным и одновременно саркастическим.

В последний год нашего пребывания в Школе юного историка (мы заканчивали выпускной 10-й класс) надо было написать выпускную работу. В. Трепавлов, конечно же, выбрал тему монголо — татарского нашествия на Русь. Защиты как таковой не было. Но на каждую работу один из преподавателей истфака должен был написать рецензию. Не помню, кто был рецензентом работы Трепавлова, но оценка была исключительно высокой.

Наконец, пришло лето 1978 г, когда мы поступали на истфак УрГУ. Конкурс был жуткий — 8 человек на место. И, как сейчас помню, Вадик всем помогал, обсуждая вопросы по истории. Здесь-то как раз и проявилась в полной мере не только его эрудиция, но исключительно товарищеское, я бы сказал, альтруистическое отношение к тем, с кем он общался. Да, человеческая порядочность была ключевым качеством его личности.

Поступили! Радости не было предела. Однако следующая встреча бывших учеников ШЮИ была не в учебных аудиториях, а в совхозе «Красноуфимский». До сих пор помню шуточки и стишки, которые Вадик, сдержанно улыбаясь и покуривая сигарету, отпускал ранним промозглым утром, когда мы, «абитура», брели на завтрак или «в борозду». Эти шутки и стишки неизменно сочетались с размышлениями о пользе исторической науки и ее «трудных вопросах».

В студенческие годы мои пути с В. Трепавловым пересекались не очень часто, ибо я три года учился на историко — архивном отделении, а перейдя на «чистую» историю, был в другой академической группе. До меня только доходили разговоры об удивительной трудоспособности Вадима и его сосредоточенности на науке. На той науке, которая чужда идеологической и политической конъюнктурщине. Говорили также, что у Вадима великолепная домашняя библиотека, что в те годы (да и сегодня) было далеко не во всех семьях.

¹⁷ *Земцов Владимир Николаевич*, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., доктор исторических наук, профессор и заведующий кафедрой всеобщей истории и методики преподавания исторических дисциплин исторического факультета Уральского государственного педагогического университета, специалист по истории наполеоновских войн и иностранцев в России в 1812 г., а также истории Уэльса в эпоху средневековья.

Наконец, встретились мы с Вадимом в военных лагерях летом 1983 г. Он, как и всегда, стойко переносил тяготы армейской жизни. Впереди ему предстоял год работы в одной из свердловских школ, а затем поступление в аспирантуру Института истории СССР в Москве. Время от времени до нас в Свердловск (Екатеринбург) доходили известия об успехах В. В. Трепавлова. Некоторые из моих сокурсников бывали с ним в экспедициях, встречались на конференциях. Мы знали о том, что Вадим Винцерович стал ведущим в стране тюркологом, о его статьях и книгах, посвященных Ногайской Орде, о защите в 2002 г. докторской диссертации. Последний раз я встретился с В. В. Трепавловым, когда он приехал в Екатеринбург на защиту диссертации Е. М. Главацкой¹⁸. Тепло поболтали. Он спросил, что у меня за значок на лацкане пиджака и хорошо отозвался о моей статье, которую обсуждали в редакции журнала «Российская история».

Вспоминаю Вадика. Его верность науке, настоящей, не конъюнктурной, вспоминаю его порядочность и доброжелательность, его шутки, помогавшие ему, да и всем нам, избравшим непростой путь служения науке.

Земцов В. Н. Вспоминая Вадика. Письмо Земцова В. Н. Мазур Л. Н. // [Электронное письмо]: vladimirzemtsov@yandex.ru (отправлено 24.10.2023).

№ 10

Воспоминания Зыкова А.П.¹⁹ о Трепавлове В. В.

ПАМЯТИ В. В. ТРЕПАВЛОВА

Вадим Трепавлов был самым выдающимся из числа выпускников нашего курса выпуска 1983 г. исторического факультета Уральского государственного университета г. Свердловска. Хотя, пожалуй, наш курс был одним из весьма успешных по результатам: 7 докторов исторических наук, около десятка кандидатов исторических наук, очень многие из наших однокашников уже внесли свой существенный вклад в развитие отечественной истории, археологии и этнографии. Но из всех нас, без сомнения, самой выдающийся величиной был и навсегда останется блестящий талантливый учёный, крупнейший специалист по средневековой истории тюркоязычных и монгольязычных народов Северной Евразии В. В. Трепавлов.

Казалось бы, ничего не предвещало юному Вадиму Трепавлову такой звёздной научной карьеры. Он родился, вырос и закончил среднюю школу в самом

---

¹⁸ Защита диссертации Е. М. Главацкой «Религиозные традиции хантов и их изменения в XVII–XX вв.» на соискание ученой степени доктора исторических наук состоялась 30 июня 2006 г. на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Уральском государственном университете им. А. М. Горького.

¹⁹ *Зыков Алексей Павлович*, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра археологии эпохи металла Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Специализируется в области чёрной металлургии и металлообработки, военного дела и фортификация народов Урала и Западной Сибири от конца раннего железного века до начала Нового времени.

южном окраинном рабочем районе Химмаш тогда ещё почти закрытого города Свердловска. После окончания школы он в 1978 г. поступил на исторический факультет УрГУ им. М. Горького. Здесь мы и познакомились, и дружили все пять лет обучения. Не скажу, что я входил в тесный круг закадычных друзей Вадика. Наиболее близкими друзьями Вадика стали наши однокурсники: Андрей Санников²⁰, Евгений Вершинин²¹, Андрей Логиновских, Гера Визгалов²². Я же более тяготел к однокурсникам, специализирующимся по археологии Урала и Западной Сибири, а самые дружеские отношения у меня сложились с товарищами по общежитию, с которыми связывала не только учёба, но и общий быт, досуг, совместное проживание, мы просто проводили больше времени рядом друг с другом. Но с компанией друзей Вадика Трепавлова я всегда поддерживал уважительные приятельские отношения, мы много говорили, спорили, -что-то доказывали друг другу, нам было интересно наше общение.

Как бы жизнь не разводила нас, дружба юности оказывалась самой крепкой, и студенческие друзья поддерживали своих до конца. По-разному сложились и судьбы Вадика и его друзей. Андрей Логиновских стал офицером, прошёл две Чеченские вой-ны, стал Кавалером двух Орденов мужества, сейчас вышел в отставку. Андрей Санников не занимается наукой, работает в сфере средств массовой информации. Учёными стали Вадик, Жена и Гера. Георгий Петрович Визгалов — археолог, изучает север Западной Сибири, кандидат исторических наук. Евгений Вершинин занимался историей XVII в., стал кандидатом исторических наук. Но талантливый Евгений, к огромному сожалению, не смог преодолеть свою слабость, начал пить, был уволен с работы, но и это не остановило... Друзья студенческих лет Вадим Трепавлов и Георгий Визгалов помогали ему, как могли: предлагали работу, переводили деньги. Вадим понимал, что это бесполезно, друга не спасти, но продолжал поддерживать: слушал его жалобы на судьбу в любое время суток, переводил деньги. В 2022 г. готовился к изданию многотомник «Академической истории Югры»²³, и Евгений должен был написать текст по истории русских городов Берёзово и Сургута для IV тома, редактором которого являлся В. В. Трепавлов. Е. Вершинин уже был не способен, как раньше писать лёгкие, яркие, интересные тексты, и вскоре он скончался. Вадим в память о своём друге собрал его оставшиеся материалы, переписал, отредактировал. Сам Вадим Винцерович в это время уже был неизлечимо болен... Это поступок настоящего Человека и Друга. Только когда главный редактор IV тома В. В. Трепавлов полностью подготовил свой том, он лёг в больницу, откуда уже не вышел... Это научный подвиг настоящего Учёного.

²⁰ Санников Андрей Юрьевич, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1985 г., научная специализация — история старообрядчества. Участвовал в археологических (Новгород, Тува, Сибирь) и археографических (Урал, Сибирь) экспедициях. Поэт, педагог и журналист.

²¹ Вершинин Евгений Владимирович, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., кандидат исторических наук, специализировался на истории русского освоения Урала и Сибири в XVI—XVII вв.

²² Визгалов Георгий Петрович, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник БУ ВО «Сургутский государственный университет», специализируется на истории освоения Севера Сибири Московским государством и Российской империей.

²³ В 2024 г. издание успешно завершилось. См.: Академическая история Югры. В 8 т. Под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. (Ред.)

В годы учёбы в университете у меня с Вадиком были ровные, очень хорошие отношения. На I–III курсах я вёл очень подробные, почти дословные конспекты лекций разборчивым старательным почерком, и Вадик часто пользовался моими конспектами, сам он почти не конспектировал лекции, просто внимательно слушал. Вадик был весьма своеобразным студентом: легко, казалось бы, без усилий сдавал на отлично экзамены по предметам, которые ему были интересны, а те, что для него не представляли интерес — с трудом сдавал на удовлетворительно. В период студенчества меня, крайне неспособного к изучению иностранных языков, очень поражала в Вадике та лёгкость, с которой он постигал иностранные языки. Кроме английского, обязательного для курса, Вадик самостоятельно изучил французский и немецкий до уровня «читаю и перевожу со словарём», овладел разговорным татарским и монгольским, выучил несколько сотен китайских иероглифов. Монгольский язык он изучал у монголов, студентов из МНР, которые тогда учились на истфаке и филфаке УрГУ. А вот китайский язык учить было не с кем — китайцев тогда в Свердловске не было. Позже, уже после окончания учёбы в университете, Вадик так же самостоятельно изучил турецкий, фарси, арабский, итальянский, китайский. И мы все не понимали, зачем эти трудности, для чего учить китайский!? Мы не понимали... А Вадик упорно двигался к своей заветной цели — изучать историю Монгольской империи по комплексам письменных источников. По прошествии лет я понимаю, что должен был догадаться о главной цели Вадима — ведь курсовые и дипломную работы он писал по теме истории Монгольской империи от её создания при Чингиз-хане в XIII в. до распада в XIV в. при поздних Чингизидах. А я только понимал, что в Свердловске учиться по выбранной Вадимом тематике не у кого, архивов с письменными источниками нет, и всё весьма проблематично. Но Вадик стал самоучкой, начал сам разбираться в такой сложной тематике. Хотя научным руководителем Вадима была археолог Бронислава Борисовна Овчинникова. Нужно отметить, что Вадик через всю жизнь пронёс благодарность к Б. Б. Овчинниковой, никогда не забывал, что именно она была его руководителем, пусть и номинальным.

Университет Вадик закончил, получил диплом с интересным набором оценок: отлично и хорошо по любимым предметам и удовлетворительно по многим остальным, необязательным по его мнению. К диплому в те времена прилагалось обязательное распределение. Вадик получил работу в Свердловске, в спецшколе для детей с задержкой в развитии. Казалось бы, какая наука, Монгольская империя, и всё прочие. Нужно три года отдать детям с диагнозом задержка развития. Но Вадик продолжил изучать языки, занимался интересующей его темой, и через два года смог поступить в аспирантуру Института российской истории АН СССР в Москве. По окончании аспирантуры Вадим успешно защитил диссертацию кандидата исторических наук по своей избранной тематике.

Для того, чтобы остаться работать в Москве нужно было решить пресловутый квартирный вопрос: необходимо иметь регистрацию, как тогда говорили, прописку, и жильё. Мама Вадима самоотверженно занялась обменом своей квартиры на маленький домик в ближнем Подмосковье. Поэтому Вадик в 1988 г. вернулся в Свердловск, устроился на короткий срок в Отдел истории Института экономики УрО АН СССР, где я тогда работал. Именно в 1988 г. Гера Визгалов уговорил меня заняться раскопками городища Искер близ Тобольска, и Вадик приехал ко мне на раскопки на один день. Признаться, археологические раскопки

не произвели на него особого впечатления, человек привык работать с другими источниками. Кто бы тогда мог знать, что эта кратковременная поездка сделает нас соавторами монографии.

Наши пути с Вадимом опять разошлись: он переехал в почти Москву, делал успешную научную карьеру, написал и издал много статей и монографий, я продолжал работать в Свердловске, чуть позже ставшим Екатеринбургом, занимаясь изучением археологии Западной Сибири. Позже, в 1993 г., я снова провёл археологические раскопки Искера. Но весь материал по этому уникальному памятнику оставался неопубликованным. И вот в 2008 г. мы снова встретились с Вадимом Винцеровичем и договорились обработать и опубликовать материалы по Искеру. Именно В. В. Трепавлов добился выделения двух грантов, исследовательского и издательского, он же выполнял функции координатора и редактора. В результате нашей совместной работы появилась коллективная монография²⁴. В трудоёмком процессе создания этой монографии я ещё больше проникся уважением к Вадиму. В полной мере оценил его качества как редактора: принципиальность, внимание к мелочам, требовательность, настойчивость. И в то же время Вадик раскрывался как человек: очень вежливый, трудолюбивый, скромный, даже застенчивый и деликатный. Я очень горд тем, что работал с Вадимом, особенно мне приятно, что Вадик признал важность археологии, увидел, как из предметов выстраивается история целого города.

В моём телефоне остался номер «Вадик Трепавлов» — не могу удалить, пусть будет... Большой учёный, хороший товарищ, светлый человек.

Зыков А. П. Памяти В. В. Трепавлова. Письмо Зыкова А. П. Главацкой Е. М. // [Электронное письмо]: a.p.zykov@mail.ru (отправлено 23.10.2023).

№ 11

Воспоминания Логиновских А.А.²⁵ о Трепавлове В. В.

МОЙ ДРУГ ВАДИМ

Один из моих близких друзей на историческом факультете был Вадим Трепавлов. Он был увлечен историей монголов и в целом тюрков. Его энтузиазм и знания по этой теме были просто потрясающими. С самого начала мы часто проводили время вместе, обсуждая исторические факты и теории, и его страсть к изучению прошлого всегда была заразительной. Он говорил, что изначально еще в детстве на него оказала огромное влияние трилогия В. Яна «Чингиз хан», «Батый», «К последнему морю». С тех пор монголы, а потом и все тюркские народы, их история стали главной темой его исследовательской деятельности. В студенчестве он просто бредил этой тематикой.

²⁴ *Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В.* Город Сибирь — городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Изд-во «Наука — Восточная литература», 2017. 559 с.

²⁵ Логиновских Андрей Альбертович, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., научная специализация — новая и новейшая история стран Запада, участник Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1980, 1981 и 1982 гг., майор запаса, ветеран боевых действий, преподаватель Ейского полипрофильного колледжа.

Особенно запоминающимся моментом в нашей дружбе с Вадимом были наши археологические экспедиции в Туву под руководством нашего многоуважаемого преподавателя Брониславы Борисовны Овчинниковой. Мы отправлялись в отдаленные регионы этого уникального места, исследуя древние захоронения, линию укреплений («тропу Чингиз хана») вдоль высокого берега Енисея (Улуг Хема) и находя останки гуннов, тюркских и монгольских племен. Вадим был прекрасным «пахарем» и отличным исследователем, осуществляя уникальные находки. Благодаря его стремлению к познаниям далекого прошлого этого региона, мы, другие члены СТАЭ²⁶ тоже получали уникальную информацию как из археологических источников, так и из этнографических. С Вадимом посещали стойбища местных тувинцев — пастухов, были в гостях на почетном месте в юрте. Отведывали местные изыски из баранины и говядины, запивая араки²⁷ (местной молочной водкой). А потом счастливые и пресыщенные деликатесами и впечатлениями, возвращались на конях и верблюдах в свой лагерь. Последняя экспедиция в Туву была летом и в начале осени 1982 г. Бронислава Борисовна тогда не смогла с нами поехать. Там оставалось сделать последние штрихи на нашем раскопе, но завершить работу было крайне необходимо, т. к. этот участок попадал в зону затопления Саяно — Шушенской ГЭС. Поэтому старшим нашей команды был назначен Вадим. Работали мы на базе лагеря ленинградцев из ЛГУ, под руководством профессора Мандельштама²⁸. За то, что мы им помогли на раскопе просто за питание, нам было разрешено на три дня отлучиться на свой старый могильник и завершить там работы. Было предоставлено все необходимое: транспорт, снаряжение, пищевое довольствие. Таким образом, под руководством Вадима Винцеровича задача была успешно выполнена. Но при этом, находясь в лагере ленинградцев, произошел курьезный случай. Была в лагере банька для археологов. Очень актуальный объект. Можно конечно было помыться и в реке, но баня есть баня, тем более, что экспедиция работала до холодов, а это хоть южная, но Сибирь. В воскресный выходной день мы с Вадимом затопили баньку, решив попариться. Но тут группа археологов собралась на водопады. Забыв про баню, а из трубы уже шел плотный дым, мы тоже присоединились к экскурсантам. На водопадах отдохнули хорошо, налюбовались местными красотами, и тут за нами пришла машина. Водитель подозрительно напевал песенку Высоцкого «Истопи ты мне баньку...»²⁹. Я понял, что нам кранты. Когда приехали в лагерь, на месте бани были обугленные бревна. Предстали мы с Вадиком пред взором Мандельштама, были хорошо отутюжены и посланы на восстановительные

²⁶ Саяно-Тувинская археологическая экспедиция Ленинградского Отделения Института Археологии Академии наук СССР в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.

²⁷ Арака, или арага — молочная водка, национальный напиток тувинцев. Для ее приготовления используют самогонный аппарат, называемый шууруун. Он представляет собой ствол тополя с удаленной сердцевиной, закрепленный с помощью камней прямо в посудине, сверху — сосуд с холодной водой, который служит конденсатором алкоголя. Во время кипения напиток, называемый шимиарагазы, вытекает из шуурууна по специальному желобу. Алкоголя там немного — примерно 20%. Чтобы получить более крепкую водку, ее перегоняют вторично и доводят до 70–80 градусов крепости. Такая водка называется «дан», в переводе на русский — «заря».

²⁸ Мандельштам Анатолий Максимилианович (1920–1983), советский историк-востоковед, археолог, доктор исторических наук.

²⁹ Имеется ввиду песня В. В. Высоцкого «Банька по белому» по одноименному стихотворению 1968 г.

работы. Правда, восстановить сгоревший объект не удалось. Так, совершенно не преднамеренно, мы оставили питерских один на один с уже прохладной рекой. Честное слово мы не хотели этого и глубоко сожалели.

Со временем Вадим стал известным ученым историком. Его многие работы посвящены истории тюркских и монгольских народов, и он стал признанным экспертом в этой области. Его монографии были опубликованы и переведены на несколько языков, и его исследования стали важным подспорьем для многих исследователей.

В итоге, Вадим стал членом-корреспондентом Российской академии наук. Это было огромным признанием его работы и труда. Его статус позволял ему взаимодействовать с другими учеными и наладить множество контактов в академическом мире.

Я чрезвычайно горжусь тем, что мог наблюдать его путь научного развития и успехов. Вадим всегда был скромным и сосредоточенным на своей работе, и его достижения в исторической науке доказывают его талант и преданность своему делу.

Все воспоминания о нашем с Вадимом времени на историческом факультете, археологических экспедициях и его превращении в известного ученого историка останутся навсегда со мной. Я благодарен ему за то, что он был не только прекрасным другом, но и вдохновением для меня и для всех, кто знал его.

Логиновских А. А. Мой друг Вадим. Письмо Логиновских А. А. Мазур Л. Н. // [Электронное письмо]: leto_more_eisk@mail.ru (отправлено 29.10.2023).

№ 12

Воспоминания Мазур О.А.³⁰ о Трепавлове В. В.

ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1979 Г.

Ура! Мы попали в группу археологической разведки Тувинской археологической экспедиции (отдельное историческое мерси Брониславе Борисовне Овчинниковой). Попастъ туда первокурснику на археологическую практику большая удача, а нас зеленых и романтично настроенных было четверо, Вадик Трепавлов (потому что умница), Женька Вершинин (умел рисовать), я — Олег Мазур (фотограф-любитель с 4 класса школы) и Андрей Санников. Было еще несколько девочек со старших курсов, парень — старшекурсник родом из Тувы (уже ветераны ТУВАЭ).

Вадик, Женька и я тщательно готовились. Экспедиция в дикие места! Отсутствие цивилизации! Змеи, пауки, жара. Первым делом трое романтиков купили себе мексиканские сомбреро, чтобы спастъся от солнца (нами, в широчайших одинаковых шляпах, потом ехидно любовались тувинцы), спальники, я добыл кошму. Запаслись сигаретами, сгущенкой (большой дефицит!), лекарствами от поноса, лейкопластырями. И ждали с нетерпением

³⁰ Мазур Олег Анатольевич, окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г., участник Саяно-Тувинской археологической экспедиции в 1979, 1980 гг., специалист по политическим технологиям.

Трепавлов В. Тувинская археологическая экспедиция. 1979 г.

самолет. Наконец мы вылетели в Кызыл! Сели. Испепеляющая жара (доходило в степи до + 47 °С в тени!).

Много вещей на каждого: рюкзак, спальник, экспедиционные большие палатки, экспедиционное имущество. На девочек не нагрузишь. Обливаемся потом после прохладного Урала, перетаскиваем частями и рывками вещи. Девочки караулят. Тувинцы любят нас, похожими на грибочки в мексиканских шляпах или на трех Незнаек сразу. Говорят они по-своему. Мы понимаем только знакомые идиоматические выражения (матерятся по-нашему, своеобразный азиатский «матерный эсперанто»). Вадик сразу стал учить и запоминать тувинские слова. Более того, для чтобы выглядеть в общественном транспорте солиднее, решили говорить между собой по-английски. Автобус потрясенно замолчал. Так и доехали до базы археологической в тишине, с английской речью трех Незнаек. Примечательно, там же в автобусе мы услышали местное горловое пение. Приехали, а базы нет. Развалины, идет социалистическая стройка на ее месте, с бурным матерным сопровождением производственного процесса, перемежающимися редкими и непонятными тувинскими словами.

Куда ехать, кто нас с имуществом повезет — никому неизвестно, где новая база тоже. Легли на травку газона у проезжей части одной из центральных улиц, подложили под спину палатки, спальники. Лежим, в шляпах, живописные, остываем. Через полчаса к нам прибилась любопытная местная девушка, тувинка, как в песне: «Откуда вы, кто вы, на что вы готовы?». Мы вступили в оживленную беседу, объяснили, что мы не местные и ночевать нам негде. Но археологи! В раз-

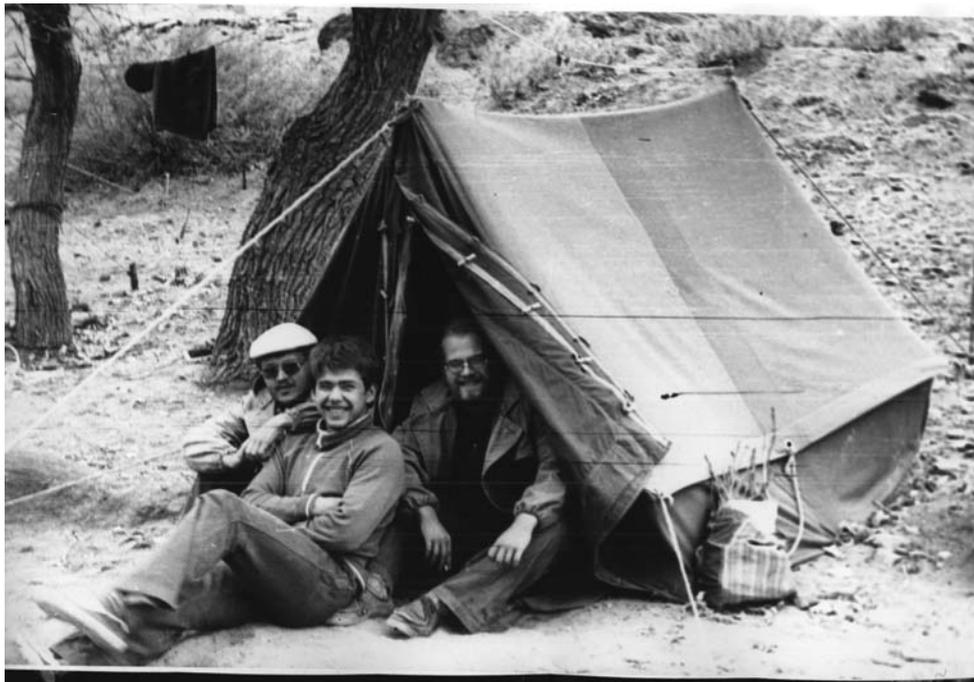

Трепавлов В. с однокурсниками.
Тувинская археологическая экспедиция. 1979 г.

ведке! Оказалось, что девушка дочка местного министра культуры³¹, родителей дома нет и можно переночевать у нее на полу в квартире. Согласились. Утащили вещи к ней и сладко выспались на ковре в большой комнате. Уложившись по принципу — «шпротам не тесно!».

Утром нашли адрес основной экспедиции, сели в автобус, доехали до конечной остановки и переходами добрались до поста ГАИ. Пост был фундаментально загажен и использовался как общественный туалет. Гаишник скромно стоял (дежурил с палочкой) с наветренной стороны.

³¹ Имеется ввиду Хомушку Матпа Самбуевич (1931–1994), министр культуры Тувинской АССР в 1963–1981 гг. Дочери М. С. Хомушту — Галина и Ольга. (Ред.).

Тувинская археологическая экспедиция. 1981 г. Палаточный лагерь.
Логиновских А., Татаркин А., Трепавлов В.

Глядя на наши шляпы спел ту же песню: «Откуда вы, кто вы, на что вы готовы?». После чего ошеломил нас фразой: «Ребята, а вы знаете, что Советской власти в Туве нет?» А ведь это 1979 г.

Посадил нас большой грузовик с мешками с цементом, так мы на этих мешках 200 км и проехали, держась за воздух, обсуждая с Вадиком и Женькой меняющиеся краски Тувы, ее дичайшую красоту. Так мы к ночи доехали до автобазы в Шагонаре³². А нам надо в Старый Чаахоль³³... (Какие поэтические названия).

На автобазе к ночи только сторож, тувинец, с лицом китайского народного сказителя, с тонкой бородой — кисточкой, большим закопчённым медным чайником. Он разрешил переночевать у него в ногах. Мы так и легли на палатках, в его ногах. По-русски он почти не говорил, что-то пел свое всю ночь и хлюпал горячий зеленый чай с верблюжьим молоком и жиром. Кое-как уснули. А утром

³² Шагонар (тув. Шагаан-Арыг) — город в Республике Тыва. Расположен в пределах Тувинской котловины, на левом берегу Енисея (местное название — Улуг-Хем), в 115 км к западу от Кызыла.

³³ Чаа-Холь (тув. Чаа-Хөл) — село, административный центр Чаа-Хольского кожууна Республики Тыва. Возник в 1887 г. под названием Джакуль. Долгое время (до возникновения Белоцарска) был важнейшим торговым центром Урянхайского края. В 1941–1961 гг. Чаа-Холь был центром Чаа-Хольского кожууна. В ходе наполнения Саяно-Шушенского водохранилища Чаа-Холь попал в зону затопления и был перенесён на новое место.

ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.
1981 г. НА РАСКОПЕ.

ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.
1981 г. ПЕРЕРЫВ НА РАСКОПЕ

мимо нас пошли люди на работу. Добыли попутку, добрались до горной речки Чаахольки³⁴, переправились сами и оборудование. Очумели от контраста: снаружи +45 °С, температура воды +5 °С, камни, скользко, от холода ноги сводит.

И вот мы в лагере. Гора, речка, кусты, лагерь Ленинградского Отделения Института Археологии РАН СССР. Их 70 человек. Нас, археологов из УрГУ 7 человек, из них молодых, зеленых — четверо. По-братски поделили дежурства по кухне — день дежурный от ленинградцев, день от нас. Потому у нас клевая перспектива раз в 4 дня вставать в 4 утра и весь день отмывать посуду, искать дрова, топить печь на 80 человек. Отмывать кухонные бачки и алюминиевую посуду, кружки без горячей воды в холодной горной речке с песком — то еще удовольствие. Научились. Приспособились. Так же, как и ходить в туалет вдвоем, с фонариком, чтобы на гадюку или щитомордника не наступить в темноте.

Так же, как и мылись в первый раз, с Вадиком с дороги. Я прихватил пару бутылок 70% кубинского рома. Опрокидываешь 50 граммов, выскочил как ошпаренный, намылится — бултых в речку, выскочил, опрокинул еще 50 граммов, согрелся, закурил. Потом стали читать стихи и сочинять про таинственный окружающий дикий мир Тувы. Это была настоящая экспедиция.

Местные ребята, нанятые ленинградцами, научили нас складывать холодильник из камней на горной речке, стрелять из лука, научили нас тувинским словам. По вечерам мы любовались огромным, потрясающе звездным небом, падающими метеоритами. Лезли на горы и смотрели на постоянно меняющийся ландшафт степной Азии. Редкие облака, давали причудливые тени, картинка постоянно менялась. И прошли два месяца настоящей археологической экспедиции.

³⁴ Чаа-Холь — река в России, протекает по территории Улуг-Хемского и Чаа-Хольского кожуунов Тувы. Общая протяжённость реки составляет 90 км.

ТУВИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. 1981 г. Участники экспедиции

Дорога к раскопу — 3 км, по узкой тропе вдоль кустов, а на тропу выползают погреться гадюки и щитомордники, так и шастают между ногами, палящее солнце, скифские и гуннские каменные курганы, которые мы аккуратно разбирали, первые могильные пятна, первые костяки и их расчистка в раскорячку. Солнечные ожоги, полдник с вкуснейшим сладким чаем (30 литровый армейский термос ставили охлаждаться в горную речку). Братские бутерброды с кабачковой икрой. Горячий чай в жару, лучшее средство от жары. Очумелый негритянский загар.

Добрые тувинцы, с которыми мы пили в честь дружбы горячую водку, неосторожно оставленную в палатке на день при 45 °С жаре, предложили запить горячую водку тувинским чаем (горячий зеленый чай с верблюжьим молоком и жиром). Запили с Вадиком, подавили рвотный рефлекс и нежно сказали, отдышавшись: «Очень хороший чай, хорошо жажду утоляет. Вообще, после него с водкой ничего не хочется. Даже жить!»

И была наша разведка на «Тропе Чингисхана», которая тянулась с XII в., на 200 км вдоль верховьев необузданного широкого Енисея. То ли дорога, построенная для сына Угэдэя, то ли стена, то ли и то и другое. Петроглифы эпохи бронзового века вдоль тропы. Это было потрясающе. Сейчас, после запуска ГЭС, это все это находится на дне водохранилища.

В итоге мы пробыли в Тувинской экспедиции 1979 г. два месяца и встречали вновь прибывших бледных свердловчан загоревшими ветеранами. Потом был День Экспедиций. И мы с Вадиком на сцене дули в бутылку, издавая загадочные

ТРЕПАВЛОВ В. В. и ГЛОВАЦКАЯ Е. М. 1981 г.

звуки, и монотонно чеканили дуэтом буддистскую молитву «Ом Мане Падме Хум». И вызывали фурор.

Вадик ездил в Туву еще несколько раз, все годы учебы на родном истфаке. Именно там, в дикой, настоящей Туве и пришла к Вадиду любовь к таинственному и непостоянному Востоку, Вечному Востоку.

Мне удалось побывать в Туве еще в 1980 г. и месяц работать с Брониславой Борисовной Овчинниковой (и опять ей гран мерси!) в Олимпиаду-80 в Великом Новгороде, на Троицком раскопе³⁵. Берестяные грамоты, академик Янин³⁶, рассказывающий о «бытовой» находке XII в. — засушенный клоп в щели дома и т. п.

Мазур О. А. Тувинская археологическая экспедиция 1979 г. Письмо Мазур О. А. Мазур Л. Н. // [Электронное письмо]: olmaz@list.ru (отправлено 26.10.2023).

³⁵ Троицкий раскоп — место археологических изысканий в Великом Новгороде. Находится на территории исторического Людина конца, у начала Троицкой-Пробойной улицы. Своё название получил по имени рядом стоящей церкви Троицы.

³⁶ *Янин Валентин Лаврентьевич* (1929–2020), советский и российский историк, археолог, доктор исторических наук, академик АН СССР, начальник Новгородской археологической экспедиции (1962–2020).

№ 13

Выписка из зачетной ведомости студента Уральского университета
Трепавлова В. В. 1983 г.

ВЫПИСКА ИЗ ЗАЧЕТНОЙ ВЕДОМОСТИ

Трепавлов Вадим Винцерович

За время пребывания в Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени А.М. Горького с 1978 по 1983 г. сдал зачеты и экзамены по специальности «История» по следующим дисциплинам:

1. История КПСС отлично
2. Марксистско — ленинская философия отлично
3. Политическая экономия отлично
4. История религии и атеизма отлично
5. Советское право зачтено
6. Логика зачтено
7. Введение в специальность зачтено
8. История философии отлично
9. Психология отлично
10. Педагогика хорошо
11. Методика преподавания истории и обществоведения зачтено
12. Латинский язык отлично
13. Английский язык отлично
14. Основы археологии отлично
15. Основы этнографии отлично
16. История первобытного общества отлично
17. История древнего мира отлично
18. История средних веков хорошо
19. История СССР отлично
20. История нового и новейшего времени хорошо
21. История стран Азии и Африки хорошо
22. История южных и западных славян отлично
23. Источниковедение СССР отлично
24. Историография истории СССР отлично
24. Хронология зачтено
26. Историческая библиография зачтено
27. История Урала отлично
28. Древнерусский язык зачтено
29. Архивоведение зачтено
30. Дисциплины специализации
  1. Спецкурс отлично
  2. Спецкурс отлично
  3. Спецкурс зачтено
  4. Спецкурс зачтено
  5. Спецсеминар зачтено
  6. Спецсеминар зачтено
  7. Спецсеминар зачтено

Трепавлов В. на экзамене по психологии. 1982 г.

31. Физическое воспитание зачтено
32. Курсовая работа за 1 курс отлично
33. Курсовая работа за 2 курс отлично
34. Курсовая работа за 3 курс отлично
35. Курсовая работа за 4 курс отлично
36. Археологическая практика зачтено
37. Музейно — экскурсионная практика зачтено
38. Педагогическая практика отлично
39. Преддипломная практика зачтено

Тов. Трепавлов Вадим Винцерович защитил дипломную работу на тему: «Государственная традиция у монголов (XIII в.)» с оценкой «отлично» и сдал государственные экзамены:

1. История КПСС отлично
2. Научный коммунизм отлично

Ректор Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького профессор — доктор Суетин П. Е.³⁷. /Подпись/
Декан исторического факультета, к. и. н., доцент Шихов В. И. /Подпись/

Архив УрФУ. Личное дело Трепавлова Вадима Винцеровича. Л. 9–9 об.

³⁷ Суетин Паригорий Евстафьевич (1926–2003), советский учёный, физик. С 1976 по 1993 г. ректор Уральского государственного университета имени А. М. Горького.

Трепавлов В. и Логиновских А. Тувинская археологическая экспедиция. 1982 г.

Трепавлов В. с однокурсниками на речном причале.
Тувинская археологическая экспедиция. 1982 г.

Тrepавлов В. с однокурсником.
Тувинская археологическая экспедиция. 1982 г.

Тrepавлов В. и Визгалов Г. на сборах в день принятия присяги. 1983 г.

Дроздов К.С., Рахаев Ж.Я.

Неопубликованное научное наследие члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук В.В. Трепавлова

Аннотация. Публикация посвящена памяти выдающего российского историка Вадима Винцеровича Трепавлова (1960–2023). В научный оборот впервые вводятся уникальные документальные материалы из личного архива В.В. Трепавлова и научного архива ИРИ РАН, касающиеся научной биографии ученого: от поступления его в аспирантуру Института истории СССР в 1984 г. до защиты докторской диссертации в Институте российской истории РАН в 2002 г.

Ключевые слова: Трепавлов В.В., Институт истории СССР, Институт российской истории РАН.

Drozhdov K.S., Rakhaev J. Ya.

UNPUBLISHED SCIENTIFIC HERITAGE OF CORRESPONDING MEMBER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES V.V. TREPAVLOV

Annotation. The publication is dedicated to the memory of the outstanding Russian historian Vadim Vintserovich Trepavlov (1960–2023). For the first time, unique documentary materials from the personal archive of V.V. Trepavlov and the scientific archive of the IRI RAS concerning the scientific biography of the scientist are introduced into scientific circulation: from his admission to the graduate school of the Institute of History of the USSR in 1984 to the defense of his doctoral dissertation at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences in 2002.

Keywords: Trepavlov V.V., Institute of History of the USSR, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Вадим Винцерович Трепавлов родился в 1960 г. в Свердловске (ныне Екатеринбург) в семье служащих – инженера Винцера Анатольевича Трепавлова (1934–1993) и инженера-химика Евгении Петровны Трепавловой, урождённой Семёновой (род. 1934). Еще со школьных лет он увлекся историей кочевых народов средневековой Евразии. Школу он закончил с твердым намерением стать профессиональным историком.

Во время учебы на историческом факультете Уральского государственного университета им. А.М. Горького (УрГУ) Вадим Винцерович нашел поддержку

и понимание его давнего увлечения Монгольской империей и Золотой Ордой у своего первого научного руководителя — преподавателя тогдашней кафедры истории СССР досоветского периода Брониславы Борисовны Овчинниковой¹. Она не только направляла его изыскания во время подготовки курсовых и дипломной работ, но и открыла начинающему историку-студенту реальный мир азиатских степей. В течение всего обучения в университете с наступлением лета В.В. Трепавлов отправлялся в составе руководимой Б.Б. Овчинниковой Саяно-Тувинской археологической экспедиции УрГУ в Туву, на раскопки памятников, оставленных древними кочевниками.

В 1983 г. он с отличием закончил истфак, и после года работы школьным учителем в Свердловске, в ноябре 1984 г., по представлению Института экономики Уральского отделения АН СССР, поступил в целевую очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР. Обучение там и подготовка диссертации проходили под руководством заведующего Отделом общих проблем истории народов СССР, члена-корреспондента АН Туркмении Сергея Григорьевича Агаджанова². Он поддержал идею своего аспиранта о написании работы, посвященной исторической преемственности кочевых империй Средневековья³, что нашло отражение в подготовленном ими обосновании темы диссертации. Работа «будет базироваться на опубликованных и содержащихся в архивах монгольских, древнетюркских и среднеазиатских источниках, в том числе введенных в научный оборот в последние годы, но не подвергавшихся достаточному исследованию. Во время завоевательных войн, в ходе организации управления покоренными территориями монгольские феодалы воспринимали традиции государственности подвластных им народов. Эти традиции можно рассмотреть по крайней мере в трех аспектах: а) традиции построения империи; б) традиции объединения кочевников в империю; в) искусственные генеалогические построения как идеологическое обоснование законности династии. Вероятно, каждому из этих пунктов будет отведена особая глава диссертации. Раскрытие действия традиций будет предваряться специальными разделами о специфической природе государственной преемственности и об особенностях ее движения, в частности о путях проникновения различных элементов государственности народов, указанных выше регионов, в среду монголов»⁴. Уже в ноябре 1986 г. В.В. Трепавлов досрочно представил научному руководителю первый вариант текста диссертации. В течение следующего года шла доработка рукописи в соответствии с высказанными замечаниями и предложениями.

В ноябре 1987 г. В.В. Трепавлов завершил обучение в аспирантуре и вернулся в Свердловск. В декабре 1987 г. он был принят младшим научным сотрудником Института экономики Уральского отделения АН СССР, где работал до марта 1988 г.

---

¹ *Овчинникова Бронислава Борисовна* (род. 1941), к.и.н., профессор Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина

² *Агаджанов Сергей Григорьевич* (1928–1997), д.и.н., член-корреспондент АН Туркменистана, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.

³ Некоторые наработки по теме диссертационного исследования были сделаны В.В. Трепавловым уже в университетском дипломном сочинении «Государственная традиция у монголов (XIII в.)».

⁴ См. документ № 9 приложения к настоящей статье.

В январе 1988 г. в Институте истории СССР Вадим Винцерович защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.». Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР подготовило внешний отзыв на диссертацию. Официальными оппонентами были: член-корр. АН СССР, д. и. н., директор Института истории СССР А. П. Новосельцев⁵ и к. и. н. Д. Д. Васильев⁶.

В автореферате, обобщая выводы исследования, В. В. Трепавлов писал, что «Монгольская государственность несомненно развивалась на своей собственной основе и явилась плодом развития общественных отношений в Центральной Азии в XII — начале XIII вв. Но ее форма, в отличие от содержания, была традиционной, т. е. существовала в виде институтов, уже «изобретенных» и апробированных в кочевых державах раннего средневековья. Наиболее заметное влияние на нее оказали древнетюркские и идентичный им в административном плане уйгурские каганаты VI—IX вв. Однако в большинстве случаев облик управленческих учреждений, запечатленный в сказаниях и обычном праве, не имел фиксации начала своего существования в истории, либо он связывался с легендарными персонажами. Поэтому преемственность и подражательность в организации управления осуществлялась и осознавалась не по отношению к какому-либо конкретному каганату, а в целом по отношению к абстрактному эпическому образу степной империи. Наше исследование показывает, что более всего в этом образе отразились черты древнетюркской государственности («вечного эля»)»⁷.

Спустя годы, в январе 2009 г., в ответном письме на обращение молодого историка из Екатеринбурга А. С. Дягилева с просьбой о содействии в публикации его работ, В. В. Трепавлов вспоминал: «Ваша жизненная ситуация мне знакома. Точно так же много лет назад я стоял на распутье. «Заболев» с 12 лет Монгольской империей, написав курсовые и диплом по монголам у Б. Б. Овчинниковой, я понимал, что дальше на Урале с этой темой делать нечего. Чтобы быть историком в тогдашнем Свердловске, нужно было заниматься горными заводами или по крайней мере слободами и острогами не ранее 17 в. Обстоятельства сложились так, что мне удалось поступить в аспирантуру московского Института истории СССР и затем перебраться с Химмаша в ближнее Подмосковье и позднее в Москву. К монголам я с тех пор остыл, но продолжаю заниматься историей кочевых степей более позднего времени (наряду с другими темами). В Вашем случае рациональным выходом было бы как можно более активное участие в научной жизни, т. е. выступления на конференциях, публикации, знакомства с коллегами (это, как правило, и происходит на конференциях)... Со своей стороны, я мог бы предложить Вам опубликовать статью

⁵ *Новосельцев Анатолий Петрович* (1933–1995), советский и российский историк-востоковед, член-корреспондент АН СССР (1984), в 1988–1993 гг. директор Института российской истории РАН.

⁶ *Васильев Дмитрий Дмитриевич* (1946–2021), советский и российский востоковед-тюрколог, кандидат исторических наук, в 1988 г. с. н. с. Сектора истории Востока ИВ АН СССР.

⁷ *Трепавлов В. В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1987. С. 15.

в сборнике возглавляемого мною Центра «История народов России в исследованиях и документах»⁸.

12 декабря 1988 г. В.В. Трепавлов был зачислен временно, на неполный рабочий день, на должность старшего лаборанта в Институт истории СССР. 10 марта 1989 г. он был переведен на должность научного сотрудника Института, в Отдел общих проблем истории народов СССР.

Основой для подготовки настоящего издания послужил личный архивный фонд В.В. Трепавлова в научном архиве ИРИ РАН, поступивший сюда на хранение в 2023 г. от матери Вадима Винцеровича Евгении Петровны Захаровой. Фонд, насчитывающий 91 единицу хранения, вне всякого сомнения, содержит лишь часть архива, который существовал при жизни В.В. Трепавлова. Переезды из Свердловска (Екатеринбурга) в п. Томилино в Подмоскowie, а оттуда в Москву наложили значительный отпечаток на состав и содержание архива: в нем практически полностью отсутствует корреспонденция В.В. Трепавлова, личная и деловая, черновики, отзывы и рецензии на диссертации и книги с середины 1980-х до начала 2000-х гг. Значительно расширить материалы личного фонда позволил домашний портативный компьютер В.В. Трепавлова, переданный в дар Ж.Я. Рахаеву Е.П. Захаровой. Обнаруженные в нем материалы за 1999–2023 гг. были распечатаны и добавлены в личный фонд, а затем использованы при подготовке настоящего сборника.

Существенно восполнить лакуны личного архива В.В. Трепавлова позволил документальный массив, сосредоточенный в фондах Научного архива ИРИ РАН. Выявленные материалы (документы из аспирантского дела, выписки из протоколов заседаний Отдела/Центра и Ученого совета Института, документы из дела по защите докторской диссертации и т.д.) публикуются в приложении к данной статье. Они позволяют проследить путь ученого от поступления в аспирантуру Института истории СССР АН СССР в 1984 г. до защиты докторской диссертации в ИРИ РАН в 2001 г.

Настоящий том состоит из четырех разделов, что обусловлено самим характером выявленных материалов, отражающих различные грани творческой индивидуальности В.В. Трепавлова. Первый раздел включает монографии. Их всего три, но их хронологический диапазон (1994, 1998, 2008–2022) охватывает всю жизнь ученого, позволяя тем самым познакомиться и с новаторской методологией молодого Трепавлова («Батыр на троне: Ранняя государственность в героическом эпосе тюрко-монгольских народов России»), и с очерками исследователя, глубоко погрузившегося в раннюю историю ногайцев («Хакимы Кипчакской степи»), и с незавершенной монографией маститого, признанного ученого, посвященной знаменитому ордынскому вождю («Едигей»).

Среди рукописей неизданных монографий Вадима Винцеровича, особого внимания заслуживает исследование «Батыр на троне» – плановая работа, завершенная автором досрочно, в ноябре 1994 г.

В конце марта 1989 г. Ученый совет в качестве темы научно-исследовательской работы В.В. Трепавлова, утвердил работу над монографией «Госу-

---

⁸ Письмо В.В. Трепавлова А.С. Дягелеву. 6 января 2009 г. // Текущий архив Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. Дело с перепиской разных лет. Л. 111.

дарственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблема исторической преемственности)» на основе текста диссертации. Работа была завершена в запланированный срок, в середине 1990 г.⁹

В письме В. В. Трепавлова к Н. Н. Крадину¹⁰ от 30 октября 1989 г. молодой востоковед сообщает коллеге о своих дальнейших научных планах: «Ваше недоумение относительно влияния фольклора и так далее на сохранение традиции отвечает моим научным планам. Тема требует, конечно, дальнейшей разработки. Вероятно, следующим этапом будет книга, условно обозначенная «Батыр на троне: ранняя государственность в тюрко-монгольском героическом эпосе». С выходом на следующую — «Право и власть в кочевых империях» (это уже самонадеянно прогнозируется как докторская диссертация)»¹¹.

Новая тема, призванная продолжить исследовательскую линию историка, была сформулирована несколько иначе — «Государственность кочевников. Проблемы формирования и развития». Она была утверждена Ученым советом института 24 сентября 1991 г. Планировалось, что работа будет завершена в первом квартале 1995 г. Объем рукописи автор оценивал в 20 авт. л.

В характеристике, данной Трепавлову руководителем Отдела С. Г. Агаджановым 20 октября 1992 г., известный востоковед особо подчеркнул значение новой темы Вадима Винцеровича для российской науки: «Знакомство В. В. Трепавлова с источниками и историографией по широкому кругу проблем истории народов России, а также владение западными и восточными языками, позволяют ему ставить крупные исследовательские задачи, в частности, изучение влияния Востока на российскую государственность»¹².

Трепавлов много и плодотворно работал над темой, участвовал в международных, всероссийских и региональных конференциях, публиковал статьи, тщательно изучал фольклорное наследие тюрко и монголоязычных народов России, методологию его использования в исторических исследованиях¹³. В 1992 г. к нему поступило предложение от чиновника из аппарата Президента Республики Саха-Якутия М. Е. Николаева издать на основе одной из глав монографии брошюру «Канун государственности олонхо. Взгляд историка на

⁹ Монография была опубликована в 1993 г.: Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М.: «Восточная литература», 1993.

¹⁰ Крадин Николай Николаевич (род. 1962), советский и российский историк, доктор исторических наук, академик РАН, профессор, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

¹¹ Крадин Н. Н. Из переписки с В. В. Трепавловым. Письмо № 1 // «Феномен власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В. В. Трепавлова / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 2024 (в печати).

¹² См. док № 32 приложения к данной статье.

¹³ См. напр.: Трепавлов В. В. Соправительство в Монгольской империи XIII в. // *Archivum Eurasiae medii aevi*. Т. VII. 1987–1991. Wiesbaden, 1991. P. 249–278; *Он же*. Төрү у древних тюрок и монголов // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. М., 1991. Вып. 18. С. 19–30; *Он же*. Образ Неба и каганская власть у кочевников Центральной Азии // *Altaiic Religious Beliefs and Practices*. Ed. by A. Ronat. Budapest: Magyar Tudományok Akademia, 1992. P. 371–377; *Он же*. Сведения олонхо о дуализме управления // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. к 90-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: Ин-т ист. материальной культуры РАН, 1992. С. 232–234.

якутский героический эпос», объемом 2,5 авт. л. Эта работа В.В. Трепавлова вышла много позднее, в 2000 г.¹⁴

В процессе работы над темой, Вадим Винцерович вернулся к изначально сформулированному названию книги. 11 ноября 1994 г., на заседании Центра истории народов России ИРИ РАН, была обсуждена рукопись монографии «Батыр на троне: Ранняя государственность в тюрко-монгольском героическом эпосе народов России». Объем рукописи составил 16 авт. л.

На основе заключения к монографии «Батыр на троне» мы можем примерно представить содержание выступления В.В. Трепавлова на этом заседании: «Мы рассмотрели различные аспекты организации управления в эпическом обществе тюрко-монгольских народов. На материалах значительного количества текстов героического эпоса удалось выявить некоторые закономерности социального развития кочевых народов и сопоставить эту информацию со сведениями письменных источников. В целом ожидания, возлагавшиеся нами на данный тип носителей исторических сведений, оправдались. Многие явления общественной жизни, особенно на ранней стадии их существования, неуловимые по нарративным памятникам, получили яркую иллюстрацию и объяснение на фольклорном уровне. Это касается генезиса и концепции верховной власти, и функций правителя, и структуры кочевого улуса. Очевидно, эпический фольклор должен занять особое место в ряду источников информации, используемых историками. Это особое место объясняется спецификой эпоса как жанра и характерными чертами той эпохи, когда создавалась его первооснова».

Особенно тепло в поддержку автора высказались историки Н.Е. Бекмаханова¹⁵, М.Б. Булгаков¹⁶, Ш.Ф. Мухамедьяров¹⁷ и С.Г. Агаджанов. Центр единогласно постановил передать текст монографии в Ученый совет Института для утверждения к печати.

Участник этого заседания, д.и.н., г.н.с. Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, Аскер Дзапшевич Панеш¹⁸, так рассказывает о нем: «Вадим Винцерович Трепавлов остался в моей памяти как талантливый исследователь, обладавший поразительной эрудицией и удивительной работоспособностью. Именно эти качества позволили ему занять достойное место среди российских учёных-тюркологов. В то время я был аспирантом Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. Хорошо помню заседание Центра, где обсуждалась рукопись монографии В.В. Трепавлова «Батыр на троне...». Заседание вёл руководитель Центра, доктор исторических наук, член-корр. ТССР С.Г. Агаджанов. Он кратко изложил концепцию автора, охарактеризовал источниковую базу исследования и особо подчеркнул,

¹⁴ *Трепавлов В.В.* Канун государственности в олонхо (взгляд историка на якутский героический эпос) // Олонхо – духовное наследие народа саха. Якутск, 2000. С. 24–56.

¹⁵ *Бекмаханова Наиля Ермухановна* (род. 1940), д.и.н., профессор, г.н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.

¹⁶ *Булгаков Михаил Борисович* (1938–2019), к.и.н., в.н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.

¹⁷ *Мухамедьяров Шамиль Фатыхович* (1923–2005), д.и.н., с.н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.

¹⁸ *Панеш Аскер Дзапшевич* (род. 1956), доктор исторических наук, г. н. с. Отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева.

что работа В. В. Трепавлова является итогом многолетней и скрупулёзной исследовательской деятельности учёного. В своём выступлении Сергей Григорьевич акцентировал внимание на блестящую эрудицию автора и знание им тюркоязычных источников. На заседании выступили все сотрудники Центра, которые поддержали С. Г. Агаджанова и признали работу Трепавлова значительным вкладом в изучение политической истории Монгольской империи. Было единогласно выдвинуто предложение рекомендовать рукопись монографии к изданию»¹⁹.

Согласно устоявшимся институтским традициям, перед обсуждением на Ученом совете рукопись монографии должна была быть отрецензирована сотрудником другого Центра. Таким рецензентом выступил в. н. с., д. и. н. Н. М. Рогожин²⁰, в отзыве которого отмечалось: «В. В. Трепавлов рассматривает кочевые общества, их внутреннее устройство, на основании прежде всего информации героического эпоса... В монографии использованы тексты более 130 сказаний алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, бурят и калмыков (как в переводах, так и в оригинале). Дав характеристику эпическому фольклору как историческому источнику в главе 1, автор в следующих главах разбирает структуру родового и предгосударственного общества, организацию ханской власти, отношения правителя с дружиной, жрецами, соправителями, прослеживает формирование аристократии и зачатки чиновничества. Заключительная глава 9 посвящена обобщению сведений, полученных в предыдущих разделах из конкретных материалов. Многие вопросы поднимаются и решаются автором впервые... В целом, книга В. В. Трепавлова является вполне квалифицированным и интересным исследованием и может быть рекомендована для утверждения Ученым советом к печати»²¹.

29 декабря 1994 г. рукопись монографии была рассмотрена на заседании научно-производственной секции Института. Председатель заседания А. П. Корелин²² ознакомил совет со всей документацией по делу (выпиской из заседания Центра, отзывом д. и. н. Н. М. Рогожина) и пригласил выступить рецензента от Ученого совета к. и. н. А. М. Некрасова²³. Последний в своем пространном выступлении подробно ознакомил присутствующих с основной научной проблемой, которой посвящена рукопись, с новаторским методологическим подходом, структурой работы и основным содержанием глав. Завершая свою речь А. М. Некрасов сообщил: «Я хочу сказать, что это работа очень интересная и абсолютно новая, абсолютно новаторская... (Автору. — Составители) удалось извлечь методом нетрадиционного анализа такую информацию (из героического эпоса. — Составители), которую никакой другой источник дать не может... производит впечатление высочайший профессионализм автора во владении колоссальнейшим и сложнейшим материалом»²⁴ и рекомендо-

¹⁹ Запись воспоминаний А. Д. Панеша проведена Ж. Я. Рахаевым 13 февраля 2024 г.

²⁰ *Рогожин Николай Михайлович* (1947–2022), д. и. н., г. н. с., руководитель Центра истории русского феодализма ИРИ РАН.

²¹ См. документ № 38 приложения к статье К. С. Дроздова и Ж. Я. Рахаева в настоящем издании.

²² *Корелин Аvenir Павлович* (1933–2017), д. и. н., г. н. с., руководитель центра «История России в XIX – начале XX в.» ИРИ РАН.

²³ *Некрасов Алексей Михайлович* (род. 1958), к. и. н., ученый секретарь, заместителя директора ИРИ РАН.

²⁴ АРАН. Ф. 1841. Оп. 2. Ед. хр. 91. Стенограммы заседаний научно-производственной секции по истории России Ученого совета Института. Т. 2. 22.09.1994–29.12.1994. Л. 208–209.

вал рукопись к печати. Член совета В.А. Кучкин²⁵ предложил В.В. Трепавлову выступить с докладом на Ученом совете, в котором изложить методику своего исследования, поскольку подобный подход, по его мнению, вполне применим к героическому эпосу Северной Европы и Древней Руси. Вадим Винцерович выразил готовность подготовить такой доклад и, далее, Ученый совет проголосовал за рекомендацию рукописи к печати.

Светлана Калачериевна Пчегатлук²⁶, к.и.н., доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом ФГБОУВО «Кубанский государственный технологический университет», в середине 1990-х г. аспирантка Центра, в интервью Ж.Я. Рахаеву сообщила следующее: «На самом заседании Центра, где обсуждалась рукопись «Батыр на троне», меня не было. Сотрудники Центра мне рассказывали, что после рекомендации Ученого совета Института рукописи к печати, Вадим Винцерович принял решение ее доработать»²⁷.

Ближайший друг В.В. Трепавлова академик РАН Н.Н. Крадин²⁸ на вопрос научного редактора настоящего издания, д.и.н., руководителя Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН И.В. Зайцева²⁹ о том, почему «Батыр на троне» не был издан в своё время, ответил следующим образом: «Да, он собирался писать докторскую на основе фольклора и даже мне писал и рассказывал, как движется эта работа, но потом резко переключился на ногайцев. Мне кажется, что к нему пришло осознание, что подлинно научное признание в академической среде основано на работе с первоисточниками (особенно в институте, в котором он работал). Новая тема быстро его затянула, и он неоднократно делился со мной своими находками и идеями»³⁰.

Где-то в начале 2022 г. В.В. Трепавлов передал машинописную рукопись «Батыра на троне» сотруднику Центра Ж.Я. Рахаеву со словами: «Прочти, пожалуйста, внимательно. Тебе это должно быть особенно интересно в связи с твоими изысканиями по истории вождеств и ранних государств у народов Северного Кавказа». Однако обсудить детально содержание рукописи, прояснить причины, по которым автор ее не издал, Рахаеву так и не удалось. Череда дел по Центру, затем отпуск, а осенью 2022 г. потеря Вадимом Винцеровичем голоса и роковое известие о его тяжелой, смертельной болезни.

Сегодня, спустя год после смерти Вадима Винцеровича, можно с уверенностью сказать — это уникальный труд. Новаторский подход автора к проблемам политогенеза и ранней государственности кочевников Евразии полностью сохранил свою актуальность и сегодня, спустя тридцать лет после написания. Вне всякого сомнения, героический эпос теперь будет признан важным источни-

---

²⁵ *Кучкин Владимир Андреевич* (род. 1933), д.и.н., г.н.с., руководитель Центра по истории древней Руси ИРИ РАН.

²⁶ *Пчегатлук Светлана Калачериевна*, к.и.н., доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом ФГБОУВО «Кубанский государственный технологический университет».

²⁷ Запись воспоминаний С.К. Пчегатлук проведена Ж.Я. Рахаевым 24 февраля 2024 г.

²⁸ *Крадин Николай Николаевич* (род. 1962), д.и.н., профессор, академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

²⁹ *Зайцев Илья Владимирович* (род. 1973), д.и.н., профессор РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, заместитель директора Государственного Музея Востока.

³⁰ Письмо Н.Н. Крадина И.В. Зайцеву. [Электронное письмо]: kradin@mail.ru (отправлено 19.02.2024).

ком в исследовании проблем становления и развития государственности в доиндустриальных обществах мира.

В начале 1995 г. В.В. Трепавлов утвердил на Ученом совете Института новую тему научно-исследовательской работы — «История Ногайской Орды», которая сразу планировалась как докторская диссертация. Завершить работу предполагалось в 1999 г.³¹ Монография потребовала от автора колоссального напряжения сил: изучение обширной научной литературы, выявление и систематизация огромного массива документальных материалов и опубликованных источников, и, собственно, написание диссертации с обширным приложением³².

Вместе с тем, научную работу Вадиму Винцеровичу приходилось вести на фоне все усложнявшейся ситуации в Центре в связи с резким ухудшением здоровья ее руководителя. «Сергей Григорьевич редко делился душевными переживаниями, но окружающие замечали, насколько сильно сказывались на нем стрессы последних лет. Огромное потрясение он пережил, узнав о смерти своего близкого друга, члена-корреспондента РАН А.П. Новосельцева, а затем члена-корреспондента РАН В.И. Буганова»³³, — вспоминал В.В. Трепавлов. Еще в 1992 г. Вадим Винцерович был назначен ученым секретарем Центра и занимал эту должность до января 1997 г. С конца 1995 г. С.Г. Агаджанов уже не мог исполнять свои обязанности, и вся нагрузка по руководству научно-организационной работой Центра легла на плечи Вадима Винцеровича: «(С.Г. Агаджанов. — Составители) тяжело и долго болел. Иногда он собирался с силами и появлялся в институте, выступал на заседаниях Центра, делал доклады»³⁴. С начала июня 1996 г. дирекция установила 20% надбавку к заработной плате ученого секретаря Центра, который фактически исполнял обязанности руководителя Центра. 1 января 1997 г. дирекция возложила «исполнение обязанностей руководителя Центра истории народов и межэтнических отношений на старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Трепавлова Вадима Винцеровича»³⁵. Следует заметить, что руководителем Центра был назначен не доктор, а кандидат наук! Совершенно очевидно, что к этому времени молодой ученый считался авторитетным специалистом и достаточно опытным организатором научной работы как в самом Центре, так и во всем Институте. И директор ИРИ РАН, член-корр. РАН А.Н. Сахаров³⁶ оказал ему и коллективу Центра такое доверие.

Летом 1997 г. В.В. Трепавлов завершил рукопись книги «Хакимы Кипчакской степи. Очерки ранней истории ногайцев». В предисловии к ней он написал

³¹ О том, как и почему В.В. Трепавлов стал заниматься ногайской проблематикой см.: *Дроздов К.С.* «Было бы целесообразным подготовить специальную научную работу или сборник статей, посвященных вопросам древней истории ногайцев, истории Ногайской Орды» / *История народов России в исследованиях и документах. К юбилею В.В. Трепавлова.* Выпуск. 9. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук., 2022. С. 328–336.

³² *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности: 07.00.02 — Отечественная история. Москва, 2001. 324 с. + Приложение. (С. 325–662).

³³ *Трепавлов В.В.* Сергей Григорьевич Агаджанов (К 80-летию со дня рождения) // *История и историки: историографический вестник.* 2007. М., 2009. С.

³⁴ *Трепавлов В.В.* Сергей Григорьевич Агаджанов (к 80-летию со дня рождения) // *История и историки: историографический вестник.* 2007. М., 2009. С. 309–315.

³⁵ См. документ № 46 приложения к настоящей статье.

³⁶ *Сахаров Андрей Николаевич* (1930–2019), д.и.н., профессор, член-корреспондент РАН, директор ИРИ РАН (1993–2010).

следующее: «В этой книге собраны работы о разных сторонах жизни Ногайской Орды (...) Предлагаемый читателю сборник представляет собой промежуточный этап работы автора над большим монографическим исследованием «История Ногайской Орды» (...) Память о ногайской эпохе как о времени богатырей осталась в фольклоре многих тюркских народов. Вот почему книга названа «Хакимы (то есть правители) Кипчакской степи». Этим понятием придворный историк узбекского хана Мухаммеда Шейбани Камал ад-Дин Шир-Али Бинаи в своем сочинении «Шейбани-наме» (начало XVI в.) назвал Мусу-бия, правнука Эдиге и фактического основателя Ногайской Орды. Наследники Мусы сумели сохранить и приумножить его достижения, поэтому к ним тоже можно применить выражение Бинаи. На протяжении XV и XVI вв. ногаи являлись истинными «хакимами» древней огромной страны Дешт-и Кипчак».

Но, к сожалению, Вадим Винцерович так и не решился издать книгу. Возможно, главной причиной отказа от этого намерения явилась большая загруженность автора административной работой в Центре, которая не позволяла ему признать, что все очерки одиночно хорошо написаны. Позднее, в 2008 г. Вадим Винцерович снова вернулся к рукописи и даже составил новый, более расширенный вариант оглавления. Но, опять-таки, полная занятость другими текущими проектами, не позволила этим планам осуществиться. В 2011 г. часть очерков из книги «Хакимы Кипчакской степи» Вадим Винцерович в несколько переработанном виде опубликовал в Казани, в сборнике своих работ «Тюркские народы средневековой Евразии», а затем в новой книге «Орда самовольная»³⁷.

С первых дней работы в Центре Вадим Винцерович активно включился в подготовку и редактирование коллективной монографии о национальных окраинах в составе Российской империи, задуманной С.Г. Агаджановым еще в годы перестройки. Структура и текст монографии несколько раз кардинально менялись, менялся и состав авторов проекта. В конечном счете, исследование было опубликовано в 1998 г.³⁸ По признанию самого В.В. Трепавлова «этот коллективный труд... был востребован еще в рукописи, когда чиновники тогдашнего Министерства по делам национальностей обращались к ней для консультаций»³⁹.

Следующим коллективным проектом, задуманным С.Г. Агаджановым, явилось исследование истории русского населения в национальных регионах России в XVI–XX вв. В связи с болезнью С.Г. Агаджанова фактическое руководство проектом и редактирование глав монографии вел В.В. Трепавлов. В 2000 г. результаты исследования были опубликованы⁴⁰.

Последняя монография, включенная в настоящий сборник – «Едигей», была задумана историком в 2008 г., когда он составил структуру исследования и написал предисловие. В 2022 г. он вернулся к ней и успел написать, по существу, только первую главу.

---

³⁷ Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», 2011. 252 с.; Он же. «Орда самовольная»: кочевая империя ногаев XV–XVII вв. М.: Квадрига, 2014.

³⁸ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998.

³⁹ Трепавлов В.В. Сергей Григорьевич Агаджанов (к 80-летию со дня рождения) // История и историки: историографический вестник. 2007. М., 2009. С. 313.

⁴⁰ Русское население национальных окраин России (XVI–XX вв.). М, 2000.

В 2019 г. В. В. Трепавлов возглавил издательский проект РФФИ № 19–19–00143 по подготовке к печати коллективной монографии «Ногайцы» под грифом Института Этнологии и Антропологии им. М. Н. Маляя РАН (серия «Народы и культуры»). В 2021 г. том «Ногайцы» был подготовлен к печати. Для него В. В. Трепавлов написал параграф «Ногайская орда (Мангытский юрт). Ногайцы в XV–XVII веках», а также руководил работой авторского коллектива по историческим разделам в целом. Том вышел в 2024 г.⁴¹

Строго говоря, последней крупной работой ученого следует считать документальную публикацию «Ногайские грамоты XVI–XVII вв.: арабские оригиналы, переводы, комментарии». Исследование было запланировано на 2021–2024 гг. в соавторстве с к. и. н., с. н. с. Центра Салаватом Зямиловичем Ахмадуллиным. В. В. Трепавлов успел выявить и скопировать все необходимые грамоты из фондов РГАДА и опубликовать в соавторстве с С. З. Ахмадуллиным несколько статей по теме исследования⁴². Однако полноценно включиться в работу по переводу и комментированию этих документов Вадим Винцерович уже не успел. С. З. Ахмадулин предполагает завершить работу и подготовить рукопись к публикации.

Второй раздел составили доклады, записки и статьи, связанные с научной, научно-педагогической и экспертной деятельностью ученого. Так, на наш взгляд, особый интерес представляет аналитическая записка В. В. Трепавлова «Урянхайский прецедент (Тува в России и русские в Туве)», написанная непосредственно после роспуска СССР, в 1992 г. Она была призвана обратить внимание власть имущих к геополитическому опыту имперской России, и вместе с тем предостеречь от пренебрежения к межнациональным проблемам огромной страны: «Первое посткоммунистическое правительство России волею обстоятельств попало в такой исторический переплет, что требовать от него решения всех кризисных задач — это требовать невозможного. Ведущее место среди приоритетов нынешний Кабинет отводит удержанию экономики от остановки и краха, рассудив, видимо, что распутывание прочих узлов — политических, социальных, межнациональных — может потерпеть до более сытых времен. Однако есть проблемы, не решаемые путем финансовой стабилизации и товарного изобилия. Последние шесть лет показали, какой кровью и враждой оборачиваются невнимание к межнациональным отношениям. Проклятие затяжных вооруженных столкновений на сепаратистской почве пока что обходит стороной Россию. Но подобные конфликты зреют и кое где уже полыхают по периметру границ нашей страны»⁴³. Излишне напоминать актуальность этого послания В. В. Трепавлова в наше время.

⁴¹ Ногайцы / отв. ред. З. З. Зинеева, Р. Х. Керейтов, В. В. Трепавлов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маляя РАН. М.: Наука, 2024. 736 с.

⁴² Трепавлов В. В., Ахмадуллин С. З. Финал ногайской государственности. Тюремные послания бия Туная // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 246–258; Они же. Степная дипломатия Гиреев. Послание хана Джанибек Гирея 1633 г. // Крымское историческое обозрение. Т. 9. 2022. № 1. С. 10–22; Они же. Послания сибирского султана Кучука 1668–1669 гг. // Сборник Центра истории народов России и межкультурных отношений ИРИ РАН. Вып. 10. Отв. ред. В. В. Трепавлов, Дж. Я. Рахаев. С. 367–382.

⁴³ См. статью В. В. Трепавлова «Урянхайский прецедент (Тува в России и русские в Туве)» // НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 4. 18 л. Авторизованная машинопись.

С конца 1990-х гг. В. В. Трепавлов, как руководитель Центра, был вовлечен в обсуждение широкого круга вопросов, посвященных актуальным, травмоопасным проблемам межэтнических и межконфессиональных отношений в имперский и советский периоды истории России. Взвешенная экспертная оценка, высокая академическая культура и авторитет в научной среде давали возможность Вадиму Винцеровичу формулировать и продвигать идею Российского государства как многонациональной цивилизации с уникальным историческим опытом взаимодействия и совместного проживания ее народов⁴⁴. Материалы, включенные в данный раздел, позволяют проследить применение подобного подхода ученого к российской истории на конкретно-историческом материале (например, в работах «Позитивные и негативные образы России в ее этнической политике», «Формирование многонационального государства в России: синтез правовых систем» и др.).

В третий раздел «Учебные материалы» включена рукопись раздела «История народов Северного Кавказа», написанная сотрудниками ИРИ РАН Л.С. Гатаговой и В.В. Трепавловым для факультативного учебного пособия по истории и культуре народов Кавказа для школ стран-членов Совета Европы и участниц проекта. В 1997 г. на региональном семинаре «Реформа преподавания истории в общеобразовательных школах» (Тбилиси, сентябрь 1997), на котором присутствовали представители сферы образования из Грузии, Азербайджана, Армении и Российской Федерации, была выдвинута инициатива написания учебного пособия по истории народов Кавказа, получившая известность как «Тбилисская инициатива»⁴⁵. В 1998 г. под эгидой Совета Европы началась работа по проекту. Были созданы национальные коллективы авторов из Азербайджана, Армении, Грузии и России. В течение пяти лет происходило написание и обсуждение текстов, велся подбор иллюстраций. К 2004 г. был готов окончательный английский текст учебника, напечатан «пилотный» тираж (в единицах экземпляров) и представлен на семинаре в Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования РФ (Москва, декабрь 2004 г.). Тогда же была объявлена точная дата презентации книги в Страсбурге (26 ноября 2005 г.). Однако после этого стало известно о неожиданно появившихся претензиях Турции, о возражениях армянских историков, возникших в связи с изменением политической ситуации в Армении, и в итоге проект оказался незавершенным.

В четвертый раздел входят отзывы В.В. Трепавлова на кандидатские и докторские диссертации историков из различных регионов России и академических центров Москвы и Санкт-Петербурга, а также стран СНГ, рецензии на рукописи монографий и план-проспектов. Материалы данного раздела позволяют выявить особенности научного мировоззрения ученого, охарактеризовать его как вдумчивого, энциклопедически образованного и в целом доброжела-

---

⁴⁴ В 2003 г. сотрудники Центра истории народов России и межэтнических отношений во главе с В.В. Трепавловым подготовят и опубликуют книгу Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / Н.Е. Бекмаханова, М.Б. Булгаков, Л.С. Гатагова, Д.И. Исмаил-Заде, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов, Э.П. Федосова. Отв. ред. В.В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. 378 с.

⁴⁵ Впервые работа над учебным пособием «История народов Северного Кавказа» упоминается в индивидуальном плане научно-исследовательской работы В.В. Трепавлова за 1999 г.

тельного рецензента, и, кроме того, содержат многочисленные рекомендации, ценные наблюдения и предложения, не утратившие своей актуальности до сих пор. При их публикации составители опустили из отзывов на диссертации обязательный тезис о том, что диссертант Ф. И. О. «заслуживает присуждения искомой степени...».

Научное руководство над аспирантами из российских регионов было и остается важной составляющей работы Центра на всем протяжении его истории. В. В. Трепавлов так писал о стиле научного руководства С. Г. Агаджанова: «Он никогда не навязывал своих суждений, полностью доверяя интуиции аспиранта, и предлагал внести какие-то исправления в текст лишь в том случае, если автор писал совсем уж несообразные вещи. Здесь сказывалось не только уважение к труду ученика, но и общая терпимость к чужому мнению, отличающая настоящего интеллигента»⁴⁶. После смерти Агаджанова руководство его аспирантами перешло к Вадиму Винцеровичу. Благодаря воспоминаниям тогдашних аспирантов, а ныне известных ученых, мы можем в общих чертах показать как научную жизнь Центра в 1990-е гг., так и стиль его отношений с молодыми коллегами, полностью перенятый у своего учителя. Как наглядно демонстрирует материал, включенный в четвертый раздел сборника, В. В. Трепавлов не изменял этому стилю до конца жизни.

Светлана Калачериевна Пчагатлук в интервью Ж. Я. Рахаеву рассказала о работе Центра в 1990-е гг. следующее: «В Центр я впервые пришла летом 1992 г., когда сдавала вступительные экзамены в аспирантуру, и тогда же познакомилась с руководителем Центра С. Г. Агаджановым и В. В. Трепавловым. Я сразу почувствовала их поддержку. 21 декабря 1992 г. меня зачислили в очную аспирантуру ИРИ РАН, вскоре утвердили тему диссертации «Внешнеторговая политика России на Северо-Западном Кавказе в 1800–1829 гг.», с назначением С. Г. Агаджанова моим научным руководителем. Работа Центра отличалась очень четкой структурированностью. Профессионализм, организованность, структурированность – стиль работы С. Г. Агаджанова, и В. В. Трепавлов полностью перенял такой подход к работе у своего наставника. В 1996 г., в связи с болезнью С. Г. Агаджанова, исполняющим обязанности руководителя Центра назначается В. В. Трепавлов.

Как-то я встретила В. В. Трепавлова в Ленинке (Российской Государственной Библиотеке. — *Сост.*). Вадим Винцерович увидел меня со стопкой книг и сказал: «Светлана, под руководством С. Г. Агаджанова у Вас работа практически завершена, пора выходить на защиту. Дорабатывать рукопись можно бесконечно». В Центре было принято решение провести обсуждение рукописи диссертации, и после назначения дня заседания все разошлись. Я по организационным вопросам задержалась в Институте, и случайно выяснилось, что В. В. Трепавлов забыл мою рукопись в Центре. Заведующий аспирантурой Института Н. С. Райский дал мне домашний адрес Вадима Винцеровича, и я отвезла ему рукопись диссертации. Он тогда жил в Люберецком районе, в п. Томилино. Я передала ему рукопись, он долго и искренне передо мной извинялся. На следующий день, и это еще раз говорит о работоспособности и професси-

⁴⁶ *Трепавлов В. В.* Сергей Григорьевич Агаджанов (к 80-летию со дня рождения) // История и историки: историографический вестник. 2007. М., 2009. С. 313.

анализе В.В. Трепавлова, он дал свое авторитетное заключение на диссертацию. Перед заседанием В.В. Трепавлов сказал мне: «Светлана Калачериевна, у вас получилось хорошее самостоятельное научное исследование. Материал, представленный в диссертации, свидетельствует о вашей научной культуре. Существенных замечаний нет. Не переживайте». Далее состоялось обсуждение рукописи, и Центр принял решение выдвинуть мою работу на предзащиту. Формализма в работе сотрудников Центра не было. 19 декабря 1996 г. состоялась моя успешная защита на диссертационном совете ИРИ РАН, на которой В.В. Трепавлов, в связи с болезнью С.Г. Агаджанова, зачитал отзыв моего научного руководителя. Я искренне благодарна, в первую очередь, С.Г. Агаджанову, В.В. Трепавлову и всем работникам Центра за их неустанную работу со мной»⁴⁷.

Александр Алибиевич Ялбуганов, к.и.н., д.ю.н., профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в своих воспоминаниях написал: «Когда я поступил в очную аспирантуру Центра истории народов России и межэтнических отношений Института Российской Истории РАН, Вадим Винцерович Трепавлов занимал должность Ученого секретаря Центра, а руководил Центром Сергей Григорьевич Агаджанов. В Центре тогда работали Н.Е. Бекмаханова, Д.И. Исмаил-Заде⁴⁸, Ш.Ф. Мухамедьяров и др. Только по прошествии многих лет я смог по-настоящему оценить, в каком замечательном коллективе я оказался тогда, с какими выдающимися учеными мне посчастливилось общаться. В Центре всегда была комфортная научная обстановка, коллеги были доброжелательны, готовы прийти на помощь, поддержать, когда что-то не получалось у аспирантов. При этом все делалось деликатно, без какого-либо чванства и высокомерия. Я был свидетелем интересных научных дискуссий при обсуждении различных научных проектов, рукописей. Споры иногда были эмоциональные, но после всё завершалось чаепитием и добрым неформальным общением. Помню первый совет Вадима Винцеровича, данный мне как аспиранту, — не пропускать присутственные дни в Институте, даже при очень сильной занятости. Буквально через пару месяцев я смог оценить его совет. Это был не просто день, когда собирались сотрудники Центра, чаще всего эти часы присутствия сопровождались интересными научными беседами, спорами, обсуждениями, ценными советами для начинающих исследователей. Мне очень полюбились эти дни, потому что я реально чувствовал свою вовлеченность в насыщенную научную жизнь. Меня эти встречи вдохновляли на исследовательскую работу»⁴⁹.

Альбина Ахметовна Хамицаева, к.и.н., доцент кафедры российской истории Северо-Осетинского государственного университета, в интервью Ж.Я. Рахаеву сообщила: «После поступления в аспирантуру ИРИ РАН моим научным руководителем был назначен С.Г. Агаджанов. Он уже был тогда тяжело болен. После его смерти моим научным руководителем стал В.В. Трепавлов. Я завер-

---

⁴⁷ Запись воспоминаний С.К. Пчегатлук проведена Ж.Я. Рахаевым 24 февраля 2024 г.

⁴⁸ *Исмаил-Заде Диляра Ибрагим-Кызы (Ибрагимовна)* (1931–2009), доктор исторических наук, в.н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН.

⁴⁹ *Ялбуганов А.А.* «Вне жизни мы и вне времен...» (светлой памяти Вадима Винцеровича Трепавлова) // «Феномен власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сборник памяти В.В. Трепавлова / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. М., 2024 (в печати).

шила работу над диссертацией и вернулась на родину. В конце 1999 г. я решила выходить на защиту, и Вадим Винцерович оказал мне огромную поддержку. В январе 2000 г. я успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономическое развитие Осетии в конце XVIII – 60-е гг. XIX в.». В. В. Трепавлов, как мой научный руководитель, выступил на совете и сказал много теплых слов в мою поддержку.

В Вадиме Винцеровиче сочетались качества, которые обычно редко встречаются вместе в характере одного человека. Он был человеком твердым и целеустремленным, но, в то же время добрым и отзывчивым, готовым всегда (в то время, когда это более всего было необходимо ближнему, а не удобно ему) оказать содействие, помочь не только профессиональным советом, но и делом. Его определяющим качеством, на мой взгляд, была его необыкновенная преданность науке. Историческая наука была для него не просто профессией, она была смыслом его жизни, он жил, чтобы заниматься любимой историей. Такое отношение к науке и стало залогом достижения им тех высот, которые мало кому становятся подвластны и редко кому покоряются. Еще мне запомнилась, как важная черта характера, его чувство юмора. Это его качество способно было разрядить самую накаленную обстановку, изменить настроение окружающих его людей и направить ход обсуждения или напряженного заседания в более конструктивное и позитивное русло».

В завершении хочется пожелать читателям этой книги, что называется, «с головой» окунуться в богатое научное наследие В. В. Трепавлова и заново открыть для себя удивительный мир средневековых кочевых цивилизаций Евразии, столь существенно повлиявших на формирование российского многонационального государства⁵⁰.

Составители приносят глубокую благодарность Евгении Петровне Захаровой за переданные в Научный архив ИРИ РАН материалы, д.и.н., с.н.с. ИРИ РАН Елене Ивановне Малето за многомесячный труд по систематизации и описанию архива В. В. Трепавлова.

---

⁵⁰ Запись воспоминаний А. А. Хапицаевой проведена Ж. Я. Рахаевым 20 февраля 2024 г.

Приложение

(архивные документы к научной биографии В. В. Трепавлова)

№ 1

Характеристика В. В. Трепавлова. 1 июля 1984 г.

Характеристика

на Трепавлова Вадима Винцеровича, 1960 года рождения, русского, члена ВЛКСМ с 1975 г. – учителя истории и Основ Советского государства и права школы-интерната № 20 г. Свердловска.

Трепавлов Вадим Винцерович окончил исторический факультет Уральского государственного университета в 1983 г. В школе интернате № 20 работает с сентября 1983 г. За этот период он показал себя методически грамотным учителем, хорошо знающим свой предмет, постоянно повышающим уровень специальных знаний. Трепавлов В. В. много и серьезно готовится к каждому уроку, разнообразит опрос, при объяснении учит мыслить, использует дополнительную литературу, наглядные пособия, обновляет оформление кабинета, привлекает к этому учащихся. Его уроки воспитывающие и развивающие. Много вниманию В. В. Трепавлов уделяет правовому воспитанию школьников.

Общественные поручения выполняет добросовестно: на высоком уровне была организована политечеба, за которую он отвечал. Активно занимался лекционной пропагандой среди учителей и учащихся по международной и атеистическим тематикам.

Трепавлов В. В. требователен как к себе, так и окружающим, исполнительен, пользуется уважением среди коллег и учащихся. Политически грамотен, морально устойчив.

Характеристика дана для предоставления в Институт истории СССР АН СССР.

Директор школы-интерната В. Е. Волков /Подпись/

Секретарь партийной организации С. В. Комлина /Подпись/

Председатель профкома Т. Н. Боталова /Подпись/

Секретарь учительской комсомольской организации Т. Т. Тельманова /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 12.*

№ 2

Письмо Г.Н. Кожевникова С.С. Хромову. 2 июля 1984 г.

Директору Института истории СССР
Хромову С.С.¹

Копия: Зам. нач. Управления кадров Академии наук СССР
кандидату наук Мухину Е.Н.

Направляем материалы на Трепавлова Вадима Винцеровича, поступающего в целевую аспирантуру Института истории СССР по специальности 07.00.02 к д.и.н. Агаджанову С.Г., у которого находится его реферат.

Управление кадров АН СССР просит положительно рассмотреть просьбу от 20.06.84 г. за № 16222а-118 о выделении очного места Институту истории СССР по специальности 07.00.02 — история СССР, в счет выделенной для УНЦ АН СССР на 1984 г. вакансии по специальности 09.00.01 — диалектический и исторический материализм.

Гл. ученый секретарь Президиума д.т.н., профессор Г.Н. Кожевников
/Подпись/

*ИА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 13.*

№ 3

Отзыв Ш. Ф. Мухамедьярова на реферат В.В. Трепавлова. 17 июля 1984.

Отзыв на вступительный реферат В.В. Трепавлова «Традиции древнетюркской государственности в построении Монгольской империи (XIII в.)».

Проблема, которой посвящен рецензируемый вступительный реферат В.В. Трепавлова — генетическая преемственность степных держав средневековья — остается до сих пор весьма слабо изученной. Безусловно, данная тема имеет важное значение для уяснения диалектики социального развития обществ Великой Степи в целом как на формационном уровне, так и в каждом из них в отдельности.

Ознакомление с содержанием реферата и его оформлением показывает, что его автор творчески подошел к избранной теме и несомненно проявил надлежащие способности к научно-исследовательской работе.

Представленная тема раскрыта достаточно полно с привлечением разнообразного круга источников и литературы на русском, монгольском и английском языках.

Реферат состоит из трех частей, в которых последовательно в историко-сравнительном плане рассматриваются три вопроса: 1) концепция верховной

¹ *Хромов Семён Спиридонович* (1920–1912), советский и российский историк, специалист по истории КПСС и советского общества. В 1979–1988 г. возглавлял Институт истории СССР АН СССР, в 1984–1988 г. — одновременно руководитель Отдела общих проблем истории народов СССР.

власти; 2) соправительство; 3) крылья и улусы. И конкретно анализируется, в какой мере заимствования в этих областях из опыта древних тюрок отразились в монгольской управленческой структуре.

Научный аппарат составлен вполне грамотно и составляет 65 сносок.

Несомненным достоинством реферата является и то, что предварительные результаты проведенного автором чрезвычайно интересного исследования черт древнетюркского государственного строя, унаследованных монголами при создании ими собственного государства, уже опубликованы в книге «Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников» (т. II, М., 1983, с. 30–33).

Вывод: представленный В. В. Трепавловым реферат источниковедческо-историографического характера на тему «Традиции древнетюркской государственности в построении Монгольской империи (XIII в.)» заслуживают высшей оценки «отлично» (по пятибалльной системе).

На основе вышеизложенного, считаю возможным и целесообразным допустить В. В. Трепавлова, направленного по линии Уральского Научного центра АН СССР, к сдаче вступительных экзаменов в целевую аспирантуру Института истории СССР АН СССР по сектору общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода.

Старший научный сотрудник Ш. Ф. Мухамедьяров /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 14–15.*

№ 4

Характеристика В. В. Трепавлова. 25 августа 1983 г.

Характеристика

на Трепавлова Вадима Винцеровича, 1960 года рождения, русского, члена ВЛКСМ с 1975 г. – выпускника исторического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Трепавлов В. В. поступил на исторический факультет Уральского государственного университета в 1978 г. За годы учебы проявил себя как студент успешно сочетающий хорошую учебу с активной общественной работой. Он специализировался на кафедре истории СССР (досоветского периода). Сферой его научных интересов явилась история кочевых народов СССР в период XII–XIV вв. Все курсовые работы защищены на «отлично». Являясь постоянным участником Тувинской археологической экспедиции, а в последний год Уральской археологической экспедиции (УНЦ), он проявил способности и в полевой работе, которая являлась неотъемлемой частью его научных интересов. Он зарекомендовал себя ответственным и инициативным студентом, умелым организатором. Это проявилось в оформлении учебного стенда по материалам экспедиции и в подготовке, и в участии вечеров в университете. Трепавловым В. В. была проведена большая работа по лекционной пропаганде среди населения. Результаты научной работы выразились в участии с докладами на Всесоюзных студенческих научных

конференциях в г. Омске и в г. Москве — две грамоты. Он принимал участие во Всесоюзном студенческом конкурсе по естественным и гуманитарным наукам в 1981 и в 1982 гг. — два диплома. Дважды принимал участие в Олимпиаде по иностранному языку. За период обучения В.В. Трепавловым было подготовлено и сдано в печать три статьи самостоятельно и в соавторстве с научным руководителем.

Трепавлов В.В. заслуженно пользуется авторитетом у студентов и преподавателей, он политически грамотен, морально устойчив.

Декан факультета, доцент В.И. Шихов² /Подпись/

Секретарь бюро ВЛКСМ Д. Бугров /Подпись/

Зав. кафедрой истории СССР досоветского периода Б.А. Сутырин³ /Подпись/

25 авг. 1983 г.

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 3.*

№ 5

Автобиография В.В. Трепавлова. 28 июня 1984 г.

Автобиография Трепавлова Видима Винцеровича.

Я, Трепавлов Вадим Винцерович, родился 10 декабря 1960 г. в семье служащего в г. Свердловске.

Отец: Трепавлов Винцер Анатольевич, 49 лет, руководитель группы по наладке, работает на производственном предприятии по наладке, совершенствованию технологии и эксплуатации электростанций и электросетей («Уралэнерго»).

Мать: Захарова Евгения Петровна, 49 лет, инженер-конструктор, работает на Уральском заводе химического машиностроения.

В 1968 г. поступил в среднюю школу № 132 г. Свердловска и в 1978 г. закончил ее. В 1975 г. вступил в ВЛКСМ.

В 1978 г. поступил в Уральский государственный университет им. А. М. Горького и в 1983 г. закончил его с отличием.

За период учебы в университете выполнял общественную работу в редколлегии исторического факультета и по руководству художественной самостоятельностью курса, подготовке праздничных и экспедиционных вечеров.

Являлся постоянным участником Саяно-Тувинской археологической экспедиции, с информацией о ее работе выступал в местной печати, среди студентов и населения Тувы и Свердловска. Выступал с докладами на IV Археолого-этнографической конференции (1980 г., Омск) и VII Всесоюзной археологической студенческой конференции (1981 г. Москва), награжден грамотами. Принимал участие во Всесоюзном конкурсе 1980/81 учебного года на

² Шихов Владимир Иванович (1933–2000), кандидат исторических наук, декан исторического факультета Уральского государственного университета (1973–1984).

³ Сутырин Борис Алексеевич (1931–2013), доктор исторических наук, профессор, с 1977 по 1984 г. заведовал кафедрой истории СССР досоветского периода.

лучшую работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам, поощрен грамотой. В соавторстве с научным руководителем подготовил и сдал в печать три статьи.

В 1983 г. по окончании университета поступил на работу в школу-интернат № 20 Свердловска учителем истории.

Трепавлов В. В. /Подпись/
28.06.84.

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 7–7 об.*

№ 6

Выписка из приказа по Институту истории СССР. 22 октября 1984 г.

Выписка из приказа по Институту истории СССР АН СССР от 54-а от 22.10.1984.

§ 13.

Трепавлова Вадима Винцеровича зачислить в аспирантуру с отрывом от производства целевого назначения (для Уральского научного центра) по специальности «История СССР» 07.00.02 (сектор общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода) с 15 ноября 1984 г. по 15 ноября 1987 г.

Установить стипендию в размере 85 руб.

Основание: распоряжение Президиума АН СССР № 10105–6525/61 от 12.07.84.

Директор Института Истории СССР АН СССР
д.и.н., профессор С. С. Хромов /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 18.*

№ 7

Выписка из протокола заседания сектора общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода. 23 ноября 1984 г.⁴

Выписка из протокола № 17 заседания сектора общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода Института истории СССР АН СССР от 23 ноября 1984 г.

Повестка дня: Обсуждение работы М. Р. Гасанова⁵ «Народы Дагестана и Грузии в XIX – первом двадцатилетии XX в. Вопросы взаимоотношений и совместной борьбы за социальное освобождение».

⁴ По-видимому, одно из первых заседаний Сектора, на котором присутствовал В. В. Трепавлов в качестве аспиранта. Приводим полностью выписку из протокола этого заседания, чтобы читатель смог окунуться в атмосферу научной жизни Института истории СССР тех лет.

⁵ *Гасанов Магомед Раджабович* (род. 1939), историк-кавказовед, доктор исторических наук, профессор Дагестанского государственного педагогического университета. В 1968 г. защи-

Присутствовали: зав. сектором, член-корр. АН ТССР д.и.н. С.Г. Агаджанов, с.н.с., д.и.н. Н.Е. Бекмаханова, В.Я. Гросул⁶, Д.И. Исмаил-Заде, с.н.с., к.и.н. Ш.Ф. Мухамедьяров, Э.П. Федосова⁷, Р.Г. Маршаев⁸, м.н.с., к.и.н. А.М. Некрасов, аспиранты С. Тимченко, В. Трепавлов, Г. Самаев.

В обсуждении приняли участие: чл.-корр. АН ТССР д.и.н. С.Г. Агаджанов, д.и.н. Н.Е. Бекмаханова, Д.И. Исмаил-Заде, к.и.н. Ш.Ф. Мухамедьяров, Р.Г. Маршаев.

Заключение сектора.

Работа М.Р. Гасанова «Народы Дагестана и Грузии в XIX – первом двадцатилетии XX в.» (390 с. маш.) посвящена одной из весьма важных, но слабо разработанных в исторической науке проблем – взаимоотношений народов Дагестана и Грузии в XIX – первом двадцатилетии XX в.

В материалах XXVI съезда КПСС, решениях последующих пленумов ЦК КПСС указывается на необходимость укреплять дружбу народов, как одно из важнейших завоеваний социализма. Единая семья народов нашей многонациональной Родины возникла не сразу и не вдруг, а имеет глубокие исторические корни и богатую поучительными фактами историю. В этой связи освещение корней дружбы народов Дагестана и Грузии, их революционное содружество и борьба против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции приобретает большую ценность в наше время.

Актуальность и важное значение выбора и разработки вопросов, поднятых в работе, не только для истории Дагестана и Грузии, но и также для пропаганды идей дружбы и братства народов СССР совершенно очевидны. Выбор хронологических рамок темы (XIX – первом двадцатилетии XX в.) обусловлен тем своеобразием, которое стало характеризовать связи и взаимоотношения народов Дагестана и Грузии в процессе присоединения к России и включения их в единый общеисторический процесс.

Научная значимость темы определяется и тем, что связи Дагестана с внешним миром – лишнее свидетельство того, что дагестанские народы развивались непрерывно, в процессе укрепления взаимоотношений с соседними народами.

Не смотря на важность проблемы, она до сих пор не была предметом специального исследования, если не считать общих работ, посвященных истории народов Кавказа. Следует отметить, что и тот фактический материал, который приведен в различных исследованиях, истолковывался тенденциозно. Особенно страдали этим работы дореволюционных ученых, в чьих трудах сложные вопросы взаимоотношений грузин и дагестанцев трактовались антинаучно, как «разбойничьи набеги лезгин на Грузию».

тил кандидатскую диссертацию по теме «Из истории дагестано-грузинских взаимоотношений (с древнейших времен до конца XIV в)». В 1987 г. – докторскую диссертацию по теме «Взаимоотношения народов Дагестана и Грузии в XIX – начале XX в.». Автор монографий «У истоков братства. Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских взаимоотношений» Махачкала, 1986; «Исторические связи Дагестана и Грузии» Махачкала, 1991; «Очерки истории Табасарана». Махачкала, 1994 и др.

⁶ Гросул Владислав Якимович (1939–2022), советский и российский историк, доктор исторических наук, профессор, г. н. с. ИРИ РАН.

⁷ Федосова Эльмира Петровна (род. 1934), советский и российский историк, д.и.н., в.н.с. ИРИ РАН.

⁸ Маршаев Рамазан Гамидович (1929–1994), кандидат исторических наук, в 1976–1991 гг. с.н.с. Института истории СССР АН СССР.

Несомненным достоинством данной работы является ее серьезная и значительная материальная база. Незаработанность темы, постановка различных вопросов требовали от ее автора охвата значительного круга разнообразных источников. В работе использованы материалы из архивов ЦГВИА СССР, ЦГИАЛ, ЦГИА Грузинской ССР, ЦГА ДАССР, Института рукописей им. акад. К.С. Кекелидзе АН ГССР, рукописных фондов ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР и Институт истории им. акад. И.А. Джавахишвили АН ГССР, сочинения дореволюционных и советских исследователей, данные периодической печати, воспоминания участников Гражданской войны и т.д. В работе использован и собранный автором в различных районах Дагестана и Грузии полевой историко-этнографический материал.

М.Р. Гасанов, опираясь на марксистко-ленинскую теорию, освещает характер взаимоотношений грузинского и дагестанского народов, при этом чувствуется его хорошая теоретическая подготовка. Другим несомненным достоинством исследования является то, что взаимоотношения этих народов изложены в развитии и по этапам. Исследование опровергает антинаучный взгляд, утвердившийся в дореволюционной дворянско-буржуазной исторической литературе, согласно которому народы Кавказа, в том числе Дагестана и Грузии, находились в вечной вражде.

Следует отметить и то, что взаимоотношения народов Дагестана и Грузии раскрыты в тесной связи с историей России. Автор подчеркивает огромную роль России, великого русского народа во взаимоотношениях народов, в связи с событиями, происходившими на Кавказе, Передней Азии и на Ближнем Востоке. Причем подчеркивается, что эти события оказывали известное влияние на развитие дагестано-грузинских взаимоотношений, а также на некоторые международные события, связанные с историей Кавказа, Ближнего Востока и Передней Азии.

Дагестано-грузинские отношения, как справедливо отмечает автор, определялись их внутренним экономическим развитием. В работе показано развитие дагестано-грузинских торгово-экономических, культурных и политических связей, рассмотрен вопрос о вхождении Грузии и Дагестана в состав России. Автором дан также обзор социально-экономического развития и политического устройства Дагестана.

В работе подчеркивается, что присоединение Грузии и Дагестана к России имело большое прогрессивное значение для судеб всех народов Кавказа, а также в развитии многогранных взаимоотношений между ними. С присоединением к России отдельные группы дагестанских горцев переселялись на территорию Восточной Грузии. Торгово-экономические связи народов Дагестана и Грузии не имели локального значения, а осуществлялись и в других торговых центрах Закавказья и Северного Кавказа.

Решительно отбрасывая антинаучную концепцию буржуазной историографии, сводящей дагестано-грузинские отношения к непрерывным набегам, автор осветил истинный характер взаимоотношений обоих народов, показавших зависимость от экономического и социального развития Дагестана и Грузии. Именно эти связи были решающими и постоянно действующими в процессе взаимоотношений дагестанских горцев и грузин и этот период автор обосновал огромным фактическим материалом.

Какаясь так называемой «лекианобы», М.Р. Гасанов справедливо указывает, что это явление было характерно для правящих классов и чуждо для народных масс. Автор верно отмечает заинтересованность обоих народов в культурном обмене и в его непрерывности.

Освещая политические связи народа Дагестана и Грузии, М.Р. Гасанов показывает их совместную борьбу на стороне России против иноземных завоевателей. В работе найдена также отражение совместная антифеодалная и освободительная борьба грузин и дагестанских горцев против местных феодалов и самодержавия.

М.Р. Гасановым подробно рассматриваются и торгово-экономические, культурные и политические связи в пореформенный период – в условиях проникновения и развития капиталистических отношений. Дагестанские горцы были включены в этот процесс, хотя развитие новых явлений происходило у них более замедленными темпами. В этот период расширяются связи Дагестана и Грузии, широкое распространение принимает отход дагестанских горцев на сезонные и постоянные работы в Картли, Кахети, Тифлис и т.д. Продолжилось и переселение горцев Дагестана в Восточную Грузию. Расширились грузино-дагестанские культурные контакты. Выпускники школ Дагестана учились в учебных заведениях Тифлиса и других городов. Грузинские деятели проявляли интерес к истории, этнографии Дагестана.

Значительное место в работе уделено освещению революционного содружества народов Дагестана и Грузии. В.И. Ленин неоднократно отмечал огромное значение обобщения исторического опыта в осуществлении социалистической революции в различных регионах страны. Поэтому важно исследовать закономерности и особенности складывания и развития революционного содружества народов в борьбе за победу социалистической революции.

В работе показана роль большевиков Кавказа, Кавказского краевого комитета РСДРП в сплочении трудящихся, в укреплении местных социал-демократических организаций. Значительное место в работе отведено борьбе за советскую власть и участию в ней С. Орджоникидзе, М. Цхалая, Ф. Махарадзе, П. Мдивани, С. Кавтарадзе, В. Нанейшивили, Г. Канделаки и других. Вместе с С.М. Кировым грузинские революционеры Н. Буачидзе и М. Орахелашвили оказали большую помощь борьбе народов Дагестана за победу диктатуры пролетариата, за освобождение от социального и национального гнета. Вместе с тем в ней показана помощь, оказанная большевиками Дагестана грузинским большевикам в их борьбе за победу советской власти в Грузии.

В исследовании подчеркивается та огромная помощь, которую оказывали народам Дагестана великий вождь угнетенных народов В.И. Ленин и руководимый им ЦК РКП(б), великий русский и другие братские народы в борьбе за упрочение советской власти как в Грузии, так и в Дагестане, и на всем Северном Кавказе.

В работе М.Р. Гасанова подчеркнута что подлинное братство, дружба и сотрудничество народов Дагестана и Грузии началось с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Дружба между ними укрепилась в борьбе против внешних и внутренних врагов, в борьбе за построение социализма и коммунизма в нашей стране.

Касаясь недостатков, имеющихся в работе, следует указать, что в ней не дан глубокий анализ литературы, относящейся к теме, имеются отдельные повторы. Она нуждается в литературном редактировании. Необходимо обратить особое внимание на уточнение названий отдельных глав и параграфов с учетом коренного изменения государственно-правового статуса народов Дагестана и Грузии после присоединения их к России и превращения их в составную часть единого государственного организма – Российского государства.

Указанные замечания, однако, не умоляют достоинств проделанной работы, которая заслуживает в целом положительной оценки. Работа М. Р. Гасанова представляет собой обстоятельное исследование, посвященное взаимоотношениям народа Дагестана и Грузии. Основанное на богатом фактическом материале, оно восполняет один из существенных пробелов в дагестанской историографии, помогает правильному решению важной проблемы. Работа выполнена на высоком научно-теоретическом уровне, отвечает задачам дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества народов СССР.

Зав. сектором общих проблем истории народов СССР

дооктябрьского периода, чл.-корр. АН ТССР, д.и.н. С. Г. Агаджанов
/Подпись/

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН.
Дело с протоколами заседаний Отдела
за 1983–1984 гг. Л. 124–129. Копия.*

№ 8

Выписка из протокола заседания сектора общих проблем истории народов СССР. 17 января 1985 г.

Выписка из протокола № 3 заседания сектора общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода от 17 января 1985 г.

СЛУШАЛИ: об утверждении темы кандидатской диссертации аспиранта Трепавлова В. В. (научный руководитель – д.и.н. С. Г. Агаджанов).

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить тему кандидатской диссертации аспиранта Трепавлова В. В. «Основные черты государственного строя тюрко-монгольских народов Восточной Евразии в XIII в. (проблемы социально-политической преемственности)».

Ученый секретарь сектора общих проблем

истории народов СССР дооктябрьского периода Э. П. Федосова /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 20.*

№ 9

**Обоснование темы кандидатской диссертации
аспиранта В.В. Трепавлова. Январь 1985 г.**

Обоснование темы кандидатской диссертации аспиранта Трепавлова В.В. «Государственный строй кочевых народов Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии и Поволжья в XIII в. (проблемы социальной преемственности)»⁹.

Проблемы преемственности определенных элементов государственного строя у различных кочевых народов еще не получили должного освещения. Для того, чтобы в полной мере отразить динамику исторического развития политических объединений народов евразийского степного пояса, необходимо и рассмотреть это развитие по ленинскому принципу историзма, с учетом сохранения традиций и появления новаций, а каждому кочевническому образованию найти место в общей линии движения форм государственности. Такое рассмотрение также позволит избежать возможности трактовки генезиса государственного строя как результата «гениальной» деятельности какого-либо вождя (Чигис-хана, Бумына и т.д.) и других антиисторичных трактовок, которые имеют место в работах буржуазных историков.

Суждения по данным вопросам встречались уже у авторов прошлого и даже позапрошлого века, но, как раньше, так и теперь, большинство исследователей ограничивалось отдельными примерами или простой констатацией наличия некоторых факторов наследия или заимствования некоторых черт государственности в различных кочевнических державах. В последние годы советские ученые (Л.Л. Викторова¹⁰, В.С. Таскин¹¹) на примере истории монголов попытались развернуто продемонстрировать передачу традиций у этнически близких народов. Все же представляется более плодотворным взять за основание сопоставления государств не этнический, а социально-экономический, базисный критерий.

Предметом исследования будет сопоставление и выявление признаков преемственности не всех кочевых народов (что невозможно из-за ограниченного объема работы), а в основном лишь наиболее крупных из них и обеспеченных данными источников. Таким образом, предметом нашего исследования в сравнительно-историческом аспекте являются формы политической организации, их обусловленность социально-экономическими факторами развития у народов Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии и Поволжья, входивших в состав Монгольской империи XIII в.

Диссертационная работа будет базироваться на опубликованных и содержащихся в архивах монгольских, древнетюркских и среднеазиатских источниках, в том числе введенных в научный оборот в последние годы, но не подвергавшихся достаточному исследованию. Во время завоевательных войн, в ходе

⁹ Название диссертации исправлено. Первоначальный вариант звучал так: — «Основные черты государственного строя тюрко-монгольских народов Восточной Евразии в XIII в. (проблемы социально-политической преемственности)».

¹⁰ Викторова Лидия Леонидовна (1921–2006), советский и российский востоковед-монголовед, кандидат исторических наук, в 1962–1998 гг. с. н. с. ЛЧ ИЭ АН СССР.

¹¹ Таскин Всеволод Сергеевич (1917–1995), советский востоковед-китаевед, кандидат исторических наук, с. н. с. Отдела Китая Института Востоковедения АН СССР.

организации управления покоренными территориями монгольские феодалы воспринимали традиции государственности подвластных им народов. Эти традиции можно рассмотреть по крайней мере в трех аспектах: а) традиции построения империи; б) традиции объединения кочевников в империю; в) искусственные генеалогические построения как идеологическое обоснование законности династии. Вероятно, каждому из этих пунктов будет отведена особая глава диссертации. Раскрытие действия традиций будет предваряться специальными разделами о специфической природе государственной преемственности и об особенностях ее движения, в частности о путях проникновения различных элементов государственности народов указанных выше регионов в среду монголов.

В. В. Трепавлов /Подпись/

Научный руководитель д. и. н. С. Г. Агаджанов /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 22–23.*

№ 10

Выписка из протокола заседания Ученого совета Института СССР. 28 февраля 1985 г.

Выписка из протокола № 2 заседания секции по истории СССР дооктябрьского периода Ученого совета Института истории СССР АН СССР от 28 февраля 1985 г.

СЛУШАЛИ: об утверждении темы кандидатской диссертации Трепавлова В. В. «Основные черты государственного строя тюрко-монгольских народов Восточной Евразии в XIII в. (проблемы социально-политической преемственности)».

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить тему кандидатской диссертации Трепавлова В. В. «Государственный строй кочевых народов Южной Сибири, Казахстана, Средней Азии и Поволжья в XIII в. (проблемы социальной преемственности)». Научный руководитель – С. Г. Агаджанов.

Ученый секретарь совета В. Л. Егоров¹² /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 21.*

---

¹² *Егоров Вадим Леонидович* (род. 1938), советский и российский историк и археолог, доктор исторических наук, в 1970–1992 гг. с. н. с. Института истории СССР.

№ 11

Отчет аспиранта В.В. Трепавлова за первый год обучения. 15 ноября 1985 г.

Отчет аспиранта Трепавлова Вадима Винцеровича за первый год обучения (15.11.84–15.11.85) в целевой аспирантуре Института истории СССР АН СССР, сектор Общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода.

За период 1 года обучения был утвержден научный руководитель (ноябрь 1984), утверждена тема диссертации (март 1985); обсужден и в целом одобрен план диссертации на заседании сектора (май 1985).

Учебная работа: сданы кандидатские экзамены по ин. яз. «отл.» (май 1985), диа- и истмату – «отл.» (июнь 1985), частично по специальности – периоды капитализма и социализма «отл.» (октябрь 1985). Начато изучение турецкого языка (с декабря 1985) в ИСАА при МГУ, продолжилось изучение монгольского языка.

Научная работа: В течение года велось изучение источников и литературы по теме, научным руководителем была одобрена библиография (июнь 1985). Подготовлены и сданы в издательство следующие работы: статья «Исторические знания и государственная традиция (на примере кочевых государств средневековья)» – в сборнике статей «Исторические знания и современность», Свердловск (0,8 п.л., план выпуска 1987 г.); статья «Южно-сибирские территории в составе государства монгольских феодалов XIII в. (политико-правовой статус населения Тувы и Алтая)» – в сборнике статей Горно-Алтайского НИИ языка, литературы и истории (0,6 п.л., план выпуска 1986 г.); тезисы «Проблемы генетической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении» для конференции «Урал и проблемы региональной историографии», Свердловск (0,25 п.л., план выпуска 1986 г.).

Общественная работа: Избран зам. комсорга группы секторов досоветского периода, был назначен ответственным за шефскую идеологическую работу с малочисленными организациями района (прочитано 9 лекций). Участвовал в избирательных компаниях по выборам в Верховный Совет РСФСР и местные Советы народных депутатов (февраль 1985), а также по выборам народных судей (март 1985) – в качестве агитатора; оборудование избирательного участка; в молодежной манифестации, посвященной 40-летию Победы (9 мая 1985). Работал на овощебазе, принимал участие во всех субботниках.

Аспирант В.В. Трепавлов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.

Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 35–36.

№ 12

**Отзыв С. Г. Агаджанова о работе аспиранта В. В. Трепавлова.
11 февраля 1986 г.**

Отзыв о работе аспиранта Трепавлова В. В.

В течение первого года обучения аспирант Трепавлов В. В. проделал большую работу. Он успешно сдал кандидатские минимумы по иностранному языку, диалектическому и историческому материализму и по специальности (эпохи капитализма и социализма). Все три экзамена сданы им на «отлично».

В. В. Трепавлов начал изучать источники и литературу по теме своей кандидатской диссертации, приступил к составлению библиографии.

За период пребывания в аспирантуре им подготовлены к печати две научные статьи и тезисы для конференции «Урал и проблемы региональной историографии». В декабре 1984 г. он выступил на семинаре в Уральском университете с научным сообщением о зарубежной историографии, касающейся изучения вопросов государственности у средневековых кочевников Азии.

Помимо научной работы аспирант вел также большую общественную работу в качестве заместителя комсорга группы секторов досоветского периода, был ответственным за идеологическую шефскую работу некоторых комсомольских организаций района, участвовал в избирательной компании по выборам в Верховный Совет РСФСР.

Аспирант В. В. Трепавлов проявил несомненные способности к научно-исследовательской работе. Он весьма трудолюбив, любознателен, проявил большой интерес к изучению иностранных языков, начал осваивать турецкий язык, необходимый в его работе над диссертацией. Считаю необходимым аттестовать тов. Трепавлова В. В. на новый срок пребывания в аспирантуре.

11.02.86 г.

Научный руководитель:

чл.- корр. АН ТССР, д. и. н. С. Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.

Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 37.

№ 13

**Протокол заседания сектора общих проблем истории народов СССР.
20 мая 1986 г.**

Протокол заседания сектора общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода от 20.05.86.

Присутствовали: С. Г. Агаджанов, В. Я. Гросул, В. А. Ржаницына¹³, Э. Э. Январк¹⁴, Р. Г. Маршаев, В. В. Трепавлов, Ш. Ф. Мухамедьяров, Д. И. Исмаил-Заде, Н. Е. Бекмаханова, Н. И. Мухина.

¹³ *Ржаницына Вера Алексеевна* (род. 1942), в 1969–1994 г. м. н. с. Отдела общих проблем народов СССР Института истории СССР АН СССР.

¹⁴ *Январк Эбба Эриковна* (род. 1930), кандидат исторических наук, с. н. с. Отдела общих проблем народов СССР Института истории СССР АН СССР.

Повестка дня: 1. Обсуждение реферата В.В. Трепавлова «Соправительство в Монгольской империи XIII в.».

Постановили: Оценить реферат В.В. Трепавлова на «отлично».

Зав. сектором общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода С.Г. Агаджанов /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 38.*

№ 14

Отчет аспиранта В.В. Трепавлова за второй год обучения. 11 ноября 1986 г.

Отчет аспиранта Трепавлова Вадима Винцеровича за второй год обучения (15.11.85–15.11.86) в целевой аспирантуре Института истории СССР АН СССР, сектор Общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода.

За период второго года обучения завершена сдача кандидатских экзаменов и написан текст диссертации.

Учебная работа. Подготовлен реферат (апрель 1986) для допуска к сдаче экзамена по профилирующей специальности. Сдан кандидатский экзамен по истории СССР (период феодализма) на «отлично» (май 1986). Завершен курс изучения турецкого языка в ИСАА при МГУ (апрель 1986).

Научная работа. Подготовлен и представлен научному руководителю текст трех глав и заключения диссертации (ноябрь 1986). Выступил с докладом «Проблемы генетической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении» на конференции «Урал и проблемы региональной историографии» (Свердловск, октябрь 1986). Тезисы доклада опубликованы в одноименном сборнике (июль 1986; 0,25 п.л.).

Общественная работа. Продолжал отвечать за шефскую работу (идеологическую) с малочисленными комсомольскими организациями района (прочитано 10 лекций). Имею 2 выхода на овощебазу, участвовал в работе на субботниках и в подшефном совхозе.

Аспирант В.В. Трепавлов /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 41.*

№ 15

Выписка из приказа по Институту истории СССР. 12 ноября 1987 г.

Выписка из приказа по институту истории СССР АН СССР № 56-а от 12 ноября 1987 г.

§ 1.

Трепавлова В. В. аспиранта с отрывом от производства целевого назначения отчислить из аспирантуры с 15 ноября 1987 г. в связи с окончанием срока аспирантуры и предоставлением диссертации¹⁵.

Директор Института истории СССР АН СССР С. С. Хромов /Подпись/

Выписка верна: зав. аспиратурой Н. С. Райский /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. Д. Тре-Убу-Ури. 1982–1988 гг. Л. 46.*

№ 16

**Выписка из протокола заседания Отдела общих проблем истории народов СССР.
20 декабря 1988 г.**

Выписка из протокола № 25 заседания Отдела общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода от 20.12.88.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С. Г. Агаджанов, Н. Е. Бекмаханова, Р. Г. Маршаев, В. Л. Егоров, Д. И. Исмаил-Заде, М. Б. Булгаков, А. М. Некрасов, А. А. Алафаев, Л. О. Бойматов, К. Ф. Шамсиев, В. В. Трепавлов, Н. М. Мухина.

СЛУШАЛИ: историографический обзор В. В. Трепавлова по проблемам истории Бурятии и советского Дальнего Востока в новейшей литературе.

ПОСТАНОВИЛИ: Дальневосточный регион в последнее время приобрел большое значение в силу своей роли в международных политических процессах и экономическом сотрудничестве. Однако ввиду отсутствия соответствующих специалистов проблемы его истории до сих пор еще не рассматривались в Отделе. Между тем многие их аспекты оказались тесно связаны с историей сопредельных регионов, страны в целом, поэтому процессы, происходившие на данной территории, необходимо отражать в коллективных разработках Отдела. В. В. Трепавлов, владея языками местного населения региона, дал квалифицированный анализ сложного комплекса проблем, решаемых в исторической науке Бурятии и советского Дальнего Востока. Докладчик привел основную историографию дискуссионных вопросов, показал степень их изученности и разработанности на сегодняшний день.

Постановили одобрить доклад В. В. Трепавлова, считать целесообразным и необходимым продолжение его работы в этом направлении. Ходатайствовать перед Дирекцией Института о рассмотрении вопроса о переводе В. В. Трепавлова на должность с постоянной ставкой.

---

¹⁵ К сожалению, в 1990-е гг. были утрачены документы (протоколы и стенограммы заседаний, отзывы оппонентов и ведущей организации и др.) специализированного совета Д. 002.33.02. по защите диссертаций (по истории СССР дооктябрьского периода) Института за 1987–1991 гг., в том числе и документы по защите кандидатской диссертации В. В. Трепавлова (январь 1988 г.). Последующие документы (с декабря 1988 г.) касаются уже начала работы В. В. Трепавлова на постоянной основе в Отделе общих проблем истории народов СССР после его переезда из Свердловска в п. Томилино Московской области.

Зав. Отделом общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода чл.- корр. АН ТССР, д.и.н. С.Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 12

№ 17

**Письмо С.Г. Агаджанова, В.В. Трепавлова, Л.Д. Бойматова
директору издательства МГУ Н.С. Тимофееву¹⁶.
1988 г.**

Предлагаем включить в план издательства комментированный перевод исторического труда персидского автора XIII в. Ала-ад-дина Ата-Малика Джувейни «Тарих-и джихангушай» («История покорителя мира»)¹⁷.

Это сочинение представляет собой изложение первой половины XIII в., связанных с образованием Монгольской империи. Подробно описана внутри- и внешнеполитическая история Средней Азии, Закавказья, Ирана. Джувейни дает много ценных сведений и о русских княжествах, о борьбе русского и поволжских народов против монгольского нашествия. Будучи главой ханского секретариата в Иране, он имел возможность наблюдать и анализировать жизнь империи, подвластных народов — как по документам, стекавшимся в его ведомство, так и в ходе своих многочисленных и длительных путешествий. Значительная часть информации, приведенная в «Тарих-и джихагушай», уникальна, т.к. могла быть известна только человеку, занимавшему столь высокий пост в администрации. В этом отношении труд Джувейни является незаменимым для дополнения и уточнения русских летописей, китайских династических анналов и т.д. Не существует практически ни одного исследования по истории мусульманского Востока XIII–XIV вв., русско-ордынских отношений, где в какой-либо мере не использовался этот источник.

Однако до сих пор на русский язык переведены лишь отдельные фрагменты книги Джувейни. Неоднократные переиздания ее осуществлялись на персидском языке. Не владеющие им историки вынуждены обращаться к английской версии Дж.А. Бойла (1958 г.), которая представляет собой перевод одного из иранских изданий и к тому же лишена комментариев (даны только подстрочные примечания).

Русский перевод будет осуществлен членом-корреспондентом АН ТССР, доктором исторических наук С.Г. Агаджановым и кандидатом исторических наук В.В. Трепавловым, справочный аппарат подготовлен В.В. Трепавловым

¹⁶ Тимофеев Николай Семенович (род. 1944), кандидат юридических наук, директор Издательства Московского университета в 1984–2007 гг., профессор кафедры государственного права и советского строительства/конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ.

¹⁷ Перевод и издание «Истории покорителя мира» Ала-ад-дина Ата-Малика Джувейни не состоялось. В 1997 г. В.В. Трепавлов издал отрывок из своей части перевода: Ала-ад-дин Ата-Малика Джувейни. История покорителя вселенной. Перевод Вадима Трепавлова // Родина. 1997. № 3–4. С. 45–47. В личном фонде историка никаких материалов, касающихся перевода этого сочинения не сохранилось.

и Л. Д. Бойматовым. В качестве основы для работы будут использованы следующие издания источника: Тарих-и джихангушай. Изд. М. Казвини. Т. 1–3. Лондон–Лейден, 1912–1937; то же. Ч. 3. Тегеран, 1936 (факсимиле); то же. Тегеран, 1958. Для сверки текстов будут привлечены рукописи из фондов АН УзССР и АН ТаджССР, а также английский перевод: История миропокорителя. Т. 1–2. Изд. Дж. А. Бойла, Кембридж (Массачусетс), 1958.

Объем русского перевода предполагается 40 печ. л., объем введения (то есть статей об авторе, источнике, сведений о публикациях и т. д.), комментарии и указателей – 20 печ. л., общий объем – 60 печ. л.

Рукопись перевода, комментарии и всех сопутствующих текстов будет готова к июлю 1993 г. Возможно разделение на два тома.

Чл.-корр. АН ТССР С. Г. Агаджанов /Подпись/

К. и. н. В. В. Трепавлов /Подпись/

Л. Д. Бойматов /Подпись/

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН.
Дело с перепиской Отдела за 1988–1989 гг.
Л. 203–204. Копия.*

№ 18

**Ходатайство зав. Отделом общих проблем истории народов СССР
С. Г. Агаджанова на старшего лаборанта В. В. Трепавлова. 12 января 1989 г.**

Директору Института истории СССР АН СССР
члену-корреспонденту АН СССР,
доктору исторических наук,
профессору А. П. Новосельцеву.

В декабре 1988 г. в Отдел общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода на полставки старшего лаборанта временно был зачислен В. В. Трепавлов. В 1987 г. он закончил очную аспирантуру нашего Института, в начале 1988 г. успешно защитил диссертацию, и ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. Профиль специализации В. В. Трепавлова, глубокие знания источников и литературы по смежным темам, владение пятью иностранными языками позволяют рассчитывать на большой вклад его в коллективные разработки Отдела, тем более что исследуемый им регион (Южная Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток) до сих пор не обеспечен специалистами в Отделе. Однако находясь на должности старшего лаборанта и получая зарплату в 57 р., он не сможет в полной мере заниматься научной работой.

Ходатайствую перед дирекцией Института о переводе В. В. Трепавлова на должность научного сотрудника.

12.01.89.

Зав. Отделом общих проблем истории народов СССР дооктябрьского периода чл.- корр. АН ТССР, д.и.н. С.Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 11

№ 19

**Ходатайство директора Института истории СССР А.П. Новосельцева
на старшего лаборанта В.В. Трепавлова. 14 февраля 1989 г.**

Академику-Секретарю Отделения истории АН СССР
академику Ковальченко И.Д.

Институт истории СССР АН СССР просит разрешения назначить в порядке исключения Трепавлова В.В. исполняющим обязанности научного сотрудника в Отдел общих проблем истории народов СССР с последующим оформлением в установленном порядке.

Трепавлов В.В., 1960 г. рождения, беспартийный, кандидат исторических наук, окончил очную аспирантуру Института истории СССР АН СССР в 1987 г., работает в должности старшего лаборанта Отдела общих проблем истории народов СССР. Имеет 5 научных опубликованных работ. В настоящее время готовит к печати монографию на тему: «Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблемы исторической преемственности)».

Трепавлов В.В. владеет пятью иностранными языками, разрабатывает проблемы историографии и истории дооктябрьского периода Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Избранный им регион не был до сих пор обеспечен специалистами в Отделе общих проблем истории народов СССР.

Трепавлов В.В., владея языками населения этих регионов (в частности, монгольским языком), написал историографический обзор с квалифицированным анализом сложного комплекса проблем, решаемых в исторической науке Бурятии и советского Дальнего Востока. Отдел общих проблем истории народов СССР вынес решение о ходатайствовании перед дирекцией Института о переводе В.В. Трепавлова на должность с постоянной ставкой.

Предлагаю оформить В.В. Трепавлова на ставку научного сотрудника Полежаевой В.И., уходящей на пенсию по состоянию здоровья.

Директор Института истории СССР АН СССР,
чл.- корр. АН СССР, д.и.н., профессор А.П. Новосельцев /Подпись/
16.И.89.

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 13.

№ 20

Автобиография В. В. Трепавлова. 22 февраля 1989 г.

АВТОБИОГРАФИЯ

Трепавлова Вадима Винцеровича

Я, Трепавлов Вадим Винцерович, родился 10 декабря 1960 г. в г. Свердловск в семье служащих. В 1978 г. закончил среднюю школу № 132 г. Свердловска. В 1978 г. поступил на исторический факультет Уральского госуниверситета им. А. М. Горького, который закончил с отличием в 1983 г. В 1983–1984 гг. работал учителем истории в школе-интернате № 20 (Свердловск). В ноябре 1984 г. поступил в очную аспирантуру Ин-та истории СССР АН СССР, которую закончил в ноябре 1987 г. Подготовил и защитил (январь 1988 г.) кандидатскую диссертацию. В 1988 г. мне присвоена ученая степень кандидата исторических наук. В декабре 1987 – апреле 1989 г. работал младшим научным сотрудником в Отделе истории Ин-та экономики Уро АН СССР, затем переведен в той же должности во вновь образованный Ин-т истории и археологии УрО АН СССР (г. Свердловск), откуда уволен по собственному желанию в октябре 1989 г. С декабря 1988 г. временно принят старшим лаборантом в Отдел общих проблем истории народов СССР Ин-та истории СССР АН СССР.

22.02.89 г.

Трепавлов В. В. /Подпись/

Мать – Захарова Евгения Петровна, 1934 г. рожд. Домохозяйка.

Отец – Трепавлов Винцер Анатольевич – совместно не проживает.

Трепавлов В. В. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В. В. Трепавлова. Л. 5.

№ 21

Выписка из протокола (решения) № 2 заседания дирекции института истории СССР АН СССР. 28 марта 1989 г.

ОТДЕЛ ОБЩИХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР

Выписка

из протокола (решения) № 2 заседания дирекции института истории СССР АН СССР. 28 марта 1989 г.

СЛУШАЛИ: Утверждение новых научно-исследовательских тем.

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить тему к. и. н. В. В. Трепавлова «Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности), 1989, II кв. – 1990, III кв. и включить в комплексную программу «Общие закономерности исторического развития народов СССР в дооктябрьский период».

Ученый секретарь Института истории СССР АН СССР А.М. Некрасов
/Подпись/

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН.
Дело по плановым темам сотрудников за 1989–1990 гг. Л. 37.*

№ 22

**Индивидуальный план научно-исследовательской работы
В.В. Трепавлова на 1989 г. 14 апреля 1989 г. (Извлечения)**

Институт истории СССР

План утверждаю
зам. директора Института
14. IV. 1989 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
к.и.н., научный сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР.
1989 г.

Авторская работа.

Работа над монографией «Государственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблема исторической преемственности)». Общий объем — 12 авт. л. По плану Института, заседание Дирекции № 2, 28.03.89 г.

Начало — 1989 г., II кв. Окончание — 1990 г., III кв.

Участие в коллективной монографии «Исторические последствия образования многонационального Российского государства». Общий объем — 2,5 авт. л. Начало — 1989 г. Окончание — 1994 г.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-февраль.

Работал временно, в должности старшего лаборанта.

Март-декабрь.

Сбор материалов, написание и сдача в издательство статьи «Соправительство в Монгольской империи XIII в.» (2 авт. л.).

Сбор материалов, написание и сдача в издательство статьи «Тору у древних тюрок и монголов» (0, 75 авт. л.).

Сбор материалов, написание и сдача в издательство статьи «Алтайский героический эпос как источник истории ранней государственности».

Сбор материалов для статьи «Рунический эль и эпический улус (к вопросу о ранней государственности в Сибири)».

Написание гл. 2, 3, 4 плановой монографии. Завершение и обсуждение плановой монографии. Доработка плановой монографии по замечаниям.

Выполнение заданий дирекции, руководителя сектора.

1. Библиографический обзор по истории Буятии и Дальнего Востока на материалах литературы 1987–1988 гг.

2. Участие в подготовке справки «Развитие структуры центрального и местного управления Сибирью и Дальним Востоком в 17 — нач. 20 вв.».

3. Внешний отзыв на канд. дис. М. В. Монгучи «Ламаизм в Туве».

4. Участие в подготовке справки «Проблемы истории дооктябрьского периода в периодической печати».

5. Переписка с Г. Н. Габдуллиным.

Творческие связи с научными и учебными учреждениями СССР.

1. Доклад на конф. «Цыбиковские чтения — 5» (Улад-Удэ).

2. Доклад на международном круглом столе «История и культура монгольских народов» (Улан-Удэ).

3. Участие в работе оргкомитета круглого стола «Российское многонациональное государство: Формирование и пути исторического развития».

Общественно-политическая работа.

Член первичной организации об-ва «Знание» (ответственный за организацию циклов лекций в союзных республиках), зам. профгруппсектора.

Заключение сектора.

План научных исследований за 1989 г. выполнен. Досрочно завершена индивидуальная плановая монография. Продолжилась работа над колл. монографией. Участвовал как член оргкомитета в проведении Всесоюзной научной конференции (ноябрь 1989).

28 декабря 1989 г.

Зав сектором /Подпись/. Ученый секретарь /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 2–5 об.

№ 23

Представление Отдела общих проблем истории народов СССР на премирование по итогам 1989 г. (Извлечения)

Трепавлов В. В. (н. с., к. и. н.)

Досрочно завершил плановую монографию «Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности)», 13 а. л. (II кв. 1989 г. — III кв. 1990 г.). Монография рекомендована Отделом на Ученый совет для утверждения к печати (до конца 1989 г.).

Участвовал в 3 конференциях (сделал 2 доклада). Являлся членом оргкомитета Всесоюзного круглого стола «Многонациональное российское государство».

Сданы в редакцию 3 статьи (4,75 а. л.).

Отрецензировано различных материалов на 46,5 а. л.

Подготовлено 2 справки.

Представляется на премирование на 100% (180 руб.).

Зав. Отделом общих проблем истории народов СССР (С. Г. Агаджанов)

Секретарь парторганизации Отдела (Н. Е. Бекмаханова)

Профгруппорг Отдела (Н. И. Мухина)

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН. Дело по
плановым темам сотрудников за 1989–1990 гг. Л. 44.*

№ 24

**Индивидуальный план научно — исследовательской работы
В. В. Трепавлова на 1990 г. 26 февраля 1990. (Извлечения)**

Институт истории СССР

План утверждаю
зам. директора Института
26. II. 1990 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
к. и. н., научный сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР.
1990 г.

Авторская работа.

Работа над монографией «Закономерности развития и формирования государственности у кочевых народов Центральной и Средней Азии III в. до н. э. — XV в. (по письменным и фольклорным источникам)». Общий объем — 12 авт. л. По плану Института, заседание Дирекции № 2, 28.03.89 г. Общий объем — 25 а. л.

Начало — 1989 г., II кв. Окончание — 1990 г., III кв.

Участие в коллективной монографии «Исторические последствия присоединения народов к России». Автор главы «Центральное и местное управление в Сибири и Дальнем Востоке». Общий объем — 2,5 а. л.

Начало — 1989 г., IV кв. Окончание — 1994 г., IV кв.

Участие в коллективной монографии «Политические портреты». Автор главы о Сибири.

Начало — 1990 г., I кв. Окончание — 1993 г., II кв.

Фактическое выполнение научно — исследовательского плана.

Январь — декабрь.

1. Написание сообщения о круглом столе в Звенигороде для журнала «История СССР».

2. Подготовка рукописи плановой монографии для сдачи в издательство.

3. Подготовка доклада для выступления на совещании в Ленинграде.

4. Участие в работе совещания в Ленинграде, ЛО ИВ АН СССР.

5. Сбор материалов и написание статьи «Ханская власть в тувинском и хакасском фольклоре: (Опыт социологической реконструкции)».

6. Сбор материалов и написание статьи «Структура концепции верховной власти в кочевых империях».

7. Написание статьи «Образ Неба и каганская власть у кочевников Центральной Азии».

8. Сбор материалов и написание статьи «Канун государственности в олонхо: (Взгляд историка на якутский героический эпос)».

9. Написание статьи «Система крыльев в Монгольской империи».

Выполнение заданий дирекции, руководителя сектора.

1. Информационное сообщение о круглом столе в Звенигороде для журнала «История СССР».

2. Внешний отзыв на кандидатскую диссертацию Н. Н. Крадина «Социально — экономические отношения у кочевников (современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока)».

Творческие связи с научными и учебными учреждениями СССР.

Доклад на совещании по проблемам изучения истории средневекового Востока, ЛО ИВ АН СССР, Ленинград.

Международные научные связи.

1. Доклад на 33-м конгрессе Международной постоянной конференции алтаистов, Будапешт.

2. Рецензирование книг Т. Олсена «Монгольский империализм», 1987; И. Зимоньи «Происхождение волжских булгар», 1990¹⁸.

Публикация работ.

1. Тезисы для двух концернций. 0, 3 п. л.

2. Внепланово: статья «Исследование на «дороге Чингисхана» // Культура тувинов: традиции и современность. Кызыл. 1,2 а. л.; Рецензия на книгу Т. Олсена «Монгольский империализм: Политика великого хана Мункэ». Лос — Анжелес, 1987. 0,4 а. л.

Заключение сектора.

План научно — исследовательской работы выполнен. Опубликовал 3 статьи объемом 1,8 п. л. Сдал в печать статьи объемом 8,9 а. л. Работал над индивидуальной монографией. Выполнял задания дирекции.

25 декабря 1990 г.

Зав сектором /Подпись/. Ученый секретарь /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 6–9 об.

№ 25

Представление Отдела общих проблем истории народов СССР на премирование по итогам 1990 г. (Извлечения)

Трепавлов В. В.

Выступление с докладом на международной научной конференции алтаистов в Будапеште. Июнь 1990 г.

Опубликовано 4 статьи объемом 1,8 п. л.

Отрецензировано 3 материала объемом 48 а. л.

Выступление на конференциях с докладом.

Представляется на премирование в размере 100 руб.

---

¹⁸ Имеются ввиду книги: *Allsen Thomas T. Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259.* University of California Press, 1987. 296 p.; *Zimonyi I. The origins of the Volga Bulgars.* Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1990. 211 p.

Зав. Отделом общих проблем истории народов СССР (С. Г. Агаджанов)
Секретарь парторганизации Отдела (М. Х. Каримов)
Профгруппорг Отдела (Н. И. Мухина)

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН. Дело по
плановым темам сотрудников за 1989–1990 гг. Л. 87.*

№ 26

**Индивидуальный план научно — исследовательской работы
В. В. Трепавлова на 1991 г. 9 апреля 1991. (Извлечения)**

Институт истории СССР

План утверждаю
зам. директора Института
9. IV. 1991 г.
/Подпись/

Индивидуальный план

Трепавлов Вадим Винцерович,

к. и. н., научный сотрудник Отдела общих проблем истории народов СССР.
1991 г.

Авторская работа.

Работа над монографией «Государственность кочевников древности и средневековья: Проблемы формирования и развития». Общий объем — 20 а. л.

Начало — 1991 г., I кв. Окончание — 1995 г., I кв.

Участие в коллективной монографии «Российское многонациональное государство: Проблемы формирования и развития. Книга 1. Система управления». По плану Института № 2, 28.03.89 г. Общий объем — 2 а. л.

Начало — 1989 г., IV кв. Окончание — 1994 г., IV кв.

Фактическое выполнение научно — исследовательского плана.

Январь — декабрь.

1. Подготовка доклада и написание тезисов «Институт нурадинства в Ногайской Орде» для конференции «Основные аспекты историко — географического развития Ногайской Орды» (Терекли-Мектеб).

2. Подготовка доклада и написание тезисов «Институт кековадства в Ногайской Орде» для конференции «Проблемные вопросы истории Западного Казахстана» (Гурьев).

3. Написание статьи «Система крыльев в Монгольской империи».

4. Написание статьи «Канун государственности в олонхо: (Взгляд историков на якутский героический эпос)».

5. Сбор материалов по плановой теме, работа в библиотеках.

6. Работа с издательским редактором над рукописью плановой монографии.

7. Написание статьи «Дуальная структура в улусе Джангара».

8. Написание статьи «Дружина в бурятских улигерах (эпическая версия формирования военной знати)».

9. Подготовка доклада и написание тезисов «Татары: миграция этнонима» для II Дальневосточной конференции молодых историков (Владивосток).

Выполнение заданий дирекции, руководителя сектора.

1. Ответ на письмо Е. В. Поплавского о чингисиде Бури (по заданию дирекции).
Творческие связи с научными и учебными учреждениями СССР.

1. Доклад на конференции «Проблемные вопросы истории Западного Казахстана» (Гурьев).

2. Доклад на конференции «Основные аспекты историко — географического развития Ногайской Орды» (Терекли-Мектеб).

Публикация работ.

Плановых 2 статьи и тезисы 2-х докладов общим объемом 2,95 а. л.

Общественно — научная деятельность.

Член Всесоюзных ассоциаций монголоведов и востоковедов.

Заключение сектора.

План выполнен. Опубликовано 4 статьи (3 а. л.), подготовлены 14 статей (6 а. л.). Принял участие в 2 научных конференциях, выполнял поручения дирекции. 29 декабря 1991 г.

Зав сектором /Подпись/. Ученый секретарь /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 11–14 об.

№ 27

Заявки Отдела общих проблем истории народов СССР на командировки и конференции. 1991 г.

(Извлечение)

Отдел общих проблем истории народов СССР.

Заявки на командировки и конференции. 1991 г.

6. Трепавлов В. В.

Улан-Удэ — конференция, 8 дней (май).

Махачкала — конференция, 5 дней (сентябрь).

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН.*

Дело по плановым темам сотрудников за 1991–1992 гг. Л. 15.

№ 28

**Выписка из протокола № 3 заседания дирекции Института истории СССР
АН СССР. 24 сентября 1991 г.**

Отдел истории национальных проблем.

В. В. Трепавлову.

Выписка из протокола (решения) № 3 заседания дирекции Института истории СССР АН СССР.

24 сентября 1991 г.

СЛУШАЛИ: утверждение научно-исследовательских тем.

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить тему к. и. н. В. В. Трепавлова «Государственность кочевников древности и средневековья: проблемы формирования и развития». Сроки I кв. 1991 — I кв. 1995 гг.

Ученый секретарь Института истории СССР АН СССР А. М. Некрасов
/Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 15–16.

№ 29

**Отчет н.с. Отдела общих проблем истории народов СССР
В. В. Трепавлова о научной работе за 1989–1991 гг. 1991 г.**

Отчет научного сотрудника к.и.н. Трепавлова В.В. о научной работе за 1989–1991 гг.

Публикации.

Статьи.

1. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Сб. ст. «Фольклорное наследие Горного Алтая». Горно-Алтайск, 1989, с. 125–171; 2 авт. л.

2. Исследования на «дороге Чингисхана» (в соавторстве) // Сб. ст. «Культура тувинцев. Традиции и современность». Кызыл, 1989, с. 20–29; 1 авт. л.

3. Структура концепции верховной власти в кочевых империях // Бюллетень Всесоюзной ассоциации монголоведов. М., 1990, с. 7–10; 0,2 авт. л.

4. Система крыльев в Монгольской империи XIII в. // Цыбиковские чтения. Улан-Уде, 1989, с. 126–128; 0,15 авт. л.

5. Политическая традиция в Центральной Азии (нач. н. э – XIII в.). Пути развития и способы трансляции // История и культура монголоязычных народов. Источники и традиции. Улан-Удэ, 1989, с. 62–64; 0,1 авт. л.

6. Героический эпос тюрских и монгольских народов как источник по истории государственности кочевников (к постановке проблемы) // «Джангар» и проблемы эпического творчества. Элиста, 1990, с. 124–125; 0,1 авт. л.

7. Институт нурединства в Ногайской Орде // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. М.-Терекли-Мектеб, 1991, с. 15–17; 0,1 авт. л.

8. Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Гурьев, 1991, с. 62–64; 0,1 авт. л.

9. Олсен Т.Т. Монгольский империализм. Политика великого хана Монгке в Китае, России и мусульманских странах, 1251–1259. Беркли, Лос-Анжелес, Лондон, 1987, 305 с. (на англ. яз.). Рецензия // Народы Азии и Африки, 1990, № 1, с. 183–187; 0,4 авт. л.

Всего: 4, 15 авт. л.

Находятся в печати.

1. Монография «Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблемы исторической преемственности», Главная редакция Восточной литературы (ГРВЛ), из-во «Наука», план выпуска 1992 г., Москва; 14 авт. л. Статьи.

2. Традиции в кочевых империях (очерк историографии) // Сб. ст. «Монголика. К 750-летию «Сокровенного сказания», ГРВЛ из-ва «Наука», Москва; 1,5 авт. л.

3. Ханская власть в тувинском и хакасском фольклоре (Опыт социологической реконструкции) // Сб. ст., Институт Востоковедения РАН, Москва; 1,8 авт. л.

4. Структура кочевого улуса (По материалам эпических сказаний Южной Сибири) // Сб. ст., Институт Востоковедения РАН, Москва; 1,1 авт. л.

5. Система крыльев в Монгольской империи XIII в. // Сб. ст., Бурятский институт общественных наук, Улан-Удэ; 0,7 авт. л.

6. Дружина в бурятских улигерах (Эпическая версия формирования военной знати) // Сб. ст., Бурятский институт общественных наук, Улан-Удэ; 1 авт. л.

7. Дуальная структура в улусе Джангара // Сб. ст., Калмыцкий НИИ истории, филологии и философии, Элиста; 1,2 авт. л.

8. Тору у древних тюрок и монголов // Бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии, Москва; 0,75 авт. л.

9. «Дорога Чингисхана» – памятник средневековой фортификации (в соавторстве) // Бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии, Москва; 0,5 авт. л.

10. Образ Неба и каганская власть в кочевых империях // Сб. ст., Постоянная международная алтаистическая конференция, Венгрия; 0,3 авт. л.

11. Соправительство в Монгольской империи XIII в. // «Архивум Еуразие медии эви» (ежегодник), США; 2 авт. л.

12. Социальный статус якутского героического героя (на англ. яз.) // «Эйшн фоуклор стадиэ» (журнал), Япония; 0,9 авт. л.

13. Татары. Путешествие имени // «Троя» (журнал), Москва; 0,2 авт. л.

14. Сколько ханов в «Маадай Кара»? (на алтайск. яз.) // «Эл-Алтай» (альманах), Горно-Алтайск; 0,4 авт. л.

15–66. Статьи для «Краткой исторической энциклопедии», Москва; 1,5 авт. л. (авары, аргыны, Агинский дацан, Анинский дацан, Алмалык, Батый, Бурятия, бурятские летописи, Берке, Баласагун, Великая Болгария, гунны, Гусиноозерский дацан, Джанибек, дулаты, динлины, Джучи, дацаны, Едигей, кара-китай, картлуки, керей, кунграты, курыканы, «Кутаду

билиг», мангыты, меркиты, Мамай, Менгу-Тимур, найманы, Ногай, печенеги, савиры, Сибирский поход 1499 г., Сартак, Тохта, Тюменевский хурул, тюргешы, татары древние, Узбек, улус, хунну, хурулы, хурэ, Цонгольский дацан, Чагатай, Чингисхан, Шибан, эль, Эрзинский хурэ, юэчжи).

Тезисы и рецензии.

67. Сведения олонхо о дуализме управления // Науч. конф. «Северная Евразия в эпоху бронзы и раннего железа», Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург; 0,1 авт. л.

68. Татары: миграция этнонима // Межрегиональная конференция молодых историков, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток; 0,1 авт. л.

69. Мангут – мангыт – ногай: трансформация этноса и его имени // Международный тюркологический конгресс, Казанский филиал РАН, Казань; 0,1 авт. л.

70. Зимоны И. Происхождение волжских болгар Сегед, 1990, 211 с. (на англ. яз.). Рецензия // Бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии, Москва; 0,3 авт. л.

Всего 28,5 авт. л.

Доклады на научных конференциях.

1. Цыбиковские чтения – 5, Улан-Удэ (1989 г.).

2. Международный круглый стол монголоведов «История и культура монголоязычных народов. Источники и традиции», Улан-Удэ (1989 г.).

3. Международная конференция ««Джангар» и проблемы эпического творчества», Элиста (1990 г.).

4. Очередной конгресс Постоянной международной алтаистической конференции, Будапешт (1990 г.).

5. Совещания по проблемам изучения средневекового Востока, Ленинград (1990 г.).

6. «Историко-героические аспекты развития Ногайской Орды», Терекли-Мектеб (1991 г.).

Трепавлов В. В. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 18–21.

№ 30

Планы научно-исследовательской работы Института российской истории РАН. 1992 г. (Извлечение)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ НА 1992 ГОД И ПЕРСПЕКТИВУ

IV. ЭТНИЧЕСКИЙ МИР РОССИИ.

Трепавлов В.В., к.и.н. — Государственность кочевников: Особенности формирования и развития. Срок исполнения — 1992–1996 гг. Объем — 20 п.л.

Текущий архив Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. Дело по плановым темам сотрудников за 1991–1992 гг. Л. 92.

№ 31

**Индивидуальный план научно-исследовательской работы
В. В. Трепавлова на 1992 г. (Извлечения)**

Институт истории СССР

План утверждаю
зам. директора Института
« » 19... г.

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
к. и. н., научный сотрудник Отдела истории национальных проблем.
1992 г.

Авторская работа.

Работа над монографией «Государственность кочевников. Проблемы формирования и развития». Общий объем — 20 а. л. По плану института, протокол № 3 от 24.09.91.

Начало — 1991 г., II кв. Окончание — 1995 г., I кв.

Участие в коллективной монографии «Исторические последствия присоединения народов к России. Политико-административное устройство национальных окраин». Глава «Сибирь, Дальний Восток и заморские территории». Общий объем — 25 а. л. По плану Института № 2, 28.03.89 г

Начало — 1989 г., IV кв. Окончание — 1994 г., IV кв.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь—декабрь.

1. Участие во II Дальневосточной конференции молодых историков (Владивосток).

2. Написание статьи «Нурадины Ногайской Орды».

3. Участие в научной конференции «Валихановские чтения» (Алма-Ата).

4. Подготовка доклада «Дуализм управления в олонхо» для научной конференции «Северная Евразия в эпоху бронзы и железа» (Санкт-Петербург).

5. Написание научно-популярной статьи «Татары. Путешествие имени».

6. Сборник материала по плановым темам.

7. Написание статьи «Social status of the Yacut epic hero».

8. Написание статьи «Мангут-мангыт-ногай: трансформация этноса и его имени».

9. Работа над корректурой вёрсти плановой монографии, составление указателей к книге.

10. Написание статьи «Nomads on transcontinental trade routes».

11. Написание рецензии на англ. языке на книгу Porsyth J. History of the peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge, 1992.

12. Подготовка доклада «Восточные элементы российской государственности» для научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия».

13. Подготовка доклада «Статус «Белого царя»» для научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия».

14. Написание статьи «Россия и кочевые степи. Проблема восточных заимствований в российской государственности».

15. Подготовка доклада «Роль товарообмена в евразийских межцивилизационных контактах» для научной конференции «Освоение Востока Азии».

Выполнение заданий дирекции, руководителя сектора.

1. Справка «Протекторат России над Тувой». 0,2 а. л.

Международные научные связи.

1. По договоренности с редакциями, написаны и отосланы статьи в научные журналы «Asian Folklore Studies» (Япония), «Nomadic Peoples» (Швеция).

2. По просьбе редакции, написана рецензия на книгу Porsyth J. History of the peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony 1581–1990. Cambridge, 1992.

Публикация работ.

1. Статья «Соправительство в Монгольской империи XIII в.» // Archiolum Eurasia medii aecg». Vol. 7. Wiesbaden, 1991; Статья «Тору у древних тюрок и монголов // Информационный бюллетень Международной Ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М., 1991. 3 Тезисы 3-х докладов. Всего: 3,15 а. л.

Организационно-научная деятельность.

Ученый секретарь Центра.

Зав сектором _____ Ученый секретарь /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 22–25 об.

№ 32

Характеристика на В. В. Трепавлова. 20 октября 1992 г.

ХАРАКТЕРИСТИКА

научного сотрудника Отдела истории национальных проблем, кандидата исторических наук Трепавлова Вадима Винцеровича, 1960 г. рожд., в 1983 г. закончил исторический факультет Уральского государственного университета (г. Свердловск).

В. В. Трепавлов в 1987 г. закончил очную аспирантуру Института истории СССР; зачислен в штат Института в марте 1989 г.; в июне 1990 г. аттестован на должность научного сотрудника.

Автор 16 опубликованных работ (9 авт. л.). В 1990–1992 гг. опубликовал 4 научные статьи, 4 тезисов докладов, 1 рецензию (всего 6 авт. л.). В печати находятся: монография «Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности» (14 авт. л., план выпуска 1993 г.); 12 научных статей в российских, зарубежных и совместных изданиях (12,5 авт.

л.); 3 научно-популярные статьи (1,2 авт. л.), а также тезисы докладов и рецензии. Более 50 статей написано для «Энциклопедии отечественной истории». Всего принято к печати 30 авт. л. В составе авторского коллектива осуществляет перевод и комментирование сочинения персидского историка XIII в. Джувейни «История покорителя мира» (около 60 авт. л.).

В 1990–1992 гг. выступал с докладами на 8 научных конференциях.

Научные интересы В.В. Трепавлова охватывают историю народов востока России. Отсутствие в прошлом у них письменности побудило В.В. Трепавлова разработать концепцию использования фольклорно-эпических текстов в качестве исторического источника. Первые результаты исследований встречены с интересом историками и общественностью бывших автономий России. Статьи В.В. Трепавлова опубликованы в республиканских центрах Кызыле, Горно-Алтайске, заказаны или уже приняты редакциями в Элисте, Горно-Алтайске, Махачкале, Улан-Уде. В аппарате Президента Республики Саха-Якутия рассматривается возможность публикации в виде отдельного издания работы «Канун государственности олонхо. Взгляд историка на якутский героический эпос» (2,5 авт. л.).

Знакомство В.В. Трепавлова с источниками и историографией по широкому кругу проблем истории народов России, а также владение западными и восточными языками, позволяют ему ставить крупные исследовательские задачи, в частности, изучение влияния Востока на российскую государственность. Этапом решения данной проблемы является текущая индивидуальная тема (по плану Института) «Государственность кочевников: основные вопросы формирования и развития». Будущее большое исследование В.В. Трепавлова «История Ногайской Орды» включено в Программу научных исследований Гос. комитета Российской Федерации по национальным отношениям, с перспективой финансирования со стороны Госкомнаца и общественных организаций Дагестана. Тщательное изучение социально-политической организации кочевых соседей России позволит перейти к определению их вклада в постепенное образование государственного строя многонациональной державы.

Кроме того, В.В. Трепавлов квалифицированно освещает вопросы позднейшей истории восточных регионов России. Для коллективной монографии «Народы Российской империи. Система управления» (подготавливаемой Отделом истории национальных проблем) им в 1992 г. написана глава «Сибирь», 4 авт. л. При составлении аналитических документов, справок он также предоставляет материалы по Сибири и Дальнему Востоку. Рецензирует диссертации, рукописи монографий, ныне ведет составление и редактирование сборника статей по истории ногайского народа.

В.В. Трепавлов поддерживает постоянные контакты с зарубежными коллегами. В 1991 г. в ежегоднике «Архивум Еуразие медии эви» (США) вышла его статья (2 авт. л.); 4 статьи и 1 рецензия приняты к печати в научных изданиях Венгрии, Швеции, Японии. В 1990–1992 гг. участвовал и выступал с докладами на 3 международных конгрессах (Элиста, Будапешт, Казань).

В течение 1991–1992 гг. В.В. Трепавлов был профгруппоргом, в настоящее время является ученым секретарем Отдела. Состоит членом Всероссийских

Ассоциаций востоковедов и монголоведов, Постоянной международной алтаистической конференции.

Руководство Отдела считает, что В.В. Трепавлов соответствует занимаемой должности научного сотрудника.

Характеристика дана для представления в Аттестационную комиссию Института российской истории РАН. Утверждена на заседании Отдела истории национальных проблем Института российской истории РАН 20 октября 1992 г., протокол № 5.

Зав. Отделом истории национальных проблем, д.и.н. С.Г. Агаджанов
/Подпись/

Профгруппорг В.В. Трепавлов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 21–22

№ 33

**Ходатайство зав. Центром истории народов России и межэтнических отношений
С.Г. Агаджанова на В.В. Трепавлова.**

1 июня 1993 г.

Директору Института российской истории РАН
чл.- корр. РАН Сахарову А.Н.

Центр истории народов России и межэтнических отношений просит рассмотреть вопрос о переводе научного сотрудника, к.и.н. В.В. Трепавлова на должность старшего научного сотрудника по 14-му разряду в связи с возросшими объемом и качеством выполняемой научно-исследовательской работы.

В.В. Трепавлов – высококвалифицированный специалист в области средневековой истории народов России, автор более 20 опубликованных работ, в том числе одной монографии. Он работает в Институте с 1988 г., в настоящее время является ученым секретарем Центра.

В январе 1993 г. Аттестационная комиссия Института рекомендовала В.В. Трепавлова на должность научного сотрудника по 13-му разряду, при этом единогласно оговорив: «После выхода монографии рассмотреть вопрос о переводе на более высокую должность» (см. Аттестационный лист В.В. Трепавлова от 11.01.1993). В феврале-марте 1993 г. вышли в свет книга В.В. Трепавлова «Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности)». М.: Наука; «Восточная литература», 1993 (14,5 авт. л.), а также статья в венгерском сборнике статей, тезисы двух докладов и научно-популярная статья. В течение этого срока им написаны и различными редакциями приняты к публикации 3 научные статьи и тезисы двух докладов; на заседании Центра истории народов России обсуждена и в целом одобрена написанная им глава «Сибирь» (4 авт. л.) для плановой коллективной монографии «Российское многонациональное государство: Пути исторического синтеза и развитие системы управления».

Коллектив Центра высказался за ходатайство о переводе В. В. Трепавлова на должность старшего научного сотрудника с присвоением ему 14-го квалифицированного разряда (протокол № 9 от 01.06.1993).

Зав. Центром, д. и. н. С. Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В. В. Трепавлова. Л. 24

№ 34

**Индивидуальный план научно-исследовательской
работы В. В. Трепавлова на 1993 г. 24 июня 1993 г. (Извлечения)**

Институт истории СССР

План утверждаю
зам. директора Института
24. 06. 1993 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцевич,
к. и. н., научный сотрудник Центра истории народов России
и межнациональных отношений.
1993 г.

Авторская работа.

1. «Исторические последствия присоединения народов к России. Политико-административное устройство национальных окраин». Коллективная монография. Глава «Сибирь». Общий объем – 25 авт. л. Начало – IV кв. 1989 г. Окончание – IV кв. 1994 г. По плану института, протокол № 2 от 28.03.89.

2. «Государственность кочевников. Проблемы формирования и развития». Индивид. монография. Общий объем – 20 авт. л. Начало – II кв. 1991 г. Окончание – I кв. 1995 г. То же, № 2 от 24.09.91.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-октябрь.

Написание статьи «Восточные элементы российской государственности (к постановке проблемы)», для сб. ст. ИВ РАН.

Написание статьи «Статус великого князя: от ордынского улусника к «Белому» царю», для того же сб. ст.

Написание статьи «Россия и кочевые степи: проблемы восточных заимствований в российской государственности», для журн. «Восток».

Написание статьи «A Chief and a Priest: Temporal and social substances in Nomadic sociality», для сб. ст. Ин-та истории народов Дальнего Востока, Владивосток.

Подготовка доклада и написание тезисов «Роль товарооборота в европейских межцивилизационных контактах», для научн. конф., Владивосток.

Выступление с докладом «Тюркская знать в Средневековой России» на науч. конф. «Знать и этнос», ИВИ РАН.

Написание статьи «Тюркская знать в Средневековой России» для сб. ст., ИВИ РАН.

Подготовка доклада и написание тезисов «Ногайская государственность: особенности генезиса, функционирования и кризиса», для научн. конф., Тбилиси.

Подготовка доклада и написание тезисов «Государственная традиция России (вопросы типологии, периодизации, источников происхождения)», для научн. конф., Ижевск.

Участие в междунар. теоретич. конф. «Историческое познание: традиции и новации», Ижевск, Удмурд. ун-т.

Написание статьи «Jurkei Nobility in Medieval Russia», для сб. ст., Абердинский ун-т, Великобритания.

Ноябрь-декабрь.

Научная командировка в Великобританию.

Выполнение заданий дирекции, руководства сектора.

1. Рецензирование рукописи монографии «Русско-алтайские отношения в 17–19 вв.».

2. Рецензирование канд. дис. Ю. Сочнева «Золотая Орда и Русская церковь».

3. Рецензирование реферата асп. З. Ибрагимовой «Отношения России с народами Чечено-Ингушетии в 16–19 вв.».

4. Редактирование сб. ст. по истории ногайцев.

5. Ответ на письмо В.П. Калинайнена о дате русско-ногайских переговоров.

6. Рецензирование реферата асп. А. Ялбуганова «Ногайцы Сев. Кавказа 13–19 вв.».

Международные научные связи.

1. Публикации статьи в сб. ст., Венгрия.

2. Консультирование американского историка М. Ходарковского по вопросам истории Средневековой России, ее отношений с кочевниками.

3. Научная командировка в Великобританию, Абердинский университет, для сбора материалов по плановым темам.

Общественно-научная деятельность.

1. Ученый секретарь Центра.

2. Член Аттестационной комиссии Института.

Заключение сектора.

План выполнен. Завершена, обсуждена и одобрена глава для плановой коллективной монографии; изданы статьи, тезисы докладов; вне плана опубликована брошюра (общий объем 4 авт. л.).

Зав. Сект. /Подпись/ Уч. секр. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 29–32 об.

№ 35

**Индивидуальный план научно-исследовательской работы В. В. Трепавлова
на 1994 г. 24 февраля 1994 г. (Извлечения)**

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института
24. 02. 1994 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцевич,
к.и.н., старший научный сотрудник Центра истории народов России
и межэтнических отношений.
1994 г.

Авторская работа.

1. «Исторические последствия присоединения народов к России. Политико-административное устройство национальных окраин». Коллективная монография. Глава «Сибирь». Общий объем – 25 авт. л. Начало – IV кв. 1989 г. Окончание – IV кв. 1994 г. По плану института, протокол № 2 от 28.03.89.

2. «Государственность кочевников. Проблемы формирования и развития». Индивид. монография. Общий объем – 20 авт. л. Начало – II кв. 1991 г. Окончание – I кв. 1995 г. То же, № 2 от 24.09.91.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Завершение сбора материалов для плановой монографии «Батыр на троне». Написание гл. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 плановой монографии «Батыр на троне». Доработка плановой монографии после обсуждения в Центре.

Сбор материала для будущей плановой монографии по истории Ногайской Орды.

Подготовка научной конференции «Контактные зоны в истории Восточной Европы» (член оргкомитета).

Участие в научной конференции «Контактные зоны в истории Восточной Европы», выступление с докладом.

Написание тезисов доклада «Астраханский юрт в системе тюрко-монгольских государств в XVI–XVII вв.» для научн. конф., Астрахань.

Выполнение заданий дирекции, руководства сектора.

1. Отзыв на реферат аспиранта А. Ялбулганова «Ногайцы Северного Кавказа в 18–19 вв. (территория, расселение, историческая демография)».

2. Отзыв на реферат аспиранта С. Пчегатлук «Социально-экономическое развитие Черкесии в 1800–1829 гг.».

Международные научные связи.

1. Научная командировка в Великобританию: доклад в Центре советских и восточноевропейских исследований Абердинского университета; работа в библиотеках и архивах Лондона, Кембриджа, Абердина, Эдинбурга (декабрь 1993).

2. Премия Европейской Академии для молодых ученых (апрель 1994).

3. Публикация статьи в справочнике «Juia del Mundo 1993/1994» (Уругвай).

4. Публикация рецензии на книгу J. Foreyth «A history of the people of Siberia (Cambridge, 1992)» // Nomadic peoples, 1992, № 31.

Общественно-научная деятельность.

1. Ученый секретарь Центра.

Заключение сектора.

Опубликовано 4 плановых и 14 внеплановых работ (общим объемом 7,65 авт. л.); досрочно завершена плановая монография (16 авт. л.); участвовал в 2 научных конференциях. План выполнен.

29 декабря 1994 г.

Рук. Центра /Подпись/ Уч. Секр. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 33–36 об.

№ 36

Выписка из протокола Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. 11 ноября 1994 г.

Выписка из протокола № 12 заседания Центра истории народов России и межэтнических отношений от 01.11. 1994 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С.Г. Агаджанов, Э.П. Федосова, М.Б. Булгаков, Л.С. Гатагова, В.В. Трепавлов, Ш.Ф. Мухмедьяров, Н.Е. Бекмаханова, Б.Н. Казанцев, В.И. Котов, М.М. Вачагаев, А.Д. Панеш.

СЛУШАЛИ: обсуждение плановой монографии В.В. Трепавлова «Батыр на троне: Ранняя государственность в тюрко-монгольском героическом эпосе народов России».

ВЫСТУПИЛИ: Н.Е. Бекмаханова, В.В. Трепавлов, С.Г. Агаджанов, М.Б. Булгаков, Ш.Ф. Мухамедьяров.

ПОСТАНОВИЛИ: передать текст монографии в Ученый совет Института для обсуждения и утверждения.

Руководитель Центра истории народов России

и межэтнических отношений, д.и.н., проф.

С.Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 3. Л. 362

№ 37

Выписка из протокола Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. 12 декабря 1994 г.

Выписка из протокола № 14 заседания Центра истории народов России и межэтнических отношений от 02.12. 1994 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: С.Г. Агаджанов, Д.И. Исмаил-Заде, Э.П. Федосова, Н.Е. Бекмаханова, Ш.Ф. Мухмедьяров, В.В. Трепавлов, Л.С. Гатагова, В.И. Котов, Б.Н. Казанцев, А.Ю. Жуков, А.А. Ялбуганов.

СЛУШАЛИ: обсуждение окончательного текста плановой коллективной монографии «Российское многонациональное государство: Пути исторического синтеза и развитие системы управления».

ВЫСТУПИЛИ: С. Г. Агаджанов, Ш. Ф. Мухмедьяров, Д. И. Исмаил-Заде, В. В. Трепавлов, Л. С. Гатагова.

ПОСТАНОВИЛИ: передать текст монографии в Ученый совет Института для утверждения.

Руководитель центра истории народов России
и межэтнических отношений, д. и. н., проф. С. Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 3. Л. 363

№ 38

Отзыв Н. М. Рогожина на монографию В. В. Трепавлова «Батыр на троне». Декабрь 1994 г.

Отзыв о монографии В. В. Трепавлова «Батыр на троне: Ранняя государственность в героическом эпосе тюрко-монгольских народов России», 16 авт. л.

Проблемы, поднимаемые в книге В. В. Трепавлова, исследуются давно, но еще далеки от окончательного решения. Категория «раннее государство» до недавнего времени не использовалась в отечественной исторической науке, т. к. в соответствии со схемой общественно-экономических формаций считалось, что первобытнообщинный строй сразу сменялся классовым обществом и рабовладельческим или феодальным государством. Накопление исторического материала показало, что так называемая «военная демократия», трактовавшаяся как стадия разложения родового строя, на самом деле представляла собой самостоятельный этап в становлении социальной организации. Ранняя государственность, одной из форм которой являлась «военная демократия», складывалась также у кочевников, населявших степи России.

В. В. Трепавлов рассматривает кочевые общества, их внутреннее устройство, на основании прежде всего информации героического эпоса. Объясняя во Введении такой выбор источника, он верно отмечает, что письменные сочинения, обычно привлекаемые для изучения кочевых государств, создавались не представителями степных народов, а их оседлыми «цивилизованными» соседями. Но средневековые хронисты и наблюдатели из окрестных стран зачастую не могли адекватно оценить специфику развития кочевых обществ, которые интересовали их с точки зрения военной мощи и экономического потенциала; внутренняя же организация степных государств мало занимала иностранных современников. В таком случае у историка остается другой путь – искать сведения об общественном строе, исходящие от самих кочевников. Но поскольку кочевые народы по большей части не имели письменности, то такие сведения передавались, главным образом, в устной форме: в том числе через эпический фольклор. Эпические своды заключали в себе опозитизированные биографии легендарных предков и данные об их ханствах. При преклонении патриархальной массы народа перед авторитетом предков эти данные являлись

примером для подражания и заключали в себе схему организации социального управления.

В монографии использованы тексты более 130 сказаний алтайцев, хакасов, тувинцев, якутов, бурят и калмыков (как в переводах, так и в оригинале). Дав характеристику эпическому фольклору как историческому источнику в главе 1, автор в следующих главах разбирает структуру родового и предгосударственного общества, организацию ханской власти, отношения правителя с дружиной, жрецами, соправителями, прослеживает формирование аристократии и зачатки чиновничества. Заключительная глава 9 посвящена обобщению сведений, полученных в предыдущих разделах из конкретных материалов.

Многие вопросы поднимаются и решаются автором впервые. Например, убедительно показаны те особенности организации власти у кочевников, что приводили к дублированию функций правителя старшими дружинниками и первосвященниками. На протяжении всей книги аргументированно проводится идея о параллельном образовании высшего социального слоя как из родовых старейших, так и из дружины, показаны противоречия между этими двумя отрядами складывающейся аристократии. Свои заключения В.В. Трепавлов сопровождает графическими иллюстрациями (схемами), что облегчает ориентацию читателя в огромном и разнобразном материале эпических сюжетов.

Работа не содержит существенных недочетов. В качестве пожелания можно посоветовать: 1) в дальнейшем расширить исследуемый фольклорный материал за счет эпосов народов не только России, но и Казахстана и Монголии; 2) для облегчения чтения поместить схемы, разбросанные сейчас по главам, в одно приложение; 3) шире использовать методологические разработки, сделанные на основании русского былинного эпоса (прежде всего В.Я. Проппом).

В целом, книга В.В. Трепавлова является вполне квалифицированным и интересным исследованием и может быть рекомендована для утверждения Ученым советом к печати.

Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук,
Н.М. Рогожин /Подпись/
[1994]

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 3. Л. 364–366.

№ 39

Стенограмма заседания научно-производственной секции Ученого совета по истории России ИРИ РАН. 29 декабря 1994 г. (Извлечения)¹⁹

А.П. Корелин. Переходим к работе Трепавлова Вадима Винцеровича «Батыр на троне: Ранняя государственность в героическом эпосе тюрко-монгольских народов России». Мы имеем в данном случае всю необходимую документацию. Есть выписка из протокола заседания Центра «История народов России и межэтнических отношений». После обсуждения постановили: передать текст

¹⁹ Составители выражают благодарность ведущему научному сотруднику ИРИ РАН, д.и.н. В.В. Тихонову выявившему и скопировавшему документ для настоящего издания.

монографии в Ученый совет Института для обсуждения и утверждения. Вообще-то странная формулировка. На предмет рекомендации к печати, насколько я понимаю, да? Наверное, такая формулировка является более удачной. Работа внеплановая, насколько я понял?

В.В. Трепавлов. Она немного по-другому называлась.

А.П. Корелин. Хорошо. Есть отзыв на монографию В.В. Трепавлова ведущего научного сотрудника, д.и.н. Н.М. Рогожина. (Зачитывает критическую часть отзыва). Рецензент от совета к.и.н. А.М. Некрасов.

Александр Михайлович, вам слово!

А.М. Некрасов. Уважаемые коллеги! Работа, которую я представляю, это вторая монография Вадима Винцеровича. Первая его монография вышла полтора года назад – «Государственный строй Монгольской империи: проблема исторической преемственности», и эта монография находится в русле того же направления, которое Вадим Винцерович уже давно разрабатывает. Эта проблема поиска нетрадиционных источников для изучения, прошу прощения за тавтологию, исторической государственной традиции у кочевых народов Евразии.

Собственно, эти положения были сформулированы Вадимом Винцеровичем в его первой монографии. Идея заключается в том, что государственная традиция складывается столетиями, и это понятие государственной традиции имеет очень большие особенности у кочевых народов Евразии (здесь имеются в виду евразийские степи).

Еще изучая Монгольскую империю, Вадим Винцерович обращал внимание в первую очередь на те компоненты социально-экономического развития монгольского общества, которые перешли в него из более ранней эпохи, из более ранних государственных кочевых образований в евразийских степях. И книга, о которой сейчас идет речь, она, с одной стороны, рассматривает более ранний период – это развертывание темы в предшествующий период, а с другой стороны – это развертывание темы вширь. То есть речь идет уже о государственности, о государственных традициях очень большого количества кочевых народов.

Причем нетрадиционность подхода Вадима Винцеровича состоит в том, что он практически первый, кто поставил не только в нашей, но и в мировой историографии, выдвинул такой тезис об изучении государственной традиции по материалам не только письменных источников, но и устных, по материалам фольклора.

Дело в том, что вообще тут, с одной стороны, необходимость заставила, а с другой стороны, это действительно очень нетрадиционный подход. Во-первых, известно, что кочевые народы Евразии практически почти не имели письменности. Поэтому письменные источники, которыми мы располагаем (естественно эпохи Средневековья), письменные источники исходили от соседних народов, которых интересовали вполне определенные стороны жизни их кочевых соседей, и эти стороны жизни отражались в этих источниках.

Но есть целый ряд вещей, которые извлечь из письменных источников, порожденных соседними народами невозможно, там этого просто нет. И вот в этом смысле, как показывает работа Вадима Винцеровича, громадные возможности отрываются при изучении фольклора, при изучении в первую очередь героического эпоса.

Вообще об эпосе и о героических сказаниях существует море литературы, в том числе об эпосе народов Евразии, но никто практически, насколько мне известно, до сих пор не ставил вопрос об извлечении информации типологического характера. Спорили о достоверности, спорили о том, были ли реальные прототипы у героев эпоса или их не было, если были, то кто, если это отражалось, то насколько достоверно и т.д.

Но как раз для работ Вадима Винцеровича характерен совершенно другой подход. В конце концов достоверность отдельных отраженных в эпосе ситуаций...²⁰ Я подчеркиваю, он берет эпос в отличие от других жанров народного творчества, таких, как, скажем миф, сказка, где, конечно, превалируют фантастические образы, эпос — это совершенно другое. Вообще особенности эпоса как источника, героического эпоса, они определялись его ролью вообще в жизни кочевого общества. В условиях отсутствия письменности здесь возникла проблема сохранения традиций.

Известно, что кочевое общество отличается исключительной традиционностью. И вот эта передача традиций от поколения к поколению, хотя здесь связь взаимная, но во многом это было связано и с тем, что формы государственности, формы общественного устройства оказываются очень консервативными в кочевом обществе и с некоторыми оговорками они оставались почти неизменными на протяжении очень длительного периода, начиная фактически с рубежа нашей эры и где-то до XVII в.

И поэтому те особенности социально-политического устройства кочевого общества, которые можно проследить применительно к первому тысячелетию нашей эры, они во многом относятся и к более позднему времени. Вообще Вадим Винцерович привлекает колоссальный материал — 132 эпоса разных. Это, повторяю, просто колоссальный материал — опубликованный, конечно.

Дело здесь в том, что, как я уже сказал, эпос — это способ передачи традиций. Конечно, эпос — вещь многослойная. Он складывался столетиями, тысячелетиями, и в эпосе отражались не реальные лица, хотя есть сторонники того, что в эпосе можно искать исторические прототипы в большинстве случаев, и Вадим Винцерович не склоняется к такой точке зрения. Эпос — это синтез многовекового, что в данном случае нас интересует, государственного опыта многих поколений кочевого мира. Оказывается, что если анализировать не реальность тех или иных персонажей эпоса, а анализировать те ситуации, те социальные модели, которые присутствуют: модели поведения персонажей эпоса, которые здесь присутствуют, модели отношений персонажей эпоса с другими персонажами, то из этого можно извлечь очень интересную информацию о типологии социальной структуры кочевого общества на протяжении очень длительного периода. Собственно, жизнь средневекового кочевника регулировалась на повседневном уровне в первую очередь нормами обычного права, а вот как раз на более высоком уровне здесь на первое место выходил героический эпос. Что такое «героический эпос»? Это сказания о предках-героях, которые являются примером для подражания, и в данном случае, как правило, героем эпоса оказался богатырь или «батыр», который вступает в какие-то определенные отношения с другими персонажами. Чаще всего он выступает в роли правителя. То есть вот этот самый «батыр», герой эпоса — это

²⁰ Так в тексте.

образ идеального правителя, и анализируя, какими чертами наделяет героический эпос (помня, что это пример для подражания потомкам) этого батыра, этого идеального правителя, можно выделить, не выходя на уровень конкретный и не датируя это подробнейшим образом, что, собственно говоря, и не надя (я уже говорил об этой консервативности устройства кочевого общества), можно сформулировать очень интересное наблюдение о социальной типологии кочевого общества.

Кстати, насчет фантастических элементов — очень любопытный момент. Вадим Винцерович абсолютно правильно отмечает, что много было споров в литературе о соотношении реального и фантастического в эпосе, но интересно, что даже из информации фантастического, сказачного характера (это, скажем, персонажи из среды небожителей — так называемый «верхний мир», как называли кочевники, то есть понятно, персонаж фантастический) оказывается, что вот это устройство «верхнего мира» — иерархия небожителей, отношения между ними — тоже оказываются калькой с реальных отношений в реальной жизни кочевого общества, то есть это тоже несет определенную информацию, информацию именно типологического характера.

Материал организован по главам, причем каждая глава посвящена определенной стороне отношений этого батыра, героя эпоса, определенной его социальной роли, определенной парадигме его поведения в разных ситуациях. При этом каждая из глав, кроме последних, синтезирующих, базируется на эпосе определенного народа — якутском, алтайском, тувинском, бурятском и т. д.

И каждый из этих эпосов, оказывается, отражает определенную стадию социального развития кочевого общества. Скажем, якутский эпос — это поздняя родовая стадия, алтайские сказания — это уже ранняя государственность, калмыцкие джангары — это уже достаточно развитое кочевое государство. И в конце работы эти наблюдения автора как бы подытоживаются. Здесь такие главы, как «Батыр во главе рода» — это родовое, «Батыр во главе улуса». Улус — это более позднее время, это почти чиновник европейского феода, владения (может быть, это не самый удачный перевод), ханская власть — власть Батыра — это отражение реальной республиканской власти. Отношения Батыра с дружиной. Структура кочевого улуса — это вообще отдельный вопрос. Вадим Винцерович об этом много писал, такая интереснейшая особенность кочевого общества, как дуализм государственного устройства, то есть система соправительства, система крыльев, деления улусов на крылья, это дихотомия — правое и левое крыло, черное и белое, западное и восточное. Все это очень подоробно и очень любопытно высвечивается как раз на материале эпоса.

Кстати, насчет вышесказанного замечания по поводу того, что материал нужно расширить, тут я совершенно согласен, но, насколько я понимаю, тут автор был поставлен в достаточно жесткие условия, когда ему пришлось ограничиваться рамками Российской Федерации, народами, которые входят в нынешние границы Российской Федерации. Но если напомнить, у нас совсем недавно на дирекции прозвучало пожелание ограничивать наши исследования научные как раз рамками Российской Федерации.

В данном случае к работе претензий нет, хотя такие эпосы как татарский «Манас»²¹, киргизский «Самите» — они оказались вне этого исследования.

---

²¹ Здесь, очевидно, стенографистка ошиблась. «Манас» — киргизский героический эпос.

Но между прочим, Вадим Винцерович делает очень правильное замечание в заключение, что, вероятно, наблюдения, которые сделаны на материалах тувинского, алтайского, якутского эпоса – эти наблюдения принципиально не изменятся, если расширить количество материала, то есть эта структура типологии остается той же самой, хотя, конечно, «Манас» было бы хорошо привлечь.

Подводя итог, я хочу сказать, что это работа очень интересная и абсолютно новая, абсолютно новаторская, кроме буквально отдельных небольших статей, не существует примеров такого подхода к изучению эпоса, который считался не вполне надежным источником традиционно. Вадим Винцерович говорит в заключении очень правильную фразу, что надежды, возлагавшиеся на этот источник, оправдались. Ему действительно удалось извлечь методом нетрадиционного анализа такую информацию, которую никакой другой источник дать не может.

Мы еще подождем оценки специалистов по фольклору. Я думаю, что это вызовет интерес самых разных специалистов, специалистов по самым разным областям.

По протоколу полагается делать замечания. Я могу, конечно, присоединиться к тому, что было сказано в отзыве Н.М. Рогожина, но я должен сказать, что когда я смотрел на эту работу, то настолько производит впечатление высочайший профессионализм автора во владении колоссальнейшим и сложнейшим материалом, что здесь трудно сделать какие-то замечания. Например, чего стоит уже то, что приходится владеть сотнями и тысячами эпических персонажей, имена которых без специального навыка просто очень трудно выговорить по-русски. Я шучу, конечно, но в каждой шутке есть доля правды.

Поэтому я считаю, что работа безусловно заслуживает рекомендации к печати, это работа очень профессиональная и очень хорошо написанная.

А.П. Корелин. Спасибо. Есть ли вопросы к Александру Михайловичу? Нет. Какие будут суждения? Пожалуйста.

В.А. Кучкин. Очень подробный отзыв Александра Михайловича убеждает в том, что работу Вадима Винцеровича действительно надо рекомендовать. Но в тоже время в двух отзывах прозвучала мысль о том, что это очень оригинальная работа и очень новаторская работа. Поэтому Авенир Павлович, у меня есть все-таки предложение просить Вадима Винцеровича выступить на Ученом совете с изложением не результатов, а именно методики исследования, которая представляется весьма важной.

Дело в том, что мы сталкиваемся с подобного рода источниками и по истории стран Северной Европы, и у нас имеется такой материал. Хотя, со своей стороны, я должен сказать, что все-таки эпос – материал деликатный, и если мы будем основываться не на былинах, а на памятниках посвященных, например, героическому прошлому Куликовской битвы и т.д. и т.п., то увидим, что там могут быть не только изменены имена, но там и нормы поведенческие все-таки меняются, и все это выливается в то, что некоторые лубочные листы, посвященные Куликовской битве, которые издавались у нас в XVIII–XIX вв., одевают русских воинов по западноевропейскому образцу и т.д., и т.п. Это вещь совершенно очевидная. И некоторые сюжеты туда выносятся совершенно новые – вносятся новые поведенческие сюжеты с течением времени. Поэтому

то, что сделано, мне кажется, заслуживает полного внимания Ученого совета, и хорошо бы такой доклад заслушать.

Вот мои предложения: рукопись утвердить и заслушать доклад на Ученом совете.

А. П. Корелин. Спасибо. Вадим Винцерович, как вы насчет доклада?

В. В. Трепавлов. Если Ученому совету это интересно, я с удовольствием выступлю.

А. П. Корелин. Хорошо. Мы это будем иметь ввиду. Каково мнение Ученого совета по поводу представленной работы? (Из зала. Рекомендовать к печати). Рекомендуем работу В. В. Трепавлова к печати.

*АРАН. Ф. 1841. Оп. 2. Ед. хр. 91.
Стенограммы заседаний научно-производственной
секции по истории России Ученого совета Института.
Т. 2. 22.09.1994–29.12.1994. Л. 199–211.*

№ 40

Индивидуальный план научно-исследовательской работы В. В. Трепавлова на 1995 г. 14 марта 1995 г. (Извлечения)

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института
14. 03. 1995 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
к. и. н., старший научный сотрудник Центра истории народов России
и межэтнических отношений.
1995 г.

Авторская работа.

1. Монография «История Ногайской Орды». Общий объем – 30 авт. л. Начало – I кв. 1995 г. Окончание – I кв. 1999 г. По плану института, протокол № 2 от 11.04.95.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-декабрь.

Работа в РГАДА и библиотеках по сбору материалов для плановой монографии «История Ногайской Орды».

Написание статьи «Евразийская проблематика в научных дискуссиях России и Запада».

Написание главы «Ногайцы в XV–XVI вв. (очерк политической и этнической истории)» для коллективной монографии.

Написание тезисов доклада «Ногайская государственность: особенности генезиса, функционирования и кризиса».

Написание статьи «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно».

Написание статей «Ногайская Орда» и «Малые Ногаи» для энциклопедии «Отечественная история».

Командировка в Астрахань, участие в научной конференции «Проблемы единства и взаимодействия национальных культур».

Научно-организаторская работа.

1. Ученый секретарь Центра.

2. Ответственный секретарь издания коллективной монографии «Национальные окраины России».

3. Считка сборника статей «Контактные зоны в истории Восточной Европы».

Выполнение заданий дирекции, руководства Центра.

1. Рецензирование докт. дисс. Ф.Х. Гутнова «Средневековая Осетия».

2. Рецензирование канд. дисс. А.А. Ялбуганова «Ногайцы Сев. Кавказа».

3. Ответ на письмо Р.У. Джуманова о начале вхождения ногайцев в состав России.

Международные научные связи.

Публикация статей в научных изданиях в Нидерландах и Японии.

Заключение сектора.

Опубликованы 3 статьи и тезисы 1 доклада по плановой теме; подготовлены к печати 2 статьи, 1 глава, тезисы 1 доклада по плановой теме; участвовал в научной конференции. План на 1995 г. выполнен.

9 января 1996 г.

Рук. Центра С.Г. Агаджанов /Подпись/

Уч. секр. В.В. Трепавлов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 37–42 об.

№ 41

Выписка из протокола заседания дирекции ИРИ РАН.

11 апреля 1995 г.

Выписка из протокола (решения) № 2 заседания заседания расширенного состава дирекции Института российской истории Российской академии наук.

11 апреля 1995 г.

СЛУШАЛИ: утверждение научно-исследовательских тем.

ПОСТАНОВИЛИ: утвердить новую тему В.В. Трепавлова «История Ногайской Орды», II кв. 1995 – II кв. 1999.

Ученый секретарь ИРИ РАН А.А. Овсянников /Подпись/

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН.*

Дело по плановым темам сотрудников за 1995–1996 гг. Л. 52.

№ 42

Характеристика на В. В. Трепавлова. 5 сентября 1995 г.

Характеристика производственной деятельности за 1993–1995 гг. старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Трепавлова Вадима Винцеровича (14 р.)

В. В. Трепавлов работает в Институте с 1988 г., является автором более 30 научных работ. Специалист по истории народов Поволжья, Сибири, Северного Кавказа.

В 1993–1995 гг. им опубликовано по плановым темам 15 работ (8 статей, а также тезисы докладов и рецензия, в том числе в научных изданиях Венгрии, Швеции и Японии). В 1993 г. вышла в свет его монография «Государственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблемы исторической преемственности)», которая в 1994 г. получила премию Европейской Академии для молодых ученых. Отрецензировал 8 научных работ общим объемом 55,5 авт. л. Выступил с докладами на 4 научных конференциях. В ноябре-декабре 1993 г. был в научной командировке в Великобритании (университеты Лондона, Кембриджа, Эдинбурга, Абердина).

В 1994 г. досрочно завершена плановая монография «Батыр на троне: Ранняя государственность в героическом эпосе тюрко-монгольских народов России» (16 авт. л.). Для плановой коллективной монографии «Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления» написана глава «Сибирь» (4 авт. л.). Кроме того, подготовлены к печати и находятся в редакциях 4 научные статьи.

В. В. Трепавловым опубликован также ряд научно-популярных работ в периодических изданиях, статьи в энциклопедии «Отечественная история», «Энциклопедия для детей», справочнике по СНГ (Уругвай), 2 методические разработки по изучению курса отечественной истории в университете.

В настоящее время В. В. Трепавлов работает над плановой темой «История Ногайской Орды», ведет сбор материалов в архивах и библиотеках.

В. В. Трепавлов занимает должность ученого секретаря Центра.

Центр считает, что объем работы, выполняемый В. В. Трепавловым, соответствует занимаемой им должности старшего научного сотрудника по 14 разряду.

Руководитель Центра истории народов России
и межэтнических отношений С. Г. Агаджанов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личное дело В. В. Трепавлова. Л. 25

№ 43

Индивидуальный план научно-исследовательской работы В.В. Трепавлова
на 1996 г. 22 февраля 1996 г. (Извлечения)

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института
22. 02. 1996 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
к.и.н., старший научный сотрудник Центра истории народов России
и межэтнических отношений.
1996 г.

Авторская работа.

1. Монография «История Ногайской Орды». Общий объем – 30 авт. л. Начало – II кв. 1995 г. Окончание – II кв. 1999 г. По плану института, протокол № 2 от 11.04.95.

2. Монография «Россия и Восток: тысячелетний контакт цивилизаций». Общий объем – 18 авт. л. Начало – II кв. 1996 г. Окончание – IV кв. 1999 г. По плану Центра.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-декабрь.

Сбор материалов по плановой монографии в РГАДА.

Написание тезисов «Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии».

Написание статьи (на англ. яз.) «Вождь и жрец: светская и духовная субстанции в социальных структурах кочевников».

Написание тезисов «Некоторые проблемы политической истории Башкортостана ногайского периода».

Участие в российско-шведском симпозиуме «Государственность и национальные процессы в России, 1700–1914 гг.», Екатеринбург.

Написание доклада (на англ. яз.) «Традиции в российской государственности».

Написание статьи «Тюркская знать в России: ногаи на русской службе».

Написание справочных статей «Кучум», «Ногаи», «Ногаи Малые», «Ногайская Орда», «Юсуповы».

Научная командировка в Рязань.

Участие в научной конференции «Rossica».

Написание доклада «Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в 16–20 вв.».

Написание доклада «Сибирско-ногайские отношения в XVI–XVII вв.: Основные этапы и закономерности».

Написание статьи «Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.».

Написание главы для коллективной монографии «История Европы», т. 5, (в соавторстве).

Написание тезисов «Особенности управления Сибирью в XVII – начале XX в.: региональные факторы».

Написание статьи «Ногайцы в русской истории».

Участие в научной конференции «Башкортостан в XVI–XVIII вв.».

Написание статьи «Княжеские роды ногайского происхождения».

Научно-организаторская работа.

1. Ученый секретарь Центра.

Выполнение заданий дирекции, руководства Центра.

1. Ответ на запрос зам. председателя Комитета по эконом. политике Гос. Думы В.А. Лисичкина о событиях периода Кавказской войны в Адыгее.

2. Заключение по достоверности шежере (генеалогии) Гирает-бия для Н.М. Мириханова.

3. Заключение по записке М.С. Джунусова о 400-летия присоединения Сибири.

4. Справка «Управление национальными окраинами России до 1917 г.: основные принципы и приемы».

5. Ответ на письмо К.Г. Насретдинова о ханше Сююмбике.

Заключение Центра.

1) Опубликовал 4 работы по плановым темам общ. Объемом 2,7 п.л., 9 внеплановых статей (0,4 п.л.); 2) подготовил к печати 4 статьи, главу для коллект. монографии, 3 доклада, тезисы 3 докладов (общ. об. 8,6 п.л.); участвовал в 3 конференциях. План на 1996 г. выполнен.

5 февраля 1997 г.

Рук. Центра В.В. Трепавлов /Подпись/

Уч. секр. В.В. Трепавлов /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 43–46 об.

№ 44

Выписка из приказа по ИРИ РАН № 197 от 3 июня 1996 г.

§ 1.

Трепавлову В.В. – старшему научному сотруднику Центра истории народов России и межэтнических отношений установить с 1 июня 1996 г. 20% надбавку к должностному окладу в размере 78.120 руб. на период отсутствия по болезни гл. научного сотрудника Агаджанова С.Г.

Основание: протокол заседания «узкого» состава дирекции от 28 мая 1996 г.

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 26.

№ 45

**Отзыв С. Г. Агаджанова на диссертацию С. К. Пчегатлук
«Внешнеторговая политика России на Северо-Западном Кавказе в 1800–1829 гг.»,
28 ноября 1996 г.²²**

Диссертационная работа С. К. Пчегатлук посвящена актуальной проблеме — внешней экономической политике России на Северо-Западном Кавказе с начала XIX в. и до заключения в 1829 г. Адрианопольского мира, по которому Черкесия была присоединена к России.

Исследование основано на богатом фактическом материале, причем диссертантке удалось привлечь и ввести в научный оборот ряд новых архивных документов. Авторы использованы дела, сохранившиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ставропольского края. Опираясь на архивные и опубликованные материалы, а также специальную литературу по теме, диссертантка сумела показать реальную картину развития торговых отношений России с Черкесией. Соискательница при этом освещает ту роль, которую сыграла в них военная администрация Черномории.

Особое значение имеет анализ выявленных автором архивных материалов, касающихся активной деятельности административно-коммерческой организации — Попечительства керченской и бугазской торговли на западном побережье Черного моря. С. К. Пчегатлук удалось показать в целом позитивную роль Попечительства во внешней экономической политике России на Северо-Западном Кавказе. Обращает на себя внимание очень важное наблюдение диссертантки о роли торговых связей в постепенном сближении западных адыгов с Россией. Соискательница при этом отмечает и негативную деятельность некоторых должностных лиц и чиновников, которые по тем или иным причинам наносили урон русско-северокавказским отношениям. Привлекает внимание и основанная на источниках характеристика, даваемая автором российско-турецким отношениям на почве экономического соперничества России с Турцией на Северо-Западном Кавказе.

Диссертационная работа С. К. Пчегатлук написана профессионально, с глубоким знанием предмета исследования. В ней отражены все основные аспекты внешнеторговой политики России на Северо-Западном Кавказе.

Исследования С. К. Пчегатлук является в целом интересным и серьезным трудом, написанным на весьма актуальную историческую тему. Диссертация вполне заслуживает присуждения ее автору ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 — Отечественная история.

Научный руководитель, член-корреспондент РАЕН,
доктор исторических наук, профессор С. Г. Агаджанов /Подпись/
Ученый секретарь ИРИ РАН В. Б. Перхавко /Подпись/

²² В связи с тем, что С. Г. Агаджанов в это время был уже тяжело болен (скончался 12 февраля 1997 г.), отзыв фактически подготовил В. В. Трепавлов.

28 ноября 1996 г.

НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры. Личные дела аспирантов. Личное дело Пчегатлук С. К. Л. 43–43.

№ 46

Выписка из приказа по ИРИ РАН № 449 от 25 декабря 1996 г.

Пр. 449и от 25.12.96 г.

§ 1.

Возложить с 1 января 1997 г. исполнение обязанностей руководителя Центра истории народов и межэтнических отношений на старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Трепавлова Вадима Винцеровича. Установить ему 50% надбавку к должностному окладу в размере 195.300 руб., а также ввести его в состав расширенного состава дирекции.

НА ИРИ РАН. Личное дело В. В. Трепавлова. Л. 28

№ 47

Индивидуальный план научно-исследовательской работы В. В. Трепавлова на 1997 г. 11 марта 1997 г. (Извлечения)

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института
11. 03. 1997 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович,
старший научный сотрудник, к. и. н., руководитель
Центра истории народов России и межэтнических отношений.
1997 г.

Авторская работа.

1. Монография «История Ногайской Орды». Общий объем – 30 авт. л. Начало – I кв. 1995 г. Окончание – II кв. 1999 г. По плану института, протокол № 2 от 11.04.95.

2. Монография «Россия и Восток: тысячелетний контакт цивилизаций». Общий объем – 18 авт. л. Начало – II кв. 1996 г. Окончание – IV кв. 1999 г. По плану Центра.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-декабрь.

Написание 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 глав плановой монографии.

Написание статьи «Княжеские роды ногайского происхождения».

- Написание статьи «Бий мангытов коронованный чиф».
- Написание статьи «The formation and early history of the Mangyt Yurt».
- Участие в оргкомитете конференции «Контактные зоны в истории Восточной Европы».
- Доклад «Волга в культурной традиции народов Восточной Европы».
- Подготовка статьи «Ана Эдель в традициях народов Поволжья».
- Написание тезисов доклада «Eastern elements of the Russian statehood».
- Написание статьи «Хаким Кипчакской степи».
- Написание доклада и выступление на научн. конф. «Гос. управление: история и современность», МГУ.
- Написание тезисов доклада «Ногайская Орда и Московское царство: подданство или проекторат?».
- Написание доклада и выступление на научн. конф. «Соверенное состояние и перспективы развития исторической науки Северного Кавказа и Дагестана», Махачкала.
- Написание статьи «Предки ногайцев на Северном Кавказе (миграции мангытов в Дешт-и Кипчаке XIV в.».
- Написание доклада и выступление на научн. конф. «Россия и Башкортостан: 400 лет вместе», Уфа.
- Написание доклада и выступление на научн. конф. «Народно-освободит. война под предводительством Шамиля», Махачкала.
- Написание статьи «Проблемы Кавказской войны и современное состояние российской исторической науки».
- Подготовка доклада и выступление на Ученом совете.
- Научно-организаторская работа.*
- Руководитель Центра.
- Выполнение заданий дирекции, руководства Центра.*
1. Ответы на письма К.Г. Насретдинова.
  2. Ответы на письма Г.С. Маторина об озере Баскунчак.
  3. Ответ на письмо Т.А. Таратухина об украинской тематике в ИРИ РАН.
  4. Подготовка поздравления от имени ИРИ РАН якутского историка М.С. Ханьлаева²³.
  5. Подготовка справки о русско-кавказских отношениях в XVI–XX вв. Научное руководство работой аспирантов и соискателей. Асп. А.А. Хамицаева.
- Международные научные связи.*
1. Публикация статьи в научном журнале, Ю. Корея.
  2. Подготовка статьи для публикации в серии научн. работ, США.
  3. Консультирование по вопросам междунац. отношений П. Блитстейна, М. Ходорковского, М. Харпке, Ч. Фербэнкса, все – США.

Заключение Центра.

В 1997 г. опубликовал 9 план. и внеплановых работ (3,9 а.л.); участвовал в работе 7 научн. Конференций с докладами; подготовил к печати по плановым

²³ Ханьлаев Михаил Михайлович (род. 1932), доктор исторических наук, в 1991–1994 гг. зав. Директора Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

темам 6 статей, 2 доклада, тезисы 3 докладов (10,2 а.л.); написал 8 глав плановой монографии.

15 января 1998 г.

Рук. Центра В.В. Трепавлов /Подпись/

Уч. секр. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 47–50 об.

№ 48

**Индивидуальный план научно-исследовательской работы В.В. Трепавлова
на 1998 г. 31 марта 1998 г. (Извлечения)**

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института

31. 03. 1998 г.

/Подпись/

Индивидуальный план

Трепавлов Вадим Винцерович

старший научный сотрудник, к.и.н., руководитель

Центра истории народов России и межэтнических отношений.

1998 г.

Авторская работа.

1. Монография «История Ногайской Орды». Общий объем – 30 авт. л. Начало – II кв. 1995 г. Окончание – II кв. 1999 г. По плану института, протокол № 2 от 11.04.95.

2. Монография «Россия и Восток: тысячелетний контакт цивилизаций». Общий объем – 18 авт. л. Начало – II кв. 1996 г. Окончание – IV кв. 1999 г. По плану Центра.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь–декабрь.

Завершение I раздела и написание II раздела, Введения и заключения плановой монографии «История Ногайской Орды».

Подготовка (редактирование, считка, набор на компьютере) брошюры «Россия и Северный Кавказа: 400 лет войны?».

Подготовка доклада «Изучение истории народов России и межэтнических отношений: современные проблемы и подходы», для выступления перед историками в Минске.

Написание тезисов доклада «Ногаи в Юго-Восточной Европе».

Командировка в Минск.

Написание тезисов доклада «Или Ногайской Орды. Родоплеменные объединения кипчаков позднего Средневековья».

Участие в работе (доклад) научн. конф. «Славяне и кочевой мир», Ин-т славяноведения РАН.

Участие в работе (доклад) XII международного конгресса экономической истории, Мадрид.

Участие в работе (член оргкомитета, доклад) научн. конф. «Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы», Махачкала.

Участие в работе (доклад) научн. конф. «Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий», Омск.

Командировка в Тбилиси.

Научно-организаторская работа.

Руководитель Центра.

Выполнение заданий дирекции, руководства Центра.

1. Чтение курса лекций для корейских стажеров.

2. Подготовка письма от ИРИ РАН на имя министра по делам СНГ Б.Н. Пастухова.

3. Рецензирование канд. дисс. корейского стажера Ох Ду Дна.

4. Подготовка письма от ИРИ РАН на имя исполнит. секретаря СНГ Б.А. Березовского.

Творческие связи с научными и учебными учреждениями.

1. Переговоры о совместных проектах с руководством института истории Калмыкии.

2. Рецензирование плана-проспекта «История Кабардино-Балкарии», Институт истории, Нальчик.

Международные научные связи.

1. Переговоры о совместных проектах с руководством Института истории Белоруссии.

2. Переговоры по проекту «Тбилисская инициатива» на семинаре Совета Европы, Тбилиси.

Научное руководство работой аспирантов и стажеров.

1. Асп. А.А. Хамицаева – диссертация завершена в срок.

2. Стажер Ю Чжин, Корея – приступил к работе над диссертацией в ноябре 1998 г.

Общественно-научная деятельность.

Зам. председателя научно-производственной секции Ученого совета.

Заключение Центра.

Опубликовал 30 плановых и внеплановых работ (21,9 п.л.), в том числе 2 брошюры; подготовил 5 плановых работ (2,1 а.л.); выступил с докладами на 4 научных конференциях. Плановые задания на 1998 г. выполнены.

Рук. Центра В.В. Трепавлов /Подпись/

Уч. секр. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 51–54 об.

№ 49

Выписка из приказа по ИРИ РАН № 111 от 1 июня 1998 г.

Пр. № 111и от 1.06.98.

б) Возложить исполнение обязанностей руководителя:

Центра истории России в Средние века и раннее новое время на члена-коореспондента РАН Каштанова С.М.

Центра истории России в XIX в. на д.и.н. Корелина А.И.

Центра изучения истории территории и населения России на академика Полякова Ю.А.

Центра истории народов России и межэтнических отношений на к.и.н. Трепавлова В.В.

Центра «Россия в международных отношениях» на д.и.н. Нежинского Л.Н.

Центра военной истории России на д.и.н. Куманева Г.А.

Центра по изучению отечественной культуры на д.и.н. Борисова Ю.С.

Центра по изучению и публикации источников на д.и.н. Кучкина В.А.

Центра «Историческая наука России» на члена-корреспондента РАН Сахарова А.Н.

Обоснование: Постановление Ученого совета ИРИ РАН от 26.V.98 г.

НА ИРИ РАН. Личное дело В.В. Трепавлова. Л. 29

№ 50

**Выписка из протокола заседания Центра истории народов России
и межэтнических отношений.**

11 июня 1998 г.

Выписка из протокола № 7 заседания Центра истории народов России и межэтнических отношений от 11.06.1998.

Присутствовали: руководитель Центра к.и.н. В.В. Трепавлов, д.и.н. Э.П. Федосова, д.и.н. Н.Е. Бекмаханова, д.и.н. И.М. Некрасова, д.и.н. В.Х. Кажаров, к.и.н. С.И. Аккиева, к.и.н. Л.С. Гатагова, к.и.н. В.И. Котов, к.и.н. Ш.Ф. Мухамедьяров, к.и.н. М.Б. Булгаков, асп. А.А. Хамицаева, аспр. М.С. Горяев, асп. А.А. Манжиева.

Слушали: обсуждение план-проспекта «Истории Кабардино-Балкарии» в трех томах.

Выступили: И.М. Некрасова, В.И. Котов, Ш.Ф. Мухамедьяров, Л.С. Гатагова, В.В. Трепавлов, В.Х. Кажаров, С.И. Аккиева; зачитаны письменные отзывы зам. директора Института археологии РАН д.и.н. Г.Е. Афанасьева, зав. отделом ИА РАН к.и.н. И.С. Каменского, д.и.н. М.П. Абрамовой (ИА РАН).

Постановили: одобрить план-проспект, рекомендовать доработать его с учетом сделанных замечаний.

Руководитель Центра истории народов России
и межэтнических отношений, к.и.н. В.В. Трепавлов /Подпись/

*Текущий архив Центра истории народов России
и межэтнических отношений ИРИ РАН. Дело с протоколами
заседаний Центра за 1998–1999 гг. Л. 27. Копия.*

№ 51

**Индивидуальный план научно-исследовательской работы В.В. Трепавлова
на 1999 г. 20 мая 1999 г. (Извлечения)**

Институт российской истории

План утверждаю
зам. директора Института
20. 05. 1999 г.
/Подпись/

Индивидуальный план
Трепавлов Вадим Винцерович
старший научный сотрудник, к.и.н., руководитель
Центра истории народов России и межэтнических отношений.
1999 г.

Авторская работа.

1. Монография «История Ногайской Орды». Общий объем – 30 авт. л. Начало – II кв. 1995 г. Окончание – II кв. 1999 г. По плану института, протокол № 2 от 11.04.95.

2. Колл. монография «Российская многонациональная цивилизация: единства и противоречия». Общий объем – 25 авт. л. Начало – I кв. 1999 г. Окончание – IV кв. 2001 г. По плану института, протокол № 1 от 05.01.99.

Фактическое выполнение научно-исследовательского плана.

Январь-декабрь.

Доработка плановой монографии «История Ногайской Орды».

Написание тезисов доклада «Или Ногайской Орды».

Написание статьи «Под государевой высокой рукою».

Написание тезисов доклада «Приход калмыков на Волгу».

Написание статьи «Этнотерриториальное деление Дешт-и Кипчака в позднем Средневековье».

Участие в межд. конф. «Российская диаспора в XX в.».

Написание статьи «Ислам и духовенство в Ногайской Орде».

Выступление с докладом на семинаре по проблемам СНГ в Президиуме РАН.

Написание статьи «Ногайские батыры в походе и бою».

Участие в работе межд. науч. конф. «Средневековая Казань: возникновение, развитие».

Написание статьи «Падение Казанского ханства и Ногайская Орда».

Подготовка документ. публикации «Приключения «Чудес творения» из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного»²⁴.

Участие в работе II Всероссийского съезда востоковедов, Казань.

Написание статьи «Кочевники на русских рынках».

Написание тезисов доклада «Трактовка истории и исторического времени средневековыми кочевниками Евразии».

Выступление с докладом «Ислам в военных действиях на Северном Кавказе (XIX–XX вв.)» на Ученом совете ИРИ РАН.

Научно-организаторская работа.

Руководитель Центра.

Выполнение заданий дирекции, руководства Центра.

1. Письмо исп. секр. СНГ Б. А. Березовскому.

2. Поздравление Р. Г. Кузееву²⁵ с 70-летием.

3. Поздравление М. Р. Гаджиеву с 60-летием.

4. Письмо мэру Казани по поводу 1000-летия Казани.

5. Поздравление Адыгейскому институту гуманитарных исследований с 60-летием.

Международные научные связи.

1. Участие в международном проекте «Тбилисская инициатива», написание учебника по истории Кавказа.

Заключение Центра.

Подготовил по плановым темам 2 тезисов (0,3 а.л.), подготовил к печати монографию, 7 статей, 2 тезисов (47,3 а.л.); участвовал в работе 4 научных конференций. План на 1999 г. выполнен.

15 февраля 2000 г.

Рук. Центра В. В. Трепавлов /Подпись/

Уч. секр. /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В. В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 55–58 об.

№ 52

Выписка из протокола заседания научно-производственной секции Ученого совета ИРИ РАН. 10 июня 1999 г.

Выписка из протокола № 5 заседания научно-производственной секции Ученого совета по истории России до XX в. Института российской истории РАН.

СЛУШАЛИ: Об утверждении к печати монографии В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды». Отв. ред. Усманов М. А.

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить к открытой печати монографию В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды». Отв. ред. Усманов М. А.

²⁴ *Трепавлов В. В.* Приключения «Чудес творений»: Из ханской библиотеки Казани в «Либерию» Ивана Грозного // Гасырлар авазы. Эхо веков. 1999. № 3/4. С. 35–38.

²⁵ *Кузеев Раиль Гумерович* (1929–2005), доктор исторических наук, специалист по этнической истории и этногенезу народов Среднего Поволжья и Урала.

В специальной экспертизе работа не нуждается и после выхода в свет может быть послана за границу.

Ученый секретарь совета О.Г. Агеева /Подпись/

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 73. Л. 59.

№ 53

Отзыв В.В. Трепавлова на диссертацию А.А. Хамицаевой. Декабрь 1999 г.

Отзыв научного руководителя на диссертацию А.А. Хамицаевой «Социально-политическое развитие Осетии в конце XVIII – 60-е гг. XIX в.».

История взаимоотношений народов Кавказа с Россией остается актуальной проблемой исторической науки. Одним из важнейших аспектов этой проблемы является организация управления национальными регионами Российской империи. Предлагаемая к защите диссертационная работа посвящена выяснению процессов, протекающих внутри обществ Осетии в конце XVIII – 60-е гг. XIX в. В работе особо подчеркивается, что установление в Осетии российской администрации с введением общероссийской судопроизводственной системы и налогового аппарата во многом предопределили основные тенденции ее дальнейшего развития.

На основе обширного корпуса документальных источников и специальной литературы автор последовательно и успешно рассматривает целый ряд конкретных вопросов: социально-экономическое положение осетинских обществ в конце XVIII – 60-е гг. XIX в.; особенности социально-политических движений в Осетии в первой трети XIX в.; устроение российской администрации в Осетии; взаимовлияние традиционных социально-политических структур осетин и российской административной системы; административные и судебные преобразования в Осетии в 30-е – 40-е гг. XIX в. Особенного внимания заслуживает обращение А.А. Хамицаевой в диссертации к практически не изученному вопросу о кадрах, которые занимались управленческой деятельностью в Осетии в составе российских военно-административных властей. Автор впервые в историографии освещает деятельность в Осетии генерала А.Ф. Эглау, который с 1864 по 1875 гг. занимал должность начальника Осетинского, а затем Владикавказского округа.

Несомненной заслугой А.А. Хамицаевой является и рассмотрение проблемы отношения осетин к движению Шамиля. Опираясь на большой массив источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, автор убедительно доказывает, что Кавказская война не была общекавказским явлением и, что осетины не только не поддерживали идей мюридизма и газавата, а, напротив, участвовали в боевых действиях в составе рещулярных частей и подразделений российской армии.

Достоинством работы является и то, что А.А. Хамицаева впервые рассматривает социально-экономический строй и систему управления не только

Северной, но и Южной Осетии, которая волею исторических судеб оказалась в сфере влияния Грузии.

Необходимо отметить, что достоинством работы А. А. Хамицаевой является полное отсутствие какого-либо налета политизированности. Автор строго следует принципу исторической объективности и приоритета фактов и документальных материалов.

Руководитель Центра истории народов России
и межэтнических отношений В. В. Трепавлов /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. 1999 г. Хамицаева А. А. Л. 1–2.*

№ 54

Стенограмма заседания диссертационного совета при ИРИ РАН по защите кандидатской диссертации А. А. Хамицаевой «Социально-экономическое развитие Осетии в конце XVIII – 60-е гг. XIX в.». 13 января 2000 г. (Извлечение)

В. В. Трепавлов.

Уважаемые члены диссертационного совета!

Кроме различных конкретных сюжетов, которые Альбина Ахметовна отразила в своем исследовании, эта работа проливает свет еще на такую глобальную методологическую для нашей науки проблему, как историческое место Осетии в присоединении Кавказского региона к России. Долгие годы локомотивом втягивания Кавказа в империю у нас представлялась кабардинская знать. И вот теперь надо сказать, что эта точка зрения, в том числе и среди кавказских историков, кардинально меняется.

В прошлом году в нашем Центре состоялось обсуждение рукописи трехтомника «Истории Кабардино-Балкарии». Там тезисы о раннем, чуть ли не с XVI века, вхождении Кабарды в состав России теперь отмечены начисто. Сейчас кабардинские коллеги считают, что Кабарда и Балкария вошли в состав империи только в начале XIX в.

Вообще процесс присоединения народов и территорий к России теперь радикально пересматривается не только на Кавказе. И в этом отношении место Осетии, место ее в вопросе присоединения осетинского народа к России тоже заслуживает очень повышенного внимания.

Но, к сожалению, надо сказать, что данный сюжет в осетинской историографии сейчас пока не пользуется популярностью. Я думаю, что вы в курсе, что основное внимание осетинские коллеги уделяют древним и средневековым сюжетам истории своих предков, аланов. Они даже смогли убедить свое руководство, а оно – центральную власть, переименовать республику, хотя мы с вами понимаем, что однозначно определять потомков таких древних народов как аланы, сарматы и гунны и т. д. (а аланы были изначально из сарматских племен) очень сложно и не вполне корректно.

Очень скрупулезно Альбина Ахметовна отразила сложный процесс, как народ с вековой, очень своеобразной горской культурой входил в систему государственного управления России. И особенно, мне кажется, ей удалось

сюжеты постепенного распространения компетенции государственной власти и приспособление этой власти к местным условиям.

Мы считаем, что Альбина Ахметовна написала полноценное, полностью самостоятельное исследование. И такой результат тем более достоин уважения, что заканчивалась работа там, в Северной Осетии, в Алании. Это сравнительно бедный регион, научная жизнь там, в общем, сейчас слегка теплится, публикаций выходит минимум.

Альбина Ахметовна начинала работу несколько лет назад, еще под руководством покойного Сергея Григорьевича Агаджанова. Потом она уехала на родину. Там были сложности со здоровьем у нее, и на несколько лет она пропала из виду. Но тем не менее, она нашла силы завершить работу. И мы считаем, что на защиту Альбина Ахметовна вышла с достойным результатом.

*НА ИРИ РАН. Ф. 10. Отдел аспирантуры.
Личные дела аспирантов. 1999 г. Хамицаева А.А. Л. 4–6.*

№ 55

**Выписка из протокола заседания научно-производственной секции
Ученого совета ИРИ РАН. 4 октября 2001 г.**

Выписка из протокола № 7 заседания научно-производственной секции Ученого совета по ситории России до XX в. Института российской истории РАН от 4 октября 2001 г.

СЛУШАЛИ: Об утверждении темы докторской диссертации В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды».

ПОСТАНОВИЛИ: Утвердить тему докторской диссертации В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды».

Ученый секретарь совета Е.А. Молето /Подпись/

*НА ИРИ РАН. Диссертационное дело. 2002 г.
Трепавлов Вадим Винцерович. Л. 33.*

№ 56

**Стенограмма заседания диссертационного совета при ИРИ РАН
по защите докторской диссертации В. В. Трепавлова «История Ногайской Орды».
10 января 2002 г. (Извлечения)**

СТЕНОГРАММА

заседания диссертационного совета Д 002.018.01 при Институте российской истории РАН

10 января 2002 г.

Председатель – чл.- корр. РАН, д.и.н., профессор А.Н. Сахаров.

На повестке дня — защита диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук Трепавловым Вадимом Винцеровичем на тему: «История Ногайской Орды».

Специальность: 07.00.02 — Отечественная история.

Ведущая организация — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Борисов Николай Сергеевич (исторический факультет МГУ);

доктор исторических наук Санин Геннадий Александрович (ведущий научный сотрудник ИРИ РАН);

доктор исторических наук, профессор Усманов Мирсакым Абдулахатович (исторический факультет Казанского государственного университета).

А. Н. Сахаров. Вадим Винцерович, вам предоставляется слово для изложения содержания и основных положений диссертации.

В. В. Трепавлов. В диссертации, которая сегодня выносится на защиту, рассматривается средневековая история обширного восточного региона России. Территориальный охват исследования: по левому берегу Волги — области Самарская, Саратовская, Волгоградская, Астраханская, на Южном Урале — Курганская, Челябинская, Оренбургская и почти вся Башкирия, а также Западный и отчасти Центральный Казахстан.

В изучении прошлого этого огромного края имеется обширная лакуна. В конце XIV в. после похода Тамерлана угасает городская культура Золотой Орды; во второй половине XVI в. начинается постепенное продвижение России на восток. Почти двухвековой промежуток между этими веками долгое время оставался «белым пятном» в историографии. Это как раз время существования Ногайской Орды.

Цель диссертации заключается в исследовании истории Ногайской Орды во всех доступных по источникам аспектах: политическое, экономическое, социальное и культурное развитие; отношения с соседними народами и государствами, в том числе с Россией.

Для достижения поставленной цели нужно было решить несколько исследовательских задач. А именно, выяснить: каким образом в недрах Улуса Джучи (Золотой Орды) постепенно формировался Мангытский юрт — ядро будущей Ногайской Орды; почему Ногайская Орда обрела самостоятельность и превратилась в одну из ведущих политических сил в системе послеордынских ханств; каковы были особенности внутреннего устройства Орды, взаимоотношения различных группировок ногайской знати (мурз), их внешнеполитические интересы и ориентации; как из десятков кипчакских племен постепенно складывался ногайский этнос, как появилось собирательное название «ногай», из каких родов и племен состояло население Ногайской Орды и какова была его численность; в чем состояла специфика хозяйства ногаев (кочевого скотоводства, нескотоводческих занятий, торговли, налоговой системы), а также их культуры (религиозных верований, литературы и письменности, военного дела, городской жизни и др.); где пролегли границы Орды; как развивались ее отношения с татарскими, узбекскими и Казахскими ханствами, Турцией, княжествами Северного Кавказа, калмыками, башкирами, волжскими, уральски-

ми и донскими казаками; как складывались отношения ногаев с Россией — и на правительственном уровне, и на уровне русских воевод на местах.

Ногайская Орда как самостоятельное политическое образование существовала во временном промежутке: последняя треть XV — первая треть XVII вв. Но для полной ясности нужно было показать также предпосылки ее складывания и ситуацию после ее распада. Поэтому рассматривается эпоха с середины XIV в. (междоусобная смута в Золотой Орде, массовые миграции кочевых кипчакских племен из Центральной Азии в степи Восточной Европы) — до середины XVII в. (окончательный распад Ногайской Орды, когда большинство ногайских улусов расселилось вне ее пределов).

Россия — единственная из соседствовавших с Ногайской Ордой стран, где сохранилась обширная дипломатическая переписка с ногаями. Материалы этой переписки составили 127-й фонд РГАДА «Сношения России с ногайскими татарами». Этот фонд служит основным источником при изучении истории ногаев (и для данного исследования в частности).

Кроме того, используются материалы других фондов РГАДА, РГВИА, отделов рукописей Российской гос. библиотеки, Казанского университета. Многие документы вводятся в научный оборот впервые, в том числе Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой за 1576–1577 гг. Кроме того, учтены сведения о ногаях в русских летописях, разрядах, восточных хрониках, сочинениях западноевропейских путешественников и дипломатов. Также привлечены исторические предания и другие памятники фольклора тюркских народов.

Научный интерес к истории ногайского народа возник в конце XVIII в. Труды Жирмунского, Новосельского, Перетятковича, Сафаргалиева, многих других авторов позволили представить некоторые аспекты истории Ногайской Орды. Однако долгое время она находилась на периферии внимания историков. Как правило, эта степная держава служила для исследователей лишь своеобразным фоном при освещении истории других стран или международных отношений в Восточной Европе и Центральной Азии.

Слава основателя Ногайской Орды часто и необоснованно приписывается Едигею, главному военачальнику (беклербеку) и фактическому правителю Золотой Орды в конце XIV — начале XV вв. Но Едигей являлся лишь родоначальником правящего клана будущей Ногайской Орды. Он принадлежал к кочевому тюркскому племени мангытов. Служившие ему опорой мангыты и их юрт (район кочеваний на реке Урал) в то время приобрели определенный приоритет перед другими племенами и юртами. Связь с Едигеем, всемогущим «делателем королей», вызвала тенденцию к автономии мангытских кочевий в системе золотоордынских улусов. Однако формальный ранг Едигея и особенно его ближайших преемников, сыновей и внуков, сначала не позволял правителям Мангытского юрта претендовать на сколько-нибудь значительную самостоятельность и тем более независимость. Лишь к началу XVI в. мангытская знать смогла избавиться от сюзеренитета вышестоящих ханов.

Вторая половина XV в. отмечена двумя процессами, которые отразили формирование нового очага государственности. Во-первых, происходило образование самостоятельной, суверенной системы управления. Во-вторых, шла первичная этническая консолидация населения в рамках относительно замкнутых границ. Появилось надэтническое (первоначально) имя «ногай». Оно служило

обозначением населения Мангытского юрта, или, что тоже самое с тех пор, Ногайской Орды, вне зависимости от племенной принадлежности.

Окончательное складывание Ногайской Орды можно связывать с именами ее правителей-биев Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая в 30–40-х гг. XVI в. Реальный военный и экономический потенциал превратил ее во влиятельного партнера международных отношений XVI в., заставил считаться с ней всех окрестных монархов.

Социальные процессы в ногайском обществе подорвали могущество, созданное при Саид-Ахмеде и Шейх-Мамае. Особенности кочевой экономики и политического устройства привели к обособлению отдельных улусов. В течение XVI в. сформировалось сильное сословие мирз ногайской знати. Под влиянием меняющейся политической конъюнктуры, опираясь на замкнутое хозяйство собственных кочевий, мирзы оказывались подверженными сепаратистским настроениям. На раскол знати повлияли и «династические» распри. Во второй половине XVI в. ногайская государственность вступила в тяжелый и необратимый кризис.

В последней четверти XVI – начале XVII в. на внутренние дезинтеграционные процессы наложились сразу несколько неблагоприятных внешних факторов. Во-первых, калмыцкое нашествие. По пути на Волгу из Западной Сибири и Восточного Казахстана калмыки прошли сквозь основную территорию ногаев и частью вытеснили их, частью подчинили себе. Во-вторых, набеги казаков. В 1581 г. волжские казаки разрушили ногайскую столицу Сарайчук, а затем стали обосновываться в центре ногайских кочевий – по берегам Яика (Урала). В-третьих, экспансия казахов. По мере ослабления верховной власти биев некоторые племена Ногайской Орды переходили в подданство к казахским ханам, которые, таким образом, расширяли подвластную им территорию на запад. В-четвертых, в результате падения Казанского и Астраханского ханств и резкого усиления Российского государства нарушился баланс сил, который сложился в Восточной Европе после распада Золотой Орды. Ногаи столкнулись с необходимостью выбора ориентации на одного из двух противостоящих гегемонов региона – Крым или Россию. Знать Ногайской Орды раскололась на несколько враждующих группировок. Расколу способствовали также интриги Москвы и Бахчисарая, их борьба друг с другом.

В результате внутренних смут и внешних ударов ногаи в конце концов утратили прежние кочевья и превратились в кочующих скитальцев. В середине – второй половине XVII в. они постепенно закреплялись в пределах нового Калмыцкого ханства, княжеств Северного Кавказа и во владениях Гиреев – по всей огромной степной полосе между Крымом и Россией.

В целом периодизация, основные этапы истории Орды охарактеризованы в заключительной части автореферата, и я, пожалуй, не буду на них останавливаться.

В историографии наблюдается большой разброс мнений по поводу того, как трактовать русско-ногайские отношения со второй половины XVI в. Вопрос о степени зависимости Ногайской Орды от Московского государства решается, видимо, следующим образом. До конца XVI в. обе стороны являлись союзницами, хотя начиная с середины 50-х гг. ногайская сторона начала фактически расцениваться как младший партнер. С 1600 г. наступает вассальная

зависимость бия от царя, поскольку глава Орды становился таковым по царскому указу и даже по разработанному русскими властями церемониалу.

В первой трети XVII в. между Ногайской Ордой и Московским государством установились отношения вассалитета элементами протектората. В целом же в течение второй половины XVI — первых десятилетий XVII вв. намечалась тенденция к усилению зависимости и постепенному вхождению Орды в состав России. Но распад Ногайской Орды не позволил завершиться этому процессу.

А.Н. Сахаров. Спасибо Вадим Винцерович. Если ли вопросы к докладчику?

Ш.Ф. Мухамедьяров. Вадим Винцерович, конечно, хорошо, что ваше исследование в целом освещает историю Ногайской Орды как государства со всеми ее аспектами. Какая точка зрения кажется Вам более приемлемой в смысле объяснения этнонима «ногаи»? Ведь есть довольно большой разброс мнений: или от имени Ногай, или что-то другое. И как это вами мотивируется или как удалось это проследить? Или у вас на этот счет четко выраженной точки зрения, может быть, и не сложилось?

В.В. Трепавлов. Вы знаете, этот вопрос — самая большая загадка ногайской истории, потому что вопрос о том, почему кипчаки за Волгой выбрали для себя именно это название, не ясен: нет сведений в письменных источниках и молчит фольклор. Собственно, само это слово, «ногай» никаких сомнений не вызывает. Это древнемонгольское слово «пес», «собака». Сейчас монголы его произносят «нохой». Это довольно распространенное средневековое имя.

Общая схема, видимо, такова (она давно в историографии бытует), что какой-то монгольский сановник, хан или нойон обладал страной, уделом, на котором в будущем сформировалась Ногайская Орда. По имени вот этого первого улусного правителя стали потом называть и народ, который поселился на этой территории.

Но вот главный вопрос: кто был этот Ногай, кто носил это имя. Дело в том, что в XIII—XIV вв. было несколько золотоордынских принцев и даже ханов с этим именем. Но непосредственно определить эпонима пока не удастся.

Но правда, немецкие профессора, которые работали в нашей Академии наук в XVIII в., заметили сходство между названием ногайского народа и тем Ногаем, который кочевал в Северо-Западном Причерноморье в конце XIII в., и предположили, что возможно, тут есть какая-то связь. А Николай Михайлович Карамзин своим авторитетом как бы утвердил эту версию. И она с тех пор стала популярной, хотя на самом деле абсолютно никакой связи между тем Ногаем и этнонимом «ногай», названием Ногайской Орды, не просматривается.

Видимо, надо искать людей по имени Ногай к востоку от Волги в первой половине XIV в. Таких было несколько, но кто из них непосредственно послужил эпонимом я пока не готов ответить, потому что нет информации.

А.Н. Сахаров. Есть еще вопросы? Нет. Спасибо, Вадим Винцерович. Теперь я предоставляю слово Е.И. Малето для оглашения заключения Центра, где выполнялась работа, отзыва ведущей организации и других отзывов, поступивших в связи с защитой.

Е.И. Малето. В деле В.В. Трепавлова имеется выписка из протокола заседания Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН от 3 июля 2001 г. № 10 о рекомендации к защите на степень доктора исторических наук диссертации «История Ногайской Орды». Отзыв-выписка под-

писан ученым секретарем Центра истории народов России и межэтнических отношений, кандидатом исторических наук В. И. Котовым и заверен директором ИРИ РАН, членом-корреспондентом РАН А. Н. Сахаровым. (Оглашается отзыв-выписка из протокола заседания Центра).

В деле В. В. Трепавлова имеется также отзыв ведущей организации, в роли которой выступил Институт этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая РАН, отдел народов Кавказа Отзыв составлен д. и. н. Я. С. Смирновой, подписан заведующим отделом народов Кавказа ИЭА РАН, членом-корреспондентом РАН С. А. Арутюновым, утвержден директором Института этнологии и антропологии РАН, д. и. н. В. А. Тишковым, 18 декабря 2001 г.

(Оглашается отзыв ведущей организации).

«Реконструкция исторического прошлого народов нашей страны была и остается важнейшей задачей отечественной науки. При этом расширение и углубление ее исследовательского поля, появление новых направлений научного поиска, вычленение нетрадиционных объектов изучения, актуализация новых методик и тому подобные новации современного научно-исторического дискурса не умаляют значение исследовательской практики «традиционного» типа, равно как и разнообразие целеполаганий новационных исследовательских стратегий не делает менее значимым построение целостной панорамы исторического развития конкретного народа в качестве основной цели предпринимаемого научного поиска.

Именно такую исследовательскую задачу поставил перед собой В. В. Трепавлов, представивший в своей диссертационной работе «История Ногайской Орды» целостную панораму исторического развития ногайского народа в хронологическом периоде с середины XV до середины XVII вв.

Этот период оказался важнейшим не только в истории ногайского народа, но и всего полиэтничного населения огромного региона от Волги до Иртыша, в границах которого протекали важнейшие процессы сложения великого евразийского сообщества народов, ставшего основой Российского имперского государства. Ногайцы были активными деятелями и участниками этих процессов, а их влияние на событийную канву отечественной истории в ряде случаев оказалось едва ли не определяющим. В целом историческое прошлое нашей страны невозможно представить без весомого и значительного вклада, сделанного ногайским народом за весь период его многовекового политического и социокультурного развития.

Между тем наша историческая наука продолжает оставаться «в долгу» перед ногайским народом. По остроумному и по существу верному замечанию В. В. Трепавлова, «история Ногайской Орды в общих чертах известна, до сего дня остается ненаписанной».

Рассматриваемая диссертационная работа в значительной степени восполняет этот пробел. Ставя в качестве основной исследовательской цели всестороннее изучение Ногайской Орды в обозначенных хронологических рамках, В. В. Трепавлов останавливается на ряде проблемных вопросах, в частности выясняет исторические условия постепенного формирования в недрах Золотой Орды – Мангытского юрта – ядра будущей Ногайской Орды; определяет обстоятельства обретения Ногайской Ордой самостоятельности; анализирует особенности внутреннего устройства Орды, взаимоотношения различных

группировок ногайской знати; показывает процессы постепенного складывания ногайского этноса; исследует развитие отношений Ногайской Орды с соседними народами и государствами; подробно рассматривает отношения ногайцев с Россией и др. Перечисленные аспекты диссертационной работы свидетельствуют об актуальности и новизне поставленных автором исследовательских задач.

Последние могли быть выполнены только при наличии соответствующей источниковой базы. В диссертационном сочинении В.В. Трепавлова она отличается фундированностью, значительным объемом и разнообразием привлеченных материалов. Их основу составила фактография, извлеченная автором из богатейших фондов ЦГАДА, РГВИА и других отечественных архивохранилищ. (Следует особо подчеркнуть археографическое открытие диссертанта: обнаружение им в фондах Российского государственного архива древних актов исторического источника исключительной ценности. Посольской книги по связям России с Ногайской Ордой за 1576–1577 гг.).

Автором привлечен также большой массив средневековой исторической литературы, в которой отразились различные аспекты ногайской истории. Это исторические сочинения – «мусульманские» (по терминологии автора), монгольские, калмыцкие, западноевропейские. В поле зрения автора находятся также фольклорные источники, в частности героический эпос тюркских народов шеджере и др., которые В.В. Трепавлов вдумчиво и глубоко интерпретирует.

В то же время нам показался странным терминологический подход автора к классификации источников, в частности обозначение одного из видов как «мусульманские». Ничего специфически «мусульманского» в них за исключением обычных словесных клише с поминанием Аллаха, пророка и т.д. С таким же «успехом» можно было бы, например, назвать русские или западноевропейские источники «христианскими». Следует, правда, указать, что термин «мусульманские источники» традиционно бытует в западной историографии, однако вряд ли есть необходимость тиражировать его в нашей научной литературе. Важнее были бы другие классификационные акцентации, к которым, кстати, в других случаях автор и прибегает, и в частности, по аналогии с «западноевропейскими», обозначить данную группу источников, как «восточные», или же в более дробной классификации – персидские, среднеазиатские, арабские, татарские и т.д. помимо достигаемой в данном случае единообразности терминологических обозначений, это гораздо яснее подчеркивает исторические реалии отражения событий ногайской истории в исторической памяти того многонационального окружения, с которым контактировал средневековый ногайский этнос.

Переходя к разбору другого раздела диссертационного сочинения – историографического, отметим, что мы не увидели Оснований для авторской схемы анализа развития ногаеведческих исследований в отечественной науке советского периода. В частности, автор выделяет два историографических пласта: первый – отражающий результаты научной работы в «Центре» (в основном в Москве), и второй – тоже самое «в российских автономиях и союзных республиках».

Что послужило основой для подобного членения историографического процесса? Контекст исследования его не подразумевал, ибо задача автора состояла в том, чтобы дать целостный, последовательно-хронологический анализ истории накопления и расширения знаний об истории ногайского народа в отечественной науке. С этой точки зрения не имеет никакого значения, что, например, исследование М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства» вышло в 1923 г. не в Москве, а в Казани. Данная монография, в которой, по характеристике В.В. Трепавлова, «участие ногаев в политических событиях, связанных с Казанским ханством, проанализированы профессионально, объективно и на достаточной Источниковой базе», знаменовала важный и хронологически наиболее ранний прорыв в ногаеведческих исследованиях в советской науке. Между тем в соответствии с авторской концепцией историографической части, труд Худякова упомянут в разделе, следующим за описанием деятельности ученых из «Центра», которые, как оказывается, обратились к ногаеведческой тематике лишь в конце 1930-х гг. (работа М.Г. Сафаргалиева). И уж совсем странным выглядит выделение раздела «Ногаеведы-ногайцы», в котором автор отдельно рассматривает работы исследователей, отличительной чертой которых является то, что они суть этнические ногайцы. Избранный автором подход нарушает хронологию ногаеведческой историографии, смещает ее историческую перспективу. Затрудняет восприятие такого важного раздела диссертационного сочинения, как историография рассматриваемой исследовательской проблемы.

В то же время собственно историографический анализ работ предшественников безукоризнен. В.В. Трепавлов дает емкие характеристики каждого этапного труда по изучению истории ногайцев, объективно-критически оценивает достигнутые авторами результаты, помещает анализируемое сочинение в контекст историографического изучения проблемы, определяет его значение и роль в общем развитии ногаеведения. В этом отношении историографический раздел диссертационного сочинения В.В. Трепавлова заслуживает самой высокой оценки.

Проблема происхождения ногайцев обычно увязывалась с постановкой вопроса о круге кочевых племен, составивших ногайский союз. Однако очерчивая этот круг, исследователи обходили вопрос о конкретных путях этногенетического и социального развития, приведших к образованию новой этнической общности. Этот вопрос ставит и разрешает В.В. Трепавлов, подробно рассматривая протекание бурных ассимиляционно-интеграционных процессов, в которые была вовлечено население в границах Джучиева и Чагатаева улусов.

Прослеживая в дальнейшем сложные пути миграционных перемещений кыпчаков-мангытов, не единожды проверяя и перепроверяя по источникам ареалы и направления их перемещений, В.В. Трепавлов рассматривает возможные этнолингвистические связи между протоногайцами и этническими общностями, контакты между которыми достоверно зафиксированы письменной традицией. В целом реконструированный автором процесс постепенной этнической консолидации кочевых кипчакских племен в этнополитическую общность ногайцев вполне убедителен.

Не проясненным остается лишь вопрос о происхождении наименования политонима в русских источниках: если в документах третьей четверти XV в.

«Ногаи» предстают как некое абстрактное пространство за Волгой, то в начале XVI в. Орда ногаев становится в один ряд с прочими тюркскими владениями; одновременно появляется четкое понимание и разделение понятий «ногаи» как народа и «Ногаи» как территория и политическая единица. Очевидно, что происшедшая смена племенного названия не была случайной, а явилась следствием неких политических и этнических процессов, игравших важную роль на ранних этапах ногайской истории. Автору следовало бы уделить большее исследовательское внимание этому вопросу.

Другая важная исследовательская проблема этого периода связана с процессом обретения политической самостоятельности Мангытским юртом, Ногайской Ордой. В.В. Трепавлов тщательно и скрупулезно прослеживает перипетии отношений между кипчаками-мангытами и ханами-Джучидами, политическую карьеру выдающегося деятеля ногайской истории Эдиге и его наследников, прежде ваего бия Мусы, с которым связано обретение Мангытским юртом политического веса в Дешт-и-Кипчаке и др. Важным вкладом автора в разработку темы является то, что он не просто синхронизировал этапы становления политической самостоятельности Ногайской Орды с последовательным распадом Золотоордынской державы (этот аспект достаточно подробно освещен в предшествующей литературе), но показал более сложные и глубинные основания этого процесса, убедительно связав его, во-первых, со становлением соответствующей системы управления в границах юрта, и во-вторых, с первичной этнической консолидацией населения в тех же границах.

Проследив за этапами образования Ногайской Орды, В.В. Трепавлов закономерно ставит вопрос о специфике социально-политического статуса этого государственного образования. Автор подходит к ногайскому обществу как к сложной, многоуровневой структуре, включавшей разные уклады, элементы разных общественных систем. При этом в работе исследуются и убедительно доказываются коренные, стадийные изменения основы государственно-политического устройства ногайцев на протяжении XV–XVII вв., которые, как показал В.В. Трепавлов, протекали не по восходящей линии потестарно-политического развития, а по зигзагообразной траектории, когда под влиянием сложного комплекса внутренних и внешних обстоятельств общественное устройство мангытов/ногайцев эволюционировало от государства к простому вожеству, затем к зачаточному государству и опять к простому вожеству. В истории человечества случае регрессивных социально-политических отступлений не единичны. Исторический казус мангытов/ногайцев из этого рода.

В этой связи вызывает удивление использование В.В. Трепавловым определение «империя» для обозначения государственного образования ногайцев («кочевая империя» на стр. 10, 23, 29 и др.). Все же это определение подразумевает совершенно иной тип общественного устройства и политических отношений, которые не могут быть приложимы к таким стадийным уровням потестарного развития, как, например, «зачаточное государство» и уж тем более, вожество-чифом.

Характерной и положительной особенностью рассматриваемой работы является интерес автора к историко-этнографическим проблемам ногайской истории. В этом отношении информативны и аналитичны разделы, посвящен-

ные изучению хозяйства и хозяйственного уклада, семьи и семейного быта, черт духовного развития.

Много внимания В. В. Трепавлов уделяет выяснению такого сложного вопроса, как динамика очень подвижных этнических границ Ногайской Орды. В этом разделе большую ценность для нас представляет подробно прослеженный автором процесс постепенного заселения выходцами из Ногайской Орды степей Северного Кавказа. Автор показывает, как на протяжении XVI–XVII вв. в этот регион направлялись все возрастающие миграционные потоки из-за Волги, а затем сюда же переместились и маршруты сезонных перекочевок. Вместе с тем на обширном источниковом материале В. В. Трепавлов показывает, что массовое переселение ногайцев в Предкавказье имело место лишь в первой трети XVII в., когда они были вытеснены на запад калмыками.

Подводя итог предпринятому нами обзору диссертационного сочинения В. В. Трепавлова, считаем необходимым подчеркнуть, что перед нами масштабное, фундаментальное исследование с четко обозначенными познавательными целями и задачами. Определив предмет изучения в широком эвристическом диапазоне, автор вычленил наиболее значимые аспекты заявленной темы, что позволило полномерно и всесторонне осветить изучаемый вопрос. Одним из слагаемых успеха исследования стала широкая источниковая база, ко более важным оказался профессионализм автора, умение понять и проанализировать источник, адекватно интерпретировать, ввести в контекст исследуемой проблемы и собственной доказательной аргументации.

Исследование В. В. Трепавлова освещает многие вопросы правда малоизученной и лакуарной проблемы. Это этапный труд в отечественном ногаеведении, а в целом можно квалифицировать как заметное явление в современной историографии. Оно по всем параметрам отвечает высоким требованиям к работам, представляемым на соискание ученой степени доктора исторических наук. Вышесказанное позволяет нам выразить уверенность в том, что автор монографического исследования «История Ногайской Орды» Вадим Винцерович Трепавлов заслуживает присуждения искомой степени».

Свидетельством определенного внимания и резонанса в научной среде к работе В. В. Трепавлова послужили и отзывы, пришедшие в Диссертационный совет на его автореферат.

Наш диссертационный совет получил пять дополнительных отзывов на автореферат диссертации В. В. Трепавлова. Я остановлюсь на их содержании. Отзыв на автореферат диссертации поступил от ведущего научного сотрудника отдела этнологии Института истории академии наук Татарстана, д. и. н. Д. М. Исхакова. (Оглашается отзыв).

«Значение настоящего исследования для отечественной и мировой исторической науки неоспоримо – перед нами первый полноценный труд по истории одного из позднесолотоордынских государств – Ногайской Орды. В работе представлены все стадии ее развития – от начала становления в виде Мангытского эля во второй половине XIV в. и до полного распада в XVII в. ставшей государственным образованием сложносоставной этнополитической общности «Нагаев», как ее именовали средневековые русские источники.

Среди возникших после распада Улуса Джучи политических формирований Ногайская Орда, превратившаяся в XVI в. во вполне самостоятельное

государство, занимает особое место. Она, после ликвидации Большой Орды и ухода в начале XVI в. основной массы населения объединения Шибанидов в Среднюю Азию, на некоторое время стала выступать по отношению к татарским ханствам в роли своеобразного политического центра. Хотя такое положение продолжалось не более полусотни лет, первую половину XVI в. — время расцвета Ногайской Орды — можно считать эпохой ногайского великодержавия. Именно в этот период практически во всех татарских ханствах появились Мангытские княжества (юрты), связанные институционально с Ногайской Ордой. К тому же времени относятся и дане о выплате рядом ханств своеобразных «выходов» (годовые, пошлины) в Ногайскую Орду. Эти отношения подкреплялись внушительной военной силой — к середине XVI в. ногайское войско насчитывало до 200 тыс. «воинских людей». Тем не менее, речь надо вести скорее не о подчинении того или иного ханства Ногайской Орде — зачастую это ей было не по силам (например, в случаях с Казанским и Крымскими ханствами, обладавшими, кроме прочего и достаточно крупным демографическим потенциалом), а о взаимозависимости всего созвездия наследников Золотой Орды. Исключением не являются, пожалуй, и Московское государство, бывшее не только активным, но и, как оказалось, наиболее успешным игроком на пост золотоордынском политическом пространстве.

Задачи, поставленные в рассматриваемой диссертации, вытекают из профессионально выполненного обзора литературы и четко сформулированных теоретико-методологических предпосылок исследования. Работа базируется на обширном комплексе источников, во многих случаях, впервые вводимых диссертантом в научный оборот. Практически В.В. Трепавловым проанализирован весь основной массив доступных к настоящему времени источников по истории Ногайской Орды. Именно в этом заключается одно из главных достоинств данного труда. Кроме того, в нем сформулированы многие значимые для науки выводы, основательно подкрепленные источниками. К ним можно отнести: раскрытие, фактически впервые, процесса становления Ногайской Орды, состоявшего из ряда этапов; прослеживание всевозможных параметров этого государства (границы, столица, население и его клановый состав, численность, особенности экономической, политической и культурной жизни и др.); выявление места Ногайской Орды в сложной системе международных отношений, особенно в рамках постзолотоордынских политических реалий; установление характера взаимодействия изучаемого этнополитического образования с постепенно усиливавшимся Русским государством, емко преданного формулой от суверенитета до вассалитета с элементами протектората; раскрытие причин распада государственности «нагаев».

В исследовании новаторским представляется и положение о том, что сформировавшаяся во второй половине XV в. «этнополитическая общность ногаев» окончательную самостоятельность приобрела лишь к началу XVI в. (стр. 11 и 31 автореферата). Этот тезис противоречит многим сложившимся представлениям, но, на наш взгляд, по существу является верным — до начала XVI в., пока существовали Большая Орда и Государство Шибанидов, политическая ситуация была такой, что Мангытский юрт (синоним понятия «Ногайская Орда») не мог быть полностью суверенным относительно леги тимных центров власти, возглавляемых Чингизидами.

Можно было бы и далее перечислить удачные и интересные с точки зрения углубления наших исторических представлений о постзолотоордынском мире, места диссертации. Однако, учитывая, что в автореферате эти моменты, по вполне понятным причинам, переданы крайне лапидарно, нет смысла на них останавливаться. Целесообразнее обратиться к дискуссионным сюжетам и заключениям, присутствие которых, учитывая сложность и многоплановость анализируемой работы, является неизбежным.

В автореферате диссертации постоянно применяется формула, определяющая мангытов (мангутов) как «кипчакское племя» (с. 5–6, 29). Конечно, применительно к второй половине XIV в. с такой формулировкой спорить не приходится. Однако, как хорошо известно диссертанту, первоначально племя мангыт (мангут) было монгольским кланом. А на начальном этапе становления Улуса Джучи взаимоотношения собственно монголов и завоеванных ими кипчаков, были отнюдь не простыми, на что указывает и В. В. Трепавлов, когда отмечает, что кипчаки были «растворены» в клановых структурах завоевателей. Кстати, об этом в свое время писал и известный американский лингвист, и историк П. Голден (1992 г.). На размышления наталкивает и одна династийная хроника клана кунграта, опубликованная в США Ю. Брегелем. В частности, там сообщается, что сын нойона Нугая (Ногай) Акхадай богатырь (умер в 1312–1313 гг.) в своем подчинении имел «30 тыс. палаток кунгратов и 100 тыс. палаток других тюрок. Ему же подчинялся мангыт Сонкор мирза. Затем в источнике говорится, что сын нойона Акхадая Нахдай нойон (известен до 1360-х гг.), правившей церкесами, бежал во времена Узбек хана к этому хану в низовья Волги вместе с кипчаком Есен Бугой (Брегель, 1982). Из этого сообщения вытекает, что собственно монголы и «другие тюрки» (преимущественно кипчаки) перемешались далеко не сразу. Следовательно, у мангытов необходимо четче выделить и отдельный монгольский этап этноистории. Без этого трудно понять, как это монгольское племя стало правящим кланом, имевшем в своем подчинении большую массу кипчакского населения. Самостоятельным аспектом этой проблемы является вопрос о недостаточной выраженности в Ногайской Орде существования собственно мангытского племени: мангыты там присутствуют в качестве правящей династии (клана), но в виде обширного племенного образования со своей территорией и со своими соплеменниками представлены не очень ясно.

В этой связи заслуживает большего внимания и племенная структура Ногайской Орды. Конечно, выделение В. В. Трепавлова применительно в XVI–XVII вв. в составе ногайцев до 140 племенных общин и их подразделений, дело похвальное. Но вкуче с его замечанием о существенных изменениях, произошедших в «стройной эль-улусной структуре» ногайского общества того времени (с. 37), эти данные автоматически вызывают вопрос об особенностях «стройного» периода указанной структуры. И тут необходимо заметить, что источники XVI в. сообщают о 12, а начала XVII в. — о 14 крупных ногайских улусах, возглавлявшихся «карачаями». Похоже, что именно они составляли основные структурные элементы Ногайского государства. Как она сложилась — вопрос немаловажный для истории рассматриваемой этнополитической общности. В автореферате об этом следовало бы сказать подробнее, тем более, что в литературе на этот счет высказывались разные взгляды (см. работы Б.-А. Б. Кочекаева, Д. М. Исакова).

Не вполне удачным следует признать и использование в работе понятия «Башкирия» в той части исследования, где речь идет о первой половине XVI в. (см., например, выражение: «Ногаи сумели ... утвердить и упорядочить свое государство над Башкирией» — стр. 32). Такого рода формулировки встречаются и в опубликованных работах В.В. Трепавлова (см.: Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа, 1997 г.). Что тут понимается под «Башкирией», не совсем понятно. Кроме того, за дискуссией по поводу этого термина скрывается еще одна, достаточно сложная, проблема. Диссертантом она косвенно затронута при обзоре работ Р.Г. Кузеева, по поводу которых сказано: ему «удалось детально проследить процесс инфильтрации ногайского компонента в среду собственно башкир» (с. 23). Однако, весь вопрос в том, что при анализе источников возникают большие трудности в выделении как раз «собственно» башкир. Как хорошо известно В.В. Трепавлову, в той зоне Приуралья, где господствовала Ногайская Орда, одна группа населения именуется «иштяками», а другая является общей как для ногайцев, так и для башкир (есть только несколько племен, в которых можно видеть «истинных» башкир). Отсюда понятно, что в научном плане любые попытки использовать современные маркировки по поводу этнических реалий и границ при анализе средневековой ситуации, являются малопродуктивными. Вообще, у историков (не только у отечественных, но и у зарубежных) зачастую наблюдается недостаточное внимание к этнологической теории, миновать которую при настоящем уровне исторических знаний уже невозможно.

И последнее. Заявление о том, что «... ногаи не оставили исторических сочинений» (стр. 7), нам представляется несколько поспешным. И проблема не только в том, что выделение из всего комплекса тюркоязычных источников XIV–XVII вв. отдельных «национальных» (включая и «ногайскую») версий является делом практически невозможным. Но дело еще и в том, что некоторые письменные источники, причем хорошо известные, содержат достаточно показательные «ногайские» куски. Например, такие исторические сочинения, как «Сборник летописей» Кадыр-Али бека (1602 г.) и «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.), маркируемые как «татарские», включают особые «повести» (дастан) об Идееге. Если задаваться вопросом о том, откуда в эти источники данная информация попала, немедленно возникают и другие проблемы. Тем более, что известны и сохранившиеся в письменном виде ногайские генеалогии, содержащие дополнительную историческую информацию.

Разумеется, все сказанное выше в первую очередь связано с недостаточной изученностью тюркских обществ — наследников Улуса Джучи. Поэтому, до сих пор сохраняются дискуссионные моменты, возможны различные трактовки по многим ключевым аспектам истории этих обществ. Паше особое мнение по некоторым вопросам, поднимаемым в исследовании В.В. Трепавлова, необходимо рассматривать прежде всего в этом ключе, и оно не меняет общую, весьма высокую оценку работы диссертанта. В целом диссертанту, которого мы знаем по многим публикациям, в т.ч. и изданным в Казани, удалось подготовить интересное и глубокое исследование, дающее полное основание присудить В.В. Трепавлову искомую степень доктора исторических наук».

Отзыв на автореферат от к.и.н., советника президента АН РТ И.Л. Измайлова. (Оглашается отзыв на автореферат).

«История Ногайской Орды – это история одного из крупнейших и могущественных государств Степной Евразии в XVI – начале XVII вв., оказавшего огромное влияние на исторические судьбы многих народов и на этническую специфику обширного региона заволжских, северокавказских и причерноморских степей. Говоря о политическом влиянии этого государства, достаточно сказать, что его правители сыграли важнейшую роль в разгроме хана Большой Орды Ахмада, а их ставленники сидели на престолах Казанского, Астраханского и Сибирского ханств.

Особый колорит государственной структуре Ногайской Орды придает то, что это было единственное постзолотоордынское государство, во главе которого стояли нечингисиды. Именно это обстоятельство придает изучению дополнительный импульс – чрезвычайно интересно проследить каким образом трансформировалась в этих условиях традиционная золотоордынская государственность и ее институты, как трансформировались ее этнополитические реалии. Все эти проблемы достаточно интересны и важны для раскрытия полноценной истории народов Северной Евразии.

Однако, несмотря на важную историческую роль, сыгранную Ногайской Ордой в истории, это государство не получило еще достаточно полного и непредвзятого описания. Причин, объясняющих подобное положение вещей, видимо, можно назвать несколько: все еще довлеют запреты и ограничения прошлых десятилетий, нет школы по изучению позднезолотоордынских государств, мало источников по теме, а те, что есть требуют специальной подготовки. Кроме того, тема эта долгое время не считалась напрямую связана с национальной историей татар, башкир, казахов, каракалпаков и находилась в стороне от пристрастий тюркских ученых. В силу ряда широко известных причин весьма пристрастно касались этой темы российские историки. В первую очередь это касается русской и советской историографии, которая представляла ногаев кочевым народом постоянно нападавшего и разорявшего оседлых соседей, в первую очередь, русских переселенцев.

Для историков Татарстана, изучающих средневековое прошлое татарского народа история Ногайской Орды представляет огромный интерес. Ведь, по сути дела, история Татарстана в XV–XVI в. – это в значительной мере история этнокультурного взаимодействия Казанского ханства и Ногайской Орды, история их контактов, взаимовлияния и перемешивания населения. Можно сказать даже больше и точнее: без решения вопросов истории и культуры Ногайской Орды и ее населения не может быть правильно понята и оценена история татарского народа. Именно в этом периоде покоятся основания для правильного решения сложнейших проблем татаро-башкирского взаимодействия и формирования местного тюрко-татарского населения.

Это во многом объясняет тот огромный интерес, который вызывает работа В. В. Трепавлова. Во-первых, он давно известный специалист в области изучения государственности средневековых кочевых народов и прекрасный источниковед, его работы пользуются заслуженным уважением и высоким авторитетом у специалистов, и любая его работа становится событием. Во-вторых, достаточно давно не выходило обобщающих работ по истории и культуре постзолотоордынских государств, в то время как был выработан целый ряд новых концепций о сути их государственности и этнополитической структуре. Этими же соображениями вызван и целый ряд замечаний.

Структурно работа, состоящая из Введения, двух разделов, Заключения, соответствующей библиографии и приложения, четко соответствует сформулированной цели и задачам исследования.

В обстоятельном Введении автор представил добротный и практически исчерпывающий историографический обзор. Автор подробно останавливается на обзоре источников и этот обзор, несомненно, достоин самых лестных отзывов, как по объему и полноте привлеченных материалов, так и по скрупулезности их анализа. Особой заслугой автора является введение в оборот новых архивных источников, причем, судя по всему, это уникальные исторические свидетельства прошлого.

Первый раздел глава, состоящая из 11 глав, представляет собой последовательное и детальное описание истории Ногайской Орды от появления мангытов в Улусе Джучи и становления Мангытского Юрта до возникновения полноправного и суверенного государства. Автор довольно подробно, даже если судить по автореферату, прослеживает этапы этого развития мангытской (ногайской) государственности. На основании всего комплекса материалов он делает совершенно справедливый вывод о существовании особого кочевого владения, юрта в Заволжье, которое после выдвижения в его правители Идегея становится ядром будущей государственности, которая в XIV–XV вв. находилась в латентном состоянии. К сожалению, автореферат не дает возможности проследить эту концепцию автора во всех деталях, но она весьма интересна и плодотворна, хотя и может вызвать возражения, связанные с разным пониманием этнополитической структуры Улуса Джучи.

Вообще этот раздел чрезвычайно насыщенный материалом является не только полноценным описанием политической истории Ногайской Орды, но и новым «прочтением» истории Волго-Уральского региона и Северного Кавказа в XV–XVII вв. Целый ряд рассеянных в тексте мыслей, замечаний и разъяснений помогают исследователям заново осмыслить многие страницы истории не только ногаев, но и сопредельных территорий и государств, помогают глубже понять их взаимоотношения и саму систему взаимодействия постзолотоордынских ханств от полного распада Улуса Джучи до полного крушения системы этого Улуса под ударами врагов и собственными неустройствами.

Второй раздел работы, посвященный различным сторонам внутренней жизни Ногайской Орды, представляет собой аналитическое воссоздание исторических реалий, которые в отличие от канвы политических событий практически остаются вне поля зрения современников. Автор провел огромную работу по сбору и систематизации этой разрозненной информации. Некоторые детали этой мозаики, опубликованные ранее, могут считаться подлинными источниковедческими удачами. Автор подробно и скрупулезно изучил территорию и границы, население, экономику, государственность и культуру Ногайской Орды, подробно остановившись на весьма важном и запутанном вопросе русско-ногайских отношений. Автор ставит и успешно решает вопрос о границах ногайской державы и ее внутреннего членения. Заслуживает пристального внимания и одобрения мысли автора о характере кочевков ногаев и их направлений, которые во многом определяли направление их внешней политики и узловые точки военных конфликтов. Довольно свежей, хотя и, на мой взгляд не бесспорной, выглядит концепция автора о затухании государственности у ногаев и вожестве как формы их политического устройства.

Анализ всех этих проблем настолько полон и подчеркнута академичен, что практически не оставляет места для критики и минимум для замечаний. Тем не менее имеет смысл высказать несколько замечаний для дальнейшего обсуждения. Так, представляется, что никакого кыпчакского племени «мангут» не существовало, в частности, о нем молчат все аутентичные домонгольские источники, а, судя по названию, этот этноним имеет монгольское происхождение. Скорее всего, речь должна идти и не о существовании кыпчакского племени, и не о переселении монголов в Заволжье, а о сложных процессах этнополитической трансформации, которую претерпели кыпчаки и другие народы в период Улуса Джучи. Этим объясняется дисперсность различных тюрко-монгольских племен, которые в этот период выступали не как этнополитические объединения, а как кланы, единого этносоциального объединения татар. Об этом пишет и сам автор, продолжает использовать для обозначения населения Улуса Джучи термин «кыпчакские племена». Этот вопрос связан и с другим — о соотношении татарского и ногайского самосознания, которое автор обошел вниманием. Между тем, есть целый ряд свидетельств, что военная знать Ногайской Орды продолжала называть себя татарами (термин, который в этот период, видимо, стал политонимом). Это доказывает, что даже после распада Улуса Джучи единое этнополитическое самосознание продолжало существовать, но одновременно формировалось новое регионально-государственное — «ногай». Проблема взаимодействия этих этнонимов во времени является важнейшей проблемой, особенно в связи с попытками ряда башкирских историков сконструировать некую «устойчивую этническую общность башкир» в период Улуса Джучи и Ногайской Орды. Представляется, что прав автор, говоря о конгломерате различных илей, составляющих основу населения Заволжья и южного Урала. Несмотря на эти замечания, работа В. В. Трепавлова представляется весьма ценным научным исследованием, чья новизна и практическая значимость не вызывают сомнений, а сам автор, безусловно, заслуживает искомой степени».

Отзыв на автореферат от ведущего научного сотрудника Центра, сектора средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения РАН (г. Владивосток), д. и. н., профессора Н. Н. Крадина. (Оглашается отзыв на автореферат).

«Имя В. В. Трепавлова хорошо известно кочевниковедам нашей страны. Он автор серьезных теоретических статей в этой области, глубокой и вдумчивой книги «Государственный строй Монгольской империи XIII века». Его настоящее диссертационное исследование посвящено исследованию темы, которая достаточно логично вытекает из предыдущих исследований соискателя. В. В. Трепавлов решил сосредоточить свое внимание на одном из, так сказать, «фрагментов» постмонгольской истории — комплексном изучении Ногайского ханства.

Данная тема, вне всякого сомнения, актуальна. С одной стороны, история ногайцев тесно связана с вопросами этнической истории Северного Кавказа и без учета истории изучаемого диссертантом общества трудно будет понять современные события в данной «горячей» точке нашей страны. С другой стороны, несмотря на немалое количество частных исследований в области ногайской истории, до сих пор не написано обобщающего труда по истории Ногайской орды. Все это обуславливает высокую научную значимость и востребованность диссертации В. В. Трепавлова.

Целью работы является создание комплексного компендиума по ногайской истории, в котором были бы обобщены практически все основные вопросы истории исследуемого народа. Работа состоит из введения, в котором обоснованы актуальность, цели и исследования, хронологические рамки, методологические и теоретические основы работы, из 17 глав, сгруппированы в две самостоятельные части и заключения. Первая часть (главы 1–11) историко-описательная. В ней излагаются основные этапы политической истории Ногайской орды с момента ее возникновения до ее упадка. Во второй части (главы 12–17) дается характеристика основных черт ногайского общества – экономики, демографии, политической системы, культуры и т.д. Подобная структура диссертации представляется логически обоснованной и не вызывает возражений. Правда, не очень удачным выглядит название первой части – ее логичнее было бы назвать «Образование, расцвет и распад Ногайской орды». В предложенном диссертантом заголовке предполагается, что вслед за образованием сразу последовал распад. И второй момент, в этой связи, можно ли считать ногайской обществом, осколок Золотой Орды «державой»?

Главная заслуга диссертанта – это создание целостной картины истории Ногайской орды. Содержание работы – это развернутое и досконально аргументированное изложение ряда научно-исследовательских тем, последовательно раскрывающих различные стороны рассматриваемой проблемы.

Диссертацию отличает весьма основательный историографический анализ, демонстрирующий высокую эрудицию и научную зрелость автора, глубокое знание всех наиболее важных отечественных и зарубежных исследований по данной проблематике. Работа построена на богатом фактологическом фундаменте с привлечением практически всех известных на данный момент фактических данных. Многие из этих данных впервые вводятся в научный оборот, что является еще одним существенным достоинством данного исследования. Единственное замечание на этот счет – это не очень понятная классификация источников на европейских языках (с. 15–16). Если диссертант отделяет «сочинения иностранцев на русской службе» в отдельную группу (№ 2), то не очень понятно» почему он объединяет записки лиц, которые «лично посетили татарские ханства и граничившие с ними мусульманские страны» (№ 1). Ведь одно дело побывать у ногайцев лично, другое дело побывать, например, в Турецкой империи и услышать там от кого-нибудь о ногайцах. Последний информатор не видел изучаемого диссертантом общества, подобно тем людям, кто служил в России (№ 2) или бывал там с другими целями (№ 3).

При рассмотрении поставленных в диссертации вопросов автору потребовалось не только умения источниковеда профессионала высшей квалификации, но и обширные познания в области теории исторической науки. Представленная к защите работа – свидетельство того, что В.В. Трепавлов сложился как крупный серьезный исследователь» пользующийся признанием и авторитетом у своих коллег кочевниковедов.

Если говорить об имеющихся в автореферате недостатках, то во многом они являются продолжением достоинств рецензируемой работы. Поскольку работа состоит из 17 глав, то, конечно, трудно отразить содержание всех частей книги. Однако, с моей точки зрения» следовало бы расширить описание основного содержания диссертации (например, глав 15–17) за счет сокращения

историографии и источниковой базы. Полагаю, в главах должно содержаться немало интересных выводов, подобно весьма ценным сообщениям диссертанта о маршрутах перекочевок (с. 38) или связи культивирования ногайцами земледелия в периоды острых кризисов общества (с. 39). Не очень понятно, почему он объединяет записки лиц, которые «лично посетили татарские ханства и граничившие с ними мусульманские страны» (№ 1). Ведь одно дело побывать у ногайцев лично, другое дело побывать, например, в Турецкой империи и услышать там от кого-нибудь о ногайцах. Последний информатор не видел изучаемого диссертантом общества, подобно тем людям, кто служил в России (№ 2) или бывал там с другими целями (№ 3).

При рассмотрении поставленных в диссертации вопросов автору потребовалось не только умения историковедца профессионала высшей квалификации, но и обширные познания в области теории исторической науки. Представленная к защите работа – свидетельство того, что В. В. Трепавлов сложился как крупный серьезный исследователь, пользующийся признанием и авторитетом у своих коллег кочевниковедов.

Если говорить об имеющихся в автореферате недостатках, то во многом они являются продолжением достоинств рецензируемой работы. Поскольку работа состоит из 17 глав, то, конечно, трудно отразить содержание всех частей книги. Однако, с моей точки зрения, следовало бы расширить описание основного содержания диссертации (например, глав 15–17) за счет сокращения историографии и источниковой базы. Полагаю, в главах должно содержаться немало интересных выводов, подобно весьма ценным сообщениям диссертанта о маршрутах перекочевок (с. 38) или связи культивирования ногайцами земледелия в периоды острых кризисов общества (с. 39).

Не могу также согласиться с тем, что автор полагает, что так называемые «внеэкономические» способы получения прибавочного продукта (грабежи, набеги и вымогание подарков), играли в Ногайской Орде несущественную роль (с. 39). Во-первых, он сам отмечает наличие данных методов эксплуатации у ногайцев (с. 40). Во-вторых, для возникновения и существования «кочевых империй» и подобных им более мелких экзополитарных или ксенократических политических образований более мелкого масштаба (каким как раз была Ногайская орда) данные механизмы были принципиально важными. Безусловно, для занятия скотоводством военно-грабительская деятельность была не нужна. Номады могли прожить на основе скотоводческой экономики. Однако существование сложных надплеменных структур у кочевников было невозможно без привлечения внешней эксплуатации. Стабильность подобных обществ напрямую зависела от умения высшей власти организовывать получение продуктов земледелия, ремесленных изделий и изысканных драгоценностей из оседлых обществ. Так как эта продукция не могла производиться в условиях скотоводческого хозяйства, получение ее силой или вымогательством было первоочередной обязанностью правителя кочевого общества. Будучи единственным посредником, между причерноморскими земледельческими цивилизациями и степью, правитель номадного общества имел возможность контролировать перераспределение получаемой из оседло-городских обществ добычи и тем самым усиливал свою собственную власть.

При этом институты престижной экономики являлись механизмом, соединявшим «правительство» степной империи и входившие в нее племена. Манипулируя подарками и раздавая их соратникам и вождям племен, правитель кочевой империи увеличивал свое политическое влияние и престиж щедрого царя, кагана или хана. Одновременно он связывал получивших игр «обязательством» отдаривания. Племенные вожди, получали «подарки» — у ногайцев они назывались поминками, и их отмечает сам диссертант (с. 43; см. также публикацию № 17 из списка работ диссертанта, с. 363–364) — могли, с одной стороны, удовлетворять личные аппетиты, и, с другой стороны, повышать свой внутриведомственный статус путем раздач даров соплеменникам или посредством организации церемониальных праздников.

Однако, в целом, ни мелкие филологические шероховатости, ни мои гипотетические предложения относительно внешнеэксплуататорской (ксенократической) сущности Ногайской орды, ни другие замечания, никоим образом не снижают достоверности и значимости, выносимых на защиту положений. Перед нами по сути дела энциклопедия Ногайского общества — уникальный труд, охватывающий практически все стороны изучаемого общества. Диссертационное исследование В.В. Трепавлова проделано на высочайшем квалификационном уровне, а объема опубликованных по теме работы публикаций хватит на несколько докторских диссертаций. Рассматриваемый труд представляет большой интерес для специалистов и является существенным вкладом в российское кочевниковедение. Данное сочинение, вне всякого сомнения, полностью соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям по специальности 07.00.02 — Отечественная история, а ее автор, В.В. Трепавлов, достоин присуждения ему ученой степени доктора исторических наук».

Отзыв на автореферат от заведующего отделом этнографии народов Карачаево-Черкесии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований им. Курмангулова (г. Черкесск), к.и.н. Р.Х. Керейтова. (Оглашается отзыв на автореферат).

«Изучение истории народов Российской Федерации на современном этапе её развития является одной из приоритетных задач исторической науки страны. В автореферате верно отмечено, что «в составе единой российской державы эти народы постепенно адаптировались к её политическому строю и законодательству, осваивали общине посредством доминирующего русского языка, овладевали достижениями российской науки и культуры, привнося в них и свой вклад» (С. 3). И с этой точки зрения выполненная работа имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение. Работа будет способствовать выработке и проведению позитивной государственной политики в обострившихся в конце XX в. межнациональных отношений в России. Ногайцы — один из тюркских народов России, ныне дисперсно живут на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье. В цепи решения межнациональных проблем в стране «ногайско-кавказские отношения являются необходимым звеном в общей геополитической ситуации, и без учета участия ногайцев освещение многих исторических и современных событий на Северном Кавказе окажется неполным» (С. 4).

Диссертант чётко и научно обоснованно определил цель и задачи исследования, которые обширны и решение их делает честь работе. Хронологические рамки исследования соответствуют событиям в истории Ногайской Орды.

Диссертант, изучая историю Ногайской Орды, основываясь на множестве источников, исследует вопросы её политического, этнического, экономического, социального и культурного развития, отношения её населения — ногайцев, с соседними народами и государствами, и том числе с Россией.

Исследование методологически и теоретически основывается на проверенных в науке объективных принципах: научности, объективности, системности, комплексности, конкретно-историческом подходе, концепции цивилизационной преемственности и взаимопроникновения культур народов, что позволяет изучить место ногайцев в огромном мире сопредельных государств и народов.

Научная новизна работы не вызывает сомнений, ибо на самом деле «Впервые в историографии подробно исследована история Ногайской Орды — обширной степной державы на территории современных Российской Федерации и Казахстана» (С. 6), что предполагает её большую практическую значимость не только в преподавании истории в высших и средних учебных заведениях — в лекционных курсах по отечественной истории, а также специальных курсах по истории Северного Кавказа, но, как правильно подчеркнул и сам автор, что очень важно, «будет способствовать воспитанию общероссийского патриотизма, в частности, осознанию общности исторических судеб народов, населяющих Россию» (С. 7).

Диссертационная работа В. В. Трепавлова насыщена огромным количеством источников. Важное место среди них занимают архивные документы, извлеченные из РГАДА, РГВИА, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Сделано это добросовестно. Для аргументации собственных научных взглядов автор умело пользуется и наследием устного народного творчества как самих ногайцев, у которых богатые эпические сказания, но и всем ногайским эпическим циклом, сводом сказаний о ногайских богатырях, распространенного у тюркских народов Поволжья, Западной Сибири, Казахстана, Северного Кавказа.

Русские летописи среди источников занимают особое место, в них отложилось сведения о русско-ногайских отношениях. Большую информацию об отношениях ногайцев с сопредельными среднеазиатскими государствами содержат данные восточных хронистов, на работы которых диссертант ссылается часто. Безусловно, большую информационную нагрузку в работе несут путевые записки, сочинения, мемуары европейских путешественников и ученых, которые описали или коснулись истории Ногайской Орды.

В. В. Трепавлов охарактеризовал степень изученности темы, на упустив даже маломальскую работу, в том числе напечатанную и на иностранном языке. Эта подробность хорошо систематизирована и хронологически выверена. Перечисленным работам дана вполне объективная оценка.

Структура работы продумана, в ней нет упущений. Диссертация состоит из введения, двух разделов, где в главах изучены разные вопросы становления, формирования, существования и постепенного распада Ногайской Орды. Вопросы изучены с привлечением широкого круга документальных данных.

Изучена миграция населения, его демографическое состояние в разное время, интересные данные приведены об экономике Ногайской Орды. Много нового введено в главы, где изучены вопросы государственности, культуры Ногайской Орды и её взаимоотношениях с Россией и другими сопредельными странами и народами.

Заключение диссертации обширное. Выводы автора в целом аргументированы, ховя некоторые из них не бесспорны. В такой большой работе этого трудно избежать. Впервые история Ногайской Орды изучена столь подробно, с привлечением огромного количества иллюстративного материала, позволяющего автору делать собственные выводы, не всегда совпадающие с установившимися взглядами на происходившие в XIV–XVII вв. события в судьбе Ногайской Орды. Последующие исследования помогут устранить встречающиеся погрешности, над которыми, видимо, автор будет работать.

И в этой связи есть пожелания. Наверное, все-таки надо быть не столь категоричным, когла автор пишет, что «... основная масса ногайцев мигрировала сюда (на Северный Кавказ. — *Р.К.*) сравнительно поздно, после того как в первой трети XVII в. начался распад Ногайской Орды».

Данный вывод не согласуется с давно устоявшимся мнением известных ученых: Е.П. Алексеевой, М.Г. Волковой, Ю.Д. Анчабадзе и других, полагающих, что основная часть ногайцев в указанное время уже обитала на Северном Кавказе и значительная половина вела оседлый образ жизни; 1-й и 2-й разделы диссертации по количеству глав (11 и 6) слишком разнятся по объему и по рассмотренным проблемам, их можно было сделать более равными по объему; автор считает, что в XVII в. ногайцы «превратились в кочующих скитальцев» (С. 43), с чем трудно согласиться. «Кочующие скитальцы» в конце XVIII в. представляли силу, с которой боролись царские войска во главе с А.В. Суворовым и их депутатов принимали Петр I и Екатерина II.

В целом выполнена огромная работа. Присоединяюсь к мнению столь авторитетного в стране Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН, который обсудил, одобрил диссертацию и рекомендовал её к защите. Тем более основные положения и результаты исследования отражены во многих докладах на международных, всероссийских и региональных научных конференциях, в опубликованных работах, с большинством из которых я знаком и на некоторые из них напечатаны мои отзывы. Некоторые статьи В.В. Трепавлова опубликованы в периодической печати на ногайском языке и получили положительный отклик читателя.

Диссертация Трепавлова Вадима Винцеровича «История Ногайской Орды» отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям и её автор заслуживает присвоения искомой степени доктора исторических наук».

И, наконец, от советника Администрации Астраханской области по вопросам межнациональных отношений, к.и.н. В.М. Викторина. (Оглашается отзыв на автореферат).

«Счастлив ознакомиться с долгожданным, первым целостным исследованием истории ногайского народа. Широта охвата материала, обилие совершенно новых источников, чёткость изложения и строение научного труда В.В. Трепавлова отвечают лучшим традициям отечественной науки и стоят выше всяческих похвал. Благодаря ему как исследователю, многолетнему твор-

ческому поиску «белое пятно» (С. 3) в научном знании теперь благополучно заполнено. Более того, внесён большой вклад в общее номадоведение, которому автор и посвятил, как учёный, свою деятельность.

Обращено пристальное внимание на фигуру «беклярбека» (С. 29–30, 32) в потестарно-политических отношениях кочевых тюрок. Полезны теоретически и практически сюжеты о связях ногайцев с другими тюркскими народами (С. 19, 22, 27, 31 и др.), с калмыками (С. 4–5, 9–10, 27–28, 38). По-новому и эффектно истолкованы монгольские этнонимы в ногайской родовой структуре (С. 36). Принципиально важно рассмотрение демографии Ногайской Орды (С. 37–38).

Бесспорно, оценят значение работы Вадима Винцеровича и сами ногайцы.

Приятно, что перечень апробации работы автор открывает (С. 7, 46) своим докладом 1995 г. в Астрахани (высоко оцененным тогда и памятным до сих пор). В аспекте же связи темы с современностью, не вполне согласен с однозначной привязкой развития ногайского народа к Северному Кавказу (С. 4). Поволжские (астраханские) ногайцы насчитывают 4 тыс. чел. (по переписи ожидается до 10 тыс. чел., а население ногайского происхождения приблизится к 30 тыс.), преподаёт родной язык, работает общество, представлен особый этнокультурный тип.

Полагаю также, что роль Хаджи-Тархана и российской Астрахани была в ногайской истории заметно значительнее (гравюра А. Ольшлянгера-Олеария «Астрахань в Нагайе» нач. XVII в. вызвала недавно споры в местной прессе). В этой связи, эпизод с бузанскими «тумаками» (сер. XVI в.) между царём Иваном IV Грозным и бием Исмаилом я рассматривал ранее как существенный, и хотел бы обнаружить его освещение в диссертации и – желательно – в автореферате.

Это любопытные моменты для обсуждения яркой и новаторской диссертационной работы. Автору, коллеге В.В. Трепавлову, желаю всяческих новых успехов и посчитал бы более чем справедливым присуждение ему искомой учёной степени доктора исторических наук».

А.Н. Сахаров. Спасибо Елена Ивановна. Вадим Винцерович, вы можете ответить на замечания, содержащиеся в отзывах.

В.В. Трепавлов. Я хочу отреагировать на некоторые замечания и прежде всего на отзыв, составленный Я.С. Смирновой и С.А. Арутюновым. Я благодарен за общую позитивную оценку работы, а существу замечаний могу сказать следующее.

Я не вижу ничего неестественного в выделении мусульманских источников. В общем-то, объединяет эти источники, конечно, не только восхваление бога в начале текста, мусульманские источники – это тексты, созданные в мусульманских странах – вот что это значит. И делить их, в общем-то, нецелесообразно, многие из них писались на персидском, переводились на арабский и наоборот. До нашего времени уцелели как раз эти переводы.

Кроме того, арабо-персидская историография и география послужила образцом для тюркской историографии, для османской, для татарской. И ведь до XIX в. показателем книжной учености и эрудиции в тюркском мире было написание сочинения на фарси. Поэтому давно признано, что нецелесообразно и нерационально разделять такие источники по языкам. И принято в термино-

логии это понятие «мусульманские источники» не только на Западе, как указано во внешнем отзыве, но и в нашей науке с XIX в. это широко применяется.

Что касается выделения в особую группу исследований, созданных в российских автономиях и советских союзных республиках. Все-таки в регионах, в республиках, свои особенности развития историографии. И по профилю нашего Центра истории народов мы хорошо это представляем, учитываем эти особенности, тем более несомненно в такой огромной стране, как наша. Там исследуется свой круг проблем, отмеченный часто в проблематике центральных учреждений, сложились свои научные школы, большее внимание там к региональной истории. И поэтому мне показалось более рациональным выделить именно исследования, созданные в регионах.

Можно ли назвать Ногайскую Орду кочевой империей? Это, в общем-то, долгий разговор. Если потом будет дискуссия, я с удовольствием объясню. Пока хочу сказать, что, конечно, ставить ее один ряд с привычными империями с Российской, с Британской, с Османской, с Римской невозможно и не нужно, потому что в данном контексте этот термин, введенный до войны еще Рене Груссе, означает не разновидность монархической государственности, а лишь одну из форм существования кочевого общества. Возможно, он и не очень удачен, тем не менее в науке он принят.

Что касается отзывов на автореферат, то я полагаю и вижу, что замечания в этих отзывах вызваны тем, что, как обычно, в автореферате предложены выводы, но отсутствует аргументация.

Допустим, Д. М. Исхаков призывает меня исследовать и четко выделить монгольский след в ногайской истории. Но если бы он ознакомился еще и с текстом диссертации, то увидел бы мое твердое мнение, что никакого монгольского следа здесь не просматривается, и ногаи – это абсолютные, стопроцентные кипчаки. Что подразумевается под Башкирей в данном контексте? Это просто территория, населенная башкирскими племенами и входившая в Ногайскую Орду.

Д. М. Исхаков считает, что поспешно мое утверждение будто ногаи не оставили исторических сочинений, и называет Кадыра Алибека. Нет, Кадыр Алибек – это все-таки сибирский татарин, визирь Кучума, который попал в плен и жил у Бориса Годунова, а потом в Касимовском царстве написал свой «Джами ат-таварих», сборник летописей.

Коллега Д. М. Исхаков пишет, что ногайские «куски» присутствуют в тюркских сочинениях. Так вот эти «куски» называются везде «дастанами». Это название эпического произведения и это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что первоисточники здесь как раз эпические, фольклорные и не доказывает того, что были какие-то собственно ногайские сочинения.

Р. Х. Керейтов не согласен с утверждением автореферата о том, что основная масса ногаев мигрировала на Северный Кавказ в первой трети XVII в. Естественно, могу сослаться на текст диссертации, где я показываю постепенное, на протяжении всего XVI в. заселение ногаями предкавказских степей. Но все-таки я остаюсь при своем мнении: основная масса хлынула из-за Волги, от калмыков все-таки в первой трети XVII в. И уходили в основном в Причерноморье, где были свободные степи, а не на Кавказ, где предгорные равнины были вечным яблоком раздора между дагестанскими шамхалами и кабардин-

скими князьями. В общем, Северный Кавказ был не самым желанным в то время для миграции. И именно для экспертизы моих кавказских сюжетов был сделан внешний отзыв в отделе народов Кавказа Института этнологии. Как вы слышали, именно этот сюжет не вызвал возражений со стороны специалистов Института этнологии. На этом я закончу.

А.Н. Сахаров. Спасибо. Приступаем к обсуждению работы. Первое слово имеет оппонент, доктор исторических наук, профессор Борисов Николай Сергеевич.

Н.С. Борисов. Данная работа представляет собой фундаментальное исследование истории возникновения, развития и упадка своеобразного государственного образования – Ногайской Орды. Участвовавшая во многих военно-политических коллизиях средневековой Восточной Европы, Ногайская Орда сама по себе практически оставалась исторической загадкой. Это объясняется прежде всего плачевным состоянием источниковой базы. До нас не дошло каких-либо архивов Ногайской Орды. Сведения об ее истории, внутреннем устройстве, внешних связях приходится собирать буквально по крупицам. Исследователь вынужден работать с материалами вторичного характера, упоминаниями о ногаях в русских летописях и дипломатических актах, в польско-литовских, крымских, турецких и других документах. Важную роль приобретают и такие шаткие источники как фольклор, семейные предания, родословные схемы. Автор диссертации первым среди отечественных историков проделал этот огромный труд, собрал, систематизировал и осмыслил практически всю совокупность источников, имеющих отношение к Ногайской Орде. В этом ярко проявилась новизна данного труда. Не вызывает сомнений и актуальность работы В.В. Трепавлова. Эта работа закрывает большую брешь в наших представлениях о судьбе государственных образований – осколков Золотой Орды. Она позволяет лучше понять сложный этногенез малых народов Северного Кавказа, их извилистый и зачастую трагический исторический путь. В кипящем национальными конфликтами современном мире такого рода знание имеет не только чисто научное, но и актуальное общественно-политическое значение.

Разнообразный и как правило фрагментарный характер сведений о ногаях и Ногайской Орде заставил автора тщательно продумать структуру работы. Она состоит из традиционного Введения, включающего в себя характеристику источников и обзор историографии, и двух основных разделов. Первый из них – «Образование и распад ногайской державы» – посвящен главным образом событиям политической и военной истории. Сложные перипетии ногайской истории представлены автором в 11 главах этого раздела.

В первой главе автор предлагает собственное решение запутанного вопроса о связи между монголами-мангутами и позднейшими тюрками мангытами. Для историка средневековой Руси особенно интересны разыскания диссертанта о происхождении и биографии легендарного основателя Ногайской Орды Едигея. Этот выдающийся степной правитель и полководец сыграл одну из главных ролей в драме распада Золотой Орды на рубеже XIV–XV вв. Возвысившись при дворе золотоордынского хана Тохтамыша, он внезапно оставил своего покровителя и перебежал к Тимуру. Затем он ушел и от Тимура, решив основать свое собственное государственное образование – Мангытский юрт –

между Яиком и Эмбой. Своевременно переселив сюда свой народ (мангытов) с Северного Кавказа, Едигей тем самым спас его от ужасов второго нашествия Тимура в 1395–1396 гг.

В 1399 г. Едигей разгромил великого князя Литовского Витовта в битве на Ворскле и тем самым ускорил процесс сближения Литвы и Польши. Опустошительное нашествие Едигея на русские земли в 1408 г. и осада его войском Москвы подробно описаны нашими летописями. Благодаря авторитету и дальновидности беклерибека Едигея его потомки, не будучи чингизидами, стали фактическими правителями Золотой Орды. Эмиры мангытов, своего рода «белая кость», родовая аристократия степей, определяли кандидата на ханский престол и затем получали от своего избранника всевозможные привилегии.

Причиной быстрого усиления мангытского юрта автор считает специфику политической ситуации в районе между Яиком и Эмбой. В то время как в степях к западу от Волги постоянно шли кровопролитные войны, мангытский юрт привлекал многие тысячи переселенцев стабильностью власти и безопасностью повседневного существования кочевников. Объединенная общим именем ногаев разноплеменная общность быстро консолидировалась в самостоятельное государственное образование – Ногайскую Орду. Весьма оригинальна и реконструированная автором схема избрания мангытской знатью номинального, подставного хана из числа огланов. Занимая при дворе этого хана ключевой пост беклерибека, подлинный предводитель ногаев вершил всеми делами орды. В том случае, когда хан проявлял чрезмерные амбиции, ногайская знать решительно отказывалась от его услуг и присягала другому чингизиду. (Вся эта схема в чем-то напоминает известную систему приглашения местным боярством князя-рюриковича на новгородский стол).

Автор отмечает, что мангытские роды добивались реальной власти не только под эгидой сибирских ханов, но также в Большой Орде. В этом отношении весьма показательна реконструированная автором биография беклерибека Большой Орды Тимура – инициатора похода на Русь в 1480 г.

Неустойчивость внутренних властных структур в Ногайской Орде создавала постоянные предпосылки для междоусобиц и смут. Автор выделяет в истории Ногайской Орды три большие Смуты. Первая из них началась в 1510-е гг. Однако ногаям удалось довольно быстро преодолеть ее последствия. В 1530–1540-е гг. наступает расцвет могущества Ногайской Орды. Она становится своеобразной кочевой империей, с которой вынуждены считаться все соседние государства.

В главе 6 автор подробно рассматривает роль ногайских мурз в событиях 1550–1552 гг., когда Иван IV перешел к полной ликвидации Казанского ханства. Эта часть диссертации имеет важное значение для правильного понимания восточной политики Избранной Рады.

Отношение к московской экспансии в Среднем и Нижнем Поволжье раскололо правящую верхушку Ногайской Орды на два враждебных лагеря. В 1554 г. в ногайских степях началась новая большая Смута, в ходе которой бий Исмаил убил своего брата Юсуфа. Но не только эта жестокая акция расколола правящий род потомков Едигея. Автор диссертации убедительно показывает, что главное заключалось в экономике, в тесной связи значительной части ногайской знати с русской торговлей. Многотысячные табуны ногайских лоша-

дей ежегодно пригоняли к условленным местам для продажи или обмена на необходимые кочевым ногаем продукты или предметы русского ремесла. Тяжелым ударом по Ногайской Орде стал голод, охвативший степи в середине 50-х гг. XVI в.

Взятие Астрахани московскими войсками в 1556 г. втягивает российскую дипломатию в сложную систему отношений между ногайскими мурзами. Автор показывает все перипетии московской политики относительно ногаев, промахи и авантюры астраханских воевод, по своему усмотрению решавших многие вопросы русско-ногайских отношений. В результате значительная часть кочевников из Ногайской Орды ушла под власть крымских ханов, пополнив ряды явных врагов Московского государства. Сближение ногайских мурз с Крымом, усиление антирусских настроений в Ногайской Орде заставили московское правительство в 1580-е гг. предпринять энергичное строительство городов-крепостей на главных переправах кочевников через Волгу. Так возникли Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590). В 1595 г. в самом сердце ногайских степей русскими воеводами и казаками был поставлен Яицкий городок (будущий Уралск).

В диссертации отчетливо раскрыта и роль русской дипломатии в разжигании противоречий внутри ногайских родоплеменных кланов в период «третьей смуты» – 1620-е годы. Стремясь обеспечить полную власть над Большой Ногайской Ордой, московские воеводы стравливали между собой ногайских мурз точно так же, как некогда ордынские баскаки «сваживали» русских князей. Бедствия ногаев усугублялись наступлением на их земли пришедших из степей Центральной Азии калмыков.

Автор диссертации вполне объективно изображает сложную борьбу вокруг наследства Ногайской Орды. Ошибки московских воевод в Астрахани вновь и вновь заставляли ногаев искать прибежища в Крыму или на Северном Кавказе. Некогда единая и могущественная Ногайская Орда превратилась в разрозненные мелкие орды, кочевавшие от Дуная до Сырдарьи. Они подчинялись местным правителям и уже не имели собственной единой системы управления.

Во втором разделе диссертации, озаглавленном «Nogaica», автор переходит от политической истории ногаев к анализу внутреннего устройства этой, как он любит выражаться, «кочевой империи». Первый же вопрос – о границах владений ногаев – оказывается чрезвычайно сложным из-за неопределенности степных рубежей, изменчивости политической обстановки и отсутствия надежных источников. Автор справедливо отмечает, что термин ногаи в источниках часто имеет расширительное значение, включая помимо собственно Мангытского юрта всех кочевавших в степях тюркоязычных номадов (с. 436). Однако собственно ногаи предпочитали кочевать восточнее Волги и лишь в силу стихийных бедствий или разного рода военно-политических обстоятельств (нашествие калмыков и др.) иногда переправлялись на правый, «крымский» берег Волги. Их массовое передвижение на запад относится к 1630-м гг. (с. 442).

Весьма интересны изложенные в главе 13 наблюдения автора относительно сложной терминологии, относящейся к родовым и социальным отношениям ногаев. Здесь уже кончается собственно история и начинается этнология. Однако диссертант вполне уверенно чувствует себя и на этой почве. Интересен анализ термина эль как «совокупность кланов одного племени» (446), а в рус-

ских источниках передаваемый через понятие «родство». Убедительно предложенное диссертантом решение сложнейшей проблемы этногенеза ногаев (с. 448).

Несомненным достоинством работы является тщательная обоснованность выдвигаемых положений. Диссертант отвергает часто встречающееся в литературе смешение разных по времени социальных явлений, перенесение в глубокое прошлое отношений, характерных для ногаев XIX столетия (с. 506).

Оценивая уровень развития государственности в Ногайской Орде, диссертант стремится уйти от упрощенно-формационного подхода, свойственного многим работам по данной теме. Он подчеркивает, что «облик социальных отношений в средневековом Деште... оказывался гораздо богаче формационных конструкций» (с. 507) и предлагает «подход к ногайскому обществу как к сложной многоуровневой структуре, включавшей разные уклады, элементы разных общественных систем» (с. 508). Работа Трепавлова представляет своего рода энциклопедию Ногайской Орды. Здесь и собранные по крупницам данные о финансово-налоговой системе, и характеристика религиозных верований, и обстоятельная подборка сведений о русско-ногайских связях.

К числу недостатков работы можно отнести некоторые повторы одной и той же темы (например, русско-ногайских отношений второй половины XVI в.) разных главах диссертации. Остается неясным вопрос о том, почему же именно род мангытов занял столь привилегированное положение в поздней Золотой Орде? Нет полной ясности по вопросу о причинах распада Ногайской Орды в середине XVII в. Несколько режет слух излюбленный автором термин «кочевая империя». Все же понятие «империя» ассоциируется с другими историческими реалиями. Все эти вопросы и замечания носят частный характер и не снижают общих достоинств работы. Перед нами фундаментальное исследование, основные выводы которого убедительно аргументированы. Оно подводит итог многим усилиям исследователей и становится своего рода точкой отсчета для дальнейших изысканий в этой области. Ногайская Орда отчетливо предстает в работе В.В. Трепавлова как своеобразное государственное образование, как важный элемент этнической и политической карты Восточной Европы в XV–XVII вв.

Работа В.В. Трепавлова соответствует всем требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям. Ее автор несомненно заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

А.Н. Сахаров. Спасибо Николай Сергеевич. Вадим Винцерович, вы можете ответить официальному оппоненту.

В.В. Трепавлов. Я благодарю Николая Сергеевича за в целом положительный отзыв. Что касается замечаний, прозвучавших в этом отзыве, я хотел бы сказать следующее. Действительно, в разных главах иногда повторяются некоторые сюжеты и цитаты из источников, но просто они привлекаются для аргументации разных положений. В частности, прозвучало такое замечание в отношении русско-ногайских отношений.

Здесь нужно учитывать, во-первых, принципиальность отношений с Россией для Ногайской Орды. Во-вторых, в конце концов работа писалась в стенах Института российской истории, и я повышенное внимание именно этой теме уделял. И поэтому в первом разделе излагаются все перипетии политических

связей между ногаями и Россией. А в конце книги дается отдельный очерк, где отдельно описаны и маршруты набегов, и организация посольского обмена, и анализируется проблема подчиненности ногаев России. И поэтому неизбежно что-то пришлось повторить из первого раздела.

Почему именно мангыты заняли привилегированное положение в Золотой Орде? В общем-то, я постарался эти причины отразить в первых двух главах, и кое-что в автореферате, и кое-что сам Николай Сергеевич назвал в своем отзыве.

Если очень кратко, то около 20 лет Едигей возглавлял ордынскую знать и сажал зависимых ханов на престол. В этих интригах ему сопутствовали его сыновья. После гибели Едигея в 1419 г. они, эти его сыновья, сохранили и закрепили приоритет мангытов.

Материальной опорой всевластия мангытов был их многочисленный волжский Юрт, не затронутый войнами и смутами. Туда собрались массы кочевников, к тому же освобожденные по инициативе Едигея от налогов в пользу хана. Вот когда народ узнал, что за Волгой не нужно платить налогов, по одному из каракалпакских дастанов в течение десяти лет в 6 раз увеличилось население.

Но действительно нужно было доказать, чем мангыты лучше десятков других кипчакских племен, потому что в период династии Чингисидов они все были равны. И вот тогда в мангытской придворной среде родилась генеалогическая легенда о том, что род Едигеев происходит от Абу Бекра — первого арабского халифа, преемника пророка.

В общем-то в мусульманском обществе, которым уже тогда являлись ногаи, эта версия была принята, на всем протяжении Ногайской Орды проиоритет рода Едигея, мангытского клана не вызывал ни у кого сомнений. Ну и, кстати, эта версия закрепилась надолго. Недавно вышли мемуары князя Юсупова Феликса Феликсовича, и он там начинает с изложения своей родословной. И у истоков рода князей Юсуповых как раз стоит Абу Бекр. Конечно, это фантастическая версия, но просто доказывать родство с халифом тысячелетней давности было легче, чем претендовать на родство с Чингисханом, потому что в то вое время старики еще помнили все поколения ханов и встроиться в эту династию было невозможно.

Что касается причины распада Ногайской Орды, я просто теряюсь, я не могу пересказывать материал нескольких глав. Я сознаю, что, может быть, слишком подробно изложено и не столь ясно, как хотелось бы. Причины распада предстают из текста. Я единственное могу по пунктам назвать: внутренние распри, которые вызвали экономическое ослабление, и внешние удары: калмыки, казаки и казахи. В результате начался массовый исход народа в разные страны, прежде всего на Восток, и Ногайская Орда практически обезлюдела и развалилась.

А. Н. Сахаров. Спасибо, Вадим Винцерович. Продолжаем обсуждение работы. Слово предоставляется официальному оппоненту, доктору исторических наук Санину Геннадию Александровичу.

Г. А. Санин. Предложенная к защите диссертация освещает принципиально важные и в то же время малоисследованные проблемы средневековой истории России. На протяжении полутора столетий Ногайская Орда соседствовала с Русским государством и Крымским ханством от контактов о ногаями нередко зависело решение многих внутри- и внешнеполитических проблем.

В отечественном историографии неплохо исследованы и внутренняя история, и история отношения России с такими сопредельными, по выражению А.А. Новосельского, «осколками Золотом Орды» как Казанское, Астраханское, а тем более Крымское ханства», с башкирами и калмыками, чего нельзя сказать о ногаях, хотя ногайская тематика захватывает историю всего Поволжья и значительной части Предуралья и Казахстана, т.к. на этих территории располагалась Ногайская Орда. Ногаи имели тесные контакты с Крымским и Сибирским, Казанским и Астраханским ханствами, Узбекистаном, калмыками и казаками. Наконец, основная масса потомков населения Ногайской Орды обосновалась на Северном Кавказе.

Диссертация написана с привлечением самых разнообразных источников от фольклорных преданий до делопроизводства Посольского приказа и от русских летописей до записок арабских путешественников и купцов. Основу составляют материалы РГАДА фонды ногайских, крымских, калмыцких и прочих дел. Многие из источников, особенно по фонду 127 РГАДА «Сношения России с ногайскими татарами» впервые введены в научный оборот.

Исчерпывающе приведены и опубликованные источники, как отечественные, так и иностранные. Профессионально сделанный анализ источников позволил автору с максимально возможной полнотой охватить разные стороны жизни ногаев. Сопоставление разных типов источников и критический анализ текстов сделали возможные выявить противоречивость содержащейся информации, разночтения текстов, а иногда и прямую дезинформацию противника в документах дипломатического характера.

Интересный источниковедческий анализ материалов об участии ногаев в крымско-турецком походе на Астрахань в 1569 г., в событиях связанных со взятием Казани и Астрахани Иваном Грозным и др. Автору можно порекомендовать строже придерживаться устоявшихся и общепринятых наименований типов документации Посольского приказа: не «донесения воевод», а отписки воевод в приказ; не «царские распоряжения воеводам», а грамоты воеводам; не «описание пребывания на Руси ногайских послов», а дела о приеме ногайских послов.

В.В. Трепавлов весьма основательно проработал историографию проблемы, охватив широчайший круг работ от труда М.М. Щербатова до современных отечественных и зарубежных авторов. В анализе работ автор сдерживает себя рамками поставленной темы, хотя вполне мог бы высказать свои соображения и по ряду общетеоретических проблем истории России, связанных с её отношениями со степными народами. Вероятно, можно было бы более критически оценить работы А.Е. Поноженко и Б.Б. Кочекаева, где явно завышена степень развития феодальных отношений у ногаев.

В.В. Трепавлов дал первое обобщающее исследование по истории Ногайской Орды. Изучены обстоятельства формирования мангытского юрта во главе о Едигеем (Эдиге), статус этого кочевого владения и его предводителей в составе разваливающейся Золотой Орды, отношения мангытских биев с ханами-Чингизидами. Прослежено развитие государственности в Ногайской Орде. Аргументируется магистральное направление этого развития как постепенное угасание кипчакско-золотоордынских государственных традиций, отмирание административных порядков, унаследованных от Золотой Орды. Детально разбираются отношения ногаев с волжскими, донскими, яицкими казаками,

обстоятельства появления казачьих поселений на Яике – в центре Ногайском Орды. Интересны соображения автора по вопросу о возникновении казачества вообще. Проанализированы причины распада ногайском Орды: внутренние распри, набеги калмыков, воздействие на этот процесс российского правительства, действия астраханских воевод. Определено время окончательного распада Орды: середина – вторая половина 1630-х гг.

Автор, безусловно, прав, связывая распад Ногайском Орды с вынужденным отходом Больших Ногаев с коренных ногайских территорий между Яиком и Волгой на Крымскую сторону (правым берег) Волги. Но с определением причин этого отхода можно спорить. По мнению В. В. Трепавлова откочевка ногаев в равной степени вызвана и калмыками, теснившими их с востока, и преследованиями, злоупотреблениями царских воевод. Для доказательства автор приводит челобитные с жалобами ногаев на действия воевод, которые собственно говоря связь притеснений с откочевкой не доказывают, они лишь подтверждают факты злоупотреблений воевод, но это ни у кого и не вызывает сомнения. Между тем воеводским контроль над Средней и нижней Волгой даже в середине XVII в., после возведения Симбирской засечной черты был минимальным (не говоря уже о 1630-х гг.). Население располагалось к северу от засечной черты, до Симбирской крепости. Вся Волга к югу от Симбирска оставалась практически не заселенной.

Подобно островам в степном море стояли лишь небольшие городки-крепости: Самара, Саратов, Камышин, Царицын, Астрахань. Постоянные воевода и гарнизон стояли только в Астрахани, в остальных городках часто не держали воевод и гарнизонов по причине нехватки ладей. Небольшие кучки населения жалась к их стенам. (См. мою статью о южной границе России во 2-й пол. XVI – первой половине XVIII в.). В этих условиях организовать эффективный контроль над кочевниками было невозможно, следовательно, и притеснения воевод не могли быть важной причиной откочевки Ногаев. Уход ногаев на крымскую сторону Волги был вызван натиском калмыков. Диссертанту вероятно целесообразно было бы отметить, что приход сильных и многочисленных калмыцких племен к Волге был для России попросту опасен, усложнял оборону юго-восточных границ.

К сожалению, единственной книгой по истории Крымского ханства является книга В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в.» (Другая его книга охватывает историю ханства в XVIII в.). Эти книги написаны более 100 лет назад, да к тому же почти не используют русские источники. Как правило, крымские сюжеты присутствуют в исследованиях по истории внешней политики и воин сопредельных стран: России, Речи Посполитой, Австрии, Венгрии, Украины, Турции, Молдавии, Кавказа. Высоте с тем авторы подобных работ вынуждены обращаться к вопросам внутреннего развития Крыма, чтобы объяснить внешнюю политику Гиреев. По этому же пути идет и В. В. Трепавлов. В диссертации ногайско-крымские отношения неоднократно выделены в отдельные параграф при анализе различных этапов истории Ногайское Орды.

В итоге картина взаимоотношений между двумя тюркскими юртами не выглядит как целостное полотно, но его наблюдения и здесь весьма ценны для исследователей, связанных с историей Крыма.

Особенно интересно и важно наблюдение В. В. Трепавлова о том, что отнюдь не все ногайские улусы Крыма были париями и изгоями в ханстве. Первые мангыты, появившиеся за Перекопом ещё в конце XV в., опираясь на прикочевавших в XVI и XVII вв. Больших ногаев, «выросли в ведущую политическую силу» ханства. Тем не менее это не может изменить общий вывод работы: на протяжении всей истории ногайско-крымские отношения оставались враждебными, хотя и случались кратковременные эпизоды коалиций и партнерства.

Интересны и оригинальны наблюдения автора по наиболее изученному вопросу ногайской истории — по вопросу ногайско-русских отношений. Например, он предпринял сопоставление взаимного статуса правителей Ногайской Орды и Российского государства с конца XV — до первой трети XVII вв.: от иерархического старшинства биев к равноправию между государями и далее к старшинству русских царей.

Можно согласиться с предложенным В. В. Трепавловым определением степени зависимости Ногайском Орды от России XVII в. как «вассалитет с элементами протектората». Но здесь требуется уточнение: если говорить о вассалитете, то нужно признавать наличие развитых феодальных отношений у ногаев. Собственно говоря, вассалитет не исключает подданство государю, а потому представляется вполне правомерным утверждение автора о том, что шел процесс постепенного вхождения ногаев в состав России, завершить который помешал распад Орды Больших ногаев в 1630-х гг.

Весьма важные наблюдения и выводы сделаны автором в разделе, посвященном быту, хозяйству, культуре ногаев. Уделив по вполне понятным причинам главное внимание кочевому скотоводству, диссертант проследил эволюцию путем сезонных передвижений населения и скота по Дешт-и-Кипчаку (Арало-Уральский цикл и Поволжский цикл), под давлением калмыков сменившиеся на широтные кочевки от Астрахани до Яика. Исследованы и другие, нескотоводческие занятия населения: охота, рыболовство, ремесло, которое по мнению В. В. Трепавлова находилось в зачаточном состоянии, хорошо развитую караванную торговлю, торговые пути. Наиболее важные выводы, сделанные автором во втором разделе работы, касаются уровня развития земледелия у ногаев, роли набегов и работорговли в экономической жизни Ногайской Орды. Пожалуй, следовало бы более четко ответить на традиционный вопрос: могло ли скотоводческое хозяйство обеспечить необходимым для жизни продуктом население. Из материала, приведенного диссертантом, можно предположить, что нет, что в наиболее трудные времена население эпизодически вынуждено было заниматься примитивным земледелием, при первой же возможности возвращаясь к скотоводству.

Общеизвестно ставшее уже хрестоматийным положение о том, что экстенсивное хозяйство средневекового кочевника делало неизбежными набеги на сопредельные оседлые районы. В. В. Трепавлов убедительно и аргументированно доказывает, что в жизни ногаев набеги не могли играть значительной роли, ибо Ногайская Орда жила в окружении более сильных соседей. Следовательно, и работорговля не могла играть столь значительной роли. Вместе с тем факты, приведенные в разделе о работорговле, показывают, что этот «промысел» был «хорошо организован», что временами количество рабов-полоняников было весьма значительным, и что торговля ими оставалась очень прибыльным де-

лом. Необходимо подчеркнуть, что данные, приведенные В.В. Трепавловым в этом вопросе, чрезвычайно важны, уникальны, и вне всякого сомнения будут использованы в науке.

Особо хотелось бы отметить ценность приведенной в диссертации «Таблицы ногайских родо-племенных объединений», которая значительно облегчит работу исследователей истории крымских, казанских, ногайских и других юртов. Работа имеет приложение: генеалогические схемы Мангытских беков. Схемы эти имеют самостоятельную ценность как справочный материал для исследователей.

В целом следует признать, что рецензируемая работа основывается на полноценной источниковой базе, учтена практически вся литература по теме исследования, работа несомненно вносит заметный вклад в историческую науку, выводы аргументированы, самостоятельны и принципиально важны для понимания истории межнациональных отношений и истории народов России. Автореферат соответствует содержанию диссертации.

В.В. Трепавлов достоин присуждения ученой степени доктора исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история).

А.Н. Сахаров. Спасибо, Геннадий Александрович. Вадим Винцерович, вы можете ответить на замечания официального оппонента.

В.В. Трепавлов. Я благодарен Геннадию Александровичу за внимательное знакомство с текстом моей диссертации. А по существу пожеланий, замечаний что здесь сказать? Уважаемые оппонент поставил несколько вопросов.

Насколько велика вина астраханских воевод в массовом исходе ногаев на Восток, в крымские владения, и сопоставима ли вина этих астраханских воевод с размахом калмыцкого нашествия.

Тут дело в том, что я ведь пытался опираться на материалы источников. И дело здесь заключается не в том, что на протяжении 80-ти лет ногаи жаловались в Москву, что их притесняют астраханские наместники, действительно угоняют лошадей, не отпускают ворованных детей и воспитывают их у себя и т.д.

Есть прямые указания в грамотах на государево имя о том, что «от неправды воеводской отошли мы на крымскую сторону, от обиды воеводских заплавав, пошли мы на правый берег Волги». Вот на что я опирался. И ведь это не было просто сгущение красок. В 1634 г. разразился скандал, и царский гнев обрушился на стрелецких начальников в Астрахани, которых побрасали в тюрьмы, и на воевод с дьяками, которых вызвали в столицу для объяснений, почему допустили уход ногаев в Крым. И причем предписывалось вести следствие жесточайшим образом, цитирую: «чтобы тот сыск ногаям был ведом». Но было уже поздно, и большинство ногаев не удалось убедить вернуться на «ногайскую сторону» Волги.

Что касается роли воевод в ногайских делах, то тут действительно я полностью согласен с Геннидием Александровичем, что новые крепости ниже Симбирска – это по существу были российские анклав в чужой, голой степи. Могли ли в таких условиях астраханские воеводы иметь значительное влияние на ногаев? Надо сказать, что правительство и вся историческая ситуация, полагаю, давали им такую возможность.

Во-первых, с 1577 г. не из Посольского приказа непосредственно, а через астраханских воевод ногайским биям и мирзам шло государево жалование — одно из главных средств предотвращения ногайских набегов на русские владения.

С 1602 г. по указу Бориса Годунова прекратились русские посольства в Ногаи, и ногайским властям было предписано общаться только с воеводами Астрахани. И для того, чтобы удерживать определенный контроль над большой Ногайской Ордой, с 1586 г. в Астрахани содержались заложники из знатнейших ногайских родов.

Очень интересна, конечно, проблема работорговли, которая здесь была представлена. Мне даже не приходило в голову соотносить цены на рабов. 10, 20, 30 золотых с польскими злотыми. Понимаете, Геннадий Александрович, я предполагал, что это просто перевод в алтыны. И я считал цены пленных в алтынах. Но дело в том, что алтын (по-существу — динар) различался в разных регионах и зависел от веса, от составлявших его единиц, дирхемов. А какая из них практиковалась в Ногайской Орде, мне в общем-то выяснить не удалось.

Что касается работорговли у ногаев, то она была нерегулярной и не имела, конечно, такого размаха, как у крымцев. В мордовских исторических сказаниях есть цикл о ногайском полоне. Там сказано, зачем ногаям нужны были рабы. Мужчины пасли овец, а жен-рабынь брали в жены, т.е. не типично рабовладельческая ситуация. Все-таки большинство старались отправить к туркам на галерный флот. Но все равно центры работорговли были довольно далеко: Самарканд, Кафа, Стамбул. И везти через степи вереницы этих изможденных русских пленных, конечно, было часто невыгодно, и половина из них умирала. Поэтому я считаю, что реальные цены на русских пленных, Геннадий Александрович, были намного ниже, и, наверное, они исчислялись все-таки в алтынах, а не в злотых.

Г.А. Санин. По данным Миллера раб стоил две тысячи акче.

А.Н. Сахаров. Геннадий Александрович, у вас будет возможность это с диссертантом выяснить. Мы продолжаем обсуждение диссертации. У нас дальше должен был выступить официальный оппонент, доктор исторических наук, профессор Усманов Миркасым Абдулахатович из Казанского государственного университета. Но он заболел, к сожалению. И мы поэтому ограничимся тем, что зачитаем его отзыв, а потом Вадим Винцерович ответит на замечания официального оппонента.

Пожалуйста, Елена Ивановна, ознакомьте нас с отзывом М.А. Усманова.

Е.И. Малето. (Оглашает отзыв официального оппонента).

«Диссертация Вадима Винцеровича Трепавлова посвящена одному из наименее исследованных сюжетов отечественной истории. Большинство государств, которые возникли на месте распавшейся в XV в. Золотой Орды, монографически почти не изучены. Относительно подробно описана история лишь ханств Казанского (книга М.Г. Худякова 1923 г.) и Узбекского (книга Б.А. Ахмедова 1965 г.). До сих пор нет монографий по Крымскому, Астраханскому и Сибирскому юртам, Большой Орде. До последнего времени во многом загадочной оставалась и история самого обширного из подобных образований — Ногайской Орды.

Необходимость исследования Ногайской Орды хорошо отражена в следующем высказывании М.Г. Сафаргалиева – ученого, которому диссертант заслуженно приписывает мировой историографический приоритет в этой теме: «Будем ли мы изучать распад Золотой Орды, образование Московского государства, борьбу русского народа с «татарским игом», историю крымских и поволжских татар, башкир, узбеков, казахов и каракалпаков – мы всегда будем сталкиваться с историей Ногайской Орды, без изучения которой многие вопросы для историка будут непонятны».

Нельзя сказать, что ногайская тематика вообще отсутствовала в работах историков. Известны фундаментальные труды К.В. Базилевича, А.А. Новосельского и др. по внешней политике средневековой России. Однако в них Ногайская Орда выступала лишь в виде одного из направлений деятельности русской дипломатии или как один из источников внешней угрозы для Руси. Внутренняя ее история оставалась для авторов на втором плане.

Полное описание политического, социального, экономического и культурного развития средневековых ногаев требует определенной источниковедческой подготовки. Во-первых, основная масса документов по их истории содержится в материалах Посольского приказа (в Ногайских делах, Крымских делах и прочих фондах РГАДА). Необходимо было затратить значительное время, чтобы из сведений огромного числа грамот, отписок, статейных списков, посольских «наказов» и «памятей» и прочих текстов составить цельную логическую последовательную картину становления и развития Ногайской Орды. Во-вторых, ранний период ее истории (XV в., за исключением последнего десятилетия) почти не отражен в русских документах. Поэтому исследователю приходилось обращаться к восточным источникам на персидском, арабском языках и тюркских наречиях, большинство которых не переведены на европейские языки.

Нужно признать, что научная квалификация и подготовка В.В. Трепавлова оказались недостаточными, чтобы преодолеть эти трудности. Длительное время целенаправленно работая в архивах (Древних актов и Военно-историческом), он смог проанализировать огромный массив документальных источников и систематизировать их информацию. Особо хотелось бы подчеркнуть важность работы с так называемыми столбцами, в составе которых сохранились оригиналы ногайских грамот, написанных арабским алфавитом по-тюркски. Для данной темы это бесценный источник, поскольку позволил автору изучать политическую и социальную терминологию ногаев, не полагаясь только на канцелярские русские переводы грамот, как это часто делают ученые, не читающие на тюрки.

В.В. Трепавлов использовал в диссертации десятки восточных хроник, опубликованных на языках оригинала в Турции, Египте, Иране, Узбекистане (Ибн Арабшах, Ибн Баттута, Хондемир, Муинаддин Натанзи, Абдулгаффар Крыми. Шарафуддин Йазди, Низамуддин Шами, Абдурраззак Самарканди, Реммалходжа и др.). Это существенно обогатило источниковую базу исследования.

Еще одной сильной стороной рецензируемой работы следует признать широкое привлечение фольклорных материалов – исторических сказаний и народных генеалогий-шеджере. При дефиците сведений – особенно о ранних этапах становления и развития Ногайской Орды – памятники фолькло-

ра ногайцев, башкир, каракалпаков, казахов, казанских и астраханских татар, уральских и донских казаков имеют принципиальное значение. Разумеется, В.В. Трепавлов не сводит привлечение фольклорных материалов к пересказу их содержания, он привлекает их информацию в качестве иллюстрации для разъяснения или обогащения некоторых сведений из письменных текстов.

Исследование построено прежде всего на анализе сведений письменных источников. Для выяснения дискуссионных вопросов, для показа историографической ситуации автор также активно привлекает соответствующие наработки других ученых. Список литературы включает более тысячи названий и охватывает все значительные работы, в которых присутствует ногайская тематика. При этом В.В. Трепавлов в максимальной степени учитывает вклад своих предшественников, признает за ними приоритет в постановке и разработке многих сложных исследовательских проблем. Особо выделяются им труды М.Г. Сафаргалиева, Н.А. Баскакова, А.А. Новосельского, В.М. Жирмунского, а также современных ногайских ученых — Б.Б. Кочекаева и А.И. Сикалиева.

Диссертант попытался рассмотреть все аспекты истории Ногайской Орды. В историографии редко предпринимаются исследования подобного масштаба. Поэтому перед автором стояла задача выстроить в доказательную систему многообразный и противоречивый материал средневековых текстов.

Главным источником послужили документы дипломатических отношений, отразившие прежде всего политические вопросы. Поскольку материалы Посольского приказа сохранились в хронологической последовательности, то имеется возможность подробно проследить политическое развитие Ногайской Орды. Этой теме в диссертации посвящен первый раздел (11 глав). В нем разбираются события в Дашт-и Кыпчаке на протяжении трех столетий — от массовых миграций кочевых кыпчакских племен в середине XIV в. до широкого расселения жителей распавшейся Ногайской Орды от Сырдарьи до Дуная в середине XVII в. Хотя сама Орда сформировалась к концу XV в., В.В. Трепавлов разбирает ее долгую предысторию, постепенное вызревание ее ядра — Мангытского юрта — в степях Западного Казахстана, обретение им самостоятельности, а затем и гегемонии в Дашт-и Кыпчаке. Таким образом, становится понятным, каким образом мангыты, одно из «рядовых» тюркских племен, смогли занять ведущее положение на развалинах Джучиева Улуса и поставить свое владение в один ряд с легитимными ханствами Чингизидов.

Далее прослеживается постепенное развитие государственности у ногаев, их сложные отношения с соседями, неоднократные внутренние смуты и распри, которые привели в конце концов к распаду Орды. Детально разобрав политическую историю Ногайской Орды, диссертант приступает к анализу проблем, которые не менее важны, но не отражены в источниках в таком же порядке и последовательности, как дипломатические отношения. Собрав по крупицам из самых разных источников сведения о территории и границах Орды, составе и численности ее населения, экономике, культуре, автор осветил эти сюжеты в специальных тематических главах. Шесть таких глав составили второй раздел диссертации. Одна из них посвящена особенностям ногайско-российских отношений. Полагаю, что разработанная В.В. Трепавловым структура работы весьма удачна, поскольку позволила ему систематизировать огромный массив информации и рассмотреть предмет своего исследования в разных аспектах.

Пожалуй, с такой полнотой тюркские государства позднего средневековья еще не изучались в историографии.

В диссертации высказано весьма много интересных положений, позволяющих по-новому взглянуть на историю восточных регионов России в XV–XVII вв. Все заключения автора максимально базируются на источниках, поэтому такие положения выглядят аргументированными, несмотря иногда на их неожиданность и неординарность. Например, в диссертации показано, как и почему у мангытов возникла практика посажения подставных ханов, как она угасала в конце XV – первой четверти XVI в., затем опять возобновилась и, наконец, отмерла окончательно. Кроме использования этих Джучидов-марионеток, правящий клан ногаев укрепил свою власть посредством генеалогической легенды о своем происхождении от первого халифа Абу Бекра. Убедительно отображена автором постепенная концентрация кыпчакских племен вокруг мангытов и обретение всеми ими общего имени «ногай».

Впервые в историографии прослежены образование и распад вторичных политических образований ногаев – Малой Ногайской Орды (на Северо-Западном Кавказе) и Алтыульского улуса (в западном Казахстане). Вполне любопытные заключения сделаны в диссертации относительно отношений ногаев с казахами, калмыками, уральскими казаками. Хотелось бы выделить также воссозданную автором картину отношений Ногайской Орды с астраханскими воеводами. Связи между ними принимали то дружелюбный, то конфликтный характер, постоянно сопровождалась взаимными интригами и подозрениями.

Новым словом в историографии следует признать разработку В. В. Трепавловым вопросов истории Башкирии, которая трактуется как особое наместничество в составе Ногайской Орды. До сих пор эпоха XV – первой половины XVI вв. в башкирской истории исследовалась и была известна в основном по фольклорным памятникам. Оказалось, что именно в источниках, связанных с ногаями, требовалось искать сведения о тех временах. Однако опора на тексты не означает, что автор просто пересказывает их. Все-таки информация остается достаточно скудной, и исследователю порой приходится реконструировать события гипотетически (всегда оговаривая это, предупреждая читателя). К таким гипотезам, которые еще документального подтверждения, относится, в частности, идея диссертанта о значительной и своеобразной роли Башкирии. По собранным им данным получается, что в 1530-х – 1550-х гг. при дворе могущественного ногайского мирзы (и позднее бия) Шейх-Мамай воспитывались царевичи Чингизиды, которых Шейх-Мамай в будущем рассчитывал посадить на ханские троны в качестве своих ставленников в соседних государствах. Такими царевичами были казахский Хакк-Назар и сибирские Кучум с Ахмед-Гиреем. Для приобретения будущими ханами административных навыков им вверялось управление башкирским наместничеством, которое, следовательно, выступало в роли своеобразного «опытного полигона» для них. Подобный же подход проявился при освещении периода XIII–XIV вв., т. к. об истории восточного Дашт-и Кыпчака тех времен почти нет письменных сведений. Отсюда пристальное внимание автора к поздним фольклорным сведениям, о чем уже говорилось выше.

Однако ряд проблем, хорошо освещенных в науке и доступных для изучения по письменным сочинениям, остался вне поля зрения диссертанта. Например,

не показаны миграции ногаев в юго-восточные районы Казанского ханства (Закамья), формирование там смешанного татарско-ногайского населения. Между тем в татарстанской историографии данный вопрос хорошо изучен (М.И. Ахметзянов, Р.Ф. Галлямов, Д.М. Исхаков) и имеет прямое отношение к теме диссертации. Следует добавить, что значительный материал о проникновении ногайского компонента в состав казанских татар был собран во время археографических экспедиций Казанского университета. Надеюсь, что эти материалы будут учтены исследователем в будущем.

На фоне подробного изложения вопросов территории, населения, экономики и культуры Ногайской Орды во втором разделе чрезмерно лаконичным и конспективным выглядит очерк «Государственность». Собственно, в нем отсутствует описание системы управления у ногаев, а вместо этого предлагается авторская концепция общей линии развития ногайской государственности, что также полезно. Однако архивные документы дают богатый материал для реконструкции административной структуры (кстати, это подтверждают и статьи самого В.В. Трепавлова о высших должностях Орды – бие, нурадине, тайбуге), и здесь уже не может быть оправдания в дефиците информации. Полагаю, что исследование выглядело бы более полным, если бы автор отобразил управленческие институты с такой же полнотой, как и прочие темы второго раздела.

Столь же кратко отражены в диссертации аспекты правового регулирования жизни ногайского общества. Для анализа системы права не выделено особой главы или параграфа. А ведь для раскрытия этой темы в источниках также есть материал, хотя и не в таком объеме, как в отношении организации управления. При разборе родоплеменного состава Ногайской Орды следовало бы шире привлечь этнографические данные. Полагаю, что если бы В.В. Трепавлов сопоставил названия родовых и племенных названий у ногайцев XIX–XX вв. с теми, что он обнаружил в Ногайской Орде, его реконструкция этнического облика последней была бы более полной. Кроме того, следы племенных структур долго сохраняли астраханские и буджакские ногайцы, и привлечение сведений о них тоже оказалось бы полезным. Для наглядности исследование следовало бы сопроводить картой, на которой были бы указаны: пространственное положение Ногайской Орды, кыпчакские миграции в XIV в. и, может быть, расселение основных ногайских племен.

Высказанные замечания носят скорее характер пожеланий и ни в коей мере не снижают общего положительного впечатления от диссертации В.В. Трепавлова. Она представляет собой высокопрофессиональное, самостоятельное и вполне завершенное исследование, проведенное с максимальным привлечением разнообразных источников. В диссертации содержится немало новых, оригинальных идей и суждений, которые радикально меняют устоявшиеся историографические стереотипы, стимулируют дальнейшие изыскания.

Работа отвечает требованиям ВАК РФ, предъявляемым к докторским диссертациям. Автореферат, монография по теме диссертации и другие публикации В.В. Трепавлова отражают основные положения диссертации.

Считаю, что Вадим Винцерович Трепавлов безусловно заслуживает присуждения ему ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история».

А.Н. Сахаров. Спасибо, Елена Ивановна. Вадим Винцерович, вы можете ответить на замечания профессора М.А. Усманова.

В.В. Трепавлов. Мирсакым Абдулахатович высказал несколько замечаний. Во-первых, о том, что следовало отразить миграции ногаев в восточные районы Казанского ханства. Да, признаю, это один из множества частных вопросов, которые, видимо, я недостаточно подробно отразил, хотя Закамье в самом деле представляло собой ногайский подчас довольно своеобразный буферный регион. Но все-таки подробное исследование проникновения ногаев требует, на мой взгляд, не столько исторического, сколько этнографического исследования. И Мирсакым Абдулахатович сам пишет о том, что эту информацию собирала экспедиция Казанского университета. Эта работа, как известно, давно ведется казанскими коллегами. Я ссылался на эти работы, на исследования в этой области, но, может быть, оппоненту этого показалось недостаточно.

Затем о том, что очерк о государственности получился довольно лаконичным. Дело в том, что административное устройство, функции и компетенция должностных лиц Ногайской Орды – это один из вопросов, который я старался очень тщательно разработать в статьях. И эти статьи посвящены каждому из высших должностных лиц; бию, нурадину, кековату. Кроме того, и Е.А. Поноженко, исследователь из Саратова, посвятил несколько очень качественных работ ногайским мирзам и вообще структуре ногайского общества. Поэтому у меня была такая альтернатива: или просто перенести мои статьи в текст диссертации (но я не хотел там ничего менять, я не изменил свою точку зрения) и еще пересказать труды Поноженко. Действительно, тогда досконально был бы изложен административный строй Ногайской Орды и получилась бы глава объемом более 7 листов. И был другой путь – отослать оппонентов или читателей к этим публикациям, а в диссертации изложить интегральный взгляд на развитие ногайской государственности от золоордынских времен к распаду Орды. Я остановился на этом варианте.

Но при этом нельзя сказать, что в диссертации тема административного устройства не отражена. По ходу изложения политической истории я показываю и формирование, и действие административных институтов.

Мирсакым Абдулахатович считает, что можно было отразить систему права в Ногайской Орде. Должен сказать, что мне удалось обнаружить очень незначительный материал по этому поводу. Писанного права ведь у ногаев не было, нет никаких сведений о санкциях за преступление. Две больших правовых позиции, о которых можно судить по документам, это левират и кровная месть. Вот об этом они с удовольствием писали, в грамотах вспоминали кто кого и когда зарезал, сколько кровников в итоге получилось, в скольких родах и кланах.

Кроме того, ведь ногайское общество как относительно молодое мусульманское общество сталкивалось с проблемой соотношения между обычным правом и мусульманским правом. И как обычно, на уровне элиты, среди мирз, шариат имел больший авторитет, чем среди рядовых кочевников. Некоторые намеки на такую ситуацию есть. Но на самом деле, по известным источникам, проблема соотношения между адатом и шариатом пока не решается.

Мирсакым Абдулахатович советует использовать этнографические данные XIX в., чтобы реконструировать племенной состав Ногайской Орды.

Я благодарю за этот совет, но должен сказать, что это только усложнит исследование. Я естественно пробовал сопоставить те кипчакские эли, которые жили в Ногайской Орде, с подразделениями ногайцев позднейшего времени XIX–XX вв. Оказалось, что племенная структура очень изменилась, ногайцы новейшего времени утратили племенное деление, роды перемешались, некоторые исчезли, появились новые, и сопоставление этнографической ситуации со средневековьем, мне кажется, может в данном случае только запутать исследование. Я опирался при реконструкции этнического и племенного состава только на документы XVI и XVII вв.

А.Н. Сахаров. Спасибо, Вадим Винцерович за ваш ответ. Мы можем продолжить дискуссию по диссертации В.В. Трепавлова. Есть ли желающие выступить? Нет желающих выступить. Тогда, Вадим Винцерович, вам предоставляется заключительное слово.

В.В. Трепавлов. Уважаемые коллеги! В этой части заседания обычно предполагается выражение благодарности.

И первую благодарность я хотел бы выразить по безличному адресу – я хотел бы поблагодарить, как ни странно, весь наш институт. В 1984 г. я поступил сюда в аспирантуру и затем, работая здесь, я сформировался и получил квалификацию как исследователь.

Я искренне благодарен моим друзьям и коллегам, сотрудникам Центра истории народов России и межэтнических отношений и хочу вспомнить с благодарностью моего покойного учителя Сергея Григорьевича Агаджанова, который прежде возглавлял этот Центр.

Получилось так удачно, что мои уважаемые оппоненты представляют разные сферы, которые непосредственно связаны с историей Ногайской Орды. Я всем моим оппонентам благодарен: и одному из ведущих специалистов по средневековой истории Руси Николаю Сергеевичу Борисову, специалисту по истории Крыма и Украины Геннадию Александровичу Санину, и одному из ведущих тюркологов мирового уровня, профессору Усманову Миркасыму Абдулахатовичу.

Я хочу поблагодарить авторов заочных отзывов, Сергея Александровича Арутюнова и тех коллег, которые написали отзывы на автореферат.

И, конечно, я хочу поблагодарить за терпение и за внимание членов нашего Ученого совета и председателя нашего Ученого совета Андрея Николаевича Сахарова. Спасибо вам!

*НА ИРИ РАН. Диссертационное дело. 2002 г.
Трепавлов Вадим Винцерович. Л. 1–22 стенограммы.*

РАЗДЕЛ I

Монографии

В.В. Трепавлов

Батыр на троне.
Ранняя государственность
в героическом эпосе
тюрско-монгольских
народов России

Москва, 1994

Введение

Государственность евразийских кочевников вызрела из институтов, сформировавшихся в процессе разложения родового строя. В условиях структурной стабильности экономики (т.е. при известном постоянстве экологической среды и организации производства) формы социальной организации оставались малоподвижными на протяжении столетий. Сходство по многим параметрам, с одной стороны, первых каганатов V–IX вв. и, с другой стороны, ханств позднего средневековья позволяет предполагать существование определенной парадигмы кочевой потестарности-государственности, надеяться на возможность выделения набора существенных характеристик, присущих именно кочевникам на всем протяжении их истории (по крайней мере, с рубежа эр до XVII в.).

История политического развития кочевников традиционно изучается по данным письменных источников, которые отражали, главным образом, политическую конкретику соответствующей эпохи. Для историко-социологических обобщений требуется или сопоставлять множество сходных фактов из разновременных и разноязычных текстов, или заведомо рисковать, принимая каждый единичный факт за адекватное воплощение общей закономерности. Между тем общества кочевников Евразии были в основном бесписьменными, поэтому на первый план в них выдвигались устные способы передачи и хранения информации. В условиях господства патриархальной психологии общественное мнение в степи ориентировалось на ценности прошлого, на «завещанные предками» порядки. А о порядках этих, т.е. о принципах социальной регламентации, узнавали, очевидно, из двух главных источников — норм обычного права, жестко регулировавшего повседневную жизнь, и из сказаний о легендарных предках-героях, служивших примером для подражания — другими словами, из героического эпоса.

Героический эпос создавался и бытовал на протяжении многих поколений, и каждая историческая эпоха накладывала свой отпечаток, добавляла детали к основной сюжетной канве. Поэтому ко времени письменной фиксации эпические произведения оказывались хронологически и композиционно многослойными. За период существования героического эпоса описанные в нем события отразили множество своих исторических, реальных прототипов. Т.е. эпический улус стал воплощением сонма реальных улусов, эпические богатырь или хан — усредненным эквивалентом тысяч исторических богатырей и ханов. Соответственно ситуации и отношения между персонажами в эпосе точно так же синтезируют свои действительные прообразы.

Таким образом, тюрко-монгольский эпический фольклор чрезвычайно ценен не только своим происхождением из среды кочевников (в отличие от абсолютного большинства письменных источников), но и интегративным характером содержащейся в нем информации. Последнее обстоятельство позволяет историку избрать еще один, сравнительно экономный путь для поиска постоянных характеристик кочевнических политических структур.

Наша книга посвящена изучению эпических черт политико-административной структуры у кочевников. На материалах 132 эпосов мы попытаемся определить те общие параметры, которые присутствовали в устройстве пред- и раннегосударственных обществ Великой Степи. Для анализа избраны произведения фольклора тех тюркских и монгольских народов, что населяют ныне территорию Российской Федерации. В основном исследование опирается на своды богатырских сказаний алтайцев, бурят, калмыков, тувинцев, хакасов и якутов. Иногда за примерами и аналогиями мы будем обращаться к устному народному творчеству русских, монголов и др.

Глава 1. Этнический фольклор как исторический источник

Вопрос об историчности эпического фольклора долгое время был предметом оживленных дискуссий. Одни исследователи отказывали богатырским сказаниям в какой-либо минимальной достоверности и считали их плодом художественной фантазии народа; другие, напротив, видели в эпосе точное отражение реальных событий («историческая школа» фольклористики). Современная наука в целом отвергла подход «исторической» школы Л.Н. Майкова и В.Ф. Миллера и не считает, будто в основе каждого героического сказания лежат действительные исторические факты. Ныне подобный поход порой категорично объявляется «ложным путем»¹. Тем не менее полностью отрицать историзм героического эпоса нельзя. Однако этот историзм проявляется не в фотографическом отображении реальности, а в ее художественном переосмыслении. Памятники героического фольклора, по выражению Н.Ф. Катанова, служат «ясным зеркалом, в котором отражаются понятия народа о религии, мироздании, могуществе богов, о замогильной жизни, о сношениях с разными иноземными народами и пр.»². Таким образом, историзм эпоса заключается в типичности изображаемых им образов и ситуаций.

Интегральность эпических персонажей связана с одной специфической особенностью фольклорной «пралитературы». Эту особенность исследователи называют по-разному: формулизацией традиций, концептуализацией ролевого поведения, персонификацией общественных явлений³ и др. Суть ее заключается в том, что все образы и сюжетные коллизии не индивидуальны в принципе,

---

¹ *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л., 1974. С. 70.

² *Катанов Н.Ф.* Замечания о богатырских поэмах минусинских татар (Енисейской губернии). СПб., 1885. С. 5.

³ *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 446; *Путилов Б.Н.* Основные аспекты связей фольклора с традиционнo-бытовой культурой // Советская этнография. 1975. № 2. С. 8; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск, 1989. С. 212.

они лишь являются символами, обобщенными формулами соответствующих общественных явлений. При этом некая историческая основа у данных образов когда-то в прошлом, безусловно, имелась, однако в народно-художественной интерпретации она предельно абстрагировалась и в конечном счете оторвалась от конкретной первоосновы. Богатырский эпос изображает прошлое народа всегда в масштабах героической идеализации. В этом смысле содержание эпоса «исторично» в широком понимании, поскольку оно отражает национальное «прошлое, как оно отражалось в сознании и памяти самого народа»⁴. На трансформацию первичных сюжетов влияли не только особенности развития устных текстов во времени, но и ход социальной истории данного народа, и даже природно-ландшафтные условия его существования, смена или неизменность среды обитания⁵.

Именно историчность отличает героический эпос от других, «примыкающих» к нему жанров устного народного творчества — прежде всего от богатырской сказки и мифа. В отличие от первой, сказочная фантастика не превалирует в развитии сюжетных линий эпоса, в нем господствует «монументальный реализм, благородный и трезвый»⁶; сказочные же мотивы присутствуют как пережитки более ранней стадии бытования фольклора (ведь богатырская сказка предшествовала богатырскому эпосу⁷). Те же черты отличают его и от мифа. И все же как раз «этноцентризм», присущий мифу, сохраняется и в эпосе. Миф, как правило, составлял тайну и собственность определенного рода, племени, он не рассказывался чужеродцам и иноплеменникам⁸.

Почти столь же замкнутыми в рамках определенной общности оставались и богатырские эпические сказания. С той существенной разницей, что помимо «этнического» (родового, племенного) ограничения, могло подключаться и социальное: произведения данного жанра посвящались представителям высших страт и изначально бытовали в основном в их среде, лишь позднее становясь всенародным достоянием. В социальной адресности заключался и социальный смысл героического эпоса. Запечатлев события эпохи разложения родового строя и генезиса ранней государственности, он предлагал слушателям мощные идеологические мотивации. В первом случае (разложение родового строя) — идею борьбы за семью, а фактически против рода (эпос «догосударственной эпохи», по В.Я. Проппу); во втором случае — выражение идеалов государства (эпос «создающегося и крепнущего государства»)⁹.

Наблюдения В.Я. Проппа над русскими былинами в принципе могут быть применены к тюрко-монгольскому эпическому своду. Однако в кочевом мире родовые структуры оказывались более устойчивыми, а общественное устройство, следовательно, более консервативным и патриархальным. В отношении тюркских и монгольских сказаний нельзя четко разграничивать «догосудар-

⁴ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. С. 393; см. также: Давлетов К., Гацак В. О происхождении народного героического эпоса // Русская литература. 1962. № 1. С. 77; Лихачев Д.С. «Единый исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 435.

⁵ См.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 41.

⁶ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. С. 83.

⁷ См.: там же. С. 389–393.

⁸ Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 29.

⁹ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958. С. 57, 59, 60.

ственную» и «государственную» стадии, поскольку примитивные раннегосударственные образования в евразийских степях несли в себе многочисленные пережитки и отпечатки первобытных общественных систем. Впрочем, исследователи отдельных региональных эпических памятников отмечали угасание родовых приоритетов на определенном этапе складывания и существования героического эпоса у тюркских народов¹⁰.

С учетом приведенных выше соображений становится, наверное, ясно, что бесполезно искать исторические прообразы героев-богатырей по крайней мере большинства сказаний. Эти образы были собирательным портретом носителя некоего социального статуса. Какого именно статуса — в этом среди исследователей тоже нет единомыслия. Главный персонаж всех эпосов — богатырь, витязь. Богатырство его предстает из впечатляющей панорамы подвигов, сражений и странствий, которыми изобилует любое сказание. Однако правомерно ли считать прообразом его воина-дружинника или абстрактного воина как олицетворения мужества и доблести¹¹? В некоторых (очень немногих) текстах герой действительно состоит на воинской службе у вышестоящего государя и действует по его приказам. Но в абсолютном большинстве эпосов он, во-первых, независим, во-вторых, сам возглавляет определенный социум — родовой или улусный. В этом смысле богатырь становится типологически эквивалентным настоящему правителю, хану — каким бы условным ни считать такое уподобление и какими бы оговорками ни сопровождать употребление термина «хан» в эпосах¹². Поэтому мы и назвали нашу книгу «Батыр на троне», ведь воин оказывается еще и правителем, а героический эпос — сводом народной памяти и, так сказать, впечатлений о ранней государственности во главе с ханами.

Итак, условимся считать ведущий эпический персонаж лидером некоторого сообщества и уравнием его в статусе с правителем кочевого улуса. Так как нас будет интересовать организация власти и управления в эпическом обществе, то связи и отношения главного героя позволят осветить социальную структуру и идеологические мотивировки, имевшие хождение в период формирования и функционирования героического эпоса — в так называемую «героическую эпоху» и в более поздние времена. «Концепция ролевого поведения» богатыря поможет понять типичные функции, статус, парадигму поведения, обоснование и осуществление власти хана, порядок его взаимоотношений с другими правителями внутри и вне родного улуса. Столь же ценно выявление «ролевого поведения» у других персонажей, сопутствующих витязю, прежде всего у его небесных покровителей, родичей, соправителей, соратников, дружинников, советников, слуг и прочих лиц, имеющих хоть какое-то отношение к интересующей нас проблеме — организации управления.

Мифологический пласт в эпических сказаниях с разной степенью интенсивности проявляется в тех сюжетах, где действуют божественные, потусторонние силы. Поскольку с феноменом ханской власти связаны в первую очередь

---

¹⁰ См. напр.: *Уневицкая М.А., Майногашева В.Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. С. 77.

¹¹ См.: там же. С. 92, 112, 114.

¹² См. напр.: *Неклюдов С.Ю.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984. С. 103; *Понне Н.Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.: Л., 1937. С. 85.

обитатели небес (Верхнего мира), постольку они и интересуют нас больше, чем нечисть, населяющая мир Нижний. Эти абсолютно «неземные» вымышленные персонажи привлекают внимание историка в двух аспектах.

Во-первых, сколь бы нереальными ни были члены эпического пантеона, они использовались для обоснования харизмы правителей; это достоверно известно из письменных источников. Но в нарративных текстах и эпиграфике, т.е. в сочинениях, созданных, как правило, уже на стадии государства, ссылки на божественное покровительство являются скорее «протокольными» и обычно подаются походя, скороговоркой, в составе титулов и речевых клише. В фольклоре же сказочные, мифические ситуации прямого контакта богатырей с богами помогают понять, каким образом первосозидатели степных эпопей представляли себе небесно-земные узы.

Во-вторых, общество небожителей оказывается довольно структурированным, с подобающей ему иерархией и субординацией. При этом организация Верхнего мира не являет собой какую-то немислимую конструкцию, не доступную для человеческого рода. Напротив, боги составляют коллектив, принципиально аналогичный земным прообразам. Недаром многие ученые скорее всего справедливо расценивают взаимоотношения небожителей как слепок с реального земного социума — сначала кланового, затем улусного и государственного¹³. А так как божества являются по определению правителями мира, то и следует соотносить их в мире людей с лидерами, главами родов и улусов, с ханами. В ряде сказаний, впрочем, небесная милость оказывается не только богоизбранным богатырям, но иногда и простолюдинам, что теоретически вполне объяснимо: все люди находятся во власти Неба, и оно вполне останавливать свой выбор не только на высокородных аристократах. Да и этнографические данные свидетельствуют, что происхождение или личные заслуги не всегда были определяющими при обретении высокого статуса — имело значение сочетание признаков, позволяющих оценить особую благосклонность Неба к данному человеку¹⁴.

Предопределенность всего сущего и происходящего волей Неба вовсе не ограничивала самостоятельности и инициативы эпического героя¹⁵. Как уже указывалось, потусторонние персонажи являлись мифологическими пережитками, в эпических событиях они участвовали крайне редко (в отличие от мифов), и основную тяжесть устройства собственной судьбы брали на себя ханы-богатыри. Так что данные мифологически рудименты не только не отвлекают исследователя от поиска алгоритма управления в эпическом обществе, но в определенной мере даже способствуют этому поиску. Правда, длительность бытования героического эпоса в среде народов языческих, но подвергавшихся разнообразному влиянию мировых религий, наложила отпечаток и на этот компонент фольклорного мироздания. Если мы сталкиваемся

¹³ См. напр.: *Бурчина Д.А., Гомбоин Д.Д., Уланов А.И.* Небожители в улигерах // Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 24. Улан-Удэ, 1975. С. 12, 32; *Шаракишинова Н.О.* Мифы бурят. Иркутск, 1980. С. 89.

¹⁴ См.: *Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М., 1991. С. 27, 28.

¹⁵ *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса. С. 346; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 141.

с Юрюнг Айыы-тойоном в якутских олонхо, с тэнгриями в бурятских улигерах или с Матерью-Землей в алтайских сказаниях, то относим их однозначно к наследию древнейших мифологических систем. Но культурные признаки, связанные с развитой цивилизацией, — чудесные книги, волшебные письмена... — свидетельствуют о более поздних наслоениях. Причем, это не только непосредственное влияние китайцев, джунгар, монголов, русских и др.; ряд авторов усматривает в перечисленных деталях отзвуки буддийского (в частности, ламаистского) вероучения и культа¹⁶. И все же подобные позднейшие вкрапления не заслоняют основной, субстратной линии сюжетов героического эпоса.

Таким образом, историчность рассматриваемого фольклорного жанра проявляется в таких, казалось бы, отдаленных от реальности пассажах, как отношения божественных сил друг с другом и с населением Среднего мира, мира людей. В данном случае историчность и ценность эпоса как источника состоит, с одной стороны, в расшифровке воззрений древних насельников Евразии на происхождение и сущность социального лидерства, ханской власти; с другой — в проецировании «земных» общественных отношений на небесные. Можно даже полагать, что складывание небесной иерархии и устройство управления вселенной по определенным канонам превращали эти каноны в обязательный образец для подражания аудитории слушателей эпоса. И, следовательно, на патриархальный авторитет эпических героев самих по себе, как непогрешимых предков, накладывался еще и пример небожителей.

Статус эпического батыра в принципе позволяет уравнивать его с главой социума, хотя далеко не во всех произведениях герой назван и действительно является ханом. Так, довольно радикально расходится с обычным ханским поведением постоянная готовность витязя в любой момент отправиться в поход, когда он «не считает для себя возможным уклониться от самого тяжкого, даже невыполнимого поручения»¹⁷. Тем не менее мы, очевидно, не грешим против истины, когда уподобляем эпического богатыря хану. Ведь последний термин не обязательно должен означать феодального владыку; кочевые общества по мере своего развития меняли формы политической организации, и во главе любой общественной структуры оказывался хан (и в родовом улусе, и в племенном союзе, и в составном вождестве-эле, и в кочевой империи- каганате и т.д.). Поэтому правы те фольклористы, которые не склонны воспринимать буквально «ханствование» персонажей героического эпоса и трактуют понятие «хан» как в целом «глава», вне определенной социально-политической величины¹⁸. Таким образом, на первый план выдвигается место героя в иерархической конструкции кочевого общества тюрков и монголов, а не его конкретный ранг и титулатура.

«Обратной стороной» данного тезиса являются рассуждения Н.Н. Поппе о том, что несмотря на различия в титулах конкретных богатырей почти все они в общем-то «рисуются похожими друг на друга»: живут в прекрасных дворцах, владеют бесчисленными подданными и несметным поголовьем скота¹⁹, т.е.

---

¹⁶ *Жиртмунский В.М.* Тюркский героический эпос. С. 238; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 140.

¹⁷ *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 21.

¹⁸ *Неклюдов С.Ю.* Героический эпос монгольских народов. С. 103; *Уланов А.И.* Вступительная статья // Абай-Гэсэр. Улан-Удэ, 1960. С. 85.

¹⁹ *Поппе Н.Н.* Указ. соч. С. 85.

фактически ханствуют над подвластным народом. Впрочем, нюансы статуса главных героев в отдельных текстах зависят от времени складывания конкретных памятников, стадийных особенностей эпох, отразившихся в них²⁰.

И в письменных источниках, и в героическом эпосе каганы и богатыри обладают по крайней мере тремя обязательными идеальными характеристиками: божественным происхождением или покровительством; выдающимися военными успехами; заботой о благополучии народа²¹. Хроники и эпиграфические памятники в силу своей специфики раскрывают перед читателем, главным образом, деятельность хана на военном поприще. То, как вел себя хан в мирное время, в кочевом стойбище, летописцев и авторов камнеписных эпитафий не интересовало. Зато кочевая повседневность средневековья может быть воссоздана из эпических сведений. Нас поведение хана занимает прежде всего ради выявления его административных функций. О них мы поведем ниже подробный разговор, а пока отметим, что в образе правителя авторы степных устных эпосов видели залог благополучия рядового населения.

Благополучие не только достигалось небесной протекцией и военными удачами, но и должно было подкрепляться определенными канонами ханского поведения. Во-первых, кроме войны, батыр с удовольствием предается охоте, и в ранних эпосах понятия «охотник» и «воин» неразрывно связаны²². Частью добытой дичи он делится с простонародьем. Во-вторых, хан обязан демонстрировать щедрость не только после удачной охоты, но и на пирах, периодически устраиваемых для своей дружины и народа²³. Такое представление о правителе как о щедром и справедливом вожде, удачливом и хлебосольном, соответствует трактовке хана как патриархального предводителя, «отца народа»²⁴. Не стоит, по примеру некоторых исследователей, видеть в подобных взглядах «царистские иллюзии», «реакционную идею веры народа в «добрых ханов»»²⁵. Концепция социального устройства позднеродового и раннеклассового общества предполагала персонификацию властных функций в лице верховного правителя, и народ, естественно, ожидал от своего главы (и отразил это в своем устном творчестве) адекватного их исполнения.

Мы убедимся, что героический эпос предлагает чрезвычайно широкий спектр функций и статуса лидера в эпическом кочевом обществе. И каким бы конкретным титулом ни сопровождалось имя героя, он постоянно оказывается носителем этих функций, и наше допущение, что батыр принципиально отвечает хану (в широком смысле), получит текстуальное подтверждение. Собственно, выяснение полномочий и прерогатив «батыра на троне» составляет одну из основных задач нашего исследования.

К характерным признакам раннесоциальной организации относилось сосуществование двух лидеров в одном коллективе — военного и «гражданского» пред-

²⁰ См., напр.: *Лёриц Л.* «Хурин Алтай» и «Ересей» // Исследования по восточной филологии. К 70-летию Г.Д. Санжеева. М., 1974. С. 124.

²¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 211, 212.

²² *Киреев А.П.* Башкирский народный эпос. Уфа, 1970. С. 37; *Неклюдов С.Ю.* Охота и скотоводство в эпосе Южной Сибири и Центральной Азии. М., 1991. С. 12.

²³ *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 26, 27.

²⁴ *Майногашева В.Е.* Хакасское героическое сказание «Алтын-Арыг». Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1967. С. 11; *Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е.* Указ. соч. С. 108.

²⁵ *Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е.* Указ. соч. С. 108, 120.

водителей, «старшего» и «младшего», верховного военачальника и жреца и т.п. Ниже мы подробно остановимся на этом феномене соправительства. В науке не существует единой точки зрения относительно генезиса образов соправителей в героическом эпосе. Представляются показательными мнения А.М. Золотарева и Е.М. Мелетинского. Условно можно первого из них отнести к приверженцам «мифологической» школы, второго — к «неоисторической» школе.

Согласно А.М. Золотареву, в основе образов эпических партнеров по управлению лежит общераспространенный в древности близнецный миф. Первоначально братья-демиурги были абсолютно схожими, не различимыми по облику, характерам и действиям. В то же время они служили символами экзогамных родоплеменных фратрий. Позднее, с упадком дуально-фратриальной организации, исчезла и близнецность героев, их братство заменяется другими взаимоотношениями. Иногда число братьев увеличивается до трех, пяти, девяти; во многих случаях количество их соответствует числу позднейших подразделений двух первичных фратрий. Иногда один из братьев со временем «превращается» в отца, а другой в сына, один из них может преобразиться в сестру или жену другого. Сами герои становятся богами или полубогами²⁶.

Е.М. Мелетинский не склонен однозначно видеть в богатырском соправительстве наследие древних мифов. Происхождение большинства сюжетных линий подобного рода он связывает с переосмыслением реальных исторических прообразов. Так, пару «брат и сестра» он считает первичной, пережитком матриархата, а тандем двух братьев — уже трансформацией этой пары²⁷; позднейшие же черты братьев-соправителей воплотили в себе борьбу между майоратным и миноратным порядками наследования, перенесение на них межплеменной борьбы и космогонических воззрений²⁸. Соправительство отца и сына также коренится в распределении функций в патриархальной кочевой семье²⁹ (и не связано с близнецным мифом). В самом деле, у казахов, например, богатые скотоводы старались еще при жизни дать самостоятельность сыновьям, наделяя старших значительной долей своего скота и иногда дополнительными пастбищами. Наследником отцовского имущества и зимовья оставался и считался младший сын. Если оставалось много сыновей, то скот делился между ними; если поголовье скота возрастало настолько, что пастбищ не хватало на всех братьев, то они по очереди выделялись из семейных земель, начиная со старшего брата, а в отцовском стойбище оставался опять-таки младший сын³⁰.

Высказывалось также суждение об отображении в эпическом соправительстве братьев особенностей первоначальной сакрализации правителя³¹. Возможно, здесь влияло и переосмысление экзогамных взаимоотношений в ракурсе

---

²⁶ Золотарев А.М. Указ. соч. С. 131, 167.

²⁷ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 320.

²⁸ Там же. С. 321; Мелетинский Е.М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сб. ст. к 70-летию В.М. Жирмунского. М.; Л., 1964. С. 442; *Он же*. Первобытное наследие в архаических эпосах. М., 1964. (VII Международная конференция антропологических и этнографических наук. Доклады). С. 3, 4.

²⁹ Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958. С. 104, 105.

³⁰ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 255.

³¹ Альбедиль М.Ф., Масюгин В.М. Этноисторическая основа сюжета о трех братьях (по материалам древнеиндийского эпоса) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 105–108.

специфического «закона конфликтности»³². Историческую, не мифологическую основу имеют в героическом эпосе, несомненно, отношения богатырей-побратимов. Детали связей между ними показывают, что происхождение образов данных персонажей следует искать в боевом содружестве витязей эпохи разложения родового строя и образования ранних государств, а не в мифической космогонии³³. Представляется, что «неоисторическое» объяснение соправительства в эпосе более обоснованно, поскольку находит многочисленные соответствия в письменных и этнографических источниках.

Другое дело, что некоторые знаковые, символические различия правителей действительно коренятся в мифологической картине мира тюрко-монгольских народов. Цветообозначения и некоторые цифровые комбинации, связанные с различными персонажами, не имеют рационального объяснения в скотоводческой и социальной практике кочевников и могут быть выведены из шаманистских воззрений на устройство мира, взаимную иерархию различных его частей. Эти воззрения проявлялись, в частности, в колдовском культе, в композиции стойбищ и отдельных жилищ и т. д.³⁴ Различение правой и левой, западной и восточной сторон, придание им противоположных свойств относится, конечно, к сфере скорее идеологической, нежели социальной.

Эпоха складывания богатырских сказаний отразилась в их сюжетах обилием сражений и сражающихся персонажей. Часто герою в его военных предприятиях сопутствует дружина. Военная функция героя и его соратников детально разобрана в монографии Р.С. Липец. Данный автор всесторонне разобрал статус дружины, ее соотношение с ханом, права и обязанности. Подчеркнута ритуальная обязанность правителя щедро одаривать воинов, его политическая зависимость от них, ответные обязанности дружинников в ставке лидера — посольские, прислужнические и др.³⁵. «Воины-профессионалы требуют походов, где можно прославиться, обогатиться, испытать свои силы наконец... Обычно эпические дружинники — это боевое сообщество в тридцать–сорок человек. Однако в эпосе у разных народов появляется инновация — бесчисленное войско, чаще у врагов. Архаичная традиция единоборства уступает место военным действиям больших масс профессиональных и непрофессиональных воинов»³⁶. Заключение, сделанное Р.С. Липец на большом материале, довольно убедительно и в целом не вызывает возражений. Лишь отдельные моменты требуют уточнения. Так, в приведенной только что цитате тезис о «бесчисленном войске» как об инновации не бесспорен. Ведь «бесчисленное войско» в кочевой степи не могло появиться никак иначе как в результате всеобщего вооружения народа. Таким образом, в эпосе оно оказывается или пережитком предыдущей стадии общественного развития (а не инновацией), еще до фор-

³² См.: *Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 171; *Пухов И.В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири: общность, сходства, различия // там же. С. 26.

³³ *Громыко М.М.* Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984. С. 124; *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 96.

³⁴ См., напр.: *Дугаров Д.С.* Указ. соч. С. 257–259; *Hamayon R.* Unwelcome Third as a Brother, Irreplaceable Mediator as a Son // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Wiesbaden, 1985, P. 380–384.

³⁵ *Липец Р.С.* Указ. соч. С. 14, 15, 26, 27, 58 и др.

³⁶ Там же. С. 99–100.

мирования профессиональной дружины, когда на войну ходили все боеспособные мужчины-соплеменники; или отражение института улусного ополчения, существовавшего одновременно и наряду с дружиной. Для анализа управления в эпическом обществе нам понадобится проанализировать фигуру главного дружинника — довольно распространенного фольклорного персонажа. Р.С. Липец не уделила ему особенного внимания, и нам придется исследовать его по текстам памятников.

Во многих эпосах рядом с героем действует табущик. Особенности кочевого хозяйства позволяют предполагать, что функции этого персонажа ограничены уходом за лошадьми — занятием престижным, но, разумеется, не сопоставимым с ханским рангом. Именно так трактует эпического табущика Р.С. Липец³⁷. Думается, однако, что ситуация сложнее. Во множестве сказаний табущик фактически оказывается младшим партнером героя по управлению, что не может, конечно, объясняться «жаждой социальной справедливости... сказителей»³⁸. «Главный табущик, — писал В.Я. Владимирцов, — иногда значит для героя больше, чем отец, оттесняя того на второй план, — дает советы, герой его чувствует, как отца». табущик возводится в эпосе «в ранг аристократии»³⁹.

Дело в том, что в героическом эпосе фигура главного табущика слилась на определенной стадии с образом родового патриарха, аксакала. Наиболее выразительным примером такого старца является огузский Коркут. Детали образа эпического табущика-патриарха описаны и проанализированы В.М. Жирмунским⁴⁰. Иногда табущик-аксакал олицетворяет мудрость и обладает некоторыми чертами сакрализованного лидера. В принципе это позволяет в какой-то мере соотносить его с шаманом. Но шаманы очень редко изображаются в сказаниях, что уже отмечено Е.М. Мелетинским⁴¹. А там, где они появляются, чаще всего оказываются противниками героя. Причем, по справедливому заключению Б.Я. Владимирцова, мотив борьбы витязя и шамана никогда не содержит религиозной подоплеки (защита буддизма, например); шаманы героического эпоса — это степные аристократы с собственными подданными, скотом, ставками⁴². В противостоянии первосвященнику богатыря—главы улуса отразились, конечно, не конфессиональные, а социальные противоречия, и соединение в одном образе сакрализованного правителя и патриарха-аксакала подтверждает это.

В целом можно заключить, что героический эпос оказывается довольно объемным и информативным источником, отражающим различные стороны жизни кочевников. Приступая к нашему исследованию, мы можем надеяться, что эпическая информация поможет отыскать некоторые закономерности исторического развития тюркских и монгольских народов.

---

³⁷ Там же. С. 172.

³⁸ Там же. 173.

³⁹ Владимирцов Б.Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М., 1923. С. 47.

⁴⁰ Жирмунский В.М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962. С. 211; *Он же*. Тюркский героический эпос. С. 257–263, 343.

⁴¹ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 347.

⁴² Владимирцов Б.Я. Предисловие // Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М., 1923. С. 52.

Глава 2. Батыр во главе рода (якутское олонхо)

Объектом анализа в данной главе станут сведения из такого обширного эпического источника, как якутские олонхо. Общеизвестно, что события, о которых повествуется в героическом эпосе якутов (сах), развертываются большей частью в недрах родового строя⁴³. Однако первобытный эгалитаризм остался для создателей олонхо далеко в прошлом. Мы убедимся, что социальная стратификация наметилась уже довольно отчетливо, а вожди-богатыри возвышались над массой остального народа. Относительная архаичность образов и событий олонхо оставляют с осторожностью воспринимать идею об отражении в них принципов ранней государственности. И все же попробуем заняться их поиском. К тому же известно, что предки якутов (в частности, курыканы) тесно соприкасались с тюркскими империями раннего средневековья, заимствовали оттуда политические институты и достижения культуры и начинали слагать свои сказания приблизительно с VIII в.⁴⁴

Нашей задачей будет «отцедить» палеосоциологические данные из якутских сказаний о богатырях. Богатырям отводится львиная доля внимания сказителей-*олонхосутов*. Герой олонхо типологически соответствует главным персонажам тюрко-монгольских устных эпопей, батырам и ханам, а также реальным сюзеренам — каганам, ханам, бегам. Почему? Потому что богатырь — это глава эпического социума. И для нас сейчас не принципиален масштаб социума: десяток родственных семей или империя от Сирии до Кореи. Это довод, который выводится априорно. Теперь следует напрямую обратиться к текстам олонхо и разобраться со статусом героя, источниками и пределами его прерогатив.

Статус героя

Сакральность власти. Ссылки на божественное происхождение верховной власти и ее носителей («Сын Неба») были присуща ранним обществам и у кочевников, и у оседлых земледельцев. Но чаще всего это выглядело как протокольные фразы в составе монарших титулов и глухие указания на благоволение высших сил при удачном стечении обстоятельств. А вот в олонхо имеются случаи буквального объяснения. Герои многих сказаний являются порождениями божеств — многочисленных персонификаций Неба, прежде всего Юрюнг Айыы-тойона⁴⁵. Иногда родство опосредовано вмешательством свыше в судьбу

⁴³ См., напр.: *Нестерова Л.Д.* Жанровые особенности якутского героического эпоса олонхо. Автореф. канд. дисс. А.-А., 1985, с. 10–11; *Пухов И.В.* Олонхо — древний эпос якутов // Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. Якутск, 1975. С. 413.

⁴⁴ *Пухов И.В.* Олонхо — древний эпос якутов. С. 413.

⁴⁵ Не даю ссылок, так как примеры очень многочисленны. Некоторые из них будут раскрыты ниже.

бездетной земной семьи. Обычно это проявлялось в виде вручения небесными посланцами старику и старухе магической жидкости *илгэ*, результатом чего служило рождение богатыря⁴⁶.

Но как бы ни появлялся на свет герой — из чресел божественной праматери или под воздействием *илгэ* — линия его судьбы в любом случае предопределена свыше небесными миродержцами. Процедура и формы такого предопределения различны: это могут быть или письмена на священном столбе, находящемся под присмотром божества судьбы Одун Бииса⁴⁷, или избрание богами из своей среды будущего земного правителя-родоначальника саха и объявление ему тут же, на совете богов, его земных задач и жизненного пути⁴⁸. Более распространен вариант, когда к герою сквозь распахнувшиеся небеса являются сверхъестественные посланцы и рассказывают ему о способах преодоления всяческих жизненных перипетий⁴⁹.

Такой контакт богатыря с потусторонними патронами развернуто представлен, например, в олонхо «Тамаллаайы-бэргэн». Мать героя в ответ на его просьбу о благословении на подвиги посылает его к некоему священному холму, где будет предсказана судьба. При посредничестве трех небожителей-*айыы* и девяти волшебных всадников он получает от главы якутского пантеона Юрюнг Айыы-тойона имя и коня, а двенадцать шаманок вручают ему сосуды с *илгэ* для придания Тамаллаайы-бэргэну богатырских качеств⁵⁰. Сам же Юрюнг Айыы-тойон сверяется с «архивными книгами судеб» и ему приходится останавливать бессмысленный поединок героя с противником, поскольку в этих книгах зафиксировано бессмертие обоих бойцов⁵¹.

Уже понятно, что непременным компонентом в определении судьбы для богатыря является наделение его богатырским именем и богатырским конем. Чем еще? Во-первых, конечно, полом; во-вторых, как это ни неожиданно, биологическим видом (все-таки для героя есть разница: родиться человеком или животным). Подобное прогнозирование изложено в «Баай Барылаах», где Юрюнг Айыы-тойон назначил свою дочь богиней-распределительницей *сюр* и *кут* — сакральных субстанций живых существ. «Для творения *сюр* и *кут* мальчика он дал стрелу с пером, девочки — ножницы, скота — ...мяч из шерсти»⁵². Ясно, что жизнь эпического богатыря конструировалась на небесах с помощью оперенной стрелы, но без мяча и ножниц.

Итак, на свет появляется мальчик, мужает, и свыше ему преподносятся чудо-конь и супруга (она тоже считается элементом жизненного пути: «браки совершаются на небесах»)⁵³. Кроме того, в Среднем мире, т.е. на земле, в мире людей, для него уготовано место для поселения, и явившийся на землю герой по указке свыше отправляется туда⁵⁴. В отличие от других южносибирских эпосов,

⁴⁶ См., напр.: Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. М., 1980. С. 149, 200.

⁴⁷ Нюргун Боотур Стремительный. Якутский героический эпос олонхо. Якутск, 1975. С. 60, 346.

⁴⁸ Там же. С. 22.

⁴⁹ См., напр.: Якутский фольклор. Тексты и переводы А.А. Попова. Л., 1936. С. 46, 47, 55, 56, 86, 93, 94.

⁵⁰ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 192.

⁵¹ Там же. С. 199.

⁵² Там же. С. 21.

⁵³ См., напр.: там же. С. 215; Нюргун Боотур Стремительный. С. 22.

⁵⁴ См.: Якутский фольклор. С. 90, 93.

где витязь властвует в своих владениях от рождения и без объяснения в тексте каких-либо причин его ханских полномочий, в якутских олонхо конкретная территория предназначена для конкретного героя и в ожидании его пребывает никем не управляемая. Несмотря на то, что на ней уже живут его будущие подданные — земные племена, отражающие вражеские набеги⁵⁵. Нисходящий к ним богатырь имеет перед собой программу действий, и от аккуратности в выполнении ее зависят счастливые или трагические повороты в его биографии. Так как небесное происхождение имеют в основном эпические родоначальники якутского народа, то главными целями их земного существования логично объявлены размножение в Среднем мире, обучение потомков-подданных навыкам скотоводства, культуры, управление народом и защита его⁵⁶.

Сказанного достаточно, чтобы уяснить небесную предопределенность судьбы героя, его потомства и владений. Однако не только всемогущий Юрюнг Айыы-тойон со своим окружением диктует свою волю. Богатырю Юрюнг Уолану в одноименном олонхо преподается наставление верховного небожителя: «Плодитесь на срединном месте (т.е. в Среднем мире. — *В.Т.*), умножьте двуногих, воспитывайте окот, пусть огонь ваш не тухнет, дети ваши будут с гнездами, кобылы и коровы — с огорожами и хотонами»⁵⁷. Все это нам уже известно и понятно: от Неба (его персонификаций во главе с Юрюнг Айыы-тойоном) зависят успех земных функций героя, участь его потомков. благосостояние и безопасность⁵⁸. Но вот личная-то безопасность витязя — от кого зависит она? Достаточно ли для него заклинательн фраз от главных *айыы* — типа «нерушимое счастье обещано», «нерушима будет его судьба, его имя будет греметь»⁵⁹ и т.п.? Нет, недостаточно. У героя находится прямой гарант здоровья и неуязвимости. Тот же Юрюнг Уолан спрашивает благословения у «хозяйки-духа земли и дерева»⁶⁰, на что получает следующую тираду от нее: «... Пусть огонь тебя не ест, широкая вода не берет, камень не тупит, остро-лезвийное не режет. Победы та всех своих врагов и супротивных»⁶¹.

Таким образом, мы сталкиваемся еще с одним подателем сверхъестественных возможностей эпического богатыря — «хозяйкой земли и дерева», персонификацией Земли, которую для краткости и назовем просто Землей. Именно от нее исходят удаль, ловкость и физическая мощь воина, к ней он обращается за силой, а она ведет себя по-матерински. Допустим, для придания силы Эр-Соготоху она дает ему молока из своей груди⁶². Т.е. данный персонаж выступает как мать и как заступница одновременно, и эти два понятия в якутском

⁵⁵ Нюргун Боотур Стремительный. С. 51, 52.

⁵⁶ См.: там же. С. 22, 59; Верхоянский сборник // Зап. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общества по этнографии. 1890. Т.1. Вып. 3. С. 135; Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 47.

⁵⁷ Юрюнг Уолан. Якутская сказка. Публ. Н. Горохова // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общества. 1884. Т. 15. № 5–6. С. 48.

⁵⁸ Кроме того, в число заранее известных «параметров» мог входить и срок жизни — как у старейшины *абаасы* Тимир Дыгистэя, который по предначертанию должен был трижды умереть и трижды ожить (см.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 48).

⁵⁹ Там же. С. 55, 60.

⁶⁰ Имеется в виду священное мировое дерево, пронизывающее три мира.

⁶¹ Юрюнг Уолан. С. 46.

⁶² Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 111.

фольклоре тесно связаны расхожим выражением «мать-заступница»⁶³. Земля действует во многих олонхо и повсюду выступает в качестве надежной защиты героя, всезнающей благодетельницы. Думаю, можно вслед за Н.А. Алексеевым расценивать ее как собирательный образ священной родины⁶⁴ — аналогично древнетюркской Земле-воде (Йер-суб), также действовавшей солидарно с Небом⁶⁵.

Вот герой здоров, могуч, обнадежен грядущими удачами, доставлен на землю и прибывает в отведенный ему для поселения район. Там, где его ожидает многолюдный край, стосковавшийся по повелителю, пришелец становится во главе народа и приступает к исполнению предначертанных целей. Если же он получает безлюдное и бесскотное пространство, помощь не задерживается. — «Из отверстия неба» сыплется на его пастбища скот, причем эта операция повторяется и после утраты богатырем своих стад⁶⁶. Но если ему полагается не только пастушествовать, но и управлять каким-то населением, то для него не менее актуальна задача организации этого населения в некоторую систему. Впереди у нас пойдет подробный разговор об организации эпического социума, а сейчас пока выясним, в какой степени небесные силы причастны к этой стороне действительности.

Вернемся к упоминавшейся выше ситуации направления демиургами Нюргун-боотура к земным племенам в качестве правителя. В лишенном верховного лидера Среднем мире живут, оказывается, «три племени ураангхай-саха, четыре рода айы-аймага» — каждый во главе со своими богатырями⁶⁷. Стало быть, родоплеменная структура осмысливалась как нечто более древнее, чем явление героя и начало эпической истории саха. Родоплеменной порядок отношений был знаком, но, вероятно, неприемлем для божеств. Иначе зачем бы им посылать спасителя праякутов, защитника их родов и племен, которые сами по себе были не способны противостоять врагам? Но тогда получается, что данный первобытный образ жизни отвергается, и герой приносит с собой утвержденную в «верхах» иную социальную конструкцию. Какую именно — еще будет повод осветить детально, и к Нюргуну мы вернемся ниже.

Пока же для более рельефной демонстрации связи с Небом сошлюсь на олонхо «Эрэбил-бэргэн»: шаманке, нареченной витязю в жены, рабами-приданым служат восемьдесят восемь богатырей-*абаасы* (злых духов), а сопровождающими — сорок четыре богатыря-*айы* (небожителя)⁶⁸. Весь этот сонм появляется, естественно, в соответствии с небесным приказом. Для нас важно

---

⁶³ См., напр.: Стротивый Кулун Куллустуур. Якутское олонхо. М., 1985. С. 293.

⁶⁴ Алексеев Н.А. Миф о духе-хозяйке земли в якутском героическом эпосе // Фольклор народов СССР. Вып. 7. Уфа, 1980. С. 9–11.

⁶⁵ Мы попытались разобраться в «технологии» обретения героем своего статуса. Необходимым элементом таких отношений должно было бы стать лишение нарушителя небесных предписаний чудесных прерогатив. Однако в знакомых мне текстах божественная угроза «опрокинуть счастье», «обрушить благословение» звучит лишь однажды — в случае, если герой станет обижать жену, «выделенную» ему из Верхнего мира / (см.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 396).

⁶⁶ См.: Маак Р. Виллойский округ Якутской области. Ч. 3. СПб., 1887. С. 127; Приклонский В.Л. Якутские народные поверья и сказки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 172.

⁶⁷ Нюргун Боотур Стремительный. С. 52.

⁶⁸ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 215–216.

то, что Небо в данном случае игнорирует родственные связи между персонажами. В самом деле: свита молодой жены — отнюдь не родичи ее или друг друга; более того, они из разных миров — Верхнего (*айыы*) и Нижнего (*абаасы*).

Так по воле Неба образуется микросистема, начисто отрицающая родовые приоритеты. В этой системе ведущая роль принадлежит герою, божественному избраннику. Обратимся к деталям.

Стоит ли сомневаться в том, что отправив свою креатуру в Средний мир, демиурги не бросают ее на произвол судьбы? Уже известно, что Земля крепит силы богатыря. А что же Небо? В критических ситуациях, когда герою грозит смерть в бою, с неба ударяет молния — «копье» Юрюнг Айыы-тойона. Разумеется, враг оказывается поверженным и посрамленным⁶⁹. Это лишь один из многих примеров непосредственного общения героя с божеством — свойства, надо думать, недоступного для его подданных. Столь тесная связь с мироустройственными «инстанциями» выделяла его из массы остальных смертных, но прямого обособления державной функции героя не заметно в олонхо. Исключением, пожалуй, может служить одно из героизированных преданий, где шестеро богатырей, высадившись на берегу Лены, рассказывают тамошним жителям о «своем начальнике и царе». — «Бог, приходя, воочию с ним разговаривает... Бог его поставил, он должен иметь во власти головы всех людей»⁷⁰. Т.е. Бог поставил царя, общается с ним, потому-то тот и претендует на мировое господство.

Обобщением для нашего экскурса о статусе героя могут служить слова духа, явившемуся во сне второстепенному персонажу в сказке «Омоллон»: «Он, в славу вошедший, чуткий, воспетый в песнях, бдительный, отца имеющий от Айыысыта (покровителя плодородия. — *В.Т.*), с предназначением от Ийехсит-матери (покровительницы людей и скота. — *В.Т.*), от Земли и Неба — определение, размножающий род якутов»⁷¹. Мы видим здесь и персональную характеристику — перечень качеств, и указание на сверхъестественное родство и происхождение, а также на глобальную функцию в Среднем мире. Не правда ли, приведенный пассаж весьма напоминает пышный древневосточный титул? Во всяком случае, тронные обозначения у верховных государей хуннов, древних тюрков, уйгуров VIII–IX вв. содержали приблизительно те же компоненты, хотя и в несколько иной последовательности⁷².

Конечно, это не титул. Но столь высокий статус все же предполагал, вероятно, и какое-то ритуальное, знаковое оформление. Сходная комбинация понятий представлена и в обращении к Хан-Джаргыстаю жителей улуса, в который тот заехал: «Видимый Божий Сын, господин девяти улусов, отец восьми улусов, народный род, князь, слушай...»⁷³.

Но и данные эпитеты могут лишь отдаленно быть уподоблены титулу, поскольку относимы к единичной персоне, принадлежат конкретному герою лично. А вот в другом олонхо Карак-хан-тойон обладает уже полноценным ти-

⁶⁹ Верхоянский сборник. С. 215; Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 173.

⁷⁰ Верхоянский сборник. С. 51.

⁷¹ Якутский фольклор. С. 165.

⁷² См.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993. С. 62–64, 124, 125.

⁷³ Верхоянский сборник. С. 145.

тулом. Ведь вознамерившись распорядиться посмертно судьбой своих владений, он объявил народу, что «зятя его Сордохая оставляет после себя Карак-ханом»⁷⁴. В этом контексте «карак-хан» — уже не имя, а обозначение правителя независимо от личного имени и персональных эпитетов.

Таким образом, герой, получивший от Неба власть, обладает и ее словесной формулой, которая заключается в зачатках титулатуры. Титул, как и имя, принадлежит ему, но помимо выделения его носителя из себе подобных, служит еще и для маркировки социального положения. Последнее прозрачно просматривается в семье богатыря Юнгкээбила, у которого «был еще старший брат, который не считался витязем и в качестве простого человека рыбачил... Все богатство этого старика заключалось в четырех оленях»⁷⁵.

Богатырь — основной общественный ранг, с которым мы будем сталкиваться в данной работе. Помимо него в олонхо фигурируют еще *тойоны*, но главными героями являются все же богатыри. И теперь мы знаем, что богатырское звание — не просто обозначение могучего воина, смельчака и удалыца, но и некая социальная категория, не совпадающая с престонародьем.

Божественное покровительство и происхождение не были, однако, единственными основаниями признания лидерства героя законным. Каждый род имел своих богатырей, в любом племени могли найтись «светские» (т.е. не шаманы) претенденты на присвоение небесной помощи. Вероятно, кроме ссылок на потустороннюю протекцию, нужно было искать и другие, чисто «земные» обоснования приоритета. Поэтому когда братья Юнгкээбил и Юрэн убили могучего Чэмпэрэ, то перед его подданными они не стали расписывать свои связи с Небом и Землей. Прямо спросив у народа, согласен ли тот подчиниться им добровольно, они получили ответ: «Покоряемся, среди нас нет никого, кто мог бы противиться вам, был у нас один повелитель, теперь его замените вы»⁷⁶. Догодаываемся, что решающим доводом в пользу подчинения здесь явилась вовсе не богоизбранность правителей, а их личная доблесть. Победа в бою послужила доказательством большего права братьев на управление народом, чем у поверженного ими Чэмпэрэ.

Хаптагай-батыр тоже вынужден выстоять в сражении с враждебным племенем, на что последовала знакомая реакция: «Теперь ты будь нам господин»⁷⁷. Но данный договор пришлось закреплять еще и бегом взапуски с местными скороходами. И лишь после победного финиша богатырь окончательно утвердился в новой роли — «вот с этого времени до смерти (его) стали бояться Хаптагай-батыра»⁷⁸.

Физическая сила, ловкость, быстрота реакции, спасительная на доле брани — все эти качества преходящие, угасающие с возрастом. А уж преемникам героя и подавно не видать власти над покоренными им племенами без посто-

---

⁷⁴ Сордохай-богатырь (Ураанхай саха олонхото). Публ. М. Овчинникова // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. общества. 1904. Т. 35. № 2. С. 8.

⁷⁵ Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Т. I. Иркутск, 1937. С. 508.

⁷⁶ Там же. С. 517.

⁷⁷ Знаменательно, что это мнение от лица всего народа высказал местный аксакал — в полном соответствии с социально-возрастной иерархией родовой общины.

⁷⁸ Верхоянский сборник. С. 61.

янного подтверждения своих бойцовских свойств. Поэтому сын Хаптагай-батыра «был свирепее своего отца. Он и ламутов, и якутов свободно убивает. Стал он всем людям как господин» (*тойон*)⁷⁹. Т.е. саха с эвенками признали его господином из-за свирепости нрава его и безжалостности. Впрочем, к проблеме наследования статуса мы еще вернемся.

Лидерство происходило также из выбора вождя на племенном совещании. Такая ситуация сложилась на небесах, по олонхо «Нюргун Боогур Стремительный», где

Старейшины трех великих родов (первозданных небожителей. – *В. Т.*)
Стали главарей выбирать,
Неподкупных грозных судей
Для верхних и нижних племен,
Равные властью судьбе –
Владыками трех миров
На вечные времена избраны были –
Одун Биис, Чангыс Хаан
И Дьылга Тойон⁸⁰.

Все это божества-распорядители людских судеб – потому они и судьи, потому и неподкупные. Но критерий «владыки» здесь проступает, видимо, в эпитете «грозный», совпадающий с отмеченными выше качествами эпического лидера. К тому же в помощники к трем богам приставлен писарь, «чудовищный великан», главное достоинство коего – не грамотность или хотя бы честность (уместные для данного поста), а огромные кулаки, чтоб пугать ими запирающихся воров⁸¹.

Итак, наметились три фактора приобретения эпическими персонажами общественного верховенства: небесное происхождение и покровительство; персональные геройские качества; избрание на племенном совете старейшин. В такой последовательности располагаются эти факторы как по значимости в общей модели легитимности, так и по частоте упоминаний в олонхо.

Функции правителя. Избран ли герой волею Юрюнг Айыы-тойона, консенсусом ли племенных патриархов, или вознесен в ранг предводителя стечением обстоятельств, в результате военной удачи – в любом случае он выделяется из массы сородичей и подданных. В их глазах он имеет основания и на более широкие полномочия, и на отличное от их обыденное поведение. Во-первых, напомним о старшем брате Юнгкээбила, который не считался витязем и в качестве простого человека рыбачил. Рассуждая «от противного», заключаем, что Юнгкээбил, видимо, богаче брата, так как четыре оленя у последнего – это признак низкого социального и имущественного положения его; у богатыря же оленей явно больше. Рыбачит старик именно потому, что он «простой человек», не обладает рангом витязя. Витязю же, скорее всего, не пристало предаваться рыбной ловле. Судя по некоторым текстам, для родовой и военной знати было недостойно заниматься чем-либо кроме войны или охоты. Данное обстоятельство послужило поводом для тягостных размышлений родоначальников о сво-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Нюргун Боогур Стремительный. С. 12.

⁸¹ Там же.

ем образе жизни в олонхо «Мюльдю Бёгё». Предводители «ни разу не работали, все для них делали другие», а разбогатели за счет набегов на соседей⁸².

Вся жизнь эпического героя: посвящена странствиям и сражениям, бездействие томительно для него⁸³. Пассивно живущий в родном стойбище юноша вызывает осуждение родичей⁸⁴. А что же сами родичи? Они пасут скот, рыбачат и подчиняются *тойонам* и витязям⁸⁵. Так, многочисленный народ богатыря Юрэн-Хосууна «считал его своим начальником и подчинялся всем его приказам»⁸⁶. Но как понимать «приказы»? Чем вообще занимается вождь? Каковы его общественные функции?

Прежде всего отметим, что живет ли богатырь лишь с семьей, или у него имеются подданные, он обычно изображается как владелец большого количества скота. Хозяин стад — это и есть его первая функция. Проявляется она в ежеутреннем объезде их «несметного количества», охранении их от воров⁸⁷. Соответственно богатырь воспринимается и в качестве хозяина пастбищ, хотя прямо об этом нигде в олонхо не говорится.

Часто герой возглавляет коллектив — обычно родовой. В силу своих личных достоинств и по воле демиургов он (герой) принимает на себя обязанности по защите подданных и сородичей от врагов. Вспомним начало жизни в Среднем мире Нюргун-боотура, которого ожидало там пространство, населенное людьми-саха, отбивавшимися от вражеских набегов. Именно для защиты праякутов Нюргун был создан богами, разбужен ими и отправлен на землю. Ясно, что в таком положении предводитель является и военным главой коллектива, возглавляет походы своих ополченцев на соседей⁸⁸ — в тех редких случаях, когда это предпочитается обычному для героического эпоса единоборству. А вот насчет того, можно ли военные прерогативы героя расценивать только как родовую взаимопомощь⁸⁹, нам станет яснее ниже, после разбора структуры управления в эпическом обществе олонхо. Впрочем, и Г.У. Эргис признает за богатырем функцию защитника народа⁹⁰.

Народ видел в своем лидере не только заступника, но и подателя благ. В ряде сказаний богатыри делятся с народом своим богатством и военными трофеями. Можно вслед за И.В. Пуховым считать это «пережитком общеродового дележа добычи»⁹¹. По крайней мере, в «Мюльдю Бёгё» родоначальники предпринимают подобный акт в порыве рефлексии, осознав несправедность своего образа жизни — «все для них делали другие». Но это кажется позднейшим переосмыслением их намерений сказителями (в смысле искренности намерений

⁸² Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962. С. 225.

⁸³ См., напр.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 97.

⁸⁴ См.: там же. С. 99.

⁸⁵ Между этими двумя категориями знати, конечно, существовала иерархическая дистанция. Богатырь Кулун Куллустуур безропотно подчиняется приказу совета *тойонов* о явке («Как же не пойти, раз позвали грозные тойоны?»), а затем, по их приговору, сам отправляется в тюрьму («Как же не пойти? Пойду уж») (Строптивный Кулун Куллустуур. С. 335, 341–342).

⁸⁶ Ксенофонов Г.В. Указ. соч. С. 498.

⁸⁷ См.: Верхоянский сборник. С. 143; Маак Р. Указ. соч. С. 123; Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 139; Сордохай. С. 1.

⁸⁸ См., напр.: Верхоянский сборник. С. 48.

⁸⁹ См.: Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. С. 187, 197.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Пухов И.В. Олонхо — древний эпос якутов. С. 413.

персонажей) или действительно формальным актом, так как для раздачи подданным «раскаявшиеся» *тойоны* отвели лишь «четверть неправедно нажитого богатства», а в другой сходной ситуации – три четверти⁹². Ну, последнее предпринимается главным героем, т.е. традиционным средоточием совершенств – он и раздает щедрее. Однако обратим внимание: себе он оставляет гораздо большую долю, как и полагается признанному народом вождю.

По некоторым косвенным данным и по аналогии с героическим эпосом других тюркских народов Южной Сибири, можно предполагать наличие у витязя олонхо полномочий судьи своего народа. Собственно, это логично вытекает из его обязанностей охранителя и из сакрального происхождения его власти. В родовом, позднеродовом и отчасти раннеклассовом обществе жизнь регулировалась в основном обычным правом и распоряжениями вождей и старейшин, что базировалось на авторитете власти. Косвенные же данные по олонхо таковы: в «Нюргун-боотуре Стремительном» распорядители земных судеб Одун Биис, Чангыс Хаан и Дьылга Тойон являются судьями, избранными как «главари» на совете небесных старейшин⁹³. С одной стороны, они выступают в качестве судебных магистратов при «дворе» верховного божества Юрюнг Айыы-тойона, но с другой, по отношению к населению Среднего мира эта троица – несомненно вышестоящая «инстанция». Поэтому попытаемся соотнести отправление правосудия (в рамках контроля за соблюдением норм обычаев) также к числу функций эпического героя.

Наиболее авторитетное мнение о пределах компетенции богатыря принадлежит, конечно, самому богатырю. Послушаем слова Алаатыр Ала Туйгуна к противнику: «Я... предопределен... для спасения умерших, для оберегания оставшихся, для черпания ушедших, для собирания убежавших. Не дам в обиду восемь родов айыы-аймага»⁹⁴. И еще напутствие Хан-Джаргыстая своему рабу, а фактически помощнику и близкому другу Эксюкюляху перед отъездом в путешествие: «До моего приезда паси мой скот, распорядись людьми! Не обижай старика и старуху, старых людей!»⁹⁵. – Здесь можно видеть интегральную характеристику полномочий вождя: управление народом («черпание» его, собирание, распоряжение), присмотр за скотом, защита подданных, соблюдение справедливости (заступничество за слабыми).

Итак: хозяин, защитник, судья. Данные полномочия в сочетании с богатырскими чертами, мужеством, огромной силой создавали у слушателей эпоса представление об идеальном предводителе. Смерть такому не страшна, так как за ним божественное покровительство и собственные возможности в противостоянии враждебным силам и супостатам.

Олонхо – слепок реального общества. И такая реальная, сугубо «земная» проблема, как распределение имущества, наследование статуса и функций по смерти героя-правителя тоже заслуживает внимания.

Наследование имущества и статуса. Сначала кратко упомяну о нетипичных ситуациях. Мы уже встречались с Карак-хан-тойоном и его зятем Сордохаем.

⁹² Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. С. 225, 242.

⁹³ Нюргун Боотур Стремительный. С. 12, 346.

⁹⁴ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 330. *Айыы аймага* – обозначение людского рода вообще.

⁹⁵ Верхоянский сборник. С. 217, 220.

Тойон намеревался оставить после себя мужу дочери свой титул и права на управление народом. Сордохай отказался, увлеченный только молодой женой⁹⁶. Передача достояния рабу тоже вряд ли была широко распространена. Но незамужняя богатырка Кылааннах-кыс обещает именно «верному рабу» Оройко Дохсуну завещать все богатство перед своим отъездом на поиски пропавшего коня. Правда, с условием служить в отсутствие хозяйки верно, «чтобы богатство мое не уменьшалось»⁹⁷. Все обошлось благополучно: дева вернулась невредимой, и позднее Оройко Дохсун женился на ней. Вопрос о завещании отпал сам собой, т.е. в случае смерти Кылааннах Кыыс в единоличное владение имуществом вступал бы ее вдовец, а затем их дети.

А вот переход родительского звания и состояния к детям как раз обычен для олонхо. «Не имею семьи, некому передать наследство»⁹⁸ — эта фраза в одном из сказаний демонстрирует приоритет в очередности прав. Семья — это, собственно, жена и дети. Должны ли дети подтверждать свои права наследников? Если насчет имущества — едва ли (если оно накоплено отцом лично), то в отношении статуса — вероятно, да. Вспомним сына Хаптагай-батыра, которому беспощадностью к подданным пришлось доказывать свое право на положение *тойона* — то, что было добровольно вручено завоеванным народом его отцу.

Надо полагать, отпрыск не каждого богатыря перенимал родительские сверхъестественные качества. Если отца провозглашали и избирали вождем народа, за личные воинские достоинства, то его сын мог и не обладать таковыми. Тем не менее на определенной стадии исторического развития потомство вождей уже приобрело их социальные права и преимущества только на основании рождения в семьях вождей. Формировались зачатки общественных корпораций — проще говоря, военно-родовой знати. Так, сын богатыря Эр-Соготоха Бэриэт-бэргэн тоже стал богатырем (и удостоился «персонального» олонхо). Но уже сын Бэриэт-бэргэна «рос человеком обыкновенным, без громкого имени» (т.е. зачаточного титула, как мы уже выяснили) и тем не менее слыл прародителем якутов⁹⁹. Не проявление ли это родового принципа наследования, по которому пост верховного правителя переходил только по факту родства к детям, братьям и племянникам? Во всяком случае, формальные основания для такого перехода здесь названы: внук основателя улуса уже вовсе не богатырь и восседает на месте улусного предводителя «по инерции», после отца и деда.

О том, что утрата богатырских черт была присуща потомству героя, свидетельствует и дележ отцовского наследства братьями Элик-боотуром и Ньигыл-боотуром в одноименном олонхо. Хотя оба юноши имеют геройскую номинацию (*боотур*), полноценным витязем можно считать только младшего, так как вся завещанная отцом одежда ему мала по размеру (а старшему впору). Поэтому Ньигыл берет себе лишь нож и заявляет: «Наследство отца ты один наследовал... и первым родился ты»¹⁰⁰.

Таким образом, мы видим вновь не только формальное наследование статуса без реального подкрепления (ведь Элик явно тщедушнее брата — какой же

⁹⁶ Сордохай. С. 8.

⁹⁷ Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 178.

⁹⁸ Долганский фольклор. Вступ. статья, тексты, пер. А.А. Попова. Л. 1937. С. 203.

⁹⁹ Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М., 1990. С. 82.

¹⁰⁰ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 164, 168.

из него, в самом деле, *боотур?!),* но и признание права первородства — и опять безотносительно к действительным достоинствам первенца. Однако братья принципиально равноправны, поскольку отец завещал свое добро им обоим. Так в тексте олонхо появляются соправители. А мы можем перейти к разбору организации управления: в эпическом обществе олонхо.

Организация управления

Соправительство. Разговор об этом своеобразном явлении, присущем ряду народов на стадии политогенеза, начнем с определения родственных отношений соправителей, а затем обратимся к их компетенции. Но сперва одна фраза из эпоса о Нюргун-боотуре. Явившись в Средний мир, богатырь изрекает:

Высокий жребий назначил
Одун Хаан-властелин,
Исполинская сила моя
Равна половине тяги земли,
Богатырская мощь моя
Равна половине мощи земли,
Великое богатство мое
Равно половине богатства земли¹⁰¹. —

Везде он претендует на половину. Логически продолжая его декларацию, предположим, что и половиной мира он уготован управлять, и половиной населения. К кому же тогда должна относиться оставшаяся часть, другая половина? Вроде бы герой соотносит свои возможности с потенциями Земли. Но мы убедились, что Земля довольно пассивна в конструировании богатырских биографий. Может быть, другой владетель — это Одун Хаан, патрон судьбы? По контексту, остается только он, и таким образом получаем двух правителей: небесного, старшего, «верхнего» — Одун Хаана и земного, младшего, «нижнего» — Нюргун-боотура. Тогда получается, что соправительство трактуется как боговдохновенный институт; но олонхо, подобно другим тюркским героическим эпосам, чаще предлагает «реальных», живущих в Среднем мире партнеров по верховному управлению и владению имуществом. Например, старец Киис-Санях обещает молодому витязю «в награду половину всего своего имения». Позднее выяснилось, что это его сын, но «половину имения» юноша все же получил от тестя¹⁰².

Не случайно будущие совладельцы оказались в конце концов отцом и сыном. Подобное отношение между родителями и детьми — один из распространенных вариантов соправительства. Вновь вспомним Хаптагай-батыра. Он еще жив, но его сын Хохое-батыр уже признан покоренными ламутами «как тойон» и самовластно действует на территории улуса: «и ламутов, и якутов свободно убивает»¹⁰³. Может быть, сыну доверялось управление завоеванными землями,

¹⁰¹ Нюргун Боотур Стремительный. С. 115.

¹⁰² Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. С. 173.

¹⁰³ Верхоянский сборник. С. 61, 62.

а на родовой территории оставался отец? По крайней мере, в одном из вариантов олонхо «Эр-Соготох» наблюдается именно такой расклад обязанностей. Сын богатыря Эр-Соготоха Басымджи остается в улусе побежденного им (Басымджи) духа-*абаасы*. Отец, примчавшийся было на помощь, возвращается восвояси в свою землю¹⁰⁴. Причем постоянное присутствие младшего правителя на отведенной ему территории было необязательно. Женившись, Басымджи селится в родительском улусе, где ему ставят отдельный дом¹⁰⁵.

Пока примем такую схему: на землях рода сын ожидает перехода к нему родительского статуса и имущества, которые со временем перейдут к нему в качестве наследства; если же присоединяется (завоевывается) население из чуждых кланов, то сын тойона получает полномочия по владычеству над ним. Естественно, в таком случае он считается младшим правителем — и по возрасту, и по положению.

А если в семье не один сын, а больше? Олонхо «Тёбёт Мэник» предлагает следующую версию. — После женитьбы герой взял себе половину родительского богатства, построил дом и зажил отдельно. Позднее отнял у враждебного богатыря воспитанницу и выдал за своего младшего брата, в котором «разделившись на два дома, разбогатеи, живут они прекрасно до сих пор»¹⁰⁶. Здесь еще один вариант дробления — без завоевания соседей, простое выделение имущества для обзаведения женатому сыну. Но главное теперь в другом.

Уже в своей половине владения первенец обустроивает младшего брата и в свою очередь делится с ним территорией и имуществом, а статусом? Об этом говорится в другом сказании, «Могучий Дьягарыма». Правда, там такие отношения складываются между отвратительными чудовищами Нижнего мира, но нам важен принцип. При здравствующем отце, духе пучины Унью Санньей-тойоне есть старший сын Умсары Холорук-тойон — «летающий вихрь, неукротимый богатырь» и младший, Бэрийэ Хара, дух берега пучины, возящий подарки старшему брату и терпящий от него побои¹⁰⁷. Как видим, *тойоны* — отец и старший сын, духи — отец и младший сын; по положению в улусе Умсары Холорук занимает следующее за Унью Санньей место, Бэрийэ Хара же всецело подчинен брату и боится не далекого отца, а его. Итак, улус и здесь разделен между отцом с одной стороны и двумя сыновьями с другой.

Более распространено в олонхо соуправление не родителей с детьми, а как раз братьев. Обычно фигурируют два брата; третий или обслуживает остальных, или заступает на место одного из них, погибшего, или погибает сам¹⁰⁸. Изредка эта пара равноправна — вместе присматривает за скотом, управляет народом, воюет, обоих подданные признают правителями над собой¹⁰⁹. Различия между ними могут быть чисто декоративными, исходящими из разницы в возрасте и, соответственно, положения в семье. Некоторые эпосы застают героев-братьев уже самостоятельными лидерами — со своим войском у каждого, «и оба они счи-

---

¹⁰⁴ Якутский фольклор. С. 90.

¹⁰⁵ Там же. С. 102, 103.

¹⁰⁶ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 151.

¹⁰⁷ Могучий Дьягарыма. Якутский героический эпос олонхо. Новосибирск, 1984. С. 108, 112.

¹⁰⁸ См., напр.: Ксенофонтов Г.В. Указ. соч. С. 498–501, 513.

¹⁰⁹ См., напр.: там же. С. 517; Верхоянский сборник. С. 247, 251, 252; Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 141, 142.

тались в своей среде начальниками (тойоттар)»¹¹⁰. Разделение единого владения между ними возможно в результате женитьбы¹¹¹. В олонхо «Тонг Саар-тойон» младший сын, будучи рожден в облике быка, изгнан перепуганной матерью из дома и строит себе жилище на западной стороне того же *алааса* (улуса)¹¹².

Пока запомним, что соправительство двух братьев возможно как на неразделенной, так и на расчлененной на две части территории. Ниже мы вернемся к последнему явлению, а пока обратимся к другим категориям соправителей.

Ими могут оказаться не родственники героя. В одном случае это побратим, воин, спасенный героем от гибели¹¹³ или побежденный им в поединке¹¹⁴, в другом — сын главного богатыря («Сильный человек») и сын местного шамана («Лучший человек») ¹¹⁵ и т.п. Однако более принципиально выяснить не родственное отношение соправителей, а разверстку компетенции между ними. Бывает, один из братьев (чаще младший) смотрит за скотом и управляется с хозяйством во время отсутствия другого брата, причем остающийся дома считается ниже рангом¹¹⁶. Иногда данная функция возлагается на раба¹¹⁷. Но это не единственная и, видимо, не главная обязанность младшего соправителя. По одному из вариантов олонхо о Юнгкээбиле, герой со своим средним братом отправился на охоту. Младший брат и воинский отряд (надо думать, на попечении младшего) остались дома¹¹⁸. Значит, обязанности хранителя очага сочетались еще и с полномочиями военачальника?

Разберем еще один пример. В олонхо «Сюнг Джасын» богатырь Агья, обнаружив, осознав себя существующим на свете, видит посреди своих земель некую юрту, а в ней человека, представившегося как Белый Юноша. Оказалось, что это младший брат Агья. Он стали жить вместе. Собираясь в дорогу, седлая коня, пойманного Белым Юношей, Агья говорит брату в частности: «Зажженный тобою длинный огонь да не гаснет»¹¹⁹. Во-первых, младший явно в подчиненном положении, так как готовит коня для брата; во-вторых, он действительно хранитель очага (*отчигин*) — он зажег в нем огонь (ведь Агья прибыл к уже обустроенному хозяйству) и поддерживает его. С женитьбой Белого Юноши братья стали жить раздельно. Однажды, почуввав опасность, младший воззвал к Агья: ««Где ты? До тебя видно ли, до тебя слышно ли? Избавь!»». — На это Агья богатырь удалец... из гнезда стрижа вышел» и помог¹²⁰.

Следовательно: а) братья живут порознь и довольно далеко друг от друга; б) теперь получается, что вроде бы старший брат подчинен: живет в гнезде и является по приказу. Но главное в том, что на нем, Агья, а не на хранителе очага лежит обязанность вооруженной защиты улуса; не зря он назван «богатырем удалым». Чтобы понять и устранить противоречия в оценке статуса

¹¹⁰ Ксенофонов Г.В. Указ. соч. С. 508–509.

¹¹¹ См.: Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 144.

¹¹² Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. С. 113, 123, 124, 131.

¹¹³ Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1983. С. 36.

¹¹⁴ Верхоянский сборник. С. 215–217.

¹¹⁵ Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929. С. 130–132.

¹¹⁶ См., напр.: Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 48, 49, 51, 54, 55.

¹¹⁷ См.: Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 178.

¹¹⁸ Ксенофонов Г.В. Указ. соч. С. 509.

¹¹⁹ Ястремский С.В. Указ. соч. С. 82.

¹²⁰ Там же. С. 86.

соправителя-военачальника и соправителя-отчигина, придется вплотную обратиться к сведениям о главном военачальнике.

В некоторых сказаниях сын выступает в качестве воина и военачальника при правителе-отце. С одной стороны, такая разверстка функций может простекать просто из естественных возрастных различий — на защиту улуса встают, конечно, более молодые и сильные. Но с другой стороны, подобный статус младшего соправителя порой оформлен особым образом. Богатырь Алаатыр Ала Туйгун управляет «своей страной», Средним миром, а сына его народ сделал «главным богатырем Среднего мира», вручил коня и доспехи¹²¹. А при Толомон Суоду-тойоне, отце, и Бэриэт-бэргэне, старшем брате, «главой богатырей Среднего мира» становится по воле богов младший брат, Сорук Боллур¹²². Заметим, что это звание у последнего персонажа во многом формально, поскольку он вершит свои подвиги без помощи якобы возглавляемых им витязей, в одиночку или солидарно с Бэриэт-бэргэном. Все указанные пары «тойон — военачальник» сосуществовали в пределах единого улуса; из текста нельзя вынести каких-либо намеков о наличии у «главнокомандующего» особого удела с подданными.

Очень редко встречаются лишь оговорки о разделении. Допустим, Лёгёй-тойон воспитал из усыновленного приемыша могучего богатыря Маянтылана. Враг разоряет владения Лёгёя, и тот обращается к пасынку: «Парень, каково бы тебе сходить» в поход. Маянтылан возглавляет, по тексту, свое войско, которое он обгоняет с середины пути и следует дальше один¹²³. Поскольку нападению подверглись земли Лёгёя, а для отмщения наряжены отряды Маянтылана, то можно предполагать состояние улуса из двух частей. Насколько правомерно такое предположение, нам станет ясно позднее, после разбора двухчастной структуры владений в олонхо.

Легче восстанавливать отношения между соправителями одного поколения — братьями. Вновь обратившись к сказанию об Элик-боотуре и Ньигыл-боотуре, вспомним, что первый наследует все отцовское имущество, а второму, огромному и мощному великану, достается только нож. Ньигыл «непобедим в трех мирах», он символ силы и могущества Среднего мира¹²⁴. Разница между статусом *тойона* и военачальника здесь отчетлива. Более иерархически сложная комбинация проступает в «Нюргун-боотуре». Небожители-*айыы* посылают управлять населением Среднего мира Нюргун-боотура, а отцу его велят к тому же снарядить вместе с богатырем младшую дочь, «чтоб хозяйкою в доме была»¹²⁵. Затем, по небесной же воле, спускается вниз младший брат Нюргуна, Юрюнг Уолан, получающий напутствие от отца:

Будь прославленным смелым бойцом,
Как острога о восьми остриях!¹²⁶

---

¹²¹ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 241.

¹²² Там же. С. 253.

¹²³ Верхоянский сборник. С. 49.

¹²⁴ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 164, 168.

¹²⁵ Нюргун Боотур Стремительный. С. 64.

¹²⁶ Там же. С. 66.

Этих персонажей отправляет в путь старший сын старца, Мюльдун Бёгё. Он остается на небе —

Прославленный доблестями богатырь,
Все пространство белых небес
Охраняющий исполин¹²⁷.

В общем распределение прерогатив среди членов этой семьи видится следующим образом: 1) отец богатырей Айынга Сиэр-тойон — правитель улуса в Верхнем мире; 2) его старший сын Мюльдун Бёгё — военный соправитель при отце; 3) второй сын, Нюргун-боотур — правитель саха; 4) третий сын, Юрюнг Уолан — военный соправитель при Нюргуне, 5) младшая дочь — домоправительница-*отчигин* у Нюргуна¹²⁸. Здесь мы встречаем «главнокомандующих» двух рангов, и это позволяет ставить вопрос об их иерархии. Оказываются, существовал еще и верховный военачальник Дьылга-тойон — глава трех небесных богатырей, небесной дружины. Высшее божество Юрюнг Айыы-тойон решил было послать этих трех богатырей на землю с поручением, но передал свою просьбу через их предводителя Дьылгу. А тот в свою очередь изложил им полученное приказание, при этом «восседавая важно на троне своем»¹²⁹.

Как видим, выстраивается трехступенчатая структура старшинства военных соправителей: чем выше социальное положение «главнокомандующего» в этой структуре, тем более номинален его военный пост (Дьылга-тойон уже не участвует в походах, а лишь отдает распоряжения с трона).

В комбинациях соправительства нельзя обойти вниманием еще один «пост». Вернемся к олонхо о Дьагарыме, в котором при главе улуса, духе пучины Унью Санны «служат» два его сына — старший, богатырь и силач Умсары Холорук и младший, дух берега морской пучины Бэрийэ Хара, боящийся старшего брата. Присутствует знакомый нам военачальник, «тойон и повелитель» при живом отце, но его «духовая» функция не названа; видимо, ее и нет. Значит, сила отца и его военные потенции переходят к Умсары Холоруку, духовные же прерогативы наследуются преимущественно сыном-охранителем берега. Такое же сопряжение соправителей явлено в олонхо, где фигурирует чудесный бык. У супруги богатыря Тонг Саар-тойона после сына-человека рождается сын-бык, провидец и устроитель судьбы старшего брата в будущем. Бык живет отдельно на западной стороне улуса и обладает свойством предсказывать судьбу¹³⁰. Младший брат более рассудителен, дает советы старшему в олонхо «Басымны-баатыр и Эрбэхтэй-бэргэн»¹³¹.

Условно назовем соправителя этого типа «мудрецом» и попытаемся соотнести с военачальником. Последнее удобно делать, так как есть сюжеты, в которых у двоих соправителей просматриваются именно эти функции. В олонхо «Басымнылаан» один из них охотник, второй — мудрый чудотворец, разъезжа-

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ В тексте фигурирует еще старшая дочь-шаманка, охраняющая столб — «опору трех миров» (там же. С. 132).

¹²⁹ Там же. С. 302, 303.

¹³⁰ Емельянов Н. В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. С. 113, 123, 124, 131.

¹³¹ См.: там же. С. 159.

ющий на облаке и оживляющий погибшего брата¹³². В олонхо «Бэриэт-бэргэн» старший брат — защитник людей Среднего мира, младший — «ученый», предсказатель, грамотей¹³³.

Итак, когда мы имеем дело с двумя братьями, то можно наметить такую систему: при их соправительстве один из них оказывается воплощением физической мощи и занимается военными делами, другой обладает сверхъестественными умственными способностями, позволяющими провидеть течение судеб. Вероятно, социальное главенство принадлежит воину, но по степени близости к божествам-миродержцам «мудрец» выигрывает, и в этом смысле его персона более священна¹³⁴.

Олонхо «Уолумар и Айгыр» предлагает интересный вариант с неродичами. В одном улусе живут Бай Харахан-тойон, его сын Сильный человек Кюн Эрилик, шаман Кыкыллаан, его сын Лучший человек Бэрэт-бэргэн; при этом Бай Харахан назван хозяином, Кюн Эрилик — хозяйским сыном¹³⁵. Та же схема: вождь-тойон — мудрец-шаман, военный глава — сакральный глава, сильный — мудрый («лучший», т.е. выше номинально). Сильный человек и Лучший человек женятся на сестрах: первый на старшей, второй на младшей, живут в одном доме. Когда приехали туда, Сильный человек садится в переднем углу. Лучший в красном¹³⁶. Два мужа обычно действуют вместе, но больше внимания уделяется Сильному человеку (есть его прямая речь, в то время как слова шаманова отпрыска лишь пересказываются). А ведь это сыновья тойона и шамана. Стало быть, они унаследовали родительский статус и характер отношений между родителями. Их дети-богатыри тоже действуют совместно, но более активен опять же сын Сильного, и его сватовство находится в центре дальнейшего повествования. Таким образом, заключаем: соправители бывали «военачальниками» и «мудрецами»; соправительственный расклад функций наследуется, переходит от родителей к детям.

Аналогичный вывод можно сделать из материалов олонхо «Басымнылаан», где мудрец Эт Нээлэй соуправляет с сыном своего брата-охотника, богатырем Кюн Джюлюном, перенявшим статус отца¹³⁷.

Историческое соправительство обладало еще одним внешним атрибутом. Характерное для тюрко-монгольских потестарных и политических образований — как каганатов, империй, так и мелких улусов — разделение территории и населения на две части-крыла имеет отдельные соответствия в олонхо. В «Сюнг-Джасын» герой, находясь на своей земле, призывает старшего брата на помощь. Тот приходит «из склона долины, обращенной к северу»¹³⁸, т.е. младший соправитель селился соответственно на юге от старшего, и улус был поделен на северную и южную части. Сын богатыря Эр-Соготоха Басымжи оста-

¹³² Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 204, 205.

¹³³ Там же. С. 172.

¹³⁴ Так же священна, как фигура японского микадо при всеильном сёгуне, безвластного хазарского кагана при каган-беке и т.д. Формальный приоритет сакрального монарха, сочетающийся с полномочиём фактического правителя—главы армии, получает на материалах олонхо еще одну иллюстрацию.

¹³⁵ Ястремский С.В. Указ. соч. С. 130–132.

¹³⁶ Там же. С. 136.

¹³⁷ См.: Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 206, 207.

¹³⁸ Ястремский С.В. Указ. соч. С. 86.

ся в улусе побежденного им духа-*абаасы*. Посетивший его отец возвращается к себе «прямо на юг»¹³⁹. Наблюдается такое же, как и в предыдущем примере, расположение частей улуса, но с важным уточнением: завоеванная территория «по определению» ниже рангом, так как отходит младшему правителю, и северная ее позиция подтверждает эту второстепенность по сравнению с южным владением самого Эр-Согоха.

Но противопоставление «север — юг» не основное в политической топографии исторических и эпических улусов. В том же тексте посланцы главы небожителей Юрюнг Айбы-тойона приказывают Басымджи отправляться на восток, дабы основать собственный улус¹⁴⁰. Поскольку с востоком естественно соотносится запад, рассмотрим и эту пару понятий.

В «Сюнг Джасын», «Сиджи Босхонг», «Тонг Саар-тойон» земля распределяется по оси «север — юг» между старшим и младшим братьями, в «Хан-Джаргыстай» — между отцом и сыном. Разберемся подробнее. Прежде всего между востоком и западом существует оппозиция свойств. Восточные и западные земли осеняются подобающими небесами —

Там, на западе, под склоном
Погибельного, бедственного неба,
Что всюду полосато и визгливо
Там, где находилось
Восточное, приветливое небо...¹⁴¹

Соответственно запад олицетворяется с враждебными силами, прибежищем античеловеческих стихий. С запада происходят нашествия демонов-*абаасы*, на западе герой ищет вора, угнавшего скот¹⁴². Восток, напротив, — средоточие идеальных качеств, там самая привлекательная природа, туда обращали лицом погребаемого покойника¹⁴³. Так наметилась линейная, горизонтальная структура мироздания. Если в вертикальной «системе координат» Верхний мир — обитель божеств, Средний — людей, Нижний — *абаасы*, то теперь мы убеждаемся, что два последних из перечисленных сообществ эпических персонажей располагались и как бы на плоскости: демоны на западе, люди на востоке. Тогда боги должны бы обосновываться еще восточнее. Действительно, в олонхо о Дьагарыме западный край описывается как область природного изобилия, благодатного раздолья для скота и дичи, т.е. это земля, уготованная людям. А на восточном краю «страны» проживает заступница всех живых тварей богиня Иэйэхсит¹⁴⁴. Здесь, конечно, речь не о «Дальнем Западе» *абаасы*, а о пространстве, расположенном западнее крайней восточной оконечности линейного мира. Другими словами, между миром демонов и миром богов обиталище людей оказывается посередине. Рассмотренная мифологизация сторон света логично приводит к схеме уменьшения сакральности с востока на запад. И когда мы обращаемся

¹³⁹ Якутский фольклор. С. 90.

¹⁴⁰ Там же. С. 93, 94.

¹⁴¹ Могучий Дьагарыма. С. 69, 70; ср.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 321.

¹⁴² См.: Маак Р. Указ, соч. С. 123.

¹⁴³ Зыков Ф. М. Материальная среда в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири. Якутск, 1978. С. 224, 225.

¹⁴⁴ Могучий Дьагарыма. С. 12, 13.

к событиям в среде соправителей–персонажей олонхо, это наблюдение подтверждается при анализе порядка разделения улуса.

Уже отмечалось, что противопоставление «восток – запад» сопровождалось не только оппозицией свойств, но и своеобразной. оппозицией родственников-соправителей, чаще братьев. Младший сын Юрюнг Айыы-тойона, будучи спущенным в Средний мир, отправляется искать свою землю на западе. По его отъезде является с неба его старший брат, который оказывается, таким образом, в восточной половине¹⁴⁵. Неоднократно упомянутый выше бык-провидец Сююлэджин-боотур, обиженный матерью, удаляется и «живет на западной стороне алааса», оставив на востоке родителей и старшего брата¹⁴⁶.

Такое же распределение территорий между соправителями имеет место и у Нюргун-боотура с Юрюнг Уоланом. Сыну последнего волшебный журавль советует:

Западной стороной пройди,
Там найдешь отца своего¹⁴⁷.

Если учесть, что Юрюнг Уолан – младший брат Нюргуна и сопоставить это с приведенными выше фактами, то получится, что запад – это «младшая» сторона, иерархически низшая, подчиненная, восток – «старшая», высшая, доминирующая¹⁴⁸.

Исходя из такой парадигмы, уже можно догадываться, каким образом соотносилось расположение улусных частей и в социальной. оппозиции «восток – запад». Напомним, что божественный избранник, коему суждено управлять родами саха, обосновывается на востоке Среднего мира. Младшие же соправители устраивают свои резиденции на западе. Причем данная система действует и вне клановых связей. Вот олонхо «Ёльбёт-бэргэн». Сабья Бай-тойон живет на востоке от героя («в стороне, где в блеске восходит солнце»). К дочери *тойона* сватаются «чужеземные витязи», первым из которых назван «западной стороны князь Тимир Няхялля»¹⁴⁹. Он младше *тойона* по рангу, так как поставлен в один ряд с «рядовыми» богатырями-претендентами. Но их-то он все же выше рангом, потому что «князь». Или другое сказание. – К царю Карак-хану по его просьбе мчится, «как стрела, прямо к востоку» богатырь Сордохай¹⁵⁰. Данная ситуация наиболее близка к реальности, ведь Карак-хан – это царь чудовищ, но статус хана выше, и богатырь подчиняется его слову. Т.е. на первом месте здесь социальная оппозиция востока и запада, превалирующая над традиционной мифологической (по которой владыка демонов должен был бы обретаться

¹⁴⁵ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 48, 49.

¹⁴⁶ Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. С. 123, 124.

¹⁴⁷ Нюргун Боотур Стремительный. С. 328.

¹⁴⁸ В «Хан-Джаргыстае» сын героя селится на востоке отцовских владений. Значит, отец живет на западе. Это нетипично. Но позже юноша в обиде на равнодушие родителей решает уйти и удаляется не на западные территории, занятые ими, а «на юг по подножию восточного камня» (Верхоянский сборник. С. 176). Здесь формирование улуса явно незавершено, поэтому указанные нехарактерные, нетрадиционные передвижения выбиваются из общей схемы. Позже сын вернулся домой, но где поселился, не сказано.

¹⁴⁹ Ястремский С.В. Указ. соч. С. 113; ср.: там же. С. 104.

¹⁵⁰ Сордохай. С. 2.

на западе). В аналогичном плане осмысливается содружество героя и спасенного им богатыря, будущего свояка, который поселяется на западе¹⁵¹.

Снова обратимся к «Сюнг Джасын». Герой обнаруживает в своих владениях серебряную юрту, чей хозяин представился как Белый Юноша (Юрюнг Уолан). Выясняется, что это младший брат героя¹⁵². Т. е.: а) белый (серебряный) цвет — показатель младшего родича; б) статус «белого» брата ниже из-за его возраста и из-за факта изначального пребывания в Среднем мире (старший сперва жил на небесах). Герой, Агья, до встречи с Юрюнг Уоланом уже осматривал свои земли, но никакой белой юрты не заметил. Значит, в улусе была вторая половина, которая осталась не «обследованной» им. К тому же он уехал из дома «прямо на восток»¹⁵³ и действительно не видел, что делается на западе улуса. Хотя вначале и сказано, будто он осознал себя (очнулся) в Среднем мире в маленькой юрте (на западном краю земли) но при этом «на восточной стороне» большого озера, там расположенного¹⁵⁴.

Итак, белый = западный = младший. Последняя часть «уравнения» нам уже знакома, а вот на цветовую маркировку посмотрим повнимательнее.

Белая атрибутика «младшего» запада не случайна в этом олонхо. Ведь запад находится

Под склоном погибельного, бедственного неба,
Что светит одним лишь белым светом¹⁵⁵.

Что же противостоит ему? Какого цвета восток? Ниже читаем:

Улуу Куйаарыкы —
Страна с улыбкой голубого неба
И драгоценным солнцем восходящим¹⁵⁶,

т. е. сторона восхода. Перед нами еще одна оппозиция — «синий–белый», имеющая иллюстрацией отношения на высочайшем мифологическом уровне, в Верхнем мире. Когда «живущий на белом небе с седалищем из беломолочной каменной горы» «Белый Господь Бог» (Юрюнг Айыы-тойон) со всем сонмом своих советников не смог определить, какие нужны герою конь и одежда, явился «Сын Голубого Неба» Кека Джасын и разъяснил главе небожителей решение всех проблем¹⁵⁷. Обычное главенство Юрюнг Айыы-тойона, оказывается, дублируется «синим» персонажем. И это не должно вызывать удивления: предводитель *айыы* имел белую, т. е. младшую маркировку, и естественно ожидать какого-то старшего, «синего» соответствия¹⁵⁸.

¹⁵¹ Верхоянский сборник. С. 151, 152. 174, 179.

¹⁵² См.: Ястремский С. В. Указ. соч. С. 79–81.

¹⁵³ Там же. С. 78.

¹⁵⁴ Там же. С. 79.

¹⁵⁵ Могучий Дьагарыма. С. 69.

¹⁵⁶ Там же. С. 91.

¹⁵⁷ Верхоянский сборник. С. 202–204.

¹⁵⁸ Соответственно белые небеса, охраняемые военным сопративителем Юрюнг Айыы-тойона, Мюльдюн Бёгё (см. выше; Нюргун Боотур Стремительный. С. 66), — не обитель зловредных стихий, а обозначение сферы пребывания и управления младшего сопративителя.

Имеется в олонхо и другая гамма, черно-белая. Она прослеживается как в описании мифических связей героев с божествами¹⁵⁹, так я во взаимоотношениях «земных» персонажей. Нюргун-боотур ездит на вороном коне, его младший брат и соправитель на «мотыльково-белом»¹⁶⁰. То же у Элик-боотура и Ньигыл-боотура¹⁶¹. Следовательно, черный цвет здесь обозначает старшинство, тогда как белый — по-прежнему младший ранг¹⁶².

Кроме того, запад расценивался еще и как левая сторона, что можно заключить из некоторых деталей. Богатырь Катгырас-Баррачи является к Юрюнг Уолану с запада, и занимает место слева от героя¹⁶³; трехглавый змей при налете на стойбище

Левую сторону дома подмял,
Ударом чудовищного хвоста
Восточную сторону развалил¹⁶⁴,

т.е. левый здесь не восточный — значит, западный; а восток расценивается как правое направление.

Если попытаться подвести итог разбору формальных признаков соправительства, то можно его выразить следующим понятийным рядом:

старший соправитель — восточный (реже северный),
черный (реже синий);
младший соправитель — западный (реже южный), белый¹⁶⁵.

Для полного административного оформления крыльев недостает симметричности владения. Есть в олонхо и она. Два брата в «Тёбёт Мэник» «разделились на два дома, разбогатев, живут прекрасно до сих пор»¹⁶⁶. Здесь нет указания на равное распределение достояния, но угадывается фактическое равноправие его совладельцев. В «Кюхюль-бэгё», напротив, статус несопоставим, но симметрия полная. А именно: вор угоняет на запад половину скота героя¹⁶⁷. Вор не брат богатырю, но нам-то уже известно, что запад — обиталище младшего соправителя, и как раз ему подобает владеть половиной наследственных земель, имущества и скота. Разумеется, невозможно из этих полунамеков вывести факт наличия крыльевой структуры в эпическом якутском обществе. Просто они понадобятся для окончательной систематизации института соправительства по материалам олонхо. Приступим к ней.

---

¹⁵⁹ «Из отверстия кровавого неба спустили к нему черный скот, с белого неба спустился к нему белый скот» (Маак Р. Указ. соч. С. 127).

¹⁶⁰ Нюргун Боотур Стремительный. С. 71.

¹⁶¹ Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. С. 16.

¹⁶² В «Ёльбёт Бэргэне» наоборот: *тойон* живет на «ослепительно белом поле», а сватающийся к его дочери «князь западной стороны» разъезжает на черной нарте (см.: Ястремский С.В. Указ. соч. С. 100, 104).

¹⁶³ Верхоянский сборник. С. 174, 177, 179.

¹⁶⁴ Нюргун Боотур Стремительный. С. 40.

¹⁶⁵ Так что белый цвет в олонхо, видимо, несет и функцию социальной маркировки, а не только ассоциации с чистотой и блеском (ср.: Нестерова Л.Д. Указ. соч. С. 18).

¹⁶⁶ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 151.

¹⁶⁷ Маак Р. Указ. соч. С. 123.

Я уже столь часто обращался к соответствующей информации из эпосов, что сейчас не стану снова ее пересказывать. Попробуем оформить нужные сведения в виде схем (см. схемы 1–7).

Схема 1 («Ёльбёт-бэргэн»¹⁶⁸)

<u>младший</u>		<u>старший</u>
<u>западный</u>		<u>восточный</u>
<u>белый</u>		<u>черный</u>

Схема 2 («Элик-боотур и Ньигыл-боотур»¹⁶⁹)

<u>младший</u>		<u>старший</u>
<u>белый</u>		<u>черный</u>
<u>воин</u>		<u>отчигин</u>
<u>конь о 9 звездах</u>		<u>конь о 7 звездах</u>

Схема 3 («Нюргун-боотур Стремительный»¹⁷⁰)

<u>младший</u>		<u>старший</u>
<u>белый</u>		<u>черный</u>
<u>западный</u>		<u>восточный</u>

Схема 4 («Сюнг Джасын»¹⁷¹)

<u>младший</u>		<u>старший</u>
<u>белый</u>		<u>?</u>
<u>большая юрта</u>		<u>малая юрта</u>

Схема 5 («Тонг Саар-тойон»¹⁷²)

<u>младший</u>		<u>старший</u>
<u>западный</u>		<u>восточный</u>
<u>мудрец</u>		<u>воин</u>
<u>шалаш</u>		<u>родительский дом</u>

¹⁶⁸ См.: Ястремский С.В. Указ. соч. С. 100, 104.

¹⁶⁹ См.: Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо о родоначальниках племени. С. 162, 164, 168.

¹⁷⁰ См.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 71, 328.

¹⁷¹ См.: Ястремский С.В. Указ. соч. С. 79–81.

¹⁷² См.: Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. С. 113, 123, 124, 131.

Схема 6 («Сиджи Босхонг»¹⁷³)

<u>младший</u>	<u>старший</u>
<u>западный</u>	<u>восточный</u>
<u>правый</u>	<u>левый</u>

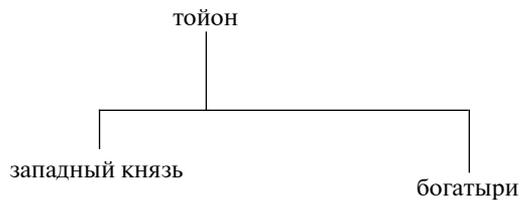
Схема 7 («Алаатыр Ата Туйгун»¹⁷⁴)

<u>сын</u>	<u>отец</u>
<u>белый</u>	<u>?</u>
<u>главный богатырь</u>	<u>хан</u>

Схема 8

<u>младший</u>	<u>старший</u>
<u>западный</u>	<u>восточный</u>
<u>белый</u>	<u>черный</u>
<u>воин или мудрец</u>	<u>тойон или воин</u>

Схема 9

---

¹⁷³ См.: Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 48, 49.

¹⁷⁴ См.: там же. С. 241. Белый цвет сына – это белый конь. У отца – «конь-жеребенок» без указания цвета.

Использованы лишь некоторые сюжеты — те, в которых сопоставление соправителей возможно по сходным параметрам. По большинству схематизированных вариантов, а также по отдельным ссылкам в тексте главы выстраивается обобщенная парадигма, зафиксированная в схеме 8. Основной предмет повествования, да и интереса рассказчика-*олонхосута* — это героические подвиги богатыря. Поэтому иногда младший соправитель превосходит своего старшего «коллегу» по ряду признаков. У него может быть юрта большего размера, чем у старшего брата (см. схему 4), конь с большим количестве звездочек (см. схему 2) и т.п.

Этот порядок настолько формален, что вполне был способен пережить родовой строй и по инерции существовать в пред- и раннегосударственных структурах. Напомню отношения в «Ёльбёт-бэргэн». К дочери Сабыя Бай-тойона сватаются различные богатыри, первым из коих в перечислении назван «западной стороны князь Тимир Няхялля» — тоже среди «чужеземных витязей». Следовательно, здесь западный князь младше рангом восточного *тойона*, поскольку поставлен в один ряд с остальными соискателями невесты; но он единственный из них, кто назван князем. К тому же он одет в железные доспехи. Все это в общем укладывается в нашу схему 8: запад — сфера управления военачальника. Иерархические связи между персонажами из данного фрагмента складываются по схеме 9. Это лишь один из вариантов расшифровки общей формулы по схеме 9. Но ситуация затуманена неясным отношением Тимир Няхялля к *тойону*.

В «Хан-Джаргытае» она прозрачнее. Богатырь Юрюнг Уолан вызволяет из ямы богатыря же Катыграс-Баррачи, за что тот поклялся ему в вечной преданности и уехал к себе на запад; позднее женился на сестре героя. Внук Юрюнг Уолана, сын Кенче-бэгё, Хан-Джаргыстай одолевает в поединке Ёксюкюллях-Бюкюстяя, который вымаливает пощадку на условиях верной службы победителю. В конце концов в улусе «стало три старых дома», т.е. Юрюнг Уолана, Кенче-бэгё, Катыграс-Баррачи, а четвертым стал дом, где жили вместе Хан-Джаргыстай и Ёксюкюллях-Бюкюстяй. «Всякий мог бы удивиться их дружбе. Если одного из них нет, то другой не ест; если один из них запоздается, то другой не спит»¹⁷⁵.

Данный улус оказывается поделенным на четыре части. Видимо, взаимосвязи в организации лидерства можно реконструировать так: а) Юрюнг Уолан — верховный правитель; б) он делит улус с Катыграс-Баррачи — западным соправителем; в) Хан-Джаргыстай, внук Юрюнг Уолана и его младший соправитель в восточной части улуса. В то же время это самостоятельный правитель, поскольку спасенный им витязь обязуется служить только ему и ведет все дальнейшие дела только с ним; г) Хан-Джаргыстай имеет соправителя-*отчигина* в лице Ёксюкюлляха, так как при отъездах поручает ему: «До моего приезда паси мой скот, распоряжайся людьми! Не обижай старика и старуху, старых людей!»¹⁷⁶. Этот фрагмент уже приводился выше для описания функций улусного правителя. Хан-Джаргыстай и являлся таковым, но в рамках большого владения Юрюнг Уолана; д) неясно положение Юрюнг Уоланова сына Кёнчэ-бэгё.

¹⁷⁵ Верхоянский сборник. С. 151, 152, 178, 179, 215–216.

¹⁷⁶ Там же. С. 217, 220.

Поскольку это прямой потомок Юрюнг Уолана — правителя востока, а на западе правит Кытыграс-Баррачи, то, вероятно, Кёнчэ-бёгё — *отчигин* при отце. Т.е. в целом так, как на схеме 10.

Схема 10

Необходимо пристальней разобраться, почему одни соправители оказываются полноценными владельцами территорий, а другие довольствуются обязанностями охраны очага. Пока представляется, что таково следствие «дефицита» соправительственных должностей в условиях жесткой двухчастной (двухполовинной) структуры. Другими словами, знатных сородичей-претендентов на соуправление набиралось гораздо больше, чем число вторичных уделов, которое им могла предложить традиционная система крыльевого разделения улуса. К тому же в данную систему могли вводиться и не родственники верховного правителя.

Но ведь в истории известно количество соправителей больше двух — и четыре¹⁷⁷, и восемь¹⁷⁸. Есть ли подобное в олонхо? Имеется лишь намек на множественность соправителей. В «Сюнг Джасын» у серебряной юрты младшего соправителя «восемь божеств коновязи были вбиты»¹⁷⁹. В данном сказании действительно фигурируют восемь богов—начертателей судеб героев¹⁸⁰. Но ведь к одной коновязи уже привязан конь хозяина юрты, значит, вроде бы одним божеством становится меньше. А затем и старший брат и соправитель, Агья, использует для своего скакуна другой столб¹⁸¹. Читателю, наверное, уже ясно, к чему я клоню. Восемь коновязей — символ восьми соправителей, из которых только два, Агья и Юрюнг Уолан, и задействованы в развитии событий эпоса «Сюнг Джасын».

В определенной мере материалы олонхо подтверждают концепцию происхождения системы крыльев из дуально-фратриальной организации. Я имею

¹⁷⁷ Например, Золотая Орда в конце XIII в. (см.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 195; *Трепавлов В.В.* Указ. соч. С. 93–129).

¹⁷⁸ Например, Тюркский каганат в конце VI в. (см.: *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 138).

¹⁷⁹ *Ястремский С.В.* Указ. соч. С. 79.

¹⁸⁰ См.: там же. С. 84.

¹⁸¹ Там же. С. 80.

в виду некоторые перипетии сватовства и женитьбы героев. Только что говорилось, что правитель запада Тимир Няхялля просил руку дочери восточного *тойона* в «Ёльбёт-бэргэне», а западный богатырь Катыграс-Баррачи женился на сестре Юрюнг Уолана в «Хан Джаргыстае». Похожие случаи имеются и в других сказаниях. Так, в «Аргысаккаане» богатырь с западного неба сватается к шаманке, укрывающейся от него на краю восточного неба¹⁸². То же в «Бэриэт Мэргэне»¹⁸³. Витязи олонхо всегда едут на поиски невест к востоку или к западу. В приведенных данных наблюдается явная поляризация: житель западной территории стремится к браку с жительницей восточной территории и наоборот.

Экзогамная первооснова таких взаимоотношений достаточно ясна и, видимо, не нуждается в дополнительной аргументации. Взаимобрачные связи между фратриями со временем сошли на нет, а сами фратрии преобразовались в улусы сопратителей. Недаром в указанных эпосах нет и тени какого-либо родства — пусть отдаленного, кузенного — между потенциальными молодоженами. Форма дуального разделения населения и территории сохранилась, поскольку ее сумели приспособить к новым общественным условиям, вождеству.

Однако для более полного понимания социальных контактов в эпическом улусе нам еще необходимо рассмотреть сам улус как населенную территорию, а также организацию управления им. Этим мы сейчас и займемся.

Характеристика улуса. Средний мир, обиталище саха, изображается в олонхо как природная среда, предназначенная для проживания и прокормления героя и его народа. Уже отмечалось, что стихии, влияющие на Средний мир, делятся на гуманные (восточные) и античеловеческие (западные). Но такая градация потусторонних сил касается в основном небесных, божественных и демонических сфер. Земная же природа нейтральна и в целом благожелательна к человеку. Сочетание в хозяйстве якутов скотоводческих и охотничьих, т.е. «степных» и «лесных» отраслей проявилось, в частности, в отсутствии опасения (эпического неприятия) или пренебрежения перед «чуждым» экономическим пространством — как у степных кочевников по отношению к тайге или к городской культуре, или как у таежных охотников по отношению к степным просторам. Любой ландшафт представлялся якуту приемлемым — либо для пастьбы стад, либо для добывания дичи, рыболовства и т.д.

В самом деле, когда герой, очнувшись в Среднем мире, видит «на запад от него, конца края не видно большое озеро; а на восток от себя глянувши: все темный лес»¹⁸⁴, трудно представить тот же лес как источник опасности. Ведь восточная сторона традиционно благожелательна к человеку.

Синтетический характер экономики эпического общества проступает в описании окрестностей жилища героя (в данном случае богатыря Сордохая). На восток от дома героя — лес со множеством дичи; на запад — обширный ивняк, т.е. заросшие берега водоема или реки; к северу — равнина с пастбищем 100×80 верст¹⁸⁵. Это, так сказать, исходные условия, база, на которой строится хозяйство героя. Но ведущее значение все же у пастбища, не зря оно подробно описывается ниже,

¹⁸² Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. С. 151.

¹⁸³ См.: там же. С. 171.

¹⁸⁴ Ястремский С. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁸⁵ Сордохай. С. 1.

тогда как лес только упоминается, а река и вовсе «представлена» лишь береговыми зарослями. И.В. Пухов совершенно прав в утверждении, будто «в якутском олонхо скотоводческая культура преобладает над охотничьей»¹⁸⁶, поскольку, добавлю, скотоводческий уклад хозяйства превалирует над охотничьим.

Естественно, что и богатство улуса оценивалось прежде всего с этой точки зрения. Несметное поголовье лошадей и коров — частый атрибут владения у положительного эпического персонажа, жителя Среднего мира¹⁸⁷. Но главное условие для разведения скота — это сытные пастбища. Они, конечно, включаются в перечень достоинств; когда Юрюнг Уолан возвратился из долгого путешествия домой, то с удовлетворением заметил, что «лес его и трава росли отлично, место его украсилось превосходно, коровы и кобылы его сильно расплодились»¹⁸⁸. Мирная жизнь на заполненных табунами пастбищах и в изобилующей дичью тайге представлялась идеальной для *олонхосутов* и слушателей сказаний. Яркая картина процветания дана в «Эр-Соготохе»: «Конный скот его бродил вольно и рогатый скот разбрелся без вести (настолько он был многочислен. — В.Т.). Много крылатых клали рядами цветные яйца. Суету, сутолку поднимало зверье, — нашли себе надежный уют и плодились»¹⁸⁹.

Итак, понятно, что домашний скот в улусе эпического богатыря, как и живность в окрестных борах, размножается и благоденствует. Что можно сказать о людях, населяющих улус: кто они и чем занимаются?

В большинстве олонхо герой является родоначальником, и его окружение — семейное, социальное и прочее — составляют ближайшие родственники. Это самый общий и первоначальный вывод, обычно делаемый из анализа якутских эпических текстов¹⁹⁰. Но моноклановость социума олонхо — не единственный вариант. Вот Аат Могойдоон, «повелитель верхних и нижних племен», нечисти-*абаасы*, восседает во главе сборища демонов, «поминутно» поносят их. Из потока его ругани выделю одну фразу:

Не раздражайте меня,
Старейшину своего!¹⁹¹

Вроде бы перед нами, как обычно, сонм сородичей, пусть они и сыновья разных отцов, а не только Аат Могой-доона¹⁹². Но нет! Угрожая одному из зави, он восклицает:

Выродился, видать,
Ваш (а не наш. — В.Т.) знаменитый род¹⁹³.

---

¹⁸⁶ Пухов И.В. «Гэсэр» и олонхо // Эпическое творчество народов Сибири. Улан-Удэ, 1973. С. 7.

¹⁸⁷ См., напр.: Стротивый Кулун Куллустуур. С. 446; Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 139.

¹⁸⁸ Верхоянский сборник. С. 176.

¹⁸⁹ Якутский фольклор. С. 43.

¹⁹⁰ См., напр.: Пухов И.В. Олонхо — древний эпос якутов. С. 413; Эргис Г.У. Указ. соч. С. 186, 187, 197, 198.

¹⁹¹ Нюргун Боотур Стремительный. С. 376.

¹⁹² См.: там же. С. 376, 377.

¹⁹³ Там же.

Т.е. присутствуют воины из разных кланов, а улус Аат Могой-доона не родовой, но «сборный» улус.

Как же чужаки оказались у него в подчинении? Думаю, так же, как и у других народов в эпоху разложения родового строя. В ходе войн и миграций рассеивались роды, перемешивались фратрии, дробились племена. Их осколки, отдельные семьи, одинокие воины скитались по охваченным сражениями степям, тянулись для защиты и службы к сильным вождям, о могуществе которых шла молва по стойбищам. В «Бэрт-Хара» такая ватага из трех человек объявилась перед Тыгынг-тойоном, мнившим себя царем якутов. «Ходим мы... оторвавшись от народа. На славу, известность твоего богатства пришли мы к тебе работать». «Царь»? Он согласился принять их у себя, но пришельцы отказались от всякого вознаграждения за службу. «Если так, — говорит Тыгынг-тойон, — значит, вы пришли ко мне быть сыновьями»¹⁹⁴. Воспитанный и ведущий жизнь по священному канону родового строя, он принимает новых воинов под кровительство и выступает по отношению к ним как отец-патриарх. Впрочем, и другие формы отношений между правителем и подданным были возможны, ведь Тыгынг сперва предлагал плату за службу. Обоюдное согласие было достигнуто на основе патриархальной связи.

Таким образом, в улусе оказываются родичи и чужаки. Правда, приход «инородцев» — довольно редкая ситуация. Чаще не родственные коллективы попадают в состав улуса в результате насильственного присоединения, завоевания. К тому же Тыгынг-тойону позже явились посланцы от «царя южной стороны»: «Даст он тебе добра больше этого, если ты поступишь, как он сказал, подчинишь ему свой народ вместе с собою». Тойон отказался, был убит, а народ его обложили ясаком, «ходя с провожатыми человек к человеку (т.е. по разным селениям)»¹⁹⁵. Это прямой захват, наиболее распространенный вариант подчинения в героическом эпосе. Причем интересна детализация последующей участи новых подданных — изложена техника объясачивания.

На ту же ситуацию, но уже глазами нападающей стороны можно взглянуть с помощью Уот Усутаакы, изрекающего перед свадьбой:

Чтоб в изобилии пищи добыть,
Чтоб много дичи набить,
Чтобы свежего мяса запас
Для пира свадебного притащить,
Принужден я сперва истребить
Тридцать шесть коварных племен...
Ближних соседей моих
Я заставлю вопить и рыдать,
Дальних соседей моих
Я заставлю выть и стонать,
Я выкурю их из улусов родных,
Не выходявших на мой призыв,
Не делившихся со мной подобру
Ни скотом, ни другим добром...¹⁹⁶

¹⁹⁴ Верхоянский сборник. С. 50.

¹⁹⁵ Там же. С. 52.

¹⁹⁶ Нюргун Боотур Стремительный. С. 168, 170.

Судьба непокорных соседних владельцев уже известна — или смерть, как Тыгынг-тойою, или плен, как сорока четверем богатырям в темнице у Уот Усу-таакы¹⁹⁷, или участь рабов-прислужников¹⁹⁸.

Но все это разговор о лидерах покоренных родов. А сами роды? О них тоже можем узнать из разных олонхо. Например, «Могучий Дьагарыма», где повествуется, в частности, о правлении «старца недоступного, главы-хозяина верхних духов злющих — Седого Улуу Суорун Тойона»:

Владеет он страну необъятной...
Три верхних рода этот грозный старец
Ясаком и налогами измучил.
А в Среднем мире этот грозный старец
Родов двенадцать обирал без счета.
А в Нижнем мире шесть родов достойных
Устали от его поборов вечных...
Такими племенами он владеет...
У старца есть... там наслеги —
Стоянки юрт, известные ему лишь...,
Есть парни (здесь — сыновья. — *В.Т.*) ненасытные у старца...
Визгливые девы (дочери. — *В.Т.*) есть у старца...
Зятья-верзила ходят, не стесняясь...
Ворчливые невестки есть у старца...¹⁹⁹

Перед нами уже разветвленный улус с иерархией не правителей, а целых родов (различия здесь мифологические — по принадлежности к разным «мирам»). Но обратим внимание: вокруг *тойона* только близкая родня, и над множеством разноклановых подданных стоит клан *тойона*. А ведь это не что иное как конический клан, т.е. оформившийся по нисходящей линии потомков от одного реального (не тотемного или легендарного) предка. И не что иное как зародыш кочевой империи, которая обычно расценивалась как достояние правящего рода.

Мы подошли к проблеме организации управления в эпическом якутском улусе. Но прежде остановимся еще на одном виде межродовых отношений. Если сведения из олонхо о Дьагарыме дают картину оформившейся структуры-вождества, то в «Нюргун-боотуре» фиксируется, пожалуй, один из наиболее ранних типов догосударственных образований. Дело в том, что еще до рождения Нюргуна главы «трех великих родов» Среднего мира «сговорились брань прекратить» и поклялись совместно оборонять свои территории²⁰⁰. Правда, при появлении врагов старейшины все же не осмелились выступить против них даже сообща и призвали на помощь богов. Но важно другое. Мирный оборонительный союз родов явил действительное начало долгого пути разложения патриархального авторитета старейшин-аксакалов и выхода на первый план военных магистратов — процесса, который в тюркских и монгольских степях к югу от Якутии привел к образованию могучих каганатов.

¹⁹⁷ См.: там же. С. 232.

¹⁹⁸ См.: там же. С. 224.

¹⁹⁹ Могучий Дьагарыма. С. 19–20.

²⁰⁰ Нюргун Боотур Стремительный. С. 17.

Управление улусом. «В олонхо нет понятий государства, державы, иной власти, кроме родоплеменного обычая и долга... Все это — явления, характерные для родового строя»²⁰¹. В общем-то, так и есть. Однако недостаточно ограничиться простой констатацией: поскольку-де родоплеменные отношения, постольку и примитивное управление. Несмотря на относительную простоту эпических административных институтов, они все же были выстроены в определенную систему и заслуживают изучения.

Герой в одиночестве. Ситуация, при которой персонаж олонхо в одиночку управляет со своим хозяйством, встречается весьма редко. Это самый примитивный вид организации улуса. И Сордохай, и Хан-Джаргыстай, и Эр-Соготох владеют «бесчисленными табунами скота», десятками конских табунов и коровьих *хотонов*, пасут их и осматривают ежедневно, без чьей-либо помощи²⁰². Ербэхтэй объясняет встречным, что разыскивать пропавшую у его отца скотину некому, кроме него²⁰³. Такой порядок необычен для скотоводческого хозяйства. В конце концов, хотя бы семья могла помочь! Но хозяйственное одиночество героя постоянно сопровождается оговоркой: жил он, дескать без прислуги, вел все дела без помощников. Т.е. помощники все же предполагались. Какие именно — ясно из фрагмента олонхо «Эр-Соготох»: новорожденный богатырь «глянул на красный угол — домочадцев нет, глянул на левую сторону — работников нет, на правую сторону глянул — служителей нет»²⁰⁴.

Теперь ясно, кого можно расценивать в качестве членов улусного социума родственников и слуг героя. Но поскольку перед нами поставлена задача анализа управления, возьмем критерий иерархической подчиненности. А ему соответствуют не родственные связи, а система «патрон — клиент», «хозяин — слуга» и т.п.

Герой + слуги, рабы. Во многих сказаниях в хозяйстве богатыря имеются рабы. Обычно это безликая масса без указания конкретных функций. Но все же выделяются два ярких фольклорных образа — раба-табунщика Сорух Боллура и комичной старухи-скотницы Симэхсин. Как явствует из их «должностей», эти лица ухаживают за скотом, а Симэхсин еще помогает супруге вождя по дому.

Впрочем, понятия «раб» и «рабыня» верны лишь с поправкой на относительную неразвитость эпической общественной структуры. Табунщик, скотница и прочие, несомненно, отвечают этому определению в силу своих обязанностей (самая черная работа) и, пожалуй, социального ранга, но не личного статуса. Мыслимо ли при классическом рабовладении (древневосточном и античном), чтобы перед сообщением хозяину о похищении врагом его сестры рабыня в досаде ударила его лопатой по голове, да еще пеняла на долгое отсутствие: «Где ты шатался?!»²⁰⁵. Чтобы толпа табунщиков в страхе перед налетчиком бежала к *тойону*, и тот сам был вынужден идти на выручку своим лошадям?²⁰⁶ Ясно, что рабовладельческий уклад пребывал в эмбриональном

²⁰¹ Эргис Г.У. Указ. соч. С. 197, 198.

²⁰² См.: Верхоянский сборник. С. 143; Сордохай. С. 1; Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 172.

²⁰³ Овчинников М.П. Из материалов по этнографии якутов. I. Легенды, сказки, предания // Этнографическое обозрение. 1897. Т. 34. № 3. С. 162.

²⁰⁴ Якутский фольклор. С. 43.

²⁰⁵ Маак Р. Указ. соч. С. 125.

²⁰⁶ Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. С. 197.

состоянии, и невольники не играли роли ведущей рабочей силы. Иначе зачем богатырю Кюхуль-бюхо убивать побежденного им противника, пообещавшего было на него работать, «сено косить, дрова рубить» и прочее²⁰⁷?

Выше приводился материал о рабе-*отчигине*, которому дева Кылыннах-кыс препоручила улус, пока искала пропавшего коня (что более подобало бы как раз рабу). И при соблюдении ее наказов обещала завещать ему все свое богатство, а позднее стала его женой²⁰⁸. Статус, обязанности, образы, источники поступления рабов подробно разобраны И.В. Пуховым²⁰⁹. Однако понятно, что раб — не административная инстанция. Посмотрим на других обитателей улуса.

В более многолюдных владениях имеется категория служителей иного рода. В одних сказаниях это дети *тойона*, в других просто «прислужники». Но уже, вероятно, не рабы. Так, четверо их прислуживало на пиру-*ысыахе* Тысын-тойону²¹⁰. Девять парней подносили мясо, девять девушек разливали кумыс на приеме гостя у Харахан-тойона. Кроме того, придворный штат последнего включал двенадцать молодых привратников и «трех почетных мужей», один из которых принял повод коня у приезжего, а двое поддерживали стремена, пока тот спешивался. Тут же стоит еще один «функционер» — «дверной отворялка»²¹¹.

Все это лица, обслуживающие ставку *тойона*, но, в отличие от рабов, они уже не обеспечивают ее экономическое существование, а в определенном смысле ассистируют *тойону* в отправлении им его властных полномочий. Улусный лидер этого типа, стало быть, содержит при себе рабов и слуг. Как Харахан-тойон из «Сюнг-Джасына» имеет девяносто служителей, восемьдесят служанок да старуху-коровницу²¹², и как Кыыс-Туйгун, в хозяйстве которого трудится «работник-парень Хардагастай, проворный да смысленный», принимающий заодно коня у гостя, и еще «девять юношей — красивых, неженатых», привратников и столбников²¹³.

Значит ли это, что улус населен только домочадцами героя да его рабами со слугами? Бывает и так, но могучий воин или *тойон* в ряде олонхо все же управляет многолюдной территорией, и основную массу населения составляют свободные скотоводы, принадлежащие к разным родам. Из истории известно, что это естественное следствие миграций, смещения и дробления кланов в «героическую эпоху». *Олонхосуты* выдвинули другую версию. В самом деле, как объяснить наличие в улусе героя не родственных ему подданных? Очень логично: это-де потомство тех же слуг-«инородцев».

От слуг их (богатыря Кулун Куллуштуура и его жены. — В.Т.) дети рождались,
От прислужников дети рождались,
Так много их стало,
Что люди перестали
Узнавать людей,

²⁰⁷ Маак Р. Указ. соч. С. 124.

²⁰⁸ Приклонский В.Л. Указ. соч. С. 178, 179.

²⁰⁹ См.: Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. С. 175–217.

²¹⁰ Приклонский В.Л. Указ, соч. С. 49.

²¹¹ Юрюнг Уолан. С. 52.

²¹² Ястремский С.В. Указ, соч. С. 83.

²¹³ Могучий Дьагарыма. С. 147, 231.

Скот перестал
Признавать друг друга²¹⁴.

Но уж если люди друг друга не узнают, то, видимо, это уже не слуги вождя, которые день-деньской толпятся в ставке и, надо полагать, все же способны распознать «сотрудников» в лицо. Таким образом, это широкий общественный слой, называемый в олонхо народом – простонародье, подданные. Во всех героических эпосах он представляет собой пассивную силу, способную лишь подчиняться герою, считать его своим начальником²¹⁵.

Можно ли выделить из этой среды какие-то категории? Пожалуй, две взаимопроникающие. Одна – упомянутые скотоводы; их задача – пасти лошадей и коров. Но кроме того, они ополченцы и берутся за оружие, если улусу грозит опасность. А поскольку эпоха сложения героического фольклора у всех народов – это время постоянных войн, то военная деятельность становилась у части населения тоже постоянной, а значит профессиональной.

Герой + дружина. Почти нет сюжетов, где вождь явно, по-хански возвышается над своим воинством. Уже приводился пример из «Тамааллайы-бэргэна», когда из-за трусости пастухов он должен сам смотреть за своим табуном.

Тем менее заметна разница на поле брани. Собственно, военные подвиги составляют ядро любого героико-эпического произведения. Но вот отношения между лидером и рядовыми воинами однозначны: со стороны первого безраздельное командование, сопровождаемое бесцеремонными попреками (вспомним ругань Аат Могой-доона в адрес своих бойцов), со стороны вторых – беспрекословное подчинение (омраченное иногда личной трусостью)²¹⁶. Дружина могла состоять из родственников или воинов разных кланов – это зависело от степени общественного развития улуса. Нас теперь более занимает градация дружинников, их ранговые различия.

Поскольку витязь олонхо обычно воюет в одиночестве, то эти явления приходится отыскивать по очень немногочисленным намекам. Например, когда шаманка Кыыс Нуогай по небесному велению едет для замужества к богатырю Эрэбил-бэргэну, «рабами-приданым» ей верно служат восемьдесят восемь богатырей-*абаасы*, сопровождающими служат сорок четыре богатыря-*айыы*²¹⁷. Не станем буква льно воспринимать «рабство» *абаасы*, так как они названы богатырями. Просто они явно ниже рангом своих сорока четырех напарников *айыы*, у которых и более почетная функция – не услужения, а почетного эскорта. К тому же учитывая разобранную выше парадигму соотношения «вредоносный запад – благотворный восток», догадываемся, что отряд *абаасы* соответствует правому, западному, «младшему» крылу, тогда как отряд *айыы* – левому, восточному, «старшему»; это приблизительно соотносится с нашей схемой 9.

Есть упоминания и о вертикальном ранжировании, правда, относятся они к Верхнему миру. Среди однообразного сонма богатырей-небожителей выделяются трое «стражей белых небес», что

²¹⁴ Строптивый Кулун Кулустуур. С. 446.

²¹⁵ Буквально эту формулировку см.: Ксенофонов Г. В. Указ. соч. С. 498.

²¹⁶ Такой характер отношений в эпическом войске отмечен и И. В. Пуховым (Пухов И. В. Олонхо – древний эпос якутов. С. 413).

²¹⁷ Емельянов Н. В. Сюжеты якутских олонхо. С. 215–216.

Готовы на бой всегда (т.е. профессиональная дружина. — В.Т.),
Готовы любой удар отразить,
Заслоняли спинами солнце они²¹⁸.

Чтобы не повторять информацию, приведенную выше, напомним лишь, что подчиняются они не непосредственно главе айыы Юрюнг Айыы-тойону, а приказам своего начальника Дьылга-тойона. Однако, помимо этого, данной троице присущи персональные характеристики, позволяющие наметить дифференциацию функций в дружине. Буксаат-Хара наблюдал за небесами и держал в руках волшебные кольца, кои обеспечивали устойчивость трех миров. Ала-Дьаргыстай, «ловкий боец, коварный хитрец», отражает попытки посторонних проникнуть в Верхний мир, плюс к этому «он хранил нерушимый строй, установленный в начале времен», что можно понять как надзор за устойчивостью организованного демиургами мироздания. Наконец, Кюн-Эрбийэ, «гонiec небесных айыы», скороход²¹⁹.

Итак, под началом главного воеводы Дьылга-тойона служат собственно стражник, боец и гонец-разведчик. Впрочем, когда богам понадобилось разнять сцепившихся в поединке богатырей Среднего мира, они послали для этого всех троих²²⁰. А ведь последнее предприятие — не военный поход. Так что же, дружинники исполняли не только военные поручения своего начальника?

В том-то и дело, и ради этого мы завели разговор о дружине. Одну невоенную функцию мы уже знаем: гонец, порученец. Какие еще обязанности мог исполнять воин в мирное время? Ведь несмотря на обилие вооруженных конфликтов в пору «военной демократии», мирная жизнь все-таки занимала, надо полагать, больше времени. Ну, во-первых, охрана вождя, наказание непокорных подданных²²¹. Во-вторых, дозор на границах улуса, оповещение о замеченной опасности²²². В-третьих, обслуживание главной ставки: привратники, стремянные, конюшие и т.д. — всего девять «придворных постов»²²³. Окружая своего начальника на войне и в дни мира, дружинники, естественно, помогают ему осуществлять его власть. Главнейшая из прерогатив вождя — охрана земель и набеги на соседей — уже принадлежит воинам изначально. Можно сказать, что он передает, передоверяет эти свои полномочия главе дружины — тому, кого мы выше обозначили как военачальника-соправителя. Кроме того, среди *боотуров* Саха Саарын-тойона названы и табунщики²²⁴, т.е. личные стада улусного начальника тоже могли находиться под присмотром его воинов.

И теперь мы приблизились к выводу о формировании первичного аппарата управления, вырастающего из военного окружения вождя. Тем более если вспомнить действия людей «царя южной стороны» по объяснению земель

---

²¹⁸ Нюргун Боотур Стремительный. С. 56.

²¹⁹ Там же. С. 56, 57.

²²⁰ См.: там же. С. 122.

²²¹ См.: Строптивый Кулун Куллустуур. С. 342 (охранники отводят героя в темницу).

²²² См.: Верхоянский сборник. С. 201.

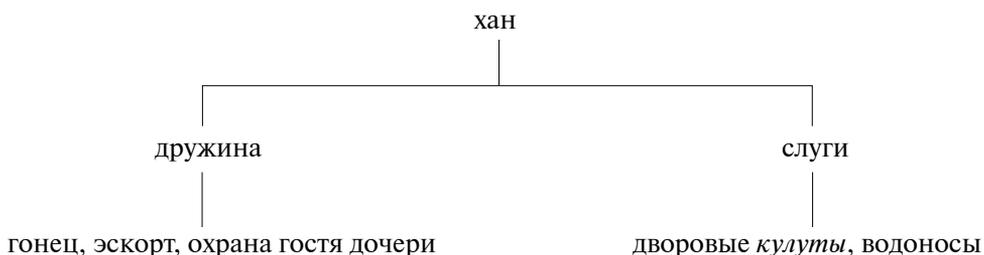
²²³ См.: Нюргун Боотур Стремительный. С. 250, 251, 289, 428 (примечание И.В. Пухова). Выше я писал, что это просто слуги. Но в данном случае имеются в виду сведения именно из «Нюргун Боотура», где все названные обязанности исполняются *боотурами*, т.е. богатырями.

²²⁴ См.: там же. С. 289.

Тыгынг-тойона²²⁵. Дружина, следовательно, являлась одним из источников формирования административных органов (магистратов).

Герой + магистраты. Прежде всего не должно создаваться впечатления, будто дружинники заменяли собой слуг или наоборот. Все же их обязанности были определены и разграничены. Вот верховный небесный *тойон* поднимается с трона, «поддерживаемый с трех сторон тремя служителями-айыы», выходит из дворца, «сопровождаемый девятью богатырями небес»²²⁶. Вот богатырь Сордохай едет к Карак-хану: путь указывает «врученный ханским посланцем золотой шарик; по пути из шарика выходят два воина в полном боевом облачении и помогают герою. На пиру у Карак-хана снуют слуги-*кулуты*, носит воду старуха-ведьма; имеются и некие «дворовые кулуты». Наконец, вход в опочивальню ханской дочери тоже охраняет «откормленный кулут»²²⁷. Явлено разделение обязанностей у окружения хана — военных и хозяйственных («гражданских») (см. схему 11).

Схема 11

Можно ли утверждать, что это прообраз разделения власти на военную и гражданскую? Тем более что первая уже осуществляется, как мы выяснили, главным военачальником. Полного и окончательного разделения в таком неразвитом обществе, как социум олонхо, конечно, нет. Но можно наметить кристаллизацию отдельных магистратов, не связанных с войной. Глава воинства *айыы* Дьылга-тойон является вдобавок одним из двух небесных судей, наряду с Чангыс Хааном, а этим судьям придан еще и писарь-палач, «чудовищный великан Длинный Дьурантай»²²⁸. Небесный писарь действует и в других сказаниях²²⁹.

Структура управления *айыы* раскрывает еще один важный момент — характер организации обширного улуса. Между всеми вышеперечисленными и по существу безвластными магистратами и верховным *тойоном* стоит еще один орган — коллегия знати. В одном случае Юрюнг Айыы-тойон решает важнейшие дела в совете с сорока четырьмя тойонами, в другом — с тремя высшими «чинами»: Дьылга-тойоном, Одун-Биисом и Чангыс Хааном. Если представить

²²⁵ См.: Верхоянский сборник. С. 52.

²²⁶ Нюрюн Боотур Стремительный. С. 389, 390.

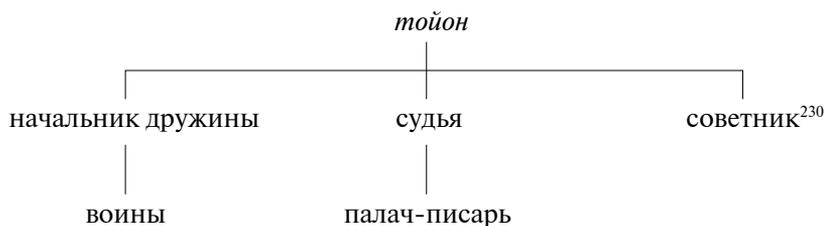
²²⁷ Сордохай. С. 1–6.

²²⁸ Нюрюн Боотур Стремительный. С. 12, 346.

²²⁹ См., напр.: *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. С. 192.

расклад функций в последнем варианте, то получ] следующая картина (см. схему 12). Конечно, она ближе к полноценной управленческой структуре по сравнению с обычным якутским скотоводческим улусом, где живет лишь герой с семьей да старухой-скотницей.

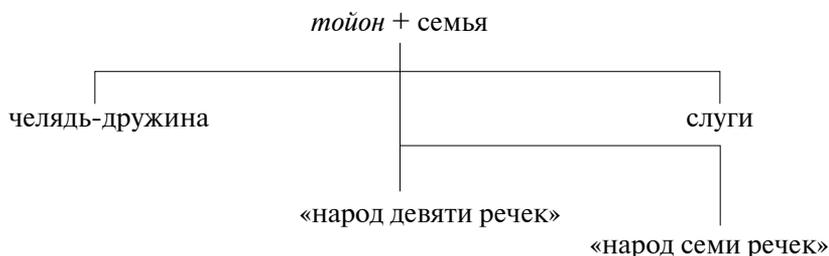
Схема 12

Развитой улус. Как же выглядит завершенная, развитая структура? Для начала обобщим полученные данные о составе улуса: там проживают его глава (богатырь, тойон, хан) с семьей, его воины слуги, рабы, а также свободные скотоводы — родичи лидера, члены других родов и завоеванное население. Но все это сведено искусственно, после анализа многих текстов. Есть ли олонхо с интегральным обликом улуса? Пожалуй, так можно расценивать описание владений Бай Харахан-тойона в «Ёльбёт-бэргэне». У тойона девять сыновей, девять дочерей, «на девяти речках большими улусами живет народ его, на семи речках расселились его добрые соседи..., а челядь его — храбрецы из храбрецов; так много, что всюду бродят»; есть и старая коровница-привратница, встречающая хозяйских гостей²³¹.

«Добрые соседи» — это какая-то категория подданных, ибо совершенно посторонние сообщества незачем было бы перечислять вперемежку с улусниками Бай Харахан-тойона. Челядь — это дружина, так как храбрость — качество маловажное для «штатского» персонала. Получается приблизительно так, как на схеме 13.

Схема 13

²³⁰ Одун Биис как верховный распорядитель судеб в принципе соответствует соправителю-«мудрецу».

²³¹ Ястремский С.В. Указ. соч. С. 100, 101.

Но это все же эскизная схема. Более подробные сведения есть в «Кулун Куллустууре», где излагается устройство улуса «владельца табунов с огромными кучами навоза» Юрюнг Айыы-тойона. 1) Во главе всей иерархии стоит сам тойон,

Чьи беспощадные решения
Неотменяемы,
Чьи жестокие повеления
Окончательны²³²,

и его младший сопровитель Уордаах Дьёсёгёй.

2) Ниже располагаются «сорок четыре тойона божественной свиты», всюду следующие за главой улуса, «как утята за уткой». На пиру они обходят гостей и распоряжаются течением празднества. С ними верховный *тойон* держит совет и принимает визитеров. Гостя в присутствии Юрюнг Айыы-тойона, прося справедливости, вызывает не к нему, а к этой свите²³³.

3) Богатыри Кёнчэ-бёгё, сын Кюн-тойона, и Ыйкытай-боотур, сын Ый-тойона. Им владыка приказывает усадить и угостить прибывшего Кулун Куллустуура, а позже посадить богатыря в темницу; выполняют они и посольские поручения²³⁴. Ыйкытай — «никакой он не силач», и для решающего поединка *тойон* решает выставить «сына скрежещущего Неба, Атыыр-Хардаса-богатыря», которому «нет равных на вершине нашего девятого неба». Окружающие поддержали и обрадовались такому решению, т.е. достоинства Атыыр Хардаса были общепризнанными²³⁵. Вероятно, его можно считать ведущим дружинником, но, очевидно, не номинально, а по физическим качествам, по мощи и удали. Кроме того, в тексте мелькнули еще два богатыря, которых *тойон* отправляет послами к небесному писарю²³⁶.

4) Остальные подданные составляют несколько категорий, что ясно просматривается из раскладки во время общеулусного пиршества:

...Составили особый круг — из знатных мужчин,
Особый круг — из знатных женщин,
Особый круг — из молодых людей,
Особый круг — из молодых девушек,
Особый круг — из парней-дровосеков,
Особый круг — из коровниц-старух,
Стали на двенадцати лужайках
Рассаживаться группами
Сообразно своему положению²³⁷.

Вновь сводим данные воедино (см. схему 14)

²³² Строптивный Кулун Куллустуур. С. 322.

²³³ См.: там же. С. 322, 323, 331, 332, 345–347.

²³⁴ См.: там же. С. 324–326, 335, 341–343.

²³⁵ См.: там же. С. 329.

²³⁶ См.: там же. С. 342.

²³⁷ Там же. С. 325–326.

Схема 14

В структуре, отраженной на схеме 14, я вижу наиболее разветвленный и завершенный облик эпического якутского улуса. Выделение знати из народа произошло, но она еще не оформилась в два корпоративных отряда — родовой и военный. В олонхо практически нет аристократической иерархии, если не считать семей некоторых улусных лидеров и соправительственных отношений. Это уже не родовой строй, но еще и не государственная система. Скорее всего мы имеем дело с вождеством-чифдом, содержащим сильнейшие пережитки предыдущей социальной стадии: совет старейшин переродился в совет знати, из родового коллектива выделился коллектив воинов-богатырей, стеной стоящих вокруг тойона, и т.д. В улус вливаются представители не родственных кланов. Характеристика общества олонхо как раннего (иногда говорят: «простого») вождества в целом соответствует оценке, данной этому обществу И.В. Пуховым, который отнес его к стадии разложения родового строя и перехода к классовым отношениям²³⁹.

Архаизм этой стадии, зафиксированный в якутских героических сказаниях, чрезвычайно ценен для историка. Хотя в повествованиях о богатырях, например, у тувинцев и хакасов, алтайцев и хоринских бурят отразились более развитые социальные системы, но зато эпос саха теснейшим образом связан с мифологией. Это позволяет подробно реконструировать механизм оправдания, легитимизации верховной власти, который позднее практиковался в кочевых империях тюркских и монгольских народов. Якутские героические сказания рассказывают о самом начальном этапе долгого пути от складывания потестарной власти родовых вождей к образованию государственной власти.

²³⁸ Если у Уордаах Дьёсёгёя есть свой улус, то он наверняка организован аналогично владениям Юрюнг Айбы-тойона. Уордаах Дьёсёгёй — покровитель лошадей, младший брат Юрюнг Айбы-тойона (поэтому олонхо). Он почти не участвует в событиях эпоса и подает голос лишь в сцене встречи совета тойонов с шаманкой, которую богатырь отказался взять в жены. Оба соправителя обращаются к сорока четырем тойонам с просьбой вынести окончательный приговор, по делу богатыря и шаманки (см: там же. С. 349, 350).

²³⁹ Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. С. 27.

Глава 3. Батыр во главе улуса (алтайские сказания)

Теперь обратимся к героическому эпосу, отразившему следующую стадию социального развития, — формирование над- и неродового управления, образование предгосударственной потестарной власти. Таким эпосом является свод богатырских сказаний Алтая. В фольклорных повествованиях алтай-кижи, шорцев и телеутов оказались запечатленными как реликты позднеродовых и большесемейных отношений, так и явления, характерные для сложного вожества. Таким образом, алтайский героический эпос, как и любой другой, есть феномен хронологически многослойный, т.е. он включил в себя авторство из различных эпох — от финальной первобытности до нового времени. Однако ряд обстоятельств позволяет использовать данный вид источника для исследования нашей темы.

Во-первых, известна архаичность алтайского героического эпоса (далее — АГЭ)²⁴⁰; другими словами, довольно ранний период его сложения, консерватизм сюжетного развития и, соответственно, консервация облика отношений, зафиксированных сказителями еще в раннеклассовом обществе. Поскольку наша задача — исследование механизма управления в кочевых владениях, то эта особенность как нельзя лучше отвечает ей. Устойчивость основной сюжетной канвы облегчает в определенной мере и решение вопроса о диахронных фрагментах и о проникновении заимствованных элементов системы управления: алтайская ранняя основа оставалась неизменной, а сопоставление материалов различных эпосов дает возможность отделить местные параметры управления от привнесенных.

Во-вторых, алтайские сказания подвергнуты хронологической стратификации в исследованиях С.С. Суразакова²⁴¹. Проведенный им превосходный анализ позволяет опереться на его результаты и в целом снимает данную проблему в отношении АГЭ.

Управление предполагает наличие по крайней мере двух сторон — субъекта и объекта, того, кто управляет, и того, кем управляют. По самой общей схеме, отвлеченной от администраторов-посредников, это правитель и подданный. Правитель (тот, кто управляет) — активный, доминирующий компонент системы. Поэтому начнем рассмотрение с кочевого правителя АГЭ — хана (чаще *каана*, реже *кана*).

Материальные причины появления власти, стоящей над народом, долго были скрыты от сознания людей. Они явились лишь позднейшим исследователям, а современниками были абсолютно не познаны. Объяснение генезиса ханского достоинства происходило в идеалистическом ключе, в виде стихийно оформлявшейся концепции харизмы. Для человека средневековья законность власти означала ее санкционированность божественными силами. Обратимся к представлениям АГЭ о связях хана с Небом.

---

²⁴⁰ См.: Ямаева Е.Е. Алтайский героический эпос (связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами). Автореф. канд. дисс. Л., 1986. С. 12.

²⁴¹ Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985.

Интересны в этой связи сюжеты, в которых простолудин или неимущий изгнанник удостаивается ханства. Высшая мироустроительная субстанция, персонифицированная в триедином божестве Уч Курбустане, выступает в качестве инициатора воцарения героя. В эпосе «Алтын-Мизе» старику Маралу Уч Курбустан из сострадания к его бедности направил чудесного коня со скотом, подданным народом и «главой народа» старцем Адучи. Последний обращается к Маралу: «...Ты над этим народом хан, над скотом хозяин. Хотя немного, но твой народ, хотя и немного, но это твой скот». Потрясенный бедняк сообщает жене: «Все это находящийся наверху Уч Курбустан дал»²⁴².

В сходной ситуации оказывается Кускун-Кара-Матыр, сын Когутэя. Перед ним является волшебный конь с письмом, где начертано следующее:

Ты, богатырь, на третьем небе
Тремя Курбустанами назван
Ездящим на бархатном вороном коне.
Твоя красная кровь
Никогда не прольется.
Ты никогда не умрешь.
Всех семьдесят мудрых хитрецов ты победишь.
Шестидесяти алтайских мудрых хитрецов ты сильнее...
Твои плечи никогда и никем не будут
К земле придавлены.
Ничья сабля тебя не коснется,
Спереди не рассечет.
Пусть слава твоего коня
За пределы Алтая перейдет,
Пусть слава героя
Всю землю покроет...
Твой отец — Черная гора со ста водопадами,
Твоя мать — Синее море со ста заливами²⁴³.

Что можно заключить из этих двух фрагментов? 1) Хан становится ханом после того, как у него появляются скот и подданные. 2) Богатство и статус хана исходят свыше. Герой «Когутэя» прямо не назван ханом, нумератив «шестьдесят—семьдесят» — это расхожее эпическое выражение сонма алтайских владетелей в других сказаниях²⁴⁴. 3) Источник харизмы, предоставив герою богатство, власть и силу, выступает и в качестве их гаранта. С одной стороны, это видно из пророчества счастливой судьбы Кускун-Кара-Матыра, т.е. счастливая судьба ему отныне обещана и обеспечена. Но, с другой стороны, в развитии событий эпоса «Алтын-Мизе» случается так, что на владение Марала нападает враг, и Уч-Курбустан вновь посылает чудо-жеребцов для помощи и поднятия благоденствия народа и увеличения стада²⁴⁵.

²⁴² Алтын-Мизе // Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев. Омск, 1915. С. 66.

²⁴³ Когутэй. М.; Л., 1935. С. 116–117.

²⁴⁴ См., напр.: Келер-Куш // Ойротские народные сказки. Новосибирск, 1940. С. 91; Кулакчин // Там же. С. 159.

²⁴⁵ Алтын-Мизе. С. 68, 69.

Таким образом, мы находим здесь развернутое объяснение древнетюркской формуле «*тенгри яратмыш каган*» — «Небом поставленный каган»²⁴⁶. Действительно, Небо, явленное в данном случае в лице Уч Курбустана, создает судьбу хана, ставит его над остальными людьми. Если у древних тюрков ссылки на небесную милость к земному избраннику носили скорее протокольный характер²⁴⁷, то персонажи АГЭ испытывают божественное вмешательство на себе. Подобным же образом трактовали вмешательство неба и средневековые монголы. В «Тайной истории монголов» придворный Хорчи рассказывает Чингисхану вещий сон: «Небо с Землей сговорились, нарекли Темучина (т.е. Чингисхана. — *В.Т.*) царем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство!». И сам Чингис уверен: «Я... возвысился в своей власти волею Неба и Земли, могуществом Вечного Неба»²⁴⁸.

В последней цитате присутствует еще одна сила — Мать-Земля. Тюрки VIII в., трансформировавшие эту субстанцию в понятие «священной родины» (*jer sub*), тоже признавали за ней участие в избрании *кагана*, насколько можно судить по эпиграфии Могилян: «...По воле тюркского Неба и тюркской священной Родины я стал ханом»²⁴⁹. Однако всюду Земля выступает гораздо менее активно по сравнению с Небом. Она причастна к избранию и поставлению *кагана*, но только Небо охраняет его улус. Такая скромная роль одной из крупнейших фигур пантеона древности не может не вызвать мысли о чрезмерной фрагментарности дошедших до нас источников. Вероятно, содействие Земли в судьбе хана проявлялось в чем-то еще. Намек на это «что-то» можно отыскать в АГЭ.

Жена убитого врагами Алтай-Бучая сообщает о гибели богатыря Матери-Земле. Узнав о смерти своего любимца, та плачет:

Бессмертным Алтай-Бучай был рожден,
Среди живущих богатырей
Непобедимым был он, —
Как умереть он мог? —

и посылает своего верного коня к волшебной лисице с просьбой о помощи. Лисица не раздумывает:

Если Мать-Земля просила,
Нельзя мне ее просьбы не выполнить²⁵⁰.

²⁴⁶ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 27; *Он же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959. С. 16. Другое выражение рунических надписей *id?ridd bolmnş* («на Небе рожденный», «на Небе ставший (живым)») понималось, вероятно, как рождение кагана не в физическом, а в социальном смысле: не рождение человека, а воцарение государя. Вот и Уч Курбустан торжественно объявил родителем Кускун-Кара-Матыра не себя, а гору и море.

²⁴⁷ См.: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 35, 38, 65; *Он же*. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 20, 23.

²⁴⁸ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 104, 107.

²⁴⁹ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 20.

²⁵⁰ Алтай-Бучай // Улагашев Н.А. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос. Новосибирск, 1941. С. 63–64.

Получается, что Небо заботится о силе, богатстве хана и безопасности его владений, а Земля — о его жизни и здоровье.

Разумеется, такое покровительство отделяло персону правителя от окружающих людей и возносило его в ранг богоподобных существ. В АГЭ даже встречается в целом нетипичное для кочевой государственности отождествление хана с божеством:

Над нами ставший богом каан (в тексте: *кудай болгон каан*. — В.Т.) есть,
Даже разговаривать с ним нельзя,
Жизнью моей распоряжающийся каан есть,
Нас он не хочет и слушать²⁵¹.

Но обычно обожествление «монарха» не осуществлялось столь буквально. Если он поставлен Небом (и Землей), то уже только поэтому является носителем благодати и обладателем неких сверхъестественных качеств. Так, все живое почтительно сопровождает едущих верхом братьев Белого и Серого Оленов. Младший брат обращается к Белому Олену: «Звери, птицы и народы этого солнечного мира за тобой почему следуют? Они следуют за тобой, потому что ты сотворен превыше других», т.е. ханом²⁵². Обладание особой благодатной силой (тюрк. *qut*, монг. *кьбь*) отличало поставленного Небом государя²⁵³. Хотя эта сила нигде в АГЭ прямо не названа, именно она заставляла животных и людей следовать за Оленом, давала властелину право (в глазах подданных) держать себя высокомерно и неприступно.

Приведенный выше отрывок из «Маадай-Кара» подводит нас к парадигме поведения правителя. Если в АГЭ, созданном на ранней стадии, он не гнушается сесть на коня, сразиться с противником, отправиться на охоту или за невестой в дальние кочевья, то полноценный сюзерен, что появляется в более развитом обществе, уже не может позволить себе таких плебейских поступков. Когда ханы Кюлер и Эрзамир выехали на охоту, это вызвало всеобщее недоумение. Ведь хан Кюлер

Дожив до средних лет,
Ни разу коня своего не седлал,
С белого трона не сходил²⁵⁴.
Первой пеняет супруга:
Хан на троне сидеть должен;
Ему охотиться не нужно...,
затем удивляются подданные²⁵⁵.

Причиной оставления родного стойбища, по мнению отца Эрзамира, может быть одно:

---

²⁵¹ Маадай-Кара. М., 1973. С. 340.

²⁵² Белый Олен и Серый Олен // Шорский фольклор. Новосибирск, 1948. С. 157.

²⁵³ Скрынникова Т.Д. Монгольские термины сакральности правителя // 5-й Международный конгресс монголоведов. Доклады советской делегации. Ч. 1. М., 1987. С. 122–132.

²⁵⁴ Хан-Кюлер, имеющий коня Кара-Кюрена // Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черневых татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965. С. 150.

²⁵⁵ Там же. С. 150–153.

Или тебе пищи не хватило,
Или не хватило тебе араки-сараки (водки. — *В. Т.*)?²⁵⁶
Свой гневный вопрос старик предваряет другим:
Ты ведь ханом являешься,
А почему бросил скот, людей и скитаешься?²⁵⁷

Получивший небесную благодать, обласканный демиургами помазанник — ему ли командовать пастухами, смотреть за скотом?! Оказывается, кроме прав на владение улусом, у «монарха»—номада имелись еще и обязанности. Совокупность его функций получила яркое отражение в АГЭ.

Одну из таких функций мы выводим из того же сказания об Эрзамыре:

Семьдесят лет, оказывается, Ак-Бёкё
Не осматривал своего скота.
И вот сел он на свою лошадь Ак-Боро...
Поехал посмотреть на свой скот, на свой народ²⁵⁸.

Это лишь один из очень многочисленных случаев упоминаний данных интересов государя — заботы о скоте и народе. Как будет показано ниже, хан отдавался ей все же не в одиночестве, а через посредство целого ряда своеобразных управленческих инстанций (магистратов). Однако традиционное восприятие его как верховного главы подвластного населения и распределителя (не обязательно владельца) стад объяснялось не только подходящим местом в социальной иерархии, но и критерием могущества и богатства кочевого суверена. Чем больше под его началом людей, коней и овец, тем, естественно, он могущественнее и зажиточнее. Как для вновь присоединенных подданных, так и — периодически — для коренного населения улуса проводилось им определение маршрутов кочевий, выбор новых пастбищ.

На богатые пастбища скот поставлю,
Там, где много сухостоя, народ расселю, —
говорит Маадай-Кара²⁵⁹.

Причем самоустранение хана от этих занятий грозит расстройством его дел. — Будя мужа после многодневного сна, Алтын-Тарга восклицает:

Без присмотра скот твой должен остаться, что ли?..
Народ твой куда захочет должен кочевать, что ли?²⁶⁰

Таким образом, выделяем два первых пункта «программы правления» хана: 1) руководство народом и скотом в процессе кочевания; 2) размещение подданных и стад на подвластной территории.

²⁵⁶ Эрзамыр // *Баскаков Н.А.* Указ. соч. С. 217.

²⁵⁷ Там же.

²⁵⁸ Там же. С. 212.

²⁵⁹ Маадай-Кара. С. 257.

²⁶⁰ Там же.

Положение сюзерена в обществе диктовало его приоритет и в тех делах, где требовались мудрость и справедливость. Магическая потусторонняя сила, обеспечивавшая власть, давала и возможность правосудия. Хан как судья (точнее как арбитр в спорах и конфликтах) действует не только в отношении к населению своего владения. что логично и понятно. Богатыри обращаются к посторонним для них правителям, дабы разрешить конфликт²⁶¹. Встречается ситуация, когда хан призывает к себе повздоривших из неподвластных ему земель — даже не для того, чтобы помирить их, а именно рассудить, наказать виновного²⁶². Причем молва о справедливости хана служит достаточным основанием для признания его приговора правильным.

Функции хана по устройению своих владений — это обязанности мирного времени, что уже подмечено С.С. Суразаковым²⁶³. Следует добавить, что правитель в АГЭ — фигура довольно пассивная в военном отношении. Воюют в основном его богатыри, дружинники. Хан-герой эпоса чаще стремится к мирной жизни, а воителем инициатором конфликтов выступает чужеземный правитель.

Из источников, связанных с историей хунну, древних тюрков и монголов XIII в. следует, что власть государя осуществлялась по трем направлениям: 1) охрана целостности и укрепление державы (эля, улуса); 2) охрана и забота о ее населении, народе; 3) ведение завоевательных войн, забота об армии²⁶⁴.

По ряду признаков хан АГЭ и реальные, исторические монархи солидарны в своих функциях, а по некоторым параметрам они разнятся. Так, алтайский эпический правитель возглавляет эль-улус, руководит его населением и войском, обустроивает подвластную территорию, выступает в качестве судьи — подобно хуннскому шаньюю, древнетюркскому и монгольскому *каганам*. Но у хана АГЭ не прослеживается обязанностей первосвященника. Хотя по логике разобранных выше сакральных связей, он вроде бы должен являться посредником между земным миром и сферой божественных сил, эпос не дает информации о «царе-жреце» на Алтае. Шаманы же в сказаниях появляются изредка и не играют существенной роли в отношениях между правителем и народом. Впрочем, хуннская и средневековые кочевые державы нуждались в идеологической консолидации полиэтнического населения, и в них священные узы монарха и Неба выделялись демонстративно, чего не было нужды делать в мелких владениях древних алтайцев.

Кроме того, империя номадов — структура агрессивная, находившееся в состоянии постоянной напряженности или войны с соседями. И военно-командная функция е правителя выглядела гораздо более выпукло по сравнению с персонажами АГЭ, защищающих или отнимающих друг у друга овечьи отары, а не крепости, наполненные золотом. Однако принципиальное понимание роли и места правителя в государстве и мире было аналогичным как

---

²⁶¹ Казыр-Тоо // Ай-Толай. Народные героические поэмы и сказки Горной Шории. Новосибирск 1948. С. 139.

²⁶² Алтын-Кан // Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1863. С. 562, 563.

²⁶³ Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. С. 171.

²⁶⁴ Подробнее см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М., 1993. С. 67, 68.

у многочисленных анонимных авторов АГЭ, так и у создателей степных царств, оставивших след в письменных источниках.

Наследование ханского достоинства подается в АГЭ довольно однозначно. Сын владельца заступает на место отца и наследует его имущество. Рождение сына расценивалось как появление наследника. — Воевать с духом Эрликом, укравшим двух сыновей-близнецов, у богатыря Ак-Боко

...сил не хватило.
Горе свое богатырь прогнать не мог,
Стойбище без наследников оставлять не хотелось²⁶⁵.
Другое сказание:
У нас, несчастных, ребенка не имеющих,
Белый скот, нами нажитый,
На старости лет в чужие руки попадет²⁶⁶.

Более того, появление на свет мальчика в знатной семье означало перенесение на младенца не только имущественных, но и социальных прав, родительского статуса. — Как сообщили обрадованные приближенные Маадай-Кара,

Вместо каана родился каан,
Вместо богатыря родился богатырь²⁶⁷.

Признание за ребенком изначального статуса государя давало основание для его воцарения в малолетнем возрасте в случае смерти отца. Разумеется, предполагалось и временное регентство. Такая ситуация отражена в следующем фрагменте, где присутствуют и мальчишка-хан, и его потенциальный воспитатель. Ранее похищенный Алтын-Бизе въезжает во владения своего покойного отца Барала. «Управитель народа» Каралдай Мёко его узнал:

Пусть он и ребенок,
Повелитель наш едет..
Пусть он и мал,
Хан, — говорит, — наш едет.
Его встретить нужно..
Тут народ засуетился,
Для пиршества Алтын-Бизе
Забывая скот пожирнее²⁶⁸.

Эпический социум явно не видел в этом опасности и порой сам выступал инициатором «интронизации». Но в кочевом мире несовершеннолетний сын правителя не всегда получал доступ к трону. Здравый смысл придворной администрации и законы родового совладения—соуправления побуждали доверить судьбу ханства пусть не прямому потомку, а другому родственнику, но взрослому и способному для царствования. В 102 г. до н.э. именно вследствие малолетства сына умершего шаньюя на хуннский престол был возведен правый

²⁶⁵ Ак-Тойчи // Улагашев Н.У. Алтай-Бучай. С. 150.

²⁶⁶ Ак-Кан // Шорский фольклор. С. 161.

²⁶⁷ Маадай-Кара. С. 267.

²⁶⁸ Алтын-Бизе. Героическое сказание. Горно-Алтайск, 1961. С. 26.

сянь-ван (начальник правого крыла)²⁶⁹, хотя обычно родичи из боковых линий не допускались на место правителя.

Читатель, знакомый с историей кочевой государственности, вправе ожидать от автора обращения и к вопросу авункулатного наследования. Однако ничего похожего в известных мне материалах не встретилось. Незначительные эпизоды алтайского эпического свода, в которых повествуется о конфликтах дяди и племянника, не могут свидетельствовать о типичности этих отношений для героической эпохи Алтая. Вероятно, следует согласиться с мнением Е.Е. Ямаевой, изучившей этот аспект, об отрицании принципа авункулата в АГЭ²⁷⁰.

Семья с единственным ребенком, сыном, если и характерна для эпоса, то нетипична для исторического номадизма. Ну, во-первых, дочери. Рождение девочки-первенца отодвигало надежду на обретение наследника. Появление нескольких дочерей подряд при отсутствии мужского потомства расценивалось чуть ли не как проклятие для семьи. Надвигающаяся старость и опасности повседневной жизни заставляли думать о судьбе владения. В лучшем случае часть достояния хана могла угодить в руки зятя. Однако если дочь была не замужем, ситуация обострялась. — «Сыновей у меня нет, сил не стало, дочь моя управлять многочисленным народом не сможет и усмотреть за всем скотом не сумеет. Пусть же половину моего народа и половину моего скота возьмет себе подземный отец»²⁷¹. Заметим, что суждение о неспособности дочери править проистекает априорно, только из факта, что она женщина, без учета ее действительных достоинств. Отсюда ей и предназначена лишь половина скота и народа. Кстати, дочь, обидевшись на обвинение в несостоятельности, ушла из дома, своими подвигами опровергла его и получила полной наследство²⁷². Но очевидно, что женщина не воспринималась как полноценная кандидатура на замещение поста отца.

Во-вторых, наличие нескольких сыновей. Касательно вопросов наследования обычны такие направления сюжетов АГЭ: два брата — взаимопомощь и соуправление (об этом ниже будет особый разговор), три брата — конфликт. Пример последнего — развитие событий в одном их фольклорных произведений, исполнявшихся сказителем Н.У. Улагашевым. Два старших брата после смерти отца решают послать третьего, богатыря Кан-Толо, на погибель к свирепому Сангыс-хану. Богатырь подчинился, признав тем самым правомочность их приказа, уступая их старшинству²⁷³. Отношения между старшими и младшим «царевичами» рассмотрены С.С. Суразаковым на материале «Кан-Толо» и его варианте «Кан-Шилетей» и объяснен как выражение «протеста против узаконений узурпации наследства и власти старшими, хотя эти старшие не всегда отличаются лучшими качествами богатырей-воинов»²⁷⁴. Но имела ли место «узурпация наследства и власти»? Ведь в обоих сказаниях старшие сыновья ста-

---

²⁶⁹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 49; Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968. С. 53.

²⁷⁰ Ямаева Е.Е. Указ. соч. С. 15.

²⁷¹ Кара-Кан // Вербицкий А.И. Алтайские инородцы. М., 1893. С. 161.

²⁷² Там же. С. 162.

²⁷³ Кан-Толо // Улагашев Н.У. Алтай-Бучай. С. 292, 293.

²⁷⁴ Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. С. 66.

новятся *каанами* не в силу своих доблестей, а по причине первородства, и сам этот факт не вызывает протеста у богатыря. Интриги и губительные поручения встречаются с его стороны лишь беспрекословное подчинение. Позднейшее же «воцарение» героя происходит только после освобождения им родины от врагов, возвращения им братьев-ханов из плена и заслуженного «разжалования» их как не справившихся с ролью правителей.

Гораздо чаще братья в АГЭ не враждовали, а мирно сосуществовали. Споры о наследстве в общем не характерны для этого эпоса, отразившего установки столь традиционного общества, каким являлся средневековый номадизм. В тех случаях, когда сюжет не заносит в вопрос о преемственности статуса и достоинства, братья занимают определенные места в патриархальной иерархии данного социума. Одной из таких иерархических комбинаций было замещение ими обоими постов хана, совпадающих или различающихся по объему полномочий²⁷⁵.

Братья, выделенные отцом или унаследовавшие его владения, могут управлять сообща. Следующие данные свидетельствуют об этом: 1) проживание их в одном «белом дворце» или в стоящих рядом, одна подле другой, юртах-резиденциях²⁷⁶; 2) прямо указывается на общую принадлежность территории обоим братьям²⁷⁷; 3) единое подданство народа обоим братьям²⁷⁸. Сюзеренитет их проявлялся во взимании податей или же в совместном выступлении против неплательщика²⁷⁹. В зависимости от отношения сказителя к персонажу это выглядело как справедливое правление или как «сосание народной крови»²⁸⁰; 4) часто (но не всегда, о чем речь пойдет ниже) они уезжают воевать с соседями вдвоем, действуя в сражениях на равных²⁸¹.

Как правило, различия между братьями незначительны. Одинаковые по силе и ловкости, они разнятся в отношении чисто смысловом (старший брат женат, младший еще нет²⁸²); кони у старшего и у младшего — соответственно большой и малый²⁸³ или ритуальном (в жилище старшего золотая дверь, младшего — серебряная²⁸⁴). Иногда специально оговаривается идентичность богатырей, что отражает их равноправие. Они могут быть одноименными, одного роста, говорить хором одни и те же слова, жить в одинаковых золотых дворцах и восседать на одинаковых золотых тронах²⁸⁵. Указанная выше декоративная

²⁷⁵ Не касаюсь эпического дуализма — парного противопоставления, которое рассмотрено Е.Е. Ямаевой. Она же увидела в сюжетных отношениях между братьями отражение торжества майората над миноратом (*Ямаева Е.Е.* Указ. соч. С. 15).

²⁷⁶ Ак-Кан. С. 179, 181; Ак-Тойчи. С. 198; Алтын-Кан. С. 557; Алтын-Коо // *Улагашев Н.У.* Малчи-Мерген. Алтайский героический эпос. Ойрот-Тура, 1947. С. 49; Алтын-Тойчи и Алтын-Тана // Ай-Толай. С. 159.

²⁷⁷ Темир-Санаа // Ойротские народные сказки. С. 13, 14.

²⁷⁸ Там же; Ак-Тойчи. С. 198; Белый Олен и Серый Олен. С. 157.

²⁷⁹ Ай-Толай // Ай-Толай. С. 38; Кан-Капчыкай // Алтай баатырлар. Т. 8. Горно-Алтайск, 1974. С. 11–18.

²⁸⁰ Алтай-Бучай // *Суразаков С.С.* Героическое сказание о богатыре Алтай-Бучае. Горно-Алтайск, 1961. С. 84; Кан-Кес // Шорский фольклор. С. 35.

²⁸¹ Алтай-Бучай // *Улагашев Н.У.* Алтай-Бучай. С. 56, 58; Кан-Капчыкай. С. 28; Оленгир. Горно-Алтайск, 1970. С. 159; Темир-Санаа. С. 61.

²⁸² Алтын-Коо. С. 49.

²⁸³ Алтын-Тойчи и Алтын-Тана. С. 159.

²⁸⁴ Алтай-Бучай // *Суразаков С.С.* Героическое сказание. С. 106.

²⁸⁵ Темир-Санаа. С. 14; Юч Курбустан // *Анохин А.В.* Предания алтайцев о своих царях-богатырях // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 14. С. 720.

дифференциация в социальном смысле, конечно, не принципиальна, и упоминания соуправления равноправных ханов в одном улусе содержат варианты не только с двумя государями: «семь одинаковых Кюндук-ханов», семь ханов Дееков, шесть Черных богатырей, девять Чугунных богатырей²⁸⁶.

Отметим, что в кочевой государственности не наблюдалось наличия двух равноправных монархов в одном неразделенном владении. Если последнее не делилось между родичами, то один из наследников становился верховным правителем, а остальные довольствовались второстепенными ролями. Не может быть, чтобы АГЭ, двухтысячелетнюю историю номадов, не сохранил подобных ситуаций.

В описаниях войн, которые ведут братья-двойники, обычно не указывается, на чье попечение они оставляют ханство. Упоминания о судьбе улуса в отсутствие единственного хана связаны с управлением его супруги или сестры²⁸⁷. После смерти жены при отъезде хана «белый дворец пустым остается», хотя у хана есть и богатыри, и народ²⁸⁸. Не случайно говорю о богатырях, потому что Кан-Сулутай перед походами доверил свою землю богатырю Ерь-Адучаку²⁸⁹.

Но возвращаясь к разговору о совместном правлении братьев, рассмотрим решение проблемы, предлагаемое в сказании об Эрзамыре. Отправляясь на охоту, Эрзамыр объявил младшему брату, Катан-Мергену:

«Ты за меня ханом оставайся...»
Он посадил брата на престол.
А лошадь брата
Пустил на пастбище,
Где обычно паслась его лошадь.
Далее следует инструкция по управлению:
Смотри за скотом, управляй народом,
Как хан сиди на моем престоле,
Привязывай к столбу,
Принадлежащему Ак-Сары (конь Эрзамыра. — В.Т.)
Своего коня Кара-Калтара...²⁹⁰

Мы видим, что Катан-Мерген наделяется основными функциями хана — присмотр за скотом и народом²⁹¹ и церемониальным их подтверждением — правом временно занять престол и пользоваться дворцовой коновязью. Такая договоренность уже имеет реальные соответствия в истории.

Передача управления столицей (главной ставкой) и доменом кому-либо из младших родственников практиковалась в Монгольской империи XIII в. Чингисхан оставлял наместниками в Монголии во время своих военных кампаний дочь, Алахай-бэки, и младшего брата, Тэмугэ-отчигина²⁹². Его сын и преемник,

²⁸⁶ Алтын-Бизе. С. 19; Сай-Солонг // Улагашев Н.У. Малчи-Мерген. С. 195; Эрзамыр. С. 230–239.

²⁸⁷ Алтай-Бучай // Суразаков С.С. Героическое сказание. С. 80; Маадай-Кара. С. 333.

²⁸⁸ Ак-бий и его семья // Улагашев Н.У. Малчи-Мерген. С. 134.

²⁸⁹ Кан-Сулутай // Сибирские огни. 1940. № 4–5. С. 121, 127.

²⁹⁰ Эрзамыр. С. 213, 216.

²⁹¹ Алтай-Бучай эти полномочия перед отъездом передал жене и сестре.

²⁹² Козин С.А. Указ. соч. С. 187; Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 225; Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975. С. 46.

каан Угедэй, выступив в 1234 г. против Цзиней, препоручил родные степи Олдохару — сородичу из боковой линии, нечингисиду²⁹³. Хан Бату при отъезде из Дешт-и Кипчака в Монголию на коронацию Угедэя «поручил свое царство младшему своему брату Тукай-Тимуру»²⁹⁴. Двинувшись в поход на империю Южная Сунн, *каан* Мункэ оставил в стольном Каракоруме младшего же брата, Ариг-бугу, «препоручил ему улус и оставил у него своего сына»²⁹⁵.

Эти сведения источников сопоставимы с данными АГЭ, однако монгольские наместники домена все же обладали высшим монархическим статусом *каана*. Строго говоря, верховный хан в империи мог быть только один, а «просто» ханами считались главы трех больших западных улусов. Персонажи АГЭ в аналогичной ситуации приобретали ханское достоинство. Но кроме Еке Монгол улуса, возьмем еще один пример кочевой империи — Тюркский каганат VI–VIII вв. Наряду с главным *каганом* там существовало несколько степеней малых *каганов*²⁹⁶. Малый *каган* — это уже не эпический трафарет, при котором что ни герой, то *каан* или богатырь, а именно полноценный владетель с набором привычных атрибутов (скот и подвластный народ). Как раз ступенчатость *каганской* «номенклатуры» позволяет сближать общество АГЭ с древнетюркским миром. В последнем признавалось существование других *каганов* наряду со своим — тюркешского, кыргызского и табгачского.

Эпос предлагает приблизительно такой же взгляд:
Семьдесят каанов на земле —
Я взял верх над ними.
Шестьдесят каанов на Алтае —
Я старшим стал над ними²⁹⁷;

Кара-Кула-каан «семьдесят каанов в руке держит»²⁹⁸. Что это означает, расшифровывается ниже: собираясь воевать с Маадай-Кара, Кара-Кула-каан

Семьдесят туменов войска собрал,
Шестьдесят туменов богатырей собрал²⁹⁹.

То есть количество отрядов ополчения совпадает с числом покоренных *каанов*, и «держание в руках» выражается в использовании их воинских отрядов в интересах государя.

С.С. Суразаков обозначил братьев, властвующих совместно в одном неразделенном улусе как соправителей³⁰⁰. Я отношу этот термин к другой категории владетелей — к ханам-родственникам, самостоятельно правящим в раз-

²⁹³ Козин С.А. Указ. соч. С. 192.

²⁹⁴ Родословное древо тюрков. Сочинение Абулгази, хана хивинского. Казань, 1906. С. 150.

²⁹⁵ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. М., 1960. С. 145.

²⁹⁶ Буквально малый (*кичиг*) *каган* — только одно из нескольких наименований *каганских* степеней у древних тюрков (*бёгю-каган*, *джабгу-каган*, *уни-каган*, *уй-каган* и др.).

²⁹⁷ Маадай-Кара. С. 262–263.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Там же. С. 264.

³⁰⁰ Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. С. 208, 216.

ных (половинных) частях улуса³⁰¹. В АГЭ есть как раз такие отношения. Два брата, какими бы схожими они ни оказывались, имеют под началом различные контингенты подданных и суверенные территории. Поскольку эта деталь обычно не влияет на развитие событий сюжета, а один из братьев оказывается третьестепенным персонажем, то упоминания о ней единичны. Имеются основания предполагать наличие соправительства братьев-ханов, если сказителю случается обмолвиться о существовании каждого из них особого стойбища³⁰². Иногда братья живут далеко, почти не общаясь друг с другом. Лишь по чрезвычайным поводам сносятся они через послов³⁰³. При этом кочевья каждого из братьев воспринимаются в АГЭ как самостоятельное ханство. — У Олонбира топографически четко очерчены признаки его земли (река, бегущая вокруг его владений, гора Тесь-тайга с семьюдесятью отрогами), и на предложение брата-соправителя перекочевать к стойбищу того, он отказывается

(Разве высохшая река?..
Разве разрушилась гора?³⁰⁴).

И в эпических, и в реальных исторических ситуациях соправительство было возможно только между двумя лицами. Остальные родичи оказываются разверстанными между этой парой монархов³⁰⁵. Если же родственник каким-либо образом мог претендовать на самостоятельный удел, то от нежелательного претендента старались избавиться. Вероятно, этим в том числе объясняются интриги старших братьев против младшего (например, Кан-Толо, см. выше).

То, что в сознании рядового кочевника (а именно оно отражено в АГЭ) все высшие предрержащие власти воспринимались и изображались как ханы, вовсе не свидетельствует о действительной множественности ханов. Сначала поищем разъяснения в истории, затем вновь обратимся к эпосу.

В «Хабиб ас-сийар» Хондемира рассказывается, что Чингисхан, назначив Угедэя своим преемником и выделив другому сыну, Чагатаю, удел, вручил Чагатаю же «договор Кабул-хана с Каджули-бахадуром, скрепленный алой тамгой Тумене-хана»³⁰⁶. Суть договора заключалась в том, что прадед Чингисхана Кабул (Хабул) со своим братом-близнецом Каджули (Сэмсэчулэ) заключили соглашение, по которому «ханствование будет закреплено за Кабулом, а Каджули с его потомством станет эмиром и предводителем войск. По этому поводу под-

---

³⁰¹ По материалам письменных источников просматриваются следующие закономерности соправительства у средневековых кочевников: а) верховный хан и его соправитель принадлежат к одному правящему роду; б) правитель западной половины державы является номинально «младшим» и подчинен восточному хану; в) «младшие» соправители не наследуют главный престол царства; г) соправительство передается в роде первого соправителя в каждой из двух частей царства; д) чаще всего оно устанавливается в результате отцовских владений между двумя старшими сыновьями (*Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи. С. 95, 96, 134, 135).

³⁰² Кан-Мерген, имеющий старшую сестру Кан-Арго // Шорский фольклор. С. 117–119.

³⁰³ Айтюнюке // *Улагашев Н.У.* Малчи-Мерген. С. 94.

³⁰⁴ Мадай-Кара // Аносский сборник. С. 107–109.

³⁰⁵ *Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи XIII в. // *Archivum Eurasiae medii aevi.* Т. VII. Wiesbaden, 1991.

³⁰⁶ *Хондемир.* Тарих-и хабиб ас-сийар. Т. 4. Тегран, 1954. С. 47.

писали договор и заверили тамгой Тумене-хана», их отца (Тумбиной-сэчэна)³⁰⁷. Напрашивается параллель между этими полубогатырскими событиями и известитурой Чагатай и Угедэя. Угедэй наречен *кааном*, как Кабул, а Чагатай получает удел, видимо, аналогично с Каджули. Причем последний должен был стать «предводителем войск» не брата, а своих, так как Тумене предрекал, что потомки близнецов будут править каждый на своей земле³⁰⁸. Получается, что Чингис, вручив сыновьям договор—завещание предков, санкционировал разделение империи при подчинении ее западной части, как *каану*, так и наместнику—соправителю—«военачальнику».

Во время монгольского нашествия на Южную Русь сын Угедэя «Куюкь... возвратися вспять, уведев смерть канову. Кан же бысть не от роду Батыева, но (Батый. — *В.Т.*) пръвый бе и велики воевода его», *каана*³⁰⁹. Но Бату, племянник Угедэя, вовсе не состоял главнокомандующим при верховом правителе; формально он был одним из улусных ханов.

Владения старшего Чингисида, Джучи, были поделены между его старшими сыновьями, Орду и Бату. Каждый из них был «самостоятельным государем своего улуса»³¹⁰, но имеется известие, что «Бату сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиева, составлявшие более одного тумана живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду»³¹¹. Хотя Орду в равной степени мог быть признан наследником отца и улусным правителем, а не только командиром *тумена*.

Теперь смотрим, что предлагает АГЭ. После смерти своего отца, главного ханского богатыря, Эрке-Мендир рядом с хан-кюлеровой резиденцией

Тоже выстроил дворец.
Рядом с коновязью
Коновязь поставил³¹².

Удивился ли хан? Возмутился? Напротив: «Тихо и мирно зажили»³¹³. В тексте нет информации о ханском приглашении к Эрке-Мендиру поселиться рядом, все это подано как само собой разумеющийся акт. Заключаем, что появление второй, фактически ханской, юрты произошло по традиции, по не известному нам неписаному закону. Естественно, Эрке-Мендир не уподобился государю полностью. В дальнейшем он отправился воевать с врагами, и его отъезд не вызвал у окружающих удивления (вспомним сенсационный выезд хана на охоту). Довод: «Богатырем же он родился!»³¹⁴ (а не ханом). Так же *баатыром* Эрзамыра стал его младший брат, Катан-Мерген³¹⁵. При главе родового владения, Очыра, *баатыром* ее была младшая сестра, Очы-Бала, — отважная воительница и охот-

³⁰⁷ Там же. С. 14.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 9–10. М., 1965. С. 116.

³¹⁰ Рашид-ад-дин. Указ. соч. С. 66.

³¹¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 84–85.

³¹² Хан-Кюлер. С. 189.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же. С. 191.

³¹⁵ Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. С. 89.

ница, расправившаяся с вражеским войском³¹⁶. То есть из двух соуправляющих ханов один является и считается собственно ханом, другой – богатырем, военачальником. В эпосе последний – настоящий воин, в истории – чаще номинальный главнокомандующий³¹⁷.

Раздвоение единого владения может произойти из отделения одного из братьев после женитьбы³¹⁸. Но более разработана версия отделения сыновей отцом. Исторический пример этого мы видели в инвеституре Чагатая и Угедэя. Еще раньше подобным же образом Чингисхан выделил удел своему первенцу, Джучи, как своему фактическому соправителю³¹⁹.

В АГЭ отец и сын в качестве ханов действуют неоднократно. Есть краткие упоминания об их соправительстве («став ханами, сильнее всех начальников, они, богатея, жили»³²⁰), но они в общем малопонятны и не дают «простора» для обобщений. В целом ряде сказаний отец и сыновья, управляя родными кочевьями, владеют каждый собственным народом. Причем о существовании родителей героя читатель (слушатель) эпоса иногда узнает случайно, как в «Ак-Тойчи», где «счастливые старики» упоминаются только в финальной сцене воцарения двух их сыновей над их (сыновей) уделом³²¹. Но там, где в сюжете родители и дети связаны теснее, картина начинает проясняться.

Показательно развитие событий в «Алтай-Бучае». Отпрыски анонимного хана Аранай и Шаранай задумали захватить земли богатыря Алтай-Бучая и перед этим, «обгоняя друг друга, прибежали» к отцу со своим планом. Тот пытается их отговорить, но самонадеянные витязи отвечают ему грубостью и поступают по-своему³²². Несмотря на ханствование живого еще отца, они сами являются государями с соответствующими амбициями и властью

«Будет нашим теперь весь свет.
Будем отныне с братом мы
Всесильными и богатыми!..»
Народы им до земли поклонились.
Землю целуя, ханов упрашивали:
Плетью не бейте народа нашего,
Безвинных людей не губите!³²³

Но самовластие Араная и Шараная объясняется не столько отсутствием почтения к престарелому отцу, сколько тем, что у них (отца с одной стороны и обоих братьев с другой), оказывается имелись разные уделы. И Алтай-Бучай

---

³¹⁶ Очы-Бала // Алтайские героические сказания. М., 1983. С. 201, 202.

³¹⁷ Эпическое алтайское и древнетюркское общества сходны и в этом отношении: главным полководцем Бильге-кагана был его брат Кюль-тегин.

³¹⁸ Алтын-Коо. С. 49, 87, 90. В начале сказания «Алтын-Коо» рассказывается о двух братьях, живущих в одном дворце. Старший женат, младший – нет. В преддверии женитьбы последнего, в конце сказания, упоминается уже его «белый дворец» и собственный народ, собирающийся на свадебное пиршество.

³¹⁹ См.: *Тrepавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в. С. 77.

³²⁰ Кан-Мерген. С. 155.

³²¹ Ак-Тойчи. С. 197.

³²² Алтай-Бучай // *Суразаков С.С.* Героическое сказание. С. 87, 88, 128.

³²³ Алтай-Бучай // *Улагашев Н.У.* Алтай-Бучай. С. 55, 61.

после расправы с Аранаем и Шаранаем позволяет старику доживать свой век именно в своем личном стойбище³²⁴.

И все же участие старого хана в событиях «Алтай-Бучай» неполно иллюстрирует схему соправительства. Другое дело – эпосы об Ак-бие и Эрзамыре.

В долинах Алтая, длинных, как плеть,
У подножия черной горы
Имеющий темно-бурого коня
Караты-каан жил.
У подножия белой горы...
Имеющий светло-солового коня...
Ак-бий жил³²⁵.

Разница в титулах свидетельствует о различии в статусе, но наличие у Ак-бия своих богатейрей и народа³²⁶ указывает на его ранг, сопоставимый с ханским. А следующий эпизод говорит о его суверенитете по отношению к отцу, Караты-каану. Когда от того приезжает посол с указом ехать в ханскую ставку, Ак-бий удивляется:

Никогда меня прежде отец не звал!
Что с Караты-кааном случилось?³²⁷

Хану просто захотелось поохотиться вместе с сыном, но для нас важно то, что после выделения последнего он ни разу не вмешивался в его дела, превратив Ак-бия в фактически независимого правителя.

Именно такую интерпретацию эпических событий подтверждают сведения «Эрзамыра». Хан Ак-Бёкё, посчитав, что у него слишком много скота и подданных, выделяет своего сына Эрзамыра:

Ты теперь будешь ханом, – сказал он, –
Истоки этой реки – мои владения.
Я не хан (теперь), ты хан.
Ты должен жить у берегов большого моря,
На большой дороге...
Ты должен переселиться (туда)³²⁸.

Он делит стада и народ пополам и половину отдает Эрзамыру и его младшему брату Катан-Мергену.

Странное, на первый взгляд, утверждение Ак-Бёкё «я не хан теперь, ты хан» не следует понимать буквально. Отец все же остается ханом, так как в его распоряжении продолжают находиться владения, в которые он вернулся после выезда в сыновнее ханство и в которые через некоторое время забрел Эрзамыр, заблудившись на охоте³²⁹.

³²⁴ Там же. С. 72; Алтай-Бучай // Суразаков С.С. Героическое сказание. С. 151.

³²⁵ Ак-бий и его семья. С. 124.

³²⁶ Там же. С. 133.

³²⁷ Там же. С. 125.

³²⁸ Эрзамыр. С. 212.

³²⁹ Там же. С. 213, 217.

В АГЭ не отмечено каких-нибудь обязанностей сыновей соправителей по отношению к верховным ханам. Как Ак-бий, так и Эрзамир после выделения живут совершенно независимо, лишь номинально подчиняясь главному «монарху».

Оделение половиной народа и скота в качестве награды зятьев³³⁰ или в качестве подарка внука³³¹, или в качестве приманки врага³³² представляются чисто фольклорным «изобретением» (ср. «...и полцарства в придачу» русских сказок), далеким отголоском эпических ситуаций и не имеет аналогий в истории кочевых империй. Соправительство неродственников в АГЭ столь же нехарактерно, как и в действительности. Эрзамир, оставляя ханствовать над побежденными народами в одном случае сестру Черных богатырей, в другом — сестру Чугунных богатырей, повторяет:

«Когда-нибудь, если буду жив,
Навешу вас»,
«Когда-нибудь снова к вам заеду»³³³.

Т.е. предоставляет полную внутреннюю автономию ханам, оговорив при этом свой верховный сюзеренитет. Но ведь девушки — не соправители Эрзамира, они не равны победителю ни в военной мощи, ни в правах. Дружелюбное соседство и совместные военные действия двух ханов³³⁴ служат показателем все же не соправительственных, а союзнических отношений.

Тем не менее подчинение соседних улусов служило одним из факторов складывания иерархии ханов. Иногда починенным владетелям оставлялось право кочевать во главе своих прежних подданных, но уже в качестве присоединенных к ханству победителя. Именно такой подход демонстрируют только что упомянутые события в «Эрзамире». Богатырь Эрзамир, победив и убив шестерых Черных богатырей, ставит над их народом их же сестру. Народу он объявляет:

Теперь вашим ханом
Я оставляю Алтын-Топчы.
Считая, что хан — девушка,
Не вздумайте не слушаться ее...
Не вздумайте унижать ее...³³⁵

То же повторяется с младшей сестрой побежденных девяти Чугунных богатырей. Витязь дает населению их ханства аналогичный наказ, но делает важное добавление. — Если обещание навестить в будущем Алтын-Топчы выглядит

---

³³⁰ Когутэй. С. 104, 105.

³³¹ Оленгир. С. 171.

³³² Алтын-Тууди // Алтайский героический эпос. Новосибирск, 1950. С. 78, 79.

³³³ Эрзамир. С. 230, 239.

³³⁴ См.: Алтай-Бучай // Суразаков С.С. Героическое сказание. С. 175; Кёзюйке и Баян // Героические сказания. Горно-Алтайск, 1961. С. 100.

³³⁵ Эрзамир. С. 230.

просто как намерение проконтролировать исполнение своей воли, то теперь его права оговариваются прямо:

Какой бы хан ни пришел,
Если он спросит, чей это народ и скот,
Отвечайте, что скот принадлежит
Золотоподобному Ак-Сары (конь Эразмыра. – *В.Т.*),
Что народ принадлежит главе ханов на земле,
Сильнейшему из богатырей – Эразмыру³³⁶.

Так в одном ханстве оказывается несколько ханов. Пока происходит завоевание, их соподчиненность выглядит понятной и однозначной: ясно, что одолевший хан становится старшим по положению, а побежденный хан – младшим. Но проходит некоторое время, и слушателям эпоса, равно как и историкам, исследующим сходные хитросплетения по письменным источникам, приходится сталкиваться с наличием при верховном сюзерене нескольких подчиненных ханов, чье положение четко не оговаривается. Если когда-то в прошлом произошло завоевание их улусов, то эта неясность устраняема: раз сейчас подчинен, значит, в прошлом завоеван. Однако иерархия ханов сложнее. Обратимся к эпосу «Маадай-Кара».

Богатыри во главе с Когюдей-Мергеном приезжают свататься к дочери соседнего Ай-каана «в землю Ай-каана». Вдова Кара-Кула-каана, ранее разгромленного и убитого Когюдей-Мергеном, Абрам-Моос.Кара-Таади, интригует против гостей – выкапывает в ханской юрте волчью яму и накрывает ее кошмой.

На одном краю белой кошмы
Ай-каана посадила,
На другом краю
Кюн-каана посадила, оказывается³³⁷.

Действительно, «оказывается»! Что за Кюн-каан и что он делает при дворе? В тексте эпоса до этого не было сказано ни слова о нем. Читаем немного ниже богатыри

В белую юрту вошли,
С Ай-кааном поздоровались...
У очага сели.
Ай-каан с Кюн-кааном в передней части юрты
На (краю) белой кошмы сидели⁷³³⁸.

Какие выводы возможны? Ай-каан выше по положению Кюн-каана, так как: а) улус назван землей только Ай-каана; б) герои поздоровались только с ним, игнорируя Кюн-каана; в) дальше говорит и действует только Ай-каан, о реакции же его «коллеги» на последующие события ничего не говорится. Присутствие других персонажей еще больше запутывает ситуацию в «земле Ай-каана». С одной стороны, вырывшая яму Кара-Таади, видимо, «старше» обоих ханов.

³³⁶ Там же. С. 238.

³³⁷ Маадай-Кара. С. 396.

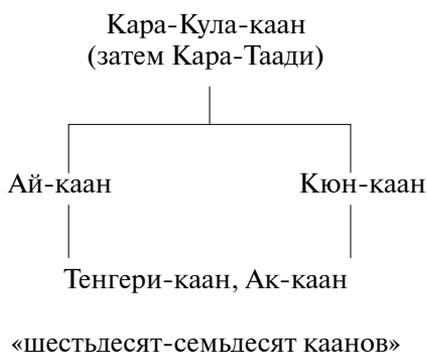
³³⁸ Там же. С. 405.

поскольку указала им, где садиться³³⁹. По сюжету появление ее в ставке может объясняться жадой мести убийце мужа, Когюдей-Мергену. Но ее распоряжения, думается, происходят из подчиненных отношений Ай-каана и Кюн-каана к ее покойному мужу.

В богатырском состязании, что устроил Ай-каан, участвовали не только трафаретные «семьдесят каанов на земле, шестьдесят каанов на Алтае», но и персонально перечисленные старшие сыновья неких Тенгери-каана, Ак-каана и того же Кюн-каана (и вдобавок отпрыск духа Эрлика)³⁴⁰. На потеху хозяину «царевичи» пытались расколоть скалу, в том числе и сын Кюн-каана. Но все же Кюн-каан должен был стоять выше в иерархии ханов по сравнению с Тенгери-кааном и Ак-кааном, так как занимает место подле Ай-каана.

Таким образом, вырисовывается следующая схема – своеобразная кочевая феодальная лестница (см. схему 1).

Схема 1

В концентрированном виде такая структура предстает в компактном пассаже из другого эпоса: «Два равных белых богатыря, два равных русских чулмуса и их ведающий Куренке-хан, имеющий коня темно-бурой масти, а над ними всеми владевает Чулмус-хан, у которого конь темно-саврасой масти... Над этими тремя ханами господствует Торлоо-Эмеген, «старуха-куропатка», у которой орбу (колотушка для бубна. — В.Т.) о девяти концах; она вещунья, все знает вокруг»³⁴¹. Здесь над всей пирамидой власти опять стоит колдунья. Хотя она и не связана супружеством с каким-либо вышестоящим ханом, как в «Маадай-Кара», но зато прямо указано на подчиненность ей многоступенчатой когорты правителей. Характерно, что души «равных белых богатырей», духов-чулмусов, Алмыс-хана и Куренке-хана, содержатся все вместе, а жизненная сила Чул-

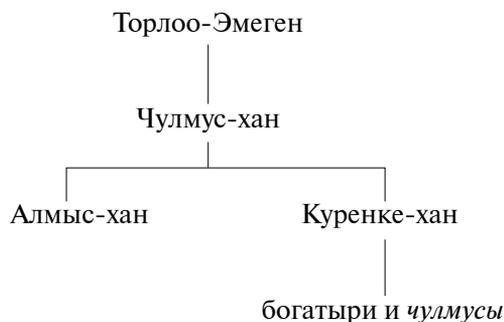
³³⁹ С.С. Суразаков утверждает, будто ханы уселись по краям ямы, «сами того не зная» (Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. С. 193). Действительно, ханы случайно чуть не свалились вниз. Но это говорит лишь об их непричастности к заговору, а факт остается фактом: колдунья по своей воле рассаживала ханов в юрте.

³⁴⁰ Маадай-Кара. С. 410.

³⁴¹ Хан-Мерген // Аносский сборник. С. 211–212.

мус-хана хранится отдельно от них³⁴². Это служит дополнительной иллюстрацией его иерархического старшинства (см. схему 2).

Схема 2

В пределах одного улуса происходят приключения богатыря Хан-Кюлера. Окружающие его подданные описаны так: у него есть три богатыря с общим именем Ак-Бёкё, над ними Хан-Мёскёчёк, над ним в свою очередь Сокор-Кара. Хан-Кюлер, уезжая на охоту, оставляет трон Сокор-Кара и на его недоумение по поводу легкомысленной поездки хана не хлещет его плетью, как прочих «младших» владетелей, а раздраженно бросает: «Меня не неволь, а иди над Хан-Мёскёчёком властвуй»³⁴³. Здесь мы имеем указание на подлинную иерархичность, почти феодальную, на наличие «вассала моего вассала» (см. схему 3). Статус Сокор-Кара может оцениваться еще более высоко не только если учесть его разговоры с ханом фактически на равных, но и при взгляде на судьбу его сына Эрке-Мендира, который после смерти отца поставил свою юрту рядом с ханской, о чем говорилось выше.

Схема 3

³⁴² Там же. С. 214, 217.

³⁴³ Хан-Кюлер. С. 150, 155.

Итак, мы убеждаемся, что иерархия эпических ханов была сложной и многоступенчатой и не укладывалась в простейшую конструкцию «хан — администрация — подданные». Повсеместно в алтайском эпосе у главного государя оказывается соправитель: Ай-каан при Кара-Кула-каане (затем при его вдове), Чулмус-хан при Торлоо-Эмеген, Сокор-Кара и так далее в других сказаниях. Младший соправитель, занимая второй по значимости пост в улусе после верховного хана, чаще всего тоже обладает ханским званием и исполняет определенную функцию. Он может быть или советником, участником совещания знати (Кюн-каан), или главой вассальных правителей «по должности» (Чулмус-хан), может возглавлять ополчение, являясь главным военачальником улуса (Куренке-хан, Сокор-Кара), может и замещать хана в его отсутствие (Сокор-Кара).

В АГЭ отразились закономерности исторического соправительства: принадлежность соправителей к одному роду; номинальное старшинство одного из ханов над другим; поскольку соправитель часто не поддерживает отношений со старшим государем, можно предполагать продолжение соответствующих «династий» в каждой из двух половин ханства³⁴⁴. Это если соправители — братья. Если они — отец и сын, то, вероятно, планировалось сохранение раздвоения улуса после смерти отца. В предвидении этого Чингисхан назначил соправителями Чагатая и Угедэя, а Ак-Бёкё отправил с Эрзамыром младшего сына, Катан-Мергена, не дав тому удела (что, кстати, находилось в полном соответствии с родовым порядком престолонаследия)³⁴⁵.

Может ли АГЭ помочь в решении вопроса о происхождении соправительства? Большинство версий, бытующих в историографии, не находит подтверждения в алтайских сказаниях. Не отражены в них фратрии и крылья; противоречия между династическим и родовым наследованием трона тоже не актуальны для их сюжетов. И лишь суждение П. Голдена о возникновении соправительства из необходимости управления большими завоеванными территориями³⁴⁶ косвенно подкрепляется текстом эпоса. Я имею в виду мотивировку отделения Эрзамыра в устах хана Ак-Бёкё, приведенную выше: слишком много скота и народа. Чтобы управление не утратило гибкости, и хан мог полноценно осуществлять свои функции, в большом владении действительно было целесообразно уступить часть его соправителю. А гарантией его лояльности могло быть только близкое родство с верховным каганом. Потому и садились на второй трон державы сын или брат ее главного государя.

Связями соправителей, старшего и младшего ханов, конечно, не исчерпывалось многообразие административных институтов в царствах номадов. Вообще смысл кочевой государственности заключался в организации удельной (улусной) системы. Разверстка улусов центральной властью превращала

---

³⁴⁴ Ср. примеч. 62.

³⁴⁵ В противном случае Эрзамыр и Катан-Мерген превратились бы в фактически независимых друг от друга соправителей, что было возможно только в обширном владении. Может быть, сходными обстоятельствами объясняется фраза в рунической надписи Кюль-тегина о периоде расцвета Тюркского каганата: «Младшие братья не знали своих старших братьев, сыновья не знали своих отцов» (*Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. С. 39), т.е. пастбища были настолько громадными, что даже близкие родичи могли кочевать, не общаясь друг с другом.

³⁴⁶ *Golden P. Khazar Studies. Vol. 1. Budapest 1980. P. 100, 101.*

хаотичную совокупность зачастую враждующих племен в стройную военно-иерархическую структуру.

Механизм образования улуса показан во фрагменте «Эрзамыра», где происходит наделение уделом главного героя. Перечитаем эту сцену (см. выше) и для полноты картины добавим, что когда «принцы» перекочевывали, хан Ак-Бёкё сопровождал их и «устроив сыновей, вернулся назад домой»³⁴⁷. Из всего данного отрывка заключаем, что юридический «сеньорат» хана вытекает из факта наделения, определения территории и «устройства» отцом сыновей в их улусе. Насчет территории указывается только топографический ориентир. В ходе церемонии инвеституры указывается титул, т.е. статус, держателя удела (хан, в тексте — *каан*), оговариваются районы кочевания «сеньора» («истоки той реки») и «вассала» («у берегов большого моря, на большой дороге»). Как ни смутны конкретные географические привязки обоих владений, все же ясно, что критерием улуса служит его пространственное положение.

Об этом нужно сказать особо, так как в истории были случаи дефиниции уделов не по территории, а по этническому или родовому составу их населения. Т.е. в управление давались народ, а не населенная им территория. Такой принцип был положен в основу разверстки уделов Чингисханом. Однако уже через два десятилетия после его смерти Бату определил юрт для своего брата Шибана по рекам и маршрутам кочевок³⁴⁸.

Это различие происходит, думается, из размеров ханства и степени этнической однородности (неоднородности) населения. Завоеванный народ отдается в управление наместнику, и подразумевается, что сюзеренитет последнего распространяется на землю, занятую этим народом. Если же подобные отношения складываются внутри одного этноса, и ареал обитания одного народа делится между удельными держателями, то вступают в силу географические уточнения. Причем в комплекс угодий улуса, по АГЭ, входят не только пастбища и водоемы — основные источники и показатели его достатка, но и лес, горы, т.е. действительно земля, а не ее народ³⁴⁹.

Мы не затронули вопроса об обязанностях «вассала», но это потому, что наиболее яркий пример выделения удела все же связан с установлением соправительства. Поэтому теперь рассмотрим некоторые аспекты управления ханством.

В основных своих чертах государственная структура номадов дублировала организацию ханского стойбища, и разница между ними состояла только в численности подданных и территориальных размерах. Динамику развития административных институтов можно проследить по «Тайной истории монголов». Темучин начал борьбу за всемонгольский трон как один из мелких степных князьков. Окружив себя преданным войском, он сумел образовать самостоятельное владение (сначала под протекторатом Тоорила Ван-хана керейтского). В 1180 г. соратники *нукеры* провозгласили своего вождя ханом с почетным титулом *Чингис*, и таким образом был конституирован его улус.

³⁴⁷ Эрзамыр. С. 212.

³⁴⁸ Родословное древо тюрков. С. 160.

³⁴⁹ Подтверждением тому служит конфликт из-за мест охоты между героем и заезжим богатырем в сказании «Казыр-Тоо» (Казыр-Тоо. С. 138).

Были назначены четверо «обязанных носить лук и стрелы» (*хорчи*), трое «кравчих» (*баурчи*), по одному «заведующему» отарами, кочевыми кибитками, прислугой (*чэрби*), четверо «мечников», двое «конюших» (*актачи*), трое смотрителей табунов и четверо разведчиков³⁵⁰. Через несколько лет, после разгрома керейтов, Чингисхан произвел комплектование своих отрядов в десятичные подразделения, увеличил число *чэрби* до шести и сформировал гвардейский корпус³⁵¹. Немногое изменилось и после каганской интронизации в 1206 г.: произошло окончательное утверждение десятичной системы и крыльев с конкретизацией и перестановками командования. Единственное крупное нововведение — пост верховного судьи (*гурдерийн дзаргучи*), каковым стал татарин Шиги-Хутаг, ведавший к тому же и задачей уделов *нойонам*³⁵².

Как видим, несмотря на четкую тенденцию к разветвлению и усложнению функций управленческого аппарата, сфера его приложения оставалась ограниченной рамками кочевого улуса. Перечисленные в источнике должности оказывались приемлемыми и достаточными для ханской ставки с ее повседневными заботами — обслуживанием правителя, его семьи и хозяйства, контролем за передвижением скота и зависимого населения, организацией набегов и охраной от вторжений соседей. Однако после 1206 г. интересы знати переключились с внутренних распрей на внешние завоевания. Территория, управлявшаяся из ононо-керуленской степи, должна была неизмеримо вырасти, да еще и включить районы обитания оседлых народов, культурно и этнически чуждых монголам. Ясно, что кочевая администрация, окружавшая Чингисхана в конце XII — начале XIII вв., оказалась бы неспособной регулировать внутриимперские отношения — во-первых, из-за различий в уровнях общественного развития населения будущей монгольской державы, во-вторых, из-за ее огромных размеров.

Но такие задачи и не стояли перед ханами, фигурирующими в АГЭ. Эпическая структура организации власти — по степени возрастания сложности — представляется следующим образом. —

1. Хан (*бай*) + надсмотрщик над скотом³⁵³. Интересно, что когда *баю* требуется вооруженная сила, он привлекает не особых воинов, которых у него нет, а своих трех сыновей³⁵⁴. Это наиболее примитивный порядок. Отсутствие воинов (непременного атрибута героического эпоса) свидетельствует о подчиненном положении улусов данной модели, т.е. о включении их в более крупные объединения, в которых роль ополченцев играли эти самые ханы и *баи* с их пастухами. Стало быть, перед нами улус беззащитный — значит, фактически лишенный самостоятельности.

2. Хан + богатыри³⁵⁵. Такая модель улуса отражает военно-иерархическую стадию управления. Из сонма соплеменников выделилась дружина, а из ее

³⁵⁰ Козин С.А. Указ. соч. С. 109, 110.

³⁵¹ Там же. С. 144.

³⁵² Там же. С. 158–168.

³⁵³ Ескюс-Уул // Героические сказания. С. 139.

³⁵⁴ Там же. С. 148–150.; Кан-Мерген. С. 91 (здесь, кроме рядовых пастухов, появляется и «ведавший скотом»); Малчи-Мерген // Героические сказания. С. 68.

³⁵⁵ Айтюнюке. С. 93, 94, 106, 107 (у хана есть богатырь, выполняющий поручения); Ак-Тойчи. С. 149, 153, 154 (у богатыря функция управления народом; во время боя с врагом он предводительствует ополчением, стоя позади войска); Алып-Манаш // Улагашев Н.У. Алтай-

среды — уже и главный богатырь. Причем его обязанности не призывают его автоматически в бой. Хан может сам отправиться на войну, передоверив ему управление, или ограничиться консультацией по военным вопросам, а сражаться предоставляет молодым воинам, т.е. тем же пастухам — сородичам и соплеменникам³⁵⁶. Таким образом, на этой, вероятно, одной из самых ранних, исходных ступеней развития улуса происходит выделение лиц с чисто военными обязанностями, уже не занятых скотоводством. АГЭ прекрасно иллюстрирует общеисторическую закономерность.

3. Хан + первичные военно-фискальные магистраты³⁵⁷. Наблюдается уже явная дифференциация обязанностей, зарождение собственно публичной власти. Поскольку начинает разграничиваться компетенция «гражданских» и военных функционеров, мы вправе делать вывод о наличии предгосударственного управления в улусе. Хан, остающийся полновластным главой его, вместе с тем передоверяет часть своих прерогатив магистратам. Стабилизация раннеклассового общества (по сравнению с военно-демократическим и военно-иерархическим) привела к выделению не только особых военных, но и особых фискальных институтов.

4. Хан + административный аппарат.

В соответствии с главными функциями хана, разобранными выше, в сказаниях действуют лица, осуществляющие эти функции на практике — глава народа и ведающий скотом. Один из них обычно является богатырем. Логично предположить, что *баатыр* возглавляет население, а не присматривает за отарами. Так и происходит в «Алтын-Бизе» и «Алтын-Мизе»³⁵⁸; скотом же ведают

Бучай. С. 92, 113 (для борьбы с врагом хан созывает «шестьдесят одинаковых силачей, семьдесят непобедимых богатырей»; кроме них, есть еще «темные лесу подобные войска мои», что означает ополчение пастухов, так как дух Дельбельген, «служаший» среди ханских пастухов, по призыву собраться войскам, становится в строй); Барчын-Бёкё // *Баскаков Н.А.* Указ. соч. С. 299, 300, 320 («глава народа» трех ханов-братьев остается управлять в их отсутствие, прислуживает им на пиру, участвует в совете); Кан-Сулутай. С. 118, 119, 121, 127 (богатырь охраняет скот и ставку хана, управляет улусом при отъезде патрона); Когутэй. С. 54, 55 (шесть зятьев охраняют ставку и держат совет с ханом — «за мудрые мысли держатся»; выполняют все его поручения); Шокшыл-Мерген // *Баскаков Н.А.* Указ. соч. С. 73 (у хана есть богатырь, но он используется ханом лишь для совещаний по важным вопросам; все поручения исполняют «семь равных силачей»).

³⁵⁶ Наличие простонародья в улусе особо не оговариваю. В эпосах описывающих улус данного типа, оно подразумевается само собой, хотя непосредственно упоминается только в «Алып-Манаше».

³⁵⁷ Аин Шаин Шикширге // Аносский сборник. Саере («девять благородных зайсанов» Тойбон-хана держат совет с ним; от лица хана и своего шлюта посла для сбора ополчения на войну с соседним владением; ведут войско в поход; рубят просеки для прохода армии; отчитываются о военной добыче перед ханом); Ай-Маныс // Ай-Толай. С. 127, 128 (действует *албанчи* — сборщик дани для хана); Алтын-Бизе. С. 40, 46 (у хана два богатыря для войны и охраны и три мудреца для совета; все они выполняют также посольские поручения); Алтын-Тууди. С. 12–14, 32, 49, 97 (у хана девять *зайсанов* и девяносто два стражника, которым отдается приказ «новые племена присоединить... новые стада прибавить»; «одноликые», т.е. равноправные *зайсаны* — моим народом управляющие»; поход возглавляет сам хан, а *зайсаны* и богатыри грабят народ и угоняют скот противника; на пиру справа от трона садится «сильнейший из стражников», слева — «старейший из зайсанов»); Токумаш // Алтайские сказки. Новосибирск, 1937. С. 28, 29 (*зайсан* действует через родового начальника *демичи*). *Зайсан* — термин, проникший в АГЭ в джунгарскую эпоху (XVII–XVIII вв.). Эпические *зайсаны* в ханских ставках приблизительно соответствуют древнетюркским *бююрукам*.

³⁵⁸ Алтын-Бизе. С. 16; Алтын-Мизе. С. 69.

старцы. Богатырь по должности старше главы пастухов, что вытекает из факта его, богатыря, регентства и пренебрежительного отношения к надсмотрщику за скотом. Тем не менее оба они исполняют еще одну обязанность кочевого государя:

Народ поселяют на местах с дровами,
Скот ставят на местах с пастбищами³⁵⁹.

Есть в АГЭ и богатырь, отвечающий за скотоводство, — при том что главой народа является *зайсан*³⁶⁰. Боевое звание и сам сюжет данного сказания могли бы свидетельствовать о том, что это звание было для витязя скорее синекурой. Однако в другом эпосе богатырь Кодыр-Уул,

Что стадами Караты-хана... управляет,
Бесчисленные табуны осматривать едет³⁶¹.
Кроме него, имеются «баи и зайсаны в золотых шубах»³⁶².

Повествование о Козын-Эркеше дает редкую возможность взглянуть на организацию развитого улуса. Дело в том, что герой, Козын-Эркеш, встречает Кодыр-Уула, когда тот едет инспектировать стада повелителя. У Кодыр-Уула имеется свое становище—*аил*. Это не просто юрта подле ханской ставки. Подыгрывая Козын-Эркешу, богатырь выдает его перед придворными за пастуха, который

...Моих овец пасет...
Ловко он за овцами смотрит³⁶³.

Таким образом, внутри ханства у должностного лица есть свой удел со своими подданными, и живет он там довольно зажиточно, так как едят они с гостем в жилище Кодыр-Уула за золотым столом³⁶⁴. Надо думать, этот удел был наследственным. Точно такое же владение было у главного ханского богатыря Сокор-Кара, после смерти которого сын его вступил во владение этим же народом и скотом, оставаясь подчиненным хану³⁶⁵.

Пост управляющего скотом появился в системе управления улусом в числе первых, и при ветвлении иерархии продолжал оставаться ближайшим к престолу. Не случайно Караты-хан из-за отсутствия богатыря оттягивает начало свадебного пира—*тоя*³⁶⁶. Кодыр-Уул из «Барчын-Бёкё», кроме всего прочего возглавлял ханские войска, и тем самым оправдывал звание *баатыра*, которое в данном сказании не согласуется с должностью героя. Картина организации улуса по «Козын-Эркешу» демонстрирует дальнейшее

---

³⁵⁹ Алтын-Бизе. С. 16.

³⁶⁰ Барчын-Бёкё. С. 282.

³⁶¹ Козын-Эркеш // Улагашев Н.У. Алтай-Бучай. С. 210.

³⁶² Там же. С. 212.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С. 211.

³⁶⁵ Хан-Кюлер. С. 188.

³⁶⁶ Козын-Эркеш. С. 212.

ее усложнение: при сохранении старой должности «главы скота» функции главы народа исполняет уже не один уполномоченный, а ряд лиц, *баи* и *зайсаны*. Кроме того, подчиненные магистраты держат свои уделы со скотом и подданными.

Несколько иная структура отражена в «Кулакчине», где при сидящем на золотом троне Айчил-зайсане состоят «молодцы» и «удальцы» (стража и охрана); подвластными ему родами управляют *демичи*, а подати собирают *шуленги*³⁶⁷. Мы не видим здесь должностей главы народа и управляющего скотом, зато действуют фискальные органы, что позволяет отнести сюжет сказания к позднему периоду и считать улус Айчил-зайсана вторичным, образовавшимся внутри более крупного образования. Этот улус — результат исторического развития удела богатыря Кодыр-Уула; теперь в нем уже не только одни пастухи, но и целая система администраторов, и вооруженная сила.

Обобщенный показ организации власти в независимом средневековом улусе дают четко, по пунктам, следующие строки о владениях хана Кара-Бёкё:

Во главе народа богатырь
Богатырь Тордын-Бёкё стоит;
Скот пасет
Силач Мартын-Бёкё...
Над воинами в походе и сражении...
Силач Тенек-Бёкё восседает;
С нападающими бойцами сражающийся...
Темир-Бёкё восседает³⁶⁸.

На последних стадиях развития, выделенных нами по АГЭ, улусное управление охватывает не только родовой или племенной коллектив, но и завоеванное, насильственно присоединенное население. Так, Ак-кан

Шестьдесят ханов алтайских покорил,
Семьдесят богатырей прославленных своими слугами сделал³⁶⁹.

Различие судьбы подданных в этой фразе (ханы покорены, но остаются ханами³⁷⁰, богатыри переходят на службу к новому господину) заставляет предполагать отражение реальной ситуации, а не просто распространенное эпическое чередование «шестьдесят—семьдесят». Это устройство «разномастного скота, разноязыкого народа» завершает динамику развития улуса. Функции кочевого владельца здесь обозначены и распределены между магистратами. Из такого и подобных ему образований и вырастали степные империи, так как для возникновения государства теперь требовалось только одно — официальное признание этого факта (обретения статуса государства) со стороны

³⁶⁷ Кулакчин // Ойротские народные сказки. С. 159–161.

³⁶⁸ Кан-Капчыкай. С. 7.

³⁶⁹ Келер-Куш // Ойротские народные сказки. С. 91.

³⁷⁰ Это распространенный вариант подчинения и в АГЭ (см. также: *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. С. 98, 99), и в истории. Именно на условиях лояльности и выплаты дани Чингисхан, Джучи и их потомки сохраняли автономию и местную элиту в завоеванных странах — в частности, у енисейских кыргызов и на Руси.

государств-соседей. «Тайная история монголов» показала ханство Темучина 1180 г. приблизительно соответствующим нашей стадии «хан + богатыри». К 1206 г. оформился полноценный улус со всей необходимой и подобающей ему администрацией.

Подведем итог. Героический эпос алтайского народа отобразил ряд черт ранней государственности. Имея в виду реализацию поставленной задачи — выявление информации для реконструирования «ядра» ранней государственности, в том числе и у кочевников, — отметим, что АГЭ в целом оправдывает связанные с этим надежды. Многие основополагающие моменты в сфере социальной регуляции сходны или близки в эпическом образе улуса и в политических образованиях, зафиксированных в истории. К «нуклеусу» возможно отнести:

- 1) концепцию верховной власти хана (ее сакральный легитимизм и совокупность функций);
- 2) распределение власти и уделов между членами правящего рода (соправительственные комбинации);
- 3) порядок внутренней организации улуса (магистраты, обеспечивающие жизнь ханской ставки и затем — по инерции — государства во главе с ханом).

Наследование же статуса и владений разнится по многим параметрам. В кочевых державах отмечены как династии, так и общеродовые полномочия на трон. АГЭ дает только первый вариант, и в этой связи нужны дополнительные материалы по фольклору. Столь же безуспешными оказались поиски сведений о крыльевом разделении улуса (оно связано с соправительством, но имело и самостоятельное значение). В общем же можно заключить, что выделенные нами три характеристики государственно-политического устройства в АГЭ принципиально аналогичны тем воззрениям строителей кочевых империй, которые вырисовываются из письменных источников.

Глава 4. Ханская власть (эпосы Тувы и Хакасии)

В центре исследования ранней государственности логично оказывается фигура государя как средоточия общественных отношений власти и управления. Да и рассматривать его деятельность легче, поскольку в источниках, в том числе в героическом фольклоре, верховным сюжетам посвящена подавляющая часть информации.

Для подробного разбора эпической концепции ханской власти попробуем воспользоваться материалами тувинских и хакасских сказаний о богатырях. В литературе уже отмечалось наличие интегративных особенностей в произведениях устного народного творчества именно у тюрков Южной Сибири: обоб-

щающий характер персонажей и отношений между ними, «концепция ролевого поведения» второстепенных действующих лиц и т.д.³⁷¹

Главный персонаж сказаний – богатырь. Обычно он владеет не только саблей, луком да чудо-конем, но и стадами скота, а часто и управляет каким-то контингентом населения. Соперники его обладают сходным статусом и тоже имеют под началом народ со скотом, Какой бы конкретный ранг ни принадлежал герою тувинского или хакасского богатырского сказания (далее соответственно ТБС и ХБС), важен такой момент: герой – глава эпического социума. Становится ли он таковым по рождению, по милости божественных сил или в результате победы над врагами – сейчас не принципиально. Главное для нас то, что проецируя иерархию эпического общества на организацию исторического, мы видим, что положение героя в ней соответствует месту и роли хана.

Ханских рангов было несколько, но об этом разговор впереди. Пока же условимся считать ханом лидера, имеющего в подданстве сколько-то кочевых семей, пасущих скот, вместе о которым они образуют ханское владение – улус. Условимся также (и уже не «пока», а да конца главы), что эпический богатырь до своей позиции в структуре кочевого общества в принципе равнозначен хану. Итак, анализ начинается с элементарного социального звена – с одного человека. Учитывая интегральность фольклора, рассмотрим все связи, что идут от этого человека вверх (в небесную судьбодержавную сферу), в стороны (к «коллегам» по ханско-богатырскому достоинству) и вниз (к подданным)³⁷².

Кто и почему становится ханом? Правитель народа – сын Неба. Это утверждение тривиально для всех раннеклассовых обществ; не являлся исключением и кочевой мир. Тезис «Небо – отец правителя» выглядит уже не столь привычно, хотя органично вытекает из предыдущего. Буквальной расшифровки этой «родственной» связи мы в письменных источниках не найдем в силу отмеченной в главе I их специфики – концентрации внимания на политической конкретике, событийной фабуле. А вот в ТБС и ХБС есть случаи буквального объяснения.

Богатырь Алларик в вешем сне «видел и слышал, что Кудай (персонификация Неба. – *В.Т.*) зарождает сильного богатыря, чтобы по всему свету был один богатырь, и зовут его Сараттаг Садый Меке...»³⁷³. Алларик не детализирует, каким образом Небо производит порождение витязя; можно догадаться, что оно предается этому занятию все же не в одиночестве. Для слушателей сказаний мыслимым было лишь происхождение героя от двух родителей. ХБС предлагает более развернутый вариант, где матерью оказывается волшебный

³⁷¹ Катанов Н.Ф. Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков (Енисейской губерния). СПб., 1885. С. 5; Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек» Общество. Новосибирск, 1989. С. 41, 212; Майногашева В.Е. Хакасское героическое сказание «Алтын-Арыг». Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1967. С. 10.

³⁷² Замечание формального характера: ясно, что Мать-Земля располагается ниже всех подданных «по определению». Просто графически ее удобнее соотносить с Небом – по роли в конструировании людских биографий. Поэтому она рассматривается как один из субъектов «верхней связи» правителя.

³⁷³ Коккан-Коктыльый. Поэма о Синем хане на синем море // Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар. – Вестник Русского географического общества. Т. 15. Кн. 5. СПб., 1856. С. 137.

белый камень, коему тот же Кудай даровал сына-богатыря³⁷⁴. Однако по древнетюркским и монгольским источникам известна другая пара потусторонних родителей – Небо и Земля.

Действительное ряд героев южносибирского фольклора ссылается на свое происхождение от них, а то и способен осуществлять контакт с ними. Так, «сын Неба» великан Темир-меге перед поединком клянется не призывать на помощь «мать мою – черную землю, отца моего – синее небо» в противном случае «пусть поразит меня отец мой, синее небо»³⁷⁵.

Уже ясно, что сверхъестественные «инстанции» порождают героя и, видимо, при случае могут помочь ему. А могут ли они помочь стать ханом? Да, потому что, кроме «земных» путей к трону (наследования или завоевания владений хана-врага), возможна и прямая интронизация богатыря свыше. – Алтын-Кёк за свою отвагу рукоположен семью богами, призвавшими его на подвиги, «главным царем (*улуг хан*) над всеми семьюдесятью царями» мира³⁷⁶.

Более того, структура ханства, улусная иерархия тоже устанавливается свыше. С Алтын-Кёком по дороге домой из стойбища тестя «по приказанию семи богов впереди идут шесть богатырей, позади идут семь богатырей». Тесть едет с ним по середине дороги³⁷⁷. Сами по себе сопровождающие воины выглядят просто как охранный кортеж, но фиксация «шесть впереди, семь позади» вместе с намеренным уточнением места в пути двух породнившихся ханов свидетельствует об отражении авангардно-арьергардного построения ханского воинства в походе и могут являться отголоском воспоминаний о крыльевой структуре. Тем более что из своего сна Алларик узнал не только о появлении на свет могучего Сараттаг Садый-меке, но и о своей будущей должности начальника левого крыла в ханстве этого богатыря (в то время как другой персонаж, Коккан возглавит правое крыло)³⁷⁸.

Породив героя и усадив на престол, Небо не бросает его на произвол судьбы, вернее, контролирует этот произвол. В сказании указывается, будто Садый-меке станет ханом и учредит в своих владениях крылья после того, как по воле Кудая будет раздавлен двумя горами могучий Ахпорот Ахмолот. Коккая помчался было на выручку последнему, но, конечно, опоздал: горы уже сомкнулись³⁷⁹ – противостоять высшим силам было бесполезно.

Но вообще эпический Кудай–Небо довольно пассивен и мало вмешивается в земные дела, к справедливо заметил В.В. Радлов³⁸⁰. Порожденный и уготованный на ханство Сараттаг Садый-меке был убит при участии Коккана, своего будущего «вассала», а Кудай не отреагировал. Коккан спокойно вернулся домой и «стал жить да быть и теперь живет»; Сараттаг Садый-меке же убили вторично еще и на том свете³⁸¹. В другом сказании «сын Неба» Темир-меге был

---

³⁷⁴ Баламон Кам. Поэма о шамане Баламоне // Титов В. Указ. соч. С. 123.

³⁷⁵ Алдай-Буучу // Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос. Кызыл, 1960. С. 51.

³⁷⁶ Алтын-Кок // Катанов Н.Ф. Золотая Кукушка, богатырская поэма минусинских тюрков. СПб., 1885. С. 7.

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Коккан Коктылый. С. 137.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 246.

³⁸¹ Коккан Коктылый. С. 137.

заброшен героем «на расстояние год пути» — тоже при отсутствии какой-либо реакции со стороны «отца»³⁸².

Однако Небо может все-таки проявить и крутой нрав в случае нарушения своих приказов³⁸³ или из зависти³⁸⁴, что объясняется конечно, снижением его образа, антропоморфизацией качеств. Гораздо показательнее действия высшей силы по вырубке своего любимца. Уже говорилось об отказе «сына Неба» Темир-меге из «Алгай-Буучу» призвать на помощь грозных своих родителей в честном бою. По ТБС «Меге Баян-Тоолай», в сходной ситуации Темир-меге все же не держит слова, и в помощь ему сверху ударяет молния, снизу наступают травы и леса³⁸⁵.

Последнее, надо полагать, — это помощь Земли, которая в тувинском и хакасском героическом фольклоре почти не фигурирует. В предыдущих главах уже указывалось, что породив богатыря-хана в союзе с Небом, она отвечает за его личное благополучие и здоровье, но не принимает активного участия в его судьбе³⁸⁶. Обобщенная характеристика ее роли сводится к функциям матери и покровительницы героев, «хозяйки» зверей и птиц, воплощению природного плодородия³⁸⁷. Эти параметры восстанавливаются по всему корпусу тюркского фольклора Южной Сибири (прежде всего шаманского); в сюжетах же богатырских сказаний Земля практически не появляется.

Подытожим. Участие божественных сил в организации ханства сводится к следующему. 1) Небо и Земля порождают героя. 2) Небо заранее предназначает ему жизненный путь. 3) Небо вручает ему ханскую власть и помогает в осуществлении намерений; изредка приходит на помощь и Земля.

Но в целом при индифферентности демиургов основной груз устройства собственной судьбы ложится на плечи самого богатыря. Он может занять пост хана в силу своих личных качеств. Как можно понять из приведенных выше сведений, Небо тоже причастно к этому счастливому повороту его биография, однако в сказаниях об этом прямо не говорится, и воцарение подается как результат подвигов. Чиргилчинныг Шил-оол совершил поход в соседнее владение, одержал победу, привел новых подданных и даже привез юрту тамошнего хана. Отец по достоинству оценил удачу, полководческий талант и военную удачу Чиргилчинныг Шил-оола и уступил ему ханский трон³⁸⁸. Смелостью и инициативой добивается ханства и Эртине Мерген³⁸⁹. В общем, в некоторых сказаниях богатыри надеются только на себя, на свою силу и сообразительность. Каждый из них мог бы повторить вслед за автором рунической надписи из Хакасии: «Я утвердился на земле благодаря своей доблести»³⁹⁰.

³⁸² Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. Тувинское народное сказание. Кызыл, 1973. С. 154, 155.

³⁸³ Баламон Кам. С. 126.

³⁸⁴ Ахмолот Ахпорот. Белоукладный богатырь на сиво-белом коне // *Тумов В.* Указ. соч. С. 124.

³⁸⁵ Меге Баян-Тоолай // Сказания о бдоагтырях. С. 162.

³⁸⁶ Знаменательно, что прерогативу наказания Темир-меге приписывает только Небу (см. выше).

³⁸⁷ *Львова Э.Л.* и др. Указ. соч. С. 40, 41.

³⁸⁸ *Балбыр Б.У.* Богда Чангар-хан (тувинский эпос) // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Сер. филологическая. Вып. 11. Элиста, 1973. С. 122–127.

³⁸⁹ Эртине Мерген // Тувинские народные сказки. Вып. 2. Кызыл, 1958. С. 96.

³⁹⁰ *Кляшторный С.Г.* Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) // *Turcologica*. К 70-летию академика А.Н. Кононова. Л., 1976. С. 26.

Сопоставимы ли все эти аспекты о том, что известно по другим источникам? Да, древнетюркские и монгольские каганы неоднократно ссылались на происхождение своей власти от Неба и Земли³⁹¹. Протокольные фразы о воцарении силою Вечного Неба, по его воле и милости получают на эпических материалах некоторую расшифровку. Верховное божество оказывается не просто объектом ссылок на его благоволение, дабы оправдать правление монарха в глазах сородичей и покоренных племен. Небо действительно способно вмешиваться в течение людской жизни, насадить народу правителя. В эпосе это обычно подается как адекватное характеру и поступкам героя вознаграждение. Однако подобная формула обоснования власти действовала и в реальной истории. Удача любого интригана на пути к престолу могла восприниматься народом как проявление особой склонности Неба к новому хану³⁹². Ведь только так и восходили на трон герои богатырских сказаний. И утвердившись на столь высоком посту, начинали осуществлять ханскую власть. Посмотрим, что это означает.

Чем занимается хан? Повышенное внимание Неба и Земли к своему избраннику выделяло его из остального множества людей. Обладание сверхъестественным покровительством столь присуще ханскому статусу, что правитель после воцарения даже не считает нужным (как и подданные) ссылаться на него. Поступки хана заранее освящены и оправданы. ТБС предлагает яркие примеры непререкаемости государевой воли для простых смертных. Во время сватовства богатырей будущие тести-ханы поручают им пройти через всевозможные испытания на храбрость (принести клык чудовища, привести волшебных коней и т.п.). Это встречает беспрекословное подчинение со стороны витязей). Мотив:

Если человек ханского достоинства
Скажет: «подставь свою голову» —
Придется лишиться головы...
Раз надо ехать — поеду,
Раз надо идти — пойду.

Лейтмотив: «Если хан приказывает, простому человеку трудно отказаться»³⁹³. Покорность сватающихся юношей объясняется не столько зависимостью их семейного счастья от своеволия правителя:

Во-первых, это мой тесть,
Во-вторых, это человек ханского достоинства³⁹⁴.

³⁹¹ См.: Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 104, 105; Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. С. 188; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 35, 39, 65; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М., 1959. С. 20, 23; Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 370; Pelliot P. Les mongols et la papauté // Revue de l'Orient chrétien. 3-e ser. T. 3(23). № 1–2 (1922–1923). P. 22.

³⁹² Впрочем, не менее важную роль в обосновании законности воцарения играла процедура ритуального выбора хана из среды родовой аристократии.

³⁹³ Алдай-Буучу // Сказания о боагтырях. С. 57; Тон Аралчын // Тувинские народные сказки (1958). С. 87; Эртене-мерген // Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 420.

³⁹⁴ Алдай-Буучу. С. 57.

Данные обстоятельства, как видим, разделены. А богатырь Хаа-Чангей, посылаемый в подземный мир Курбусту-ханом, не является ни подданным пастухом, ни «вассалом» — дружинником последнего, и дочь курбустова не нужна ему. Герой преклоняется перед прихотью совершенно постороннего для него владетеля по тому же единственному поводу:

Раз хан повелевает,
Как может простой человек не пойти?³⁹⁵

Соответственно хан ведет себя отлично от остального населения улуса. Конные сражения, поиск противника, уничтожение или покорение его — это занятия, подобающие богатырю (как и сватовство, обрамленное массой подвигов). С ханом же связывается охота; кровавые схватки недостойны его. Конечно, дичь добывается им не из нужды в пропитании. Южносибирский эпос содержит ряд сюжетов, последовательно демонстрирующих угасание военной активности главы улуса. К примеру, Коккан «имел множество табунов, народа, богатое ханство». Тем не менее, прослышав о существовании в дальних краях могучего богатыря, бросил все дела и поехал, «чтобы померять с ним свои силы»³⁹⁶. Зачем, спрашивается? А затем, что Кок — хотя и *-кан*, т.е. хан, но еще и богатырь, что вытекает из его последующего героизма.

Менее легок на подъем престарелый Каракан. Всю жизнь он ездил промыслять зверя, так как «дома сидеть не любил». К старости подрастерял сноровку, в юрте с женой было скучно, и он отправился в гости к соседу, Алтынкану. А у того в стойбище как раз происходило состязание претендентов на руку местной «принцессы». Нехотя Каракан участвует в этом мероприятии (хотя и женат), а затем, раззадорившись, решает ехать на единоборство с грозным Медным богатырем, от чего в ужасе отказались женихи («Если я начал богатырствовать, так заодно поеду воевать о ним»)³⁹⁷.

В этих событиях удаль хана уже не естественна для него, а подвиг — лишь повод развлечься. Основное же время проходит в родном улусе. Еще мог топтаться у коновязи настоящий богатырский конь с магическим именем, но хозиян его не ездил по белу свету в поисках приключений —

Ездил только за промыслом в тайгу...
В этом проходила вся жизнь его³⁹⁸.

Охота здесь — род аристократического спорта, княжеская утеха³⁹⁹ или экскурсия для сына, «чтобы показать ему разных зверей и птиц»⁴⁰⁰. Для полноценного кочевого сюзерена не было нужды брать в руки саблю: он посылал в бой воинов. Парадигма пассивного поведения доведена до абсолюта в небесном приказе герою не играть и не бороться ни с кем.

³⁹⁵ Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. С. 165.

³⁹⁶ Коккан Коктылый. С. 135.

³⁹⁷ Каракан Джелуг-далей. Черный хан на теплом море // *Тумов В.* Указ. соч. С. 201–203, 206.

³⁹⁸ Ахмолот Ахпорот. С. 127.

³⁹⁹ См., напр.: Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген // Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 600.

⁴⁰⁰ Баламон Кам. С. 126.

Итак, дает ли «монарший» ранг дает правителю с набором сформированных функций основание распоряжаться поступками богатырей? Скажем точнее: право распоряжаться. Посмотрим, какие еще права концентрируются в руках хана, а также какие обязанности на него налагаются по ТБС и ХБС.

Уже говорилось, что хан расценивался как хозяин скота и глава народа. Данная формулировка встречается буквально и в тексте ХБС⁴⁰¹, и в исторических исследованиях по Южной Сибири⁴⁰². В большинстве случаев эпический хан оправдывает эти звания. Регулярно, а то и ежедневно (порой о утра до вечера — смотря по поголовью стад и населенности улуса) объезжает он подвластные территории⁴⁰³. Объезжает» чтобы осмотреть. В чем заключается осмотр? — В учете: «Спереди южной стороны горы сгонял он и проверял сивопегие табуны, а в степных ложбинах — каурых и желтых верблюдов»; недосчитавшись одного верблюда, отправляется на поиски⁴⁰⁴. Смысл пересчета ясен — проверить, нет ли убытка или приращения к достатку. По возвращении Ак-кана жена вопрошает:

Свел ли ты счет пасущемуся окоту?
Сложил ли ты весь народ?
К скоту присоединился ли скот?
К народу прибавился ли народ?
Или они умирают?⁴⁰⁵

Своеобразный демографический контроль объясняется обязанностью хана следить за сытностью пастбищ, ведь он должен был регулировать перекочевки. Судя до внимательной регистрации им своего достояния, подданные не могут тронуться с места без его санкции.

Однако ежедневный, обыденный объезд табунов и *аалов* возможен лишь при сравнительно небольшой площади улуса. А. если она велика? Если в подданстве находятся не только близкие родичи, пасущие овец по соседним долинам, но и покоренные племена, которые продолжают обитать на своих прежних землях⁴⁰⁶? Или если собственные отары достигают таких размеров, что их ни окинуть взглядом, ни сосчитать? Тогда хан перепоручает выполнение своих контрольных задач особым доверенным лицам, ведь концентрация столь обильного достояния в руках одной семьи или рода (т.е. имущественное выделение из других семей, родов) в кочевом обществе сопровождалось социальной дифференциацией, и происходило синхронно формированию потестарных

---

⁴⁰¹ См., напр.: Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. С. 250, 255.

⁴⁰² Бутанаев В.Я. К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов по данным исторического фольклора // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 202.

⁴⁰³ См., напр.: Алтын-Арыг. С. 251; Катанов Н.Ф. Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В.В. Радловым. Ч. 9. СПб., 1907. С. 264.

⁴⁰⁴ Сказка о молодце Хайтыкаре // Кон Ф.Я. За 50 лет. — Собр. соч. Т. 3. М., 1934. С. 179, 180.

⁴⁰⁵ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 289.

⁴⁰⁶ Такое было возможно, но в богатырских сказаниях скот и население побежденного улуса чаще перегонялись на территорию улуса победителя.

институтов. В данном случае речь идет о должности «главного, пастуха», «старшего табунщика» и т. п.⁴⁰⁷

Коль скоро при хане появляются люди, берущие на себя одну из основных его функций, он получает возможность и вести себя, как подобает истинному государю — ездить целыми днями на охоту и в гости к соседям. Вновь возвращаемся к выведенному выше развитию ханского статуса. При таком положении главе улуса невозможно, да и не нужно знать состав своих стад. И на вопрос пришельца, ищущего пропавшего верблюда, хан спесиво отвечает: «Неужели ты думаешь, глупец, что об этом можно спрашивать меня, самого хана? Пасти скотину, искать скотину — дело простых людей! Откуда я знаю, есть ли здесь твой черный верблюд?»⁴⁰⁸ Да, это уже не прежний «хозяин стад», что бросал все и отправлялся на поиски исчезнувшей скотины: тот-то знал своих верблюдов.

Сам по себе пересчет отар и табунов свидетельствуют лишь о рачительности хозяина и его праве владения ими. Пересчет же населения — это проявление уже собственно властных функций. Идеализация правителей прошлого присуща, наверное, всем народам, а у южносибирских тюрков она к тому же сопровождалась сохранением патриархального менталитета, представлением о строгом и справедливом хане—отце, благодетеле⁴⁰⁹. Конкретно это выражалось хотя бы в раздаче подданным своих охотничьих трофеев⁴¹⁰. Данный символический жест демонстрировал щедрость хана и столь же символическую близость к простонародью.

Но оделение битой птицей являлось обрядовым выражением еще одной важной функции — обеспечения благосостояния подданных, что прямо и формулируется: в некоторых сказаниях:

Насытил он голодавших,
Сделал жирными худых людей...
Дает лошадь тому, кто идет пешком,
Дает платье голому — и т.п.⁴¹¹

⁴⁰⁷ См., напр.: Ай-Моко (Почерпнувший силу от луны) // *Радлов В.В.* Указ. соч. С. 232; Хангавай // *Потанин Г.Н.* Указ. соч. С. 583.

⁴⁰⁸ Балдыр-Бээжек // *Тувинские народные сказки.* М., 1971. С. 109.

⁴⁰⁹ *Унгицкая М.А., Майногашева В.Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. С. 108, 120.

⁴¹⁰ Алла-Картыга. С. 187; Картага Мерган // *Радлов В.В.* Указ. соч. С. 235.

⁴¹¹ Картага Мерган. С. 245. Те же благодеяния — дарение лошадей и одежды см.: Алтын-Арыг. С. 254. В этой связи интересен один давний спор. В.В. Бартольд и Б.Я. Владимирцов разошлись в оценке социальной базы античингисовского движения Джамухи. На основании того, что по «Тайной истории монголов» последний стремился подыскать обильные и сытные пастбища, дабы араты его улуса не знали голода. В.В. Бартольд сделал вывод о демократической направленности политики Джамухи (*Бартольд В.В.* Образование империя Чингиз-хана // Соч. Т. 5. М., 1968. С. 258). Б.Я. Владимирцов возразил: во-первых, Чингисхан тоже подается в указанном источнике как «щедрый царевич» (прежде всего по отношению к дружине); во-вторых, оба побратима., Джамуха и Темучин-Чингисхан, опирались на одни и те же общественные слои, в том числе и на родовую аристократию. Так что никакого особенного демократизма в коалиции Джамухи не было (*Владимирцов Б.Я.* Общественный отрой монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 84, 85, 94, 95). Судя по южносибирским богатырским сказаниям, точка зрения Б.Я. Владимирцова ближе к действительности. Демонстративная, ритуальная щедрость и заботливость представляли собой одно из положений канона ханского поведения.

Другая забота героя — защита своего достоинства (иначе он не был бы «хозяином») и увеличение его за счет соседей (иначе он не был бы богатырем). Уже отмечалось, что практически все витязи ТБС и ХБС владеют улусами, находясь на стадийном «полпути» от собственно богатыря к собственно хану. Владелец улуса Ахмолот встретил во время странствия богатыря, который состоял на службе у «царя» Булата. Булат тоже обладает богатырским званием и непременным атрибутом его — чудесными конями, но сам предпочитает не искать врагов, отправляя для этого дружинника⁴¹². Т.е. в более развитой улусной структуре военная функция перелагалась ханом на других лиц. Вероятно, выделение чисто военных помощников лидера было одним из самых первых актов формирования администрации.

И еще одна прерогатива простирается из ХБС. Могучая Пичен-Арыг Племя-народ свой стала наставлять:

«Не носите одежду без пояса!
Не будьте народом без суда, без закона!»
И ниже снова:
Не будьте народом без суда!..
Буду я жить, возглавляя и наставляя
Народ — разный люд⁴¹³.
Значит, хан является олицетворением правосудия? Да:
Над своим ясноглазым народом,
Ханом являясь, вершит она суд⁴¹⁴.

Здесь не указывается, по каким поводам правительница берется за разбор тяжб. Однако известно, что жизнь позднеродового и раннеклассового общества на общинном уровне регламентировалась обычным правом, и, видимо, именно в рамках последнего осуществлялся ханский «арбитраж». Собственно, обычаи были общеизвестны, и власть выступала скорее в качестве формального гаранта их соблюдения. Но в условиях усложнения социальной стратификации населения возникало множество коллизий, не предусмотренных первобытными нормами. И вот тогда слово хана могло иметь решающее значение при конфликтах (что было, кстати, оправдано и харизмой). Ведь и сама формирующаяся потестарная власть представляла собой вопиющее нарушение этих норм.

Пора обобщить выделенные функции. Сводятся они к следующим моментам. 1) Хан — предводитель улуса, т.е. глава рода (если улус состоит из общин родственников) или глава разнокланового населения (если улус является совокупностью общин унаследованных, присоединившихся и присоединенных, завоеванных). 2) Хан — воин, защитник улуса, предводитель его ополчения и, естественно, своей дружины. 3) Хан — гарант благоденствия подданных. 4) Хан — вершитель правосудия, мудрый блюститель обычаев⁴¹⁵.

---

⁴¹² Ахмолот Ахпорот. С. 254, 272.

⁴¹³ Алтын-Арыг. С. 254, 272.

⁴¹⁴ Там же. С. 251.

⁴¹⁵ Еще раз подчеркиваю, что перечисленные пункты могли осуществляться правителем реально, но могли и просто декларироваться. Позиции «1)» и «2)», как выяснилось, находились в ведении особых магистратов. А надзор за соблюдением норм обычаев, не требовавший

Исследователи южносибирской средневековой истории и мифологии составляли сходный перечень прерогатив⁴¹⁶. Такими же полномочиями и правами обладали хуннские шаньюи, древнетюркские и монгольские каганы⁴¹⁷. Буквально по пунктам совпадает с нашим перечислением панегирик одному из героев ХБС. Чтобы легче было сравнивать, пометим стихотворные строки номерами только что обозначенных функций хана. Вот этот фрагмент:

- (2) Победы творец⁴¹⁸ Албынжи богатырь
Охраняет народа счастливый мир.
(1) Он каждому роду главою стал,
(4) Он мысли и правде просторы дал,
Он славой народ свой увенчал...
(3) Пешему лошадь лихую дал,
Раздетому кров и одежду дал⁴¹⁹.

При этом будем учитывать два обстоятельства. Во-первых, все эти светлые черты личности сопровождаются божественными благоволением и поддержкой; человек, обойденный вниманием Неба и Земли, едва ли смог бы столь гармонично сочетать их. Во-вторых, в ходе исторического развития все эти функции у потомков Албынжи (если они удержатся на престоле) окажутся поделенными между соответствующими «функционарами». Так что герой здесь — олицетворение «концепции ролевого поведения» — ханского поведения в данном случае. Мы, слушатели эпоса, убеждаемся в идеальном соответствии героя своему рангу «главы народа и хозяина скота».

Но вот речь у нас зашла о потомках богатыря Албынжи. Что же происходит с народом и скотом после смерти богатыря? В чьи руки они попадают? Наследование ханского статута и имущества заслуживает специального рассмотрения.

Кто наследует трон? Отвечу сразу: обычно сын наследует отцу. Относительно ТБС этот вопрос был затронут Л.В. Гребневым на материалах «Тана-Херель» и «Алдай-Буучу», где имущество переходит к сыну главы улуса⁴²⁰. Интересна такая деталь: «у героя чаще спрашивают имя отца, иногда имена отца и матери, но никогда не говорят только об имени матери»⁴²¹. В самом деле, династийный

вмешательства власти, более приличествовал старцам, местный аксакалам, как это и происходило в действительности. Характерно, что в приведенном примере из «Алтын-Арыг» суд вершит Пичен-Арыг, но разъяснения установившихся законов исходят от ее отца (Алтын-Арыг. С. 265, 266).

⁴¹⁶ См.: Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 202; Майногашева В.Е. Хакасское героическое оказание. С. 11; Традиционное мировоззрение тюрков. С. 211, 212.

⁴¹⁷ См., напр.: Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. № 412. Серия востоковед. наук. Вып. 9. Л., 1984. С. 145; он же. Образ кагана в орхонских памятниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. 13. М., 1977. С. 15; Котвич В.Л. Из поучений Чингис-хана // Восток. 1923. № 3. С. 95, 96; Таскин В.С. Введение // Материалы по истории сюнну: (по китайским источникам). Вып. 1. М., 1968. С. 9–11; Трепавлов В.В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 132–136.

⁴¹⁸ Т.е. в данном контексте воин, избавивший народ от поработителя.

⁴¹⁹ Албынжи. Хакасское героическое сказание. Новосибирск, 1951. С. 113.

⁴²⁰ Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М., 1960. С. 133, 134.

⁴²¹ Там же. С. 132.

принцип наследования безраздельно господствует в южносибирском фольклоре. К бездетным же семьям снисходит милость Неба, посылающего им ребенка, который появляется на свет волшебным образом (от Кудая и Белого Камня, например⁴²²). В противном случае все добро может быть разделено среда народа⁴²³.

Ханский отпрыск заведомо обладает правом на престол по праву рождения⁴²⁴, т.е. подразумевался «автоматический» переход родительского статуса на следующее поколение. Нарушение данного принципа могло произойти или в силу разгрома улуса враждебным ханом, или в случае кары со стороны Неба. — За чрезмерное хвастовство у героя рождаются обыкновенные мальчики, что вызывает недоумение у окружающих: «Скажи, пожалуйста, у богатырей должны бы родиться и дети богатыри, а у тебя родились простые люди»⁴²⁵. И Кан-Мергеновы двое старших сыновей «то ли богатыри были, то ли нет» (младшим-то все ясно: у него богатырское имя и конь с соответствующей кличкой)⁴²⁶. Здесь вопрос о наследовании решается просто: тот, на кого переходит отцовский статус, и наследует отцовское имущество и управление улусом — пусть даже в обход старших братьев. Но обычно именно первородство дает на это преимущественное право.

Проблема наследования поднимается в богатырских сказаниях Тувы и Хакасии лишь при таких поворотах сюжета, когда традиционный порядок оказывается под угрозой нарушения. Таковой могли служить притязания со стороны младших жен и их детей⁴²⁷ или же интриги регентов. Яркий пример такого конфликта — события ХБС «Алтын-Арыг», досконально разобранные В.Е. Майногашевой. Отговаривая временную правительницу, свою дочь, от узурпации власти малолетнего хана, старец Алтын-Сейзен не приводит никаких аргументов, кроме ссылок на законную (и исконную) и единственно мыслимую преемственность высшего поста от отца к сыну⁴²⁸. Регентшу это не останавливает, но для нас важно то, что династийное наследование отстаивается в эпосе как залог благополучия и единства народа⁴²⁹.

Одним из вариантов эпического наследования является добровольное оставление ханом трона в пользу сына из восхищения его доблестью и прочими достоинствами (см. упоминавшийся выше сюжет ТБС с Богда Чангар-ханом и Чиргилчинныг Шил-оолом). В семье без мужского потомства престол может перейти удальцу-зятю⁴³⁰, в бездетной семье, как говорилось, усыновленному посланцу Неба. Наконец, у власти может оказаться удачливый узурпатор

⁴²² Баламон Кам. С. 123.

⁴²³ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 313, 314.

⁴²⁴ См., напр.: Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген. С. 602, 618.

⁴²⁵ Ахмолот Ахпорот. С. 133.

⁴²⁶ Баламон Кам. С. 118. В примечании к цитируемому тексту В. Титов так объясняет затруднения сказителя (непонятно, богатыри, или нет). Богатырям подобают богатырские имена; парни не имеют их — значит, и не являются таковыми. Но ниже они возглавляют войска — значит, фактически это все же богатыри (Титов В. Указ. соч. С. 142). Возникает резонный вопрос: разве наречение потомства не в воле родителей? В ТБС — нет. Имя дается и чудесным образом узнается его носителем от того же Неба.

⁴²⁷ См., напр.: Артаа-Седи и Авыгаа-Седи // Тувинские народные сказки (1958). С. 61, 64, 67.

⁴²⁸ Алтын-Арыг. С. 264.

⁴²⁹ Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. С. 500, 501; она же. Хакасское героическое сказание. С. 11.

⁴³⁰ Артаа-Седи и Авыгаа-Седи. С. 64.

(регентша Пичен-Арыг все же убила юного наследника⁴³¹). Однако ведущим принципом однозначно оставалась и признавалась преемственность статуса и имущества по нисходящей линии, к детям.

Пока сын мал, хан и подданные относятся к нему лишь как к будущему преемнику. Но вот юноша вступает в совершеннолетие. Эпический правитель вынужден считаться с этим, так как тот в принципе обладает равными с ним правами (пока в потенции). Следует разделить власть. Этими положениями мы начинаем разговор о соправительственных отношениях в кочевом улусе,

Сколько ханов может быть в одном ханстве? Простейшая ситуация — женитьба наследника. Хотя бы таким образом. — Сосватать дочь Биче-хана, богатырь Хаа-Ченгей вернулся домой. Отец, Бокту-Кириш, встречает его словами: «Вы, дети мои, живите и кочуйте со своим окомом (который дал за дочь Биче-хан. — *В.Т.*) на склонах Энгиргей-Тайги» (в то время как его собственные кочевья располагаются в другом месте, на реке Элдиг-Кара-Хем. — *В.Т.*). К приезду девушки отец и сын приготовили место для стойбища, поставили юрты для новых подданных (которые тоже от Биче-хана), и молодые поселились в отведенном месте⁴³². Выходит, улус Бокту-Кириша теперь поделен на владения его самого и сына.

В каких формальных отношениях между собой они находились? Возможно, в качестве равноправных соправителей, так как ниже сказано: «И такова была сила у отца с сыном, что их кочевья молнии небесные не могли поразить... ни с какой стороны враги не могли подступиться»⁴³³. Следовательно, отмеченное Л.В. Гребневым стечение обстоятельств, когда после свадьбы молодожены селятся в *аале* отца, но в отдельной юрте⁴³⁴, не единственное. В отношении улуса, именно ханства, а не отдельной семьи» могла иметь место и разобранная мной ситуация отделения «царевича». Становится понятным упоминаемое некоторыми богатырскими сказаниями наличие двух уделов в одном ханстве — владений главного сюзерена и его женатого сына⁴³⁵. Зависим ли сын от отца? Ведь последний все же остается верховным правителем. По крайней мере, можно говорить об иерархической подчиненности. Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген, например, «не смеет отказаться» от труднейших поручений родителя и вынужден выполнять их⁴³⁶. Кроме того, земли младшего героя все же воспринимаются как «отчий край», т.е. дочерний по отношению к улусу главного хана⁴³⁷.

В последнем сюжете жена витязя не упоминается. Вероятно, сам факт женитьбы был не единственным основанием для отделения сына. Есть ХБС сразу с двумя холостыми братьями. Отправляясь в поход, старший оставляет младшего «хозяйничать дома» при живом отце⁴³⁸. Живи они с родителями, герою не пришлось бы заботиться о том, на кого оставить дом.

⁴³¹ Алтын-Арыг. С. 271. Сходную ситуацию см.: Эртине Мерген. С. 95, 96.

⁴³² Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. С. 172.

⁴³³ Там же. С. 173. Вспомним у что молния — это кара Неба за посягновение на установленный им порядок. Т.е. соуправление отца и сына — это прочное и законное положение, не вызывающее «претензий» со стороны небесных сил.

⁴³⁴ Гребнев Л.В. Указ. соч. С. 133, 134.

⁴³⁵ Меге Шагаан-Тоолай // Сказания о богатырях. С. 87; Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген. С. 614.

⁴³⁶ Хэрэк-Кирвес Хэмрэ-мерген. С. 614–617.

⁴³⁷ См., напр.: Сказание о храбром Айдолае. Абакан, 1962. С. 34.

⁴³⁸ Каракан Джелуг-далей. С. 211, 219.

Вообще совместное проживание двух братьев в неразделенном улусе — довольно распространенная ситуация в ТБС и ХБС. Для начала отметим, что пара соправителей может состоять из абсолютно равноправных лиц. У них могут быть общие или стоящие одна подле другой юрты и, соответственно, принадлежащий им обоим скот и подданный народ⁴³⁹. Братья воюют вместе и действуют заодно. Создается впечатление, будто они близнецы, но не всегда являются таковыми на самом деле⁴⁴⁰. Обычно это старший и младший братья, хотя различия между ними чисто декоративные: один мудрее другого⁴⁴¹, о одним герой сражается дольше, чем с другим⁴⁴² и т.п.

Тандем равноправных братьев не имеет аналогов в политической истории кочевников, а если и был когда-то приемлем на первобытнообщинном уровне, то в улусах — реальных, а не эпических — не практиковался. Возможно, это чисто фольклорное «изобретение», отражающее изначальный эпический дуализм⁴⁴³.

Другое дело — если братья находятся в едином улусе, но с различными полномочиями. Самое общее выражение их отношений: один брат доводится помощником другому⁴⁴⁴. На материалах ряда сказаний этот тезис можно конкретизировать. Мы помним, что Кан Акколыш оставил «хозяйничать и домовничать» в родном стойбище Ай-Толыя⁴⁴⁵. Тот безропотно согласился, и это действительно распространенный вариант отношений.

Передача управления столицей (главной ставкой) и доменом кому-либо из младших родственников известна из истории Монгольской империи XIII в. В предыдущей главе уже упоминались эти факты. Чингисхан оставлял наместниками Монголии во время своих военных кампаний дочь Алахай-бэки и младшего брата, Тэмугэ-отчигина; Угедэй в аналогичной ситуации доверил монгольские степи родственнику Олдохару; хан Бату, уехав в Монголию на съезд знати, вручил управление Дешт-и Кипчаком своему брату, Туга-Тимуру; каан Мункэ, выступив в поход на Сунов (Южный Китай), оставил в Каракоруме младшего же брата, Ариг-бугу.

Но помощь заключалась не только в замещении отсутствующего правителя. Один из братьев в богатырских сказаниях мог пасти скот другого, выполнять посольские и другие поручения⁴⁴⁶, мог вообще ведать всем хозяйством — также при отсутствии формального главенства над улусом, поскольку «хозяином окота» все же являлся хан⁴⁴⁷. Характерно (не для ХБС, а для истории кочевников) соотношение правителей в «Айдолае». При престарелом Ах-хане состоит вое-

---

⁴³⁹ Ай-Моко. С. 233; Алла-Картыга. С. 189–191; Балдыр-Бээжек. С. 106; Кангывай-Мерген // Гребнев Л.В. Указ. соч. С. 16; Мете Шагаан-Тоолай. С. 92; Эртене-мерген. С. 416.

⁴⁴⁰ Близнецы действуют в: Кунари // Хакасские народные сказки. Абакан, 1955. С. 17; Сибичек и Сибдейк // Там же. С. 21, 22.

⁴⁴¹ Алла-Картыга. С. 19.

⁴⁴² Ай-Моко. С. 233.

⁴⁴³ Ямаева Е.Е. Алтайский героический эпос (связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами). Автореф. канд. дисс. Л., 1986. С. 15.

⁴⁴⁴ Так, без всяких разъяснений, см.: Артаа-Седи и Авыгаа-Седи. С. 67.

⁴⁴⁵ Каракан Джелуг-далей. С. 211, 219.

⁴⁴⁶ Мете Шагаан-Тоолай. С. 88.

⁴⁴⁷ Алтын-Арыг. С. 250, 252, 253 (здесь о сестрах); 539 (примеч. В.Е. Майногашевой); Кангывай-Мерген. С. 14, 15.

начальником его брат Кокеен. Различия в положении и в функциях явно проступают в обращениях к ним врагов

(Готов ли ты, старик Ах-хан,
Готов ли, грозный Кокеен,
Вступить... с нами в бой?⁴⁴⁸)

и в ходе военных действий. Кокеен истребляет конницу противника. И хотя в набег идет он вместе с ханом, но покоренный. Ах-Тас называет его первым при перечислении завоевателей⁴⁴⁹.

Пара «хан и военачальник» тоже находит соответствия в монгольской истории. В главе 3 мы уже рассказывали о нюансах отношений Кабул-хана и Каджули-багатура, Чагатая и Угедэя, Бату и Гока, Бату и Орду. Мы убедились, что номинальный верховный военачальник улуса все же обладал собственной территорией и контингентом подданных. Потому я думаю, что в первоначальных вариантах сказания об Айдолае Ах-хан и Кокеен возглавляли две половины ханства⁴⁵⁰. Позже, когда на первый план выдвинулся сын Ах-хана, Айдолай, эта деталь исчезла из повествования как не влияющая на развитие сюжета. К тому же мы видели, что у Айдолая появился свой удел.

Как выбрать из противоречия? С кем же делит улус Ах-хан — с братом или с сыном? Запомним этот вопрос и пока отложим его. А сейчас отметим, что половинное членение владений между братьями имеет место и в богатырских сказаниях. Трудность остается та же: не принципиальность для основных событий, поэтому лишь по редким оговоркам сказителей приходится восстанавливать такие отношения. Так, один брат навещает другого и затем возвращается к себе домой; враг нападает на владения одного из них, а другой и не подозревает об этом⁴⁵¹. Расстояние между их владениями может исчисляться месяцами, и известия не доносятся⁴⁵², что свидетельствует об отсутствии сообщения между двумя половинами ханства, т.е. об их фактической независимости, сугубо номинальной соподчиненности. Названные выше совместные военные действия братьев не всегда могут исходить из их совместного проживания: Кан Акколыш и Кан Толый, ограбив соседские земли и дойдя до своих границ, разошлись в противоположные стороны — один на восток, другой на запад⁴⁵³.

Соправительством подобного рода не исчерпывалась вариативность данного института. Половина стад (но не территории) может отойти мужу сестры⁴⁵⁴. Однако сестра уходит в другую семью, и мы пока не станем рассматривать это как соправительство.

Другое дела — связь побратимов. Богатыри Тавын и Тажы, отдавая сестру в жены богатырю Кангывай-мергену, «выделили ей в приданое половину сво-

⁴⁴⁸ Сказание о храбром Айдолае. С. 5, 6.

⁴⁴⁹ Там же. С. 5, 6, 19.

⁴⁵⁰ В именах соправителей угадываются знаменательные обозначения противоположных сторон — «белый» (ак) и «синий» (кок), о которых мы поговорим ниже.

⁴⁵¹ Эртене-мерген. С. 416, 417.

⁴⁵² Сказка о молодце Хайтыкаре. С. 185, 186 (правда, здесь старшая сестра, а не брат). В определении расстояний присутствует, конечно, эпическая гиперболизация, но контекст ее применения все равно указывает на значительную удаленность владений друг от друга.

⁴⁵³ Каракан Джелуг-далей. С. 217.

⁴⁵⁴ Сказание о храбром Айдоле. С. 57; Кангывай-Мерген. С. 16.

его скота и имущества и предложили считать их братьями» Каягывай-мергена. Герой согласился, и они перекочевали в его улус⁴⁵⁵. О дальнейшей участи Тавына и Тажы сказание умалчивает. Но детали сосуществования побратимов известны из других текстов. Хан-Хулюк побратался о побежденным им Алдай-мергеном и предложил ему ухаживать за своими табунами; тот согласился⁴⁵⁶. Здесь Алдай-мергня – одновременно и «брат» (так его называет герой), и табунщик, что укладывается в один из вариантов пребывания двух братьев в одном неразделенном улусе.

Возможно было и полноценное соправительство, как у побратимов Кан-мергена и Кюрелдэй-мергена. – Первый женился на сестре второго, богатыри соединили свои стада, поставили себе по юрте и «после этого стали жить мирно»⁴⁵⁷. Ясная картина такой структуры управления предлагается в «Алтын-Арыг» Сын Алып-хан Чибетей признает своим братом богатыря Хулатая, который помог ему в возврате власти над владением, узурпированной было вероломной регентшей.

Могучий Чибетей
Вместе с богатырем Хулатаем
Многочисленный пасущийся скот
Стали считать,
Над народом они ханами стали...
Очень хорошо жили два брата.
Хороший пасущийся скот
Братья вместе считали,
Над прекрасноголазым народом
Сообща суд вершили⁴⁵⁸.

В данном фрагменте четко выделены функции степных сюзеренов, которые были сформулированы мною выше. Мы видим у побратимов prerogatives контроля за стадами и населением; вместе витязи следят и за соблюдением норм, разбирают конфликты. Естественно, побратим эти равны в статусе, поэтому (и поскольку) живут в двух больших домах «посреди богатого аала»⁴⁵⁹. Но вот распространяются ли их нежные чувства друг к другу также и на улус? Ведь это наследственные земли Чибетей, его вотчина. Оказывается, да – потому что после неудачного похода Хулатая предлагает:

Младший мой (брат), вернемся (–ка)
В прекрасную землю нашего отца⁴⁶⁰.

Итак, покойный Алып-хан после акта братания «превратился» в отца еще и для Хулатая, и у последнего, следовательно, появилось право на совладение его улусом. Поэтому, прекратив богатырские набеги,

---

⁴⁵⁵ Кангывай-Мерген. С. 16.

⁴⁵⁶ Бесстрашный Хан-Хулюк // Тувинские народные сказки (1971). С. 44.

⁴⁵⁷ Кюрелдэй-Мерген // Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 225.

⁴⁵⁸ Алтын-Арыг. С. 325.

⁴⁵⁹ Там же. С. 323, 324.

⁴⁶⁰ Там же. С. 392.

Два прекрасных брата
Жили там, наслаждались⁴⁶¹.

Интересно, что внутри этого ханства находится еще и общий удел двух других побратимов — сына Чибетея и сына волшебной девы Алтын-Арыг. Их союз заключен по инициативе чибетеевой матеря, в чьих словах, кроме прочего, есть следующий пассаж:

В твоём большом богатом владении
Вы станете жить как братья⁴⁶².

И это не просто рядовые родственники главных правителей, поскольку юные побратимы также названы ханами, «хозяевами пасущегося скота»⁴⁶³. Т.е. сын главного хана, вероятно, был выделен в сопровители и, в свою очередь, поделил свою удельную часть с побратимом.

Мы подошли к проблеме наследования сопровительства. Суждения по этому поводу могут быть составлены по немногочисленным деталям, сохранившимся в эпосах. Разберем два примера. Богатырь Алдай-Буучу, снаряжая сына свататься, «решил, что неплохо, если его сына будут сопровождать со своими дружинами сыновья двух братьев, живущих на небе верхнего мира: сын Толгечи — Толээ-Шынар и сын Белгечи — Белээ-Шынар». Те явились «со своими дружинами»⁴⁶⁴. Итак: а) Толээ-Шынар и Белээ-Шынар — кузены, сыновья родных братьев. Но дальше в тексте они везде названы братьями, то есть отцовская родственная связь перешла на них; б) у каждого из них своя дружина, т.е. свой улус и управляемое население; в) небесные воины действуют вместе и говорят хором, но в состязаниях более активен Толээ-Шынар (он, видимо, считается старшим); г) по этим признакам они являются сопровителями в соответствии с одной из двух эпических схем: «братья в неразделенном улусе» (пункты «а») + «в») или «братья в разных частях улуса» (пункты «а») + «б»). Объединить эти конструкции (например, «братья в неразделенном улусе, но с разными контингентами подданных») не позволяет отсутствие подобных сочетаний в богатырских сказаниях и в истории. Но как бы там ни было, факт неоспорим: Толээ-Шынар и Белээ-Шынар унаследовали сопровительство от отцов.

Более доступен для интерпретации дуэт сюзеренов из ХБС об Айдолае. Уже говорилось по другому поводу, что верховным ханом являлся Ах-хан, а его батыром-военачальником — брат его Кокеен; жили они, судя по записанному тексту, в одном улусе, а по логике их отношений — в разных. У ах-ханова сына Айдолая тоже были свои владения при живом отце, поскольку упоминается «улус Айдолая»⁴⁶⁵. И сын погибшего Кокеена Коре Матырсын обладал каким-то уделом. Оттуда он приходит в гости к герою⁴⁶⁶; он не подозревает о вражеском нападении на стойбище Айдолая и узнает об этом случайно от

⁴⁶¹ Там же. С. 488.

⁴⁶² Там же. С. 485.

⁴⁶³ Там же. С. 487.

⁴⁶⁴ Алдай-Буучу. С. 29.

⁴⁶⁵ Сказание о храбре Айдолае. С. 34.

⁴⁶⁶ Там же. С. 38.

айдолаевой жены⁴⁶⁷, т.е. жил где-то в стороне. Можно ли предполагать наследование улуса Кокеена сыном? Чей это улус — умершего Кокеена, или он был получен Коре Матырсыном после смерти отца? Конечно, Кокеена и перешедший к его потомству, так как Айдодай изрекает:

Коль наследник Кокеена
По жене моей страдает,
Пусть берет Хара-Нынчи (имя жены. — *В.Т.*)⁴⁶⁸.

А как со званием батыра-соправителя? Видимо, оно тоже унаследовано, ибо Коре Матырсын получает от Айдолая половину «людей, золота, серебра, коней»⁴⁶⁹. Итак: а) второе поколение соправителей находится в таких же отношениях, что и их отцы, т.е. соправительство наследуется; б) наследование соправительства выражается в подтверждении сыном хана имущественных и потестарных прерогатив сына соправителя. Строго говоря, подтвердить прерогативы Коре Матырсына должен был бы Ах-хан, но внимание сказителей переключилось на Айдолая, и именно этот персонаж оказался средоточием властных полномочий.

Коль мы обратились к теме раздвоения улуса, то завершим ее поиском следов конструктивных признаков этого явления. Речь идет о широко распространенной в кочевой (и не только кочевой) истории системе крыльев. Крылья — две части ханства, выставлявшие ополченцев для правого и левого фланговых отрядов улусного войска, — практиковались почти во всех кочевых империях. Но происходили они из более ранних и территориально меньших родовых и племенных образований. Всеобщность данной структуры позволяет предполагать отражение ее и в южносибирских богатырских сказаниях. Чтобы обнаружить крыльевое построение улуса, нужно, во-первых, найти упоминание о его делении на две части — обычно (но не всегда) равные, т.е. половины. Во-вторых, попытаться отыскать традиционные тюрко-монгольские обозначения левого крыла — синий цвет и правого — белый. В-третьих, если крылья функционируют, то верховный хан должен возглавлять левое, а начальник правого являться его соправителем («младшим» ханом). С соправительством мы только что более-менее разобрались, так что можно взяться за решение и этого вопроса. Наконец, в-четвертых, посмотрим, а не помогут ли богатырские сказания в выяснении причин генезиса данного института у номадов.

Вот, например, Айдолай едет свататься к сестре братьев Алай-хана и Пулей-хана. Въехав в их земли у герой видит, что юрта каждого из них стоит в противоположном краю улуса⁴⁷⁰. На развитие событий это не влияет, так как все последующее происходит только в одной юрте. Поэтому пока оставляем это ХБС и переходим к другому, запомнив противостояние ханских резиденций. Вернемся к интриге регентши Пичен-Арыг против малолетнего хана. Пичен-Арыг вела дела улуса вместе с сестрой-домоправительницей. Однако у сестер был еще и отец, который жил в этом же улусе, а именно на восточной сторо-

---

⁴⁶⁷ Там же. С. 35.

⁴⁶⁸ Там же. С. 38.

⁴⁶⁹ Там же. С. 57. Это в общем подтверждает догадку о первоначальном эпическом разделении улуса между Ах-ханом и Кокееном.

⁴⁷⁰ Там же. С. 42, 45.

на *аала*⁴⁷¹. Эпос упоминает о нем только с тех пор, когда сестрам понадобился совет старца. До того они обходились самостоятельно и, надо полагать, проживали на западной стороне. Стало быть, территория делится по схеме «отец — дети» на восточную и западную части.

Но для вывода о широкой применимости данного института следует отыскать его следы также в отношениях «брат — брат». Есть и такое. В отсутствие братьев Кан Акколыша и Ай-Толыя их скот и народ угоняют братья — старший, Кан Акколыш (тезка жертвы) и младший, Кан Толый. Ограбленные сопративители возвращаются домой и видят: «Один след пошел на восток, другой на запад; поровну разбиты народ и табуны и уведены в противоположные стороны»⁴⁷². Т. е.: а) симметрия уделов (так как «поровну»); б) восточно-западное их расположение: одна половина на востоке, другая на западе во главе с братьями — это и есть классические кочевые крылья, правда, не названные таковыми.

В «Алтын-Арыг» есть рассмотренная выше пара побратимов — Чибетей и Хулатай. «Большой дом» последнего стоял на севере от чибетеева⁴⁷³. Ясно, что Чибетей в таком случае селился на южной стороне ханства. Еще один вариант крыльевой конструкции? Но позиция «север — юг» не типична для кочевников. А в одном из сказаний, записанных Н.Ф. Катановым, Ак-кан тоже живет на юге от своего сопративителя, Алтын-кана⁴⁷⁴. Но читаем дальше, и все становится на свои места. Алтын-кан умирает, и Ак-кан, несмотря на оставшегося мальчишку-наследника, угоняет половину его скота и народа, откочевывая, по словам ханши-вдовы, «прямо на восток»⁴⁷⁵. Значит, определяющим будем считать все же восточно-западное взаиморасположение улусных половин. Если бы Ак-кан лишь хотел поживиться за счет незащитного сироты, то угнал бы весь скот. А так, обретя половину достояния, он превратился в сопративителя «царевича» еще и по отцовскому улусу, и чтобы обозначить это, перекочевывает на восточную, традиционно «старшую» сторону — в левое крыло.

Мы вплотную подошли к вопросу о старшинстве крыльев и их начальников. Как из последнего примера, так и из анализа реальных событий степного средневековья получается, что глава восточного крыла признается старшим⁴⁷⁶. Причем известно, что у древних тюрков и монголов дихотомия «старший — младший», «восточный — западный», «левый — правый» сопровождалась парным цветообозначением — соответственно «синий — белый». Н.Ф. Катанов заметил, что в ХБС фигурируют белые цари, живущие у белой горы или на берегу Белого моря, и синие цари у синей горы или на Синем море⁴⁷⁷. Более того, по В. Титову, «все моря, лежащие на востоке, [называются] голубыми или зелеными, и обратно... голубое — [значит] восточное, белое — западное... Если происшествие случилось у белого моря, значит на западе, и т.д. Точно так же должно понимать под именем... белого хана — западного, голубого — восточного»⁴⁷⁸.

⁴⁷¹ Алтын-Арыг. С. 263.

⁴⁷² Каракан Джелуг-далей. С. 217.

⁴⁷³ Алтын-Арыг. С. 324.

⁴⁷⁴ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 314.

⁴⁷⁵ Там же. С. 320.

⁴⁷⁶ Подробнее см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 96 и сл.

⁴⁷⁷ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 213.

⁴⁷⁸ Титов В. Указ. соч. С. 117–118.

Добавим к этому, что «восточный» означает «старший», и вновь вчитаемся в эпосы. Пары из Белого (Ак) и Синего (Кок) ханов действительно встречаются здесь неоднократно. Говорилось об Ах-хане и Коккене из оказания об Айдолае, но там первый старше по возрасту и рангу своего брата-батыра, да и пространственная ориентировка неизвестна. Но вот в «Алтын-Арыг» юрта девушки-регентш стоит на западной стороне, а их отца – на востоке, где ей и полагается быть, так как отец, естественно, старше по возрасту и, может быть, по формальному статусу (блюститель обычаев). Ак-кан из катановской сказки перекочевывает на восток, в «синюю» сторону, и становится старшим по отношению к сыну сопровителя. Но ведь в эпосе это подается как вероломство, как оставление приличествующего ему места.

А теперь опять посмотрим в эпос об Айдолае. Когда я рассказывал о юртах Алай-хана и Пулей-хана, то умолчал об одной детали; теперь она нам понадобится. Цитирую:

На одном конце улуса
Юрта белая стоит.
На другом конце улуса
Юрта синяя стоят.

Белую юрту не объехать галопом за шесть дней, синюю за неделю не обойти пешеходу⁴⁷⁹. Белая юрта явно обширнее, да и о синей это единственное упоминание в тексте.

Снова заключаем: не синий, а белый цвет в ХБС и ТБС служит для маркировки старшинства. В остальном же характеристики «белой» и «синей» частей улуса соответствуют традиционной кочевой разбивке владений – и по расположению, и по родственным степеням их правителей.

В знакомых мне сказаниях крылья названы крыльями только однажды. В пророческом сне о грядущем пришествии грозного воина Сараттаг Сады-меке богатырь Алларик увидел, будто «у Соловья-богатыря (т.е. Сараттаг Сады-меке. – В.Т.) Синий хан (т.е. Коккан. – В.Т.) будет правым крылом, а Петушок-богатырь (т.е. Алларик. – В.Т.) – левым крылом, и больше Соловья никого на свете не будет»⁴⁸⁰. Здесь явлена другая структура, типичная не для государственного, а для военного управления – крылья и центр во главе о верховным ханом⁴⁸¹. Синий цвет вновь соотнесен не с левой, а с правой стороной; носитель же белого цвета («Белоукладный богатырь») умертвлен Небом как раз в преддверии прихода в мир Сараттага Сады-меке⁴⁸², а Алларик цвет вообще не присваивается. Тем не менее заключаем, что деление ханства в богатырских сказаниях на две части не только обладало всеми формальными признаками крыльев, но и реально осознавалось в качестве крыльевой структуры. Раннее государство Южной Сибири, Кыргызский каганат, обладало именно таким раздвоением, что можно вывести из наличия в кыргыз-

---

⁴⁷⁹ Сказание о храброе Айдолае. С. 45.

⁴⁸⁰ Коккан Коктылый. С. 137.

⁴⁸¹ Косвенной иллюстрацией триального построения улуса может послужить скорое убийство Кокканом будущего главного хана Сараттага Сады-меке (там же. С. 139). Коккан и Алларик, таким образом, остались ханствовать вдвоем – каждый в своей половине.

⁴⁸² Там же. С. 137.

ских рунических надписях древнетюркских крыльевых обозначений — тёлеш и тардуш⁴⁸³.

Как же образуются эпические крылья? Это может быть или соуправление двух братьев (как у Ах-хана и Кокеена из «Айдолая»), или сотрудничество лиц, совершенно не связанных родственными отношениями (как у Алларика и Коккана в только что приведенном примере). Последнее приблизительно реконструируется как прикочевка одного какого-либо коллектива (родственников?) к другому и формирование ими совместного улуса (характерно соединение владений побратимами). Первый же из названных вариантов представляет собой противоположный путь — разделение единого улуса пополам. Причем между этими половинами подчас устанавливаются взаимобрачные связи, ведь сын Ах-хана уступает сыну Кокеена свою жену⁴⁸⁴. Подобное происходит и в катановом сказании: в одном «городе» живут два «короля», дети которых вступают в брак (правда, тайный, т.е. незаконный)⁴⁸⁵. Эти факты подводят к мысли, что крылья суть не что иное как пережиток первобытных фратрий⁴⁸⁶. И два пути образования эпических крыльев как раз совпадают с двумя способами формирования фратрий⁴⁸⁷. Таким образом, из нескольких точек зрения на происхождение дуального разделения кочевых государств⁴⁸⁸ приходится остановиться на признании его фратриальной первоосновы.

Теперь, когда рассмотрены основные комбинации соправительства, попробуем выстроить их в систему. Каждый из соправителей являлся «хозяином скота и народа», т.е. имел ханский ранг — независимо от того, ханом или богатырем назван он в конкретных произведениях фольклора. Не удалось найти богатырских сказаний, в которых иерархия ханов просматривалась бы четко. Поэтому сопоставим информацию из нескольких текстов. Вначале посмотрим на фигуры правителей, у которых пределы и расположение владений не известны.

Богатырь Хайтыкара в поисках лекарства через три месяца пути приехал к своей сестре. Мы уже знаем, что оба они соправители (см. выше). Однако неожиданно выясняется, что герой является подданным некоего Эрильджин-хана⁴⁸⁹! Кто это такой, непонятно, так как кроме случайной оговорки Хайтыкары он больше нигде не упоминается. Можно лишь догадываться, что это сюзерен по отношению к богатырю и, очевидно, к его сестре, равной Хайтыкаре по ста-

⁴⁸³ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 33, 43; Насилов Д.М. О некоторых памятниках Минусинского музея // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 125.

⁴⁸⁴ Сказание о храбром Айдолае. С. 38.

⁴⁸⁵ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 396.

⁴⁸⁶ В.Е. Майногашева и М.А. Унгвицкая тоже затрагивали вопрос об отражении межфратриальных отношений, но лишь касательно проблемы экзо- и эндогамии, взаимосвязи родов и ее воплощении в ХБС (Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Указ. соч. С. 65, 66). Проблема крыльев в их книге не рассматривалась.

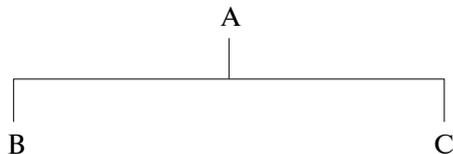
⁴⁸⁷ См.: Дрэгер Л. Фратрия // Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 208.

⁴⁸⁸ Основные точки зрения на источник генезиса данного института таковы: 1) фратрия (В.И. Гуляев, А.М. Золотарев, С.П. Толстов и мн. др.); 2) военное построение (А.Н. Бернштам, Г.Г. Стратанович); 3) необходимость эффективного управления обширными завоеванными территориями (П. Голден); 4) заимствование у оседлых соседей (У. Самолин); 5) межродовая и межплеменная борьба (А.И. Карагодин, В.М. Успенский); 6) естественно-ландшафтный фактор разделения племенной территории (А. Альфельди).

⁴⁸⁹ Сказка о молодце Хайтыкаре. С. 187.

тусу. Зафиксируем эту ситуацию на схеме 1, где А – Эрильджин-хан, В – Хайтыкара, С – сестра Хайтыкары.

Схема 1

При обращении к теме фратрий привлекался фрагмент о двух правителях в одном «городе» – Кара-кане и «короле», семьи которых оказались соединенными брачными узами. Кроме них, имеется еще один персонаж – «царь». А «царь этот был другой (самый старший), кроме Кара-кана и короля. Жил он в городе»⁴⁹⁰, т.е. в том же улусе. Элементарное сопоставление показывает, что связь «царя» (А), «короля» (В) и Кара-хана (С) точно накладывается на ту же схему 1. Единственное отличие: между В и С здесь уже нет прямого родства, зато присутствует эндогамная связь (т.е. кровнородственные отношения все же предполагаются).

И третий пример, который многое объяснит нам. Богатырь Ай-Моко приезжает в стойбище старца Алтын-Айры, который после покорения его двумя братьями, Адтын-Пыргы и Кумус-Пыргы, пасет скот, когда-то принадлежавший ему. Старик обращается к отважному гостю:

Возьми ты весь этот мой скот,
Если отдаст его тебе Час Моко.
Час Моко, герой из Китая,
Исполнен разума Час Моко,
Следуй теперь его совету..
Увидишь, он рассудит нас справедливо!

Ай-Моко идет в юрту обоих Пыргы и застает там «старика Час Моко», который приказывает вернуть ему скот⁴⁹¹. После этого Час Моко отправляется сражаться с грозным враждебным витязем⁴⁹². Два брата-хана в одном улусе – это нам уже известно и понятно. Но откуда взялся еще один правитель, хотя и без ханского титула, но с ханскими функциями: справедливый судья, смелый воин и хозяин скота (точнее, скота братьев-ханов Пыргы)? На этот вопрос можно ответить, если договориться, что Час Моко на схеме 1 – это А, братья Ныр-гы – В и С. Итак, Эрильджин-хан, «царь» и Час Моко занимают одинаковую ступень в иерархии.

С подобным раскладом соправителей мы уже встречались в «Коккане Коктылые». Вспомним: Сараттаг Садый-меке (А) назначен свыше верховным ха-

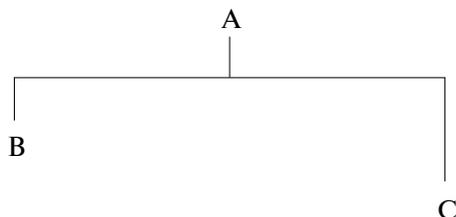
⁴⁹⁰ Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев. С. 396.

⁴⁹¹ Ай-Моко оказался сыном Алтын-Айры и, стало быть, унаследовал скот, захваченный братьями Пыргы.

⁴⁹² Ай-Моко. С. 232, 233.

ном, Алларик (В) — начальником левого крыла, Коккан (С) — правого. Начальники крыльев В и С подчинены хану А, и схема отношений в общем та же, но не совсем. Потому что номинально левое крыло рангом выше правого, и схему придется уточнять (см. схему 2).

Схема 2

Вот это вернее у так как в «Алдай-Буучу» именно так описана рассадка высших лиц улуса. — «Узун Сарыг-хан (А на схеме 2. — В.Т.) сидел на... черном троне-ширээ... Ниже хана на... черном ширээ сидел огромный человек (В на схеме 2. — В.Т.), у которого красный шарик на шапке высывался из дымового отверстия юрты. Ниже того человека на таком же ширээ сидел такой же огромный человек (С на схеме 2. — В.Т.). А еще ниже, ближе к двери, стоял никем не занятый ширээ». Кроме того, юрта была полна чиновников⁴⁹³. Здесь мы имеем дело с триальной организацией управления, когда главному хану подчиняются правители половинных частей владения. Само по себе это не означает деления улуса на три части, поскольку хан обычно жил в левом крыле, сосуществуя там с левым же крыльевым начальником⁴⁹⁴.

Выяснение вертикальной соподчиненности важно, но недостаточно. Взглянем на соправительство еще и в «плоскостном», пространственном аспекте. Это поможет соотнести иерархию ханов с крыльевой конструкцией.

Я уже столь часто обращался к сказаниям об Айдолае и «Алтын-Арыг», что теперь напомню только обстоятельства, могущие пригодиться для текущего поворота темы. «Айдолай»: улус поделен между Ах-ханом (А на схеме 3) и его братом Кокееном (В). Кроме того, на территории улуса имеются владения Айдолая (С), сына Ах-хана, и Коке-Матырсына (D), сына Кокеена. D является, с одной стороны, соправителем С (так как тот дает ему свою жену и половину скота и народа), с другой — наследником В. Поскольку А еще жив, то хану D негде иметь удела, кроме как в правом крыле. Таким образом, он подчинен одновременно и А, и С. А после смерти отца D займет его место и возглавит

⁴⁹³ Алдай-Буучу. С. 42. Л. В. Гребнев соотнес данный порядок с описанным Марко Поло расположением Чингисидов на тронном приеме: выше всех восседает каан, слева от него — старшая его жена, справа и еще ниже — сыновья и другие родичи, а у подножия трона — все остальные (Гребнев Л. В. Указ. соч. С. 56). Но в «Алдай-Буучу» совершенно другая ситуация, так как показана иерархия не родственников, а именно высшего «административного персонала» ханства. Ведь рубиновые шарики — это заимствованный из китайско-монгольского церемониала XIV–XVII вв. отличительный признак и степенной показатель чиновничества (см.: Сказания о богатырях. С. 42 (примеч. Л. В. Гребнева)).

⁴⁹⁴ Ср. структуру Монгольской империи XIII в. (Трепавлов В. В. Система крыльев Монгольской империи XIII в. // Цыбиковские чтения. Тез. докл. и сообщ. Улан-Удэ, 1989).

правое крыло (ведь мы теперь знаем, что соправительство наследуется). Тогда образуется стабильная структура, отраженная на схеме 4 (нетрудно убедиться, что это конструкция схемы 1, но с введением крыльев).

Наследование же главного престола произойдет по династической закономерности, к тогда в улусе окажутся две соправителя — по простейшей схеме, которая и отражена в абсолютном большинстве письменных источников по кочевой истории: два кузена-соправителя (см. схему 5).

Схема 3

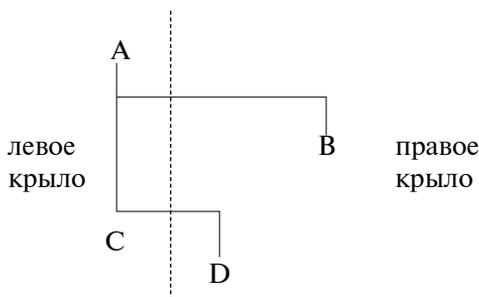

Схема 4

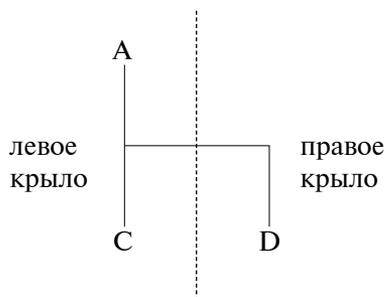
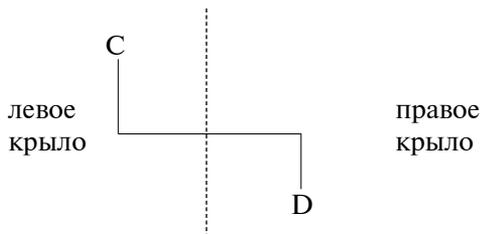

Схема 5

Информацию «Алтыя-Арыг» тоже вписываем в схему 3. Улус поделан между ханом Чибетеем (А) и его побратимом Хулатаем (В). На территории улуса имеет свои владения сын Чибетей Ханнуг-хыглас (С), делящий их с побратимом (D)⁴⁹⁵.

После сопоставления этих данных с предыдущими иерархия ханов выстраивается следующим образом: верховный хан (каган) возглавляет левое крыло улуса, которое, в свою очередь, делится между ханом и наследником. Во главе правого крыла становится особый начальник (обычно брат кагана); в правом крыле может располагаться удел соправителя каганского наследника. Следовательно, «сверху вниз»: каган — начальник правого крыла — соправитель кагана по левому крылу — соправитель этого каганского соправителя. Ниже рангом находились административные и военные должности, которые требуют особого рассмотрения.

⁴⁹⁵ Для носителя вот такого статуса стоял четвертый (пустой) трон-ширээ в юрте Узун-Сарыг-хана (см.: Алдай-Буучу. С. 42 и выше в данной главе).

Подведем итог. В фольклоре тюркоязычных народов Южной Сибири адекватно отразились концепция и организация верховной власти кочевого улуса. 1. Ханское достоинство расценивалось как приобретенное в результате благоволения Неба, помощи Неба и Земли, а также личных доблестей. 2. Эти обстоятельства служили идеологическим обоснованием выделения хана из числа остальных, смертных, а также сосредоточения в его руках функций хозяина скота, главы народа, защитника его и судьбы. 3. Власть концентрировалась в коллективе прямых и кузенных родственников — членов конического клана (иногда допускалось участие побратимов). 4. Ханский статус и прерогативы верховного управления наследовались обычно старшими сыновьями. 5). Помимо этого, улус делился между ханом и его братом (или побратимом) и сыном по двухкрыльному принципу. Возможно было последующее дробление этих крыльев, что вытекало из многоступенчатой иерархии ханов. Перечисленные параметры организации управления прослеживаются довольно четко на материалах многих богатырских сказаний. В сочетании с информацией фольклора кочевников из других регионов, а также с данными письменных источников эти характеристики в общем демонстрируют свою неизбежность в кочевой истории. Вероятно, их можно отнести к «ядру» кочевой государственности.

Глава 5. Батыр и его дружина

Обратимся к проблеме общественного статуса дружины героя эпоса, ее внутренней градации и иерархии. Дружина действует во многих сказаниях; иногда ее возглавляет сам главный персонаж, временами командует старший, или главный дружинник. В чем значение эпических образов воинов-дружинников для исследования потестарных и раннегосударственных форм — в частности, у кочевников? Общеизвестно, что героический эпос возник главным образом в период так называемой военной демократии или военно-иерархической структуры — вождества, когда в обществе сложилась имущественная и наметилась социальная дифференциация, начали образовываться сословия знати и свободных общинников. Военная демократия и вождество—чифдом — это стадии, предшествовавшие государственности.

Практически у всех народов, переживших эти стадии, источниками формирования правящей элиты служили две группы населения — старая родоплеменная знать и выдвигавшийся под предводительством вождей слой воинов-профессионалов. Последние, накапливая богатства от военной добычи, возглавляли ополчения племен и подчинялись лично вождю-военачальнику (а не старейшинам), также приобретали привилегированное положение и по-

лучали доступ к управлению населением⁴⁹⁶. В зависимости от различных обстоятельств ведущее положение на вершине общественной пирамиды могли занимать как обе группы знати, так и одна из них. В последнем случае общественная система, возглавлявшаяся победившей группировкой знати, приобрела соответствующий своеобразный облик.

Историки давно заметили две тенденции в развитии институтов власти и управления у кочевников. Одна — установление деспотического централизованного монархического строя (чаще в результате разгрома ханов-соперников и завоевания соседних владений); другая — объединение постепенно разлагающихся племен с сильнейшими патриархальными пережитками. Этим тенденциям дают разные названия, но суть не меняется⁴⁹⁷. В героическом эпосе отразились черты обеих тенденций. Обратимся к эпическим текстам и посмотрим, как они могут помочь в изучении процесса формирования кочевого улуса — потестарной или раннегосударственной структуры, а также улусного управления, и какова роль в этих процессах эпической дружины.

В настоящей главе объектом анализа станут материалы улигеров — героического эпоса бурятского народа. Поскольку буряты населяют бывшую северо-восточную периферию кочевого мира, то их сказания — по крайней мере, часть их — отразили ситуацию в обществе, стоявшем накануне складывания государства.

Бурятский героический эпос изучался в основном фольклористами. В работах Д.А. Бурчиной, Е.Н. Кузьминой, А.И. Уланова, М.П. Хомонова, Н.О. Шаракшиновой и др. этот жанр устного народного творчества бурят исследован в разных аспектах. Сформировался и утвердился в науке вывод о том, что улигеры зафиксировали архаичную социальную конструкцию — патриархально-родовую или патриархально-феодальную (в зависимости от времени и места складывания эпосов)⁴⁹⁸. Хорошо знакомые с историей, этнографией и мифологией бурятского народа, указанные ученые соотносили обнаруженные в улигерах детали общественного устройства с закономерностями ранних стадий исторического развития, известными у бурят и у других народов. Однако не все

---

⁴⁹⁶ Общую характеристику формирования дружины в истории и эпосе см., напр.: *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1986. С. 145–148; *Липец Р.С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984. С. 12–26, 99–105; Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 52, 53, 57, 58.

⁴⁹⁷ См., напр.: *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. V. М., 1969. С. 261, 278; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 390; *Лашук Л.П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография. 1967. № 4. С. 25–39; *Марков Г.Е.* Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии // 9-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 6, 7; *Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 36–126; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 42. Подробнее см.: *Тренавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях (очерк историографии) // *Mongolica*. К 750-летию «Сокровенного сказания». М., 1993. С. 169–173.

⁴⁹⁸ См.: *Шаракшинова Н.О.* Героический эпос бурят. Иркутск, 1968. С. 127–148; *Она же.* Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск, 1987. С. 169–209. Хронологическую стратификацию улигеров см.: *Уланов А.И.* Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963. С. 185–219.

элементы эпического социума освещены одинаково полно. К числу малоизученных вопросов относится и тема данной главы⁴⁹⁹.

Начнем с определения идеологического (мифологического) статуса дружинного воинства, так как это поможет соотнести дружину с другими компонентами общественного устройства и с самим правителем.

Указания на божественное происхождение героя в эпосах очень часты – подобно ссылкам на родство с божественными силами правителей всех ранних государств Старого и Нового Света. Подданные же героя, простонародье, почти никогда не мыслятся в качестве небесного создания и изначально ниже своего правителя по происхождению и, следовательно, по рангу. Но кочевой улус (как исторический, так и эпический) состоял не только из правителя и рядовых пастухов. Между этими общественными полюсами располагался слой гражданских и военных посредников – придворные «функционеры»–проточиновники, а также дружина – предмет нашего внимания. Статус дружины был явно выше статуса простолюдинов. А как он соотносился со статусом главы улуса?

Улигер об Абай Гэсэре номинально уравнивает вождя с его соратниками. Абай Гэсэр-хан рождается в семье Сэнгэлэн-хана по воле верховных божеств, что, как уже сказано, обычно для эпического витязя. Но акт творения этим не ограничивается: «с неба спускается» богатырский конь, оседланный и снаряженный для битв и странствий хозяина; затем является оружие для Абай Гэсэра. И главное: с неба же нисходят

Тридцать три его батора
На оседланных конях вооруженными⁵⁰⁰.

Раз это «его», Абай Гэсэра, баторы, значит, они подчинены ему и предназначены для службы ему. Видимо, можно делать заключение об их более низком ранге. Но ниже сказано так:

Абай Гэсэр-хан
Сел на вещего гнедого коня
И с тридцатью тремя баторами –
Все тридцать четыре
Спустились с горы песчаной⁵⁰¹.

Здесь герой поставлен уже в один ряд с воинством и оказывается лишь одним из тридцати четырех. Так равен он им или выше их? Конечно, равен – перед лицом творца-Неба, в воле которого сотворение, вооружение и направление на землю всех указанных персонажей. И, конечно, выше – уже на земле, при управлении улусом. Об улусе разговор впереди, а сейчас посмотрим, сохраняется ли формальное равенство по происхождению между вождем и воинами

⁴⁹⁹ Впрочем, М.Н. Забанов отмечал, что именно ханская дружина является одной из немногих черт «административного строя» (наряду с побратимством), отыскиваемых в эхирит-булагатских улигерах (Забанов М.Н. Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929. С. 49).

⁵⁰⁰ Абай Гэсэр. Улан-Удэ, 1960. С. 61.

⁵⁰¹ Там же.

в условиях земной жизни, идущей самостоятельно, без постоянного вмешательства Неба.

Встретив неповиновение со стороны баторов, Абай Гэсэр-хубун (это Гэсэр из версии эпоса, записанной у эхирит-булагатов) раздражается тирадой:

С вами же вместе
Я светлым творцом сотворен,
От творения светлого с вами
Я связан одной судьбой...
От слов моих не отступите если,
Вы будете вместе со мною,
А если отступите –
Тысяче светлых небесных бурханов (божеств. – *В.Т.*)
Я жаловаться буду на вас!⁵⁰²

Связанность «одной судьбой», наряду с общностью происхождения, как видим, продолжают скреплять союз героя с его соратниками. Причем небеса выступают в качестве гаранта лояльности последних и как «инстанция» для жалоб на неповиновение. Воины же согласны с предводителем и высказываются о своей неразрывности с ним:

Ежели с вами, то баторы мы,
А без вас, то какие мы баторы? –
И клянутся в верности:
С этой поры...
Волею волчьей вооружимся
И каменным сделаем сердце свое!⁵⁰³

Таким образом, мы можем определить взаимную иерархию вождя и дружины: тот и другая вознесены над остальным народом по причине небесного происхождения⁵⁰⁴; но вождь – глава всего дружинного войска. Данный порядок признается обеими сторонами и гарантируется Небом.

В отсутствие Гэсэра его дядя-интриган, Саргал-нойон, попытался было командовать тридцатью тремя удальцами – приказал им подстрелить волшебную сороку, на что услышал презрительную реплику:

На всякое внимание обращать?
Птица, наверно, летает по обыкновению своему⁵⁰⁵.

Попробовали бы они отозваться в подобной манере на повеление Гэсэра! Впрочем, и по отношению к Саргал-нойону баторами соблюдается внешнее уподобление своему начальнику, так как они обращаются к Саргалу «наш

---

⁵⁰² Абай Гэсэр-хубун (эхирит-булагатский вариант). Ч. 1. Улан-Удэ, 1961. С. 60.

⁵⁰³ Там же. С. 61.

⁵⁰⁴ А.И. Уланов отметил неадекватность ханской титулатуры в улигерах: лица, называемые ханами, на самом деле являлись таковыми отнюдь не всегда (*Уланов А.И.* Вступительная статья // Абай Гэсэр. С. 9). Действительно, «снизу», с точки зрения простого народа, и глава улуса, и окружающая вождя военная элита должны были казаться господами, ханами.

⁵⁰⁵ Абай Гэсэр. С. 111, 112.

дядя»⁵⁰⁶. Да и сам Абай Гэсэр-хубун адресует к дружинникам: «тридцать три моих брата»⁵⁰⁷.

Определение ранга дружины относительно Неба, вождя и народа важно, но недостаточно. Следует разобраться в ее внутренней градации, а для этого при-смотреться к функциям дружины.

Ясно, что основная обязанность и предназначение баторов — это участие в сражениях. Но тридцать три Абай Гэсэровых сподвижника — не улусное войско, а ханская гвардия, возглавлявшая ополчение улуса. Абай Гэсэр выступает в поход

С двумя дядьями-нойонами,
С тридцатью тремя баторами,
С тремя сотнями воинов (хошоошо),
С тремя сотнями дружинников (хаянуур)⁵⁰⁸.

Перед вступлением в бой баторы по приказу Абай Гэсэра становятся во главе отдельных отрядов ополчения; сам герой действует в одиночку⁵⁰⁹.

Кроме того, дружинники могут использоваться в качестве охраны своего патрона и его семьи, сопровождая их во время различных переездов, как в ули-гере «Эрэ-Тохоло-мэргэн». «Перед белосеребряной коляской идут десять телохранителей... и сзади двадцать телохранителей», выделенных ханом для сопровождения дочери во владения зятя⁵¹⁰.

Все перечисленные занятия не выходят за рамки воинского ранга и «по определению» естественны для этих персонажей (баатар, хаянуур). Однако битвы с врагами, походы за добычей и путешествия, в которых предводителю требовалась бы охрана, занимали все же меньше времени, чем мирная жизнь. Поинтересуемся, чем занимаются боевые товарищи героя в промежутках между войнами и эскортным сопровождением. Вот чудовище-мангадхай настраи-вает баторов на мятеж:

Ваш Абай Гэсэр-хубун
Вас, как будто последних рабов,
Заставляет пасти табуны свои, скот⁵¹¹.
Один из дружинников поддакивает:
Дает мяса он (Абай Гэсэр-хубун. — *В. Т.*) столько,
Что горстью измеришь,
Да супу-то столько,
Что чашкой измеришь⁵¹².

⁵⁰⁶ Там же. С. 111.

⁵⁰⁷ Абай Гэсэр-хубун. С. 89.

⁵⁰⁸ Абай Гэсэр. С. 87. Ниже в аналогичном перечне названы три тысячи, а не три сотни «дружинников» (Там же. С. 148, 149). Эти «дружинники» — часть племенного войска, набранного из пастухов. Абай Гэсэра постоянно окружают тридцать три батора, и только их мы рассматриваем в качестве собственно дружины.

⁵⁰⁹ См.: Там же. С. 237, 238.

⁵¹⁰ Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Томск, 1903. С. 95. Подобный кортеж фигурирует и в других сказаниях.

⁵¹¹ Абай Гэсэр-хубун. С. 49.

⁵¹² Там же. С. 51.

Кстати, автор этих претензий действительно поит стада и табуны Абай Гэсэр-хубуна⁵¹³. В унгинской версии эпоса столь явных пастушеских обязанностей у дружинников нет, но и в этом тексте Абай Гэсэр приказывает двум баторам изловить в табуне, обуздать и оседлать для него коня⁵¹⁴. Приходится воинам также освежевывать убитую сыном героя дичь и готовить угощение для пира⁵¹⁵. Стало быть, дружина эпического витязя — это не только военный отряд, но и своеобразный хозяйственный персонал, обеспечивающий присмотр за скотом.

Думается, не все баторы были одинаковы по положению в дружине. Естественные различия в военном опыте, физической силе и ловкости выделяли некоторых бойцов даже из этой отборной группы, возвышавшейся над остальным населением улуса. Подробное изложение дружинной иерархии содержится в перечислении достоинств и обязанностей все тех же тридцати трех баторов:

1. «Самый старший батор». К этому персонажу мы еще вернемся.
2. «Следующий за ним батор».
3. Два батора, названные отдельно.

У данной четверки приводятся имена и масти коней, а у первых двух — еще и эпитеты, указывающие на небесное предопределение их судьбы.

4. Батор, исцеляющий раненных в бою.
5. Батор—обладатель могучего голоса, т.е. сигнальщик или глашатай.
6. Девять баторов-кузнецов.
7. Девять «настойчивых» баторов (мастеровых?).
8. Девять «стремительных» баторов (плотников или строителей?)⁵¹⁶.

Специально определенных для скотоводства лиц в приведенном выше перечне нет, но мы видели, что баторам был доверен конь Абай Гэсэр-хубуна. И все же основной обязанностью этих тридцати трех человек остается участие в боях. В походы отправляются все тридцать три, и кузнецы, «настойчивые» и «стремительные» сражаются наравне с прочими дружинниками⁵¹⁷.

Если большая часть дружины действует лишь в немногочисленных эпизодах и главным образом под общим обозначением «тридцать три батора» и т.п., то фигура старшего батора выделяется из этой массы и заслуживает более пристального внимания. Но прежде вспомним, что военная демократия и военная иерархия формировались на основе разлагавшегося родового строя. Поэтому внутриклановые связи оставались чрезвычайно сильными, в том числе и в процессе складывания потестарной власти. Если улигеры действительно появлялись в основном на этой стадии исторического развития, как считает большинство исследователей, то на месте главы улусного войска резонно было бы видеть самого героя или одного из его сородичей. В самом деле, родственники помогают богатырям в странствиях и сражениях, однако не руководят военными отрядами, которых попросту нет; в сюжетах, где фигурируют близкие родичи, отсутствуют улусные структуры, и данные персонажи действуют самостоятельно. Почему же они нам интересны и при чем здесь дружина?

---

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Абай Гэсэр. С. 62.

⁵¹⁵ Абай Гэсэр-хубун. С. 89.

⁵¹⁶ Там же. С. 73, 74. Предположения о «специальностях» в скобках принадлежат М.П. Хомонову.

⁵¹⁷ Там же. С. 78, 79.

Весь облаченный в доспехи¹.

Собственно, этот воин уравнивается с главным героем и по самому факту небесного покровительства, и по сходной «процедуре» явления на землю. Но есть существенная разница: если Абай Гэсэру вооружение и богатырское облачение преподносятся уже после его нисхождения на землю — в качестве отдельного дара демиургов, то Буйда Улан-батор сразу одет в боевые доспехи, что свидетельствует о его изначальном и установленном Небом звании старшего дружинника. Ни один из перечисляемых ниже в тексте эпоса дружинников не обладает таким набором свойств и характеристик. Поэтому можно расценивать данный персонаж как второе по значимости лицо в улусе Абай Гэсэра.

Раз это старший дружинник, то он должен был бы, наверное, возглавлять дружину. Но баторов водит в походы сам Абай Гэсэр, и нет какой-либо информации об отношениях Буйда Улан-батара с младшими соратниками. А вот в эхирит-булагатском повествовании о Гэсэре есть образ Агсагалдая — «самого старшего батара»², который не только сильнее остальных членов дружины, но и реально стоит во главе ее. Когда по наущению духа-мангхадая она взбунтовалась, то Агсагалдай оказался главным исполнителем заговора против Абай Гэсэр-хубуна. Причем, и с мангхадаем, позднее, раскаявшись, с Абай Гэсэр-хубуном Агсагалдай ведет переговоры единолично, но от лица предводительствуемых им баторов³.

Чем же занимается в улусе главный богатырь, следующий в социальной иерархии сразу за своим патроном? Прежде всего — это сильнейший и искуснейший в войске. «Самый сильный среди тридцати трех баторов» Агсагалдай выдергивает из земли громадную осину⁴; помощника-засула, что состоит при Хайчилту-хане, «не обхватить и десяти человекам»⁵; Буйда Улан-батор избирается для поединка с врагом в преддверии боя⁶ и т.д.

Закономерно поинтересоваться: ведь физиологические достоинства переходящи; главные богатыри стареют, слабеют, наконец, могут изменить, как в «Абай Гэсэр-хубуне». Кто же заступит на их место? Абай Гэсэр-хубун не простил Агсагалдаю предательства и заточил его в темницу, а дружину повел на войну сам. Но во время столкновения с противником оказалось, что в воинстве все же есть «батор старейший», который мнит себя «ничуть не хуже Абай Гэсэр-хубуна». Правда, когда он бросился в бой на помощь герою, соперник просто отшвырнул его ногой, «словно шевяк»⁷; но для нас важно то обстоятельство, что после устранения Агсагалдая дружина не осталась обезглавленной. Хотя имя нового старшего батара не названо, можно полагать, что это был человек, заранее предназначавшийся на данный пост — именно на случай гибели или отставки военачальника.

В унгинской версии эпоса о Гэсэре такого претендента резонно видеть в войне, упомянутого сразу после Буйда Улан-батара при перечислении дружинников:

¹ Там же. С. 73.

² Абай Гэсэр-хубун. С. 64.

³ Там же. С. 51–59.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Улигеры ононских хамниган. С. 244.

⁶ Абай Гэсэр. С. 184.

⁷ Абай Гэсэр-хубун. С. 77.

От Суйтэ Баян-тэнгрия
С предопределением спустившийся
На светло-рыжем коне Саган Бургэ-батор⁸.

Это третий и последний из созданных Небом богатырей (после Абай Гэсэр-хубуна и Буйда Улан-батора), который удостоивается указания сказителя на божественное расположение к нему и на масть коня.

Таким образом, эпический улус управляется вождем-ханом, войско улуса в мирное время — старшим батором, а последнего готов подменить воин, соответствующий ему по физическим данным и военному опыту.

Кроме чисто военных функций, на главного дружинника возлагались и другие обязанности. Он мог выезжать на разведку для встречи с захваченным в улус незнакомцем⁹, сопровождать ханских гостей до дому¹⁰. Наверное, посольским предназначением Эрэхэн-мэргэна объясняются сведения о небывалой скорости его коня¹¹ (о каких-либо достоинствах самого мэргэна сказание умалчивает). Наконец, при отсутствии военных действий главный дружинник мог присматривать за ханскими стадами, как Агсагалдай¹², или служить распорядителем на ханском пиру¹³.

Характеристика старших баторов будет неполной, если мы не рассмотрим их имущественное положение. Данные о нем очень лаконичны и могут быть восстановлены косвенным путем, по аналогиям. Помочь в том способна такая, казалась бы, далекая от указанной проблемы деталь, как цветообозначение персонажа. Агсагалдай — «красный батор»¹⁴, Буйда Улан-батор — тоже, так как *улаан* — красный. Но интересен нам не красный цвет. С Буйда Улан-батором связана еще и белизна: во-первых, витязь разъезжает на белоснежном коне, во-вторых, ползуется покровительством Бударгы Саган (т.е. «Белого»)-тэнгрия. И следующий за ним по рангу дружинник и потенциальный его преемник тоже «белый»: Саган Бургэ-батор.

Белый цвет в тюрко-монгольской традиционной геосимволике обозначает запад, а в улусной структуре западную («правую») часть ханства¹⁵. Если продолжать дальнейшие рассуждения по аналогии, то следовало бы ожидать, что Буйда Улан-батор, подчиняясь Абай Гэсэру и командуя дружиной, в то же время управляет и западной частью владений героя. Но текст улигера не содер-

⁸ Абай Гэсэр. С. 73.

⁹ См.: Там же. С. 161; Улигеры ононских хамниган. С. 244.

¹⁰ См.: Еренсей. С. 28, 29.

¹¹ См.: *Sanzheev G. D.* Op. cit. P. 509.

¹² См.: Абай Гэсэр-хубун. С. 51. Вообще Аксакал(тай) — распространенный персонаж героического эпоса у тюркских народов. Обычно он изображался в виде почтенного старца, старейшины улуса или главного чабана (см.: *Жирмунский В. М.* Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л., 1974. С. 257, 258).

¹³ См.: Улигеры ононских хамниган. С. 237.

¹⁴ Абай Гэсэр-хубун. С. 48, 51.

¹⁵ См.: *Жуковская Н. Л.* Категория и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 154–156; *Кононов А. Н.* Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 160, 171, 172. Но символическое обозначение стран света не противоречит, а дополняет «положительный оценочный характер» белого цвета в улигере (см.: *Уланов А. И.* Вступительная статья. С. 10).

жит сведений на сей счет. Равно как нет таких данных и о Агсагалдае. Однако тридцать три батора, в том числе и их предводитель Агсагалдай, находясь под началом Абай Гэсэр-хубуна,

Имели стада, табуны,
Имели и подданных (своих)¹⁶.

Догадываемся, что старший дружинник владел или пользовался каким-то уделом.

Отдельное владение военачальника явно просматривается в сказании о Цохондое. Уже упоминавшийся Засул, младший брат Забхалту-эзэна, живет от последнего вдалеке (хотя и не сказано, на востоке или на западе), не вмешивается в события, происходящие в землях брата. При этом территории Забхалту и Засула составляют все же единый улус, поскольку сын Забхалту предлагает дяде перебраться «в стойбище родное», в ставку угнанного врагами Забхалту¹⁷.

Рассмотренные выше отношения правителя улуса и военачальника в бурятском героическом эпосе находят соответствия как в фольклоре сопредельных территорий Южной Сибири, так и в истории кочевников. Близкие подобия можно отыскать и в изображении дружины, ее функций и статуса.

Военачальники-соправители глав улусов (ханов, тойонов, богатырей) неоднократно встречаются в богатырских сказаниях алтайцев, тувинцев, хакасов, якутов... Чаше всего это братья; иногда они владеют разными частями одного ханства (родовой территории), поэтому один из них оказывается военачальником скорее номинально — по своему положению в иерархии и физическим достоинствам¹⁸. Такие «военачальники» сражаются, обходясь без чьей-либо помощи, или предводительствуют собственными воинскими отрядами, отличными от воинства главного государя. Главный герой таких эпосов обычно является верховным правителем, и именно ему подчиняется дружина. Наиболее архаичные сказания — якутские олонхо — дают картину распределения обязанностей между дружинниками, в принципе совпадающую с нашими наблюдениями по бурятским улигерам. Как мы видели в главе 2, дружинники олонхо служат герою и телохранителями, и боевыми товарищами в походах. Кроме того, из этой рати выделяются дозорные на улусных границах, служители ставки (привратники, стремянные, конюшие и т.п.), табунщики, гонцы-разведчики и «порученцы»¹⁹. В управлении улусом дружина участия не принимает, если не считать одного упоминания о проведении воинами обясачивании земель, покоренных их начальником²⁰.

¹⁶ Абай Гэсэр-хубун. С. 51.

¹⁷ Улигеры оонских хамниган. С. 226, 227, 231.

¹⁸ См., напр.: Алтайские героические сказания. М., 1983. С. 200–284; *Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. М., 1965. С. 149–211; Верхоянский сборник // Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии. 1890. Т. I. Вып. 3. С. 49; *Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. М., 1980. С. 164, 168, 241, 253; Нюргун Боотур Стремительный. Якутск, 1975. С. 64–66; Сказание о храбром Айдолае. Абакан, 1962. С. 5, 6, 19; *Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985. С. 89.

¹⁹ См.: Верхоянский сборник. С. 201; Нюргун Боотур Стремительный. С. 250, 251; Строптивый Кулун Куллустуур. М., 1985. С. 342.

²⁰ Верхоянский сборник. С. 52.

Следующую стадию развития военно-иерархической структуры—вождества отражают некоторые алтайские сказания. От сонма соплеменников отделилась дружина, а из ее среды вышел главный богатырь. Если рядовые ратники продолжают выполнять перечисленные выше обязанности, то их главный военачальник может иметь и свой удел, и — главное — ему теперь не обязательно нужно отправляться на войну. Дружину с ополчением может повести сам хан, передоверив «военачальнику» управление оставшимися дома подданными или ограничившись консультацией по военным вопросам²¹.

Еще более развитые социальные отношения проявляются в фольклоре Тувы и Хакасии. Когда Богда Чангар-хан вознамерился напасть на соседнего «владельца северной стороны», он ставит во главе войска своего малолетнего сына, а тот просит себе в помощь у отца его (ханского) «огромного черного богатыря». Богатырь же реагирует так:

Воля хана мне закон,
Только я могу доехать (до цели похода. — *В.Т.*),
Слишком я состарился.
Мне хочется,
Чтобы останки мои
Покоились на родной земле.
В общем, он отказался, и «царевич» уехал один²².

Какие возможны выводы? Военачальник подчинен хану и предназначен для походов. Но это понятно сразу. А вот примечательно в данном фрагменте то, что он обладает своим постом не в силу каких-то воинских достоинств (хотя и указано: «огромный... богатырь», но на то он и богатырь), а, вероятно, уже по причине своей принадлежности к особому рангу или даже формирующемуся сословию. Так как, во-первых, он состарился настолько, что боится умереть в походе, что немыслимо для полноценного воина в расцвете сил. Он, во-вторых, остается дома, но поход все же происходит, т.е. у звания главного полководца здесь чисто формальное значение. И пока жив его обладатель, другой человек не может занять это место. В противном случае ханский сын просил бы, и хан послал бы с ним другого опытного воина. А в бурятском героическом эпосе, как нам уже известно, старшему дружиннику всегда была готова подмена. Наконец, в-третьих, Черный богатырь — не родственник Богда Чангар-хана, что говорит об ином, по сравнению с возникающим из недр рода, принципе замещения постов при «дворе».

Если Черный богатырь более не принимает участия в событиях сказания, и исследователь вынужден довольствоваться только пересказанными выше сведениями о нем, то статус богатыря Царь-Сокола-на-рыжем-коне в хакасском эпосе «Ахмолот-Ахпорот» прослеживается отчетливее. На расспросы встречного путника этот витязь отвечает: «А куда меня пошлют, туда я и по-

---

²¹ Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 157, 158.

²² *Балбыр Б.У.* Богда Чангар хан (тувинский эпос) // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 11. Элиста, 1973. С. 122–123.

еду²³. У нашего царя шестьдесят богатырей, и главный из них я; а царь наш называется Булат на девяти карих конях. Он взял меня в плен, и теперь я служу ему. Послал же он меня тебе на встречу»²⁴.

В этом небольшом отрывке скрыта целая гамма отношений.— 1. Хан сам является богатырем, что следует, во-первых, из его типично богатырского имени-прозвища, включающего упоминание боевых коней; во-вторых, из его титулования «Булат-богатырь»²⁵; в-третьих, из слов героя к нему: «Ты на своей земле самый большой богатырь, и сильнее тебя нет»²⁶. Тем не менее, он имеет при себе начальника дружины. 2. Этот начальник дружины, конечно, никакой не родственник хана. Взятый в плен, он занимает второй по значимости пост в ханстве и служит новому сюзерену. 3. Именно служит, т.е. не только номинально возглавляет дружинное войско (шестьдесят богатырей), но и используется как посол и разведчик, исполнитель всяческих поручений (см. его первую фразу).

Теперь мы имеем дело уже со сформировавшейся военно-иерархической структурой. Военная функция хана оказывается переданной как бы специальному органу — и на сей раз не по принципу клановой солидарности (командование в руках сына или брата — гарантия лояльности) или простой целесообразности (мощный и опытный силач — лучший командир). Богатырь был захвачен в сражении и, вероятно, обладал богатырским рангом до того, как попал к Булату.

Судя по их отношениям, «пленение» есть переосмысление позднейшими сказителями своеобразной субординации в средневековом кочевом обществе. Победа одного хана над другим отнюдь не всегда означала буквальное положение поверженного противника. В южносибирских богатырских сказаниях в самом деле имеются примеры, когда глава разгромленного улуса вынужден довольствоваться участью табунщика и пасти свои бывшие стада²⁷. Но ведь шестьдесят богатырей под началом Царь-Сокола-на-рыжом-коне тоже, оказывается, «были в плену» у Булата! Да к тому же «с полками своих народов»²⁸. И герой, убив хана, распустил их по родным кочевьям, а население личного Булатова улуса угнал к себе²⁹. Стало быть, «плен» в данном контексте — это выполнение своих сословных обязанностей в пользу государя-победителя.

Героический эпос бурят, пожалуй, не содержит столь подробной картины вожества, но по основным параметрам информация улигеров об отношениях хана с дружиной и главным дружинником сходна с материалами тюркских эпосов южной Сибири.

В истории кочевых империй тоже известны пары сюзеренов, аналогичные рассматриваемым. В одних государствах существовали главы правого и левого крыльев, и правитель «младшего» крыла формально считался главнокоман-

²³ Ср. слова Черного богатыря в предыдущем фрагменте:

²⁴ *Титов В.* Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Русского географического общества. 1856. Т. 15. Кн. 6. С. 129.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 129–130.

²⁷ См., напр.: *Радлов В.В.* Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. С. 232; Сказание о храбром Айдолае. С. 19.

²⁸ *Титов В.* Указ. соч. С. 133.

²⁹ Там же.

дующим вооруженных сил всего ханства³⁰. В других державах при верховном хане находился его соправитель-военачальник, который в зависимости от исторических обстоятельств мог сосредотачивать в своих руках все управление, оставив монарху сакральные и «представительские» функции (каган-бек при хазарском кагане, беклербеки Ногай, Мамай, Едигей при ханах Золотой Орды, эмир Тимур при ханах-Чингисидах и т.п.).

Зафиксированные письменными источниками варианты соправительства хана и военачальника отразили конечную стадию долгого процесса автономного существования дружины и должности главного дружинника. По всей видимости, крыльевое соправительство вело начало от структур племенных ополчений, когда ими руководили члены одного правящего клана. Этот путь политогенеза не рассматривался в данной главе. А вот сосуществование хана и военачальника в улусе, не разделенном на полунезависимые крылья, скорее всего происходило из разграничения «гражданских» и военных прерогатив хана и поручения военных дел особому «органу». Получив власть над дружиной и ополчением, главный дружинник, естественно, имел возможность занять ведущее положение в государственной структуре кочевой империи.

Глава 6. Структура кочевого улуса

В предыдущих главах мы рассмотрели отношения, складывавшиеся вокруг главного персонажа сказаний — хана, богатыря, т.е. главы улуса. Теперь попробуем разобраться, что представлял собой сам улус. Удобным материалом для изучения такого поворота темы служит южносибирский героический эпос. В раннем средневековье народы Южной Сибири создали могущественную державу — Кыргызский каганат.

Он играл значительную роль в политической истории Центральной Азии IX–XI вв. Гегемония распространялась на Туву, Хакасию, Алтай, часть нынешнего Казахстана и — после разгрома Уйгурского каганата в 840-х годах — на монгольские степи. Военная и дипломатическая активность енисейских монархов вызывала пристальное и настороженное внимание окрестных правителей, прежде всего Китая, Тибета, Восточного Туркестана. Естественно, главным образом оно обращалось на аспекты политических отношений кыргызов с соседями. По сравнению с организацией армии, планами и маршрутами военных экспедиций, внутреннее устройство каганата занимало иностранных наблюдателей в гораздо меньшей степени. Они имели представление о структуре верховного управления у кыргызов, но полная административная иерархия, как и ранжирование подданных, принципы их отношений, почти не

---

³⁰ Это имело место, в частности, в Монгольской империи второй четверти XIII в. и Улуса Джучи XIII — первой половины XIV в. (*Тrepавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 78, 86–91*).

отразились в средневековых текстах. Следовательно, для изучения указанных вопросов нужно искать другие материалы.

Ясно, что наиболее адекватные сведения о внутренней организации Кыргызского каганата и наследовавших ему княжеств могут дать источники, исходящие непосредственно от его населения. Такая информация давно и успешно извлекается из текстов рунической письменности (далее — ЕРП, т.е. енисейская руническая письменность³¹). Однако в отношении данной темы у них имеются некоторые особенности, осложняющие ее изучение. Во-первых, предельный лаконизм, который, правда, «скрашивается» большим и все нарастающим количеством обнаруживаемых надписей. Во-вторых, и это более существенно, — тематика надписей. По большей части это эпитафии и посетительские «автографы». А значит, их информативность не идет ни в какое сравнение с древнетюркскими каганскими руническими памятниками из Монголии. Тем не менее, южносибирская руника — уникальный источник по природе своего происхождения из среды кочевников, что для историков, изучающих средневековые евразийские степи, является редкой удачей, ведь кочевой мир был в основном бесписьменным.

Другим каналом получения данных о социальном устройстве древнекыргызского общества представляется южносибирский эпический фольклор. Конечно, невозможно по эпосам восстанавливать эпическую историю народа (о чем говорилось во Введении), но они дают шанс проследить действие некоторых общественных институтов, которые оказались вне поля зрения зарубежных хронистов и не отражены в рунических надписях. Фольклор неоднократно привлекался для анализа устройства кыргызского общества³².

В этой главе мы попытаемся составить относительно детальную картину формирования и функционирования кочевого владения улуса во главе с ханом или бегом по данным богатырских сказаний хакасов и тувинцев (далее — ХБС, ТБС). Рассмотрим улус в двух ракурсах: как территорию, населенную кочевниками-скотоводами, и как социальную структуру, функционирующую в процессе управления военно-административными органами кочевым населением улуса. Сначала разберемся с составом улуса, т.е. из чего складывалась территория, и из кого — население; что в глазах номадов служило критерием улуса, его постоянными характеристиками. Затем попытаемся выяснить организацию управления улусом. Полученная из богатырских сказаний информация поможет определить некоторые принципы социальной регуляции

³¹ Общепринятое название — (древне)тюркская руническая письменность. «Енисейская» — указание на регион распространения.

³² Хотелось бы выделить две работы. *Бутанаев В.Я.* К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов (по данным исторического фольклора) // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. Из подзаголовка статьи ясно, что автор опирался не на героический эпос (служащий основой исследования в нашей работе), а на исторические предание, которые отразили главным образом ситуацию XIII–XV вв. Т.е. В.Я. Бутанаев реконструировал социальные отношения периода монгольского завоевания Южной Сибири; *Сунчугашев Я.И.* Хакасские исторические сказания как исторический источник // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. Основное внимание автором уделено поиску этнографических соответствий между легендарными и реальными явлениями материальной культуры и быта.

у енисейских кыргызов — в том числе в Кыргызском каганате, а значит, в какой-то мере и в других кочевых империях.

Главное и первое, что служит определением улуса — это его пространственное положение. Обозначить улус — значит назвать его топографические ориентиры. В богатырских сказаниях это обычно горы и реки, причем точная граница владений не называлась. Например, богатырь Меге Шааган-Тоолай и его сын Меге Баян-Тоолай жили по соседству, занимая: первый — устье реки Чинге-Кара-Хем, второй — ее верховье³³. Здесь «занимать» означает «иметь стойбище, резиденцию» (в тексте: «Стойбище его находилось в верховье той же реки...»). Однако в других сказаниях недвусмысленно говорится о владении героем той местностью, в которой он селится: «От рождения своего Алдай-Буучу владел горой Соок-Кызыл-Тайгой»³⁴; братья Ак-хан и Кадын-Кара тоже владеют «от рождения своего (рекой. — В.Т.) Узун-Кара-Хемом»³⁵. Обладание земельными угодьями осознается эпическими персонажами именно как личное владение. Независимо от богатства или скудости данной территории она воспринимается как «милая родина», разлука с которой вызывает тоску и печаль. Характерный прием в ХБС — гордо-уничижительный отзыв о своем улусе — типа: «Есть у меня вода своя, хотя мелкая! Есть у меня гора своя, хотя невысокая! Как человек, имеющий свою воду, я соскучился об ней! Как человек, имеющий свою землю, я стосковался об ней! Надо ехать домой!»³⁶.

Пиетет перед родным кочевьем имел и мифологическое обоснование, в соответствии с которым улус находился в центре мироздания, был по возможности максимально обжит, освоен, упорядочен и защищен. Вне его пределов законы и силы хаоса имели бульшую возможность производить свою разрушительную работу³⁷.

Чисто территориальная ипостась улуса в ТБС обозначена понятием *чурт*; в пределах чурта располагается кочевое селение, стойбище — *аал*. В понятие аала входит все его население, скот и имущество³⁸. Чурт и аал — категории внеформационные, но в определенном смысле стадильные: сначала они обозначали места кочевок рода, затем постепенно распространились и на кочевья отдельных семей. Терминология ТБС в этом отношении архаична, поскольку практически не отразила землевладения в рамках государственных структур. Ведь в Кыргызском каганате существовало как государственное, так и частное землевладение³⁹. Вероятно, общеродовое владение пастбищами, угодьями стало со временем расцениваться в качестве объекта собственности правящего рода и типологически сделалось близким собственности государственной.

---

³³ Сказания о богатырях. Тувинский героический эпос. Кызыл, 1960. С. 87.

³⁴ Там же. С. 19.

³⁵ Там же. С. 92.

³⁶ Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. Перевод // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В.В. Радловым. Ч. 9. СПб., 1907. С. 316; см. также: Там же. С. 319; Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. М., 1989. С. 234.

³⁷ См.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалев А.М., Усманова М.С. Новосибирск, 1989. С. 134.

³⁸ Гребнев Л.В. Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа). М., 1960. С. 105, 106.

³⁹ Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 132–134.

Улусы-уделы, полученные в качестве наследства или условного пожалования, в принципе были аналогичны феодально-частным владениям.

Как соотносились эти две категории? В памятниках ЕРП ответа на этот вопрос, пожалуй, не найти. А вот в ХБС есть примечательный эпизод. — Ай-Мцкц, младший брат хана, встречается на охоте незнакомца, который, перебил всю дичь. Герой возмущенно вопрошает:

Скажи, на моем охотничьем уголье
Почему ты охотишься?..
Отвечал человек на красном коне:
Землю эту создал бог,
У тебя ли мне просить ее?
Есть наверху бог всевышний,
А внизу — белый царь.

Ай-Мцкц вступает в поединок с наглецом, и тот погибает от посланной чудесным образом стрелы⁴⁰.

Этот краткий фрагмент позволяет сделать ряд заключений: а) Ай-Мцкц — младший брат хана, но имеет свой район для охоты. Значит, на территории улуса существовали уделы родичей правителя. Но это отдельная тема⁴¹, а нам сейчас интересно то, что:

б) охотничья территория Ай-Мцкц расценивается, с одной стороны, как находящаяся в его пользовании, с другой — естественно, как часть улуса, во главе которого стоят его старший брат;

в) с точки зрения проезжего охотника, право распоряжаться землей имеют только бог (в традиционном тюркском пантеоне это Небо-Тэнгри, антропоморфизированное в ХБС в облике божества—Кулая) или белый царь. Последнее понятие — обычное обозначение российского самодержца. Но экстраполируя ситуацию на более ранний период, можно видеть на его месте и верховного кагана. Конечно, неизвестно, какого именно — древнетюркского, кыргызского или монгольского, а вернее всего — сразу их всех, поскольку земля в ранне-средневековых каганатах и Монгольской империи XIII в. считалась собственностью — «достоянием» правящего рода, олицетворяемого его фактическим главой — каганом;

г) противоречие между государственным и «частно-удельным» принципами землевладения разрешается в пользу последнего, так как сторонник верховной «царской» юрисдикции бесславно гибнет. Но коллизия заключается здесь, собственно, только в масштабах явления. Ведь в типовом отношении права отдельного рода на родовые земли (и, соответственно, права хана как главы рода на родовой улус), с одной стороны, и права главенствующего рода на всю территорию каганата, с другой, были однотипными.

Существенная разница заключалась лишь в том, что правление каганской родни и каганского двора опосредовалось как раз местными властями — или родовыми (клановой аристократией, потестарными лидерами), или военно-служилыми, наместниками. Родовая аристократия осуществляла контроль над

⁴⁰ Радлов В. В. Указ. соч. С. 231.

⁴¹ Некоторые ее аспекты освещены выше, в главе 4.

населением и управление им непосредственно, и именно эта категория правителей действует в большинстве ХБС и ТБС, именно с ней связано течение эпических сюжетов. Памятники же ЕРП раскрывают отношения, главным образом, в недрах другого лагеря древнехакасской и древнетувинской знати — служилых бегов.

Возвращаясь к разговору о территории улуса, отметим, что взаимоотношения различных рангов владельцев могут быть спроецированы прежде всего на родовую улус и лишь только затем — через цепь промежуточных магистратов — на каганат. Когда богатырь Бокту-Кириш отделяет женившегося сына, то ясно, что дело происходит внутри наследственных земель Бокту-Кириша. Процесс выделения состоял опять же из топографической дефиниции. Если сам хан в данном ТБС владел кочевьями по реке Элдиг-Кара-Хему, то молодоженам он отводит пастбища «на склонах Энгиргей-Тайги»⁴². Снова указан доминирующий ориентир без четких границ удела.

Территория — это только один из обязательных показателей улуса. В отношении богатства ханских владений в богатырских сказаниях называются совсем другие признаки — поголовье скота и численность населения. «К скоту прибавился скот, к народу прибавился народ» — эта трафаретная формула в ряде сказаний служит выражением процветания ханства⁴³. В надписях ЕРП при характеристике владений-багов фигурируют табуны коней, иногда с указанием их количества (Е3, 5⁴⁴; Е 41, 4; Е 46, 2, 3); скот вообще — тучный и неисчислимый (Е 10, 11; Е 26, 6; Е 28, 7; Е 42, 6). Кроме скота, богатство улуса, по ЕРП, заключалось также в изобилии лесной дичи (Е 28, 7) и личном богатстве — коврах, оружии и т.д. (Е 26, 7; Е 41, 5; Е 46, 3). Правда, «лирический герой» эпитафий, сожалея об оставленном на земле достоянии, вспоминает не о подвластном населении, а лишь о родственниках и дружинниках своих, ополченцах (Е 3, 5; Е 26, 8).

Постоянное внимание авторов эпосов и надписей к перечисленным составляющим богатства не случайно. Ведь количество лошадей и овец — единственное основание для оценки хозяйственной мощи кочевого улуса, его жизнеспособности и самостоятельности. Соответственно так же расценивается и количество подданных — силы, могущей защитить стада и увеличить их за счет ограбления соседних ханов. Причем размеры стад и массовость населения являлись не просто экономической опорой власти данного хана, но и знаком расположения к нему божественных сил, благоволения Неба⁴⁵.

При сопоставлении памятников ЕРП с богатырскими сказаниями можно понять, что население улуса четко делится на две категории: титулованная знать с воинами-«профессионалами» и простонародье, рядовые кочевники. Последние практически не представлены в надписях и не играют сколько-нибудь заметной роли в эпосах. Народная масса («кара будун» в ЕРП) традиционно расценивалась как однородная, инертная и пассивная, всецело подчиненная воле

---

⁴² Бокту-Кириш и Бора-Шээлей. Тувинское народное сказание. Кызыл, 1960. С. 172.

⁴³ См., напр.: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. С. 289, 297, 317.

⁴⁴ Нумерация памятников и строк дается по: Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. Цифра после запятой обозначает номер строки.

⁴⁵ См.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. С. 207, 208.

правителя⁴⁶. На основании отдельных немногочисленных упоминаний в ТБС Л.В. Гребнев разделил ее на непосредственно подданных—пастухов и ханскую прислугу (повара, дровоносы, конюхи)⁴⁷. Я.И. Сунчугашев рассматривает всех пасущих скот в качестве зависимых: *сюмекчины* (домашние слуги) и *хулы с тасами* — рабы, каковыми становились военнопленные и нищая молодежь, утратившая родовые связи⁴⁸. Присутствие военнопленных было одним из источников полиэтничности улуса, когда в его состав входили люди не только из родственных кланов, других «языков», что тоже отмечено в литературе⁴⁹. Многочисленный «разноязыкий народ» во владениях богатыря Ханныг-Хылыса⁵⁰ и некоторых других героев — довольно редкое определение подданных в ХБС. Предполагаю, что в отличие от алтайского героического эпоса, где данный эпитет встречается постоянно и превратился, видимо, в некое клише, здесь он является значимым признаком и отражает реальность.

Над простонародьем возвышалась знать. В.Я. Бутанаев на основе преданий членит древнехакасское общество на два «класса»: *албаты* (рядовых скотоводов) и *чайзанов* (знать, состоящую из высшей прослойки, *алтын чайзаннар* — хаан, князья, дружинники, чиновники, и низшей прослойки, включавшей *тайчы* — глав небольших родов и племен). Кроме того, в подчинении у хакасского хана находились «вассальные» племена — *кыштым (кистим)*. В основании социальной пирамиды располагался слой рабов—хулов⁵¹. К той же иерархии сводится менее сложная схема, предложенная Л.В. Гребневым для ТБС: хан, феодалы, дворовая челядь, пастухи⁵².

Характерным в этом отношении представляется состав улуса в одном из сказаний. В возглавляемом богатырем (фактически ханом) владении есть *мергены* (дружинники) и мудрецы, с которыми герой держит совет по неводу наречения именем своего сына; есть чиновники—*дужуметы*; есть слуги; есть и простой народ, в том числе и дужуметы побежденного хана, сделавшиеся табунщиками, у победителя. Кроме того, среди пастухов находится и смотритель за стадами жены богатыря, выделенными ей в виде приданого⁵³.

Итак, ясно, что богатырские сказания и тексты ЕРП главное внимание уделяют знати. В тюркологической литературе социальная организация древнетюркской, древнеуйгурской и древнекыргызской знати обозначается понятием «эль». В нашей книге под этим термином будет пониматься военно-административная, имперская структура кочевого общества, взаимно дополняющая *будун* — структуру родо-племенную (формулировки С.Г. Кляшторного)⁵⁴. Поскольку богатырские сказания возникают на довольно ранних стадиях политогенеза

⁴⁶ Об этом см.: Радлов В.В. Указ. соч. С. 246.

⁴⁷ Гребнев Л.В. Указ. соч. С. 115.

⁴⁸ Сунчугашев Я.И. Указ. соч. С. 34, 37–39.

⁴⁹ См.: Майногайшеева В.Е. Хакасское героическое сказание «Алтын-Арыг». Автореф. канд. дисс. М., 1967. С. 10, 11.

⁵⁰ Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос. М., 1988. С. 481.

⁵¹ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 201–204.

⁵² Гребнев Л.В. Указ. соч. С. 115, 116.

⁵³ Тувинские народные сказки. М., 1971. С. 24, 27, 30.

⁵⁴ Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблема социальной мобильности. М., 1986. С. 219.

и продолжают бытовать вплоть до этнографической современности, то можно допустить отражение в них различных этапов развития и типов организации управления. Начнем рассмотрение их с самых простых видов улуса, состоящего только из правителя и подданных,

1. Хан без магистратов. Богатырь Хайтыкара, убив враждебного хана, «по обычаю» забирает весь его скот, имущество, жену и напутствует население побежденного улуса: «Этот скот — уже мой скот. Вы теперь мои подданные. Я среди вас одинок и сам сгоню и проверю скот. Вы перекочевывайте ко мне через месяц, а я уеду вперед⁵⁵. Здесь правитель обходится без посредников, самостоятельно ревизуя стада. Значит, хан и завоевывает соседние владения, и пересчитывает их достояние, не имея для этого никаких помощников? Но это немислимо для кочевого сюзерена! Как мы увидим ниже, он не может осуществлять в одиночку все властные функции — как в отношении войны, так и в связи с хозяйственным управлением. И оговорка Хайтыкары «я среди вас одинок» содержит намек на то, что на родине-то он как раз не одинок — хотя бы при регистрации поголовья овец и лошадей. Действительно, контроль за главной отраслью кочевой экономики требовал участия не только хана, но и его особых уполномоченных.

2. Хан + пастухи. Для эпического героя неестественен чабанский труд; удел героя — подвиги и сражения. Стада его находятся под присмотром пастухов. Это самая элементарная организация улуса. Она настолько проста, что иногда устройство ханства низводится сказителем до уровня аального, семейного хозяйства. Встречаются ситуации, когда один брат отправляется на поиски приключений, а другой (старший или, по большей части, младший) присматривает за скотом⁵⁶. Этому занятию может предаваться и младший побратим в пользу старшего⁵⁷. Но чаще за отарами и табунами ухаживают не родичи хана, а посторонние люди. Ими могут оказаться военнопленные⁵⁸, но, как правило, указания на происхождение пастушьего статуса персонажей отсутствуют, т.е. подразумевается его изначальность⁵⁹. Спрашивается, как же управляется хан со своим владением без администрации, без войска? Возможен следующий ответ: организация улуса настолько примитивна, что не требует особых потестарных институтов, а войско в нем — это ополчение из тех же пастухов» В самом деле, в земле Ак-хана

Народ трудящийся ... живет,
Ханский скот на лугах пасет⁶⁰,

---

⁵⁵ Кон Ф.Я. За 50 лет // Собр. соч. Т. 3. М., 1934. С. 183.

⁵⁶ См.: Гребнев Л.В. Указ. соч. С. 14, 15; Сказания о богатырях. С. 88.

⁵⁷ См.: Тувинские народные сказки. С. 44.

⁵⁸ См.: Радлов В.В. Указ. соч. С. 232.

⁵⁹ См.: Сказания о богатырях. С. 19 («дед Ак-Сал»); Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. СПб., 1883. С. 583, 584 («два пастуха, Аксагалдай и Саингеле»). Старец Аксакал — один из наиболее распространенных персонажей тюркского героического эпоса (см.: Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избр. тр. Л., 1974. С. 257, 258). В ТБС и ХБС это обычно старый чабан, иногда и старший брат героя.

⁶⁰ Албынжи. Хакасское героическое сказание. Новосибирск, 1951. С. 41.

т.е. в улусе хан, пастухи — и больше никого. Но когда витязь Хан-мерген въезжает в этот улус, то восклицает:

Эй вы, стадо богатырей,
Кто хочет жить, говори скорей!..
Смех услышали богатыри,
Хан-Мергена узнали они⁶¹.

Таким образом, пастухи здесь являются богатырями (которые, по сюжету, конечно, не чета Хан-мергену) и наоборот. Значит, в мирное время подданные пасут овец, а при нападении врага защищают родные стойбища. Более того, при отсутствии особых порученцев у хана старший пастух исполняет посольские и дозорные обязанности⁶².

3. Хан+пастухи+слуги. Такой расклад компетенции эпических персонажей удобно рассмотреть на примера ТБС «Богатырь Тевене-Меге и его конь Демир-Шилги». Принявший облик нищего герой едет сватать дочь хана Кавынды. Въехав в его владения и по пути к ханской резиденции, он поочередно встречает старика со старухой, охраняющих границу улуса; «белоголового табунщика, пасшего белый табун», «сто табунщиков, пасших сто синих табунов», «семь желтых девушек», пасших овец; «двух желтых парней», пасших телят⁶³. Как и в предыдущей структуре («хан + пастухи»), на пастухов возложены задачи охраны: табунщики, шокированные мерзким видом оборванца, решили было убить его, чтобы тот своим появлением в ставке не опозорил хана⁶⁴. А «желтые парни» информируют государя обо всем, происходящем в ханстве⁶⁵. Но кроме того, при правителе состоит еще и некоторый штат придворных, а именно «три слуги-китайца, три волшебника», которых Кавынды посылает на переговоры с богатырем⁶⁶.

Помимо перечисленных лиц, к организации внутренней жизни улуса никто не причастен. Правда, усыпив бдительность потенциального зятя, «хан тайком готовят богатырей. Со всех концов света спешат к нему силачи»⁶⁷. Стало быть, это все-таки не дружина. Ведь «силачи» не состоят постоянно при начальнике-хане, а собираются со всех сторон улуса по обычному принципу ополчения. Скорее всего, это те же пастухи, но призываемые в бой, то есть известное нам из «Албынжи» «стадо богатырей».

Наметилась некоторая дифференциация функций. Не оставляя основного занятия, одни кочевники охраняют пределы ханства, другие составляют ополчение, третьи исполняют задачи гонцов-информаторов («желтые парни»). При явно просматриваемом ранжировании чабанов сохраняется, надо полагать, и старый пост главного пастуха (особенно если учесть многотысячное поголовье стад Кавынды). При правителе появляются деятели, вообще не связанные

⁶¹ Там же. С. 41–42.

⁶² См.: *Гребнев Л. В.* Указ. соч. С. 14, 15; Сказания о богатырях. С. 88, 91.

⁶³ Тувинские народные сказки. С. 16–18.

⁶⁴ Там же. С. 18.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 19, 20.

⁶⁷ Там же. С. 22.

с производством. Пусть они лишь прислуживают на пиру⁶⁸, но уже не работают на пастбищах. В сказании же о Тевене-Меге они выступают только как послы, однако «звание» волшебников позволяет предполагать наличие у них прерогативы ханских советников.

4. Хан + советники. В эпических улусах, где управление осуществляется ханом при помощи советников, рядовое население обычно уже не фигурирует, превращаясь в пассивный фон развития основного сюжета. Вероятно, это — стадия выделения из родового коллектива лиц, занимающихся только управлением, что представляет собой начальный шаг формирования, во-первых, публичной власти, во-вторых, структуры эля. Подумаем, в каких советах нуждался хан? Очевидно, прежде всего в таких, которые помогли бы регулировать отношения между новой формирующейся властью и подданными, а также в среде подданных. Обе эти сферы регламентировались обычным правом, а обычаи были общеизвестны — т.е. известны и представителям власти, и подданным. Но в сложной социальной обстановке кристаллизации власти, встающей над народом, неизбежно возникли коллизии, не предусмотренные обычными нормами. Вот здесь-то и требовалась консультация от знатоков этих обычаев, а таковыми являлись старики — хранители завещанных предками жизненных устоев. Неудивительно, что на месте советника мы встречаем старца, и именно в случае конфликта с обычными-правовыми установками. —

В ХБС «Алтын-Арыг» регентша Пичен-Арыг, задумав свергнуть малолетнего хана, обращается к своему престарелому отцу Алтын-Сейзену: «Хочу стать ханшей». Тот отговаривает ее, ссылаясь на непреложность канонов наследования от отца к сыну как залог благополучия народа⁶⁹. Кроме старца, который и появляется-то в данном сказании лишь однажды — в этом эпизоде, действует и младшая сестра интриганки, ведущая домашнее хозяйство ее и маленького хана (ср. наш пункт «хан + пастухи»).

И все же знаток традиций не случайно упоминается только один раз, ведь он «внештатный» советник. Ближайшее к правителю окружение тесно связано с его, правителя, повседневной жизнью и, кроме участия в совете, исполняет типично придворные обязанности. Так, гостя Кара-хана семеро *зайсанов*⁷⁰ ведут в ханскую юрту, а шестеро привязывают его коня⁷¹. Здесь мы видим в первом случае непосредственно придворных, во втором — конюших. Но те и другие осмысливаются уже именно в качестве чиновников, что подтверждается титулом *зайсан*. Распространенное эпическое чередование «шесть — семь» и элементарность поручений свидетельствуют о небольшой значимости этих деятелей в административной жизни улуса. Но поскольку у Кара-хана нет дру-

---

⁶⁸ См.: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. С. 183 (шесть зайсанов убирают посуду после трапезы).

⁶⁹ Алтын-Арыг. С. 264, 265. Аналогичную трактовку образа Алтын-Сейзена как «охранителя обычаев и устоев» см.: *Майногашева В.Е.* Хакасский героический эпос «Алтын-Арыг» // Алтын-Арыг. С. 500, 501.

⁷⁰ Терминология чиновничьих постов в южносибирских богатырских сказаниях происходит из Монголии XIV–XVII вв. (см.: *Гребнев Л.В.* Указ. соч. С. 51–54, 114). Но формы организации власти довольно архаичны и сложились, видимо, до XIV в. Монгольская номенклатура должностей была привнесена в старые эпические отношения позднее.

⁷¹ *Катанов Н.Ф.* Указ. соч. С. 223. В другом сказании из собрания Н.Ф. Катанова в аналогичной ситуации действуют соответственно пятьдесят и шестьдесят зайсанов (там же. С. 315).

гих «функционеров», то приходится допустить, что управление осуществляется им солидарно как раз с этими тринадцатью зайсанами.

Улус Тунг Каратты-хана управляется более рационально: самим государем и двумя сановниками-*тушмютами* — старшим, с двумя печатями, и младшим, с одной⁷².

До сих пор мы следили за линией развития, так сказать, «гражданской» администрации. И видим, что завершенности в решении вопроса об организации улусного управления нет. Ханский двор выделился из массы номадов, но разделение функций внутри его весьма расплывчато. Можно пока утверждать однозначно, что особый «магистрат» берет на себя обязанность контроля за стадами. В «родовом» улусе это может быть брат хана, в многоклановом или смешанном — один из чиновников (младший тушмют Тунг Каратты-хана едет осматривать скот⁷³). Кроме того, находятся люди, выступающие в качестве арбитров при решении конфликтов, связанных с нарушением обычаев⁷⁴. Собственно, смысл формирования администрации — в конструировании гражданской и военной власти. С первой мы попробовали разобратся выше. Посмотрим теперь на отношения хана с улусным войском.

5. Хан + дружина. Из всемирной истории известно, что в эпоху разложения родового строя в вождествах образовывался социальный слой профессиональных военных. Они не сеют хлеб, не пасут скот, а производят набеги и ведут бои с соседними племенами, составляя дружину во главе с племенным вождем. В предыдущей главе мы разобрали некоторые аспекты отношений хана-богатыря с дружинниками. Теперь посмотрим на место дружины в улусном управлении.

При всей своей интенсивности в тот период военные действия занимали, конечно, меньше времени, чем мирная жизнь. В промежутках между походами бойцы предавались военным упражнениям (хотя бы охоте — тоже вид маневров у номадов), а еще обслуживали своего лидера, выполняя различные его поручения. Наряду с постепенным развитием старых, родовых регуляционных институтов, возрастание социальной роли и активности дружинников представляет собой второй, параллельный путь развития эмбриональной протогосударственности. Если территория племени подвергалась большому вражескому нашествию, то за оружие бралось все мужское население, т.е. ополчение сохранялось. Но все же война уже считалась делом особой категории соплеменников.

Думается, критериями отбора в эту категорию являлись на первых порах физические качества молодого мужчины (позднее к ним добавилась соответствующая сословно-семейная принадлежность). Как раз сила, мужество и ловкость служили пропуском в дружину и обязательными характеристиками богатыря в героическом эпосе. «Пятьдесят лучших богатырей» Ах-ха-

⁷² Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 373.

⁷³ Там же. С. 374.

⁷⁴ Правда, здесь мог иметь место двухсторонний процесс. С одной стороны, переход данной функции от аксакалов к хану, с другой — передача ханом этой, уже своей, функции особо назначенным лицам. Материалы богатырских сказаний Южной Сибири не позволяют сделать уверенный выбор из двух указанных вариантов.

на⁷⁵ — это отборные жители его улуса. Правда, в данном сказании они никак не проявляют своих превосходных качеств, а хан собирается их использовать только в качестве кортежа при поездке в сопредельный улус. Значит, хан сам возглавляет дружину, а ее члены неотличимы друг от друга по статусу. Но учитывая приобретение воинством некоторых управленческих функций, а также естественные различия между воинами в опыте и силе, можно допустить, что внутри их коллектива намечались какие-то различия. И самый искушенный и закаленный в битвах витязь вполне мог заменить хана-вождя на поле боя. Действительно, Каратты-хан послал на войну своего сына, Хара Сагашту-хана, придав ему на помощь пять духов-ельбичинов, двух силачей (*мцки*) и сто воинов⁷⁶. Убеждаемся, что дружину возглавляет ханский сын, а главное — что в самой дружине уже выделились силачи, все достоинства и обязанности которых сводятся пока только к способности противостоять врагу в рукопашной. Это еще не военачальники.

Военачальники — Черный богатырь Богда Чангар-хан из одноименного ТБС и богатырь Царь-Сокол-на-рыжем-коне из ХБС «Ахмолот Ахпорот» (см. выше, гл. 5). Нам еще пригодится информация о трехступенчатой иерархии богатырей из последнего сказания, а теперь вернемся к распределению компетенции кочевого правителя между административными институтами,

б. Хан+дружина+советники. По общей схеме, хан является главой гражданского управления (в качестве старшего в генеалогической структуре родов, верховного вождя, судьи и, возможно, жреца) и главой политической организации (в качестве военного предводителя). Названный расклад обязанностей и прерогатив выведен С.Г. Кляшторным для древнетюркского кагана и В.С. Таскиным для хуннского шаньюя⁷⁷, но в принципе соответствует статусу любого степного государя. Названные два направления его деятельности хорошо проиллюстрированы в тексте ТБС, повествующем о намерения Хан-Буудая повести с собой в поход «сто пятьдесят богатырей—предводителей своего войска и сто пятьдесят писарей—предводителей своего народа»⁷⁸ (своего, т.е. Хан-буудаева). Детализация обязанностей предводителей войска и народа не входила в задачи сказителя, да эти триста человек и не участвуют в дальнейших событиях эпоса. Однако важно отметить принципиальное разделение функций администрации на военные и гражданские. Зафиксируем данную структуру на схеме 1, где А — хан, В — войсковые командиры, С — «штатские» начальники, «предводители народа».

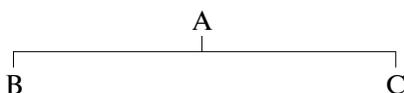
⁷⁵ Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Русского географического общества. 1856. Т. 15. Кн. 6. С. 187.

⁷⁶ Потанин Г.Н. Указ. соч. С. 416.

⁷⁷ Кляшторный С.Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. № 412. Сер. востоковед. наук. Л., 1984. С. 145; *Он же*. Образ кагана в орхонских памятниках // Памятники письменности и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. 13. М., 1977. С. 14; *Он же*. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тыс. до н.э. — I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 312–339; Таскин В.С. Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. I. М., 1968. С. 9–11.

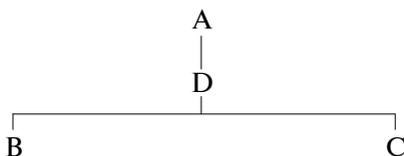
⁷⁸ Сказания о богатырях. С. 29.

Схема 1

Аналогичное построение кыргызского эля рубежа I—\$5I тыс.н.э. обрисована в «Тан шу»: «Государь называется Ажо... Чиновники разделяются на шесть разрядов... Министров считается семь, главноначальствующих трое, управителей десять. Все они завещают войсками. Делоправителей считается пятнадцать...»⁷⁹. Если принять последнюю категорию управленцев за организаторов невоенной жизни народа⁸⁰, то изложенная в китайской хронике иерархия в общем совпадает с данными «Алдай-Буучу». Однако ниже уточняется, что всеми государственными делами ведают три «министра», «командующих»⁸¹. Поэтому схему немного уточним, введя в нее эту коллегии советников, «кабинет министров» (D на схеме 2). Трое сановников, берущих на себя осуществление основных ханских прерогатив, конечно, не заменяют правителя. Но возможно допустить, что они олицетворяют эти прерогативы: главенство над народом, распоряжение скотом и командование войсками.

Схема 2

Подобный орган действует в одном из ТБС, где хан держит совет с мергенами и мудрецами, т.е. с представителями армии и народа⁸². Правда, казначея-смотрителя стад здесь не предусмотрено, но упоминается, что в побежденном и присоединенном улусе по воле нового господина табунщики

⁷⁹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 352–353.

⁸⁰ Разделение деятельности «магистратов» на военную и невоенную сферы в реальном, а не эпическом кочевом социуме было достаточно условным. В центре внимания богатырских сказаний — хан, а он действительно имел необходимость и возможность передавать часть своих прав посторонним лицам. Однако, во-первых, он оставался воплощением, средоточием и наиболее полномочным носителем всех административных прерогатив. Во-вторых, практически все кочевых ханства состояли из удельных улусов, правители которых соединяли в своих руках войсковое командование и фискально-контрольные функции. Поэтому в фигурах эпических героев, возглавлявших относительно развитые структуры, явно просматриваются обобщенные образы именно верховных правителей. Но основная масса богатырей в своих связях с населением собственных улусов обходится как раз без функционеров-посредников.

⁸¹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 354; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 55, 56.

⁸² Тувинские народные сказки. С. 30.

стали чиновниками и наоборот⁸³. Т.е. чиновник-дужумет связан о контроле за скотом, перемещениями и численностью стад и табунов, и хотя представитель таких дужуметов не участвует в совещании, понятно, что и этот круг задач хана оказывается возложенным на особых лиц.

Разумеется, система управления в кочевом улусе была сложнее, и две наши схемы дают лишь первоначальный абрис организации ее высшего эшелона. В последней ссылке на ТБС «Богатырь Тевене-Меге» упоминался присоединенный улус. В данном сказании правитель его был убит героем. В других случаях, как мы уже знаем, поверженные владетели превращаются в пастухов собственного скота, перешедшего к новому хозяину. Но нам также известно, что существовал и символический плен, когда они становились «вассалами» победителя, сохраняя ханское (или скорее, княжеское, бегское) достоинство. Организация такого зависимого улуса разобрана В.Я. Бутанаевым. Князь-*ниг* (в прошлом – *бег*) подчинен хаану, платит ему дань, собранную со своего народа. Для поддержания своей власти он содержит дружинников-*матыров*, образующих военное сословие и имеющих своих зависимых и свой скот. В военное время матыры предводительствуют военными отрядами. Существует и чиновничий аппарат «для исполнения княжеской власти»: советники, послы-*илчи*, делоправители-*хатчы*, сборщики подати-*албана* и др. Кроме того, во главе небольших родоплеменных коллективов стоят *тайчы*. Последние относятся к сословию чайзанов; матыры и чиновники составляют «класс» «золотых чайзанов». Описанная общественная композиция сложилась у хакасов в XIII–XIV вв., в эпоху монгольского владычества⁸⁴. Судя по всему, владения, образовавшиеся к середине II тыс. в Хакасии – бывшей «метрополии» Кыргызского каганата, имели двойственный статус: в их устройстве сочетались черты как самостоятельных улусов, так и зависимых владений. Мы подошли к заключительному этапу темы этой главы – к выяснению ранга вторичных, несамостоятельных владений в рамках единого ханства.

Уже привлекался фрагмент из «Ахмолота Ахпорота» с рассказом о встрече главного героя с богатырем Царь-Соколом-на-рыжем-коне. Напомню, что хан Булат подчинил себе его и еще шестьдесят богатырей с населением их улусов, пригнанным на землю Булата. Значит, данное ханство состоит из следующих компонентов (см. схему 3).

Схема 3

⁸³ Там же. С. 27.

⁸⁴ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 203–205. Хаан здесь означает монгольского каана.

Эта схема наглядно демонстрирует не только формальную соподчиненность персонажей, но и их сословную иерархичность: хан — глава всего народа, батыр Царь-Сокол-на-рыжем-коне — глава военного сословия и начальник ополчения⁸⁵. Присоединенные богатыри уравниваются с «личным» народом Булата, но за это должны с оружием в руках «отрабатывать» этот статус. А уж статус рядовых кочевников из побежденных улусов на порядок ниже Булатовых пастухов. Здесь необходим важная оговорка. Низкое социальное положение не означает автоматического отягощения зависимости. Народ богатырей отнюдь не находится в угнетенном и бесправном состоянии. В ТБС о Тевене-Меге у дочери хана Кавынды, в пределах его владений, был свой табунщик (и, соответственно, свой скот и пастбища). Убежав с героем, она повелевает табунщику перекочевать со стадами во владения ее мужа. Чабан подчиняется с радостью: «Я сегодня уйду от грозного Кавынды! Может, я вижу сон?». Он перегнал стадо на указанное хозяйкой место, где «поставил юрту и на зеленых склонах пас... скот»⁸⁶.

Во-первых, ханская дочь если и не обладает своим полноценным уделом, то по крайней мере у нее есть организованное хозяйство, так как имеется подчиненный ей табунщик. Это не что иное как вторичное владение, подобное уделам полоненных богатырей в «Ахмолоте Ахпороте» — с той лишь разницей, что в данном произведении аналогичные отношения возникают между родственниками. Внутри ханства выделяются земли для пастбы окота и проживания «младшего» хана (младшего как по возрасту, так и по положению).

Во-вторых, пастух может перейти в улус другого хана по воле своего непосредственного повелителя, без санкции верховного государя. Причем он не испытывает страха перед мстостью со стороны последнего — только удовлетворение по поводу ухода от жестокого Кавынды. Так что же, «вассал моего вассала — не мой вассал»? Вроде бы так и есть. Но строго говоря, чабан никакой не вассал. Сеньориально-вассальные отношения возможны лишь в среде феодалов, я поэтому логичнее искать их между «золотыми чайзанами».

Попытаюсь теперь свести воедино особенности структуры кочевого улуса, которые можно вывести из тувинских и хакасских богатырских сказаний.

1. Поскольку естественный эволюционный путь его образования (из местожительства рода) — не прослеживается в этих источниках, то в главе рассмотрен другой путь. Улус возникает в результате выделения части отцовских владений детям или продолжает существовать как наследственное ханство.

2. Критерием улуса служит его расположение относительно сопредельных территорий и естественных топографических ориентиров.

3. В глазах кочевников могущество и богатство улуса (как и его главы) оценивалось поголовьем скота и численностью населения.

4. Управление улусом формировалось, с одной стороны, по линии развития родовых патриархальных институтов-«магистратов», превращающихся в исполнителей экономических и административных функций хана, его помощников и советников, с другой стороны — по линии организации военно-

⁸⁵ Поэтому на схеме 3 народ подчинен не только хану, но и батыру.

⁸⁶ Тувинские народные сказки. С. 24.

дружинного сословия и, в свою очередь, выделения из его среды исполнителей военных и административных прерогатив хана,

5. Развитой улус являл сочетание гражданской и военной администрации во главе с ханом. На данной стадии лица, связанные с управлением, окончательно образовывали стабильный социальный слой, обладающий сходством аристократического происхождения (знать) или военно-служилого ранга (дружина), экономическим могуществом (золотые чайзаны) и сплоченной политической организацией (эль). В этот слой включалась и верхушка завоеванных улусов.

Фольклорный материал предоставляет детали социального устройства хотя и в обобщенной (что важно само по себе), но в народно-художественной интерпретации. Конкретная же ситуация в интересующем нас регионе Южной Сибири IX–XI вв. отражена в текстах ЕРП. В тот период Кыргызский каганат пребывал в расцвете сил. Выясненные по эпосам детали организации кочевого улуса необходимо сопоставить с данными рунических памятников.

Глава 7. Крылья, военачальники, соправители

Дуальная структура, т.е. разделение территории и населения государства на две части — обычно западную (правую) и восточную (левую) под названием «стороны», «крылья», «руки» — было весьма распространено в истории как кочевых скотоводов, так и оседлых земледельцев⁸⁷. Из нескольких версий происхождения данного института более предпочтительным представляется объяснение его генезиса из клановых фратрий. Однако в предгосударственных и раннегосударственных образованиях черты фрат-риальных конструкций сохранялись в чисто формальном виде, а управление населением осуществлялось часто без учета принадлежности к тому или иному роду-племени. Этот тезис подтверждается стройным административным устройством страны Бумбы — владений хана-богатыря Джангара, героя знаменитого одноименного калмыцкого эпоса.

Героический эпос, посвященный Джангару, давно изучается историками, фольклористами, лингвистами, этнологами, представителями прочих гумани-

---

⁸⁷ Это явление исследовано в работах: *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; *Иванов В.В.* Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // Советская археология. 1968. № 4; *Он же.* Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. 1965. № 5; *Стратанович Г.Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974; *Hocart A.M.* Kings and Councillors. Cairo, 1936; *Rivers W.H.R.* Social Organization. L., 1926.

тарных дисциплин. Сказания о бумбайском правителе и его верных соратниках служат исследователям основой для анализа особенностей развития устного народного творчества, языка, дописьменной истории ойратов и калмыков. В данной главе мы попробуем рассмотреть сведения эпоса о дуальной организации улуса. Разбор этой проблемы может оказаться интересным для историографии не только западно-монгольских этносов, но и кочевников в целом. Ведь структура Джангарова улуса принципиально не отличалась от устройства владений других ханов — как в действительной истории, так и в героических эпосах монгольских и тюркских народов. Насколько мне известно, вопрос о двухчастном построении ханства Джангара не рассматривался в специальных работах. Впрочем, в литературе неоднократно отмечалась возможность успешного применения информации калмыцкого героического эпоса для реконструкции общественных отношений⁸⁸.

Все кочевники Бумбы — лишь подданные хана, а наместники-военачальники не расцениваются в качестве лидеров племен, входящих в улус. Территория улуса, таким образом, делится не на родовые и племенные кочевья, а на правое и левое крылья, а население соответственно на правый и левый отряды ополчения. Посмотрим, как выглядят эти крылья в Бумбе.

Описания их «личного состава» в разных песнях эпоса не совпадают. Одни и те же персонажи оказываются причисленными то к одному, то к другому крылу. Лишь ясновидец Алтан Чэджи неукоснительно предстает везде как «глава правой стороны», а богатырь Пюзян Гюмбе чаще всего трактуется в качестве лидера левой стороны (по крайней мере, в составе правого крыла он не фигурирует никогда). Что касается двух наиболее опытных, сильных и мужественных дружинников — Хонгора и Савара — то единообразия в их крыльевой атрибуции нет. Следует отметить, что перечни героев, относящихся к правой и левой сторонам, содержатся в описаниях пиршественного церемониала, рассадки богатырей на ханском пиру-курултае по обе стороны от трона Джангара. Варианты рассадки таковы.

1. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Савар. Левая сторона: Хонгор (главный), за ним Пюзян Гюмбе, за ним Санал⁸⁹.

2. Правая сторона (три тысячи богатырей): Алтан Чэджи (главный), за ним Хонгор. Левая сторона (три тысячи богатырей): Эркю Гюмбе (главный), за ним Савар⁹⁰.

3. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Хонгор. Левая сторона: Пюзян Гюмбе (главный), за ним Савар⁹¹.

⁸⁸ См., напр.: *Кичиков А.Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар». (вопросы исторической поэтики). Элиста, 1976. С. 17; *Кичиков М.Л.* Героический эпос «Джангар» как исторический источник // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Материалы науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения Ээлян Овла). Элиста, 1969. С. 61, 63. Однако указанные авторы лишь вкратце описали структуру улусного общества, не вдаваясь в ее детали.

⁸⁹ См.: Джангар. Калмыцкий героический эпос. М., 1990 (далее: Джангар (М.)). С. 200, 201.

⁹⁰ См.: там же. С. 349, 352.

⁹¹ См.: Джангар. Калмыцкий народный эпос. Новые песни. Элиста, 1990 (далее: Джангар (Эл.)). С. 209, 210, 228. Но на с. 219 говорится, что Хонгор возглавляет «семь веселых кругов» богатырей левой, а не правой стороны.

4. Правая сторона: Алтан Чэджи (главный), за ним Мункули, за ним Мангна, за ним Савар, за ним семнадцать богатырей. Левая сторона: Гюмбе (главный), за ним Хонгор, за нимяшд Хавтын-Энге-бий, за ним семнадцать богатырей⁹².

5. Глава правой стороны — Алтан Чэджи, глава левой стороны — Гюзян Гюмбе⁹³.

Для исследования дуальной структуры не очень принципиально, кто именно к какой половине ханства относится; важнее определить компетенцию лиц, занимающих соответствующие посты в улусе. Не чтобы в дальнейшем не путаться в противоречивых сведениях, попытаемся составить «рабочую схему» руководства крыльев у Джангара.

Н.Ц. Биткеев и Э.Б. Овалов утверждают, что правую сторону возглавляет в эпосе Алтан Чэджи, левую — Хонгор⁹⁴. Думаю, можно согласиться с мнением авторитетных джангароведов и придать предложенное ими распределение должностей между персонажами. Но что же тогда делать с Гюзян Гюмбе? Ведь чаще именно он назван предводителем витязей левой стороны. Вероятно, здесь может помочь характеристика, данная ему Н.Ц. Биткеевым в одной из статей: «Наиболее пассивным из основных богатырей в «Джангаре» является Гюзян Гюмбе. Сказители о нем не сложили ни одной песни, не описали подробно ни одной битвы, в которой богатырь Гюзян Гюмбе проявил бы свою богатырскую силу. О нем лишь упоминается в нескольких песнях как об участнике того или иного сражения с врагами...»⁹⁵. Таким образом, из воинов левого крыла Гюзян Гюмбе явно проигрывает Хонгору в активности. Очевидно, Хонгора и следует расценивать в качестве вожака левой стороны. Чтобы далее у читателя не возникало недоумений по поводу разнобоя в именах, обозначим главу правого крыла ГПК (Алтан Чэджи), а главу левого крыла ГЛК (такowymi будут Хонгор или Гюзян Гюмбе).

Теперь разберемся подробнее с крыльями и их предводителями. ГЛК Хонгор — первый из дружинников Джангара, его побратим с юности. Сын Беке Менген Шигширге (или Ширкея), Хонгор спас от отравы плененного его отцом Джангара и стал верным сподвижником последнего⁹⁶, унаследовав земли Беке Менген Шигширге в долине реки Шилтей-Зандан с пятью миллионами подданных⁹⁷. Эти владения вошли в ханство Джангара. ГЛК Гюзян Гюмбе тоже состоит в подчинении у Джангара, имея под началом семь миллионов подданных на берегу Священного Черного моря⁹⁸. В другой песне территория проживания ГЛК названа более конкретно: он кочует «с подветренной стороны горы Самбал»⁹⁹.

Итак, в пределах Джангарова улуса существует пространство левого крыла, а в нем, в свою очередь, располагается удел ГЛК. Причем этот удел довольно

---

⁹² См.: там же. С. 36.

⁹³ См.: там же. С. 26, 35.

⁹⁴ Джангар (М.). С. 454.

⁹⁵ *Биткеев Н.Ц.* Основные образы богатырей и героизация их в «Джангаре» (к проблеме эпической традиции) // Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы, истории. Вып. 14. Элиста, 1976. С. 69.

⁹⁶ Джангар (М.). С. 202.

⁹⁷ Джангар (Эл.). С. 22, 32, 34.

⁹⁸ Там же. С. 23.

⁹⁹ Джангар (М.). С. 351.

самостоятелен в хозяйственном отношении, так как у Хонгора имеется свой конюший, который ловит и объезжает для богатыря скакунов из огромного хозяйского табуна¹⁰⁰. Но сведения о материальном положении ГЛК весьма незначительны, поскольку главным предметом, занимавшим сказителей и слушателей эпоса, были военные походы и подвиги героев. Поэтому более рельефно взаимоотношения хана и ГЛК предстают из военных сцен.

Хонгор — самый сильный и отважный воин в дружине Джангара. Однако могучи и мужественны все дружинники Бумбы. Хонгор же выделяется из них не только личными достоинствами, но и определенными оттенками статуса. Например, он заявляет патрону:

Славный мой Джангар...
Когда ты «хватай» говорил,
Не я ли хватал?
Когда ты «дави» говорил,
Не я ли давил?
Во время войны
Не я ли твоей крепостью был?¹⁰¹

Та же мысль содержится в словах ГПК Алтан Чэджи, обращенных к Хонгору:

Не ты ли был ему (Джангару. — *В. Т.*)
Прикрытием от врага?
Был скакуном ему в быстрой езде
Не ты ли?¹⁰²

А ведь «крепостью» и «прикрытием» хану служит не один Хонгор, но еще и двенадцать «вепрей» и шесть тысяч двенадцать баторов дружины. Значит, Хонгор обладает качествами и рангом, отличающими его от «коллег»-дружинников. В принципе, нам уже известен ранг: ГЛК. Но для того, чтобы понять его место в улусной иерархии, требуется рассмотреть формальную связь ГЛК с ханом.

Выше говорилось, что Джангар и Хонгор сызмальства являлись побратимами. В дальнейшем теплые, родственные отношения между ними сохранялись, и хан даже отправился сватать для Хонгора невесту¹⁰³, что характерно для отношений старшего и младшего братьев в монгольских и тюркских героических эпосах. Из всех прочих только этот витязь удостоивается эпитета «лелеемый (ханом) богатырь»¹⁰⁴. Хонгор платил хану преданностью и удалью: «Семьдесят ханств он один подчинил (Джангару)»¹⁰⁵. Не странно ли последнее утверждение? Оказывается, воюет не хан, а ГЛК. Дело в том, что этот пост предусматривал не только главенство над войсками левого фланга. Однажды, явившись в ханский дворец, Хонгор сначала садится у подножия трона, т.е.

¹⁰⁰ Джангар (Эл.). С. 26.

¹⁰¹ Джангар (М.). С. 267.

¹⁰² Там же. С. 270.

¹⁰³ Там же. С. 206 и сл.

¹⁰⁴ Там же. С. 233.

¹⁰⁵ Там же. С. 201.

в центре «право–левой» композиции–рассады богатырей, а затем занимает место

Левого полукруга выше всех сынов,
Опора державы родной¹⁰⁶.

Приведенный эпизод кое-что проясняет. Хонгор имеет должность ГЛК и одновременно обладает правом быть в центре иерархического полукружья, т.е. вместе с ханом. Но хан – глава всего народа. Кого же возглавляет Хонгор, находясь в центре? –

Джангара-нойона двенадцать богатырей...
Возглавляет... Алый Хонгор¹⁰⁷.

А если присовокупить к этой фразе упоминавшиеся выше эпитеты данного персонажа («крепость», «опора», «прикрытие» и т.д.), то получается, что с ним связывались представления о военной мощи улуса, а ГЛК Хонгор являлся еще и главой улусного войска, именно на нем, Хонгоре, лежало осуществление военной функции власти. Поэтому он и осмеливается публично заявлять, будто сильнее всех¹⁰⁸, в том числе и хана, присутствующего при этом. Хотя любой эпический хан, являющийся центральным персонажем, воплощает в себе все богатырские свойства, но в полном соответствии с исторической реальностью военные prerogatives Джангара оказываются поделенными между ним и ГЛК.

Тем не менее в особенностях их руководства военными делами наблюдается существенное различие. Если хан восседает на престоле, и уже в силу этого обстоятельства его качества как правителя и главы народа неоспоримы, то ГЛК-главком улуса должен, вероятно, постоянно подтверждать свою способность к лидерству. В одной из песен содержится показательная сцена. Перед отправлением Хонгора с посольством во владения соседнего правителя

Шестьсот двенадцать верных богатырей
Велели Хонгору пройти туда и сюда,
Стали то изучать,
чтобы выяснить, «какая сила у этого человека?»¹⁰⁹.

Во-первых, осмотр витязю устраивает все войско, а не только левое крыло, которым он вроде бы только и должен командовать. Это подтверждает тезис об обязанностях главнокомандующего у Хонгора. Да и сам Хонгор осознает свою ответственность, отказываясь (в другой песне) от выполнения ханского приказа заступить на охрану рубежей Бумбы:

Когда я уйду в караул,
Как бы подданных твоих не забрали враги (из) ста стран...
Ведь силой моей мирское правление укреплено...

---

¹⁰⁶ Джангар (Эл.). С. 36.

¹⁰⁷ Там же. С. 19.

¹⁰⁸ Джангар (М.). С. 241.

¹⁰⁹ Там же. С. 215.

Правление и веру (я) укрепил¹¹⁰.

Главное же, во-вторых, что физические и бойцовские качества ближайшего Джангарова сподвижника были превосходно известны дружинникам. Но, в отличие от хана, ему требовалось постоянно подтверждать их — или в битвах, или путем вот такого осмотра-экзамена в мирное время. Наряду с предводительством в левом крыле и во всей армии, ГЛК Хонгор иногда исполняет обязанности палача (вместе с богатырем Очир Гэрэлом)¹¹¹, что само по себе не связано с крыльевой структурой, а носит также общеулус-ный характер. Но все его действия совершаются в рамках военной сферы жизни ханства. Даже чудесное свойство ГЛК Гюзян Гюмбе толковать сны не превращает левого военачальника в какого-то жреца, шамана. Свои способности Гюзян Гюмбе использует при гадании на бараньей лопатке по единственному поводу: узнать, что за враг надвигается на Бумбу и какова цель его набега¹¹². В целом ГЛК-главком не вмешивается в повседневное управление улусом; для этого у Джангара имеются сайды¹¹³.

Итак, ГЛК в улусе Джангара является главным богатырем, командующим ханским войском. Внутренняя иерархия левого крыла просматривается нечетко. В перечнях расадки называются имена одного-двух воинов, располагающихся сразу за ГЛК (см. выше), однако никаких особенностей взаимоотношений между ГЛК и другими членами крыла из лаконичных сообщений эпоса вывести не удается. Фигура Хонгора отесняет и пассивного Гюзян Гюмбе, и таинственного Хавтын-Энге-бия, а «Строгий Смуглолицый» Санал действует часто вне связи с ГЛК, по прямым поручениям Джангара или курултая.

Правое крыло эпического улуса тоже заслуживает отдельного рассмотрения» ГПК Алтан Чэджи — самый высокородный, из окружения Джангара, он внук и сын ханов¹¹⁴. Некогда Алтан Чэджи управлял собственными владениями, но Джангар подчинил их себе, а самого Алтан Чэджи назначил «главой правой (стороны) своих многочисленных рядовых богатырей»¹¹⁵. Мы уже выяснили, в чем заключалось главенство Хонгора (или Гюзян Гюмбе) над левым крылом — в командовании войсками крыла и всего улуса. Теперь разберем статус ГПК.

Оказавшись в подданстве у Джангара, Алтан Чэджи, видимо, сохранял за собой свое прежнее достояние. В одной песне говорится, что ранее у него имелся «подобный картине дворец», в другой упоминаются пять миллионов подданных Алтан Чэджи, обитающих на берегу Священного Белого

¹¹⁰ Там же. С. 358–359. Заодно обратим внимание на известное несоответствие должности ГЛК-главкома его обязанностям: Хонгор отказывается от чисто военного предприятия, обосновывая отказ необходимостью своего постоянного присутствия в ханской ставке. Возникает мысль, что его пост в какой-то мере формален. К этой проблеме мы вернемся ниже.

¹¹¹ Там же. С. 343.

¹¹² Джангар (Эл.). С. 260.

¹¹³ Хонгор, боясь осуждения за невыполнение поручения Джангара, сетует: «Если поеду домой, куда деться от злых языков наших сайдов?» (Джангар (М.). С. 223). Сайды в эпосе действуют при дворе и ведают всей невоенной жизнью ханства.

¹¹⁴ Там же. С. 349.

¹¹⁵ Там же. С. 197.

моря¹¹⁶. Судя по всему, как и ГЛК, Алтан Чэджи имел удел в пределах державы Джангара. Но если ГЛК постоянно находился при верховном правителе в силу своих командирских обязанностей, то у ГПК были другие prerогативы. Устойчивый эпитет Алтан Чэджи – «ясновидящий», что неоднократно расшифровывается:

Предсказывающий будущее
На девяносто девять лет вперед,
Безошибочно рассказывающий о прошлом,
(Что было) семьдесят лет назад¹¹⁷

и т.п. Военная функция у этого персонажа отсутствует начисто. Его, случается, именуют «полководцем»¹¹⁸, но он никогда не участвует в боях¹¹⁹. При определении, кому идти на врага в поход, при подсчете, кто сколько покорил ханств, окружение Джангара припоминает заслуги всех его ближайших соратников, в том числе и из правого крыла, но не называет при этом Алтан Чэджи: за ним таких ханств не числилось. Пренебрежение к ГПК по этому поводу сквозит в словах Джангара, когда в упоминавшейся ситуации выбора караульного жребий вешал на Алтан Чэдаа:

Этот предводитель, старый тюшемил (сановник. – *В.Т.*),
Не прославился ни в близких, ни в дальних краях
и все присутствующие приговорили переметнуть жребий¹²⁰.

В период самостоятельного ханствования Алтан Чэджи, может быть, и являлся богатырем, что следует из его полководческого титула и эпизодического упоминания клички его боевого коня¹²¹ (обязательный атрибут эпического образа витязя).

И все-таки, несмотря на отсутствие героического «послужного списка», ГПК занимал высочайшее место в улусной администрации. Ясновидение его было не просто сверхъестественным свойством, но сочеталось с необычайной мудростью («Он, говорят, превзошедший всех умом мудрец»¹²²). В отличие от ГЛК, Алтан Чэджи выглядит гораздо более самостоятельным и полномочным иерархом. Невозможно представить, чтобы о вояке Хонгоре было бы оказано так, как о нем:

(Делами) правления семидесяти ханств ведает он.
Любые, самые сложные тяжбы
Сам, без помощи хана, разрешая,
На черном шелковом дербелджине (циновке. – *В.Т.*)
Он восседает¹²³.

---

¹¹⁶ Там же. С. 196; Джангар (М.). С. 23.

¹¹⁷ Джангар (Эл.). С. 198, 200, 349 и др.

¹¹⁸ Там же. С. 209.

¹¹⁹ Аналогичное положение у ГПК при Баатр Хара Джилган-хане, богатыря Бадма Зюркена (см.: Джангар (М.). С. 252).

¹²⁰ Там же. С. 359.

¹²¹ Там же. С. 203.

¹²² Там же. С. 349.

¹²³ Там же. С. 200.

Прерогативы соправителя и судьи народа семидесяти ханств (запомним эту цифру) сочетались и с возможностью замещать хана в отсутствие последнего. Так произошло, например, когда поступило известие о пленении дружинника Мингьяна. Алтан Чэджи, сообщив об этом тем, «кто восседал во дворце славного Джангара», снарядил бойцов на выручку. Так же произошло и во время пленения самого Джангара¹²⁴.

Возникает резонный вопрос: происходят ли все указанные права и властная компетенция Алтан Чэджи из его поста (ГПК) или из персональных качеств (мудрец-ясновидец)? Ответить поможет одна сцена. Когда Джангар отправляется сватать невесту для Хонгора, Алтан Чэджи пытается подсказать подходящую, по его мнению, кандидатуру — когда-то виденную им девушку. Хан не соглашается, так как присмотрел для побратима другую, и разражается следующей тирадой:

То, что верным считаю я,
Почему неверным считаешь ты?
В давнюю пору ясновидением ты обладал,
А теперь постарел, ясновидцам быть перестал.
Сказанные тобой слова
Пусть уйдут через зубы и рот¹²⁵.

Стало быть, провидческие потенции Алтая Чэджи оказались столь же переходящими (по крайней мере, в глазах государя), как и ранее его воинская доблесть. Однако влияние и полномочия ГПК несколько не уменьшились. Значит, несмотря на исчезнувшую богатырскую мощь и исчезающую старческую мудрость, Алтан Чэджи остается у кормила власти, и это может быть объяснено только незыблемостью его статуса в улусе.

В перечнях лиц, сидящих справа от трона следом за ГПК, сразу после Алтан Чэджи обычно называется Савар. «Тяжелорукий» Савар — могучий воин, один из лучших богатырей дружины. Он назначается Джангаром для поединка с грозным Мангна-ханом¹²⁶; у него на счету тридцать четыре покоренных для Джангара ханства (у Хонгора в этом списке тридцать пять)¹²⁷, он ревнует хана к Хонгору

(В чем же я уступаю
Алому Хонгору Благородному — льву из львов?¹²⁸);

в Саваре иногда видят военную опору Бумбы (слова враждебных ханов:

Если Савара Тяжелорукого с Кюрюнг Галзан (кобылица
Савара. — *В.Т.*)
Не будет у Джангара,
Мы справимся с двенадцатью его (богатырями)¹²⁹).

¹²⁴ Там же. С. 286, 324.

¹²⁵ Там же. С. 208–209.

¹²⁶ Там же. С. 260, 261.

¹²⁷ Джангар (Эл.). С. 262.

¹²⁸ Джангар (М.). С. 321.

¹²⁹ Там же. С. 323.

Можно предположить, что Савар считался военачальником правого крыла. Однако он был не только участником боев. В эпосе ему отведена важная обязанность оформлять прием вновь завоеванных владетелей в число подданных Джангара. Процедура эта заключалась в том, что Савар отвеивал только что покоренному богатырю или хану оплеуху, ставил тому на правую щеку бумбайскую тамгу и объявлял о долженствовании ежегодного привоза дани¹³⁰.

Кроме того, в литературе отмечалось, что Савар по поручению хана обычно первым вступает в сражение с неприятелем¹³¹. Означает ли это, что данный персонаж возглавляет авангард армии? Не обязательно, потому что впереди ее в походах едет знаменосец. Лишь в двух песнях это ханский конюший Мангна, во всех остальных движение войск возглавляет Шонхор, сын Алтан Чэджи¹³². Так или иначе, убеждаемся, что функция авангарда закреплена за правым крылом: впереди отрядов оказываются Савар или Шонхор, подчиненные ГПК. Подобное сочетание постов — правый крылевой военачальник и командир авангарда — не фольклорное изобретение, поскольку практиковалось в Джучиевом улусе Монгольской империи XIII в. Сын Джучи Шибан, а позже и сын Шибана Багатур совмещали подобное командование¹³³. У ряда народов младшие сопровители, кроме прочих функций, в том числе и главенства над правым крылом, возглавляли именно передовые воинские формирования¹³⁴.

У лиц, отнесенных в эпосе к правому крылу, есть характерная особенность: все они в прошлом были завоеваны Джангаром. На этот факт уже обращали внимание исследователи. Так, Ц.К. Корсункиев считает, что «только Хонгор по своим личным достоинствам... превосходит Джангара, почему и первый союз заключен между ними. Раз заключен союз двух сильнейших, то третьего и четвертого можно заставить силой примкнуть, как это случилось с Саваром и Алтан Чэджи...»¹³⁵. А.Ш. Кичиков отметил своеобразие Савара в том, что «к сонму героев Бумбы он присоединен насильственным путем»¹³⁶. К тому же повторим: на Савара возложено оформление вступления в подданство новых жертв джангаровых походов. Как видим, все правое крыло состоит из «некоренного» населения Бумбы. Тут уместно будет привлечь называвшееся выше число «семьдесят ханов». Именно столько владений покорил для Джангара Хонгор¹³⁷, и именно столькими управлял Алтан Чэджи¹³⁸. Вероятно, речь в эпосе идет об одних и тех же покоренных улусах. Получается, что правое крыло — это новые данники, левое же — исконные жители ханства. Причем, правое крыло облада-

¹³⁰ Там же. С. 270, 288, 318.

¹³¹ Биткеев Н.Ц. Указ. соч. С. 82.

¹³² Джангар (М.). С. 265, 353, 354; Джангар (Эл.). С. 221, 222; Овалов Э.Б. Мотив «помощника героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. Исследования по эпосу. Элиста, 1982. С. 53.

¹³³ См.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 163; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 74; *Juwaini. Tarikh-i jahangusha*. Vol. 1. Leiden; L., 1912. P. 225, 226.

¹³⁴ См.: Носарт А.М. *Op. cit.* P. 177, 179, 180.

¹³⁵ Корсункиев Ц.К. Джангаровы богатыри и их войска // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение. Элиста, 1969. С. 41.

¹³⁶ Кичиков А.Ш. Богатыри «Джангара» (основные образы) // История калмыцкой литературы. Т. I. Элиста, 1981. С. 157.

¹³⁷ Джангар (М.). С. 201.

¹³⁸ Там же. С. 200.

ет известной автономией, поскольку ГПК, как уже говорилось, «сам, без помощи хана» вершит дела на подвластных территориях. Приведение к присяге вновь подчиненных правителей иногда осуществляется Саваром тоже без консультации с верховным государем¹³⁹, т.е. увеличение населения и пополнение состава правого крыла происходило по традиции, диктовалось обычным правом и могло возлагаться на ГПК и его представителей.

Как состав, так и определенная самостоятельность правого крыла Бумбы имеют соответствия в истории кочевников. А.И. Карагодин и задолго до него В.М. Успенский подметили важную черту крыльевой системы у монгольских номадов: более слабые племена, попадая в зависимость от сильных, занимали в улусе положение младшего, левого крыла; соответственно господствующее племя и его ближайшие союзники составляли правое крыло¹⁴⁰. По материалам «Джангара», соотношение крыльевой разверстки победителей оказывается, как мы убедились, обратным, но обозначенный двумя авторами принцип соблюдается. Если же вспомнить организацию крупнейшей кочевой империи, то несмотря на полиэтничность крыльев, можно увидеть, что кочевья господствующего этноса всегда относились к левому крылу, как и в «Джангаре»¹⁴¹. Предводители правых крыльев (хуннский правый сянь-ван, западно-тюркский джабгу-каган, старший хан западных улусов Монгольской империи¹⁴²) были практически независимыми от восточных каганов государями, связанными с ними только номинальной инвеститурой и родством.

Теперь попробуем разобраться в соотношении крыльев между собой и с престолом — и тем самым составить цельное представление о военно-административном устройстве Бумбы. Другими словами, попытаемся узнать, какое из крыльев было выше рангом, какое ниже, как располагались на иерархической лестнице ГЛК и ГПК, а также военачальники крыльев, и где именно в такой конструкции отводится место верховному хану.

Пусть Джангар и изрек: «Все равны в моем дворце за чашей арзы»¹⁴³, но соподчиненность звеньев управления все же просматривается. Для начала отметим, что среди джангароведов нет единодушия в трактовке критериев замещения постов в улусе Джангара. Ц.К. Корсункиев полагает, будто ведущим фактором являлось происхождение героев: «Кто родовитый, тот и должен занять главенствующее положение» — таким образом, на трон попадает «именно такой самый родовитый» Джангар, «родословная которого уходит вглубь прошедших времен до пятого колена». Следом идут ханские отпрыски: Алтая Чэджи, Гюзян Гомбе,

¹³⁹ Там же. С. 270.

¹⁴⁰ Карагодин А.И. Дуальная организация у приволжских калмыков // Советская этнография. 1984. № 6. С. 26, 27; Успенский В.М. Страна Кукэ-нор, или Цинхай. СПб., 1880. С. 75.

¹⁴¹ Держава хунну: слева (на востоке) хунну и дунху, справа (на западе) юэжи и усунь; Тюркский каганат: слева тюрки-туцзюэ и теле (Восточный каганат), справа тюрки-теле, тюргеши, хазары, болгары и др. (Западный каганат); Монгольская империя: слева монголы, кидани, чжурчжэни, енисейские кыргызы, справа тюрки Дешт-и Кипчака и Средней Азия. Впрочем, такая разверстка народов по крыльям находит и историко-географическое объяснение: завоевания, начатые из Монголии, велись в основном в западном направлении — в соответствии с протяженностью Великого степного пояса.

¹⁴² О нем см.: Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблема исторической преемственности. М., 1993. С. 77–84.

¹⁴³ Джангар (М.). С. 321.

конюший Мангна; за ними — главный нойон Ке-Джилган, сын нойона; за ним — сыновья богатырей и сами являющиеся богатырями Хонгор, Савар, Санал, Мингъян¹⁴⁴. А.Ш. Кичиков обосновывал общественное положение различных персонажей их заслугами и достоинствами¹⁴⁵. Позднее данный автор применил еще один критерий: «...Восседает во главе правой стороны Алтая Чэджи, старейший из богатырей... Следующим по значению и месту в бумбайской иерархии оказывается старейший витязь... Гюзян-Гюмбе»¹⁴⁶. Значит, главы крыльев стали таковыми, надо полагать, по возрасту, как люди наиболее умудренные и опытные? Но тут же А.Ш. Кичиков замечает: «Согласно репертуару Ээлян Овла, на этом почетном месте (ГЛК. — *В.Т.*) сидит Хонгор, что вполне соответствует роли, которую играет этот величайший из бумбайских богатырей»¹⁴⁷.

Так что же служило основанием для отнесения воина к тому или иному крылу и для назначения на тот или иной пост — происхождение, социальное положение, возраст или богатырские качества? В нашу задачу в данной главе не входит анализ административных органов улуса Джангара, но вопрос о взаимосвязи крыльев тоже связан с проблемой критерия определения различных категорий подданных. Один из таких критериев предложен выше: «справа» располагается завоеванное население, «слева» — исконное. При таком раскладе вопрос о старшинстве крыльев кажется риторическим: конечно, левое должно быть выше рангом. На самом же деле проблема сложнее.

По числу представителей на пирах-курултаях крылья равны. И справа, и слева от трона размещаются то по три тысячи человек, то по семь «веселых кругов», то по семнадцать богатырей и по семь туменов...¹⁴⁸ Но по статусам их предводителей крылья различаются. А.Ш. Кичиков расценивает правую сторону эпического улуса как более почетную¹⁴⁹. Действительно, в одной из песен есть сцена, рельефно отобразившая представления о старшинстве. Когда богатыри увидели слезы в глазах Джангара, ГПК Алтан Чэджи попросил Хонгора осведомиться у хана о причине печали. Хонгор отвечал:

Если восседающий справа от владыки не спросил,
Как же обратиться (к нему) мне,
(Восседающему) с левой стороны?¹⁵⁰

Однако я вижу в реплике Хонгора не столько признание старшинства правой стороны над левой, сколько констатацию приоритета, принадлежащего к правой стороне Алтан Чэджи перед «левым» воином Хонгором. А взаимное соотношение крыльев в конечном счете опять неясно. Чтобы прояснить этот аспект, необходимо выяснить соотношение лиц из правого и левого крыльев. Ясно, что ранг Алтан Чэджи выше ранга Хонгора, и здесь уже нет симметричности крыльев. Но раз они равны по численности представительства на ку-

---

¹⁴⁴ Корсункиев Ц.К. Указ. соч. С. 41.

¹⁴⁵ Кичиков А.Ш. Исследование героического эпоса «Джангар». С. 17.

¹⁴⁶ Кичиков А.Ш. Богатыри «Джангара». С. 152.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Джангар (М.). С. 349, 350; Джангар (Эл.). С. 36, 210, 219, 228.

¹⁴⁹ Кичиков А.Ш. Богатыри «Джангара». С. 152.

¹⁵⁰ Джангар (М.). С. 270.

рултаях, то можно ожидать и приблизительной эквивалентности в должностях крыльевых начальников. Т.е. следует найти, кто соответствует Хонгору в правом крыле, и кто соответствует Алтан Чэджи в левом.

С подысканием пары для Хонгора справиться легче. Выше говорилось, что с этим богатырем сопоставляет свои действия не кто иной как Савар — военачальник правого крыла. В самом деле, эти два героя периодически оказываются рядом. Когда посланный Джангаром в поход Мингъян выходит из ханского дворца, то

Под левую руку его поддерживал Хонгор,
Под правую руку поддерживал Савар¹⁵¹.

Во владениях Зай-тайджи-хана тамошний «богатырь по имени Одон Цаган, что сидел во главе (восседавших) с левой стороны», спрашивает у Джангарова посла:

Говорят, есть у Джангара богатырь по имени
Алый Хонгор благородный — лев из львов,
Каков же он по силе в сравнении со мной?
Затем
(Восседавший) с правой стороны могучий вепрь
Гунан Хара сказал:
«Есть, говорят, в стране Джангара
Богатырь по имени Савар Тяжелорукий,
Какой он в сравнении со мной?»¹⁵²

Замечаем, что в улусе Зай-тайджи-хана ГЛК соответствует Хонгору, ГПК — Савару. Следовательно, Хонгор и Савар занимают равное положение, но в разных крыльях, что подтверждается и их побратимством¹⁵³. Но нам уже известно, что ГПК у Джангара — это Алтан Чэджи; значит, Савар не является высшим лидером правого крыла. Хонгор же не возглавляет левое крыло, иначе его назвали бы в паре с Алтан Чэджи, а не с Саваром. Определился устойчивый тандем равновеликих по рангу крыльевых начальников — Савар и Хонгор. Коль Савар — главный военачальник правого крыла, то и Хонгор должен быть главным полководцем левого.

Но кто же тогда ГЛК у Джангара? Может быть, малозаметный Пюзян Пюмбе, который во многих описаниях рассадки сидит ближе к трону, чем Хонгор (впрочем, часто и наоборот)? Как уже отмечалось, это довольно загадочная фигура в эпосе, слишком мала информация о ней. Но кое-какие наметки по интересующей нас проблеме все же возможны. Например, по приказу Джангара, старший нойон Ке-Джилган определяет, кому отправляться отражать нападение вторгшегося врага, и для этого считает, кто из старших богатырей сколько ханств покорил. «Калькуляция» такова: Хонгор — тридцать пять владений, Пюзян Пюмбе — тридцать три, Савар — тридцать четыре. Ясно, что выпало идти Пюзян Пюмбе. И тут же вдруг говорится:

¹⁵¹ Там же. С. 275.

¹⁵² Там же. С. 212–213.

¹⁵³ Там же. С. 356; Джангар (Эл.). С. 228.

Снова счет вели делам и врагам.
Я вновь слово взял Ке-Джилган.
«Пусть пойдет, – сказал он, –
...Сын Булингира, Одинокый Санал.
Это дело ему под стать»¹⁵⁴.

В конце концов в поход уезжает Санал, который почти во всех песнях отнесен к левому крылу. Но ведь только что жребий выпал на Гюзян Гюмбе, а о нем больше ни слова! Полагаю, что в данной ситуации подразумевалось то, что черед сражаться (определяемый хотя бы и по числу завоеванных ханств) пришел левому крылу. Поэтому следующий кон жребия разыгрывается только в «ведомстве» Гюзян Гюмбе; и из старших «левых» богатырей для битвы выделен Санал. Обратим внимание, что из высших лиц Бумбы вне данного разыгрывания кандидатур остаются двое – сам Джаягар и ГПК Алтан Чэджи. Опять для последнего не находится пары. Ведь Гюзян Гюмбе в рассмотренном эпизоде ставится в один ряд с прочими богатырями.

Так, смотрим дальше. Джангар долго отсутствует, где-то воюя. Его жена будет Хонгора: «Отправляйся-ка за ним!»¹⁵⁵. Действие этой сцены происходит в «золотисто-расписном дворце» Джангара, а Хонгор в данной песне назван вторым посла Алтан Чэджи лицом правой стороны¹⁵⁶.

Указанные обстоятельства могли бы окончательно запутать исследование, если не вспомнить факт управления Алтан Чэджи Бумбой в отсутствие хана (см. выше). А ведь здесь то же самое: на высшего функционера правого крыла возлагается попечение об улусе на время, пока Джангара нет. Следовательно, правое крыло в обоих случаях остается дома, а в поход уходит левое, и ведет его сам Джангар. Верховный хан, возглавляя левое крыло, автоматически становится и его главой. При этом левое крыло естественно обретает положение старшего подразделения, а правое – младшего.

Не парадоксален ли такой вывод? Известно, что композиция эпических курултаев однозначна: Джангар на престоле находится в центре, все остальные образуют полукружью справа и слева от него. Но Джангар оказывается единственным приемлемым соответствием ГПК в крыльевой структуре. Причем, главенство хана в левой половине Бумбы ни в коей мере не обесценивает общевойсковых полномочий Хонгора. Тот является реальным предводителем крыла, а не номинальным, как хан, который лишь в военное время использует свои prerogatives в левом крыле.

Косвенное подтверждение тому – взаимоотношения между мальчиками-сыновьями троих героев. В один из походов Джангар отправляет сыновей Алтан Чэджи, Хонгора и своего. Трехлетнему «Хонгоровичу» он поручает командовать этим маленьким войском – в полном соответствии со статусом его отца¹⁵⁷. Но Джангар – главный герой эпоса, воплощение лучших богатырских и чело-веческих качеств, поэтому уравнивать с ним даже такого высокопоставленного сановника, как Алтан Чэджи, казалось неуместным для сказителей. Да и детали

¹⁵⁴ Джангар (Эл.). С. 262.

¹⁵⁵ Джангар (М.). С. 354.

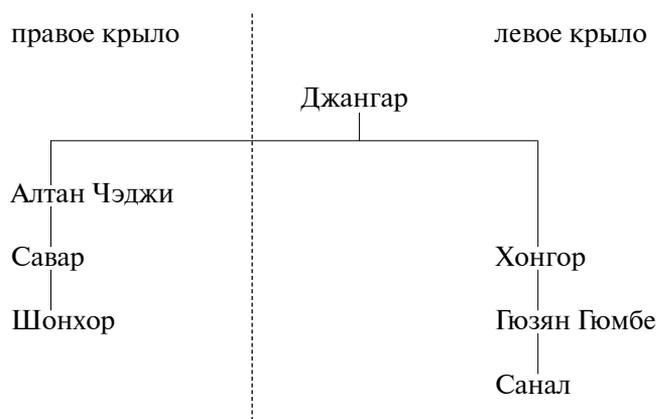
¹⁵⁶ Там же. С. 349, 350.

¹⁵⁷ Там же. С. 329, 330.

крыльевой структуры к периоду письменной фиксации сказаний уже остались в далеком прошлом и не могли быть соотнесены с реалиями современности. Кстати, разрешается и недоумение с прерогативами Гюзян Гюмбе. В обозначенной нами схеме этому воину не находится места у кормила крыльевого управления. Скорее всего те варианты эпоса великого джангарчи Ээлян Овла, в которых Гюзян Гюмбе занимает следующее после Хонгора место в левом крыле, более соответствуют логике подобных иерархических порядков.

В целом дуальная организация Бумбы может быть восстановлена следующим образом (см. схему 1).

Схема 1

При изучении дуальной организации у кочевников нередко приходится сталкиваться с ее многоступенчатостью. Иногда происходило не только разделение территории и населения державы на два крыла, но и каждое из них, в свою очередь, делилось пополам (как в тюркских каганатах, Монгольской империи, Золотой Орде). Отголоски таких первичных и вторичных делений присутствуют и в «Джангаре». В отдельных эпизодах, а именно в тех, где Джангар не воюет с окрестными владыками, а поддерживает или устанавливает с ними дружеские отношения, проступает уже не внутриулубная, а межубульная иерархия.

Хонгор заявляет духу-мангасу:
 Пусть ты владеешь закатною стороною, —
 Нам же восточная принадлежит сторона.
 Мы полагаем, что справедливость нужна,
 И стороны не хотим, не желаем иной¹⁵⁸.

Поскольку запад в традиционной геосимволике монгольских народов ассоциируется с правой и младшей по статусу стороною¹⁵⁹, то ясно, что в сформулированной Хонгором схеме мангасу отводится роль младшего партнера; Бумба же, расположенная на востоке, при таком раскладе становится старшей (левой).

¹⁵⁸ Джангар (Эл.). С. 53.

¹⁵⁹ См.: Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 16; Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана. Казань, 1906. С. 163; Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 78, 79.

Противоположная ситуация видится в описании визита Джангара к Баатр Хара Джилган-хану. Два властелина заключают соглашение о взаимопомощи («В войне с сильным врагом друг другу помощь окажем») ¹⁶⁰. При этом уже Джангар, по некоторым признакам, является младшим партнером в союзе: он садится на белый серебряный трон оправа от Баатр Хара Джилган-хана, в то время как тот размещается на золотом престоле соответственно слева ¹⁶¹.

Две только что обрисованные встречи персонажей сводятся к контактам между полностью независимыми друг от друга правителями, которые взаимно определили степени ханского старшинства по названным в эпосе критериям. Однако в нем фигурирует еще одно лицо, связанное с Джангаром более сложными отношениями, и мы остановимся на них подробнее.

Однажды Джангар объявил соратникам:
К северу от заката солнца
Живет могучий хан Кюрмен,
Подчинивший когда-то владение
Славного хана Узюнга (отца Джангара. — *В.Т.*).
Когда же слух о счастливой жизни моей
Широко распространился в дальних краях,
(Думает) могучий хан Кюрмен:
«В стране восходящего солнца
Одинокий сын побежденного мною хана
Слишком усилился», — говоря,
Собирается тайно отправить ко мне важного гонца —

и решил послать дружинника Мингьяна, чтобы пленить Кюрмена ¹⁶².

Что следует из этого фрагмента? Во-первых, Бумба во время правления джангарова отца была покорена Кюрменом. Вероятно, подчинение носило характер номинального признания старшинства завоевателя и даже не требовало выплаты дани, поскольку ближайшие сподвижники Джангара и не подозревали о существовании какого-то вышестоящего государя. Во-вторых, подвластные (реально и формально) Кюрмену земли состояли из двух частей — западной и восточной. Правда, на востоке здесь оказывается завоеванная Бумба, но это объяснимо с учетом того, что она является родиной главного героя эпоса и, следовательно, более значимой до ранга в глазах сказителей.

Далее в тексте Кюрмен характеризуется так:
Он один из четырех ханов четырех материков,
Его покровитель — владыка мира Белый Старец.
Вот какой это хан! ¹⁶³

¹⁶⁰ Джангар (М.). С. 253.

¹⁶¹ Джангар (М.). С. 247, 253. Белый цвет — традиционное обозначение кочевниками запада вообще и западной части государства (правого крыла) в частности. См.: Жуковская Н.Л. Указ. соч. С. 154; Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 160; Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik // Saeculum. V. 5. München, 1954. S. 382, 383.

¹⁶² Джангар (М.). С. 247, 253.

¹⁶³ Там же. С. 290.

Этот Белый Старец и сообщает Кюрмену о приближении Мингьяна. Хня недоумевает: «Кто же может мне угрожать из страны славного Узюнг-хана?»¹⁶⁴ Снова остановимся. Теперь известно, что ханское достоинство у Кюрмена гораздо весомее, чем у Джангара, ведь последний не имеет столь высокого и «продуктивного» небесного покровительства. А благоволение и заступничество потусторонних сил обязательно для эпических правителей¹⁶⁵. Это, во-первых. Во-вторых, Кюрмен, как выясняется, не питал никаких враждебных чувств к правителям Бумбы и был уверен, что со стороны наследника лояльного («славного») Узюнга, в свою очередь, какой-либо вражды не предвидится. Посланный же им в Бумбу важный гонец, видимо, должен был просто воочию убедиться в процемевшем повсюду ее процветании под управлением Джангара. Отправление Джангаром в набег Мингьяна с учетом этих соображений предстает если и мотивированным чем-то, то лишь желанием Джангара избавиться от унаследованного призрачного вассалитета.

Мингьян в конце концов захватил Кюрмена и привез ко двору патрона. Вот что произошло дальше.

Двенадцать главных сайдов
Выбежали навстречу ему (Кюрмену. — *В. Т.*)
Путы могучего хана Кюрмена
Развязали и сказали:
«Садитесь на правую сторону,
На восьминожный трон из чистого серебра».
Но тот не послушался (их),
Сел повыше богдо Джангара¹⁶⁶.

Отчетливо проявляются особенности общественного положения старшего хана. Он и встречаем главными сайдами (в ставке подвизается еще множество простых сайдов), и на правый серебряный трон не садится. Конечно: ведь он, хотя и в плену, но выше хозяина дворца в иерархии ханов, поэтому и занимает подобающее себе место — судя по контексту, золотой трон слева от Джангара. Причем, не встретив от того никаких возражений.

После сорокадевятидневного пиршества Кюрмен обращается к Джангару:

Сын славного хана Узюнга,
Единственный в своем поколении Джангар,
Владей этим краем земли!» —
сказал и отбыл восвояси с кортежем из тех же главных сайдов¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Об этом см., напр.: *Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 128–132; Н.Ц. Биткеев и Э.Б. Овалов утверждают, будто Белый Старец «в «Джангаре» обычно почитается богатырем как хранитель мира. В данной поэме («Пленение прекраснейшим в мире Мингьяном могучего хана Кюрмена». — *В. Т.*) имеется единственный случай, когда Белый Старец выступает в роли покровителя вражеского хана (Кюрмена)» (Джангар (М.). С. 457). Но Кюрмен — вовсе не «вражеский хан», не противник, а высший по отношению к Джангару сюзерен. Так что божественное покровительство и помощь Кюрмену вполне резонны и логичны.

¹⁶⁶ Джангар (М.). С. 302.

¹⁶⁷ Там же. С. 302–303.

Итак, все завершается, во-первых, инвеститурой Джангара – и вновь, кажется, чисто ритуальной, не налагающей на Бумбу и минимальных обязательств перед Кюрменом; во-вторых, свободным отъездом верховного хана в родные кочевья, что знаменовало полюбовное разрешение конфликта, начатого по инициативе Джангара; в-третьих, почетным кортежем, достойным столь высокопоставленного визитера. Хан Кюрмен был и остался настоящим каганом, старшим для Джангара¹⁶⁸. Хотя и можно привязывать подобные взаимоотношения правителей к конкретной истории ойратских ханств (как это пытался делать С.А. Козин¹⁶⁹), но все же в таких сценах проступают и общие закономерности кочевой государственности, которые были присущи не только ойратам и калмыкам. Система соподчиненности степных ханств и крыльев внутри них обрела в эпосе «Джангар» яркую художественную иллюстрацию.

Подведем итог нашему исследованию в данной главе.

1. Эпическая страна Джангара Бумба разделена на две относительно самостоятельные части – крыла.

2. По традиции, во главе левого, старшего крыла стоит хан (Джангар). По территории левого крыла кочует коренное население Бумбы.

3. Следующий по значимости пост в улусе занимает глава правого крыла, являющийся воплощением мудрости, фактический соправитель хана Джангара (Алтан Чэджи).

4. Правое крыло в двухкрыльной системе занимает положение младшего. На его территории кочует население покоренных Джангаром улусов.

5. В каждом из крыльев действуют военачальники, командиры соответствующих фланговых отрядов дружины и ополчения (Хонгор и Савар). При этом военачальник левого крыла является воплощением богатырских свойств и фактически возглавляет все улусное войско. Один из правых военачальников командует авангардом бумбайской армии (Савар или Шонхор).

6. Бумба является правым крылом (младшим ханством) в более обширном каганате Кюрмена. Однако Кюрмен и Джангар ханствуют каждый совершенно самостоятельно – в полном соответствии с особенностями крыльевой организации крупнейших кочевых империй средневековья. Общая схема иерархических отношений между рассмотренными: в главе персонажами представлена на схеме 2.

---

¹⁶⁸ Аналогичная ситуация сложилась при посещении Джангара богатырем Бадмин Уланом, который тоже отказался сидеть на серебряном троне, занял золотой и после пира «разрешил» Джангару ханствовать. Но Бадмин Улана встречали простые сайды, а его самоуверенность объяснялась давнишней победой над Джангаром в поединке (см.: Там же. С. 326, 327, 338, 339). Отношения «сеньор – вассал» (= «старший хан – младший хан») здесь отсутствуют.

¹⁶⁹ Козин С.А. Джангариада. Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской его версии. М.; Л., 1940. С. 81.

Схема 2

Глава 8. Вождь и жрец

Фольклорные памятники, особенно эпические сказания о богатырях, представляют собой весьма информативный источник для изучения социального строя кочевников, равно как и их представлений о нормах организации кочевого общества. В настоящей статье мы попробуем на материалах фольклора осветить процесс выделения отдельных функций власти в кочевых обществах. Функции власти в данном случае понимаются как руководство управляемым населением и посредничество между народом и его божественными покровителями. Полагаю, что состояние источниковой базы позволяет наметить несколько уровней проявления и отражения упомянутых функций: мифологический, родовой, улусный, государственный и общеисторический. Эпические памятники зафиксировали исключительно первые три уровня и почти не отразили четвертого; письменные же источники с разной степенью детальности описывают четвертый уровень, государственный, и отчасти третий, улусный, но умалчивают о первых двух. Общеисторический уровень – это стадия собственно научного анализа. Для раскрытия данной темы использованы материалы монгольских, калмыцких, алтайских, хакасских и якутских эпосов.

Не случайно отобраны именно они. Якутские сказания весьма архаичны и поэтому удобны для реконструкции мифологического видения мира. К тому же изображаемое ими общество патриархально, их герои существуют в рамках родового (семейного) коллектива. Алтайские, хакасские эпосы и калмыцкая Джангариада повествуют о событиях, которые происходят в недрах кочевых улу-

сов; алтайские и хакасские — в раннем улусе (т.е. простом вождестве), «Джангар» — в позднем улусе (сложном вождестве, или ханстве). Монгольский эпос в принципе тоже отобразил отношения сложного вождества, но сюжеты его оказались серьезно модифицированными в условиях теократического государства, поэтому в нем присутствуют многочисленные реалии более поздней эпохи.

Понятие «власть» по отношению к персонажам героического эпоса очень условно. Герой обычно приобретает свои потестарные prerogatives и сверхъестественные качества вне связи с обществом, в результате благоволения небесных сил. Тем не менее для определения функций героя в обществе это даже удобнее, поскольку они приобретаются им как бы в чистом виде, как абстракция, без какой-либо исторической конкретики. Эпический богатырь обычно выступает как естественное средоточие всех общественных функций и человеческих совершенств. Поэтому проводимое ниже разделение между эпическими персонажами ролей хана (вождя) и жреца также довольно условно. И все-таки уже на самых ранних стадиях социальности просматривается тенденция к обособлению друг от друга административной и духовной prerogatives, в чем можно убедиться на данных фольклора, на мифологическом уровне.

Мифологический уровень отражения представляет собой, пожалуй, высшую форму абстрагирования, доступную человеку в ранних социумах. Вместе с тем мифологизированное сознание обладало свойством построения предельно конкретных форм в виде персонификации природных и социальных явлений, которые олицетворялись в образах мифических персонажей. В частности, древние якуты персонифицировали высшую мироустроительную силу в лице божества-творца по имени Юрюнг Айыы-тойон. Хотя по данным эпических текстов, это божество общается главным образом с богатырями-героями, этнографы располагают сведениями, что в мире людей («Среднем мире») предусмотрен специальный посредник для общения с главой пантеона. В случае угрозы людям и их скоту со стороны какого-нибудь врага они могут обращаться к Юрюнг Айыы-тойону только через так называемого белого шамана. В ответ на просьбу последнего Творец поражает обидчиков молнией¹⁷⁰.

Сейчас нам важно пока зафиксировать, что уже на мифологическом уровне складывается представление о посредничестве между земным и небесным («Верхним») мирами как особая способность и обязанность определенного лица. Причем, это лицо не является административным главой данного социума: во главе якутских родоплеменных подразделений находились старейшины и аристократы-*тойоны*. Хотя критерий непосредственной связи с небожителями очень нагляден, но для исторического исследования более полезной может оказаться информация об отношениях между персонажами, принадлежащими не к разным, а к одному «этажу» мифического мироздания — только небесному, или земному, или подземному,

В якутском героическом сказании (*олонхо*) «Могучий Дьагарьыма» действуют потусторонние персонажи из Нижнего мира: «дух пучины» Уннью Санньы-тойон; его старший сын, «летающий вихрь, неукротимый богатырь» Умсары Холорук-тойон; младший сын, «дух берега пучины» Бэрийэ Хара, возящий подарки брату, терпящий от него побои и боящийся его гораздо больше,

---

¹⁷⁰ Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. С. 247.

нежели далекого отца¹⁷¹. Как видим, *тойонами* (т.е. вождями) здесь являются отец и старший сын, духами — отец и младший сын. По положению в этой троице Умсары Холорук-тойон занимает место, следующее за Унью Санньи-тойоном; Бэрийэ Хара же всецело подчинен грозному брату. Владения их разделены между отцом с одной стороны и двумя сыновьями с другой. Так что пространство, заселенное братьями, можно рассматривать как относительно самостоятельное. Внутри него отчетливо определяется распределение функций. «Тойоном и повелителем» является старший брат, но его «духовая» характеристика не названа; очевидно, ее и нет. Значит, сила отца и его военные, богатырские потенции в данном сюжете переходят к Умсары Холорук-тойону. Духовные же prerogatives наследуются преимущественно охранителем берега.

Так мы сталкиваемся с заметным разделением качеств лидера: от синтезного управления, воплощенного в образе отца, происходит переход к параллельному сосуществованию носителей различных prerogatives — административно-военной (так как старший сын — не только *тойон*, но и богатырь), и духовной. Отношения между персонажами отразим на схеме 1.

Схема 1

отец (вождь + воин + дух)

старший	младший
вождь и воин	мудрец

Такое же сопряжение действующих лиц с разными качествами предстает в другом *олонхо*. У супруги богатыря Тонг Саар-тойона после сына-человека рождается сын-бык. Изгнанный перепуганной матерью из дома, он селится на западной стороне улуса, но постоянно помогает старшему брату в борьбе с врагами своими мудрыми советами, да к тому же обладает способностью предсказывать судьбу¹⁷². В данном случае присутствуют некоторые моменты, сходные с отмеченными выше. Снова действуют два брата, и старший из них является богатырем, воином. Младший, хоть и оборотень, но имеет такие сверхъестественные черты, которые отсутствуют у первенца. Качества обоих сыновей Тонг Саар-тойона позволяют определить их как воина и мудреца (см. схему 2); верховным же вождем остается сам Тонг-Саар-тойон.

Схема 2

старший	младший
воин	мудрец

Совместное проживание и соуправление братьев с различными функциями очень распространены в героическом эпосе. Кроме того, аналогичные отноше-

¹⁷¹ Романов А. Могучий Дыгарыма. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 108, 112.

¹⁷² Емельянов Н.Ф. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. С. 113, 123, 124, 131.

ния могут складываться у отца с сыном. Оба этих варианта присущи в основном персонажам, живущим в мифической, но уже земной обстановке, поэтому их удобнее рассматривать на следующем уровне отражения.

Родовой уровень. Соотношение между отцом и сыном попытаемся проиллюстрировать на примере монгольского эпоса «Энхэ Болот-хан». Собственно, действует там только старший сын Энхэ Болот-хана, Шилен Галдзу-батар, который борется с духами и чудовищами, освобождая своих маленьких брата и сестру. Сам же хан лишь эпизодически появляется в зачине и в конце сказания, но при этом он все же представлен сказителем как

Разнообразных ханов больше,
Всех ханов больше,
Больше всех возможных правителей,
Великий хан¹⁷³.

А Шилен Галдзу-батар ездит на охоту, воюет с врагами и вообще находится в центре повествования. Однако родители героя однажды все-таки выходят на первый план – в критической ситуации, при угрозе улусу со стороны чудовища-мангуса. Хан с ханшей вручают Шилен Галдзу-батару принадлежащую им волшебную книгу, сверившись с которой, тот убивает противника¹⁷⁴. Стало быть, хранильницей мудрости здесь выступает царствующая чета. Одновременно, несмотря на пышные эпитеты Энхэ Болот-хана, реальным вершителем судеб улуса оказывается молодой герой, а сам хан управляет в известной степени номинально. Информация данного эпоса по интересующему нас поводу сводится к следующей схеме (см. схему 3).

Схема 3

старший	младший
отец	сын
мудрец	воин
номинальный правитель	реальный правитель

Уже просматривается определенная закономерность. В пределах одного владения, родового улуса, находятся фактически двое правителей, один из которых воплощает мудрость и связь с высшими силами, предопределяющими судьбу, другой – силу и богатырскую удаль.

Отношения между братьями еще более показательны. Эрбэхтэй Бэргэн уважительно относится к своему старшему брагу Басымны Баатыру (в одноименном *олонхо*), беспрекословно дополняет его волю, но будучи более рассудительным, дает ему мудрые советы¹⁷⁵.

Приблизительно такой же расклад явлен в *олонхо* «Басымнылаан», где один из братьев – смельчак-охотник, а второй – мудрый чудотворец, разъезжающий

¹⁷³ Poppe N. Zum khalkhamongolische Heldenepos // Asia Major. 1928. T. V. P. 202.

¹⁷⁴ Poppe N. Zum khalkhamongolische Heldenepos // Asia Major. 1928. T. V. P. 213.

¹⁷⁵ Емельянов Н.Ф. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. С. 159.

на облаке и оживляющий убитого брата¹⁷⁶. Похожи на них и герои сказания «Бэриэт Бэргэн», где старший брат – защитник людей, младший – «ученый», предсказатель и грамотей¹⁷⁷.

Все эти ситуации, как и множество аналогичных в других эпосах, обобщенно описываются схемой 2. Уже можно выявить два «полюса» в распределении компетенции между эпическими персонажами. Один из них (обычно старший родственник, но иногда бывает и младший) осуществляет обязанность защиты социума, другой сосредотачивает в себе умственную мощь, обладает сверхъестественными интеллектуальными способностями, позволяющими предвидеть течение судеб. Обозначим обоих соответственно, как «воина» и «мудреца» и предположим, что социальное главенство принадлежит «воину», но по степени близости к божествам-миродержцам «мудрец» выигрывает, и в этом отношении его персона, вероятно, более священна.

Во взаимоотношениях «воина» и «мудреца» есть много нюансов, два из которых могут пригодиться нам для исследования. Во-первых, в упоминавшемся олонхо «Басымнылаан» один из братьев, «воин», погибает, и «мудрец» соуправляет владением вместе с племянником, сыном покойного. При этом «мудрец», естественно, сохраняет свои качества, а племянник участвует в боях¹⁷⁸. Значит, даже такая первичная, сугубо внутрисемейная разверстка компетенции уже могла приобретать наследственный характер (по крайней мере, по отношению к «воину»). В тексте эпоса не названы причины наследования. Для сказителей, видимо, был несомненным переход статуса от отца к сыну.

Во-вторых, со статусом «мудреца» часто сочетается обязанность поддержания домашнего очага, хранителя улуса в отсутствие брата–«воина»¹⁷⁹.

Улусный уровень. В вожестве-улусе было возможно несколько вариантов сочетания «воина» и «мудреца» в зависимости от типа улуса. Рассмотрим их.

Улус, развившийся из родового коллектива, сохранял родовую иерархию. В такой улус могли вливаться части других родов, сам он мог делиться и распадаться на отдельные части, но в нем все равно сохранялось общественное значение старейшин-патриархов. В силу как своего жизненного опыта, так и общепризнанного авторитета местные аксакалы имели весьма высокий статус в родовых улусах.

Характерным примером такого деятеля является персонаж огузских этнографических сказаний Коркут. Он «выступает прежде всего как мудрый патриарх племени, стоящий во главе старейшин и народа, он избирает и низлагает ханов, дает ханам и народу советы, которые выполняются как прорицание и завет, он окружен почетом как первый человек в народе, его особа священна, перед ним склоняют колена избранный по его слову хан огузов»¹⁸⁰. Поскольку Коркут считался общим пращуром всех людей огузского эля, то и огузские ханы рассма-

¹⁷⁶ Емельянов Н.Ф. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. С. 204, 205.

¹⁷⁷ Там же. С. 172.

¹⁷⁸ Там же. С. 205 и сл.

¹⁷⁹ См., напр.: Емельянов Н.Ф. Сюжеты якутских олонхо. М.: Наука, 1980. С. 237; Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. М.: Наука, 1965. С. 213, 216; Емельянов Н.Ф. Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М.: Наука, 1990. С. 54, 55; Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар. СПб., 1856. С. 211, 219.

¹⁸⁰ Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. С. 541.

тривались как младшие родичи патриарха. Во взаимных связях Коркута и ханов (см. схему 4) вновь возникают отношения, отраженные нашей схемой 2; «воин» – теперь еще и полноценный вождь, глава народа, его правитель.

Схема 4

старший	младший
патриарх	хан
«мудрец»	«вождь»
номинальный лидер	реальный правитель

Всеобщее преклонение перед старцем диктовалось не только понятным уважением к престарелому родственнику. Приоритет Коркута в выборе кандидатуры очередного хана свидетельствует о его, Коркута, высочайшем общественном ранге, ведь организация власти в ранних обществах была предприятием, явно не доступным для большинства населения. Поэтому совершенно верно утверждение В.М. Жирмунского о том, что своеобразная власть Коркута имела несомненно сакральный характер¹⁸¹. Пока нам известно, что эта сакральная власть сводится к совершению обряда интронизация вождей и к «мудрым советам». О характере таких советов также можно догадываться из эпических источников.

Подумаем, в каких советах нуждался хан? Вероятно, прежде всего в таких, которые могли бы помочь в регулировании отношений между новой формирующейся властью и подданными, а также в среде подданных. Обе эти сферы регламентировались обычным правом, а обычаи были общеизвестны, т.е. известны как представителям власти, так и подданным. Но в сложной обстановке кристаллизации власти, встающей над народом, неизбежно возникали коллизии, не предусмотренные обычными нормами. Вот здесь-то и требовались консультации от знатоков этих обычаев, а таковыми являлись старики – хранители завещанных предками жизненных устоев. Неудивительно, что на месте советника мы встречаем, как правило, старца, особенно в случае конфликта с обычно-правовыми установками. В хакасском эпосе «Алтын-Арыг» регентша Пичен-Арыг, задумав свергнуть малолетнего хана, обращается к своему престарелому отцу, Алтын-Сейзену: «Хочу стать ханшей». Тот горячо отговаривает ее, ссылаясь на непреложность канонов наследования от отца к сыну как залог благополучия народа¹⁸².

Более сложная структура вождества явлена в сказаниях, где сюжет строится на контактах вождя не со всем народом, а только с кругом особо приближенных лиц, его военных соратников, т.е. с дружиной. Классическими образцами таких сюжетов можно считать степные эпопеи о Гэсэре и Джангаре.

В улусе Гэсэра ханская дружина состоит не только из родственников хана. Одного из дружинников, Барс-багатура, «Гэсэр особенно любил из всех тридца-

¹⁸¹ Там же. С. 542, 543.

¹⁸² Майногашева В.Е. Алтын-Арыг. М.: Наука, 1988. С. 264, 265.

ти богатырей и пожаловал, оставив в дворце-хороне своем попечителем», когда отправился на войну. Однако не Барс-багатур являлся истинным гэсэровым соправителем. Во время ханских походов дома остается, кроме Барс-багатура, еще брат Гэсэра, Цзаса-Шикир, хотя он и живет отдельно от Гэсэра. Именно Цзаса-Шикир определяет, откуда исходит опасность для улуса – причем, чудесным образом, читая по перу волшебной птицы¹⁸³. Т.е. выполняет обычную для эпического «мудреца» функцию. Сопряженность Гэсэра и Цзаса-Шикира описывается схемой 5.

Схема 5

старший	младший
вождь	мудрец

Теперь посмотрим на информацию Джангариады. Самым высокородным в окружении хана-богатыря Джангара был Алтан Чэджи, сын и внук ханов. некогда Алтан Чэджи управлял собственными владениями, но Джангар подчинил их себе, а Алтан Чэджи назначил «главой правой (стороны) своих многочисленных рядовых богатырей»¹⁸⁴. Оказавшись в подданстве у победителя, Алтан Чэджи, видимо, сохранил за собой свое прежнее достояние. В одной из песен говорится, что ранее у него имелся «подобный картине дворец», в другой упоминаются пять миллионов его подданных¹⁸⁵. Судя по всему, он имел удел в пределах державы Джангара. Устойчивый эпитет Алтан Чэджи – «ясновидящий», что неоднократно расшифровывается:

Предсказывающий будущее
 На девяносто девять лет вперед,
 Безошибочно рассказывающий о прошлом,
 (Что было) семьдесят лет назад и т. п.¹⁸⁶

Военная функция у этого персонажа отсутствует начисто. Его, случается, именуют «полководцем», но он никогда не участвует в боях. При определении, кому идти на врага в поход, при подсчете, кто сколько покорил ханств, окружение Джангара припоминает заслуги всех его ближайших соратников на этом поприще, в том числе и из правого крыла, но не называет при этом Алтан Чэджи: за ним таких ханств не числилось. Пренебрежение к главе правого крыла по данному поводу определенно сквозит в словах Джангара, когда при выборе караульного жребий выпал на Алтая Чэджи:

Этот предводитель, старый тюшемил (сановник. – В.Т.)
 Не прославился ни в близких, ни в дальних краях –

¹⁸³ Козин С.А. Гесериада. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1935. С. 142, 144, 145.

¹⁸⁴ Биткеев Н.Ц. Джангар. М.: Наука, 1990. С. 197.

¹⁸⁵ Там же. С. 196; Еременко В.Н. Джангар. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990. С. 23.

¹⁸⁶ Еременко В.Н. Джангар. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1990. С. 198, 200, 349.

и все присутствующие приговорили переменить жребии¹⁸⁷. В период самостоятельного ханствования Алтан Чэджи, возможно, и был богатырем, что следует из его полководческого титула и эпизодического упоминания клички его боевого коня (обязательный атрибут эпического образа витязя).

И все-таки, несмотря на отсутствие героического «послужного списка», предводитель правого крыла занимал высочайшее место среди улусной элиты. Ясновидение было не просто сверхъестественным свойством, но сочеталось с необычайной мудростью («Он, говорят, превзошедший всех умом мудрец»¹⁸⁸). Кроме того, Алтан Чэджи выглядит довольно самостоятельным и полномочным иерархом:

(Делами) правления семидесяти ханств ведает он.
Любые, самые сложные тяжбы
Сам, без помощи хана разрешая,
На черном шелковом дербелджине (циновке. – *В.Т.*)
Он восседает¹⁸⁹.

Прерогативы соправителя и судьи народа семидесяти ханств (т.е. завоеванных Джангаром улусов, составивших правое крыло) сочетались и с обязанностью замещать хана в его отсутствие. Так произошло, когда поступило известие о пленении врагами дружинника Мингъяна; Алтан Чэджи, сообщив об этом тем, «кто восседал во дворце славного Джангара», снарядил бойцов на выручку. Так произошло и во время пленения самого Джангара¹⁹⁰.

Возникает резонный вопрос: происходят ли все указанные права и властная компетенция Алтан Чэджи из его поста в правом крыле или из персональных качеств мудреца-ясновидца? Ответить поможет одна сцена. Когда Джангар отправляется сватать невесту для своего главного дружинника и поборника Хонгора, Алтан Чэджи пытается подсказать подходящую, по его мнению, кандидатуру – когда-то виденную им девушку. Хан не соглашается, так как присмотрел для Хонгора другую, и раздражается следующей тирадой:

То, что верным считаю я,
Почему неверным считаешь ты?
В давнюю пору ясновидением ты обладал,
А теперь постарел, ясновидцем быть перестал.
Сказанные тобой слова
Пусть уйдут через зубы и рот¹⁹¹.

Следовательно, провидческие потенции Алтан Чэджи оказались (по крайней мере, в глазах Джангара) столь же преходящими, как и ранее его воинская доблесть. Однако влияние и полномочия главы правого крыла после приведенного разговора несколько не уменьшились. Значит, несмотря на исчезнувшую богатырскую мощь и исчезающую старческую мудрость, Алтан Чэджи остается у кормила власти, и это может быть объяснено только незыблемостью его статуса в улусе. На этой стадии улусного развития положение «мудреца» преврати-

---

¹⁸⁷ *Биткеев Н.П.* Джангар. М.: Наука, 1990. С. 359.

¹⁸⁸ Там же. С. 349.

¹⁸⁹ Там же. С. 200.

¹⁹⁰ Там же. С. 286, 324.

¹⁹¹ Там же. С. 208–209.

лось уже в общественный ранг, сопровождаемый определенной долей власти. Отношения между Джангаром и Алтан Чэджи попробуем отразить схематически (см. схему 6).

Схема 6

хан	глава правого крыла
«вождь»	«мудрец»
постоянный правитель	временный правитель (соправитель)

Все приведенные до сих пор свидетельства раскрывают лишь косвенные следы тенденции к отделению духовной субстанции власти от «светской», непосредственно управленческой. Духовная пока является подчиненной и сопутствующей основной — военной или, как в последнем примере из «Джангара», военно-административной. Однако в эпосах есть сюжеты с действующими лицами, для которых возможность общения с потусторонними силами является главным качеством, хотя оно и сочетается иногда с управленческими полномочиями и удельным владением.

Монгольское сказание «Дзан Дзалудай» рассказывает о герое, живущем в своем улусе вместе с женой и «ламой-созерцателем-отшельником пещеры». Для этого ламы богатырь «на юго-западе (улуса. — *В. Т.*) воздвиг... длинную белую ставку»¹⁹². Лама не принимает ни малейшего участия в событиях данного эпоса. Но пара «вождь» и «мудрец» нам уже знакома, и на месте «мудреца» здесь оказывается уже истинно духовное лицо, настоящий священник. Трудно сказать, насколько «Дзан Дзалудай» был модифицирован в эпоху распространения буддизма, и все же возможно представить на месте ламы языческого белого шамана, поскольку такие шаманы активно действуют в других эпосах.

Иногда белый шаман появляется в качестве верховного улусного иерарха. Например, в алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара» богатыри во главе с Когюдей-Мергеном приезжают свататься к дочери соседнего Ай-каана «в землю Ай-каана». Вдова некоего Кара Кула-каана, некогда разгромленного и убитого Когюдей-Мергеном, Абрам-Моос Кара-Таади, интригует против гостей — выкапывает в ханской юрте волчью яму и накрывает ее кошмой.

На одном краю белой кошмы
Ай-каана посадила,
На другом краю
Кюн-каана посадила, оказывается¹⁹³.

Абрам-Моос Кара-Таади, видимо, иерархически старше обоих ханов-соправителей, так как указала им, где садиться. Если появление ее в ставке Ай-каана может объясняться ненавистью к убийце мужа, Когюдей-Мергену, то

¹⁹² *Бамбаев Б. Б.* Отчет о командировке в Монголию летом 1926 года // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 год. Ред. Н. Поппе. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. С. 61, 69.

¹⁹³ *Суразаков С. С.* Маадай-Кара. М.: Наука, 1973. С. 396.

ее распоряжения, думается, происходят из подчиненности Ай-каана и Кюн-каана ее покойному мужу.

Схожие отношения просматриваются в другом алтайском эпосе: «Два равных белых богатыря, два равных русских чулмуса и их ведающий Куренке-хан, имеющий коня темнобурой масти, под их предводительством мы были повоены; брат Куренке-хана, Алмыс-хан, имеющий коня темнобурой масти, а над ними всеми владевает Чулмус-хан, у которого конь темносаврасой масти... Над этими ханами господствует Торлоо-Эмеген, «старуха-куропатка», у которой орбу (колотушка для бубна) о девяти концах, она вещунья, все знает вокруг»¹⁹⁴. Здесь над всей пирамидой власти опять стоит колдунья. Хотя она и не связана супружеством с каким-либо вышестоящим ханом, как Абрам-Моос Кара-Таади в «Маадай-Кара», но зато прямо указано на подчиненность ей многоступенчатой когорты правителей.

В обоих приведенных выше фрагментах шаманство является скорее не столько духовной функцией персонажей, сколько вмещением их вредоносного потенциала. Ведь сверхъестественные способности никак не проявляются, и колдуньи действуют как правительницы-интриганки.

Уяснению соотношения между вождем и белым шаманом может лучше помочь текст, в котором действуют параллельно вождь и шаман. К таким текстам относится якутское *олонхо* «Уолымар и Айтыр», в одном улусе живут Бай Харахан-тойон; его сын, Сильный человек Кюн-Эрилик; шаман Кыкыллан; его сын, Лучший человек Бэрэт-Бэргэн. При этом Бай Харахан-тойон назван хозяином, Кюн-Эрилик — хозяйским сыном¹⁹⁵. Та же схема: «вождь»-*тойон* и «мудрец»-шаман, военный глава и сакральный глава («лучший», т.е. выше номинально). Сильный человек и Лучший человек женятся на сестрах — первый на старшей, второй на младшей. Живут в одном доме; когда приходят туда, то Сильный человек садится в переднем углу, а Лучший — в красном¹⁹⁶. Два героя обычно действуют вместе, но больше внимания уделяется Сильному человеку (есть его прямая речь, тогда как слова шаманского отпрыска лишь пересказываются). А ведь это сыновья тойона и шамана. Получается, что они унаследовали родительский статус и характер взаимоотношений между родителями. Их дети богатыри тоже действуют совместно, но более активен опять же сын Сильного человека, и его сватовство находится в центре последующего повествования.

Отметим некоторые важные моменты (см. схему 7).

Схема 7

вождь	белый шаман
«сильный человек»	«лучший человек»
реальный правитель	номинальный правитель

¹⁹⁴ Потанин Г.Н. Анонский сборник. Собрание алтайских сказок. Омск, 1915. С. 211–212.

¹⁹⁵ Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. С. 130–132.

¹⁹⁶ Ястремский С.В. Образцы народной литературы якутов. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1929. С. 136.

Во-первых, белый шаман занимает одну из двух высших ступеней в иерархии улуса. Во-вторых, шаман реально слабее, поскольку его напарник — «Сильный»; но номинально шаман, пожалуй, выше рангом, поскольку именуется «Лучшим». В-третьих, улус не разделен между ними («живут в одном доме»), так что строгое разделение компетенции являлось настоятельной необходимостью. Наконец, в статусе сыновей обоих персонажей можно усматривать наследственность отцовских рангов.

Улусное сосуществование вождя и белого шамана можно найти также в письменных источниках и в этнографических материалах. Сначала обратим внимание на древнемонгольский институт *бэки* — жрецов, имевших право проводить родовые моления и одновременно являвшихся родовыми предводителями¹⁹⁷. Б.Я. Владимирцов отметил некоторые принципиальные аспекты статуса *бэки*: а) этим титулом обладали, как правило, старшие сыновья улусных лидеров и старшие потомки родоначальников; б) смысл поста *бэки* сводился к первосвященничеству, волхвованию и предводительству над кланом; в) данный титул был наиболее распространен у племен, у которых шаманизм развился наиболее сильно¹⁹⁸. По отдельным упоминаниям в «Тайной истории монголов» (XIII в.) можно найти подтверждение колдовских, чудодейственных прерогатив *бэки*¹⁹⁹, но в основном информация извлекается из следующего обращения Чингисхана к своему окружению: «По Монгольской Правде, существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки старец Усун. По возведении его в сан беки пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон»²⁰⁰.

С одной стороны, Усун действительно являлся старейшиной родов, происходивших от первопретка Бодончара (по линии бодончарова старшего сына Барина). Очевидно, можно видеть в этом зачатки династийного принципа. К тому же мы замечали, что еще на семейном и родовом уровнях отражения дети «воинов» и «мудрецов» наследовали отцовский статус. С другой стороны, выясняется, что *бэки* — не просто обозначение родового жреца, но и определенный ранг в *нойонской*, то есть аристократической «номенклатуре». Причем, аристократическое достоинство *бэки* было очень высоким, ведь в словах Чингисхана содержится указание возвести Усуна на трон. Думаю, это пожелание следует понимать буквально. Известно, что во время посвящения белого

¹⁹⁷ Галданова Г.Р. К проблеме монгольского шаманизма XII–XIII вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. I. Ред. Ю.А. Петросян. М.: Наука, 1989. С. 150; Скрынникова Т.Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Новосибирск: Наука, 1989. С. 41, 42.

¹⁹⁸ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1934. С. 49–50.

¹⁹⁹ Скрынникова Т.Д. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Ред. Ш.Б. Чимитдоржиев. Новосибирск: Наука, 1989. С. 42.

²⁰⁰ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 216.

шамана (а именно к этой категории языческого жречества относились *бэки*) его усаживали на белый войлок и трижды или девятикратно обносили вокруг престола²⁰¹. Идентичная церемония проводилась при коронации государей у сяньби, древних тюрков, уйгуров и у тех же древних монголов²⁰².

В пользу того, что рекомендации Чингисхана на самом деле можно трактовать как признание за *бэки* главенствующего положения, говорят и информация Рашид ад-Дина (конец XIII – начало XIV вв.). Персидский хронист повествует о некоем Янги (или Баки) из племени бааринов. Этого Янги Чингисхан «сделал онгоном... подобно тому, как делают онгоном коня и других животных, то есть никто на него не будет притязать, и он будет свободным и тарханом... В ханской ставка (орде) он сидел выше всех, подобно царевичам, он входил по правую руку (от хана), коня его привязывали с конем Чингиз-хана»²⁰³. В этом коротком пассаже отразилась целая гамма отношений (см. схему 8), которые нам будут понятнее с учетом всего изложенного выше.

Схема 8

хан	бэки
правитель (вождь)	первосвященник
реальный лидер	сакральный лидер
левая сторона	правая сторона

Итак: а) бааринец стал объектом священного поклонения (*онгон*), отчего резко возвысился над окружающими и приобрел недоступную для них сакральность; б) при этом *онгонское* достоинство он получил, если верить источнику, по воле Чингисхана – сугубо «светского» правителя. Но сам-то хан не имел степени *онгона*, значит, бааринец в этом отношении возвысился в том числе и над назначившим его каганом; в) в монгольском улусе именно хан и *онгон-бэки* («сидел выше всех») оказались на вершине аристократической иерархии. Это доказывают и формальные признаки: общая (или рядом стоящая) коновязь и расположение *онгона-бэки* справа от хана. Разделения улуса между ними, как в случае с Джангаром и Алтан Чэджи, не произошло, но знаковые признаки управления западной частью улуса – правая сторона и белый цвет присутствуют в обрядности, связанной с монгольским *бэки*.

Известно, что в политике Чингисхана первосвященники-*бэки* не принимали заметного участия. Оставаясь воплощением сакральной субстанции, небесного покровительства над народом и империей, они разумно оберегались

²⁰¹ Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства. М.: Наука, 1991. С. 257.

²⁰² См., напр.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 229; Сухбаатар Г. Сяньби нарын угсаа гарал, соёл. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академигийн хэвлэлийн газар, 1971. С. 132; Шастина Н.П. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 219; Saint Quentin S. Histoire des tartares. P.: Libr. orientaliste Geuther, 1965. P. 93.

²⁰³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 188–189.

государем и не допускались к опасным военным предприятиям, которые хан брал на себя. Поэтому не удивительно, что письменные источники, созданные в абсолютном большинстве немонголами, никак не отразили существования верховных жрецов в монгольском улусе, а затем и в империи. Первосвященники не появились под стенами осажденных крепостей, не участвовали в переговорах и в сборе дани, отчего и не получили возможности отображения на страницах средневековых хроник. Тем не менее даже по приведенным выше минимальным данным можно сделать вывод, что, в частности, у монголов ко времени создания империи (начало XIII в.) произошло отделение военно-административной ветви власти от сакральной. Неучастие *бэки* в политической жизни приводит к мысли, что его персона тщательно оберегалась, поскольку олицетворяла собой благоденствие населения и возможность контакта с Вечным Синим Небом.

Государственный уровень. Полагаю, что изложенные особенности статуса *бэки* в монгольской социальной структуре не противоречат выводу Т.Д. Скрынниковой о светском характере его власти²⁰⁴. Собственно, об этом и идет речь в настоящей статье, прерогативы правителя включали как непосредственно административные, так и сакральные (фактически жреческие) функции. Соправитель-«воин» и соправитель-«мудрец», оставаясь, несомненно, светскими деятелями, просто принимали на себя выполнение разных обязанностей по управлению социумом. Поэтому нельзя приписывать подобной организации управления теократический характер, на что справедливо указывает Н.Н. Крадин²⁰⁵.

Другое дело, что «завещанные предками» порядки, отраженные в эпосе, на практике неизбежно корректировались, и сакрализованные напарники монархов в кочевых империях не получали никакой политической власти. К тому же верховный правитель и сам обладал определенным набором жреческих полномочий и необходимой харизмой, превращавшими его в подлинного лидера кочевого общества²⁰⁶; общий анализ сакральной роли правителя в вождестве и раннем государстве²⁰⁷.

По процитированным и пересказанным выше эпическим сюжетам можно полагать, что процесс отделения одной ветви власти от другой занимал довольно длительное время, Средневековые источники застали монголов уже на той стадии, когда духовные и «светские» функции власти оформились полностью. Однако «Тайная история монголов» рассказывает о притязаниях жреца и на часть реальной власти. Белый шаман Кокочу Тэб-тэнгри пользовался высоким авторитетом среди монгольской знати. Он имел собственную ставку, куда одно время стали стекаться монгольские *нойоны* и целые кланы, недоволь-

²⁰⁴ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. С. 123–134, 145–146.

²⁰⁵ Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. С. 150.

²⁰⁶ См., напр.: Крадин Н.Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2002. С. 140–141; Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997; Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. (проблема исторической преемственности). М.: Восточная литература, 1993. С. 62–68.

²⁰⁷ См.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001. С. 103–116.

ные Чингисханом. При посещении каганской орды Тэб-тэнгри садился справа от Чингиса²⁰⁸.

Роль этого шамана в оформлении Монгольской империи раскрывается из двух важнейших актов – предсказаний, сделанных им Чингисхану. Во-первых, Тэб-тэнгри предрек ему возвышение и дал прозвище «Чингис»²⁰⁹, фактически он же руководил каганской коронацией в 1206 г. Во-вторых, жрец однажды заявил кагану, что Небо, дескать, колеблется, утвердить ли на царстве Темучина (Чингисхана) или же его младшего брата, Хасара, что послужило причиной ссоры братьев и отстранения Хасара от участия в управлении империей²¹⁰. Массовая поддержка жреца со стороны подданных, его интриги, заносчивое поведение, «вмешательство во все (по Рашид ад-Дину) – эти причины в конце концов побудили Чингисхана казнить Тэб-тэнгри²¹¹. С тех пор, судя по источникам, монгольские белые шаманы не выдвигались на ведущие политические роли. Жреческая функция верховной власти, как считает Г.Р. Галданова, оказалась привилегией, принадлежащей «золотому роду» Чингисидов-борджигинов²¹², т.е. закрепились за носителями «светской» государственной власти. К этому можно добавить суждение Х. Франке²¹³, что каганская власть расценивалась монголами как своеобразное соуправление правящего императора с покровительствующим государству духом Чингисхана, а не с сакрализованным жрецом, номинальным правителем.

Нетрудно убедиться, что отношения между Чингисханом и Тэб-тэнгри вписываются в нашу схему 8 – с той лишь разницей, что последний, видимо, предпринимал усилия по обретению политической власти, за что и поплатился жизнью. И еще одно отличие – в собственном уделе, где Тэб-тэнгри проживал постоянно и куда стекались его приверженцы,

Существование правителей реального, с военно-административными функциями, и номинального, сакрализованного, несмотря на кровавую развязку у монголов в начале XIII в., все же могло успешно практиковаться. С одной стороны, в героических эпосах, как мы убедились, это явление было довольно обычным – значит, оно было спроецировано из действительности.

---

²⁰⁸ *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.: Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. § 245; *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 253.

²⁰⁹ Обряд наречения героя богатырским именем в героическом эпосе обычно осуществлялся родовым патриархом, мудрейшим из аксакалов.

²¹⁰ *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. С. 244. Кстати, мать братьев утверждала, будто Темучин рос более умным, чем Хасар, а Хасар более сильным. Эта эпическая деталь «Тайной истории монголов», хотя и не получила развития в тексте памятника, но соответствует разбираемой нами эпической оппозиции: «воин» – «мудрец», сильный – мудрый.

²¹¹ Анализ этой ситуации с точки зрения организации власти в монгольском обществе см.: *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. С. 146–148.

²¹² *Галданова Г.Р.* К проблеме монгольского шаманизма XII–XIII вв. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. I. Ред. Ю.А. Петросян. М.: Наука, 1989. С. 154.

²¹³ *Franke H.* From Chieftain to Universal Emperor and God. Muenchen: Bauerische Akademie der Wissenschaften, 1978. P. 24.

С другой стороны, в истории кочевников наблюдались реальные примеры такого соуправления.

Несколько каганских рангов существовало в Тюркском каганате. Китайские средневековые хронисты обычно называли всех каганов, помимо верховного, малыми. В свое время П.М. Мелиоранский предположил, что у древних тюрок имел хождение титул *кичиг* (малый) кагана — наряду с *улу* (великим) каганом²¹⁴. Но иногда малые каганы в тех же династийных хрониках обозначены титульными прозвищами — *и*, *ини*, *кюси*, *кюби* и др., причем, некоторые из них были наследственными²¹⁵. *Кичиг кагану* П.М. Мелиоранского ближе прочих соответствовал, очевидно, *ини-каган*, так как тюркское значение *ини* — «маленький, молодой, младший брат». Таким образом, этот каганский ранг был действительно «малым»²¹⁶.

Малый каган в литературе расценивается по-разному — то как помощник правящего государя и его ближайший родственник, то в качестве заранее назначенного наследника²¹⁷. В тюркских рунических памятниках тоже изредка фигурирует низшая «номенклатура» — Инэль-каган и Бёгю-каган. Эпизодичность их появления в рунических текстах не обязательно свидетельствует о кратковременности существования вторичного каганства, как полагал Р. Жиро²¹⁸. Традиционность его для центральноазиатских номадов нам может быть очевидна из эпосов. Однако теперь речь идет не о родовых и племенных улусах, а о государстве—каганате.

В тюркской государственной структуре высшие посты распределялись между представителями рода Ашина. Разверстку каганских должностей в конце VII в. в Восточно-Тюркском каганате лаконично, но исчерпывающе изложил С.Г. Кляшторный: «В 699 г. Капаган (каган. — *В.Т.*) сделал своего сына Бёгю «малым каганом» и назначил его правителем западной части каганата, то есть области, номинально управлявшейся... Могилянem (племянником Капагана. — *В.Т.*). Титул кагана получил и второй сын Капагана — Инэль... Во время походов 715–716 гг., которыми руководил сам Мочжо (т.е. Капаган. — *В.Т.*) Бёгю оставался в ставке как правитель государства»²¹⁹. Младший правитель, остающийся дома во время отлучки верховного сюзерена, нам уже знаком. Конкретно о древних тюрках в одном китайском сочинении VIII в. содержится такая информация: «Имеются также каганы, стоящие по положению ниже еху (т.е. *ябгу* — главы правого крыла. — *В.Т.*), и имеются предводители крупных фами-

²¹⁴ Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского географического общества. Т. 12. 1899. Вып. 2–3. С. 110.

²¹⁵ См., напр.: Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 263, 270, 285; Liu Maun-tai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Turken. В. I. Wiesbaden: Harrassowitz, 1958. P. 155.

²¹⁶ Hirth F. Nachworte zur Inschrift der Tonjukuk // Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Saint-Petersbourg, 1899. P. 80.

²¹⁷ Потапов Л.П., Грач А.Д. Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюркского каганата // История Тувы. Т. I. Ред. Л.П. Потапов. М.: Наука, 1964. С. 95; Giraud R. L'empire des Turcs celestes. P., 1960. P. 212.

²¹⁸ Giraud R. L'empire des Turcs celestes. P., 1960. P. 73.

²¹⁹ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964. С. 37.

лий, живущие дома., которые называют друг друга и кэхань (каган). Туцзюэсцы (тюрки. — В. Т.) называют дом «и», и это название означает «каган дома»²²⁰.

Историки неоднократно обращали внимание на данное явление в тюркской государственности. Встречающуюся в текстах китайскую транскрипцию и кэхань расшифровывают как *уй-каган* или *яб* (или *эв*) -каган, т.е. тюркское «дом-каган». При этом одни исследователи объясняют значение титула как повелитель своего рода или семьи, другие — как государя, постоянно пребывающего в главной ставке²²¹. Вероятно, Бёгю и стал таким *яб-каганом* (см. схему 9).

Схема 9

старший	младший
реальный правитель	номинальный правитель
постоянный правитель	временный правитель

Однако это не полная аналогия с эпическим «мудрецом»-соправителем. Ведь в Тюркском каганате жреческая функция еще не обрела специальных исполнителей, и контакт с Небом осуществлял сам верховный каган, что являлось одной из основных его прерогатив²²². Тем не менее именно институт *яб-каганов*, «ленивых королей», можно считать (вслед за П. Голденом) предшественником знаменитого хазарского двоевластия²²³.

Литература по проблеме сосуществования у хазар номинального и реального государей огромна. Нам важно лишь напомнить, что номинальный каган являлся воплощением сакральности власти; он жил в затворничестве, олицетворяя своим здоровьем и благополучием здоровье и благополучие державы и народа. В случае одряхления кагана его могли сместить или убить²²⁴. Реальный же правитель, несмотря на свое полновластие, занимал в иерархии низшее место по сравнению с каганом. Трон его стоял справа от каганского, и титуловался он в разное время не только каганским званием — *каган-бек*, но еще

²²⁰ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. С. 306.

²²¹ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984. С. 305; Golden P. Khazar Studies. Vol. I. Budapest: Akademiai Kiado, 1980. P. 100; Golden P. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chinggisid No-mads // Archivum Eurasiae medii aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 46.

²²² См.: Кляшторный С.Г. Образ кагана в письменных источниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ред. Ю.А. Петросян. М.: Наука, 1977; Он же. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии // Рабство в странах Востока в средние века. Ред. О.Г. Большаков, Е.И. Кычанов. М.: Наука, 1986. С. 321.

²²³ Golden P. Imperial Ideology of the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chinggisid Nomads // Archivum Eurasiae medii aevi. T. 2. Wiesbaden, 1982. P. 46, 62.

²²⁴ См., напр.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 147; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 195.

и княжескими — «просто» *бек* и *ӓб-шад*²²⁵. Взаимоотношения на вершине хазарской правительственной пирамиды близки эпическим аналогам — особенно отраженным на наших схемах 3 и 7. С учетом же взаимного расположения тронов их можно уподобить также связи монгольского улусного хана и *бэки* (см. схему 8).

Еще одну аналогию дает история Золотой Орды конца XIII в. Беклербек Ногай являлся главой правого крыла (западной части) государства и одновременно считался «хранителем» обычаев и заветов Бату, фактического основателя Золотой Орды. Кроме того, с 1270-х гг. Ногай обрел положение «старшего в роде» среди Джучидов²²⁶. Однако попытка играть главенствующую роль в государстве рассорила его с большинством монгольской знати, и в конце концов его постигла та же участь, что и неудачливого узурпатора Тэб-тэнгри.

На общеисторическом уровне возможно ставить вопрос о происхождении административно-сакрального дуализма в ранних политах. Многочисленные факты сосуществования наряду с «вождями» «мудрецов» не только в кочевой степи, но и в других регионах, в том числе и вне Евразии, позволяет усматривать некую общую закономерность. Именно в общеисторическом, глобальном ракурсе она сформулирована Л.Е. Куббелем и заключается в «общей тенденции... в сторону разделения и появления специализированных носителей отдельных видов власти»²²⁷, в данном случае военно-административной и сакрально-жреческой. Л.Е. Куббель обозначал три основные первичные ветви разделения власти — жрец, военачальник и вождь. Причем сочетание в одном лице жреца и военного предводителя не зафиксировано в этнографической литературе²²⁸, равно как и, добавлю, в эпических сказаниях и письменных источниках. Конечно, исключая те случаи, когда все функции власти концентрировались в единой персоне правителя.

Причина появления указанной тенденции видится в усложнении социальных структур, в невозможности для одного харизматического предводителя в полной мере осуществлять все функции управления. Специализация власти, таким образом, оказывалась тем глубже, чем более развитым и структурированным оказывалось общество. В абстрактной схеме это выглядело бы как появление особых функционеров — сначала порученцев-дружинников или придворных слуг, затем чиновников, а позже и специализированных ведомств. Но в таком раннесоциальном мире, как кочевой, этот процесс, как правило, тормозился в самом начале.

²²⁵ *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1962. С. 209, 211.

²²⁶ *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1960. С. 83, 84, 105.

²²⁷ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. С. 98.

²²⁸ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. С. 98. Конкретные причины формирования в отдельных социумах административно-жреческого дуализма могли быть различными. См., например, многолетнюю дискуссию о факторах генезиса хазарского двоевластия. Было бы заманчиво связать возникновение дуализма с наследием фратрий, и в принципе для этого есть некоторые формальные основания, но в эпических и нарративных материалах напрямую никогда не сообщается о фратриальной принадлежности персонажей. Однозначно можно утверждать, что фратриальные структуры отразились в системе крыльев, а на рассматриваемое в настоящей главе явление дуализма они если и влияли, то весьма опосредованно.

Во-первых, продолжали действовать традиции патриархального клана, которые заставляли соотносить регуляцию управления с иерархией линиджей и авторитетом аксакалов. Во-вторых, при относительной структурной стабильности самодостаточной кочевой экономики хозяйственные сферы деятельности верховной власти почти не проявлялись; каганы и *беки* становились общенародными лидерами лишь при решении политических задач. Экономическая малоподвижность приводила к консервации административной системы, ее пребыванию в рамках «установленных предками» обычаев управления²²⁹. Завоеывая регионы с оседлым населением, номады обычно заимствовали у новых подданных и институты управления ими, а степные институты власти оставались незыблемыми, и после распада огромных трансконтинентальных империй-каганатов они продолжали действовать в прежнем ритме, в соответствии с *тёрю*.

Начавшись в недрах первобытного кровнородственного коллектива, процесс разделения власти завершился в государстве. Формула данного процесса, сводящаяся к схеме 5, отразила тенденцию к дуальному членению власти. Это членение по мере социального развития модифицировалось и «обрастало» различными вариантами. На родовом уровне сказывались естественные возрастные отличия: сила являлась прерогативой молодежи, т.е. младших родичей, а жизненный опыт и житейская мудрость оставались за стариками. Так происходило пока внесоциальное разделение функций внутри первичной социальной общности (см. схемы 2 и 3).

В вождестве, где административные обязанности уже начинали закрепляться и наконец утверждались за определенной частью коллектива, происходила кристаллизация и усложнение наметившихся на предыдущей стадии «полюсов» власти. К военной знати (вождям и старшим дружинникам) отходили военная и управленческая сферы деятельности, за шаманством (жречеством), сформировавшимся из хранителей родовых культов, числились идеологические полномочия власти (см. схемы 4, 6, 7).

Наконец в государственных организациях разбираемые отношения получили полноценное обоснование (сакрализировались) и закреплялись в административной иерархии. Власть теперь полностью отделялась от подданных как институт, а «вождь» и «мудрец» становились соправителями (см. схемы 8, 9). При этом фигура «вождя» являлась порождением исторических и политических закономерностей, которые привели к формированию политической структуры; а «мудрец» олицетворял наследие догосударственных социальных структур и представлений об общественном устройстве.

В развитых обществах древний институт особого исполнителя жреческой функции, стоящего на вершине иерархической пирамиды, мог трансформироваться в организованные теократические или церковные системы, а мог и угаснуть, оставшись лишь в исторической памяти и фольклоре или продолжая теплиться в жизненном укладе отдельных общин «инородческого» населения на периферии обширной империи. Н. Н. Крадин удачно назвал по-

---

²²⁹ Тёрю — об этом явлении см: *Скрынникова Т.Д.* 1997. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Восточная литература, 1997. М. 45–47, 116–117; *Трепавлов В.В.* Төрү у древних тюрок и монголов // Международная Ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 18. М., 1991. С. 19–30.

следнее явление «двойной политической культурой, в которой параллельно с официальными органами управления присутствуют традиционные формы власти»²³⁰.

В итоге многовекового развития формировалось своеобразное явление биархии, при котором харизма власти считалась принадлежащей двум сюзеренам с разными функциями (см. схему 10): старший сюзерен — «вождь» и/или «воин», верховный, полновластный и постоянный государь, в иерархической конструкции занимал положение «левого» (= восточного) партнера по управлению; младший сюзерен — «мудрец», первосвященник, номинальный государь, иногда заменяющий «воина» в его отсутствие, занимал правую сторону в иерархически организованных обрядах (что могло означать и формальное главенство в западной части государства). Полномочия старшего сюзерена простирались на все управление государством, народом и армией, за младшим же оставались лишь камлания и моления о благополучии подданных. В развитых социальных структурах кочевников ранги «вождя» и «мудреца» превращались в наследственные категории и удерживались избранными аристократическими кланами.

Схема 10

старший	младший
«вождь» и/или «воин»	«мудрец»
верховный правитель	первосвященник
реальный правитель	номинальный правитель
постоянный правитель	временный правитель (соправитель)
левая сторона	правая сторона

²³⁰ Крадин Н. Н. Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001. С. 157.

Глава 9. Ранняя государственность по данным героического эпоса

В предыдущих главах перед нами прошло множество образов эпических персонажей — богатырей и ханов, божеств и духов. Они находились в определенных иерархических отношениях друг с другом, управляли своими владениями, воевали, сватались, ссорились и мирились... В этом калейдоскопе лиц и ситуаций мы пытались отыскать некоторые закономерности, социальные каноны, которые отразились в фольклорных произведениях тюркских и монгольских народов России. В соответствии с методологическим подходом, сформулированным в главе 1, попробуем теперь сконцентрировать эти закономерности и свести их воедино. Читатель, очевидно, уже заметил, что отдельные повороты сюжетов повторялись в героических эпосах разных народов. Обычно автор не отвлекался на приведение аналогий — с тем, чтобы эпический социум каждого народа предстал «в чистом виде». Теперь перед нами другая задача — абстрагироваться от конкретики единичных сказаний и вывести «формулу» общественного устройства, отраженного в героическом эпосе.

Богатырские сказания возникли приблизительно на одной ж той же стадии развития у разных народов — в так называемую «героическую эпоху», как правило, соответствующую периоду перехода от первобытнообщинных структур к классовым. По современной историко-этнологической терминологии, это период дождетв (простого и составного чифдомов) и раннего государства. Для облегчения дальнейшего изложения суммируем черты данных социальных систем²³¹.

Само понятие вождества указывает на структуру, возглавляемую вождем м нарождающимся сословием аристократии. Родовая и военная знать, которая составляла это сословие, уже обладала наследственными рангами. Данное обстоятельство отделяло ее от остальной массы народа, и можно говорить о существовании в вождестве социальной (и, само собой разумеется, имущественной) дифференциации. Именно наследственная знать образовала слой, осуществлявший централизованное управление подчиненными общинами (племенами). Управление находилось в руках дружинной и придворной элиты; вождь же служил воплощением административной и военной функций власти, но реально проявлял себя лишь во время военных действий, переговорах с соседними владельцами да возглавляя иерархически организованные

²³¹ Общую характеристику вождества и раннего государства см.: *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6; *Он же.* Проблемы генезиса китайского государства. (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983; *Крадин Н.Н.* Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988; *Carneiro R.L.* The Chiefdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981; *The Early State.* The Hague, 1978; *The Study of the State.* The Hague, 1981; *Early State Dynamics.* Leiden etc., 1987; *Early State Economics.* New Brunswick; L., 1991; *Service E.* Primitive Social Organization. N.Y., 1971; *idem.* Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

обряды. Развитого аппарата принуждения, с помощью которого он мог бы обеспечить выполнение своих приказов, практически не было. Выполнение их гарантировалось авторитетом вождя и его аристократического окружения.

Такова принципиальная схема вождества. Различаемые обычно в науке виды его — простое и составное — не сходятся в конечном счете только в территориальных размерах и в населенности. Простое вождество охватывало несколько общин, находившихся под формальным началом одного лидера; составное же представляло собой совокупность простых чифдомов с соответствующим усложнением иерархической структуры лидеров и системы взаимной субординации знати разных общин и племен.

Раннее государство, сохраняя многие черты предыдущей стадии, обладало принципиальными отличиями — прежде всего наличием особых институтов подавления подданных, а также четко структурированной системой распределения и присвоения государственной администрацией материального продукта, произведенного рядовым населением государства. Последняя функция власти предполагает создание специализированных учреждений — магистратов, которые в вождествах существуют только в потенции.

В абсолютном большинстве героических эпосов отражена картина «классического» вождества. Те помощники героя, что обретаются в ставках батыров, старшие табунщики и: главные дружинники — это, конечно, не государственные чиновники, а их «пращурь», первые функционеры, берущие на себя выполнение отдельных властных прерогатив. Некоторые эпизодические персонажи, которых иногда можно причислить к действительным чиновникам (демичи, шуленги и т.п.), являются позднейшими наслоениями XV–XVIII вв. на древние оригинальные сюжеты.

Сводку информации эпического фольклора начнем с главного героя — батыра-правителя. Уже неоднократно подчеркивалось, что типологически богатырь эпоса полностью соответствует хану кочевого улуса, или, что почти всегда то же самое, лидеру вождества. Эпический «батыр на троне» обладает всеми теми качествами, прерогативами и характеристиками, что присущи главе чифдома. Поэтому ниже мы продолжим обозначать его «хан». Отношения господства—подчинения, прочие иерархические связи соединяют хана с эпическим миром в нескольких направлениях. Во-первых, хан — сакральная фигура, глава социума, обладающий божественной поддержкой и иногда имеющий божественное (небесное) происхождение. Следовательно, связь от героя в данном случае идет «вверх». Во-вторых, хана окружают, с одной стороны, близкие соратники, прежде всего дружинники; с другой стороны — «коллеги» по ханско-богатырскому достоинству из соседних вождеств-улусов. Т.е. связи от героя распространяются «в стороны», на параллельном ему уровне. В-третьих, хан находится на вершине иерархической конструкции — пирамиды, в основании которой находится рядовое незнатное население, простонародье, возглавляемое иногда мелкими родовыми старейшинами и вождями более низкого ранга. Таким образом, хан оказывается в перекрестье разнообразных иерархических и структурных связей, и сейчас мы попытаемся по порядку раскрыть характер этих контактов и отношений. Начнем со священных уз правителя с Небом.

Каждая власть должна иметь идеологическое обоснование. По данным героического эпоса, такое обоснование могло проистекать из ряда факторов.

Первый, наиболее непререкаемый и распространенный из них – это небесное благоволение; второй – личные заслуги, героизм и доблесть героя, третий – выбор героя правителем улусными старейшинами и народом. Последние два пункта в целом не характерны для эпических повествований и буквально единичны. Зато божественный патронаж над ханом-богатырем встречается повсеместно.

Власть вождя в чифдоме была организована таким образом, что одного лишь указания на сакральность персоны правителя было пока недостаточно для беспрекословного подчинения ему. Окруженный кичливой и могущественной знатью, вождь должен был подтвердить свои права на высший пост в улусе удачами на войне и на охоте, дипломатическими способностями, щедростью и справедливостью по отношению к рядовому населению и т.д. Позже, уже на стадии государства, персону правителя окружает божественный ореол, а знать почтительно толпится у подножия трона. Эпосы в своем большинстве с этой точки зрения отразили промежуточную стадию; «полноценная» государственность еще не сформировалась, но фигура лидера уже защищена (и часто порождена) божествами.

Очевидно, фольклор запечатлел неуловимую по письменным источникам стадию перехода от позднего первобытного к раннеклассовому обществу, от вожества к раннему государству на идеологическом уровне. Какие бы герои и преданные соратники ни сопровождали батыра в боях и путешествиях, они не обладали потусторонним патронажем и, следовательно, не могли состязаться с батыром в праве на главенство. Так уже на предгосударственном уровне выстраивается социальная оппозиция: по одну сторону – мироустроительные силы и покровительствуемый ими хан, по другую – все остальное эпическое человечество, подданные героя или его противники.

В большинстве монархических доктрин мира источником власти государя объявлялась милость Бога или Неба – абстрактной вседержительной субстанции, первоисточника всего сущего. Мифологизированное сознание сказителей эпосов обычно не допускало столь глобального абстрагирования. Высшие сверхъестественные силы представлялись в персонифицированном, антропоморфном виде: боги радовались, гневались, говорили «человечьим голосом» и т.п. Среди чувств, присущих демиургам, обязательно оказывалась и забота о существах, населяющих лик земли, прежде всего о людях. Именно стремление обустроить мир людей (либо защитить его от посягательств каких-либо темных стихий) вызывало к жизни божественную инициативу порождения и отправления в мир или выбора из живущих на земле людей богатыря-правителя. Вершителем судьбы героя, как правило, оказывается верховное божество, владыка небесных сфер, «Верхнего мира» – Уч Курбустан, Кудай, Юрюнг Айыы-тойон, глава тэнгриев... В эпических текстах не детализируется его облик, и антропоморфизация божества проявлялась в отношениях его с окружающей свитой, земными обитателями и прочими персонажами эпоса. Главная роль, исполняемая в эпосе миродержцем – это покровительство витязю, поэтому детальное выписывание внешности и личности Всевышнего и неуместно, и ненужно для развития сюжета. Гениальная лаконичность фольклорных повествований позволяла слушателям (а ныне – читателям) осознать беспредельное могущество божества-зиждителя, весомость его поддержки ханской власти.

Впрочем, следует отметить, что по мере социального развития человеческие черты небесного правителя становились все более невыразительными: если в якутских, ранних бурятских и отчасти алтайских сказаниях Небо предстает в виде могучего и грозного государя, эмоционального и самовластного, то в произведениях позднейшей стадии (хакасских, тувинских, поздних бурятских) оно уже является далекой от мира людей стихией, хотя и отзывающейся пока с чисто человеческой реакцией на земные события. Следующим этапом конструирования монаршей харизмы должно было бы стать лишение Неба «профанных» чувственных черт и придание ему облика грозного и далекого Вседержителя. Но это происходило уже в рамках государственности и запечатлевалось на страницах летописей и в эпиграфике, т.е. после окончания эпохи складывания героического эпоса.

Итак, расхожая формула «правитель — сын Неба», известная во множестве ранних государств, в том числе в кочевых империях, получает в эпическом фольклоре конкретную расшифровку. Небо буквально созидает героя или из небытия или изредка выделяет из сонма других людей. Мифологизация акта рождения героя вовсе не сводилась к обыденному выходу его из чрева некоей божественной праматери. Можно предполагать, что обретение героем, эпическим персонажем сверхъестественных свойств, не сочеталось со столь «профанным» способом появления на свет. Действительно, витязь-хан оказывается во главе улуса чаще всего также сверхъестественным путем. Или он выходит из недр волшебного камня, или сотворен чудесным образом на небе и приходит в себя уже на земле. Даже если он рождается от земной матери, то и в этом случае он оказывается зачат при посредстве луча или чудесной жидкости, предоставленной божествами, или же после божественного пророчества родителям, отчаявшимся дождаться потомства.

Однако мы видели, что герой, строго говоря, не одинок в своем ханском достоинстве. Часто его сопровождают разнообразные соправители, богатыри-побратимы, соратники-братья и т.п. И для этих персонажей эпическое мировоззрение отводит подобающее место. Ближайшие сподвижники хана тоже могут появляться на свет неординарными способами, недоступными для обычных людей; кроме того, они часто отмечены выдающимися качествами — невиданной силой или мудростью, что в глазах рядового кочевника служило доказательством несомненного небесного покровительства. Здесь мы опять сталкиваемся, очевидно, с феноменом перехода от первобытности к государственно-классовой структуре. Отмеченным благодатью оказывается на весь народ, как это понималось при родовом строе, и не всемогущий автократор, как в развитых монархиях, а вождь и ассистирующий ему социальный слой, социальное окружение. Родовая и военная аристократия также склонна была считать свои полномочия боговдохновенными.

Следующей за физическим рождением (сотворением) героя-богатыря важнейшей вехой его бытия изображается явление героев в мир людей. Оно предопределено божественным планом спасения обитателей земли и помощи им, поэтому герой, как правило, оказывается с уже предопределенными задачами и заранее предначертанной судьбой. Именно в указанном предопределении и заключается суть отправления витязя в мир божествами. Буквальный «спуск» его с небесных сфер на землю имеет место лишь в наиболее архаичных ска-

заниях. Чаще всего правитель появляется на свет из чресел земной женщины. Однако на небесах «просчитаны» и пол, и физические качества героя, и перипетии его биографии. Принципиальное отличие эпического хана от божества-демиурга состоит в том, что в огромном большинстве сказаний богатырь оказывается не в безлюдном пространстве, а в уже населенной ойкумене, обитателей которой он обязан обустроить, защитить, одеть и насытить. Если в ранних эпосах мир людей представлен в виде хаотичного космоса, совокупности беспомощных племен, ожидающих небесной защиты (см. якутские олонхо), то в более поздних произведениях герой рождается в продолжение длящейся уже с незапамятных времен череды поколений. Тем не менее эпическое время, предшествующее его рождению, предельно «сужается» и фактически представляет собой предысторию, типологически аналогичную космическому хаосу, в котором нет пока ни порядка, ни личности, организующей этот порядок.

Последний тезис может вызвать сомнение у читателя, знакомого с достаточным количеством эпических текстов, поскольку довольно часто витязи по рождению вступают в управление четко организованными улусными системами. Но нам представляется, что эпосы с подобными сюжетами являются «обрывками», фрагментами эпических сводов, которые повествовали о нескольких поколениях богатырей-правителей. Сыновья и внуки основателя улуса действительно наследовали упорядоченный социум, но первоначальная организация последнего ложилась на плечи первопредка. Естественно, это была наиболее древняя часть сводов, и у многих народов она не сохранилась ко времени письменной фиксации.

Поскольку герою предназначены свыше определенные задачи по отношению к земным обитателям и обязанности по отношению к Небу, он снабжается и необходимыми средствами для их осуществления. Многие тексты свидетельствуют о являющихся с неба посланцах, которые вручают витязю коня, вооружение, доспехи и т.п. Очень часто перед ним чудесным образом вдруг оказывается верный товарищ — боевой конь, обязательный атрибут героя. Снабжение небесами своей креатуры средствами защиты и нападения — важное свидетельство ведущей военной функции этих персонажей. Герой является в мир как воин и защитник, полностью экипированный для этой цели.

Кроме того, божественные патроны обеспечивают и повседневное существование богатыря, предоставляя ему самое необходимое условие жизни кочевника — скот (в отдельных текстах отары и табуны буквально сыплются из туч на пастбища героя).

В некоторых поздних, «переродившихся» в сказки, переосмысленных эпосах данная божественная акция уже подавалась в качестве благодеяния по отношению к нищей земной семье, бедным старику и старухе. Внезапно обьявившееся изобилие скота давало данным персонажам основание считать себя ханской четой и вступать в управление улусом. «Приземление» сюжета, когда на месте могучего богатыря — небесного избранника оказывается невзрачный престарелый чабан с женой, а наделение свыше стадами подается как проявление жалости Неба к их незавидней судьбе, является, очевидно, отголоском первоначальных вариантов сказаний. В конце концов сыновья благодетельствованной богами пастушеской пары вырастают в настоящих батыров, и эпос «возвращается» в каноническое русло: богатырь становится защитником и бла-

годетелем своих родителей и подданных, грозой для разнообразных врагов, без которых немислим героический эпос.

Выше мы имели возможность наблюдать, как небеса направляют и помощников для героя: в якутских олонхо это его братья; в бурятских улигерах с неба спускается целое дружинное войско, подчиняющееся богатырю Гэсэру.

Сформулировав предназначение батыра, направив его в мир и снабдив вооружением и скотом, Небо не бросает его на произвол судьбы, вернее, контролирует этот произвол. В целом демиурги довольно пассивны в отношении богатырей, но в критических ситуациях божественные инстанции способны проявлять деятельное участие. Там, где эпические сюжеты содержат «миросозидательные», мифологические пласты, герой поднимается за помощью и советом на небеса. В основном же пособничество Неба проявляется в подсказках и советах своему избраннику в затруднительных случаях — или через посланцев-гонцов, или через волшебные письма. Когда складывается ситуация, при которой герой может потерпеть поражение в единоборстве с противником, он имеет возможность воззвать к своему «отцу — Синему Небу» — и помощь является незамедлительно: с горних высот ударяет молния, обычное оружие верховного небожителя. Небо, кстати, могло и просто остановить поединок как бесполезный, если в его планы не входило умерщвление одного из участников.

Понятно, что способность непосредственно апеллировать к творцам этого мира, общаться с ними выступала в качестве самого выразительного показателя особого статуса богатыря-хана. Явно недоступная сонму остальных подданных, сколь бы знатными и заслуженными они ни считались в среде улусного населения, эта способность выделяла правителя и возносила его над народом улуса, причисляла его к рангу богоподобных существ. Именно возможность вступать в прямой контакт с божествами придавала власти лидера сакральный характер, заставляла смириться с ней подданных и — в конечном счете — врагов и соперников. Власть, таким образом, оказывалась не только установленной и организованной по велению Неба, но и защищенной им же. Поэтому противостоять этой власти означало вступать в противоречие с божественным провидением. Именно в таком логическом ракурсе и выстраивалась первоначальная харизма улусных владетелей тюрко-монгольского мира.

Небо держит под контролем всю жизнь героя и задает ему направление действий. Поэтому оно вправе ожидать от своего протеже и полного послушания. Тем более что, как сказано выше, прямое вмешательство небесных сил в события на земле происходит не столь уж часто и лишь по чрезвычайным поводам. Следовательно, каждый акт такого вмешательства принципиален для населения земли, и Небо уверено в беспрекословном подчинении своей воле. Что же случается, если герой вдруг становится «в оппозицию» богам, не следует их указаниям? В целом такой вопрос не имеет под собой даже, так сказать, методологической основы, потому что эпический батыр — божественное создание и средоточие совершенств, и залог всех его успехов заключается именно в следовании небесной предопределенности судьбы. Сказителям даже не приходило в голову развести главного героя и Небо по разные «стороны баррикад». Суть эпических повествований сводилась как раз к противопоставлению Небу и герою различных темных сил и стихий.

Однако в единичных сюжетах просматривается характер потусторонних санкций против нарушителя небесной воли. С одной стороны, такие санкции вызваны негативными эмоциями демиургов (раздражением, завистью и проч.), что может быть объяснено профанизацией образа, антропоморфизацией мироустроительной силы; но, с другой стороны, именно Небо в конечном счете является подателем харизмы, и оно властно отнять ее у своего избранника. «Чистых» случаев отбирания Небом улуса у героя мне в эпосах не встретилось. Тем не менее именно изменением счастливого дотоле течения судьбы могли объяснять мыслители в ранних государствах свержение неудачливого правителя с престола. А раз судьба (тюрк. *кут*, монг. *кючю*) находилась в руках Неба, то детронизация, естественно, расценивалась как лишение небесного покровительства. Не удивительно, что в эпических сюжетах не наблюдается случаев утраты героем ханства. Лидер в героическом эпосе воплощал такие черты, которые позволяли как раз удержать управление при любых неблагоприятных обстоятельствах. Неудачники же, не способные отстоять свои владения и лишившиеся власти, неизменно оказывались в стане врагов героя.

Практически во всех повествованиях персонафицированное Небо явлено в образе божества мужского пола. Поэтому оно соответственно выступает как отец героя. Матерью же его оказывается земная женщина. Однако она не может считаться полноценной парой Зиждителю. В соответствии с традиционным мифологическим парным противопоставлением, мы вправе ожидать, что женской частью родительской четы эпического витязя будет Земля. Действительно, и в разобранных выше текстах, и в письменных источниках Небо и Земля называются вместе как податели благодати и патроны главного персонажа. Но Небо — реальный вседержитель, в его воле и власти все, что происходит в мире людей. Земля же появляется на страницах сказаний крайне редко.

И все-таки по отдельным отголоскам харизматики можно определить ее функции в указанной божественной чете. Мать-Земля (названная так непосредственно или выступающая в образе какой-нибудь богини) ответственна за личное (а не социальное, в отличие от Неба) благополучие героя. Именно она дает ему физическую силу, способность выдерживать тяготы долгих странствий и кровопролитных сражений. Помощь подобного рода исходит от нее или посредством пророчеств, или в виде чудесных даров (живительной влаги, волшебных предметов и т.д.).

В паре с Небом она не выступает почти никогда. Лишь в экстраординарной ситуации, при угрозе гибели богатыря в алтайском героическом эпосе, в ответ на его зов о помощи к божественным родителям, на подмогу ему тянутся плоды Земли — травы и леса (одновременно с ударом небесной молнии — помощи Отца).

В случае с Землей наблюдается определенное несоответствие ее божественного ранга и несомненно позитивного потенциала пространственному положению. Земля находится «внизу» — ниже мира людей, тогда как по своей роли в их судьбах и статусу женской пары Неба она приблизительно уравнивается с последним. Кажется, именно это обстоятельство и не позволило первосказителям эпических поэм активно разрабатывать сюжеты с участием Земли: с одной стороны, она подобна Небу, но с другой — именно в ее пространственной плоскости находится мифический Нижний мир, обитель всех зловредных и античеловеческих сил, враждебных героям-богатырям. Тем не менее мы убе-

ждались в предыдущих главах, что кочевые монархи не гнушались объявлять себя порождениями Неба и Земли (у древних тюрков, средневековых монголов). На уровне государственной идеологии Мать-Земля оказывалась постоянной и логичней парой творцу-Небу. Впрочем, ипостаси Земли в пантеоне кочевников выступали в неявном виде: в облике богинь, напрямую не связанных с землей, почвой (Умай у алтайцев. Ийэхсыыт у якутов и др.), тогда как Небо предстало в своей единственной и наиболее могущественной ипостаси — как мужская вседержительная субстанция.

Выше упоминалось, что божественное избранничество часто, но не всегда предварялось сотворением или боговдохновенным порождением героя и направлением его в мир. Бывали случаи, когда батыры добивались ханствования победами на полях сражений, удачью и доблестью, разгромом противников и воцарением над их бывшими владениями. Такой поворот событий не исключает божественного участия в судьбах героев, ведь удачи богатырей в сражениях — это всегда результат не только их военного искусства и мощи (кстати, дарованной и поддерживаемой Землей), но и небесного благоволения. Победа героя и его управление побежденными улусами всегда подается в героическом эпосе как начало процветания народа этих улусов, что означало перенесение благодати, харизмы хана на его новых подданных. (Соответственно утрата харизмы прежним правителем приводила его к военному поражению и гибели, а народ ввергался в пучину бедствий военного времени.) Потому-то так придирчиво следили за удачами и неудачами своих правителей средневековые кочевники: из обстоятельств правления государя становилось ясно, благоволят ли к нему (а, стало быть, и к народу) Небо с Землей либо отняли у него харизму.

Столь идеалистический подход к объяснению воцарения эпических персонажей практически не оставлял места для других вариантов интронизации, известных из хроник и этнографических наблюдений. Так, выбор героя в качестве предводителя и вождя на совете старейшин имел место лишь в среде небожителей, каждый из которых уже «по определению» обладал высшими харизматическими свойствами и не мог быть лишен их.

Харизма переходила не только на подданных-современников хана, но и на его потомство. Все фольклорные героические эпопеи построены на преемственности биографий: когда доблестный отец заканчивал земное существование, его храбрец-сын вступал в управление улусом и прославлял свое имя новыми подвигами. Ясно, что это было возможно только при сохранении божественного покровительства, и таким образом в глазах народа целые династии оказывались отмеченными «Божиею милостью» и закрепляли за собой право на трон.

Сведем воедино ступени осуществления ханской харизмы по героическим эпосам.

1. Небо порождает будущего правителя или избирает его из уже живущих на земле людей.

2. Небо предопределяет избраннику жизненный путь и внушает, какие функции тот должен исполнять, возглавив улус.

3. Небо вручает герою вооружение, коня и иногда предоставляет соратников, помощников в повседневной жизни и управлении; Земля дает герою жизненную силу.

4. Небо и Земля оберегают жизнь и благополучие героя (и его народа), готовые прийти к нему на помощь в трудную минуту.

5. При успешном выполнении батыром небесных предначертаний божества обеспечивают процветание его подданным. В противном случае правитель лишается потустороннего патронажа, и его владения переходят в руки другого небесного избранника.

Как уже неоднократно указывалось, божественное происхождение, небесное покровительство и возможность непосредственного контакта со сверхъестественными силами выделяли персону правителя из всей массы народа. Героический эпос в целом не концентрирует внимания на этом различии хана и простолюдинов; контакты с небожителями имеют в сюжетах не первостепенное значение и служат в какой-то мере иллюстрацией для панорамного показа выдающегося жизненного пути витязя. Однако для анализа пред- и раннегосударственных общественных отношений данные детали оказываются принципиальными. Ведь мы знаем, что ссылки на потустороннее происхождение и защиту, пусть и формальные, «протокольные», имели место и в реальной истории, при конструировании концепций верховной власти в ранних монархиях, в том числе и в кочевом мире. Другими словами, подобные мифологические выкладки служили ничем иным как идеологическим обоснованием власти монарха.

Каковы же были проявления этой «божественной» власти? В чем выражалась богоизбранность правителя и боговдохновенность его действий? Можно наметить несколько аспектов. Во-первых, во внешнем поклонении перед лидером. Примеров этому множество в истории, но эпосы отразили реалии патриархального общества, поэтому дворцовый церемониал практически отсутствует в эпическом фольклоре. Во-вторых, во всеохватных властных полномочиях по отношению к подданным, и об этом мы подробно поговорим ниже, когда станем разбираться со структурой эпического улуса. В-третьих, в функциях правителя, его обязанностях касательно населения ханства; эти функции тоже заслуживают подробного рассмотрения. В-четвертых, в самом поведении хана, его жизненном укладе, повседневных занятиях, делении действий и поступков на «высокие» и «низкие», достойные и недостойные государя. Все перечисленные пункты составляли статус правителя эпического владения-улуса. Этот статус мы и попытаемся сейчас разобрать.

Эпоха, в которой слагалось большинство эпических сказаний, наложила отпечаток на парадигму поведения ханов-богатырей. Лишь в немногих текстах герой-глава улуса восседает на престоле и ограничивается указаниями, передоверяя выполнение всех конкретных дел придворным, «функционерам». В основном батыр довольно активен, но в чем выражается активность? Смысл и сущность всех эпосов — в прославлении воина, и война является основным занятием витязя. Сесть в седло и выступить в поход, сразиться с противником, померяться силами с проезжим бойцом — такими поступками не гнушаются и самые высокородные персонажи. Следовательно, боевые действия можно считать типично «ханским» делом. (В этом отношении, кстати, рядовое население улуса предельно пассивно и выступает обычно лишь в качестве «фона» событий и объекта защиты от вражеских нападений.)

Однако даже в эпосе война занимает не все время жизни героя. Чему посвящает он себя в перерывах между походами и сражениями? Чаще всего хан пре-

дается охоте — выше нам доводилось писать, что она может трактоваться как вид своеобразного «аристократического спорта», развлечения знати. В самом деле, ведь не для пропитания же хан, владелец многотысячных стад и правитель массы подданных, отправляется бить дичь! Война и охота — вот два занятия, подобающие главе эпического улуса.

Эти занятия способствовали и приданию ему соответствующего облика отважного воина и смелого охотника, что сказывалось также на поведении героя. Аристократической спеси и кичливости у эпических батыров нет и в помине, но роль защитника и предводителя народа объективно придавала поведению лидера покровительственный характер. Постоянное пребывание его на войне или на охоте в героическом эпосе постоянно сопровождается символическими актами дележа трофеями и добытой дичью с подданными. Такая показательная щедрость являлась обязательным элементом парадигмы поведения эпического сюзерена. Манера держаться гордо и независимо импонировала сказителям и казалась естественной для подданных хана, тем более что он исполнял ряд важнейших функций в улусе.

Функции власти в вождествах и ранних государствах сводились к нескольким основополагающим позициям. Власть должна была защищать население от внешних посягательств и обеспечивать мирную жизнь производителей материальных благ, за счет которых эта власть и существовала. Кроме того, в «героический» период война становилась обыденным явлением, племенные ополчения и дружины вождей довольно часто выступали в походы против ближних и дальних соседей. Административная верхушка улуса должна была организовывать боеспособных подданных для военных действий и возглавлять их. Таким образом, военная функция власти была одной из важнейших.

Опека над подданным народом не ограничивалась только вооруженной защитой его. Хан считался распорядителем пастбищ на территории племенных кочевий, и руководство перемещениями отар и табунов по улусным угольям тоже входило в его компетенцию. А поскольку в кочевом мире, отраженном в тюрко-монгольском героическом эпосе, вслед за скотом двигалось и население, то хан превращался и в регулятор перекочевков по территории подвластных ему владений. Такова была вторая, уже сугубо мирная функция власти.

Беря на себя ответственность за регулирование кочевых маршрутов, хан, таким образом, становился ответственным и за благосостояние своих кочевых «сограждан». От него требовалось обеспечить сытое существование как скоту (путем направления его на места с обильным кормом), так и скотоводам. Следовательно, забота о благосостоянии подданных составляла еще одну функцию властных инстанций в эпическом улусе. Впрочем, и военные прерогативы лидера тоже в определенном смысле преследовали аналогичную цель, ведь трофеи в походах распределялись между их участниками, и уступка части военной добычи рядовым воинам тоже может трактоваться как форма поднятия их благосостояния.

Наконец, еще одной прерогативой власти был разбор конфликтов между подданными. Посмотрим подробнее на все перечисленные выше функции.

Итак, военные задачи лидера сводятся к обороне своих и захвату чужих владений. Львиную долю информации, которую исследователь может почерпнуть из эпических источников, относится именно к боевым достижениям героя.

Обладая волшебным оружием, неуязвимыми доспехами и чудо-конем, батыр то и дело демонстрирует свои воинские качества. Верная дружина сопровождает витязя далеко не всегда; имеется множество текстов, где таковая вообще отсутствует, и военная функция власти, таким образом, оказывается сконцентрированной в образе одного-единственного персонажа. В тех сюжетах, где дружинники все же имеются, они чаще всего представляют собой коллектив безгранично преданных вождю смельчаков, которые лишь помогают герою-правителю осуществлять его полномочия главы улуса. Если обратиться к поводам начала военных действий в эпосах, то, пожалуй, внешняя направленность военной активности (нападение) преобладает над внутренней (оборона). Другими словами, герой чаще сражается с противником в странствиях, в чужих странах, нежели при защите родного очага. Однако нас интересует поведение батыра как носителя власти, поэтому более актуален сейчас вопрос о его действиях при обороне улуса.

Специфика жанра обязывала выдерживать определенный канон: враг, осмелившийся напасть на улус, оказывался в конце концов разгромлен и посрамлен, и нередко его улус (подданные и скот) переходили во владение победителя. При больших нашествиях хан мог провести мобилизацию. Тогда «под ружье» вставала не только дружина (в тех эпических ханствах, где она имелась), но и прочие боеспособные мужчины, пастухи. В такой ситуации хан становился явным и непререкаемым лидером народа, и авторитет аксакалов, родовой знати отходил на второй план. Военное общенародное лидерство составляло важнейшее проявление властных: функций.

Участь победителя накладывала на хана в том числе задачу обустройства вновь приобретенных подданных. В среде кочевников эта задача имела ряд особенностей. Вступая в управление завоеванным улусом, хан превращался в распорядителя пастбищ и регулятора жизни новообращенных подданных. Героический эпос предлагает два варианта дальнейшего развития событий.

Во-первых (и в большинстве сюжетов) народ и скот поверженного врага перегоняются на территорию победителя, где и расселяются им по его усмотрению. Естественно, на переселенцев налагаются те же обязанности, что и на коренное население, и таким образом вынужденные новоселы вливались в массив кочевников, в отношении которых власть осуществляет свои prerogatives. По эпическим произведениям трудно судить о каком-либо неравноправии данной категории подданных. Обычная концовка подобных сюжетных линий сводится к констатации процветания улуса под мудрым правлением героя. Во всяком случае, создается впечатление, что «новое» и «старое» население улуса уравнивается в статусе, по крайней мере фактически.

Во-вторых, случается, что народ захваченного батыром улуса оставляет им в неприкосновенности. Если герой уничтожает правителя этого улуса, то на его место назначается наместник из аборигенов (вспомним девушек-правительниц из алтайских сказаний, см. главу 3). Если проигравший войну хан покоряется, то он может быть оставлен во главе своих бывших подданных на правах подчиненного хану-победителю иерарха (Алтан Чэджи в «Джангаре»). При таком повороте событий верховный государь не вмешивается во внутренние дела подчиненного улуса, и регулировка перекочевок, в частности, возлагается на местные власти. Что же касается исконных, «природных»

подданных правителя-батыра, то, возвращаясь из походов, он неукоснительно продолжает исполнять по отношению к ним роль распределителя пастбищ и определителя путей движения стад.

Забота о скоте и народе проявлялась не только в их размещении, но и в регулярном контроле над их состоянием и численностью. Во множестве текстов день героя начинается с ежеутреннего объезда и осмотра стад. Как нетрудно заметить, это занятие не относится к престижным — войне и охоте. Однако именно в ревизии своего достояния наиболее наглядно проявляется функция хана как «главы народа и хозяина стад». Ясно, что объезд стойбищ и табунов играл не только демонстративную, но и чисто прикладную роль. В кочевом обществе от поголовья скота зависел экономический потенциал улуса и, соответственно, его правителя. И не случайно Небо, даря земному избраннику управление улусом, снабжает его многочисленным скотом, после чего божественный протееже только и может считаться полноценным сюзереном.

Скотоводство — доминирующая отрасль кочевой экономики, поэтому именно при появлении героя на кочевых пастбищах возможно наблюдать первичные признаки зарождающегося управления. Так, мы не можем всерьез ожидать от хана, чтобы он сам стал гонять стада с кишлаков на яйлаки и обратно. Действительно, в эпосах этим занимаются чабаны, пастухи, табунщики. Однако во главе их оказывается главный табунщик с «каноническим» для тюрко-монгольского фольклора именем Аксакал(тай) — «Белобородый». Данная фигура ни в коем случае не может однозначно трактоваться как просто старший пастух. В различных ситуациях главный табунщик становится и советником батыра, и его своеобразным соправителем. Значит, именно на пастбище появляется человек, который фактически (но, конечно, не формально) осуществляет одну из властных функций — присмотр за улусными стадами. Хан как бы передоверяет ему одну из своих прерогатив, сохраняя при этом за собой несомненный статус «хозяина стад». Как раз знаком сохранения этого статуса и является регулярный объезд государем своих владений — своего рода ритуальная демонстрация «гражданских» полномочий правителя.

Столь обширные полномочия превращали главу улуса и в высшую инстанцию при разборе различных конфликтов. Данный тезис нуждается в существенной расшифровке. Патриархальная структура и менталитет общества, отраженного в героическом эпосе, базировались на установках традиционных, то есть унаследованных от предков, завещанных отцами и дедами, с одной стороны, «обычай были общеизвестны» и нарушение какой-нибудь общепринятой нормы не требовало скрупулезной аргументации» а санкция заключалась в осуждении нарушителя общественным мнением общинников, соулусников. С другой стороны, хранителями обычаев естественно оказывались наиболее умудренные члены социума, старцы, с одним из которых с символическим именем Аксакал мы только что встречались. Так что резонно было бы ожидать, что при любых затруднениях в сфере действия обычных установок народ должен был бы обращаться к старикам», а не к хану-богатырю. Однако на деде все обстояло сложнее.

При всей патриархальности уклада, окружавшего эпических персонажей, они жили уже не в первобытной общине, где авторитет престарелых мудрецов действительно был единственным адресом для апелляций. В эпическом об-

шестве над народом уже вставала власть, само существование которой представляло собой вопиющее нарушение древних обычаев. Традиционные нормы, унаследованные от эпохи «классического» родового строя, вступали в жесткое противоречие с реалиями новой общественной жизни. В этих условиях опыт и познания старцев уже не всегда могли помочь в поисках оптимального выхода из противоречий. Тогда как вождь, хан – воплощение новой власти – со своим могуществом и авторитетом уже был способен выступать в качестве арбитра в спорах.

Фольклорные тексты являют примеры, когда именно хан (а иногда только хан) осуществляет правосудие в улусе. Причем, сам статус хана, безотносительно к умственным потенциям его конкретного носителя, случалось, служил гарантом справедливости выносимого им решения.

Теперь попробуем обобщить сведения о статусе хана в эпосах. Эпический хан, глава улуса, является несомненным потестарным лидером. Его власть базируется на небесном происхождении и покровительстве, военном могуществе, обилии стад, многочисленности и лояльности подданных, умении распределять скот на пастбищах, а людей в стойбищах, разрешать внутриулусные конфликты. Следовательно, перед нами вырисовывается достаточно ясная картина обоснования власти кочевого сюзерена в вождестве и раннем государстве. Божественного патронажа оказывается явно недостаточно для формирования стройной концепции управления, хотя именно солидарность Неба с героем представлена во множестве текстов как решающий фактор жизненных удач богатыря. Хотя богатство и военная фортуна подаются сказителями как следствие благоволения Неба к своей креатуре, все же витязи почти всегда действуют без подсказки свыше, почти никогда не обращаются за помощью к небесным «родителям», и счастливые повороты в биографиях богатырей объективно предстают как результат их личной инициативы, мужества и мудрости.

Тем не менее какой бы совершенной личностью ни был главный эпический персонаж, усложнявшееся общественное устройство требовало все больше внимания, и власть над улусом оказывалась уже не под силу одному-единственному человеку. Как фольклорный богатырь воплощал в себе лучшие человеческие черты, так и эпический и исторический хан олицетворял собой все функции власти. Однако исполнять эти функции с равным усердием и квалификацией ему уже не удавалось. В самом деле, ведь если он уедет в поход, то кто же будет возглавлять народ и хозяйничать над стадами? Ответ ясен из предыдущего изложения: «гражданские» задачи хана в его отсутствие (да зачастую и в присутствии его) мог осуществлять главный табунщик, древнейший прообраз позднейшего чиновника. Кстати, и военная функция частично достается на долю старшего дружинника, о котором мы поговорим ниже.

Разобравшись с формальным статусом правителя, мы можем обратиться к вопросу о движении этого статуса во времени и от одного человека к другому. Т.е. сейчас нас будет интересовать проблема наследования. Сразу необходимо сделать несколько существенных оговорок. Бытующее в этнологии понятие «власть-собственность» имеет прямое отношение к данной конкретной теме. Поскольку к преемникам батыра-государя переходит власть над улусом, постольку они начинают распоряжаться и в экономической сфере жизни ханства. Кроме того, наследники получают имущество покойного правителя. В герои-

ческом эпосе эти две ипостаси наследования — власть и имущество — тесно связаны и функционируют по общим закономерностям.

Читателю, знакомому с политической историей кочевых народов, известны драматические перипетии конфликтов в ханских семьях в период борьбы за престол после кончины очередного властителя. Впрочем, аналогичные ситуации складывались не только в кочевой степи, но и у множества оседлых народов. Суть наиболее ожесточенных распрей сводилась к оспариванию первоочередности на престолонаследие между дядьями (братьями бывшего монарха) и его сыновьями. В таких ситуациях проявлялось противоречие между двумя принципами наследования — династийным (от родителей к детям) и авункулатным (от племянника к дяде или от брата к старшему из остальных его братьев, т.е. к старшему из родственников).

Героический эпос почти не содержит примеров перехода ханского статуса и достоинства по авункулатному принципу. Исключением и отголосками данного принципа можно считать отдельные сюжеты с интригами дядей против племянников (например, в бурятских улигерах). Что же касается своеобразного разделения власти между братьями, то это явление не относится напрямую к наследованию, и мы поговорим о нем чуть ниже. Приоритет династийного принципа объясняется, очевидно, реалиями повседневной жизни, в которой бытовали эпосы на момент письменной фиксации. В XIX—XX вв. авункулатные отношения при передаче власти уже перестали функционировать и утратили актуальность.

Преобладание династийного алгоритма в эпических сказаниях означает, что после смерти отца ранг повелителя улуса переходит к сыну. Обычно это старший сын, хотя иногда интрига «закручивается» таким образом, что именно старшие братья оказываются неспособными к управлению, и на престоле в конце концов водворяется младший сын хана. В ранних, довольно архаичных текстах у богатыря рождается богатырь же, и поэтому ни у подданного населения, ни у слушателей эпоса не возникает вопроса, на каком, собственно, основании молодой витязь становится во главе народа. Ханский отпрыск наиболее мудр и могуществен из людей — кому же еще властвовать, как не ему?! Однако в тех произведениях фольклора, что сложились на более поздней стадии общественного развития, решение не столь однозначно. Есть много примеров, когда в семье хана-богатыря рождаются обыкновенные мальчики, не отмеченные ни сверхъестественной силой, ни интеллектом. Тем не менее трон переходит именно к ним, и подразумевается, что для наследования в данном случае оказывается достаточным самый факт рождения в семье правителя. Здесь мы сталкиваемся с очевидным фактом формирования особого корпоративного слоя, сословия власти, за которым управленческие прерогативы уже закреплены традицией. И все же отголоски борьбы за трон просматриваются в тех сюжетах, где на престол восходят «обыкновенные» юноши. Выше мы упоминали, допустим, об удивлении подданных, когда в семье богатыря рождаются не богатыри. Дальше пересудов дело не идет, и народ все равно будет вынужден подчиняться в будущем хану-небогатырю. Но иногда юный наследник должен подтвердить свои права на властвование — подтвердить личной отвагой или, как в одном из якутских олонхо, свирепостью нрава, подобающей улусному правителю.

Если с передачей статуса и имущества сыну ситуация более или менее ясна, то в бездетных семьях она осложнялась. Отсутствие мужского потомства объективно ставило на место наследников дочерей. В эпическом своде тюрко-монгольских народов имеются, хотя и нечастые, случаи воцарения женщин. Мы не можем трактовать такие случаи как несомненное отражение конкретных событий, когда предводители улусов передавали достояние дочерям. Значительную роль в возникновении подобных сюжетов сыграли, видимо, и древнейшие реалии матриархального периода, отголоски женского приоритета, которые не раз отмечались в этнологических и фольклористических исследованиях. Тем не менее, раз такие семейные комбинации есть в эпосах, мы вправе считать, что они имели место и в реальной жизни.

Нетипичность женского правления для народов средневековья и позднейших времен выразилась в определенной исключительности подобных эпических правительниц. Юноше, как правило, не обязательно было доказывать свои административные способности; он родился в семье лидера, и этого было достаточно для приобретения статуса наследника. Девушка же должна была своим богатством убедить народ (и слушателей эпоса) в своей адекватности ханскому посту. Ясно, что походы и сражения никогда не считались женским делом, потому и таких вот дев-воительниц в фольклоре немного. Единичные примеры других оснований для женского правления сводятся к помощи девушек богатырям-завоевателям и назначению последними их правительницами покоренных улусов.

В целом наследование статуса и имущества женщинами не типично для героического эпоса, и лейтмотивом его в этом вопросе служит тезис, повторяемый множество раз и во множестве вариаций: нет у меня сыновей, значит, нет у меня и наследников, некому оставить имущество, скот и народ. Уцелевшие следы эпохи матриархата в фольклоре довольно редки, что свидетельствует о неактуальности вопросов персонального наследования в ту эпоху.

Одним из вариантов устройства ханом последующей судьбы улуса могло быть завещание его мужу дочери. Сама по себе данная ситуация довольно распространена: в большинстве эпосов происходит сватовство героя, и зачастую он получает за молодой женой в качестве приданого половину скота и народа, которых перемещает в свои владения. Другое дело, что такой расклад действующих лиц, когда в центре повествования оказывался бы именно отец, «плательщик» приданого, достаточно редок. А случаи, когда все имущество хана переходит к зятю, и вовсе уникальны. Обычно отец невесты витязя не решается передоверить свой улус чужеродцу.

Единичны и обстоятельства с другими кандидатурами на наследство (помимо сыновей, дочерей и зятьев). За неимением детей царствующая чета прогнозирует будущее посмертное разделение ханских богатств между всем народом улуса. Думается, это является реликтом первобытной редиистрибуции, распределения материальных благ удачливыми воинами и охотниками среди сородичей. К таким же реликтам относилась и щедрая раздача богатырем народу добытой на охоте дачи, о чем мы упоминали при изложении функций правителя. На самом же деле, в вождествах и ранних государствах передача простонародью достояния лидера была уже, пожалуй, немислима.

Столь же экзотично выглядит и завещание всего нажитого рабу-прислужнику. Правда, в дальнейшем этот раб в якутском олонхо превращается

в мужа своей бывшей госпожи — девы-богатырки. Таким образом, все становится на свои места, и в конце концов улус в случае смерти ханши переходит не к рабу, а к вдовцу, полноправное владыке,

Весь этот набор разнообразных вариантов наследования служит, вероятно, иллюстрацией действительной множественности оснований для передачи прав на управление и имущество, существовавших в прошлом. Ко времени записи эпосов из этих вариантов сохранилась и утвердилась только династия.

Вопрос о статусе правителя и наследовании этого статуса подводит исследователя к проблеме формирования особой части социума, прослойки специалистов управления. В руках родовых и военных предводителей постепенно скапливалось значительное имущество, результат военных походов и подношений соплеменников. Эта концентрация богатства, наряду с общепризнанным авторитетом вождей и старейшин, обеспечивала им право на явно большие прерогативы по сравнению с прочим населением улуса.

Вероятно, закрепление внутрисемейного наследования у вождей, т.е. военных предводителей, происходило легче, чем в семьях родовой знати. Ведь богатство вождей складывалось из военных трофеев, добытых ими лично; к тому же этнографические данные и письменные источники свидетельствуют, что довольно рано сложился порядок наделения вождя гораздо большим количеством добытого у врага имущества. Войско-ополчение, да и дружина тоже, добровольно примирялись с обогащением своего лидера — обогащением, несомненно, заслуженным на поле брани. Со своей стороны вождь своим руководством обеспечивал воинам, действовавшим в походах под его началом, их долю добычи. Чем одареннее он был как полководец, тем больше шансов выжить и воспользоваться плодами победы оказывалось у рядовых бойцов; чем справедливей он был как предводитель дружины и ополчения, тем на большую часть добычи они могли рассчитывать. Если эти две черты сочетались, то и дружинники, и воины-участники ополчения становились преданными соратниками, настоящей социальной базой такого военачальника. Помощники его по боевым операциям (старшие дружинники) также имели возможность завоевать авторитет у племени и обогатиться в походах. Так начинала формироваться военная знать. Вместе со «старым» отрядом — традиционной, патриархальной знатью она образовывала первоначальную корпорацию людей, уже не занимавшихся ничем, кроме войны и управления. Однако управление не сводилось лишь к выполнению перечисленных выше функций лидера. Эти функции могли и распределяться между несколькими лидерами.

Разделение ханской компетенции между несколькими, чаще всего двумя лицами, встречается довольно часто в кочевом мире — и в героическом эпосе, и в реальной истории. Мы обозначим это явление как соправительство и попробуем проследить его закономерности в эпических памятниках.

Происхождение соправительства пока не получило в науке однозначного толкования. Существует несколько точек зрения, но большинство историков, кажется, склоняется к мысли, что данный феномен коренится во фратриальном расчленении первобытных племен и материнских родов, является пережитком этого расчленения. После рассмотрения информации эпосов по этому поводу мы еще вернемся к вопросу о генезисе соправительства.

По наблюдениям за данными нарративных источников можно выделить несколько типов соправительственных отношений. Первый тип предполагал разделение территории улуса на две части, и в каждой из этих частей правил особый сюзерен. Именно таким образом были устроены тюркские каганаты, Монгольская империя XIII в., держава Караханидов и др. Ко второму типу относится сосуществование номинального сакрализованного государя, фактически не имеющего никакой власти, и полномочного самодержца — военного предводителя страны и народа. Наиболее яркий пример в этом смысле среди кочевников являл Хазарский каганат. Различные нюансы взаимосвязей внутри пар верховных лидеров в эпосах и в истории были в конечном итоге вариациями названных двух типов. Общей чертой таких взаимосвязей можно, очевидно, считать несоответствие сакральной и «светской» (прежде всего военной) субстанции власти; за одним из соправителей зачастую закреплялся статус верховного военачальника (неважно, реально или номинально), за другим — статус духовного лидера народа, воплощения мудрости, посредника между народом и Небом. В вождествах и ранних государствах соправительственные отношения, как правило, устанавливались между близкими родственниками. Героический эпос также предлагает такие примеры чаще, чем соуправление неродичей.

Раздел власти, народа и территории улуса между отцом и сыном наиболее понятен и наилучшим образом объясним. Передача в управление будущему наследнику части земель и подданных имела чисто практическое значение — приучить «царевича» к искусству властвования, хотя, как мы говорили, мальчик мог считаться потенциальным правителем уже по факту рождения в семье лидера, но в эпосах вступление в ранг соправителя обычно производится только после того, как он проявил себя достойным продолжателем родительского дела (разбил могущественного врага, например). Впрочем, для отделения сына не обязательно было ждать войны. Случается, юноши получают в удел половину ханства после женитьбы, т.е. по достижении совершеннолетия, возраста самостоятельных решений.

Наделение младшего соправителя заключается в том, что отец отводит ему место для поселения и пастбища для выпаса скота, а сам практически устраняется от вмешательства в дела сыновней улусной половины (лишь по просьбе сына старший хан может появиться в его уделе). На отведенных «царевичу» землях кочуют те соплеменники, которые переданы ему отцом, а также прибывшие со скотом в караване молодой жены, в качестве приданого.

Однако бывают ситуации, когда хан делит улус по принципу, так сказать, автохтонности. В своей удельной половине он оставляет население, исконно проживавшее на этих землях и доставшееся ему от предков. Сыну же он передает тех подданных, которых завоевал во время своего правления. Следовательно, в последнем случае иерархия двух удельных частей выглядит предельно наглядно: та часть, где остается верховный хан и где проживают исконные обитатели ханства, считается «старшей», высшей по рангу; та часть, куда перебирается младший хан-соправитель и где живут новоприсоединенные роды, является «младшей», низшей, починенной.

Гораздо более распространено в героическом эпосе соуправление братьев. Если бы не многочисленные исторические аналогии, можно было бы видеть в этом сюжетном каноне отголосок близнечного мифа, столь популярного

у первобытных народов²³². Действительно, в некоторых архаичных текстах братья неотличимы друг от друга, действуют синхронно, даже иногда говорят хором. Но ко времени письменной фиксации эпическая первооснова претерпела столь значительные изменения, что этих персонажей уже весьма трудно уподобить мифическим близнецам. У братьев появляются четкие возрастные и, что более важно для нашей темы, функциональные различия. К тому же обычная дуальная космогония предполагает наличие двух персонажей, в то время как в эпосах встречается и трое, и семеро, и девять братьев.

Представляется, что в эпическом соправительстве братьев отразились не только и не столько доисторические идеологемы, сколько черты социальной организации эпохи возникновения фабул героического эпоса. Мы видели, что соправительство отца и сына имеет вполне «земную» подоснову. Такое же реалистическое объяснение возможно найти и для варианта с братьями. Если в семье не один сын, а больше (а так оно чаще всего и бывало в многодетных кочевых семьях), то после кончины хана-отца старший или другой заранее избранный отцом сын заступал на место верховного правителя. Как наследник этот новый сюзерен в прошлом правил «младшей» удельной половиной. Теперь эта половина сохраняется, но ее правитель меняется. Прежний ее сюзерен перемещается в «старший» удел, а на свое освободившееся место младшего соправителя направляет одного из братьев. Именно так и не иначе развиваются события в сказаниях, именно братья в большинстве случаев и оказываются соправителями. А после обретения ими этого ранга они уже передают свои посты детям. Т.е. соправительство превращается в наследственную категорию, и в обеих удельных половинах образуются фактически независимые друг от друга династии, которые продолжают оставаться связанными номинальными соправительственными отношениями.

Коль семьи кочевников были многодетными, то теоретически мы можем допустить, что между родственниками одного поколения то и дело возникали конфликты по поводу занятия двух ключевых постов в улусе — старшего и младшего ханов. Действительно, такие примеры были в кочевых империях, есть они и в фольклоре. Но для предотвращения постоянных распрей в правящем клане была выработана концепция старшинства при замещении различных должностей. Другими словами, во главе улуса, его двух половин, оказывались старшие родичи (старшие братья), а остальные члены клана разверстывались между двумя этими частями.

Типично фольклорная ситуация, когда по смерти отца в управление его наследием вступают не два сына (в таком случае наступает «классическое» соправительство), а три, решается обычно стереотипным и радикальным образом. Два старших брата пытаются избавиться от младшего, но в итоге оказываются посрамленными и уступают ему верховную власть, а сами отходят на вторые роли. При этом соправительство не ликвидируется, но герой-победитель делит улус уже не с братьями-интриганами, а с побратимом (см. ниже).

Вторичность совместного правления двух братьев по отношению к соправительству отца и сына может быть выведена даже из тех сюжетов, где ми-

²³² См.: *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964; *Иванов В. В.* Близнецы мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. М., 1987. С. 174–176.

фологический пласт сохранился отчетливо, т.е. фигурируют небожители как жизненные персонажи и изображается начало человеческой истории. Герой ниспослан на землю, в Средний мир, и подвластное пространство он разделяет с младшим братом (см., например, олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»). Однако само направление его в мир является выполнением воли небесного Отца, остающегося в Верхнем мире. Стало быть, мироздание сначала делится как бы по вертикали между Творцом и его креатурой, и только потом, на более низком уровне, начинается соправительство братьев.

Там, где действуют два брата, а не больше, конфликтов между ними, как правило, не происходит. Это обстоятельство объясняется не только общей положительной трактовкой данных персонажей, но и четким разграничением их функций. Если старший брат является верховным правителем, государем народа, то младший состоит в должности защитника и ведущего воина улуса. Если старший, наоборот, играет роль воителя-богатыря, то младший воплощает мудрость, интеллектуальное начало. (На этих различиях мы подробнее остановимся ниже.) Одна из распространенных эпических обязанностей, младшего брата — замещение отсутствующего правителя, забота о личном хозяйстве хана. В древнемонгольской титулатуре данные прерогативы обозначались понятием *отчигин* — «князь (правитель) огня», т.е. хранитель очага. При этом вовсе не обязательным было совместное проживание братьев в одной юрте или даже в одном стойбище. Они могли жить довольно далеко друг от друга и общаться лишь в случае необходимости при помощи гонцов или различных волшебных средств.

Уже в этом обстоятельстве проступают черты подлинной иерархии, присущей ранним государствам: человек мог занимать какой-либо пост формально, лишь в силу своей принадлежности к определенному иерархическому рангу. Осуществление же конкретных обязанностей, связанных с этим постом, возлагалось на специальных исполнителей, которые в развитых государствах получили название чиновников. Конечно, в героическом эпосе сложившейся иерархии нет, но принцип ее, как мы видим, уже зародился.

Братья-соправители, будучи старшим и младшим государями, ни в коем случае не должны пониматься как господствующий и подчиненный правители. Сказители почти никогда не подчеркивали превосходства одного из них над другим, и различия между ними бывали чисто декоративными, символическими: разный цвет юрт, одежда, разная масть коней, женитьба соответственно на старшей и младшей сестрах и т.п. При разделении улуса подолам эти различия тем более теряли смысл, так как братья превращались в фактически независимых лидеров и прекращали повседневное общение, при котором демонстрация старшинства—меньшинства имела бы значение. Вероятно, можно полагать, что подобные равноправие и равнозначность братьев являются одним из пережитков близнечного мифа, а символические указания на их возрастную разницу и иерархическое несоответствие — позднейшими наслоениями.

Выше упоминалось, что в соправительственных комбинациях участвуют побратимы батыров. В отличие от родственных связей между братьями, «сконструированных» Небом, побратимство обычно являлось в героическом эпосе чисто «земным» явлением, результатом приключений витязя в походах и сражениях. Побратим, как правило, — сильный воин, который сначала выступает

против героя, оказывается разбит им, а затем они братаются. После церемонии братания события развивались по нескольким сюжетным линиям: или побежденный боец уезжал в свой улус, пообещав подчиниться победителю и являться по первому же его зову; или он перегонял скот и переселял народ своего улуса во владения побратима; или герой приглашал новообращенного сподвижника в свое ханство и там отводил ему место для поселения или ставил ему юрту рядом со своей. При любом из этих вариантов побратим становился приблизительно аналогичным хану по своему месту в иерархии. Собственно, побратимство означало обретение персонажами некровного родства между собой. И поскольку они становились как бы братьями, то отношения их начинали строиться примерно по тем же канонам, что и разобранные нами связи братьев-соправителей.

Проецируя совместное управление породнившихся богатырей, на историческую реальность, можно полагать, что данный эпический институт отразил чрезвычайно важное явление эпохи разложения родового строя и формирования вождеств. На высшей ступени иерархической лестницы оказывался человек, не связанный с главным ханом узами крови. Другими словами, соправителем становился чужеродец. А это означало, что непререкаемый дотоле авторитет кровнородственных связей ослабевал, и на первый план выходили иные, по сравнению с первобытной эпохой, критерии властвования и внутренней организации улусов. Побратим героя являлся, несомненно, младшим партнером в соправительственной конструкции. В принципе он соответствовал младшему брату-соправителю в тандеме двух братьев-ханов и исполнял те же обязанности (мудрец, отчигин и проч.).

Еще дальше отходят от внутриклановых традиционных структур порядки, принятые в тех эпических улусах, где хан делит власть с посторонним лицом. Ну, о зяте мы уже говорили, и контакт с мужем дочери может еще трактоваться как косвенное родственное отношение. К тому же брачный союз двух семей заставляет вспомнить о пережитке экзогамных фратрий, т.е. о типично первобытнообщинном феномене. А вот соправительство с неродичем-дружинником или табунщиком уже не находит аналогий в первобытности. Управление все более отрывалось от своей внутриродовой основы и сосредотачивалось на функциях, а не на отношениях. На первый план выходила компетенция «функционера», и факт его кровной связи с главой улуса уже не имел решающего значения. Такой расклад компетенции тем более странно и знаменательно встретить в героическом эпосе, где события разворачиваются, главным образом, в патриархальной среде, при господстве, казалось бы, именно семейных, родовых приоритетов. Присутствие в фольклорных памятниках соправителей-неродственников свидетельствует о довольно раннем формировании административной власти как особой отрасли социальной организации.

Особенности «героической» эпохи, отображенной в эпосах, стимулировали изживание родоплеменной системы отношений. Частые войны и вынужденная постоянная готовность к ним выдвигали на ведущие роли тех людей, которые были способны квалифицированно вести военные действия. Ясно, что старая родовая знать проигрывала в этом отношении новой, военно-дружинной, и именно последняя начинала диктовать принципы отношений внутри улуса. Для военной элиты кровное родство уже не имело столь решающего значения,

как для старейшин. Если прибывший к улусу или плененный в битве воин соглашался служить хану этого улуса, то его с удовольствием принимали в число подданных, дружинников, не вдаваясь в подробности его происхождения. Т.е. они, конечно, были интересны новым соратникам, но уже не определяли карьеру свежеепеченного дружинника.

После знакомства с содержанием предыдущих глав читатель, наверное, заметил, что пост главного дружинника появляется в развитом улусе. Обычно же батыр сам водит в походы свое воинство (если оно у него имеется). В тех сказаниях, где существует старший дружинник, хан, как правило, довольно пассивен в военном отношении. Переходным звеном между этими двумя типами эпических улусов можно, вероятно, считать Бумбу: хан Джангар сам является героем-богатырем, но «Алый Хонгор Благородный» все-таки оказывается подлинным воякой, воином-профессионалом. Как известно, Хонгор возглавляет левое крыло ханского войска, и хотя в «Джангариаде» нигде не упоминается об особом уделе главного дружинника, крылья имели и территориальное значение, так что мы вправе предполагать наличие собственных кочевий у Хонгора. Из алтайских текстов, представляющих картину полностью структурированного улуса, видно, что главный воин улуса действительно обладал земельными угодьями, пастбищами.

Характер взаимоотношений между ханом и старшим дружинником не позволяет видеть в последнем фигуру, равную лидеру, т.е. сопровителя. Ведь помимо прямых своих обязанностей, связанных с военным делом, главный дружинник исполняет посольские и прочие поручения сюзерена, т.е. он постоянно находится при хане и фактически является одним из придворных. Раз это не сопровительство, то остается искать другое объяснение его высочайшего статуса в улусе.

В разделе о статусе и функциях улусного лидера среди прочих прерогатив называлась и прерогатива защитника народа. Думается, что глава дружины в условиях усложнившейся общественной структуры брал на себя эту функцию власти. При том что олицетворением этой функции все равно оставался хан, реальное ее осуществление теперь возлагалось на плечи профессионала. Данный тезис кажется логичным: с ростом числа подданных, с расширением площади подвластной территории, увеличением забот и задач по контролю над ней единственному правителю уже не под силу было адекватно реализовать все свои полномочия, и часть их он передавал преданным соратникам, в том числе главе дружины.

Несомненный зачаток дуумвиратной монархии представляла собой другая пара эпических персонажей – воин-вождь и жреца, описанная нами в главе 8. Власть над улусом в данном случае как бы разделялась на две составляющие – светскую и сакральную субстанции, и каждая из них «снабжалась» особым исполнителем. При сопоставлении сказаний, где отчетливо просматривают «воин» и «мудрец», с ранними текстами, содержащими мифологические напластования, нетрудно заметить, что, как и в случае со старшим дружинником, происходит своеобразное расщепление единой фигуры и компетенции правителя. Ранний, изначальный батыр – порождение Неба, он обращается к Небу и Земле за помощью и пользуется их покровительством; все прочие насельники улуса не имеют и слабого подобия таких возможностей. Однако в более «при-

земленных» сюжетах наблюдается концентрация функций сакральной связи с высшими силами в руках одного лица, и именно эта функция делает соправителя номинально выше, «старше» его коллеги по ханствованию.

Данная ситуация не аналогична появлению в улусе главного дружинника. Последнему хан доверяет исполнение одной из основных ханских обязанностей — и только. В случае же со «светско-сакральным» соправительством имеет место, видимо, обратная ситуация: за формальным главой улуса остается одна, типично жреческая обязанность, а все остальные берет на себя военный соправитель. Можно ли видеть в подобном распределении полномочий своеобразную узурпацию власти вождем? Нам кажется, что не всегда. Потому что хотя в истории кочевников были ситуации отстранения сакрализованного государя от реальной власти (Хазарский каганат), но чаще сакральный соправитель являлся скорее воплощением священной сущности власти, сохраняя при этом значительную часть этой власти. Причем, в отличие от персонажей эпических сюжетов, в известных исторических аналогиях (см. гл. 8) посты сакральных соправителей занимали не близкие родичи главных ханов.

Соправительство было довольно распространено в мировой истории, и особенно в обществах кочевников. Уже отмечалось, что в науке выдвинуто несколько версий по поводу происхождения этого института. Сводятся они к причислению соправительства к наследию дуально-фратриальной первобытной организации (это самая распространенная точка зрения), военному построению племенных ополчений на поле брани, наличию естественных препятствий на территории первоначального улуса, противоречиям между династийным и авункулатным наследованием. Может ли героический эпос помочь утвердиться в одной из этих версий?

«Черным по белому» о разделении улуса на два удела (между отцом и сыном) сказано, например, в одном из алтайских сказаний. Там это объясняется невозможностью старшего хана управлять чрезмерно разросшимися владениями (см. гл. 2). В прочих известных мне текстах резоны для расчленения территории и народа пополам столь явно не называются, за исключением отделения женившихся сыновей и передачи приданого мужу ханской дочери. Но именно частота последнего явления и заставляет вспомнить об экзогамных фратриях. Весьма обычной является такая деталь повествования: герой, живущий на востоке, отправляется сватать себя девушку, которая принадлежит к улусному коллективу, обитающему на западе (или изредка наоборот).

Столь явное ритуальное противопоставление стран света (см. ниже) приводит к мысли о пережитках фратриального деления, ведь фратрии как раз и представляли собой ритуально противостоящие половины — даже ритуально враждебные. Брачные взаимообмены между фратриями в истории и между восточными и западными улусами в героическом эпосе типологически совпадают. Поэтому исследователь с некоторой долей уверенности может допустить происхождение соправительства тестя и зятя из первобытных экзогамных связей. Однако соправительство такого рода, как говорилось, нечасто встречается в героических сказаниях. Пока по информации эпосов кажется наиболее обоснованным объяснение генезиса соправительства из разделения функций и прерогатив власти между различными ее носителями. Обретение определенных управленческих обязанностей сопровождалось и передачей соправителю подо-

бающей части подданных, и территории. По крайней мере, функциональные различия во всех парах лидеров выделяются отчетливо, в то время как о прочих основаниях для составления таких пар явных сведений нет.

Перейдем к анализу устройства эпического улуса. Таким образом будет завершена интегральная характеристика «батыра на троне». Нам осталось проследить связи хана «вниз», к подданным. Следует сразу отметить, что эта часть исследования основана на менее детальной информации. Повседневная жизнь ханства являлась блеклым фоном, на котором сказители красочно изображали подвиги и приключения главного персонажа. И все же множество «не героических» реалий проступает из различных сказаний.

В настоящей главе мы уже неоднократно и без оговорок употребляли понятие «улус», используя его как синоним ханства, владения во главе с ханом-богатырем. По своему месту в структуре эпического мироздания улус в батырском фольклоре несомненно соответствовал историческому ханству. Однако в древнейших текстах полноценного улуса не существует, так как герой проживает сначала в одиночестве, и лишь затем у него появляется семья. В более поздних сказаниях витязь имеет под началом родственный коллектив, обычно доставшийся ему по наследству от предков. И лишь в немногих текстах мы сталкиваемся с оформившимися улусами — ханствами или каганатами, которые известны по письменным источникам. Но поскольку все эти улусные структуры суть явления одного порядка, мы и станем рассматривать их вместе, по мере возрастания сложности системы управления и организации. Анализируя в начале главы статус хана, нам удалось вычленить отдельные функции власти, и стало очевидным, что эти функции были присущи богатырю даже в том случае, когда он управляет в одиночестве, без помощников и посредников. Поэтому улус, в котором проживает только эпический богатырь, тоже будет рассматриваться как прообраз и отображение ханства. Это относится и к устройству божественных владений в Верхнем мире.

Прежде всего определимся с критериями улуса. В кочевой истории встречаются две парадигмы выделения улусов — по географическому положению и по составу населения. В эпосах присутствуют обе системы, но явное преобладание получила первая. Избрать для поселения какую-либо местность или предложить кому-либо район для кочевания — это означает назвать топографические ориентиры, границы. Но границы служили скорее общими «пределами», в рамках которых улусный владетель устраивал свою жизнь; точных указаний, демаркации очертаний ханства не зафиксировано в эпосах. В улус, таким образом, включались все уголья, оказавшиеся в названных границах-пределах, т.е. лес, горы, побережье или участок реки с обоими берегами.

Главным критерием благосостояния ханства служила его населенность и численность поголовья скота. Лейтмотивом множества описаний владений героя является тезис о приумножении народа и скота. Да и войны с врагами — основное занятие эпического батыра — зачастую заканчивались переводом скота и народа из побежденных улусов на родину победителя; таким образом умножалось достояние хана. Именно с этим ведущим показателем процветания связана и одна из повседневных обязанностей лидера — объезд и осмотр подвластных стад и стойбищ, контроль над тем, «к скоту прибавился ли скот, к народу прибавился ли народ».

Вся жизнь улуса вращается вокруг ханской ставки, которая, следовательно, является его композиционным центром. Вокруг ставки находятся юрты соратников хана (если таковые имеются) и простонародья. В обширном улусе бывает несколько стойбищ, да к тому же может быть удельная половина сопровителя. Большая площадь такого владения «вычисляется», допустим, из факта долгой мобилизации населения на войну, когда во все стороны владения рассылаются ханом специальные гонцы. Но в целом эпические ханства довольно компактны, что, собственно, не имеет значения для выяснения устройства системы управления. Ведь она оставалась принципиально неизменной независимо от размеров конкретного улуса.

Население ханства может состоять только из членов одного клана. Это типичная родовая община с общеизвестными канонами внутренних отношений. Изменения в этих канонах происходят, если, во-первых, главный хан (отец, старший брат) отделяет младшего после его женитьбы; но при этом однородность населения не нарушается. Во-вторых, к исконному народу улуса насильственно или добровольно присоединяются пришельцы из других родов и племен. Тогда улус приобретает, условно говоря, «полиэтнический» вид и начинает делиться на две части – с аборигенным и пришлым населением.

Правитель большого числа подданных, могущественный и удачливый, не обязательно перемещает жителей поверженных владений на свои земли. В эпохах есть примеры, когда они остаются на старом месте, но их прежний государь погибает, и новый сюзерен назначает наместника; иногда побежденный хан признает себя подданным победителя, и за ним оставляется его прежнее владение, но уже на правах составной части ханства победителя (Алтан Чэджи при Джангаре). Соответственно дружина и ополчение покорившихся правителей вливаются в общий сонм вооруженных сил нового хана. При этом, по аналогии с бывшим главным правителем разгромленного улуса, за ними могут быть оставлены их уделы на прежних местах кочевания. На материалах героического эпоса нельзя сделать заключение о каком-то неравноправии вновь присоединенных подданных. Похоже, за исключением отдельных казусов, скот и народ тщательно оберегались как их владельцами, так и теми, кто на них зарился со стороны, ведь эти «ингредиенты» составляли основу экономического благополучия улуса. Другое дело, когда вопрос касался судьбы проигравших войну правителей. Есть множество примеров превращения неудачливых на военном поприще ханов в пастухов своих собственных (в прошлом) стад. При таком раскладе они, естественно, теряли все свои властные полномочия.

Обычному доя кочевой степи и для героического эпоса двухполовинному делению улуса соответствовали и некоторые символы, формальные знаковые показатели. В традиционных схемах со старшим сопровителем соотносились восточная или реже северная сторона света и черный или синий цвет, с младшим сопровителем – западная или южная сторона и белый цвет. Противопоставление востока западу имеет глубокие корни, уходящие в космогоническую мифологию. В якутских и бурятских богатырских сказаниях небеса делятся на синие и белые, из которых первые располагаются на востоке, вторые на западе. При этом восток служит олицетворением идеальных качеств, в восточной части Среднего мира самая привлекательная природа, все там дышит благожелательностью к человеку, лицом туда кладут погребяемого покойника и т.д. Запад

же — обитель античеловеческих стихий, отсюда происходят нашествия демонов, на западе герои ищут воров, угнавших скот и т.д. Таким образом, наблюдается, с одной стороны, явная оппозиция свойств двух сторон. С другой стороны, наблюдается и их социальная оппозиция. На востоке всегда обосновывается старший партнер по управлению. По мере удаления резиденций младших соправителей на запад снижается и их (соправителей) статус. Следовательно, мы сталкиваемся с явным убыванием сакральности с востока на запад. Вероятно, можно констатировать наличие своеобразной горизонтальной проекции мироздания, параллельной вертикальной мифологической картине мира, в которой аналогичное убывание сакральности происходило «сверху вниз» — от Верхнего мира через Средний к Нижнему миру.

Указанные параметры противопоставления востока и запада не являются достоянием только устного народного творчества. В предыдущих главах нам уже доводилось указывать на подобные явления в кочевых империях. Судя по всему, раздвоение территории и, соответственно, населения базировалось на изначальных представлениях людей о системе общественного устройства и, может быть, происходило из древнейших прообразов этой системы. Нам кажется, что именно в отношении дуальной организации более близкого и наглядного прецедента, чем фратрии, не найти. Скорее всего они и являлись типологическими предшественниками описанного явления, которое в кочевых вождествах и империях оформилось в стабильную крыльевую конструкцию. Только в очень немногих эпических памятниках крылья прямо названы крыльями (или сторонами, как в «Джангариаде»). Но это свидетельствует лишь о том, что большинство эпосов слагалось вне или после существования кочевых империй и ранних государств — улусных ханств, в которых крылья обретали статус обязательного компонента территориально-административного устройства.

Героический эпос и здесь отразил ту практически неуловимую по письменным источникам стадию, на которой институты родовой патриархальной общины уже почти разрушились, а государственные институты пока находятся в потенции или в самом начале своего формирования. Фратрий, как говорилось, в эпосах уже нет, но нет еще и отработанного государственного управления, при котором столь актуально было бы тщательное разделение территории и народа. Эпические улусы делились пока по не названным в текстах критериям, каждый раз такое деление объясняется не системой, не алгоритмом управления, а конкретным стечением обстоятельств (или удел выдается женившемуся сыну, или в улус переселяется побратим хана и т.д.).

Но нас не должна смущать эта конкретика, ведь достоверно известен конечный результат процесса — сложившаяся крыльевая конструкция в тюркских и монгольских державах средневековья. В целом все необходимые компоненты данной конструкции в эпическом улусе уже присутствуют: в каждой из половин улуса есть свой правитель, определена территория крыла и состав населения, которое обязано там кочевать, произведена инвестиция младшего соправителя. На следующей исторической стадии один из потомков одного из соправителей в случае удачи завоюет соседние кочевья, нападет на оседлые поселки и ограбит их; вокруг него соберется преданное войско, к нему потянутся искатели приключений и чабаны с семьями, тоскующие по сильному и справедливому владыке-защитнику. Вот тогда-то и произойдет окончательное кон-

ститутирование кочевой державы, и половинные части улуса будут объявлены левым (восточным, старшим) и правым (западным, младшим) крыльями.

Кстати, противопоставление «левый – правый» полностью соответствует оппозиции «восток – запад». Но в памятниках героического фольклора оно почти не встречается; нам удалось зафиксировать лишь отдельные намеки на него. Там не менее можно уверенно отнести право-левое деление к формальным признакам улусно-крыльевых структур, потому что оно повсеместно наблюдается у номадов по нарративным источникам.

Столь же обязательным компонентом дуальной системы в вождествах и ранних государствах были цветообозначения. На страницах этой монографии уже подробно и неоднократно, пересказывались эпические подробности применения черного, синего и белого цветов при характеристике богатырей и ханов, правителей разных рангов. Опять же на основании аналогий с исторической реальностью осмелимся допустить, что героический эпос запечатлел первоначальную стадию формирования цвето-пространственной композиции улуса. В этой композиции за младшим партнером по дуальному управлению закреплялся белый цвет, за старшим – синий или черный. Данное наблюдение тем более важно, что со временем, по мере ветвления племен и материнских родов, присоединения к улусам иноплеменных коллективов, цветовая номинация прочно закреплялась за ее носителями и нередко становилась частью этнонима.

Едва ли стоит оспаривать распространенное в фольклористике мнение, будто белый цвет (или серебряный как частый аналог белого) служил иллюстрацией чистоты, доброты, света, радости и т.д., т.е. способствовал созданию положительного фона вокруг определенного персонажа. Наверное, такое приращение цветообозначения могло иметь место, особенно в так называемой этнографической современности, когда многие особенности кочевой государственности были утрачены потомками ее средневековых создателей. И все же перечисленные нами доводы не позволяют расценивать белую, в частности, номинацию только как художественное средство, как сугубо эстетическую категорию. К тому же белый цвет не всегда сопутствует положительным персонажам (как и черный – не всегда отрицательным). Таким образом, крыльевая структура и на цветовом, т.е. предельно абстрактном уровне своего бытования имеет в героическом эпосе соответствие и аналогию.

Вся сумма сведений, полученных из эпических произведений, позволяет вновь ставить вопрос о происхождении дуального членения кочевых держав. Несмотря на ряд существенных оговорок, мы склонны считать, что версия генезиса крыльевых структур из родоплеменных фратрий может быть обоснована с большей уверенностью. Другое дело, что тесно связанное с крыльевыми структурами соправительство не имеет такой доказательной базы в сказаниях. Выше высказывалось суждение о том, что соправительство, возможно, и не связано напрямую с фратриальным наследием первобытности, а проистекает из разделения властных функций между улусными, иерархами. Но ведь в тюркских и монгольских империях соправители часто управляли крыльями, и в таких случаях звания соправителя и главы крыла становились, в сущности, синонимами. Думается, нужны дополнительные исследования, чтобы выяснить до конца природу разбираемых явлений. В качестве первоначальной гипотезы пока можно указать, что тот вид соправительства, который был связан

с территориальным разделением улуса и командованием над крылом, имел тот же источник происхождения, что и крылья, т.е. дуально-фратриальную организацию. Прочие разновидности соправительственных комбинаций (сакральный каган, отчигин и т.д.) формировались вне связи с фратриями и коренились в мифологических представлениях о власти и ее носителях.

Управление кочевым улусом – это третий и завершающий элемент намеченного во Введении рассматриваемых связей «батыра на троне». При осуществлении власти над улусом связи от хана-богатыря идут как бы «вниз», к подданным. Самодостаточность кочевой экономики объективно способствовала большой самостоятельности отдельных семейных и родовых коллективов. Объединение в политическую организацию (улус-чифдом или раннее государство) диктовалось прежде всего не экономическими, а внешнеполитическими задачами – войнами с соседями, набегами и обороной. Кроме того, для рядового населения имела значение фигура вождя как воплощения благополучия и арбитра при спорах по необычным (выходящим за рамки обычного права) поводам. Единственная значимая прерогатива лидера в сфере экономики заключалась в регулировании перекочевков по территории улуса. Указанные функции власти мы уже разбирали. Также оговаривался факт первоначального делегирования некоторых из этих функций посторонним исполнителям. Героический эпос дает широкую панораму структур улусного управления. Сейчас попытаемся разобрать их по степени усложненности.

Герой-первопредок, ниспосланный в мир небесными силами, как правило, начинает земную жизнь в одиночестве; затем он обзаводится семьей. Столь же немногочисленный улус оказывается у бедняка, которому Небо в виде милости дарует богатство (скот). Улус, населенный только героем и его семьей, – наиболее примитивная общественная структура эпоса. Ясно, что никаких посредников в управлении у лидера здесь быть не может, и все властные полномочия он осуществляет сам. Однако именно данная система социальной организации – «герой + семья» – дает предельно концентрированное выражение того, что понимали под властью и управлением создатели эпосов, их сказители и слушатели. Семья витязя представляет собой предельно абстрагированный образ улуса вообще, так сказать, первичную модель улуса, когда домочадцы героя и сам герой, вынуждены сами и пасти стада, и защищать их, и распределять между собой хозяйственные обязанности. В более сложных улусных структурах на эту модель накладывались дополнительные элементы.

Следующей по сложности ступенью организации улуса является та, на которой, кроме семьи героя, в хозяйстве появляется раб или рабыня. Этим термином обычно переводят понятия, лишь отдаленно напоминающие классическое рабство. Патриархальное прислуживание при хозяйстве, конечно, может быть названо рабством условно. Раб (рабыня) изредка смотрит за скотом, а чаще помогает жене лидера готовить еду, работать до дому и т.п. Тесное сосуществование с семейством хозяев превращало этого работника в полноправного участника всех событий, связанных с жизнью семьи. В эпосах раб может помогать батыру в боях, оставаться присматривать за домом в его отсутствие... Но ни о каком дележе власти здесь не может быть и речи.

Намеки на делегирование властных полномочий появляются в тех эпосах, где действуют слуги. Наряду с привычными «придворными» обязанностями,

сходными с только что перечисленными обязанностями раба, они уже могут участвовать в обсуждении принципиальных вопросов и фактически исполняют роль советников при хане.

Кроме слуг, у хана появляются дружинники. Некоторые тексты предлагают варианты, когда в улусе есть и те, и другие, но чаще фигурируют только слуги или только дружинники, или дружинники исполняют отдельные служебные невоенные функции, а, напротив, слуги составляют ханский воинский отряд. Присутствие в улусе дружины уже зримо приближает данную общественную структуру к самостоятельному политическому образованию, поскольку дружинное войско потенциально содержит кадры, необходимые для налаживания полноценного управления. Необходимо отметить, что в абсолютном большинстве эпосов дружина представлена в зачаточном состоянии. Ханские «молодцы и удалыцы» чаще оказываются улусным плебсом, мобилизованным на войну и оторванным от мирных скотоводческих занятий. По окончании военных действий они возвращаются на пастбища. Поэтому все заключения, которые будут предложены читателю ниже, основаны на произведениях, в которых присутствует настоящее, постоянное и профессиональное дружинное воинство.

Процесс формирования дружины не нашел в героическом эпосе подробного освещения. Привлечение сородичей и соплеменников к военным предприятиям представляла собой, несомненно, начальный этап этого процесса. Но приобретение частью этих соплеменников профессионального статуса предстает из фольклорных текстов довольно нечетко. Более разработанной оказалась тема превращения плененных в боях богатырей в боевых соратников героя. Не будучи связанными с улусным коллективом ни кровным родством, ни общим хозяйством, они видели смысл и цель своего существования только в службе улусному лидеру и постоянно пребывали при его «дворе». Чужеродные, иноплеменные элементы улусной системы являлись прочной дополнительной социальной и политической опорой формирующейся власти лидера, поскольку свой авторитет (происходивший из концепции богоизбранности и результатов выбора на совете старейшин) он отныне мог при случае подкрепить и вооруженной поддержкой.

Из этих обстоятельств проистекает и специфический статус эпической дружины. В отличие от всех прочих улусных институтов, она связана только с лидером и абсолютно не зависит от родовой знати. Дружинники являлись наиболее надежной опорой вождя во внутриулусной политике, не говоря уже о политике внешней. Не случайно в тех сюжетах, где фигурирует действительно сложившееся дружинное войско, именно его члены становятся помощниками хана в важнейших начинаниях. Не удивительно поэтому, что, например, бурятские улигеры уравнивали статусы батыра и его дружины, приписывали и первому, и второй небесное происхождение и сошествие на землю по божественному повелению. Отношения внутри дружины же демонстрировали статусное равенство воинов и их предводителя, братские, товарищеские связи между ними. Из всех обитателей эпического улуса, кроме близких родственников хана, только бойцы ханской «гвардия» удостоивались такого отношения. Впрочем, дружина предстает из эпосов не безликой монолитной массой. Воины различаются и по функциям, и по своим бойцовским качествам, и по рангу.

Задачи дружины определялись основным занятием боеспособных мужчин «героической эпохи». На первом месте стояла война, т.е. внешняя функция власти. Но внешние интересы не ограничивались походами и сражениями. Дипломатическое обслуживание «батыра на троне» тоже оказывались возложенными на дружинников, которые нередко по поручению лидера отправлялись на переговоры с окрестными владыками с целью разведки, заключения союзов, сватовства и т.д. Раз это была самая надежная для хана часть населения улуса, то хан нередко полагался на воинов и во внутренних вопросах. Мы убедились на многочисленных примерах, что богатыри-дружинники не гнушались смотреть за ханскими стадами (правда, это в ряде сюжетов может трактоваться как следствие происхождения дружины из племенного ополчения пастухов), прислуживать при пиршествах. Кроме того, в мирное время они исполняли обязанности охранников ставки и палачей.

Батыр возглавляет дружинную рать в военную пору — это бесспорно. Однако в мирной повседневной жизни он, случалось, отходил от вникания во все подробности существования воинов. Для этой цели в улусе появляется старший, или главный дружинник. Мы уже не раз обращались к этому эпическому персонажу. Обычно (но не всегда) старшим дружинником становился наиболее опытный, могучий и мужественный боец, который пользуется непререкаемым авторитетом у подчиненных. В развитых улусных структурах он приобретал еще и долю административной власти, получая под начало крыло, что формально означало главенство над частью армия (ополчения), населения и территории улуса. Когда персона хана уже приобрела законченный монархический вид, и правителю уже не было нужды самому отправляться в военные экспедиции, организацию военных действий брал на себя глава дружины. Таким образом он превращался в военного соправителя. А поскольку дружина, в сущности, служила источником происхождения военной знати, то и фактический глава дружины объективно превращался в главу сословия знати (в то время как хан считался предводителем всего народа улуса).

Еще более разветвленную конструкцию управления являют эпические тексты, в которых хану ассистируют лица, специально назначенные для выполнения определенных задач. Конечно, эти задачи чаще всего были достаточно элементарны, чтобы видеть в подобных порученцах административный аппарат, но все же специализация на отдельных отраслях управления являлась необходимым условием создания государственного механизма, и поэтому в данных «сотрудниках» хана можно видеть прообраз позднейшей государственной администрации. Круг обязанностей «придворных» управленцев ограничивался сферой жизнедеятельности кочевого ханского стойбища: требовалось учитывать и контролировать перемещения скота и населения, поступления доходов в казну, помогать правителю в решении важных внутренних и внешних вопросов. Как правило, эти специалисты действовали параллельно дружинному аппарату и независимо от него. Военными делами хан занимался сам или передоверял их главе дружины.

Среди «гражданских» (невоенных) улусных магистратов выделяется образ главного табунщика. Судя по тому, что пост надсмотрщика за скотом батыра присутствует уже в самых примитивных, односемейных улусах, можно догадываться, что он появился в управленческой структуре ханства в числе

первых. Это тем более объяснимо в условиях кочевой экономики, когда благоприятные природные условия приводила к резкому увеличению поголовья скота. Требовалось увеличение количества чабанов и, соответственно, усиление контроля над делами на пастбищах, что бывало уже не под силу одной семье улусного лидера. Вместе с тем именно главный табунщик оказывается наиболее близким советником хана в героическом эпосе; часто он сочетает в своем фольклорном образе черты улусного патриарха, носителя мудрости и в отдельных сюжетах может трактоваться как «мудрец», сакральный соправитель хана (см. гл. 8).

Непосредственно при ханском «дворе» действуют советники, функции которых перечислены выше. «Советники» – условный термин, которым можно обозначить совокупность невоенных администраторов, потому что участием в совещаниях знати их деятельность не ограничивалась. Однако в тех эпосах, где хан явлен полновластным владыкой, обязанности этой категории подданных сводятся нередко к помощи правителю в поисках выхода из затруднительных ситуаций. Откуда в улусе появляются советники? Ответить на этот вопрос поможет, очевидно, алтайский и хакасский героический эпос, в котором зайсаны и «золотые чайзаны» выступают в качестве придворных служителей и одновременно являются высокородной знатью. Стало быть, алтайские и хакасские сказания зафиксировали превращение родовой, традиционной знати в ханское аристократическое окружение. В самом деле, раз военная знать появляется на свет из ханской дружины, и с этим явлением все более или менее ясно, то какова же тогда судьба другого «отряда» знати – родоплеменного, патриархальных предводителей кланов? Сохраняя за собой главенство над родами и племенами, они входят в свиту вождя в чифдоме и причисляются к двору в раннем государстве. В исторической действительности такие предводители племен кочевали вместе со своими племенами.

В героическом эпосе улусная знать обычно находится в центральном стойбище постоянно. Объясняется это, видимо, масштабом пространственного охвата сказителей. Ведь ближе всего к хану оказывались представители, главы наиболее близких, т.е. родственных ему родов. А эпические сюжеты как раз и разворачивались в довольно локальных рамках, повествовали о событиях жизни одного рода героя-богатыря. Многоплеменность и тем более полиэтничность кочевых держав в них почти не отразилась.

В развитом эпическом улусе встречаются уже настоящие чиновники – с печатями, особыми податными документами, даже в особой одежде, украшенной ранговыми знаками. Но титулатура и детали внешнего облика этих персонажей свидетельствуют о том, что они были скорее всего привнесены в фольклор в период XV–XVIII вв. и явились слепком с монголо-китайской чиновной администрации.

Простонародье, рядовое и основное население улуса, как уже отмечалось, не принимает активного участия в эпических событиях. Этот «коллективный» персонаж привлекает исследователя социально-административных систем лишь как, во-первых, основа улусного ополчения и, во-вторых, дополнение и завершение картины общественной структуры ханства. Объективная автаркичность экономики кочевников способствовала тому, что в лице ря-

дового номада сочетались черты и самостоятельного хозяина своего скота, и патриархального главы своей семьи, и защитника скотины и домочадцев от врагов. Нетрудно убедиться, что те же самые функции, но в рамках целого улуса, ханства исполнял «батыр на троне». Сам жанр героического эпоса не располагал к тому, чтобы концентрировать внимание аудитории на плембе. Жизнь последнего отражалась в других произведениях фольклора, богатырский же эпос был посвящен, и, может быть, порожден все же для прославления социальной верхушки — вождей, ханов, воинов-правителей кочевых улусов.

Таким образом, управление улусом в героическом эпосе тюрко-монгольских народов фиксируется на нескольких стадиях. В принципе можно констатировать, что в эпических источниках адекватно отразилась диалектика остального развития кочевников от родовой общины к вождеству и от вождества к раннему государству. Это развитие, как видно на материале фольклора, происходило в виде первоначальной концентрации властных функций в руках одного лидера, который позднее передавал часть своих прерогатив (в частности, военную, хозяйственную, жреческую) особым улусным магистратам, формирующим улусную администрацию.

Заключение

Мы рассмотрели различные аспекты организации управления в эпическом обществе тюрко-монгольских народов. На материалах значительного количества текстов героического эпоса удалось выявить некоторые закономерности социального развития кочевых народов и сопоставить эту информацию со сведениями письменных источников. В целом ожидания, возлагавшиеся нами на данный тип носителей исторических сведений, оправдались. Многие явления общественной жизни, особенно на ранней стадии их существования, неуловимые по нарративным памятникам, получили яркую иллюстрацию и объяснение на фольклорном уровне. Это касается генезиса и концепции верховной власти, и функций правителя, и соправительства, и структуры кочевого улуса. Очевидно, эпический фольклор должен занять особое место в ряду источников информации, используемых историками. Это особое место объясняется спецификой эпоса как жанра и характерными чертами той эпохи, когда создавалась его первооснова.

Данные этнологических (полевых и теоретических) исследований фиксируют феномены в истории социума на стадии, когда происходит разложение классической родовой общины и формирование структуры вождества. Абсолютное большинство письменных источников лаконично описывают кочевой мир, уже находящийся на стадии образования степных держав или во время кризиса (позднее средневековье и новое время). Тонкая грань меж-

ду вождеством-чифдомом и ранним государством, как правило, не улавливается ни этнологами, ни исследователями письменных текстов: материал не позволяет. А ведь в этот переходный период кристаллизируются те общественные институты, которые превращают патриархальное, родоплеменное, общинное сообщество в собственно государство. Именно героический эпос органично заполняет эту лакуну и позволяет ответить на принципиальные вопросы, относящиеся к истории поздних вождеств и ранних государств. Народная, художественная интерпретация социального и социально-политического развития сохранила облик и сущность всех процессов, но придала ей абстрактный вид. Абстрагирование произошло с помощью раннесоциального мифологизированного мышления. Реалии жизни оказались вовлеченными в форму не отвлеченных понятий (что присуще науке), а конкретных образов вымышленных эпических персонажей. Эти персонажи стали собирательным олицетворением реальных богатырей и ханов, а их эпические поступки и жизненные перипетии – слепком, интегральным образом тысяч подобных ситуаций в исторической действительности, в «профанном» историческом времени.

Насколько можно оценивать историографическую ситуацию, настоящая работа является одной из первых попыток применения данных из памятников фольклора к реконструкции социального развития кочевых народов. Естественно, полностью охватить весь спектр проблем в книге не удалось. В последних ее строках хотелось бы остановиться на нерешенных проблемах и перспективах расширения темы.

Наше исследование было преднамеренно ограничено географически, оно охватило монголоязычные и тюркоязычные народы Российской Федерации в ее нынешних границах. Для более полной картины и более основательных результатов необходимо привлечь также свод эпических источников других народов – прежде всего монголов, казахов, киргизов, населения Средней Азии и Кавказа. Впрочем, не думаю, чтобы концентрация огромного материала из фольклора перечисленных народов смогла бы принципиально поколебать или изменить выводы, сделанные в этой работе на основе эпосов Сибири и Поволжья.

Для создания истинно всеобъемлющей картины кочевого общества необходим еще и анализ экономического компонента общественной жизни, показ эпической экономики. Наша работа была ограничена задачей исследования управления, поэтому хозяйственным аспектам не уделялось большого внимания.

В силу объективной ограниченности объема, книги и субъективной ограниченности эрудиции ее автора, при исследовании привлекались примеры, аналогии и прецеденты в основном из истории народов Великого степного пояса Евразии. Однако многие явления раннесоциального развития были присущи не толькономадам, но и населению оседлых регионов – и не только Евразии. Полностью доказательной подобная работа могла бы стать при учете материалов по истории населения различных территорий планеты. Будем надеяться, что эта книга послужит небольшим подспорьем для будущих исследователей истории раннеклассовых обществ и ранних государств.

Использованные источники и литература

- Абай Гэсэр. Вступ. статья, подготовка текста, пер. и примеч. А.И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.
- Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-балагатский вариант). Подготовка текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова. Ч. I. Улан-Удэ, 1961. Ч. II. Улан-Удэ, 1964.
- Ай-Толай: Народные героические поэмы и сказания Горной Шории. Пер., вступит. Статья и примеч. А. Смердова. Новосибирск, 1948.
- Албынжи: Хакасское героическое сказание. Сказитель С.П. Кадышев. Пер. Н. Кычакова. Новосибирск, 1951.
- Алексеев Н.А.* Миф о духе-хозяйке земли в якутском героическом эпосе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 7. Уфа, 1980.
- Алтай баатырлар. Т. 8. Горно-Алтайск, 1974.
- Алтайские героические сказания. Сказитель А. Калкин. Пер. А. Плитченко. М., 1983.
- Алтайские сказки. Новосибирск, 1937.
- Алтын-Арыг: Хакасский героический эпос. Запись, подготовка текста, статья, пер. и коммент. В.Е. Майногашевой. М., 1988.
- Алтын-Бизе: Героическое сказание. Сказительница Е.К. Таштамышева. Пер. Г. Голубева, предисл. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1965.
- Алтын-Тууди: Алтайский героический эпос. Пер. А. Смердова. Новосибирск, 1950.
- Амбедиль М.Ф., Мисюгин В.М.* Этнологическая основа сюжета о трех братьях: (по материалам древнеиндийского эпоса) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.
- Аносский сборник: Сборник сказок алтайцев с примечаниями Г.Н. Потанина. Омск, 1915.
- Анохина А.В.* Предания алтайцев о своих царях-богатырях // Томские епархиальные ведомости. 1912. № 14.
- Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
- Балбыр Б.У.* Богда Чангар-хан: (тувинский эпос) // Ученые записки Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Серия филологическая. Вып. II. Элиста, 1973.
- Баббаев Б.Б.* Отчет о командировке в Монголию летом 1926 года // Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1925 год. Л., 1929.
- Бартольд В.В.* Образованеи империи Чингиз-хана // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968.
- Баскаков Н.А.* Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черных татар (туба-кижи). Тексты и переводы. М., 1965.
- Биткеев П.Ц.* Основные образы богатырей и героизация их в «Джангаре»: (К проблеме эпической традиции) // Вестник Калмыцкого НИИ языка, литературы и истории. Вып. 14. Элиста, 1976.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л., 1950.
- Бурчина Д.А., Гомбоин Д.Д., Уланов А.И.* Небожители в улигерах // Труды Бурятского института общественных наук. Вып. 24: Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1975.
- Бокту-Кириш и Бора-Шээлей: Тувинское народное сказание. Пер. Л. Гребнева. Кызл, 1973.
- Бутанаев В.Я.* К вопросу о социальной структуре средневекового общества хакасов по данным исторического фольклора // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
- Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
- Васильев Л.С.* Проблема генезиса китайского государства: (Формирование основ социальной структуры и политической администрации). М., 1983.

- Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6.
- Вербицкий А.И.* Алтайские инородцы. М., 1893.
- Верхоянский сборник // Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии. 1890. Т. 1. Вып. 3.
- Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
- Владимирцов Б.Я.* Предисловие // Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М., 1923.
- Галданова Г.Р.* К проблеме монгольского шаманизма XII–XIII // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Ч. 1. М., 1989.
- Героические сказания. Записаны от народного сказителя Н.У. Улагашева. Горно-Алтайск, 1961.
- Гесериада. Пер., вступ. Статья и коммент. С.А. Козина. М.; Л., 1935.
- Гребнев Л.В.* Тувинский героический эпос: (Опыт историко-этнографического анализа). М., 1960.
- Громыко М.М.* Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.
- Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Давлетов К., Гацак В.* О происхождении народного эпоса // Русская литература. 1962. № 1.
- Джангар: Калмыцкий героический эпос. Составление тома, подготовка текстов, исследование, коммент., словарь Н.Ц. Биткеева, Э.Б. Овалова. Пер. Н.Ц. Биткеева, Э.Б. Овалова, Ц.К. Корсункиева, А.В. Кудиярова, Н.Б. Сангаджиевой. М., 1990.
- Джангар: Калмыцкий народный эпос. Новые песни. Пер. В.Н. Еременко, С.И. Липкина, Ю.М. Нейман. Элиста, 1990.
- Долганский фольклор. Вступит. Статья, тексты, пер. А.А. Попова. Л., 1937.
- Дрэгер Л.* Дружина // Своя этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.
- Дугаров Д.С.* Исторические корни белого шаманства: (На материале обрядового фольклора бурят). М., 1991.
- Емельянов Н.В.* Сюжеты олонхо о родоначальниках племени. М., 1990.
- Емельянов Н.В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М., 1983.
- Емельянов Н.В.* Сюжеты якутских олонхо. М., 1980.
- Еренсей. Подготовка текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова. Улан-Удэ, 1968.
- Жирмунский В.М.* Народный героический эпос: Сравнительно-исторические очерки. М.; Л., 1962.
- Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л., 1974.
- Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Забанов М.Н.* Бытовые черты в эпических произведениях эхирит-булагатов. Верхнеудинск, 1929.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 1: Горган и Поволжье в IX–X вв. М., 1962.
- Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Золотая Кукушка, богатырская поэма минусинских тюрков. Пер. и примеч. Н.Ф. Катанова. СПб., 1885.
- Зыков Ф.М.* Материальная среда в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири: Материалы Всесоюзной научной конференции фольклористов. Якутск, 1978.
- Иванов В.В.* Близнечные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1987.
- Иванов В.В.* Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях // Народы Азии и Африки. 1965. № 5.
- Иванов В.В.* Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний // Советская археология. 1968. № 4.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М., 1993.

- Кан-Сулутай: Алтайская героическая сказка. Пер. А. Копталова // Сибирские огни. 1940. № 4–5.
- Карагодин А.И.* Дуальная организаци у поволжских калмыков // Советская этнография. 1984. № 6.
- Катанов Н.Ф.* Наречия урянхайцев (сойотов), абананских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, издаваемые В.В. Радловым. Ч. 9. СПб., 1907.
- Киреев А.Н.* Башкирский народный эпос. Уфа, 1970.
- Киселев С.Н.* Древнехакасский «эль» // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. 1. Абакан, 1948.
- Кичиков А.Л.* Героический эпос «Джангар» как исторический источник // Великий певец «Джангара» Ээлян Овла и джангароведение: Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ээоян Овла. Элиста, 1969.
- Кичиков А.Ш.* Богатыри «Джангара»: (Основные образы) // История калмыцкой литературы. В 2-т. Т. 1. Элиста, 1981.
- Кичиков А.Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар»: (Вопросы исторической политики). Элиста, 1976.
- Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
- Кляшторный С.Г.* Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. № 412. Вып. 9. Л., 1984.
- Кляшторный С.Г.* Образ кагана в орхонских памятниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. 13. М., 1977.
- Кляшторный С.Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии: (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии: Проблемы социальной мобильности. М., 1986.
- Кляшторный С.Г.* Стелы «Золотого озера»: (К датировке енисейских рунических памятников) // Turcologica: К 70-летию А.Н. Кононова. Л., 1976.
- Кляшторный С.Г.* Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии: (Конец I тыс. до н.э. – I тыс.н.э.) // Рабство в странах Востока. М., 1986.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- Когутэй. Сказитель М. Ютанак. Пер. Г. Токмашова, коммент. Н. Дмитриева. М.; Л., 1935.
- Козин С.А.* Джангариада: Героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской екто версии. М.; Л., 1940.
- Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. Л., 1940.
- Кон Ф.Я.* За 50 лет. Собрание сочинений. Т. 3.: Экспедиция в Сойотию. М., 1934.
- Кононов А.Н.* Семантика цветообразований в тюркских языках // Тюркологический сборник: 1975. М., 1978.
- Кононов А.Н.* Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник: 1974. М., 1978.
- Корсункиев Ц.К.* Джангаровы богатыри и их войско // Великий певец «Джангара» ээлян Овла и джангароведение. Материалы научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ээлян Овла. Элиста, 1969.
- Котвич В.Л.* Из поучений Чинги-хана // Восток. 1923. № 3.
- Крадин Н.Н.* Кочевые общества: (Проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992.
- Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001.
- Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М.: Логос, 2002.
- Ксенофонов Г.В.* Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск, 1937.

- Куббель Л. Е. Иерархия военная // Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционармативная культура. М., 1986.
- Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1986.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Лащук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография. 1967. № 4.
- Лёриц Л. «Хурин Алтай» и «Енисей» // Исследования по восточной филологии: К 70-летию Г. Д. Санжеева. М., 1974.
- Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Лихачев Д. С. «Первый исторический факт» и художественное обобщение в русских былинах // Славяне и Русь. М., 1968.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи: («Золотое сказание»). Пер., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973.
- Маадай-Кара: Алтайский героический эпос. Запись текста, пер. и прил. С. С. Суразакова. М., 1973.
- Маак Р. Виллойский округ Якутской области. Ч. 3. СПб., 1887.
- Майногашева В. Е. Хакасское героическое сказание «Алтын-Арыг». Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1967.
- Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М.; Л., 1951.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л., 1959.
- Марков Г. Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии. М., 1973. (9-й Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации).
- Материалы по истории древних кочевых народов дунху. Введ., пер. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984.
- Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки: Происхождение образа. М., 1958.
- Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии: Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского. М.; Л., 1964.
- Мелетинский Е. М. Первобытное наследие в архаических эпосах. М., 1964 (7 Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады).
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1899. Т. 12. Вып. 2–3.
- Минорский В. Ф. История и Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963.
- Могучий Дьягарыма: Якутский героический эпос олонхо. Пер. А. Романова. Новосибирск, 1984.
- Монголо-ойратский героический эпос. Пер., вступ. Статья и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пг.; М., 1923.
- Мэн-да бэй-лу: («Полное описание монголо-татар»). Факсимиле ксилографа. Пер., введ., коммент. И прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
- Насилов Д. М. О некоторых памятников Минусинского музея // Народы Азии и Африки. 1963. № 6.
- Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов: Устные и литературные традиции. М., 1984.
- Неклюдов С. Ю. Охота и скотоводство в эпосе Южной Сибири и Центральной Азии // Взаимосвязи и закономерности развития литератур Центральной и Восточной Азии. М., 1991.

- Нестерова Л.Д.* Жанровые особенности якутского героического эпоса олонхо. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1985.
- Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо. Воссоздан на основе народных преданий П. Ойунским. Пер. В. Державина. Якутск, 1975.
- Овалов Э.Б.* Мотив «помощника героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов: Исследования по эпосу. Элиста, 1982.
- Овчинников М.П.* Из материалов по этнографии якутов. I: Легенды. Сказки. Предания // Этнографическое обозрение. 1887. Т. 34. № 3.
- Ойротские народные сказки. Записано П.В. Куичяком. Новосибирск, 1940.
- Оленгир. Сказитель Н.К. Ялатов. Литературная редакция и пересказ С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1970.
- Патриаршая, или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 9–10. М., 1965.
- Пигулевская Н.В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941.
- Плетнева С.А.* Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.
- Поппе Н.Н.* Халха-монгольский героический эпос. М.; Л., 1937.
- Потапов Л.П., Грач А.Д.* Период ранних феодальных отношений. Тува в составе Тюрского каганата // История Тувы. Т. 1. М., 1964.
- Приклонский В.Л.* Якутские народные поверья и сказки // Живая старина. 1981. Вып. 3.
- Пропи В.Я.* Гусский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и рубрука. Ред., вступ. Статья и примеч. Н.П. Шастиной. Пер. А.И. Малеина. М., 1957.
- Путилов Б.Н.* Основные аспекты связей фольклора с традиционно-бытовой культурой // Советская этнография. 1975. № 2.
- Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Пухов И.В.* Героический эпос народов Сибири: Общность, сходства, различия // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Пухов И.В.* «Гэсэр» и олонхо // Эпическое творчество народов Сибири: тезисы докладов научной конференции. Улан-Уде, 1973.
- Пухов И.В.* Олонхо – древний эпос якутов // Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо. Якутск, 1975.
- Пухов И.В.* Якутский героический эпос олонхо: Основные образы. М., 1962.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М., 1989.
- Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1, 2. Пер. О.И. Смирновой, примеч. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. 2. Пер. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова. М.; Л., 1960.
- Родословное древо тюрков: Сочинение Абулгази, хивинского хана. Пер. Г.С. Саблукова. Казань, 1906.
- Руднев А.Д.* Хори-бурятский говор. Вып. 3. СПб., 1914.
- Си ю цзи, или Описание путешествия на Запад // Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866.
- Сказание о храбром Айдолае. Записано от сказателя М.К. Доброва. Пер. И. Волобуевой. Абакан, 1962.
- Сказания о богатырях: Тувинский героический эпос. Предисл., пер. и коммент. Л.В. Гребнева. Кызыл, 1960.
- Скрынникова Т.Д.* К вопросу о формировании монгольской государственности в XI–XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.
- Скрынникова Т.Д.* Монгольские термины скаральности правителя // 5-й Международный конгресс монголоведа: Доклады советской делегации. Ч. 1. М., 1987.
- Сордохай-богатырь: (Уранхай саха олонхото). Публ. М. Овчинникова // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1904. Т. 35. № 2.

- Стратанович Г.Г.* Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974.
- Строптивный Кулун Куллустуур: Якутское олонхо. Сказитель И.Г. Тимофеев-Теплоухов. Запись В.Н. Васльева. Пер. А.А. Попова, И.В. Пухова. М., 1985.
- Сунчугашев Я.И.* Хакасские исторические сказания как исторический источник // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1985.
- Суразаков С.С.* Алтайский героический эпос. М., 1985.
- Суразаков С.С.* Героическое сказание о богатыре Алтай-Бучае. Горно-Алтайск, 1961.
- Сухбаатар Г.* Сяньби нарын угсаа гарал, соёл, аж ахуй, нийгмийн байгуулал. (Происхождение, культура, хозяйство, общественный строй сяньби). Улаанбаатар, 1971.
- Таскин В.С.* Введение // Материалы по истории сюнну: (Пл китайским источникам). Вып. 1. М., 1968.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. Т. 2. М.; Л., 1941.
- Титов В.* Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Русского географического общества. Т. 15. Кн. 5. СПб., 1856.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск, 1989.
- Трепавлов В.В.* Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989.
- Трепавлов В.В.* Героический эпос тюрских и монгольских народов как источник по истории государственности кочевников // «Джангар» и проблемы эпического творчества: Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Элиста, 1990.
- Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов В.В.* Образ Неба и каганская власть у кочевников Центральной Азии // *Altaic Religious Beliefs and Practices*. Budapest, 1993.
- Трепавлов В.В.* Система крыльев Монгольской империи XIII в. // Цыбиковские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Улан-Удэ, 1989.
- Трепавлов В.В.* Соправительство в Монгольской империи XIII в. // *Archivum Eurasiae medii aevi*. Vol. VII. Budapest, 1991.
- Трепавлов В.В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в. Автореф. канд. дисс. М., 1990.
- Трепавлов В.В.* Структура конфенции верховной власти в кочевых империях // Всесоюзная Ассоциация монголоведов. Бюллетень. Экспресс-выпуск. М., 1990.
- Трепавлов В.В.* Традиции государственности в кочевых империях: (Очерк историографии) // *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993.
- Тувинские народные сказки. Вып. 2. Составила М.А. Цзынеева. Кызыл, 1958.
- Тувинские народные сказки. Пер., составление и примеч. М. Ватагина. М., 1971.
- Улагашев Н.У.* Алтай-Бучай: Ойротский народный эпос. Ойрот-Тура, 1947.
- Улагашев Н.У.* Малчи-мерген: Алтайский героический эпос. Новосибирск, 1941.
- Уланов А.И.* Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963.
- Уланов А.И.* Вступительная статья // Абай Гэсэр. Улан-Удэ, 1960.
- Улигеры ононских хамниган. Составил Д.Г. Дамдинов. Новосибирск, 1982.
- Унгицкая М.А., Майногашева В.Е.* Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972.
- Успенский В.М.* Страна Кукэ-нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и моголов по изгнании монголов из Китая, в связи с историей Кукэ-нора: (Преимущественно по китайским источникам). СПб., 1880.
- Федеров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.
- [*Хуналов М.Н.*] Балаганский сборник: Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят // Труды Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1903. Т. 5.

- Хондемир. Тарих-е хабиб ас-сийар (История друга жизнеописаний). Т. 3. Техран, 1954.*
Шаракишинова Н.О. Героико-эпическая поэзия бурят. Иркутск, 1987.
Шаракишинова Н.О. Героический эпос бурят. Иркутск, 1968.
Шаракишинова Н.О. Мифы бкрят. Иркутск, 1980.
Шорский фольклор. М.; Л., 1940.
Шорский фольклор. Записи, пер., вступ., статья и примеч. Н.П. Дыренковой. Новосибирск, 1948.
Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
Юрюнг Уолан: Якутская сказка. Публикация Н. Горохова // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. 1884. Т. 15. № 5–6.
Якутский фольклор. Тексты и переводы А.А. Попова. Л., 1936.
Ямаева Е.Е. Алтайский героический эпос: (Связи с мифологией, представлениями, социально-бытовыми институтами). Автореф. канд. дис. Л., 1986.
Ястремский С.В. Образы народной литературы якутов. Л., 1929.
Carneiro R.L. The Chieftdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, P. R. (eds.) // The Transition to Statehood in the New World (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
The Early State. The Hague, 1978.
The Early State Economics. Leiden ect., 1987.
Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God. Munchen, 1978.
Giraud R. L'empire des turcs celestes. Paris, 1960.
Golden P.B. Imperial Ideology and the Sources of Political Unity amongst the Pre-Chinggisid Nomads of Western Eurasia // Archivum Eurasiae Medii. Vol. 1. Wiesbaden, 1982. P. 37–77.
Golden P.B. Khazar Syudies. Vol. Budapest, 1980.
Hamayon R. Unwelcome Third as a Brother, Irreplaceable Mediator as a Son // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Wiesbaden, 1985.
Herth F. Nachworten zur Inschrift des Tonjukuk // Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. SPb., 1899.
Hocart A.M. Kings and Councillers. Cairo, 1936.
Juwaini Ala al-Din Ata Malik. Tarih-i jahangusha. Ed. by Mirza Muhammad of Qazwin. Vol. 1. Leiden, London, 1912.
Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte des Ost-Turken. B. 1. Wiesbaden, 1958.
Pelliet P. Les mongols et la papaute // Revue de l'Orient chretien. 3-e serie. T. 3 (23). № 1–2. (1922–1923).
Poppe N. Zum khalkhamongolische Ytldenepos // Asia Major. 1928. T. 5.
Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik // Saeculum. B. 5. Munchen, 1954.
Rivers W.H.R. Social Organization. London, 1926.
Saint-Quentin S. de. Histoire des tartares. Paris, 1965.
Sanzheev G.D. An Epic of the Unga Buriats // Mongolian Studies. Budapest, 1970.
Service E. Origins of the State and Organization. New York, 1975.
Service E. Primitive Social Organization. New York, 1971.
The Study of the State. The Hague, 1981.

*НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова. Оп. 1. Д. 3. 366 л.
Второй экземпляр машинописи. Первый экземпляр был подарен автором
с.н.с. Центра истории народов России и межэтнических отношений
ИРИ РАН Ж.Я. Рахаеву и хранится в его домашней библиотеке.*

В.В. Трепавлов

**Хакимы
Кипчакской степи.
Очерки ранней истории
ногайцев**

Москва, 1998

От автора

В этой книге собраны работы о разных сторонах жизни Ногайской Орды. История могучей степной державы уже давно привлекает внимание ученых. Подробно и неоднократно разбирались отношения ее с соседними государствами, прежде всего с Россией и татарскими ханствами Поволжья. Не раз историки обращались к яркой фигуре беклярибека Эдиге (Едигея) — родоначальника ногайской правящей династии. В архивах и летописях обнаружено много важных сведений о кочевой империи ногаев. Некоторые документы опубликованы, но большинство их находится в рукописном виде и доступно только исследователям-профессионалам. Давний интерес ученых позволил воссоздать историю Ногайской Орды, узнать основные ее вехи. И все же связного изложения этой истории пока нет. Поэтому степень изученности можно оценить так: история Ногайской Орды в общих чертах известна, но не написана. Предлагаемый читателю сборник представляет собой промежуточный этап работы автора над большим монографическим исследованием «История Ногайской Орды».

Изучение множества средневековых материалов приводит к выводу, что на протяжении по меньшей мере полутора столетий (с середины XV до конца XVI в.) Ногайская Орда была одним из наиболее могущественных и влиятельных политических образований, возникших после распада Золотой Орды. Ногайские правители-бии обладали сильным войском, общепризнанным авторитетом и несомненными дипломатическими талантами. К их мнению прислушивались в Москве и Бахчисарае; перед ними заискивали татарские государи Казани и Астрахани; сибирские и казахские владетели нередко находились в подчинении у лидеров Ногайской Орды. Память о ногайской эпохе как о времени богатейшей осталась в фольклоре многих тюркских народов. Вот почему книга названа «Хакимы (то есть правители) Кипчакской степи». Этим понятием придворный историк узбекского хана Мухаммеда Шейбани Камал ад-Дин Шир-Али Бинаи в своем сочинении «Шейбани-наме» (начало XVI в.) назвал Мусу-бия, правнука Эдиге и фактического основателя Ногайской Орды. Наследники Мусы сумели сохранить и приумножить его достижения поэтому к ним тоже можно применить выражение Бинаи. На протяжении XV и XVI вв. ногаи являлись истинными «хакимами» древней огромной страны Дешт-и Кипчак.

Этнополитическим ядром ногайской державы были мангыты. Это название получили восточные кипчаки, которые жили в Золотой Орде и оказались на землях, отданных в юрт (район кочеваний) немногочисленному племени мангутов. Мангуты вскоре смешались с кипчаками, переняли их язык и культуру и растворились среди них, оставив им свое этническое имя. То же самое произошло с монголами-хонкиратами («получились» тюрки-кунграты), керейтами (керей), найманами и др. Со второй половины XV в. у жителей «Мангытского юрта» появилось общее обозначение «ногаи». За ним скрывались кочевники из десятков кипчакских племенных общин-илей, которые вместе с мангытами подчинялись верховному бию. В статьях сборника жители Ногайской Орды

называются этим средневековым термином: ногаи. А ногайцами именуется народ, который расселился по южным степям Восточной Европы в «диаспоре», со второй половины XVII в. до настоящего времени.

Статьи, вошедшие в сборник, написаны в разное время и в расчете на разную читательскую аудиторию. По содержанию они разбиты на две части. В первой разбираются связи Ногайской Орды с окрестными народами. «Ногайцы в истории России» — это популярный очерк, материал о Волге был сначала зачитан в виде доклада на научной конференции. В следующих двух работах анализируются переселения ногайской знати в Россию и вхождение ее в среду русской аристократии. Статья «Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.», как видно из названия, описывает более чем столетний период ногайского владычества над башкирами — таинственную и почти не изученную эпоху в истории Башкортостана. Тезисы доклада «Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии» раскрывают общую панораму и авторский взгляд на вклад ногаев в культуру, экономику и социальную жизнь разных народов.

Вторая часть сборника состоит из статей, посвященных непосредственно истории Ногайской Орды. «Хакимы Кипчакской степи» — это переработанное для русскоязычного читателя исследование о ранней истории ногаев; первоначальный (английский) вариант принят к печати в одном из американских университетов. Некоторые особенности социального развития ногаев раскрыты в очерке «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно». Наконец, последние три статьи содержат анализ высших административных постов — бия, нурадина и тайбуги.

По мере накопления материала из архивов и хроник некоторые суждения, высказанные в ранних работах, изменялись или отбрасывались. Тем не менее я не стал существенно переделывать тексты — лишь убрал некоторые повторы и проявившиеся со временем неточности. Процесс познания идет безостановочно, поэтому и нынешние варианты публикуемых здесь работ, возможно, когда-нибудь перестанут меня удовлетворять. А пока представляю свои некоторые наработки по средневековой ногайской истории на строгий суд читателя.

*7 июля 1997 г.
В. Трепавлов*

Ногайцы в истории России

В мае 1591 г. Москву облетела трагическая весть. В далеком северном Угличе, в собственном уделе, погиб восьмилетний царевич Дмитрий, сын скончавшегося семь лет назад Грозного царя Ивана Васильевича и сводный брат ныне правящего Федора Ивановича. В Углич спешно выехала следственная комиссия во главе с боярином В.И. Шуйским. На месте выяснилось, что, действительно, утром 15 мая Дмитрия нашли бездыханным и окровавленным во дворе терема. Народ был возмущен ротозейством охраны. Обезумевшая от горя мать, царица Мария Федоровна, обвинила в убийстве дьяка Михаила Битяговского, приставленного надзирать за ней. Брат царицы, Михаил Нагой, натравил на дьяка разъяренную толпу горожан. Битяговского с сыном тут же прикончили, а трупы их сбросили в овраг. Все в Угличе посчитали тогда, что Дмитрия зарезали Битяговские.

... Следователи остановились на краю того самого оврага. Внизу, в зарослях лопухов, лежали два тела. На груди одного из них блестело оружие убийства (так уверял Шуйского суевившийся тут же Михаил Нагой). Вокруг, затаив дыхание, сгрудились угличане. Шуйский кивнул своему холопу. Тот скатился в овраг и вскоре вскарабкался обратно. Осторожно, держа растопыренными пальцами, парень протянул князю Василию кривой длинный клинок. «Ногайский нож! — ахнула толпа. — Ну и злодеи!» Шуйский мрачно сунул находку за пазуху и на холемом длинноногом аргамаке молча понесся к центру города. Следом, нахлестывая нагайками низкорослых ногайских лошадей, устремились дворяне и дьяки из княжеской свиты.

После долгого разбирательства и допроса ста сорока свидетелей выяснилось, что нож в овраг подбросил не кто иной как Михаил Нагой (он боялся обвинения в организации мятежа и самосуда над Битяговскими). Перед этим он зарезал в чулане курицу и именно ее кровью вымазал нож. В конце концов следствие пришло к выводу, что страдавший припадками Дмитрий сам нанес себе смертельную рану во время игры с «робятками». Ногайский нож оказался, таким образом, ложной уликой, и о нем предпочли забыть. Но как раз он-то и интересен нам больше всего.

Для русского человека XVI в. понятия «ногайский нож», «ногайский конь», «ногайская плеть» были частью повседневной жизни и не требовали пояснений. Многим любителям истории конца XX в. стоит напомнить, кто такие ногайцы и какую роль в прошлом играла Ногайская Орда.

Ногайцы унаследовали кочевую цивилизацию кипчаков и золотоордынцев — экономику, быт и культуру распавшихся к XV в. государственных образований. Житель Московского государства многое порассказал бы об их бесчисленных, «как песок морской»¹ войсках, иногда участвовавших на стороне русских в войнах с немцами и поляками, о международном авторитете, который кремлевские политики использовали в дипломатических играх с татарскими государствами.

¹ Так характеризовали современники население Ногайской Орды. Распространенным эпитетом ее жителей было тюркское слово «сансыз» (бесчисленные).

У истоков ногайской истории стоял золотоордынский военачальник Едигей (фактический правитель Золотой Орды). Он знаменит тем, что разгромил войска литовского «господаря» Витовта, а в 1408 г. совершил успешный поход на Русь, заставив великого князя Василия I возобновить выплату дани ордынским ханам. Едигей закрепил за собой район кочевий между реками Уралом и Эмбой, да так надежно, что после его гибели наследники не только ничего не потеряли в междоусобицах, но и объединили под своей властью кочевников бескрайних степей от Волги до Иртыша. Эти разноплеменные подданные получили общее название «ногаи». В первой половине XVI в. Ногайская Орда стала одной из ведущих политических сил в Восточной Европе. С мнением ее правителей считались на Руси, в Крыму, в Сибири и в Средней Азии. В разное время в зависимость от ногайских правителей-биев попадали астраханские, казанские и казахские ханы. В низовьях реки Урал располагалась столица Орды — Сарайчук («Малый дворец»). Взлет могущества Ногайской Орды оказался недолгим — отсутствие единства в среде ногайской знати (мирз) приводило к усобицам. Уже с середины XVI века раздоры между приверженцами сближения с Россией, сторонниками ориентации на узбекские ханства и теми, кто тяготел к Крымскому ханству, привели к распаду державы. Помимо «Больших Ногаев», оставшихся на старых кочевьях под властью бия, в Приазовье и Прикубанье образовалась Малая Ногайская орда; часть ногаев откочевала в глубь Казахстана. В 30-х гг. XVII в. под ударами калмыков, пришедших из Южной Сибири, «Большие Ногаи» переместились на правую сторону Волги. Там образовалось несколько орд, подчинявшихся крымскому хану или турецкому султану. К концу XVIII в. эти орды вошли в состав Российской империи.

Сейчас небольшой по численности ногайский народ (около 80 тысяч человек) живет в Карачаево-Черкессии, Ставропольском и Краснодарском краях и в Дагестане, на севере которого есть Ногайский район (издавна известная Ногайская степь). Потомки кочевых скотоводов живут теперь оседло, в городах и поселках. Они исповедуют ислам и говорят на тюркском языке так называемой кипчакской группы.

Кони и всадники

Много иностранных посольств прибывало в средневековую Москву. Приезд большинства из них проходил незамеченным для москвичей: простой народ был огражден от контактов с заграничными визитерами. Однако прибытие посольств из двух стран — Речи Посполитой и Ногайской Орды — скрыть было невозможно, об их въезде сразу узнавала вся Москва. Но по разным причинам.

Польско-литовские миссии отличались многолюдностью. Блестящие кавалькады шляхтичей и рыцарей, растянувшись на полгорода, под грохот барабанов и пение фанфар торжественно и медленно двигались к Кремлю. По этому грому и звону, лязгу и цокоту жители даже отдаленных улиц узнавали, кто прибыл на этот раз «видеть очи» великого государя.

А бывали дни, когда на столицу издалека накатывался другой звук — топот и ржание тысяч и тысяч лошадей. Запах конского пота надолго повисал над посадами. И опять москвичам не приходилось гадать: кто да откуда. Табуны

являлись «визитной карточкой» посольств из Ногайской Орды. Скот был главным богатством ногайцев, основной статьёй их экспорта. Степные кони, очень выносливые и неприхотливые, были довольно неказистыми с виду и мало подходили для парадных выездов, так как выведены были для дальних походов и сражений. В то время в покупателях недостатка не было. Главным рынком сбыта коней для ногайцев стала Московская Русь.

В течение XVI в. в ногайско-русских отношениях сложился порядок, по которому посольство из Сарайчука приводило с собой «продажных лошадей» — иногда до сорока-пятидесяти тысяч. Русские власти размещали огромное скопище скакунов на лугу у Симонова монастыря и выставляли возле них стражу. Никто не смел сунуться «в корованы» до тех пор, пока кони не будут пересчитаны, купцы не уплатят всех пошлин, а дьяки не отберут лучший товар для царской конюшни. Затем разрешалось приходить и прицениваться всем остальным.

Табуны распродавались быстро. Многочисленность же их поголовья показывает, что боевые кони в России оказывались в основном «ногайских кровей». На приведенных из Заволжья лошадях бились с врагами княжеские дружины и царские рати, земские ополчения и опричные «кромешники». Русские воины на ногайских конях одерживали победы на западных границах и в войнах с татарами. «Именно ногайские лошади, — пишет французская исследовательница Ш. Лемерсье-Келькеже, — послужили инструментом преобразования прежней феодальной московской пешей армии в современную, соответствующую эре «пороховых империй» (gunpowder empires)... Без кавалерии русские никогда не смогли бы осуществить завоевание мусульманских территорий»².

Хотя русские уже имели значительный опыт по уходу за степными лошадьми, все же никто не мог справиться с этим лучше ногайцев. Московским послам и гонцам, направляемым за Волгу, поручали выискивать там таких знатоков и переманивать на Русь, «на государское имя». Умельцы, способные лечить и выхаживать коней, удостаивались щедрого жалованья и размещались в царском хозяйственном ведомстве. Иногда возмущенные ногайские правители-бии требовали выслать специалистов обратно в степи. Но на это обычно следовал или отказ («пригодился на нашей конюшне, и мы потому его не отпустили»), или обещание вернуть их только при условии, что они сумеют «учеников научати тому конскому делу»³.

Соответственно конское снаряжение и амуниция всадников в то время тоже приходили в Россию с Востока. Кочевой воин — прежде всего лучник. Поэтому вся упряжь была приспособлена для того, чтобы человек, сидя верхом, мог свободно стрелять из лука и бросать аркан. Стремена были короткими; опираясь на них, можно было привстать в седле при натягивании тетивы. Задняя часть («лука») седла делалась отлогой и давала возможность свободно поворачиваться во все стороны во время стрельбы или сабельного боя. Из кочевых степей был заимствован саадак — комбинация колчана со стрелами и футляра для лука. Ну а в рукопашных схватках русские успешно применяли длинный

² The North Caucasus barrier: The Russian advance towards the Muslim World. London, 1992. P. 22.

³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л.115, 131, 131 об., 264.

изогнутый ногайский нож, о котором мы упоминали в начале в связи с делом о гибели царевича Дмитрия в Угличе.

Но больше всех стала известна ногайская плетень, нагайка, до сих пор сохранившаяся у казаков. Сами ногайцы называют ее камчой. Вот как описал ногайскую плетень казахский историк и этнограф XIX в. Чокан Валиханов: «Нагайка делалась из сырых ремешков, заплетенных около стержня... и имела длину до семи «захватов» ладони... Ремень укреплялся к деревянной ручке, которая была несколько короче ремня (от четырех до пяти захватов)... Для ручки употребляли по преимуществу иргай (жимолость) или красную таволгу, последняя предпочиталась. Делали, впрочем, и из козлиного или архарового рога или всю ручку обкладывали серебром; такие носили, впрочем, одни женщины. Для мужчин более приличествовал медный прибор, большей же частью носили вовсе без оправы. Ремень с ручкой укреплялся посредством так называемого лакана — «ладони». Плетень (то есть сплетение ремешков. — *В.Т.*) на нагайках был разных родов, круглый или четырехгранный. Если нагайка имела металлическую оправу, то вне, под ручкой, делали острую железную пластину, бурдак, для того, чтобы не выронить из рук нагайку»⁴.

Города на переправах

Бурной и кровавой была история Ногайской Орды, много случалось в ней смут и усобиц. Один из таких внутренних конфликтов разразился в середине 50-х гг. XVI в. Мирза Исмаил, союзник Ивана IV в борьбе против Казанского и Астраханского ханств, сверг и убил своего старшего брата бия Юсуфа — активного противника России. По некоторым сведениям, нити этого заговора вели в Москву. Не желая подчиниться победителю-братоубийце или участвовать в жестокой схватке за власть между Исмаилом и детьми Юсуфа, ногайцы покидали родные степи. Все больше караванов, кибиток и стад скапливалось на переправах через Волгу. Жители Ногайской Орды перекочевывали на Крымскую сторону (то есть на правобережье) и уходили на запад, в земли крымского хана. Занятый интригами и борьбой за удержание трона, Исмаил никак не мог остановить подданных. Когда в Крым ушли два его собственных сына, он срочно обратился за помощью к русскому царю.

В 1555 г. Исмаил просил поставить военные заставы или крепости на трех главных ногайских переправах: «на Переволоке» (место, где Волга более всего сближается с Доном), «на Самарском устье» (в устье реки Самары) и «на Иргизе (в устье реки Большой Иргиз, левом притоке Волги). Он предлагал устроить там русские заслоны, чтобы воспрепятствовать бегству народа из Орды, не пропускать ногайцев через реку»⁵. Царь Иван Васильевич обещал помочь своему союзнику, но не спешил: Исмаила несколько раз изгоняли из Сарайчука, окончательно он закрепился на бийском престоле к 1559 г. Но тут уже царю стало не до охраны ногайских границ: Россия начала долгую и разорительную Ливонскую войну.

⁴ *Валиханов Ч. Ч.* Собрание сочинений. В 5-ти тт. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 463–464.

⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 303–304, 316–316 об., 352–352 об.; ПДРВ. Ч. 9. СПб., 1793. С. 190, 208–210, 297–298.

В 1578 г. на трон Ногайской Орды взошел сын Исмаила Урус. В отличие от отца, он был враждебно настроен по отношению к России. Во время его правления ногайские отряды в союзе с крымцами много раз разоряли русские «украины». Русское правительство дипломатическим путем и военной «жесточью» стремилось отбить у Уруса охоту к набегам. Одной из таких мер стало возведение городов на Волге. Занимался этим уже царь Федор Иванович. Ливонская война к тому времени завершилась. Ногаи обычно шли в походы на Русь, переправляясь на известных нам трех «перевозах». Вот тут-то в России и вспомнили давние предложения Исмаила. Именно в названных им когда-то пунктах было решено поставить крепости. Вниз по Волге двинулись баржи с бревнами для крепостных стен, с гвоздями, порохом, пушками. Новоназначенные воеводы везли с собой отряды стрельцов и «охочих людей» (добровольцев), которым предстояло служить на границе. В 1586 г. была основана Самара («на Самарском устье», как формулировал в свое время Исмаил), в 1589 г. — Царицын («на Переволоке»), в 1590 г. — Саратов («на Иргизе»). Ногайские переправы оказались надежно заперты. Урус был вне себя от ярости. Он задерживал у себя в заложниках московские посольства и требовал нести новые города (вместе с только что построенной Уфой)⁶. Однако ни решимости, ни сил настаивать на этом у него не нашлось. Вскоре Урус погиб в очередной распре. А города уцелели, и сейчас невозможно представить нашу страну без Самары, Саратова и Волгограда (Царицына). Но мало кто помнит, что основаны они в местах, некогда указанных Ивану Грозному ногайским бием Исмаилом.

Откуда пошла дубленка

Во время смут ногайские мирзы со своими родичами и сторонниками разъезжались в разные страны. Некоторые из них оседали в России. Особенно большой наплыв мигрантов начался со времен борьбы Исмаила с приверженцами Юсуфа. Вооруженные отряды ногайцев прибывали в Москву и просились на царскую службу. Занятый введением опричнины, Иван IV не возражал против увеличения числа ратников, лично преданных ему (а не боярам). Он разрешил выходцам из Ногайской Орды селиться в городке Романове на Волге. Романов стоял на землях, отобранных царем у его политического противника, князя Владимира Андреевича Старицкого. Теперь это город Тутаев в Ярославской области. Одно из первых упоминаний о новых жителях Романова прозвучало, очевидно, в переговорах московского посла Ивана Новосильского в Крыму в 1570 г., когда тот объявил хану Девлет-Гирею, что «князья ногайские в Романове... свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях»⁷. Вскоре после этого царь Иван в своей духовной грамоте (завещании) наказал сыну держать «город Романов на реке на Волге... за нагайскими мурзами — по тому, как было при мне»⁸.

⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 16; 1586 г. Д. 1. Л. 3.

⁷ Цит. по: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 9. М., 1989. С. 105.

⁸ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. С. 381.

В городке возникла особая слобода (район), в которую стали стекаться ногайцы. Они подчинялись своим мирзам, а управление ими из центра осуществлял Посольский приказ. В пользу мирз поступали все подати от местных соплеменников. За эти пожалования романовские ногайцы обязаны были отправляться на войну по первому же приказу из столицы.

Отношения между русскими романовцами и ногайцами порой складывались непростые. Те и другие, случалось, ссорились из-за земли, писали друг на друга клеюзы в столичные инстанции... В 1617 г. мирза Барай Кутумов, герой сражений со шведами, вернулся с «карельского фронта» домой. Возмущенный непочтительными выходками посадских людей, он не стал никому жаловаться, а приволок за шиворот на берег Волги одного из зубоскалов, некоего Андриюшку-рыбника, и собственноручно отсек ему голову. Сразу началось следствие, и в результате у мирз отобрали дарованные Иваном Грозным права на управление и сбор налогов. Взамен им назначили только денежное жалованье. В середине XVII в. романовских ногайцев переселили на территорию нынешнего Чистопольского района Татарстана.

Обосновавшись на Ярославщине, ногайцы перенесли сюда свои навыки хозяйствования, быт и культуру. А так как во время жизни в степях они были скотоводами, то в России не оставили привычного занятия. Самым массовым видом домашнего скота у кочевников всегда были овцы. Русские же люди до того времени не особенно жаловали овцеводство, потому что для отар нужны большие пастбища. Заволжские степи хорошо подходили для пастбищ, а российские леса и поляны – не очень. Но общение с ногайцами привело к тому, что русское население Романовской округи стало понемногу заводить овец. Уходу за ними, выпасу, обработке шерсти – всем этим новым премудростям учились у ногайских чабанов. Когда ногайцев выселили из Романова, переданные ими навыки овцеводства остались у местных крестьян. Те продолжали пасти отары, выделывать овчины, научились шить хорошие полушубки. Уже в середине XVII в. эти полушубки славились в России, и правительство закупало их для армии при подготовке к войне с Польшей.

В XVIII в. романовцы стали настолько умелыми зоотехниками, что вывели собственную породу овец. Овца романовской породы за один раз приносит до восьми ягнят, ее можно стричь три раза в год, прекрасная пушистая шерсть при носке не сваливается в комки. Из этой шерсти стали делать дубленки – всемирно известные романовские полушубки. Вместе с балалайками и матрешками, самоварами и расписными деревянными ложками, птицей-тройкой и зернистой икрой они стали своеобразным сувенирным символом традиционной России. А в начале истории романовского полушубка лежит забытое событие – пожалование Иваном IV «Иль-мурзе Исупову» маленького городка на берегу великой реки.

Русские князья – Едигеевичи

Ногайцы прибывали в Россию не только по доброй воле. Иногда бии высылали в Московское государство своих противников, если те по каким-либо причинам не желали отправляться в Крым или Среднюю Азию. В 1561 г. именно таким образом объявились на Москве мирза Тохтар Кутумов с братьями и сви-

той в семьдесят человек, а в 1564 г. — сыновья свергнутого бия Юсуфа Юнус, Ибрагим и Эль, родоначальники князей Юсуповых⁹. Царь назначал им большое жалованье, несравнимое с их бывшими скудными доходами в кочевьях. Некоторые мирзы при переходе «в нашу православную крестьянскую веру греческого закона» и наречении христианским именем получали княжеский ранг. Например, внуки бия Уруса стали зваться «новокрещенами» князьями Иваном Араслановичем, Андреем Сатыевичем и Петром Канмурзичем Урусовыми. В 1618 г. правнук бия Исмаила и сын будущего бия Каная Гази «прилучи же ся на Москве... и крестися... и наречен бысть князем Михаилом» Канаевичем Тинбаевым¹⁰. При этом в ногайской «номенклатуре» перечисленные лица продолжали считаться мирзами. Поэтому в официальных русских документах обычной была такая формулировка: «князь такой-то, мурза ногайский».

В XVI—XVII вв. в России проживало несколько служилых ногайских родов, добившихся на государственной службе княжеского титула: Байтерековы, Канбаровы, Кутумовы, Тинбаевы, Тинмамметевы, Урмаметевы, Урусовы, Шейдяковы, Юсуповы и др. Из этих девяти кланов уже к концу XVII в. сохранились не все. В 1680-х гг. Палата родословных дел и Разрядный приказ собирали родословные росписи для занесения в официальный перечень княжеских семей. Изложение своих генеалогий представили Юсуповы (вместе с Байтерековыми), Кутумовы, Урусовы и Шейдяковы. К началу XX в. не утасли — и потому широко известны сейчас — только Урусовы и Юсуповы. Остальные роды просто вымерли.

Для выходцев из Ногайской Орды основным путем вхождения в среду российской аристократии была ревностная служба престолу. Потомки мирз-эмигрантов оказали важные услуги русской монархии. Достаточно вспомнить, что один из Урусовых, Петр (Урак) Арасланович, убил Лжедмитрия II, а один из Юсуповых, Феликс Феликсович, участвовал в убийстве Распутина. Княжеский ранг позволял им вступать в брачные союзы с местными боярскими и княжескими семьями. Это также помогало ногайцам укореняться в Российском государстве. Тот же князь Феликс Юсупов, к примеру, был женат на племяннице императора Николая II. Сын Юсуфа Эль первым среди прочих ногайских переселенцев получил поместье — в Романове во второй половине XVI в. На протяжении последующих двух столетий земельные владения этого рода все увеличивались — сначала за счет пожалований, затем благодаря скупке. В XIX в. огромные юсуповские вотчины были разбросаны по самым благодатным районам империи. Только их малороссийские имения охватывали 70 тыс. десятин земли, там жило около 13 тыс. «ревизских душ мужского пола»¹¹. Семья Юсуповых по праву считалась богатейшей в России.

Боевыми конями и романовскими овцами, поволжскими городами и военной амуницией, девятью княжескими родами и их участием в истории страны не ограничивался вклад ногайцев в формирование государственности и культуры России. Но уже этих фактов достаточно, чтобы понять, как много полезного для России сделал один из населяющих ее тюркских народов.

⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 322, 330, 339, 371; Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1895. Кн. 3. С. 143.

¹⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 1, 2; Временник Московского Общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853. С. 183.

¹¹ Насонов А.Н. Юсуповские вотчины в XIX веке // Доклады Академии наук СССР за 1926 г. Б. м., б. г. С. 2.

«Волга-матушка» ногайская, казацкая, русская...

Среди контактных зон Восточной Европы одним из регионов наиболее интенсивного взаимодействия этносов и культур на протяжении тысячелетий являлось Поволжье. В бассейне среднего и нижнего течения Волги менялись народы и государства, происходили миграции и завоевания... Во многом такая историческая насыщенность объяснялась географическим фактором. Данная зона находится в центре Великого степного пояса. Поэтому потоки кочевых переселений с востока на запад, через «Ворота народов» (пространство между отрогами Южного Урала и Каспием), неизбежно пересекали торговые трассы, в том числе северная ветвь Великого Шелкового пути. Волга служила и естественной меридиональной магистралью-ориентиром: вдоль нее и по ней пролегли торговые маршруты, а также маршруты сезонных перекочевков.

Долгое время ее берега являлись обиталищем различных кочевых племен. Начиная с Великого переселения народов, здесь побывали гунны и савиры, авары и хазары, древние тюрки и древние венгры, огузы и печенеги, кипчаки и волжские булгары. В XIII в. Поволжье было завоевано монголами и вошло в состав Золотой Орды. После ее распада там образовалось несколько татарских государств и Ногайская Орда. Во второй половине XVI в. Волга на всем протяжении стала российской. Смена государств и господствующих этносов приводила к смене языков, культур и этнокультурных традиций. Но, как правило, ни одна культура не исчезала бесследно и сохранялась в качестве наследия, пережитков и заимствований у последующего иноэтничного населения. Это относится и к материальной, и к духовной сферам — языку, фольклору, промыслам и т.д.

Подобное наследование характерно и для последнего по времени крупного этнического массива Поволжья — русских. Наиболее активный приток русского населения в регион начался со второй половины XVI в. и в XVII в. Сначала сюда шли жители Русского Севера, Поморья. С середины XVII в. На юг двинулись крестьяне Верхнего Поволжья¹². В укромных местах обосновались ватаги разбойников и общины казаков — волжских и донских. Все они заселяли территории завоеванных Казанского и Астраханского ханств и распавшейся Ногайской Орды. Следовательно, славянские мигранты оседали вперемешку со старым тюркским населением. Их взаимное влияние проявлялось в самых разнообразных аспектах. И одним из наиболее ярких признаков русского освоения Поволжья стала культурная адаптация Волги, до того в целом чуждой русским (кроме верховьев и верхнего течения).

Прежде всего это культурное освоение — как казаками, так и российскими подданными — проявилось в формировании своеобразного культа реки, в складывании образа «Волги-матушки». По исследованиям И.А. Петровой,

¹² Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 151, 156.

насчитывалось шесть устойчивых словосочетаний, в которых присутствовал оним «Волга». Он встречался в основном в семейных и любовных песнях, реже в разбойничьих, тюремных, игровых (тогда как Дон, например, фигурировал, главным образом, в исторических песнях). Впрочем, уже с начала XIX вв. подобные выражения практиковались редко, а затем и вовсе исчезли из текстов¹³.

Действительно, песенный материал XVII–XIX вв. дает широкую панораму развития образа великой реки. Причем, если в поздних произведениях Волга присутствует только как ритуальный элемент, как абстрактная «матушка Волга»¹⁴, то в песнях XVII–XVIII вв. еще чувствуется новизна волжского ландшафта для славянских поселенцев. Бурлаку некрасовских времен она служила лишь формой переживаний: «Волга моя матушка, Русская река, Пожалей, родимая, Силы бурлака»¹⁵. А для казаков и крестьян-новоселов она выступала еще и как грозная стихия со своим характером, к которому требовалось приноравливаться (недаром говорили: «Волга ину пору мать, а ину мачеха»¹⁶). Видимо, изначально она удостоилась эпитетов «великая» и «славная» — так же, как и Яик, и лишь потом стала «маткой», а впоследствии и «матушкой»¹⁷. Бытовало народное выражение: «Волга всем рекам мать»¹⁸. А. Н. Афанасьев по этому поводу отмечал: «Волга, принимая в себя побочные реки, по прекрасному поэтическому выражению русского народа, доносит их к синему морю на своих могучих руках (в своих объятьях)»¹⁹. Однако легенды о ней показывают, что русскими она была обжита и включена в мифологическую картину мира только в верховьях. Так, спор о старшинстве Волги и ее притока Вазузы²⁰ ясно показывает незначительность размеров Волги, с которой осмелилась состязаться неприметная речушка. Сказание о брате-Днепре и сестрах Волге и Двине тоже могло зародиться только в истоках их, в лесах Русской равнины (все три персонажа «ночуют в болотах») ²¹.

Знакомство славянских мигрантов с новым местом жительства проявилось, в частности, в фиксации природных особенностей реки. — «Ах ты Волга ты, Волга, Волга-матушка река! К чему рано становилася, Тонким льдом покрывалася, Белым снегом усыпалася? С восточной стороны Буен ветер повевает, Волгу-матушку ломает... Мой стружочек разбивает»²². «Не тошно ли тебе, да Волга-матушка, Со тонким это ледочком расставаться, Со тонким это ледочком осенним, Со осенним да с последним?»²³. Тонкий осенний лед был устойчивой сезонной приметой, и его установление на реке служило еще до русского заселения привычным временным ориентиром для кочевников. Ногайские стада

¹³ Седьмая конференция по ономастике Поволжья // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 135.

¹⁴ См.: Волга в песнях и сказаниях. Саратов, 1937. С. 83, 84, 101, 106, 108, 109, 111–113 и др.

¹⁵ Там же. С. 85.

¹⁶ Там же. С. 155.

¹⁷ См.: там же. С. 41, 43, 44, 45 и др.; История о Казанском царстве (Казанский летописец (ПСРЛ, т. 19). СПб., 1903. Стлб. 12, 14.

¹⁸ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 346.

¹⁹ *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 226.

²⁰ См.: там же.

²¹ См.: там же. С. 228.

²² Волга в песнях и сказаниях. С. 134, 137, 138.

²³ Там же. С. 145. В публикации, вероятно, опечатка: вместо «осенним» должно быть «весенним», что более подходит последнему льду.

в XVII в. перегонялись через Волгу «по первому леду для зимнего кочевья» с левого берега на правый и весной обратно «по последнему леду»²⁴.

Культ реки-кормилицы был чрезвычайно распространен в традиционных культурах и являлся важным элементом т.н. сакральной топографии. «Все крупные реки каждого ареала, — утверждает В.Н. Топоров, — Хуанхэ, Янцзы, Меконг, Ганг, Инд, Тигр, Евфрат, Волга, Днепр, Обь, Амур, Конго, Замбези, Миссисипи, Амазонка и т.п. — могут быть сакрализованными или, во всяком случае, входящими в мифологические мотивы»²⁵. По некоторым отголоскам в документальных источниках и в фольклоре можно попытаться отыскать следы подобной сакрализации Волги у обитателей ее берегов до XVII в. Но сперва отметим, что славянское заселение сопровождалось не только осмыслением природных реалий, но и обживанием местности. В том числе через обозначение берегов («сторон») реки.

В XVI и, может быть, XV столетиях берега средней Волги именовались по географическим признакам — сторонами Ногайской и Крымской. Данные обозначения твердо держались в речи волжан до второй трети XVII в. Насколько можно приблизительно определить по источникам, границей между Луговой/Ногайской и Горной/Крымской сторонами считалась Переволока — место, где Волга более всего сближается с Доном и где в 1589 г. был основан Царицын. Этническая номинация речных «сторон» была довольно типичной для средневековой Евразии: известны Сибирская и Ногайская стороны Иртыша, Крымская и Ногайская стороны Дона, Воронежа, Хопра и т.п. Легко догадаться, что подобные названия указывали на этносы-гегемоны, на тех, кому принадлежали территории соответствующих «сторон». Смена гегемонов влекла и топонимические изменения. Так, в связи с вытеснением калмыками ногаев в 1620-х — 1630-х гг. бывшую Ногайскую сторону сами ногаи стали называть Калмыцкой²⁶. Правда, русские не расценивали эпизодические набеги калмыков как достаточно глобальное явление для переименования волжского левобережья; а Ногайским оно уже не могло называться. Поэтому жители Царицына и других южных городов стали называть бывшую Ногайскую сторону Луговой — так же, как ранее обозначали область к северу от Переволоки²⁷. Правый берег по-прежнему оставался Крымской стороной, т.к. Крымское ханство продолжало существовать.

Уже сам факт именованья берегов по этносам позволяет заключить, что народы-эпонимы играли существенную роль в истории Поволжья. В нашем распоряжении имеется, главным образом, ногайский материал. Свидетельства о более раннем времени очень немногочисленны и сохранились в поздних памятниках. Тем не менее есть некоторые основания полагать, что в эпоху Золотой Орды в отношении местного тюркского населения к Волге (Итиль, Эдель) присутствовали элементы сакрализации. Например, в татарском дестане «Идегей», повествующем о событиях конца XIV — начала XV вв., золотоордынский хан Тохтамыш изрекает: «Мать-река, полноводный Идиль!»²⁸. Военачальник Идегей описывает Тимуру («Шах-Тимуру») свою родину: «Реки мои — Мать-

²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1623 г. Д. 1. Л. 61; 1638 г. Д. 2. Л. 39; и мн. др.

²⁵ Топоров В.В. Река // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988. С. 375.

²⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 69; Д. 2. Л. 46.

²⁷ Там же. 1632 г. Д. 1. Л. 303.

²⁸ Идегей. Татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 156.

Идил и Яик. Булгар — моя страна»²⁹. Волга действительно играла важнейшую роль в экономике и государственности Улуса Джучи. Она находилась в центре державы, вдоль нее пролегали ежегодные кочевки ханов³⁰, а в низовьях находился «Тахт-эли» — ханский домен с двумя столицами.

Гораздо более развернуто можно реконструировать отношение кочевников к великой реке из материалов письменности и фольклора, связанных с Ногайской Ордой. Прежде всего Итиль имел для кочевых ногаев чисто хозяйственное значение как стержень летне-зимних передвижений³¹. К концу XVI в. основные экономические и политические интересы Ногайской Орды концентрировались в междуречье Волги и Яика. Утрата контроля над волжским регионом означала бы для ногаев и утрату независимости. Известно оправдание ногайского правителя-бия Уруса перед турецким султаном в ответ на упреки в подчинении России (1588 г.): «От неволи учинились в московского воле: чья будет Астрахань и Волга, и Еик, и Самар, тово будем и мы»³². За восемь лет до того ногаи говорили русскому послу: «И толко де государь велит казаком у нас Волгу и Самар, и Еик отняти, и нам деи всем ... пропасти»³³. Хотя традиционно основным районом ногайских кочеваний считался Яик, Волга тоже почиталась ими как составная часть родины. «Ныне б толко чему было верить или б недруга моего Муцала (кабардинского князя. — *В.Т.*) извести — и я бы со всеми своими улусными людьми прикочевал бы на Волгу, — писал в начале 1653 г. астраханским воеводам мирза Чобан б. Иштерек. — Люблю то место, потому что отчина наша»³⁴. В арабописьменном оригинале этой грамоты значится: «Атам ери Эдил бойи»³⁵ (моя отчизна — берег Эдила). Волга-«отчизна» (атам ери) понималась ногаями в нескольких значениях. Во-первых, она являлась «юртом» предка ногайских биев Эдиге и местом кочевий его сыновей Науруза и Нур ад-Дина, о чем ногаи хорошо помнили и именно этим обосновывали территориальные претензии к России после завоевания ею Астраханского ханства³⁶. Причем, Волга не воспринималась ими как изначальная колыбель народа. Историческая память ногаев запечатлела эпоху овладения ими Поволжьем — конец XIV в.: «Предки наши, праотец Идигии князь, с Токтамышем князем о Волге воину вели, и Волгу праотец наш Идигии князь у Тахтамыша князя взял воиною. И с тех мест и по ся места (написано в 1626 г. — *В. Т.*) о Волге меж нас воина а Идигия князя, потом и мы. И по ся места милостию Божиею и великих государей московских помощью мы, мурзы, и улусные наши люди Волги никоторым своим недругом не дали»³⁷.

²⁹ Там же. С. 108.

³⁰ См.: *Ракушин А.И.* К вопросу о сезонных пастбищах в Улусе Джучи // Краеведческие чтения. Докл. и сообщ. IV–VI чтений. Саратов, 1994; *Он же.* К вопросу о сезонных перекочевках золотоордынских кочевников улуса Бату // Всеобщая и отечественная история: актуальные проблемы. Саратов, 1993.

³¹ См.: *Поноженко Е.А., Асанов А.М.* Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. 1993. № 1–2 / 5–6.

³² Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 14. Симферополь, 1891. С. 66–67.

³³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 157.

³⁴ Там же. 1653 г. Д. 1. Л. 14.

³⁵ Там же. Л. 8.

³⁶ РГАДА. Ф. 127. п. 1. Д. 5. Л. 129, 167, 167 об.; Д. 6. Л. 56 об., 57, 81, 81 об.

³⁷ Там же. 1626 г. Д. 2. Л. 159.

Во-вторых, в первой половине XVII в. берега Волги являлись для многих ногаев отчиной в собственном смысле, т.е. местом рождения, потому что в то время большинство населения Ногайской Орды оказалось прижатым казаками и калмыками к Астрахани. Даже откочевывая в безопасные крымские и казыевские владения или к кумыкам, мирзы мечтали о возвращении к родной реке, поскольку «родились было и выросли у Волги», «а от отца нашего Исмаила князя выросли и мурзами были у устья Волского»³⁸.

В сакральном организованном пространстве ногайской родины крупные реки выступали не только в качестве ориентиров-координат, но и символов «дома» народа. Такая интерпретация сохранилась в фольклоре каракалпаков, некогда вышедших из Ногайской Орды. Каракалпакская историческая песня (толгау) «Ормамбет-бий», повествующая о временах распада Орды, сообщает, что после смерти своего государя Ураз-Мухаммеда (Ормамбета) «десятисаннные ногаи» были вынуждены покинуть «Едил уйдин есиги» (Волгу — дверь юрты), «Жайык уйдин жапсары» (Яик — боковую сторону юрты) и «Туркестан уйдин тери» (Туркестан — переднюю, почетную сторону юрты)³⁹. Таким образом, Итиль расценивался как «вход», «дверь» в общеногайское «жилище», кочевое пространство.

Вместе с тем именно Волга удостоилась ласкового обозначения «ана» (матушка), в отличие от Яика, Самары, Эмбы и прочих стержневых координат сакральной топографии ногаев. Выражение «Ана Эдил» (Матушка Волга) неоднократно встречается в репликах прародителя биев Эдиге, героя одноименного ногайского эпоса, и там же, в тексте, от лица рассказчика⁴⁰. «Я уйду от тебя, уйду, Матушку Волгу перейду», — говорит в эпосе «Эр Таргыл» богатырь Таргыл хану Кандазе («Мен кетермен, кетермен, Ана Эдилден обгермен») ⁴¹. Есть основания полагать, что данный образ являлся не только принадлежностью эпического и, может быть, песенного фольклора (как и у русских), но и фигурировал в повседневной речи. В феврале 1636 г. аталык (наставник) ногайского военачальника-кековата Джан-Мухаммеда заявил русскому послу В. Струкову: «А как де у Волги жили у матки своей, и нам де добре была покоинее»⁴² (Струков вел переговоры с ногаями, откочевавшими от Волги в донские степи). Причем, в отличие от русского народного творчества, в «Ногайских делах» содержатся элементы рационального объяснения «материнства» Волги. Выше приводились высказывания мирз об ее берегах, на которых они «родились было и выросли». Тот же кековат Джан-Мухаммед говорил Струкову осенью 1635 г., что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы де мы своево родьственнова стариннова корени не покинули и матки своей Волги, где наша изначала вера зачалась»⁴³ (выделено мною. — В.Т.)

Попутно отметим интересную деталь. В «родительской» паре с Волгой место «отца» у ногаев занимал не «батюшка Тихий Дон», как это имело место

³⁸ Там же. 1636 г. Д. 1. Л. 88, 93.

³⁹ Толстова Л.С. Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 161; Толстова Л.С., Утемисов А. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1963. Вып. 4 (14). С. 43.

⁴⁰ См.: Ногайдынь кырк баптири: Ногай халк дестанлары. Махачкала, 1991. С. 18, 37 и др.

⁴¹ Цит. по: Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 82, 83.

⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1636 г. Д. 2. Л. 29.

⁴³ Там же. 1635 г. Д. 2. Л. 170.

в казачьих былинах⁴⁴, а неожиданный и странный персонаж. В январе 1555 г. в Москву доставили грамоту мирзы Арслана б. Хаджи-Мухаммеда, в которой он извещал Ивана IV о смене власти в Орде: «А дядя мои Исмаил князь князем учинился. Волга нам матерью учинилась, а лес нам отцом учинился»⁴⁵. Пока трудно объяснить, каким образом это чуждое для степных кочевников понятие проникло в мифологизированное сознание ногаев. Может быть, имелись в виду леса, которые сменяли степь выше Самарской Луки? Лес встречается в документах, пожалуй, лишь в единственном аспекте — как обозначение самой северной летовки Ногайской Орды — «близ Камы под лесом»⁴⁶. Впрочем, почитание леса характерно для многих азиатских народов, в том числе для древних и средневековых тюрок⁴⁷ (хотя ногаям это было, кажется, не присуще).

Ясно, что русские первопоселенцы, в том числе казаки-выходцы из России, долгое время не могли воспринимать великую реку с такой же теплотой. «Родились и выросли» они на Руси или на Дону, их «вера зачалась» тоже вдалеке от этого традиционно мусульманского региона. Поэтому на пустынные степные просторы поначалу смотрели с настороженностью. От тех, вероятно, времен, сохранилась поговорка: «Ахтуба пуста, а без караула не гуляй»⁴⁸. Волжские низовья продолжали оставаться для русских «чужедальной стороной» даже тогда, когда Волга превратилась в «матушку» и для пришельцев-славян. — Ср. народную песню «Сиротка»: «Воспоила воскормила меня Волга-матушка, Воспитала меня легка лодочка ветлянька, Возлеяли меня мамки-няньки волны быстрые, Возросила меня чужа дальна сторона Астраханская»⁴⁹.

Весьма рискованно было бы утверждать, будто в процессе освоения Поволжья русские переняли тюрко-ногайский клишированный образ реки — «матушки», хотя буквальное совпадение формул «Ана Эдил» и «Волга Матушка» могло оказаться не простым совпадением. Косвенным опровержением тезиса о подобном заимствовании служит то обстоятельство, что фольклорное определение «матушка» песнетворцы на Руси относили не только к Волге, но и к другим рекам; кроме того, «батюшкой» считались Дон, Днепр и т.д.⁵⁰ Однако возможно отыскать и косвенные подтверждения калькирования русскими ногайского выражения. Кроме ногаев, ни один народ не распространял область своего расселения (кочевания) от Волги до Дуная — со второй половины XVI в. И только ногаи имели основание утверждать в эпических сказаниях: «Земля наша простиралась до реки Манан (т.е. Дуная. — *В. Т.*), До горы Балкан» (эпос «Кокше батыр»)⁵¹. Кажется вероятным предполагать ногайскую первооснову в русских

⁴⁴ См. напр.: Волга в песнях и сказаниях. С. 53.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 263–263 об.

⁴⁶ Поноженко Е. А., Асанов А. М. Указ. соч. С. 123; ПДРВ. Ч. 9. СПб., 1793. С. 34.

⁴⁷ Иванов В. В. Лес // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1986. С. 49.

⁴⁸ Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя киргиз-кайсацкая орда // Москвитянин. 1853. № 22 (ноябрь). Кн. 2. Отдел 7. С. 52. Ахтуба — левый рукав нижней Волги.

⁴⁹ Волга в песнях и сказаниях. С. 81. «Сиротка» — это, в сущности, монолог разбойника. Долгое время волжские берега служили приютом для различных изгоев и беглецов. Данное явление отразила пословица: «Коли нечем платить долгу, так ехать (идти) на Волгу» (*Даль В. И.* Указ. соч. С. 343), то есть либо в бурлаки, либо в разбойники.

⁵⁰ Волга в песнях и сказаниях. С. 67, 70, 71; *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. С. 233.

⁵¹ Цит. по: *Сикалиев А. И.-М.* Указ. соч. С. 81.

поговорках Поволжья: «Волга – плыть долго, а Дунай – широко. Видно, Дунай с Волгой не сольются», «Видно уж Дунай с Волгой не сольются»⁵² (о несовпадении взглядов, характеров и т.п.). Сомнительно, чтобы русские поселенцы для сравнения с Волгой выбрали не Днепр, не Дон, Воронеж, Каму, Яик, а далекий, находившийся в османских владениях Дунай⁵³. Очевидно, в данном случае проявился ногайский «след», ногайское очерчивание пространства на запад до Дуная. А раз так, то нет ничего странного в том, что и «Волга-матушка» была унаследована славянами-пришельцами от средневековых кочевников, для которых «Ана Эдил» являлась не меньшей «матушкой», символом Родины.

Ногаи на царской службе

Тюркские народы и восточные славяне соседствуют друг с другом на протяжении последних полутора тысячелетий. Их взаимное влияние в общественной жизни, культуре и языке было постоянным и всеобъемлющим. Одним из важных средств этого взаимодействия были миграционные процессы – переселение россиян в степи и тюрок на славянские территории. Увод русского полона половцами и татарами, оседание казачьих общин на Дону, Днепре, Волге и Яике, отъезд татарских и ногайских сановников в Московское царство – все эти явления относились к числу принципиальных этнодемографических факторов контакта России и Востока (прежде всего в средние века)⁵⁴. Результатом подобных движений населения было, с одной стороны, формирование смешанных тюрко-славянских семей, социальных общностей и целых этнографических групп; с другой – образование иноэтнических анклавов (тюркских в славянском мире и славянских в тюркоязычной кочевой среде).

Наша статья посвящена лишь одному аспекту данной проблемы – появлению и расселению в России аристократии из послеордынских государственных объединений, прежде всего из Ногайской Орды; выяснению некоторых подробностей социального статуса тюркских огланов, беков и мирз «под высокой рукою Белого царя». В целом предлагаемый вниманию читателя очерк является частью обширной темы истории российских «служилых татар» XV–XVII вв.⁵⁵.

---

⁵² Даль В.И. Указ. соч. С. 346.

⁵³ Хотя у западных славян слово «дунай» употреблялось и в нарицательном значении как вообще «река» (Афанасьев А.Н. Указ. соч. С. 220), в приведенном

⁵⁴ О факторах этого контакта подробнее см.: Трепавлов В.В. Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // Восток. 1994. № 2. С. 49, 50; Trepavlov V.V. Eastern influences: The Turkic nobility in medieval Russia // Coexistence. 1995. Vol. 32. P. 9–11.

⁵⁵ Эта тема затрагивается в ряде монографических исследований, вышедших в последнее время. См. напр.: Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1992; Шарифуллина Ф.Л. Касимовские татары. Казань, 1991.

Во время и после распада Золотой Орды, в течение XV в. сложился новый баланс политических сил в Восточной Европе. Конфликты и коалиции между государствами, расположенными на территории бывшего Улуса Джучи объективно превращались в борьбу за джучидское наследство. Образовались два основных «полюса» этой борьбы — Великое княжество Московское и Крымский юрт, к которым так или иначе тяготели наследные ханства (Астраханское, Казанское, Ногайская Орда)⁵⁶. Одной из форм такого тяготения были так называемые отъезды тюркских аристократов соответственно в московские или крымские владения.

Великие князья предоставляли выходцам с Востока города в кормление и требовали исполнения военной службы. При тюркских вельможах оставляли их дружины, в их уделах дозволялось селиться неродовитым эмигрантам из степи. В разное время татарам отводились Кашира и Серпухов, Звенигород и Юрьев-Польский; выходцам из Ногайской Орды был выделен Романов, а выходцам из ханств, управлявшихся Джучидами, — Городец Мещерский (Касимов). Среди историков нет единой точки зрения относительно политического статуса и иерархического ранга этих регионов: превращались ли они в частные владения или же являлись условными держаниями. Вероятно, предпочтительно мнению С. Б. Веселовского и М. Н. Тихомирова — татарские владения на Руси имели двойственную сущность: одни их черты отражали частновладельческий характер управления (собственный двор и войско, отношения с татарским населением), другие демонстрировали условность его (отношения с русским населением удела, подчиненность Посольскому приказу)⁵⁷. Как бы там ни было, реальное положение татарской знати в России отличалось от номинального ранга «царей» и «царевичей»-Джучидов. Управляемые ими города не были ни самыми богатыми, ни самыми многолюдными; окрестное русское население не испытывало никакого пиетета по отношению к тюркским кормленщикам; небольшие военные отряды служилых ханов и мирз не могли служить орудием какой-либо самостоятельной политики. Одним словом, держатели перечисленных городов являлись, несомненно, вассалами царя и великого князя и были поставлены центральной властью в условия, которые максимально подчеркивали эту зависимость. Двойственное положение татарских сановников в российской аристократической иерархии наглядно проявилось, в частности, в описании пожалования Иваном IV плененного последнего казанского хана Ядгар-Мухаммеда после крещения того под именем Симеона Касаевича в январе 1553 г.: «Царь и великий князь *царя* Семиона пожаловал, дал ему двор в городе и учинил у него боярское место Ивана Петровича Заболоцкого и всем чиновником *по чину по государьственному*, и учинил его (Симеона. — *В. Т.*)... как *царя и царьского сына* по его достоянию как *удельный князи*»⁵⁸. Таким образом, Ядгар-Симеон приобрел внешние формы царского почитания (царский титул, двор, боярское окружение) и в то же время по своему «достоянию»

⁵⁶ За пределами рассматриваемой здесь Восточной Европы существовал и третий «полюс» — держава Шейбанидов, оттянувшая на себя интересы казахских, тюменских и сибирских ханов, а также части ногайских мирз.

⁵⁷ *Веселовский С. Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. М., 1947. С. 123; *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1960. С. 42–46.

⁵⁸ Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. 13. Ч. 1), СПб., 1904. С. 215.

и рангу уравнивался с удельными князьями. Кроме Симеона Касаевича, резиденцию в Кремле имел и другой казанский пленник — бывший хан Утемиш-Гирей (Александр Сафагиреевич)⁵⁹.

Номинальная знатность татарских мигрантов, как видим, позволяла им претендовать на высочайшие места в структуре государева двора, считаться «честью бояр выше»⁶⁰. Длительное подчинение Золотой Орде выработало в России стойкое почитание Джучидов — династии, правившей в Орде и большинстве наследных ханств. Этим, видимо, можно объяснить лестные эпитеты, расточавшиеся Иваном IV в адрес «царя Шигалея Шигавлеяровича», т.е. хана Шах-Али, правившего в разное время по московской указке в Касимове и Казани: «Тои бо есть царь великороден сы и отечеством всех цареи болшии стареиши местом, и честнейши служащих самодержцу» (т.е. Ивану IV)⁶¹; тот же Шах-Али удостоивается от самодержца обращений «царю господине» и «брат наш»⁶². В «Разрядах» (рописях воевод по полкам) служилые «цари» и «царевичи» всегда упоминаются после русского государя и его сыновей и перед или наряду с высшими представителями московской знати. Данное обстоятельство ясно указывает, что татарские мигранты в России органично включались в среду местной аристократии, в отличие от выходцев из Орды в Великом княжестве Литовском⁶³. Еще одним показателем служат местнические споры представителей «природных» русских родов татарских кланов по поводу занятия воеводских должностей и мест в Боярской Думе (Лыковых с Турениными, Трубецких с Глинскими, Шереметевых с Сабуровыми и т.д.)⁶⁴.

Многие из указанных выше особенностей русско-тюркских отношений проявлялись в контактах московских властей с переселенцами из Ногайкой Орды. На этих контактах мы остановимся подробнее.

Ногайская Орда сформировалась к началу XVI в. на территории Западного Казахстана и Нижнего Поволжья. Она была населена тюркоязычными кочевниками, которые принадлежали к различным племенам, но с 1480-х гг. обозначались общим полионимом «ногай», происхождение которого достоверно не выяснено. Во главе ногаев стояли правители с титулом «бий» (т.е. бек); они не происходили из династии Чингис-хана, поэтому не смогли обзавестись ханским званием. Держава ногаев делилась на западную и восточную провинции — «крылья» под управлением наместников-военачальников нурадина и ке-

---

⁵⁹ Там же. С. 229; *Александро-Невская летопись* // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 215; *Львовская летопись* (ПСРЛ, т. 20, ч. 2). СПб., 1914. С. 539.

⁶⁰ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 22.

⁶¹ *Казанский летописец* (ПСРЛ, т. 19). СПб., 1903. Стлб. 185.

⁶² *Летописец начала царствования царя и великого князя Ивана Васильевича* // ПСРЛ. Т. 29. С. 109; *Патриаршая или Никоновская летопись*. С. 220.

⁶³ См.: *Думин С.В.* Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1989. К тому же тюркская знать переселялась на литовские земли в количествах несравнимо меньших по сравнению с отъездами в Россию и Крым. О «царях» в составе действующей русской армии см.: *Александро-Невская летопись*. С. 304, 305; *Казанский летописец*. Стлб. 185; *Разрядная книга 1475–1598 гг.* М., 1966; *Разрядная книга 1559–1605 гг.* М., 1974; *Разрядная книга 1475–1605 гг.* Т. 1–3. М., 1978–1989 (указатели имен). Об участии татар в московских ратях см. также: *Павлов Н.П.* Татарские отряды на русской службе // *Ученые записки Красноярского пед. Института*. Вып. 9. Красноярск, 1957.

⁶⁴ См.: *Маркевич А.И.* О местничестве. Киев, 1879. С. 185, 186.

ковата⁶⁵. Территории крыльев, в свою очередь, были разбиты на улусы, каждый из которых, как правило, был населен определенным племенем и управлялся мангытским мирзой⁶⁶. Во второй половине 50-х гг. XVI в. Ногайская Орда вступила в тяжелый и необратимый кризис. Завоевание русскими войсками Казани и занятие ими Астрахани разрушило восточноевропейский баланс сил, о котором говорилось в начале статьи. Ногайская знать столкнулась с необходимостью выбора между противостоящими гегемонами — Россией и Крымом. В Орде произошел раскол. Сторонников Крыма (и стоящей за ним Османской империи) возглавил бий Юсуф, во главе приверженцев ориентации на Москву встал его младший брат нурадин Исмаил. Конфликт между этими партиями вылился в вооруженную борьбу. В 1554 г. Юсуф погиб в сражении. После череды войн и интриг Исмаил к концу 50-х гг. смог утвердиться на бийском престоле, а его противники бежали, разгромленные, кто в Крым, кто на Северный Кавказ, кто к казахам; некоторые прибились к московскому двору. Именно с этого времени начались попытки переселения ногайских мирз, их сородичей и соратников в российские пределы, перехода их на царскую службу.

Особенностью участия ногаев в российской политической жизни являлось их периодическое возвращение на родину. Это объясняется довольно просто: если потомкам казанских, астраханских и позднее сибирских династов просто некуда было возвращаться после присоединения их «юртов» к России, то Ногайская Орда, несмотря на неуклонное ослабление, до 1630-х гг. сохраняла территорию собственных кочевий, на которую могли переходить мирзы, почему-либо оставлявшие службу царю. (Отъезды ногаев из России в Крым предпринимались довольно редко.)

Миграции рядовых, незнатных ногаев слабо отражены в источниках и поэтому почти не затронуты в литературе. По различным косвенным свидетельствам можно резюмировать, что переход их на российские земли происходил как стихийно — в обход засечных линий и крепостей, так и в составе дружин «царей», «царевичей» и мирз⁶⁷. Причем масса ногаев, расселявшихся при своих высокородных патронах, служила удобным источником информации, многочисленной агентурой, которая снабжала сведениями о России Бахчисарай и Стамбул. Об этом было ясно сказано, в частности, русскому послу в Турцию Ивану Новосильцеву жителем Азова в 1570 г.: «Всекие деи вести привозят нагайские татарове, у которых мирз живут на Москве»⁶⁸. Тем не менее русское

⁶⁵ Подробнее см. статью «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁶⁶ Мангыты — восточнокипчакский иль, к которому принадлежали родоначальник ногайских биев Эдиге (Идигу, Едигей) и, соответственно, все бии. Ногайские мирзы (мурзы) — знатные ногаи, потомки Эдиге.

⁶⁷ Шарифуллина Ф.Л. Указ. соч. С. 21, 22.

⁶⁸ Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М. 1988. С. 218. Справедливости ради отметим, что и русские власти насаждали в среде ногаев шпионаж в свою пользу. Крупным успехом московской тайной дипломатии было превращение в русского агента одного из высших духовных иерархов Ногайской Орды — садра Хаджи б. Джалиля. Сохранился перевод его грамоты царю Михаилу Федоровичу 1617 г., в которой он расписывает свои антиосманские и антикрымские заслуги: «Как присылал турецкой Ахмет салтан з грамотою к Иштереку (бию, 1600—1619 гг. — В.Т.) и Божия пророка с Магаметевым писмом, саблею и з знаменем, с своим жалованьем — со многим платьем — и Иштереку князю в те поры я тебе, великому государю, радел. И Иштерека князя от турецкого Ахмет салтана и от крымского Джанбек Гирея царя отвел; а навадил на то, чтоб ему (Иштереку. — В.Т.) быть под тво-

правительство было заинтересовано в увеличении количества подданных, в том числе и тюрок-мусульман. Разумеется, оно стремилось предоставлять им места для поселения не в столице, а на окраинах государства, гарантируя сохранение их жизненного уклада и безопасность: «А мы вам всем (ногайским мирзам. — *В.Т.*) и вашим людям дадим место на украине в Мещере, где вам пригоже кочевати, устрой вам учиним, как вам мочно быти бескорбным»⁶⁹.

Как правило, ногаи селились компактно; отрыв от привычного окружения, от своих начальников и соплеменников грозил столкновением не только с дискомфортной для кочевых тюрок культурно-исторической средой «Святой Руси», но и с произволом разномастной местной администрации. В апреле 1623 г. в Москве разбиралось дело о «ногайском татарине Баимке». Тот выехал из улуса нурадина Кара Кель-Мухаммеда в Астрахань с намерением поступить на русскую службу. Астраханский воевода, стольник князь С.В. Прозоровский, отправил Баима в свое подмосковное поместье, где насильно перекрестил в Ивана и превратил в своего холопа. Помыкавшись полтора года, «Баимко»-Иван наконец сумел сбежать в недалёкую Москву. Он разыскал Посольский приказ, поведаль там о своих злоключениях и заявил, что желает служить не князю Семену Прозоровскому, а великому государю, и жить вместе с новокрещёнными татарами, а не с княжеской дворней⁷⁰.

Из множества рядовых кочевников, пробывавших осесть в Московском царстве, персональный интерес центральной администрации вызывали разве что лица, связанные с основной статьёй ногайского экспорта — лошадьми⁷¹. (См. выше, статья «Ногайцы в русской истории»). Основной формой вовлечения ногаев в сферу российской политики являлось соучастие их в военных кампаниях. Чаще всего отряды из Ногайской Орды отправлялись организованно, по решению бия, высших мирз или съезда знати. Инициатива неродовитых ногаев, изъявлявших желание воевать вместе с русскими ратями, была довольно редкой и обыкновенно исходила от ногайских послов. Послы «правили» свои дипломатические обязанности (вручали грамоты, ходили на аудиенции, вели переговоры), а после этого просились на войну в сопровождении десятков всадников своей свиты. Российская сторона не находила оснований возражать, хотя подобный поворот событий — «исчезновение» и запоздалое возвращение восвоёй посольских делегаций — вызывал раздражение при бийском дворе⁷². Вероятно, первая акция по массовому привлечению ногайской конницы к во-

---

ею царскою высокою рукою; и грамоты их, турского Ахмет салтана и крымского Джанбек Гирееву цареву, к тебе, великому государю, (я) послал. И ныне, государь, толко какая весть к нам ис Царяграда (т.е. Стамбула. — *В.Т.*) объявитца, и я так же тебе, великому государю, учну служить. И за то, государь, мое раденье и службу твою царское жалованье мне не дано ничево» — и просит прислать вознаграждение. В послании функционеру Посольского приказа П.И. Вразскому садр заверяет: «А я государю и вперед хочу служити головою своею. И откуда будут к Иштереку князю послы и грамоты — от турскова Ахмет салтана или от крымскова, или от бухарскова — и про то все я государю учну объявляти» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1617 г. Д. 2. Л. 40, 41).

⁶⁹ Там же. Д. 5. Л. 117. Правительство приглашало ногаев в Мещеру и в XVII в. (*Орлов А.М.* Указ. соч. С. 27, 28).

⁷⁰ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1623 г. Д. 2. Л. 1–4.

⁷¹ Там же. Л. 115 об., 131 об.

⁷² См. напр.: там же. Л. 72; Д. 8. Л. 228 об., 229; Дополнения к Патриаршей или Никоновской летописи (ПСРЛ, Т. 13, Ч. 2). СПб., 1906. С. 391.

енными действиям в составе царских войск датируется январем 1563 г., когда в большом походе на Полоцк (в ходе Ливонской войны) принимали участие послы бия Исмаила и «Уразлыевы дети» — четыре мирзы, внуки кековата Ураз-Али⁷³. До того российско-ногайское военное сотрудничество сводилось в основном к координации действий в борьбе против третьих стран — прежде всего Крымского и Астраханского ханств. Наиболее интенсивно ратники из заволжских степей использовались Москвой в 1560-х — 1570-х гг. во время напряженного противостояния с Речью Посполитой. После вокняжения в 1578 г. бия Уруса отношения между Россией и ногаями резко охладели, и посылка последними войск к царю практически прекратилась. В первой трети XVII в., т.е. в период вассальной зависимости Орды от России, конницу биев иногда просили помочь в решении локальных политических задач — главным образом, на Северном Кавказе.

В процессе активного боевого сотрудничества в пору самой драматичной фазы Ливонской войны сформировался определенный протокольный порядок запроса русским правительством военной подмоги из Ногайской Орды. Указывалось желательное число воинов и срок, к которому им надлежало прибыть в Москву; определялся театр военных действий («Немцы, «литовского короля земля», «свейского короля земля»); завершилось обращение стандартной формулой: «А как они из воины придут, и мы их, пожаловав, к вам отпустим»⁷⁴. Чем хуже обстояли дела на литовском фронте, тем настоятельнее становились просьбы о присылке отрядов. Используя нарастающую усобицу в Орде «Больших Ногаев», Посольский приказ адресовался к самым влиятельным мирзам по отдельности. Запросы зачастую сопровождались расколумнической, объективно подстрекательской оговоркой: «Хотя и ... князь (т.е. бий. — *В.Т.*) не пришет, а вы б своих людеи прислали и без ... князя»⁷⁵. Теми же мотивами диктовалось и столь же частым было освобождение товаров, ввозимых ногайскими купцами, от всех торговых пошлин⁷⁶.

Русские обычно просили ногаев выставить две-три тысячи всадников, но ногайские власти никогда не направляли в Россию более двух тысяч человек за один раз. Самая большая цифра, встреченная мною в архивных документах, — 1957 человек «всех мурз и голов и казаков, и всяких воинских людей»⁷⁷. Впрочем, можно предполагать, что незначительные (на фоне огромного земского ополчения) ногайские отряды были призваны служить не столько военным, сколько моральным фактором на западных фронтах. Независимо от численности присылаемых воинов, заявлялось желательным, «толко чтоб конны были и молодцы добры — чтоб нашему (царскому. — *В.Т.*) имени и вашей Орде в непослушника нашего земле было явно»⁷⁸. Факт участия кочевников в московской армии,

⁷³ Летописец русский (Московская летопись) // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1895. Кн. 3. С. 170. Однако самым первым случаем участия ногаев в войне было, очевидно, удовлетворение Иваном IV просьбы Исмаилова посла Иштерека взять его в поход против Литвы в октябре 1562 г. (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 72).

⁷⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 93, 93 об., 116–117, 293–294 и др.

⁷⁵ Там же. Д. 9. Л. 242, 252 и др.

⁷⁶ Там же. Л. 51 об., 55 об., 59 и др.

⁷⁷ Дополнения к Патриаршей или Никоновской летописи. С. 391.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 257 об.

как и слухи об этом, создавали психологический дискомфорт и сеяли смятение в рядах противника. Российская сторона усугубляла эффект от привлечения ногаев, в десятки раз завышая их численность при переговорах с западными партнерами. В мае 1566 г. дьякам было велено известить прибывшее литовское посольство о том, что мирзы «на государеву службу ходят, не отъезжая, тысяч по дватцати и по тритцати, и сколко коли государю нашему надобе»⁷⁹. Через три года в «память» (инструкцию) послу, снаряжавшемуся к польско-литовскому королю Сигизмунду-Августу, была включена та же фраза, но с «уточнением»: «тысечь по сороку и по пятидесять»; то же повторилось в 1571 г.⁸⁰

Европейские наблюдатели обращали пристальное внимание на тюркский компонент московского воинства. Именно западные визитеры заметили принципиальную закономерность: завожские батыры действовали, главным образом, «в Литве, Польше, Лифляндии и по границам Швеции», поскольку «русские власти используют ... татар ... против поляков и шведов, считая безумнейшею мерою употреблять их на противоположной границе» (т.е. на границе с татарскими «юртами» — с Крымом прежде всего)⁸¹. К подобным предосторожностям побуждала массовая миграция из Ногайской Орды в Крымское ханство. К концу XVI в. крымская конница уже в значительной степени состояла из ногаев. Сводить ногайские отряды на русской службе с их единоплеменниками из враждебного лагеря на поле брани казалось правительству и воеводам рискованным.

Перечисленные политические факторы и тактические соображения, равно как и чужеродность мирз по отношению к русской знати, отражались на месте их в военной иерархии. В большинстве случаев мирзы со своими отрядами включались в состав действующей армии вне росписи полков. Имеются лишь единичные упоминания об участии ногаев в походах и боях в составе передового или «ертоульного» полков⁸². В жесткой системе распределения армейских командных должностей по местническому принципу для ногайской знати пока не находилось места. Только крестившиеся и обретшие княжеское достоинство выходцы из ногайской среды (ко времени Ливонской войны — князья Канбаровы и Шейдяковы) получали под свое начало крупные подразделения царской рати.

Интерес ногаев к военным мероприятиям государевых воевод объяснялся «правом повольного грабежа»⁸³, возможностью разжиться трофеями и поилом, предоставлявшийся им русской администрацией. Меркантильные настроения усиливались по мере нарастания кризиса в Ногайской Орде, когда сокращались площадь кочевий и поголовье скота, пустели торговые магистрали. Все больше мирз беднело и оказывалось неспособным существовать в привычных условиях, за счет скотоводческой экономики. Конные рейды по польско-

---

⁷⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. СПб. 1892. С. 344.

⁸⁰ Там же. С. 470, 782.

⁸¹ *Флетчер Дж.* О государстве Русском. Пер. К.М. Оболенского. СПб., 1905. С. 64; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Пер. и вступ. И.И. Полосина. Л., 1925. С. 61, 62, 116.

⁸² Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 249; Разрядная книга 1559–1604 гг. С. 32, 77, 78; Разрядная книга 1550–1636 гг. Кн. 2. М., 1976. С. 19.

⁸³ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 61, 62, 116.

литовским владениям под формальным главенством царских военачальников давали мирзам шанс обогатиться и, следовательно, привлечь к себе подданных, «улусных людей». В период российско-ногайского политического сотрудничества бии не препятствовали таким устремлениям мирз и без возражений отпускали их в Россию, иногда сообщая царю истинную причину участия их в войне: «Тот Ахмет мирза убог, и потому у меня отпросился на твою воину»⁸⁴.

Еще один путь попадания ногаев на русскую службу — на сей раз постоянную — состоял в высылке биями в Россию своих противников, если те по каким-либо причинам не могли или не желали отправиться в Крым или Мавераннахр. В 1564 г. таким образом появились в Москве мирза Тохтар б. Кутум с братьями и семьюдесятью человеками свиты, а в 1564 г. сыновья свергнутого Исмаилом бия Юсуфа — родоначальники князей Юсуповых⁸⁵. Убедившись в лояльности новоприезжих подданных, царь назначал им большое жалованье, несравнимое с их бывшими скудными доходами в кочевьях. Данное обстоятельство было еще одним стимулом для переезда тюркских аристократов в страну «Белого царя» и предметом ревности и раздражения со стороны правителей Орды. В 1563 г. Исмаил просил у Ивана Грозного «годовое» (ежегодные денежные выплаты) для себя в размере 500 рублей со следующей мотивировкой: «Тем мирзам, которые от нас ездят к тебе от голоду и от нужи, и тем (мирзам. — *В.Т.*) ... даешь рублей до четырехсот и до пятисот»⁸⁶.

Впоследствии, в XVII в., когда число отъезжих ногаев возросло, центральные власти уже избегали заниматься их расселением и обустройством. Поскольку функция связей с остатками Ногайской Орды была возложена на астраханских воевод, то именно им вменялся в обязанность патронаж над переселенцами. Только в 7127 г. (т.е. с 1 сентября 1618 по 31 августа 1619) в Россию перебравшись 14 мирз с семьями и улусными людьми⁸⁷. Дальше Астрахани их обычно не пускали. Новоприбывшего аристократа приводили в Съезжую избу (воеводскую канцелярию), где тот по стандартной «шертной записи» клялся на коране, присягая по клишированной формуле «быть под царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступным»; кроме того, давалось обещание жить под Астраханью в так называемых «юртах» — полукочевых селениях местных татар и ногаев, не перекочевывать на Крымскую сторону — правобережье Волги; мирза был обязан «служить и прямить» государю, что означало в первую очередь быть готовым отправиться в военный поход по приказу воеводы. Астраханская администрация по своему разумению назначала ногайским мирзам месячное жалованье и сразу запрашивала Посольский приказ, из которого через некоторое время поступали деньги и указ с росписью годового оклада для каждого мирзы. Этот гарантированный доход и безопасное проживание под защитой русских стрельцов выглядели весьма привлекательно для знати разваливающейся Орды.

С распадом Ногайской Орды в первой трети XVII в., с окончательным разгромом «Больших Ногаев» калмыками под Астраханью в первой половине

⁸⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 219–219 об.

⁸⁵ Дополнения к Патриаршей или Никоновской летописи. С. 322, 330, 339, 371; Летописец русский. С. 143; О роде князей Юсуповых. Т. 1. СПб., 1866. С. 51, 52.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 217 об.

⁸⁷ Там же. 1619 г. Д. 1. Л. 81, 82.

1630-х гг. и откочевкой массы населения на правый берег Волги — в крымские и турецкие владения — отношения с ногаями на правительственном уровне утратили актуальность. Отныне с ними имели дело, главным образом, воеводы южных областей. Контакты с ними стали рассматриваться как составная часть другой системы отношений — русско-крымских, в которой издавна действовали иные принципы и критерии межгосударственных связей, иные традиции отъездов на Русь, иное отношение к переселенцам. Ногаи, приезжавшие из крымских улусов или османских вилайетов, теперь рассматривались Посольским приказом прежде всего как подданные Гиреев или султана, для них уже не существовало льготного режима, который был создан при Иване IV для мигрантов из Ногайской Орды.

Взаимовыгодный русско-ногайский военно-политический альянс отошел в прошлое, оставив о себе память в виде российских княжеских родов ногайского происхождения (см. следующую статью).

Княжеские роды ногайского происхождения

В среде российского дворянства роды тюркского происхождения составляли значительную часть. Как правило, их предками были аристократы Золотой Орды и татарских ханств, которые выезжали в Россию, поступали на государеву службу и в конце концов переходили в православие. Историки обычно рассматривали подобные семьи, не обращаясь к поиску их действительных предков и обстоятельств миграций, ограничиваясь этимологическими штудиями или описанием общих условий службы⁸⁸. Осторожность исследователей объяснялась, с одной стороны, фактическим запретом на генеалогические изыскания в течение нескольких десятилетий, с другой — отсутствием источниковой базы для подтверждения исторических истоков многих родов.

В Дворянском корпусе России был ряд семей, ведущих происхождение от выходцев из Ногайской Орды. К XX в. из их числа уцелели только князья Урусовы и Юсуповы, но в середине XVII в. их насчитывалось более десятка. При составлении в 1680-х гг. «Бархатной книги» родословные росписи в Палату родословных дел и Разрядный приказ подали Юсуповы (вместе с Байтерековыми), Кутумовы, Урусовы и Шейдяковы⁸⁹. На основе этих росписей (фамильных

---

⁸⁸ См. напр.: *Баскаков Н.А.* Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е изд. М., 1993; *Павлов Н.П.* Татарские отряды на русской службе // Ученые записки Красноярского пед. института. Вып. 9. Красноярск, 1957; *Trepavlov V.V.* Eastern influences: The Turkic nobility in medieval Russia // *Coexistence*. 1995. Vol. 32.

⁸⁹ *Антонов А.В.* Из истории Палаты родословных дел // Историческая генеалогия. 1994. № 3. С. 103, 106; *Он же.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 66, 69; Родословная кни-

генеалогий) были составлены официальные версии происхождения соответствующих кланов; данные версии позже включались в различные аристократические реестры империи и считались безусловно истинными. Такие имперские родословные обычно не подвергались критике и служили исследователям и публикаторам источником для всяческих генеалогических построений⁹⁰. Работа над материалами по истории Ногайской Орды показала, что безоговорочно доверять подобным документам не следует. Во-первых, генеалогии на протяжении длительного времени могли храниться в изустной передаче (это хорошо известно по башкирским и татарским шежере), что приводило к искажению сведений. Только привлечение более ранних и независимых друг от друга источников поможет восстановить раннюю историю дворянских (княжеских) родов — в данном случае, имеющих ногайские корни. Таким образом, материалы Родословных книг и Гербовников в нашем исследовании послужат не оправданной точкой, а лишь иллюстрацией состояния княжеских семей и их предстателей о своем происхождении на период XVIII–XIX вв. В основу же анализа будут положены начальные варианты семейных родословных, а также извлеченная из архивохранилищ информация о выездах ногайских сановников в Россию, о начале их карьеры на новой родине, о времени и обстоятельствах обретения ими княжеского достоинства.

Большинство подобных родов угасло уже к концу XVII столетия. Сначала мы разберем историю их, а затем обратимся к более долговечным и удачливым династиям⁹¹.

Роды, угасшие к XVIII веку

Байтерековы. Род Байтерековых, — утверждает одна из генеалогических публикаций, — происходит от Байтерека, четвертого сына князя Уруса⁹². Это одно из тех устойчивых заблуждений (или фальсификаций), о которых говорилось выше. Четвертый сын бия (правителя) Ногайской Орды Уруса, по отдельным источникам, носил имя Байтабарак⁹³. Но начало данному роду, безусловно, положил Байтерек, и это прочно запечатлелось в геральдических документах⁹⁴. Доводился же он третьим сыном бию Дин-Ахмеду, старшему брату Уруса⁹⁵, и, стало быть, племянником Урусу. Уточнение — принципиально: по официальной версии, Байтерековы выступают как младшая линия по отношению к князьям Урусовым; в действительности, наоборот, Урусовы являются младшей линией по отношению к Байтерековым — по степени родства их родоначальников. В кочевом мире подобное различие было существенным. Потомки

га князей и дворян российских и выезжих. Ч. 2. М., 1787. С. 414.

⁹⁰ См. напр.: *Нарбут А.Н.* Родословные росписи. Вып. 2: Князья Урусовы. М., 1994; О роде князей Юсуповых. Ч. 1. СПб., 1866; Урусовы. Княжеский род // Всемирная иллюстрация. 1873. Т. 9. № 1.

⁹¹ Мы опускаем описание условий приема на службу и самой службы, т.к. посвятили этим вопросам специальную работу (см. статью «Ногаи на царской службе» в настоящем издании).

⁹² Урусовы. Княжеский род. С. 17.

⁹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 1; оп. 2. Д. 32. Л. 25.

⁹⁴ *Долгоруков П.Д.* Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 27.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 40; 1627 г. Д. 4. Л. 1; оп. 2. Д. 32. Л. 25.

старшего брата (в данном случае Дин-Ахмеда) считались старейшей ветвью по сравнению с потомством младшего, Уруса).

Байтерек в конце XVI в. занимал в Ногайской Орде должность нурадина, главы правого крыла⁹⁶. Он имел четырех сыновей: Гази, Али, Ака и Курмаша⁹⁷. Ни один из них не перешел в православие и поэтому не получил княжеского ранга. Известно лишь, что 18 октября 1616 г. Гази б. Байтерек прибыл в Астрахань и шертовал царю перед находившимся там московским дворянином Андреем Хохловым⁹⁸. Кроме того, сохранилось известие о крещении в Астрахани под именем Дмитрия «ногайского князя Урак-мурзы Байтерекова» 19 декабря 1633 г.⁹⁹ А в 1636 г. обратился «в православную в крестьянскую веру» у астраханского воеводы некий Иван Байтереков¹⁰⁰.

Князь Дмитрий (Урак) Байтереков переехал в Москву, где получил годовой оклад в 80 рублей и еще 60 рублей «подъемных» «для его иноземства и выезду, на дворовое строенье»¹⁰¹. Данных о его потомстве встретить не удалось.

Продолжение династии Байтерековых в России связано с именами внуков Байтерека Григория Алей-мурзина и Михаила Казы-мурзина (их ногайские имена и время крещения неизвестны). Под 1656/57 и 1667/68 гг.¹⁰² они значатся в Боярских книгах как московские дворяне и занимали это положение до 1670-х гг. Князья Юрий Григорьевич и Яков Григорьевич Байтерековы в 1670-х гг. служили стряпчими, а в следующем десятилетии стольниками¹⁰³. В самом конце XVII в. трое князей Байтерековых владели населенными имениями¹⁰⁴. Дальнейшая судьба рода неизвестна. В дворянских родословных он числится как угасший к XVIII в.

Барангазыевы. Барангази б. Саид-Ахмед б. Мухаммед б. Исмаил-бий в начале XVII в. был бием Малой Ногайской Орды («Казыева улуса»). По генеалогиям, имел трех сыновей — Бия, Каплана и Зора¹⁰⁵. Каплан приехал ко двору Бориса Годунова, где крестился под именем князя Федора Барангазыева и стал царским стольником. «А с Москвы ... он бежал к Вору в Тушино со князем Петром Урусовым с товарищи. И с Вором были в Колуге, и, убив Вора, ис Колуги со князем Петром Урусовым бежали они в Крым». Затем Каплан-Федор жил в Малой Ногайской Орде, а позже решил обосноваться в полуседлых ногайских «юртах» под Астраханью. В 1630/31 г. он возобновил крещение в Астрахани и вновь, под именем князя Федора, вместе с новокрещенным Дмитрием (Ураком) Байтерековым, явился в Москву. Правительство простило ему юношеские метания и назначило большой годовой оклад в 100 рублей, с выдачей

⁹⁶ См. статью «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 40; 1627 г. Д. 4. Л. 1; оп. 2. Д. 32. Л. 25.

⁹⁸ Там же. Оп. 1. 1616 г. Д. 4. Л. 119.

⁹⁹ Там же. 1632 г. Д. 4. Л. 6; *Савелов Л.М.* Родословные записи. Вып. 1. М., 1906. С. 107.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 66.

¹⁰¹ Акты о выездах в Россию иноземцев // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 8. СПб., 1884. С. 282.

¹⁰² При отсутствии сведений о месяце события в статье применяется «двойное» обозначение годов, связанное с допетровским летоисчислением от сотворения мира и началом года с 1 сентября. Так, 1656/57 г. соответствует 7165 г., т.е. от 1 сентября 1656 г. до 31 августа 1657 г.

¹⁰³ Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М., 1853. С. 17; *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 107.

¹⁰⁴ *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 4.

такой же суммы «подъемных» (правда, получить деньги он не успел, т.к. вскоре умер)¹⁰⁶. Младший брат его Зор тоже крестился в 1635/36 г. и стал князем Григорием. Он тяготился жизнью в захолустной Астрахани. После неоднократных челобитий Барангазиев был сначала «написан по московскому списку», а затем в 1640 г. переведен на службу в Москву и «сверстан» жалованьем и поместьем¹⁰⁷. Видимо, умер бездетным.

Канбаровы. Это едва ли не единственный княжеский род, происходивший не из заволжских или казыевских, а из крымских ногаев. И, очевидно, первая из ногайских фамилий, получивших княжеский ранг в России. Собственно, известен единственный представитель Канбаровых — соратник Ивана IV по Ливонской войне, который активно действовал во второй половине 50-х — начале 70-х XVI в. Именами его были Ураз-Али и Иван. В.В. Вельяминов-Зернов сомневался, дано ли было последнее при крещении или же являлось прозвищем¹⁰⁸. Однако выше мы уже видели, что «князем» ногайский мирза становился только после обретения христианского имени. Поскольку «Уразлы»-Иван повсеместно титуловался князем, то можно заключить, что он все-таки был крещен. Происхождение его восстанавливается следующим образом. В различных источниках отчество его пишется «Ахметович», «Махметыч», «Магметевич», «Матвеевич»¹⁰⁹. Причем в начале канбаровской карьеры, в 1556–1558 гг., имя сопровождалось указанием на племенную принадлежность: «Уразлы князь Канбарова Мангит»¹¹⁰. В 1564 г. он фигурирует в росписи полков уже под христианским именем; видимо, в промежутке между 1558 и 1564 гг. он и перешел в христианство. В.В. Вельяминов-Зернов восстановил имя отца Ураз-Али как Ак-Мухаммед¹¹¹. Единственный известный нам Канбар (Камбар), сын Мамая (т.е. Мухаммеда), был племянником крымского беклярибека Хаджике б. Мансура б. Эдиге. В конце XV в. Хаджике посылал Канбара к Ивану III с посольством¹¹². Следовательно, Иван Канбаров оказался Ураз-Али б. Ак-Мухаммедом б. Канбаром б. Мамаем б. Мансуром.

Мы столь подробно остановились на этой фигуре, потому что с ней связан, пожалуй, первый случай местнических споров между исконно русской аристократией и выходцами из ногаев. В 1565/66 г. Иван IV разместил армию в Великих Луках и Торопце, готовясь к походу на Литву. В большой полк были назначены князья И.А. Шуйский, Г.Г. Колычев-Лошаков и «Иван Охметевич Канбаров». Воевода правой руки А.И. Шеин отказался подчиняться Канбарову, «списков не зял» и не поехал к нему на совещание, сочтя его недостаточно

¹⁰⁶ Акты о выездах в Россию иноземцев. С. 281, 282.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 66; Ф. 131. Оп. 1. 1640 г. Д. 4. Л. 2 и сл.; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 3. М., 1822. С. 374, 375.

¹⁰⁸ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 430.

¹⁰⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. М., 1989. Стлб. 99; примечания к т. 9. Стлб. 67, 71; *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. 5. СПб., 1903. Стлб. 229, 266, 309, 392.

¹¹⁰ *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 412, 429; *Татищев В.Н.* История российская. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 271.

¹¹¹ *Вельяминов-Зернов В.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 430.

¹¹² *Малиновский А.Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. Одесса, 1863. С. 246.

знатным. Пришлось князю Ивану самому отправляться к Шеину и уговаривать того разместиться в Торопце, по утвержденной дислокации¹¹³. Данных о по томках И.А. Канбарова нет.

Тинбаевы. Четвертый сын бия Исмаила (который правил в 1554–1563 г.) Динбай в конце 1570-х — начале 80-х гг. был ногайским нурадином, затем уступил этот пост своему племяннику Саид-Ахмеду¹¹⁴ и доживал век в собственном кочевье, в покое и почете. Дети его: Тиникей, Баиш, Канай, Абдулла, Али, Рахманкул и Иваш¹¹⁵. Наиболее заметный след оставил в источниках сын Каная Гази. Не позднее осени 1615 г. он «прилучи же ся на Москве... и крестися в православную христианскую веру и наречен князем Михаилом»¹¹⁶. В первые годы царствования Михаила Федоровича он показал себя смелым и способным военачальником. В июле 1616 г. Михаил-Гази был послан в рейд по польско-литовским территориям (Сурож — Витебск — Велиж)¹¹⁷. Этот поход был одним из первых внешних военных мероприятий оживающей после Смуты России, поэтому он остался в памяти дворянства. Участие в нем отмечалось в родословных как пример верного служения престолу¹¹⁸. Неоднократно князь Михаил Канаевич «ходяше... из Москвы под таборы королевичевы и всегда с победою возвращашеся, многих бо людей королевичевых, славных мужеством, уби и многих живых, имая, провожаше в Москву. И такового ради мужества и силы вси противники знаяху его»¹¹⁹. В 1619 г. при возвращении из очередной военной экспедиции рать Михаила Тинбаева была окружена польскими отрядами, посланными специально против него, «и убиша его ту, едва возмогоша множеством людей одолети его»¹²⁰.

Не позднее мая 1614 г. на жительство в Астрахань приехали Канай и Рахманкул Тинбаевы с детьми¹²¹. Несмотря на многочисленность Тинбаевых, их неукоснительную лояльность к русским властям и избрание Каная бием Ногайской Орды в 1622 г., этой ветви рода не удалось обзавестись княжеским статусом. В декабре 1614 г. в Астрахань съехались другие Тинбаевы, которые до того кочевали у кумыков и в Казахстане («в Алтыулах», «в Юргенчи»). За всех них поручился Канай, и воеводы разместили мирз под городом, назначив им жалованье¹²². Едва освоившись на новом месте, многолюдный клан (вместе со старыми союзниками-Урусовыми) начал распри с прочими ногаями и интриги против бия Иштерека. Тот попросил было царя забрать Тинбаевых в Москву, но получил отказ: «И так ... иные Тинбаевы взяты к нашему царскому величеству к Москве и укрепились в нашу православную... веру»¹²³. Неизвестно опреде-

---

¹¹³ О службах и походах боярских // Отечественные записки. 1826. Сентябрь. № 77. С. 412.

¹¹⁴ *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 1; Оп. 2. Д. 32. Л. 25, 26.

¹¹⁶ Новый летописец // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. 17. М., 1853. С. 183.

¹¹⁷ Дворцовые разряды. Т. 1. СПб., 1850. Стлб. 227, 228; Разрядная книга 1550–1636 гг. Кн. 2. Вып. 2. М., 1976. С. 291.

¹¹⁸ См. напр.: Местнический справочник XVII века. Вильна, 1910. С. 42.

¹¹⁹ Новый летописец. С. 183.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Кабардино-русские отношения в XV–XVIII вв. Т. 1. М., 1957. С. 79.

¹²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 9 1619 г. Д. 2. Л. 115–141.

¹²³ Там же. 1617 г. Д.2. Л. 53.

ленно, кто именно из них служил тогда в столице. Князья Тинбаевы встречаются в документах позднейшего времени. В 1628/29 г. крестился «выезжей нагаиской Янмаммет мурза» и стал князем Тимофеем Тинбаевым¹²⁴; возможно, это Ян (Джан) б. Абдулла б. Динбай, по росписям XVII в.¹²⁵. В 1675/76 г. в Москве служил стольник князь Алексей Шеим-мурзин Тинбаев, под 1679/80 г. отмечен князь Матвей Хан-Канбулатов(ич) Тинбаев-Мансуров¹²⁶. В XVIII в. Тинбаевы уже не встречаются.

Советник главы Администрации Астраханской области В.М. Викторин в конце 1995 г. сообщил автору этих строк, будто в Астраханской области в наши дни проживают семьи Тинбаевых, считающие себя ветвью данного клана. Как мы убедились, Тинбаевы были довольно многочисленны и в конце концов сконцентрировались как раз в Астрахани. Но было бы преждевременно предполагать действительное родство этих современных астраханцев с ногайскими мирзами, поселившимися на Нижней Волге в первой трети XVII в. Для более основательных заключений требуется, конечно, личное знакомство с астраханскими Тинбаевыми и с их семейными архивами.

Тинмамметевы. Известны двое князей-потомков бия Дин-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда (правил приблизительно в 1598–1599 гг.). В 1633/34 г. в Астрахани крестился «Отманай мурза Кейкуватов», т.е. сын кековата Джан-Мухаммеда б. Дин-Мухаммеда, и стал князем Петром. Через два года он переселился в Москву, где получил 60-рублевый оклад и «вполы того оклада» на обзаведенье¹²⁷.

В 1640 г. сын сосланного и умершего в ссылке мирзы Урака б. Дин-Мухаммеда Прокофий жил вместе со своей матерью, княгиней Авдотьей (бывшей Ханыкей)¹²⁸. В 1667/68 г. князь Прокофий Урак-мурзин Тинмамметев числился московским дворянином¹²⁹.

В XVIII в. этот княжеский род неизвестен.

Урмамметевы. Из потомков бия Ураз-Мухаммеда (правил в 1590–1598 гг.) заметную карьеру в России сделал мирза Зор, сын его третьего сына Арслана. В 1622 г. он крестился под именем князя Василия, удостоился царской аудиенции и получил полуторасотенный оклад с половиной оклада на дворовое строенье¹³⁰. Василий-Зор поставил богатый двор на Москве — «в Белом каменном городе меж Никицкие и Здвиженские улицы», где поселился с женой Авдотьей и сыном Дмитрием¹³¹. Как московский дворянин, новоиспеченный князь Урмамметев поступил в ведение Стрелецкого приказа. Государевым указом жалованы были ему село Дубровки в Касимовском уезде и село Кузнецово в уезде Дмитровском¹³².

¹²⁴ Там же. 1629 г. Д. 5. Л. 1.

¹²⁵ Там же. 1627 г. Д. 4. Л. 3; оп. 2. Д. 32. Л. 30.

¹²⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 410.

¹²⁷ Акты о выездах в Россию иноземцев. С. 282.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 1 и сл. Не ясно, какой из пяти сыновей Урака стал Прокофием.

¹²⁹ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 410.

¹³⁰ Акты о выездах в Россию иноземцев. С. 280; *Забелин И.Е.* Дополнения к Дворцовым разрядам. М., 1882. Стлб. 299; РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 13.

¹³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 79, 154.

¹³² Там же. Л. 6, 98, 458.

В июле 1628 г. дворовые люди Урмаметева донесли главе приказа, князю И.Б. Черкасскому, о зреющей в их доме измене. Василий Арасланович и его дядя по матери, князь Петр Урусов, задумали, дескать, бежать в Крым, а перед этим решили написать хану. Сразу началось следствие. Сперва Урмаметев запырлялся на допросах («государю изменить и в Крым ехать не хачивал и не мышливал»), но после очной ставки с Урусовым сознался. Под пытками князья стали все валить друг на друга. В конце концов князь Петр заявил, что даже если бы и замыслил эмиграцию, то «он бы князю Василию про то и не сказал, потому что князь Василеи молод и плут». Но затем, не выдержав истязания, сознался в намерении отъехать к хану. В августе царским указом все имущество и недвижимое князей были конфискованы, поместья отписаны на государя, а сами изменники отправлены в ссылку¹³³. Василия увезли в Чердынь, где посадили «в крепкую тюрьму». Побросали в темницы и княжескую дворню, заподозренную в пособничестве¹³⁴.

Со временем высочайший гнев остыл. Уже в ноябре того же 1628 г. жене Урмаметева и сыну «Митке» были возвращены домашний скarb и скот. В конце 1633 или в начале 1634 г., по своего рода амнистии по случаю смерти патриарха Филарета, были освобождены из заточения слуги. А в 1643/44 г. и самого Василия простили и дозволили вернуться в Москву¹³⁵. Но клеймо изменника он, видимо, так и не смог стереть. По крайней мере князья Урмаметевы не значатся в позднейших реестрах служилой знати.

С этим родом связана еще одна любопытная судьба. Мирза Ток-Мухаммед, сын нурадина Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз-Мухаммеда, в малолетнем возрасте был пленен калмыками под Уфой и увезен в калмыцкие стойбища вместе с «мамкой». По прошествии нескольких лет, сочтя воспитанника достаточно взрослым, «мамка» рассказала ему о том, чей он сын и как угодил в полон. Вскоре Ток-Мухаммед бежал в Уфу. Но там он вновь попал в неволю. Воевода Иван Чичерин окрестил его в Якова и «силоно» женил на новокрещенной татарке. Целью Чичерина было превратить Якова в своего холопа. Однако тут вмешался могущественный нурадин Кара Кель-Мухаммед, уже давно отчаявшийся увидеть сына живым. По челобитью нурадина, в августе 1630 г. царь велел отнять Якова Урмаметева у уфимского воеводы и доставить в Москву, назначив жалованье¹³⁶. Дальнейшая биография его не отражена в известных нам документах.

Шейдяковы. Представители этого рода громко заявили о себе уже в XVI в. и служили при дворе на протяжении всего XVII в. Истоки Шейдяковых запутанны. В родовой генеалогии князей Юсуповых утверждается, что Шейдяковы идут от «Шейдяка князя», сына Мусы¹³⁷. Такое убеждение закрепилось у последующих составителей генеалогий¹³⁸. Это одновременно верно и неверно, потому что на самом деле в России существовало две линии Шейдяковых.

---

¹³³ Там же. Л. 4 и сл.

¹³⁴ Там же. 1640 г. Д. 5. Л. 3.

¹³⁵ Там же. Л. 3, 8; 1628 г. Д. 3. Л. 154.

¹³⁶ Там же. 1630 г. Д. 7. Л. 2 и сл.

¹³⁷ О роде князей Юсуповых. Ч. 2. СПб., 1867. Приложение.

¹³⁸ См. напр.: Урусовы. Княжеский род. С. 17.

Саид-Ахмет (Шейдяк) б. Муса возглавлял Ногайскую Орду в середине 30-х — конце 40-х гг. XVI в. Затем его заменил младший брат Шейх-Мамай — возможно, в результате переворота, т.к. после 1548 г. Саид-Ахмет с детьми обрелся в «Бухарех» и совершал оттуда набеги на ногаев. Сыновьями его были «Торахмед», Тутай, Мухаммед, Синдик, Челыш и Атай¹³⁹. Несомненна связь с этой семьей князя Петра Тутаевича Шейдякова. Улус его отца Тутая в 1535 г. кочевал за Яиком¹⁴⁰.

Наиболее раннее упоминание об этом лице, очевидно, содержится в описании похода Ивана IV на Новгород в декабре 1571 г., в котором походную Думу царя составляли бояре и князья, «и знатнейший между ими Петр Тутаевич Шийдяков Ногайский»¹⁴¹. В той кампании Шейдяков возглавлял передовой полк; такую же воеводскую должность он занимал в прибалтийских экспедициях 1570-х гг.¹⁴² При взятии города Кеси в 1577 г. коллегой князя по командованию полком был Никита Романович Юрьев¹⁴³, родоначальник будущих монархов. В 1576 г. по возвращении из ливонского похода царь Иван поставил П.Т. Шейдякова наместником в Пскове¹⁴⁴. Закончилась его карьера приблизительно в начале 1580-х гг.; в Разрядах сохранилась запись за 1580 г. о местничании с Шейдяковым князя М.П. Катырева по поводу воеводства в правой руке¹⁴⁵.

Другой знаменательный персонаж той эпохи — князь Афанасий Шейдяков. Как и у предыдущего персонажа, ногайское имя его неизвестно. Правда, однажды он назван Шейдяковичем¹⁴⁶. Рискнем предположить, что это не кто иной как старший сын Саид-Ахмеда Дурс (Турсун?)—Мухаммед который в 1564 г. приехал в Москву и попросился на государеву службу¹⁴⁷. Впервые Афанасий встречается в Разрядах под 1574 г., но не осенью, как утверждает С.П. Мордовина¹⁴⁸, а в январе, в качестве напарника Н.Р. Юрьева по воеводству в большом полку при походе в Лифляндию¹⁴⁹. Он участвовал в прибалтийских походах, а в 1577–1580 гг. был наместником г. Юрьева-Ливонского¹⁵⁰. В 1585 г. возглавлял полк левой руки в армии великого князя Симеона Бекбулатовича, посланной против Батория¹⁵¹. Последнее упоминание о нем относится — и здесь мы согласны с С.П. Мордовиной — к 1598 г.: при выдвижении Б.Ф. Годунова к Серпухову для отражения набега крымского хана он находился в качестве головы «в государевом стану, у огней»¹⁵².

¹³⁹ Родословная книга князей и дворян. С. 130.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 100 об.

¹⁴¹ Карамзин Н.М. Указ. Соч. Т. 9. Стлб. 112. Вывод о знатности П.Т. Шейдякова Н.М. Карамзин сделал на основании того, что в челобитной шведских послов Боярской думе он назван первым, раньше остальных вельмож (там же. Примечания к т. 9. Стлб. 78).

¹⁴² Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1864. С. 13, 14, 16, 21, 35, 57.

¹⁴³ Там же. С. 78.

¹⁴⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 60.

¹⁴⁵ Там же. С. 71.

¹⁴⁶ Там же. С. 45.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 112 об. Кстати, вместе с ним прибыл его родственник (племянник?) Амангази, который, вполне возможно, и стал после крещения князем Петром Тутаевичем.

¹⁴⁸ Мордовина С.П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского историко-архивного института. Т. 28. М., 1970. С. 336.

¹⁴⁹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45.

¹⁵⁰ Там же. С. 64, 71.

¹⁵¹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 2. С. 86.

¹⁵² Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 134; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. М., 1994. С. 34.

Известно, что Афанасий Шейдяков обладал поместьями в Романовском и Звенигородском уездах — селами, более шести десятков деревень, 2268 десятин пашни. Современные исследователи относят его к крупным землевладельцам 2 половины XVI в.¹⁵³

Во время Смуты о Шейдяковых не слышно, и снова эта фамилия появляется на страницах документов со второй четверти XVII в. Но теперь ее носители, близкие родственники князей Барангазыевых, происходили из Малой Ногайской Орды, от Саид-Ахмеда б. Мухаммеда б. Исмаила (а Исмаил был младшим братом того, «первого» Саид-Ахмеда). Малоногайские мирзы, очевидно, осознавали возможность недоразумений из-за тезоименитства родоначальников, и попытались подменить своего настоящего предка, внука Исмаила, бием Саид-Ахмедом б. Мусой. — В двух редакциях «Родословца татарского письма», явно составленного в «Казыевом улусе», данная подмена выглядит следующим образом. Первая редакция: «Мусы князя сын Шиидьяк князь. Брат Шиидьяков Исмаил... Шиидьяк князь почал быть в Казыеве улусе, а Исмаил князь почал быть в Большом Ногае (т.е. в собственно Ногайской Орде. — В.Т.). Шиидьяк князя сын Ислам мурза. Ислам мурзы сын Касаи князь. Касаев сын Салтан мурза з братею». Вторая редакция: «От Шеидьяка князя пошли Малово Нагаю мурзы. Шеидьяка князя сын Ислам мурза. Ислам мурзин сын Касаи князь, что ныне в Малом Нагае»¹⁵⁴. На самом же деле «Малово Нагаю мурзы» происходили из самых разных ответвлений рода Эдиге. Но та родственная линия, что подразумевается в «Родословце», восходит к нурадину Саид-Ахмеду, который погиб в 1589 г. и дети которого перебрались в то же время в Малую Орду.

История казыевцев занимала русских приказных функционеров в гораздо меньшей степени, чем история «Больших Ногаев». Сложно определять родственные связи в калейдоскопе мирз XVII в.¹⁵⁵. Сведения о них неполны и противоречивы. Поэтому можно попытаться лишь приблизительно восстановить происхождение князей Шейдяковых XVII в.

Одна из ветвей реконструируется более или менее четко. В 1629/30 г. крестился, став князем Леонтием Шейдяковым, мирза Бек б. Султанаш (б. Ислам б. Саид-Ахмед) и удостоился персонального жалованья¹⁵⁶. В Боярских книгах он фигурирует как московский дворянин в 1626–1629 и 1639/40 гг. и как стряпчий в 1635/36 г.¹⁵⁷ Князь Дмитрий Салатанаш-мурзин Шейдяков, явно брат Леонтия, был в те же годы и московским дворянином, и стряпчим, но оказался за какие-то провинности выслан из столицы в Великий Устюг¹⁵⁸. Поскольку среди детей Ислама, кроме Султанаша, был также и Хан¹⁵⁹, то можно предполагать принадлежность к данной родственной линии и князя Григория Ханмурзича Шейдякова, стольника в 1685–1692 гг.¹⁶⁰

¹⁵³ Демкин А.В. Феодальное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй феодальной России: XV — начало XVIII в. М., 1986. С. 110; Мордовина С.П. Указ. соч. С. 336.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 22, 24.

¹⁵⁵ Например, в 1638 г. только в Малой Ногайской Орде проживало 84 мирзы (там же. Л. 17–21).

¹⁵⁶ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 12; 1629 г. Д. 5. Л. 5.

¹⁵⁷ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 469.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 6. Л. 53.

¹⁶⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 469.

Удается проследить еще один нисходящий ряд. В 1621/22 г. в Ярославле крестился в князя Федора Шейдякова Зорбек б. Джан-Али¹⁶¹. За два года до этого он показал в расспросной речи, что отец его, Еналей Туганов сын Шейдяков, неведомо когда и при котором государе выехал «из Ногай», получил поденный корм с жалованьем, но без поместья, и погиб под Москвой, когда там стояли поляки и «Вор». Здесь же Зорбек просил жалованья для себя на том основании, что младшие братья его отца, Джан-Али, Каплан и Али, были в свое время испомещены в Ярославском уезде¹⁶². Видимо, просьба была удовлетворена, т.к. Зорбек принял крещение и христианское имя как раз в Ярославле. В 1626–1629 и 1639/40 гг. Федор Еналей-мурзич служил в московских дворянах, а в 1635/36 г. был царским стряпчим¹⁶³. Кроме того, дети упомянутого мирзы Каплана б. Тугана, князя Иван большой и Иван меньшей, вместе числились стольниками в 1657/58 г.; один из них занимал этот пост в 1675/76 г.¹⁶⁴ Перепись татарских дворов 1646 г. зафиксировала владения Султана, Хана и Бия Каплановичей Шейдяковых в Ростовском уезде; их же, а также Тенекея и Каная Шейдяковых — в Ярославском¹⁶⁵.

Наверное, можно считать сыновьями Федора-Зорбека князей Ивана и Михаила Федоровичей Шейдяковых, стряпчих и стольников при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче¹⁶⁶.

В 1622/23 г. был крещен Кель-Мухаммед — князь Артемий Шейдяков¹⁶⁷. Скорее всего он являлся отцом князей Федора и Михаила Артемьевичей, стольников у царя Михаила Федоровича¹⁶⁸.

Есть сведения о крещении в 1613/14 г. Дивея (Семена) и в 1622/23 г. Дин-Али Шейдяковых¹⁶⁹, но дети их не установлены.

В Боярских книгах, кроме перечисленных лиц, упоминаются еще более двадцати Шейдяковых только на придворных должностях, но проследить их родственные связи затруднительно. Разве что князь с редким именем Исай Чергора-мурзич, московский дворянин в 1657/58 г., явно доводился отцом князю Петру Исаевичу Шейдякову, стольнику в 1691/92 г. (может быть, последний обозначен как Петр Исакович Шейдяков в качестве стряпчего под 1980/81 г.)¹⁷⁰.

Несмотря на многочисленность своих рядов и удачную дворцовую карьеру XVII в., в петровскую эпоху Шейдяковы уже не заметны. Видимо, в начале XVIII столетия этот род окончательно угас.

Смаилевы. В 1625/26 г. принял крещение и имя Александра мирза Бегей, сын Ханбая, внук бия Исмаила¹⁷¹. В конце 1625 г. стал князем Львом Смаиловым его

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 12.

¹⁶² Там же. 1619 г. Д. 6. Л. 2. Наверное, Джан-Али выехал на Русь после убийства его отца Тугана заволжскими мирзами в начале 1590-х гг. (там же. Ф. 89, оп. 1. Д. 3. Л. 43).

¹⁶³ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 470.

¹⁶⁴ Там же. С. 469.

¹⁶⁵ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. Ярославль, 1913. Стлб. 65–76.

¹⁶⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 469.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 36.

¹⁶⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 469.

¹⁶⁹ Акты о выездах в Россию иностранцев. С. 280.

¹⁷⁰ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 469.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 6. Л. 1 и сл.

сын Сары, вместе с которым перешли в православие его брат (?), превратившись в князя Семена, и племянник, князь Прокофий¹⁷². В 1629 г. князь Семен Смаилов состоял в стольниках¹⁷³. Князь Лев в 1628 г. тоже обретался на Москве и верно служил, на что указывали в челобитных его родственники, оставшиеся в Астрахани¹⁷⁴.

Араслановы. О них известно еще меньше. В середине XVII в. мирзы Адиль и Касай Араслановы били челом о подданстве¹⁷⁵. Князь Григорий Кузьмич Арасланов в 1656–1677 гг. упоминается в Боярских книгах как московский дворянин¹⁷⁶. В самом конце XVII в. двое Араслановых владели поместьями и крепостными¹⁷⁷.

Помимо перечисленных, с ногами, очевидно, были связаны происхождением князя Ураковы — Яков Алей-мурзин, московский дворянин и стольник в 1675–1692 гг., Дмитрий Васильевич, московский дворянин в 1691/92 г., и Федор Богданович, стольник в те же годы; а также князь Андрей Келмаметевич Ураев, стольник в 1689–1692 гг.¹⁷⁸ В июне 1567 г. на размен с литовцами был отправлен «князь Иван Деветелевич (Тевекелевич) Ногайский»¹⁷⁹. Думаю, это сын или скорее внук крымского карачи мангыт-бека Таваккула б. Тимура б. Мансура б. Эдиге.

Наконец, один раз появился в «Ногайских делах» князь Иван Мамаев. Около 1612 г. его, юного казыевского мирзу Султанбека, сына Саина б. Мамаю, взяли в плен астраханские стрельцы во время похода на Малую Ногайскую Орду. В Астрахани он был продан холмогорскому купцу Василию Исаеву-Пуге. Тот, видимо, привязался к ногайчонку, крестил его и решил обучить грамоте. Сперва новокрещенный Иван постигал азбучную премудрость у дьячка Рождественской церкви, «что у Кабатцких ворот» в Астрахани, затем перешел в обучение к таможенному подьячему Съезжей избы (т.е. воеводской канцелярии); «а учились де с ним вместе у тех мастеров (у дьячка и подьячего. — *В.Т.*) астраханцы дети боярские». Тем временем до Астрахани докатилась Смута. Летом 1613 г. в город прибыл мятежный атаман Иван Заруцкий, разгромленный царскими войсками под Воронежем. Горожане замыслили избавиться от буйных пришельцев, и Мамаев отправился в Воронеж к тамошнему воеводе В.П. Черкасскому с рассказом об астраханских делах. Там он заболел, шесть недель прожил в Воронеже, а оттуда двинулся к Москве. Побродив по сожженному городу полтора месяца, ушел на Север, почти не затронутый войной. На шесть лет осел он в Вологде. Когда в 1619 г. стрелецкий начальник Никита Бестужев набирал по северным городам людей в свои полки, Иван решил поступить на службу. Он честно тянул стрелецкую лямку много лет. Однако увидев, какими льготами и привилегиями пользуются новокрещенные ногаи, приезжающие в Россию, составил в 1633 г. челобитную с просьбой его «от стрелчества отставить».

---

¹⁷² Там же. Л. 6; 1628 г. Д. 19. Л. 10; 1629 г. Д. 5. Л. 8.

¹⁷³ Там же. 1629 г. Д. 5. Л. 16.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 336, 337.

¹⁷⁵ *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 71.

¹⁷⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 10.

¹⁷⁷ *Савелов Л.М.* Указ. соч. С. 71.

¹⁷⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 426.

¹⁷⁹ *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 9. Стлб. 158; примечания к т. 9. Стлб. 60, 109.

После долгой проверки, запросов и сличения документов было признано, что Иван Мамаев достоин княжеского звания. Он был выведен из стрельцов и жалован дворянством и поместьем окладом¹⁸⁰.

Кутумовы. Вопрос о личностях родоначальника первых князей Кутумовых довольно непросто. Упомянутая выше родословная Юсуповых трактует Кутума как старшего сына Мусы-бия от пятой жены, в росписях дворянских родов принята эта же версия¹⁸¹. Однако ни в одном известном нам средневековом источнике не говорится, что у Мусы был сын по имени Кутум. Тем не менее это реальная историческая фигура — сын бия Шейх-Мухаммеда б. Мусы, убитого в Астрахани в 1520 или 1521 г. Первыми Кутумовыми, появившимися в России, оказались дети Кутума Айдар и Али, а также внуки («Уразлыевы дети») Тохтар, Пулад, Тимур и Бабаджан. Выезд этих мирз на Русь связан со смутой, разразившейся в Ногайской Орде в середине 1550-х гг. Ее жители разделились на сторонников и противников бия-узурпатора Исмаила. Семья Кутума принадлежала к тем ногаям, которые не желали подчиняться победителю-братоубийце. Старший из оставшихся в то время в живых детей Ураз-Али Тохтар присоединился к лагерю приверженцев свергнутого бия Юсуфа¹⁸². Однако к 1559 г. Исмаил утвердился на престоле. Его врагам пришлось искать убежище за пределами родных степей.

Летом 1560 г. у Исмаила побывал русский посол П. Совин. Бий выдал ему сидевших у него в заточении двух «Уразлыевых» — Пулада и Бабаджана, с просьбой увезти их с глаз подальше, в Москву. Одновременно сына Исмаила посетил другой посол, С. Мальцов, к которому явился старший брат упомянутых мирз Тимур и тоже попросился — уже добровольно — взять его в Россию. В сентябре 1560 г. трое братьев предстали перед Иваном IV¹⁸³. Ровно через год в русскую столицу прибыл Тохтар б. Ураз-Али, в сопровождении семьи и семидесяти человек свиты¹⁸⁴. Исмаил, обрадованный эмиграцией злейшего врага, тем не менее предупреждал царя Ивана: «А Токтар мирза поехал, а правды в нем нет ни х кому. Береги его крепко!»¹⁸⁵

Осенью 1564 г. летопись датирует приезд «из Нагай» Айдара б. Кутума с отрядом в пятьдесят человек¹⁸⁶. Вероятно, его сопровождал брат Али, т.к. в дальнейшем оба мирзы упоминаются и действуют, как правило, вместе. Можно предполагать, что Айдар и Али поступили на русскую службу несколько раньше, если речь в донесении астраханского воеводы Ивана Выродкова от декабря 1559 г. шла о них: Исмаил послал на Крым свое войско, а Выродков направил ему в помощь «дву мырз нагайских Кутумовых детей, которые ... служат царю государю», и с ними астраханских ратников¹⁸⁷.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1633 г. Д. 18. Л. 3 и сл.

¹⁸¹ Долгоруков П. Д. Указ. соч. С. 27; Нарбут А. Н. Указ. соч. С. 47; О роде князей Юсуповых. Ч. 2. Приложение.

¹⁸² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 192 об.

¹⁸³ Там же. Л. 182–183; Летописец русский (Московская летопись) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1895. Кн. 3. С. 143; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 330.

¹⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 339.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

¹⁸⁶ Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 3. СПб., 1876. Стлб. 187.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 322.

Мирзы встречали при кремлевском дворе достойный прием. Как и дети бия Юсуфа, они воспринимались в качестве «Уразлыевых детей *княжских*, которых отцы на Нагайском юрте были государи»¹⁸⁸ (хотя Ураз-Али никогда не княжил над ногаями). Тот же Тохтар, к примеру, был по приезду пожалован «платьем и кормом ... для того, что собою дороден и просуж всем к делу ратному»¹⁸⁹.

Именно квалификацией в «деле ратном» отмечено участие мирз Уразлыевых-Кутумовых в событиях российской истории второй половины XVI в. При решающем наступлении на Литву зимой 1563/64 гг. царь поставил Тохтара с братьями в передовой полк¹⁹⁰. Причем московскому гонцу, отправлявшемуся в сентябре 1564 г. в Крым, велено было известить хана, будто под началом мирз сражалось «тысеч с десеть» воинов¹⁹¹, что являлось, конечно, многократным преувеличением. В июле 1567 г. Тимур и Бабаджан были наряжены «для береженья от литовские стороны» в Великие Луки¹⁹².

Но Тохтара с ними уже не было. Погеройствовав на государевой службе, он вернулся на родину. Страсти к тому времени улеглись, и преемники Исмоила на ногайском троне, очевидно, приняли его спокойно. Так или иначе, в сентябре 1576 г. жалованье Тохтару из Москвы отправили «в Ногаи»; дочь свою он выдал за внука Исмоила, будущего бия Ураз-Мухаммеда¹⁹³.

Вообще потомки Кутума после литовских походов не заметны на страницах разрядных документов. Айдар и Али Кутумовы, похоже, не проявили себя на войне. Тем не менее Иван IV в 1576 г. отказал ногайскому правителю Дин-Ахмеду в просьбе отослать их к нему, поскольку «те мирзы и их казаки нам служат, и нашим жалованьем они устроены, и вам отдати их непригож»¹⁹⁴. Оставшиеся в России Уразлыевы и Кутумовы были удостоены поместий в Романовском уезде. Дозорная книга 1593/94 г. называет в качестве романовских землевладельцев Бабаджана и Тимура («Бобеизяна» и «Темира») Уразлыевых, Эля («Иля») Тохтарова, Айдара, Али и Никиту Кутумовых¹⁹⁵.

После Смуты в Романове не осталось никого из перечисленных мирз. Айдар умер бездетным, и все владения Кутумовых сконцентрировались в руках Барая б. Али, который владел ими до начала 1620-х гг.¹⁹⁶ При переписи татарских дворов Ростовского, Ярославского и Романовского уездов 1646 г. единственным помещиком Кутумовым среди романовцев назван уже Хан б. Барай¹⁹⁷.

Первым крестившимся и получившим княжеское достоинство Кутумовым стал, очевидно, князь Тихон Бараевич Кутумов, который в Боярских книгах

¹⁸⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 3. СПб., 1892. С. 344. Здесь и далее в цитатах выделено нами.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 339.

¹⁹⁰ Там же. С. 349; Летописец русский. С. 170; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 197, 205.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 279.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 408.

¹⁹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 269 об.; Ф. 137. Оп. 1. Д. 137. Л. 357 об.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 137. Л. 362.

¹⁹⁵ Демкин А.В. Указ. соч. С. 114. Кто такой Никита Кутумов, нам неизвестно. Упоминаний об этом лице нигде больше не встречено.

¹⁹⁶ Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары // Труды 2-го областного Тверского археологического съезда. Отдел 2. Тверь, 1906. С. 8. В документах 1622 г. упоминается вдова Барая Кутумова (Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. Т. 1. Вып. 1. Киев, 1917. С. 88).

¹⁹⁷ Ярославские писцовые ... С. 65–76.

на протяжении 1626–1640 гг. значился как стольник, а позже как московский дворянин¹⁹⁸. В конце XVII в. стольниками стали князья Кутумовы Дмитрий Хан-мурзич, Петр Каспулатович, Федор Тахтаралеевич и его сын Иван¹⁹⁹.

До сих пор мы разбирали данные о княжеских семьях, участие которых в российской истории было недолговременным или эпизодическим. Клань князей Урусовых и Юсуповых оказались более заметными.

Урусовы

Эта знаменитая аристократическая фамилия обладает подробно расписанной родословной. Однако начальные звенья принятой генеалогической схемы не бесспорны и требуют дополнительных изысканий. У истоков княжеского рода стоял Урус, бий Ногайской Орды в 1578–1590 гг. Генеалогические документы XVII в. зафиксировали шестерых урусовых сыновей (Хан, Джан-Арслан, Саты, Байтабарак, Назым, Кобек или Кобеш) и два с половиной десятка внуков²⁰⁰. Исходя из этих перечней составлялись и позднейшие росписи Урусовых²⁰¹. Ясно, что в основе данного ряда имен лежит информация от представителей самого рода, поэтому она могла бы заслуживать доверия. Однако сам бий Урус в перечислениях собственных отпрысков называл не только вышеуказанные имена, а некоторые из них не называл вовсе. Так, в 1577 г. после сентенции о том, что «девять у меня сынов да восемь дочерей» он приводит их поименно: Хан («Кан»), Джан-Арслан («Янараслан»), Саты («Сатый»), Ак, Сакал, Иса, Исенгилди, Арслан, Каплан²⁰². Но в следующем году в его же грамоте список таков: Хан, Джан-Арслан, Исенгилди, Кучук, Саты, Байтабарак, Кул-Мухаммед, Иса, Арслан²⁰³. Нетрудно заметить разницу. Но для нашего исследования важно, что во всех вариантах присутствуют три имени — Хан, Джан-Арслан и Саты. Именно от этих мирз пошло многочисленное потомство, которое активно участвовало в политике 1 половины XVII в. и положило начало истории Урусовых в Российском государстве. Сыновья Хана Андан и Бий стали князьями Борисом и Петром, сыновья Джан-Арслана Урак, Зорбек и Тук — князьями Петром, Александром и Иваном, сын Саты Касай (т.е. Касим) — князем Андреем²⁰⁴. Как видим, первоначально в Московском царстве обосновались представители различных ветвей семейства. Но укрепиться, укорениться и прочно войти в состав дворянства удалось в конце концов только потомкам Саты-мирзы. Сам он приблизительно в конце 1587 г. был убит Малыми Ногаями²⁰⁵. Оставил он

¹⁹⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 222.

¹⁹⁹ Там же. С. 221, 222. Видимо, отец Федора Тохтар-Али-Кутумов обозначен в генеалогической схеме Юсуповых как сын Кутума «Тохтаромей» (О роде князей Юсуповых. Ч. 2. Приложение).

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 4. Л. 1, 3; Оп. 2. Д. 32. Л. 25, 28–30.

²⁰¹ См. напр.: Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 27; Нарбут А.Н. Указ. соч. С. 47.

²⁰² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 52, 52 об.

²⁰³ Там же. Л. 235 об.

²⁰⁴ Там же. 1627 г. Д. 4. Л. 3; Оп. 2. Д. 32. Л. 28, 29.

²⁰⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 299; Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 99.

пятерых сыновей, второй из которых, Касай (Андрей Сатыевич) и основал ту линию Урусовых, что дожила до нашего времени.

В 90-х гг. XVI в. в Ногайской Орде разразился тяжелый кровавый конфликт. За власть над кочевьями и подданными схватились между собой семьи биев Дин-Ахмеда и Уруса, погибшего в 1590 г. Одним из самых активных участников этой распри был Джан-Арслан. Его дети Урак и Зорбек были взяты в Москву как заложники («аманаты») и крещены там в Петра и Александра. Уже в 1594 г. Петр Арасланович отвечал за винный стол на царском приеме цесарских послов²⁰⁶. Его женили «не по его воле» на вдове князя А.И. Шуйского²⁰⁷. Есть сведения о проживании в России каких-то Урусовых в России еще в конце 1580-х гг.: вместе с прочими приверженцами своих противников Шуйских Б.Ф. Годунов «розо-слал» их из Москвы по дальним городам²⁰⁸. И тем не менее включение новокрещенных детей Уруса в среду российской знати (княжеский ранг) и приближение ко двору (прислуживание на пиру) не позволяют согласиться с утверждением С. Кортепетера, будто с 1590 г. Москва проводила репрессивную политику по отношению к этому роду с целью ликвидации его влияния в Ногайской Орде²⁰⁹.

Яркой и достойной монографического изучения представляется судьба Петра Араслановича. С началом Смуты он сперва сохранял верность престолу и возглавлял сильный конный отряд из казанских и арзамасских татар²¹⁰. Но во время противостояния царя В.И. Шуйского с Лжедмитрием II перешел на сторону последнего, бросив жену и вновь обратившись в мусульманина Урака. Петр-Урак поссорился с «Вором», 11 декабря 1610 г. убил его (чем объективно оказал огромную услугу российской государственности) и уехал в Крым²¹¹ (брат его Александр-Зорбек тогда же отбыл к отцу в Астрахань). В Крымском юрте Урак стал консультантом хана по московским вопросам, организатором набегов на русские «украины». Он породнился с беком крымских ногаев Кантемиром, который со временем начал гражданскую войну в ханстве. Борьба Кантемира и Урака с ханами шла с переменным успехом. Когда верх брали Гиреи, ногайская партия подумывала об обращении за помощью к русским властям, а Урак наводил справки о возможности переселения к его братьям в Астрахань (при условии, что его оставят в мусульманской вере и не заставят жениться на брошенной им в Москве княгине)²¹². В мае 1639 г. хану Бахадур-Гирею удалось обманом заманить Урака в Бахчисарай и казнить²¹³.

Биографии других Урусовых в России складывались более удачно. Правда, Яндан-Борис и Зорбек-Александр ничем себя не проявили. Борис даже уда-

²⁰⁶ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 299.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 59.

²⁰⁸ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 303.

²⁰⁹ Kortepeter C.M. Gazi Giray II, khan of the Crimea, and Ottoman policy in Eastern Europe and Caucasus, 1588–1594 // The Slavonic and East European review. Vol. 44. № 122. 1966. P. 150.

²¹⁰ Ischboldin B. Essay on Tatar history. 2nd ed. New Delhi, 1973. P. 145.

²¹¹ Подробности этих событий см.: Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. М., 1961. С. 177, 178; Новый летописец. С. 109, 127; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 121, 210, 211; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1831. С. 188–190.

²¹² Петрей де Ерлезунда П. История о Великом княжестве Московском. М., 1867. С. 99; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 52.

²¹³ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 69, 283.

рился в разбой под Астраханью²¹⁴. А вот Касай-Андрей и Хан-Петр оставили заметный след.

Вняв настойчивым прошениям бия Иштерека, русское правительство постановило взять под стражу главного и давнего антагониста Иштерека — Джан-Арслана б. Уруса и отправить его подальше от Орды Больших Ногаев. 12 октября 1614 г. Джан-Арслана привезли из Астрахани в Казань, где с почетом разместили и назначили жалованье до дальнейших распоряжений из Москвы. Престарелого мирзу сопровождали его сын Тук и племянники Касай с Биём (в Казани они крестились и стали князьями Иваном Араслановичем, Андреем Сатыевичем и Петром Канмурзичем). Не вынеся краха дела своей жизни — борьбы за власть в Ногайской Орде с ненавистными «Тинехматовыми», деморализованный Джан-Арслан через полгода умер в Казани. Сын и племянники отправили его тело обратно в Астрахань, чтобы родственники перевезли его оттуда на яицкий некрополь мирз в районе бывшей ногайской столицы Сарайчука, разрушенной казаками в 1581 г. Вслед за тем новокрещенные князья обратились к царю Михаилу Федоровичу с просьбой вызвать их из Казани в Москву и определить на службу²¹⁵. Государь согласился, и трех князей было велено доставить в столицу, следя при этом, чтобы они никакого «дурна по дороге не чинили и ни о чем не розговаривали» по пути с местным населением²¹⁶.

Со временем Андрей Сатыевич добился богатства и чинов. В Дворцовых разрядах и Боярских книгах он числится в 1625–1640 гг. в качестве московского дворянина и стольника²¹⁷. Жалованы были ему и поместья. В начале 1630-х гг. Андрей Сатыевич получал из казны денежный оклад в 200 рублей, имел поместный оклад в 1000 четвертей и поместья в Касимове (1200 четвертей земли и 50 человек крестьян), Шацке (430 четвертей, 35 крестьян), Арзамасе (100 четвертей, 25 крестьян). В вотчинном владении его находились земли под Юрьевым-Польским и Рузой. На службу должен он был являться «сам на коне в збруе, аргамак прост да конь, 6 человек на нагайских конях с саадаки и с пищалями»²¹⁸. Эти владения считались очень крупными, поскольку средняя величина поместий исчислялась в 424 четверти и 24 крестьянина²¹⁹ — против более 3630 четвертей и 221 крестьянина у князя Андрея. Закономерным пиком его карьеры стало назначение на воеводство в Нижний Новгород в 1638 г.²²⁰ Умер А. С. Урусов в 1642/43 г.

Князь Петр Канмурзич до лета 1628 г. тоже пребывал в стольниках²²¹. Но в августе началось следствие по делу об измене и намерении отъехать в Крым, о чем мы уже рассказывали выше в связи с поделником князя Пет-

²¹⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 8, 9.

²¹⁵ Там же. Л. 1, 2, 9, 10, 15; Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1989. С. 14, 15.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 1. Л. 57, 58.

²¹⁷ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 27. Дворцовые разряды. Т. 1. Стлб. 694; Т. 2. СПб., 1851. Стлб. 11, 872.

²¹⁸ *Сташевский Е. Д.* Землевладение московского дворянства в первой половине XVII века. М., 1911. С. 208, 209.

²¹⁹ Там же. С. 20, 30.

²²⁰ Разрядная книга 1637–1638 гг. М., 1983. С. 81.

²²¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Дворцовые разряды. Т. 1. Стлб. 684, 691, 775, 1013, 1219; т. 2. СПб., 1851. Стлб. 11, 872

ра — Василием Урмаметевым. Сначала Петр Канмурзич здраво опровергал навет дворни: «И ему, князь Петру, в Крым х какому добру ехать ... оставя государская милость?! ... Ехать некуда: в Крыме убьют; а под Азовом кочуют недруги их (Урусовых. — *В.Т.*) — Уракова и Мамаева родства мирзы (т.е. Малые Ногаи. — *В.Т.*); а в Ногаи нелзя ж — кочует под Астороханью род его и племя (т.е. там тоже не спрятаться. — *В.Т.*). Куды ни поехать — везде пропасть!» Но под пыткой признал все обвинения и был сослан в Вятку. Имущество, поместья и дом «в Белом каменом городе ... меж Тверские и Никицкие улицы» отошли в казну²²². В 1643/44 г. П.К. Урусова помиловали и вернули в Москву²²³, но ко двору уже не подпустили.

Тем не менее сын его, князь Василий, дослужился до комнатного стольника у царя Федора Алексеевича. В браке с С.И. Репниной детей у него не было²²⁴.

Настоящий взлет Урусовых начался с князя Семена Андреевича — крайчего и стольника у царя Михаила Федоровича²²⁵. В 1645 г. он стал новгородским воеводой, в 1654 г. командовал отрядом дворянского ополчения в польском походе царя Алексея Михайловича и вынудил в Бресте сдать литовского подканцлера Казимира Сапегу. В следующем году он был пожалован боярством²²⁶. В сентябре 1655 г. Алексей Михайлович поставил С.А. Урусова на воеводство в захваченной русскими войсками Вильне²²⁷. Умер князь в 1657 г., оставив четырех удачливых сыновей от Ф.Б. Лыковой, двоюродной сестры царя Михаила Федоровича.

Все они были боярами, а Федор и Никита к тому же воеводами соответственно в Новгороде (1684 г.) и Архангельске (1681 г.). Федор Семенович в 1692 г. возглавил Пушкарский приказ²²⁸. Князья Петр и Юрий Семеновичи не оставили потомства, у Федора родилась только дочь. А пять сыновей Никиты Семеновича продолжили род. Все они получили должности стольников, находились при дворе, и в таком состоянии фамилия Урусовых вступила в XVIII в. На 1700 г. думных людей (т.е. фактически членов правительства) из этого княжеского рода насчитывалось шесть человек. Они владели огромными землями и количеством крепостных (2276 дворов)²²⁹.

Ясно, что такая успешная карьера выходцев из Ногайской Орды должна была наталкиваться на какую-то реакцию «природной» русской знати. Первый случай местнических споров с Урусовыми произошел еще на заре их государственной службы. Царь Василий Шуйский «развел», т.е. уравнил, Петра Араслановича Урусова (того, который вскоре убил Лжедмитрия и бежал в Крым) со

---

²²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 3. Л. 23, 47, 58, 79.

²²³ Там же. 1640 г. Д. 5. Л. 8.

²²⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; Урусовы. Княжеский род. С. 17.

²²⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; *Глебов-Стрешнев Ф.П.* Список бояр, окольничих и других чинов с 1578 года до царствования Феодора Алексеевича // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 2. Половина 1. М., 1855. С. 136; Дворцовые разряды. Т. 2. Стлб. 528, 538, 644, 648–650.

²²⁶ Дворцовые разряды. Т. 3. СПб., 1852. Стлб. 5, 416, 459; Урусовы. Княжеский род. С. 17.

²²⁷ Дополнения к тому III-му Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стлб. 7.

²²⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 427; *Берх В.* Систематические списки боярам, окольничим и думным дворянам с 1468 года до их уничтожения.

²²⁹ *Водарский Я.Е.* Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 101, 107.

знаменитым князем-полководцем М.В. Скопиным-Шуйским. В сентябре 1613 г. схлестнулись по поводу «честности» И.П. Шереметев с Ю.Е. Сулешевым — и вспомнили этот случай. Сулешев, приведя прецедент «развода» Урусова со Скопиным-Шуйским, утверждал: «А наши де родители в Крыме гораздо честнее Урусовых, и то де вам, государем, известно». Получалось, что Сулешевы Шереметевых «ничем не хуже». Шереметев отвечал: «Князь Петр Урусов и князь Еншин (Юрий Еншеевич Сулешев. — *В.Т.*) — крымские роды в Московском государстве, отечество их неведомо, кто болши или менши. То в его государеве воле — хочет он, государь, иноземцев учинити у себя, государя»²³⁰. Таким образом, «развод» был представлен как прихоть Шуйского. Исход спора неизвестен.

Другой конфликт имел место в марте 1614 г. при подготовке пира по случаю именин царицы Евдокии Лукьяновны. «У стола» были назначены крайчий князь С.А. Урусов и стольник И.И. Дашков. Последний ударил челом на Семена Андреевича: «в нашу де версту с князь Семеном не бывали», отказываясь признать Урусова равным себе по знатности. В свою очередь и Урусов подал челобитье «о безчестье и оборони». На следующий день разрядный дяк известил Дашкова: «Бил ты на князя Семена челом. А быть тебе с ним мочно, ты перед князем Семеном молодой человек». В наказание за скандал Ивана Дашкова выпороли и заключили в тюрьму²³¹.

В течение XVIII столетия Урусовы находились в ряду знатнейших княжеских фамилий и в начале XIX в. были внесены в Общий российский гербовник в числе родов «русско-княжеских с гербом»²³².

В заключение очерка об Урусовых необходимо остановиться на потомках бия Уруса, не получивших княжеского достоинства. Лишь незначительная часть его внуков смогла пробиться к трону. Множество их родственников осталось кочевать в южных степях, среди ногаев. Будучи зажатыми между наступающими калмыками и враждебными Малыми Ногаями, жители Большой Ногайской Орды все более полагались на помощь и покровительство астраханских властей. В начале 1614 г., после того, как угасла Смута, и стали утихать буйствовавшие казачьи отряды, к Астрахани прикочевали дети Саты и Джан-Арслана со своими улусами²³³. Они расположились в «юртах» около города. Вероятно, именно их имел в виду князь Петр Канмурзич, говоря на следствии в 1628 г.: «кочует под Астраханью род его и племя» (см. выше). В 1639 г. мирзы-Урусовы Курмаш, Али, Джансох, Бирюк, Бахадур, Кул и Мухаммед (или Кул-Мухаммед) направили в Москву прошение: «служат де они государю издавна, и службы их многие»; за это им периодически идет жалованье. Но вдобавок к этому мирзы просили позволения «поволно ... ездить по человеку к Москве», чтобы рассказывать государю о своих нуждах. В столице сочли такие визиты необременительными и велели астраханским воеводам организовывать по одному разу в год или в два поездки ко двору одного из Урусовых с челобитными²³⁴.

²³⁰ Дворцовые разряды. Т. 1, Стлб. 112, 113.

²³¹ Там же. Т. 2. Стлб. 649, 650.

²³² Долгоруков П.Д. Указ. Соч. С. 32. Биографические справки об Урусовых XVIII в. см.: *Нарбут А.Н.* Указ. соч. С. 10–14.

²³³ Кабардино-русские отношения. С. 79.

²³⁴ РГАДА. Ф. 112. Оп. 1. 1640 г. Д. 1. Л. 11, 12.

Дворцовой службы у них так и не сложилось. Астраханские Урусовы не перешли в православие и не могли поэтому рассчитывать на место в рядах российской элиты. Предание астраханских татар, услышанное в середине XIX в. П.И. Небольсиным, гласило, что, действительно, Урусовы «частью перешли в христианство и вполне усыновились Россией в соответственном происхождении их благородном достоинстве, частью же остаются донныне между юртовцами»²³⁵. Фамилию Урусовых носили двое из девяти табунных голов (старшин) юртовских татар²³⁶. Эта же фамилия была одной из «важнейших» у наврузовских ногайцев на левобережье Кубани в середине XIX в.²³⁷. Есть вероятность того, что отпрыски рода могли осесть и в других районах Северного Кавказа (что однако не дает оснований причислять предков Урусовых не к ногаям, а к другим народам — карачаевцам, балкарцам и т.д.²³⁸).

Юсуповы

К началу XX в. княжеский род Юсуповых считался одним из богатейших в России и наиболее приближенных к престолу. Все генеалогии обоснованно выводят его от ногайского бия Юсуфа б. Мусы (правил в 1549–1554 гг.). Потомки Юсуфа в XVI в. были весьма многочисленны, и мы попробуем разобраться в истории их появления в России.

В сентябре 1551 г. к Ивану IV привезли послание Юсуфа в котором, в частности, говорилось: «А восемь у меня сынов моих»²³⁹. Позже, в другой грамоте, бий поименовал пятерых — Юнуса, Али, Ибрагима, Ака, Эля и Мамата²⁴⁰. К тому времени он был уже в преклонных годах (его отец Муса умер в самом начале XVI в.), поэтому можно предположить, что число сыновей уже не увеличилось до гибели Юсуфа в конце 1554 г. Имперские официальные родословные зафиксировали только двух сыновей — Ибрагима и Эля²⁴¹. Семейная традиция Юсуповых сохранила имена еще двоих — Юнуса и Ака²⁴². В списке общегосударственного Родословца начала XVII в. отпрыски Юсуфа перечислены таким образом: «А Юсуфовы дети Юнус мурза, Али Акрам мурза, Борам мурза, Ян мурза, Ахмет мурза»²⁴³. Степень старшинства некоторых из них отражена в грамоте Ака б. Юсуфа Ивану Грозному 1564 г. Ак называет своим меньшим братом «Магмут мирзу», старшим — Ибрагима, меньшим братом Ибрагима — Эля²⁴⁴. Кроме того, и в этой грамоте, и во множестве иных документов старшим сыном бия единодушно объявляется Юнус. «Магмут» или «Магметей» тоже упоминается в ряде источников. Он и «Якши Али» однажды

²³⁵ Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 55.

²³⁶ Там же. С. 60.

²³⁷ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т. 21. Тифлис, 1900. С. 78.

²³⁸ См. напр.: Урусов К.С.-Б. К истории рода Урусовых: Фамильная хроника. М., 1993. С. 34, 46. РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.

²³⁹ Там же. Л. 17 об.

²⁴⁰ Долгоруков П.Д. Указ. Соч. С. 33.

²⁴¹ О роде князей Юсуповых. Ч. 2. Приложение.

²⁴² Родословная книга князей и дворян. С. 130.

²⁴³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л.5, 5 об.

обозначены как младшие сыновья Юсуфа²⁴⁵. Али («Акрам» или «Якши») был довольно воинственной личностью. В 1549/50 г. он возглавил поход на Крым, закончившийся полным разгромом ногайской рати²⁴⁶. После падения Казанского ханства Али, по приглашению татарской знати, включился в 1553 г. в ее борьбу с русскими войсками. По одним сведениям, он был убит в ходе конфликта со своими казанскими соратниками весной 1556 г.,²⁴⁷ по другим — в битве с Исмаилом летом 1555 г.²⁴⁸

Таким образом, восемь сыновей Юсуфа выстраиваются примерно в следующей последовательности: Юнус, Ибрагим, Эль, Ак (т.е. Ахмед), Баран, Джан, Али, Махмуд.

«Диаспора» Юсуфовичей началась со времени переворота в Ногайской Орде в конце 1554 г. Как указывалось выше, мирза Исмаил сверг и убил своего старшего брата, бия Юсуфа. По некоторым известиям, этот переворот был инспирирован из Москвы. Развернулась жестокая схватка за власть между Исмаилом и сторонниками Юсуфа. Но неурядицы у ногаев, видимо, стали происходить еще раньше. В сентябре 1554 г. астраханский царевич Айтемир написал русскому царю, что «приходили к Астрахани Амгурчей царевич да *Исуфовы княжие дети, кои выбиты из Нагай*»²⁴⁹. Но окончательный разгром улусов покойного бия произошел в ходе всеногайской распри второй половины XVI в. Мы опустим подробности данного конфликта. Укажем лишь, что лагерь Юсуфовичей возглавил Юнус, который одно время стал даже нурадином и соправителем Исмаила после одного из перемирий. Весной 1558 г. случилось очередное обострение отношений. Исмаиловы войска «Юнус мирзу з братьею розгоняли и улусы их поимали, и Юнусовы братья ездят в казачех»²⁵⁰. Сам Юнус явился в Астрахань и высказал желание поступить на службу к царю Ивану. Тот согласился, и 5 июня 1558 г. мирза прибыл в Москву. Иван Васильевич милостиво принял его и повелел разместить «в Новом городе у Зачатья, на Левонтъеве дворе Сакулина»²⁵¹.

Вслед за тем пришла депеша от Исмаила, в которой тот умолял царя удерживать Юнуса у себя²⁵². Юнус удостоился не только благосклонной аудиенции и жалованья, но и получил высокий статус. — Иван IV «учинил его на государстве, на княжении нагайском, на отца его юрте и на его, по старине»²⁵³. Следовательно, при живом бие Исмаиле, верном союзнике российского монарха, Иван пошел на инвестицию еще одного ногайского правителя (по всей вероятности, в соответствии с привычной практикой посажения вассальных ханов). Правда, Исмаил не подавал никаких поводов для его замены. А Юнус

²⁴⁵ Там же. Д. 8. Л. 54 об.

²⁴⁶ Tarih-i Sahib Giray Han. Ankara, 1973. S. 245, 246.

²⁴⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. М., 1989. С. 465; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд. М., 1991. С. 157–159.

²⁴⁸ Книга, глаголемая Летописец Федора Никитича Норматского // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 5. М., 1850. С. 90.

²⁴⁹ Там же. С. 82; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 231.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 71.

²⁵¹ Там же. Л. 71 об.— 76.

²⁵² Там же. Л. 79 об., 80.

²⁵³ Летописец русский. С. 95; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 299.

10 мая 1561 г. скончался в Москве и был увезен на захоронение в Сарайчук²⁵⁴. Похоронная процессия была снаряжена с подобающей пышностью за счет казны. В целом едва ли можно согласиться с мнением А. Каппелера, будто Юнус не пользовался в Москве особым почетом из-за хороших отношений царя с его дядей и противником Исмаилом²⁵⁵. В Москве остались служить его дети Бий-Мухаммед и Ак-Мухаммед. Последний позже уехал в Малую Ногайскую Орду²⁵⁶.

Братья Юнуса продолжали борьбу в степях. На протяжении 1560–1563 гг. кремлевские дипломаты пытались уговорить их, особенно старших – Ибрагима и Эля, прекратить разбойное «казачество» и помириться с Исмаилом или же переселиться в российские владения. Наконец примерно в августе – сентябре 1563 г. двое мирз решили вернуться в Ногайскую Орду. Но из примирения с бием-убийцей их отца ничего не получилось. Уже через несколько недель братья снялись с места и двинулись за Волгу, к Малым Ногаям. Исмаил послал за ними войско с сыном Динбаем. После кратковременной стычки Ибрагим и Эль угодили в плен. Продержав около года их у себя, Исмаил вручил мирз русскому послу М. Колупаеву, отбывавшему на родину. 24 октября 1564 г. посольство с обоими ногаями достигло Москвы²⁵⁷.

Встречу им устроили такую же, как и Юнусу пять лет назад. «Царь... и великий князь пожаловал их свыше иных мурз, потому что они собою дородны и к ратному делу досужи»²⁵⁸. Кажется, Иван IV решил превратить Ибрагима в «резервного» бия, как когда-то Юнуса. По крайней мере, в наказе послу в Турцию в декабре 1569 г. среди татарских служилых владетелей назван «нагайской Ибреим князь ... И за нагайским Ибреимом князем, Юсуповым князем сыном, и за нагайскими мурзами город Романов»²⁵⁹.

Братья Юсуфовичи успели побывать в охранном рейде по литовской границе в 1567 г. и при взятии Изборска в 1569 г.²⁶⁰ Затем Ибрагим пропал из поля зрения историков. Исследователи и составители родословных решили, что он, видимо, умер. Однако в различных архивных документах разбросаны данные о его дальнейшей судьбе. Клишированная фраза «и на государские службы ходят в головах Ибреим мирза, Эль мирза Исуповы дети» включалась в наказы послам и гонцам в Крым с июля 1565 г. по февраль 1569 г. В декабре 1570 г. в наказе Богдану Шапкину упомянут уже один Эль, без Ибрагима²⁶¹. Куда же девался Ибрагим? Из посольских донесений выясняется следующее. К крымскому хану Девлет-Гирею в феврале 1571 г. Ибрагим приехал из Речи Посполитой. В ответ на расспросы хана он рассказал: «К моско(вско)му де есмя государю приехали неволею. А делал де над нами дядя наш Исмаил князь. А от московского де есмя государя отъехали для того, что есмя побилися с опришниную, с Романом Пивовым о подводах. И Роман де на нас госу-

²⁵⁴ Летописец русский. С. 147; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. М. 332.

²⁵⁵ *Kappeler A. Moskau und die Steppe: das Verhältnis zu den Nogai – Tataren im 16. Jahrhundert // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. B. 46. 1992. S. 98.*

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 21, 204.

²⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 371.

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 408; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. М., 1982. С. 241.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 386.

дарю бил челом. И мы де, от государя побояся опалы, отъехали к королю»²⁶². В декабре 1570 г. Ибрагим был уже в Польше, т.к. в то время хан послал королю Сигизмунду Августу просьбу переправить Ибрагима в Крым²⁶³. Мирза с готовностью согласился, «хотя служить тебе, государю (т.е. хану. — *В.Т.*), а большое (т.е. более всего. — *В.Т.*) де есмь ... поискали своей веры»²⁶⁴ (т.е. ислама). Следующее известие об Ибрагиме нам удалось встретить в пересказе несохранившейся грамоты бия Дин-Ахмеда Ивану IV, содержащемся в ответе царя в сентябре 1576 г.: Ибрагим нашел пристанище в Малой Ногайской Орде²⁶⁵. Дальше его след теряется. Может быть, под старость он вернулся в Россию, поскольку в Дозорной книге 1593/94 г. среди романовских землевладельцев значится Ибрагим Юсупов²⁶⁶.

В Московском царстве оставался Эль. В отличие от брата, он, судя по всему, избежал рискованных конфликтов и верно служил новому сюзеру в военных походах. В 1567 г. он ограбил делегацию от казанских татар-заговорщиков в Крым (правда, не нашел «ерлыков», зашитых у гонцов в кафтаны)²⁶⁷. На протяжении 1571–1585 гг. он многократно участвовал в боевых действиях, главным образом, на севере, против шведов, в составе передового полка или ертоула²⁶⁸.

За ратные успехи и по аналогии с татарскими служилыми царевичами²⁶⁹, Юсуфовым детям был дан в удел город Романов. Первоначально он предназначался, как мы видели, прежде всего для Ибрагима. Но поскольку тот вскоре отъехал к королю, то удел Юсуповых остался за Элем, и пожалование Романова ногаем стало позднее связываться исключительно с его именем²⁷⁰. Вопрос о времени этого пожалования может быть решен следующим образом. В трафаретных формулах наказов послам в Крым с июля 1565 г. появляется заготовка ответа на возможный вопрос хана о ногаях: «А которые нагайские мурзы государю нашему служат, в Московском государстве в городах живут, и поместья и ясаки им подаваны»²⁷¹. В предыдущих наказах, последний из которых был составлен в августе 1564 г.,²⁷² сентенции о ногаях не содержат упоминаний об их проживании в российских городах и о поместьях. Поскольку Романов — это единственный известный на тот период район поселения ногайских мирз, а Ибрагим с Элем объявились на Москве 24 октября 1564 г., то можно заключить, что предоставление им удела в Романове

²⁶² Там же. Л. 5.

²⁶³ Там же. Д. 14. Л. 2 об.

²⁶⁴ Там же. Д. 13. Л. 5.

²⁶⁵ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 137. Л. 357 об.

²⁶⁶ *Демкин А.В.* Указ. Соч. С. 114. Впрочем перечень называемых мирз за 1601 г. по-прежнему фиксирует Ибрагима б. Юсуфа в Малой Орде (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 19).

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 155 об., 156.

²⁶⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 242; М., 1983. С. 81 Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. С. 241; Т. 3. Ч. 3. М., 1989. С. 76–78; Разрядная книга 1550–1636 гг. Кн. 1. М., 1975. С. 202; кн. 2. М., 1976. С. 27–29; Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 32, 45.

²⁶⁹ *Веселовский С.Б.* Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Вып. 22. М., 1947. С. 125.

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 27. Д. 8. Л. 13; «Роспись, хто был на Москве царей и царевичев разных земель...» за XV–XVI вв. // Чтения при Обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. 4. С. 7.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 123 Оп. 1. Д. 11. Л. 411.

²⁷² Там же. Л. 112. 112 об.

произошло сразу или вскоре после их приезда, в промежутке между октябрём 1564 г. и июлем 1565 г. Как раз в 1564 г. Иван Грозный выменял себе Романов у князя Владимира Андреевича Старицкого²⁷³. Полномочия Эля по управлению и сбору ясака были подтверждены царем Федором Ивановичем и затем обоими Лжедмитриями²⁷⁴.

При Эле постоянно пребывали его сыновья Сююш и Бай. Третий, Чин, до конца XVI в. находился в Сибири, при дворе разгромленного Кучума. Убедившись в безнадежности его борьбы за восстановление Сибирского ханства, Чин решил присоединиться к отцу. В конце 1595 г. он со стадами и подданными подошел к Тобольску. В Москву была направлена челобитная мирзы с просьбой разрешить ему поселиться в Романове. Царь повелел препроводить Чина к Элю, а скот его продать и вырученные деньги прислать в Посольский приказ²⁷⁵. Тут же посольские дьяки сочинили грамоту к Кучуму, где ставили хана в известность, что «наше царское величество пожаловали Чин мурзе города и волостями и денгами, и ныне нам ... служит»²⁷⁶. «Города и волости» — это, конечно, доля в Романовском уделе, хотя до смерти отца Чин не выделялся имущественно из общих владений семьи.

О том, в каких условиях и с каким настроением жили мирзы в Романове, можно узнать из дневника доверенного гонца шведской королевы Станислава Немоевского, везшего ее драгоценности в Москву для продажи Лжедмитрию I. В декабре 1606 г. Немоевский проезжал через Романов и застал Эля (Zille). «Когда однажды мы послали к нему продать некоторые вещи для съестных припасов, он, мужчина уже лет шестидесяти, с грустью сказал нашим: «Вы еще можете вскоре отсюда выехать по окончании настоящей войны, на которой у меня, у несчастного, убили сына»²⁷⁷. Но я, прибывши сюда добровольно лет сорок назад, Бог весть, увижу ли еще свою отчизну». Он желал было и далее говорить, но (русский. — *В. Т.*) пристав, что был с нами, приказал ему молчать»²⁷⁸.

Эль скончался в 1611²⁷⁹ или в 1612 г. 5 сентября 1612 г. вожди Ополчения Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий выдали грамоту на все его владения мирзе Сююшу²⁸⁰. По воцарении Михаил Федорович подтвердил это пожалование в июле 1613 г.²⁸¹ Чин в этих документах не упоминается. Н.Б. Юсупов предположил, что он погиб в боях с поляками²⁸². Дальнейшая судьба фамилии оказалась связанной в основном с потомством Сююша. Но в XVII в. Юсуповым уже пришлось полагаться, главным образом, на придворную карьеру

---

²⁷³ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 107, 108.

²⁷⁴ О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 53, 54; РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 13, 14.

²⁷⁵ РГАДА. Ф. 131 Оп. 1. 1596 г. Д. 1. Л. 1–10.

²⁷⁶ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 134.

²⁷⁷ Вероятно, речь шла о Бая, т.к. Сююш позднее унаследовал удел, а Чин еще в феврале 1611 г. известил жителей Ярославля о поражении поляков под Смоленском (О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 56).

²⁷⁸ Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып. 6. М., 1907. С. 156, 157.

²⁷⁹ *Гурлянд И.Я.* Указ. соч. С. 8; О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 56.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

²⁸¹ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1613 г. Д. 2. Л. 1–5.

²⁸² О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 57.

и удачные браки, т.к. в 1620 г., по жалобе посадских людей на притеснения со стороны мирз, их романовские владения были переданы в приказное управление. Посадские стали платить все подати в Посольский приказ, а бывшим владельцам пошло только денежное жалованье²⁸³. Линия Чин-мирзы оказалась недолговечной и немногочленной. Сын Чина Корел имел сына Бия, который в 1639/40 г., крестившись, стал князем Иваном Юсуповым²⁸⁴. Сразу же ему был начислен поместный оклад, в 1644 г. он служил дворцовым чашником, в Боярских книгах за 1657–1667 гг. значился как московский дворянин²⁸⁵. У Ивана Кореловича был один сын, бездетный князь Семен, который при Алексее Михайловиче подвизался в стряпчих, а при Федоре Алексеевиче в стольниках²⁸⁶.

Сююш умер в 1656 г.,²⁸⁷ так и оставшись мусульманином У него осталось пять сыновей. Двое из них умерли в юности, а Джан, Абдулла и Ак продолжили род. Сын Ак-мирзы Петр (Сендега) в 1685–1692 гг. был стольником²⁸⁸.

Однажды Абдулла б. Сююш накормил в пост духовное лицо гусем. Царь, узнав, разгневался. Тяжкий проступок грозил опалой и разорением. Чтобы загладить вину, мирза быстро перешел в православную веру²⁸⁹. Федор Алексеевич его простил и пожаловал в стольники, в каковом ранге новокрещенный князь Дмитрий Сеюшевич и пребывал до своей смерти в 1686 г. Женившись на богатой вдове Е.Я. Сумароковой, он смог резко увеличить свое богатство и передал его сыновьям²⁹⁰.

Гораздо раньше Абдуллы крестился его брат (Джан?), князь Никита. Он стал московским дворянином уже в 1627 г., а в 1635/36 г. занимал должность стряпчего²⁹¹. Никита Сеюшевич в начале 1630-х гг. пользовался поместным окладом в 800 четвертей и вотчиной в Кашине, разоренной во времена Смуты (700 четвертей земли, 20 крестьян). По верстке должен был выходить в дворянское ополчение «сам на 1 коне, 1 конь прост, 1 человек на коне, 1 человек с простым конем, в кошу 2 человека с пищали»²⁹².

Вероятно, с князем Никитой связаны фамильные легенда и реликвия Юсуповых. В их имении в селе Пилатики Ярославской губернии до Октябрьской революции сохранялся крест с мощами, подаренный «предку Юсуповых» царем-восприемником²⁹³. Поскольку Дмитрий Сеюшевич обратился в христианство в условиях, когда не мог рассчитывать на монаршее благоволение (см. выше), то скорее всего крест был вручен Никите Сеюшевичу Михаилом Федоровичем.

²⁸³ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 124.

²⁸⁴ Акты о выездах в Россию иноземцев. С. 203, 210, 211.

²⁸⁵ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 489; Дворцовые разряды. Т. 2. Стлб. 727.

²⁸⁶ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 489.

²⁸⁷ О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 67.

²⁸⁸ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 489. О роде князей Юсуповых. Ч. 2. Приложение.

²⁸⁹ О роде князей Юсуповых. Ч. 1. С. 72.

²⁹⁰ Там же. С. 75; Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 488.

²⁹¹ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 489; Боярская книга 1627 г. С. 69.

²⁹² *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. С. 112, 113.

²⁹³ *Теляковский Н.Н.* Старина и святыни города Романова // Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1991. С. 27.

Дальнейшие судьбы княжеской семьи складывались успешно и без потрясений. Престижные придворные посты в последней четверти XVII в. занимали князья Юсуповы Григорий, Иван и Матвей Дмитриевичи, Андрей, Василий и Федор Никитичи²⁹⁴. Внуки Никиты – князья Борис, Иван и Петр Васильевичи, православные русские аристократы, – продолжили историю рода в XVIII в. К концу XVII столетия насчитывалось 13 князей Юсуповых, владевших поместьями и крепостными²⁹⁵. Род все креп и богател. Сперва его земельные владения росли, главным образом, благодаря пожалованиям, а в XVIII–XIX вв. – скупке. Юсуповские земли располагались в самых благодатных районах империи. В середине XIX в. только их малороссийские вотчины охватывали 70 тыс. десятин земли, там проживало 12678 «ревизских душ мужского пола»²⁹⁶. В 1799 г. род был внесен в Общий российский гербовник под именем князей Юсуповых (до тех пор в официальных документах использовалась составная фамилия Юсуповы-Княжево, «изобретенная», очевидно, Дмитрием Сеюшевичем).

Наконец, вкратце укажем на ответвления потомства Юсуфа вне России. Мы видели, что в свое время Ибрагим б. Юсуф и другие Юсуфовичи находили приют в Малой Ногайской Орде. В 1601 г. там находились, в частности, сын Юсуфа Махмуд, Ак-Мухаммед б. Юнус б. Юсуф и проч.; через полтора десятка лет в «Казыевом улусе» проживало 35 мирз из этого рода²⁹⁷. Видимо, не меньше их родственников находилось и в «Больших Ногаях», в том числе сын и внуки Ибрагима б. Юсуфа²⁹⁸. Ранг Юсуфовичей там был довольно высок: в 1604 г. съезд ногайской знати приговорил предоставить старейшине «Исупова родства» пост кековата – военачальника левого крыла²⁹⁹. Однако в ходе распада Ногайской Орды ногайские линии Юсуповых не смогли удержать свой статус и полностью утратили какое-либо влияние.

Княжеские роды ногайского происхождения были заметным явлением в российской истории XVI–XVII вв. Их пребывание в России начиналось как обычная для русско-тюркских послеордынских отношений практика «прикармливания» тюркской знати русскими монархами. Но в отличие от большинства семей татарских династий, ногайские роды не заглохли. Постепенно выходцы из Ногайской Орды стали органичным элементом внутренней жизни Российского государства. Вхождение их в среду русской аристократии сопровождалось сменой религии, имен, культурной ориентации, женитьбой на княжнах и боярышнях. Со временем ногайское происхождение стало возможным угадывать только по фамилиям. Однако исторические документы запечатлели основные вехи сложного формирования княжеских родов на всем протяжении их существования – от кочевых кибиток Заволжья до московских теремов и дворцов Санкт-Петербурга.

---

²⁹⁴ Алфавитный указатель фамилий и лиц... С. 488, 489.

²⁹⁵ Долгоруков П.Д. Указ. соч. С. 35.

²⁹⁶ Насонов А.Н. Юсуповские вотчины в XIX-ом веке // Доклады Академии наук СССР 1926 г. Б. м., б.г. С. 1, 2.

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 20, 21; 1615 г. Д. 6. Л. 9.

²⁹⁸ Акты времени правления царя Василия Шуйского М., 1914. С. 234.

²⁹⁹ Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 110.

Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.

В истории Башкортостана и башкирского народа ногаи оставили заметный след. Ногайский мост в Уфе через реку Белую и Ногайская сторона этой реки³⁰⁰, названия селений и урочищ сохранили свидетельства господства Ногайской Орды на Южном Урале. Несомненным реликтом той эпохи является и ногайский пласт в этнонимии башкир — главным образом, в юго-восточной части республики³⁰¹. Гегемония ногаев существовала здесь на протяжении XV — третьей четверти XVI вв. Именно она была основным фактором политической истории Башкортостана позднего средневековья, а отношения местных племен с южными кочевниками-пришельцами — главным содержанием политических событий³⁰². В науке за данным периодом обоснованно закрепилось наименование ногайского. Кроме того, башкир южной, юго-западной, юго-восточной и центральной частей нынешнего Башкортостана нередко называют ногайскими (т.е. подчинявшимися Ногайской Орде), а всю эту территорию — Ногайской Башкирией. Это тоже резонное обозначение, тем более что башкиры и собственно ногаи были настолько тесно связаны между собой, что народные генеалогии-шежере и авторы XVIII–XIX вв. (И.К. Кириллов, П.И. Рычков, В.Н. Татищев и др.) не всегда проводили грань между ними³⁰³. В этническом отношении основным содержанием ногайского периода оказалось увеличение кипчакского компонента в среде местного населения — вторая волна мигрантов-кипчаков (после первого притока XIII–XIV вв., вызванного монгольским нашествием)³⁰⁴.

Уже в золотоордынское время башкирская лесостепь привлекала номадов, искавших спокойной жизни. Башкирия лежала в стороне от основных маршрутов военных походов и торговых путей и представляла интерес для властей Улуса Джучи, главным образом, как сырьевая база, источник пушнины, меда, воска, кожи и т. д.³⁰⁵

В этом очерке мы попытаемся осветить некоторые моменты политической и отчасти экономической и социальной истории Башкортостана ногайского периода. Насколько нам известно, специальной работы по проблеме ногайского господства над башкирами не существует, хотя в сводных исторических трудах, в том числе и вышедших в последнее время³⁰⁶, ей отведены специаль-

³⁰⁰ Отводная книга по Уфе (1591/92–1629 гг.). Публ. Н.Ф. Демидовой // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 297; Шишонко В.Н. Пермская летопись с 1263–1881 гг. Первый период: 1263–1613 гг. Пермь, 1881. С. 97.

³⁰¹ Расселение родоплеменных подразделений башкир с этнонимом «ногаи» см.: Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 180. Рис. 16.

³⁰² Там же. С. 173; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 104.

³⁰³ Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв.: вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988. С. 42

³⁰⁴ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 173.

³⁰⁵ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 106.

³⁰⁶ См. напр.: Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994; Открытая книга Башкортостана. Уфа, 1995.

ные разделы. Однако основное внимание там уделялось аборигенному этносу; ногаи же изображались как эксплуататоры и лишь в качестве объекта освободительной борьбы местного населения.

Территория и население Ногайской Башкирии

Для начала попытаемся очертить пределы ногайских владений на Южном Урале. В историографии уже давно и подробно описаны ареалы расселения башкирских племен. Поэтому остановимся на кочевьях собственно ногаев. Уже исходя из особенностей их экономики — кочевого скотоводства, можно догадываться, что привлекала их прежде всего степная зона. Действительно, в одних исторических преданиях утверждается, будто кочевой ареал ногаев на севере ограничивался реками Уршаком и Демой, в других — Самарой и Кинелью, а шежере называют в качестве такового бассейны Сакмары, Яика и Белой; на западе кочевья упиралась в реку Ик³⁰⁷. Анализ летописных сообщений также привел Д.М. Исхакова к выводу, что район реки Белой в ногайский период не включался в непосредственно башкирскую территорию³⁰⁸. Однако, учитывая смешанное расселение башкирских и кипчако-ногайских групп, четко разграничить районы кочевания и проживания тех и других весьма затруднительно. Гораздо с большей уверенностью можно наметить в целом площадь Башкирии, контролировавшейся Ногайской Ордой.

Западной границей Ногайской Башкирии без сомнения являлся Ик. По полевым записям Р.Г. Кузеева, приведенным выше, эта река не просто разделяла ногаев и башкир-юрми; те и другие с противоположных берегов стреляли друг в друга из луков³⁰⁹ — то есть находились во враждебных отношениях, и юрмицы не могут считаться ногайскими подданными. По татарскому шежере потомков ногайца Гирает-бия, они, эти потомки, долго проживали к востоку от Ика и только в конце XVII в. перешли на его «татарский» берег³¹⁰. Сам Р.Г. Кузеев определил сферу ногайского господства к западу от Уральского хребта — до низовьев Белой, к востоку — до верховьев Яика и Ая³¹¹. Данное мнение полностью согласуется с данными источников начала XVII в. В 1601 г. уфимский воевода М.А. Нагой сообщал своему тюменскому коллеге Л.А. Щербатову, что, по донесениям ясачных татар, сорок ногайских сборщиков ясака взимали подати «в Уфинском уезде с ясачных волостей с устья Белы Воложки (т.е. Белой. —

---

³⁰⁷ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 318 (шежере племени юрми); Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 341 (шежере племени юрматы); Самарская летопись Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. Кн. 1. Самара, 1993. С. 40; Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 49.

³⁰⁸ Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 46.

³⁰⁹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 318.

³¹⁰ Шежере Гирает-бия (семейный архив Н.М. Мириханова). Автор искренне благодарен Н.М. Мириханову за возможность ознакомиться с фамильными документами, отражающими родословную потомства Гирает-бия.

³¹¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 484.

В.Т.) до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости»³¹². Упоминание последнего топонима позволяет расширить область ногайской гегемонии дальше на восток. Тем более что в 1623 г. калмыцкий тайши заявил жителям именно этой волости: «Наперед вы сего давывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак (мне. — *В.Т.*), и я... к вам пришлю для ясаку послов своих»³¹³. Таким образом, резонно заключить, что северо-восточной границей Ногайской Башкирии служил восточный рубеж Катайской волости Сибирской даруги — приблизительная меридиональная линия по южноуральским озерам: Иткуль (или, может быть, Щелкун), Синарское, Касли, Кизыл-Таш, Увильды, Аргази. Еще южнее подобную границу — восточную — возможно провести по верхнему течению Уя (может быть, до впадения в него Увельки), по обеим сторонам которого некогда также обитали «роды ногаев, господствовавших над башкирами восточно- и западноуральскими»³¹⁴.

Если сопоставить намеченные нами пределы Ногайской Башкирии и собственно ногайских кочевий с административной картой Башкортостана XVII—XVIII вв., то обнаружится примечательное соответствие. Ногайская даруга совпадала с регионом кочевых передвижений ногаев, а Казанская и Сибирская даруги — с областью расселения башкирских племен, подвластных Ногайской Орде. Это противоречит утверждениям отдельных авторов, будто все владения ногаев в Башкирии позднее вошли в одноименную даругу³¹⁵. Географическая корреляция свидетельствует о довольно раннем учреждении даруги, когда башкиро-ногайское разграничение еще не забылось. Р.Г. Игнатьев и Н.А. Гурвич уверенно называли 1575 г. временем деления на даруги³¹⁶. В недатированной грамоте о пожаловании Иваном IV тарханства родовым биям, приведенной А. Рябининым, указано, что размежевание началось через три года после завоевания Казани³¹⁷ (т.е. около 1555 г.). Хотя казанский прецедент в делении на даруги несомненен (на это указывал еще П.А. Дмитриев³¹⁸), т.к. Казанское ханство состояло именно из даруг, все-таки в 50-х гг. XVI в. ногаи еще представляли собой слишком значительную и независимую силу, чтобы московский царь мог открыто включать подвластные им земли в состав России, да еще и делить их на области-даруги. Дата, предлагаемая Р.Г. Игнатьевым и Н.А. Гурвичем, более реальна, хотя и не подкреплена ссылками на источник. Скорее всего, одновременно с основанием локального российского административного центра в Уфе

³¹² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 165. Речь здесь идет о Катайской волости, конечно, Сибирской даруги, примыкавшей к верховьям Уфы и Ая с северо-востока. Катайская волость Ногайской даруги находилась намного южнее. В статье использован тюркомонгольский вариант термина — даруга, вместо исковерканного в русских канцеляриях «дорога».

³¹³ Там же. С. 292.

³¹⁴ *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. СПб., 1886. С. 12.

³¹⁵ См. напр.: Открытая книга Башкортостана. С. 68 (*В.А. Иванов*); Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 675 (*А.Н. Усманов*).

³¹⁶ *Игнатьев Р.Г., Гурвич Н.А.* Хроника достопамятных событий Уфимской губернии и Оренбургского края с самых отдаленных времен до настоящего // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. IV.

³¹⁷ *Рябинин А.* Уральское казачье войско. Ч. 2. СПб., 1866. С. 3, 4.

³¹⁸ *Дмитриев А.А.* Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 8. Пермь, 1900. С. 31.

в 1574 г. московские власти решили произвести и районирование новоприобретенных территорий на Южном Урале.

Письменные и фольклорные памятники называют несколько зон и маршрутов перекочевков ногайской знати: а) летом передвигались вверх и вниз по Яику, а также по рекам Берде, Сакмаре, Салмышу, Юшатырю, Ори, Таналыку, Кизиму; зимой переходили Уральские горы и кочевали по рекам Белой, Сокале, Ашкадару, Куганаку, Шкадру, Деме, «где места лесистые и теплые»; б) «от устья Демы реки по Казанской дороге вниз по Белой, по Карсалану, по Черемшану, по Куюше, по Базе, по Сюну и вверх по Аю рекам; в) зимовье в районе города Уфы, летовье — на реке Деме; г) воеводская отписка 1613 г., напротив, называет Уфу пунктом весеннего кочевья³¹⁹. Поскольку фиксируются и летние, и зимние кочевья, можно сделать вывод о круглогодичном кочевании на территории Ногайской Башкирии, и такой вывод уже отражен в литературе³²⁰. Действительно, нет данных о периодических ежегодных откочевках башкир или ногаев с Южного Урала на юг — по одной из двух систем ногайских перекочевков: к низовьям Сыр-дарьи или Волги, к Аралу или Каспию. Таким образом, в экономическом отношении Ногайская Башкирия являлась замкнутой зоной кочевого скотоводства и, следовательно, имела достаточный потенциал для возможного сепаратизма и отделения от Ногайской Орды. В условиях nomadной ранней государственности не включенность в «общегосударственные» кочевые циклы позволяла населению северной периферии Орды выйти из повиновения, не нарушая течение обычной экономической жизни ногайской державы и тем самым, не вызывая раздражения и агрессии со стороны скотоводов, пользовавшихся этими циклами.

Экономическая замкнутость и политическая обособленность Ногайской Башкирии приводит к мысли о существовании здесь особого территориального подразделения — удела или наместничества. Первые сведения о внутреннем членении Ногайской Орды относятся к 1 половине XVI в. и исходят от С. Герберштейна: «В наше время этими (ногайскими. — *В.Т.*) княжествами владели трое братьев, разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком, что за рекой Ра (Волгой. — *В.Т.*) на восток, и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, — всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра; третий из братьев, Ших-Мамай, обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной»³²¹. И выше: «Область Сибиер... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море. Говорят, эта страна ... если где и обитаема, то там правит татарин Ших-Мамай»³²². Данные Герберштейна весьма достоверны: ведущими политическими фигурами у ногаев в то время в самом деле были три брата — верховный правитель-бий Саид-Ахмед (диалектное «Шейдяк» — «Шидак» у Герберштейна), Шейх-Мамай и Хаджи-Мухаммед (диалектное «Кошум» — «Коссум» у Герберштейна). Именно к периоду правления данного триумвирата относится разделение ногайской

---

³¹⁹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 69, 185; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 (ногаи «на весну будут кочевать под Уфинской город, как снег соидет вскоре»).

³²⁰ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 340.

³²¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко. М., 1988. С. 179.

³²² Там же. С. 163–164.

державы на западную и восточную провинции-крылья, а также «центр» во главе с бием Саид-Ахмедом³²³.

Цитированный фрагмент сочинения австрийского дипломата уже привлекал внимание историков и интерпретировался ими. Так, Г. Газиз считал, что правитель западного крыла — в данном случае Кошум «держал в повиновении весь Башкортостан и брал с него ясак»³²⁴. В.А. Иванов и А.Н. Усманов полагают, будто Центральная и Юго-Восточная Башкирия до слияния Уфы и Белой подчинялись орде Саид-Ахмеда, а Северо-Восточная (северные отроги Южного Урала, долины Ая, Юрюзани, верховьев Уфы, Зауралье) входила в орду Шейх-Мамайя. Граница между этими ордами в Башкирии якобы проходила по хребтам Южного Урала³²⁵. Однако источники не дают никаких оснований для подобного разграничения башкирских земель. Верховный наместник Ногайской Башкирии всегда был один, и можно вести речь о едином наместничестве³²⁶. А как раз, то мы вправе поставить вопрос о его южных границах (северные, западные и восточные рубежи мы попытались выяснить выше) и его административном центре.

В упоминавшейся грамоте о тарханстве, по А. Рябинину, родовые старейшины просили провести «нижнюю межу по Яику реке в урочище Сарайчук»³²⁷. Если имелись в виду руины ногайской столицы на нижнем Яике, разрушенной в 1581 г., то царь, конечно, не стал «отарханивать» столь отдаленные земли и включать их в новую даругу. Но в принципе широта Сарайчука соответствовала южным границам исторической Древней Башкирии — бассейнам рек Большой и Малой Узеней, Чагана, Чижинским разливам³²⁸.

Единственный раз упоминается о «столичном» пункте, из которого осуществлялось управление башкирами. — Ногайский мирза Динбай б. Исмаил в 1581 г. вспоминал обстоятельства, предшествовавшие вступлению его в 1578 г. в должность нурадина — главы правого крыла Ногайской Орды: «... Яз кочевал за Ейком на реке Еми, имал есми из башкирды дани»³²⁹. Река Эмба фигурирует и в историческом предании, записанном П.И. Рычковым: во время междоусобицы один из двух ногайских наместников Башкирии создает на Эмбе базу для

³²³ *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды (см. настоящее издание). Косвенным подтверждением подданства башкир трем ногайским административным подразделениям может служить информация шежере племени мин о том, что после откочевки основной массы ногаев в южные степи башкиры продолжали платить ясак трем улусам (*Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // Советская этнография. 1957. № 4. С. 8). Три улуса иногда интерпретируют как Казанское и Сибирское ханства и Ногайскую Орду. Но Казань ко времени ногайского исхода уже была завоевана русскими, и башкиры стали платить ясак России. К тому же шежере связывает платежи в пользу трех улусов исключительно с ногаями. Кстати, получение доходов с Башкирии обоими крыльями и «центром» Орды говорит о том, что башкиры не включались в дуально-крыльевую структуру ногаев.

³²⁴ *Газиз Г.* История татар. Сокращ. пер. С.Г. и А.Х. Губайдуллиных. М., 1994. С. 91.

³²⁵ Открытая книга Башкортостана. С. 64; *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Изд. 2-е, испр. и доп. Уфа, 1982. С. 61.

³²⁶ Это заключение сделано автором на основе архивных материалов. См. также выше, примечание 24. Местного ногайского правителя назвал наместником Р.Г. Кузеев (Происхождение башкирского народа. С. 500). Полностью согласен с этим обозначением и принимаю его.

³²⁷ *Рябинин А.* Указ. соч. С. 3.

³²⁸ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 256.

³²⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 131 об.

борьбы с соперником — другим наместником³³⁰. Очевидно, можно полагать, что верховное управление Ногайской Башкирией велось из эмбинских кочевий — центра левого крыла Орды, а также, естественно, из Сарайчука.

Но в Башкортостане существовали и более мелкие владетели, в том числе и ногайские, которые тоже имели свои ставки. Из материалов разного рода можно получить представление об их расположении. За исключением уфимского городища, почти все они расцениваются как резиденции удельных башкирских или ногайских правителей.

Безусловным и общепризнанным, сохранившимся в памяти потомков провинциальным центром Ногайской Башкирии являлось уфимское городище (старое местное название — Имэн-кала³³¹). В народном сознании столичная роль Имэн-калы утвердилась настолько, что эта местность стала трактоваться в преданиях как кочевье главного хана с собирательным именем Ногай³³². Причем башкирские сказители относили основание здесь ставки ногайского правителя еще к дочингисовским временам³³³. Помимо укрепленного поселения на правом берегу реки Уфы, предания называют и другое городище — Ак-Тюба под Оренбургом³³⁴. Историческая память отобразила данное двоецентрие таким образом, что и Чертово городище на Уфе, и Ак-Тюба принадлежали государям-братьям. Хан Басман кочевал у Сакмарского устья, где поставил Ак-Тюбу, но был вытеснен ногаями на юг. Его брат Тюря обосновался в районе Уфы³³⁵. В родословных и легендах фигурируют и другие местности как главные стойбища ногайских наместников. Например, долина реки Демы (озеро Азкират) значителен как летнее кочевье «ногайских ханов, откуда они владели башкирами» (зиму они проводили в Имэн-кале). Затем, с началом откочевки основной массы ногаев на юг, ставка переместилась под Стерлитамак, в крепость Тура-тау³³⁶. Кроме того, в качестве резиденций ногайских удельных правителей интерпретируются городища Кара-Абыз под Благовещенском и Чертово под Бирском³³⁷.

Таким образом, есть все основания утверждать, что Ногайская Башкирия представляла собой особую провинцию Ногайской Орды с относительно фиксированной территорией, административными центрами, верховным и удельными наместниками.

Кто населял Ногайскую Башкирию? В источниках встречаются три этнонима, обобщенно характеризующих жителей Башкортостана XV — середины XVII вв.: ногай, башкир, истяк (иштяк, иштек и т.п.).

---

³³⁰ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 69.

³³¹ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С. 224; Шежере Гиразет-бия (семейный архив Н.М. Мириханова).

³³² Иенатев Р.Г. Чертово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. С. 22.

³³³ Соколов Д.Н. Указ. соч. С. 49.

³³⁴ Очерки истории СССР. С. 675.

³³⁵ Иенатев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 334; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии // Оренбургские степи в трудах П.И. Рычкова, Э.А. Эверсманна, С.С. Неустроева. М., 1949. С. 185.

³³⁶ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С. 131, 132; Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915. С. 29.

³³⁷ Открытая книга Башкортостана. С. 64, 65.

Вопрос об истяках довольно сложен. Автору научной концепции этногенеза башкир Р.Г. Кузееву принадлежит, вероятно, наиболее детальный обзор распространения данного этнонима среди южноуральских тюрок. Возникнув в эпоху раннего средневековья на Сыр-дарье, в приаральских степях, слово «истяк» в ходе миграций переместилось на север. Башкирские источники включали в состав истяков племена ай, усерган, тамьян. Со временем группа носителей этого этнонима расширилась и на протяжении нескольких столетий включила в себя еще несколько племен башкир, образовавших, следовательно, ряд этнических напластований³³⁸. Шежере объясняли появление истяков как результат раскола ногайцев при их исходе из Башкирии: так-де стали называться те, что остались здесь во главе с бием Бурнаком³³⁹. Судя по всему, «истяк» для башкир — это экзоэтноним. Одним башкирским племенам он вообще неизвестен, другие помнят его как обозначение башкир восточными и южными соседями. Действительно, в XV–XVIII вв. эштеками башкир называли казахи³⁴⁰. Вместе с тем Р.Г. Кузеев и Г.Ю. Ситнянский утверждают, будто так же именовали всех башкир и ногайцев³⁴¹. Но известные нам материалы показывают, что однозначно так считать не следует.

Притязания ногайских предводителей на господство над «остяками», «истеками» высказывались неоднократно. В 1570-х гг. некий Алатай-хафиз «ежегод ездил воевать на остяки», посланцы высших мирз «ходили для ясаку в ыстеки»³⁴². Причем обосновывали это давностью, традиционностью подобных отношений: «И от прародителей наших от тех мест с ыстеков ясак емлем»; «От прародителей, от Едигея князя с остяков ясак имывали по старине» — и продолжали делать это в первой половине XVI в.: «Ещо... при казанском царе мы владели иштеками»³⁴³. Вариант написания «остяки» не должен вводить в заблуждение: конечно, имелись в виду не обские угры. В ряде документов ясно отражено, что эти «остяки» проживали в районе Башкирии, т.к. фигурируют «остяки Казанского уезда», а в 1578 г. ногаи «приходили... в Казанский уезд в остяки на верх Камы воевать»³⁴⁴. В некоторых случаях понятия «башкиры» и «истяки» действительно выглядят синонимами. Выше приводились данные о будущем нурадине Динбае, который, кочуя на Эмбе, «имал... из башкирды дани». Но при этом «Тинбай мирзы люди... ходили ясаку збирати с ыстеков»³⁴⁵. А когда Динбай, «то все покиня, пришол на Волгу да нур(ад)ыном учинился, свои прерогативы по управлению северными провинциями Орды он передал

³³⁸ Кузеев Р.Г. К установлению этнических связей Башкирии со Средней Азией и Западной Сибирью (по данным шежере, исторических преданий и легенд // Итоговая научная сессия Уфимского института истории, языка и литературы за 1965 год. Тез. докл. Уфа, 1966. С. 90; *Он же*. Происхождение башкирского народа. С. 205.

³³⁹ Башкирские шежере. Сост., пер. текстов, введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960. С. 33 (шежере племени юрматы).

³⁴⁰ Кузеев Р.Г. К установлению этнических связей. С. 90.

³⁴¹ Кузеев Р.Г. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н.э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд) // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968. С. 244; Ситнянский Г.Ю. Эштеки — финно-угры в составе киргизов? // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск. 1995. С. 44.

³⁴² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 225, 367.

³⁴³ Там же. Л. 234 об.; 1586 г. Д. 8. Л. 1.

³⁴⁴ Там же. Д. 8. Л. 275, 391.

³⁴⁵ Там же. Л. 234.

племяннику Саид-Ахмеду. Тот не преминул известить об этом Ивана IV: «А брат мой (на самом деле дядя. — *В.Т.*) Тинбай мирза что владел иштеки — мне пожаловал»³⁴⁶. В данном случае наблюдается полное совпадение этнонимов.

Но иногда в глазах ногаев эти «остяки»-истяки не были равнозначны башкирам, т.к., например, упомянутый набег 1578 г. совершался «по реке по Каме на башкирды и на остяки Казанского уезда. ...И башкирды и остяки, собрався, иных побили...»³⁴⁷; верховный ногайский бий Урус возмущался требованием русского правительства, чтоб ему, Урусу, «з башкирдов и с остяков дани никакие не имати»³⁴⁸. Скорее всего, существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа — истяки, восточная — собственно башкиры. В качестве гипотезы попробуем предложить такое разграничение: племена, кочевавшие вперемежку с ногаями (в будущей Ногайской даруге) обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии Ногайской Башкирии (в будущих Казанской и Сибирской даругах) — как истяки. Тогда в принципе можно согласиться с точкой зрения Д.М. Исхакова, что разбираемые этнонимы в XV — начале XVII вв. функционировали параллельно и отражали разную степень кипчакизированнойности башкир³⁴⁹.

При этом нужно учитывать принципиальный момент: башкиры с истяками и ногаи противостояли друг другу как уже сформировавшиеся этнические общности. Собственно, интегративных факторов в кочевой ногайской державе могло быть только два — общая государственная администрация и общая религия. О власти ногайских биев и мирз впереди будет подробный разговор; а вот ислам действительно способствовал сплочению разноэтничного населения и относительному единению подданных Орды. В одном из преданий говорится о миссии мусульманского проповедника Хусейн-бека, посланца святого Ахмеда Ясави, к «дурным мусульманам» — ногаям Башкирии. Тот поселился в крепости Ак-Тура и стал главным имамом Ногайской Башкирии, преуспев в проповедническом служении³⁵⁰. Тем не менее различия между ногаями и «башкиро-истяками» оказались уже настолько значительными, что распространение ислама способствовало скорее «этноконфессиональной консолидации башкир в составе полиэтнического Ногайского ханства»³⁵¹, чем какому-то сближению их с ногаями.

Важными аргументами в пользу отсутствия широкой тенденции к их взаимной ассимиляции могут служить и следующие аспекты. Во-первых, на башкир и на истяков не распространялся политоним «ногай», обозначавший с 1480-х гг. всех подвластных мангытскому бию номадов безотносительно к их племенной принадлежности. Это могло быть возможным только при появлении у коренных жителей Ногайской Башкирии собственного общего этнонима

---

³⁴⁶ Там же. Д. 9. Л. 46; Д. 10. Л. 131 об.

³⁴⁷ Там же. Д. 8. Л. 275.

³⁴⁸ Там же. 1586 г. Д. 8. Л. 9.

³⁴⁹ *Исхаков Д.М.* Указ. соч. С. 54, 55.

³⁵⁰ *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей. С. 334.

³⁵¹ *Фаизов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа. 1995. С. 38.

и этноинтегрирующего сознания. Во-вторых, абсолютно во всех башкирских источниках ногаи действуют исключительно под этим общим своим именем (ногай) — несмотря на то, что они состояли из десятков племенных илей, и названия многих из этих илей совпадали с таковыми в среде башкирских племен³⁵². Трудно говорить определенно, насколько эти родственные связи отражались на этнических взаимоотношениях в целом. Известна генеалогическая таблица из рукописного сборника башкирских шежере, опубликованная Р.Г. Кузеевым, в которой перечислены сыновья башкирского первопредка Кинзи: Татар, Мишар, Нугай и Иштяк³⁵³. Следовательно, этническое родство башкир с ногаями осознавалось. И все-таки в том же башкирском фольклоре, в частности, в эпосе «Таргын и Кужак», приводятся ситуации, позволяющие считать, что для местного населения было «позорным заключать с пришельцами (ногаями. — *В.Т.*) брачные союзы и вообще устанавливать близкие связи»³⁵⁴.

Инфильтрация на Южный Урал восточнокипчакских племен происходила еще в XVI вв., в эпоху Золотой Орды, и продолжалась в последующем. Поэтом в определенном смысле установление сюзеренитета ногайских биев над башкирами стало продолжением и трансформацией прежних миграционных процессов. Но теперь, с учетом новых этнических и политических реалий, взаимоотношения абorigенов и пришельцев уже не ограничивались спорами из-за кочевий и охотничьих угодий. На башкирские земли ныне пришли не просто кочевые кипчаки. Башкирам пришлось столкнуться с одним из гегемонов Евразии XV–XVI вв. — Ногайской Ордой.

Башкирия в составе Ногайской Орды

В 1586 г. ногайский государь Урус выразил царю Федору Ивановичу неудовольствие по поводу того, что «ты на четырех местах хочешь горо(ды) ставити» — и перечислил эти места: «на Уфе да на Увеке, да на Со(маре), да на Белой Воложке». «А теми местами, — заявлял бий, — мои деды и отцы владели»³⁵⁵. Ясно проявилась убежденность властей Ногайской Орды в своих наследственных исконных правах на башкирские земли по Уфе и Белой; ногаи считали их своими неоспоримыми владениями «от Едигея князя».

Для кочевников самым логичным способом подтвердить это право были бы перекочевки по данной территории. Однако башкиры и истяки, во-первых, не причислялись к числу собственно ногаев, как сказано выше; во-вторых, не вели чисто кочевую жизнь, занимаясь, помимо скотоводства, также земледелием.

³⁵² Об этом совпадении см.: *Кузеев Р.Г.* Башкиры и ногайцы: этнические взаимосвязи // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Тез. докл. М.; Терекли-Мектеб, 1991, С. 39; *Он же.* Историческая этнография башкирского народа. С. 196. Мне известен единственный случай фиксации племенной принадлежности ногаев, кочевавших в Башкортостане. В татарской летописи из рукописного сборника Н. Ахмедзянова говорится, будто в крепости Тура-Тау на реке Белой проживал хан кунгратов (История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С. 123).

³⁵³ Башкирское шежере. С. 174.

³⁵⁴ *Киреев А.Н.* Башкирский героический эпос. Уфа, 1970. С. 192.

³⁵⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 8. Л. 6, 7. Около руин золотоордынского города Увека и в устье р. Самары были основаны русские города Саратов и Самара.

лием, промыслами и охотой. Поэтому обычные для кочевой ногайской среды формы зависимости и господства не подходили для аборигенов Башкортостана. На первый план выступала такая форма сюзеренитета, как сбор податей, ясака.

В качестве верховной ногайской инстанции, в пользу которой он выплачивался, в источниках фиксируются бий Ногайской Орды и нурадин, глава правого крыла. Взимание платежей производили специальные эмиссары-«данщики», отправляемые соответственно бием или нурадином³⁵⁶. Подобную технику пытались перенять в первой четверти XVII в. и калмыки, претендовавшие тогда на ногайское наследство: тайши Уруслан, кочуя по Тоболу, собирался направить в Китайскую волость Сибирской даруги «для ясаку послов своих»³⁵⁷.

Сам по себе ясак представлял собой вид дани и выплачивался как знак подчиненности Ногайской Орде, как символ подданства и средство перераспределения материальных богатств в пользу мангытской верхушки. Только однажды промелькнуло упоминание о том, что башкиры должны были расплачиваться за возможность переправы через Белую³⁵⁸ (правда, неясно, была ли это разновидность собственно ясака или же какая-то форма пошлины при переезде из одного удела Ногайской Башкирии в другой). Кстати, в этом предании, пересказанном Р.Г. Игнатьевым, плательщиками выступают абстрактные башкиры, т.е. все население наместничества. Историческое сказание, приведенное П.И. Рычковым (со слов старшины К. Муллакаева) называет подданным местного ногайского «хана», наряду с башкирами-минцами, еще и ногаев; хотя из текста скорее всего явствует, что ясак платили только минцы³⁵⁹. В целом же можно полагать, что субъектом ясачных выплат являлось башкирское и итязское население, и ясачная форма эксплуатации распространялась только на него и не затрагивала ногаев, кочевавших на Южном Урале. Богатства лесных угодий Башкортостана определяли и ассортимент ясачных платежей: в текстах Р.Г. Игнатьева и П.И. Рычкова таковыми служили лисьи, куньи и бобровые меха, а также мед³⁶⁰. А.Н. Усманов называет, наряду с пушниной, еще молодой скот для выпаса и мелкий — для убоя³⁶¹. Однако подобные выплаты были присущи как раз кочевникам, поэтому думаю, что расчеты посредством скота имели распространение только в среде ногаев и, возможно, какой-то части кочующих башкир. Впрочем, А.Н. Усманов не дал сноска, а автору этих строк не попадались упоминания о ясаке скотом. Столь же неясно происхождение тезисов этого историка том, будто ясак вносился пообщинно, а его размер регулировался по усмотрению «ханов» и биев³⁶², скудность информации по данному поводу не позволяет определить организацию ясачной системы в деталях. Вероятно, следует согласиться с Р.Г. Кузеевым: до присоединения Башкирии к Русскому государству величина выплат строго не регламентировалась, а сами выплаты оседали в разных пропорциях у ногайской и башкирской знати³⁶³. По анало-

---

³⁵⁶ Там же. Л. 9; Д. 8. Л. 274 об., 275; *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 165.

³⁵⁷ *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. С. 293.

³⁵⁸ *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей. С. 336.

³⁵⁹ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С. 185.

³⁶⁰ Там же; *Игнатьев Р.Г.* Памятники доисторических древностей. С. 336.

³⁶¹ *Очерки истории СССР.* С. 676.

³⁶² Там же; *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии. С. 50.

³⁶³ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. С. 499.

гии с прочими предгосударственными обществами, в частности, кочевыми, не будет большой натяжкой предположить, что основные моменты ясачной политики в Ногайской Орде регулировались традицией, неписаными законами. Очевидно, сложиться этой традиции было негде, кроме как в Золотой Орде, которой подчинялись до первой четверти XV в. и ногаи, и башкиры.

А.П. Чулошников упомянул еще одну важную форму зависимости башкир. По требованию ногайской знати они должны были «выставлять вооруженных воинов для ведения бесконечных междоусобных феодальных войн и организации набегов»³⁶⁴. Несомненно, «налог кровью» был обязательным атрибутом ранней государственности, и мы вправе предполагать его существование в Ногайской Башкирии. Но и в этом случае отсутствуют ссылки на источник. Сведения о мобилизации башкирских воинов содержатся в предании минцев, записанном в 1840-х гг. В.С. Юматовым: «...Предки их были под владычеством ногайских князей и выставляли на войну 1000 сайдаков, или 1000 человек вооруженных, и получили название мин — тысячи»³⁶⁵. Последняя фраза существенно обесценивает эту информацию, т.к. содержит заметный налет так называемой народной этимологии — произвольного, по случайному созвучию, объяснения этнонима (тем более что племя мин расселялось не только на Южном Урале).

Относительно иерархии и титулатуры аристократии в Ногайской Башкирии данных немало, но исходят они в основном из шежере и других поздних текстов, поэтому относиться к ним нужно весьма критически. Скажем, повсеместно фигурирующие «ханы» — явный домысел, потому что ханского титула в Ногайской Орде не было ни у кого и никогда. Другое дело, что ханом («тура-ханом») в обобщенном значении «правитель», «господин» местное население могло называть наместника, сидевшего в Имэн-кале. Однако по всем небашкирским источникам, отразившим общественную структуру Орды, тот мог быть не более чем мирзой. По аналогии с другими ногайскими провинциями, Башкирия делилась на улусные кочевья, которыми пользовались ногайские мирзы более низкого, чем наместник, ранга. Земли, не пригодные для кочевания, видимо, оставались за лояльными (согласными платить ясак) башкирскими родоплеменными вождями-биями. Среди местной знати существовала также категория тарханов, отмеченная многими авторами и объясненная как обладательница налоговых льгот и иммунитетов, полученных от казанских, ногайских и сибирских правителей³⁶⁶. Однако право предоставлять тарханство в тюрко-монольском мире принадлежало только монарху, хану. В Казани и Сибирском юрте действительно правили ханы; в Сарайчуке же сидел бий, т.е. лицо, номинально равное по рангу башкирской патриархальной знати (также биям). Так что институт тарханства не практиковался и не мог практиковаться в Ногайской Орде. Поэтому его происхождение в Ногайской Башкирии нужно отнести ко временам Золотой Орды или ханства кочевых узбеков (вторая треть

³⁶⁴ Чулошников А.П. Башкирия после распада Золотой Орды // Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 55.

³⁶⁵ Юматов В.С. Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Т. 1. Уфа, 1961. С. 250–251.

³⁶⁶ См. напр.: История Башкортостана. Ч. 1. Учебное пособие. Уфа, 1991. С. 55; Чулошников А.П. Башкирия после распада Золотой Орды. С. 55; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Вып. 24. М., 1947. С. 38.

XV в.). Возможно, часть тарханов была предоставлена казанским правительством; не случайно за подтверждением своего тарханства в середине 1550-х гг. знатные башкиры отправились именно в Казань, правда, к ее новому государю — царю-завоевателю Ивану Васильевичу³⁶⁷. Вместе с тем, за исключением этого формального момента, нет оснований считать, будто какая-то часть аристократов Ногайской Башкирии подчинялась казанским ханам, как полагали Р.Г. Игнатъев, В.Н. Шишонко и мн. др.³⁶⁸ Даже если некоторые из местных биев, жившие к востоку от Ика, и обладали казанским тарханом, они все же входили в число ногайских подданных.

В литературе уже отмечалась связь ногайской государственной структуры и политики с традициями империи сарайских Джучидов, претензии ногаев, в частности, на «золотоордынское политическое наследство в Башкирии, на власть над башкирскими племенами»³⁶⁹. Это положение, сформулированное Р.Г. Кузеевым, отражает как происхождение ногайской гегемонии на Южном Урале, так и специфику власти мангытских биев в данном регионе. Кроме того, Р.Г. Кузееву принадлежит и общая характеристика башкиро-ногайских отношений, во многом продиктованных смешанным расселением. Мирное соседство и сотрудничество чередовались с враждой и столкновениями; но конфликтность стала преобладать лишь к середине XVI г.³⁷⁰ Верно отражая общую линию политической истории Башкортостана ногайского периода, эти сентенции тем не менее не могут заменить описания самой этой истории. Политическое развитие Ногайской Башкирии затрагивалось А.Н. Усмановым, Н.А. Мажитовым и А.Н. Султановой. Для XV — первой половины XVI вв. анализ производился, главным образом, на базе данных шежере и преданий. Мы тоже попытаемся реконструировать течение некоторых событий, но сопоставляя с известными нам фактами из жизни Ногайской Орды и с архивным материалом.

Наместники Ногайской Башкирии

Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова приводят сведения шежере, отражающие цель прикочевки ногаев в Башкирию — поиск новых земель (пастбищ?)³⁷¹. Д.Н. Соколов и П.И. Рычков ссылаются на предания, по которым ногаи переселились на север «от жару» или «от мора»³⁷². По сравнению с этими сверхлаконичными упоминаниями о намерениях восточно-кипчакских номадов при заселении ими Южного Урала, несколько более развернутая информация содержится в источниках по поводу того, откуда пришли ногаи сюда, и кто был первым ногайским правителем в Башкирии.

---

³⁶⁷ *Рябинин А.* Указ. соч. С. 3, 4.

³⁶⁸ *Игнатъев Р.Г.* Чоргово городище. С. 219; *Шишонко В.Н.* Указ. соч. С. 97, 98.

³⁶⁹ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 115.

³⁷⁰ Там же. С. 127. В памятниках фольклора сохранились отголоски воспоминаний о периоде Улуса Джучи. Более того, предание, опубликованное Д.Н. Соколовым, отражает, вероятно, еще домонгольскую ситуацию в урало-казахстанских степях, которые в XV–XVII гг. служили обиталищем огузов и кипчаков (в предании они предстают как соответственно туркмены и ногайцы) (*Соколов Д.Н.* Указ. соч. С. 49).

³⁷¹ *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С. 341.

³⁷² *Рычков П.И.* История Оренбургская. С. 69; *Соколов Д.Н.* Указ. соч. С. 51.

Все шежере, повествующие об уходе их на юг после падения Казани, единогласно утверждают, будто мирзы повели свой народ на Кубань как на древние исконные ногайские кочевья. Данное обстоятельство может служить существенным аргументом при решении вопроса, из какого региона явились ногаи в свой Мангытский юрт на Яике. Но из этих данных вовсе не следует, будто они пришли в Башкортостан непосредственно с Северо-Западного Кавказа. Столь же рискованно предполагать подобное в связи с Крымом, упомянутом в одном тексте как прародина ногаев³⁷³. В сказаниях обозначена также территория, которая расположена гораздо ближе, — Сибирь; именно оттуда приходят в Чертово городище на Уфу первые ногайские правители Тура или Акназар³⁷⁴. Однако известно, что этнополитическое ядро Ногайской Орды находилось отнюдь не в Сибири, а в Западном Казахстане.

Тем не менее именно сибирская версия прихода ногаев в Башкирию предпочтительна, и дело здесь не в географических, а в политических аспектах. Выше отмечалось, что распространение власти мангытских биев на башкирские племена можно отнести к последней четверти XV в. В течение XV в. они вели борьбу за гегемонию в Восточном Дешт-и Кипчаке с ханами кочевых узбеков и казахов — на востоке и на юге, с Большой Ордой и Крымом — на западе. Такой расклад противников позволял мангытам и союзным им племенам (ногаям) расширять пределы юрта только в северном направлении. При этом мангытские бии стремились обзавестись сильными союзниками для противостояния Гиреям и узбекам-Шейбанидам. Одним из таких союзников (а формально — сюзереном) стал сибирский Шейбанид, хан Ибрагим-Ибак, оказавшийся в 80-х гг. XV в. наиболее могущественным правителем на бывшей территории Золотой Орды. Ибрагим царствовал в Тюмени, но его приоритет признавали кочевые князья всего заволжского Дешта. Именно этот хан помог лидерам Мангытского юрта — бию Мусе и его младшему брату, мирзе Ямгурчи, отстоять их кочевья в яйцких степях от Большой Орды и казахов. И именно в тот период встречается первое документальное упоминание о присутствии ногаев в Башкирии. В грамоте Ямгурчи к Ивану III от 26 августа 1489 г. бакши (писарь) мирзы, по дипломатическому обыкновению, указал место ее составления: «Мурзин кочев на Белой Волжке был»³⁷⁵. Таким образом, чтобы ни рассказывали шежере о первых ногайских правителях в Уфе — мифическом Ногае или сказочном Тура-хане, неведомом Басмане или легендарном Тюря Баба Туклесе, дипломатическая переписка все-таки является более достоверным источником. Однако и в фольклоре истинные события, конечно, находили отражение. По одной из башкирских легенд, «ногайский хан» Муса летовал у горы Иремень в верховьях Яика и Белой, а зимовал южнее, на яйцких притоках³⁷⁶. Это согласуется с фразой из Посольской книги и также позволяет датировать появление ногайской аристократии в Башкирии концом XV в. (Муса умер где-то в 1500-х гг.). Шежере не сообщают ни о Мусе, ни о Ямгурчи. А вот

³⁷³ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 69.

³⁷⁴ Игнатьев Р. Г. Памятники доисторических древностей. С. 333, 336.

³⁷⁵ Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. Подгот. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М., 1984. С. 19.

³⁷⁶ Мажитов Н. А., Султанова А. Н. Указ. соч. С. 341.

мирза, принадлежавший к следующему поколению, — сын Мусы Алчагир, находит соответствия в фольклорном персонаже Алтакаре.

Алтакар — герой предания, записанного П.И. Рычковым от К. Муллакаева. Этот ногайский мирза отделился от некоего хана и прикочевал на Эмбу. Оттуда, усилившись, он начал нападения на «хана» Басмана, что проживал в Башкирии, пока не убил его. В той же смуте погиб брат и преемник Басмана Тюря, «и Алтакар мурза над всеми ногайцами (Башкирии. — *В.Т.*) владельцем учинился»³⁷⁷. Описанные события привлекли внимание историков настолько, что удостоились попыток датировки. А.П. Чулошников отнес изображенную здесь «феодальную войну» к концу XV — второй четверти XVI вв. и при этом почему-то определил ее временем периода правления ногайского бия Апаса³⁷⁸. А.Н. Усманов «уточнил» хронологию, сузив ее до конца XV — первой четверти XVI вв. — на том основании, что, по легенде, преемник Алтакара Акназар был связан родственными узами с Шейх-Мамаем, реально жившим в первой половине XVI в.³⁷⁹ Такую трактовку в целом приняли также Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова³⁸⁰, Посмотрим, насколько это правомерно.

Аббас («Апас») б. Нур-ад-Дин, глава Мангытского юрта, активно действовал в 1480-х — 90-х гг., участвовал в борьбе за узбекское наследство в степях Казахсана³⁸¹. В 1494 г., рассорившись со своим племянником, могущественным «хакимом Дешт-и Кипчака» Мусой, он в очередной раз присоединился к давнему партнеру ногаев по степным коалициям — тюменскому хану Ибрагим-Ибаку³⁸² (вместе с другим племянником, Ямгурчи). Но вопреки утверждениям А.П. Чулошниковой, Алчагир б. Муса (в котором мы видим прообраз Алтакара) вышел на политическую арену гораздо позднее. В краткой сводке правителей Мангытского юрта, приведенной в «Сборнике летописей» Кадыр Али-бека (начало XVII в.), роль этого мурзы подается в следующем контексте: «Родились Муса с Ямгурчи. Затем был Агиш-бек, сын Ямгурчи. Затем был Хасан-бек, но улусом правил Алчагир-мирза»³⁸³. Следовательно, последний являлся соправителем бия Хасана б. Ваккаса, который фигурирует в документах 1506–1508 гг.³⁸⁴ Действовал Алчагир довольно самостоятельно и не упускал случая подчеркнуть свою суверенность — в частности, по поводу отношений с Россией и Казанским ханством без санкции бия³⁸⁵. После смерти (свержения?) Хасана Алчагир, очевидно, претендовал на бийский престол, т.к. в грамотах Василию III 1508 г. уравнивал себя с биями Ваккасом и Мусой, требуя для себя таких же, как и им, подношений³⁸⁶. И хотя на троне в Сарайчуке утвердился другой сын Мусы, Саид-Ахмед (Шейдяк), Алчагир продолжал считаться главным мир-

---

³⁷⁷ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 69.

³⁷⁸ Чулошников А.П. Башкирия после распада Золотой Орды. С. 54.

³⁷⁹ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С. 66.

³⁸⁰ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 320.

³⁸¹ Об этом см. напр.: МИКХ. С. 19, 20, 99 и др.; Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент, 1967. Рис. 267, 268.

³⁸² Посольская книга. С. 46.

³⁸³ Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1. Казань, 1854. С. 155.

³⁸⁴ Посольская книга. С. 55–57, 64, 65, 79.

³⁸⁵ См.: там же. С. 57.

³⁸⁶ Там же. С. 80.

зой: «Мы у того мурзы и холопи, и братия», — писал о нем его младший брат Шейх-Мамай³⁸⁷.

Мы не имеем документальных свидетельств об отношениях Алчагира с Ногайской Башкирией, тем более что в грамоте, доставленной в Москву в августе 1508 г., сам он извещал, будто «мое кочивще Волга»³⁸⁸. Однако это вовсе не доказывает постоянное и непрерывное пребывание мирзы на западе Ногайской Орды. В том же тексте он сообщает, что в связи с угрозой нападения казахов собирается откочевать на восток «противу их» (правда, с намерением вернуться назад на Волгу «Бог даст, оттоле поздорову»)³⁸⁹. После 1519 г. Алчагир исчезает со страниц документов³⁹⁰. Может быть, он в самом деле пал в боях с казаками, потому что в башкирских легендах утверждается, будто погиб он от руки Акназара³⁹¹, который надежно сопоставляется с казахским правителем Хакк-Назаром и к которому мы вернемся ниже.

Хотя сказители и начинали правление Акназара сразу после гибели Алчагира, в башкирском фольклоре имеются сведения о следующем после Алчагира поколении ногайских мирз. Так, в сказании о Мамай-хане говорится о кочевьях в Башкирии отца Мамай Мусы (см. выше). Мамай появляется и в предании о Ногайском городке при впадении Челновки в Каму, в котором жил некий «ногайский хан» — «современник и едва ли не родня Мамаю»³⁹². Связь этого Мамаю, во-первых, с Мусой, во-вторых, с ногаями позволяет искать прототипа и тезку данного персонажа среди знати Ногайской Орды; и уж ни в коем случае не отождествлять его со знаменитым беклярибеком из племени киятов, господствовавшим в Улусе Джучи во второй половине XIV в. Сын Алчагира Мамай являлся одной из ведущих политических фигур Мангытского юрта второй четверти XVI в. Опись царского архива 1614 г. обозначает период с 1522 по 1533 гг. как время, когда Мамай «был на Нагайской орде во княжое место»³⁹³. Он действовал, главным образом, на Волге; именно он выступил инициатором убийства хана Мухаммед-Гирея I и ногайского вторжения в Крым в 1523 г.³⁹⁴ Там же, между низовьями Волги и Тереком, находились его основные кочевья, хотя свое ополчение он набирал в степях волго-яицкого междуречья³⁹⁵. В 1535 г. он воевал черкесов и стоял на западной границе Ногайской Орды «в заставе от Крыма... всю зиму»³⁹⁶. Заключительное появление Мамаю в документах отно-

³⁸⁷ Там же. С. 82.

³⁸⁸ Там же. С. 80.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Вероятно, последнее упоминание о нем содержится в грамоте крымского хана Мухаммед-Гирея I о том, в частности, что бежавшие от казахского нашествия ногайские мирзы, включая Алчагира, вступили в крымское подданство (Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. 2. СПб., 1895. С. 206, 207).

³⁹¹ Рычков П. И. История Оренбургская. С. 69.

³⁹² Игнатъев Р. Г. Памятники доисторических древностей. С. 339.

³⁹³ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. Ред. С. О. Шмидт. М., 1960. С. 106.

³⁹⁴ См. напр.: Герберштейн С. Указ. соч. С. 183, 184; Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета. Изд. 2-е. М., 1853. С. 263, 264; ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 146.

³⁹⁵ См.: Дунаев Б. И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916. С. 62; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

³⁹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 63.

сится к 1538 г., когда он в числе прочих мирз направил посольство в Москву³⁹⁷. За все эти годы интересующий нас регион фиксируется один раз – в послании мирзы Шейх-Мамая Ивану IV от июля 1535 г.: сын адресата Хан «перелез Белую Волшку» и «твою землю Нократ (Вятку. – *В.Т.*) воевал»³⁹⁸.

Родной брат Мамая Кель-Мухаммед в принципе может быть уподоблен Аксак Килимбету или Кара Килимбету башкирских шежере, которые жили в Башкирии, по мнению А.Н. Усманова, в середине XVI в.³⁹⁹ Но в «Ногайских делах» Посольского приказа находятся более яркие и логичные соответствия им, однако для начала XVII в. Поэтому сейчас мы пока не будем останавливаться на Кель-Мухаммеде.

Предание Кадряса Муллакаева называет следующим за Алтакаром (Алчагиром) ногайским правителем Башкирии его убийцу Акназара. Это очень интересная фигура, и следует присмотреться к ней пристальнее. По К. Муллакаеву, Акназар-султан «был от поколения тутошних старинных ханов»; «владел не только одними ... ногайцами и Башкирею», но также татарскими и среднеазиатскими ханствами; свою дочь он выдал за знатного ногайского мирзу Шейх-Мамая⁴⁰⁰. В предании же, сообщаемом Р.Г. Игнатьевым, «первый хан, пришедший сюда (на Уфимское городище. – *В.Т.*) из Сибири, назывался Алкадар и был царского рода. Он изнурял башкир, отбирал у них земли, скот, имущества ... облагал тяжкой податью, так что за право переплыть реку Белую башкиры платили хану по лисице, бобру и кунице»⁴⁰¹. Выделим значимые моменты: а) Акназар принадлежал к *ханскому* роду (отсюда не являлся мангыто-ногайским мирзой); б) он был из рода *местных* правителей (что тоже не позволяет причислить его к ногаям); в) он управлял всей Ногайской Башкирией; г) установил там налогообложение; д) Акназар стал тестем Шейх-Мамая⁴⁰²; е) граница его владений проходила по Белой; ж) ставка его находилась в Имэн-кале; з) явился в Башкирию из Сибири; и) ко времени прихода туда носил титул султана (т.е. на тот момент не обладал ханским рангом).

Отсутствие в текстах прямой этнической атрибуции привело Н.А. Мажитова и А.Н. Султанову к заключению, что Акназар был ногайским ханом, «одним из потомков местных башкирских ханов, видимо, ногайского происхождения»; при этом слова о господстве его над Поволжьем и Средней Азией доказывают якобы объединение им «в пределах своего государства» всей или большей части территории Башкирии⁴⁰³. А.П. Чулошников увидел в Акназаре «потомка ногайских мурз» и подошел к титулатуре осторожнее, обозначив его не как хана, а как «главного мирзу»⁴⁰⁴, что, как мы увидим ниже, абсолютно правомерно. Почему-то эти авторы не стали разбирать прозрачную аналогию с казахским Хакк-Назаром, которая уже давно бытует в историографии. А.Н. Усманов, к примеру, посчитал, что в народной памяти смешалась информация о Хакк-Назаре и «но-

³⁹⁷ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 33.

³⁹⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 117.

³⁹⁹ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С. 134, 135.

⁴⁰⁰ Рычков П.И. История Оренбургская. С. 69.

⁴⁰¹ Игнатьев Р.Г. Памятники доисторических древностей. С. 336.

⁴⁰² Усманов А.Н. (Добровольное присоединение Башкирии. С. 66) сообщает, что женой Шейх-Мамая стала сестра Акназара.

⁴⁰³ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 319–321.

⁴⁰⁴ Чулошников А.П. Башкирия после распада Золотой Орды. С. 54.

гайском хане» Акназаре, которые жили соответственно во второй и первой половине XVI в.⁴⁰⁵ Из известных мне работ лишь у Р.Г. Кузеева однозначно утверждается, что в данном случае речь в предании идет как раз о Хакк-Назаре⁴⁰⁶. Но эта констатация, естественно, не проясняет причин и обстоятельств появления казахского аристократа в Ногайской Башкирии. Попробуем разобраться.

Хакк-Назар — ведущий деятель политической истории Казахского ханства середины — второй половины XVI в. Этот могущественный государь одно время даже титуловался «ханом казахов и ногаев»⁴⁰⁷. Он был сыном воинственного хана Касима б. Джанибека, вытеснившего ногаев за Волгу в конце 1510-х — начале 1520-х гг. и временно присоединившего Мангытский юрт к своим владениям. После смерти Касима (1521 г.) ногаи не только вернули все свои кочевья и расширили их пределы далеко на восток, но и наголову разгромили преемников Касима в ходе неоднократных войн. В 1537 г. в коалиции с рядом среднеазиатских монархов мангыты убили хана Тугума вместе с тридцатью семью султанами (царевичами)⁴⁰⁸. Трон Казахского ханства оказался в руках бия Саид-Ахмеда и его братьев. Правителями рассеянных казахов стали Науруз-Ахмед и Хакк-Назар⁴⁰⁹. Первый из них, очевидно, был вскоре убит в бою мирзой Ураком б. Алчагиром⁴¹⁰, а второй утвердился на престоле. Из казахского предания известно, что в молодости Хакк-Назар жил у одного из ногайских мирз⁴¹¹. Из башкирского фольклора можно догадаться об имени мирзы, с которым Хакк-Назар находился в наиболее тесных отношениях; это его зять Шейх-Мамай, чьи кочевья и подданные после «реконкисты» находились в Западном и Центральном Казахстане. В 1538 г. бий Саид-Ахмед написал Ивану IV: «Шурина своего Хан Булат солтана царем чиню»⁴¹². Царевич с именем Хан-Булат не известен по другим источникам; но возможно предположить, что в тюркском оригинале грамоты значился именно Хакк-Назар, чье имя — экзотичное для московских переводчиков — имело довольно близкое арабское написание с «Хан Булат». Кроме того, этот человек назван шурином, т.е. братом жены бия. Старшая жена Саид-Ахмеда действительно обозначается в документах Посольского приказа как «Шийдякова царица большая»⁴¹³ — следовательно, принадлежащая к ханскому роду, что в принципе дает право усматривать ее родство с Хакк-Назаром. Таким образом, «Хан-Булат»/Хакк-Назар оказался ногайской креатурой в Казахском ханстве. Вся его последующая деятельность была связана с казахским государством, а первые сведения о нем как о правителе казахов попали на страницы

⁴⁰⁵ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии. С. 66–70.

⁴⁰⁶ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 103, 104.

⁴⁰⁷ История Казахстана. Очерк. Алматы, 1993. С. 113.

⁴⁰⁸ Об этих событиях см.: Исин А.И. Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой в XVI в. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1988, С. 19, 20; *Он же*. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI века // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985. С. 45–49.

⁴⁰⁹ МИКХ. С. 412.

⁴¹⁰ Библиотека восточных историков. С. 164; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М., 1982. С. 117.

⁴¹¹ Абусеитова М.Х. Казахское ханство во второй половине XVI века. Алма-Ата, 1985. С. 49; Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. М.; Л., 1941. С. 90.

⁴¹² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 183 об.

⁴¹³ Там же. Л. 111 об.

дипломатической переписки только в 1552 г.⁴¹⁴ В дальнейшем отношения хана и ногайских биев складывались довольно сложные и в основном враждебные, в 60–70-х гг. XVI в. между ними не раз разгорались жестокие конфликты.

Хакк-Назар, без сомнения, принадлежал к ханскому роду, причем как раз к «поколению тутошних старинных ханов», по выражению К. Муллакаева. Но «тутошних» означает, конечно, не башкирских правителей, а Джучидов левого крыла, к которому относилась Башкирия в XIII–XIV вв. Родословная Хакк-Назара такова: Хакк-Назар б. Касим б. Джанибек б. Барак б. Куйручак б. Урус б. Будакул б. Ходжа б. Уз-Тимур б. Туккай-Тимур б. Джучи б. Чингис-хан⁴¹⁵. Ханское происхождение Хакк-Назара было неоспоримым для ногайских сановников: свою вражду с ним они обосновывали ее исконностью, еще со времен «Акназарова царева отца» (т.е. предка), хана левого крыла Золотой Орды Уруса⁴¹⁶.

Учитывая данные о воспитании его при дворе Шейх-Мамая, мы не находим невероятным, что тот решил породниться с казахским царевичем. С персонай Шейх-Мамая, кстати, связано и странное, на первый взгляд, утверждение предания, будто Акназар явился в Башкирию из Сибири. Выше приводилось свидетельство С. Герберштейна об улусном разделении Ногайской Орды, в соответствии с которым «частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной» правил не кто иной как «Шихамай». А поскольку «Сибирь» в XV – первой половине XVI вв. понималась как территория, главным образом, бассейнов Тобола и Иртыша (и, видимо, до Яика⁴¹⁷), то в башкирском источнике вполне возможно рассматривать «Сибирь» как ногайский удел Шейх-Мамая.

То, что оба башкирских сказания титулуют Акназара султаном, показывает то, что Ногайская Башкирия угодила под его управление до вступления на казахский трон в 1538 г. Думается этим годом нужно ограничить срок наместничества Хакк-Назара над башкирами. Фантастические же сведения о владычестве над Казанью, Астраханью, Бухарой, Хивой и проч. представляются отголоском последующей гегемонии Хакк-Назара в степях Казахстана после окончательного разрыва его с Ногайской Ордой во второй половине XVI в. Впрочем, нагромождение анахронизмов не должно удивлять: в одном из шежере современником голода и мора в Орде в середине XVI в. назван хан «Таукай»⁴¹⁸, прототипами которого, очевидно, являлись ханы или Таваккул б. Шигай (правил в 1590-х гг.), или Таваккул б. Джахангир (конец XVII – начало XVIII вв.).

Итак, с некоторой долей уверенности, мы можем утверждать, что после Мамая б. Алчагира, перекочевавшего к низовьям Волги, Ногайская Башкирия досталась Шейх-Мамаю, который направил туда в качестве наместника-правителя своего воспитанника и родственника, казахского царевича-султана Хакк-Назара. В 1538 г. Саид Ахмед и Шейх-Мамай, разгромившие Казахское ханство, переместили его из Башкирии и поставили ханом над казахами. Вероятно, именно в период наместничества Хакк-Назара окончательно сформир-

⁴¹⁴ Там же. Д. 4. Л. 142, 305 об.

⁴¹⁵ *Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P.L. Desmaisons. T. 1. St.-Petersbourg, 1871. P. 178–179.

⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 231 об.; Д. 9. Л. 28 об.

⁴¹⁷ «Область Сибирь... В ней начинается река Яик, которая впадает в Каспийское море» (*Герберштейн С.* Указ. соч. С. 163–164).

⁴¹⁸ Башкирские шежере. С. 32.

рвалась система ногайского господства над башкирами, столь эмоционально описанная у Р.Г. Игнатьева: налоговый гнет (это новшество было до того значительным, что сохранилось в преданиях), иерархия мирз и местной туземной знати; возможно, в те же времена башкиры подверглись усиленной исламизации. В целом жесткие нововведения Хакк-Назара и Шейх-Мамае в Ногайской Башкирии полностью находились в русле государственных преобразований, предпринятых в Ногайской Орде как раз в 30-х гг. XVI в.⁴¹⁹

По смерти Акназара, — рассказывал К. Муллакаев П.И. Рычкову, — в течение семи лет правил хан Измаил⁴²⁰. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова отнесли это семилетие к рубежу 30-х — 40-х гг. XVI в., потому что преемник Измаила, по преданию такой же «башкирский хан ногайского происхождения» Ахмет Гирей б. Акназар, был современником падения Казани в 1552 г.; отсюда же эти авторы заключили, что Акназар находился в Башкирии в 20-х — 30-х гг.⁴²¹. Парадоксально, но несмотря на полную необоснованность посылки (Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова никак не вычисляют начало правления Ахмет Гирея, чтобы датировать предыдущих правителей), мы должны в общем согласиться с этой периодизацией — но на других основаниях. Во-первых, исторический Хакк-Назар погиб в 1581 г. Поэтому, если прообразом башкирского Акназара послужил казахский султан, то в основе данного сюжета лежала не смерть его, а отъезд на родину, в Казахстан, для воцарения в 1538 г. Во-вторых, для второй четверти XVI в. известен только один Исмаил — знаменитый ногайский мирза, сын Мусы, младший брат Алчагира и Шейх-Мамае, дядя Мамае б. Алчагира. Он появился на исторической арене в середине 1540-х гг. как нурадин — правитель ногайских владений в Поволжье и командующий правым крылом армии ногаев, заменив на этом посту умерших Хаджи-Мухаммеда и Мамае⁴²². Если допустить, что Исмаил стал правителем Ногайской Башкирии после Хакк-Назара, т.е. в 1538 г., то, прибавив 7 лет, получаем 1545 г. — приблизительный срок начала его пребывания на нурадинстве.

Уже просматривается определенная закономерность: Алчагир, Мамае и Исмаил сначала находились на Южном Урале, а потом перебрались на Волгу. Не отразилась ли здесь некая иерархическая система? Не являлся ли пост наместника Башкортостана рангом, предшествовавшим нурадинскому? Мы получим подтверждение этому, когда обратимся к наместничеству сына Исмаила Динбая.

Когда скончался Исмаил, по повествованию К. Муллакаева, Ногайской Башкирией управлял Ахмет Гирей, сын Акназара (тогда же, дескать, в Казани ханствовал Шах-Али). По взятии Иваном IV Казани он со множеством ногаев откочевал на Кубань⁴²³. А.П. Чулошников датировал «вокняжение» Ахмет Гирея 1546 г. — видимо, началом третьего царствования Шах-Али в Казани⁴²⁴. Однако и здесь много несоответствий. Исмаил умер в 1563 г.; правда, как и в случае с Хакк-Назаром, его откочевка из Башкирии могла трансформироваться на фольклорном уровне в смерть. Кроме того, среди ногайских мирз неизвестен Ахмед-Гирей,

⁴¹⁹ *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды.

⁴²⁰ *Рычков П.И.* История Оренбургская. С. 69.

⁴²¹ *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С. 320.

⁴²² *Трепавлов В.В.* Нурадины Ногайской Орды.

⁴²³ *Рычков П.И.* История Оренбургская. С. 69.

⁴²⁴ *Чулошников А.П.* Башкирия после распада Золотой Орды. С. 54.

а «башкирских ханов ногайского происхождения», к которым Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова причислили Ахмет Гирея⁴²⁵, не существовало вообще. Из сыновей Хакк-Назара имена двоих не сохранились в источниках, а остальных звали Мунгатай, Дин-Мухаммед и Тиним⁴²⁶. Единственный истоический деятель — тезка героя башкирского сказания — это брат Кучум-хана, сын Муртазы.

До сих пор в историографии не разбирался вопрос о связи данного шейбанидского царевича с Башкортостаном. По косвенным сведениям можно попытаться восстановить эту связь.

Предание сибирских татар, зафиксированное Н.Ф. Катановым, гласит, что «Акмет Керей хан» был убит своим тестем, и затем воцарился его брат Кучум, которому исполнилось в ту пору двенадцать лет. Пока Кучум рос, его народом управлял султан Ногай⁴²⁷. У Г.Ф. Миллера названо имя тестя-убийцы: князь Шегей⁴²⁸. В башкирском шежере мы уже сталкивались с собирательным «Ногаем» как обозначением ногайского правителя вообще. Видимо, не стоит тратить усилия на поиски реальной исторической фигуры с таким именем, а присмотреться к бию Шегею. Такой человек действительно существовал. Это один из сыновей Мусы Шейх-Мухаммед; в разных источниках представлены различные диалектные варианты произношения имени: Саймагамбет, Сагим, Шахим, Шигим, Шихим (общепринятое в литературе) — и в том числе Шигей⁴²⁹. Но вряд ли Шихим-бий оказался в состоянии распространить свое влияние на Башкирию. Слишком непрочной и недолговечной оказалась его карьера. В конце 1510-х гг. он, в числе прочих мангытских аристократов, отступил за Волгу, спасаясь от казахского нашествия, а в 1520 или 1521 г. был убит в Астрахани. Если допустить, что Кучум воспитывался у Шейх-Мухаммеда до гибели последнего, то получается, что родился он около 1508 г. и ко времени рокового поражения от царских воевод в августе 1598 г. ему было под девяносто лет. Но в тот период Кучум-хан вел весьма активную политическую деятельность, трудно ожидаемую от столь древнего старца.

Если же усматривать в «Шегее» другого ногайского лидера — Шейх-Мамай, то вырисовывается более правдоподобная картина. Во-первых, Шейх-Мамай скончался в 1549 г., и при подобном способе датировки получается, что Кучум родился приблизительно в 1537 г., а потерпел поражение и был убит ногами во вполне дееспособном шестидесятилетнем возрасте. Во-вторых, Шейх-Мамай также имел отношение к Сибири: как уже указывалось выше, этот край находился в его ведении. Полагаю, что и Башкирия находилась в пределах его компетенции во второй четверти XVI в. В 1535 г. войска Шейх-Мамай воевали Сибирский юрт, а отряд его сына Хана тогда же вторгся в северное Заволжье, форсировав Белую⁴³⁰. Кроме того, он осуществлял контроль над Казахстаном, в котором ханствовал возвращенный им Хакк-Назар. В-третьих, прослеживается

⁴²⁵ *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С. 324.

⁴²⁶ *Султанов Т.И.* Указ. соч. С. 118.

⁴²⁷ *Катанов Н.Ф.* Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896. С. 7, 8.

⁴²⁸ Там же. С. 7.

⁴²⁹ См.: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 256. Собрание Н.П. Румянцева. Д. 349. Л. 278; Родословная книга Великого Российского государства великих князей... // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 130 (выше он же назван Шигимом. — Там же).

⁴³⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 101, 117.

аналогия судеб Хакк-Назара и Ахмед-Гирея с Кучумом. Все они воспитывались в Ногайской Орде, из ногайской среды выделялся регент малолетних султанов (вот он — «Ногай сибирского предания!»). Сходной деталью является и породнение через брак. Шейх-Мамай через одну из своих дочерей породнился с Ахмед-Гиреем так же, как и с казахским царевичем.

Если допущение о регентстве Шейх-Мамайя при сибирских Шейбанидах верно, то роль Башкирии при данном повороте событий выглядит значительной и своеобразной. Едва ли можно счесть совпадением то, что и казахский, и сибирский «хан-заде» были направлены в качестве наместников в Имэн-калу. С учетом перспективы их царствования в соответствующих юртах, наместничество в Ногайской Башкирии резонно трактуется как управленческая тренировка, приобретение административных навыков будущими ханами. Источники умалчивают о жизненных перипетиях Ахмед-Гирея и Кучума в тот период. Из сочинения Кадыр Али-бека (начало XVII в.) известно, что они являлись соответственно вторым и третьим сыновьями шейбанидского царевича Муртазы⁴³¹. Если принять датировку А. П. Чулошникова — 1546 г. как начало правления Ахмед-Гирея в Башкирии, то она в целом совпадает со временем отъезда Исмаила оттуда на Волгу, на нурадинство. Во второй половине 1550-х гг. сибирские Шейбаниды вступили в вооруженную борьбу за возвращение себе сибирского престола, отнятого у их династии Тайбугидами, местной нечингидской знатью, в 1495 г. Приблизительно этим периодом, видимо, и следует ограничить наместничество Ахмед-Гирея. Возможно, он действительно погиб в каких-то расправах, разразившихся тогда в Ногайской Орде. Во всяком случае, уже не Ахмед-Гирей, а его младший брат Кучум при помощи ногайских и узбекских войск в 1563 г. смог отвоевать Сибирский юрт⁴³².

На стадии правления Ахмет-Гирея и завоевания Казани исследователи обычно завершают историю «дорусского» развития Ногайской Башкирии. По мнению всех историков, а также по информации большинства шежере и сказаний, вскоре после уничтожения Казанского ханства произошел массовый исход ногаев из Башкирии. Однако мы располагаем вескими доводами, чтобы утверждать, что рецидивы ногайского владычества сказывались здесь на протяжении еще нескольких десятилетий. Но во второй половине XVI в. глава Ногайской Орды для взимания ясака вынужден был «ежегод» снаряжать военные экспедиции на север⁴³³. Пост наместника Ногайской Башкирии сохранился в номенклатуре Орды. Этот наместник уже неоднократно упоминался выше — мирза Динбай б. Исмаил, который с Эмбы направлял к башкирам и истякам своих «данщиков»⁴³⁴.

⁴³¹ Библиотека восточных историков. С. 156.

⁴³² Еще несколько лиц, фигурирующих в башкирском фольклоре как ногайские мирзы или ханы, — Бусай (Бурсай), Ак-Тулуш (Актуш), Бей, Байджура, Би-Тюряк и др. — пока не могут быть идентифицированы с какими-либо реальными деятелями XV–XVI вв. (см.: *Вельяминов-Зернов В. В.* Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Русского археологического общества. 1859. Ч. 4. С. 263, 268; Открытая книга Башкортостана. С. 68; *Соколов Д. Н.* Указ. соч. С. 51, 53). Разве что имя «Бей» заставляет вспомнить сына Шейх-Мамайя Бек-мирзу, активно участвовавшего в политической жизни в 1570-х — 1580-х гг. Однако это имя было очень распространено у населения средневекового Дешт-и Кипчака.

⁴³³ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 46, 367, 391; 1586 г. Д. 8. Л. 9.

⁴³⁴ Там же. Д. 8. Л. 274 об.

Данный пост он получил от отца, вероятно, в 1558 г., по возвращении к бию Исмаилу после неудачной попытки эмиграции в Крым. Со смертью бия Дин-Ахмеда в 1558 г. его младший брат, нурадин Урус, занял престол, а следующий по старшинству брат, Динбай, перебрался с Эмбы на Волгу и стал, в свою очередь, нурадином. К кому же перешли наместнические полномочия? 3 августа 1578 г. в Москву доставили грамоту мирзы Саид-Ахмеда б. Мухаммеда, внука Исмаила. Послание, в частности, гласило: «А брат мой (строго говоря, дядя. — *В.Т.*) Тинбай мирза что владел иштыки — мне пожаловал. А яз коли по Волги кочевал, и на дружбе и на правде как стоял еси (надо: есми. — *В.Т.*), а ныне: и свыше того на твоей (Ивана IV. — *В.Т.*) службе учну стоять»⁴³⁵. В самом деле, в документах за 60-е — 70-е гг. XVI в. Саид-Ахмед вместе с младшим братом Кучуком значатся как кочующие по берегам Волги⁴³⁶. Значит, в 1578 г. иерархическая пирамида пришла в движение, и мирзы по очереди переместились на одну ступеньку выше. Около 1584 г. Саид-Ахмед заступил на должность нурадина и вернулся на Волгу⁴³⁷. Пост наместника Ногайской Башкирии снова стал вакантным. Мы не имеем данных о присутствии там ногаев в конце XVI в. В Орде разразилась очередная смута; около 1589 г. погиб нурадин Саид-Ахмед, в 1590 г. — бий Урус, началась десятилетняя кровавая распря. В политику вошло следующее поколение мирз, к которому принадлежали, в частности, внуки бия Дин-Ахмеда б. Исмаила Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед и Аксак Кель-Мухаммед.

Эти лица изображаются в некоторых шежере и преданиях как последние ногайские правители башкир, братья Каракилимбет и Аксак/Акияк/килимбет. Кочевали они якобы в землях племени мин — первый в верховьях Демы, второй — в районе озера Азкират. Первоначально дружные между собой, они поссорились и вступили в борьбу друг с другом, а затем оба ушли из Башкирии на юг. А произошло это-де в годы русского завоевания Казани⁴³⁸. Трудно сказать определенно, насколько эта информация отражает действительное положение дел. Архивные материалы застают Кара Кель-Мухаммеда и Аксак Кель-Мухаммеда в начале XVII в. уже под Астраханью. В то время интересы «Больших Ногаев» сосредоточивались в основном в междуречье нижнего Яика и нижней Волги. Военно-политическая обстановка (усиление России, продвижение калмыков, противостояние с казачеством) не позволяла мирзам сохранять за собой всю бывшую территорию Орды. Тем не менее в конце XVI в., по крайней мере, при бие Ураз-Мухаммеде (правил приблизительно в 1590–1598 гг.) каки-

⁴³⁵ Там же. Д. 9. Л. 46–46 об.

⁴³⁶ Там же. Д. 8. Л. 251, 383; Д. 10. Л. 131 об.

⁴³⁷ Там же. Д. 9. Л. 24, 26, 28. Административные перемещения в Ногайской Орде изображены здесь упрощенно. В левом крыле Орды существовала своя, относительно автономная структура старшинства мирз — в основном, потомков Шейх-Мамая, во главе с наместником-кековатом, главной крыла (см.: *Третьяков В.В.* Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Гурьев, 1991. С. 62–64). Кроме того, в северо-восточных районах ногайской державы для управления населением, откочевавшим из разгромленного казаками и воеводами Сибирского юрта, в конце XVI в. была учреждена наместническая должность тайбуги.

⁴³⁸ *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии. С. 6; *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству // Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 62; *Филоненко В.И.* Указ. соч. С. 31. Не вижу оснований отождествлять Каракилимбета с казанским князем Кель-Ахмедом (см.: *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Указ. соч. С. 329; *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии. С. 77).

е-то пережитки ногайского сюзеренитета сохранялись, о чем можно судить из депеши Кара Кель-Мухаммеда тобольским воеводам в марте 1613 г.: «При отце моем (Ураз-Мухаммеде. — *В.Т.*) в башкирцах и окола башкирец Бучюкурской волости при отце моем и при мурзах на них ясак и подати имывали»⁴³⁹. В первые полтора десятилетия XVII в. башкирская политика Ногайской Орды была связана исключительно с именем Кара Кель-Мухаммеда. Он не только стоял «в заставе от калмык и от башкирцов», держал воинские отряды возле Уфы, но и рассматривал окрестности города как свое яйлау, летнее кочевье⁴⁴⁰. Более того, в цитированной грамоте в Тобольск он пытался договориться с воеводами, чтобы его сборщикам ясака не было «никакие порухи» от русских властей⁴⁴¹. Торговцы из его улуса приходили с товарами в башкирские волости⁴⁴².

В 1601 г. промелькнуло сообщение — в грамоте уфимского воеводы своему тобольскому коллеге — что со всей Башкирии «имали ясак» сорок ногаев из улуса Канная б. Динбая⁴⁴³. Вероятно, можно заключить, что между уходом на нурадинство Саид-Ахмеда в 1584 г. и правлением Кара Кель-Мухаммеда в первых десятилетиях XVII в. вклинился какой-то период, когда наместнические функции перешли к мирзе Канаю.

Русская администрация и в столице, и на местах давно уже пыталась отвести мирз от всяких поползновений на управление. В 1610 г. для бия Иштерека была заготовлена шерстная запись, в которой, кроме прочего, предусматривалось обещание ногайской стороны «на башкирдцов... не приходи и улусных своих людей... не посылати»⁴⁴⁴. Тем не менее набеги отдельных разрозненных отрядов продолжались до середины XVII в., причем ногаи заходили далеко на север — до Исети⁴⁴⁵.

За недостатком места мы не можем подробно останавливаться на причинах падения власти Ногайской Орды над башкирами; недостаток документальных источников не позволяет детально раскрыть этот процесс. Впрочем, борьба местного населения против степных мирз, как и уход последних на юг («на Кубань»), это наиболее разработанные сюжеты в историографии ногайского периода истории Башкортостана (правда, почти исключительно на фольклорных материалах). Укажем лишь на несколько существенных моментов.

Мы не находим каких-либо оснований причислять мирз, правивших в Башкирии, к антимосковской партии бия Юсуфа⁴⁴⁶ — одной из двух основных противостоящих политических группировок Орды в середине XVI в. Логически допуская, что мангытские наместники без восторга восприняли покорение «неверным» Казани, мы все-таки пока не располагаем прямыми указаниями на участие башкир или их ногайских сюзеренов в борьбе партий. Сам Юсуф никак не был связан с Башкортостаном; напротив, его противник Исмаил, глава русофильской группировки, являлся там держателем удела (см. выше). Ногайско-

⁴³⁹ Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). Ред. С.К. Богоявленский, И.С. Рябинин. М., 1915. С. 81.

⁴⁴⁰ Там же. С. 26; Ногайские дела. 1613 г. Д. 1. Л. 1, 2.

⁴⁴¹ Акты времени междуцарствия. С. 81.

⁴⁴² *Миллер Г.Ф.* Указ. соч. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 207.

⁴⁴³ Там же. Т. 2. С. 165.

⁴⁴⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). Собр. и ред. А.М. Гневушев. М., 1914. С. 231.

⁴⁴⁵ См.: *Шишонко В.Н.* Указ. соч. С. 184.

⁴⁴⁶ См. напр.: *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии. С.

башкирские противоречия диктовались в первую очередь, конечно, не внутриногайскими коллизиями, а стремлением местного населения, и прежде всего, местной аристократии, к поиску более надежного и могущественного патрона. Таковым после 1552 г. явно становился царь и великий князь Иван Васильевич. Начался обычный для средневековья переход знати из подчинения одному государю к другому. Ослаблению власти ногайских биев способствовали также политический кризис и экономическая катастрофа, разразившиеся в Орде в середине – второй половине 1550-х гг. (о голоде, эпидемиях и падеже скота свидетельствует множество независимых друг от друга источников, в том числе башкирские шежере). Падение ногайского господства, следовательно, оказалось следствием ослабления державы ногаев и усиления России. Ногайская Башкирия неизбежно становилась ареной столкновения интересов двух государств. Но интересно, что это столкновение было практически бескровным. Русские в данном случае не пошли по «казанско-сибирскому» пути – не стали на путь прямого завоевания. Вооруженные силы применялись воеводами лишь по отношению к ногайским «данщикам». Здесь российские власти действовали быстро и жестко, хотя в принципе не возражали против того, чтобы ногаи продолжали кочевать на Южном Урале. Сборщиков ясака, снаряженных биями и мирзаминаместниками, хватали, вязали и бросали в тюрьмы (см. выше данные от 1578, 1586 гг.). Наивысшего напряжения русско-ногайские отношения достигли по поводу строительства Уфы, о чем говорит широко известная переписка бия Уруса и Федора Ивановича во 2 половине 1580-х гг. Именно основание русской крепости отрядами стрельцов и размещение гарнизона воеводы Ивана Нагого в Уфе в 1594 г., а тем более учреждение там воеводства (аналога прежнего ногайского наместничества!) знаменовало собой окончание владычества Ногайской Орды над башкирами. Очевидно, кроме прочих факторов, помещение русской администрации в бывшей главной ногайской ставке Имэн-кале имело по отношению к ногаям и некоторый оттенок демонстрации. Россия прочно утверждалась в Заволжье и на Урале и неуклонно двигалась в Сибирь. Ослабленные раздорами и экономическими неурядицами правители Ногайской Орды не могли воспрепятствовать формированию нового гегемона Евразии.

В заключение попробуем наметить хронологию ногайских наместников Башкирии на основании приведенных в нашем очерке данных.

Ямгурчи (конец 1480-х – рубеж XV вв.)

Алчагир (начало XVI в.)

Мамай (1 четверть XVI в., с 1536 г. нурадин⁴⁴⁷).

Хакк-Назар (около 1522–1538 гг., с 1538 г.) – казахский хан

Исмаил (1538 – около 1545 гг., с 1545 г. нурадин⁴⁴⁸).

Ахмед-Гирей (1546 – около 1558 гг.)

Динбай (1558–1578 гг., с 1578 г. нурадин).

Саид-Ахмед (1578 – около 1584 гг., с 1578 г. нурадин).

Канай (конец XVI – начало XVII вв., с 1623 г. биц)

Кара Кель-Мухаммед (начало XVII в. – 1623 г., с 1623 г. нурадин)⁴⁴⁹

---

⁴⁴⁷ Расчет хронологии нурадинов см. в статье «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании. Пост нурадина был введен у ногаев приблизительно в 1536 г.

⁴⁴⁸ Документальные свидетельства за 1545–1558 гг. отсутствуют.

⁴⁴⁹ Как видим, гипотеза о довольно высоком иерархическом ранге наместника Ногайской Башкирии в целом подтверждается. Пять из десяти известных наместников переместились

Ногайский компонент в истории и цивилизации Евразии

В истории некоторых народов Евразии существовал так называемый ногайский период. В качестве научного термина это понятие фигурирует в историографии башкир и каракалпаков; фольклорные памятники казахов и кыргызов также связывают «героический век» с эпохой гегемонии ногаев (ногайлы). Данное терминологическое явление служит отголоском событий XV–XVII вв., когда средневековый народ ногаев и его политическое образование Ногайская Орда занимала территорию степного пояса Восточной Европы и Казахстана. С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и кыргызов, татар поволжских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, а также многочисленных народов Северного Кавказа. Влияние ногаев на соседей можно свести к трем аспектам — политическому, этническому и культурному.

Политическое влияние. Ногайская держава доминировала и являлась одним из безусловных гегемонов Восточной Евразии сравнительно непродолжительное время — в течение первой половины XVI в. Однако ее политическое воздействие на соседей началось раньше и продолжалось после этого периода. Влияние ощущалось прежде всего в татарских ханствах — таких же, как и Ногайская Орда, наследниках и «осколках» Золотой Орды. Мангыты, правящее племя ногаев, занимали ведущее положение среди золотоордынской нечингисидской знати в конце XIV–XV вв. Поэтому когда государство Джучидов распалось, потомки мангытского бия (главного военачальника) Эдиге также заняли посты биев в наследных ханствах. Правда, в Крыму и Казани эта должность существовала лишь формально, но в Астрахани и в Большой Орде мангытский бий являлся действительным соправителем монарха. После разгрома крымцами Большой Орды в начале XVI в. большая часть живущих там мангытов переселилась в крымские владения и заняла кочевья между Перекопом и Днепром. Основная же масса мангытов и ассоциированных с ними племен (т.е. ногаи) сконцентрировалась в междуречье Волги — Янка — Эмбы и образовала Ногайскую Орду. Отношения последней с крымскими ханами-Гиреями складывались непростые, часто враждебные. Тем не менее нередкими были переходы ногайских улусов из-за Волги на «крымскую сторону». Эти миграции увеличивали число ногаев в государстве Гиреев. К середине XVI в. Мангыты (Мансур улы) стали одним из четырех знатнейших и наиболее влиятельных кланов в Крыму; в конце того же столетия конница ханства состояла уже в основном из ногаев. В 1570-х гг. там была учреждена заимствованная из Ногайской Орды должность нурадина — второго (после калги) наследника престола. Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, сажать на престолы своих ставленников. По данным

на нурадинскую должность. Впрочем, Ямгурчи и Алчагир жили еще до учреждения нурадинства в Ногайской Орде.

источников, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена — подданные мангытских беков. Восточными соседями Ногайской Орды были казахи и ханства Средней Азии. Отношения мангытов с казахскими ханами тоже развивались сложно, случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «реконкиста», и Казахское ханство на несколько десятилетий превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили, главным образом, приютом для беженцев из ногайской державы — биев и мирз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе. Политическое влияние ногаев на Россию было ограниченным — как из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров, так и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XVI в. в Московское царство стали переселяться мирзы, некоторые из которых положили начало княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды часто действовали в составе русской армии в Ливонской войне и позже, в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

Этническое влияние. В фольклоре каракалпаков — народа, некогда вышедшего из Ногайской Орды, сохранились многочисленные воспоминания о пребывании их в составе страны Ногайлы; о ногайско-каракалпакской этноисторической общности свидетельствуют и близкие соответствия в названиях родоплеменных подразделений. Народ «ногай» фигурирует в героическом эпосе кыргызов «Манас» как дружественный кыргызам, составляющий с ними единое владение, улус; именно из ногаев происходит сам богатырь Манас. В результате двух больших волн переселений XVI в. ногайский элемент закрепился и в составе казахского этноса. Особенно заметно было его присутствие в Младшем жузе на западе Казахстана, где до начала XX в. сохранялись группы «ногай». Несомненным стимулом подобной ассимиляции послужило и то, что Младший жуз целиком находился на бывшей территории Ногайской Орды. Еще более были распространены группы с названием «ногай» среди башкир, особенно юго-восточных. Есть свидетельства о проживании ногаев на землях Сибирского ханства. Инфильтрация ногаев повсеместно влекла за собой увеличение монголоидности в облике населения, количества кипчакских элементов в языке, кочевых черт в культуре. Таким образом, носители этнонима «ногай» проникли в состав почти всех окрестных народов. Не случайно соседи расценивали ногаев как полиэтничную общность и называли этим именем представителей разных этносов: ногаями называли северную группу крымских татар, населявшую степи вне полуострова; для казахов «нугай» — это поволжские татары и башкиры; для калмыков «уулун мангад» (горные мангыты) — балкарцы и карачаевцы; и т.д.

Культурное влияние. Весьма существенным оказалось воздействие ногаев на материальную и духовную культуру сопредельных стран. Уже к XVI в. население Ногайской Орды стало для земледельческих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и конных воинов. Именно оттуда получала основной племенной фонд для своей конницы, в частности, Россия; ежегодно огромные табуны пригонялись из-за Волги в Москву и Казань. Не будет преувеличением утверждать, что русская дворянская кавалерия XVI—XVII вв. в боль-

шинстве своем формировалась из ногайских лошадей. Соответственно и амуниция всадника (седло, стремяна, аркан, плеть-нагайка) заимствовались из того же источника. Ногаи прививали навыки обращения не только с лошадьми, но и с другим домашним скотом, и разведения его в Ставрополье и Дагестане (волы ногайской породы), Осетии и Черкесии (верблюды), на Ярославщине (овцы). Ногайские традиции сказывались на повседневном быте. Например, барабинские татары имели обыкновение кочевать «по-ногайски в телегах»; астраханские татары при выпекании хлеба пользовались «ногайской печью» (нугай пиче) и т.д. В ходе миграций ногаи несли вместе с языком и некоторые элементы духовной культуры, а литературный язык-тюрки Дешт-и Кипчака воспринимался, например, османами, как ногайский. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый «ногайский цикл», повествующий об Эдиге и его потомках. Сама фигура родоначальника мангытских биев Эдиге была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей.

Рассмотрение различных видов и форм влияния ногаев на цивилизацию народов Евразии показывает, что наиболее ранним было политическое воздействие. Оно достигло кульминации в XV–XVI вв., в эпоху существования Ногайской Орды. Вторым по значимости в тот период было влияние культурное. После распада ногайской державы (первая треть XVII в.), когда ногаи расселились на восток и запад от «Мангытского юрта», их политическая роль резко снизилась. Но появление ногайской диаспоры привело к значительному усилению ее этнического влияния и влияния ногайской культуры на соседей. На протяжении последних пяти столетий ногайский народ внес значительный и долговечный вклад в историю и цивилизацию Евразии.

Хакимы Кипчакской степи (предки ногайцев в XIV–XV вв.)

Мангытский юрт, более известный в историографии как Ногайская Орда, был одним из влиятельных участников политических событий в Восточной Европе и Центральной Азии XV–XVI вв. Поэтому его история привлекала внимание исследователей. Однако до сих пор написано мало работ, посвященных внутреннему развитию Юрта. Историков занимали сюжеты, связанные, главным образом, с его внешними контактами и участием в международной политике. Причем, наблюдается явный перекося в сторону ногайско-русских отношений. Это легко объясняется состоянием источниковой базы. В абсолютном большинстве сохранившихся документов, имеющих отношение к ногаям, отражены взаимосвязи Юрта с Россией, и хранятся такие документы в российских архивах (прежде всего в архиве Министерства иностранных дел, ныне – Российский

государственный архив древних актов). А поскольку московское правительство завязало эти отношения с 1480-х гг., то и историю Ногайской Орды обычно начинают с того времени. Основатель русской профессиональной историографии Н.М. Карамзин прямо так и писал, имея в виду события начала 1481 г. (сибирско-ногайский поход на Большую Орду): «Отселе татары ... ногайские ... являются действующими в нашей истории и в сношениях с Москвою»⁴⁵⁰. Действительно, развитие Ногайской Орды с конца XV по начало XVII вв. в общих чертах известно и неоднократно описано в литературе (хотя все-таки монографически не исследовано до сих пор). Период же предшествующего столетия очень слабо затронут наукой. В основном ногаи XV в. выступали в трудах медиевистов как некий фон событий, разворачивавшихся в соседних государствах — державе Абу-л-Хайра, Большой Орде, Казахском ханстве, Сибирском юрте. Еще более загадочна эпоха XIII—XIV вв., от которой почти не осталось свидетельств о предках ногаев.

Занимаясь историей Ногайской орды, нам пришлось столкнуться с этой сложной историографической ситуацией, а также с рядом заблуждений и стойких штампов, которые, не будучи ни разу доказанными и высказанные однажды в виде гипотез, со временем превратились в «общее место» и кочуют от одного автора к другому. К таковому относятся слава Эдиге как основателя Ногайской Орды, а также связь золотоордынского беклярибека Ногай с позднейшими ногаями. Ногай, дескать, являлся первым правителем мангытов в Дешт-и Кипчаке и их эпонимом; его именем стали называть население его улуса и сам этот улус. Поскольку подобные утверждения стали традиционными в литературе, нам необходимо хотя бы вкратце остановиться на них и оценить их основательность.

Отметим сразу: не обнаружено средневекового текста, который однозначно связывал бы ногаев или их правящих род (Эдигу уругу мангыт) с Ногаем. Ногайские аристократы (мирзы) считали своим предком беклярибека Эдиге, который, в свою очередь, возводился к халифу Абу-Бекру⁴⁵¹. Не известен также средневековый источник, объясняющий этноним «ногай» в какой-либо связи с Ногаем. Население улуса Ногай действительно могло получить название по имени своего владетеля, но им вовсе не обязательно мог быть тот самый беклярибек, правнук Джучи по линии Мувала, кочевавший в Северо-Западном Причерноморье. Спорность наследования его имени населением Ногайской Орды почти через два столетия после его гибели уже многократно отмечалась исследователями. Но форма обозначения ногаев как «ногайлы» (т.е. ногаевцев) в фольклоре Восточного Дешт-и Кипчака в принципе подтверждает происхождение данного этнонима от антропонима: аффикс принадлежности «-лы» демонстрирует наличие какого-то действительного Ногай в прошлом. И можно предположить, что в истории Восточного Дешта в самом деле присутствовал некий Ногай. Он оставил память о себе в качестве могущественного степного правителя в фольклоре башкир и киргизов⁴⁵². Сведения киргизского эпоса «Ма-

---

⁴⁵⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. М., 1989. С. 100.

⁴⁵¹ Ананьев Г. Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 16; DeWeese D. Islamization and native religion in the Golden Horde. University Park, 1994. P. 386, 387.

⁴⁵² См. напр.: Киреев А.И. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970. С. 192; Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, 1980. С. 176, 178, 179.

нас» перекликаются с трактатом Сайф-ад-Дина Ахсикенти (XVI в.) «Маджму' ат-таварих». По Ахсикенти, Ак-Ногай и Кара-Ногай были сыновьями правителей соответственно Крыма Ак-Хусейна и Булгара Кара-Хусейна, изгнанных в Туркестан Онг-ханом⁴⁵³. Кара-Ногай б. Сасы, потомок Тука-Тимура б. Джучи, жил в левом крыле Золотой Орды в первой половине XIV в. и участвовал в расправах царевичей-Чингисидов, одно время даже занимал трон левого крыла⁴⁵⁴. По Л. Лянглесу, тот Кара-Ногай был сыном Зекире-Ногая б. Ногая⁴⁵⁵. Потомками Ногая называют ханов левого крыла Муин-ад-Дин Натанзи (XV в.)⁴⁵⁶. Наконец, казахский просветитель начала XX в. Шакарим Кудайберды улы полагал, будто «Ногай-хан» было прозвищем Бахадура б. Шибана б. Джучи⁴⁵⁷.

Хотя последняя из приведенных точек зрения наиболее логично позволяет определить происхождение этнонима, в настоящее время мы не можем установить, какой из этих Ногаев стал эпонимом народа. Существование такого эпонима, равно как и наименование Ногаева улуса его именем вне зависимости от племенной принадлежности, подтверждается и «северной» редакцией летописного рассказа о нападении хана Ибрагима-Ибака и ногаев на хана Ахмеда в 1481 г.: «И приде на него из Заволжья Ногаевич князь Иванча нагаиской князь, и само уби»; «Царь же (Ахмед. — В.Т.) приехав в Орду и там Ногаичи убиен бысть»⁴⁵⁸. Здесь Шибанид Ибрагим назван Ногаевичем, т.е. потомком Ногая, а соратники Ибака — Ногаичами.

Еще более загадочна связь таинственного Ногая с мангытами и с их Юртом. В российской научной литературе принято мнение М.Г. Сафаргалиева, по которому понятие «ногаи» в европейских источниках впервые упоминается у Матвея Меховского в «Трактате о двух Сарматиях» 1517 г., в восточных — в сочинении османского историка Дженнаби (конец XVI в.)⁴⁵⁹. Мы пока не находим оснований возражать относительно Матвея Меховского, но восточные документы фиксируют ногаев гораздо раньше Дженнаби. Самое раннее упоминание о них нам встретилось в грамоте ордынского хана Шейх-Ахмеда великому князю литовскому Александру (начало 1500 г.): «Из наперед сего з нагайским неприятелем были есьмо, а ныне с ними в приятельство зашли есьмо»⁴⁶⁰. Арабописьменный оригинал данного послания не сохранился, но интересующее нас выражение возможно восстановить как «нугай тушманы». Вообще в восточных текстах этот народ, как правило, обозначается как «нугай эли», «нугай таифа», «таифа-йи нугай». Наименование же его владения встречается очень редко, обычно в формах «улус-и нугай», «улус-и мангит (мангут)», «мангит юрт». Синонимичное ему выражение «Ногайская Орда» попадает в русских

⁴⁵³ «Собрание историй». Маджму' ат-таварих. Л., 1960 (далее — Ахсикенти). Л. 32 б, 35 б.

⁴⁵⁴ *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 110–113; *Юдин В.П.* Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Там же. С. 62, 63.

⁴⁵⁵ *Langlés L.* Notice chronologique des khans des Crimée // Forster G. Voyage du Bengale aPetersbourg. Т. 3. Paris, 1802. P. 375, 376.

⁴⁵⁶ *Натанзи Муин ад-Дин*. Мунтахаб ат-таварих-и Муини. Тегеран, 1336 (1957). С. 81.

⁴⁵⁷ *Шакарим Кудайберды-улы*. Родословная тюрков, казахов, киргизов. Алма-Ата, 1990. С. 98. 109.

⁴⁵⁸ Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, т. 26). М.; Л., 1559, С. 274; Софийская вторая летопись (ПСРЛ, т. 6). СПб., 1853. С. 232; Холмогорская летопись (ПСРЛ, т. 33). Л., 1977. С. 124.

⁴⁵⁹ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 226.

⁴⁶⁰ *Pulaski K.* Stosunki z Mendli-Girejem, chanem tatarow perekopskich (1469–1515). Krakow, 1881. S. 243.

документах, которые отражают уже самый первый контакт Москвы с ногаями в 1489 г., в литовских — в 1510 г.⁴⁶¹ Однако история ногаев прослеживается, конечно, гораздо раньше.

Мангыты в XII–XIV веках

В XII в. монгольское племя мангутов рассеялось между борджигинами, кочевавшими по Онону, и тунгусскими племенами Среднего Амура, а также близко соседствовало с забайкальскими монголами-баргутами⁴⁶², т.е. занимало территорию, приблизительно соответствующую нынешней китайской провинции Хэйлуцзян. По «Тайной истории монголов», анонимной хронике XIII в., они происходили от Начин-багатура — потомка монгольской праматери Алан-гоа в пятом поколении⁴⁶³; по хронике Лубсан Данзана (XVIII в.) — от Мангхудая, принадлежавшего к шестому колену потомства Алан-гоа⁴⁶⁴; персидский историк Рашид-ад-Дин (XIV в.) назвал предком мангутов Джаксу (Яхши), седьмого потомка Алан-гоа⁴⁶⁵. Они причислялись к той же фратрии нирун, что и Чингисиды-борджигины⁴⁶⁶, следовательно, состояли в довольно близком генеалогическом родстве с ними.

Во время межплеменной борьбы Чингис-хана за всемонгольский трон значительная часть мангутов во главе с нойоном Куилдаром присоединилась к нему и верно служила. Куилдар неоднократно проявлял героизм в сражениях, хан очень ценил его и даже побратался с ним. Глава мангутов просил Чингис-хана, чтобы тот позаботился о его детях в случае его гибели. Когда нойон действительно погиб, Чингис-хан выполнил просьбу побратима и назначил особый «сиротский налог» в пользу потомков Куилдара⁴⁶⁷. Впоследствии сын Куилдара возглавил «тысячу» мангутов во время войны в Северном Китае⁴⁶⁸.

Упомянутые официальные хроники не отразили переселения мангутов в Дешт-и Кипчак, где позднее сформировался Мангытский юрт. Тем не менее связь западных мангытов и восточных мангутов несомненна, т.к. в позднем средневековье монгольские народы продолжали называть ногаев мангутами⁴⁶⁹.

Многopleменный этнос ногаев сформировался во 2 половине XV в. в междуречье Волги-Яика-Эмбы. Этнополитическим ядром ногайской державы являлись мангуты. Это название получили восточные кипчаки, которые в XIII в. в составе Улуса Джучи (Золотой Орды) оказались на землях, отданных в юрт

⁴⁶¹ *Idem.* S. 374; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508. М., 1984. С. 17.

⁴⁶² Викторова Л.Л. Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. С. 16; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 184.

⁴⁶³ Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 года. Элиста, 1990. С. 18.

⁴⁶⁴ Erten-ü gad-un ündüsülegen törü-yosun-u jokiyal tobçilan quriyaqsan altan tobci kemekü orosibai. 1 debter. Ulaganbagatur, 1937. С. 18.

⁴⁶⁵ Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1. С. 184; кн. 2. М.; Д., 1952. М. 29.

⁴⁶⁶ Там же. Т. 1. Кн. 1. С. 78, 79.

⁴⁶⁷ Там же. С. 184, 185; кн. 2. С. 125, 272; Erten-ü gad-un. С. 76, 139, 146.

⁴⁶⁸ Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 179, 272.

⁴⁶⁹ См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983. С. 229; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 37. 229.

(район кочеваний) немногочисленному монгольскому племени мангутов. Мангуты вскоре смешались с кипчаками, переняли их язык и культуру, оставив им свое этническое имя. В различных документах разбросаны свидетельства о дислокации предков ногаев до размещения их на Яике. Попытаемся разобрать эти свидетельства. В перечнях племен, выделенных Чингис-ханом в удел (улус) своему сыну Джучи, мангуты никогда не назывались. Поэтому приходится оперировать косвенными данными.

Сами ногаи представляли свою древнейшую историю следующим образом. Караногайское (т.е. северодагестанское) предание, опубликованное в 1863 г. А. О. Рудановским, гласит, будто их «народ кочевал несколько лет возле городов Бухары, Хивы и Оркаи (вероятно, Ургенч. — *В. Т.*) под покровительством Чингис-хана». Затем ими стали управлять два калмыцких хана Бодролтой и Бурголтей, которые принялись притеснять подданных. По этой причине ногаи перекочевали в урочище Алатавлы-Киргз (так. — *В. Т.*) под начало Узбек-хана. Оттуда они вскоре переместились со всеми стадами и кибитками «к озеру Ака-Оку под покровительство тамошнего бия Мусы»⁴⁷⁰. Как видим, данная версия охватывает, во-первых, период от Чингис-хана (первая треть XIII в.) до Мусы (2 половина XV в.), во-вторых, очерчивает маршрут миграции: Мавераннахр и Хорезм — горы Алатау (Юго-Западный Казахстан и Кыргызстан) — озеро Аккуль. Все эти местности довольно далеки от рек Яика (Урал) и Эмбы — будущего ядра Мангытского юрта. Тем не менее какой-то отголосок пребывания предков ногаев в Средней Азии можно усматривать также в кыргызском эпосе «Манас», где «ногоям» отводится значительная роль. Кроме того, обрисованная Натанзи область правления потомков Ногай (Улуг-Таг, Секиз-Ягач, Каратал, Дженд, Баркченд)⁴⁷¹ указывает примерно на тот же регион.

Более спрямленный путь переселения отображен в ногайском предании, зафиксированном в «Описании Калауско-Саблинского и Бештово-Кумского народов» 1837 г.: «Предки ногайцев обитали прежде в Бухарии и были тогда идолопоклонниками». Приняв ислам от «султана Бабатукла», они «перешли из Бухарии на реку Волгу, в нынешнюю Астраханскую губернию»⁴⁷². Здесь миграция изображена уже как непосредственный переход из Мавераннахра к Волге, хотя и без уточнения периода. Впрочем ясно, что произошло это после миссии проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Тукласа, который действовал в Улусе Джучи во времена хана Узбека (правил в 1312–1341 гг.)⁴⁷³. Передвижение предков под влиянием миссионера твердо держалось в памяти народа. В 1907 г. ногайский старик сообщил русскому исследователю, что ногайцы в прошлом «вышли из Индии, некоторое время жили с монголами, но появившийся святой (имя не называется. — *В. Т.*) велел им уйти от неверных»⁴⁷⁴ — здесь уже не от калмыков, как в публикации А. О. Рудановского, а от монголов. Думается, эти разновременные записи, называющие после Монголии или «Индии» местом первого

⁴⁷⁰ Рудановский А. О. О Караногайской степи и кочующих по ней племенах // Кавказ. 1863. № 48. С. 301.

⁴⁷¹ Натанзи. Указ. соч. С. 81.

⁴⁷² РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3076. Л. 30. 30 об.

⁴⁷³ Утемиш-хаджи. Указ. соч. С. 106, 107.

⁴⁷⁴ Пашин П. Из поездки к ногайцам с антропологической целью // Русский антропологический журнал. 1912. № 1. М. 39.

поселения «Бухарию», отразили один из этапов передвижения протоногаев по Евразии.

Хивинский правитель и историк XVII в. Абу-л-Гази Бахадур-хан в своем сочинении «Шаджара-йи таракимэ» сообщает, что после того, как Джучи обосновался в Дешт-и Кипчаке, «он переселил сюда свою семью и все или, которые дал ему отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в Кипчакский юрт. Потом этот юрт достался мангытам»⁴⁷⁵. Хотя автор и не приводит названий илей, резонно предположить, что среди них оказались и мангыты. Во-первых, они тоже явно перешли в Улус Джучи, поскольку он в конце концов «достался» им. Во-вторых, мангыты могли принадлежать не к племенам, выделенным сыну Чингис-ханом, а к тем уругам «узбеков», что переселились в «Кипчакский юрт» после того. Кстати, укажем, что в приведенном выше «Описании» 1837 г. отмечается, будто «многочисленные их (предков ногаев. — *В.Т.*) роды некогда составляли один народ, известный под названием узбеков»⁴⁷⁶. Занимательно и связь переселения ногаев на запад с именем хана Узбека в народном предании. В ногайском и башкирском фольклоре есть упоминания также об Азиз-Джанибеке, возглавившем ногаев при переходе их из «Великой Татарии» или Бухарии на Волгу⁴⁷⁷. Монеты с именем этого правителя чеканились в Новом Сарае в 767/1365/66 г.⁴⁷⁸ Следовательно, можно предполагать, что заметное переселение целого мангытского массива с юго-востока произошло в 1350-х — 1360-х гг. До этого времени неизвестны какие-либо крупные перемещения населения. В первой половине XIV в. Золотая Орда находилась в зените могущества, и ее правительство не допускало перехода племен из одного крыла или улуса в другой, чтобы не нарушить стройную систему деления населения и территории. А вот в ходе смут, начавшихся после смерти хана Джанибека (1357 г.), в Дешт-и Кипчаке в самом деле начались масштабные миграции.

Утемиш-хаджи б. Маулана Мухаммед Дости в сочинении «Чингиз-наме» (XVI в.) передает, что в то время «кыйят Мамай забрал правое крыло и ушел с племенами в Крым». После убийства хана Хызра и разорения его соперниками стольного Сарая (1361 г.) большая часть иля (эля) ушла в вилайет Крыма к кыйяту Мамаю⁴⁷⁹. Хызр был сыном вышеупомянутого Шибанида Мангудая и возглавлял ханство правого крыла. Одновременно с ним в левом крыле ханствовал Кара-Ногай, имевший резиденцию на Сыр-дарье⁴⁸⁰. Ни тот, ни другой правитель не связывается в источнике с мангытами. Но именно данный период обозначен в других документах как время переселения их в Волге.

Утемиш-хаджи говорит об уходе иля еще дальше на запад — в Крымский вилайет, включавший не только полуостров, но и степи от Нижнего Днепра до Нижнего Дона. Есть некоторые данные об участии в этой миграции мангытов

---

⁴⁷⁵ Кононов А.Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М.; Л., 1958. С. 20, 21.

⁴⁷⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3076. Л. 30.

⁴⁷⁷ Корнис В. Краткий обзор положения ногайских татар, водворенных в Мелитопольском уезде Таврической губернии // Телескоп. 1836. Ч. 33. С. 5; Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915. С. 12.

⁴⁷⁸ Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов. XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 7. Л., 1983. С. 40.

⁴⁷⁹ Утемиш-хаджи. Указ. соч. С. 108, 113.

⁴⁸⁰ Там же. С. 112.

и других восточных кипчаков. В одном из башкирских сказаний Крым предстает как прародина ногаев⁴⁸¹. В Крыму действуют и многие богатыри — герои ногайского эпического цикла (впрочем, последнее может быть связано с расселением ногаев в крымских владениях в XVII–XVIII вв.). Подобные передвижения отражены и в казахском эпосе «Эр-Таргыл», где главный персонаж является выходцем из кыргызов, бежавшим к народу «кырк сан кырым»⁴⁸² (ср. легендарный маршрут из ногайских сказаний: Мавераннахр — Кыргызский Алатау, а затем информацию Утемиш-хаджи об уходе народа с территории Казахстана в Крым). Таким образом, кажется вероятным форсирование Волги племенем (илем) мангытов или значительной его части в середине XIV в. Но Крым тоже довольно далек от Яика, будущего места расположения Мангытского юрта. Следует продолжить поиски следов передвижений предков ногаев.

Разгром ханом Тохтамышем Мамаю в 1380 г. привел к рассеянию его иля. Те кипчаки, что когда-то явились в Крым с Мамаем, вынуждены были искать убежище в дальних краях. Отголоски этого расселения сохранились в различных регионах Восточной Европы. Из многих источников явствует, что первичная и временная остановка случилась на берегах Кубани. В частности, в мордовском фольклоре слово «губан» (кубанец) обозначает ногайца⁴⁸³. Башкирские народные генеалогии рассказывают, что после русского завоевания Казани в середине XVI в. массы ногаев, правивших тогда Башкирией, откочевали на Кубань — прежнее место жительства их отцов, откуда те бежали «от жару»⁴⁸⁴. К данным сюжетам примыкает донская казачья легенда о начальнике Донского войска Адиге или Атике, который из города Черкассы, называвшегося тогда Орн, «перешел на восточную сторону Азовского моря и между двумя рукавами Кубани построил замок своего имени Ада»⁴⁸⁵. Черкассы в середине XVII в. действительно были административным центром Донского войска и в этом повествовании являются анахронизмом. Но район Черкасс (степное нижнее Поднепровье) в начале XVI в. служил кочевьем ногаев, оставшихся в Крымском вилайете на территории Большой Орды и позднее закрепившихся в Крымском ханстве⁴⁸⁶. Адиг/Адик разительно напоминает родоначальника мангыто-ногайских биев Эдиге (арабская транслитерация: Адику), хотя он погиб в 1420 г., а во время предполагаемого переселения мангытов из Крымского улуса на Кубань (1380-е гг.) находился при дворах Тохтамыша, а затем Тимура. Тем не менее какие-то отголоски кипчакской миграции могли проявиться в этом фольклорном рассказе, и события реконструируются таким образом, что некоторая часть протоногаев осталась в Северном Причерноморье, а другая часть переместилась к востоку, на Кубань.

⁴⁸¹ Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 69.

⁴⁸² Молдобаев И. Б. Вопросы этнической истории кыргызов XIII–XVII веков // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Тезисы. Бишкек, 1995. С. 60.

⁴⁸³ Булатов.

⁴⁸⁴ Башкирское шежере. Уфа, 1960. С. 32; Соколов Д. Н. Опыт разбора одной башкирской летописи // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Оренбург, 1898. С. 51.

⁴⁸⁵ Попов А. История о Донском войске. Ч. 1. Харьков, 1814. С. 116.

⁴⁸⁶ См.: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884. С. 119.

Следующим пунктом миграции оказывается долина Терека. В марте 1524 г. член русского посольства в Турцию М. Тверитинов доложил в Москву, что «пошел Мамай мырза от Асторохани кочевать на старое ногайское кочевие на Терк реку под Тюмень, подалось к Хвалынскому морю»⁴⁸⁷. Расселение ногаев на этой реке на столетие ранее отразилось в ногайском эпосе. После перемирия хана Кадыр-берди б. Тохтамыша с Нурадилем (Нур-ад-Дином) б. Эдиге последний признал в первом «единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости». За это хан подарил ему «в полную собственность степь, орошаемую Терекон и Сулаком»⁴⁸⁸. Свидетельством пребывания мангытов на Тереке служит и предание крымских ногайцев, приведенное В.Д. Смирновым. У предка ногайцев Байраса б. Улуса от трех жен было шестнадцать сыновей, которых называли общим наименованием Татар-Тоб. Уже сам публикатор связал это наименование с местностью Татар-Топа на Тереке⁴⁸⁹. Действительно, на левом берегу Терека, напротив осетинского селения Эльхотова, располагалась средневековая крепость Татартуп («стоянка татар»). От нее сохранялся знаменитый минарет XIV в., разрушившийся в 1981 г. Жителями этой крепости, по мнению М.М. Базоркина, были крымцы, которых Мамай переселил к Кавказу⁴⁹⁰.

С переселением ногайцев связывают оседание в этих местах легендарных «борганов» и основание ими мавзолея Борга-Каш в селе Плиево (Ингушетия) Е.И. Нарожный и Л.П. Семенов⁴⁹¹. Вопрос об авторстве мавзолея, как и об идентичности борганов и ногаев очень сложен. В пользу сближения двух народов говорят традиционные связи мангутов и буркутов (ср. «борган») в период обитания их по соседству друг с другом в Северной Монголии. В то время между ними существовал брачный обмен⁴⁹². Присутствие будущих основателей Мангыского юрта в Предкавказье на рубеже XIV–XV вв. доказывается и аналогиями в кочевнических погребальных комплексах этого региона с Заволжьем и Приуральем⁴⁹³.

Конец XIV в. в истории Улуса Джучи отмечен нашествиями Тимура. В походе 1391 г. он прошел через Центральный и Западный Казахстан, пересек Яик и разорил левобережье Волги. В 1395 г. его армия из Азербайджана вторглась на Северный Кавказ. На берегах Терека произошел полный разгром ордынского хана Тохтамыша. После этого Тимур опустошил Волго-Донское междуречье и Нижнее Поволжье. В промежутке между кампаниями случились события, которые многие историки трактуют как основание Ногайской Орды.

⁴⁸⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 269 об.

⁴⁸⁸ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1885. С. 454.

⁴⁸⁹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 77, 78.

⁴⁹⁰ Базоркин М.М. Борганы в Присунженской долине // Известия Чечено-Ингушского респ. краеведческого музея. Вып. 10. Грозный, 1961. С. 138.

⁴⁹¹ Нарожный Е.И. Л.П. Семенов и изучение ранней истории ногайцев // Научное наследие Л.Н. Семенова и проблема комплексного изучения литературы и культуры народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 129, 130; Семенов Л.П. Мавзолей Борга-Каш // Известия Ингушского НИИ краеведения. Вып. 1. Владикавказ, 1928. С. 217 сл.

⁴⁹² Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 1. Кн. 1 С. 185.

⁴⁹³ Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды. Тез. докл. и сообщ. М.; Терекли-Мектеб, 1991. С. 18.

По свидетельству арабского историка XV в. Ибн Арабшаха, из похода 1391 г. Тимур вернулся в Самарканд. Его сопровождал эмир Идигу из племени ак-мангытов, союзник Тимура в борьбе с Тохтамышем. Из столицы Мавераннахра Идигу (Эдиге) тайком от Тимура послал гонца к своим родичам и соседям, равно как и ко всем племенам левого крыла, «чтобы они, оставив свою страну и покинув родину, отошли в такие места, добраться до которых тяжело и опасно, и при этом не задерживались бы на стоянках по два дня. В противном случае Тимур сможет догнать и разгромить их». Племена подчинились и откочевали в глухие районы. Дождавшись этого, Идигу сбежал от Тимура⁴⁹⁴.

Более поздние авторы застают мангытов, племя Эдиге, между реками Яиком и Эмбой. Видимо, это междуречье и оказалось тем самым местом «добраться до которого тяжело и опасно». Предосторожности Эдиге понятны: он опасался карательного похода за измену. Но верно рассчитал, что Тимур не станет посылать армию на северо-запад, по маршруту 1391 г., где джучидские владения были уже разорены, и все мыслимые трофеи захвачены. Повторная экспедиция в опустошенный край казалась невероятной. Так и произошло. Тимур довольно спокойно перенес предательство соратника, к тому же он был занят подготовкой к завоеванию Ирака. Впрочем, в 1395 г. бывшие мангыто-кипчакские кочевья на Тереке оказались им захвачены и разграблены. А Эдиге вернулся к мангытам. Очутившись среди соплеменников, вне досягаемости войск Тимура, он смог укрепиться в западноказахстанских степях и положить начало долговечному племенному владению — Мангытскому юрту.

Скорее всего его послание было направлено в место компактного проживания мангытов и родственных им племен — на берега Терека, которым предстояло стать следующим объектом нападения среднеазиатского завоевателя, и Эдиге как приближенный последнего, мог знать об этом. Повинуясь совету своего удачливого предводителя, мангытам пришлось переправиться через Волгу и уйти на восток (на западе и севере кочевали улусы Тохтамыша и его воинственных сыновей). В таком случае становятся понятными обвинения отца Эдиге, Кутлу-Кыя, хану Тохтамышу в татарском варианте дестана «Идегей»: «Мой народ убавил ты, Дважды переходить Идиль (Волгу. — *В.Т.*) Мой народ заставил ты... В бестравные солончаки, В бурые глинистые пески Мой народ отправил ты»⁴⁹⁵. Действительно, если вспомнить обрисованные нами выше миграции восточных кипчаков, то их ильям пришлось форсировать Волгу два раза — при переходе из Средней Азии через Казахстан в Крымский вилайет и оттуда через Северный Кавказ в Западный Казахстан. При этом Тохтамыш в самом деле заслуживал упреков, поскольку был активным участником династических смут среди Джучидов, из-за которых и происходили миграции в степях, а также инициатором войны с Тимуром. Второе переселение, из Крыма на Яик отразилось в фольклоре каракалпаков, выделившихся из Ногайской Орды в конце XVI — начале XVII вв. В 1945 г. Т.А. Жданко записала родословие каракалпакских родов бес-сары и бексиык, в котором говорится, будто предки

⁴⁹⁴ *Ибн Арабшах Ахмад*. Аджаиб ал-макдур фи ахбар Тимур. Каир, 1335 (1887/88). С. 59. Краткие упоминания об этих событиях см. также: Йазди Шараф ад-Дин. Зафар-наме. Ташкент, 1972. С. 462; *Histoire des conquêtes de Tamerlan intitulée Zafarnama*. Т. 1. Praha, 1937. (далее — Шами). Р. 14.

⁴⁹⁵ Идегей: Татарский народный эпос. Казань. 1990. С. 14.

их кочевали еще в Крыму, затем перешли Волгу, Яик, а позже обосновались в Туркестане⁴⁹⁶.

Намеченный нами путь движения предков ногаев по Дешт-и Кипчаку не следует представлять в виде поголовного и единодушного предприятия. Части племен могли откалываться от основного массива и селиться самостоятельно или присоединяться к другим владениям. Какая-то часть, и видимо, значительная, оставалась в Восточном Деште. Может быть, и сам Эдиге был родом из этой группировки, поскольку его отец Балтычак, по сообщению Натанзи, состоял беклярибеком (амир ал-умара) при хане левого крыла Тимур-Мелике б. Урус⁴⁹⁷. Что касается племени мангытов, то оно было раздроблено не только территориально, но и политически. Так, в 1375/6 г. их представитель Кепек входил в дружественное посольство хана Уруса к Тимуру, в то время как другой мангыт, Эдиге, был противником Уруса и скрывался у того же Тимура⁴⁹⁸. Через полвека активным политиком-мангытом левого крыла был некий Сарыг-Шиман, вероятно, не связанный с Мангытским юртом⁴⁹⁹. Мангыты входили в войско Мухаммеда Шейбани, воевавшего в Южном Казахстане и Мавераннахре в конце XV — начале XVI вв.⁵⁰⁰.

В конце 1380-х гг. наблюдается рост влияния «мангытских смутьянов» в правом крыле, при золотоордынском дворе. Они сумели оттеснить от трона баринских и кунгратских беков и якобы настроили хана Тохтамыша против Тимура⁵⁰¹. Один из этих смутьянов, старший брат Эдиге Иса, участвовал во всех сражениях ордынской армии с Тимуром⁵⁰². Таким образом, мангытская знать активно проявила себя и в ханстве правого крыла Улуса Джучи, что объясняется не в последнюю очередь происхождением Тохтамыша из восточных степей, откуда вышли и сами мангыты. Однако и до массового притока мигрантов из Заволжья какая-то часть этого племени, очевидно, кочевала на Волге. По Мунису, мангыт Сонкор-мирза, проживавший на Волге, в конце XIII в. помогал хану Тохте в разгроме беклярибека Ногая⁵⁰³.

Магистральной линией исторического развития и миграций предков ногаев после переселения мангутов из Монголии являются, конечно, передвижения по Дешт-и Кипчаку. Но есть отдельные следы другого направления движения. Кыргызские предания рассказывают о прародителях народа Ногое и Шигае, которые изначально обитали на Енисее в Сибири, затем приняли ислам и вместе с найманами ушли в Среднюю Азию, где в Чуйской долине основали орды «Ногойскую и Шигайскую»⁵⁰⁴. Легендарный Ногой не имеет ничего общего ни

---

⁴⁹⁶ *Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л., 1950. С. 128; см. также: *Толстова Л.С., Утемисов А.* Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. Вып. 4 (14). Нукус. 1963. С. 46–50.

⁴⁹⁷ *Натанзи.* Указ. соч. С. 95.

⁴⁹⁸ Там же. С. 423; *Йазди.* Указ. соч. 335; *Шами.* Указ. соч. С. 75.

⁴⁹⁹ *Кухистани Масуд.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // МИКХ. С. 143–145, 64, 168.

⁵⁰⁰ Бабур Захир ад-Дин. Бабур-наме. Ташкент, 1993. С. 85; *Бинаи Камал ад-Дин.* Шайбани-наме // МИКХ. С. 111–113.

⁵⁰¹ *Йазди.* Указ. соч. С. 386; *Шами.* Указ. соч. С. 78.

⁵⁰² *Йазди.* Указ. соч. С. 376, 402, 403, 455, 569.

⁵⁰³ *Bregel Yu.* Tribal tradition and dynastic history. The early rulers of the Qongrats according to Munis // Asian and African Studies. 1982. Vol. 16. P. 368.

⁵⁰⁴ *Кыдырбаева Р.З.* Указ. соч. С. 169.

с беклярибеком Ногаем б. Татаром, ни с Кара-Ногаем, т.к. родословная этого персонажа содержит имена отнюдь не Джучидов: Ногай сын Когейкана, сына Тюбейкана, сына Бууракана, сына Бабыркана⁵⁰⁵ (впрочем, два последних имени сопоставимы со столь же сказочными лидерами ногаев периода их переселения из Крыма на Кавказ — Бора-ханом и Батыр-ханом)⁵⁰⁶. Присутствие мангыт-ногаев в Западной Сибири оказалось весьма заметным. Найденная в конце XIX в. Н.Ф. Катановым в Тобольске тюркская рукопись «Хасса айна» называет в качестве коренных жителей Прииртышья народы «хотан, ногай и кара-кипчак»⁵⁰⁷. У сибирских татар сохранились тугумы (кланово-патронимические объединения) под названиями «ногай» и «мангыт»⁵⁰⁸. Причем, если группы с этнонимом «ногай/нугай» могут быть причислены к потомкам позднесредневековых переселенцев, то носители этнонима «мангыт» представляют собой реликт гораздо более древних пришельцев. Архаические, домусульманские черты их культуры позволяют предполагать прибытие их предков из Монголии в раннем средневековье — возможно, до XIII в⁵⁰⁹.

Итак, в первой половине 1390-х гг. восточные кипчаки во главе с Эдиге закрепились, наконец, в степях Западного Казахстана, в бассейнах Яика и Эмбы. Исторические обстоятельства сложились так, что именно там они смогли утвердиться настолько, что образовали собственное кочевое владение, юрт. В условиях распада Золотой Орды главным гарантом существования нового образования был лидер мангытов Эдиге.

Эпоха Эдиге

Историческая память ногаев фиксирует начало истории Мангытского юрта (Ногайской Орды) от Эдиге. В Родословцах XVII в., составленных в Москве со слов ногайских информаторов, «Магнит Едигей князь» трактуется как «начало Орде Нагаиской»⁵¹⁰. При этом откочевка племен левого крыла по его приказу в конце XIV в. настолько укоренилась в историографической традиции, что приблизительная дата этого события (1391 г.) стала чуть ли не официальной. Осенью 1991 г. в Ногайском районе Дагестанской АССР торжественно отмечался «юбилей» Ногайской Орды⁵¹¹. Средневековые историки тоже отсчитывали историю самостоятельного политического существования ногаев от эпохи Эдиге. Абу-л-Гази видел в образовании Мангытского юрта переход власти от

⁵⁰⁵ Там же. С. 170.

⁵⁰⁶ См.: *Нарожный Е.И.* Указ. соч. С. 130.

⁵⁰⁷ *Катанов Н.Ф.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против иноверцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. Вып. 12. Казань, 1903. С. 136, 143, 150.

⁵⁰⁸ *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 25, 30; *Томилов Н.П.* Сибирские татары: кто они? // От Урала до Енисея (народы Западной и Средней Сибири). Кн. 1. Томск, 1995. С. 31, 32, 34.

⁵⁰⁹ *Селезнев А.Г.* Барабинские татары: Истоки этноса и культуры. Новосибирск, 1994. С. 78–80.

⁵¹⁰ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 84. Л. 52; Родословная книга Великого Российского государства великих князей // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 10. М., 1851. С. 130.

⁵¹¹ См. напр.: *Акиев У.* Ногайской Орде — 600 лет // Время (Минеральные воды). 1991. № 25 (10458).

дома Бату к мангытам⁵¹², а младшие современники Абу-л-Гази, составители родословной князей Юсуповых 1654 г., отразили ту эпоху следующим образом: «Взял Эдиге бек взятьем Джанибека царя юрт и учинился на ево месте государем»⁵¹³. То есть почти через триста лет после рассматриваемых событий усиление Эдиге и его юрта также выглядело как отнятие власти у хана Джанибека. Думаю, что в последней фигуре могли смешаться отголоски сведений о золотоордынских ханах Джанибеке б. Узбеке (правил в 1342–1357 гг.) и упоминавшемся выше Азиз-Джанибеке (1365–1366). И.Л. Щеглов располагал сведениями (по всей видимости, фольклорными), будто Эдиге собрал под свою власть «заяицкие орды», которые были охвачены смутой после ханов Озиза и Омурата⁵¹⁴ (последний сопоставим с марионеткой Мамай, ханом правого крыла Мюридом (1361–1364)).

П.П. Иванов правильно отметил, что хотя в информации Ибн Арабшаха приказ Эдиге об откочевке адресован ко всем племенам левого крыла, все-таки в первую очередь он должен был обращен к его родному племени, т.е. к мангытам⁵¹⁵. Надо полагать, не только мангыты стремились удалиться подальше от Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья, охваченных смутой. Поэтому можно предполагать изначальное проживание в Мангытском юрте и других племен. Но именно мангыты оказались костяком нового образования — как в силу авторитета своего бека, так и по причине многочисленности. О ней говорят многие документы. Например, «История о Казанском царстве» (середина 1560-х гг.) сообщает, будто у Эдиге было семьдесят сыновей от тридцати жен (по другим спискам, тридцать сыновей от девяти жен), и у одного только младшего сына находилось под началом десяти тысячная армия. «Того же ради, — заключает анонимный автор «Истории», — прозваша ся мангыты сильныя, тем и покорятися царю (т.е. хану. — *В.Т.*) не восхотеша и на Орду Большую дерзнуша»⁵¹⁶. Аналогичную причину усиления Эдиге приводит тоже анонимная «Кырым ханлары тарихи» (середина XVIII в.): «...Возвысился над ханами, по причине многочисленности народа своего и поколения, Идику, один из ... могущественнейших членов поколения мангут»⁵¹⁷. Испанский посол к Тимуру в начале XV в. Р.Г. де Клавихо оценивал силы орды «Едигуя» в двести тысяч всадников⁵¹⁸. Вдали от грозного Тимура племена левого крыла под властью Эдиге смогли оправиться от последствий внутренних усобиц и вражеских нашествий и вскоре стали мощной опорой своему предводителю. Эдиге начал практиковать интронизацию марионеточных ханов и вытребовал у них для себя ранг беклярибека. О поддержке его племенами Ибн Арабшах пишет: Эдиге «возвел в столице хана, созвал к нему начальников левого крыла и предводителей его (крыла. — *В.Т.*) племен. Они повиновались и явились к нему, по-

---

⁵¹² Кононов А.Н. Указ. соч. С. 44.

⁵¹³ РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵¹⁴ Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910. С. 66.

⁵¹⁵ Иванов П.П. Очерк истории каракалпаков // Материалы по истории каракалпаков. М.; Л., 1935. С. 25.

⁵¹⁶ История о Казанском царстве (Казанский летописец) (ПСРЛ, т. 19). СПб., 1903. С. 15, 203.

⁵¹⁷ Негри А. Извлечение из турецкой рукописи, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 381

⁵¹⁸ Клавихо Р.Г. Дневник путешествия ко двору Тимура (1403–1406 гг.). М., 1990. С. 144.

скольку превосходили силой остальных и не опасались дурного от джагатаев» (т.е. от Тимура. — *В. Т.*)⁵¹⁹.

О конституировании Юрта уже в эпоху Эдиге говорит такая принципиальная деталь. Несмотря на наличие традиционных Джучидских улусных крыльев, население, подвластное Эдиге, тоже разделилось на два крыла, обозначив этим свое автономное существование. Такой вывод позволяет сделать сентенция из грамоты ногайского мирзы Динбая б. Исмаила, доставленной в Москву в августе 1578 г.: «А прадеда нашего Едигея князя карачеи (здесь — подданные. — *В. Т.*), а словут онсол (т.е. правое и левое крыло. — *В. Т.*), и многово улуса люди»⁵²⁰. Сила и организованность нового Юрта были таковы, что он стал прибежищем для мангытов, рассеянных по всему Дешт-и Кипчаку, а также для кочевников из многих других кипчакских илей. Наиболее разительным показателем этого является присутствие там вышеупомянутого Исы. Этот бывший беклярибек хана Тохтамыша тоже переселился за Волгу и перешел в фактическое подчинение к своему младшему брату Эдиге, сохранив свой высочайший ранг при ставленнике Эдиге, хане Пуладе (1409–1411). В 1409/10 г. Пулад, Эдиге и Иса направили совместное посольство к Шахруху б. Тимуру в Герат. Эдиге и Иса у Абд-ар-Раззак Самарканди названы «обладателями власти в странах узбекских»⁵²¹.

Основная территория кочевания мангытов и примкнувших к ним илей, т.е. собственно Юрт, находилась к востоку от Яика. Расхожим летописным русским эпитетом «Едигея князя» был «заяицкий»⁵²². М.Г. Сафаргалиев произвел следующий приблизительный расчет: в 1411 г. Эдиге, поссорившись с ханом Тимуром б. Тимур-Кутлугом, уехал сперва в Хорезм, а затем в свой улус, располагавшийся в десяти днях пути от Хорезма; английский путешественник середины XVI в. Дженкинсон отмечал, что от Хорезма до ногайской столицы Сарайчука расстояние в десять дней; стало быть, улус Эдиге находился в районе Яика, у города Сарайчука⁵²³. Привязка кочевой экономики к рекам позволяет наметить пределы Мангытского юрта того времени междуречьем Яика и Эмбы. Резиденцией главы Юрта естественно должен был стать Сарайчук — единственный крупный ордынский город в тех местах (возможно, он даже не был разрушен Тимуром).

В нашу задачу не входит изложение деятельности Эдиге на посту беклярибека, тем более что она подробно отражена во множестве исследований. Нас интересует судьба Мангытского юрта — непосредственных владений Эдиге. Каракалпакский вариант дестана «Эдиге» передает, что после ухода Тимура восвосяи в Мавераннахр Эдиге решил воспользоваться ослаблением разбитого Тохтамыша и продиктовал ему условия раздела сфер влияния: «Отказавшись от незаселенных земель по одной стороне Волги, ты отдай их в мое распоряжение; а кроме того, ты не требуй подати с лиц, ко мне приходящих, а равно и с нищих, вдов и сирот». Хан согласился и подписал договор, который забрал себе Эдиге. Узнав о том, что на левобережье Волги не нужно платить налогов, из-

⁵¹⁹ *Ибн Арабшах*. Указ. соч. С. 469–470.

⁵²⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 240.

⁵²¹ *Самарканди Абд ар-Раззак*. Матлаи садайн ва мажмаи бахрайн. Ташкент, 1969. С. 139.

⁵²² История о Казанском царстве. С. 14, 212; Сказание о царстве Казанском, М., 1959. С. 29.

⁵²³ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 187.

мученный войнами народ потянулся во владения беклярибека, и вскоре число подданных Тохтамыша уменьшилось вшестеро⁵²⁴. Ясно, что хан даровал Эдиге и подвластным ему землям тархан (налоговый иммунитет) и фактически вывел из-под своей юрисдикции. Через четыре года, придравшись к угону лошадей людьми Тохтамыша, армия Эдиге форсировала Волгу и напала на хана. Сын Эдиге Нурадил (Нур-ад-Дин) убил его⁵²⁵. Это яркое событие позднее заслонило в народной памяти мирный договор о тарханстве, и ногаи XVII в. считали, будто Эдиге получил Поволжье в результате войны: «Предки наши, праотец Идигии князь, с Токтамышем князем о Волге воину вели. И Волгу праотец наш Идигии князь у Тахтамыша князя взял воиною»⁵²⁶. Русские и восточные хроники не содержат упоминаний о данном соглашении, а Ибн Арабшах представляет отношения двух правителей как череду вооруженных конфликтов⁵²⁷. Но существование подобного разделения власти и территории косвенно доказывается территориальными претензиями ногайских мирз к России после завоевания ею Астраханского ханства. В 1562 г. бий Ногайской Орды Исмаил перечислял местности и острова на Волге и ее рукаве Бузане, которые некогда «достались прародителям моим, великому князю (т.е. беклярибеку Эдиге. — *В.Т.*) и Нурадыну мирзе»⁵²⁸.

Таким образом, в первые же годы самостоятельного правления Эдиге границы Мангытского Юрта продвинулись к западу и уперлись в Волгу. «А отца (т.е. предка. — *В.Т.*) моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь реке» (Эмбе), — писал Исмаил в 1560 г.⁵²⁹ Видимо, уже в то время намечилось и географическое разделение будущих крыльев Ногайской Орды — «он-сол»: правое, западное крыло поступило под начало Нур-ад-Дина б. Эдиге, левое располагалось в восточных кочевьях и находилось, очевидно, под формальным главенством самого беклярибека. Позднее когда Ногайская Орда полностью сформировалась, именно имя Нур-ад-Дина стало нарицательным для обозначения правителя и военачальника ее правого крыла⁵³⁰. Распределение власти и территории между отцом и сыном также зафиксировано в ногайско-русской переписке: «А Волга и Яик — обое то отца (предка. — *В.Т.*) моево юрт, потому что отец мой князь велики (Эдиге. — *В.Т.*) на Яике, а другой отец же мне, Нурадин мирза, — на Волге»⁵³¹. Интересно, что в отличие от обычно условных межгосударственных рубежей в кочевом мире, ногаи помнили детальное расположение удела Нур-ад-Дина в лабиринте протоков и островов Нижней Волги. В грамотах Исмаила 1562 г. неоднократно упоминаются «которые были места достались прародителям моим, великому князю (Эдиге. — *В.Т.*) и Нарадыну мирзе: шестьдест шесть шеломенеи да по Бозану реке Караших да Кулеткай-

⁵²⁴ *Беляев И.А.* Сказание об Едигее и Тохтомыше. Каракалпакская народная поэма // Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. 3. Асхабад, 1917. С. 37.

⁵²⁵ Там же. С. 38, 39.

⁵²⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 2. Л. 159 (грамота мирзы Кара Кель-Мухаммеда б. Ураз Мухаммеда).

⁵²⁷ *Ибн Арабшах.* Указ. соч. С. 61, 62.

⁵²⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 56 об., 57, 81, 81 об.

⁵²⁹ Там же. Д. 5. Л. 167–167 об.

⁵³⁰ См. статью «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁵³¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 129.

ыр словет, да Синее море. Те места бывали прародителей моих юрты»⁵³². Через два года новый бий, Дин-Ахмед б. Исмаил, просил Ивана IV передать ногаям «Бузан обе стороны, потому что юрт Нурадын мирзин»⁵³³. Похоже, какое-то соглашение со скрупулезным разграничением рубежей влияния по одному из волжских рукавов действительно имело место.

Эдиге самостоятельно сносился с иностранными государями, но это скорее служит показателем его всевластия в поздней Золотой Орде, чем аргументом в пользу автономии Мангытского юрта того времени. Ведь несмотря на тарханские льготы и фактическую независимость от бессильных ханов, район обитания предков ногаев формально продолжал входить в Улус Джучи и причислялся к его левому крылу (Кок-Орде).

Беклярибек не смог удержать власть. После ссоры с одной из своих креатур, проживания в Хорезме и скитаний по восточным степям он в 1420 г. в районе Сарачука подвергся нападению войска хана Кадыр-берди б. Тохтамыша и погиб. Но его предыдущее могущество имело решающее значение для формирования особого статуса мангытов в татарских ханствах XV–XVI вв.

Состоя в ранге беклярибека, Эдиге управлял всеми государственными делами Золотой Орды. Непосредственно Мангытский юрт он, судя по всему, доверил сыновьям, из которых ближайшим его соратником в разных источниках выступает Нур-ад-Дин. Матерью этого мирзы была, по одним фольклорным известиям, дочь Шатемира (т.е. Тимура), по другим – сестра Тохтамыша, по третьим – уроженка Булгара некая Айтулы, дочь Ал-Гумера⁵³⁴. В варианте дестана «Эдиге» у разных тюркских народов указывается, что Нур-ад-Дин («Нур-адил») возглавил Юрт после смерти отца⁵³⁵. То же утверждение встречается и в научной литературе, причем иногда даже указывается даты правления Нур-ад-Дина (1426–1440) без всяких ссылок на источники⁵³⁶. Но сыновья Эдиге, коорых средневековые авторы называют во главе Мангытского юрта после его гибели в 1420-х гг., – это Мансур и Гази (см. ниже). Значит правление Нур-ад-Дина с большей вероятностью следует отнести к периоду жизни его отца. Именно на склоне лет Эдиге разразился его конфликт с сыном, о котором сохранились отдельные противоречивые сведения. В татарском варианте дестана «Эдиге» рассказывается, будто когда Эдиге возвел на трон хана Шадибека (1400 г.), произошла его ссора с Нур-ад-Дином. Беклярибек разгневался и изгнал мирзу, который, превратившись в «казака», был вынужден скитаться по степям от Сыгнака до Хаджи-Тархана⁵³⁷. Противоположная версия данного конфликта приводится в компиляции Л. Лянглеса: Эдиге сместил хана Пулада (1410 г.) и возвел Тимура – вопреки совету сыновей, в том числе Нур-ад-Дина, воцариться самому или же доверить трон Нур-ад-Дину. Встретив отказ,

⁵³² Там же. Л. 56 об.– 57.

⁵³³ Там же. Д. 7. Л. 41 об.– 42.

⁵³⁴ *Валиханов Ч. Ч.* Сочинения. СПб., 1904. С. 269; Идегей. С. 28, 30; Ногайдынъ кырк баътири: Ногай халк дестанлары. Махачкала, 1991, С. 309.

⁵³⁵ *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания // Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Ставрополь, 1909. С. 13; *Валиханов Ч. Ч.* Указ. соч. С. 229; *Диваев А.* Этнографические материалы. Вып. 5. Ташкент. 1896. С. 32.

⁵³⁶ См. напр.: История Казахстана: Очерк. Алматы, 1993. С. 182; Очерки истории ССР: Период феодализма IX–XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 465.

⁵³⁷ Идегей. С. 200, 201.

последний начал войну с отцом. Чтобы не доводить дело до кровавой развязки, беклярибек удалился в Хорезм. Тронутый терпимостью отца, Нур-ад-Дин якобы настоял на его возвращении⁵³⁸. Очевидно, какая-то историческая основа под этими известиями имеется. Русские летописи также связывают отъезд Эдиге из Орды с воцарением Тимура⁵³⁹.

Во всяком случае, ногайский эпический фольклор сохранил память о периоде самостоятельного правления Нур-ад-Дина, точнее его соправительства с ханом Кадыр-берди б. Тохтамышем (1412–1420 гг.). Царствование этого хана оказалось слишком кратким, чтобы считать его фиксацию в преданиях случайностью. Ногайские сказания гласят, что после длительной вооруженной борьбы Кадыр-берди и Нур-ад-Дин помирились и заключили соглашение, о котором уже упоминалось выше. Мирза признал в сыне Тохтамыша «единственного хана Золотой Орды и навсегда отказался от своей независимости, стал верным полководцем своего хана»⁵⁴⁰.

Однако ногаи запомнили связь Нур-ад-Дина и с другим ханом, Тимур-Кутлугом (правил в 1391–1399 гг.). Этот правитель доводился кузеном мирзе по матери и племянником Эдиге; именно в его царствование последний и стал общеджучидским беклярибеком. В апреле 1538 г. Ивану IV была доставлена грамота ногайского мирзы Хаджи-Мухаммеда б. Мусы: «А вспросишь своих старых старцев, Нурадын мирзины пошлыны не ведают ли Астархани, и ныне бы ту пошлыну мне дали»⁵⁴¹. В последующем ногаи уже не консультировались насчет финансовых полномочий Нур-ад-Дина у русской стороны, а сами рассказывали о них, причем с каждым десятилетием все подробнее. Август 1560 г., Урус б. Исмаил — Ивану IV: «В Асторохани есть пошлына взимок — караснап словет. Праотцу нашему Нурадын мирзе пожаловал Темир Кутлуев царев сын, в жалованье даывал, и яз о том бяу челом»⁵⁴². Здесь речь идет, очевидно, о хане Тимуре б. Тимур-Кутлуге (1410–1412), но позже в подобных документах снова фигурирует Тимур-Кутлуг. Сентябрь 1577 г., Урус — Ивану IV: «А дет наш Нурадын мирза у Темир Котлуя царя имывал по сороку ... тысяч алтын. А жаловал для того, что тем юртам многие от нас прибытки бывали»⁵⁴³. Весна 1587 г., Саид-Ахмед б. Мухаммед — царю Федору Ивановичу: «А при Темирь Котлуе царе бывало Нурадын мурзе жалованье сорок тысяч алтын»⁵⁴⁴.

Таким образом, выстраивается следующая цепь событий. Эдиге вытребовал у Тохтамыша тархан на территории к востоку от Волги, где располагались в том числе и кочевья его соплеменников — мангытов. Земли между Яиком и Волгой были переданы в управление Нур-ад-Дину. В пользу этого мирз в годы ханствования Тимур-Кутлуга собиралась подать «караснап» на сумму в 40 тысяч алтын. Нур-ад-Дин сохранял свой ранг при последующих ханах даже после отъезда отца в Хорезм в 1410 г. Ему покровительствовали ханы Тимур и Кадыр-берди. Эпос «Эдиге» дагестанских ногайцев добавляет, что после замирения с Нур-

⁵³⁸ *Langes L.* Op. cit. P. 386, 387.

⁵³⁹ Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897. С. 215.

⁵⁴⁰ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. С. 454.

⁵⁴¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 189.

⁵⁴² Там же. Д. 5. Л. 198–198 об.

⁵⁴³ Там же. Д. 8. Л. 51.

⁵⁴⁴ Там же. 1587 г. Д. 2. Л. 26–27.

ад-Дином Кадыр-берди передал ему «в полную собственность степь, орошаемую Терекон и Сулаком, и объявил первым полководцем своего ханства» (т.е. беклярибеком)⁵⁴⁵. Однако ни в одном документе Нур-ад-Дин не назван беком или князем, он всегда «мирза». Видимо, при наличии беклярибека Эдиге никто не признал этой инвеституры от Кадыр-берди.

Так что Нур-ад-Дин, похоже, ничего не потерял от ссоры отца с Джучидами. О правлении мирзы в Заволжье и на Северо-Восточном Кавказе сохранилось лаконичное упоминание в цитированном выше послании Саид-Ахмеда 1587 г.: «Да которые были под ево влстью, со всех людеи указано было (ханом. — *В. Т.*) со всякие избы по алтыну, а с ногайских продажных лошадеи с лошади по алтыну, с коровы по три денги, с овцы по денге. То было ему (Нур-ад-Дину. — *В. Т.*) жалованье»⁵⁴⁶. Кавказские владения недолго пребывали под его сюзеренитетом. Предание, записанное А. О. Рудановским, отмечает, что в годы правления Нур-ад-Дина среди его подданных «начались разные беспокойства и смуты», кавказские ногаи «прогнали своих князей и мурз ... не хотевших оставить покровительства Нурадила, и бежали все простолюдины во владение шамхала Тарковского», т.е. к кумыкам⁵⁴⁷.

По данным татарского историка начала XVII в. Кадыр Али-бека, Нур-ад-Дин умер еще при жизни отца от болезни живота⁵⁴⁸. Эпос приводит более подобающую богатью причину смерти — от потери крови, когда у мирзы открылись старые раны при возвращении из очередного похода⁵⁴⁹. Местом кончины названо «пространство между северным и средним рукавами Терека». Тело было захоронено на берегу Волги, а сердце — «на месте, где герой испустил дух. На этом месте был насыпан высокий холм, который и поныне (вторая половина XIX в. — *В. Т.*) носит название «Могила Нурадила»⁵⁵⁰. Мы не находим оснований не доверять Кадыр Али-беку и считаем, что Нур-ад-Дин умер еще до того, как Эдиге погиб в бою на Яике в 1420 г. Мнение Б. Ишболдина о смерти мирзы в 1422 г.⁵⁵¹ не подтверждается ни одним из известных мне источников.

После смерти Эдиге плеяда его сыновей смогла удержать влияние в Улусе Джучи и монополизировать пост беклярибека в татарских ханствах. Основной причиной их удачной карьеры кажется инерция карьеры их великого предшественника. Но авторитет лидеров Мангытского юрта был настолько непререкаем и не подвержен сомнению со стороны других племен, что дело здесь, видимо, не только в конкретной политической ситуации и политическом наследии Эдиге. Среди доброй сотни племен Дешт-и Кипчака именно мангыты смогли добиться приоритетного положения, и следует разобраться в особенностях из статуса,

В источниках нет единообразия относительно крыльевой принадлежности мангытов. Мангутские соратники Чингис-хана занимали восточную (левую)

⁵⁴⁵ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. С. 454

⁵⁴⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 27.

⁵⁴⁷ Рудановский А. О. Указ. соч. С. 301.

⁵⁴⁸ Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 83.

⁵⁴⁹ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. С. 454.

⁵⁵⁰ Семенов Н. Яммай: Прозаический перевод ногайской поэмы времен хана Тохтамыша // Кавказ. 1885. № 276. С. 6.

⁵⁵¹ Ischboldin B. Essay on Tatar History. New Delhi, 1973. P. 159.

сторону его кочевий, а в боях сражались на левом фланге войска. После образования империи они составили «тысячи» левого крыла⁵⁵². В Улусе Джучи, как мы выяснили выше, мангыты первоначально кочевали в Юго-Восточном Казахстане, т.е. в левом крыле государства, Кок-Орде. Сам Эдиге «был одним из главных эмиров левой стороны» у Тохтамышша⁵⁵³. И именно к племенам левого крыла был направлен его призыв откочевать подальше от Тимура. Вместе с тем в тюркских ханствах XVII в. ногайская (в том числе мангытская) знать занимала места справа от трона (Бухара, Касимов)⁵⁵⁴, что может быть объяснено позднейшей трансформацией джучидской государственности в позднем средневековье. Уже в Узбекском ханстве XV в. мангыты состояли в правом крыле бывшей Кок-Орды⁵⁵⁵.

Левое крыло традиционно считалось более почетным. Но само по себе вхождение в него не могло давать каких-либо привилегий. Никакими преимуществами перед другими объединениями-илями не пользовались поначалу и племена, входившие позднее в объединение ногаев. В первой половине XVII в. французский инженер на польской службе Г. Боплан писал о крымских ногаях: «Это племя менее благородно, чем крымские татары»⁵⁵⁶. Недостаточность их генеалогического «благородства» фиксировалась и на другом краю Дешт-и Кипчака — в кыргызском эпосе «Манас», который гласит: «Став соседями с мангулами, род ногайский стал презренным»⁵⁵⁷. Крымский историк первой половины XVIII в. Саид Мухаммед Риза, отмечая происхождение Эдиге из «плохого поколения» (кабиле), называет другую причину негативного отношения к мангытам, одному из ногайских илей: «Из-за насильственных действий племени манкут имя Идику было причислено к числу подстрекателей смут и источников бедствий»⁵⁵⁸. Однако среди казахов потомки Эдиге слыли «белой костью» (ак суяк), т.е. аристократией. Знатность рода в то время определялась близостью к Чингисидской династии. Поскольку «Эдигу» уругу мангыты не имели к ней никакого отношения, то и объяснение должно было быть другим. В последнем примере выражение «ак суяк» объяснялось буквально: предок Эдиге Баба-Туклас был рожден женщиной, которая забеременела от того, что попробовала поршок, приготовленный из волшебного черепа⁵⁵⁹.

Происхождение рода от святого мусульманского проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Тукласа послужило обоснованием власти ногайских биев (так называли беков и беклярибеков в Восточном Дешт-и Кипчаке). Традиция приписывает формулировку этой легитимности Нур-ад-Дину. Когда последний

⁵⁵² Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2 С. 272, 273; Erten-u qad-un. С. 136.

⁵⁵³ Ибн Арабшах. Указ. соч. С. 54.

⁵⁵⁴ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 391, 395; Кадыр-Али бек. Сборник летописей // Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1. Казань, 1854. С. 168.

⁵⁵⁵ Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVII вв.: (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 39.

⁵⁵⁶ Боплан Г. Описание Украины Боплана. 1630–1648 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896. С. 329.

⁵⁵⁷ Кыдырбаева Р.З. Указ. соч. С. 176.

⁵⁵⁸ Риза Саид Мухаммед. Ассеб ос-сейяр, или Семь планет, содержащий историю крымских ханов. Казань, 1832. С. 67–68.

⁵⁵⁹ Валиханов Ч.Ч. Указ. соч. С. 232, 272, 273.

убил Тохтамыша и стал править его подданными, те принялись судачить: происхождение Тохтамыша было-де от Чингис-хана, а Нур-ад-Дин «не из этого племени». Новый властитель отозвался так: «Я от рождения верил и признавал единого Бога; сам Бог мне всюду покровительствовал; читал я много священных наших книг. А что я не из рода Чингиз-хана, то это меня ничуть не унижает, ибо я из племени славного турецкого богатыря Хочахмат Бабатукла». Народ, выслушав эту речь, успокоился⁵⁶⁰. Баба-Туклас считался потомком халифа Абу-Бекра, и в мусульманском обществе Золотой Орды начала XV в. такое обоснование правления, судя по всему, показалось достаточным.

По некоторым признакам можно заключить, что мангыты пробилась к золотоордынскому трону, оттеснив от него кунгратов во главе с беклярибеком Али (см. выше). Ибн Арабшах, очевидно знакомый с доминированием кунгратов при дворе, причислял Эдиге к ним⁵⁶¹. Оба племени оказались тесно связаны друг с другом в истории Джучидского государства. А. Вамбери писал о мангытах: «Наряду с кунгратами, они были самые знаменитые родом и храбрейшие между всеми тюркскими племенами, почему Шейбан Мухаммед-хан при своем появлении держал часть их у себя на жалованьи»⁵⁶². Своеобразное партнерство мангытов и кунгратов отразилось в фольклоре каракалпаков. Знаменитый сказитель Бердах в сочинении «Шежире» приводит следующую легенду. Юрт каракалпаков распался из-за усобиц. Для его спасения они решили пригласить Шынгыза (Чингис-хана). Представители сорока племенных общин-илей разыскали его и собрались привезти в Каракалпакский юрт на арбе. При строительстве арбы «Хонграт нашел одну оглоблю, Мангыт нашел одну оглоблю. Все остальные деревянные части было поручено найти другим» (илям)⁵⁶³. Данный сюжет изложен в контексте рассказа информатора о том, что каракалпакский народ делится на два объединения-арыса (букв. «оглобли»). Образ оглобли как скрепляющей конструкции государства-улуса давно знаком евразийским кочевникам. Известен разговор Чингис-хана с его антагонистом Джамухой, когда того, разгромленного, привели к хану. Чингис предложил: «Давай помогать друг другу. Хочу тебя сделать второй оглоблей...»⁵⁶⁴. Джамухе предлагалось сотрудничество и, может быть, соправительство, и оглобля служила наиболее ярким символом неразрывной совместной деятельности. Такими же оглоблями, в представлении каракалпаков, являлись в прошлом мангыты и кунграты Дешт и Кипчака. И не случайно хронист Кунгратской династии Хивы Мунис причислил к кунгратам некоторых несомненно мангытских, (т.е. ногайских) предводителей, чтобы обосновать историческое величие рода своих государей⁵⁶⁵.

Сестра Эдиге была замужем за ханом левого крыла Тимур-Меликом б. Урусом, а хан Тимур-Кутлуг б. Тимур-Мелик, следовательно, доводился племянником беклярибеку. Эта родственная связь сохранялась в памяти ногайских мирз до середины XVI в., когда сыновья Юсуфа б. Мусы Юнус и Али написали

⁵⁶⁰ *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания. С. 12.

⁵⁶¹ *Ибн Арабшах.* Указ. соч. С. 54.

⁵⁶² *Вамбери Г.* История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т. 2. СПб, 1873. С. 116.

⁵⁶³ *Жданко Т.А.* Указ. соч. С. 80.

⁵⁶⁴ Сокровенное сказание монголов. С. 169.

⁵⁶⁵ *Bregel Yu.* Op. cit.

в Москву: «А изначала в братстве есмь с государи своими, с Темир Кутлуевыми царевыми детми»⁵⁶⁶. Данная сентенция продекларирована как неприятие поддержки ногаями другой линии Джучидов — «Азигиреевых царевых детеи», т.е. крымских ханов-Гиреев⁵⁶⁷. Казалось бы, преданность астраханской династии, потомкам Тимур-Кутлуга, логично выводится из прежнего соправительства Тимур-Кутлуга и Эдиге. Но ногайская знать испытывала подобные чувства не только к «Темир Кутлуевым царевым детям». В октябре 1490 г. марионеточный хан-Шибанид Аминек писал Ивану III: «Великого князя дети (т.е. потомки Эдиге. — В.Т.) Апас князь, Муса, Ямгурчей мырза и их дети и братиа царем мя себе держат. С мангыты из старины братья и товариши есмь, Ямгурчеевы дети — мои дети стоят»⁵⁶⁸. Категория «братства», настойчиво повторяемая мирзами по отношению к разным ответвлениям Джучидов, с наибольшей вероятностью может трактоваться как побратимство. Неизвестно, являлся ли Эдиге побратимом какого-либо хана. Но именно в побратимские отношения (анда) с Чингис-ханом вступил его мангутский соратник Куилдар, и именно детей Куилдара после гибели анды обещал не оставить монгольский государь (см. выше). Возможно, воспоминания об этой детали давней истории были не актуальны для восточно-кипчакской племенной аристократии в эпоху могущества Золотой Орды XIII—XIV вв. Но когда держава стала разваливаться, и «мангытские смутьяны» начали пробиваться к престолу, концепция побратимства с правящим родом оказалась очень кстати.

Как расценивался ранг ногайской, в том числе мангытской знати в традиционной структуре илей? Мы уже видели и убедимся в дальнейшем, что отпрыски Эдиге становились беклярибеками. Кроме этого официального поста, для достоинства мангытов применялось и другое обозначение. В конце XV в. Тимур б. Мансур б. Эдиге, крымский беклярибек, сообщил о себе королю Казимиру IV: «3 прирочения царов слуга есть, от предков царей Альчиново место есть, великий человек есть»⁵⁶⁹. Ясно: что «Алчиново место» — это обозначение особого положения при хане. Но происхождения выражения неясно, и приходится ограничиваться догадками: 1) в 1202/3 г., во время блокады Чингис-хана и его немногочисленных отрядов армией керейтов в местности Балджиунту, вместе с ним оставались мангуты Куилдара. Те сподвижники, что тогда не оставили хана, — сообщает Рашид-ад-Дин, — стали называться Балджиунту, «то есть они были в этом месте и не покинули его. Они имеют установленные права и отличны перед другими»⁵⁷⁰. Заметно сходство «Балджиунту» с «Алчин»; 2) шурином Чингис-хана, братом его главной жены Бортэ был Алчи. Родичи Алчи женились на чингисидских принцессах и получали титул куркана (ханского зятя) (объяснение В.Е. Сыроечковского)⁵⁷¹. И та, и другая версия увидят генезис «Алчинова места» в рубеж XII—XIII вв., в эпоху основания Мон-

⁵⁶⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 44–44 об.

⁵⁶⁷ Там же. Л. 44.

⁵⁶⁸ Посольская книга. С. 33.

⁵⁶⁹ Сборник Муханова. СПб., 1866. С. 36.

⁵⁷⁰ Рашид ад-Дин. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 126, 132.

⁵⁷¹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского государственного университета. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1949. С. 67, 68.

гольской империи. Кроме того, знаменательно сходство таинственного звания с названием племени алчин. Но ясного объяснения все-таки пока нет.

Так или иначе, тесный и постоянный контакт с монархами позволил мангытской аристократии узурпировать право выбора кандидатур на ханствование. Концентрированное выражение этой прерогативы содержится в решении ногайского курултая (съезда знати) по поводу возможного воцарения Мухаммеда Шейбани в 1470-х гг. «С древних времен до настоящего времени каждый хан, которого провозглашали эмиры мангытов, предоставлял эмирам магытов волю в государстве»⁵⁷².

Наследники Эдиге

О событиях, последовавших после смерти Эдиге (1420 г.), известно очень мало. Сохранились малодостоверные глухие сведения о том, будто его сыновья Гази, Науруз и Мансур нашли убежище в России, Нур-ад-Дин и Кей-Кобад — в «Туране»⁵⁷³. Сочинение Ахсикенти «Маджму' ат-таварих», содержащее много легендарных сведений и анахронизмов, сообщает об участии Кей-Кобада вместе с ханом Фуладом б. Тимур-Маликом и Йамгурчи в борьбе против Тохтамышша и Манаса; причем, Фулад был якобы возведен мангытами — Кей-Кобада и Йамгурчи⁵⁷⁴. На самом же деле, во-первых, Пулад не являлся даже близким родственником Тимур-Малика, его родословная такова: Пулад б. Минг-Тимур б. Бадакул б. Джучи-бука б. Бахадур б. Шибан б. Джучи⁵⁷⁵; во-вторых, ногайский мирза Йамгурчи б. Ваккас активно действовал во второй половине XV — начале XVI вв., т.е. через столетие после Тохтамышша; в-третьих, Манас — вообще не историческая фигура, а эпический герой. Но какие-то отголоски участия Кей-Кобада в борьбе партии Эдиге с Тохтамышевичами здесь могли отразиться. По Ахсикенти, он погиб, утонув в Сыр-дарье⁵⁷⁶, т.е. все-таки на территории «Турана». Вероятно, где-то в восточном Дешт-и Кипчаке находились и его улусные кочевья, поскольку к востоку от Яика, в Центральном Казахстане находилось в XVI в. левое крыло Ногайской Орды, глава которого носил титул кековата — явно в честь сына Эдиге⁵⁷⁷. Об этом лице (К.кват) при перечислении потомства Эдиге упоминает и Кадыр Али бек⁵⁷⁸. Казахский дестан рассказывает, что «Кейкюват» был «мальчиком от Тохтамышевой стряпки», уцелевшим после разгрома Тохтамышша Эдиге; выросши, «Кейкюват» убил «Нурилая» (Нур-ад-Дина), за что был умерщвлен Эдиге⁵⁷⁹. Ни в одном известном мне источнике не говорится об участии этого мирзы в политических событиях XV в.; наверное, он действительно погиб в каких-то степных баталиях, не оставив заметного следа.

⁵⁷² Бинаи. Указ. соч. С. 104.

⁵⁷³ Howorth H. H. History of Mongols the 9th to the 19th century. Pt. 2. New York, 1965. P. 1022.

⁵⁷⁴ Ахсикенти. Указ. соч. Л. 40 б, 41 б.

⁵⁷⁵ Aboul-Ghazi Behadour Khan. Op. cit. P. 183.

⁵⁷⁶ Ахсикенти. Указ. соч. Л. 43 а.

⁵⁷⁷ Трепавлов В. В. Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Гурьев, 1991.

⁵⁷⁸ Усманов М. А. Указ. соч. С. 83.

⁵⁷⁹ Потанин Г. Н. Тюркская сказка о Идыге // Живая старина. 1897. Вып. 3–4. С. 313.

Традиция влияния Эдиге была такова, что после его гибели ранг беклярибека остался в его семье. Кадыр Али-бек описывает обстоятельства перехода должности таким образом. — Перед сражением с ханом Кадыр-берди б. Тохтамышем Эдиге заключил на Илеке, притоке Яика, соглашение с огланом Хаджи-Мухаммедом, чей улус находился в Юго-Западной Сибири: «Если Бог поможет осуществить мое дело, то я тебя сделаю ханом». После того, как мангытская армия была разгромлена на Яике, а ее предводитель погиб, сын Эдиге Мансур сдержал обещание отца и организовал воцарение Хаджи-Мухаммеда, а тот возвел его в достоинство беклярибека. «Бий Идику умер. После него его сын Мансур стал бием. Хаджи-Мухаммад-оглана бий Мансур провозгласил ханом. Один ханом, другой бием сделались»⁵⁸⁰. Произошло это не позднее 1421 г.⁵⁸¹ Так власть в восточном Деште была вновь организована по схеме, сформировавшейся при Эдиге: при зависимом хане-Джучиде состоялся мангытский бий.

Реконструкция тех событий весьма осложнена тем, что описаны они в сочинениях, во-первых, поздних, во-вторых, использовавших легендарные сведения. Например, в казахском сказании (джир) «Идыге», записанной Ч. Валихановым, советник хана Кадыр-берди Кен-Джанбай организовал переговоры между своим государем и Мансуром б. Эдиге, в результате которых был заключен договор, по которому Мансур становился бием при Кадыр-берди⁵⁸². По версии ногайского варианта того же дестана, точно такой же пакт этот хан заключил с другим сыном Эдиге — Нур-ад-Дином (см. выше). По Абд ал-Гаффару Кырыми, среди приближенных Мансура действительно находился мудрый старец-советник Джан-Тимур, сопоставимый с Кен-Джанбаем⁵⁸³. Но Кадыр-берди ко времени бийства Мансура уже не было в живых. Кырыми повествует, что по смерти отца Мансур скрылся в «Русском юрте». Затем вернулся на Волгу, где стал бием при хане Гийас-ад-Дине б. Шадибеке. Через два года тот умер, и Мансур возвел на трон Кучук-Мухаммеда б. Тимура б. Тимур-Кутлуга. Однако вскоре охладел к своему малолетнему протеже и решил поддержать восточного хана Барака б. Куйручака б. Уруса, вопреки отговорам Джан-Тимура⁵⁸⁴.

Две противоположных версии о карьере мирзы Эдиге (при дворе Хаджи-Мухаммеда или же Гийас-ад-Дина и Кучук-Мухаммеда) сходятся относительно его союза с Бараком. Этот союз получил неожиданную иллюстрацию в виде башкирского предания, в котором действует «Барак-султан Мансур», живущий в Сарайчуке, будущей ногайской «столице»⁵⁸⁵. Скорее всего Мансур при Бараке стал беклярибеком (бием), т.к. они вместе ходили воевать с очередным претендентом на престол левого крыла Улуг-Мухаммедом. Из письма последнего турецкому султану от 14 марта 1428 г. известно, что в 1426 г. их войско из восточных степей было разгромлено, «и мы обратили в бегство Барака и Мансура»⁵⁸⁶.

⁵⁸⁰ *Кадыр Али-бек*. Указ. соч. С. 105–106.

⁵⁸¹ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 203.

⁵⁸² *Валиханов Ч.Ч.* Сочинения. Указ.соч. С. 272.

⁵⁸³ *Кырыми Абд ал-Гаффар*. Умдат ат-таварих. Истанбул, 1343 (1924/25). С. 85.

⁵⁸⁴ Там же. С. 84, 85.

⁵⁸⁵ Башкирские шежере. С. 80.

⁵⁸⁶ *Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммеда турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975. С. 54, 232; *Kurat A.N.* TorkarI SatayI Muzesi Arsindeki AltIn Ordu, KIrIm ve TurkIstns hanlarIna ait yarIk ve bitikler. Ankara, 1940. S. 8, 9, 14.

Вскоре после этого разгрома между соправителями произошел разрыв. Кадыр Али-бек пишет об убийстве Мансура Бараком⁵⁸⁷ (видимо, в 1425 или 1427 гг.). Предание астраханских татар ногайского происхождения представляет конфликт таким образом, что «в то время, когда в Ховарезме властвовал Барак-хан, Мансур-мурза сделал набег на Хиву, где и умер насильственной смертью, будучи ослеплен по повелению Барака»⁵⁸⁸. Возможно, здесь отразились слухи о какой-то расправе между разбитыми ханом и беклярибеком.

Находившиеся при Бараке сыновья Эдиге Гази и Науруз тут же бежали на запад к Кучук-Мухаммеду. Вскоре (около 1428 г.) они вернулись с войском, разгромили и убили Барака, в чем получили помощь тех бывших подданных Мансура, которых хан забрал в свое войско⁵⁸⁹. Убийство его «Казы-Новрузом» упоминает и Кадыр Али-бек⁵⁹⁰.

Как видим, аристократическая традиция не пресеклась: «Эдигу уругу мангыты» постоянно находили правителей, желавших их видеть подле себя в качестве беклярибеков. Сразу после описанных событий Гази стал бием Кучук-Мухаммеда, а Науруз — бием одновременно царствовавшего Улуг-Мухаммеда⁵⁹¹. Соправительство последнего тандема продолжалось около десяти лет, пока не начались разногласия — настолько глубокие, что Науруз решил перейти в орду Кучук-Мухаммеда (Гази к тому времени уже не было в живых). Последний тут же сделал вельможу-перебежчика своим беклярибеком, в каком-то качестве и застал его в 1438 г. венецианский дипломат И. Барбаро. Наурузу было тогда около 25 лет, Кучук-Мухаммеду — около двадцати двух. Вместе они напали на ставку Улуг-Мухаммеда и свергли его⁵⁹².

О пребывании Науруза в Поволжье его соплеменники помнили долго. В ногайских грамотах, присланных в Москву в 1562 и 1563 гг., среди местностей на Волге упоминаются «Новрузовское княжое место, Сарай словут», «Новрузов Сарай на берегу Бузана», сама протока Бузан «от верховья до устья» и др.⁵⁹³. Дата смерти его неизвестна. Есть лишь небольшой повод для предположения. Русская летопись отметила, что осенью 1440 г. «хан Махмет Большая Орды убил большего своего князя Мансупа, и много татар тогда избиено бысть в Орде»⁵⁹⁴. Мансуп — это, конечно, Мансур. Но поскольку он был убит Бараком за 12 лет до описываемых событий, то можно полагать, что до летописца дошли вести об убийстве «большого князя» (улуг бека, улу бия) Науруза, вступившего в конфликт с Кучук-Мухаммедом.

Теперь обратимся к территории непосредственно Мангытского юрта между Волгой и Эмбой. Едва ли можно согласиться с мнением М.Г. Сафаргалиева, будто «после смерти Барака потомки Едигея окончательно закрепили за собой

⁵⁸⁷ *Кадыр Али-бек*. Указ. соч. С. 106.

⁵⁸⁸ *Небольсин П.И.* Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С. 54.

⁵⁸⁹ *Кырьми*. Указ. соч. С. 89, 90; *Langles L.* Op. cit. P. 395.

⁵⁹⁰ *Усманов М.А.* Указ. соч. С. 75.

⁵⁹¹ *Schamiloglu U.* Tribal politics and social organization in the Golden Horde. Doctoral dissertation. Columbia university, 1986. P. 195.

⁵⁹² *Барбаро И.* Путешествие в Тану и Персию // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV веке. М., 1971. С. 140–142, 150, 151.

⁵⁹³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. Л. 81, 213 об., 214.

⁵⁹⁴ Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. 12). СПб., 1904. С. 30–31.

восточную окраину Золотой Орды»⁵⁹⁵. В начале XV в. яйские степи находились под управлением золотоордынского хана-Шибанида Пулада, креатуры Эдиге. В 1411 г. он был изгнан из Сарая или убит сыном Тохтамышом Джелал-ад-Дином. «После смерти Пулада, — пишет Абу-л-Гази, — два сына его, Ибрахим и Араб-шах, разделив владения отца, жили совместно, кочевали и располагали ставки летом в верховьях Яика, зимой в устье Сыра»⁵⁹⁶. Значит Шибаниды ежегодно пересекали Мангытский юрт и, может быть, летовали в нем. Хан «Фулад» вызывал мангытских мирз к себе на Яик⁵⁹⁷ (не в Сарайчук ли?). Следовательно, область Мангытского юрта все еще считалась составной частью реликтового ханства левого крыла, и Джучиды беспрепятственно включали ее в сферу своих сезонных передвижений. Сарайчук позднее рассматривался и как владение хана Кучук-Мухаммеда. В 1428 г. он и Гази в награду за помощь в борьбе против Барака даровали пост даруги (наместника) Сарайчука некоему Айиасу⁵⁹⁸.

Получается, что западные владения Кок-Орды обладали уже как бы двойным сюзеренитетом — Чингисидским и сыновей Эдиге. Почти все прочие улусы заволжского Дешта имели во главе потомков Чингис-хана: Джумадук б. Суфи кочевал между реками Сары-Су и Эмбой; Махмуд-ходжа (может быть, это вышеупомянутый Хаджи-Мухаммед, ставленник Мансура) б. Каганбек — между Тоболом и Ишимом; Мустафа б. Муса — по левому берегу Атбасара, правого притока Ишима; Девлет-шейх б. Ибрахим — по левому берегу Иртыша выше впадения в него Тобола. Все перечисленные лица принадлежали к дому Шибана б. Джучи. Кроме того, на крайней северо-восточной окраине государства находилось владение племени буркут (ср. баргут, борган) — давних партнеров мангытов, во главе с беками Адабом и Келеком⁵⁹⁹.

Население Мангытского юрта (восточные кипчаки, будущие ногаи) к концу первой четверти XV в. оказалось почти не затронутым смутами и стычками между ханами. Единственное крупное потрясение, отраженное в источниках — это неудачная попытка Барака переселить улусы его противника Мансура в глубь степей⁶⁰⁰.

Уже говорилось, что одним из участников низвержения этого хана был Гази б. Эдиге. Кадыр Али-бек слышал о нем как о главе мангытов после Эдиге и Мансура⁶⁰¹. «Та'рих-и Абу-л-Хайр-хани» Кухистани и «Та'рих-и Кипчаки» Кипчак-хана раскрывают некоторые обстоятельства его автономного правления в конце жизни. Гази, «по примеру своего отца, стал предводителем народа и племени и привел под десницу своего господства аймак и племена». Видимо, он проявил себя как достаточно самовластный владетель, что вызвало недовольство кочевой аристократии, уже отвыкшей от жесткой единоличной власти. Бий «удлинил руки притеснения», «протянул руку угнетения и насилия, ступил

⁵⁹⁵ Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дисс. М., 1938. С. 37.

⁵⁹⁶ Aboul-Ghazi Behadour Khan. Op. cit. P. 183–184.

⁵⁹⁷ Ахсикентли. Указ. соч. Л. 42 б.

⁵⁹⁸ Кырьми. Указ. соч. С. 90; Schamiloglu U. Op.cit. P. 195.

⁵⁹⁹ Данные Махмуда б. Вали и Масуда б. Усмана Кухистани. См.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. И., 1965. С. 42–44.

⁶⁰⁰ Кырьми. Указ. соч. С. 87, 88.

⁶⁰¹ Усманов М.А. Указ. соч. С. 83.

из круга справедливости и сошел с широкой дороги милосердия»⁶⁰². Думаю, в то время, т.е. в последние месяцы жизни, Гази состоял беклярибеком при хане Джумадуке. Во-первых, улус Джумадука был ближайшим к Мангытскому юрту; во-вторых, «по примеру отца» он мог стать беклярибеком только при дворе какого-нибудь Джучида. Долгое время мирза был неразлучен со своим братом Наурузом, и во многих источниках даже применяется совместное написание их имен «Гази-Науруз», т.е. поздние авторы принимали их за одного человека. Но Науруз закрепился при дворе Кучук-Мухаммеда, с которым Гази сначала тоже имел тесный контакт. Поэтому в 1428 г. Гази пришлось искать другого покровителя или, скорее, объект для покровительства. Во всяком случае именно к Джумадуку апеллировали сановники, возмущенные самовластием Гази. Бий был убит мятежниками. По версии Кухистани, убийцы явились в ханскую ставку и утвердились там «в ряду великих эмиров и слуг высокопоставленного хана»⁶⁰³ — надо полагать, на месте Гази. Джумадук боялся новых агрессивных советников и не оказывал им знаков внимания. Обиженные беки оставили его и присоединились к оглану Абу-л-Хайру, восставшему против хана.

Кипчак-хан излагает эту историю по-другому. Гази погиб в результате сговора кочевой знати с Абу-л-Хайром. Разгневанный убийством своего беклябека Джумадук выступил в поход против Абу-л-Хайра, который тоже считался его подданным, но в сражении с ним погиб. Абу-л-Хайр как «хан-победитель прибыл в основной юрт»⁶⁰⁴.

Таким образом, во второй половине 1420-х гг. Мангытский юрт стал превращаться в значительную, но пока не самостоятельную силу. Так же, как и в западных улусах, заволжские бии умели сохранить за своей семьей ранг беклярибека. После кончины Эдиге почти все известные нам его сыновья занимали эту должность при различных сюзеренах: Мансур при Хаджи-Мухаммеде, Гийасад-Дине, Кучук-Мухаммеде и Бараке; Науруз при Улуг-Мухаммеде и Кучук-Мухаммеде, Кей-Кобад при Пуладе, Гази при Кучук-Мухаммеде и Джумадуке. Некоторые из этих монархов являлись креатурами биев-соправителей. Однако в силу формальной зависимости от ханов Кок-Орды, Мангытский юрт не мог служить базой для всех этих беклярибеков. На яицкие улусы могли опираться только те сыновья Эдиге, которые обосновались к востоку от Волги.

Абу-л-Хайр умел ладить со знатью Мангытского юрта, к тому же в молодости он некоторое время жил там⁶⁰⁵. В период его ханствования (с 1428 г.) они поначалу сохраняли верность суверену. Возможно, такая лояльность объяснялась временным ослаблением кочевников. В конце 1420-х гг. «в землях Сарайских и Дештских и в степях Кипчацких была сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва от которой погибло множество народа»⁶⁰⁶.

Первоначально одним из ближайших соратников Абу-л-Хайра оказался Сарыг-Шиман мангыт, происхождение которого и родственная связь с Эдиге

⁶⁰² Кипчак-хан Ходжамкули-бек. Тарих-и Кипчаки // МИКХ. С. 390; Кухистани. Указ. соч. С. 141.

⁶⁰³ Кухистани. Указ. соч. С. 141.

⁶⁰⁴ Кипчак-хан. Указ. соч. С. 390.

⁶⁰⁵ Кухистани. Указ. соч. С. 142, 143.

⁶⁰⁶ Макризи Абу-л-Аббас. Китаб ас-сулук марафат дул амалук // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 428, 442.

неизвестны. По Кухистани, во время решающего сражения мангытов с Джумадуком приближенный последнего 16-летний Абу-л-Хайр попал в плен к Сарыг-Шиману, который «проявил много старания в деле защиты его воспитания и служения». Спустя некоторое время Сарыг-Шиман дал молодому царевичу лошадей и отпустил домой⁶⁰⁷. По воцарении в 1428 г. Абу-л-Хайр отличил его «царскими милостями и дарами ... так возвысил его в высоких и сановных степенях, что тот стал предметом зависти великих эмиров и собеседников султана»⁶⁰⁸. Но в дальнейшем этот персонаж ничем не выделялся; он участвовал в некоторых походах хана, но какой-то особый статус его среди прочих подданных не просматривается. Из потомков Эдиге в державе Абу-л-Хайра на первый план выдвинулся бий Ваккас б. Нур-ад-Дин.

Впервые он упоминается в составе участников коронации 1428 г. в Чингитуре⁶⁰⁹. Вместе с тем хронисты шейбанидского круга причисляют Ваккаса не к изначальным сподвижникам Абу-л-Хайра времен его «казачества», а к таким, которые встали рядом с ним, «когда установилось уже его могущество», «которые пришли со всех сторон» уже «после завоевания стран» Абу-л-Хайром⁶¹⁰. Можно объяснять присоединение Ваккаса к новому государю страхом перед частью бывшего главы Мангытского юрта Гази и перед воинственным ханом Мустафой⁶¹¹. Но гораздо более существенными резонами представляются, во-первых, ослабление Юрта в ходе смут и эпидемий; во-вторых, стремление отпрыска Нур-ад-Дина заполучить при дворе Абу-л-Хайра пост беклярибека (бия), ставший уже традиционным для семьи Эдиге. И действительно: не загадочный Сарыг-Шиман, а именно Ваккас был удостоен этой степени. В течение по крайней мере двух десятилетий между ним и ханом существовало такое тесное взаимодействие и сотрудничество, что оно вошло в пословицу у кочевников Дешт-и Кипчака⁶¹². Кадыр Али-бек сообщает о близкой дружбе между ними: «Они пили из одной чаши — один с одного края, другой с другого; одновременно были один ханом, другой беком»⁶¹³. До Европы докатилась репутация бия как «выдающегося слуги и воина великого хана»⁶¹⁴. Основной заслугой Ваккаса мусульманские хронисты считали то, что он для своего патрона «дважды завоевал трон Саин-хана» (т.е. Бату, фактического основателя Улуса Джучи), после чего на имя Абу-л-Хайра начала читаться хутба, чеканиться монета, и его персоной «украсился трон Саин-хана»⁶¹⁵. Видимо, имеются в виду участие Ваккаса в занятии Орду-базара, бывшей кочевой ставки Бату, и в разгроме соперников Абу-л-Хайра ханов Ахмеда и Махмуда. Беклярибек по должности возглавлял вооруженные силы ханства и участвовал во всех крупнейших кампаниях 1430-х — начала 1440-х гг. В награду за преданность в удел Ваккасу

⁶⁰⁷ *Кухистани*. Указ. соч. С. 142, 143.

⁶⁰⁸ Там же. С. 145.

⁶⁰⁹ Там же. С. 143.

⁶¹⁰ *Березин И.Н.* Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849. С. 54, 59; *Бинаи*. Указ. соч. С. 95–97; Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент, 1967. С. 262.

⁶¹¹ *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. С. 46.

⁶¹² Aboul-Ghazi Behadour Khan. *Op. cit.* P. 189.

⁶¹³ *Кадыр Али-бек*. Указ. соч. С. 189.

⁶¹⁴ *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 92, 171.

⁶¹⁵ *Бинаи*. Указ. соч. С. 97; *Кухистани*. Указ. соч. С. 155.

был пожалован город Узгенд на левом берегу Сыр-дарьи⁶¹⁶. Сотрудничество хана и беклярибека не омрачил даже переход Ваккаса в лагерь последнего из недобитых государей восточного Дешта Мустафы (как мы уже видели, лидеры Мангытского юрта не гнушались уходить к другим сюзеренам, если их бывшие протезы становились чересчур могущественными, и если не было возможности сменить их на марионеточных правителей). Мустафа был разгромлен войсками Абу-л-Хайра, и уже в следующем его походе на Сыр-дарью Ваккас снова находился в рядах его сподвижников⁶¹⁷. Эти события произошли, вероятно, в середине 1440-х гг., т.к. в следующем конфликте узбеков с Тимуридами конца 1440-х — начала 1550-х гг. Ваккас уже не участвовал. Б.А. Ахмедов датирует разгром Мустафы и поход на сыр-дарьинские города 1446 г.⁶¹⁸

Мангытский юрт не растворился среди подчиненных Абу-л-Хайру улусов. При перечислении его правителей Кадыр Али-бек указывает, что «после Гази правили сыновья Нурадина Афас и Укас»⁶¹⁹, т.е. Ваккас и его преемник Аббас. Политическая самостоятельность мангытских владений эпохи Ваккаса проявилась, в частности, в противостоянии с Большой Ордой, в котором Абу-л-Хайр после победы над Ахмедом не принимал заметного участия. Русская «История о Казанском царстве», написанная в середине 1560-х гг., так характеризует ситуацию в землях Джучидов периода княжения в Москве Василия II (1425–1462): на большеордынских ханов с запада приходили крымцы, с севера московитяне, «а з другую сторону, созади, мангаты сильные стужаху, их же беша улусы качевныя на великой реке на Яике»⁶²⁰. Вражда ордынцев с Мангытским юртом отразилась и в сочинении поэта Шал-Кийиза Тиленши-улы, состоявшего при дворе Тимура б. Мансура б. Эдиге, беклярибека хана Большой Орды Ахмеда во 2 половине XV в.: «Когда смотрю на свою десятиудельную ногайскую родину, Вижу ненавистного Окас (т.е. Ваккас. — В.Т.)-мирзу, Ненавистники-злодеи, собравшись, что-то замышляют. И вижу, как этот несчастный мир опрокинулся в омут»⁶²¹. Следовательно, Ваккас представлял собой существенную угрозу для сарайских ханов и, может быть, вступал в какие-то коалиционные отношения с Крымом.

Ваккас умер насильственной смертью. Матвей Меховский в своем трактате 1517 г. записал, что «Оккас, выдающийся воин и слуга великого хана, имевший 30 сыновей, был убит»⁶²². Б. де Вижнер, использовавший сочинение Матвея Меховского, в 1573 г. уточнил, что бий подвергся казни⁶²³. М.Г. Сафаргалиев почему-то решил, что он погиб от рук агентов Абу-л-Хайра⁶²⁴. Хотя метания главного военачальника (переход к хану Мустафе) действительно могли насторожить узбекского государя, все же нет ни малейшего намека о его при-

⁶¹⁶ Байпаков К.М. О локализации позднесредневековых городов Казахстана // Советская археология. 1977, № 2. С. 202, 207, 208; Кухистани. Указ. соч. С. 159.

⁶¹⁷ Кухистани. Указ. соч. С. 156–159.

⁶¹⁸ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. С. 56, 93, 162.

⁶¹⁹ Усманов М.А. Указ. соч. С. 83.

⁶²⁰ История о Казанском царстве. С. 14.

⁶²¹ Цит. по: Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 51.

⁶²² Матвей Меховский. Указ. соч. С. 92–93, 171.

⁶²³ Извлечение из записок Блеза де Вижнер (1573) // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. Киев, 1890. С. 87.

⁶²⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 229.

частности к смерти лидера Мангытского юрта, который до конца сохранил репутацию его «выдающегося слуги и воина». Одна из казахских генеалогий называет убийцей Ваккаса мирзу Кожаса (Куджаша) б. Гази, его двоюродного брата⁶²⁵. Это уже правдоподобнее: сын свергнутого и убитого соплеменниками Гази вполне мог питать мстительные чувства к удачливому дяде, сменившего во главе юрта отца Куджаша (а может быть, и причастного к его гибели). В таком случае становится понятен жестокий разгром Куджаша сыновьями Ваккаса впоследствии (см. ниже).

Вслед за упоминанием о смерти Ваккаса Матвей Меховский пишет, будто после этого «сыновья его отделились от главной заволжской орды и поселились около замка Сарай, примерно лет за 70 до нынешнего 1517 г. Вскоре они до чрезвычайности разрослись, так что в наше время стали уже наиболее многочисленной и самой крупной ордой»⁶²⁶. Таким образом, ясно сказано, что отделение потомства Ваккаса от Узбекского ханства произошло после гибели бия. Примерная датировка этого события, по «Трактату» — 1447 г. «или немного меньше». В самом деле, в походе на Сыгнак 1446 г. Ваккас был вместе с ханом и получил от него в управление Узгенд, а в конфликте с Тимуридом Абдаллахом 1451 г. он уже не упоминается. Кстати, в Узгенде приблизительно до начала 1470-х гг., до захвата его Мухаммедом Шейбани, правил «великий эмир», мангыт Хамза-бек — вероятно, сын Ваккаса. Едва ли Абу-л-Хайр оставил бы во главе богатого удела сына, если бы прикончил отца.

Мангытский юрт в середине XV – начале XVI в.

Отделение Мангытского юрта от Узбекского ханства можно связывать с откошкой сыновей Ваккаса от Абу-л-Хайра после смерти их отца в конце 1440-х гг. Это следует, во-первых, из текста Матвея Меховского, во-вторых, из интронизации «параллельного» государя наследниками Эдиге еще при жизни Абу-л-Хайра. Видимо, настроение Ваккаса сменить политическую ориентацию на менее сильного, по сравнению с Абу-л-Хайром, Джучида передалось и было воплощено его наследниками. Источники, повествующие о событиях второй половины XV в., называют несколько имен мангытских биев, действовавших одновременно: 1) брат Ваккаса Аббас. Он активен в 1470-х гг., затем исчезает из поля зрения хронистов и вновь появляется в 1490-х; 2) Хорезми б. Ваккас, известный по единственному эпизоду сражения с казахами; 3) Муса б. Ваккас — истинный создатель независимого Мангытского юрта (Ногайской Орды).

Звание бека-бия имело несколько значений, среди которых был глава иля (племенной общины), избираемый на совете племенной знати, а также беклярибек — главный военачальник и номинальный глава сословия беков, назначаемый ханом. Одновременно существование нескольких мангытских биев, при этом не противостоящих, а сотрудничающих друг с другом, приводит к мысли, что кто-то из них был главой Юрта, а остальные состояли беклярибеками при одновременно царствующих монархах. Представляется, что по смерти Ваккаса

---

⁶²⁵ *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос: Избранные труды. Л., 1974. С. 437.

⁶²⁶ *Матвей Меховский.* Указ. соч. С. 93, 171.

Абу-л-Хайр, по уже утвердившейся к тому времени традиции, должен был назначить другого вельможу из числа потомков Эдиге на вакантный пост верховного полководца. Если Аббас являлся младшим братом Ваккаса, то его кандидатура наилучшим образом подходила для этого, поскольку по обычным кочевым нормам дядя при наследовании статуса обладал преимуществом перед племянниками (в данном случае перед детьми Ваккаса). После Ваккаса, — пишет Кадыр Али-бек, — «был Хорезми-бек»⁶²⁷. Скорее всего, во главе мангытского иля и всего Юрта встал именно Хорезми. Его брата Мусу ожидало другое поприще.

В эпическом фольклоре кочевников Дешт-и Кипчака фигура Мусы полностью заслонила образы его дяди Аббаса и брата Хорезми. Башкирская легенда называет преемником «Мурадыма» (Нур-ад-Дина) «Муса-хана»; астраханские татары рассказывали, что «у Оказа (Ваккаса. — *В.Т.*) преемником власти над ногаями сделался сын Мусабий»⁶²⁸. Именно Муса стал диктовать политику своего Юрта в восточных степях. Судя по его темпераменту и изобретательности, именно ему обязаны ногаи⁶²⁹ отделением от Абу-л-Хайра и концентрацией в районе Сарайчука («замка Сарай», по Матвею Меховскому). Занятый тяжелой борьбой с Тимуридами и «узбек-казаками» на юге, хан не стал расправляться с наследниками Ваккаса. Хотя повод для этого они создали быстро.

Сразу после рассказа о событиях 860 (1455) г. Абу-л-Гази переходит к описанию конфликта между Мусой и Куджашем. Хронист не поясняет его причин и даже не уточняет, кто такой Куджаш. Однако из предыдущих событий нам ясно, что Куджаш — это тот самый сын Гази-бия, который убил Ваккаса, и схватка с ним Мусы объяснялась мстью за отца. Мангытский мирза потерпел полное поражение в битве. В поисках подмоги и союзников взор его обратился к некоему Шибаниду Буреке (или Берке), сыну Йадгара. Визит Мусы вызвал у того прилив радости, т.к. внимание высокородного мангытского аристократа открывало перспективу обретения ханского ранга. Сформировавшийся порядок требовал обязательного условия: при хане должен быть беклярибек из потомков Эдигея. То есть при ком из бесчисленных Джучидов мангытский лидер соглашался стать беклярибеком, тот при поддержке ногаев и становился ханом. «Очень рад, очень рад твоему приходу, — ликовал Буреке. — Пусть отец мой будет ханом, а ты при дворе его будешь великим бием». Заинтересованный в поддержке его многолюдным улусом, Муса согласился. Йадгара «посадили на белый войлок и подняли ханом»⁶³⁰. Так неожиданно для себя ничем не выдающийся принц крови получил монаршее достоинство. Мусе, естественно, тут же было даровано звание беклярибека (бия). Его ранг был абсолютно аналогичен недавнему положению покойного Ваккаса при Абу-л-Хайре; в памяти кочевников осталась поговорка, приведенная Абу-л-Гази: «(Каковы) Абу-л-Хайр-хан с Ваккас-бием, (таковы) и Йадгар-хан с Муса-бием»⁶³¹. В совместном

⁶²⁷ *Кадыр Али-бек*. Указ. соч. С. 155.

⁶²⁸ Башкирское народное творчество. Т. 2. Уфа, 1987. С. 187; *Небольсин П.И.* Указ. соч. С. 54.

⁶²⁹ Ногаями стали называть, начиная с эпохи Мусы (вторая половина XV в.), всех подданных мангытского бия безотносительно к их племенной принадлежности. В составе ногаев числились в том числе и сами мангыты. В восточных источниках жителей Ногайской Орды по традиции продолжали называть мангытами.

⁶³⁰ *Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Op. cit. P. 167.

⁶³¹ *Idem*.

походе Буреке и Мусы Куджаш был разгромлен и убит, его семья и улус попали в руки победителей⁶³².

Мунис в «Фирдаус ал-икбал» датирует воцарение Йадгара «стараниями Буреке-султана и Муса-бия» 1457/58 г.⁶³³ Таким образом, данный автор солидарен с Абу-л-Гази в том, что провозглашение Йадгара ханом произошло еще при живом Абу-л-Хайре (тот умер в 1468 г.). Молла Шади в «Фатх-наме» (XVI в.) называет Йадгара преемником Абу-л-Хайра⁶³⁴, тогда как по всем другим источникам, этому хану сразу наследовал его сын Шейх-Хайдар. Очевидно, Йадгар скончался вслед за Абу-л-Хайром; во всяком случае, в числе противников Шейх-Хайдара фигурирует только Буреке, а его отец не назван ни разу. Но Мусе он уже не был нужен. В договоре Мусы с Йадгаром проявилась политическая линия, которая уже начала просматриваться в неудачном союзе Ваккаса с ханом Мустафой. Хан-Чингисид был необходим ногаям только для того, чтобы освящать их растущую гегемонию в Деште. Самодержавный Абу-л-Хайр явно не подходил для роли марионетки. Кроме того, получив однажды от покорного Чингисида пост беклярибека-бия, мангытско-ногайский мирза становился его обладателем пожизненно, вне зависимости от того, жив ли государь, даровавший эту инвестицию.

Личность и власть Абу-л-Хайра в течение сорока лет скрепляли Узбекскую державу. Шейх-Хайдару б. Абу-л-Хайру не захотел подчиняться никто. Во имя свержения династии объединились лидеры с разных концов Дешт-и Кипчака: Ибрагим-Ибак б. Махмудек из Тюменского юрта; давний антагонист Абу-л-Хайра, один из основателей Казахского ханства Джанибек б. Барак; знакомый нам Буреке; мангыты Аббас-бий и Муса-бий с неразлучным братом Йамгурчи⁶³⁵. Шейх-Хайдар смог привлечь на помощь только хана Большой Орды Ахмеда, но это его не выручило, и вскоре он был убит Ибаком⁶³⁶. Дешт-и Кипчак остался без государя. Но бий-беклярибек в то время мог находиться только при хане, и следовало ожидать от Мусы (а именно он выдвигается на первый план, окончательно оттеснив Аббаса) партнерства с каким-нибудь правителем-Чингисидом.

По скудной информации, можно полагать, что сначала таким правителем стал вышеупомянутый Джанибек. Вместе с братом (или кузеном) Гиреем он долгое время находился в жесткой оппозиции к Абу-л-Хайру и в 1459 г. вместе со своими улусами откочевал в Моголистан, за пределы досягаемости ханских войск. После смерти своего могущественного противника Джанибек и Гирей вернулись на север и в составе коалиции, о которой говорилось выше, свергли и убили Шейх-Хайдара. Высокое происхождение обоих султанов, сильное войско под их командованием, репутация заклятых врагов Абу-л-Хайра сплотили вокруг них тех, кто не желал, чтобы прежняя династия продолжала распоряжаться в Деште. В конце 1460-х – начале 1470-х гг. Гирей стал главным ханом. Джанибек считался ханом-соправителем Гирея, но, видимо, не имел большой власти. По традиционной схеме, младший соправитель получал в управление

---

⁶³² Idem. P. 168.

⁶³³ *Мунис Шир-Мухаммед*. Фирдаус ал-икбал // МИКХ. С. 436.

⁶³⁴ *Шади Молла*. Фатх-наме // МИКХ. С. 56.

⁶³⁵ Там же. С. 56, 57; *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 61; *Бинаи*. Указ. соч. С. 99.

⁶³⁶ *Таварих-и гузида-Нусрат-наме*. С. 61, 62.

западное (правое) крыло⁶³⁷. На западе бывшего Узбекского, а теперь Казахского ханства располагались кочевья мангытов с центром в Сарайчуке. Сарайчук стал зимней резиденцией Джанибека⁶³⁸. Можно видеть в этом факте формальную подчиненность Мангытского юрта новому хану. Певец-жырау Асан-Кайгы, живший, по преданию, при Джанибеке, в одной из своих песен ратовал за тесный союз казахов – подданных Джанибека и Гирея с ногаями. В той же песне содержится упрек Джанибеку за откочевку и увод народа из долин Эмбы и Уила⁶³⁹, то есть с ногайских территорий. Значит, первоначально этот хан расселил там свои собственные улусы.

Умер он не ранее 878 (1473//74) г.⁶⁴⁰ Не желая усиления очередной династии, которая могла бы угрожать автономии Мангытского юрта, его предводители не выказали покорности следующему тандему казахских ханов – Бурундуку б. Гирею и Касиму б. Джанибеку. Муса обратил внимание на скитавшегося по степям внука Абу-л-Хайра Мухаммеда Шейбани.

Камал-ад-Дин Бинаи в «Шейбани-наме» (начало XVI в.) обозначает Мусу того периода как «правителя Кипчакской степи» (хаким-и Дашт-и Кипчак)⁶⁴¹, а современный ему иранский историк Гийас ад-Дин Хондемир – как «главнейшего из эмиров» Дешта (бозоргтарин-и амра)⁶⁴².

Хотя Западный Казахстан перешел под начало сына Джанибека Касима, Муса и его сподвижники продолжали перебирать кандидатуры и присматриваться к царевичам. Сразу после убийства Шейх-Хайдара ногайская верхушка планировала расправиться заодно со всей семьей грозного узбекского хана и преследовала его потомков, в том числе и Шейбани⁶⁴³. Тот вынужден метаться по Дешту, то и дело собирая вокруг себя отряды из таких же изгоев-казаков. Первое время он пылал мстостью по отношению к участникам коалиции, отнявшим трон у рода Абу-л-Хайра. Уже через 80 дней после гибели его дяди Шейх-Хайдара Шейбани при внезапном набеге убил брата и сына сибирского правителя Ибака, затем ему удалось расквитаться с Буреке б. Йадгаром, весь улус которого после этого переселился к ногаям⁶⁴⁴. При этом главными его врагами все-таки оставались казахские сюзерены, к которым перешли ханский ранг. А так как руководство Мангытского юрта тоже начало подумывать о новом государстве, наметилось сближение с царевичем-казаком. Дело в том, что еще при жизни Абу-л-Хайра юный Мухаммед Шейбани влюбился в дочь Мусы. Сведения об этой романтической детали приводятся только в стихотворном сочинении Моллы Шади «Фатх-наме»⁶⁴⁵. Шейбани обменивался с ней нежными письмами, а позднее осмелился даже на набеги на Мангытский юрт, чтобы вы-

⁶³⁷ *Трепавлов В. В.* Соправительство в Монгольской империи (XIII в.) // *Archivum Eurasiae medii aevi*. Т. 7. Wiesbaden, 1991. С. 275; *Он же.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблема исторической преемственности). М., 1993. С. 95, 96.

⁶³⁸ *История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней*. Т. 2. Алма-Ата, 1979. С. 270.

⁶³⁹ Там же. С. 235, 236.

⁶⁴⁰ *Султанов Т. И.* Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982. С. 112.

⁶⁴¹ *Бинаи*. Указ. соч. С. 103.

⁶⁴² *Хондемир Гийас ад-Дин*. Тарих-и хабиб ас-сийар. Т. 4. Техран, 1954. С. 274

⁶⁴³ *Березин И. Н.* Указ. соч. С. 56, 61, 62; *Бинаи*. Указ. соч. С. 100; Таварих-и гузида-Нусрат-наме. С. 267, 268.

⁶⁴⁴ *Бинаи*. Указ. соч. С. 102; *Шади*. Указ. соч. С. 62, 63.

⁶⁴⁵ *Акимушкин О. Ф.* Вступительная статья к «Фатх-наме» Моллы Шади // МИКХ. С. 49.

нудить Мусу выдать за него дочь. В ташкентской рукописи этого труда помещена миниатюра гератской школы, изображающая вручение княжне послания от возлюбленного⁶⁴⁶. В конце концов бий решил, что молодой Шейбанид — приемлемый кандидат на престол. В Сыгнак, где тогда обретался Шейбани, прибыл посол с приглашением в ставку Мусы⁶⁴⁷. Скорее всего, это произошло после смерти Джанибека, т.е. около 1473 г. «Посланный просил именем своего господина, чтобы государь шел в Дешт, уверяя, что Муса примет его сторону, посадит его на ханство и будет служить ему так верно и усердно, как только можно от него требовать»⁶⁴⁸. Мухаммед отправился на север. Муса с почетом принял его и разместил в своих кочевьях. Наверное, уже началась подготовка к коронации, из степи съезжались мирзы для участия в церемонии. Но тут поступило известие о подходе большого казахского войска.

Верховный хан Бурундук б. Гирей, разъяренный сепаратистскими интригами ногаев и перспективой провозглашения ими хана из ненавистной семьи Абу-л-Хайра, поднял подвластные племена против Мусы. По крыльевой разверстке, пространство юрта находилось в ведении кузена Бурундука, Касима б. Джанибека, который тоже шел в рядах этой 50-тысячной армии. Произошло тяжелое сражение, в котором принял участие и Шейбани с 300 собственными дружинниками, приведенными им из Сыгнака. Причем, ему довелось биться с отрядами Касима. Во время схватки пал от вражеской стрелы сын Ваккаса Хорезми, формальный глава Мангытского юрта. В конце концов, не добившись перевеса, Бурундук отступил⁶⁴⁹.

Оплакав Хорезми и отпраздновав победу, Муса должен был бы приступить к ритуалу интронизации Шейбани. Но тут вмешались ногайские аристократы, съехавшиеся на курултай. На совещании Мусе было заявлено: «С древнейших времен до настоящего времени каждый хан, которого провозглашали эмиры мангытов, предоставлял эмирам мангытов волю в государстве. Если теперь (Мухаммед Шейбани-) хан тоже поступит согласно нашему древнему обычаю, то прекрасно (т.е. мы его провозгласим ханом), а если нет, (тоже) хорошо (т.е. обойдемся без него)»⁶⁵⁰. Надо полагать, перспектива воцарения честолюбивого и отважного «казака» пугала эмиров, привыкших к автономии. А.А. Семенов также видел причину этих колебаний во «властолюбивом и самостоятельном характере Мухаммеда Шейбани»⁶⁵¹. Ожидание затягивалось. Тем временем пришли вести о нападении Бурундука на владения Шейбани на Сыр-дарье. Так и не дождавшись определенного решения насчет воцарения (но, видимо, не встретив и прямого отказа Мусы), он спешно отбыл в Сыгнак для борьбы с казахами⁶⁵². «Фатх-наме», опять же единственная из всех источников, содержит

---

⁶⁴⁶ Рукописный отдел Института востоковедения АН Республики Узбекистан. № 5369. Л. 446.

⁶⁴⁷ *Бинаи*. Указ. соч. С. 103; *Шади*. Указ. соч. С. 71. Там же; *Березин И.Н.* Указ. соч. С. 58, 65; *Бинаи*. Указ. соч. С. 103, 104; *Таварих-и гузида-Нусрат-наме*. С. 270. 271.

⁶⁴⁸ *Хондемир*. Указ. соч. С. 274.

⁶⁴⁹ Там же; *Березин И.Н.* Указ.соч. С. 58, 65; *Бинаи*. Указ. соч. С. 103, 104; *Таварих-и гузида-Нусрат-наме*. С. 270. 271.

⁶⁵⁰ *Бинаи*. Указ. соч. С. 104.

⁶⁵¹ *Семенов А.А.* Шейбани-хан и завоевание им империи Тимуридов // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Т. 12. Вып. 1. Сталинабад, 1954. С. 44.

⁶⁵² *Березин И.Н.* Указ.соч. С. 58, 65; *Бинаи*. Указ. соч. С. 104, 105; *Таварих-и гузида-Нусрат-наме*. С. 274.

знаменательную оговорку: Мухаммед Шейбани ушел к себе, «одержав победу над мангытами»⁶⁵³. Может быть, перед отъездом между ним и приглашавшей стороной произошла какая-то стычка, но верить в его победу трудно, учитывая мизерность его отряда по сравнению с огромной конницей Мангытского юрта.

После гибели Хорезми во главе собственно ногайских кочевий встал, видимо, его и Мусы дядя Аббас. Но общепризнанным лидером ногаев, то есть мангытов и прочего разноплеменного населения Юрта, оставался Муса. В сотрудничестве с братом Йамгурчи он сумел расширить сферу своей гегемонии на большую часть Восточного Дешта, от Арала до Волги⁶⁵⁴. Непосредственные же кочевья ногаев занимали по-прежнему ограниченное пространство между Эмбой и Волгой, которая являлась западной границей Юрта (по русским летописям, «Ногаи» в 1480-х гг. располагались за Волгой)⁶⁵⁵. «История о Казанском царстве» относит активное заселение ногаями междуречья Яика и Волги ко времени княжения Ивана III, т.е. 1460-е — 1500-м гг.⁶⁵⁶ Освоение ими левобережья Нижней Волги в тот период имеет подтверждение в ногайском эпосе «Мамай». При перечислении мест рождения двенадцати сыновей Мусы фигурируют, главным образом, пункты этого региона: «местность Джидек, где разветвляется Эдиль (т.е. Волга. — *В.Т.*): один рукав впадает в море, а другой в Таш-Бурун»; протока Таш-Бурун; местность Тепки «в верхних частях, прилегавших к Эдилю»; «местность Сиблин, орошаемая рекою Эдиль»⁶⁵⁷.

Город Сарайчук на Нижнем Яике уже давно превратился в естественный центр Мангытского юрта — за неимением других городов. На резиденцию Мусы в этом городе указывает татаро-ногайское шежере (народная генеалогия) из рукописной тетради, найденной в Казани М.И. Ахметзяновым: «Муса-хан проживал в Малом Сарае»⁶⁵⁸. Вместе с тем Сарайчук продолжал считаться зимовищем казахских ханов, в частности Бурундука⁶⁵⁹. Впрочем, притязания казахов на низовья Яика могли быть теперь осуществлены только военным путем, поскольку еще при Джанибеке казахские подданные откочевали из этих мест (см. выше). Впоследствии владельцы казахов втянулись в войны с Шейбани и ослабили внимание к западной окраине.

Расположение ногайских основных кочевий обрисовано в двух грамотах, привезенных в Москву в конце 1492 г.: «Апаса князь на Урухе горе, а Мысу мырзу на Оре месте, а Ямгурчей мырза на Емь, а Яге (? — *В.Т.*) на Белеозере, а пять мырз на Карагале Илеке»; «Муса зимовал на Еме рече, Опас князь зимовали под Чегадаи»⁶⁶⁰. Таким образом, ведущие деятели Мангытского юрта кочевали в Западном и Юго-Западном Казахстане — по рекам Ори, Эмбе, Илеку, иногда отходя в глубь степей к узбекским рубежам («под Чегадаи»).

⁶⁵³ *Шади*. Указ. соч. С. 73.

⁶⁵⁴ *Ибрагимов С.К.* «Фатухат-наме» Бинои как источник по истории Казахстана 2 половины XV в. (25 Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР). М., 1960. С. 6.

⁶⁵⁵ Вологодско-Пермская летопись. С. 274; Холмогорская летопись. С. 124.

⁶⁵⁶ История о Казанском царстве. С. 14.

⁶⁵⁷ *Ананьев Г.* Караногайцы и их предания. С. 13.

⁶⁵⁸ *Ахметзянов М.И.* Между Волгой и Уралом // Идель. 1991. № 10–11. С. 84.

⁶⁵⁹ *Чулошников А.П.* Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924. С. 113.

⁶⁶⁰ Посольская книга. С. 46.

К тому времени Муса стал уже полностью самостоятельным правителем, хотя и номинально низшим по сравнению с окрестными ханами. Мирзы обращались к своему предводителю «би хазрат» — «княжое величество» в средневековом русском переводе⁶⁶¹. Вероятно, тот же оттенок звучал в обращении крымского хана Менгли-Гирея к Мусе в 1492 г.: «величеству твоему счастливому»⁶⁶². Но монархи-Гиреи никогда не расценивали ногайских лидеров как равновеликих себе государей. Ранг бия формально отводил последним место у подножия трона, а не рядом с ним. Бахчисарайская канцелярия многократно подчеркивала, что бий есть не более чем слуга (карачи) крымского хана. Причем, это распространялось и на тех биев, с которыми у Крыма складывались дружественные отношения⁶⁶³. Менгли-Гирей советовал московскому великому князю Ивану III держать своих постоянных представителей при Мусе и Йамгурчи, т.к. «они нам обема пригожи в слугах»⁶⁶⁴. Муса и Йамгурчи не возражали против такой трактовки, в своих посланиях отмечая свое более низкое положение: «Менгли Гирееву величеству Муса мурза, в землю челом ударив, и поклон... От холопа царю челобитье и поклон»; «Ты пожаловал, наше холопство себе принял»⁶⁶⁵.

При начале официальных отношений с Россией в 1489 г. Муса ссылался на «дружбу и братство» (т.е. равноправие), которые существовали в старину между предками его и Ивана III⁶⁶⁶. Но на подобной норме отношений не настаивал и, хотя московский князь был равен ему в статусе, в следующем году просил Ивана «учинить» его, Мусу, своим сыном или братом, на свое усмотрение («как пожалуешь»)⁶⁶⁷. А. П. Григорьев заметил, что обычно бии признавали старшинство московских правителей, поэтому в своих письмах в Россию ставили их титулы и имена, как правило, на первое место. Этот порядок изменился с марта 1497 г., когда в Москву пришла грамота, начинавшаяся словами «от Мусы от князя Ивану князю поклон», что объяснялось тем, что Муса в то время возглавил ногаев⁶⁶⁸. На самом же деле Муса, как мы убедились выше, стал «хакимом Дашт-и Кипчака» задолго до 1490-х гг. Но положение и авторитет его действительно неуклонно возрастали.

Так же постепенно увеличивался престиж управляемых им владений. Если в документах 3 четверти XV в. «Ногаи» предстают как некое абстрактное пространство за Волгой, то в начале XVI в. Орда ногаев становится в один ряд с прочими тюркскими владениями. В тот период в России была создана анонимная «статья» (перечень) «Татарским землям имена», в которой «Ногаи» названы наравне с Большой Ордой, Астраханским и Казанским ханствами и Сибирским юртом («Шибанами»)⁶⁶⁹.

---

⁶⁶¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г Д. 1. Л. 60–61.

⁶⁶² Памятники дипломатических сношений. С. 154.

⁶⁶³ См. напр.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 95 об.

⁶⁶⁴ Памятники дипломатических сношений. С. 121.

⁶⁶⁵ Там же. С. 207–208.

⁶⁶⁶ Посольская книга. С. 18.

⁶⁶⁷ Там же. С. 28.

⁶⁶⁸ Григорьев А. П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 11. Л., 1988. С. 66.

⁶⁶⁹ Казакова Н. А. «Татарским землям имена» // *Куликовская битва и подъем национального самосознания*. Л., 1979. С. 252.

Мы не станем разбирать отношения Мангытского юрта с соседями, т.к. это узел сложных проблем, заслуживающий особого исследования. Попытаемся наметить основные вехи его внутренней истории.

После неудачи с Шейбани перед Мусой, его родичами и сподвижниками встала задача дальнейших поисков удобного государя-Джучида. В течение последующих двух десятилетий источники определенно связывают с ногаями Ибрагима-Ибака. Мы уже неоднократно упоминали его в связи с борьбой против Абу-л-Хайридов в конце 1460-х — начале 1470-х гг. Б.А. Ахмедов предположил, что уже в то время мангыты признали над собой верховную власть Ибака⁶⁷⁰. Похоже, что следующим после Шейбани и более удачливым кандидатом на кок-ордынский трон действительно стал правитель Тюмени. Впрочем, этот регион уже задолго до того времени входил в сферу ногайского влияния⁶⁷¹, поэтому Ибак вполне мог оказаться одной из ногайских кандидатур. В русских источниках того периода он значится как «царь ногайский»⁶⁷². Данный титул обозначал, конечно, не этническую или племенную принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных. На самом деле Ибак мог распоряжаться по собственному усмотрению лишь немногочисленным населением и небогатыми ресурсами собственного Сибирского юрта. Ногаи же входили в его ханство номинально, хотя и диктовали ему политическую стратегию.

После совместного разгрома Шейх-Хайдара б. Абу-л-Хайра союз Ибака с ногаями расстроился и был возобновлен около 1473 г. после неудачи с интронизацией Шейбани. Первым совместным мероприятием нового хана и его ногайских соратников было предпринято против их общего старого врага — большеордынского хана Ахмеда б. Кучук-Мухаммеда. Как известно, осень и зиму 1480 г. Ахмед провел в бесплодном и бессильном стоянии на берегу Угры, притока Оки, визави московской армии Ивана III, не решаясь напасть на русских и тщетно поджидая союзное польское войско. В конце года изможденная и изголодавшаяся ордынская рать была отведена ханом восвояси на юг и распущена по улусам. В этом ослабленном состоянии его и настигли пришельцы из-за Волги. В январе 1481 г. сибирско-ногайское воинство разгромило ставку Ахмеда, а самого хана убил Йамгурчи б. Ваккас⁶⁷³. Я.С. Лурье подверг сомнению дату нападения (6 января 1481 г.) на основании того, что летописная версия рассказа о «стоянии на Угре» насыщена фантастическими подробностями явно устного происхождения⁶⁷⁴. Однако такой независимый от русских хронистов источник, как Литовская метрика содержит письмо хана Менгли-Гирея польско-литовскому королю Казимиру IV 1481 г., в котором те же собы-

⁶⁷⁰ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. С. 61.

⁶⁷¹ Об этом см.: Frank A. The Siberian chronicles and the Taybughid Biys of Sibir. (Papers on Inner Asia, № 27). Bloomington, 1994; а также статью «Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь»» в настоящем издании.

⁶⁷² Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 315; Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. 13, ч. 1). СПб., 1904. С. 20, 23; Посольская книга. С. 25.

⁶⁷³ История о Казанском царстве. С. 39; Летописный свод 1518 г. С. 315; Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. 12). С. 20, 23; Симеоновская летопись (ПСРЛ, т. 18). СПб., 1913. С. 268; Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского (ПСРЛ, т. 39). М., 1994. С. 268; Софийская вторая летопись. С. 232.

⁶⁷⁴ Лурье Я.М. Две истории Руси XV века СПб., 1994. С. 186.

тия датированы тем же месяцем, но другим днем: «Генвара месеца у двадцат первы приход цар шибаньски а Ибак солтан его, а Макму князь, а Обат мурза, а Муса, а Евгурчи приход, Ахматову орду подоптали, Ахмата цара умертвили, вси люди его и улусы побрали, побравши, прочь пошли»⁶⁷⁵.

Этот фрагмент, кроме того, отражает иерархию отношений между ногаями и ханской администрацией. Сделав поправку на явные искажения при переводе с тюрки, выясняем, что во главе властной пирамиды стоял Ибак, названный в крымской грамоте султаном, а в русских летописях царем, т.е. ханом. «Макму» — это, конечно, брат Ибака Мамук, занимавший, как выясняется, при хане пост беклярибека («князя»). Ногайские предводители — глава Мангытского юрта Аббас, фактический лидер ногаев Муса и его брат Йамгурчи — при этом раскладе представлены как просто мирзы. Очевидно, Ибаку удалось сохранить некоторую дистанцию между собой и всесильным Мусой, поскольку на высшей военной должности он держал не мангытского сановника, а собственного брата.

Победа над Ахмадом позволила ногаям окончательно закрепить за собой левобережье Нижней Волги, на которое претендовала Большая Орда. Московскому правительству было послано извещение о том, что ногаи «недруга своего одолев, отца своего юрт в свои ... руки взяли»⁶⁷⁶. А нежелание хана вручить беклярибекство ногаям послужило, очевидно, одной из причин очередной смены их протезе. В октябре 1490 г. в Москву прибыл посол от дотоле неведомого «Абелек Еменека царя», который в грамоте рекомендовал себя как «Абделфатта царя». Его сопровождали послы Мусы и Йамгурчи. Хан писал, в частности, что «великого князя дети (т.е. потомки Эдиге. — В.Т.) Апас князь, Муса, Ямгурчей мырза и их дети и братиа царем мя себе держат». И самодовольно добавлял: «С мангыты из старины братья и товарищи есмя»⁶⁷⁷. Следовательно, ногайские бии Аббас и Муса все-таки сменили хана, хотя Ибак остался на месте: в привезенном вместе с посланием нового хана письме Мусы сказано, что казанский князь Алгазый бежал к ногаям и «с Ыбреимом царем к Тюмени поехал ... у Ибреима царя в Тюмени живет»⁶⁷⁸.

Идентификация «Абелека Еменека» проста и сложна одновременно. В этом имени странным образом соединились имена двух сыновей того самого Йадгара, который в конце 1450-х гг. был провозглашен Мусою ханом и даровал тому титул беклярибека-бия. По Мунису, Абулек-хан и Аминек-хан правили последовательно после отца — первый в течение 16 лет (из-за его мягкости среди узбеков начались беспорядки), второй — неизвестно сколько во времена окончательной откочевки Мухаммеда Шейбани в Мавераннахр (т.е. на рубеже XV–XVI вв.), куда ушло и большинство подданных Аминек-хана⁶⁷⁹. Жили эти ханы, видимо, где-то к северу от Хорезма, т.к. преемник Аминек-хана Ильбарс б. Буреке в 911 (1505/6) г. овладел этой областью и поселился там⁶⁸⁰. «Фатх-наме» Моллы Шади дает понять, что Йадгар ушел из жизни почти сразу вслед за Абу-

---

⁶⁷⁵ Pulaski K. Op. cit. S. 209.7

⁶⁷⁶ Посольская книга. С. 18–19.

⁶⁷⁷ Там же. С. 33.

⁶⁷⁸ Памятники дипломатических сношений. С. 168.

⁶⁷⁹ Мунис. Указ. соч. С. 436, 437.

⁶⁸⁰ Там же. С. 437.

л-Хайром, умершим в 1468 г.⁶⁸¹ Таким образом, 16 лет ханствования Абулека приходится приблизительно на 1469–1484 гг. Тогда на узбекском троне в Казахстане в 1490 г. должен был сидеть уже его брат и преемник Аминек. Скорее всего, он и являлся адресантом разбираемой грамоты. Конечно, этот монарх был чисто декоративной фигурой, поскольку одна часть Дештских степей контролировалась Мусой, другая – казахами. Места для ханства отпрысков Йадгара уже не находилось. Но, как мы убедились из предыдущих событий, сильный государь и не был нужен ногайским «делателям королей». Напротив, как только опекаемый ими Джучид чрезмерно усиливался, они рвали с ним и подыскивали нового.

Такой принципиальный шаг, как смена хана, мог произойти лишь по воле могущественного Мусы, и Аминек определенно являлся его креатурой. Однако, судя по некоторым отголоскам в русско-ногайской дипломатической переписке, между «хакимом Дашт-и Кипчака», с одной стороны, и его дядей Абасом и братом Йамгурчи, с другой, в этот период возникли разногласия, хотя Аминек в грамоте объявляет, что его «держат царем себе» все трое из перечисленных аристократов. Московское правительство приняло к сведению эту информацию и на переговорах с послами официально титуловало хана «царем ногайским»⁶⁸² (напомним, что ранее так обозначался Ибак). Летом 1492 г. в Москву поступило донесение о том, будто Муса кочует на Эмбе отдельно от Аббаса и Йамгурчи, «а Опас ... да Ямгурчеи с Мусою не в миру»⁶⁸³. Очевидно, поводом к спору была как раз фигура «ногайского царя», поскольку дальше в грамоте сказано: «Опас да Ямгурчеи послали в Тюмень по Ивака царя, а зовут его к себе». При этом сами «ногаи кочуют под Тюмень противу Ивака. А Ивак ... идет к ним по их речам, что по него посылали»⁶⁸⁴. Об этих событиях вспоминал в 1497 г. и сам Муса: «На братью свою прогневавшись, в Туркмен ездил есмь, и здешние братья почали докучати да и привели»⁶⁸⁵, т.е. упросили вернуться.

В эти годы, в начале 1490-х гг., в дипломатической переписке четко просматривается высокий статус Аббаса. Он титулуется князем (бием), в то время как его племянники Муса и Йамгурчи – мирзами; при перечислениях он всегда называется на первом месте. Следовательно, он продолжал оставаться номинальным главой ногаев и Мангытского юрта, и его ранг бия имел именно «внутриюртовский» оттенок, в отличие от Мусы, который в свое время стал бием в качестве ханского беклярибека. Кстати, может быть этим и объяснялись настоячивые поиски Мусой царевичей для интронизации: ранг Мусы имел смысл только при правящем хане. Аббас ни разу не фиксируется после 1492 г.; скорее всего, около этого времени он умер, и исследователи не случайно ограничили период его «княжения» 1491 г.⁶⁸⁶

Возможно, как раз кончиной ногайского патриарха было вызвано возвращение Мусы от туркмен, а «докучали» ему на предмет возвращения только братья, уже без дяди Аббаса. Явившись в родной юрт, Муса застал отправление в по-

⁶⁸¹ *Шади*. Указ. соч. С. 56.

⁶⁸² Посольская книга. С. 36.

⁶⁸³ Там же. М. 46.

⁶⁸⁴ Там же. С. 46, 47.

⁶⁸⁵ Там же. С. 50.

⁶⁸⁶ *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в. С. 82.

ход на Казань ногайских войск, снаряженных в его отсутствие Йамгурчи и ханом Ибаком, который вновь превратился в «ногайского царя». Инициаторами кампании выступили казанские князья-эмигранты, что проживали «в Ногаях». Не желая спориться с Иваном III, который осуществлял протекторат над волжским ханством, Муса «царю бил челом» и повернул рать назад⁶⁸⁷. Теперь его воле перечить никто не смел: после кончины дяди Муса стал старейшиной как старший сын Ваккаса, совместив, наконец, бийство над юртом с бийством при хане (Ибак признал его своим «князем»-беклярибеком⁶⁸⁸); в письмах Муса начинает называть себя «князем». Система же отношений с тюменским государем осталась прежней: ногаи признавали его номинальный сюзеренитет и предоставляли в его распоряжение свою бесчисленную конницу.

В начале 1493 г. Муса и Йамгурчи задумали повторить триумф 1481 г. и повели сибирско-ногайское войско во главе с Ибаком и Мамуком к Астрахани с целью двух братьев-сибиряков «цари учинити». Объектом нападения на этот раз оказались сыновья зарезанного 11 лет назад Ахмеда, ханы-соправители Большой Орды Шейх-Ахмед и Саид-Мухаммед. Однако по неясной причине, возможно, из-за неприбытия с запада союзного им крымского войска, не дойдя до цели, ногаи развернулись и «назад к Тюмени покочевали»⁶⁸⁹.

Неудача не смутила Ибака. В следующем году он напомнил Ивану III, имея в виду убийство Ахмеда в 1481 г., о занятии им, Ибаком, трона Бату и указал, в частности, что «великого князя дети (потоков Эдиге. — В.Т.) на княжение учинив, на отцов юрт к Волзе пришед, стою»⁶⁹⁰. На самом же деле «на отцове юрте стоять» ему не пришлось. Муса и Йамгурчи предпочли менять большеордынских ханов без его помощи⁶⁹¹, а Ибак вернулся в Тюмень, где в 1495 г. был свергнут и убит местной знатью Тайбугидами.

Престол «ногайского царя» освободился, и на него тут же был возведен Мамук. Поскольку он лишился Тюменского юрта, а Тайбугиды были, видимо, довольно сильны и не допустили бы реванша со стороны Шибанидов, требовалось искать для Мамука ханство. Йамгурчи настоял на взятии Казани. «Многая сила нагайская» в 1496 г. вошла в город; московский ставленник Мухаммед-Амин бежал в Россию⁶⁹². Мамук в течение года занимал казанский трон, но рассорился с местной аристократией и вынужден был уехать за Волгу. Муса принял всю эту затею очень холодно. Он симпатизировал Мухаммед-Амину и даже послал вслед за Мамуком в 1496 г. своего сына с двухтысячным войском, но остановить авантюру не смог. После краха ханствования о Мамуке более не слышно: ногаи разочаровались в «царе»-неудачнике. Похоже, Муса к тому времени уже склонился к идее об избавлении от фигуры вышестоящего государя в принципе. Полновластие в Мангытском юрте давало ему возможность управлять и без декоративного подставного сюзерена. Авторитет старого «хакима Дашт-и Кип-

⁶⁸⁷ Посольская книга. С. 50.

⁶⁸⁸ См.: там же. С. 49.

⁶⁸⁹ Памятники дипломатических сношений. С. 168

⁶⁹⁰ Посольская книга. С. 48–49.

⁶⁹¹ Григорьев А.П. Шибаниды на золотоордынском престоле // Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 417. Серия востоковедных наук. Вып. 27. Л., 1985. С. 178.

⁶⁹² Марджани Шихаб ад-Дин. Мостэфадел эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Казан, 1989. С. 16. Патриаршая или Никоновская летопись (ПСРЛ, т. 12). С. 242, 243. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 26; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. М., 1977. С. 50.

чака» и могущество созданного им юрта позволяли обойтись собственными силами и действовать уже без маскировки под беклярибекство при хане-Джучиде. Но жизнь бия подходила к концу.

Хотя в источниках не сохранилось указаний о времени смерти Мусы, историки определяют его 1502 г.⁶⁹³ Действительно, в «крымских делах» он перестает упоминаться как живой приблизительно с начала 1502 г. Вместо него во главе ногаев оказывается Йамгурчи, который в переписке с Россией дотоле всегда был «мирзой» и лишь начиная с собственной грамоты, привезенной в Москву в сентябре 1502 г., рекомендуется как «князь»⁶⁹⁴. Судя по давнему сотрудничеству его с Мусой, Йамгурчи был ненамного младше его и в начале XVI в. пребывал в преклонном возрасте. В 7015 (1506/7) г. послания российских великих князей адресовались бию Хасану б. Ваккасу, а о биях Мусе и Йамгурчи говорилось в прошедшем времени⁶⁹⁵.

Ни Йамгурчи, ни Хасан уже не использовали подставных ханов. Эти ногайские предводители явно были избраны волей единоплеменной и союзной нединастической знати, без формального назначения беклярибеками каким-либо Джучидом. Таким образом, система власти внутри Мангытского юрта и система отношений мангытов с окрестными ханствами, сложившаяся при Мусе, продолжала практиковаться. Но в начале XVI в. Юрт стал абсолютно самостоятельным политическим образованием с собственными организацией управления, войском и территорией. В течение последующих трех десятилетий дети Мусы, несмотря на конфликты с Крымом и казахами, сумели сохранить Мангытский юрт и превратить его в одну из ведущих политических сил Восточной Европы. Созданная политическими талантами и военными победами Мусы держава достигла апогея своей мощи в 1520-х – 1540-х гг. при его сыновьях Саид-Ахмеде, Шейх-Мамае и Юсуфе., Со смертью Мусы закончилась ранняя история Мангытского юрта, когда он считался составной частью реликтового ханства левого крыла (Кок-Орды) Улуса Джучи. Своим младшим братьям и сыновьям знаменитый бий оставил уже не маленькое кочевое владение с зависимым статусом, а могущественную степную державу, Ногайскую Орду. Мангытский юрт вступил в новый этап своей истории.

Заключение

1. В XIII в. монгольское племя мангутов поселилось в Восточном Дешт-и Кипчаке. Местные кипчаки, оказавшиеся на территории мангутских кочевий, к XIV в. ассимилировали пришельцев. Но переняли их этническое имя. В середине – второй половине XIV в. в условиях смут и распрей между Джучидами значительная часть мангытов была вынуждена мигрировать на запад. Сначала они продвинулись через Казахстан в Поволжье, перешли в Северное Причерноморье, затем переселились в степи Северного Кавказа, а оттуда в Западный Казахстан, в междуречье Яика и Эмбы. Инициатором последнего перехода вы-

⁶⁹³ Сафаргалиев М.Г. Ногайская Орда в середине XVI в. С. 82; *Ischboldin B.* Op. cit. P. 162.

⁶⁹⁴ Посольская книга. С. 52.

⁶⁹⁵ Там же. С. 55, 56.

ступил мангытский эмир Эдиге. При этом не исключались и периодические перекочевки в обратных направлениях (в крымские, кубанские, дагестанские степи), а также уход части мангытов на северную периферию Дешта.

2. Воспользовавшись разгромом Золотой Орды войсками Тимура, Эдиге сумел добиться у хана Тохтамыша передачи ему в тарханное управление всей территории к востоку от Волги. После убийства Тохтамыша он возвел на престол своего племянника Тимур-Кутлуга, который назначил Эдиге беклярибеком. Кочевья подвластных ему кипчакских илей на Волге, а также их предыдущее местожительство на Тереке достались Нур-ад-Дину б. Эдиге. Заняв ведущее положение среди ордынской аристократии, Эдиге стал практиковать интронизацию марионеточных ханов, заложив традицию особого положения своих соплеменников среди прочих дештских племен.

3. После гибели Эдиге его сыновья исполняли должности беклярибеков почти при всех ханах, царствовавших одновременно в разных частях распадавшейся Золотой Орды. Непосредственно Мангытский юрт оказался под управлением Гази б. Эдиге, а затем Ваккаса б. Нур-ад-Дина. При Ваккасе эта территория вошла в качестве правого крыла в Узбекское ханство Абу-л-Хайра. В конце 1440-х гг. дети Ваккаса порвали с Абу-л-Хайром и начали многолетнюю практику подбора зависимых ханов.

4. В то время фактически, а в конце 1490-х гг. и официально, главой Мангытского юрта стал Муса б. Ваккас. Используя военную мощь юрта и интриги среди Джучидов, он сумел превратить своих подданных (ногаев) в одну из ведущих политических сил Восточной Европы. Первоначально Муса состоял бием при подставных ханах (Йадгаре, Ибаке, Аминеке, может быть, Мамуке), но в конце жизни стал править самостоятельно. Рубеж XV–XVI столетий оказался принципиальной, решающей вехой в государственном оформлении Ногайской Орды.

Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно

Проблема альтернативных путей в развитии ранних социальных структур важна и интересна по отношению к любому региону мира. Однако при изучении истории кочевых степей эта проблема приобретает наиболее принципиальное значение. Кочевые улусы и империи зачастую развивались поистине «альтернативным» образом; одно и то же объединение во главе с господствующим кланом могло вырасти из немногочисленного сообщества воинственных чабанов в огромный каганат, а затем рассыпаться и исчезнуть — вплоть до утраты всех территорий и даже исконных этнонимов. Показательна судьба средневековых ногаев, одного из кочевых

народов. Их «перемещение» по ступеням социальной организации различной сложности мы попытаемся вкратце проследить.

Предки ногаев в XIII–XIV вв. жили в пределах Золотой Орды (Улуса Джучи). К середине XIV в. держава Джучидов представляла собой вполне сформировавшееся *государство*, хотя и достаточно своеобразное. На ее территории располагалось несколько регионов, резко различавшихся и по этническому составу населения, и по уровню его общественного развития, и по характеру основных занятий и экономики. Центр Золотой Орды (Поволжье) и южная периферия (Молдавия, Крым, Хорезм, сыр-дарьинские оазисы) являлись земледельческими областями со старой городской культурой; Дешт-и Кипчак продолжал оставаться обиталищем кочевников; племена Сибири, Урала и Приуралья вели жизнь лесных охотников. Несмотря на эти отличия, перечисленные территории в целом были объединены унифицированной системой управления и налогообложения, единой идеологией (ислам), денежным обращением, фиксированными государственными границами, улусно-провинциальным территориальным делением. Тенденция к усложнению государственной организации Золотой Орды нарастала до середины XIV в., но действовала неравномерно. Территория государства делилась по верхнему Яику на два крыла. В правом (западном) крыле оседлый элемент культуры получал все более преобладающее значение, в левом (восточном) в основном продолжали господствовать традиционные кочевнические нормы общественной жизни. Соответственно и социальные отношения в восточных степях были более архаичными по сравнению с Поволжьем⁶⁹⁶. Тем не менее номады левого крыла были полностью инкорпорированы в государственную структуру Джучидов и являлись ее неотъемлемым элементом.

Во второй половине XIV в. ордынская государственность вступила в тяжелый кризис. В ходе борьбы различных группировок за сарайский (столичный) трон устоявшаяся система отношений между центром государства и окраинами расстроилась. Это проявилось, во-первых, в успешных притязаниях ханов левого крыла (Кок-Орды) на главный джучидский престол (что ранее не допускалось); во-вторых, в фактическом обособлении заяицких кочевий от западной «метрополии». Например, кок-ордынский хан Урус был могущественным государем в Сыгнаке, но уже не имел такого количества войск и авторитета в мусульманском мире, как сарайские ханы первой половины XIV в. Выход на политическую арену кочевого населения Дешт-и Кипчака стал решающим фактором изменения социального облика Улуса Джучи, особенно Кок-Орды. В ходе смут рухнуло деление страны на четыре улусбекства, захирела денежная система, отделились Валахия и Хорезм. Походы Тимура в 1391 и 1395 гг. практически разрушили городскую цивилизацию Золотой Орды. Последние два обстоятельства автоматически привели к свертыванию чиновничьего аппарата: в условиях наступающего господства кочевой экономики административные институты, учрежденные некогда ханами Берке, Тохтой и Узбеком, оказались ненужными. Для управления массой кочевых подданных не требовалось содержать профессиональную бюрократию. Кроме того, племена Восточного Дешта фактически составляли моноэтничную общность с общими языком, культурой,

⁶⁹⁶ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 138–141.

традициями. Можно утверждать, что реликтовое ханство Кок-Орды в конце XIV в. приобрело черты *раннего государства*. Важным признаком регресса государственности стало учреждение в позднеордынских ханствах сопровительства – совместного сюзеренитета хана-Чингисида и главного военачальника-беклярибека (бия).

В конце XIV в. на западной окраине Кок-Орды, в междуречье Яика и Эмбы обосновалось кипчакское родоплеменное объединение мангытов. Его предводитель Эдиге занимал пост беклярибека при джучидских ханах, некоторые из них являлись его креатурами. Ранг беклярибека был прочно связан с ордынской государственной традицией, и Мангытский юрт (район кочеваний), следовательно, прочно входил в структуру раннего государства Кок-Орды.

Дальнейшая история крыла Джучидов протекала уже без тесной связи с землями к западу от Яика. На пространных от Яика до Иртыша образовалось так называемое ханство кочевых узбеков – держава Абу-л-Хайра. Она явила яркий пример возрождения традиционных кочевых управленческих институтов. Абу-л-Хайр одолел соперников, опираясь на силу не столько своей немногочисленной личной дружины, сколько поддерживавших его племен. Главы этих племен, эмиры, и провозгласили его верховным ханом в 1429 г.⁶⁹⁷ В совете с ними хан должен был решать все важнейшие вопросы. Таким образом, институт племени был реанимирован. Естественно, племена существовали в Дешт-и Кипчаке и в эпоху Золотой Орды. Но осознание племенной принадлежности оказывалось актуальным, пожалуй, лишь на уровне межсемейных связей. В целом же кочевое население было тогда разверстано по десятичным подразделениям, которые находились под управлением многочисленных членов правящей династии. Племенная аристократия пребывала на задворках административной номенклатуры и практически не принимала участия в управлении государством (за исключением удачливых временщиков – кията Мамай, кунграта Исы, мангыта Эдиге и т.п.). В ханстве Абу-л-Хайра полного возрождения родоплеменной организации, вероятно, не произошло. Территория делилась не на «юрты» племен, а на личные улусы приверженцев хана – но уже разноплеменных, а не принадлежащих к одному клану. Абу-л-Хайр еще менее, чем ханы Кок-Орды может быть уподоблен сарайским самодержцам эпохи расцвета Золотой Орды. Внутренней жизнью кочевых узбеков ведала администрация ханской ставки, типичная для любой улусной структуры; небольшая земледельческая периферия – крепости на Сыр-дарье – была слишком мала и слаба, чтобы составить экономическую базу кочевой империи. К тому же этот район стал местом частых конфликтов узбеков с Тимуридами. Главное же отличие власти Абу-л-Хайра от его предшественников – Джучидов заключалось в отсутствии у него эффективных средств принуждения по отношению к непокорным подданным. Недовольные его политикой эмиры могли безнаказанно увести своих подданных на другие земли (Джанибек и Гирей, будущие основатели Казанского ханства) или обособиться от хана, даже не трогаясь с места (мангыты в 1447 г.⁶⁹⁸). Единственным способом для хана привлечь к себе племена и их лидеров были частые (и желательно победоносные) войны с соседями. Абу-л-

---

⁶⁹⁷ Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 46.

⁶⁹⁸ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 92, 93.

Хайр на протяжении всего своего правления воевал с моголами, Тимуридами, калмыками; такой военной активности не могли себе позволить — да и не нуждались в ней — золотоордынские падишахи, существовавшие в условиях государственной стабильности.

Так, с почти полной утратой земледельческой подпитки экономики своего ханства, с утратой государственных властных рычагов, Абу-л-Хайр оказался во главе образования, которое едва ли можно считать государством. Тем не менее довольно сложная иерархия почти сотни племен и их эмиров, надплеменное территориальное деление, пережитки золотоордынской городской цивилизации (ислам, забота о караванных коммуникациях, старая урбанизированная культурная область на юге) не позволяют также видеть во владениях Абу-л-Хайра и составное вождество. Полагаю, что будет наиболее уместным применить к ханству кочевых узбеков предложенное Н.Н. Крадиным обозначение *суперсложного вождества* как промежуточной ступени между ранним государством и составным чифдом⁶⁹⁹.

Упомянутое выше обособление Мангытского юрта не привело к войне с Абу-л-Хайром. Мангыты продолжали состоять в структуре ханства левого крыла, и номинально хан продолжал считаться их верховным сюзереном. Подлинную самостоятельность Мангытский юрт начал обретать после смерти Абу-л-Хайра в 1468 г. Глава мангытов Муса б. Ваккас сумел использовать сумятицу, начавшуюся в стране кочевых узбеков. Среди прочих эмиров племен именно Муса смог выделиться как предводитель наиболее многочисленного и богатого юрта. Принадлежность к племени мангытов, проживание в районе его кочевых передвижений приобретали особое значение в борьбе за гегемонию в Восточном Деште, в отстаивании преимуществ своего племени перед другими племенами. Произошла явная трибализация той части мангытов, которая оказалась между Яиком и Эмбой. Другие осколки «протоплемени» мангутов-мангытов, рассеянные в степях от Крыма до Мавераннахра, не вошли в это племя, хотя и считались «единокровными» ему. Ханство Абу-л-Хайра, суперсложное вождество, распалось в результате междоусобиц. Главными фигурами в борьбе за узбекское наследство выступили, с одной стороны, Муса с братом Ямгурчи и плеядой своих воинственных сыновей, с другой — казахские ханы. Те и другие собрали под свои знамена приверженцев из разных племен. Удача в этой борьбе склонялась то к мангытам, то к казахам. Причем Муса смог не только привлечь к себе эмиров племен, но и заставить считаться с собой государей России, Крыма, Казани и др. В одной из хроник сохранилось характерное обозначение мангытского лидера: «правитель Кипчакской степи» (хаким-и Дашт-и Кипчак)⁷⁰⁰. Но под властью Мусы уже не было даже столь незначительной земледельческой области, какая имела у Абу-л-Хайра. Вся власть Мусы держалась на успешной внешней политике и на его ранге главного военачальника-беклярибека (бия), который Муса вытребовал у марионеточного хана Йадгара⁷⁰¹. Бий управлял, своим юртом посредством совещаний с племенной знатью и ближайшими ро-

⁶⁹⁹ Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992. С. 152.

⁷⁰⁰ Бинаи Камал ад-Дин. Шайбани-наме // МИКХ С. 105.

⁷⁰¹ *Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tartares.* Т. 1. Sankt-Petersbourg, 1871. Р. 189.

дичами. Конгломерат буйных вождей требовал консенсуса по важнейшим вопросам, любое разногласие грозило вылиться в переход части соратников Мусы в лагерь противников-казахов. И все же авторитет мангытского правителя был достаточно высок, чтобы сторонники-немангыты признавали его первенство над собой.

К 80-м гг. XV в. сформировался относительно устойчивый контингент жителей Мангытского и ассоциированных с ним юртов, который «дозрел» до надплеменного определения. Таким определением стало слово «ногай», происхождение которого достоверно не выяснено. Ногаями стали называть подчинявшихся мангытскому бию номадов безотносительно к их племенной принадлежности. Следовательно, первоначально данный термин служил в качестве политонима, лишённого явной этнической окраски.

Трибализированное общество Мангытского юрта эпохи Мусы вполне можно отнести к категории *составных вождеств*. На контролируемой биём обширной территории кочевали коллективы ногаев — общины различных племен, у каждого из которых имелись свои военно-административные институты. Муса при управлении ими не мог опираться ни на сакральность своей власти, ни на прочную экономическую базу, ни на аппарат принуждения — всего этого не было в его юрте. Судьба ногайского объединения зависела от удачных политических комбинаций в борьбе за гегемонию в Дешт-и Кипчаке.

Относительно стабильное положение во владениях ногаев продолжалось, до начала XVI в. (Муса умер где-то в 1500-х гг.). К тому времени чрезвычайно окрепли и усилились казахи. Приблизительно на рубеже 10–20-х гг. XVI в., в результате их экспансии предводители ногаев откочевали за Волгу. Все пространство от Волги до Иртыша оказалось под властью могущественного хана Касима б. Джанибека⁷⁰². Племена, ассоциированные с мангытами, во избежание разгрома и лишения пастбищ, перешли под начало нового сюзерена. Подчинилась Касиму и часть мангытов, не пожелавших оставлять родные кочевья. Мангытский юрт, судя по всему, стал полностью соответствовать своему названию, т.е. остался населённым только мангытами. Это небольшое образование имело предельно простую организацию. Точно не известно, был ли тогда бий у мангытов. Мирзы, потомки Эдиге, руководили перекочевками своих немногочисленных подданных и, будучи деморализованными казахским нашествием, не создавали каких-либо сложных политических надстроек. Очевидно, остатки Мангытского юрта в тот период представляли собой обычные разрозненные улусы. Это были *простые вождества* — наиболее примитивные структуры, достаточные для организации управления в кочевой степи.

В 1521 г. скончался хан Касим, и среди его наследников начались распри. Лидеры мангытов сумели восстановить свою былую мощь и значительно расширить пределы юрта. Вновь под начало бия попали различные племена, которые опять стали обозначаться политонимом «ногай». На данной стадии организация Мангытского юрта принципиально не отличалась от организации в эпоху Мусы, хотя нынешние ногайские правители — сыновья Мусы Алчагир и Шейх-Мухаммед, внуки Агиш, Мамай и Урак — не обладали политическими

---

⁷⁰² Бартольд В.В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 147; Рузбихан Исфাহани Фазлаллах. Михман-и наме-йи Бухара. М., 1976. С. 47, 48, 62.

талантами своего знаменитого предшественника. Все они искали правителей-Чингизидов, которые согласились бы объявить их биями. Шейх-Мухаммед нашел такого правителя в Дагестане, Мамай — в Астрахани, Алчагир пытался убедить крымского хана Мухаммед-Гирея I. Однако отвлекаясь от событийной конкретики, следует признать, что многоплеменное общество ногаев во второй четверти XVI в. вернулось к этапу *составного вождества*, на котором оно уже пребывало до агрессии казахов. В условиях ослабления и фактического распада Казахского ханства ногайские бии установили свою гегемонию во всем восточном Дешт-и Кипчаке. Находившееся под их властью объединение в русских и крымских источниках получает название «Ногаи»; во второй половине XVI в. в российских документах часто употреблялось также словосочетание «Ногайская Орда». Окрестные правители не считали ногайских биев равновеликими себе государями: все-таки бий (беклярибек) в традиционной тюрко-монгольской номенклатуре не являлся титулом самостоятельного сюзерена. Тем не менее многие черты Ногайской Орды второй трети — конца XVI в. позволяют видеть в ней независимое политическое образование. Окончательное оформление ее управленческого механизма связано с именами биев Саид-Ахмеда (около 1535–1548) и Шейх-Мамая (1548–1549), сыновей Мусы. Впервые в истории ногаев их кочевья были разделены на два крыла — надэтнические территориальные единицы с границей по Яику. Во главе крыльев встали наместники-военачальники с чисто ногайскими, не имеющими аналогов титулами «нуррадин» и «кековат» (в их основе — имена сыновей Эдиге Нур-ад-Дина и Кей-Кобада)⁷⁰³. Саид-Ахмед попытался было объявить себя ханом, но безуспешно. Он не принадлежал к династии Чингисидов, поэтому ни крымский хан, ни московский великий князь, ни османский султан не признали за ним этого ранга. Следовательно, потомки Эдиге и Мусы не могли воспользоваться обычным для послеордынских ханов оправданием своей власти через происхождение от Чингисхана. Однако выход был найден. В придворной среде составили фантастическую версию происхождения рода Эдиге от халифа Абу-Бекра, тестя Пророка⁷⁰⁴. В мусульманском обществе, каковым уже в то время являлись ногаи, такое обоснование легитимности «княжения» оказалось приемлемым и достаточным.

Территория крыльев, в свою очередь, делилась на улусы. Каждый из них был населен, как правило, представителями одного племени. Но теперь племенная знать, помимо мангытской, в источниках не фиксируется абсолютно. Можно предполагать, что в ходе ногайской антиказахской «реконкисты» лидеры племен, сотрудничавшие с Касимом, были изгнаны или истреблены, и мангыты взяли в свои руки управление ногаями из всех племен. Как бы там ни было, налицо явная детрибализация, утрата племенами собственной административной структуры и превращение их в базу ногайской улусной системы. Ныне улусами управляли члены правящего клана, потомки Мусы.

Распределение улусов среди ближайших родственников послужило довольно действенным средством против распада Ногайской Орды после смерти

⁷⁰³ См. статью «Нуррадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁷⁰⁴ *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 16; *DeWeese D.* Islamization and native religion in the Golden Horde. University Park, 1994. P. 386, 387.

каждого очередного бия. До середины 50-х гг. XVI в. мирзы в целом лояльно относились к своему правителю и не проявляли заметного сепаратизма. Утвердившись у кормила власти, Саид-Ахмед в 1538 г. в последний раз по прежней мангытской традиции «учинил царем» одного из бесчисленных казахских царевичей⁷⁰⁵. Позднее, вплоть до инвеституры бия Иштерека Борисом Годуновым в 1600 г., ногаи при выборе кандидатуры своего правителя, очевидно, не прибегали к явному посредничеству чужеземных государей.

В экономике Ногайской Орды полностью господствовало кочевое скотоводство. Ни одного земледельческого района под властью бия не было. Поэтому регулировать отношения между властью и подданными оказывалось достаточным с помощью типично кочевого «аппарата» управления. Собственно, этот «аппарат» был идентичен как при дворе бия, так и в стойбищах мирз. Улусные должности казначеев, стражников, писцов позволяли бию и мирзам руководить ногаями на огромных пространствах Дешт-и Кипчака.

Итак, Ногайская Орда имела отдельные черты раннего государства; 1) надэтническое деление территории (крылья и улусы); 2) государственную идеологию (ислам и легенда о предке Абу-Бекре); 3) терминологическое оформление государственной территории и надплеменная самоидентификация населения (Ногайская Орда, ногаи); 4) весьма широкое применение письменности, что объяснялось наличием значительной прослойки духовенства и широкими связями с Крымом и Средней Азией. Но не меньше в ней было признаков и составного чифдом: 1) отсутствие особого механизма насилия, подавления; 2) «немонархичность» бия, его номинальная должность вождя, главного военачальника; 2) полная экономическая автономия улусных правителей-мирз, не перераставшая в политическую, пока родственные связи были актуальными, а политические цели общими; 4) наличие четко ограниченного сословия аристократии – мирз. Вновь, как и в случае с ханством кочевых узбеков Абу-л-Хайра, мы сталкиваемся с промежуточной стадией между составным вождеством и ранним государством. И опять нам придется привлечь понятие *суперсложного вождества*, каковым и являлась, по нашему мнению, Ногайская Орда.

Обобщим наши наблюдения. До конца XIV в. мангыты были подданными *государства* Улуса Джучи. После его распада они оказались в пределах Кок-Орды, которая представляла собой *раннее государство*. На ее территории кочевые узбеки во главе с Абу-л-Хайром создали *суперсложное вождество*, куда и вошли мангыты. Отделившись от ханства Абу-л-Хайра, мангыты и союзные им племена (ногаи) в 1470-х – 1510-х гг. образовали собственный юрт, характеризуемый нами как *составное вождество*. В первой четверти XVI в. ногайские предводители под ударами казахов лишились большей части подданных и территорий и возглавили остатки юрта уже в качестве *простого вождества*. Восстановив свою гегемонию, ногаи превратили свое владение вновь в *составное вождество*, а бии Саид-Ахмед и Шейх-Мамай завершили строительство Ногайской Орды, расцениваемой в качестве *суперсложного чифдом*. Такой видится линия социально-политического развития ногаев на протяжении XIV–XVI в.

---

⁷⁰⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 183.

Бий мангытов, коронованный chief

Для типологии ранних государств и вождеств большое значение имеет определение общественного статуса и функций главы социума, носителя властных полномочий. Собственно, объем этих полномочий и организация их практического осуществления и служит одним из основных критериев при отнесении данного общества к одной из категорий вождеств (простое, составное, сверхсложное) или ранних государств (зачаточное, типичное, переходное). Насколько нам известно, в науке еще не выработана подробная классификация прерогатив и пределов власти правителя в зависимости от типа возглавляемого им общества. Хотя в работах А.М. Хазанова, А. Джонсона и Т. Эрла, Х. Классена начата разработка формальных признаков, которые позволяют различать политические структуры в том числе и по принципу полномочности лидера.

В настоящей очерке мы обратимся к фигуре правителя Ногайской Орды. Судя по многим признакам, это образование представляло собой суперсложный чифдом⁷⁰⁶. Следовательно, его глава занимал промежуточное положение между предводителем составного вождества (совокупности общин) и монархов. Рассмотрим его положение по основным параметрам: титулатура, обоснование власти, функции, наследование ранга, имущественное положение.

Титулом ногайского лидера служило понятие «бий». Это поздняя восточно-кипчакская форма общетюркского «бек», которая фиксируется в документах не ранее XV–XVI вв.⁷⁰⁷, наряду с промежуточным вариантом «бик»⁷⁰⁸. В тюркских политических образованиях XIV–XVI вв. бек (бий) служил синонимом арабо-персидского «эмир» и монгольского «нойон». Таким образом, данный термин обозначал принадлежность к разряду знати, стоящей рангом ниже династической, правящей аристократии (которая практиковала титулы «хан», «султан», «оглан», «торе»). Незрелость социальной традиции в кочевых обществах приводила к полисемантичности титулатуры. В разных регионах бий мог означать и родового старейшину (у башкир и казахов)⁷⁰⁹, и главу племени, номинально представляющего это племя при хане (Крымское и Касимовские ханства)⁷¹⁰, и высшее должностное лицо после хана (Золотая Орда, Узбекское ханство)⁷¹¹, и просто «начальство» в широком смысле⁷¹².

В Ногайской Орде у власти утвердился род бия Эдиге из племени мангытов. В конце XIV в. Эдиге сумел обосноваться в яйцких степях, а поддержка Тимура, разгромившего Золотую Орду, позволила ему стать фактическим пра-

⁷⁰⁶ См. статью «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно» в настоящем издании.

⁷⁰⁷ Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 36, 399.

⁷⁰⁸ Ахметзянов М.И. Татарские шеджере. Казань, 1991. С. 67.

⁷⁰⁹ Башкирское шежере. Уфа, 1960. С. 31. 179; Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. М., 1982. С. 99.

⁷¹⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 410.

⁷¹¹ Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 92.

⁷¹² Бартольд В.В. Указ. соч. С. 502.

вителем империи Джучидов. Потомки Эдиге стали занимать ведущие военные посты в позднеордынских ханствах, зачастую назначая ханов по своему усмотрению. Уже к середине XV в. прерогатива мангытской знати на интронизацию государей-Чингисидов расценивалась как традиция и вошла в пословицу у кочевников Дешт-и Кипчака⁷¹³. К 1480-м гг. образовалось объединение ногаев, т.е. мангытов и ассоциированных с ними племен, которое принято называть Ногайской Ордой. Все племена Орды первоначально возглавлялись, как обычно, биями, о над всеми ними стоял бий мангытов. Кроме того, существовали «служилые» бии при дворе верховного правителя⁷¹⁴. В этой парадоксальной ситуации, когда сюзерен имеет одинаковый титул с множеством нижестоящих подданных, требовалось искать способы выделить мангытского лидера.

Ногайский нобилитет (мирзы) обращался к главе Орды, используя выражение «бий-хазрат», т.е. «княжое величество», в средневековом русском переводе⁷¹⁵. Ногайские послания к соседним государям наиболее наглядно демонстрируют отличие верховного бийства (ногаи называли его «бийлик» — см. арабописьменный оригинал челобитной грамоты мирзы Джан-Мухаммеда царю Михаилу Федоровичу от 10 января 1641 г.)⁷¹⁶. Хотя почти все подобные адресаты сохранились не в оригинале, можно ясно представить себе амплитуду статусных притязаний биев. Достаточно скромная формула «болшово в князях Сид Ахматово княжое слово» в 1535 г.⁷¹⁷ обнаруживает лишь первенство Саид-Ахмеда в ряду прочих биев. Более развернуто рекомендуется племянник Саид-Ахмеда Урус, занявший престол в 1578 г.: «Мангытцого государя от Уруса князя» (1578, 1581 гг.)⁷¹⁸. В данном случае титулатура уже очерчивает территориальный и этнический пределы властвования. «Мангытцкий» здесь является синонимом «ногайского», т.к. тот же Урус в 1579 г. заявил русскому послу: «Яз в нагаиской земле князь и государь всеи земле нагаиской»⁷¹⁹. Гораздо претенциознее оказался словесный антураж бия Исмаила в письме Ивану IV 1560 г.: «Всем татаром государя от Исмаила князя»⁷²⁰.

Однако ни у самих биев, ни у их русских корреспондентов не было иллюзий насчет реального объема власти «в Ногаях». Самые пышные звания бии присваивали себе в те времена, когда их Орда находилась в относительно стабильном состоянии, была сильна и влиятельна. Апогеем могущества можно считать период «княжения» Саид-Ахмеда и Шейх-Мамая, т.е. 30–40-е гг. XVI в. Шейх-Мамай даже осмелился заимствовать обозначение своего престола (баб-и али) у османского султана. В русском переводе грамоты 1548 г. значит: «Высочайшего порога государя и повелителя, от воина от благочестнаго Ших Мамай князя»⁷²¹.

⁷¹³ См.: МИКХ. С. 104; *Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des mogols et des tartares*. Т. 1. Sankt-Petersbourg, 1871. P. 189.

⁷¹⁴ См. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М., 1984. С. 39, 40; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 30.

⁷¹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 60, 61.

⁷¹⁶ Там же. 1640 г. Д. 11.

⁷¹⁷ Там же. Д. 2. Л. 114.

⁷¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 230 об.; Д. 10. Л. 86 об.

⁷¹⁹ Там же. Д. 9. Л. 152 об.

⁷²⁰ Там же. Д. 5. Л. 4 об., 190 об.

⁷²¹ Там же Д. 3. Л. 18–18 об.

Официальным полным титулом правителя Ногайской Орды служило понятие «улубий», равнозначное золотоордынским формулам «амир ал-умара» и «беклярибек», которые не употреблялись в среде ногаев. «Великий князь» (улубий) сопровождает, как правило, в источниках им беклярибека Эдиге, предка мангыто-ногайских биев⁷²². «Великим князем» в переводах ногайских документов назван также Саид-Ахмед⁷²³, а сам пост бия — «большое княжение»⁷²⁴, что полностью соответствует словосочетаниям «улуг беклик», «улу бийлик» и «амир-ал-умаралык» (последнее восстановлено Х. Иналджиком по посланию султана бию Юсуфу⁷²⁵. Подобным же образом иногда титуловали главу Ногайской Орды и крымцы⁷²⁶. Но надо сказать, что в глазах Гиреев ногайский правитель никогда не являлся равновеликим им монархом. Княжеский ранг формально отводил ему место у подножия трона, а не рядом с ним. Бахчисарайская канцелярия многократно подчеркивала, что улубий есть не более чем слуга (карачи) крымского хана. А в 1620 г. хан Джанибек-Гирей попытался в обход русского царя назначить одного из мирз на вакантное место верховного бия и при этом его же «учинил себе болшим своим боярином и добрым к себе другом»⁷²⁷

Столь же невысоко ценили ранг улубия и в Турции. Стамбульские депеши к Урусу в 1570–1580-х гг. титуловали его всего лишь «бег-мирзой», «хакимом ногаев», «беем, мирзой страны Больших Ногаев»⁷²⁸, а Юсуфа за глаза обозначали и вовсе как «одного из ногайских беев»⁷²⁹.

Русские государи всегда называли ногайского лидера только князем и, в зависимости от конъюнктуры межгосударственных отношений, то своим братом, то другом, то холопом. До середины XVI в. и в Москве, и в столице Ногайской Орды Сарайчуке правили «великие князья». Принципиальным рубежом в ликвидации номинального равенства между ними послужило обретение Иваном Грозным царского достоинства⁷³⁰. Рядом с «царями» Казанским, Астраханским, Сибирским и позднее Московским заводжские правители воспринимались не иначе как только «княжата ногайские»⁷³¹, т.е. потомки «великого князя» Эдиге.

Теперь рассмотрим статус улубия внутри Орды. Близкие родственные отношения в недрах правящего клана Эдиге придавали связям между его членами видимость патриархальности. Несмотря на самые разные степени кровного родства с бием, мирзы расценивали его как своего «отца и дядю»⁷³². То есть формально он занимал место старшего в роде, родового старейшины, патриарха ногеv. В глазах

⁷²² См. напр.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М.-Л, 1950. С. 468; ПСРЛ. Т. 11. СПб, 1897. С. 205; т. 19. СПб., 1903. С. 14; т. 22. СПб., 1911. С. 425; т. 39. М., 1994. С. 140.

⁷²³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁷²⁴ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 168 об.

⁷²⁵ *Inalcık H.* Osmanlı Rus rekabetinin menşei ve Don Volga kanalı teşebbüsü // *Türk Tarih Kurumu Belleten.* 1948. С. 12. Sayı 46. S. 359.

⁷²⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 5. Л. 5.

⁷²⁷ Там же. 1616 г. Д. 2. Л. 239.

⁷²⁸ *Bennigsen A.* L'expédition turque contre Astrakhan en 1569 // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1697. Vol. 8. № 3. P. 83, 85.

⁷²⁹ *Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch.* Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle et la tradition mongole à la suzeraineté ottomane // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1972. Vol. 13. № 3. P. 2267.

⁷³⁰ *Третьяков В.В.* Россия и кочевые степи: Проблема восточных заимствований в российской государственности // *Восток.* 1994. № 2. С. 57, 58.

⁷³¹ *Курбский А.М.* Сочинения. СПб., 1914. С. 173, 177.

⁷³² См. напр.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 113, 169, 383.

же соседней он стремился предстать как абсолютный суверен: выше цитировались слова Уруса о том, что он государь всей земле Ногайской; в той же тираде он характеризует мирз как «холопей моих»⁷³³. Но в действительности в распоряжении бия не оказывалось практических средств, чтобы заставить родичей-мирз подчиниться своей воле. В 1611 г. в ответ на предложение русского правительства послать ногайские войска на помощь против поляков, причем мобилизовать «не все охотников, иное и неволников» (т.е. обязать силой) бий Иштерек откровенно отвечал, что «у них Орда самовольная ... что захочет, тот и едет, а силою никою послать нелзе»⁷³⁴. Единственное, чем мог пригрозить Иштерек в ту пору непокорным мирзам, — это его эмиграции, откочевка «казакон с улусом своим» и призыв на помощь Бога и русский рати⁷³⁵. Мирзы же терпели его властные полномочий «за старость (т.е. старшинство в роде. — *В.Т.*) и «покаместа он ... силен улусными людьми»⁷³⁶. Как только мирза обзаводился собственными сильным и многолюдным улусом, он начинал проводить независимую политику. Это явление существовало как тенденция в XVI в. и в полной мере обнаружилась в начале XVII в. столетия, в период распада Ногайской Орды.

Неудивительно, что важнейшие политические вопросы решались бием не единолично, а в совете с самыми могущественными аристократами. К числу таких проблем относились, в частности, общеордынские военные действия, отношения с иностранными монархами, международные союзы и коалиции.

Все прочие «юрты», что возникли на развалинах Золотой Орды, управлялись сюзеренами из разветвленного клана Чингисидов. Не принадлежала к этому клану, главы ногаев не смели претендовать на ханское звание. В принципе был еще один путь к утверждению монархического статуса — создание сверхдержавы, удачные войны, которые заставили бы соседей признать за ногайскими правителями и любой угодный ногаям ранг. Судя по некоторым отголоскам в источниках, такая попытка была предпринята в Ногайской Орде в конце 30-х гг. XVI в. Разгромив и убив крымского хана на западе, казахского хана на востоке, ногаи сочли себя вправе сформировать у себя пирамиду власти, аналогичную структурам управления в побежденных ханствах. Бий Саид-Ахмед в грамоте Ивану IV объявил о своем намерении заступить на место хана; тут же объявлены наследник престола-калга и главный военачальник беклярибек⁷³⁷. Как нам уже известно, никто в сопредельных державах этих притязаний не признал: глава Орды так и остался «великим князем», а не ханом. Улубии были вынуждены смириться с этим. Впрочем, административный аппарат сохранился, но ногаям пришлось изобрести собственную номинацию должностей; ведь они не образовали легитимного ханства и официально не имели права учреждать администрацию, присущую ханству. И европейские наблюдатели на протяжении XVI в. отмечали отсутствие государя у ногаев⁷³⁸, как бы игнорируя управленческие возможности улубия.

---

⁷³³ Там же. Д. 9. Л. 152 об.

⁷³⁴ Акты времени междоусобия. М., 1915. С. 18.

⁷³⁵ Там же. С. 21.

⁷³⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1647 г. Д. 1. Л. 48.

⁷³⁷ См. статью «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁷³⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 179; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. Л., 1925. С. 61.

Усилия обзавестись ханским венцом сопровождались попытками идеологического обоснования власти. Реликты поисков легитимности сохранились в дестане «Эдиге» и ряде других источников. В соответствии с многочисленными ногайскими родословными, предком Эдиге был Ходжа Ахмед Баба-Туклас — мусульманский проповедник, потомок праведного халифа Абу-Бекра⁷³⁹. Таким образом, потомки Эдиге возвели себя (конечно, искусственно) к соратнику Пророка и тем самым обрели законность правления. Военные и политические успехи обеспечили и необходимую харизму. Кажется, это оказалось довольно действенным идеологическим фактором, поскольку за всю историю Ногайской Орды не было ни единого случая, чтобы чужеродная знать посягнула на властные полномочия Едигеевичей.

Указанная религиозно-генеалогическая комбинация подняла престиж ногайских династов в глазах собственных подданных, но не добавила веса за рубежом. Вымышленное происхождение от Абу-Бекра все равно не давало оснований для занятия ханского трона. Ведь улубий официально не представлял собой самостоятельного государя, этот пост должен был дароваться от вышестоящего правителя. И именно так получали свои звания мангыто-ногайские бии в XV и в начале XVI вв. Когда Саид-Ахмед и его преемник Шейх-Мамай превратились в настоящих гегемонов Восточной Евразии, практика посторонней инвеституры улубия угасла, и ногаи сами выбирали себе «великого князя». Но поскольку последний все же не стал ханом, то и церемония его возведения, очевидно, мало напоминала коронацию. В источниках не сохранилось описания подробностей данного ритуала. Есть лишь некоторые сведения о принципе «вокняжения»: «А выбирали на нагайское княженье мурзы меж себя по степени и по болшеству, и садились на княженье в Нагаех»⁷⁴⁰. С начала XVII в. была восстановлена санкция иноземного государя на «княжение»: русский царь своей грамотой подтверждал избрание нового бия мирзами, а астраханские воеводы разработали торжественный церемониал введения его в должность. В 1600 г. новоизбранному Иштереку вместе со знатнейшими мирзами было предложено приехать в Астрахань для вручения жалованных грамот из Москвы. По прибытии ногаи узнали, что им предстоит совершить действие самого настоящего воцарения — поднятие на ханство. Воеводы придумали, чтобы мирзы подняли Иштерека на войлоке, подобно тому, как провозглашали ханов-Чингисидов в независимых кочевых державах — Золотой Орде, татарских ханствах. Мирзы задумались: «А того де они не ведали, что ево, Иштерек мурзу, на княженье поднять на епанче... И из давних де лет николи того не было». Однако, посоветовавшись целый день, согласились, и улубий впервые в ногайской истории был «поднят на епанче»⁷⁴¹. Следующий и последний бий, Канай, в 1622 г. воспринял этот акт уже без всяких возражений⁷⁴².

Тюркские и славянские правители осознавали силу Ногайской Орды и до начала XVII в. не стремились посягнуть на суверенитет ее лидеров. В пределах своих кочевий улубий осуществлял административные функции, присущие любому самостоятельному кочевому правителю. Он после совета со зна-

⁷³⁹ Подробно см.: *De Weese D. Islamization and native religion in the Golden Horde. University Park, 1994.*

⁷⁴⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1641 г. Д. 5. Л. 27.

⁷⁴¹ Там же. Л. 32–33.

⁷⁴² Там же. 1623 г. Д. 1. Л. 101. 102.

тью объявлял ежегодные маршруты передвижений стад и населения, указывал места для поселения подвластным ильям (племенным общинам), подтверждал наследственные права мирз на подданных, «улусных людей»⁷⁴³. Традиционно за ним оставалась обязанность верховного военачальника, ведь прежде улубий (беклярибек) состоял главой вооруженных сил ханства. Правда, у ногаев в ходе оформления административной системы появился свой аналог военачальника-беклярибека — нурадин, глава правого крыла. На бие, кроме того, лежала обязанность обеспечивать своему народу безбедное существование или хотя бы доступ к обогащению. Евразийские кочевники нередко добивались этого набегами на оседлых соседей. Ногаи же чаще использовали мирные средства — меновую торговлю и взимание традиционных периодических платежей, «мангытских доходов», которые поступали к ним из Казанского и Астраханского ханств и, возможно, из Сибирского юрта. Попав в зависимость от России, руководители Орды все более полагались на «государево жалование» — деньги и подарки из Москвы. Умение бия организовать приток подобных доходов служило одним из критериев его компетентности. И не раз бывало, что ногайский лидер просил царя, дьяков и воевод не отправлять дары мирзам в обход его, бия, чтобы «я бы из рук своих то свое царское жалование братье своей и племянником, и детем роздал». Поскольку «они все у мене казны просят, а у меня казны нет, и дати им нечево. И в том мне бывает великой сором»⁷⁴⁴. Но и при жесткой финансовой зависимости от России существовал предел, за который даже марионеточный бий XVII в. переступать не мог. Функция раздачи внутриордынских привилегий являлась принципиальной. В 1630 г. до улубия Каная дошел слух, будто некий ногаец Атей получил тарханство (освобождение от налогов) из рук русского государя. Канай тут же известил Михаила Федоровича, что подобное положение несовместимо с его, Каная, рангом — «и толко, государь, тот человек (тарханом. — *В.Т.*) станетца, и моему княженью быть нелзе»⁷⁴⁵.

Как видим, функции улубия не отличались от обычного набора прерогатив кочевого владетеля, как бы тот ни титуловался. Не отличался оригинальностью и порядок преемственности высшего поста у ногаев. В одной из своих работ мы отмечали несоответствие между официально признанным порядком престолонаследия в Монгольской империи (родовое старшинство) и фактически осуществлявшимся (тенденция к династийному правлению)⁷⁴⁶. Та же коллизия, видимо, имела место и в Ногайской Орде. Формально считалось, что улубий избирался «по степени и по болшеству» (т.е. старшинству). Претенденты на «вокняжение» в качестве основного довода выдвигали тезис «я старше всех»⁷⁴⁷. А на деле каждый бий стремился закрепить власть за своими сыновьями.

⁷⁴³ *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 34; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 220 об.; *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 43; *Поноженко Е.И., Асанов А.М.* Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // *Половецкая луна.* 1993. № 1–2 / 5–6. С. 119.

⁷⁴⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1617 г. Д. 3. Л. 11–12.

⁷⁴⁵ Там же. 1630 г. Д. 3. Л. 19–20, 59.

⁷⁴⁶ *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: (Проблема исторической преемственности). М., 1993. С. 102–111.

⁷⁴⁷ *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания племен и местностей Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 23; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1604 г.

Непосредственное содержание улубия осуществлял и под прямым управлением его находился личный удел, который, по воспоминаниям Каная, состоял из четырех улусов — «Сеит, Хоза, Базар, Сарайчук»⁷⁴⁸. Сарайчук постоянно фигурирует в источниках, это зимняя резиденция правителя. Изредка упоминаются «базарские люди», «базарники» (например, у Исмаила в 1562 г.: они «в улусех моих оприченная казна моя»⁷⁴⁹; видимо, речь о населении орду-базара — кочевой (летней) ставки. «Сеит» — возможно, какой-то кочевой аналог вакуфных земель находящихся под покровительством улубия. «Хоза» (ходжа) пока не находит объяснения из-за единичного упоминания.

Центральный двор представлял собой совокупность нескольких чиновных магистратов с канцеляриями, занимавшимися в основном финансовыми вопросами⁷⁵⁰. Но с начала XVII в., при распаде Орды, биям приходилось полагаться только на ближайших родственников и нескольких писцов; все остальные инстанции исчезли в ходе смут.

Теперь вернемся к характеристикам правления ногайского лидера, которые были перечислены в начале статьи и попытаемся определить его принадлежность к какому-либо типу социальной организации. *Титулатура* правителя при всех восточных цветистостях оставалась на уровне ниже ханского, т.е. монархического. Номинально улубий являлся первым среди беков — военной и родовой знати Дешт-и Кипчака. Все окрестные владыки, в том числе и российские после венчания на царство Ивана IV, имели более высокий ранг, а управляемые ими владения — соответственно более высокую таксономическую категорию. Ханства были государствами, Мангытский юрт оставался «Ордой» — предгосударственным образованием с рядом признаков государства. Этими факторами определялось и соотношение с соседними сюзеренами. *Легитимность статуса бия в среде мангыто-ногайской аристократии* базировалась лишь на добровольном согласии мирз подчиняться предводителю. Никаких законных средств заставить их выполнять свою волю у предводителя ногаев не находилось. Улубий был вынужден изыскивать ненасильственные приемы, которые могли бы утвердить его власть. Прежде всего это нединастийное *обоснование прав* на «княжение» — возведение происхождения клана не к общепризнанному родоначальнику монархов Чингис-хану, а к первому халифу. Следовательно, и в данном отношении глава Ногайской Орды не может быть уподоблен правителям сопредельных государств. Однако его *функции* в целом совпадали с таковыми у ханов. Бий возглавлял армию, собирая ясак, распределял военную добычу и иностранные подношения между мирзами; формально он считался главой всего народа и представлял его в переговорах с чужеземными посольствами. Комплекс прерогатив свидетельствует о вполне сформировавшемся институте центральной администрации, хотя и, конечно, довольно примитив-

Д. 3. Л. 16; 1640 г. Д. 11. Л. 3.

⁷⁴⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1623 г. Д. об. 3. Л. 15.

⁷⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; Д. 6. Л. 84 об.

⁷⁵⁰ Поноженко Е.А. Маслагатный суд и судебный процесс у ногайцев в XVIII–XIX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Право. № 3. М., 1976. С. 71, 72; *Он же*. Общественный строй ногайцев в XV – середине XVII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 12: Право. № 4. М., 1977. С. 94. *Он же*. Политический строй ногайцев в XV – середине XVII вв. // Известия АН Туркменской ССР. Сер. Обществ. наук. № 6. Ашхабад, 1987. С. 37.

ном, во многом концентрированном в персоне улубия. Некоторой опорой его власти служило автономное *имущественное положение* — наличие собственного удела и подданных. Именно семейная экономическая база давала возможность и соблазн почти каждому бию попытаться изменить традиционный кочевой *порядок престолонаследия* — с родового на династийный. Однако неразвитость социальных отношений и периодические смуты не позволили утвердиться династии у ногаев.

Развитие институтов управления в Ногайской Орде происходило крайне противоречиво. Достигнув апогея к середине XVI в., административная структурированность Орды вошла в стадию кризиса, начала уменьшаться и упрощаться. В соответствии с «ногайской альтернативой» исторического развития изменилось и положение улубия. На вершине политического могущества ногайской державы Саид-Ахмед и Шейх-Мамай могут уже расцениваться как монархи, хотя и никем не признанные. Во второй и третьей четвертях XVI в. Ногайская Орда приобрела ряд черт раннего государства. Однако по мере ее распада объем власти центральных органов все сужался и к исходу второго десятилетия XVII в. сошел на нет. В условиях политического и экономического коллапса улубии оказывались не способными ни отстаивать статус, приобретенный их предками (не говоря уже о его повышении), ни осуществлять свои традиционные функции. Очевидно, бий мангытов не смог преодолеть границы, отделяющей вождя от царя. Провозглашение каждого очередного улубия уже не воспринималось как просто смена родового старейшины, но не обрело и престижа, присущего коронации. Глава Ногайской орды так и остался суперчином, сверхвождем — иногда могущественным, но никогда не почитаемым, без полноценного аппарата власти, без четкой системы ее передачи, с искусственным и малоубедительным ее обоснованием.

Нурадины Ногайской орды

Нурадин — титул правителя правого крыла (западной части) Ногайской Орды XVI — начала XVII в. Его функции и пределы власти уже выявлены историками⁷⁵¹. Анализ нурадинства — не столь частная проблема, как может показаться. Крылья были обязательным элементом административной структуры в любой независимой кочевой империи. Поэтому история системы крыльев у ногаев — это история формирования их

---

⁷⁵¹ См.: *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974. С. 414; *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988. С. 34; *Кочекаев В.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 39, 40; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 57; *Поноженко Е.А.* Политический строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Известия АН ТССР. Серия общественных наук. 1987. № 6. С. 34–36; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

государственности, и процесс постепенной организации правого крыла может служить иллюстрацией для понимания того, каким образом кочевой Мангытский юрт превратился в мощную державу — Ногайскую Орду. Чтобы уяснить место нурадинов в управлении державой ногаев, следует обратиться к событиям XV в., хотя источники и не упоминают о нурадинах до середины XVI в.

Предыстория нурадинства и формирование крыльев. Время появления мангытов в междуречье Яика и Эмбы, где их фиксируют средневековые источники, точно неизвестно. Можно предположить, что это произошло в конце XIV в., после откочевки мангытского предводителя Эдиге за пределы досягаемости войск Тимура⁷⁵². Главные эмиры мангытов занимали пост беклярибека (верховного военачальника и командира крыла) в Синеи Орде, т.е. левом крыле улуса Джучи (см. предыдущую статью). Известно, что эмир Балтычак был беклярибеком при хане левого крыла Джучиева улуса Тимур-Мелике б. Урус в 1370-х гг., а дети Балтычака Иса и Эдиге состояли главными эмирами у ханов, властвовавших в правом крыле, но формально являвшихся общеджучидскими сюзеренами в 1390-х — 1410-х гг. Старшие сыновья Эдиге Науруз и Мансур, внуки Тимур и Хаджике (родоначальники крымских князей Мангытов-Мансуровых), сын Тимура б. Мансура Таваккул тоже были беклярибеками ханов Золотой Орды, Большой Орды и, возможно, Крымского ханства.

В XV в. Мангытский юрт воспринимался как составная часть ханства левого крыла, которое находилось под управлением династии Джучидов — Шибанидов. По сообщению Абу-л-Гази, дети шибанидского хана Пулада (прадеда знаменитого Абу-л-Хайра) на рубеже XIV—XV вв. кочевали, «лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра»⁷⁵³, т.е. ежегодно пересекали земли мангытов, а может быть, и летовали в них. Соответственно мангытские беклярибеки (бии) видели в шибанидских ханах старших государей. После гибели Эдиге в 1420 г. Мангытский юрт достался Гази (видимо, беклярибеку хана Джумадука). К 1428 г. Шибанид Абу-л-Хайар разгромил основных соперников (в том числе и Джумадука) и был провозглашен ханом. Тогдашний глава мангытов, преемник Гази Ваккас б. Эдиге состоял беклярибеком уже при Абу-л-Хайре⁷⁵⁴. Именно в тот период произошло оформление юрта как самостоятельного политического образования, если учесть известие Матвея Меховского об отделении сыновей Ваккаса от «Заволжской Орды» около 1447 г.⁷⁵⁵ В эпоху Мусы (конец XV в.) роль мангытских беков в государстве Шибанидов кажется весьма значительной. Ханская власть после смерти Абу-л-Хайра ослабела, а Мангытский юрт, напротив, резко усилился. Этому способствовали такие факторы, как стабильная (после откочевки Ваккаса от хана) территория, многочисленность населения, отсутствие значительных распрей между мирзами в тот период и, следовательно, сплоченность рода Эдиге вокруг бия. Прочное внутреннее положение юрта имело два важных последствия. Во-первых, население, объединенное под властью общепризнанного правителя-бия в пределах компактной

⁷⁵² См.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб., 1884. С. 467 (сведения Ибн Арабшаха).

⁷⁵³ Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази. Казань. 1906. С. 162.

⁷⁵⁴ См.: МИКХ.С. 16, 17, 97; *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, С. 92.

⁷⁵⁵ *Матвей Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 92, 93.

территории, обрело, кроме племенных этнонимов (мангыты, найманы, кунграты, кипчаки и проч.), еще и «государственное имя» — ногаи, обозначавшее отныне не только этнический костяк юрта — собственно мангытских кочевников, но и другие подчинявшиеся бию племена. Во-вторых, влияние ногайской знати на события политической истории восточного Деш-ти Кыпчака стало во многом определяющим. Вопрос о ханствовании того или иного лица решался в зависимости от того, на чьей стороне окажется и на чьей кандидатуре остановится мангытский (ногайский) бий. Другими словами, кого поддержат ногаи, тот и окажется во главе Шибанидов. Претендентов на главный трон было много, но по сложившейся к тому времени традиции, у хана обязательно должен был быть беклярибек. А эта должность, опять же в соответствии с традицией, была закреплена за бием Мангытского юрта. Таким образом, ханом мог стать лишь тот правитель, при котором лидер ногаев соглашался состоять в качестве главного бека. Не случайно появление послов-ногаев с подобным предложением в ставке какого-нибудь царевича-Чингисида вызывало у того искреннюю радость и уверенность в будущей счастливой карьере⁷⁵⁶ (см. в предыдущей статье ситуации с воцарением Йадгара и с несостоявшейся интронизацией ногаями Мухаммеда Шейбани).

По некоторым сведениям, в дальнейшем правители ногаев продолжали считаться беклярибеками, несмотря на крушение шибанидской державы. Так, сын Мусы бий Шейх-Мухаммед (Шихим) числился в ранге «князя» (русский эквивалент высшего ордынского военного поста после «царя» — хана) при хане Хаджи б. Ахмеде. В 1515 г. «Муртоза царь, да и тюменские салтаны посадили Хозяка на царство, а Шигим мурзу на княжение»⁷⁵⁷. Последний акт возведения хана ногайским бием можно определить, наверное, 1538 г., которым датировано послание бия в Москву: «Шурина своего Ханбулат солтана царем чиню»⁷⁵⁸. Последующие казахские ханы обходились без посредничества ногайских владык, а бии вышли из-под сюзеренитета вышестоящих ханов еще ранее.

Изменение статуса бия при шибанидских ханах — только одна сторона обособления Мангытского юрта и становления ногайской государственности. Другая сторона — изменение статуса бия внутри самого юрта. Во второй половине XV в. предводители мангытов, как мы видели, увеличили свой политический вес. В условиях постоянных войн и непрерывного контакта с правителями разных рангов Мангытский юрт начал приобретать некоторые черты самостоятельного кочевого владения, государственного образования. Это выразилось, в частности, в том, что у бия появился свой главный военачальник, аналогичный золотоордынскому и шибанидскому беклярибеку-бию, но не носивший особого титула. Такое могло произойти лишь при слабом центральном правительстве, поэтому существование подобных военачальников-соправителей отмечено в источниках только после смерти Абу-л-Хайра. Этими военачальниками — в сущности, предшественниками нурадинов — являлись Муса при бие Аббасе, Йамгурчи б. Ваккас при бие Мусе, Алчагир б. Муса и Алач б. Алчагир при биях Хасане б. Ваккасе и Шейх-Мухаммеде. Насколько можно судить по

⁷⁵⁶ См.: там же. С. 167.

⁷⁵⁷ Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 145. Муртаза, сын или кузен Саид-Ибрагима, отказался от престола по причине старости.

⁷⁵⁸ ПДРВ. Ч. 8. СПб., 1793. С. 38.

источникам, все они кочевали главным образом на западе Ногайской Орды — в ее будущем правом крыле.

Первые два десятилетия XVI в. в истории ногаев отмечены экспансией Казахского ханства; ногайские земли вошли в сферу его гегемонии. Но со смертью могущественного хана Касима (1521 г.) среди его наследников, начались усобицы, и правители ногаев восстановили свое полномочие, сумев значительно расширить пределы юрта⁷⁵⁹. В условиях, когда даже формальная связь их с ханами казахов пресекалась, бий Саид-Ахмед (Шейдяк) б. Муса решил наконец отказаться от всякой видимости вассалитета по отношению к каким-либо вышестоящим государям.

С именем Саид-Ахмеда (правил в середине 1530-х — середине 1540-х гг.) связаны административные преобразования, которые можно вкратце свести к двум позициям. Во-первых, была предпринята попытка обзавестись ханским титулом, закончившаяся неудачей из-за непризнания этого акта соседними правителями. Во-вторых, была учреждена военно-административная система крыльев, что знаменовало собой создание независимой кочевой империи. Облик этой системы в Ногайской Орде сформировался благодаря как мощной традиции золотоордынской государственности, так и особенностям мангытно-ногайского политического развития: длительному беклярибекству, появлению мирз-соправителей при биях.

О том, как выглядела крыльевая структура на начальной стадии своего существования, сообщают два независимых друг от друга источника, совпадая в деталях. Сигизмунд Герберштейн, около 1525 г.: «В наше время этими княжествами владели трое (братьев), разделивши области поровну между собой. Первый из них, Шидак, владел городом Сарайчиком... и страной, прилегающей к реке Яику; другой, Коссум, — всем, что находится между реками Камой, Яиком и Ра (Волгой. — *В. Т.*), третий (из братьев), Ших-Мамай, обладал частью Сибирской области и всей окрест лежащей страной»⁷⁶⁰. Ураз-Али б. Шейх-Мухаммед отмечал в письме Ивану IV в 1549 г.: «При Сейд-Ахмеде князе Хошмагметю мирзе достался Волга, да при нем же Ших Мамаю мирзе достался по Яику, что от востока реки Уюлдачьем» (Уила и Эмбы?)⁷⁶¹.

Из приведенных фрагментов явствует, что Ногайская Орда при Саид-Ахмеде имела трехчастную структуру: кочевья по Яику (центр) под непосредственным управлением верховного государя-бия; западные, поволжские кочевья — правое крыло во главе с Хаджи-Мухаммедом (Кошумом) б. Мусой; восточные, заицикские кочевья — левое крыло во главе с Шейх-Мамаем б. Мусой. В середине 1540-х гг. Шейх-Мамай вступил на трон, и, как это обычно бывало в истории номадов, центр был объединен с восточной провинцией Орды и образовал вместе с ней единое левое крыло, старшее по рангу. Таким образом, со времени бийства Шейх-Мамаю (вторая половина 1540-х гг.) Ногайская Орда обрела классическую форму кочевой империи, т.е. разделилась на две части — крыла.

Такие радикальные нововведения требовали, надо полагать, веского обоснования как перед своими подданными, так и в глазах окрестных монахов.

⁷⁵⁹ См.: *Исин А.* Взаимоотношения между Казахским ханством и Ногайской Ордой в XVI в. Автореф. дис., ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1988. С. 19, 20.

⁷⁶⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 19.

⁷⁶¹ ПДРВ. Ч. 8. С. 184.

В традиционной кочевнической системе приоритетов наиболее авторитетными считались ссылки на старину, на установления и обычаи предков. И вот в 1537 г. Саид-Ахмед написал Ивану IV: «Ныне во цареве место язь, а в калгино место Ших мамай, а во княжое место Кошум, и в калгино место Мамай (б. Алчагир. — *В.Т.*) был... и ныне в то место Юсуф (б. Муса. — *В.Т.*) мирза, и ты что царю давал, то мне дай, а что Богатырь Солтану давал, то Ших мамаю дай, а что князю давал, то Кошуму дай, а жоти (т.е. хотя. — *В.Т.*) к тебе посол Мамаев не пошел, и ты б ему (Мамаю. — *В.Т.*) Нурадинову пошлину пошли»⁷⁶². Интересующая нас информация данного фрагмента сводится к следующему. Власть в Ногайской Орде распределилась, с точки зрения адресанта, таким образом, что бий занял место хана («царя»); Шейх-Мамай стал калгой — наследником престола и вторым лицом в государстве; Хаджи-Мухаммед стал беклярибеком («князем»). Изложение расклада должностей сопровождается притязаниями на те доли дани, что некогда выплачивались Москвой соответственно ордынским и поздние крымским ханам, калгам и беклярибекам. При этом Шейх-Мамай уравнивался в ранге с Багатур-Гиреем, сыном и калгой крымского хана Мухаммед-Гирея I, а Мамай — с Нур-ад-Дином б. Эдиге. Кочевья Нур ад-Дина располагались не только на Яике (где ныне находились владения бия), но включали и пожалованные ему в сююргальный удел ханом Золотой Орды земли по Нижней Волге, о чем ногаи хорошо помнили⁷⁶³. Значит, «эквивалентом» Нур-ад-Дина считался мирза Мамай.

Однако в следующем 1538 г. уже Хаджи-Мухаммед шлет великому князю грамоту: «А спросишь своих старых старцев, Нурадын мирзины пошланы не ведают ли с Астрахани? И ныне бы ту пошлину мне дали...»⁷⁶⁴. Наличие двух претендентов на нур-ад-динову часть дани заставляет предполагать: или среди мирз разгорелся спор, кому из них воспользоваться вновь открывшейся возможностью законным путем взимать подати с Астрахани и дань с Руси (поскольку Саид-Ахмед и его окружение в то время считали Ногайскую Орду легитимным ханством); или управление правым крылом Ногайской Орды, т.е. бывшими сююргалами Нур-ад-Дина на Волге, было организовано таким образом, что во главе его оказались два человека — Хаджи-Мухаммед и Мамай. При этом один из них рассчитывал на русскую часть доходов Нур ад-Дина, другой — на астраханскую. В самом деле, ведь Хаджи-Мухаммед владел поволжскими степями еще в 1520-х гг. (см. выше у С. Герберштейна). Значит, он по праву мог претендовать на наследие своего пращура Нур-ад-Дина. Но поскольку сам бий Саид-Ахмед просил великого князя московского выплатить «Нурадинову пошлину» Мамаю, приходится признать, что и этот мирза имел подобные же основания. Если это так, то возникает вопрос, равноправны ли были Хаджи-Мухаммед и Мамай в правом крыле или кто из них был там главней?

---

⁷⁶² Там же. С 7. СПб., 1791. С. 24–25. В приведенной цитате явно просматриваются reminiscences событий 1522–1523 гг., когда ногайские войска во главе с Мамаем и его братом Агисшем вторглись в крымские владения. Были убиты крымский хан Мухаммед-Гирей I и его сын, калга Бахадур-Гирей, чье имя фигурирует в грамоте Саид-Ахмеда (см.: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 392; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 123).

⁷⁶³ См.: ПДРВ. Ч. 11. СПб., 1801. С. 109; *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. С. 228.

⁷⁶⁴ ПДРВ. Ч. 8. С. 46.

Судя по грамоте Саид-Ахмеда 1537 г., где Хаджи-Мухаммед упомянут «на княжом месте» после «царя» и калги, он занимал ведущее положение в правом крыле. Мамай в таком случае имел сходный статус, но более низкий должностной ранг. Вероятно, ссылка в грамоте на золотоордынско-крымскую иерархию поможет определить функциональные различия двух этих мирз. В Улусе Джучи правое крыло (к западу от Яика) управлялось ханом, а его армией командовал беклярибек. Учитывая подчеркнутую ориентацию на джучидские традиции при Саид-Ахмеде, можно полагать, что и правое крыло ногаев было организовано подобным же образом: во главе всего крыла с начала 1520-х гг. стоял Хаджи-Мухаммед, а ополчением крыла приблизительно с 1536 г. стал командовать Мамай. Косвенным подтверждением последнего тезиса служит то обстоятельство, что отец Мамаю, мирза Алчагир, некогда выполнял аналогичные функции военачальника, но в рамках всего Мангытского юрта, еще до сложения системы крыльев. Назначение Мамаю командующим западно-ногайскими войсками было тем более актуально накануне большой войны с казахами, для охраны Орды с тыла, с запада⁷⁶⁵. Собственно, военное противостояние возможным набегам из Крыма оставалось важнейшей функцией нурадинов на протяжении XVI в.⁷⁶⁶.

Так как ханское достоинство не было признано за Саид-Ахмедом, о чем говорилось выше, то глава правого крыла не мог иметь «княжеского» титула беклярибека. Ведь беклярибеком (или бием, по принятой в Восточном Деште терминологии) номинально оставался Саид-Ахмед. Равно как и Шейх-Мамай не имел оснований именоваться калгой, что предполагало бы наследование монаршего трона, а не должности главного военачальника-бия. В этой ситуации ногайские лидеры обозначили глав крыльев не посредством отвлеченных титулов, а именами тех сыновей Эдиге, которые некогда владели территориями соответствующих крыльев. Оба начальника правого крыла стали называться нурадинами — по имени Нур-ад-Дина; предводитель левого крыла получил звание кековата — по имени Кей-Кобада б. Эдиге⁷⁶⁷.

Хронология нурадинов. Первые мирзы, которых с уверенностью можно считать нурадинами, зафиксированы источниками в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI в. при бие Юсуфе б. Мусе (правил в 1549–1554 гг.). Исмаил б. Муса в 1549 г. писал в Москву: «Князь (т.е. бий. — *В. Т.*) на Яике, а язь на Волге»⁷⁶⁸. Через четыре года о том же сообщал Айсак б. Ураз-Али: «На усть Волги старейшего нашего Исмаилева изба»⁷⁶⁹. Само по себе кочевание в Нижнем Поволжье пока не сви-

⁷⁶⁵ В этой войне 1536–1537 гг. коалиция правителей Мавераннахра, Ташкента, Ургенча, Ногайской Орды и Моголистана наголову разгромила Казахское ханство (см.: *Исин А.* Указ. соч. С. 20).

⁷⁶⁶ Впрочем, возможно, что Мамай предводительствовал армией правого крыла еще в начале 1520-х гг. (см. выше, примеч. 18). Есть данные о том, что в 1536 г., т.е. перед обретением нурадинства, он подвизался на придворной должности кара-дувана (см.: *Кочекеев Б.-А.Б.* Указ. соч. С. 42).

⁷⁶⁷ Об этом сыне Эдиге упоминается в «Сборнике летописей» 1602 г. Кадыр Али-бека (Кикват; см.: *Усманов М.А.* Указ. соч. С. 83). О кековатах см.: *Трепавлов В.В.* Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана, 1991. С. 62–64.

⁷⁶⁸ ПДРВ. Ч. 8. С. 182.

⁷⁶⁹ Там же. Ч. 9. СПб., 1793. С. 97. «Изба» — здесь, вероятно, буквальный перевод понятия «юрт».

детельствует о нурадинстве, хотя и выступает в качестве одного из его определяющих признаков. Но в послании 1549 г. мурза Ураз-Али указал: «При Юсуфе князе мне кехуватство досталось, а Исмаил мирза меня боле учинился, яз под ним ся учинил»⁷⁷⁰. Так как кековат, военачальник левого крыла, располагался рангом ниже нурадина, а выше нурадина был только бий, то исходя из слов Ураз-Али для Исмаила не остается иного поста, кроме нурадинского. В статье «Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв.» мы выяснили, что до середины 1540-х гг. (т.е. скорее всего до вокняжения Шейх-Мамаея) Исмаил состоял наместником Ногайской Башкирии. В Поволжье же до той поры кочевали Хаджи-Мухаммед с Мамаем. Стало быть, Исмаил заступил на пост главы правого крыла сразу после одного из них – скорее всего, старшего по положению Хаджи-Мухаммеда, ведь в цитированных документах декларируется старшинство Исмаила над остальными мирзами.

По поводу того, кто занял место Мамаея, есть другое свидетельство. В письме Белек-Пулада б. Хаджи-Мухаммеда 1549 г. сказано: «Азь пятидесяти мирзам большой брат. А живу я на Волге. Моего отца не стало, язъ на своем государстве государем учинился»⁷⁷¹. Такой же тандем западно-ногайских правителей предстает из другого документа 1549 г.: «А Исупу ... сказывають, зимовати на Волге»⁷⁷². И здесь, как видим, просматривается первенство Исмаила и второстепенность отпрысков Хаджи-Мухаммеда, которые не случайно названы не до, а после влиятельного мурзы и в общем, без имен. К 1552 г. ситуация с Исмаилом не изменилась: «Юсуф князь кочует по Яику, а Исмаилу кочевать же лето между Волгою и Яиком»⁷⁷³. То же продолжалось и в 1552 г. (см. цитировавшуюся выше информацию Айсы).

И все же приведенные сведения не позволяют заключить, что Белек-Пулад вступил в командование западным ополчением непосредственно после смерти отца. Однозначно можно говорить о его нурадинстве только с 1549 г. Дело, очевидно, обстояло следующим образом. С конца 1530-х гг. источники не упоминают о Мамае. О том, кто стал его преемником, можно догадываться по содержанию послания того же Белек-Пулада в 1556 г., где тот оповещал Ивана Грозного о своем назначении младшим нурадином в паре с Юнусом б. Юсуфом при новом бие Исмаиле: царское «жалование ко мне будет, что дяде моему князю дает, то бы дал большому моему брату Юнусу мирзе. А которое еси жалованье свое давал Касай мирзе, то бы еси мне дал»⁷⁷⁴. Знакомая логика, аналогичная разобранному выше требованию «Нурадиновой пошрины». Юнус в 1555 г. стал главным нурадином, Белек-Пулад оставался вторым нурадином (см. ниже); Исмаил же являлся главным нурадином в период бийства Юсуфа. Следовательно, автор письма просил для Юнуса то, что ранее причиталось «дяде-князю» Исмаилу, когда тот был на нурадинстве, а себе – то, что присылали

⁷⁷⁰ Там же. Ч. 8. С. 185.

⁷⁷¹ ПДРВ. Ч. 8. С. 190–191. М.Г. Сафаргалиев на основании цитируемой грамоты счел Белек-Пулада кековатом (*Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда во второй половине XVI века // Сб. научн. трудов Мордовского педагог. ин-та. Саранск, 1949. С. 42). Однако именно в том же 1549 г. кековатом рекомендовался мурза Ураз-Али (см. выше, примеч. 26). Дальнейший анализ покажет, что Белек-Пулад в то время был одним из нурадинов.

⁷⁷² ПДРВ. Ч. 7. С. 170.

⁷⁷³ Там же. С. 323.

⁷⁷⁴ Там же. Ч. 9. С. 250.

Касаю. Отсюда делаем вывод, что младшим нурадином до Белек-Пулада состоял Касим (Касай) б. Шейх-Мамай.

Существует косвенное подтверждение высокого ранга этого мурзы при Юсуфе. Бий оправдывался после ограбления Касимом московского посла: «Того боярина животы пограбил Касай мирза. А он ведь о себе ходит, себе государит»⁷⁷⁵. Независимость Касима в данном случае — не сепаратизм кочевого владетеля, а улусная автономия, поскольку бий признает ее за Касимом, тем самым признавая и невозможность своего вмешательства в его действия. Подобной автономией в двухкрыльных структурах кочевников обладали именно предводители правого крыла. Данное письмо Юсуфа датировано 1549 г. — началом его правления. Вероятно, только что вступивший на трон бий предпочел избавиться от стропитивого младшего нурадина и заменить его более лояльным Белек-Пуладом.

В 1554 г. Исмаил сверг Юсуфа, и новое распределение должностей Никоновская летопись отразила следующим образом: «Исмаил князь Нагаех учинился князем, а Касай теховатом, а Орослан мурадином»⁷⁷⁶. Эту фразу В.В. Вельяминов-Зернов был склонен считать первым свидетельством существования нурадинства в Ногайской Орде⁷⁷⁷. Действительно, в более ранних документах имя Нур-ад-Дина выступает в качестве собственного, а не нарицательного, не в качестве титула. Однако означает ли это, что до 1554 г. у ногаев не было нурадинского звания? Думаю, не означает, и вот почему. В 1585 г. мурза Динбай б. Исмаил помимо прочего, сообщал царю: «А отца моего Исмаилева княжая дружба, коли он в нурадынстве был, до тебя дошла»⁷⁷⁸. Стало быть, Исмаил до своего вокняжения пребывал в степени нурадина, т.е. во всяком случае до 1554 г., зафиксированного в летописи. Немногим более конкретная хронологическая привязка содержится в грамоте Мухаммеда б. Исмаила 1562 г.: «А как Белой царь (т.е. Иван IV. — В.Т.) сам царем учинился, и с тех мест что давал еси нурадыну а меня б еси тем же пожаловал»⁷⁷⁹. Следовательно, титул нурадина использовался западно-ногайскими верховными мурзами уже при Саид-Ахмеде. Ведь как бы ни интерпретировать слова Мухаммеда об учинении Ивана царем — имелся ли в виду 1533 г. (его вокняжение) или 1547 г. (венчание на царство) — обе эти даты приходятся на период правления Саид-Ахмеда, реформатора ногайской государственности.

Итак, если верить летописному сообщению, Касим стал кековатом, переместившись в левое крыло из правого, а войско правого крыла оказалось под началом Арслана б. Хаджи-Мухаммеда. Но, во-первых, мы знаем, что Касима на его посту заменил Белек-Пулад, о чем известно из письма последнего от 1556 г. Во-вторых, Касим назван вторым после бия, тогда как кековат в то время должен был бы стоять при таком перечислении на третьем месте⁷⁸⁰. Попробуем разобраться.

⁷⁷⁵ О роде князей Юсуповых. С. 43.

⁷⁷⁶ Цит. по: Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864. С. 417.

⁷⁷⁷ Там же. С. 417, 418.

⁷⁷⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 131 об.

⁷⁷⁹ ПДРВ. Ч. 11. С. 185.

⁷⁸⁰ На втором «нурадинском», месте стоит Касим в Никоновской летописи при перечислении, во-первых, ногайских иерархов, приславших гонцов в Москву в 1555 г., во-вторых, мирз, что в том же году Юсуфа и его детей «многих побили» (см.: ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. СПб., 1904. С. 249).

Прерогативы главного нурадина, принадлежащие до вокняжения Исмаилу, в 1555 г. перешли к Юнусу б. Юсуфу как результат недолговременного перемирия и компромисса между промосковской (Исмаил) и пробухарской (Юсуф, Юнус) партиями⁷⁸¹. Именно о таком распределении компетенции в правом крыле рассказал Белек-Пулад: «З дядею своим с Ысмаилем князем добро поговорив з болшою своею братьею и меншою все есмя Исмаилю князю повинны учинилися. Дядю своего Исмаиля князя как Идигея князя князем учинили. А Юнус мирза в головах да язъ с ним учинились есмя как Нурадын мирза. Дядю нашему князю досталоя Яик, Юнус мирзе в головах да мне с ним досталоя Волжское устье»⁷⁸². Отметим некоторые моменты: а) Юнус и Белек-Пулад с 1555 г. управляли территориями по Нижней Волге; б) они оба считались нурадинами, оба «учинились» наподобие Нур ад-Дина; в) Юнус считался в этой паре старшим. В тексте употреблено выражение «в головах», которое, видимо, можно расценивать как обозначение старшего нурадина.

Под 1557 г. та же Никоновская летопись предлагает такой перечень: «А правду (царю. — *В.Т.*) с Ысмаилем давали нурадин Юнос мурза, Юсофов сын, да Алей мурза и все Юсофовы дети да тиховать Арслан-мурза, и Белик Булат-мурза и многие мурзы»⁷⁸³. Если Арслан действительно стал кековатом, а не нурадином, тогда противоречие между летописным сообщением от 1554 г. и нашим анализом, похоже, устраняется, и нет оснований причислять этого мурзу к иерархам правого крыла. А раз так, то в летописный текст вкралась путаница, и нурадин Касим получил неверное определение кековата. Легко убедиться, что Касима в перечнях мурз 1556 и 1557 гг. уже нет⁷⁸⁴. Но именно он стал главным нурадином (а не кековатом, как мы выяснили) сразу по вокняжении Исмаила и оставался таковым на протяжении 1554–1555 гг.

В 1557 г. Юнус был отстранен Исмаилом от власти, исчез из поля зрения и Белек-Пулад⁷⁸⁵. Очередной смене нурадинов оказался свидетелем русский посол Елизар Мальцов, о чем и доложил царю Ивану: «А сыну, государь, своему большому Магмет мирзе (Исмаил. — *В.Т.*) нурадыство дал»⁷⁸⁶. О том же информировал и сам бий: «А сыну своему Магмет мирзе нурадинство дал есми перед Елизаром, и конь ево (нурадина. — *В.Т.*) есми велел провести»⁷⁸⁷. Е.А. Поноженко справедливо усматривает в упомянутом здесь ритуале торжественную церемонию получения должности из рук бия и подтверждение вассальной зависимости от него нурадина⁷⁸⁸.

⁷⁸¹ Жирмунский В. М. Указ. соч. С. 469.

⁷⁸² ПДРВ. Ч. 9. С. 248–249.

⁷⁸³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 285.

⁷⁸⁴ См.: Кобеко Д. Ф. О шертной грамоте ногайского князя Исмаила // Записки Русского археологического общества. Новая серия. Т. 1. СПб., 1886. С. 14.

⁷⁸⁵ Бий Урус извещал в одной из своих грамот 1581 г., что в свое время бий Дин-Ахмед (правил в 1563–1578 гг.) изгнал из Ногайской Орды клан Хаджи-Мухаммеда, в частности, и «Бе(ле)к Булат мирзу... выгнал... от себя на поле» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 4).

⁷⁸⁶ ПДРВ. Ч. 10 СПб., 1795. С. 63.

⁷⁸⁷ Там же. С. 69.

⁷⁸⁸ Поноженко Е. А. Указ. соч. С. 35. Мальцов, скорее всего, застал обрядовое завершение всей процедуры. Вообще же нурадин реально или формально избирался на курултае — совещании знати. Для обозначения вступления в должность в русских источниках того времени использовался нейтральный глагол «учиниться». Но однажды ногайское посольство в Москве «проговорилось», внося уточняющий оттенок в обычную формулу: «в нурадины на Урусово

В источниках не назван напарник Мухаммеда б. Исмаила по управлению правым крылом. Да и сам Мухаммед в 1562 г. просил из Москвы «урок Нурадыну» для одного себя⁷⁸⁹. Можно полагать, что в целях укрепления внутригосударственной стабильности и ограничения сепаратизма мирз Исмаил решил поставить над западными кочевьями одного наместника, причем сына, что являлось гарантией его преданности бию. К тому же ногайский государь счел уместным торжественно обставить акт введения единственного нурадина в должность в присутствии царского посланника, дабы подчеркнуть значимость события. Однако просто отбросить волевым решением привычный порядок, по которому на западе Орды должно было править двое мирз, Исмаил не мог. Поэтому такое нововведение расценивалось тогда, вероятно, как временное.

В 1562 г., когда Мухаммед умер, Исмаил передал правое крыло («нурадынством пожаловал») другому своему сыну, Дин-Ахмеду, который не преминул обратиться к царю с запросом о тех выплатах, что «на перед сего прежним нурадыном жаловал»⁷⁹⁰. Через год бий был вынужден восстановить двойное управление в Поволжье, чтобы успокоить потомство Хаджи-Мухаммеда, полностью оттесненное от власти (кековат Арслан б. Хаджи-Мухаммед погиб в 1557 г.). Дин-Ахмед оказался пока не у дел, а в российскую столицу приехали гонцы с грамотами от двух новых нурадинов. Дин-Али б. Хаджи-Мухаммед извещал: «Ныне дядя наш (Исмаил. — *В. Т.*) нам (с братьями. — *В. Т.*) места (кочевий. — *В. Т.*) разделил. Мне досталось нурадинство быти поверх, и доведется сторожа брата моего Белого царя, и сторожа дяди наша княжая»⁷⁹¹. Урус б. Исмаил вторил: «Отец мой дал мне Поволжье и нурадыном учинил. А на Волге от воинских людей на стороже яз учинился»⁷⁹². Как никогда явно, но в последний раз проявилось разделение в правом крыле Ногайской Орды. Дин-Али оказался нурадином «поверх» (уже известное нам понятие в ином обозначении: «в головах»); военачальник крыла Урус в полном соответствии со своими функциями отрекомендовался как нурадин «на стороже», или, как часто формулировалось в ногайско-русской переписке, «в сторожах». Это и было терминологическим оформлением поста младшего нурадина. Старшинство ранга Дин-Али выводится и из других известий. Например, по данным летописи, в 1563 г. царь Иван Васильевич отправил послов ко многим знатым ногаям, но особо ценные дары («жалованье») предоставил только «Исмаилю князю и ... детям его и ... Тиналей мирзе»⁷⁹³. Хотя должность мурзы не названа, явно проступает его особый статус, соотносимый с бийским.

Исмаил скончался в том же 1563 г., на престол взошел Дин-Ахмед. Дин-Али сразу был смещен, Урус утвердился в Поволжье один: «Брат мой князем учинился, а яз нурадыном учинился»⁷⁹⁴ и, добавим, оставался им до собственного вокняжения в 1578 г.

место выбрали урсова брата Тинбай мурзу» (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 211). Об этом курултае позже вспоминал и сам Динбай: «Всею братьею и народом любячи меня на Волге нурадыном учинили» (там же. Д. 10. Л. 131.).

⁷⁸⁹ См.: ПДРВ. Ч. 10. С. 185.

⁷⁹⁰ См.: там же. С. 229–231, 243.

⁷⁹¹ Там же. С. 274.

⁷⁹² Там же. С. 304.

⁷⁹³ ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 367.

⁷⁹⁴ ПДРВ. Ч. 11. С. 71; См. также: Там же. С. 50; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 326. Устранение Дин-Али, вероятно, сопровождалось полным разгромом Кошумовичей Дин-Ахмедом (см. выше,

Восстановленная нами последовательность исмаиловых нурадинов кажется корректной. Во всяком случае, Динбай б. Исмаил в 1581 г. перечислял их в таком порядке: «А брат мой Магмет мирза и брат мой Тинехмат князь и Урус князь дружбу свою и правду тебе (Ивану IV. — В.Т.) показали, коли они в муродынстве были»⁷⁹⁵. Автор опустил неудобный для Дин-Ахмеда и Уруса, хотя и кратковременный эпизод с назначением Дин-Али в 1562 г., не успевшего, впрочем, основательно включиться в ногайско-русские отношения, показать «правду и дружбу».

Стабильное соправительство Дин-Ахмеда и Уруса окончательно закрепило реформу Исмаила в правом крыле. На пост нурадина заступало отныне по одному мирзе из числа потомков Исмаила.

В 1578 г. ногайское посольство объявилось на Москве с известием о смене бия. Место умершего Дин-Ахмеда занял-де Урус, «а в нурадины на Урусово место выбрали Урусова брата Тинбай мирзу». Сам Динбай тоже известил о переменах: «В брата нашего Тинехмата князя место учинился на княженье брат наш Урус мирза. А в брата своего Урус мирзино место яз нурадын мирза учинился»⁷⁹⁶.

Как нурадин Динбай фигурирует в документах до середины 1580-х гг. С 1584 г. на второе после бия место выдвигается Саид-Ахмед б. Мухаммед б. Исмаил. В источниках мною не замечено фиксации занятия им нурадинской должности. Но в 1585 г. сам Урус назвал его нурадином, этот титул сопровождает его имя в грамотах и отписках 1586–1587 гг.; наконец, сам мирза в документе от 1586 г. титуловал себя нурадином⁷⁹⁷.

В обстановке усилившихся усобиц Саид-Ахмед перебрался на Крымскую сторону, т.е. правобережье Волги, где и пал в бою приблизительно в 1589 г. Через год погиб и Урус⁷⁹⁸.

Об их преемниках сохранились совершенно ничтожные сведения. «Ногайские дела» не содержат документов последнего десятилетия XVI в., поэтому приходится опираться на другие источники. В статейном списке российского посла в Иран упоминаются Урмагмет князь и Нурадын Тинмагмет мирза» (1594 г.); те же имена занесены в наказ другому посольству, отправленному из Москвы весной 1597 г.⁷⁹⁹ С некоторой степенью уверенности мы можем предположить, что вслед за Урусом на бийский престол взошел Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед, а правое крыло досталось его младшему брату Дин-Мухаммеду.

О событиях, развернувшихся в Ногайской Орде в 1597–1599 гг., почти ничего не известно. Есть сведения от 1600 г. о том, будто ранее «учинилась была рознь в Нагаех ... о улусех, и меж их бой был, и Урмагметя, и Тинмагметя князя убили»⁸⁰⁰. Значит, Дин-Мухаммед успел-таки побывать бием — явно после

примеч. 42).

⁷⁹⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. Л. 131 об.

⁷⁹⁶ Там же. Д. 8. Л. 211, 238.

⁷⁹⁷ Там же. 1584 г. Д. 1. Л. 1; 1585 г. Д. 1. Л. 12; 1586 г. Д. 9. Л. 24.

⁷⁹⁸ См.: Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 299; *Лашков Ф.Ф.* Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 году // *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* № 14. Симферополь, 1891. С. 70; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 37.

⁷⁹⁹ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. СПб., 1890. С. 267, 363.

⁸⁰⁰ Там же. Т. 2. СПб., 1892. С. 50.

гибели брата, Ураз-Мухаммеда. Кто же стал нурадином при новом, недолговечном правителе? Удалось найти только отдельные намеки. Астраханский воевода в 1608 г. рапортовал Посольскому приказу, что в свое время дети Уруса, Дин-Ахмеда и потомки Шейх-Мамая «все вместе соединачився ... Урмаметя князя и Тинмаметя князя убили и Байтерек мурзу, и, как воцарился царь Борис, и их Тинехматовых детей учал держать под своею царскою рукою и юрт их им дал...»⁸⁰¹. В статейном списке 1604 г. пересказываются слова бия Иштерека о его мести мятежным мурзам «за Урмаметя князя, за Тинмагметя князя, за Байтерека мурзу Тинехматовых, да за Урмаметева сына Салтамамета мурзу». Оба бия и Байтерек упоминаются в материалах начала XVII в. — опять же троим — сначала как верные сторонники российского монарха, затем как жертвы убийства мурзой Джан-Арсланом б. Урусом⁸⁰². В обычной практике переписки с ногаями во второй половине XVI в. титулом всегда обозначался только бий («князь»). Следующий за ним по знатности вышший мирза, т.е. нурадин, часто назывался просто по имени, но зато прочие аристократы при общих перечислениях ногайской знати достаивались лишь понятия «все мурзы» — без имен. С подобным отличием нурадина мы уже сталкивались, когда разбирались с Дин-Али и Саид-Ахмедом б. Мухаммедом. В общем, полагаю, не случайно Байтерек б. Дин-Ахмед поставлен в один ряд с убитыми биями, что было бы не по чину «рядовому» мурзе. Скорее всего, он и являлся нурадином при Дин-Мухаммеде.

Поскольку указывается, что ко времени воцарения Бориса Годунова (февраль 1598 г.) их обоих уже не было в живых, а весной 1597 г. еще правил Ураз-Мухаммед, то период бийства Дин-Мухаммеда и нурадинства Байтерека можно было бы отнести к середине — концу 1597 г. Однако на переговорах в 1604 г. Иштерек сообщил, что некогда «царскому величеству брат его Тин-Магметь князь и он, Иштерек, о том били челом ... чтобы царское величество из своей царской вотчины из царства Асторохани Казыева улуса старых мурз велел отпустить». Царь исполнил — «для его брата, Тин-Магметя князя и его Иштерекова челобитья...»⁸⁰³. В данном контексте царь — это Годунов. Следовательно, Дин-Мухаммед успел застать начало его правления, как, возможно, и нурадин Байтерек. Так что соуправление Дин-Мухаммеда и Байтерека попробуем датировать 1597–1598 гг.

Царь Борис в 1600 г. поддержал кандидатуры нового бия Иштерека б. Дин-Ахмеда и нурадина Кучука, Иштерекова младшего брата. Последние нурадины четко фиксируются по источникам: вслед за Кучуком Шайтерек б. Дин-Ахмед, затем Кара Кель-Мухаммед б. Ураз-Мухаммед⁸⁰⁴.

Во второй половине XVI в. мирзы «в сторожах» иногда назначались в правое крыло, но уже не имели ранга и титула нурадина. Характерна ситуация, сложившаяся с предводительством над крылом после смерти бия Дин-Ахмеда в 1578 г. Сразу по вокняжении его преемника Уруса мурза Ураз-Мухаммед (будущий бий) поспешил сообщить кремлевскому двору, будто новому правителю

⁸⁰¹ Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914. С. 187.

⁸⁰² Акты времени Лжедмитрия I. М., 1918. С. 131.

⁸⁰³ Там же. С. 123.

⁸⁰⁴ См.: напр.: Там же. М. 86,110; Акты исторические. Т. 3. М.-Пб., 1841. С. 255. Акты времени междоусобия. М., 1915. С. 28, 29; Акты времени правления царя Василия Шуйского. С. 143, 157; *Новосельский А.А.* Указ. соч. 40, 140, 144.

«Яик ... достался, а мне Волга досталась»⁸⁰⁵. Тем не менее, как нам известно, ногайская знать предпочла видеть во главе западного удела Динбая, который в то время правил в Башкирии. В Нижнем Поволжье располагались также кочевья сыновей Мухаммеда б. Исмаила — Саид-Ахмеда и Кучука. Саид-Ахмед надеялся, что Динбай не пожелает оставлять прибыльный удел за Эмбой и рассчитывал сам занять нурадинский пост. Когда Динбай все-таки «то все покиняя, пришел на Волгу да нурадыном учинился», Саид-Ахмеду пришлось там же «учиниться» «в добрых мирзах»⁸⁰⁶. Когда же правое крыло около 1584 г. возглавил Саид-Ахмед, то при нем неотлучно находился его младший брат Кучук, который утверждал, будто «по Волге нурадынство нам (т.е. обоим. — В.Т.) досталось». Тем не менее нурадинское «жалованье» из Москвы просил для себя только Саид-Ахмед, Кучук же об этом и не заикался. Два брата кочевали и воевали вместе, фактически возглавляя правое крыло (или то, что от него оставалось в ту пору) на пару⁸⁰⁷. Сведения о военном напарнике нурадина есть и в документе 1611 г., в период нурадинства Шайтерека: «В Нурадымове сторо- не промышленник во всем Урмаметев сын Каракелмамет»⁸⁰⁸.

Пока трудно утверждать определенно, существовала ли какая-нибудь династическая очередность при заступлении на должности внутри правого крыла. О соблюдении некоего порядка свидетельствует фраза из грамоты Саид-Ахмеда 1565 г.: «Коли был отец мой Магмет мирза ... в сторожих, и как Урус мирза в нурадынах учинился, ино уж яз в сторожих»⁸⁰⁹. После Динбая Саид-Ахмед из «сторожей» и «добрых мирз» превратился в нурадина; нурадина Шайтерека тоже сменил его главный «промышленник» Кара Кель-Мухаммед.

В итоге хронология ногайских нурадинов выглядит следующим образом⁸¹⁰:

Нурадины

«в головах»	«в сторожих»
Исмаил, около 1545–1554 гг.	Касим, 2 половина 1540-х гг.
Касим, 1554–1555 гг.	Белек-Пулад, 1549–1557 гг.
Юнус, 1555–1557 гг.	Мухаммед, 1557–1562 гг.
	Дин-Ахмед, 1562 г.
Дин-Али, 1562–1563 гг.	Урус, 1562–1563 гг.
	Урус, 1563–1578 гг.
	Динбай, 1578 – около 1584 гг.
	Саид-Амед, около 1584–1589 гг.
	Дин-Мухаммед, около 1589–1597 гг.
	Байтерек, около 1597–1598 гг.

⁸⁰⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 248.

⁸⁰⁶ Там же. Л. 251, 383; Д. 10. Л. 131 об.

⁸⁰⁷ Там же. Ед. хр. 9. Л. 24, 26, 28; Лашков Ф.Ф. Указ. соч. С. 70.

⁸⁰⁸ Акты времени междоусобия. С. 36.

⁸⁰⁹ ПДРВ. Ч. 11. С. 167. Пребывание Уруса одновременно и на нурадинстве, и в «сторожих» подтверждает нашу реконструкцию высшей иерархии у ногаев.

⁸¹⁰ В 1619–1623 гг. место нурадина было вакантным, так же, как, видимо, и в 1598–1600 гг.

Кучук, 1600–1604 гг.
 Шайтерек, 1604–1619 гг.
 Кара Кель-Мухаммед, 1623–1631 гг.

Статус нурадина. Из приведенного перечня можно заключить, что нурадинство само по себе не являлось гарантией престолонаследия, как принято считать⁸¹¹. Не все нурадины становились биями, и не все бии в прошлом возглавляли правое крыло. Некоторые нурадины действительно вступали на трон (Исмаил, Дин-Ахмед, Урус, Дин-Мухаммед), но это происходило не из их должности, а в силу родового старшинства. Ведущее положение в клане Едиге, следование за степеню бия в иерархии, традиции беклярибекства — все это ставило нурадина во главу сословия мурз (в то время как бий считался главой всего народа Орды)⁸¹². Данный тезис выводится не только из анализа государственной структуры, но и из конкретных указаний источников.

В 1611 г. ногаи разъяснили московскому послу линию его желательного поведения и маршрута в Орде: если, дескать, он заедет к нурадину, то придется наносить визиты и остальному множеству мурз, а коли ограничиться посещением только нурадина, то «муры деи все станут досадовать». Насчет бия таких условий, естественно, не выдвигалось⁸¹³. Отнесение нурадина к «лагерю» мурз — вовсе не единичная конкретная ситуация из эпохи Иштерека и Шайтерека. Вспомним, что еще в 1553 г. Айсак б. Ураз-Али писал о «старейшего нашего Исмаилеве избе» в устье Волги. Но Айсак и Исмаил (соответственно старший племянник и младший дядя) принадлежали к разным родственным линиям, а государством тогда правил Юсуф. Поэтому получается, что старшинство Исмаила расценивалось не в виде династийного или административного, а именно как сословное, то есть Исмаил выступал в качестве «старейшего» только для мурз. Равно как и его военный напарник по правому крылу Белек-Пулад определял себя как «старейшего брата» пятидесяти мурз, хотя реальное число его братьев, сыновей Хаджи-Мухаммеда, было на порядок меньшим⁸¹⁴.

Все более ветвившиеся линии потомства биев запутывали степени первородства. В конце концов реальными претендентами на престол и на правое крыло оказывались не династийные старейшины, а лица, заручившиеся поддержкой Москвы или Бахчисарая. Основными обязанностями начальника правого крыла ногаев (перешедшими в права) считались управление западными кочевьями и войсками, оборона «ногайского берега» Волги и фактическое соправительство с бием. Эти прерогативы лаконично выражены словами представителя нурадина Шайтерека на переговорах с русским послом: «А всегда де Волгою владеет Нурадын и всякое дело делает Нурадын»⁸¹⁵. Сила и власть в руках нура-

⁸¹¹ См. напр., *Жирмунский В. М.* Указ. соч. С. 414; *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Указ. соч. С. 34; *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.* Ч. 2. М., 1953. С. 466; *Поноженко Е. А.* Указ. соч. С. 36 и др.

⁸¹² В признании нурадина главой мурз еще раз проявилась золотоордынская традиция: беклярибек («бек беков», «князь князей») был джучидским аналогом нурадина, имевшего статус, так сказать «мирзы мирз».

⁸¹³ Акты времени междоусобия. С. 8, 9.

⁸¹⁴ ПДРВ. Ч. 8. С. 190, 191; Ч. 9. М. 97.

⁸¹⁵ Акты времени междоусобия. С. 22.

дина, его возможности «береги Астрахань» привлекали к этой фигуре внимание правительств России и Крыма. Не случайно царь Федор Иванович в 1587 г. благосклонно отнесся к предложению нурадина Саид-Ахмеда учредить на Руси аналогичный пост и запросил более конкретные сведения о нурадинстве⁸¹⁶.

Сопоставление нурадинства с традиционными элементами тюрко-монгольской системы крыльев позволяет отметить некоторые аспекты функционирования данного института. В контексте государственной традиции кочевников, нурадин — это типичный младший соправитель верховного государя. В традиционную схему⁸¹⁷ вписываются такие черты нурадинства, как: а) второй по значимости пост в государстве; б) наличие особого титула (нурадин — аналог древнетюркского ябгу и джучидского беклярибека); в) управление западной частью государства; г) командование правым крылом; ж) номинальная подчиненность главному правителю; е) принадлежность к одному с ним роду. Чаще всего нурадин происходил из семьи бия или старшей родственной линии, являясь младшим родственником его; ж) инвеститура из рук бия, хотя формально избрание осуществлял курултай знати; з) самостоятельность во внешней и автономия во внутриулусной политике.

Несоответствия традиции заключались в том, что, во-первых, в отличие от обычных западных соправителей, не имевших доступа к трону, некоторые нурадины становились биями. Полагаю, что в этом сказалось смешение крылевых признаков во время междоусобиц второй половины XIV — начала XV вв. у Джучидов. По традиции наследнику должно было бы отводиться под управление левое крыло (вспомним калгу Шейх-Мамай, предводителя восточно-ногайских кочевий). Во-вторых, отличие заключалось в том, что не образовалось династии нурадинов. Перемещения мурз на высших постах были частыми и стали обычными в Ногайской орде, что не позволило закрепиться на них отдельным родовым ответвлениям. В-третьих, реформа Исмаила 1557 г. уничтожила вторичное соправительство. Нурадин, вопреки золотоордынским порядкам, остался в правом крыле один, совместив посты правителя и военачальника («головой» и «сторожа»). Это в определенной мере позволило укрепить ногайскую государственность и на время смягчить последствия сепаратизма кочевой знати.

С распадом Ногайской орды рухнула и система крыльев, нурадинство утратило свое значение. После гибели нурадина Кара Кель-Мухаммеда (1631 г.) пост остался незанятым. Анализ нурадинства позволяет проследить процесс образования одной из кочевых империй средневековья. Административные органы в Ногайской Орде формировались довольно медленно, Мангытский юрт, обретая политическую самостоятельность, на протяжении полутора столетий (конец XIV — первая треть XVI вв.). Причинами столь долгой трансформации были, с одной стороны, нестабильность, сопровождавшая распад Золотой Орды, с другой — архаичность социальных отношений у населения бывшего левого крыла Джучиева улуса.

---

⁸¹⁶ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 2. Л. 28, 35. Правда, эти планы расстроились из-за смут, бушевавших в Орде Больших ногаев.

⁸¹⁷ См.: *Трепавлов В.В.* Социально-политическая преемственность в государственном строе Монгольской империи XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987 С. 14, 15.

Тайбуга. «На мангытском юрте третий государь»

Среди тюркских государственных образований, сформировавшихся при распаде Улуса Джучи, Ногайская Орда выделялась многими своеобразными чертами. Она превосходила татарские «юрты» площадью кочевий и численностью населения, ее правители-бии, в силу позднеордынских традиций, считали себя вправе претендовать на высшие военно-аристократические посты в соседних ханствах.

Главным же отличием державы ногаев была чужеродность ее правящего клана (Эдигу уругу мангыт⁸¹⁸) по отношению к окрестным династиям. Властители Казани, Астрахани, Крыма и казахов принадлежали к потомству Чингис-хана. Бии мангытов не имели к Чингисидам никакого родственного отношения. Легитимизм правления был достигнут ими за счет возведения родословной их предка Эдиге к первому халифу Абу-Бекру⁸¹⁹. Однако отсутствие номинального родства с Чингис-ханом не позволило им оформить государственный аппарат Ногайской Орды по обычным джучидским канонам. В частности, это проявилось в изобретении уникальной, не имеющей налогов титулатуре, номинации должностей. Так, для обозначения глав правого и левого крыльев ногаи стали использовать имена сыновей Эдиге Нур-ад-Дина и Кей-Кобада в нарицательном значении⁸²⁰. Наместники-военачальники нурадин и кековат являлись порождением ногайской государственности и прочно ассоциируются в историографии с политическим строем Ногайской Орды. Их функции, пределы власти и состав лиц, занимающих эти посты, уже рассматривались в литературе⁸²¹.

С конца XVI в. у ногаев появляется еще одна своеобразная должность — тайбуга. В документах первой трети XVII в. этот термин встречается довольно часто, и историки, конечно, обращали на него внимание. Но специальному изучению, насколько нам известно, ранг тайбуги до сих пор не подвергался — прежде всего, из-за лаконичности сведений. На основе материалов Российского государственного архива древних актов мы попытаемся обобщить данные об этом ранге. Несмотря на обилие воеводских отписок и грамот от мирз к царям и от царей к мирзам, информация все-таки весьма скудна. Главная причина этого — в особенностях политического развития Орды первой трети XVII столетия: она неуклонно слабела и распадалась, многие мирзы со своими улусами откочевывали в Крым, на Кубань или к калмыкам, выходя из подчинения верховному бию. В этих условиях элементы государственной организации деградировали, а «номенклатурные» посты утрачивали реальный смысл, полномочия. Нурадины, кековаты и тайбуги переставали пользоваться какими-либо

⁸¹⁸ Мухаммед Салих. Шейбани-намэ. Джагатайский текст. СПб., 1908. С. 137.

⁸¹⁹ *Ананьев Г.* Караногайские исторические предания // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 27. Тифлис, 1900. С. 16; См. также статью «Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно» в настоящем издании.

⁸²⁰ См. статью «Нурадины Ногайской Орды» в настоящем издании.

⁸²¹ *Трепавлов В. В.* Институт кековатства в Ногайской Орде // Проблемные вопросы истории Западного Казахстана. Гурьев, 1991; *Он же.* Нурадины Ногайской Орды.

преимуществами. Приблизительно с начала 1620-х гг. могущество и влияние каждого мирзы зависело уже не от формального титула, а от количества подданных («улусных людей»), которых он был способен сплотить вокруг себя. Из источников явствует, что пост, занимаемый мирзой, имел при этом трехстепенную роль.

3 мая 1640 г. мирза Султанаш б. Аксак Кель-Мухаммед в разговоре с русским послом Н.И. Белосельским сказал, в частности, что «искони де у них повелось в Нагаиской Орде четыре чины: 1-й чин князь, 2-й чин нурадын, 3-й чин кекуват, 4-й чин тайбуга»⁸²². Подобное ранжирование, при котором тайбуга оказывается на четвертом месте, утвердилось в историографии и кочует у разных авторов из одной работы в другую. Казалось бы, это логично — пирамида власти выглядела следующим образом: глава Орды бий — за ним глава и военачальник правого крыла нурадин — за ним военачальник левого крыла кековат — за ним тайбуга. Вместе с тем ряд свидетельств позволяет подкорректировать эту схему. Например, в конце 1604 г. в донесении астраханских воевод Посольскому приказу приводятся слова бия Иштерека: «А в нагаиском де княжении ведетца в обычае: нурадын, а третей тайбуга, а четвертой кекуват»⁸²³. В 1616 г. государеву жалованье из Москвы через Астрахань было направлено высшим мирзам — нурадину Шайтереку и тайбуге Кара Кель-Мухаммеду⁸²⁴. Примерно через шесть — семь лет сын Иштерека Мухаммед просил царя Михаила Федоровича возвести его в степень тайбуги по старшинству — вслед за его старшими родичами бием Канаем и нурадином Кара Кель-Мухаммедом⁸²⁵. Наконец, тайбуга Ураз-Мухаммед извещал царя Федора Ивановича, что его, мирзу, «на Мангытцком юрте третьим государем учинили»⁸²⁶.

Видимо, можно заключить, что после своего учреждения пост тайбуги стал все-таки третьим по счету, оттеснив должность кековата. Для этого должны были найтись веские причины, на которых мы остановимся ниже. Сначала следует определить, каким образом и откуда появился в Ногайской Орде, фактически накануне ее распада, этот новый чин.

Таинственный тайбуга, как уже говорилось, не достаивался специального изучения, поэтому литература о его генезисе сводится к нескольким догадкам. Отметим сразу: не обнаружено текста, в котором «черным по белому» раскрывалось бы происхождение тайбуги у ногаев. В.П. Юдин почему-то решил, что так звали «бия ...сыгравшего значительную роль в истории Улуса Джучидов»⁸²⁷. С.В. Бахрушин и вслед за ним З.Я. Бояршинова, напротив, предполагали, будто «тайбуга» — не собственное имя, а звание — изначально ногайское, присваивавшееся «одному из сильных феодалов»⁸²⁸. Неожиданную точку зрения высказал в неопубликованной диссертации М.Г. Сафаргалиев. У монголов Юаньского

⁸²² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1639 г. Д. 12. Л. 361.

⁸²³ Там же. Д. 3. Л. 77; Акты времени Лжедмитрия I-го (1603–1606 гг.). М., 1918. С. 110.

⁸²⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1617 г. Д. 1. Л. 113. Кековат Яштерек в данном случае не упоминается.

⁸²⁵ Там же. 1586 г. Д. 3. Л. 6. Грамота не датирована, ошибочно подклеена к столбцам 1586 года.

⁸²⁶ Там же. 1585 г. Д. 1. Л. 8. Грамота не датирована.

⁸²⁷ Юдин В.П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Адма-Ата, 1992. С. 55.

⁸²⁸ Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации: (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения). Томск, 1960. С. 106; Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 467.

периода (1260-е – 1360-е гг.) существовал титул китайского происхождения тай-ибу (дайибу) – от китайского тай фу, дай фу («великий муж», «великий правитель»). В XIX в. у монголов Ордоса он применялся по отношению к хранителям мемориальных ставок Чингис-хана⁸²⁹. Возможно, ногайские тайбуги, – рассуждал М.Г. Сафаргалиев, – тоже ранее занимались наблюдением за усыпальницами ногайских князей в Сарайчуке (столице Ногайской Орды. – *В.Т.*), так как место пребывания тайбугов осталось около Сарайчука⁸³⁰. Но даже отсутствие прямых и точных указаний едва ли может оправдать поиск прототипов ногайской титулатуры в юаньском Китае или Ордосе. Более плодотворными представляются попытки отыскать предтечу тайбуги поближе – в тюркских послезолотоордынских государствах XV–XVI вв. В этом отношении заслуживает предпочтения точка зрения С.В. Бахрушина и З.Я. Бояршиновой, поскольку они обращали внимание на данный титул в связи с сибирской династией Тайбугидов.

Эта династия свергла Джучидов-Шибанидов и правила в Юго-Западной Сибири в 1495–1563 гг. Исторические обстоятельства той эпохи специально анализировались А.Г. Нестеровым и А. Франком⁸³¹. Первый из них однозначно воспринимает Тайбугу как реальное лицо, основателя местной нечингисидской династии; второй находит приемлемым, наряду с такой интерпретацией, и подход С.В. Бахрушина, то есть нарицательность слова «тайбуга». В русских летописях и сибирско-татарских сказаниях родоначальник с таким именем действительно упоминается. У И.Э. Фишера приводятся также некоторые биографические детали: Тайбуга был сыном хана Мамика, современником Чингис-хана и явился в Сибирь из страны, где позднее расположилась «Казачья Орда» (т.е. Казахское ханство)⁸³². Кажется, современные авторы в целом принимают трактовку Тайбуги как реального персонажа⁸³³. В нашу задачу не входит изложение истории государства Тайбугидов, и вопрос о степени легендарности их первопредка для нас сейчас не принципиален. Тайбугиды интересуют нас только в связи с ногаями. Поэтому необходимо вкратце остановиться на развитии сибирско-ногайских отношений в XV–XVI вв.

Западносибирский регион стал ареной бурных политических событий в начале XV в., когда распад Золотой Орды шел полным ходом. В местном административном центре Чинги-Туре беклярибек Эдиге, основатель ногайской правящей династии, сажал на ордынский трон ханов-марионеток. После гибели Эдиге в 1420 г. ту же функцию взял на себя один из его сыновей Мансур, состоявший беклярибеком (или бием, как говорили в восточном Дешт-и Кипчаке)

⁸²⁹ *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 138.

⁸³⁰ *Сафаргалиев М.Г.* Ногайская Орда в середине XVI в. Канд. дисс. М., 1938. С. 99.

⁸³¹ *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв. Археология и история. Автореф. канд. дисс. М., 1988; *Frank A.* The Siberian chronicles and the Taibughid biys of Sibir. Bloomington, 1994 (Papers on Inner Asia. № 27).

⁸³² *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 92, 93.

⁸³³ См. напр.: *Валеев Ф.Т., Томилов Н.А.* Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. С. 31; *Муканов М.С.* Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974. С. 35.

при хане Хаджи-Мухаммеде⁸³⁴, Джучиде шибанидской ветви. Уже в тот период обозначилась магистральная линия ногайской политики — поддержка шибанидской династии в противовес другим линиям дома Джучи. Однако события того времени послужили лишь преддверием развития ногайско-сибирских отношений, так как ни сам Сибирский юрт еще не обрел самостоятельного статуса, ни этнополитическая общность ногаев, очевидно, еще не сформировалась.

Во второй и третьей четвертях XV в. основные кочевья будущих ногаев — Мангытский юрт в междуречье Волги — Яика — Эмбы находились, как и Юго-Западная Сибирь, в составе ханства кочевых узбеков во главе с Абу-л-Хайром. После распада этого ханства в конце 1460-х — начале 1470-х гг. вновь начались интенсивные борьба и взаимодействие политических сил.

Значение ногаев в образовании самостоятельных Тюменского и Сибирского юртов не вполне ясно из скудных источников. Кажется преувеличением приписывание им решающей роли⁸³⁵, но в принципе высочайший статус мангытов в позднеордынских ханствах действительно позволял им активно участвовать в перераспределении власти на бывшей территории Золотой Орды. Со времен Эдиге за мангытскими аристократами закрепилось право на должность беклярибека-бия. Могущественный глава мангытов-ногаев заключал соглашения с каким-нибудь царевичем-Чингисидом, обеспечивал ему воцарение, а тот, в свою очередь, вручал своему союзнику и покровителю пост бия — верховного военачальника и главы кочевой знати. Со временем «бий» превратился в титул правителя Ногайской Орды. Наиболее наглядно подобные комбинации проявились, в частности, в контактах с сибирскими Шибанидами. После смерти Абу-л-Хайра (1468 г.) вожди ногаев, братья Муса и Ямгурчи, перебрали несколько кандидатур для ханствования, включая внука Абу-л-Хайра Мухаммеда Шейбани, а также Ядгара, который успел лишь короноваться, назначить Мусу бием, а затем исчез из поля зрения источников⁸³⁶. В конце концов они остановили выбор на Ибрагиме-Ибаке, сыне вышеупомянутого Хаджи-Мухаммеда. В начале 1470-х гг. Ибак, при поддержке огромной мангытской конницы и в союзе с казахскими ханами сумел отнять власть у наследников Абу-л-Хайра⁸³⁷. Победа принесла ему полноценное ханское звание, и ногаи оказались в его формальном подданстве. Следующим объектом совместной атаки нового хана и Мусы с Ямгурчи стал Тахт-эли, то есть домен золотоордынских ханов в низовьях Волги («Большая Орда»). В начале 1481 г. сибирско-ногайская армия нанесла поражение хану Ахмеду. Этот успех сделал Ибака наиболее сильным монархом на развалинах Золотой Орды в течение полутора десятилетий. В рус-

⁸³⁴ *Кадыр-Али-бек*. Сборник летописей // Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1. Казань, 1854. С. 106.

⁸³⁵ См. напр.: *Дмитриев А.А.* Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып. 5. Пермь, 1894. С. 111; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 189, 191; *Howorth H.H.* History of the Mongols. Pt. 2. New York 1965. P. 1020.

⁸³⁶ См.: МИКХ. С. 103–105, 366, 436; *Хондемур Гуйас ад-Дин*. Тарих-е хабиб ас-сийар. Т. 4. Тегеран, 1954. С. 274; *Aboul-Ghazi Behadour Khan*. Histoire des Mogols et des Tatares. Т. 1. St.-Petersbourg, 1871. P. 183, 184.

⁸³⁷ См.: МИКХ. С. 19, 99; Таварих-и гузида-Нусрат-наме. Ташкент, 1967. Рис. 267; Шейбанида: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте // Библиотека восточных историков. Т. 1. Казань, 1849. С. 55, 56, 61.

ских летописях Ибак того периода значится как «царь ногайский»⁸³⁸. Данный титул обозначал, конечно, не этническую принадлежность хана, а основной состав его войска и подданных (по сравнению с немногочисленными сибирскими, его собственными улусами). На самом деле Ибак мог распоряжаться по своему усмотрению населением и ресурсами только Сибирского юрта. Ногаи же входили в его ханство номинально, хотя и диктовали Ибаку политическую стратегию. В 1492 г. Муса и Ямгурчи задумали повторить триумф 1481 г. и повели войско вместе с Ибаком и его братом Мамуком к Астрахани. Целью похода было заменить сибирскими Шибанидами преемников и сыновей Ахмеда — ордынских ханов-соправителей Шейх-Ахмеда и Саид-Махмуда. Правда, по неизвестной причине, рать повернула обратно к Тюмени⁸³⁹.

В 1495 г. Ибак был свергнут и убит Тайбугидами. Поначалу несколько сибирских улусов сохранил за собой Мамук, которого ногаи тут же провозгласили ханом (в источниках он титулуется «царем ногайским»⁸⁴⁰). Но его авантюрная попытка захвата Казани в 1496 г. и свержения тамошнего хана Мухаммеда-Амина⁸⁴¹, пользовавшегося расположением Мусы, расшатала ногайско-сибирское сотрудничество. Сибирские Шибаниды лишились реальной силы. И хотя еще в 1502 г. некоторые ногайские отряды находились под началом сына Мамука — Ахмеда⁸⁴², ногайская политика по отношению к Сибирскому юрту уже выстраивалась по другим канонам.

Тайбугиды не осмелились занять ханский престол как нелегитимный клан. Точно в таком же положении уже почти сотню лет находились к тому времени потомки Эдиге. Иерархическое различие между правителями Ногайской Орды и Сибирского юрта исчезло. Та и другой ныне управлялись «князьями»-биями, и отношения между ними устанавливались официально равноправные, а практические — враждебные. Можно полагать, что свержение Шибанидов в Сибири стало одним из факторов государственного оформления Ногайской Орды, избавившейся наконец от вышестоящего сюзерена (впрочем, у нее оставались сложные проблемы с ханами казахов, но они выходят за рамки нашей темы).

Первое время ногаи не оставляли надежд посадить на трон марионетку, которая освящала бы законность их гегемонии в Деште. Однако попытки интронизации таких ханов (например, сына убитого в 1481 г. Ахмеда — Хаджи в 1514 г.⁸⁴³) были неудачными из-за очевидной слабости и малого политического престижа кандидатур. Не могли исправить положения и вооруженные конфликты (в 1535 г. могущественный ногайский мирза Шейх-Мамай воевал Сибирский юрт⁸⁴⁴): династических проблем они не решали. Правда, в конце 1550-х гг., когда у власти в Ногайской Орде утвердился бий Исмаил, у двух со-

⁸³⁸ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 122; ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 202, 203; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 274; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 315; Т. 33. Л., 1977. С. 124; и др.

⁸³⁹ Памятники дипломатических отношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией. Т. 1. СПб., 1884. С. 168.

⁸⁴⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 1. М., 1977. С. 50.

⁸⁴¹ Там же; *Марджани Ш.* Мостэфадел эхбар фи эхвали Казан вэ Болгар. Казан. 1989. С. 167.

⁸⁴² *Малиновский А.Ф.* Историческое и дипломатическое собрание дел происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. 1863. С. 162.

⁸⁴³ Памятники дипломатических отношений ... Т. 2. СПб., 1895. С. 14.

⁸⁴⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. Л. 101.

седних государств нашлись общие интересы. Исмаил был известен как преданный союзник Ивана IV. Тайбугидский бий Ядгар, также искавший российской поддержки, упросил Исмаила посредничать в установлении контактов Сибири с Москвой⁸⁴⁵. Это сотрудничество с ногаями было подкреплено постоянным взаимным курсированием посольств и торговых караванов. Ногайская верхушка начала устанавливать династические связи с северными соседями: сестра Исмаила в свое время стала одной из жен Ядгарова отца, а дети Исмаила стали считаться племянниками сибирского бия⁸⁴⁶.

Но ногайская знать не оставляла и традиционную линию на поддержку Шибанидов, в частности, внука Ибака Кучума б. Муртазы. По преданиям сибирских татар, до двенадцати лет Кучум воспитывался у своего тестя, ногайского мирзы Шегея⁸⁴⁷. Имеются основания видеть в этом полуполюгендарном персонаже одного из ногайских лидеров Шейх-Мамаея, при дворе которого в 20-х — 30-х гг. XVI в. таким же образом содержался будущий казахский хан Хакк-Назар (тоже породнившийся с Шейх-Мамаем)⁸⁴⁸. В 1563 г. Кучум во главе ногайских и узбекских войск сверг Ядгара и восстановил династию Шибанидов на сибирском троне.

Он принял титул хана сибирского и тюменского, но, в отличие от своих предков, не стал «царем ногайским». Этому препятствовали, во-первых, угасание практики подобной инвеституры в Ногайской Орде; во-вторых, вассальное подчинение Кучума бухарскому хану Абдаллаху II, главе государства узбекских Шибанидов. Сибирско-ногайские отношения установились на редкость стабильные. Документы отмечают «ссылки меж ими для свойства, чтоб меж их воины не было»⁸⁴⁹. Действительно, стычки на границах возникали только по недоразумению и быстро гасились. По меньшей мере четыре высокородных ногайских мирзы женились на дочерях Кучума, а сын его взял за себя ногайскую княжну. Через ногайские степи пролегал безопасный для сибирских паломников путь хаджа в Мекку⁸⁵⁰. В основе такого тесного сотрудничества лежало не только отсутствие взаимных политических претензий, но и коалиционное партнерство. Кучум, Абдаллах и ногайские бии (Исмаил затем Дин-Ахмед и Урус) объединили усилия в борьбе против Хакк-Назара. В 1538 г. ногаи посадили своего воспитанника на казахский престол, но через полтора десятилетия он окреп и вступил в затяжную распрю с бывшими патронами, а заодно и со всеми прочими соседями. Вплоть до гибели Хакк-Назара в 1580 г. коалиция Сибирского юрта, Ногайской Орды и Бухарского ханства была прочной и результативной. Следующий хан казахов Шигай был ставленником и вассалом Абдаллаха II и не давал повода для вражды.

Как известно, в результате рейда Ермака и последующей экспансии царских войск Сибирский юрт распался. Разгромленный Кучум пытался закрепиться

⁸⁴⁵ Там же. Д. 6. Л. 215 об., 216.

⁸⁴⁶ Там же. Л. 178; Д. 7. Л. 61; Д. 8. Л. 11 об.

⁸⁴⁷ Катанов Н.Ф. Предания сибирских татар о Кучуме и Ермаке. Тобольск, 1896. С. 8.

⁸⁴⁸ Анализ этого эпизода ногайско-казахских отношений см. в статье «Ногаи в Башкирии, XV—XVII вв.» в настоящем издании.

⁸⁴⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. Л. 86 об.; 1587 г. Д. 5. Л. 22.

⁸⁵⁰ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб., 1841. С. 5; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 8. Л. 11 об., 14 об., 43 об., 73 об., 74, 91, 92; Д. 10. Л. 109 об., 110, 151.

в южных и восточных районах своих бывших владений и при этом опираться на ногаев. Их поддержка выражалась, в частности, в шпионаже ногайских торговцев и лазутчиков в новых русских городах за Уралом⁸⁵¹, в просьбах к московскому правительству «Кочуму царю Сибирь ... назад отдати» с заверениями в аккуратной выплате ханом ясачных податей России⁸⁵²; сам Кучум заявлял тарскому воеводе: «А с нагаи есмя в соединенье»⁸⁵³. Однако от вооруженной помощи ему ногаи воздержались. Более того, они, похоже, воспользовались крахом юрта. Одним из признаков этого и стало появление «Тайбугина юрта», «тайбугинской пошлины» и самого поста тайбуги в Ногайской Орде.

Поскольку Кучум в свое время сверг и изгнал Тайбугидов, их собственные подданные были вынуждены подчиниться ему. По терминологии позднего Дешта, эти подданные считались юртом или улусом (уделом) Тайбуги. После разгрома хана казаками осенью 1582 г. они вновь должны были выбирать себе нового сюзерена. Собственно, выбор оказывался небольшим: Россия, Ногайская Орда, казахи или калмыки. Первая и последние не принадлежали к миру ислама; казахский хан Шигаи, как сказано выше, был коллегой Кучума по бухарскому вассалитету. Но хан Абдаллах не оказал поддержку Кучуму в самый тяжелый момент, чем фактически разорвал союз. Следовательно, тайбугидские улусники должны были или начинать переговоры с далекой Бухарой о перекочевке на юг, подальше от буйствовавшего Ермака, или искать покровителей поближе. Выбор, сделанный «Тайбугиным юртом», отражен в послании царя Федора Ивановича Кучуму, направленном приблизительно в 1597 г.: «А которые нагаиские улусы Таибугин юрт, которые кочевали вместе с тобою, от тебя отстали — на которых людех тебе была большая надежа»⁸⁵⁴. Эта походя брошенная фраза при дефиците сведений привлекает внимание. Мы трактуем слова о кочевании вместе с Кучумом как бывшее пребывание «юрта» в центре ханства, в ханском домене, который до 1563 г. являлся сердцевинной тайбугидских владений. Когда Ермак занял Искер и прииртышские городки, хан ушел в южные степи, а его подданные со среднего Иртыша откочевали к ногаям. Вот почему в царском письме они предстают как «нагайские улусы».

Приток новых подданных заставил верхушку Ногайской Орды заняться их размещением и организацией. На совете мирз было решено выделить им наместника и обложить данью. Первое встреченное нами упоминание о ногайском тайбуге содержится в цитированной выше недатированной грамоте мирзы Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда Федору Ивановичу: «А нас (т.е. Ураз-Мухаммеда. — *В.Т.*) ... на Мангытцком юрте третьим государем учинили и удел мне дали Таибугинской жеребеи»⁸⁵⁵. В данном послании мирза поздравляет адресата с воцарением и соболезнает о кончине его отца Ивана IV. Она произошла 18 марта 1584 г., а на следующий день Федор был венчан на царство;

⁸⁵¹ Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Вып. 3. Ч. 1. Л., 1932. С. 298, 299.

⁸⁵² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1587 г. Д. 5. Л. 22.

⁸⁵³ Там же. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 8; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 130.

⁸⁵⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1597 г. Д. 1. Л. 20; Собрание государственных грамот и договоров. С. 134.

⁸⁵⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1585 г. Д. 1. Л. 8.

так что послание можно датировать весной-летом 1584 г. «Учинение третьим государем» Мангытского юрта по торжественности формулировки демонстрирует, пожалуй, новизну ситуации — принятие под начало новых подданных и включение их в среду ногаев. Удел «Тайбугинского жеребья» (т.е. наследия Тайбуги) разместили где-то в северо-восточных пределах ногайской державы. Тот же Ураз-Мухаммед в депеше, доставленной в Москву 30 августа 1586 г., упоминал предмет нашего исследования в следующем контексте: «(А бу)дет ... с нами завоеежся и из Волги и из Яика воды не дашь, а почаешь себе то, что мы отдали в тайбугинскую страну, и наша шерть порушитца, и любовь наша до конца урветца»⁸⁵⁶. Ясно, что упомянутая «страна» (в оригинале, вероятно, «юрт») находилась, во-первых, к востоку от Яика, во-вторых, на максимальном удалении от Европейской России — может быть, в верховьях Тобола и Ишима, поскольку еще восточнее кочевали калмыки и Кучум, южнее — потомки ногайского бия Шейх-Мамай (будущие «Алтыулы»), а севернее располагалось завоеванное казаками Сибирское ханство.

Таким образом, можно полагать, что первым ногайским тайбугой стал Ураз-Мухаммед. Подтверждением этому служит послание его сына, нурадина Кара Кель-Мухаммеда, царю Михаилу Федоровичу, привезенное 7 августа 1630 г. Нурадин просил государя разрешить взимать «тайбугинскую пошлину» его брату Али — на том основании, что «отец мои, Урмамет князь, имал (эту. — *В.Т.*) пошлину десеть лет, а я имал пошлину пять лет»⁸⁵⁷. Следовательно, Ураз-Мухаммед в самом деле пользовался доходами, положенными тайбуге, но, кажется, не десять лет, а немного меньше. После гибели бия Уруса в 1590 г. Ураз-Мухаммед унаследовал мангытский престол и, разумеется, оставил пост тайбуги. Отсчитав от времени его вокняжения десятилетие, получаем 1581 г. Думаю, не будет большой натяжкой переправить эту дату на 1582 г.: 26 октября 1582 г. Кучум был разбит Ермаком, и начался стремительный распад сибирско-татарского государства. В этот-то период, скорее всего, и произошла откочевка «Тайбугина жеребья» к ногаям.

Мы полностью разделяем догадку А. Франка о том, что разбираемый титул происходил от личного имени Тайбуга по точной аналогии с нурадином и кековатом⁸⁵⁸. Ведь такой способ обозначения должностей в позднеджучидских политических образованиях был присущ именно и только ногаям. Так что в данном случае мирзы пошли по привычному пути, назвав заместника над эмигрантами из Сибири именем первого владельца их улуса. Судя по тому, что пост тайбуги был встроен в ряд других высших должностей, набор его функций не отличался от прерогатив нурадина и кековата⁸⁵⁹, то есть совмещались обязанности удельного правителя и военачальника. Аналогичным же образом отчислялись и доходы, которые в источниках определяются многозначным

---

⁸⁵⁶ Там же. 1586 г. Д. 9. Л. 18.

⁸⁵⁷ Там же. 1630 г. Д. 3. Л. 24.

⁸⁵⁸ Frank A. Op. cit. P. 23.

⁸⁵⁹ К аналогичному выводу пришел и Е.А. Поноженко, но почему-то решил, что тайбуга пользовался при этом «доходами из Сибири» (*Поноженко Е.А. Политический строй ногайцев в XV — середине XVII в. // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1987. № 6. С. 36, 37*). Но в Сибири утверждалась российская администрация, весь ясак оттуда шел в Москву, и едва ли ногайский вельможа был способен добиться каких-то выплат для себя.

понятием «пошлина». Во-первых, в пользу тайбуги шла дань (ясак) — так же, как нурадину и кековату. Во-вторых, между бием, нурадином, тайбугой и кековатом была «розделена пошлина с торговых людеи, которые люди приезжают в их (ногаев. — *В.Т.*) улусы торговать»⁸⁶⁰. Сбор этих платежей, видимо, осуществлялся мирзами лично, по принципу полюдыя — по крайней мере, в последние десятилетия существования Ногайской Орды. Кара Кель-Мухаммед в 1630 г. просил выделить на время боярского сына, чтобы помочь новому тайбуге «взяти первая пошлина»⁸⁶¹.

Вопрос о кандидатуре каждого тайбуги решал съезд знати. Только общее совещание аристократов было способно примирить амбиции множества мирз, претендующих на очень ограниченное число высших постов. Примером подобной коллизии служит ситуация, изложенная в отписке астраханских воевод от 18 апреля 1608 г. На очередном курултае известный нам Кара Кель-Мухаммед заявил, что, по решениям предыдущих съездов, должность тайбуги должен занимать он, а в ранге кековата надлежит состоять Яштереку б. Дин-Ахмеду. Однако Яштерек «свое кикуватство отдал Темир мурзе — Исупову родству (т.е. потомкам бия Юсуфа. — *В.Т.*), а тайбуту (так в тексте. — *В.Т.*) отнял Яштерек у него, Келмамет мурзы, и пошлины с них тайбутины емлет Яштерек мурза». Курултай приговорил, «чтобы Келмамет мурзе тойбутою» быть по-прежнему⁸⁶². Как рассказывал бий Иштерек воеводам в ноябре 1604 г., «а которой де в тех чинех (т.е. бий, нурадин, тайбуга, кековат. — *В.Т.*) чин изведетца, и нагаиские де мурзы и улусные все люди нынече (т.е. сразу же, тотчас. — *В.Т.*) о том все советуют и выбирают всею землею...». — Но так было в период независимости Ногайской Орды. Когда же «Большие Ногаи» угодили в вассальное подчинение царю, то потребовалась еще и монаршая инвеститура. Продолжим цитату: «...Выбирают всею землею, о ком им царскому величеству бити челом, кому быть на ногаиском княженье или в нурадынех, или в тайбугех, или в кекуватех. Да кого меж себя приговорят, и о том о всем посылают бити челом царскому величеству, и кому царское величество пожалует, велит в чем быти — тот в том (чине. — *В.Т.*) и будет»⁸⁶³. Именно таким образом 20 октября 1625 г. в астраханской Съезжей избе (воеводской канцелярии) произошло пожалование рангом тайбуги Султана Шихмамаева и кековата Янмамета Тинмаметева. Воеводы торжественно зачитали мирзам царский указ, а затем устроили праздничный пир «по посольскому обычаю»⁸⁶⁴.

Итак, первым тайбугой в Ногайской орде стал Ураз-Мухаммед и оставался таковым до своего вокняжения в 1590 г. Затем этот пост занял Иштерек б. Дин-Ахмед, что выводится из следующей информации. Недатированная совместная грамота мирз Мухаммеда б. Иштерека и Шейх-Мухаммеда б. Яштерека Михаилу Федоровичу содержит такие сентенции. — В конце 1622 г, по царскому указу Канай и Кара Кель-Мухаммед были «учинены» бием и нурадином. «А после

⁸⁶⁰ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1604 г. Д. 3. Л. 78–79; Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 110.

⁸⁶¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1630 г. Д. 3. Л. 24.

⁸⁶² Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 167. Курултай состоялся до 24 ноября 1607 г., когда «в Ногаи» прибыл посол Прокофий Вразский, которому бий Иштерек и рассказал о решениях ногайского сейма.

⁸⁶³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1604 г. Д. 3. Л. 77; Акты времени Лжедмитрия I-го. С. 110.

⁸⁶⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 36; 1626 г. Д. 1. Л. 432, 436, 437.

их от Исмаилева княжева родства меня (Мухаммеда. — В.Т.) старее нет. И вам бы, великому государю, меня пожаловать отца моего чином, велеть меня учинить в Нагаех тайбугую»⁸⁶⁵. В самом конце XVI в. до своего вокняжения в 1600 г. Иштерек являлся нурадином при бие Дин-Мухаммеде⁸⁶⁶. Очевидно, он и сменил Ураз-Мухаммеда в управлении выходцами из Сибири. Последующие события не совсем ясны. На курултае 1607 г. Кара Кель Мухаммед ссылался на постановления прежних курултаев о вручении ему тайбугинства. Стало быть, несмотря на узурпацию этой должности Яштереком, формально он продолжал ее занимать. Как уже отмечалось, совет мирз восстановил полномочия Кара Кель-Мухаммеда. В качестве тайбуги этот мирза фигурирует в документах 1615, 1617, 1618 гг.⁸⁶⁷, то есть, вероятно, оставался им до обретения нурадинства в 1622 г. Но тогда как понимать его собственное утверждение о том, будто в свое время он «имал (тайбугинскую) пошлину пять лет»? Может быть, несмотря на долгое замещение чина «третьего государя», реальную возможность пользоваться положенными ему доходами он имел только в течение пяти лет? По крайней мере, судя по источникам, этот мирза являлся тайбугой гораздо дольше этого срока. После его назначения нурадином в 1622 г. пост некоторое время оставался вакантным, а в октябре 1625 г. был пожалован Султанаю Шихмамаеву⁸⁶⁸. Вскоре Султанай порвал и с «Большими Ногаями», и с русскими властями и возглавил Алтыулов, вступив в союз с калмыками. Ранг тайбуги он сохранял еще в 1637 г.⁸⁶⁹ Ясно, что в этих условиях он не играл никакой роли во внутриногайских делах, отчего нурадин Кара Кель-Мухаммед и предлагал передать тайбугинство его, нурадина, брату Али. Но поскольку для официальных «перевыборов» нужен был курултай, а собрать его в обстановке полного распада и разложения Орды было уже невозможно, эта инициатива так и осталась нереализованной. Умер Султанай до мая 1640 г., когда русскому послу «в Ногаях» было сообщено что ныне все высшие ногайские чины, в том числе тайбуга, «извелись, и Нагай изсяк»⁸⁷⁰.

Последовательность ногайских тайбуг, таким образом, была следующей:

Ураз-Мухаммед 1582–1590 гг. (с 1590 г. бий)

Иштерек 1590–1598 или 1599 гг. (с 1598/99 г. нурадин)

Кара Кель-Мухаммед 1600–1622 гг., с перерывами (с 1622 г. нурадин) до 1608 г. узурпация Яштерека

Султанай 1625 – конец 1630-х гг.

В заключение попытаемся объяснить, почему же тайбуга стал все-таки «третьим государем» Ногайской Орды, а не четвертым, после кековата. Мы видели, что уже при учреждении этого ранга он рассматривался как «на Мангытцком

⁸⁶⁵ Там же. 1586 г. Д. 3. Л. 6.

⁸⁶⁶ Там же. 1641 г. Д. 5. Л. 30. В своей статье о нурадинах я предположил, что нурадином при Дин-Мухаммеде был его брат Байтерек. Но позднее удалось встретить прямое указание на нурадинство Иштерека на рубеже XVI–XVII вв. Впрочем, в обстановке политического хаоса «в Ногаях» в конце XVI столетия частая смена мирз на высших постах была более чем вероятной. Поэтому вполне возможно, что после гибели Байтерека его «чин» перешел к Иштереку как к следующему по старшинству брату.

⁸⁶⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1615 г. Д. 10. Л. 12; 1617 г. Д. 1. Л. 113; 1618 г. Д. 1. Л. 39; и др.

⁸⁶⁸ Видимо, он доводился внуком Шейх-Мамаю, поскольку среди сыновей последнего никогда не значился Султанай.

⁸⁶⁹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1637 г. Д. 1. Л. 86, 87.

⁸⁷⁰ Там же. 1639 г. Д. 12. Л. 362.

юрте третий государь» вслед за бием и нурадином. Таким образом, тайбуга отеснил военачальника левого крыла кековата, что уже высказывалось нами ранее⁸⁷¹. Причина этого видится в постепенной утрате ногаями восточных кочевий, то есть территории левого крыла. В казахские степи вливались калмыки, на Яике в 1570-х гг. развернулся казачий террор против ногаев, угроза казачьей экспансии нависла и с севера, после вторжения Ермака в Сибирь. В этих условиях ногаи отходили все дальше на запад, за Яик, к Волге. Незначительные их группы, что остались на востоке, вскоре утратили подданство бию Большой Ногайской Орды. Следовательно, кековат остался без территории и без «улусных людей», положенных ему по рангу. (Не случайно Яштерек не удовлетворился своим назначением на кековатство и узурпировал должность тайбуги.) Тайбуга же, напротив, управлял группой многочисленных кочевников-выходцев из Сибирского юрта и представлял собой гораздо более могущественного заместника, чем лишенный подвластной области кековат. Однако период функционирования новой должности оказался недолгим. В ходе дальнейшего распада Ногайской Орды вся ее административная система окончательно рухнула к 1640-м гг., после Султана Шихмамаева пост тайбуги остался не занятым.

Список сокращений

- МИКХ – материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв.: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ПДРВ – Продолжение древней российской вивлиофики
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

---

⁸⁷¹ *Трепавлов В.В.* Институт кековатства в Ногайской Орде. С. 64.

«Хакимы Кипчакской тепени»: Вариант оглавления 2005 г.

**Хакимы Кипчакской степи.
Очерки ранней истории ногайцев**

Оглавление

Предисловие

Глава I. «Подобен морю был наш народ»: ногаи в Кипчакских степях

- 1.1. Кочевые улусы и племена
- 1.2. «Ана Эдил» – «Волга Матушка» ногайская
- 1.3. Попробуем посчитать средневековых ногаев

Глава II. «Орда самовольная»: зарождение и угасание государственности

- 2.1. От государства к вождеству и обратно
- 2.2. Бий мангытов – коронованный chief
- 2.3. Нурадин. «В Нагайской Орде второй чин»
- 2.4. Тайбуга. «На Мангытском юрте третий государь»

Глава III. «Послушные газии»: религия и война в жизни ногаев

- 3.1. Ислам и духовенство
- 3.2. Ногайские батыры в походе и в бою

Глава IV. «Ссылки почались быти»: отношения с друзьями и врагами

- 4.1. Торговля на караванных путях
- 4.2. Башкирские связи
- 4.3. Казанские связи
- 4.4. Вольные казаки в ногайской истории
- 4.5. Предки ногайцев на Северном Кавказе
- 4.6. Казыев улус – Ногайская Орда на Северном Кавказе

**Глава V. «Тяжелые поклоны с легкими поминками»:
ногайско-русские отношения**

- 5.1. Ногайцы в истории России
- 5.2. Степняки на царской службе
- 5.3. Княжеские роды ногайского происхождения
- 5.4. «Под государевой высокою рукою»: российское подданство или покровительство?

*НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова.
Оп. 1. Д. 5. 131 л. Неавторизованная машинопись.*

[*В.В. Трепавлов*]

Едигей

[Москва, 2008–2022]

Предисловие.

Золотая орда и Русь в умах современников и представлениях потомков

В этой книге будет рассказано о человеке, который олицетворял собой одновременно могущество и упадок Золотой Орды. Для большинства российских читателей название этого средневекового государства ассоциируется с мрачной эпохой «монголо-татарского ига». В школах и вузах учащимся до сих пор внушается представление о периоде 1230-х — 1470-х гг. как о времени жестокого порабощения Русской земли завоевателями, высасывании ими соков из многострадальной Руси. Ханские баскаки выколачивали дань — «царев выход», князья садились на отчие столы не иначе как по ярлыку ордынского хана-«царя», кроважидные татарские всадники совершали набеги на мирные города и селения... В общем получается жуткая картина бесправия и унижения, длившихся без малого два с половиной столетия.

Этот исторический штамп, впитанный поколениями российских школьников и студентов, уходит корнями не просто в официальную имперскую историографию по главе с великими Карамзиным и Соловьевым. Такое отношение к Золотой Орде, ее правителям и жителям, формировалось русскими интеллектуалами уже в XIII в. и объяснялось мировоззрением, кругозором, политическими и культурными стереотипами наших древних авторов. Дело в том, что летописи (а это главный источник, из которого мы узнаем о тех далеких временах) составлялись по большей части в духовной среде. Священники и монахи отображали современную действительность сквозь призму привычных для них и благочестивых библейских образов и аналогий.

Едва восточно-христианский мир успел оправиться от крестоносного разгрома Константинополя в 1204 г. — и вот новое нашествие иноплеменников и новое поражение православия. Монгольское завоевание Руси воспринималось как неоспоримое свидетельство того, что Господь отвратил Свой лик от Святой Руси, отказал ей в Своей милости и благодати. Кровавые княжеские распри, беспринципные интриги и свары на протяжении предыдущих десятилетий, наведение на враждебные княжества «диких половцев» лишило русских людей божественного заступничества. Кара пришла в виде чужеземного порабощения. Сравнения с библейскими прецедентами напрашивались сами собой: не так ли пребывал в услужении фараону «избранный народ» Израилев? не так ли оказался он в вавилонском пленении? Теперь нужно было молиться и уповать на благосклонность Всевышнего. А пока она не воссияла, терпеть и переносить лишения, связанные с «игом» (ярмом) — именно это понятие ввели в обиход церковные писатели для обозначения режима, установленного монголами на Руси. Соответственно и падение «ига» в XV в. воспринималось духовными писателями (и внимавшей им аудиторией) как результат божественного благоволения. Ну, а Орда заслуженно покати́лась в исторические тартарары, якобы расплатившись за долгое поругание православного христианства.

В общем, эпоха монгольского завоевания и подчинения Золотой Орде традиционно стала восприниматься как национальная трагедия, черная полоса в русской истории.

Совсем по-другому смотрели на эту историческую ситуацию историки евразийской школы. Она сформировалась в среде русской эмиграции 1920-х гг. и имеет сейчас немало последователей (правда, среди не ученых, а в основном людей, профессионально не занимающихся изучением прошлого). Общая схема евразийской идеи сводится к исторической преемственности великих континентальных держав – Тюркского каганата, Монгольской и Российской империй. Они будто бы объективно передавали друг другу функцию собирания народов в общих границах. При такой трактовке Россия (иногда добавляют: и СССР) выступала в качестве наследницы объединительной миссии предыдущих «сверхдержав» Евразии.

Евразийцы и их позднейшие последователи увлеченно пытались определить многообразные проявления цивилизационной связи России с Востоком. Ярким показателем такой связи они считали заимствования из Золотой Орды XIII–XV вв. и из более ранних тюркских государств. Кое в чем здесь можно согласиться. Существуют бесспорные примеры таких заимствований – например, в русской титулатуре и социальной терминологии (каган, тархан и т.п.), в финансовой системе средневековой Руси, в организации ямской службы и проч. Хотя некоторые авторы абсолютизируют размах восточных заимствований и приписывая татарское происхождение, например, русскому поместью и Земскому собору (американский историк Я. Пеленски).

Перенимание из Орды некоторых явлений и учреждений может свидетельствовать, с одной стороны, о привлекательности и целесообразности для русских восточных образцов в то время. Но сами по себе они все-таки не являются аргументом в пользу золотоордынского «наследия» или какой-то исторической преемственности России по отношению к Золотой Орде. Ведь импорт идей и институтов – это общекультурное явление. Оно присуще всем народам и государствам, не исключая Россию. В начале XVIII в. управление и администрация волей Петра I были преобразованы на германский и шведский манер; в наше время наблюдается широкое и повсеместное внедрение западных, особенно американских, социальных и культурных стандартов. Но все это не означало и не означает, будто Россия превратилась в «наследницу» или «преемницу» Германии, Швеции или США.

С другой стороны, некоторые установки управления и налогообложения, были *навязаны* завоевателями побежденным данникам, хотя со временем, за два с половиной столетия «ига», они и укоренились на русской почве. При этом картина всеохватного татарского влияния на Русь на самом деле оказывается гораздо более скромной. Многие явления, которые некоторые авторы считают заимствованными из Орды (десятичная система, структура великокняжеского двора, организация воинских подразделений и др.) сложились на Руси еще до монгольского завоевания.

Давно, часто и во многом справедливо историки критикуют концепции Л.Н. Гумилева. Но в литературном мастерстве изложения своих взглядов ему не отказывает никто. В одной из своих ярких работ, книге «Поиски вымышленного царства», Л.Н. Гумилев предлагает взглянуть на исторический процесс

как бы с трех позиций: из мышиной норы, с кургана и с высоты птичьего полета. Если воспользоваться таким оригинальным подходом при разборе русско-татарских отношений, то окажется, что наша традиционная историография объясняет их, как правило, глядя «из мышиной норы». Можно уверить себя, что Святая Русь есть центр мира, и тогда получится, что она всегда была окружена врагами, посягавшими на ее свободу, что она веками стояла, как крепость, отбиваясь от посягательств разномастных недругов.

Если же подняться чуть выше и посмотреть «с кургана», то окажется, что Русь изначально пребывала в окружении равновеликих и равноценных ей государственных и культурных систем и взаимодействовала с ними. К таким системам принадлежали европейские страны и Византия, мир ислама и языческий мир тюрко-монгольских степных кочевников.

А если бы нам довелось взмыть на высоту «птичьего полета» и, следуя Гумилеву, обозреть Евразию в середине XIII в., то мы увидели бы колоссальную державу — Еке Монгол Улус. Как и любая империя, монгольское царство имело сложную структуру. Наряду с уделами сыновей Чингисхана (в том числе Улусом Джучи — Золотой Ордой), туда входили наместничества и автономные владения разного статуса и ранга. Русь как часть Монгольской империи находилась точно в таком же положении, как Уйгурия, Рум (сельджукская Малая Азия), Грузия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства сохраняли собственные правителей и домонгольское внутреннее устройство.

Кстати, чертой, присущей также большинству империй, была и веротерпимость монголов. Привлекая к себе на службу чиновников и военачальников из разных народов, заботясь о лояльности миллионов своих подданных, правительство не считало нужным диктовать им религиозные предпочтения.

С ослаблением Монгольской империи, в течение второй половины XIII — первых десятилетий XIV в. от нее постепенно отделилась Золотая Орда. Соответственно Русь утратила связи с имперским центром и стала подчиняться только ханам Улуса Джучи. На вопрос: входила ли Русь (Северо-Восточная: великие княжения Владимирское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское) в состав Золотой Орды или нет? — автор этих строк сейчас склонен отвечать утвердительно. От Еке Монгол Улуса Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть ее подданных, но в не в рамках обычной улусной системы, а как владения иного рода — как плательщики «выхода» и управляемые на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации.

При этом я считаю, что не нужно усматривать в факте давней подчиненности Руси Улусу Джучи и вхождения Руси в состав Монгольской империи нечто унижительное или несовместимое с престижем русского «народа-богоносца». Пребывание в крупнейшей державе средневековья и тесная связь с Золотой Ордой придали русской государственности и культуре особенное своеобразие. Такая ситуация не является чем-то уникальным. Например, достоинство испанцев ничуть не пострадало от того, что их страна некогда составляла часть Арабского халифата. Наоборот: в результате появилась неповторимая испанская культура с её ярко выраженным «ориентальным» компонентом.

Есть еще один любопытный момент, который евразийцы и их позднейшие адепты «благоразумно» обходили молчанием. В ордынской государственности

и культуре есть влияния китайские, иранские, уйгурские, но нет ни малейшего следа русских влияний. Это говорит, во-первых, о том, что монголы не нашли в русской среде полезных и рациональных для себя явлений; во-вторых, кочевые степи и Русская земля в XIII–XIV вв. существовали как бы в параллельных мирах, соприкасаясь лишь по формально-государственным поводам.

Конечно, дело здесь вовсе не в более низком социальном и культурном уровне развития Руси. Сложно сопоставлять этот уровень, но не думаю, что Русь выглядела настолько «варварской», чтобы присущие ей явления и установления отвергались монголами из-за ее отсталости. Отсутствие русских заимствований у монголов скорее всего объяснялось другими причинами.

Ко времени завоевания Руси государственная система Монгольской империи уже в основном сложилась на основе восточных институтов. К тому же в первые десятилетия после завоевания Русь подчинялась не ханам-Джучидам – потомкам Джучи, старшего сына Чингисова, а центральному имперскому правительству. А там при дворе ведущими чиновниками были уйгуры и кидани. И у тех, и у других за плечами был вековой опыт собственной государственности (плюс мощное китайское влияние), и им незачем было присматриваться к далекой северо-западной окраине державы, чтобы что-то оттуда перенимать.

Кроме того, азиатские монархии обычно были приспособлены под управление как оседлым, так и кочевым населением. Это было более привлекательно для завоевателей-монголов, чем цивилизация Руси, ориентированная только на земледельцев.

При учете этой ситуации и русско-ордынские отношения выглядят иначе по сравнению с привычным шаблоном. До сих пор в учебниках и монографиях эти отношения определяются как жесткая система господства-подчинения. Принято считать, что владычество ордынцев над завоеванной Русской землей проявлялось в двух главных формах: в выдаче ханами ярлыков и в выплате дани-«выхода».

При знакомстве с устройством Монгольской империи оказывается, что ни один из этих пунктов не может служить доказательством какого-то приниженного, угнетенного положения Руси в структуре огромного государства. Ярлыки вовсе не были признаком порабощения и подавления. Их выдача была процедурой инвеституры, которая пронизывала всю империю. Вплоть до начала XIV в. ханам Золотой Орды также жаловались ярлыки в имперской столице, которая располагалась в Монголии, затем в Китае.

«Выход» (заимствованный ордынцами из мусульманских стран налог *харадж*) тоже не являлся данью в строгом смысле, т.е. изъятием завоевателями продукта, произведенными завоеванным населением. Слово «дань» в средневековом русском языке было гораздо более многозначным, и толковать «выход» как беспощадное выкачивание ресурсов из многострадальной Русской земли было бы неверно. Имеются сведения, что с города Хаджи-Тархана (Астрахани) в Золотой Орде взимался «выход» в 60 тыс. алтын¹. Но Хаджи-Тархан никак не мог расцениваться как завоеванный город: он был основан самими ордынцами и располагался на домениальных ханских землях. Следовательно, в «вы-

---

¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549. Подгот. текста Н.М. Рогожина. Махачкала, 1995. С. 139.

ходе»-харадже можно видеть государственный налог, которым облагались как собственно ордынские, так и нетатарские владения.

Высказанные выше положения – это не просто чисто академические, отвлеченные рассуждения. Проблема русско-татарских отношений, исторического наследия Золотой Орды составляет часть более широкого круга вопросов – об историческом, государственном и культурном наследии, общем для народов России (Евразии).

Евразийская схема преемственности России от Золотой Орды несмотря на свою искусственность, все же имеет некоторое рациональное основание. Геополитическая ситуация, связанная с распадом Золотой Орды в XV в., по-новому поставила вопрос о положении Руси среди восточноевропейских государств. В определенном смысле московский правитель по отношению к поволжским и заволжским народам принимал на себя функции верховного сюзерена. А эти функции традиционно связывались некогда с правителями Золотой Орды, затем Казани и Сибири. В XVIII в. башкиры вспоминали о той ситуации именно в таком контексте: «Мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды, великому государю в подданство пришли своими волями, *оставя своих ханов*, и великие государи нас содержали по нашей воле...»². Да и сам Иван IV в обращении к населению Южного Урала призывал его платить ясак русскому царю, «якоже и прежним казанским царям»³.

По некоторым отрывочным данным можно полагать, что в XV – первой половине XVI в. великий князь московский имел промежуточный статус между ханами-Чингисидами Сарая, Крыма, Казани и Астрахани, с одной стороны, и правителями ногайскими, касимовскими, сибирскими – с другой. Для поддержания своего ранга улусного владетеля он должен был обустроить двор и государство соответствующим образом. Известно, что при московском дворе широко практиковался восточный дипломатический церемониал.

Принципиальным рубежом в повышении статуса русского монарха в глазах соседних татарских правителей явилось подчинение Иваном IV Казанского и Астраханского «царств». В руках московских властей оказались бывшие ханские домены, включая «царево место» – руины Сарая. Именно подчинение татарских государств Поволжья и Сибири трактовалось в России как начало обретения Иваном IV царского достоинства, «а преж сего в Русской земле царей не бывало»⁴. Само понятие «царь», очевидно, справедливо расценивается некоторыми историками как демонстрация независимости по отношению к ханам. Хотя по своему происхождению на Руси оно, несомненно, греко-византийское, но появление русского *царя* можно равным образом связывать с послеордынской политической ситуацией.

Правда, история предложила Ивану Грозному не очень много поводов проявить себя в этом своеобразном статусе. Например, в 1555 г. сибирский бек Ядгар, попросил царя принять его под покровительство и защиту, обязавшись выплачивать за это ежегодно 30 000 соболей. Царь сперва колебался. Но по-

² Цит. по: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996. С. 146. В цитатах везде курсив мой.

³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. XIII. Ч. 1. СПб., 1904. С. 221.

⁴ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 1; ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 188

сольства из Искера прибывали снова и снова. Наконец Иван Васильевич повелел считать сибирцев своими данниками и оказывать им подмогу против враждебных царевичей. В соответствии с положением старшего государя, как это было принято в Золотой Орде и в ее наследных владениях, он выдал Ядгару ярлык на княжение (бекство), обложил Сибирский юрт податью и назначил туда своего наместника-*даругу*. Впрочем, вскоре власть на Иртыше захватил хан Кучум, и зависимость юрта от Москвы сошла на нет.

В ходе экспансии за Урал правительство и воеводы использовали и другие перенятые из татарской административной практики приемы управления новоприсоединенными подданными: заключение шертных договоров с определением взаимных обязательств, взятие заложников-*аманатов* и др. Именно таким образом, с точки зрения и администрации, и местного населения, и должна была действовать законная власть — в том числе от лица «белого царя».

Следовательно, в отношении восточных и южных соседей России XV–XVII вв. представляла как победоносный участник борьбы за геополитическое наследие Золотой Орды. Соответственно и налаживание отношений с бывшими ордынскими подданными — татарами, башкирами и ногаями — происходило по привычным для них схемам. Это обеспечивало их менее болезненную адаптацию к жизни в пределах Московского государства.

А вот идейная преемственность Московской Руси от Орды мне представляется очень сомнительной. Русские власти кое в чем заимствовали у татар технологию власти (и то в основном по отношению к неславянским подданным), но не ее идеологию.

Есть еще одна проблема, очень трудоемкая для анализа, — взаимное восприятие средневековых русских и татар. При ее изучении перед исследователем встают труднопреодолимые препятствия. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные источники о ней написаны за ее пределами — нередко за тысячи километров от Орды, и к тому же людьми, никогда в ней не бывавшими.

Судя по очень лаконичным и косвенным данным, ордынцы видели в русских по большей части покорных данников, жителей «Русского улуса». Интерес к внутренним делам этого улуса абсолютно не заметен в восточных текстах, рассказывающих о Золотой Орде. В частности, это касается Куликовской битвы, неоспоримо трактуемой у нас как судьбоносное историческое событие. Она не удостоилось ни единого комментария у мусульманских историографов. Коллизии, связанные с всевластием и падением бека Мамаю, представлены ими как череда внутриордынских конфликтов, завершение которых связывается исключительно с именем хана Тохтамыша — единственного и долгожданного победителя Мамаю (в интерпретации тюркских, арабских и персидских хронистов).

Теперь насчет Руси. Она в золотоордынские времена была завоевана, но не оккупирована. Поэтому простой народ редко сталкивался с ордынцами. Мало кто видел живого татарина, особенно в XIV веке. Ну знали, что есть где-то далеко на Волге «вольный царь», для которого его баскаки, а потом княжеские дьяки собирают меха и серебро. Разве что жители стольных городов изредка наблюдали приезды ханских послов для введения в должность очередного кня-

зя и оглашения ярлыка. Да еще несчастные обитатели пограничных крепостей и деревень страдали от набегов из степи.

Летописи изображают татар негативно, хотя и сравнительно сдержанно (по сравнению с «латинянами»). Сказывались здесь и восприятие завоевания как Божия попущения, и многолетняя приспособленность, даже привычка к ордынскому верховенству. Князья могли сетовать на бесчинства татарских отрядов и несправедливость ханского суда (Даниил Галицкий: «злее зла честь татарская»), призывать к борьбе против «бусурман», но здесь в основном влияли факторы политические и религиозные. Кстати, зримым рубежом в изменении образа Орды в источниках послужило «обесермивание» хана Узбека в 1314 г. — обращение Улуса Джучи в ислам, после чего у русских появилась идеологическая основа для будущей борьбы с Ордой.

Что же касается основной массы русского населения, то сведения о его отношении к тогдашним татарам могут быть почерпнуты разве что из такого позднего (по времени фиксации) и ненадежного источника, как фольклор. Вот зачин «Повести о Щелкане Дудентьевиче», изображающий двор грозного Узбека⁵:

А и деялося в Орде,
 Передеялось в большой.
 На стуле золоте,
 На рытом бархате,
 На черевчатой камке
 Сидит тут царь Азвяк,
 Азвяк Таврулович;
 Суды рассуживает
 И ряды разряживает,
 Костылем размахивает
 По бритым тем усам,
 По татарским тем головам,
 По синим плешам.

В этой карикатурной сцене звучит не ненависть к завоевателям, не боль за поруганное православие, а скорее сарказм, насмешка над «вольным царем» и его придворным окружением. Слушатель «Песни» ясно понимал разительный контраст между татарским владыкой и русским князем, любовно описанным во множестве фольклорных памятников. Конечно, ведь идеальный князь вершил свой строгий и справедливый суд, вовсе не охаживая просителей и истцов костылем по плешивым головам!

Тем не менее ордынский правитель на протяжении XIII–XV вв. воспринимался на Руси как абсолютно законный государь, да еще и стоящий на иерархической лестнице выше всех разномастных великих и удельных князей. Ниже царя-хана и его царственных родичей в ордынской иерархии располагалось многочисленное «сословие» беков — в общем-то тех же князей. Самые влиятельные и могущественные из них звались *улуг беками* — «великими князьями». Именно таким главным беком был герой нашей книги — Эдигей (Едигей).

⁵ Песни XIII–XVI веков. <http://www.sippala.com/fra/music/histsong/istsong2.htm>

Он появился на исторической арене в то время, когда Золотая Орда стала погружаться в тяжелый и необратимый кризис. Надвигалась эпоха смут и междоусобных войн. Обо всем этом впереди будет подробный рассказ. Пока же отметим, что упадок Улуса Джучи происходил одновременно с усилением Московского великого княжества. Вскоре молодое владение потомков Калиты вступило в жестокую борьбу за выживание, а затем и за первенство на развалинах могущественной державы Чингисовых потомков.

Личность и деяния бека Эдиге в целом хорошо известны историкам. Этот талантливый правитель, военачальник и дипломат на протяжении нескольких десятилетий заставлял считаться с собой всех окрестных монархов. Однако биография его пока не удостоилась монографического освещения (если не считать нескольких популярных и энциклопедических статей). В исследованиях же, посвященных истории Золотой Орды, эпоха Эдиге предстает лишь как один из этапов ее агонии, а сам бек зачастую изображается как узурпатор и авантюрист, который судорожно пытался удержать власть над слабеющим Улусом Джучи.

Доля истины в такой интерпретации в общем-то есть. Однако в нашей книге мы хотели бы отойти, во-первых, от традиционного руссоцентристского взгляда на Золотую Орду. Ведь нередко вся богатейшая история этого государства сводится к его отношениям с периферийными русскими данниками. На самом деле империя Джучидов — это громадное политическое образование, в котором происходили сложные политические, социальные, культурные и этнические процессы. Именно в нем зарождались и начинали формироваться многие современные тюркские народы. Для них Золотая Орда оказывается вовсе не поработителем и угнетателем, а исторической прародиной, этнической колыбелью. В конечном счете ее история — это такая же неотъемлемая часть истории России, как и история Великого Новгорода, Тверского великого княжества, Великой Перми, Вятки, Сибири и прочих территорий, собранных московскими правителями под своим скипетром.

И поэтому Золотая Орда заслуживает в историческом сознании россиян интереса и, как бы странно это ни звучало, уважения. Стереотипы, навязанные церковными мыслителями семисотлетней давности и закрепленные несколькими поколениями исследователей, не выдерживают испытания на истинность.

Во-вторых, хотелось бы отобразить биографию Эдиге «без гнева и пристрастия», по возможности непредвзято и объективно. Стараниями десятков и сотен средневековых и позднейших авторов у этого бека сложилась неважная репутация. На шкале исторического сознания, в массовом восприятии он стоит где-то рядом с Тушинским Вором и Муссолини. Вроде бы поделом: Эдиге ссорил московских князей с литовскими и тверскими (а нужно было их мирить!), едва не сжег Москву в 1408 г. (а нужно было ее украшать и обустраивать!), менял на ордынском престоле безвластных ханов и от их имени требовал «выход» с русских данников (а нужно было освободить Русь от дани и не вмешиваться в наши дела!) и т.п.

Здесь мы вновь сталкиваемся с разительными отличиями в отношении к прошлому. Эдиге очень популярен у тюркских народов как эпический герой. Его юности, отношениям с ханом Тохтамышем, среднеазиатским правителем Тамерланом и собственным сыном Нур ад-Дином посвящены десятки вариан-

тов эпоса, записанных на пространстве от Крыма до Западной Сибири. Ученые давно установили, что фольклорные подробности жизни бека имеют мало общего с реальностью, и ниже мы еще будем возвращаться к этому несоответствию. А пока нам важно отметить: вовсе не хищным агрессором и беспринципным интриганом остался Эдиге в исторической памяти тюрков. Мудрый, справедливый, благочестивый (по-мусульмански) государственный деятель — как это отличается от образа, созданного в летописании и историографии!

Потомки Эдиге — правящий клан Ногайской Орды — естественно, преклонялись перед памятью своего родоначальника. В устах его правнука Мусы это отношение выразилось таким образом: «Сего света держава на великих местех, счастливой осподарь, умной как Бюрека, ум ся о него родил, вере надежа, людем подпора, Богом возлюлен, а от людей почтен, над судьями судья, а великие люди его слову были рады, иных осподарей вернее был и салтанов Едигей князь»⁶.

Подобающим пиететом его образ пользовался у казахов и каракалпаков, башкир и татар. Следы такого почитания сохранились и в наши дни (см. ниже).

По ходу нашего повествования нам придется обращаться к сведениям фольклора. Но в целом они послужат только иллюстрацией к реконструкции биографии знаменитого ордынского «великого князя». Мы попытаемся описать ее на основе средневековых письменных сочинений.

[2008 г.]

Глава 1. Улус Джучи: от расцвета к упадку

Когда из-за вершин далеких гор выглянуло утреннее солнце, шаманы слаженно ударили в бубны. Длинные ряды собравшихся в ожидании рассвета людей пришли в движение. Молящиеся снимали шапки, расстегивали и набрасывали на шею пояса и принимались бить поклоны в сторону восхода. так по заведенному ритуалу в Каракоруме — столице Монгольской империи начался очередной *курултай* (съезд знати). Шел 1235 год. По призыву *кагана* (императора) Угедэя, сына и преемника Чингис-хана на монгольском престоле, со всех концов огромной державы собрались наместники и военачальники. Правящей верхушке империи предстояло обсудить планы дальнейших завоеваний.

К тому времени монголы уже захватили Южную Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан, часть Ирана и Китая. Все покоренные земли присоединялись к разным *улусам* — удельным ханствам, которые Чингис-хан некогда раздал сыновьям и другим родичам. Северо-западные территории он отвел своему

⁶ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 38. Цитируется русский перевод грамоты Мусы 1490 г. Пока оставляю приведенные здесь эпитеты и сравнения без комментариев.

первенцу Джучи. Самого Джучи к 1235 г. уже не было в живых, но подросли его дети. Они желали управлять отцовским улусом и расширить его пределы, подчинив соседние народы. Теперь старшие сыновья Джучи — Орду и Бату (Батый) — тоже явились на курултай.

После поклонения Солнцу началось многодневное пиршество. В перерывах между здравицами и возлияниями шло обсуждение государственных дел. Каган Угедэй напомнил участникам курултая, что Чингис-хан когда-то распорядился, чтобы Джучи организовал поход против «оросутов» и «чэркисютов», т.е. на Русь и Северный Кавказ. Смерть помешала Джучи выполнить волю отца. Теперь долг монгольской знати, говорил Угедэй, — осуществить это завещание Чингис-хана. Но народы Восточной Европы очень сильные и многочисленны. Поэтому сил одного Улуса Джучи недостаточно, и вся империя обязана помочь Орду и Бату в этой войне.

Курултай приговорил: во-первых, во главе сборного войска встанет Бату, потому что все завоеванные земли будут присоединяться непосредственно к его уделу. Удел же его старшего брата, Орду, был к тому времени уже полностью сформирован на территории Казахстана. Во-вторых, все прочие улусы Монгольской империи должны выделить воинов «в помощь подкрепление Бату». В-третьих, у Бату пока не было опыта длительных завоевательных походов; поэтому главным военачальником в его армии назначался старый соратник Чингис-хана, полководец Субедэй. В 1223 г. монголы впервые столкнулись с ратями русских князей, и именно Субедэй в сражении на реке Калке наголову разгромил русско-половецкое войско.

В казахские степи стали стекаться монгольские войска для подготовки большого похода на запад. По грозному приказу из Каракорума к ним присоединялись отряды из завоеванных монголами народов. Сведения разных источников о численности этой армии и подсчеты историков очень расходятся. Называют цифры от 15 тыс. до 600 тыс. чел. Скорее всего действительная численность воинства Бату составляла около 150 тыс. конников, из которых непосредственно против Руси действовало около половины. Монголы разгромили тех кочевников-кипчаков (половцев), что кочевали между Яиком (Уралом) и Доном, после кровопролитных сражений заняли Волжскую Булгарию (государство на территории современных Татарстана и Чувашии). Поздней осенью 1237 г. Бату и Субедэй подвели войска к русским границам. Одновременно шли жестокие бои на Северном Кавказе, где происходило завоевание древнего народа алан.

В результате двух зимних кампаний 1237/38 и 1240/41 гг. большая часть русских княжеств была подчинена потомкам Чингис-хана и включена в состав Монгольской империи как автономный «Русский улус» (об этом уже говорилось в Предисловии). На остальную территорию Восточной Европы раздвинул свои пределы громадный Улус Джучи.

* * *

Его принято называть Золотой Ордой. Первоначально это понятие использовалось, вероятно, как название парадного ханского шатра и появилось на страницах русских документов в XVI в. До того сами русские называли мон-

гольскую державу просто «Ордой» или «Татарами». Официальным же наименованием служило словосочетание «Улус Джучи» — по имени первого правителя, и позднее «Великий Улус».

Начало существования Золотой Орды было положено в 1224 г., когда Чингис-хан отдал в управление своему старшему сыну Джучи, Хорезм и восточный Дешт-и Кипчак (современный Казахстан). Джучи устроил себе резиденцию где-то в среднем Прииртышье, но вскоре умер. Двое его сыновей, Орду и Бату (Батый) возглавили многочисленное потомство своего отца (Джучидов). Первый являлся старшим по возрасту и считался высшим по рангу; он властвовал над степными просторами теперешнего Восточного Казахстана. Второму достались поволжские кочевья, которые были завоеваны в результате походов 1236–1241 гг.

Таким образом, Улус Джучи стал делиться на две части, или крыла — правое (западное) и левое (восточное). Граница между ними проходила, очевидно, по реке Яик (ныне Урал). К востоку от нее ханствовали Орду и его потомки, к западу — Бату. Ставка Орду находилась в районе озера Балхаш; позднее, в XIV столетии, восточные джучидские ханы сделали своей столицей город Сыгнак на Сырдарье. Бату сперва обосновался в Булгаре — столице завоеванной им Волжской Булгарии, а затем переместился на нижнюю Волгу, где впоследствии его брат, хан Берке, воздвиг стольный город Сарай ал-Махруса («Богохранимый Дворец»). Долгое время считалось, что в 1330-х гг. хан Узбек построил в Нижнем Поволжье вторую столицу — Сарай ал-Джадид («Новый Дворец»). Однако последние исследования показывают, что город Сарай, был, пожалуй, все-таки один. Просто в повествовательных текстах и на монетах он фигурирует под разными названиями.

Размеры Золотой Орды поражали воображение современников. Мусульманские авторы утверждали, будто она простиралась с запада на восток на шесть (по другим источникам, восемь) месяцев пути, а с севера на юг — на четыре (или шесть). Большая часть Улуса Джучи располагалась в степной зоне. Это объяснялось кочевым образом жизни монголов и завоеванных ими кипчаков-половцев. Кроме того, государство включало такие области традиционной оседло-земледельческой культуры, как Молдавия, Крым, Волжская Булгария и Хорезм.

На всем этом громадном пространстве проживало множество народов, говоривших в основном на тюркских языках. Самыми многочисленными из них оказались кипчаки. Что же касается самих монголов, то их в Улус Джучи мигрировало довольно мало. Формально монгольский народ считался правящим в империи. Но в действительности он почти не смог воспользоваться плодами завоеваний. Основная масса монголов продолжала жить в своих степях и вести привычную жизнь кочевых скотоводов. Сокровища и дань оседали в ставках ханов и нойонов (князей), купцы не были заинтересованы в торговле с пастухами, ведущими примитивное натуральное хозяйство. В 1264 г. внук Чингис-хана Хубилай перенес столицу империи из Каракорума в Пекин (Ханбалык). Монголия фактически превратилась в захолустную периферийную провинцию.

Те монголы, что переселялись в завоеванные страны (Иран, Среднюю Азию, Китай, Дешт-и Кипчак), оказывались немногочисленными по сравнению с местным населением. В Золотой Орде они постепенно утрачивали исконный

язык, культуру и смешивались с коренными жителями. К середине XIV в. большинство таких переселенцев уже не считало себя монголами. Приблизительно в это же время официальные документы в Улусе Джучи стали составляться не на монгольском языке, а на тюркском.

Общим названием тюркоязычных жителей Золотой Орды стало слово «татары». Это слово было традиционным для мусульманских стран обозначением выходцев из Центральной Азии. Сами немногочисленные пришельцы, конечно, осознавали свою принадлежность к монгольскому народу. Но очутившись в окружении местных тюрков, таких же кочевников, они быстро, уже через столетие, полностью смешались с ними.

В начале 1240-х гг. умерли один за другим сыновья Чингисхана Чагатай и Угедэй. После пятилетнего междуцарствия, когда во главе империи стояла угедэева вдова Туракина, на всемонгольский трон взошел ее сын Гуюк, а старейшиной рода Чингисхана стал Бату. С новым каганом Гуюком у него была давнишняя вражда. Два правителя ненавидели друг друга, между ними назревала схватка. В 1248 г. их войска уже выступили в поход и изготовились к сражению ... но тут Гуюк внезапно умер. Снова наступило междуцарствие, которое завершилось триумфом Бату. В 1251 г. в имперской столице Каракоруме воцарился его двоюродный брат и преданный друг Мункэ, при котором старейшина Чингисидов превратился в фактического соправителя.

Старший Батыев брат Орду тоже вынужден был подчиниться могущественному соправителю кагана, хотя в официальных документах его имя ставилось впереди имени Бату.

В последние годы жизни авторитет Бату был непрекаем; к тому же за плечами у него была успешная завоевательная кампания в Дешт-и Кипчаке и на Руси. Именно через посредничество двора этого хана устанавливались отношения покоренных монголами русских княжеств с Каракорумом. Правда, великий князь владимирский Ярослав Всеволодович был отравлен в ставке вдовы Гуюка. Но сам Бату в целом был настроен к подчиненным правителям довольно милостиво. Он стремился к скорейшему налаживанию выплаты ими дани. Большинство русских князей во время визитов к нему отделялось унижительными языческими церемониями и возвращались восвояси с письменным разрешением (ярлыком) занимать отчие столы. У хана вызывали доверие, в частности, сыновья убитого Ярослава Александр Невский и Андрей, которым он предоставил великое княжение — соответственно в Киеве и во Владимире-на-Клязьме.

После смерти Бату в 1256 г. каган Мункэ выдал ярлык на ханствование его сыну Сартаку, но тот умер еще по пути из Монголии на Волгу. Власть в Улусе перешла к батыеву брату Берке, получившему мусульманское воспитание. Из стран ислама к новому хану потянулись чиновники, торговцы, законоведы... Этот неожиданно обретенный единоведец привлекал пристальное внимание восточных правителей. Арабский хронист оставил описание внешности пятидесятишестилетнего Берке — едва ли не единственное в ряду золотоордынских монархов: «...Жидкая борода, большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны на оба уха; в [одном] ухе золотое кольцо с драгоценным камнем; на нем шелковый кафтан; на голове его колпак... [носит] золотой пояс с дорогими камнями на зеленой булгарской коже; на обеих ногах башмаки из красной

шагреновой кожи»⁷. Дружба хана с мусульманами тогда еще не привела к переходу жителей Золотой Орды в ислам, но способствовала широкому городскому строительству; именно в то время и был основан Сарай ал-Махруса.

Главной внешнеполитической заботой Берке стала борьба за Закавказье. В 1258 г. армия хана Хулагу, брата Мункэ, завоевала Аббасидский халифат. Иран, Ирак, Сирия и Закавказье были объявлены Улусом Хулагу. Однако Джучиды считали, что по крайней мере Азербайджан должен принадлежать им. Вскоре между двумя соседними Улусами начались конфликты, а затем разразилась долгая война. Сперва Хулагу потерпел поражение, но в дальнейшем борьба шла с переменным успехом. В противостоянии с Хулагуидами Золотая Орда заручилась поддержкой Египта. На протяжении полутора столетий египетские султаны оставались верными союзниками поволжских ханов.

В начале своего царствования Берке был полностью лоялен к имперскому правительству. В 1257 г. он помог организовать на подвластных территориях, в том числе в Северо-Восточной Руси, общеимперскую перепись населения (Южная Русь была «исчислена» еще при Бату в 1248 г.). После смерти Мункэ в 1259 г. отношения с Каракорумом испортились. Сарайский двор поддержал в борьбе за главный трон брата покойного кагана, Ариг-Бугу, но победу одержал и занял престол другой брат, Хубилай. Берке не пожелал ему подчиняться и признавал его верховенство лишь номинально. С тех пор связи русских с монгольскими властями стали ограничиваться Золотой Ордой.

Первоначально дань с Руси собирали мусульманские откупщики, но их злоупотребления вызвали такое массовое возмущение, что Берке решил отказаться от их услуг. Специальные наместники-*баскаки* были призваны следить за исправным сбором дани, контролировать политику местных правителей, надзирать над поведением местного населения и собирать его в ополчение, если придет приказ из Сарая.

После кончины Берке в 1266 г. на золотоордынский трон взошел Батыев внук Менгу-Тимур. Уже в самом начале правления он повелел чеканить на монетах свое имя и семейную *тамгу* (род герба) вместо имени и тамги кагана Хубилая. Этим он формально отделился от Монгольской империи, и только с этого времени можно отсчитывать самостоятельное государственное существование Золотой Орды. Четырнадцатилетнее царствование Менгу-Тимура отмечено крупными внешними акциями. В 1270 г. золотоордынские полчища двинулись на Константинополь – союзника Хулагуидов. Едва возродившаяся после крестоносных погромов Византия была спасена тем, что император встретил ханскую армию богатыми подарками и изъявил полную покорность. Через семь лет войско Менгу-Тимура, в котором состояли и дружины русских князей, взяло и разрушило аланский город Деяков – один из последних очагов сопротивления народов Северного Кавказа. Впоследствии тюркские историки вспоминали правление Менгу-Тимура как эпоху спокойствия и процветания: «Мунк-Тимур-хан был государь очень справедливый, могущественный и мудрый. Во время Мунк-Тимура народ жил в большом благоденствии»⁸.

⁷ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (далее – СМЗО). Т. 1. СПб., 1884. С. 193.

⁸ *Утемиш-хаджи*. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 101.

После этого хана в Улусе Джучи разразился тяжелый династический кризис. В борьбу за престол вступили царевичи из разных ветвей потомства Бату. Однако реальная власть в ханстве постепенно перешла в руки Ногая. Правнук одного из младших сыновей Джучи, Мувала, он имел личный удел в Пруто-Днестровском междуречье, а позднее стал управлять еще и Крымом. Выдвинулся Ногай в сражениях с иранскими армиями Хулагу на Кавказе. Он водил туда ордынскую конницу еще при Берке. А при Менгу-Тимуре он занял должность *беклербека* («князя князей») — главы кочевой знати, верховного военачальника и правителя территории западнее Дона. К 1290-м гг. он обзавелся еще и рангом старейшины клана Джучидов.

Интригуя против соперников, Ногай способствовал свержению очередного хана, Тула-Менгу, которого объявил сумасшедшим (1287 г.), и воцарению Тула-Буги. Он вел самостоятельную внешнюю политику, организовывал походы на Польшу, Венгрию, Фракию, Македонию; по просьбе своего тестя, византийского императора Михаила VII Палеолога, неоднократно вторгался в Болгарию. Ее царь, а также царь Сербии признали себя вассалами Ногая. Его покровительством пользовались и некоторые русские князья, в том числе великий князь владимирский Дмитрий Александрович. Во многих княжествах Ногай воспринимался как хан («царь»), и именно в его кочевье ездили испрашивать «стола». Хан Тула-Буга стал тяготиться верховенством старого военачальника. А тот желал видеть на сарайском троне абсолютно покорного себе монарха. Обманом он завлек хана с ближайшими соратниками в ставку своего протеже царевича Тохты и отдал тому на расправу.

Новый хан Тохта поначалу раболепно подчинялся всемогущему полководцу. Но со временем почувствовал себя в силах начать борьбу за единоличное правление. В 1293 г. он направил на Русь своего брата Тудана с войском в карательный поход. «Дюденева рать» разорила владения тех князей, что пользовались покровительством Ногая. Власть постепенно перетекала в руки Тохты; кочевая знать, уставшая от междоусобиц, мечтала о сильном и авторитетном государе. Ногай как мог сопротивлялся этому. Открытое столкновение неотвратимо надвигалось. Несколько раз войска хана и беклербека сходились на поле брани. В 1300 г. Ногай был наконец разгромлен, бежал и вскоре погиб. Его земли победитель раздал своим братьям и сыновьям. В Золотой Орде надолго установились стабильность и спокойствие. Она вступила в период апогея своего могущества.

* * *

Четырнадцать сыновей Джучи оказались разверстанными между двумя крыльями, а население обеих половин Золотой Орды было разделено на мелкие улусы — удельные владения Джучиевых потомков. Само слово *улус* изначально означало народ, данный в управление, но со временем оно приобрело и территориальное значение. Если сначала монгольские правители раздавали родственникам и знатнейшим аристократам в качестве уделов кочевые племена, то позднее стали жаловать и земли, кочевья.

Следуя заветам Чингисхана, имперские и золотоордынские власти делили подвластное население на *тумены* (округа, способные выставить в ополчение

по десять тысяч боеспособных мужчин), тысячи, сотни и десятки. Тумен, как правило, составлял крупный улус. В отличие от домонгольского Дешт-и Кипчака, такие объединения включали представителей не одного племени, а состояли из осколков разных — в основном, кипчакских — племен. Между начальниками этих подразделений была установлена строгая военно-административная иерархия. Во главе этой типично кочевнической структуры стоял беклербек. Пастбища закреплялись за держателями улусов, которые регулировали все передвижения и податные платежи подвластного населения.

Права на улусы всех степеней даровались ханскими ярлыками. А вообще все земли государства считались собственностью рода Чингисхана-Джучи, и хан являлся главным распорядителем в земельных вопросах; формально такими же правами он обладал и в отношении скота и имущества своих подданных. «Все настолько находится в руках императора, что никто не смеет сказать: «Это мое или его», но все принадлежит императору, то есть все имущество, вьючный скот и люди», — писал о порядках в Монгольской империи итальянский дипломат XIII в. Плано Карпини⁹.

Жители обширных степных равнин Дешт-и Кипчака продолжали в основном вести привычный кочевой образ жизни. Ежевесенне огромные массы народа, не исключая и ханскую семью, отправлялись на летние пастбища, расположенные, как правило, в северной части «Дикого поля» и в бывшей Волжской Булгарии; на зиму стада и люди отходили на юг, в низовья Волги и на Северный Кавказ — там находились зимние стоянки. Налоговая система тоже была традиционной для кочевников: они должны были отдавать улусным правителям часть скотоводческой продукции, передвигаться при перекочевках по указанным ими маршрутам и по первому приказу отправляться на войну. Оседлым же населением Золотой Орды управляли особые наместники — баскаки, или *даруги*.

Большая часть жителей Золотой Орды в XIII в. оставалась язычниками. Во многом религиозная политика диктовалась примером и завещанием Чингисхана. Основатель Монгольской империи не выделял ни одной религии и с одинаковым почтением относился к приверженцам всех вероучений, а любых священнослужителей считал посредниками в общении с Всевышним. Ордынский хан Берке, хотя и стал мусульманином, но не проявлял никакого фанатизма. В 1261 г. в своей столице он позволил учредить православную епархию.

В государстве стали понемногу отстраиваться города, разрушенные при нашествиях Чингис-хана и Бату, — прежде всего те, что стояли на старых торговых путях. Правительство быстро осознало выгоду от международной караванной и морской торговли. Для ее развития хан Менгу-Тимур позволил итальянским коммерсантам из Генуи обосноваться в Крыму, и в последней четверти XIII в. там поднялись их торговые города. Самым крупным и значительным была Кафа (нынешняя Феодосия). Но в целом политические кризисы второй половины XIII в. пока не давали возможностей для широкого экономического и культурного развития государства.

При хане Тохте усобицы утихли. Этому помогли в том числе и устроенные им массовые репрессии против сторонников Ногая. В Улусе Джучи наступил

⁹ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 45–46.

мир. Долгие смуты в предыдущие десятилетия опустошили казну. Поэтому хан решил воздержаться от разорительных войн — даже со старыми врагами-Хулагуидами. Это позволило возобновить караванный путь через Дербент на Ближний Восток. Торговые доходы и налоговые поступления (в том числе непрерывная дань с Руси) обеспечили приток серебра для денежной реформы 1310–1311 гг. В Золотой Орде впервые была введена единая собственная монета — сарайский дирхем, устойчивый по весу и курсу. В золотоордынских городах Поволжья и Северного Кавказа развернулось широкое строительство, развивалось ремесленное производство. Все это привело к тому, что монгольская кочевая знать начала постепенно брать в свои руки управление оседлым населением, сближаться с мусульманской городской верхушкой — бюрократией и купечеством. До тех пор наследники завоевателей в большинстве своем гнушались предаваться занятиям, недостойным для степных воинов и присутшим, по их мнению, оседлым земледельцам.

Отношения с русскими княжествами в этот период не омрачались конфликтами. Власть хана на Руси была неоспоримой, его баскаки жестко следили за лояльностью князей и народа. К тому же русские помнили беспощадную «Дюденеву рать» 1293 г.

В 1312 г. Тохту сменил его племянник Узбек, сын казненного Тохтой Тогрула. Одним из первых мероприятий нового монарха стало обращение своего многоплеменного государства в ислам. Наиболее дальновидные представители правящих кругов уже давно понимали, что регулировать жизнь обширной державы по старым монгольским традициям невозможно. Слишком сложным делом становилось управление страной. Необходимо было использовать опытных людей, разбирающихся в экономике и финансах. Самыми подходящими для этой цели (близко живущими) были чиновники из Средней Азии. К тому же торговля Золотой Орды давно уже находилась в руках мусульманских коммерсантов. Да и интенсивные отношения с Ираном и Египтом требовали привлечения знатоков арабского и персидского языков. Кроме того, общая, единая для всего государства религия помогла бы сплотить подданных вокруг хана-единоверца.

В 1314 г. Узбек объявил ислам официальной религией Золотой Орды и сам стал мусульманином, приняв имя «Мухаммед». Его знатные родичи, попытавшиеся было воспротивиться столь вопиющему нарушению древнемонгольских обычаев и заветов Чингис-хана, были безжалостно истреблены. Тюркские легенды рассказывают, будто хан перешел в новую религию, потрясенный чудесами странствующего проповедника Баба-Туклеса, который вышел невредимым из раскаленной печи, благодаря своей истовой вере. Позднее мы подробно расскажем об этом любопытном полуполюгендарном персонаже, ведь он считался непосредственным предком Эдиге.

Улус Джучи превратился в мусульманский султанат. В его пределы хлынули из исламских стран священнослужители и чиновники, торговцы и ремесленники. Естественно, все они оседали в городах. Управление государством и облик городов стали быстро приобретать среднеазиатские и ближневосточные черты. Золотая Орда вступила в эпоху своего наивысшего богатства и могущества. Оформилась устойчивая денежная система. В развитие денежной реформы Тохты наладилась чеканка разменной медной монеты — пула. Узбек вел актив-

ную внешнюю политику: поддерживал союзнические отношения с Египтом, посылал войска на Литву, Польшу, Чагатайский улус (в Средней Азии), возобновил прерванные Тохтой войны с Хулагуидами. В 1318–1319 и 1335 гг. золотоордынская армия вторгалась в Азербайджан, но не сумела там закрепиться. В выработке политики видную роль играли беклербек (затем наместник Хорезма) Кутлуг-Тимур и ханша Тайдула. Современник писал о ней: «...Она царица ... самая любимая из них [жен] у него (Узбека. — *В.Т.*) ... Почитают ее и народ по причине великого уважения его... к ней, и несмотря на то, что она самая скупая из хатуней (т.е. ханш. — *В.Т.*)»¹⁰.

Потребность в драгоценных металлах для экономических и военных нужд вызвала изменения в отношениях ордынского правительства с русскими княжествами. На смену постоянным наместникам-баскакам пришли периодические вооруженные посольства для посажения новых князей, для принуждения их к доставке дани («выхода»). Русские теперь сами должны были собирать назначенную сумму податей и ежегодно отправлять в Орду. Политика Узбека сводилась в основном к стравливанию князей друг с другом; некоторые были им казнены. Используя соперничество между Москвой и Тверью, хан чередовал выдачу ярлыков на великое княжение Владимирское Юрию Даниловичу московскому (1317 г.), тверским Юрию Михайловичу (1322 г.) и Александру Михайловичу (1325 г.). После подавления антиордынского восстания в Твери в 1327 г. великокняжеский ярлык и полномочия по сбору дани со всего «Русского улуса» получили московские государи Иван Данилович Калита и затем Семен Иванович Гордый. Удовлетворенный их политикой, Узбек не видел причин для вооруженных вторжений в русские земли. Начались отмеченные летописями «сорок лет тишины».

В 1341 г. Узбека сменил его сын Джанибек, убив своего старшего брата — законного, намеченного отцом престолонаследника Тинибека. В целом он продолжил политику предыдущего царствования — в частности, по отношению к Руси. Он поддерживал сыновей Калиты в их притязаниях на великое княжение Владимирское и в борьбе с литовским господарем Ольгердом. Об этом хане у русских остались в общем благожелательные воспоминания: в средневековых письменных памятниках он фигурирует как «добрый царь Чанибек». Солидарны с ними и мусульманские хроники, утверждающие, будто «справедливость, святость и великодушие его известны, не было в вилайете (т.е. стране. — *В.Т.*) Дашт-[и Кипчак] подобного ему правосудного, благочестивого и могущественного государя»¹¹. Хотя сам Джанибек продолжал активно внедрять ислам, он не препятствовал своей матери Тайдуле покровительствовать православному духовенству.

Расцвет государственности и культуры Золотой Орды продолжался. Огромное пространство Дешт-и Кипчака стало безопасным для передвижений. Вдоль торговых магистралей выросли вереницы караван-сараев — постоянных дворов и складов, поставленных на расстоянии дневного перехода друг от друга. Развалины этих однотипных построек до сих пор сохранились в Средней Азии и Казахстане. Однако в экономике Золотой Орды накапливались и предпосыл-

¹⁰ СМАЗО. Т. 1. С. 291, 293.

¹¹ *Утемиш-хаджи*. Указ. соч. С. 107.

ки будущих потрясений. Отдельные районы становились все более замкнутыми экономически. Это в дальнейшем способствовало развитию сепаратизма у местных улусных правителей. Большой урон Улусу Джучи нанесла эпидемия чумы (та самая, что впоследствии перекинулась оттуда в Западную Европу и стала известна как «Черная смерть»).

В эпоху Узбека и Джанибека Золотая Орда обрела стройную административную структуру. В первой половине XIV в. ее территория была разделена на четыре больших провинции-улуса: Крым, Хорезм, Сарай и Дешт-и Кипчак. Их наместники-улусбеки являлись командирами больших армий и одновременно ведали всеми вопросами управления в подвластных районах. Всей ордынской армией командовал военачальник-беклербек. Он считался главой кочевой знати (хан стоял во главе всего народа), и иногда его влияние могло превышать власть хана. Случалось, это приводило к кровавым междоусобицам. Могущество некоторых беклербеков (Ногай, Мамай, Эдиге — героя нашей книги) усиливалось настолько, что они назначали ханов по своему усмотрению.

По мере развития государственности в Золотой Орде увеличивалось чиновничество. В этой части своей империи монголы взяли за образец администрацию мусульманских государств Средней Азии. В соответствии с этими образцами, при хане появился *везир*, который отвечал за все сферы невоенной жизни страны. Везир и возглавляемый им *диван* (государственный совет) распоряжались налогами, финансами, торговлей. Именно в канцелярии дивана хранились *дафтары* — податные списки, по которым взимался «выход» с русских княжеств. Очень немногочисленные документы делопроизводства, сохранившиеся от Золотой Орды, показывают, что в первой половине XIV в. бюрократический аппарат все более ветвился и рос. Кроме прежних баскаков, темников и прочих беков (кочевых князей), появились функционеры, отвечавшие за специальные статьи доходов: таможенники, весовщики, заставщики, перевозчики, рыночные надзиратели, служители ведомства почтовых сообщений и многие другие.

Вся эта масса служилого люда концентрировалась в городах. При Узбеке и Джанибеке города Золотой Орды пережили пик своего развития. Их насчитывалось более сотни. Интересной особенностью золотоордынских городских поселений было отсутствие у них городских стен. Считалось, что ханы обладают достаточной силой, чтобы защитить подданных и без искусственных укреплений. Трусами сотен тысяч рабов (военнопленных и угнанных за неуплату дани) возводились дворцы, мечети, караван-сарай, богатые особняки знати и купечества; росли многолюдные ремесленные кварталы. Города превратились в средоточие экономической и культурной жизни.

Ордынская столица Сарай принадлежала к числу крупнейших городов мира. В 1333 г. его посетил арабский путешественник Ибн Баттута и передал свои впечатления: «Город Сарай — [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, совершили [там] молитву полуденную, поели и добрались до

[нашего] жилища не раньше, как при закате»¹². Такие размеры в то время были немислимы для русских и западноевропейских городов!

В XX в. были предприняты широкие археологические раскопки золотоордынских городских поселений — прежде всего стольных, в Астраханской и Волгоградской областях. Исследования обнаружили их действительно огромные размеры, существование кварталов, заселенных аристократами, ремесленниками и купцами. Изучение жилищ показало, что культура городского населения Золотой Орды впитала самые разные элементы — китайские, хорезмийские, кочевнические. Это наглядно отразило многонациональность огромной державы. Самыми урбанизированными областями были Поволжье, Северный Кавказ, Хорезм и Крым. Крупными городами были Гюлистан, Увек и Булгар на Волге, кавказский Маджар, Сыгнак на Сырдарье, Сарайчик на Яике — там располагалась династический некрополь Джучидов. Города имели собственную администрацию и свою, отличную от кочевой степи, систему налогообложения.

Кочевые устои продолжали практически безраздельно господствовать в левом крыле Улуса Джучи, к востоку от Яика, на территории Казахстана и Юго-Западной Сибири. Городов там почти не было (исключение составляла освоенная с древности область по берегам Сырдарьи). Восточные ханы вели самостоятельную государственную жизнь, и сарайские государи обычно не вмешивались в их внутренние дела. Ниже мы еще обратимся к истории этой части Золотой Орды.

* * *

Смута, разразившаяся в Улусе Джучи после хана Бердибека, названа в русских летописях «великой замятней». Бердибек оставил у потомков дурную память: «Очень безрассудным и глупым человеком был этот Бердибек. Убивал он своих родственников... в страхе, что оспорят они ханство у него»¹³. Кровавопролитные раздоры и перевороты начались с убийства Бердибека в 1359 г. Прямых потомков Бату к тому времени, судя по всему, уже не осталось. В борьбу за сарайский трон вступили различные группировки золотоордынской знати: во-первых, придворные аристократы, подвизавшиеся в столичных дворцах; во-вторых, улусбеки и более мелкие провинциальные наместники, которые опирались на потенциал подвластных регионов; в-третьих, Джучиды левого крыла, которые решились вмешаться в дела западной части Джучиева улуса. Из-за Яика на запад устремились потоки кочевников и стали обосновываться в Причерноморье, Крыму, Поволжье, степном Предкавказье. На ордынский престол восходили слабые и недолговечные правители. Их очередность частично восстанавливается по монетам, которые они иногда успевали отчеканить в свою честь в захваченных городах. Подсчитано, что на протяжении 1360-х — 1370-х гг. в Золотой Орде сменилось двадцать пять ханов; некоторые из них царствовали одновременно. Постепенно стала вырисовываться закономерность: одна ханская ставка по-прежнему оставалась в Сарае, а вторая располагалась в причерноморских кочевьях. Последней стал распоряжаться знаменитый Мамай.

¹² СМИЗО. Т. 1. С. 306.

¹³ *Утемиш-хаджи*. Указ. соч. С. 108.

Этот военачальник из тюркского племени киятов с началом междоусобиц на западе Золотой Орды он вместе с многочисленными подвластными племенами переселился из левого крыла в правое и обосновался в Крыму. Ему удалось втереться в доверие к хану Бердибеку, жениться на его дочери и занять пост беклербека. Во время «великой замятни» Мамай фактически управлял территорией к западу от Волги – от имени своих ставленников, марионеточных ханов Абдуллы и Мухаммед-Бюлека.

В тот период ордынцам было не до «Русского улуса», и московские князья постепенно укрепляли свою власть и самостоятельность. Однако подчинение Руси Золотой Орде сохранялось: выплачивался «выход», выдавались ярлыки на княжение. Участие в этих политических комбинациях принимал и Мамай. В 1374 г. он лишил великокняжеского ярлыка Дмитрия Ивановича московского, передав его Михаилу Александровичу тверскому. Для напоминания о неизбежности ордынского господства беклербек организовывал набеги на московские, нижегородские и рязанские земли. В 1380 г. он решил совершить большой поход на Русь и собрал большое войско из ополченцев и наемников, заключил союз с великим князем литовским Ягайло. Разгромленный на Куликовом поле в сентябре 1380 г., Мамай бежал к себе в Крым, где мобилизовал новую армию. Пока он готовился к войне и вел свои полчища на север, еще один выходец из восточных степей, Тохтамыш, занял Сарай. Большинство ордынских улусов признало его верховную власть. На реке Калке Тохтамыш разбил свежие силы Мамаю, а сам беклербек вскоре погиб в Крыму.

Вот в этой-то обстановке и появляется впервые на исторической арене бек Эдиге. Он родился и вырос в далеких восточных степях левого крыла. Поэтому перед тем, как начать его жизнеописание, посмотрим на историю этой части Джучиева улуса.

* * *

Степной пояс Евразии представляет собой особую страну со специфической природой, с особенностями климата, растительности, животного мира. Эта страна издавна была освоена кочевыми скотоводами. Племена кочевников на протяжении столетий сменяли друг друга. Некоторые из них обосновывались здесь надолго и образовывали политические объединения (каганаты). Другие проходили сквозь степные пространства в поисках лучших пастбищ или жертв для набегов. Чаще всего массовые миграции кочевников происходили с востока на запад. Периодически десятки и сотни всадников, в сопровождении огромных стад, отар, табунов, кибиток с семьями, караванов вьючных верблюдов, устремлялись из глубин Центральной Азии в Восточную Европу, переправлялись через Иртыш, Урал, Волгу, Дон... То и дело с востока накатывалась очередная лавина конных «варваров». На протяжении последних двух с половиной тысячелетий через так называемые Ворота народов (район между Каспием и южными отрогами Уральских гор) прошли сарматы, гунны, болгары, жужани (авары), древние тюрки, печенеги, огузы («торки»), кипчаки, монголы, калмыки.

Со страхом и подозрением окрестные народы следили за такими передвижениями, справедливо опасаясь появления новых противников на своих гра-

ницах. Кочевники интересовали наблюдателей из соседних государств прежде всего как опасная военная сила, которую впрочем, при умелой дипломатии можно было обратить себе на пользу. Страна, которую населяли эти беспокойные соседи, в географических описаниях и исторических хрониках зачастую получала название по самому сильному или самому известному народу. В разное время евразийские степи именовались, например, у мусульманских писателей *Мафазат ал-гузз* (араб. «Пустыня огузов») и *Дешт-и Хазар* (перс. «Хазарская степь»). В XI в. на страницах трактатов и путеводителей появляется обозначение *Дешт-и Кипчак* (перс. «Кипчакская степь»)¹⁴. В нем запечатлено имя кипчаков — одного из самых из самых известных кочевых тюркских народов «домонгольской» эпохи. Иногда в исторических трудах употребляются понятия «Восточный Кипчак» (для региона к востоку от р. Урал) и «Западный Кипчак» (к западу; это то же самое, что «Дикое поле» русских летописей).

В XII — начале XIII в. у кипчаков образуются отдельные племенные союзы во главе с ханами. Известны такие образования на юге Восточной Европы (днепровская и донская половецкие «орды») и в Казахстане (объединение олбёрилы). Некоторые современные авторы склонны видеть во всей совокупности кипчакских племен единое государственное образование и даже считают Дешт-и Кипчак названием кипчакского государства. Однако это книжное персидское понятие не может служить наименованием какой-либо общности племен и народов. Появившись в рамках мусульманской географической традиции, оно обозначало лишь один из регионов шестого «климата». (Арабские и персидские географы делили Землю на семь «климатов» — широтных зон, параллельных экватору.)

Кипчаки первоначально жили в Южной Сибири, Западной Монголии и на Алтае. В X—XI вв. они расселились по территории современного Казахстана, Нижнего Поволжья и далее на запад, до Дуная. Для иноземных наблюдателей все обитатели степной страны, как правило, с тех пор выступали в качестве кипчаков (или половцев, или куманов). Этот этникон охватывал массу родоплеменных объединений, различных по происхождению. Историки по привычке и для удобства тоже называют обитателей Дешта кипчаками, но все более признают условность этого обозначения. Разумеется, какая-то часть племен пользовалась этим словом как самоназванием. Это были, так сказать, собственно кипчаки, или кипчаки «в узком смысле». Их историческими (и, может быть, этническими) потомками являются родовые группы кыпчак~кыпсак у некоторых современных тюркских народов.

Однако, во-первых, мы не можем пока даже предположительно определить масштабы этого явления, т.е. насколько кипчакская идентичность была развита в XI—XII вв.: осознавали ли себя кипчаками, например, дуруты или олбёрилы — племена, которые восточные хронисты уверенно причисляют к кипчакам. Во-вторых, точно известно о присутствии в Дешт-и Кипчаке стабильных племенных объединений, которые не относились к собственно кипчакской общности. Это прежде всего могущественные и многочисленные канглы и огузы.

Главным препятствием для восстановления домонгольской истории кипчаков является то, что племенная структура их была полностью разрушена. На-

¹⁴ Ниже для краткости мы иногда будем называть Дешт и Кипчак просто Дештом.

шествия войск Чингис-хана, Джучи и Джучиевых сыновей привели к исчезновению собственной знати у кипчаков и к слому всей их племенной структуры. При этом мы не можем видеть в населении Дешт-и Кипчака только бессловесных жертв жестоких завоевателей. В отношении его правительство Еке Монгол Улуса проводило довольно изощренную политику.

Еще в начале строительства своей империи Чингис-хан провозгласил лозунг объединения «народов, живущих за войлочными стенами», т.е. всех степных кочевников — как монголов, так и тюрков. В ходе выполнения этой грандиозной программы, на протяжении нескольких лет в состав монгольской державы были включены народы Южной Сибири, Восточного Туркестана и, возможно, Восточного Казахстана (кимаки~йемеки). Известно, что и некоторые кипчакские предводители добровольно переходили в монгольское подданство. Тем самым они предоставляли свои дружины и ополчения в распоряжение Чингисовых военачальников в походах на соседние страны.

Однако в целом в отношении кипчаков Чингис-хан проводил уже совсем иную политику и не видел в них полноправных соратников по построению империи. Здесь сказались несколько факторов. один из них — давние и тесные отношения отдельных кипчакских племен с Хорезмом. Некоторые их ханы приобрели большое влияние в государстве и при шахском дворе, дружины кипчакских предводителей превратились в военную опору местных династов. Гарем шахского дворца пополнялся женами из кипчакских племен баят и урани, а также из канглы. Сам хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммед причислял себя к тюркам и доверял своей канглы-кипчакской гвардии больше, чем туземным чиновникам-таджикам.

Против хорезмшаха Мухаммеда монголы начали в 1218 г. жестокую войну. Формально лозунг единства кочевников продолжал действовать во время вторжения чингисовых армий в Мавераннахр¹⁵. Слух о милостивом отношении кагана к восточным соседям кипчаков — уйгурам и карлукам докатился, очевидно, и до шахских гвардейцев. Поверив в «общность кочевников», предпочитая сменить сюзерена и тем избежать гибели, они сдавали монголам среднеазиатские города и вскоре подвергались истреблению. Так произошло, например, в Самарканде с его 60-тысячным тюркским гарнизоном. В то время идея тюрко-монгольского «единства» уже потеряла свою актуальность и выдвигалась в качестве лицемерного средства для раскола вражеских сил — шахских войск.

Но что интересно: в среде кипчаков она находила отклик. Это проявилось в ходе рейда монгольских полководцев Субедэя и Джебе по Северному Ирану, Кавказу и причерноморским степям в 1222–1223 гг. Когда их войско вступило в Азербайджан, то некий тюрк Акуш, «собрав жителей этих гор и степей, тюркмен, курдов и других», присоединился к монголам, которые были расположены к нему вследствие сродства¹⁶. Но в первом же бою с грузинами рать Акуша была назначена в авангард, и множество доверчивых тюрков полегло. Оказавшись в Дагестане, монгольские тумены встретили объединившихся против них войска алан и кипчаков. Темники обратились к последним: «Мы и вы один на-

---

¹⁵ Междуречье Амударьи и Сырдарьи с главными городами Бухарой и Самаркандом.

¹⁶ СМЗО. Т. 1. С. 15.

род и из одного племени, аланы же нам чужие, мы заключим с вами договор, и вам нечего помогать им»; «Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете». Субедэй и Джебе разбили покинутых кипчаками алан, а затем напали на своих «соплеменников» и дочиста их ограбили¹⁷.

Кочевники воочию убедились в жестокости и коварстве военачальников Чингис-хана. Неудивительно, что половцев Дикого поля охватила паника при появлении в их степях монголов. Кстати, бегство западных половцев от наступавшей конницы Субедэя и Джебе последовало лишь после того, как они узнали о судьбе кипчаков Дагестана, порвавших с аланами. Получается, что до этого они спокойно ожидали приближения монголов, наивно предвкушая заключения «союзных» договоров.

Субедэй же и Джебе в переговорах с Киевом уже не скрывали своих притязаний на «поганные половче» как на своих холопов и конюхов. Монгольские послы в 1223 г. говорили русским князьям: «Слышахом, яко (половцы. — *В.Т.*) и вам много зла створиша; того же деля и мы (их. — *В.Т.*) бием»¹⁸. Эти слова свидетельствуют о том, что монгольское командование трактовало отношения с кипчаками как акт возмездия. Но на Северном Кавказе, непосредственно перед этим, поведение кипчаков не давало повода для отмщения. Значит, повод для мести нужно искать в более ранних событиях — когда дештские ханы поддерживали противников Чингис-хана в хорезмской войне.

После Дагестана и Калки разговор о монголо-кипчакском «родстве» или «единстве» уже не заходил. Восточный Кипчак был оккупирован отрядами Джучи. В западной же части Дешта сопротивление монголам носило локальный характер и сводилось к отдельным стычкам с войсками Чингисидов. Раздробленные и враждующие между собой местные племена не приобрели даже мнимого статуса «союзников» Чингис-хана.

Видимо, достижение ими такого статуса было просто неосуществимо. Кипчаки в целом не были родственны монголам ни по происхождению, ни по языку. правда, есть косвенные данные о неких этнических связях некоторых племен Дешта с центральноазиатскими пришельцами. Но и они не опровергают факта превращения программы объединения кочевников, выдвинутой Чингис-ханом, в инструмент прямого завоевания.

У кипчакской и монгольской элиты не было и не могло быть общих внешнеполитических интересов, как это было в Восточном Туркестане. в отношениях с уйгурами и карлуками. В ориентациях разных групп кипчакской знати, кочевавшей на огромном пространстве, царил разнобой: одни ханы и беки тяготели к Хорезму, другие к Руси, третьи к Болгарии и Византии, четвертые были враждебны ко всем соседям и стремились сохранить полную независимость...

Существовало и другое объективное препятствие для безболезненного включения кипчаков в Монгольскую империю. Енисейские кыргызы, карлуки, уйгуры являлись носителями государственности, создателями собственных политических образований. А именно на исторической стадии образования собственного государства, т.е. социально ближе к ним, находились

¹⁷ Там же. С. 32–33; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 2. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 220.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 62.

в начале XIII в. монголы. У кипчаков же в то время формировались предгосударственные структуры с использованием сильных родоплеменных институтов. Но этим процессом не был охвачен весь Дешт. Мы уже говорили выше, что лишь отдельные кипчакские общности создали относительно стабильные объединения, но общекипчакского ханства так никогда и не сложилось.

Ясно, что в таких условиях кипчаки не представляли себе существования без своих родов и племен. Победа же Чингис-хана грозила им разрушением привычных социальных механизмов, разверстку по десятичным подразделениям, находящимся во власти монгольских темников. К тому же жители Дешт-и Кипчака справедливо опасались, что их родные просторы покажутся для монгольских нойонов более примемлемым объектом прямого захвата, чем горная тайга Енисея и торговые города Уйгурии. Так и произошло: владения союзников-федератов Чингис-хана — уйгуров, карлуков, енисейских кыргызов — сохранили определенную автономию. В отношении же с кипчакскими кочевниками создатели Еке Монгол улуса найти гораздо меньше точек соприкосновения, чем с другими тюркскими народами. В 30-х годах XIII в. Дешт-и Кипчак оказался полностью завоеванным. Местная аристократия в абсолютном большинстве была изгнана или истреблена.

* * *

[Отношение Джучи к Дешт-и Кипчак. 4 тыс. его монголов]
[2010 г.]

Генеалогическая легенда в политике и идеологии (постордынский Дешт-и Кипчак)

В эпоху распада Золотой Орды все большую значимость в политике стали обретать беки тюркских племен (элей), т.е. нединастическая (нечингисидская) элита. В некоторых «наследных» политиях они смогли занять лидирующее положение, потеснив или даже оттеснив представителей традиционно правящего клана Джучидов. Наиболее успешными в достижении полновластия оказались предводители эля мангытов в Мангытском юрте (Ногайской Орде) XV–XVII вв. и эля буркутов в Сибирском ханстве первой половины XVI в.

В глазах как «природных» династов из царствующего дома Джучи, так и простонародья эти выходцы из массы подданных кочевников формально оставались незначительными «черными людьми» (кара киши), не смеющими претендовать на управление государством. Для легитимации своего правления новой элите требовалось искать средства и доводы, чтобы убедить подвластное население в законности своих управленческих прерогатив.

В этом отношении показательна генеалогическая комбинация, совершенная мангытскими политиками и идеологами в отношении родословной основателя ногайской правящей династии — беклербека Эдиге (Едигея). Его происхождение было искусственно возведено к суфийскому проповеднику XIV в. Ходжа-Ахмаду Баба-Туклесу, а тот, в свою очередь, объявлялся прямым потомком первого праведного халифа Абу Бакра.

Искусственность данной генеалогической легенды несомненна. Фигурирование Абу Бакра в качестве первого звена в череде предков/предшественников характерно для силсилы — суфийской схемы («цепи») перехода божественной благодати от одного первосвященника-шейха к другому. В легендарной родословной Эдиге и его потомков наблюдается произвольное встраивание мангытских светских правителей в силсилу. Причем, если до Баба-Туклеса (якобы предка Эдиге в шестом поколении) персонажи генеалогии носят арабомусульманские имена и наделяются титулами султан или хазрат, то начиная с Баба-Туклеса и до Эдиге — это носители «языческих» тюркских имен, обычно без какой-либо титулатуры. Кроме того, в некоторых вариантах данной генеалогии череда предков Эдиге простирается к началу истории, до праотца Ибрахима, сына Адама.

Сами создатели данной генеалогии едва ли были убеждены в ее истинности. Однако в среде отдаленных потомков Эдиге она воспринималась уже как непреложная истина. Так, на одном из ранних вариантов родового герба князей Юсуповых пару традиционному геральдическому льву, держащему центральный щит, составлял нильский крокодил (впоследствии замененный на второго льва). Причиной появления столь странного персонажа на эмблеме российского княжеского рода было убеждение Юсуповых в том, что один из их предков некогда царствовал в Египте — как следует из той самой легендарной родословной.

При этом в данной родословной наблюдается смешение истинно суфийской силсилы (как череды благочестивых шейхов) и последовательности чисто светских правителей — пусть и явно легендарных.

В некоторых версиях генеалогии среди предков фигурирует знаменитый богослов и поэт-суфий Джалал ад-Дин Руми. Он жил в XIII в. в малоазийской Конье и тоже считался потомком Абу Бакра. Причисление этого персонажа к предкам ногайской знати, несомненно, повышало ее престиж в глазах правоверных, но в глазах современных историков лишь подчеркивает компилятивность генеалогической легенды.

При этом среди лиц духовного сословия Ногайской Орды в источниках зафиксированы ходжи, и существование этой особой категории потомков четырех праведных халифов обнаруживает искусственность и надуманность этой легенды. Ведь в таком случае все мангытские мирзы обрели бы ранг ходжей как потомки первого халифа.

Казахстанский автор Жаксылык Сабитов предположил, что «кто-то из предков Едиге был мюридом одного из суфийских шейхов, который вел свое духовное шежере [родословную] к исламскому халифу Абу Бакру». Однако среди фигурантов большинства вариантов данной генеалогии мы не видим шейхов — духовных подвижников и наставников. Там представлен список светских правителей — «султанов/хазратов».

Однако объявить себя потомком первого халифа и святого Баба-Туклеса было недостаточно. Требовалось, во-первых, сделать их фигуры значимыми для массы кочевников; во-вторых, превратить генеалогическую легенду в орудие сплочения народа вокруг Эдиге. Этим целям способствовала активная мусульманизация тюркского населения, которую беклербек развернул на подвластных землях. Население западной части Золотой Орды к тому времени было уже довольно сильно исламизировано, поэтому мероприятия Эдиге были направлены в первую очередь на жителей восточных степей, которые составляли его опору.

Ислам стал широко распространяться среди кочевников Дешт-и Кипчака в первой половине XIV в., в эпоху золотоордынского хана Узбека. В конце XIV – начале XV вв. мусульманизация развернулась под эгидой Эдиге, который проводил активную конфессиональную политику, стяжав репутацию праведника и благочестивого мудреца; его изречения цитировались авторами тюркских исторических сочинений наравне с классическими стихами. Очевидно, память об одном из этих этапов распространения новой для ордынцев религии отразилась в словах ногайского мирзы Джан-Мухаммеда о том, что если бы не насилия астраханских воевод, то «сами бы ... мы своево родственнова стариннова корени не покинули и матки своеи Волги, где наша изначала вера зачалась» (как Узбек, так и отчасти Эдиге имели свои политические центры в Нижнем Поволжье).

Помимо умышленного родства с первым праведным халифом среди подданного народа распространялись столь же нереальные истории о происхождении родоначальников ногайской элиты. Эти истории сохранились в поздних тюркских хрониках и в записях ногайского фольклора XIX–XX вв. Там можно встретить рассказы о том, будто Эдиге принадлежал вовсе не к племени тюрок-мангытов (о чем было общеизвестно), а происходил из племени Пророка – Курайш и якобы являлся «сейид-султаном» из ответвления этого рода – Бану Хашим. А Едигеев сын Нур ад-Дин якобы появился на свет в священный день пятницы; первыми произнесенными им словами была шахада (формула символа веры); он свободно читал по-арабски и прочее.

Кроме Поволжья, в качестве исходного пункта появления мусульманства у ногаев в различных источниках фигурируют также Булгар, Багдад и Туркестан, но чаще упоминается Бухара. По хронике Сад Ваккаса б. Раджаба и Кашигафа б. Абу Саида «Хасса айн», основатель ордена Накшбанди Багау-л-Хакк-ва-д-Дин направил оттуда 366 конных шейхов в помощь узбекскому хану Мухаммеду Шейбани (конец XV – начало XVI вв.) для обращения к учению Пророка жителей Прииртышья, в том числе и народа ногай. К ногаям Башкирии – «очень развратным и дурным мусульманам», по местным преданиям, отрядил для проповеди своего ученика знаменитый бухарский суфий Ходжа Ахмед Ясави, и тот преуспел в миссионерском служении. Ногайцы же XVIII–XIX вв. передавали сказание об исходе их предков из «Бухарии», где тех, изначальных язычников, обратил в ислам святой Ходжа Ахмед Баба-Туклес. И надо отметить, что бухарские, мавераннахрские корни мусульманства в самом деле проявлялись в Ногайской Орде, в том числе в составе ее духовенства.

Может быть, и истоки генеалогической легенды, возводящей клан Эдиге к Абу Бекру, исходят из Средней Азии. Есть основания полагать, что Эдиге был

знаком и беседовал с виднейшим богословом, духовным наставником Тимура шейхом Береке.

Вместе с тем, возможен вклад в исламизацию ордынцев также со стороны малоазийских тюрок. Последние исследования Эммы Давидовны Зиливинской по архитектуре Золотой Орды показывают, что анатолийские влияния на культуру этого государства выходили далеко за пределы Крыма, куда обычно направлялись миграционные потоки с противоположного берега Черного моря. Присутствие в генеалогии вышеупомянутого Джалал-ад-Дина Руми из анатолийской Коньи иллюстрирует это направление распространения ислама в Дешт-и Кипчаке.

Во всяком случае, очевидно, что духовенство сыграло в формировании искусственной генеалогии значительную роль. Но едва ли умудренные мусульманские богословы одобрили бы столь вольные манипуляциями с сакральными идеологемами. Подобная идеологическая конструкция явно была создана в окружении золотоордынского беклербека Эдиге, скорее всего, в начале XV в., в расчете на неграмотную массу кочевых подданных.

В заключение скажу, что религиозно-идеологическая комбинация с возведением происхождения клана Эдиге к первому халифу подняла престиж ногайских правителей в глазах подвластных кочевников, но не добавила веса за рубежом. Эта вымышленная генеалогия все равно не давал оснований для занятия ханского трона. Номинально ногайский бий являлся первым среди бекков — военной и родовой знати Дешт-и Кипчака. Все окрестные владыки, в том числе и российские после венчания на царство Ивана IV, имели более высокий ранг, а управляемые ими владения — соответственно более высокую таксономическую категорию. Ханства были государствами, а огромное пространство под властью ногайских биев оставалось «Ордой», т.е. непрочной политией с некоторыми признаками государства.

[2022 г.]

*НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова.
Оп. 1. Д. 6. 23 л. Неавторизованная машинопись.*

Содержание

Предисловие. Золотая Орда в умах и представлениях потомков

Глава 1. Улус Джучи: от расцвета к распаду

Глава 2. Принесенный в сапоге [1 п.л.]

Глава 3. «Мангытский безумец» [1 п.л.]

Глава 4. Самарканд, Сарай, Сарайчик [3 п.л.]

Глава 5. Ворскла [2 п.л.]

Глава 6. «Пребольши всех князей» [1 п.л.]

Глава 7. Русский улус [3 п.л.]

Глава 8. Хорезм [1 п.л.]

Глава 9. Сибирь [1 п.л.]

Глава 10. Последний бой [1 п.л.]

Глава 11. Жизнь после смерти [2 п.л.]

Заключение

[2008 г.]

РАЗДЕЛ II

Доклады, записки,
статьи

Сибирь

Население окраин Российской империи было многочисленным и чрезвычайно разнородным. В период XVI – начала XX вв. в состав России были включены народы, различающиеся по уровню экономического и социального развития, этнической и религиозной принадлежности. В каждом регионе многонациональной державы наблюдалась своя специфика в отношении между русскими властями и местным населением. Тем не менее, существовали и общие закономерности развития окраин, в том числе развития национального и этнокультурного. Как правило, местные элиты сохранили свой приоритетный статус и имели доступ к управлению – при условии лояльности их к имперской администрации. Противоречия в среде этих элит обычно возникали в условиях радикальных экономических и политических трансформаций, когда образовались новые элитные прослойки, начинавшие претендовать на свою долю власти. Наиболее существенными социально-экономическими потрясениями для традиционной национально-административной системы империи оказались буржуазные реформы второй половины XIX в. и революционное движение начала XX в. Однако национальные буржуазные движения в России даже в пореформенный период еще только зарождались и делали первые шаги: сказывалось слабое развитие капитализма. Исключение составляла Польша.

* * *

Огромная территория империи за Уралом имела относительно немногочисленное, но весьма пестрое по этническому составу аборигенное население. В Сибири и на Дальнем Востоке расселялись народы и племена, относящиеся к тюркской, монгольской, угорской, тунгусо-маньчжурской семьям, а также палеоазиатские этносы. Большинство их до присоединения к России не имело собственной государственности. Государственные образования в свое время были только у сибирских татар и обских угров (подданных Сибирского ханства) и хакасов; зачатки государственной организации существовали только у бурят и тувинцев. Население же северной тайги и тундры жило в условиях родового строя.

Включение Сибири в состав России проходило на протяжении трех столетий, с конца XVI в. (завоевание Сибирского ханства) до начала XX в. (установление протектората над Тувой). За исключением первоначального момента присоединения, отношения русской администрации и туземного населения складывались в основном мирные. Сибирские народы были включены в общую административную структуру империи и до второй половины XIX в. управлялось традиционной знатью. В 1822 г. правительство разработало «Устав о управлении сибирских инородцев», который регламентировал управление в стойбищах и улусах. После реформ 60-х – 70-х гг. XIX в., в связи с развитием капитализма, проявились новые тенденции в отношениях между правительством и местной администрацией, с одной стороны, и коренными сибиряками с другой. Во-первых, русские власти не видели смысла в дальнейшем сохра-

нении особого управленческого статуса аборигенов; предпринимались попытки распространить единую систему управления на всю территории империи. Во-вторых, сформировалось сословие разбогатевших незнатных общинников, сельской и торговой буржуазии, которая стремилась окончательно оттеснить от власти родо-племенную знать. Эти две тенденции проявились в национальных движениях начала XX в. Катализатором пробуждения национального сознания послужили революционное движение в России и поражение царизма в русско-японской войне.

В 1906 г. образовался «Союз якутов» со своим Центральным комитетом и Уставом. Целью его была ненасильственная борьба за признание собственности якутского народа на все земли Якутии, за введение якутского земского самоуправления, за право делегировать своего представителя в Государственную Думу, за отмену жесткого полицейского контроля. Для выполнения этих пунктов предполагалось бойкотировать местную администрацию и отказаться от выплаты налогов. «Союз» не успел ничего предпринять, т.к. его ЦК вскоре был арестован.

В конце XIX в. развернулось национальное движение в Бурятии. Так называемая волостная реформа принесла радикальные перемены. Каждому буряту выделялось по 15 десятин земли, что сразу очень затруднило традиционное кочевание. Там, где отвод земель заканчивался, уничтожались прежние инородные управы (действовавшие по Уставу 1822 г.) и вводились волостные правления. Еще раньше были ликвидированы степные думы. Вместо старых родовых аристократов теперь всеми делами заправляли волостные старшины и местные старосты. Но наибольшую власть во внутренней жизни волостей имели приставы и урядники. В 1902 г. император приказал приамурскому генерал-губернатору вводить волостные органы постепенно и приравнивать к традиционным управленческим институтам. Но эти институты к тому времени претерпели большие изменения. Родовое деление и связанные с ним административные единицы уже утратили этнически-племенную основу из-за национальной консолидации бурят, перемещения и миграций родов. Нойонами (князьями) теперь нередко становились незнатные разбогатевшие буряты. Население в целом не принимало реформу, начались массовые волнения. Генерал-губернатор приостановил ее осуществление и ввел в бурятских ведомствах Забайкальской области военное положение. После подавления народных выступлений административные изменения были в основном все же проведены.

Бурятские национальные съезды и совещания 1905 г. придали организованность стихийному поначалу движению против волостной реформы. Принимались решения о возобновлении деятельности степных дум, ликвидации новых административных органов и должностей. Западные буряты (в Иркутской губернии) выступали за обретение земского самоуправления.

Под влиянием российского революционного и бурятского национальных движений хакасы («минусинские татары») в 1905 г. тоже организованно выступили против волостной и административной реформ. Приняв за образец резолюции бурятских съездов, они сформулировали требования национального самоуправления, отмены суда и полиции в «инородческих» поселениях. Как и вся Южная Сибирь в начале XX в., Хакасия претерпела большие изменения

в системе управления. Также, как и у многих других сибирских народов, эти изменения дали толчок к развитию общественной и политической мысли. Апогей национального движения у народов Сибири (алтайцев, бурят, хакасов, якутов и др.) пришелся на 1917 г.

[1992]

Урянхайский прецедент (Тува в России и русские в Туве)

Первое посткоммунистическое правительство России волею обстоятельств попало в такой исторический переплет, что требовать от него решения всех кризисных задач — это требовать невозможного. Ведущее место среди приоритетов нынешний Кабинет отводит удержанию экономики от остановки и краха, рассудив, видимо, что распутывание прочих узлов — политических, социальных, межнациональных — может потерпеть до более сытых времен. Однако есть проблемы, не решаемые путем финансовой стабилизации и товарного изобилия. Последние шесть лет показали, какой кровью и враждой оборачиваются невнимание к межнациональным отношениям. Проклятие затяжных вооруженных столкновений на сепаратистской почве пока что обходит стороной Россию. Но подобные конфликты зреют и кое где уже полыхают по периметру границ нашей страны. Нужно учиться предотвращать их — и не посредством забавных съездов в совхозах Нечерноземья (6-й съезд народных депутатов СССР), а через использование исторического опыта. В том числе опыта отношений России с соседями, союзниками, экономическими партнерами¹.

В наше время две проблемы межнациональных отношений приобрели конфликтную остроту: статус некоторых автономий в России и судьба русских в Прибалтике, странах СНГ, российских «республиках в составе». Ниже я попробую рассказать об одном историческом прецеденте, одном из путей решения этих вопросов, найденных в свое время российской геополитической мыслью. Разговор пойдет о Туве.

Зеленый клин

В начале XVII в. русские первопроходцы, служилые люди, продвигаясь по Сибири, вышли к Саянским горам. За хребтом, на юге, начинались владения монгольского алтан-хана. Поэтому дальше вверх по Енисею русские не пошли. Они стали обосновываться севернее, в Хакасии, и двинулись дальше на восток, к Байкалу. Те земли, что лежали за Саянами, они так и называли: Засаянский

¹ Данный абзац перечеркнут автором.

край. Потом, узнав о наименованиях тамошних жителей, стали обозначать иначе: Урянхай, Сойотия. Еще звали совсем по-русски: Зеленый Клин. Сами же кочевые урянхайцы-сойоты нарекли свою страну «Тыва».

В XVIII в. Тува была завоевана маньчжурами и присоединена к Цинскому Китаю (Цин — это маньжурская династия, правившая тогда в Пекине). Чтобы легче было управлять тувинцами, китайские власти разделили Туву на девять округов-хошунов — по образцу соседней Монголии, захваченной Цинами ранее. Губернаторы-цзяньцзюни, распорядившиеся тувинскими делами, сидели в монгольских крепостях Улясутай и Кобдо, а с урянхайцами общались посредством послов и военных отрядов, посылаемых за данью. Собственно, этим и ограничивалась власть Китая над краем. Самый могущественный и влиятельный князь Тувы — правитель Оюннарского хошуна — получил маньжуромонгольский титул амбын-нойона и полномочия цинского наместника над самыми крупными хошунами.

Ни Россия, ни Цины не уделяли особого внимания далекой южносибирской глухомани. Главное столкновение их интересов происходило далеко отсюда — в Приамурье и Забайкалье. В 1727 г. был заключен Кяхтинский договор о русско-китайской границе, который, в частности, определил принцип разграничения в Туве. Территория, орошаемая реками, текущими на север, отходила к России, текущими на юг — к Китаю. Бассейн верхнего Енисея, берущего истоки в Туве и явно стремящегося на север, таким образом, должен был закрепиться за Россией. Но руки у русских властей не доходили до Зеленого клина, да и местность они плохо себе представляли. Так что пограничные заставы поставили на северном рубеже Тувы, по Саянскому хребту, а сама Тува так и осталась за Цинами.

В отличие от чиновников МИДа и Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, русские крестьяне, которые понемногу наполняли Сибирь, давно «положили глаз» на Урянхай. По две, по три семьи, со скарбом и скотом, переваливали они через котловину, почти не затронутую земледелием. Один за другим в Туве стали появляться русские поселки и одиночные избушки-заимки. С 1870-х гг. поток крестьян-переселенцев особенно усилился. В новой капиталистической России, недавно освободившейся от крепостной системы, население свободно перемещалось и подыскивало удобные места для приложения рук, для развития хозяйства и коммерции. К началу XX в. в Туву переехало полтора ста семей, к 1911 г. их было уже более пятисот. А в 1915 г. статистики переселенческого управления насчитали только в основных хошунах 56300 русских.

Через Туву и Монголию пробирались и российские купцы с тканями, топорами, лопатами и прочей утварью, ценной для кочевников. Купеческие фактории и лабазы тоже выросли возле княжеских ставок и буддийских монастырей. Следом тянулись разведчики российских золотопромышленников: забирали шурфы, закладывали шахты...

Отношения между пришельцами и местным населением не обходилось без ссор. Если тувинец попадал в долговое рабство к купцу, то в этом, положим, он еще мог обвинять не только алчность торговца, но и собственную наивность и нерасторопность. А вот захваты крестьянами пастбищ под поля вызывали справедливое возмущение скотоводов, как простых, так и аристократов. Впро-

чем, к китайскому цзяньцзюню в Монголию за помощью тувинцы, надо сказать, не обратились ни разу. Все же свободной земли пока было вдоволь, и отношения складывались в основном дружелюбные.

Урянхайский вопрос

Неуютно было поселенцам-хлебопашцам, охотникам-заимщикам и купеческим приказчикам жить без защиты России, без всяких формальных прав, на территории китайской империи. В 1885 г. русские власти создали Усинское пограничное управление в Хакасии, на границе с Тувой. Начальнику управления ко всем прочим обязанностям поручили еще и функцию торгового комиссара. Сначала в столице и в Иркутске (центре генерал-губернаторства осторожничали с переселенческим вопросом: ведь за Саянами – Китай, иностранная территория. Но заезжие люди доносили, что русских в Туве становится все больше. Для сбора сведений о русской колонизации генерал-губернатор граф Игнатьев в 1907 г. отправил туда с экспедицией инженера Родевича, через три года – полковника Попова. Следующий генерал-губернатор Князев, прочитав отчеты об этих поездках, собрал совещание в феврале 1911 г., где поставил вопрос о «мерах поддержки русского населения в Урянхае» и об усилении пограничной власти, чтобы она «могла служить опорой для отважившихся отправиться в Урянхай переселенцев и всегда была бы готова поддержать их в минуту опасности». Приговорили следующее: во-первых, склонять тувинцев к прекращению выплаты дани Китаю, во-вторых, на картах перенести границу с Китаем с Саян на горы Танну-Ола (естественный рубеж между Тувой и Монголией) и повсеместно уверять, что это де и есть истинная граница. В-третьих, выделить усинскому пограничному начальнику воинский отряд – специально на случай конфликтов в Урянхае. Незадолго до этого были отменены все ограничения на выезд переселенцев в Урянхайский край (как раз в то время шли столыпинские реформы, и народ хлынул осваивать окраины).

Цинское правительство настороженно относилось к возрастанию экономической и военной активности северного соседа. Для открытых демаршей не находилось повода (да и сил), но из Пекина в столицу наместничества Улясутай шли строгие наказания: охранять границы, не спускать глаз с вновь прибывших русских! В Туву понаехали китайские купцы. Наиболее прибыльным занятием для них в этой глубинке оказалась торговля водкой. Началось массовое спаивание аборигенов. Эта беспринципная практика находилась в разительном контексте с российскими порядками, по которым запрещалось продавать спиртное сибирским «иногородцам». Не удалось это и в Туве. Когда знаменитый винозаводчик Козелл-Поклевский вознамерился было составить конкуренцию китайцам, то встретил жесткое противодействие усинского начальника и оставил планы возведения винокуренного завода в Сойотии.

Российско-китайские интриги продолжались недолго. В 1911 г. в Китае началась революция. В следующем году Цинская династия отреклась от трона. Четырнадцать провинций объявили о своей независимости от Пекина. Теперь революционный Китай остался далеко на юге: между ним и Тувой простиралась выделившаяся из Цинской империи Халха (Северная, или внешняя Мон-

голия, нынешняя МНР). Россия вплотную могла заняться урянхайского вопроса.

Проработка его велась на двух уровнях – столичном и иркутском. Совет министров на специальном заседании в ноябре 1911 г. прикидывал и перебирал все возможные варианты его решения. Прямой захват в начале XX столетия выглядел бы слишком бесцеремонным, да и вызвал бы ненужное раздражение в Европе. Просить о передаче Тувы под управление России у китайских властей было неактуально. Китайского правителя, генерала Юань Шикая более беспокоили русские позиции на Дальнем Востоке и в Халхе. Анализировали практику колониальных держав, искали аналогии... В конце концов решили вот что: «Опыт колониальной политики всех западноевропейских государств, сумевших приобрести обширные владения в заморских странах, убеждают в том, что мирная колонизация и водворение в крае экономических интересов в существенной степени содействуют затем и распространению на данный край политического влияния того государства, которое оказывается связанным с ним многочисленными торговыми и промышленными отношениями». В качестве вдохновляющего примера в протоколе заседания приводится постепенное внедрение Германии в Африке – в противовес открытой агрессии, обычной для французских колонизаторов. Таким образом, Туве отводилась участь постепенного экономического освоения и лишь в перспективе – ее возможного «дозревания» до политического присоединения к России. «Колонизационная емкость» края оценивалась экспертами Совета министров в 400 000 душ переселенцев.

Но революционные процессы в Китае ускорили события. В феврале 1912 г. император накладывает такую резолюцию на докладе министра иностранных дел Сазонова, в очередной раз призывавшего к осторожности: «В Китае произошли крупные перемены, нам необходимо более активно заниматься разрешением этого дела». В Туву отправился уполномоченный для наблюдения над ситуацией и предотвращения перехода края под власть Халхи. Это был чиновник по особым поручениям при восточно-сибирском генерал-губернаторе Церринин. Летом 1913 г. начал работу в Туве чиновник переселенческого управления Габаев. Эти два «резидента» должны были подготовить вхождение Тувы в состав России.

А что же сами тувинцы? После падения владычества Цинов перед ними встал выбор: на чью сторону становиться – Халха-Монголии или России. Посланцы монгольских князей уже уверенно наезжали в Туву и требовали дани, не останавливались и перед прямым грабежом. К тому же в Монголии находился и ближайший церковный центр буддизма-ламаизма – религии тувинцев. В январе 1912 г. глава урянхойской знати амбын-нойон собрал у себя чиновников и аристократов страны и поставил насущный вопрос: что делать? Мнения разделились. Группа феодалов во главе с самим амбын-нойоном Комбу-Доржу склонялась к идее принятия российского подданства при условии сохранения своей власти в округах-хошунах. Главный довод: сильная Россия поможет в экономике, обещает защиту от монгольского произвола и волнений простонародья. Другая группировка знати во главе с князьями-нойонами Салчакского и Тоджинского хошунов выступали за ориентацию на Монголию. Главный довод: там находится буддийский первосвященник, оттуда поступает в храмы культовый инвентарь. Более убедительно звучали голоса пророссийской пар-

тии. Ростовщик Агван заявил на этом съезде: «Что Монголия? Чем она лучше Тувы? Что она может нам поставить, кроме масла, которое у нас у самих есть? Россия – это сила! Она способна ввозить в Туву не только ткани, но и железо железные орудия». В результате споров пришли к тому, чтобы объявить Урянхайский край независимым, но «находящимся под покровительством и защитой великого Российского государства».

Через некоторое время к этому мнению присоединился и местный духовный иерарх, Чамзы хамбу-лама хемчикский, который изложил в письме в Петербург свои аргументы: бесчинства монгольских эмиссаров; тесные исторические связи тувинцев и русских; начавшееся смешение двух народов из-за тесного и в целом дружественного сожительства; наконец, исторические права России на Туву (вспомним Кяхтинский трактат 1727 г.). Один за другим урянхайские владетели отправляли в столицу империи и в Иркутск прошения о принятии в подданство. Адресатов просили соблюсти два условия – сохранить в крае «установленные с древних времен порядки управления и обычаи», а также не нарушать «право распространения желтой религии (т.е. буддизма. – В. Т.) на территории хошунов».

Правда, депутаты с посланиями не пускали пока дальше пограничных застав. Но получая эти документы, анализируя донесения Цецерины, Габаева и самого генерал-губернатора Князева, правительство наконец решило, что можно форсировать присоединение Тувы. Тем более что и обстановка потребовала спешки: в феврале 1914 г. от хамбу-ламы пришло известие, будто существует опасность ввода монгольских войск.

Протекторат

Заявления нойонов были написаны по всем правилам протокола, приемлемого для официальных отношений с корреспондентами такого рода: на монгольском языке, монгольским же алфавитом, скреплены хошунными печатями и личными подписями. Считалось, что такой характер обращений соответствовал международно-правовым нормам и создавал необходимую правовую основу для распространения российского сюзеренитета на Туву. Николай II утвердил доклад министра иностранных дел Сазонова «О принятии населения Урянхайского края под покровительство правительства». В своем письме к министру внутренних дел Маклакову Сазонов отстаивал именно эту форму присоединения – покровительство (протекторат) как наиболее уместную в тогдашней ситуации. Основания МИДа таковы: по шесть месяцев году Саяны непроходимы, поэтому невозможна была бы оперативная связь с Тувой, будь она объявлена непосредственно российской территорией; для этого там недостает и русского населения, и военной силы; урянхайские князья просят сохранить внутреннее устройство хошунов, что возможно как раз в условиях протектората.

В апреле 1914 г. Тува под именем Урянхайского края была включена в состав Енисейской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Государственная Дума ввела пост комиссара по делам Урянхойского края. Им стал бывший усинский пограничный комиссар Цеверин, который и довел решение правительства до тувинских нойонов. На них налагались неукоснительные

обязательства — никаких самостоятельных сношений с иностранными государствами, в том числе и с Монголией; решение всех споров — через русского представителя-комиссара. Знать приведена к присяге и заверила своими подписями согласие с этими основополагающими принципами протектората.

Объявив о своей поддержке лояльного амбын-нойона, Цеверин тем самым сохранил за ним и общетувинские властные полномочия. Тем не менее комиссар по своему усмотрению — и опять же по критерию лояльности — занялся смещением и перемещением местных властей. Консультируясь при Оюннарском «дворе» амбын-нойона, он взял на себя присвоение феодальных и чиновных традиционных титулов. Их тувинско-монголо-маньчжуро-китайские терминология и церемониал были непривычны для русского представителя. Трудно сказать, какие чувства, служебное рвение или сарказм, владели Цецеринным, но внешне он сохранил полную серьезность, например, в тот момент, когда он торжественно передавал управление двумя округами некоему Чулдуму, присваивал тому чиновный ранг тэригун-цзайсана и предоставлял почетное право носить на шапке красный шарик второй степени.

Мягкий и дипломатичный, появившийся в Туве лишь наездами Цецерин постоянно конфликтовал с переселенческим управлением и в результате был отозван со своего поста. В октябре 1914 г. по высочайшему предписанию, новым комиссаром по делам Урянхая стал статский советник Григорьев. Прибыв на место службы, он в специальном циркуляре сразу заявил о более жесткой трактовке протектората. В частности, говорилось: «Великая Российская империя, объявив состоящей под своим покровительством Урянхайскую землю, тем самым приняла эту землю и обитающий на ней народ под свое единоличное попечение. Поэтому ... никакое другое государство, кроме упомянутого Великого Российского, не может ... проявлять какую-либо деятельность в Урянхае, а тем более посягать на его управление, то есть облагать народ податями, судить урянхайцев, их наказывать, требовать объяснений от урянхайских чиновников или от самих нойонов, в противном случае иностранное государство (подразумевалась, конечно, прежде всего Монголия. — *В. Т.*) будет в ответе перед Российским правительством. Поэтому же для урянхайского народа, его чиновников и самих нойонов попечение русской власти является безусловно обязательным даже в том случае, если бы кто ... вместо русского попечительства на Урянхае желал какого-либо другого». Следовательно, суверенные права князей, оговоренные ими в переписке с правительством, фактически обрекались на уничтожение.

Комиссар взял твердую линию на внедрение общероссийских принципов судоустройства и судопроизводства (мирные судьи и окружной суд), норм Уголовного уложения империи. Подчинение чиновников полицейским властям обесмысливало само существование нойонов. Тем более что над каждым хошуном Григорьев поставил полицейского пристава. Начался учет населения для нужд будущего налогообложения, всюду шли топографические съемки и обмеры угодий. Знать возроптала. Но в отличие от своего предшественника Григорьев не был расположен к уговариванию оппонентов. Амбын-нойона, начавшего было подумывать о переориентации на Монголию, он просто сместил. Съезд подобранных Григорьевым представителей хошунов «избрал» новым амбын-нойоном ростовщика Агвана-демичи, ненавидимого в Туве. Тут же, по команде комиссара, казаки арестовали сторонников свергнутого правителя.

Вообще новый российский наместник не гнушался прибегать к военной силе. Разосланные по хошунам казачьи разъезды «утихомиривали» возмущавшихся нойонов. Казачью экспедицию на север страны, в таежную Тоджу, с целью ареста местного князя, возглавил сам Григорьев.

Проклятый своим народом Агван вскоре был убит неизвестными стрелками на пути с богомолья. Притихший на время комиссар попросил у генерал-губернатора полк солдат для своей защиты и поставил во главе знати Комбу, сына свергнутого амбын-нойона. Столкнувшись с превосходящими силами российской администрации, Комбу уже не решался проявлять свои давнишние промонгольские настроения.

Урянхайские комиссары служили в ведомстве Министерства иностранных дел. Поэтому и миролюбивый Цеценин, и бесцеремонный Григорьев были обязаны проводить его политическую линию. А линия МИДа в Туве состояла в медленном, постепенном овладении краем, не в покорении, но в «приручении» местной власти. Иное дело – ведомство по переселениям. Его политика состояла в обратном. Переселенческие чиновники ратовали за открытое и усиленное заселение Урянхая русскими.

Ревностным проводником этой стратегии был упоминавшийся выше Габаев. С самого своего приезда летом в 1913 г. он стал проявлять пренебрежение к словным, в общем-то исторически обоснованным правам нойонов. Не задумываясь, объявил принадлежащими русским все земли, занятые переселенцами, и отказал тувинцам в возможности не только занимать эти угодья, но и протестовать по поводу захватов. После формального объявления протектората Габаев привез из Сибири группу землемеров, которые и подавно ни во что не ставили права местного населения. Даже нарезали под пашни Оюннарские хошунные владения амбын-нойона – инициатора присоединения края. Для своей деятельности управление получило огромные деньги. За два года службы в Туве Габаев организовал невиданную интенсивность переселения: двести крестьянских семей при нем перешли Саяны и стали обустраиваться в долине Верхнего Енисея. Прибыли и казаки: возникла идея организации Урянхайского казачьего войска.

Обосновавшиеся в «Цинской» Туве русские старожилы встречали новоселов настороженно. Они уже приспособились к специфическим условиям Зеленого клина, подружились и породнились с аборигенами, научились без скандалов заниматься земледелием по соседству с кочевыми стойбищами сойотов. Лавина пришельцев, жадных до даровой земли, разрушила устоявшееся было течение жизни русского крестьянства в Туве. Из-за нарезки новых наделов начались конфликты, пошли жалобы. Причем новоселы писали кляузы в департамент Габаева, заманивший их в это край; старожилы больше надеялись на Цецерина. Между ведомствами началась свара, и иркутские власти решили заменить обоих начальников, чтобы разрядить обстановку. На смену Цецерину приехал уже известный нам Григорьев, а Габаева заменил Шкунов. Теперь «офисы» стали работать в унисон. Солидарный с жестокой тактикой комиссара Григорьева, Шкунов все же предпочитал не поощрять прямой захват тувинских земель и занялся благоустройством новых поселений.

Поток новоселов не ослабевал. Переселенческие учреждения планировали к 1917 г. удвоить, а в перспективе и удесятерить численность русского населения. Для будущей российской провинции в канцеляриях даже придумали

название — «Засаянская Русь». Особое внимание уделялось сибирским кулакам. Крепкие крестьянские хозяйства представлялись прочной экономической основой российской власти в Туве. В интервью газете «Минусинский листок» Григорьев заявил: «Мы приложим все меры, чтобы в Урянхай шел крепкий предприимчивый переселенец. Для этого мы предполагаем не давать переселенцам в Урянхае никаких пособий», чтобы не увеличивать число бедняков, и без того стихийно пробиравшихся в край.

Не мудрено представить, какого было отношение коренного населения к нахлынувшей массе русских — людей, чуждого языка, религии, культуры, а главное, охочих до пастбищ, издревле принадлежащих тувинцам. Началась массовая потрава посевов вокруг поселков, угон крестьянского скота. Не оставались в долгу и пришельцы; кулаки и уголовники, натравливаемые Габаевым, совершали налеты на стойбища, жгли и грабили юрты. Тувинская аристократия возмущалась. Шкунов докладывал, что нойоны с ностальгией вспоминают теперь краткое время подчинения Монголии до 1914 г.: тогда урянхайские князья брали де податей со своих подданных сколько хотели, ни о каких специальных комиссарах от монгольских властей и не слыхивали...

Но все-таки Россия вставала за Саянами прочно. К началу 1917 г. русские понастроили в Туве уже 40 поселков и 90 заимок. На оживленном месте, при слиянии двух рек, дающих начало Енисею, весной 1914 г. артель завербованных в сибирских городах рабочих начала возведение первого города в этой стране кочевников. Габаев нарек его Белоцарском; сейчас это Кызыл, столица Республики Тыва. Из Хакасии к Белоцарску, через горы протянулся Усинский тракт — Тува оказывалась связанной с Сибирской магистралью (внутри Тувы железной дороги нет до сих пор). Власти, естественно, не могли не замечать недоброго отношения тувинцев. Для учета их интересов были приняты некоторые меры, которые, впрочем, были уже отработаны в течение трехсот лет освоения Сибири. Коренные жители освобождались от налогов, запрещалась продажа им водки. Формально не возражая против кочевого образа жизни урянхайцев, чиновные инстанции склоняли их к скорейшему переходу к более «цивилизационному» занятию земледелием. Эта инициатива объяснялась не заботой о культуре тивунцев. Осевшие на одном месте, привязанные к полевым наделам, кочевники прекратили бы использовать громадные площадки под пастбища и тем самым сократили бы размеры используемых ими земель.

Вскоре после Февральской революции был образован Урянхайский временный краевой комитет (орган Временного правительства), в русских поселках возникли подчиненные ему комитеты общественного спасения. Тувинцы некоторых хошунов, вдохновленные известиями о свержении «Белого царя» в далекой столице, начали на собраниях принимать решения о выходе из-под российского покровительства. Но не тут-то было. В мае 1917 г. Временный комитет созвал в новорожденном Белоцарске съезд русского и урянхайского населения. Резолюция была однозначной: протекторат остается в полной силе, любое противодействие ему должно быть подавлено. Надежды тувинцев на возобновление самостоятельности поугасли еще больше, когда поступили сведения о решениях в Питере. МИД и МВД на совместном «Межведомственном совещании по делам Урянхайского края» в августе постановили, что поскольку Временное правительство принимает на себя обязательства старого, царского правительства, то

и протекторат над Тувой является незыблемым. В Туву прибыл новый комиссар Турчанинов. Чрезвычайные полномочия и командование казачьими частями позволяли ему первое время (до весны 1918 г.) держать край в повиновении.

Однако начавшаяся Гражданская война все-таки приговорила протекторат. Политические пристрастия населения разделились. Одни жители Тувы вставали на сторону новой власти — Советов. Стремилась привлечь на свою сторону как можно больше приверженцев, краевого Совет призвал русских поселян прекратить захваты земли у туземцев. Другие обитатели Урянхая склонялись к белому движению. В Омск, резиденцию Колчака, отправился глава буддистского духовенства Чамзы хамбу-лама. Сибирское правительство выписало ему двадцать тысяч рублей серебром на борьбу с большевиками и пожаловало орденом Св. Анны II степени.

Ход событий Гражданской войны известен читателям. «Красные» одержали верх. В Туве падение «старого режима» произошло в целом бескровно. По решению съезда русского населения, чиновников Временного правительства арестовали и отправили под суд в Минусинск. Казачья сотня бежала.

В эти решающие революционные годы русское население все активнее выступало как самостоятельная сила, а не просто в качестве правительственной политики. В 1917–1918 гг. русские Тувы собирались на съезды, решали, как быть: Россия далеко, Монголия близко, в Сибири Колчак, сойоты неистовствуют — голова шла кругом. В конце концов решили не доводить окончательно до межнациональной резни. Посланцы девяти хошунов и представители русского населения в июле 1918 г. поставили на съезде: Тува выходит из-под российского протектората и объявляется свободной страной; тувинский народ получает право на самоопределение; тувинской знати возвращаются символы административной власти — хошунские печати, некогда отобранные комиссаром Цецериним.

Колонисты

Хотя напряжение немного спало, русские Тувы чувствовали себя неудобно. В принципе они могли искать формальную защиту у консула РСФСР Ф. Фальского, присланного из Москвы в 1921 г. Но нужно было решать окончательно — или прекращать вся связи с Россией и оставаться в независимом государстве наедине с урянхайцами, или бороться за создание режима, полностью совпадающего с порядками в большевистской державе на севере, или создать для себя какую-то форму автономии, сохраняя контакт с Москвой. Эти варианты обсуждали одиннадцатый и двенадцатый съезды русского населения в апреле и июле 1921 г. Остановились на последнем варианте. Учреждалась Русская самоуправляющаяся трудовая колония. Входящие в нее 10 тыс. поселенцев создавали свою структуру Советов, параллельно с тувинской властью (тувинцев тогда насчитывалось около 55 тысяч).

Не следует думать, будто русские за Саянами были брошены на произвол судьбы и вынуждены были изобретать способы национального выживания. За всеми событиями пристально следил коммунистический ЦК. Суть его подхода к русско-тувинским отношениям выражена в постановлении Сибирского бюро ЦК РКП(б) от 2 октября 1920 г.: «Советская Россия не намерена и не

делает никаких шагов к обязательному присоединению к себе Урянхайского края. Но урянхайский край, граничащий с Монголией, может и должен служить проводником освободительных идей в Монголию и Китай, в каковом отношении и должно быть использовано его русское население». Коммунистические функционеры Тувы входили в общероссийскую (затем общесоюзную) систему партийных комитетов.

Что же до самих тувинцев, то 14 августа 1921 г. Всетувинский хурал (съезд) провозгласил создание суверенной Тувинской Народной Республики. Участники хурала, зная об укреплении в России власти большевиков и их победе в Гражданской войне, выполнили все требования их протеже — Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК). Русское население страны признавалось живущим по законам РСФСР, Колонии передавалось право на разработку недр, безвозмездное пользование лесами и занятие промыслами. Интересы русских представлял советский консул. Представители Колонии на хурале со своей стороны дали ставшее уже стереотипным заверение: земельных захватов отныне не будет.

Пока не известно, какова, допустим, была численность агентуры НКВД в Туве, какая велась обработка высших руководителей ТНР. Но и без этого ясно: республика не имела и не могла иметь полной самостоятельности. Это объяснялось как зачаточным состоянием промышленности, так и близким, роковым соседством Союза ССР, империи-гегемонии, наращивающего мускулы вдоль границы с Монголией и Китаем. О фактически возобновлении протекторатных отношений свидетельствует резолюция все того же Всетувинского хурала 1921 г. о том, что в международных отношениях ТНР действует под покровительством Советской России. Не придумать лучшей иллюстрации для всеохватного «покровительства», чем герб страны, утвержденный в тувинской конституции 1930 г.— «на красном фоне земной шар, окруженный венцом из колосьев хлеба и травы, а в середине земного шара должны быть серп и грабли, крест-накрест, а в верху земного шара — пятиконечная звезда с надписью «Тувинская Аратская (т.е. Народная. — В. Т.) Республика» и «Пролетарии всех стран и угнетенных народов Востока, соединяйтесь!». Несмотря на вымученную «специфику» (травы, грабли, «народы Востока» в марксистском заклинании), герб копировал соответствующую каббалистику.

Изложение истории РСТК не входит в нашу задачу. Скажу лишь, что помимо правовой и экономической самостоятельности Колонии, важнейшие вопросы административного деления «русскоязычных» поселений, их бюджета и налогообложения решались Колонией. Русские дети учились по советским программам. РСТК призывала молодежь в свой военный отряд, а с 1927 г. юноши стали уезжать на службу в Красную Армию.

К началу 30-х гг. победила сталинская группировка в руководстве соседней Монголии, вновь забурлили Китай, в СССР развернулась коллективизация. Правительство Сталина-Молотова решило, что выращивание «пятой колонный» в Туве чрезмерно усложняет отношения с правительством ТНР, которое и без того неукоснительно следовало в фарватере кремлевской политики. В 1932 г. РСТК была ликвидирована, уступив свое место девятнадцати «комитетам советских граждан» — организациям чисто культурно-просветительского плана. Налоги, суд, землеустройство передавались отныне в ведение ТНР. В советезированной, большевизированной Туве, управлявшейся Тувинской

народно-революционной партией и «строящей социализм», русское население не испытывало дискомфорта от этой реформы. Тем более, что все тувинские государственные органы копировали советские образцы. Управление Тувинской Народной Республики в 1944 г. и превращение ее в автономную область РСФСР прошло столь же безболезненно как для русского населения, так и для тувинцев (если верить официозам).

Наш очерк не претендовал на показ всей сложности отношений между Тувой и Россией, тувинцами и русскими в Туве. Кроме архивных материалов, в нем использованы исследования Ю.Л. Аранчына, В.И. Дулова, В.М. Иезуитова, Н.М. Моллерова и других. К их книгам я отсылаю заинтересованных читателей. Вывод же, или, если угодно, мораль, можно свести к следующему.

Аппетиты российских промышленников, кулаков и красных комиссаров, гнет чиновной бюрократии на протяжении XX в. отравляли отношения между народами. Но мере развития межгосударственных связей выработывался механизм, который сам по себе не имеет колониального или идеологического характера. И в наше время возможно установление полноценных неагрессивных протекторатных связей между Россией и теми ее частями, которые не желают входить в Федерацию, но и не обладают экономическим потенциалом, достаточным для самостоятельного существования. И в наше время возможна организация русских самоуправляющихся колоний под патронажем российских дипломатических представителей — в тех странах, что входили в состав Союза ССР (или выйдут из Российской Федерации), но имеют многочисленное русское население. Урянхайский прецедент решения этих вопросов может пригодиться в наше непростое время.

[1992 г.]

Основные принципы административно-территориального деления и управления в истории Российского государства

Разделение территории на административные единицы было присуще всей истории России, как и любого другого государства. За последние 500 лет российская политико-административная система прошла длительный и сложный путь развития. Основными факторами, определявшими особенности этого процесса, являлись:

- огромная территория державы с редконаселенными северными и восточными регионами;
- многонациональность населения и в том числе правящей элиты;
- постепенное накопление и сочетание не только собственных традиций, но и заимствований извне (из Византии, стран Востока и Запада);
- использование административных систем новоприсоединенных владений;

— ^доминирующая роль государства и государственной бюрократии (по сравнению с частной инициативой) в освоении новых территорий, развитии экономики;

— ^абсолютное преобладание на всех уровнях управления русских чиновников (православных, по градации XVIII—XIX вв.);

Перечисленные характеристики в разной степени проявлялись и после 1917 г., хотя в советский период государственное строительство велось гораздо более целенаправленно, чем до революции.

В целом для системы административно-территориального деления и управления в России можно определить следующие фундаментальные принципы.

1. В отличие от СССР, где управление всей территорией было унифицированным, в Российской империи имелись *значительные региональные различия в принципах и приемах управления*. Главная причина этого разнообразия заключалась в постепенности формирования государственной территории и населения, а также неодинаковые исторические обстоятельства присоединения регионов. В определенной степени вся система управления представляла собой сочетание общеимперских и местных административных канонов. Например, деление на крупнейшие провинции сопровождалось сохранением традиционных «дорусских» подразделений на низшем уровне: округов, волостей, улусов и т.д.

Время от времени правительство предпринимало радикальные преобразования провинциального деления и местного управления. Самые крупные из них — это областные реформы Петра I 1708 и 1719 гг. и губернская реформа Екатерины II 1775 г. Идея и терминология губернской системы копировали германо-шведские образцы, но на российской почве эта система удачно соответствовала допетровским структурам и фактически совпала с прежними водствами (некоторые звенья управления, слепо перенесенные на российскую почву, довольно быстро отмерли).

Центральная власть пыталась максимально унифицировать административную структуру регионов, и карта империи в результате данных мероприятий существенно перекраивалась. Во всех губерниях учреждалось единообразное штатное расписание чиновников, с детальной проработкой их функций и обязанностей. Текущая работа и функционирование канцелярий находились в ведении вице-губернаторов. При реформе 1775 г. губернии нарезались из расчета по 300–400 тыс. чел. в каждой и делением их на уезды по 12–15 тыс. чел. в каждом.

Указанные мероприятия проходили в русле объективной тенденции к выработке единого стандарта имперского подданства и управления. Эта тенденция просматривается в России с начала XVII в., действовала на протяжении последующих столетий и обрела законченное выражение в XX в.

Вместе с тем одновременно действовала противоположная — центробежная тенденция, выражавшаяся в сепаратизме отдельных регионов и национальных окраин. Во времена кризисов она усиливалась (начало XVII в., 1917 г., конец XX в.).

2. В досоветское время *Россия не делилась по национальному признаку*. Причина заключалась в обычном для империй принципе равенства всех подданных перед престолом, вне зависимости от этнической принадлежности. Формально в разное время сохранялись присоединенные «царства» (Сибирское, Польское и др.), а также азиатские протектораты; но, во-первых, все они были многонациональными, во-вторых, имели обозначения не по населявшим их наро-

дам, а по историческим областям и столицам (Польша, Бухара, Хива, Казань, Астрахань, Сибирь).

После Октябрьской революции одни народы бывшей империи были удостоены союзных республик, вторые автономных республик, третьи автономных округов, а четвертые остались без «собственных» административных образований. Такое разделение, таившее в себе зародыши будущих конфликтов и распада государства, происходило во многом из декларированного большевиками «права наций на самоопределение». Однако на практике советское руководство с начала 20-х гг. строило фактически унитарное государство, и различия в статусе национальных образований не имели существенного значения. Они сыграли свою негативную роль и показали заложенную в них опасность в 80-х – 90-х гг., когда Советский Союз вступил в стадию необратимого кризиса.

3. Важным принципом государственной жизни являлось *разграничение юрисдикции и, следовательно, компетенции между центральным правительством и региональными властями*. Как правило, на всех подданных империи распространялись уголовные уложения. Административное же законодательство чаще всего разрабатывалось местными властями, с учетом управленческих установлений (а иногда и патриархальных обычаев) местного населения.

Для отдельных территорий составлялись особые законодательные своды: решения Боргоского сейма 1809 г. для Финляндии, «Устав о управлении сибирских инородцев» 1822 г., договоры о российском протекторате над Бухарским эмиратом 1867 г., Хивинским ханством 1873 г., Урянхайским краем (Тувой) 1914 г.

Зачастую общеимперское деление на местах существовало параллельно с особыми региональными подразделениями: казачьими войсками, вассальными княжествами, горными округами, пограничными и приморскими управлениями; до 1867 г. североамериканские владения России формально входили в Иркутскую губернию, хотя фактически управлялись аппаратом Русско-Американской акционерной компании.

Кроме того, все государство делилось по ведомственному принципу на округа – военные, жандармские, судебные, учебные, церковные (епархии). Здесь на местах уже действовали общеимперские нормы, и никаких локальных вариаций не допускалось.

4. Важным элементом регионального управления было *сотрудничество центрального правительства с местными национальными элитами*. Отношения с традиционной знатью народов на окраинах строились на совершенно иных принципах, чем с губернским чиновничеством, которое получало должности по назначению, а оклады – из государственной казны (бюджета). Ликвидация местной аристократии допускалась лишь в единичных случаях, на первых этапах создания многонациональной державы (завоевание татарских ханств в XVI в.). Абсолютно доминировало вовлечение элит в структуру управления, что достигалось:

- ^сохранением традиционных сословных прав и привилегий;
- ^включением в общий корпус российского дворянства;
- ^при переходе в православие – возможностью беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе или при дворе.

В советский период использование национальных управленческих кадров приобрело новые черты. В результате политики «коренизации» 20-х – 30-гг. прежние привилегированные сословия были вытеснены представителями

«эксплуатируемых классов», объективно почти не подготовленными к административным функциям. В этих условиях решающее слово в принятии решений оставалось за контролирующими представителями центральных инстанций — как правило, русскими. В послевоенные годы в союзных и автономных республиках выросла собственная национальная элита, но ряд важнейших постов (второй секретарь республиканского ЦК, руководитель местного отделения КГБ, командующий военным округом и др.) по традиции замещался русскими, а в восточных республиках — также украинцами и белорусами.

5. На протяжении XVI—XIX вв. при управлении окраинами правительство почти никогда *не заостряло вопроса о формальном статусе территорий*. Считалось достаточным, чтобы данный регион значился в высшей государственной символике (царском титуле, затем гербе империи); входил в одну из крупных административных единиц — воеводство, губернию, наместничество и т.п.; на него распространялось действие общероссийского законодательства; все его население выплачивало бы налоги и выполняло прочие обязательные повинности (например, рекрутскую — по набору в армию). Некоторые региональные особенности в административном устройстве и управлении воспринимались как царские пожалования, равно как и привилегии, дарованные местным элитам. Поэтому не могло возникнуть мысли о разработке каких-то самостоятельных, помимо правительства, законодательных актов, и тем более конституционных проектов. Лишь в западных провинциях либеральные интеллигенция и дворянство предпринимали подобные попытки, что вызывалось воспоминаниями об утраченной польской и литовской государственности.

В СССР все союзные и автономные республики имели конституции, написанные по единому шаблону, а края и области формально входили в сферу действия законодательства соответствующей республики и, конечно, СССР.

6. В XVIII в. возникло, а в XIX в. утвердилось одно из основных, вероятно, достижений российской государственной мысли — *институт генерал-губернаторства*. Генерал-губернаторы, управляя обширными территориями, зачастую выполняли столичные функции — например, внешнеполитические связи. Генерал-губернатор Кавказа имел право самостоятельных контактов с Ираном, генерал-губернатор Восточной Сибири — с Китаем. Вопрос о присоединении к России Тувы в начале XX в. решался, главным образом, в иркутской канцелярии (Совету Министров оставалось только провести экспертизу, а императору наложить резолюцию). Важнейшей (но никогда не объявленной открыто) функцией генерал-губернатора служила его роль своеобразного «амортизатора». Большие властные полномочия позволяли ему решать местные экономические и отчасти политические проблемы региона, не перекладывая их на правительство. Подобная децентрализация власти позволяла гасить потенциальные конфликты на местах, не доводя их до общеимперского масштаба (исключая периоды глобальных социально-политических кризисов). Депутации польской шляхты, кавказской знати или сибирских родо-племенных предводителей допускались на царские аудиенции лишь в виде особой милости; обычно же они обсуждали свои дела с русскими властями соответственно в Варшаве, Тифлисе, Тобольске или Иркутске.

Новоприсоединенные земли, а также регионы, в которых назревали беспорядки, могли получать ранг наместничества. Наместник, помимо общих адми-

нистративных обязанностей, командовал армейскими подразделениями, дислоцированными в его крае; его ведомства заменяли отделения Центрального банка.

Громадные прерогативы генерал-губернаторов и наместников теоретически могли служить базой для сепаратизма. В истории России подобных выступлений не зафиксировано, однако устройство империи предусматривало меры для их предотвращения. Во-первых, кандидатуры высших администраторов утверждались лично императором и подбирались из представителей высшей аристократии или даже царской фамилии (великие князья), то есть лиц, максимально лояльных престолу. Во-вторых, правление их в каждом генерал-губернаторстве или наместничестве было ограничено Советом, членов которого также назначал царь, и отчитывались они только перед ним.

7. Обязательным условием административной системы являлось *сочетание государственных органов с органами местного самоуправления*. Последние принимали различные формы, наиболее развитыми из которых были: до 1917 г. губернские и уездные земские собрания и земские управы, а после революции – местные Советы. Причем, система Советов пронизывала всю властную вертикаль сверху донизу, в то время как земства ограничивались уездным и губернским уровнями.

В целом советское административно-территориальное устройство радикально отличалось от имперского, но некоторые основополагающие принципы сохранялись в неприкосновенности, поскольку присущи любой государственной системе (принцип деления территории, направление на места представителей центральной власти, привлечение к управлению представителей местного населения, в том числе разных национальностей и др.). Очевидно, в современных условиях существует объективная необходимость сохранить не только эти обязательные атрибуты управления, но и использовать многовековой административный опыт российской государственности.

[2001 г.]

Распад Советского Союза (историографический аспект)²

В историографии распад СССР правомерно объясняется целым комплексом причин. Как и крушение любой империи, на этот процесс воздействовали разнообразные политические, экономические, социальные и идеологические факторы. Среди них особо следует выделить этнический фактор как один из наиболее существенных, поскольку Советский Союз являлся многонациональным государством.

² Доклад В.В. Трепавлова на XX Международном конгрессе исторических наук (1–10 июля), Австралия (Сидней), 2005 г.

Народам бывшей Российской империи пришлось в XX в. пережить многочисленные административные трансформации, законодательные перестройки, репрессии, прежде чем к концу столетия они смогли сформировать собственные полноценные политические элиты. Начало этому долгому процессу было положено в первые послереволюционные годы.

С окончанием Гражданской войны перед большевистскими лидерами встала задача интегрирования окраин в общую систему управления страной (с конца 1922 г. — СССР). Эта задача вытекала в том числе из экономических потребностей государства, унаследованных от империи. Еще в 1919 г. Г. Зиновьев говорил: «Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так, как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации»³. Вопросы политики в национальных регионах, включая проблему управления в них, рассматривались в начале 20-х гг. на X и XII съездах РКП(б) (соответственно март 1921 и апрель 1923 гг.), а также на специальном совещании в ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. (известном еще как Четвертое совещание ЦК⁴).

Главным идеологом и инициатором решений, принятых на этих форумах, был народный комиссар по делам национальностей И. Сталин. Уже тогда он выдвинул идею о ведущей роли партии как в национально-государственном строительстве, так и в многонациональном административном аппарате. Свои предложения он пытался отстаивать с помощью ссылок на Ленина и апелляций к учению марксизма. Отталкиваясь от основного доктринального тезиса о диктатуре пролетариата, наркомнац считал, что политической и социальной базой диктатуры должны стать центральные промышленные районы, то есть РСФСР, а не окраины, населенные преимущественно крестьянством. Одним из главных тезисов Сталина было убеждение в необходимости привлечения местных национальных кадров к управлению. Вместе с тем была продумана и система участия представителей союзных республик в центральных органах. В резолюции XII съезда «По национальному вопросу» предлагалось обеспечить равенство прав и обязанностей республик и национальных областей на принципах равенства; предоставить республикам достаточные широкие финансовые (в частности, бюджетные) полномочия⁵. Здравая сталинская мысль об участии коренных национальностей в формировании партийного, государственного и советского аппарата тоже нашла отражение в решениях съездов. Объявлялось желательным помочь народам «развить и укрепить у себя советскую государственность *в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов*; развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные *из людей местных, знающих быт и психологию местного населения* ... поставить и развить широкую сеть курсов и школ ... на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестан-

³ Цит. по: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Кн. 1. М., 1995. С. 166.

⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 282.

⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, совещаний и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1970. С. 441.

цев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления...» (выделено нами. — В.Т.)⁶. В докладе на XII съезде Сталин обосновывал политику формирования национальных управленческих кадров: «Для того, чтобы Советская власть стала и для инационального (т. есть невеликорусского. — В.Т.) крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык нравы, обычаи, быт. Только тогда ... Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью ... междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке»⁷.

Такая политика получила название коренизации. Она была четко, по пунктам, сформулирована на Четвертом совещании, созванном для обсуждения практических мер по осуществлению решений XII съезда по национальному вопросу. Совещание постановило, во-первых, очистить государственный и партийный аппараты окраин от националистов; во-вторых, неуклонно и систематически вводить в делопроизводство местные языки и обязать ответственных работников изучать их; в-третьих, избирать и привлекать «более или менее лояльные элементы местной интеллигенции» к работе в административных учреждениях при одновременном акценте на подготовке новых кадров из числа коммунистов⁸. Последний пункт объявлялся «одной из коренных задач партии»⁹ — скорейшее выращивание социально близкой правящей прослойки, не связанной с традиционными дореволюционными элитами.

Установка на борьбу с уклонами давалась не случайно. Сталин отметил две крайности, одинаково осуждаемые: с одной стороны, «уклон к национализму», выразившийся в пренебрежении коммунистов исторически более сильных и развитых национальностей к представителям более слабых (это было характерно для Грузии, Азербайджана, Бухарской и Хорезмской народных республик), с другой — «уклон к великорусскому шовинизму» как высокомерное игнорирование локальных национальных особенностей¹⁰. При этом местные коммунисты порой желали самостоятельно вершить дела в регионах, что вызывало резонное недовольство наркомнаца. В одном из своих писем Ленину Сталин отметил: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных национал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство Цека РКП как обман и лицемерие со стороны Москвы»¹¹.

⁶ Там же. С. 252; см. также резолюцию XII съезда (там же. С. 441). Характерно, что большинство из перечисленных народов ко времени принятия цитируемой резолюции X съезда еще не входило в союзное государство и считалось номинально независимым.

⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 482.

⁸ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 491, 492.

⁹ Там же. С. 488.

¹⁰ Там же. С. 441, 442.

¹¹ Письмо И.В. Сталина В.И. Ленину 22 сентября 1922 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 199.

Но, справедливости ради, надо сказать, что «Москва» никогда не обещала местным коммунистам полной независимости. Тактические послабления партийной дисциплины для партийных организаций окраин в период Гражданской войны не могут расцениваться как стремление отделить их от общего корпуса РКП(б). После завершения войны ЦК тем более взялся за установление своего твердого контроля. Это сразу породило возражения на местах. С трибуны XII съезда такую точку зрения озвучил представитель Украины Гринько, говоривший о «глубочайшей централизаторской тенденции» в действиях столичных инстанций, о начале директивного диктата по мельчайшим вопросам, в частности, налоговой и бюджетной политики — вопреки объявленной ранее самостоятельности союзных республик в этих аспектах¹². Резолюция съезда объявила было подобную «тенденцию» «результатом наследства старого»¹³, но в действительности Центр не собирался ослаблять контроль. Выстраивалась жесткая мобилизационная модель экономики и всего государства, в которой не было места реальной самостоятельности республик. При всей актуальности коренизации и даже, возможно, искренности намерений ее инициаторов во главе со Сталиным, привлечение и воспитание национальных кадров сопровождалось массовым командированием на окраины руководителей из Центра. Только в 1923 г. Орграспредотдел ЦК направил на периферию более 10 тысяч человек, из которых больше половины составляли ответственные работники¹⁴.

Коренизацию возможно определить как формирование элементов национальной государственности, сопровождавшееся укреплением государственного аппарата кадрами, знающими язык, быт и психологию местного населения. Ее назначение состояло в создании возможности получения образования, развития культуры и организации делопроизводства на родном языке; вовлечении местных жителей в социалистическое народное хозяйство; наконец — наиболее важное для нашей темы — в подборе, подготовке и выдвижении кадров местных национальностей в управленческий аппарат. И действительно, во многих сельских волостных управлениях документы стали составляться на национальных языках (были быстро составлены соответствующие алфавиты), для подготовки работников создавался институт практикантов, а также курсы по изучению местных языков русским населением¹⁵. Одна из целей коренизации состояла в спешной подготовке новой коммунистической элиты, призванную сменить старую («спецов»), которую по необходимости приходилось пока привлекать к управлению. В этом отношении показательна кампания 1927–1929 гг. в Таджикистане под лозунгом «Борьба батрака и бедняка в союзе с середняком против байства и за полное овладение низовым советским аппаратом»¹⁶.

1930-е гг. отмечены резким усилением «руководящей и направляющей» роли Коммунистической партии во всех сферах жизни СССР, в том числе и в национальной политике, национально-государственном строительстве. Особые, даже чрезвычайные меры были предприняты после XVII съезда

¹² Двенадцатый съезд РКП(б). С. 503.

¹³ КПСС в резолюциях. Т. 2. С. 440.

¹⁴ *Костиков В.* Блеск и нищета номенклатуры // *Огонек*. 1989. № 1. С. 13.

¹⁵ См., напр.: *История Киргизской ССР: С древнейших времен до наших дней*. Т. 3. Фрунзе, 1987. С. 322.

¹⁶ *История Таджикской ССР*. Душанбе, 1983. С. 209.

ВКП(б) (1934 г.): на транспорте и в сельском хозяйстве вводились временные чрезвычайные органы — политотделы, на крупных промышленных предприятиях учреждались должности партторгов ЦК, для надзора за выполнением решений верховных органов создавалась Комиссия партийного контроля при ЦК — она назначала своих эмиссаров в союзные республики. После короткого периода декларативной самостоятельности республик в составе Союза наступила эпоха все более жесткого диктата Центра. Сложная внутривнутрипартийная и идеологическая обстановка конца 20-х — начала 30-х гг., борьба с различными уклонами в ВКП(б) порождалась, кроме прочих причин, и протестом многих партийцев против крепнущего всевластия Вождя. В Белоруссии, Украине, Закавказье, Казахстане и Средней Азии наблюдалось сопротивление сталинской национальной политике, подчинению национального вопроса общегосударственному подходу, сопровождавшемуся пренебрежением к национальным особенностям, непониманием местной специфики. Попытки отстаивать право на принятие самостоятельных решений, попытки корректировать жесткую линию Центра «легко» облекались в обвинения в национализме (национально-демократическое течение в среде белорусской интеллигенции, деятельность Н. Скрыпника на Украине и др.)¹⁷. Тем более что, выступая за самостоятельность, коммунисты и чиновники национальных регионов объективно защищали интересы народов, а это с раздражением воспринималось в Кремле. Развернулась вакханалия борьбы с «националистическими уклонами». Пик подобных «разоблачений» пришелся на начало 30-х гг., время после XVI съезда ВКП(б) (1930 г.). В ходе партийной чистки из ВКП(б) было исключено (в том числе в союзных республиках) 18,3% прошедших ее¹⁸. Еще более опустошительным оказался период массовых репрессий 1937–1938 гг., когда пострадали высшие партийные и хозяйственные кадры в республиках (как правило, они пытались продолжать политику 20-х гг. на развитие национальных культур). Бюро ЦК компартий Туркмении и Украины были репрессированы в полном составе¹⁹. В результате охваченный страхом и деморализованный террором аппарат стал беспрекословно подчиняться центральным партийным директивам.

Перетряхивание кадров сопровождалось выстраиванием унифицированной административной иерархии по всей стране. 27 марта 1930 г. Центральный Исполнительный комитет и Совет народных комиссаров СССР приняли закон «О ликвидации округов»: устанавливалась система районов с целью укрепле-

¹⁷ Кислицын С. А. Эволюция и поражение большевистской элиты. Ростов-на-Дону, 1995. С. 82, 83. Скрыпник был народным комиссаром просвещения Украины, состоял членом Политбюро КП(б)У и Исполкома Коминтерна. На своем наркомовском посту он сменил Шумского, дабы исправить «националистические» перегибы последнего. Однако безграмотная русификаторская политика первого секретаря ЦК КП(б)У Л. Кагановича вызвала у него протест. Скрыпник выступал за развитие национального самосознания украинцев, пытался добиться повышения уровня суверенитета Украины, реальной борьбы с великорусским шовинизмом. Благодаря его деятельности, кадры украинской национальности стали преобладать в республиканских Наркомпросе, Наркомземе, Наркомосте... В ноябре 1932 г. на пленуме ЦК КП(б)У преемник Кагановича С. Косиор расценил это как захват важных постов петлюровцами. ЦК ВКП(б) отреагировал жесткими заявлениями на меры Скрыпника. В следующем году тот получил должность заместителя председателя Совнаркома Украины, но, не выдержав травли, застрелился.

¹⁸ История КПСС. Т. 4. Кн. 2. М., 1971. С. 283.

¹⁹ Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1941 гг. М., 1994. С. 257.

ния низших уровней управления; функции и материальные средства бывших округов были переданы исполкомам районов, в которые перешло не менее 90% ответработников окружного звена. Одновременно происходило разукрупнение областей и районов, учреждение в них партийных, советских и хозяйственных инстанций, постепенное разрастание бюрократии в республиках, как и всего управленческого механизма, особенно исполнительных и карательных органов²⁰. К середине 30-х гг. можно говорить о полной утрате самостоятельности Советами в качестве носителей власти. Вмешательство партийных чиновников стало всеобъемлющим. Губкомы и ЦК компартий союзных республик могли отменять выборы в Советы, «рекомендовали» (фактически назначали), подбирали и выдвигали кандидатуры для них, без всяких, даже формальных, перевыборов меняли председателей исполкомов. Советская власть сохранялась лишь номинально. Например, только в 1931–1932 гг. по указке партийных комитетов в Грузии был снят 91 председатель сельского Совета, в Армении – 25²¹.

В целом политика унификации, установления партийного диктата и борьбы с уклонами привела к свертыванию коренизации. Причинами этого послужили также, во-первых, инертность и отсталость местных партийных и советских работников, не желавших вникать в тонкости национального вопроса; во-вторых, разгоревшаяся борьба с национализмом, «буржуазно-националистическими» уклонами в руководстве многих республик; в-третьих, сильное влияние клановости, трибализма, особенно при формировании выборных органов (последнее было характерно, в частности, для Средней Азии и Казахстана). Угасло принудительное применение национальных языков в учреждениях, вводилось обязательное изучение русского языка в школах, на нем же велось преподавание в высших учебных заведениях... Но при этом продолжалось постепенное зарождение национальной номенклатуры, национальной элиты. Идея Сталина о создании национальных управленческих кадров продолжала осуществляться под его жестким контролем.

Под этим неусыпным контролем, осуществлявшимся через Орграспредотдел ЦК ВКП(б) во главе с В. Молотовым, Л. Кагановичем, Г. Маленковым и др., велось строительство аппарата в республиках. В соответствии с постановлением ЦК от 16 ноября 1925 г., все ЦК республиканских компартий должны были «приступить к выработке номенклатуры должностей местных органов, назначения на которые производится с утверждением данных парторганов и по согласованию с ними, руководствуясь при этом номенклатурами ЦК». К постановлению прилагалась «Инструкция о формах согласования назначений и перемещений руководящих работников местных учреждений», в которой, в частности, указывалось: «Все предложения местных парторганов о перемещениях и назначениях работников, перечисленных в Номенклатурах № 1 и 2, должны ставиться через Орграспред ЦК партии. Самостоятельно назначать и смещать этих работников местные парторганы не могут»²². Может быть, уже тогда в республиках разрабатывались свои номенклатуры должностей.

²⁰ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967. С. 542; Т. 4. Ташкент, 1968. С. 59; *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1994. С. 23.

²¹ *Коржихина Т. П., Сенин А. С.* История российской государственности. М., 1995. С. 219.

²² Цит. по: *Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю.* Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 27, 28.

В марте 1930 г. вышло постановление о выдвижении рабочих в советский аппарат. С одной стороны, появилась возможность для широкого народного участия в управлении, но с другой, снизилось качество кадров. Во властные структуры попадали люди случайные, мало компетентные. Это было одной из причин мелочной партийной опеки над Советами и хозяйственными органами; вот почему любая хозяйственная кампания (посевная, уборочная и т.п.) в довоенные годы регулировалась так называемыми сталинскими путевками — инструкциями, где расписывались в деталях все мероприятия.

Готовность к выполнению любых партийных поручений, ограниченная квалификация, полная зависимость от воли высшего руководства характеризует политическую элиту сталинской эпохи и объясняет ее частые перемещения на постах. В среднем каждые 2–3 года руководящий работник менял должность и «перемещался» на другой участок работы²³. Относительная стабильность в кадровой политике наступила лишь в послевоенные годы, когда были окончательно разработаны и утверждены номенклатурные должности ЦК КП союзных республик²⁴. Но придание этим руководящим кадрам четкой организации в последние годы жизни И.В. Сталина не означало пока какой-либо самостоятельности для местных элит. Высшее руководство по всей стране представляло собой единый эшелон власти, спаянный суровой партийной дисциплиной и ответственностью, догматической идеологией, стальной волей Вождя, который безраздельно командовал кадровой политикой и определял, кого и в какой степени следует допустить к управлению властными и экономическими ресурсами страны и республик²⁵. Надзор оставался тотальным. ЦК ВКП(б) то и дело разражался постановлениями о «положении дел» в республиканских партийных организациях и, в частности, о кадровой политике в них. Так, ЦК КП Украины и Белоруссии удостоились разноса за совмещение партийно-политического и хозяйственного руководства (так как партия, как указывалось, должна осуществлять лишь политическое руководство государственными и хозяйственными органами); в 1949 г. была отменена практика совмещения первыми секретарями ЦК КП республик обязанностей первых секретарей горкомов местных столиц²⁶.

Подобными мерами Центр пытался воспрепятствовать естественному процессу постепенной концентрации власти и значимых функций в руках республиканских элит. Концентрация немного замедлялась, но прекратить ее не удалось. К тому же сам партийный Центр порой действовал противоречиво, поскольку сам вмешивался в непартийные дела. После освобождения западных территорий от немецкой оккупации в Москве были организованы два Бюро ЦК ВКП(б) — по Латвии, Литве и Эстонии и по Молдавии. Они имели большие полномочия, принимая решения, обязательные для парторганов соответствующих республик; в их состав входили столичные ответработники, первые секретари республикан-

²³ Там же. С. 29. Разумеется, речь не идет о московской руководящей верхушке.

²⁴ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. М., 1980. С. 225.

²⁵ См. также: *Ледонн Дж. П.* Правящий класс России: характерная модель // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 187; *Armstrong J.A.* The Soviet bureaucratic elite. A case study of the Ukrainian apparatus. N. Y., 1959. P. 149.

²⁶ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. С. 216, 221, 226; История Узбекской ССР. Т. 4. Ташкент, 1968. С. 188.

ских ЦК и председатели республиканских Совнаркомов. Эти Бюро организовывали деятельность не только местного партийного, но и государственного, хозяйственного аппарата, контролировали подготовку кадров²⁷.

После смерти Сталина в отношениях между Центром и союзными республиками стали происходить довольно быстрые изменения. Начался процесс окончательного оформления местных национальных элит, подготовленный предыдущим периодом, когда была создана институциональная база элиты — пирамида власти. Кандидаты на руководящие посты отбирались теперь, как правило, в недрах номенклатуры, которая окончательно сложилась в 50-х — 60-х гг. Эти люди объективно становились, по выражению Дж. Хоскинга, «передаточным звеном в системе функционирования власти между тоталитарным Центром и национальным сознанием у себя дома»²⁸. Хотя цель у преемников Сталина оставалась прежней — создание наднациональной социалистической общности народов с русским языком в качестве основного, но, в отличие от покойного Вождя, они внимательнее относились к национальным чувствам народов. Этому способствовал и такой объективный процесс всесоюзного масштаба, как массовый приток в города выходцев из деревни. Этот маргинальный слой сохранил национальные культурные и бытовые традиции и влиял на повышение престижа национальных культур в среде городского населения — у рабочих, служащих, студентов... Особенно подобное явление было заметно в Белоруссии, Украине, Молдавии и республиках Закавказья; Средняя Азия и Казахстан в этом отношении изменились менее заметно, поскольку там и без того традиции патриархальной семьи держались довольно прочно²⁹.

Однако главным толчком к кристаллизации национальных элит послужила «десталинизация» экономической политики по отношению к национальным регионам, пик которой пришелся на середину — вторую половину 50-х гг. Этот процесс начался в 1954 г., но развернулся в полную силу после XX съезда КПСС. Существенно расширились полномочия республиканских административных и хозяйственных органов, многие вопросы передавались в их самостоятельное ведение: в компетенцию Советов Министров союзных республик переходило планирование объема производства и капиталовложений по предприятиям и ведомствам, а за союзным Совмином оставалось только определение общего объема валовой и товарной продукции, а также капиталовложений по республикам; в подчинение республиканским органам передавалось 11 тысяч промышленных предприятий; с 1956 г. возросла доля отчислений в республиканские бюджеты по отдельным видам доходов; в итоге бюджет, например, Узбекистана за 1957–1958 гг. увеличился вдвое; в ведение республик передавались функции руководства судебными учреждениями и органами юстиции, разработки законодательства и устройства судов, утверждения гражданского, уголовного и процессуального кодексов, разрешения вопросов территориально-административного устройства; республики получили право самостоятельного решения вопросов высшего и среднего образования³⁰.

²⁷ История КПСС. Т. 5. Кн. 2. С. 222, 223.

²⁸ Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1991 гг. М., 1994. С. 266.

²⁹ Там же. С. 270.

³⁰ Об этих мероприятиях см.: История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 464; История Грузии. Т. 3. Тбилиси, 1968. С. 329; История Казахской ССР: С древнейших времен до наших дней.

В 1960-х гг. экономическая самостоятельность союзных республик еще более возросла.

В литературе можно встретить различные оценки перечисленных мероприятий: от восторженного восхваления (как правило, в работах советского периода) до объявления их декларативными и «незначительной косметической операцией»³¹. Действительно, в руках верхушки партийного аппарата оставалась чрезмерно сконцентрированная власть; функция выработки экономической стратегии, контроль над кадровой политикой по-прежнему находились в ведении Центра. В ходе радикальных и не всегда продуманных преобразований Н.С. Хрущева и в его реформаторских замыслах национальный фактор нередко игнорировался. Так, при подготовке новой Конституции СССР в 1962 г. рассматривался вопрос о ликвидации союзных республик на основе национального принципа как якобы изжившего себя; вместо них планировалось учредить 9–10 республик в соответствии с экономическими районами — в частности, Среднеазиатскую, Закавказскую, Прибалтийскую и Центральную³².

Однако резкое увеличение экономических прав республик послужило второй важнейшей предпосылкой формирования национальных элит (наряду с конструированием властно-административной структуры в 30-х — начале 50-х гг.). Теперь республиканская номенклатура могла не только управлять подведомственной собственностью в качестве агентуры центрального аппарата, но и получила доступ к распоряжению ею по своему усмотрению — распоряжению пока не бесконтрольному, но уже не под пристальным присмотром и не под ежечасной угрозой репрессий. Появилась принципиальная возможность аккумуляции ресурсов, связей, информации. Начался этап становления собственно национальных элит в союзных республиках.

На протяжении 50-х — 80-х гг. республиканская номенклатура крепла и разрасталась, а партийный аппарат — костяк политической элиты — все шире распространял свою компетенцию. Решением февральско-мартовского 1954 г. пленума ЦК КПСС председатели колхозов включались в номенклатуру обкомов, крайкомов и ЦК КП союзных республик; в середине 60-х гг. в номенклатуру республиканских ЦК вошли секретари обкомов, горкомов и райкомов ВЛКСМ, а в номенклатуру горкомов и райкомов КПСС — секретари первичных комсомольских организаций промышленных предприятий, колхозов и совхозов³³. Все это способствовало формированию кадрового резерва элиты, источника ее институционального, избавленного от случайностей рекрутирования.

В то же время новые требования к компетентности кадров заставляли обращать все большее внимание не только на чистоту анкет и преданность партийной идеологии, но и на уровень профессиональной подготовленности. Процесс руководства требовал высокой квалификации, и правящие круги пополнялись теперь, главным образом, за счет людей с высшим образованием. Только на Украи-

Т. 5. Алма-Ата, 1980. С. 295; История Молдавской ССР. Т. 2. Кишинев, 1968. С. 624; История Узбекской ССР. Т. 4. С. 248–250; История Украинской ССР. Т. 9. Киев, 1985. С. 535.

³¹ См. напр.: История Казахстана с древнейших времен до наших дней: Очерк. Алматы, 1993. С. 340; Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Указ. соч. С. 202.

³² Пыжиков А. В. Политические преобразования в СССР: (50–60-е годы). М., 1999. С. 266.

³³ История кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1995. С. 253; История Украинской ССР. Т. 9. Киев, 1985. С. 290.

не за 1960–1980 гг. число таковых возросло со 108 тысяч до 293 тысяч³⁴. В течение того же двадцатилетия в союзных республиках устойчиво росло количество первых секретарей горкомов с высшим техническим образованием, хотя доля кадров с опытом длительной работы по управлению производством была гораздо ниже, чем в РСФСР, а с опытом работы в комсомоле и на других идеологических «участках» — намного выше³⁵. Эта тенденция начала проявляться сразу после Великой Отечественной войны, когда для восстановления и демилитаризации экономики потребовались квалифицированные руководители. Высшее, желательное экономическое и техническое образование оказывалось необходимым не только для решения повседневных вопросов на местах, но и для связей с Центром, потому что в условиях тотального дефицита и строгой плановости хозяйства одним из основных аспектов экономической жизни СССР стала борьба различных ведомств и территориальных образований (в том числе и союзных республик) за инвестиции и фонды. Причем, такая борьба велась от мелких проектов на уровне отдельных предприятий до макроуровня (нефте- и газоразработки)³⁶.

По доле коммунистов с высшим образованием в начале 80-х гг. республики располагались по убывающей так: РСФСР, Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Литва, Латвия, Эстония, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Киргизия³⁷. Причем, до начала 60-х гг. высшее образование партийные кадры получали в основном в различных партшколах, и только через двадцать лет во всех республиках у руля встали работники с полноценной профессиональной квалификацией³⁸.

Эта интеллектуальная трансформация сопровождалась и подвижками в национальном составе республиканских элит. Все больше становилось нерусских партийных секретарей. Уже к концу 50-х гг. в восьми из четырнадцати союзных республик (РСФСР не учитывается) секретари по оргвопросам принадлежали к местным национальностям³⁹.

Естественно, что при постоянном напоре и интригах республиканских властей вокруг общего, союзного источника распределения ресурсов и, в конечном счете, благ, Центру требовалась продумать особые меры для контроля аппетитах усиливающихся элит и тесного сотрудничества с ними. Одной из таких мер стало привлечение их представителей к решению общесоюзных вопросов. Сложилось обязательное правило: все общепартийные и общегосударственные документы (пятилетние планы, доклады генеральных секретарей на различных форумах) предварительно обсуждались первыми секретарями ЦК КП и председателями Советов Министров союзных республик. Без их ведома и согласия в 60-х — 70-х гг. не принималось практически ни одно важное значение общесоюзного масштаба⁴⁰. Практиковалось

---

³⁴ История Украинской ССР. Т. 10. Киев, 1985. С. 632.

³⁵ Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. Cambridge (Mass.), L., 1979. P. 499.

³⁶ Idem. P. 512, 514.

³⁷ Harasymiw B. Political elite recruitment in the Soviet Union. N. Y., 1984. P. 121.

³⁸ Bialer S. Stalin's successors: Leadership, stability and change in the Soviet Union. Cambridge e.a., 1980. P. 215, 216.

³⁹ Hough J.F., Fainsod M. Op. cit. P. 211.

⁴⁰ Молчанов А.И. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущева до Беловежской Пуши: Проблемы и противоречия национальной политики и межнациональных отношений в славянских республиках Союза ССР. Автореф. докт. дисс. М., 1997. С. 20.

и привлечение национальных представителей в центральные органы власти. Так, председатели республиканских Советов Министров вошли в состав союзного Совмина, а председатели республиканских Верховных Судов — в состав Верховного Суда СССР.

В те же годы окончательно сформировалась система кадровой работы Центра с республиканскими партийными организациями. Отдел оргпартрботы ЦК КПСС включал, кроме прочих, сектора Украины и Молдавии, прибалтийских республик и Белоруссии, Средней Азии, Казахстана, республик Закавказья. Через них шли не только назначения и перемещения должностных лиц партийного и государственного аппарата, но и осуществлялся постоянный контроль над деятельностью парторганов. Время от времени результаты такого контроля находили выражение в постановлениях ЦК, причем меры по устранению недостатков, замеченных в одной республике, рекомендовалось брать на вооружение и в других⁴¹.

В итоге к началу 80-х гг. сложилась стройная иерархия партийно-государственного аппарата с сильным Центром и сильными периферийными (на республиканском уровне) звеньями. При этом общая постсталинская либерализация режима ослабила у элит страх перед ответственностью за положение на вверенных территориях. Все большее распространение получали концентрация ресурсов в руках местной верхушки; иногда это выливалось в коррупцию.

В сентябре 1959 г. пленум ЦК КП Узбекистана освободил от должности первого секретаря Камалова — в том числе и за постройку дорогостоящей дачи. На его место был избран Рашидов с задачей борьбы с подобными «нездоровыми» явлениями (известно, что его правление ознаменовалось настоящим расцветом коррупции в республике). В июне 1961 г. пленум ЦК КП Таджикистана рассмотрел вопрос об антипартийной и антигосударственной деятельности первого секретаря Улджабаева и предсовмина Додхудоева: обнаружили приписки во *всех* хлопкосеющих районах, что не составляло тайны для высших руководителей республики. Выяснилось, что махинации координировал заместитель Додхудоева при содействии прокурора Таджикистана. Аналогичная информация в те же годы оглашалась на пленумах ЦК КП Азербайджана, Армении, Казахстана и др. Трактовалось данное явление всегда однозначно: махинациями и приписками занималась небольшая группа, а в целом республиканская парторганизация здорова и в силах самостоятельно справиться с трудностями (так Хрущев говорил, в частности, об Азербайджане)⁴². Центральные органы пытались, разумеется, пресекать криминальные явления, но при отсутствии политической воли для этого на самой вершине властной пирамиды дело зачастую ограничивалось общими

⁴¹ См., напр.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 11. М., 1978. С. 145.

⁴² *Пыжиков А. В.* Указ. соч. С. 207–209. Исследовав доступные материалы по коррупции 1965–1990 гг. У. Кларк ранжировал союзные республики по степени коррумпированности следующим образом: Азербайджан, Грузия, Армения, Молдавия, Туркмения, Киргизия, Россия, Узбекистан, Эстония, Таджикистан, Украина, Литва, Казахстан, Белоруссия, Латвия (*Clark W.A. Crime and punishment in Soviet officialdom: Combating corruption in the political elite, 1965–1990. Armonk (N. Y.), L., 1993. P. 90, table 3, 6*). Критерием послужило число чиновников, осужденных за хищения, приписки и т.п.

и в целом мягкими упреками, рекомендациями «улучшить», «обеспечить», «усилить», «углубить» и т.п.

Центральная власть понемногу, помимо желания, утрачивала управляемость национальной периферией. Бюрократически организованная административная машина переиначивала спускаемые сверху директивы в выгодном для себя смысле⁴³. Сохраняя формальную подчиненность Центру и зависимость от него, руководство союзных республик формировало собственные резервы и системы рекрутирования кадров. Организованные в парадигме «патрон — клиент»⁴⁴, эти системы лишь номинально использовали декларируемые партией «ленинские принципы подбора, воспитания и расстановки кадров», то есть принятое в СССР постепенное бюрократическое передвижение вверх по карьерной лестнице под обязательным партийным контролем. Все более заметными становились факторы землячества, клановости, личных и семейных связей.

Снижение влияния высшего руководства на республиканские элиты, на местные кланы, тотальная коррупция брежневской эпохи побудила генерального секретаря Ю. Андропова попытаться ограничить власть местных лидеров, выходящих из-под контроля, и вновь интегрировать их с Центром. Жесткая антикоррупционная кампания Андропова преследовала в том числе и эту цель. Однако вскоре сменивший его К. Черненко свернул эти мероприятия, начав противоположный процесс — фактическую легитимизацию правящей элиты. Развернувшаяся в 1984 г. кампания по повышению роли Советов имела одной из главных задач придать законность совмещению партийных и советских должностей, наделить в будущем руководство КПСС и компартий союзных республик незыблемым официальным статусом правящей элиты⁴⁵. В таком полусамостоятельном состоянии набирающие силу и власть национальные элиты вступили в период Перестройки.

В целом общая динамика развития национальных политических элит союзных республик просматривается в следующем виде.

В начальный период существования в СССР центральные власти инициировали смену элит посредством рекрутирования номенклатурных рядов, во-первых, из социальных низов, во-вторых, из местных национальностей. Одновременно шла бескомпромиссная борьба с попытками отстоять национальные культурные и экономические особенности, что трактовалось как политическое преступление, буржуазный национализм.

С укреплением тоталитарного режима только начавшие формироваться элиты подверглись суровым испытаниям — чисткам, репрессиям, кадровым перетряскам. Для элит сталинской эпохи было характерно частое перемещение работников на постах. При этом главным критерием попадания в номенклатуру оказывалась «чистота» анкеты, преданность Вождю и партии, убежденность

---

⁴³ *Urban M.* Elite stratification and mobility in a Soviet republic // *Elites and political power in the USSR*. Cambridge, 1988. P. 141.

⁴⁴ См.: *Moses J.C.* Regional cohorts and political mobility in the USSR: the case of Dnepropetrovsk // *Soviet Union*. 1976. Vol. 3. Pt. 1. P. 72, 73; *Breslauer G.W.* Provincial party leaders' demand articulation and the nature of centre — periphery relations in the USSR // *Slavic review*. 1986. Vol. 45. № 4.

⁴⁵ *Штамм А.* Эволюция элиты // *Посев*. 1993. № 2. С. 52, 53.

в марксистско-ленинской идеологии. Деловые качества трактовались, как правило, в виде способности наилучшим образом выполнить руководящие установки. Тем не менее именно до начала 50-х гг. закладывались *организационные* основы национальных элит.

В эпоху десталинизации второй половины 50-х — середины 60-х гг. сложились *экономические* основы их влияния. Решающим шагом в этом направлении стало расширение хозяйственных полномочий республиканских властей во время правления Хрущева.

Во второй половине 60-х — 80-х гг. организационные структуры и экономические потенциалы национальных элит выстроились в мощные жизнеспособные институциональные системы, и республиканская номенклатура окончательно утвердилась у власти в своих регионах. Центр довольствовался проявлениями лояльности, участием республик в выполнении пятилетних планов и видимым соблюдением партийно-государственной дисциплины. Вопиющие нарушения последней, растущая коррупция не вызывали у «либерального» брежневского руководства желания приструнить местных лидеров. Те чувствовали свою безнаказанность и уже фактически игнорировали уставные (партийные) и конституционные нормы, превращая выборы в формальность, прием в партию и выдвижение на номенклатурные посты в фикцию, сплачивая вокруг себя мощные полукриминальные кланы из земляков, соплеменников, фаворитов.

К середине 80-х гг. национальные элиты союзных республик крепко держали власть, были сильны в организационном отношении, обеспечены материальными и интеллектуальными ресурсами. Постепенно созревали условия для обретения ими большей самостоятельности. При этом даже символическая государственность союзных республик в составе фактически унитарного государства объективно позволяла создать основу для борьбы за реальную автономию⁴⁶ (и в перспективе за независимость).

Уже при самом общем анализе процесса формирования национальных элит, возможен следующий вывод. Коммунистическая партия, правящий в Союзе режим *объективно* способствовали образованию республиканских элит и тем самым *объективно* готовили почву для распада Союза. Прочие политические факторы (не всегда удачные действия президента Горбачева, борьба с ним новых политических сил в конце 80-х — начале 90-х гг., внешние воздействия и проч.) сами по себе едва ли привели бы к отделению республик, если бы в них за годы Советской власти, особенно за четыре послевоенных десятилетия, не сформировался потенциал власти, достаточный для самостоятельного существования.

⁴⁶ Bialer S. Op. cit. P. 210.

Позитивные и негативные образы России в ее этнической политике⁴⁷

На протяжении столетий в разных регионах мира наблюдалось интересное явление «...филии», которое сопровождало существование империй, особенно на стадии их формирования. Так, известна туркофилия в XVI в. на Арабском Востоке и во Франции (во время апогея могущества Османской империи) — и это в то время, когда католическая Европа во главе с Габсбургами пыталась выстроить единый фронт против мусульманского натиска. В Московском государстве публицист и мыслитель Иван Пересветов на основе переосмысленных турецких реалий описал рационально организованное государство «Мехмет-салтана». По мнению некоторых историков, образ этого идеального царства послужил стимулом для реформ царя Ивана IV 1550-х гг. В XVI—XVIII вв. среди горских народов Северного Кавказа наблюдались проявления руссофилии; правда, они стали гораздо менее заметными после Кавказской войны XIX в. В различные периоды фиксируется позитивное отношение к единоверным русским и к их огромной державе со стороны православных украинцев, грузин, балканских народов. Чингис-хан начал монгольскую экспансию не с истребления мирных земледельцев, а с широкой и успешной кампании по мирному привлечению в свой «Еке Монгол Улус» тюркских народов Центральной Азии и Южной Сибири. Подобные примеры можно умножить.

Явление «империофилии» отражает сложную диалектику политического и культурного развития различных обществ. Хотя и существовали империи, созданные исключительно путем завоеваний, все же значительная часть подобных государственных структур формировалась на основе разного рода договорных соглашений и взаимовыгодных обязательств. Притягательная сила империй заключалась, во-первых, в твердом государственном порядке, который контрастировал с раздробленностью и нестабильностью в окрестных владениях; во-вторых, в возможности обрести военную защиту от старых противников и противостоять им уже в составе могущественной державы; в-третьих, в доступе к накоплению и распределению огромных ресурсов, несравнимых с возможностями присоединенных владений.

На протяжении XV—XVIII вв. территория Российского государства расширялась не только военным путем (завоевание татарских ханств), но и за счет соглашений между российским правительством и местными элитами. Эти соглашения были тем более важны в политическом отношении, что заключались добровольно, и таким образом придавали легитимность российскому господству на новых территориях.

При слабости коммуникативных средств, удаленности от столицы, огромных расстояниях, слабой заселенности обширных пространств (особенно на востоке) адаптация присоединенных территорий к общегосударственным

---

⁴⁷ Доклад В.В. Трепавлова на 6-й Восточноазиатской конференции по славянским исследованиям (25–30 июня 2014 г.), Корея (Сеул).

стандартам подданства и управления происходила медленно, постепенно и могла растянуться на полтора – два столетия.

Правительство первоначально не форсировало этот процесс, довольствуясь формальными признаками подчинения и лояльности. Политика по отношению к народам на окраинах диктовалась почти исключительно необходимостью обеспечить исправные налоговые платежи и лояльность к властям. Начало радикальных перемен исторически связывают с реформами Петра I. Империя в ходе модернизации стала утрачивать средневековые, патриархальные нормы отношений между царем и «иноверными» подданными. Происходило это не только в результате целенаправленной политики, но и объективно, в ходе совершенствования административного механизма, расселения русских по окраинам, социального и культурного межэтнического взаимодействия, постепенного формирования новых идентичностей у присоединенных народов.

Очевидно, успешное взаимодействие элит было определяющим обстоятельством, когда решался вопрос о переходе под покровительство или в подданство России. Судьба народов решалась представителями их высших социальных страт, как правило, без референдумов и мониторингов общественного мнения, исходя из насущной политической ситуации. При этом нужно понимать, что ни одно государство или потестарное (т.е. архаичное предгосударственное) образование не желало по собственной воле лишиться независимости. Местные правящие слои соглашались поступиться частью своих привилегий в пользу русских властей в обмен на военную защиту и равноценные привилегии.

Россия в глазах ее соседей порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого режима по сравнению с другими государствами. Подобное отношение можно проследить почти по всему периметру ее границ в XVII в., а к югу от империи – и в следующих двух столетиях. Это имело следствием массовые миграции неславянского населения в российские пределы. Элита «иноверцев» стремилась обрести повышенный статус на государственной службе, щедрые пожалования и привилегии, в том числе получить доступ к безграничным ресурсам империи. Наглядно такой подход проявился в начале XX в. в Туве. Освободившиеся от китайско-маньчжурского господства тувинцы решали, с какой из соседних стран связать свое будущее. На совещании местных чиновников в 1912 г. прозвучал такой довод: «Что Монголия? Чем она лучше Тувы? Что она может нам поставить, кроме масла, которое у нас самих есть? Россия – это сила. Она способна ввозить в Туву не только ткани, но и железо и железные орудия». Как известно, через два года Тува вошла в состав Российской империи на правах протектората.

Что касается простонародья, то оно спасалось от произвола собственных властей – налогового гнета и прочих притеснений, искало более сытой и безопасной жизни.

В середине – второй половине XVII в. происходило бегство зависимых калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости ханов и нойонов, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но если переселенцы принимали православие, следовал категорический отказ. По этой причине желание принять крещение охватило такое количество калмыков, что

в XVIII в. для контроля над ними правительство специально основало город Ставрополь-на-Волге (ныне Тольятти).

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. — с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов. Они желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть от соплеменников, тяжелые налоги и повинности (особенно во владениях кабардинских князей), разорительные набеги *абреков* — горских воинов.

Существенное значение имел и религиозный фактор. Начало активной и массовой исламизации в Чечне в XVIII в. вызвало поначалу резкое неприятие у местного населения — прежде всего из-за предстоящего отказа от привычного обычного права в пользу шариата. Многие чеченцы перебирались на жительство в казачьи станицы, чтобы не доводить дело до кровопролитного конфликта с адептами ислама и не платить дань дагестанскому *шамхалу* как мусульманскому правителю.

Спасаясь от мусульманского владычества, в Россию переселялись грузины, и уже в XVII в. в Москве, Астрахани и других городах образовалась их многолюдная диаспора, возглавляемая высокородными аристократами, а иногда даже царями-эмигрантами.

Образ России в глазах неславянских подданных был в целом положительным, но все же при этом неоднозначным. Наблюдалось явное изменение его по мере ужесточения управленческих порядков на местах. Пока связь с правительством и «белым царем» ограничивалась положениями первоначальных соглашений о присоединении, т.е. взаимными необременительными обязательствами (выплата подати, вольная служба и др.), пребывание в пределах государства рассматривалось как благо, поскольку наибольшую ценность имела гарантия прав на земли и защита от внешних нападений.

А вот когда государство начало осваивать национальные окраины, когда народы стали включаться в общеимперскую административную систему, подвергаться христианизации, оказались охваченными подушной податью и рекрутчиной, когда на их угодьях стали во множестве строиться русские деревни и города, заводы и рудники, отношение стало меняться. Недовольство имперскими порядками порождало массовый исход подданных. В истории России известно несколько крупных этнических миграций за пределы империи.

В XVII в. в Нижнем Поволжье было образовано полуассальное Калмыцкое ханство. После смерти энергичного хана Аюки в 1724 г. оно начало быстро утрачивать достигнутые при нем автономию и международный авторитет. Российские власти все более заметно включались в разрешение внутренних вопросов ханства. Если поначалу их вмешательство ограничивалось урегулированием междоусобиц и назначением верховного правителя, то теперь разные стороны жизни в калмыцких кочевьях попали под контроль правительства и астраханской администрации. При этом оставался неопределенным административный и политический статус кочевой элиты. Ее не включали в состав дворянства, но и не приравнивали к простолюдию. В сословном обществе Российской империи тяжело было пребывать, не имея четкого места в социальной иерархии.

Раздражающими факторами служили также наплыв в нижеволжские степи русских переселенцев и немецких колонистов, христианизация, начавшаяся эрозия традиционного образа жизни калмыков.

У них оставалось испытанное за столетия кочевой истории средство изменить ситуацию — откочевать «из здешней протекции». В 1771 г. основная масса народа переселилась на прародину, в Джунгарию (Западный Китай).

Во второй половине XIX в., особенно в конце Кавказской войны, прошло несколько волн т.н. мухаджирства — массового выезда населения Северного Кавказа в турецкие владения. Не желая находиться в подчинении у «неверных», сотни тысяч адыгов, лезгин, ногайцев, чеченцев и др. выехали из пределов Российской империи в Османскую. По разным подсчетам, таких эмигрантов насчитывалось от 1 млн 800 тыс. до 3 млн чел. Российские власти то поощряли этот процесс из-за уменьшения числа нелояльных подданных, то препятствовали ему, стремясь не допустить сокращения количества налогоплательщиков и не оставлять новообретенный край безлюдным.

В данном случае наблюдается резкое изменение имиджа Российской империи по сравнению с предыдущими двумя столетиями. Необходимость не только пользоваться правами и льготами, но и исполнять обязанности в качестве поданных, существовать в условиях действия жесткого управленческого механизма самодержавного государства оказалась непривычным, тяжким и труднопереносимым бременем для многих «иноверцев». У калмыков и кавказцев, живших в пограничных местностях, была возможность переселения. В ином положении оказывались народы в глубине российских владений.

Например, башкиры рассматривали подданство царю как свой свободный выбор, сделанный в середине XVI в., как результат взаимного согласия с Москвой. Но во второй половине XVII в. стало окончательно ясно, что правительство и местные власти вовсе не рассматривают башкир как равноправных политических партнеров и союзников. На башкирских пастбищах и охотничьих угодьях появлялись русские поселения и заводы, власти увеличивали нормы налогообложения.

Все эти нарушения, вместе со злоупотреблениями чиновников, вызывали массовое возмущение башкир. Одним из популярных лозунгов было прекращение подданства царю. Из канонов кочевого социума вытекало, что если правитель не обеспечивает своим подданным условий, гарантированных им самим или его предками, то они вправе сменить сюзерена. В традиционном кочевом обществе это предполагало откочевку на новые земли. Однако после распространения власти России на Казахстан башкиры оказались внутри империи; возможность откочевки для них исчезла. В поисках справедливости они были вынуждены или взывать к правительству, или поднимать мятежи.

Другие этнические сообщества, проживавшие вдалеке от внешних границ, тоже пытались найти способ вырваться из-под контроля имперской администрации. Для народов таежной Сибири была возможность перебраться в недоступную глушь. В 1889 г. у одного из притоков Колымы были обнаружены неизвестные роды якутов, «уклонявшиеся от благ подданства Российского государства» на протяжении 200 лет.

Более сплоченные и цивилизованные евреи в конце XIX — первой четверти XX в. смогли организовать кампанию по массовому выезду из России — глав-

ным образом за океан. Подсчитано, что из Восточной Европы, прежде всего из российской «черты оседлости», в США и Канаду переехало 2,5 млн евреев. Главными причинами послужили религиозные и социальные ограничения, установленные в имперском законодательстве по отношению к этому народу, а также антисемитские настроения, которые царили в умах российских обывателей и периодически выражались в еврейских погромах.

Таким образом, по мере ужесточения бюрократического контроля и нарушения привычных жизненных устоев «империофилия» в среде присоединенных народов могла смениться «империофобией». Одним из проявлений неприятия имперских порядков были этнические миграции (т.е. массовая эмиграция) за пределы государства.

При этом в России XVII–XIX вв. известны лишь единичные случаи сепаратистских выступлений. Большинство полиэтничного населения сумело приспособиться к жизни в многонациональном государстве. За несколько столетий в России сложились особая политическая структура и культурная среда, которым присущи определенные алгоритмы взаимной адаптации множества народов как друг к другу, так и к государству в целом.

Тяготение к России проявлялось и позднее, в XX и начале XXI вв., хотя и в иных исторических обстоятельствах. Своеобразные проявления этого явления можно наблюдать в ситуациях с Южной Осетией и Абхазией в 2000-х гг., с Крымом и Восточной Украиной в наши дни.

Некоторые острые вопросы истории народов и межэтнических отношений

Трактовки событий в работах историков в постсоветских государствах во многом зависят, с одной стороны, от официальной правительственной политики и, с другой, от прессинга СМИ. Для современных историографий СНГ, Грузии и Прибалтики в разной степени характерны культивирование этновеличия, демонстрация собственной самобытности и исторической значимости своих народов. Нередко это достигается с помощью целенаправленного формирования негативного образа России в качестве державы, некогда «поработившей» и затем «угнетавшей» присоединенные страны. Россия в представлении авторов соответствующих текстов — это хищное колониальное государство, агрессивная и эгоистичная империя, которая постоянно зарилась на более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» преподносится как время оккупации или колониального угнетения.

Подобные интерпретации истории характерны более всего для Прибалтики, Украины, Грузии, Азербайджана, государств Средней Азии. Меньше подверже-

ны антироссийским настроениям историки Армении, Белоруссии, Казахстана и Молдовы.

Проблема присоединения к России. Самые болезненные споры эта проблема вызывает в тех регионах, которые вошли в состав России не в результате военных побед, а после различных договорных соглашений. Так, в Казахстане сейчас принято считать, что Младший жуз добровольно присоединился к Российской империи, а Средний и Старший жузы стали жертвами завоевания. Между тем известны многолетние переговоры между российским правительством и ханами Среднего жуза об условиях подданства казахов. (Другое дело, что институт подданства в глазах кочевников имел кардинальные отличия от понимания его русской стороной.)

В Грузии подвергается сомнению роль России в спасении народов Южного Кавказа от турецкого и персидского ига. Георгиевский трактат 1783 г. о российском протекторате преподносится как средство имперской экспансии. При этом история активных русско-грузинских контактов XVII–XVIII вв. изображается как искреннее стремление Грузии к дружбе и поиск ею покровителя в борьбе с соседними мусульманскими деспотиями, а Россия видела в Грузии якобы лишь плацдарм для дальнейших восточных завоеваний. Абсолютное неприятие вызывает манифест Александра I о включении Картли-Кахетинского царства в состав России с упразднением в нем монархии; замалчивается факт неоднократных прошений восточно-грузинских правителей к российским правителям, в том числе к Павлу I, о переходе в полное подданство со всеми подвластными землями.

Подвергается полному переосмыслению воссоединение Украины с Россией. Решения Переяславской рады 1654 г. якобы не имели юридической силы и поэтому не могли служить основанием для включения Гетманщины в состав Московского царства (не учитываются неоднократные обращения Б. Хмельницкого в Москву с просьбой «принятия под высокую руку», а также соответствующее постановление Земского собора 1653 г.). Частью историков решения Рады тракуются как союзный договор, впоследствии «растоптанный» российской стороной (этим объясняют желание некоторых гетманов, в том числе И. Мазепы, выйти из российского подданства).

Пребывание в составе Российской империи и СССР. Лейтмотивом исторических претензий к России выступает утрата народами национальной государственности и возможности самостоятельного развития. Экономическое и культурное развитие народов в составе России-СССР описывается односторонне – как выгодное лишь «метрополии».

Особенно это характерно для прибалтийской историографии, которая подчеркивает «вынужденный отрыв» своих государств от европейской цивилизации, умалчивая о немецком засилье в Латвии и Эстонии, колонизации и насаждении католицизма в Литве. Всеобщее осуждение вызывает «русификация», под которой понимают удушение этнической самобытности, насильственное внедрение чуждых, привнесенных «завоевателями» государственных и культурных явлений. В прибалтийских государствах такое отношение выражается в неприятии всего советского, переходящем в откровенную русофобию.

В украинских учебниках истории появились целые параграфы, озаглавленные «Русификация», преподносимая как «духовный Чернобыль» (широко

применяемое понятие, заимствованное из публицистики). В то же время высказывается тезис (впервые выдвинутый в начале XX в. М. Грушевским) об истинно-русской природе именно украинцев, в то время как «москали» — это де гибрид угро-финнов и тюрков.

Азербайджанские авторы видят в присоединении их страны к России в результате русско-персидских договоров XIX в. расчленение единого народа (как известно, 2/3 исторического Азербайджана находится сейчас в составе Ирана), передел исторической территории «тюрков-азери» и последующее внедрение здесь «колониальной» экономики.

В современных условиях, по причине известных недавних событий, наиболее оглушительными антироссийскими высказываниями отличаются грузинские историки. По их мнению, присоединение Грузии к России оказалось даже хуже мусульманского владычества, т.к. султаны и шахи практически не вмешивались во внутренние дела, не превращали грузинские царства в губернии и не лишали власти законные династии. Советская эпоха — это вообще «исторический провал», фатальный урон политическому и этнокультурному развитию Грузии. Получили развитие две мифологемы: во-первых, Грузия якобы больше всего пострадала в годы тоталитаризма; во-вторых, политика Кремля была направлена на умышленное расчленение единого историко-культурного пространства Грузии, когда из ее монолитного состава искусственно и необоснованно были выделены Абхазия, Аджария и Южная Осетия.

Аналогичные подходы широко известны в украинской историографии, которая концентрирует внимание на «голодоморе» начала 1930-х гг. как целенаправленной антиукраинской акции советского режима.

В российской исторической науке многократно опровергались эти измышления и указывалось на очевидный факт активного участия представителей названных наций в осуществлении политических мероприятий союзного Центра на местах.

Ситуация в историографии национальных регионов РФ в целом не вызывает опасений. Обвинения в адрес «России-завоевательницы» звучат со стороны публицистов и общественных деятелей, которые по большей части не являются действующими политиками или профессиональными историками. Постоянно, хотя и затухая, муссируется вопрос о жестоком штурме Казани Иваном IV в 1552 г. (с 1990 г. в Татарстане 15 октября отмечается День памяти), культивируется чувство обиды и несправедливости из-за утраты татарами своей государственности, колонизации русскими Поволжья, многократных акций по христианизации и преследованию ислама (в XVI–XVIII вв.).

Между тем к числу «вечных» тем полемики в историографии и публицистике относится оценка обстоятельств окончательного присоединения Северного Кавказа к России в ходе Кавказской войны. Чеченские радикалы настаивали на признании непрерывного 400-летнего русско-чеченского военного противостояния. Однако эти инициативы оказались относительно кратковременными, поскольку имели конъюнктурную направленность, приуроченную к конкретным политическим ситуациям.

Кроме того, в последние годы, особенно в связи с Олимпийскими играми в Сочи, активисты адыгских общественных организаций, при поддержке некоторых западных политиков, пытались поставить (вплоть до международного

уровня) вопрос о «геноциде адыгов» во время Кавказской войны. Российская сторона объявляется виновницей эмиграции народов Северного Кавказа (т.н. мухаджирство), что также преподносится как одно из проявлений «геноцида».

Проблема мухаджирства. Массовый исход коренного (в основном мусульманского) населения, с завоеванного Российской империей Кавказа в Османскую империю в конце Кавказской войны 1817–1864 гг. и в последующие десятилетия XIX – начала XX в. Среди вынужденных переселенцев-мухаджиров численно преобладали адыги (черкесы). Эта тема воспринимается сегодня на Северном Кавказе болезненно. Особенно эмоционально к ней относятся на северо-западе региона (в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее и Краснодарском крае), большинство горского населения которого навсегда покинуло Кавказ и Россию в XIX – начале XX столетия.

Под черкесскими мухаджирами принято понимать переселенцев с Северного Кавказа в османскую Турцию, а также их потомков из черкесской диаспоры, проживающей ныне в Турции, на Ближнем Востоке, Балканах и других регионах мира. Сам термин имеет арабское происхождение (мухаджарет – переселение, эмиграция, изгнание) и нередко игнорирующуюся сегодня исламскую историко-религиозную окраску. Во второй трети XIX в. так называли себя мусульмане, вынужденные покинуть места проживания, а позднее и Кавказ. Они соотносили себя с героями раннего ислама, носящими в мусульманской традиции имя мухаджиров, – с пророком Мухаммедом и его сподвижниками, вынужденными совершить переселение (хиджру) из языческой Мекки в Ясриб (будущую Медину). Понятие «мухаджир» получило значение почетного титула борца за веру в имамате – военно-теократическом государстве на территории Нагорного Дагестана, Чечни и Закубанской Черкесии под руководством имама Шамиля (1834–1859). Во второй половине XIX в. оно распространилось на вынужденных переселенцев с российского Кавказа в османскую Турцию. Среди них было немало бывших мухаджиров из имамата Шамиля.

Кавказская война 1817–1864 гг. привела к завершению длительного и сложного процесса инкорпорации Северного Кавказа в состав России, начавшегося еще в XVI в. Она не была продиктована стремлением Российской империи уничтожить кавказские народы. Вхождение Кавказа в состав России определялось несколькими обстоятельствами: территориальным соседством, давними контактами, международной ситуацией, соперничеством с Османской империей. Военные действия в горном крае на протяжении многих лет носили относительно локальный характер (их активными участниками были лишь адыги, чеченцы и часть дагестанских народностей), охватывая главным образом северо-западные и северо-восточные регионы Кавказа. Многочисленные мирные обитатели Кавказа невольно оказались заложниками своих воинственных соплеменников, вынуждены были нести жертвы и лишения. На Северном Кавказе постоянно не хватало плодородных земель, в условиях раздробленности и межплеменной розни широкое распространение получили грабительские набеги на земли ближних и дальних соседей, захват заложников и работорговля.

Прекращение Кавказской войны положило начало административным и социально-экономическим реформам в регионе, направленным на реализацию масштабной программы интеграции Кавказа в государственный организм Российской империи. Базовым принципом кавказской политики стала линия

на централизацию, тотальную унификацию региона с общероссийской правовой и административной системой. Немало препятствий реализации правительственных планов создавала специфика Кавказа и, прежде всего, его социальная многоукладность, полиэтничность и поликонфессиональность.

В годы «великих реформ» 1860–1870-х гг. процесс структурной реорганизации управления Кавказом по общеимперскому образцу не обошел практически ни одной жизненно важной сферы. Благодаря преобразованиям в последней четверти XIX в. Кавказ вступил в полосу бурного экономического роста. Жители Кавказа смогли ощутить свою принадлежность к огромному миру, осознать себя частью влиятельной империи, обеспечивавшей им качественно иной уровень личной защищенности, нежели клан, аул или даже этническая общность.

В то же время нельзя умалчивать о трагических страницах Кавказской войны и ее негативных последствиях, выразившихся, в частности, в выезде на чужбину коренного населения северо-западного Кавказа. Мухаджирство объясняется комплексом причин военно-политического, конфессионального, кровно-родственного, международного, социально-экономического и психологического характера. Поражение в Кавказской войне и его последствия (начавшаяся коренная ломка традиционных структур и ценностей) вызвали среди местного адыгского (черкесского) населения — абадзехов, бжедугов, убыхов, шапсугов и других народностей — разочарование, панические настроения и нежелание подчиняться победителям. Попытки формирования общеадыгской государственности («Сочинский меджлис» 1861–1862 гг.) в условиях военного противостояния с Россией закончились неудачей.

Адыги (черкесы) оказались перед выбором: или оставаться на землях, контролируемых русскими войсками, или перебираться в турецкие владения. Инициатива массовой эмиграции (мухаджирства) чаще всего исходила от адыгской знати. С отменой крепостного права в России местные князья-тфокотли столкнулись с перспективой освобождения зависимых соплеменников. Они понимали, что должны будут дать свободу своим соплеменникам из зависимых сословий и наделить их землей. Знать теряла зависимых людей и бесплатную рабочую силу. Еще большее недовольство князей вызвало объявленное в 1862 г. намерение российской администрации на Кавказе признать переселившихся с гор холопов свободными и поселить их на удобных землях. На мирских сходах общинники принимали решения не платить податей князьям, поскольку с окончанием войны отпала нужда в них как в военной защите.

Во многих случаях на горцев оказывали давление влиятельные сородичи из духовенства и социальных верхов, злоупотреблявшие вековыми обычаями и традициями внутриклановых и межличностных отношений. Переселенцы под их влиянием наивно надеялись избавиться от тяжелой жизни и обид, которые они терпели у себя на родине.

Наряду с Кавказской войной 1817–1864 гг., на переселения горцев в Османскую империю оказали влияние также Крымская война 1853–1856 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Российская администрация на Кавказе допускала поспешность и серьезные просчеты, порождавшие новые межэтнические конфликты и способствовавшие переселениям.

Экономическим источником мухаджирства стало разорение знати и обезземеливание горцев после окончания Кавказской войны. Потерявшие земли

и имущество участники войны и восстаний охотно уходили в Османскую империю с семьями. Целый ряд привычных для горцев видов деятельности (в том числе захват заложников) отошел в прошлое. Представители престижных прежде военных профессий рисковали остаться не у дел. Были уничтожены рабство и работорговля военнопленными, составлявшие важный источник доходов в Закубанской Черкессии, в частности у убыхов, полностью покинувших Северный Кавказ после окончания войны.

Мусульманское духовенство адыгов также выступало за эмиграцию, не желая находиться во власти православного царя. К тому же среди местного населения распространялись тревожные слухи, будто русские введут рекрутскую повинность, которая сделает невозможным отправление исламских обрядов. Определенный толчок к нему дало и переселение в Турцию наибов (наместников) имама Шамиля.

Еще сильнее по горцам ударила русская колонизация в центральной и северо-западной областях Кавказа. Многие горцы стояли перед дилеммой: либо переселяться по указанию царской администрации на равнину, в прикубанские степи, либо отправиться в Османскую империю.

В переселениях горских народов Кавказа и в предотвращении их реэмиграции были заинтересованы как власти России, так и Турции. Мухаджирство стало частью продолжавшегося русско-турецкого соперничества на Ближнем Востоке, осложненного действиями западных держав, пытавшихся ослабить Россию. Представители османского правительства вели активную пропаганду переселения.

9 марта 1857 г. (за семь лет до окончания Кавказской войны) был принят закон о переселении горцев Северного Кавказа на территорию Османской империи, гарантировавший привлекательные для них условия: 1) каждый, кто желает переселиться в Турцию, будет находиться под личным покровительством султана; 2) земли, предоставляемые переселенцам, освобождены от всех налогов; 3) каждый, кто переселится во Фракию, освобождается от военной службы на 6 лет, а в Анатолию — на 12 лет. В 1860 г. было образовано Управление по делам мухаджиров (переселенцев).

Эмиссары турецкого правительства с самого начала переселения стремились убедить горцев, что Турция — это «райская земля», покровительница всех мусульман, а султан — их глава. Проявляя заинтересованность в переселении горцев с Северного Кавказа, Османская империя преследовала собственные стратегические цели: увеличить долю мусульман в местах проживания христианского населения на вечно мятежных Балканах, а также в Малой Азии; использовать черкесов как карательную силу для подавления освободительного движения народов Османской империи; пополнить турецкую армию переселенцами для повышения ее боеспособности и ведения военных действий против России. Сказались и интриги англичан, которые видели в массе недовольных горцев орудие против России.

Таким образом, эмиграция горцев Кавказа в Османскую империю была вызвана не только политикой российских властей. Иначе она не приняла бы такого массового характера и не продолжалась бы так долго, в течение более полувека.

До 1860 г. со стороны России порой даже создавались препятствия для переселения представителей кавказских народов в Турцию, однако вскоре политика

изменилась. В начале 1860 г. царский наместник на Кавказе А.И. Барятинский убедил Александра II в необходимости принятия более радикальных шагов по переселению адыгов (черкесов), продолжавших военное сопротивление, на равнину, на левый берег Кубани, либо в Турцию. В 1860 г. российские дипломаты добились у османского правительства согласия принять первую партию из 3000 семей кавказских эмигрантов. Так начался самый массовый этап исхода горцев.

Российские власти предприняли ряд организационных и дипломатических шагов. 10 мая 1862 г. вышло постановление Кавказского комитета «О переселении горцев», тогда же была образована Комиссия по делу о переселении горцев в Турцию. Она была уполномочена организовывать переселение горцев Северного Кавказа, выдавать им денежные пособия и вести переговоры с владельцами транспортных судов о перевозке эмигрантов. Российским дипломатам удалось добиться от властей Турции согласия не расселять мухаджиров у южных границ России, в Западной Армении.

Со стороны России не обошлось и без постоянного военно-силового давления по отношению к кавказским горцам. По мере того, как все теснее сжималось кольцо российских войск вокруг районов обитания адыгских народностей северо-западного Кавказа, переселенческое движение принимало массовый характер. Оставленные горцами места по указанию властей занимали казацкие станицы. Казаков также переселяли в новые места в принудительном порядке.

Горцы переправлялись в Османскую империю через морские гавани — Анапу, Новороссийск, Сочи, Сухуми, Тамань, Туапсе. Движение к ним затруднялось бездорожьем и отсутствием мостов. Царская администрация первоначально запрещала переселенцам перебираться в Турцию по сухопутным дорогам. Однако ни турецкий, ни российский флоты не могли обеспечить своевременную перевозку огромной массы людей в пределы Турции. Зажиточные горцы со своими семьями и имуществом самостоятельно нанимали корабли и отплывали в Турцию по Черному морю. Те горцы, которые не имели достаточно средств, выходили к морскому берегу в ожидании прихода судов и возможности перебраться на них в Турцию. Однако никто не позаботился о создании на побережье хорошо оборудованных лагерей для временного пребывания беженцев. Без продовольствия, денег и теплой одежды горцы в ожидании прихода судов порой по три-четыре месяца переносили всевозможные лишения на открытом морском берегу.

В отличие от северо-западного Кавказа, миграция из центрального и северо-восточного районов Кавказа носила добровольный характер и не являлась столь массовой. Переселение в Турцию в 1865 г. почти 5000 семей и чеченцев во главе с генерал-майором Мусой Кундуховым, обошлось российской казне в 130 тысяч рублей серебром. Каждой партии переселенцев, отправившихся из Владикавказа на юг по Военно-грузинской дороге, выдавалось по 150 рублей на обеспечение крова и еды на время пути. Им позволялось брать с собой скот и движимое имущество. Таких благоприятных условий переселения, к сожалению, не имели адыги-мухаджиры из Северо-Западного Кавказа, чьи потребности не учитывались и не финансировались в должной мере российскими властями.

Представления властей о численности черкесских племен оказались значительно заниженными, а масштабы переселения горцев неожиданными для властей как Османской, так и Российской империй. Провести их более или менее цивилизованно помешала также поспешность. Обещая горцам лучшую жизнь среди единоверцев на чужбине, турецкие эмиссары призывали их к эмиграции, хотя Османская империя оказалась не готовой принять массовый поток беженцев. Денежные средства, отпускаясь на нужды мухаджиров, разворовывались чиновниками. На малоазиатском побережье Турции куда прибывали корабли с переселенцами, в Самсуне, Синопе, Трапезунде и других местах турецкими властями были созданы специальные карантинные лагеря, однако зачастую в них отсутствовали элементарные условия для жизни, питания и лечения людей. После пребывания в карантинных лагерях часть горцев-переселенцев далее переправляли через Стамбул и Варну на Балканы, а остальных — во внутренние азиатские вилайеты Османской империи. Турецкие власти выделяли переселенцам такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказывались для них губительными. Таким образом, большая часть горцев-переселенцев была брошена на произвол судьбы на территории Османской империи.

Не раз на протяжении 1860–1870-х гг. депутаты мухаджиров разочаровавшихся в «турецком рае», обращались к российским властям с просьбами разрешить им вернуться на родину либо поселиться в других областях России. На одно из таких прошений Александр II наложил резолюцию: «О возвращении и речи быть не может». В этом вопросе позиции России и Турции совпадали. Лишь небольшим группам переселенцам удалось самовольно возвратиться на Кавказ.

Ответственность за плохую организацию перемещения горцев Кавказа в Османскую империю несут власти обоих государств, как России, так и Турции. Трагические события, связанные с переселениями горцев с Северо-Западного Кавказа в первой половине 1860-х гг., засвидетельствованы многими российскими, европейскими, турецкими очевидцами.

Русские власти в первые два десятилетия после окончания Кавказской войны не препятствовали исходу горцев, рассчитывая на отъезд потенциальных бунтовщиков. Ожидалось, что желание покинуть Кавказ выскажет небольшая, наиболее беспокойная часть его жителей. Но оказалось, что переселение приобрело непредвиденно огромные размеры. Наряду с легальной эмиграцией, существовали также нелегальные потоки мухаджиров, не учитывавшиеся ни российской, ни турецкой статистикой. По разным подсчетам в разные области Османской империи (Малую Азию, на Ближний Восток и Балканы) переселилось от 450 тыс. до 1,5 млн уроженцев Северного Кавказа. На некоторое время западная часть края практически обезлюдела. Поэтому администрация стала прибегать к различным экономическим, административным и пропагандистским шагам, чтобы остановить переселенческий поток. Проанализировав положительные и отрицательные последствия переселений, и Россия, и Турция с 1890-х гг. приступили к изменению своей политики в данном направлении.

Массовая эмиграция, высокий уровень смертности во время переселения, в российских и турецких пересыльных лагерях — это, несомненно, огромная трагедия в истории адыгского народа. Однако российское правительство во-

все не ставило целью истребить адыгов (черкесов). Главной задачей его политики на Кавказе было обезопасить Черноморское побережье, утвердиться на новых границах империи. Хорошо известно, что множество представителей адыгских народов (особенно кабардинцев) приняли сторону России, получали образование, становились офицерами и чиновниками. Немало мухаджиров впоследствии пожелало вернуться на родину, но российские власти ограничивали это обратное переселение из опасения дестабилизации обстановки в регионе и проникновения иностранной агентуры. Оставшиеся на Кавказе народы, проживающие и сегодня в составе России, смогли сохранить свою религию, самобытность, язык, культуру.

Действия российской стороны, повлекшие за собой мухаджирство, ни в коей мере не могут расцениваться как геноцид в строго юридическом понимании, т.е. (в соответствии с соответствующей конвенцией ООН 1948 г.) как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», поскольку целью указанных акций было не истребление населения, а приведение его к покорности путем организации полупринудительных переселений. У российских властей не было и не могло быть намерения истребить кавказские народы. К тому же представляется неправомерным применять современные юридические нормы и дефиниции по отношению к событиям XIX в.

Казахстан: от кочевых ханств к президентской республике

Современный Казахстан воспринимается в мире как один из «осколков» распавшегося Советского Союза, да в сущности таковым и является. Как и в других бывших союзных республиках, в его государственном устройстве, в организации экономики, в общественной структуре сочетаются элементы, унаследованные из советских времен и заимствованные из западных демократий. Несмотря на широко пропагандируемую приверженность национальным (казахским) устоям жизни, в реальной действительности не заметно возрождения каких-либо политических институтов прошлого. Слишком специфична и архаична была собственно казахская государственность, чтобы в наше время служить основой для повседневного системного управления обществом. Тем не менее происходит массовое внедрение в умы казахстанцев (и особенно школьной и студенческой молодежи) новых постсоветских исторических схем. Они отличаются крайне идеологизированностью, зачастую антироссийской направленностью, сопровождаются обвинениями России (нередко обозначаемой нелепым термином «царизм») в колониальном закабалении Казахстана, в нарушении его самобытного развития. В современных казахстанских учеб-

никах не находится ни одного доброго слова и насчет советского периода. Все это также характерно для большинства других новых независимых государств.

При этом российские интеллектуалы, интуитивно чувствуя предвзятость и натянутость подобных исторических построений, порой не обладают достаточной информацией для того, чтобы судить о степени их истинности. Ниже мы напомним читателям об основных вехах развития государственности у казахов и о некоторых обстоятельствах их существования в рамках Российского государства.

Формирование казахской государственности. Казахские историки с очень ранних времен выводят истоки своего народа, причисляя к его предкам этносы древности и раннего средневековья (саков, усуней, древних тюрков и прочих). Однако непосредственные корни казахов следует видеть, очевидно, в кипчаках. Эти тюрки-кочевники стали господствовать в степях современного Казахстана в XI в. (западная часть кипчакских племен, жившая западнее Волги, была известна на Руси под именем половцев). В XIII в. кипчаки были покорены монголами Чингисхана. Обширные кипчакские земли завоеватели включили в улус (удел) старшего чингисова сына Джучи. В исторической литературе за Улусом Джучи закрепилось название «Золотая Орда». Кипчакские пастбища были розданы царевичам, сыновьям Джучи, и распределены между монгольскими племенами. Прежнее племенное деление кипчаков было утрачено.

Пришельцев-монголов было очень мало в этом государстве, а те из них, что переселились сюда, в течение столетия (к середине XIV в.) полностью смешались с местными тюрками.

С конца XIV в. Золотая Орда стала слабеть и распадаться под ударами внешних врагов и в результате внутренних распрей. Степные пространства, что находились между реками Уралом и Иртышом, в 1428 г. подчинил своей власти один из потомков Чингисхана Абулхайр. Это правитель хитростью и силой сумел устранить со своего пути ханов-соперников. В течение 40 лет единолично властвовал он в степях. Подданные государства Абулхайра принадлежали к различным племенам. Но кроме племенных названий, у них было и общее название — *узбеки*.

До сих пор у в науке нет единого мнения. Откуда появилось это слово. Две самые распространенные точки зрения таковы: или оно произошло от одного из средневековых обозначений Золотой орды — «Улус Узбека» (по имени могущественного ордынского хана, который правил в первой половине XIV в.), или составлено из элементов *уз* (сам) и *бек* (господин), т.е. «независимый народ», «сам себе господин».

Узбеки XV в. были кочевым скотоводами, подчинялись своим племенным предводителям — *биям*, платили подати верховному государю и были обязаны отправляться на войну по его приказу.

Не все царевичи-*султаны* из рода Чингисхана могли смириться с тем, что узбекский престол достался Абулхайру. Но бороться с ним было бесполезно: по первому его слову огромная рать седлала коней и собиралась под ханское знамя. Разорение и гибель ожидали противников Абулхайра. Поэтому тот, кто не желал подчиняться ему, считал за лучшее откочевать подальше, за пределы Узбекского ханства. Среди таких недовольных аристократов оказались дальние родственники Абулхайра Джанибек и Гирей. Со своими подданными и привер-

женцами они ушли далеко на юг, приблизительно в тот район, где ныне проходит граница между Казахстаном и Кыргызстаном. Тамошний владетель, увидев в многочисленных эмигрантах дополнительную военную силу для своего ханства, ласково их принял и отвел им кочевья в долине реки Чу.

Людей, которые отрывались от родных мест и уходили куда глаза глядят, бродили в поисках лучшей доли, издавна в степях называли тюркским словом *казак*. Оно означает «бездомный скиталец», «бесприютный изгнанник». Султаны Джанибек и Гирей, как и их спутники, теперь тоже считались казакми. Но они все-таки принадлежали к узбекским племенам. Поэтому за новоселами на берегах Чу закрепилось название *узбек-казаки*.

В 1468 г. умер Абулхайр. Многие племена не захотели подчиняться его детям, и в стране узбеков разгорелась борьба за трон. Вожди узбек-казаков поняли, что наступил их час. Джанибек и Гирей повели своих подданных обратно на родину. Высокое происхождение обоих султанов, сильное войско под их командованием, репутация заклятых врагов Абулхайра — все это сплотило вокруг них тех, кто не желал, чтобы династия Абулхайра продолжала распоряжаться в Узбекском государстве. Вскоре Гирей стал главным ханом. Джанибек считался ханом-соправителем Гирея, но, очевидно, не имел большой власти. Когда Гирей скончался, Джанибек повиновался его сыну, верховному хану Бурундуку.

И сами вернувшиеся с юга ханы, и их приверженцы предпочитали, чтобы их продолжали называть тем именем, которое они обрели в скитаниях и с которым они одержали победу, — казаки. Когда Гирей взошел на престол, слово «казак» стало быстро вытеснять прежнее обозначение жителей государства — «узбеки». Бурундук уже был известен как властитель не узбеков, а казаков (т.е. казахов).

«Казахи» и известные всем русские «казаки» — это, собственно, одно и то же слово. До начала XX в. казахов в России неверно именовали киргизами или киргиз-кайсаками. Затем их стали называть казаками, т.е. точно так же, как русских казаков. С 1936 г. в русском языке принято написание *казахи*.

Внук Абулхайра Мухаммед Шейбани попытался вернуть власть свергнутой династии. Сторонники рода Абулхайра объявили его ханом. Они не желали называться по-новому — казаками — и продолжали пользоваться старым названием «узбеки». Потерпев неудачу в борьбе с правителями казахов, Шейбани в начале XVI в. увел своих соратников в Среднюю Азию. Там он легко одолел раздробленных потомков Тимура и основал собственное государство. Сопровождавшие его племена со временем стали смешиваться между собой и с местными тюрками, перенимать многие элементы языка и культуры от соседей-таджиков. Началось формирование единого узбекского народа.

С тех пор граница между понятиями «узбеки» и «казахи» четко определилась. Под казаками стали подразумевать население бывшего Узбекского ханства, а под узбеками — тюркоязычное население Хорезма (низовьев Амударьи) и Мавераннахра (междуречья Амударьи и Сырдарьи).

Ханства и жузы. Присоединение к России. Казахи выдержали атаки со стороны Шейбани и смогли отстоять независимость. Апогей могущества Казахского ханства пришелся на первые десятилетия XVI в., когда на троне находился сын Джанибека Касим-хан. Современники передают, что при нем конница казахов достигала 1 миллиона всадников, ему подчинялась многолюдная Ногайская

Орда на территории Западного Казахстана. Однако со смертью Касима в 1521 г. государственность пришла в упадок. Ногаи захватили обширные земли на западе, среди казахов начались междоусобицы, иногда несколько ханов царствовали одновременно.

Лишь во второй половине столетия сын Касима Хакк-Назар смог отчасти восстановить былое могущество ханства. Казахские кочевья при нем простирались от реки Эмбы на западе до Иртыша на востоке. Но этот правитель умудрился поссориться со всеми соседями. В сражении с ташкентскими войсками в 1580 г. Хакк-Назар был убит, и ханство на некоторое время попало в зависимость от узбеков.

Вероятно, именно в эпоху Хакк-Назара зародилось деление казахского народа на три *жуза* – территориальные объединения племен и родов. Старший (или Большой) жуз располагался на юго-востоке современного Казахстана, от южного Прибалхашья (так называемого Семиречья) до Сырдарьи; Средний жуз занимал пространство Центрального Казахстана; Младший (или Малый), очевидно, сформировался позднее других – на землях распавшейся к середине XVII в. Ногайской Орды.

В XVII в. раздробленность среди казахов нарастала. Ей способствовали распри между ханами, вторжения джунгар (западных монголов). В 1718 г. умер последний общекзахский государь Тауке. После него в каждом жузе правили собственные ханы.

Конец XVII и начало XVIII вв. отмечены драматическими обстоятельствами в истории народа. Джунгары начали настоящее нашествие на Казахстан. Множество народа полегло в сражениях, были утрачены богатые торговые города на Сырдарье. Массы кочевников отхлынули подальше от врагов – на запад, к реке Урал. Немноголюдный до того Младший жуз наполнился народом, а хан жуза Абулхайр обрел новых подданных. Они осваивали приуральские кочевья, иногда вступая в жестокие столкновения с новыми соседями – уральскими казаками, башкирами, калмыками и русскими властями. От казахских правителей требовалось срочно наладить отношения с Российской империей, чтобы, во-первых, погасить эти конфликты, во-вторых, обеспечить тыл (а возможно и получить помощь) в войнах против джунгар. Кроме того, Абулхайру была нужна дополнительная поддержка в междоусобной борьбе с казахской аристократией. Так сами обстоятельства, логика исторической ситуации заставили Абулхайра завязать активные политические контакты с Россией.

В феврале 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала жалованную грамоту о принятии Младшего жуза в подданство; в октябре знать жуза высказалась в поддержку инициативы своего предводителя.

Постепенно в течение следующих ста лет в российское подданство добровольно перешли Средний и Старший жузы. Лишь самая южная часть Казахстана находилась в сфере влияния узбекского Кокандского ханства, и российские войска присоединили ее к империи после вооруженного вторжения в долину Сырдарьи.

Утверждение России в Казахстане. Для утверждения российской власти в новых владениях на окраинах казахских степей были основаны крепости Оренбург, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Петропавловск и другие, на сотнях верст протянулись укрепленные линии. В 1854 г. на землях Старшего жуза

возникло укрепление Верное — будущая Алма-Ата. На протяжении XIX в. правительство постепенно реформировало систему управления на этих новоприсоединенных территориях: была упразднена ханская власть, вводились особые законодательные кодексы (уставы), прежнее деление на жузы уступило в конце XIX в. структуре 6 областей в составе Туркестанского и Степного генерал-губернаторств. Вся земля была объявлена государственной собственностью. При этом все важные нововведения внедрялись российской администрацией в тесном сотрудничестве с местной национальной верхушкой. Сословная организация империи требовала координации интересов центральной и местных элит, хотя не всегда эти интересы удавалось совместить. Не раз казахи поднимали восстания, вызванные налоговым гнетом, ограничением или нарушением традиционных маршрутов перекочевков.

Хотя жузовая система исчезла из административной практики, она оказалась чрезвычайно стойкой в массовом сознании. До сих пор каждый казах может назвать свой род, племя и жуз, причем сохранились представления об иерархии племен, по которой, например, самое «младшее» племя Старшего жуза считалось более знатным, чем самое «старшее» племя Среднего жуза и т.п. Особняком стояла аристократическая прослойка *торе* — потомков Джучи. Принадлежность к определенному племени и жузу влияла на кадровую политику казахской коммунистической номенклатуры в прошлом и, безусловно, имеет значение в современном Казахстане.

История Казахстана после 1917 г. отмечена в общем теми же этапами, что и история всей страны и прочих национальных регионов, превратившихся в союзные республики. — Гражданская война; нэп и коллективизация со всеми ее трагедиями (массовым голодом и разорением крестьянства); мобилизация всех ресурсов в годы войны; послевоенное строительство и попытки интенсификации экономики (в данном случае освоение целины); «застой», «перестройка», обретение независимости.

В 90-х гг. историки в большинстве бывших союзных республик радикально пересмотрели прежние официальные незыблемые взгляды на присоединение их народов к России, на национальную политику империи и Советского Союза, на историческую роль русского народа в развитии национальных регионов. Не составляют исключения и многие казахстанские исследователи. Продвижение России на восток объявлено колониальной экспансией, сама дореволюционная Россия и наследовавший ей СССР — колониальными империями, угнетавшими сотни народов; русские же выступали орудием и главным средством колониального порабощения незащитных соседей, ударной силой «царизма».

Эти вопросы имеют вовсе не только академический интерес. Если спор о степени «колониальности» российской политики может привлекать перспективой отыскать историческую истину и справедливость, то тема русского населения на окраинах прямо связана с сегодняшней судьбой многочисленной славянской диаспоры на пространстве бывшего Союза. Попытаемся осветить эти проблемы относительно Казахстана.

*Русские в Казахстане*⁴⁸. Первое славянское население на территории современного Казахстана появилось в 1580-х гг., когда казачья вольница, выбитая

---

⁴⁸ В данном разделе использованы материалы В.И. Котова.

царскими войсками с Волги, стала захватывать ногайские кочевья по берегам Яика (Урала). Раздробленные ногаи уже не способны были противостоять этому наплыву, к тому же вскоре на них с востока обрушились калмыки. Ногайская Орда распалась, а большинство ее населения ушло в Причерноморье и на Кавказ. Казаки укрепились на Яике и к началу XVII в. образовали свою военно-политическую структуру – Войско, которое признало подданство московскому царю. Одновременно шло заселение русским Сибири. Служилые казаки и стрельцы, крестьяне из Европейской России обосновывались на северных рубежах казахских степей. При этом нужно отметить, что территория проживания казахов того времени не полностью совпадала с нынешними границами Республики Казахстан. Скажем, на Яике казахи стали появляться только в XVII в. (Младший жуз), а до тех пор этот регион служил местом жительства ногаев, калмыков и уральских (яицких) казаков. Лишь когда массы кочевников откатились на запад в конце XVII – начале XVIII в., спасаясь от джунгар, там возникло постоянное казахское население.

Вообще северная периферия степей было населена очень редко. Но это отнюдь не означало ее «безхозности». Так рассуждал А.И. Солженицын в своем трактате «Как нам обустроить Россию», обосновывая проникновение русских на восток: дескать, огромные площади пустовали, и лишь казахи раз в год прогоняли через них овец. Это правильное утверждение, но сарказм знаменитого писателя здесь неуместен. Ведь кочевая экономика была организована таким образом, что люди с бесчисленным поголовьем скота ежегодно перемещались на большие расстояния с летних пастбищ на зимние и обратно. Летовья находились, как правило, на севере, и степи по соседству с сибирскими владениями России заполнялись народом и скотом именно в летнее время. В остальные сезоны северные пастбища пустели, как бы отдыхая и восстанавливая плодородие до следующего лета. Так что территория отнюдь не «пустовала», но была включена в традиционный хозяйственный цикл. Естественно, основание российских городов и деревень на скотоводческих угодьях, на кочевых маршрутах и водопоях, наталкивалось на недовольство казахов.

На протяжении XIX–XX вв. Казахстан пережил несколько волн славянской миграции. Массовое переселение в Казахстан русских и украинских крестьян-земледельцев началось в конце XIX столетия. Уже тогда число славянских поселений там достигло 500. Во время засухи 1920–1922 гг. сюда в поисках спасения хлынули огромные массы людей. В подавляющем большинстве это были русские.

Партийное и советское руководство Казахстана весьма доброжелательно относилось к переселенцам, поскольку это были рабочие руки, столь необходимые для освоения необжитых земель. Да и идеологические установки того времени не допускали иного подхода. Центральный Исполнительный Комитет Казахской АССР обратился к новоселам с призывом, в котором, в частности, говорилось: «Нужда и голод выбросили вас в широкие киргизские (т.е. казахские в терминологии того времени) степи, где некоторым из вас посчастливилось устроиться на плодородных землях и позабыть немного невзгоды... Добрососедские отношения между товарищами переселенцами и товарищами киргизами уже установлены, взаимная между ними товарищеская солидарность существует... они теперь чутко прислушиваются к нуждам друг друга...».

Однако вовсе не стихийные переезды обусловили наплыв русских в степи. В те же годы центральные партийные инстанции выдвинули задачу помочь трудовым массам других народов догнать в экономике ушедшую вперед Центральную Россию. Согласно национальной политике Советского государства, требовалась помощь народов (в первую очередь русского), имеющих значительные отряды рабочего класса, для основания в национальных республиках очагов промышленности, где были бы представлены группы местных пролетариев, которые могли бы служить связующим звеном между русским пролетариатом и трудящимися массами этих республик.

Подобные решения послужили причиной организованного массового перемещения разнонационального населения на территории Средней Азии, Закавказья, Дальнего Востока и других регионов страны для создания там индустриальной и сельскохозяйственной базы. Это переселение уже тогда в значительной степени изменило национальный состав ряда союзных республик. Для выполнения планов народнохозяйственного развития потребовалось привлечение новых рабочих рук, в основном в северные и восточные районы Казахстана. В связи с этим Совет Народных Комиссаров КазССР обратился «ко всем трудящимся Советского Союза» со словами призыва: «Казахская республика ждет к себе дорогих гостей... чтобы вместе с ними... освоить богатства Казахстана и этим самым еще больше умножить силу и мощь нашей великой Родины». Основная волна переселенцев пришла на 30-е годы. Под размещение новоселов отводились не просто пустующие земли, а районы промышленных строек и интенсивного сельского хозяйства. Целые колхозы формировались в местах первоначального проживания и переезжали в Казахстан. По распоряжению местного руководства для них нарезались и отводились крупные земельные массивы.

Важным элементом политики в национальных регионах стало формирование в них полноценной экономической инфраструктуры. В период индустриализации в союзные и автономные республики были перебазированы многие промышленные предприятия из центральных районов, вывезено огромное количество оборудования. Помощь оказывалась и в последующие десятилетия, особенно в 60–70-е годы. За 1961–1965 гг. по организованному набору в Казахстан прибыло 171 тыс. чел.; более 93% из них являлись представителями других республик. Огромное большинство вновь приходило на долю РСФСР. Наряду с оргнабором, практиковалась и такая форма пополнения кадров, как общественные призывы. Только на строительство Соколово-Сарбайского горнообогатительного комбината приехало по призыву 30 тыс. русских, а на сооружение Карагандинского металлургического завода – более 28 тыс. В итоге за годы Советской власти промышленное производство Казахстана увеличилось более чем в 900 раз.

В 50-е гг. в стране резко обострилась продовольственная проблема, назрела необходимость срочно увеличить производство зерновых. Обширным пространством для сельскохозяйственного освоения располагал Казахстан, дело было за людьми. Развернулось массовое движение по освоению целинных и залежных земель. Русское население страны приняло в этом самое непосредственное участие. В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем увеличении производства целинных и залежных земель» (1954 г.) отмечалось, что «недо-

стающее количество рабочей силы для вновь организуемых совхозов на новых землях должно быть пополнено в порядке организованного набора», — и далее указывалось, что «организованный набор и посылка работников в районы освоения новых земель должны рассматриваться как выполнение важного задания партии, как большое патриотическое дело».

В короткий срок произошло значительное перемещение населения в регионы, предназначенные для освоения. За 1954–1956 гг. в Казахстан приехало более 640 тыс. чел., причем большая часть прибыла из РСФСР. В 1960–1964 гг. туда перебралось еще более 2 млн чел.

К 1959 г. русское население Казахстана выросло до 3 972 тыс. (что составило 42,5% всех жителей), а к 1989 г. до 6 228 тыс. (почти 38%). Именно тогда республика стала, несомненно, самой многонациональной в СССР. На протяжении более трех десятилетий Казахстан занимал второе место после Латвии по многочисленности межнациональных браков.

Еще одним массовым исходом русского населения с обжитых мест на восток оказалась эвакуация 1941–1942 гг. В среднеазиатские республики и Казахстан перемещались с оккупированных территорий эвакуированные предприятия и их кадры. Из более чем 17 млн человек, покинувших европейскую часть страны, здесь осела основная масса.

Нельзя не учитывать также фактор «холодной войны», который требовал размещения на этих территориях многочисленного воинского контингента; в Семипалатинской области возник огромный полигон для испытаний ядерного оружия.

Помимо обычных плановых переселений, проводившихся гласно и открыто, практиковались перемещения огромного числа репрессированных. Только в 1931 г. в республику прибыло до 45 тыс. крестьянских семей — «раскулаченных». Размещены они были в основном на территории Карагандинской, Южно-Казахстанской и Северо-Казахстанской областей. Принудительное переселение из разных регионов страны продолжалось и в последующем. К этому следует добавить отчуждение обширных земель под исправительно-трудовые лагеря.

Местные национал-радикалы в союзных и автономных республиках СССР нередко воспринимали русских в целом как начальников и конкурентов с неоправданно высоким социальным статусом. Антирусские настроения в среде населения национальных регионов во многом явились следствием массовых переселений. Причем, на новых местах русские трудились, главным образом, в промышленности, строительстве, на транспорте, составляя костяк местного рабочего класса и научно-технической интеллигенции; следовательно, оказывались в такой социальной и экономической среде, которая не требовала быстрой адаптации к локальным этническим особенностям — изучения языка, обычаев и проч. Как правило, наоборот, в национальных регионах расширялась именно русская языковая и культурная среда, что вызывало недовольство у местных ревнителей этнической чистоты. Впоследствии незнание местных языков стали ставить русским в вину как признак их пренебрежения национальными культурами.

В последнем десятилетии возникла чрезвычайно острая проблема с положением русского населения в большинстве стран СНГ и Прибалтики. Оно пре-

вратилось в диаспору, дискриминируемое этническое меньшинство. Правящие круги, стремясь построить новую государственность на «чисто национальной» основе, на базе традиций «титულных наций», не желают замечать или замалчивают принципиальный вклад русского народа в социальное, экономическое и культурное развитие соответствующих народов и регионов, в их приобщение к мировой цивилизации и международному сотрудничеству. К сожалению, не составляет исключения в этом смысле и независимый Казахстан. Такой подход не только обедняет культуру этих стран, но и вызывает напряженность в межнациональных отношениях и в отношениях с Российской Федерацией.

Наплыв русских на окраины по воле власти естественно заставлял ассоциировать их с этой властью, воспринимать их как носителей государственности. Однако насколько обоснован такой взгляд? В первые десятилетия XX в. русские значительно отставали от некоторых других народов империи и СССР по степени урбанизации и уровню распространения грамотности. Масса русских крестьян жила хуже, чем большинство крестьян в других регионах страны. В советскую же эпоху руководство страны было больше озабочено сохранением своей власти — в том числе и через сотрудничество с национальными элитами, а также поддержанием положения сверхдержавы, чем повышением уровня жизни русского народа. История нашего государства показывает, что на самом деле положение русских в XX в. оказалось далеким от процветания, как следовало бы ожидать для нации господ и колонизаторов.

«Колонизаторы» и «колонизуемые»: попытка неполитизированных рассуждений. Данные проблемы поднимаются в науке и политике по поводу, в частности, определения степени зависимости окраин от Центра, соотнесения ее с «классическими» колониальными моделями.

По мнению известного историка и политолога М.С. Восленского, союзные республики имели, с одной стороны, черты полуколоний: они входили в состав Советского государства в качестве его административных единиц, и администрация в них была в основном местного происхождения, однако многие ключевые посты замещались посланцами из метрополии; в пределах республик дислоцировались войска метрополии; официальное делопроизводство велось, а книги и пресса печатались как на местных, так и на русском языках. С другой стороны, колониальному статусу противоречили правление в основном национальной номенклатуры местных народов; сравнительно немногочисленный вес русских в администрации; «номенклатура-сюзерен мудро старается не задеть национальные чувства местного населения, а приниженное положение простых русских в национальных республиках призвано закрывать глаза коренного населения на полуколониальную зависимость».

Думается, что приведенные Восленским черты «полуколониальной зависимости» не являются таковыми, так как в целом отражают черты тоталитарного строя в многонациональной стране, и не следует уподоблять этот режим колониальным империям. Существование национального угнетения в полиэтничном государстве вовсе не свидетельствует о колониальном характере управления. В условиях коммунистического режима колонией в таком случае можно было бы считать абсолютное большинство населения СССР без различия национальностей, а метрополией — его многонациональную номенклатурную элиту.

Можно возразить, что активное и массовое расселение русских в национальных регионах СССР фактически являлось продолжением славянской колонизации, начавшейся в предыдущие столетия. Например, хрущевская «целинная эпопея» 50-х гг. была фактически ничем иным как колонизацией территории казахского Среднего жуза. Однако, во-первых, колонизация вовсе не равнозначна колониализму, колониальной экспансии. Во-вторых, если оценивать данный процесс без эмоций, то следует видеть в нем не колониальные аппетиты «царизма» или советского режима, а осуществление целенаправленной государственной политики, направленной в том числе на экономическое развитие окраин и в интересах населения этих окраин.

Являлся ли Казахстан российской и советской *колонией*? Если использовать это понятие не как публицистический штамп или «оплеуху» бывшему «колонизатору», а как строгий юридический термин, то ответ скорее будет отрицательным.

Во-первых, колония — это страна или территория, находящаяся под властью иностранного государства. Однако Казахстан являлся составной частью Российской державы; ни жители европейской части России, ни казахи не смотрели друг на друга как на иностранцев. Некоторые поначалу существовавшие законодательные отличия объяснялись не «заграничностью» Казахстана, а его исторической спецификой, обстоятельствами его присоединения, соседством с Китаем и т.д. К началу XX в. эти отличия постепенно сглаживались и были полностью устранены в советское время.

Во-вторых, колония лишена политической и экономической самостоятельности. Действительно, Казахстан (точнее, та группа административных единиц, что располагалась на его нынешней территории) не являлся самостоятельным участником международных отношений и мирового рынка. Однако это было бы и немыслимо для составной части единого государства. Тогда получается, что в таком же «порабощенном» положении находились до революции, например, Тверская губерния, а в СССР Саратовская область или Красноярский край — отнюдь не колонии и не протектораты.

В-третьих, колония управляется на основании особого режима, отличающегося от системы управления в метрополии. В самом деле, в Казахстане не вводилось губернско-уездное деление по образцу Европейской России. Там существовали генерал-губернаторства, состоявшие из областей. Однако генерал-губернаторы — вовсе не колониальные наместники, ведь чиновники такого же ранга действовали и в Москве, в Киеве, и в Иркутске... Особый режим управления касательно Казахстана можно усматривать в долгом, до 1860-х гг., сохранении «родового правления» — признания администрацией авторитета и полномочий родовых предводителей-биев по отношению к их сородичам и соплеменникам. Со временем этот «эшелон» власти оказался оттесненным государственными органами, что было общим явлением для всей империи. Объяснялось это не зловещим умыслом удушить остатки казахской самобытности, а объективной тенденцией к унификации управления в стране. Установление единообразия в организации властных инстанций шел очень долго и постепенно, начавшись с ограничения и затем отмены монархических прерогатив у ханов. Говорить же о каких-либо юридических отличиях или притеснениях республики в составе СССР и подавно не имеет смысла.

При колониальной политике и колониальной экспансии происходят политическое порабощение и экономическое принуждение народов, сырье вывозится в метрополию, в интересах метрополии используется дешевая туземная рабочая сила и т.п. Названные выше факты экономического развития Казахстана в XX в. опровергают подобную интерпретацию. Еще большой вопрос, какой стороне стоило больше ресурсов развития казахского общества из кочевой патриархальной старины до современного аграрно-индустриального социума.

Геополитика и эмиграция: Россия в судьбах грузинской элиты XVIII в.

В позднем средневековье Южный Кавказ стал ареной противостояния двух соседних могущественных мусульманских государств — Персии (Ирана) и Османской империи (Турции). Восточно-грузинские Картлийское и Кахетинское царства на протяжении XVII и большей части XVIII в. в целом оставались в сфере влияния Ирана. Османы утвердились в западной части грузинских земель (Имерети, Аджария, княжество Самцхе-Саатабаго).

Разделение Восточной Грузии на два вассальных государства надолго стало одним из догматов персидской политики на Кавказе. Картли и Кахети приобрели в составе шахских владений ранг *мульк-и моурус*, т.е. территорий, находящихся в наследственном владении местных династий. В структуре персидской монархии грузинские цари занимали довольно заметное положение и временами назначались на важные посты. Царь Картли в персидской номенклатуре считался *вали* Гурджистана, т.е. местным династом, имеющим владение вне собственно Персии. Данный статус отражался в череде пышных званий и хвалебных эпитетов, которыми шахская канцелярия наделяла грузинских правителей — в частности Вахтанга VI в начале XVIII в.: «Убежище власти, управления и силы, соединяющий в себе величие и славу, доблестный и мужественный, высокостепенный, потомок великих султанов, достойный милостей царских... Хусейн Кули-хан (мусульманское имя Вахтанга. — *В. Т.*), правитель Гурджистана, Картли и начальник победоносных войск, возвеличенный благоволением царским (т.е. шахским. — *В. Т.*)⁴⁹. Однако расположение шахов могло меняться из-за недовольства политикой грузинских царей, интриг и наветов их родичей-соперников, военных поражений. В 1712 г. некий «грешный монах» Герман записал на титульном листе одной церковной книги: «Царь Вахтанг отправился к шаху в Исфахан. Посмотрим, будет ли милостив господь к Грузии»⁵⁰. Ведь далеко не всякий такой визит сулил милости и награды. Жестокие нравы вос-

---

⁴⁹ Броссе И. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г. СПб., 1861. С. 145.

⁵⁰ Натрошвили Т.Г. От Машрика до Магриба. Тбилиси, 1978. С. 159.

точных деспотий в полной мере проявлялись в отношениях персидских правителей с грузинскими вассалами. Пренебречь приглашением ко двору было невозможно. Отказ даже не от военной экспедиции, а от участия в шахской охоте расценивался как мятеж.

Вынужденно тесная связь с Ираном, переплетение политических судеб Картли и Кахети с этим южным соседом не могли не сказаться на мировоззрении и геополитических установках грузинской элиты. На протяжении нескольких столетий она воспринимала свою страну как составную часть мира Востока. В 1589 г. придворные кахетинского царя Александра II заявили русским послам: «Преж сего (т.е. до очередного наступления турок на Грузию. — *В.Т.*) Иверское царство (Грузия. — *В.Т.*) с Кизылбашским государством (Ираном. — *В.Т.*) было в соединенье и стояли от турского царя и от иных государств заодин»⁵¹. А в 1803 г. грузинский царевич Александр Ираклиевич писал графу В.А. Зубову: «Грузия есть часть Азии, и всегда мы были подвластны персидскому государю»⁵².

Иной характер носили грузино-русские связи. О Грузии~Иверии знали еще в домонгольской Руси. В позднем средневековье в русском языке получает распространение этноним «грузины» (от восточного названия этого народа — *гурджи*).

Дипломатический диалог начался в конце XVI в., с посольств в Москву кахетинского царя Александра II с просьбой о принятии Кахети под покровительство и взятии Александра «в оборонь». В начале следующего столетия завязались и русско-картлийские посольские контакты. Целью грузинских инициатив по вступлению под московское покровительство была военная помощь против разнообразных врагов. В частности, для кахетинского Александра II и его ближайших преемников наиболее актуальным было противостояние тарковскому шамхалу — правителю Северного Дагестана. В то время границы Московского государства со стороны Волги приблизились к Северному Кавказу и фактически сомкнулись с Шамхальством, поэтому от русских властей ожидали помощи (постройки крепостей и посылки войск) именно против Тарков. Впоследствии, в XVII в., помощь требовалась также против иранцев и правителей западно-грузинского княжества Мегрели. Но в целом до 60-х гг. XVIII в. грузино-российские связи были довольно слабыми и эпизодическими.

В те времена представления о подданстве, покровительстве, сюзеренитете и т.п. были довольно условными и зыбкими. Как правило, эти «юридические» состояния оказывались преходящими и недолговечными. Двухсотлетняя эпопея неоднократного присягания в верности русским царям грузинских (а также кабардинских, дагестанских, калмыцких и прочих) владетелей подтверждает эту особенность международных отношений позднего средневековья. Историки давно определили ее, и большинство авторов отнюдь не склонны буквально воспринимать заключавшиеся тогда соглашения как обращение в реальное подданство «белому царю». Их резонно интерпретируют как результат временного совпадения интересов местной правящей элиты и российских властей,

⁵¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613 гг. М., 1889. С. 173.

⁵² Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее: АКАК). Т. III. Тифлис, 1869. С. 157.

как свидетельство политических альянсов, направленных против третьих сил — соседних держав, боровшихся за Кавказ. Лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями и Рюриковичами (затем Романовыми) часто составляло основу внешнеполитической деятельности местных правителей.

Итогом подобного лавирования являлось периодически возникавшее «общее холопство» — номинальное признание подчиненности одновременно русскому царю и персидскому шаху или турецкому султану. Именно такая ситуация сложилась с кахетинским Александром II. Его сын Константин откровенно объяснил русским послам: «Отец ... мой и братья великому государю лгали, будто ему, государю, служили, а они все турецкому доброхотели. А яз... холоп шахов, а пишет ко мне шах в грамотах своих сыном»⁵³. О том же говорили московскому послу придворные шаха Аббаса I: «Олександр царь грузинской человек неправедной: одного сына дал шаху, а другово сына своего дал турецкому... И Олександру верить нечему: ко государю... вашему пишет и бьет челом, называетца хрестьянином, а ко государю их пишет, называетца их веры; а к турецкому ежегод посылает по 30 вьюков шолку»⁵⁴. Дело здесь заключалось, конечно, не в хитроумном интригантстве грузинских правителей, а в их стремлении удержать баланс между могущественными мусульманскими соседями-союзерами и постепенно надвигающейся с севера Россией.

Если в XVI—XVII вв. связи России с Грузией сводились главным образом к обмену посольствами и эмиграцией грузинских аристократов в пределы Московского государства, то молодая Российская империя повела более активную политику на Кавказе. Эта активизация связана с деятельностью Петра I и пришлась на время правления в Картли Вахтанга VI. Этот царь остался в истории Грузии не только как политик, но и как выдающийся государственный деятель-законодатель, а также писатель и ученый.

Находясь при шахском дворе, Вахтанг провел тайные переговоры с послом Петра I Артемием Волынским, изъявив желание воевать против персов в союзе с российской армией. Летом 1722 г. русская армия во главе с императором выступила в Персидский поход. Вахтанга, жившего тогда уже в Тбилиси, известили о начале кампании. Несмотря на возражения большинства придворных советников, которые опасались открытого конфликта с шахом, картлийский царь собрал 40-тысячное войско и расположился в Гяндже в ожидании Петра. Российская армия успешно прошла по западному каспийскому берегу и в августе 1722 г. заняла Дербент. Но суда с продовольствием для нее погибли в шторме, и Петр, так и не дойдя до Гянджи, решил приостановить поход. Вахтангу было обещано, что через год военные действия будут возобновлены. Грузинские (и присоединившиеся к ним армянские) отряды разошлись по домам. Война действительно продолжилась в 1723 г., русские взяли Баку, но ни Петр I, ни Вахтанг VI в этих событиях уже не приняли непосредственного участия.

В том же году кахетинский царь Константин (Мохаммед Кули-хан) захватил Тбилиси, а затем в Картли вторглись турки. На 12 лет там установился режим, именуемый в грузинской исторической традиции *осмалоба*. Не желая подчиняться оккупантам и не видя возможности противостоять им, Вахтанг VI в со-

---

⁵³ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. С. 499.

⁵⁴ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. С. 570.

провожении многочисленных родственников, сотен представителей знати и придворной свиты (по разным данным, от 1185 до 3 тыс. чел.) отправился в Россию. Поскольку по Константинопольскому договору с Османской империей 1724 г. Россия признала ее господство над Картли и Кахети, русская дипломатия избегала прямых переговоров с грузинами, чтобы не раздражать Порту. Поэтому Вахтанг VI был принят довольно прохладно, Петр не пожелал с ним встречаться. Резиденция венценосному эмигранту была определена в Москве, где уже десятки лет существовала многолюдная грузинская колония. Царь разместился на подворье Рязанского архиерея (на Мясницкой улице, в Белом городе), его свиту устроили в каменных хоромах в Китай-городе. Позднее Вахтангу VI были пожалованы дом на Арбате и село Воскресенское на Пресне (бывшая летняя резиденция царя Федора Алексеевича). Это село усилиями грузинских переселенцев за короткое время превратилось в особую Грузинскую слободу (современный район Большой и Малой Грузинских улиц). Грузинская колония по решению властей получила льготы по выполнению государственных повинностей и некоторое самоуправление.

В московской эмиграции окружение Вахтанга занималось научными и литературными «проектами», его сыновья, царевики Бакар и Георгий, основали грузинскую типографию.

Сосредоточение грузин-эмигрантов в Москве привлекало христиан-выходцев из Закавказья. В 30-х гг. XVIII в. в Москве действовало 8 церквей, в которых служили грузинские священники.

Вахтанг не терял связей с родиной, разрабатывая планы ее освобождения. Через несколько лет после выезда из Грузии он переселился в Астрахань — традиционный транзитный пункт на пути из Закавказья в Россию, также со значительной грузинской общиной. В 1737 г. Вахтанг умер в этом городе во время эпидемии чумы.

В 1735 г. шах Надир одержал победу в очередной ирано-турецкой войне и по договору с побежденными восстановил свою власть над Восточной Грузией. Сначала он обложил Картли тяжелыми податями. В ответ разразилось народное восстание. Подавить его шах поручил царевичу Теймуразу, сыну царя Ираклия I. В 1744 г. глава повстанцев Гиви Амилахори был вынужден сложить оружие.

Заинтересованный в поддержке грузинами его борьбы против турок и дагестанцев, Надир уменьшил вчетверо налоги и назначил в 1744 г. Теймураза царем Картли, а его сына Ираклия — царем Кахети, позволив им венчаться на царство по православному обряду. 1 октября 1745 г. Теймураз короновался в главном соборе Грузинской церкви Светицховели в Мцхете (чего не бывало с начала 1630-х гг.).

Закончилась эпоха царей-мусульман. Оба правителя сохранили верность христианству, не носили мусульманских имен и ханского титула. В последний раз Картли и Кахети выплатили дань Ирану в 1748 г., а в следующем году Ираклий II изгнал из Тбилиси персидский гарнизон. Этому способствовало благоприятное стечение обстоятельств. В 1747 г. умер грозный шах Надир. В Иране началась смута, и Теймураз с Ираклием смогли сделать свои царства фактически независимыми. Но юридически они продолжали оставаться подвассальными Ирану. В 1760-х — начале 1780-х гг. было неясно, какая политическая сила одержит там верх, как поведет себя очередной шах по отношению

к Грузии. Эта нестабильность на юге послужила одной из причин настойчивых обращений грузинских царей в Петербург с предложением о принятии их государств под покровительство России.

Ослабленная, раздробленная, лишенная привычного персидского тыла Грузия становилась жертвой частых и безнаказанных набегов дагестанцев, которых в Грузии обобщенно называли лезгинами. Теймураз и Ираклий в 1752 г. направили в Петербург объединенное посольство. Его задачей было объяснить ситуацию: мусульмане теперь не владуют над Восточной Грузией, однако ей досаждают своими нападениями лезгины. Против них послы должны были просить помощи — либо в виде трехтысячного отряда донских казаков, либо в виде денежной суммы, достаточной для найма воинов-черкесов. При этом картлийские и кахетинские представители подтвердили заверения прежних грузинских царей о верности русским государям, обещая и впредь сохранять ее. Однако все их доводы не возымели действия. В то время для России вмешательство в дела Южного Кавказа, чреватое конфликтами с иранцами и османами, казалось нецелесообразным.

В 1760 г. царь Теймураз лично выехал в Россию, чтобы вновь попытаться убедить ее правительство помочь грузинам в борьбе с дагестанцами. На переговорах с канцлером М.И. Воронцовым он высказал намерение перейти под покровительство императрицы Елизаветы, чтобы обезопасить свои владения от лезгинских набегов (для этого он снова просил 2–3 тыс. солдат или денег для найма воинов с Северного Кавказа). Российские политики, занятые Семилетней войной на западных границах, и на сей раз не пожелали ввязываться в запутанные кавказские проблемы. Так и не добившись успеха, Теймураз в 1762 г. умер в Петербурге и был погребен в Астрахани.

По праву династического наследования царем Картли был провозглашен сын Ираклия II, кахетинский царь Ираклий. Два восточно-грузинских царства объединились. Как известно в правление Ираклия II, 24 июля 1783 г., был подписан Георгиевский трактат о покровительстве Российской империи над Картли-Кахетинским царством.

В 2014 г. Грузинская православная церковь обратилась (уже не в первый раз) к российскому политическому и церковному руководству с просьбой передать Грузии прах двух царей, похороненных в Астрахани. Их могилы находятся в подземном помещении (нижнем храме) Успенского собора Астраханского кремля. Там же расположены захоронения двух грузинских православных иерархов, умерших в середине XVIII в. Точное расположение могил со временем было забыто. При археологических работах в соборе в 1973 г. они были вновь обнаружены и с надлежащими церковными обрядами приведены в достойный вид.

В июне 2014 г. по благословению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II в Астрахани состоялась международная научная конференция «Астрахань и Багратионы: история двух захоронений», посвященная пребыванию в России картлийских царей Вахтанга VI и Теймураза II, а также изучению истории их захоронений на территории Астраханского кремля. После споров и дискуссий на самой конференции, а также обсуждений в ее кулуарах было признано целесообразным в настоящее время сохранить действующее положение вещей и отложить вопрос о захоронении.

Анализ исторической ситуации последних десятилетий XVIII в. позволяет понять причины принятия российскими властями решения об удовлетворении прошения Ираклия II. В то время Россия прочно заняла свое место, с одной стороны, в системе европейских держав, с другой — в ряду обширных азиатских империй. Ее действия на международной арене требовали учета баланса сил и разницы интересов этих держав и империй. Российская политика в сфере дипломатии, торговли, военных акций диктовалась прежде всего соображениями целесообразности и прагматизма. Петербург шел на реальное сотрудничество и сближение с южнокавказскими правителями только в тех обстоятельствах, когда это могло быть полезным и выгодным для империи.

Долгое время правители России не находили резонным вмешиваться в сложный узел противоречий в далеком регионе. Связи с Грузией не шли дальше обмена дружественными посольствами и предоставления пристанища многочисленным эмигрантам (в том числе царских кровей). Однако со временем российские рубежи вплотную приблизились к Большому Кавказу. После победы над турками в войне 1768–1774 гг. и смерти в Иране Керим-хана Зенда (1779 г.) в Петербурге стал вызревать план реанимации идеи Петра I об утверждении России в Западном и Южном Прикаспии. К тому же таким образом был бы образован еще один антитурецкий плацдарм. 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала манифест о присоединении Крыма, и в Петербурге обоснованно ожидали негативной реакции Порты, чреватой новой войной. В этих условиях империя нуждалась в верном кавказском союзнике.

В то время в умах российской правящей элиты сформировался так называемый «греческий проект» — замысел образовать на месте христианских владений Османской империи (Молдавии, Валахии, Бессарабии) независимое государство с перспективой «восстановления древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего» (из письма Екатерины II австрийскому императору). Для осуществления этого плана представлялось целесообразным опереться на Грузию — единственное из сохранившихся древних христианских государств. Поэтому на сей раз русская дипломатия сама выступила инициатором возобновления переговоров о покровительстве над Картли-Кахети.

Кроме того, взятие под защиту Восточно-Грузинского государства должно было продемонстрировать падишахам-соперникам военную мощь Российской империи, утвердить ее в качестве активной и отныне законной участницы решения политических судеб Южного Кавказа.

После распада СССР в новых государствах — бывших союзных республиках произошло существенное, порой радикальное переосмысление исторических событий, связанных с вхождением народов и регионов в состав России. В современных историографиях этих стран нередко формируется представление о ней как о колониальной державе, агрессивной и эгоистичной империи, которая зарилась на более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» зачастую преподносится как время оккупации или колониального угнетения.

В свое время в советской исторической науке господствовала идея о Российской империи как поистине «проклятом прошлом» — самодержавно-

крепостнической деспотии, мрачной цитадели тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Порождением такого подхода стала известная концепция «наименьшего зла», по которой вхождение в состав «царской России» имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (имелись в виду Турция, Персия, Китай, Польша и др.). Как это ни парадоксально, сейчас в некоторых постсоветских государствах эта теория получила вторую жизнь, но уже как бы с обратным знаком: утверждается, будто вхождение в состав России оказалось бóльшим злом.

Однако документальные источники XVII–XVIII вв. показывают, что Россия отнюдь не представлялась современникам «темным царством». В глазах ее подданных и многих соседей она зачастую выглядела носительницей более свободного и справедливой правления (режима), чем окрестные владения. Такое отношение к ней можно проследить почти по всему периметру ее границ. Это относится и к Кавказу. Объезжая подвластные России территории, присоединенные в ходе Персидского похода Петра I, генерал В.В. Долгорукий докладывал Екатерине I: «...Весь здешний народ желает в.и.в. протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем и смотрим крепко, чтобы отнюдь нимало им обиды не было и крепкими узами во все команды от меня подтверждено под жестоким штрафом».

Очевидно, что пророссийская ориентация в грузинских царствах не была исключительным явлением. Стремление перейти под российское покровительство расценивалось грузинами вовсе не как выбор между бóльшим и меньшим злом, а как наиболее рациональный выход из положения, в котором оказалась Грузия в то время. Грузинская элита видела в новом статусе Картли-Кахети наилучшее средство разрешения внутренних и внешних проблем собственной страны, возможность продолжить свое существование под защитой могущественного и единоверного государства.

Единоверие было важнейшей идеологической основой грузино-русских связей. После череды успешных османских завоеваний XV–XVI вв. и падения Византии православная Грузия осталась один на один с огромным мусульманским миром. Далекая северная Россия представлялась поначалу не столько военно-политическим союзником и покровителем, сколько духовной опорой для Грузии, поделенной между турками и иранцами. Фактор православной солидарности довольно заметен в контактах с Москвой. В составе или во главе грузинских посольств находились лица духовного звания, в грамотах постоянно делались ссылки на Священное писание, приводились примеры и исторические аналогии из Библии.

При рассмотрении русско-грузинских отношений того времени следует учитывать и воздействие христианской сакральной топографии (географии), т.е. религиозно-мифологического описания и понимания дольного мира. В православной топографии сакральным центром являлась Москва. И это несмотря на наличие официальной столицы, построенной Петром на пустых «чухонских» болотах, а также номинального религиозного центра, Иерусалима, – в те времена захолустной османской провинции. От Москвы выстраивалась концентрическая картина мира, в которой по мере удаления от «Третьего Рима» убывала и сакральность: сначала православные христиане, затем инос-

лавные христиане, затем «магометане» и, наконец, идолопоклонники (буддисты и язычники).

Преимственность России от Византии облекалась у грузин в старую теорию Третьего Рима, которая в официальной идеологии Российской империи уже не играла сколько-нибудь заметной роли: «Как в прежнее время совершилось преобразование древнего Рима в новый Рим, который есть Византия... таким же образом кончилось и это государство, и власть перешла к новому царству и кесарству, заменившему Константинополь, которое и есть Белая Россия великого севера, святого города Москвы, престольного города Петербурга, Богом утвержденного...» (послание имеретинского царя Александра IV императрице Анне Иоанновне)⁵⁵.

Таким образом, Россия для грузин, которые в ней селились, являлась скорее не местом изгнания, прозябания в эмиграции, а своего рода духовной родиной, средоточием истинной веры, надежно оберегаемой могущественным православным царем. Эту роль России, кстати, прекрасно понимала Екатерина II (урожденная немка-лютеранка), когда приняла после колебаний решение о покровительстве над Картли-Кახетинским царством. Принадлежность к одной религии послужила для российских и грузинских политиков одним из оснований для заключения Георгиевского трактата.

При рассмотрении причин неоднократных просьб грузинских царей о переходе под российское покровительство необходимо учитывать также некоторые особенности геополитического положения России и ее репутации среди окрестных народов. Если в XVI и XVII вв. для «иверских» политиков на первом месте стояли православное вероисповедание и военный потенциал Московского государства, то в XVIII в. при оценке ими Российской империи добавились другие факторы. Совершив модернизационный рывок при Петре I, Россия под управлением его преемников все более обретала европейский облик. Довольно четко организованная структура «регулярного государства», отлаженная и в целом успешно развивающаяся экономика, внедрение технологических новшеств, череда блестящих военных побед превратили ее в одно из передовых государств той эпохи. Разительно отличались от России в этом отношении деспотические монархии, соседствовавшие с ней на юге, — Иран, Османская и Цинская империи. Их архаичные государственный строй и социальная структура, отсталая экономика и закостенелое чиновничество не позволяли зависимым от них прогрессивно мыслящим лидерам, подобным Ираклию II, надеяться на какие-либо позитивные изменения.

Сейчас Институт российской истории РАН приступил к подготовке сводного академического труда — многотомной «Истории России». замысел состоит в том, что огромный исторический путь, пройденный нашей страной, будет изложен объективно и без какой бы то ни было идеологической заданности. Один из наиболее сложных вопросов — освещение истории Кавказа, как его северной части, находящейся ныне в составе РФ, так и Южного Кавказа, в том числе Грузии, которая на протяжении почти двух столетий находилась в составе Российского государства.

⁵⁵ Броссе И. Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями. С. 193–194.

Россия и Грузия в геополитике XVIII в. и современные трактовки вхождения Грузии в состав России (К 230-летию Георгиевского трактата)⁵⁶

В 2013 г. исполнилось 230 лет со дня заключения 24 июля 1783 г. Георгиевского трактата — договора о признании картли-кахетинским царем Ираклием II верховной власти и покровительства Российской империи. В связи с юбилеем трактата имеет смысл вновь обратиться к обстоятельствам XVIII столетия (а также к их предыстории), показать объективные, исторически обусловленные причины, побудившие царя Ираклия II просить о российском покровительстве, а императрицу Екатерину II — удовлетворить эту просьбу.

После распада СССР в новых государствах — бывших союзных республиках произошло существенное, порой радикальное переосмысление исторических событий, связанных с вхождением народов и регионов в состав России. В современных историографиях большинства стран СНГ, в Грузии и Прибалтики укоренилось представление о России как о типично колониальном государстве, агрессивной и эгоистичной империи, которая зарилась на более слабых соседей, навязывала им свое устройство и образ жизни. Период «русского владычества» преподносится как время оккупации или колониального угнетения.

В свое время в советской исторической науке господствовала идея о Российской империи как поистине «проклятом прошлом» — самодержавно-крепостнической деспотии, мрачной цитадели тирании и реакции, тюрьме народов и т.п. Порождением такого подхода стала известная концепция «наименьшего зла», по которой вхождение в состав «царской России» имело для народов менее негативные последствия, чем пребывание в составе других держав (имелись в виду Турция, Персия, Китай, Польша и др.). Как это ни парадоксально, сейчас в некоторых постсоветских государствах эта теория получила вторую жизнь, но уже как бы с обратным знаком: утверждается, будто вхождение в состав России оказалось большим злом.

В частности, в Грузии подвергается сомнению роль России в избавлении народов Южного Кавказа от турецкого и персидского владычества. История русско-грузинских контактов XVI–XVIII вв. изображается как искреннее стремление Грузии к дружбе и поиск ею союзника в борьбе с соседними мусульманскими государствами, в то время как Россия якобы видела в Грузии лишь плацдарм для дальнейших восточных завоеваний. Георгиевский трактат изображается как средство имперской экспансии. По мнению грузинских историков, пребывание Грузии в составе России оказалось хуже мусульманского правления, так как шахи и султаны почти не вмешивались во внутренние дела, не превращали грузинские царства в губернии и не лишали власти законные династии. Абсолютное неприятие вызывает манифест Александра I

---

⁵⁶ Доклад на Ученом совете ИРИ РАН в декабре 2013 г.

от 12 сентября 1801 г. о включении Картли-Кахетинского царства в состав империи с упразднением в нем монархии.

Подобный подход разительно отличается от прежних интерпретаций событий второй половины XVIII в., взгляда на российско-грузинские отношения и на договор, заключенный в Георгиевской крепости. Вступление Картли-Кахетинского царства под покровительство России расценивалось (в том числе и грузинскими советскими историками) как важнейшая и позитивная веха в истории Грузии, как избавление грузинского народа от иноземных посягательств и гарантия его мирного развития в составе могущественной державы.

К тому времени, о котором пойдет речь, единое и сильное Грузинское царство осталось в далеком прошлом. На его месте образовалось три царства: Картли (Тбилиси), Кахети (Телави), Имерети (Кутаиси) и несколько самостоятельных княжеств. В позднем средневековье Кавказ стал ареной противостояния двух соседних могущественных мусульманских государств — Персии и Турции, государства Сефевидов и Османской империи. Ожесточенная борьба между ними периодически прерывалась заключением мирных договоров. Самым значимым в их ряду был Амасийский договор 1555 г., по которому турки признали персидскими владениями современные Восточную Грузию, Восточную Армению и Азербайджан; к османам отошли Западная Грузия и Западная Армения. Впоследствии, несмотря на неоднократные нарушения этих договоренностей и возобновление турецко-персидских конфликтов, Картлийское и Кахетинское царства на протяжении XVII и большей части XVIII в. в целом оставались в сфере влияния Ирана.

По отношению к Ирану Восточная Грузия представляла собой вассальное владение. Для контроля над политикой местных монархов в Тбилиси и Телави присутствовали персидские чиновники, иногда размещались персидские гарнизоны. Восхождение на престол восточно-грузинских правителей осуществлялось особыми ритуалами шахской инвеституры в виде выдачи *фирмана* (указа), халата, сабли и особых церемониальных музыкальных инструментов. Грузинские цари были обязаны выступать в военные походы по приказу шаха, а также ежегодно присылать ко двору денежную дань. Особыми фирманами утверждались в должности и католикосы — предстоятели Грузинской церкви.

Для удержания кавказских правителей в повиновении Сефевиды прибегали к распространенному на Востоке средству — содержанию высокородных заложников при дворе. Это не всегда можно расценивать как плен. При условии лояльности и покорности грузинские царевичи наделялись высокими должностями (начальник гвардии, верховный судья и т.п.). В структуре персидской монархии Сефевидов грузинские цари занимали довольно заметное положение и временами назначались на важные посты. Однако расположение шаха могло меняться из-за его недовольства политикой грузинских монархов, военных поражений, интриг и наветов их родичей-соперников. В 1712 г. некий «грешный монах» Герман записал на титульном листе одной церковной книги: «Царь Вахтанг отправился к шаху в Исфахан. Посмотрим, будет ли милости господь к Грузии». Ведь далеко не всякий визит ко двору сулил высочайшие милости и награды. Жестокие нравы восточных деспотий в полной мере проявлялись в отношениях персидских правителей к грузинским вассалам. Отка-

заться от приглашения ко двору было невозможно. Отказ даже не от военной экспедиции, а от участия в шахской охоте расценивался как мятеж.

Драгоценную корону шаха Надира украшали четыре алмазных пера, соответствовавшие четырем подвластным ему странам: Ирану, Афганистану, Индии и Средней Азии — Бухарскому и Хивинскому ханствам. Кавказские владения, таким образом, принадлежали к территориям, которые символизировало «иранское» перо.

Здесь скрытая полемика с грузинскими историками и публицистами: Грузия-де как христианский анклав изначально была частью западной цивилизации. Вынужденно тесная связь с Ираном, переплетение политических судеб Картли и Кахети с этим южным соседом не могли не сказаться на мировоззрении и геополитических установках грузинской элиты. На протяжении нескольких столетий она воспринимала свою страну как составную часть мира Востока. В начале XIX в. 1803 г. грузинский царевич Александр Ираклиевич писал графу В.А. Зубову: «Грузия есть часть Азии, и всегда мы были подвластны персидскому государю».

С начала XVII в. на престолы Картли и Кахети садились грузины по происхождению, но мусульмане по вероисповеданию. Принятие ислама стало непременным условием не только для царской для инвеституры, но и для назначения на высокие государственные посты. Грузинские аристократы, и не только царских кровей, для успешной карьеры не гнушались обращаться в мусульманство. Для царя обязательными условиями были исповедание ислама шиитского толка; выступление в военный поход по требованию сюзерена; сбор налога савери; соблюдение персидских аристократических атрибутов в одежде. На печати царя Ростомы была вырезана надпись: «Ростом, прах у ног шаха».

Но основная масса населения Карли и Кахети ненавидела персидских правителей, воспринимала их как разорителей родины, угнетателей и гонителей христианства. Время от времени грузины пытались освободиться от мусульманского владычества и начинали вооруженную борьбу. Шахи жестоко расправлялись с непокорными.

Да и цари с царевичами, воспитанные в православной культурной традиции и помнящие о великом прошлом христианской грузинской державы, случалось, обращались в веру персов лишь формально, оставаясь в душе христианами.

Совсем другой характер, по сравнению с контактами с мусульманскими державами, носили грузино-русские связи. Начало прямого дипломатического диалога связано с кахетинским царем Александром II. В 1586 г. его послы передали царю Федору Ивановичу просьбу о принятии Кахети под покровительство. Кахетинцы обязались быть друзьями для друзей московского государя и врагами для его недругов; в знак преданности предусматривалась ежегодная посылка в Москву даров — т.н. *поминков* (тканей и ковров). С тех пор в большом титуле русского монарха появился формула «государь Иверские земли Грузинских царей».

В начале XVII столетия завязались и русско-картлийские связи. Царь Георгий X присягнул в верности Борису Годунову и предложил скрепить соглашение браком царских детей. Однако смерть Годунова и Георгия, а затем разразившаяся в России Смута не позволили осуществиться этим планам.

Целью грузинских инициатив по вступлению под московское покровительство была военная помощь против разнообразных врагов. В частности, для ка-

хетинского Александра II и его ближайших преемников наиболее актуальным было противостояние тарковскому шамхалу — правителю Северного Дагестана. Но в целом до 1760-х гг. грузино-российские связи были довольно слабыми и эпизодическими.

Важнейшей идеологической основой этих связей было единоверие. После череды османских завоеваний и падения Византии православная Грузия осталась один на один с огромным мусульманским миром. Далекая северная Россия представлялась поначалу не столько военно-политической, сколько духовной опорой для Грузии, поделенной между турками и иранцами. Фактор православной солидарности был довольно заметен в контактах с Москвой. В составе или во главе грузинских посольств были лица духовного звания, в грамотах постоянно делались ссылки на Священное писание, приводились примеры и исторические аналогии из Библии. Преемственность России от Византии вплоть до конца XVIII в. облекалась у грузин в старую теорию Третьего Рима, которая в официальной идеологии Российской империи уже не играла никакой роли.

В 40-х гг. XVIII в. шах Надир вел ожесточенную борьбу против турок и дагестанцев. Он был заинтересован в поддержке его грузинами, поэтому назначил царями преданных вассалов: в Картли — Теймураза, в Кахети — его сына Ираклия и позволил им венчаться на царство по православному обряду. 1 октября 1745 г. Теймураз короновался в Светицховели — главном соборе Грузинской церкви в Мцхете, древней картлийской столице (чего не бывало уже больше века). Закончилась эпоха царей-мусульман. Теймураз и Ираклий сохранили верность христианству и уже не носили мусульманских имен и ханского титула.

В 1747 г. могущественный шах Надир умер. В Иране началась очередная смута, и Теймураз с Ираклием смогли сделать свои царства фактически независимыми. В последний раз они выплатили дань Ирану в 1748 г., а в следующем году Ираклий II изгнал из Тбилиси персидский гарнизон. В Персии началась смута. Было неясно, какая политическая сила одержит там верх, как поведет себя очередной шах по отношению к Грузии. Но в целом иранское присутствие закончилось (хотя формально Восточная Грузия продолжала находиться в составе Ирана).

Более существенной теперь была другая проблема — набеги «лезгин», т.е. дагестанцев (*лекианоба*). Не опасаясь теперь возмездия со стороны иранцев, горские правители направляли в Грузию многотысячные ополчения, которые грабили и угоняли в рабство ее жителей. (Из идеологической целесообразности этот фактор замалчивался в историографии, чтобы не разжигать вражду между кавказскими народами СССР. На первое место выдвигалась угроза Грузии со стороны турок и персов.)

В 1752 г. Теймураз и Ираклий направили в Петербург объединенное посольство. Его задачей было объяснить там ситуацию: мусульмане теперь не владычествуют над Грузией, однако ей досаждают своими нападениями лезгины. Против них послы должны были просить помощи. В то время для России вмешательство в дела Южного Кавказа, чреватое конфликтами с иранцами и османами, казалось нецелесообразным.

В 1760 г. царь Картли Теймураз II выехал в Россию, чтобы убедить ее правительство помочь грузинам в борьбе с дагестанцами. На переговорах с канцлером М.С. Воронцовым он высказал намерение перейти под покровительство

императрицы Елизаветы, чтобы обезопасить свои владения от лезгинских набегов. Российские политики, занятые Семилетней войной на западных границах, и на сей раз не пожелали ввязываться в запутанные кавказские проблемы. Так и не добившись успеха, Теймураз в 1762 г. умер в Петербурге. Царем Картли был провозглашен его сын, кахетинский царь Ираклий II. Два восточно-грузинских царства объединились.

В народе новый монарх получил прозвище «Патара Кахи» (Маленький Кахетинец). Один русский офицер дал описание Ираклия II: «Царю Ираклию от рождения 52 года, росту среднего, лице имеет продолговатое, желтое, глаза большие, борода небольшая... весьма хитр и великой наездник. А как он много лет жил при Шах-Надире и с ним в походах был, то все обычаи и обхождения у себя завел и во всем старается Персии подражать... Платье носит всегда богатое и шапку обвивает кушаком на персидский образ, пышность весьма любит, и двор его наполнен чиновными людьми по обряду персидскому...».

Однако внешнее подражание персидским нравам, привычным для грузинской знати, само по себе не позволяет причислить Ираклия к убежденным иранофилам. С течением времени он все более старался ориентироваться на европейские и особенно российские образцы в организации управления и устройстве армии. Во второй половине его правления высшие грузинские сановники получали звания сенаторов, канцлеров, губернаторов; появились заимствованные из русской армии чины капрала, унтер-офицера, сержанта, капитана, майора. Тот же цитировавшийся выше офицер отмечал, что картли-кахетинский царь «ни к чему... так не стремился, как преобразовать народ своей по-европейски»⁵⁷.

Царствование Ираклия в объединенном Картли-Кахети прошло в постоянном — то явном, то скрытом — соперничестве со своевольными князьями-*тавадами*. Царь стремился по возможности модифицировать систему управления, которая досталась ему от предков и сочетала архаичные местные и персидские институты. Большое внимание он уделял реорганизации вооруженных сил. Вместо прежнего ополчения тавадов, необученного и плохо вооруженного, было учреждено постоянное войско-*мориге*. Все годные к военной службе мужчины должны были ежегодно отбывать месячную воинскую повинность на военных сборах. Оружие и конская амуниция приобретались ими за свой счет. Крепостным крестьянам это было часто не по силам, и их господам вменялось в обязанность помогать с приобретением необходимого снаряжения. Во главе отрядов пятитысячного войска мориге стояли командиры, назначенные царем, а главнокомандующим являлся царевич Леван Ираклиевич.

Однако ревниво следившие за преобразованиями и усилением царской власти тавады со временем стали все больше саботировать мобилизацию своих крестьян в мориге. Со смертью Левана в 1781 г. это новое начинание сошло на нет.

Кроме того, тавады постоянно плели интриги и составляли заговоры с целью свергнуть Ираклия и заменить его удобным для себя ставленником.

В 1771 г. Ираклий обратился к Екатерине II с официальной просьбой «о принятии нас под все милостивейшее вашего величества покровительство». Впер-

---

⁵⁷ Бурнашев С.Д. Картина Грузии, или Описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского. Тифлис, 1896. С. 10.

вые были сформулированы условия, на которых Картли-Кахетинское царство готово вступить под протекторат: оставить в неприкосновенности статус католикоса; выделить средства на содержание царского войска; содержать при императорском дворе одного из царевичей. Ираклий обещал платить подати со своих земель и проводить рекрутские наборы для российской армии.

Однако в то время уже три года Россия вела войну с Турцией. В условиях противостояния с самой могущественной мусульманской державой ни о каком покровительстве над Картли-Кахети не могло быть речи. Екатерина ограничилась заверениями в своей благосклонности и награждением Ираклия орденом св. Андрея Первозванного.

После этого Екатерина практически не поддерживала отношений с Тбилиси. Но в начале 1780-х гг. сложилась ситуация, когда России пришлось напрямую заняться закавказскими проблемами.

В то время российские рубежи вплотную приблизились к Большому Кавказу. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Григорий Потемкин, назначенный наместником новоприсоединенных территорий, приказал заложить на пространстве между Доном и Терекком несколько новых крепостей для утверждения русского присутствия в регионе. Образовалась новая Азово-Моздокская линия с 10 крепостями, в том числе Георгиевском и Ставрополем. Она была заселена казаками, переведенными с Волги и Хопра.

Осенью 1782 г. командование русской армией на Северном Кавказе принял родственник Г.А. Потемкина генерал-поручик Павел Потемкин.

После победы в войне с турками и очередной вспышки междоусобиц в Персии стал вызревать план реанимации старой идеи Петра I об утверждении России в Западном и Южном Прикаспии. К тому же таким образом был бы образован еще один антитурецкий плацдарм. Готовясь окончательно присоединить Крым и рискуя тем вызвать ярость османов, Российская империя нуждалась в верном кавказском союзнике. Кроме того, в умах российской элиты созрел т.н. «греческий проект» – программа образования на месте христианских владений Османской империи (Молдавии, Валахии, Бессарабии) независимого государства с перспективой, как писала Екатерина австрийскому императору «восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего».

Для осуществления этого плана представлялось целесообразным опереться на единоверную Грузию – единственное из сохранившихся древних христианских государств. Поэтому на сей раз русская дипломатия сама выступила инициатором возобновления переговоров о покровительстве над Картли-Кахети. Взятие под защиту Восточно-Грузинского государства должно было продемонстрировать падишахам-соперникам военную мощь Российской империи, утвердить ее в качестве активной и отныне законной участницы решения политических судеб Южного Кавказа.

Спешить с заключением трактата между Россией и Картли-Кахети побуждала и ситуация с бывшим Крымским ханством. 8 апреля 1783 г. Екатерина II подписала манифест о присоединении Крыма к России, и в Петербурге обоснованно ожидали негативной реакции Порты, чреватой новой войной.

Вся внешняя политика России находилась тогда в руках Григория Потемкина и статс-секретаря Александра Безбородко. Потемкин известил Ираклия II

о том, что если тот теперь обратится к государыне с просьбой о покровительстве, то она будет непременно удовлетворена.

Положение Ираклия II в то время было непростым. Серьезной проблемой оставались частые и опустошительные набеги лезгин. Могущественный сосед и противник Ираклия II Фетх-Али-хан Дербентский развязал конфликт с Картли-Кахети. Вместе с Фетх-Али против Ираклия действовали ханы Еревана и Гянджи.

В октябре 1782 г. Ираклий направил посольство к австрийскому императору Иосифу II с просьбой выделить денежные средства на содержание нескольких грузинских полков, обученных и экипированных по европейским стандартам. В послании к Иосифу он рассыпался в заочных благодарностях в адрес Екатерины II за прием в России грузинских эмигрантов и за освобождение грузин из крымского плена. Но сетовал, что «таковыя неизчетныя монаршия милости недостаточны для нас и для наших областей по нахождению нашему между опасными соседями. Ежели не приобретем себе еще других способов, то имеем великую опасность, дабы ввержены не были мы наконец крайним бедствиям». Понимая, что его контакты с Веной могут вызвать недовольство и раздражение в российской столице, Ираклий в письме Г.А. Потемкину оправдывал свое обращение к союзнику государыни Иосифу II тем, что вынужден стараться «приобрести вспомошествование... откуда бы оно ни было во враждебном окружении».

Австрийский двор не рискнул вмешиваться в систему этих связей, как и ввязываться в сложный узел противоречий в далеком восточном регионе. Тем не менее посольство Ираклия к императору Иосифу возымело важное последствие: Екатерина не вполне доверяла Вене и не желала участия Габсбургов в грузинских делах. Поэтому она приказала срочно готовить соглашение о покровительстве над Картли-Кахети. Таким образом, безуспешная дипломатическая миссия Ираклия на Западе послужила еще одним стимулом, приведшим к Георгиевскому трактату.

Неожиданное предложение Г.А. Потемкина насчет возобновления переговоров о покровительстве вызвало у Ираклия II прилив радости и энтузиазма: «Более десети лет минуло, как я лишен был счастья иметь подобнаго сему ея императорского величества благоволения», — написал он кавказскому главнокомандующему Павлу Потемкину. В отношении условий, при которых Восточная Грузия отдается под российское покровительство, были сформулированы т.н. «просительные пункты».

Во-первых, российское правительство должно убедить шаха и султана не считать грузин своими врагами, а если Россия развяжет с ними войну, то грузины «как ея величества мы рабы» будут готовы оказывать ей «наши услуги». Во-вторых, императрица гарантирует сохранение царской власти за Ираклием II и его родом. Это было одним из главных побудительных мотивов для заключения соглашения с Россией, тем более в условиях постоянной угрозы со стороны интриганов и сепаратистов (царевич Александр Бакарович и др.). В-третьих, Россия должна признать право картли-кахетинского престола на территориальные приобретения Ираклия — Ереван, Гянджу, Карс. В-четвертых, Ираклий окажет помощь русским войскам в войне с Ираном, но рассчитывает на ответную их помощь в возвращении грузинских земель, некогда занятых

дагестанцами. Наконец, царь просил в мирное время держать в его государстве два русских полка, которые он обязуется снабжать провиантом.

В Петербурге готовили собственные проекты соглашений. Авторство предварительных документов, предназначенных составить будущий трактат, от начала до конца принадлежало российской стороне. Это были проекты самого договора, сепаратных артикулов к нему (с добавлением дополнительного артикула о порядке коронации картли-кахетинского царя) и образец клятвенного обещания Ираклия II.

Давнишние предложения Ираклия о выплате Картли-Кахети налогов в российскую казну и об участии в рекрутских наборах не были учтены в проекте трактата. Столь тесная привязка к административной системе и экономике империи предполагала бы реальное подданство — непосредственное включение Восточной Грузии в лоно российской государственности, да еще и накладывала бы обременительные обязательства по действенной защите новых подданных. Ни к тому, ни к другому правительство тогда не было готово. Для расквартирования во владения Ираклия были назначены не два полка, а два воинских батальона. Они были призваны скорее символически обозначать покровительство да еще охранять путь в Грузию через Дарьяльское ущелье. Вместе с тем декларируемое в проекте объявлялось о включении грузинского дворянства и духовенства в общероссийскую социальную структуру. Это показывало, что связь двух государств вовсе не ограничивается формальным альянсом. Екатерина явно закладывала основу будущего наращивания русского присутствия в Закавказье.

Полномочия по подготовке трактата получил от Екатерины Григорий Потемкин, который, в свою очередь, перепоручил эту обязанность кавказскому командующему Павлу Потемкину. Тот отправил в Тбилиси подполковника В.С. Тамара с проектом трактата и письмо Павла Потемкина с просьбой прислать в крепость Георгиевск двух уполномоченных для подписания договора, а также приготовить провиант для двух батальонов, которые должны прибыть в Грузию. В своем рапорте Тамара известил, что намерение царя вступить под покровительство России непоколебимо, и он готовится к подписанию трактата. Однако подготовка идет медленно, поскольку, во-первых, грузины не имеют представления о порядке заключения международных пактов, и приходится подробно рассказывать им о процедурных порядках; во-вторых, Ираклий испытывает недоверие к своим подданным, поэтому подбор уполномоченных происходит очень долго.

По приезде в крепость Георгиевск представители Ираклия поставили целый ряд вопросов по важным пунктам проекта трактата. Они указали, что в нем не прописан порядок инвеституры грузинских царей при российском покровительстве; картли-кахетинский царь титулуется не «высочеством», а неподобающе низким титулом «светлость»; грузинскому патриарху католикосу определено место ниже казанского и прочих российских митрополитов, «отчего и царству Грузинскому делается неско[л]ко унижение»; в трактат надлежит внести полный титул Ираклия т.д. Екатерина II ради скорейшего завершения переговоров пошла навстречу грузинской стороне и решила все вопросы в пользу Ираклия II (за исключением пункта о католикосе).

При рассмотрении причин неоднократных просьб грузинских царей о переходе под российское покровительство необходимо учитывать некоторые осо-

бенности геополитического положения России и ее репутации среди окрестных народов. Если в XVI и XVII вв. для «иверских» политиков на первом месте стояли православное вероисповедание и военный потенциал Московского государства, то в XVIII в. при оценке ими Российской империи добавились другие факторы. Совершив модернизационный рывок при Петре I, Россия под управлением его преемников все более обретала европейский облик. Довольно четко организованная структура «регулярного государства», отлаженная и в целом успешно развивающаяся экономика, внедрение технологических инноваций, череда блестящих военных побед превратили ее в одно из передовых государств той эпохи. Разительно отличались от России в этом отношении деспотические монархии, соседствовавшие с ней на юге, — Иран, Османская и Цинская империи. Их архаичные государственный строй и социальная структура, отсталая экономика и закостенелое чиновничество не позволяли зависимость от них прогрессивно мыслящим лидерам, подобным Ираклию II, надеяться на какие-либо модернизационные изменения.

Здесь повод задуматься для тех, кто мечтает о восстановлении СССР или даже ностальгирует по империи: может ли современная Россия служить таким же полюсом притяжения, выглядит ли она такой же носительницей передовых тенденций в государственности и технологиях, как во второй половине XVIII в.?

24 июня 1783 г. в Георгиевске был заключен трактат — «дружественный договор». По этому договору царь отказывался от зависимости от Ирана или какой-либо иной державы (подразумевалась Османская империя) и признавал над собой верховную власть России. Внешнеполитическая деятельность картли-кахетинского монарха ограничивалась. Он давал обязательство не вступать ни в какие отношения с соседями без согласования с русским пограничным военным командованием и аккредитованным в Тбилиси российским представителем при дворе Ираклия. Внутри своих владений царь обладал полной автономией, сохраняя за собой и своим потомством наследственные права на картли-кахетинский трон. Инвестицию царей осуществлял отныне российский император. Для демонстрации начала новых отношений Екатерина пожаловала Ираклию II корону и скипетр.

Российская сторона гарантировала целостность и сохранность владений Ираклия II. В Восточной Грузии должны были разместиться два батальона русской пехоты. В ноябре 1783 г. Белорусский и Горский егерские батальоны прибыли в Картли и расположились лагерем под Тбилиси.

Для бесперебойного сообщения с Россией требовалось наладить транспортное сообщение через Главный Кавказский хребет. В том же году началось строительство дороги, которая должна была связать Закавказье с Северным Кавказом и Россией. Дорога, получившая название Военно-Грузинской, пролегла через Крестовый перевал и Дарьяльское ущелье, вдоль левого берега Терека. У ее северной оконечности в 1784 г. была заложена крепость Владикавказ — важнейший стратегический пункт, открывавший путь в Закавказье.

Турция по условиям Ясского мирного договора 1791 г. отказывалась от притязаний на Грузию. Но иранские правители продолжали считать Грузию своим владением. Со стороны Персии нарастала военная угроза. В 1795 г. Ага-Мухаммед-хан занял и разорил Тбилиси и увез пожалованные императрицей символы царской власти. Грузины дважды обращались за военной помощью —

и оба раза посланные Екатериной войска не достигли места назначения. Со смертью императрицы в 1796 г. они и вовсе были отозваны в Россию. В 1797 г., узнав о смерти персидского Ага-Мухаммед-хана (тогда уже «шаха»), Павел I приказал вывести из Грузии и два пехотных батальона, размещенных там по условиям Георгиевского трактата. Эта мера находилась в ряду демонстративных мер нового императора, действовавшего зачастую умышленно во всем вопреки политике ненавидимой им его покойной матери — Екатерины Великой.

В 1798 г. скончался Ираклий II, и в Восточной Грузии начались династические раздоры. Преемник Ираклия Георгий XII должен был получить инвеституру от Павла I. Желая предотвратить смуту, он обратился к императору с предложением присоединить Картли-Кахетию к России: «Царство и владение мое отдайте непреложно... и поставьте его не под покровительство императорского Всероссийского престола, но отдайте его в полную его власть и на полное попечение так, чтобы отныне царство Грузинское было в империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России». При этом Георгий просил гарантировать сохранение царственных прерогатив за его родом Багратионов. При этом он обязался править в соответствии с российским законодательством.

Павел поначалу решил преобразовать Картли-Кахетию в губернию под управлением одного из местных царевичей. Однако затем радикально изменил свое решение и в своем манифесте «О присоединении Грузинского царства к России» от 18 декабря 1800 г. уже ни словом не упомянул о династических правах Багратионов. Восточная Грузия превращалась в административную единицу Российской империи без каких-либо признаков самостоятельности. После значительных колебаний преемник Павла Александр I подтвердил положения отцовского манифеста и в собственном манифесте «О учреждении внутреннего в Грузии управления» от 12 сентября 1801 г. окончательно закрепил присоединение ее к России — на правах имперской провинции, без собственных монархов. На отстранение от власти местной династии сказались и позиция предпологавшегося главнокомандующего Кавказской армией Карла Кнорринга, который не желал ни с кем делить управление новообретенным краем.

Отныне власть находилась в руках Кнорринга в звании Главноуправляющего Грузией, а местное управление осуществлялось Верховным Грузинским правительством — в основном на принципах общероссийского губернского устройства.

Возмущение (прежде всего среди грузинской аристократии), вызванное нарушением Россией первоначальных обещаний относительно прав царствующего дома Багратионов, новые и непривычные административные мероприятия Кнорринга, а также взяточничество и казнокрадство его чиновников побудили императора сменить администрацию в Тбилиси. Новым главнокомандующим был назначен преданный слуга российского престола Павел Цицианов — представитель грузинской княжеской семьи Цицишвили, обосновавшейся в России еще при Анне Иоанновне. Он решил, что самые значительные улучшения требуются в судебной области, поскольку местное население с трудом адаптировалось к имперскому законодательству и к тому же пока не владело русским языком. На основании предложений Цицианова Александр I издал указ об изменениях в администрации и суде.

В Западной Грузии – Имерети предполагалось поначалу сохранить царскую династию. Однако восстание там против России и бегство царя Соломона побудили правительство ликвидировать и Имеретинское царство. По положению «О временном устройстве Имеретинской области» 19 апреля 1811 г. там были установлены те же порядки, что и в Восточной Грузии.

[2013 г.]

Основные вехи истории грузино-югоосетинских и грузино-абхазских отношений

История осетинского населения южнее Большого Кавказского хребта насчитывает несколько столетий. Особенно активно оно формировалось в результате миграций XVII–XVIII вв. Территория компактного проживания осетин с XIX в. получает четкое разграничение на Северную и Южную Осетию. Однако эти названия не служили обозначением административных подразделений, т.к. данные области входили в различные территориальные образования к северу и к югу от Большого хребта.

Северные осетины традиционно считались зависимыми от кабардинских князей. Поэтому когда по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г. Турция признала Кабарду состоящей в российском подданстве, это подданство было распространено и на осетин. Однако в том же году, в ходе переговоров между астраханским губернатором и представителями двух крупнейших североосетинских «уездов» (территориальных объединений) – Алагирского и Куртатинского, было достигнуто особое соглашение о покровительстве Российской империи над Северной Осетией.

Территория Южной Осетии находилась в формальной юрисдикции царства Картли-Кахети (Восточная Грузия). Отношения с тбилисскими монархами у здешних осетин складывались очень сложно, они то соглашались платить налоги и принимать наместников, то отказывались. В целом, вопреки притязаниям грузинских властей, южные осетины по большей части не считали себя их подданными. Тем не менее в XVIII в. картли-кахетинские цари и их традиционные сюзерены – персидские шахи пытались включить Южную Осетию в систему феодальных владений, выдавая владельческие права на осетинские селения (с введением крепостного права) грузинским княжеским семьям, прежде всего Мачабели и Эристави. Однако реально осуществить эти права у князей не получалось из-за массового неприятия и возмущения осетин, не желавших становиться крепостными.

Южная Осетия вошла в состав России в 1801 г., в ходе присоединения Картли-Кахети к Российской империи (южные осетины уже не выступали в качестве самостоятельных субъектов дипломатии, в отличие от северных).

Князя Мачабели на протяжении нескольких десятилетий пытались убедить российские власти, чтобы те подтвердили и утвердили их владельческий статус над осетинами. Однако они не смогли представить убедительных доводов (к тому же власти учитывали негативное отношение осетин), и в 1852 г. постановлением Сената семья Мачабели вместо крепостного владения получила от правительства щедрый потомственный пенсион. Южные осетины были официально причислены к разряду казенных крестьян.

При организации управления новоприсоединенной Южной Осетией российская администрация стремилась установить структуру, которая не вызывала бы раздражения у местного населения. Поэтому было решено отказаться от традиционного для этих мест грузино-иранского института наместников-моуравов и назначить русских приставов.

В составе империи Северная и Южная Осетия всегда принадлежали к разным административным подразделениям: первая — к Управлению Кавказской кордонной линией, затем к Терской области, южная — к Грузинской и впоследствии к Тифлисской губерниям. При этом в отдельные периоды в пределах более крупных территориальных единиц на севере образовывались Владикавказский и Осетинский округа, на юге — Осетинский уезд. Однако «прозрачность» внутригосударственных административных границ способствовали тесному общению двух частей осетинского народа и его окончательной этнической консолидации.

После Февральской революции 1917 г. усилилось движение осетин к самоопределению. Интеллигенция Южной Осетии собрала в селении Джава съезд делегатов для обсуждения вопроса о территориально-национальной автономии. Утвердившиеся в Грузии социал-демократы (меньшевики) в первое время разделяли эти идеи, надеясь на принципиальные решения по этому вопросу Учредительного собрания в Петрограде. Однако после разгона Учредительного собрания большевиками грузинские меньшевики разорвали отношения с ними и выбрали другой политический курс. Теперь они выступали за независимую Грузию в границах царств XVIII в.; право малых народов Грузии на национальное самоопределение ими отрицалось.

Такая политика вызвала массовые выступления южных осетин. Эти выступления летом 1920 г. были подавлены правительственными войсками с чрезвычайной жестокостью. Был разогнан и Национальный совет Южной Осетии. В этих условиях усилилось влияние местного отделения коммунистической партии, которое выступала за тесное сотрудничество с Российской республикой. Одной из главных целей юго-осетинских лидеров было достижение истинной самостоятельности; пребывание в составе Грузии представлялось им отныне невозможным.

После вступления Красной армии в Грузию и установления там советской власти в 1921 г. подобные устремления южных осетин сохранялись. Они выдвигали идею создания особой союзной республики; коммунистические же лидеры Грузии не желали идти даже на малейшее административное выделение данной территории. Советская политика в то время находилась в ведении народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина и председателя Кавказского бюро ЦК РКП(б) Г. К. Орджоникидзе. Они разработали в определенной мере компромиссный вариант: в апреле 1922 г. была образована Юго-Осетинская автономная область в составе Грузинской ССР.

Северная же Осетия как часть Российской Федерации пребывала в составе Терской советской республики и Горской АССР (в последней — как Осетинский, или Владикавказский округ), в 1924 г. она получила статус автономной области, в 1936 г. — автономной республики.

Таким образом, единый осетинский народ был разделен между двумя союзными республиками, Российской Федерацией и Грузией. Так же, как в Российской империи, административные границы в Советском Союзе не препятствовали тесным связям между северными и южными осетинами. Однако с распадом СССР две части народа оказались в разных государствах, отношения между которыми становились все более сложными.

* * *

Абхазы, один из древнейших автохтонных народов Кавказа, на протяжении столетий обладали собственной государственностью. Ее расцвет пришелся на эпоху Абхазского царства при Леоне II (конец VIII в.) — родоначальнике династии Леонидов. В X в. между семьями Леонидов и грузинских царей Багратидов был заключен династический брак, в результате которого Абхазия вошла в состав Грузинского царства. После монгольского нашествия (XIII в.) она вновь обрела независимость, но уже не представляла собой монолитного политического образования. Монархическая власть была утрачена, высшим правителем считался владетельный князь (ах). Период XVI—XVIII вв. характеризуется, с одной стороны, борьбой за территории (с взаимными вторжениями) с западногрузинскими государствами Имерети и Менгрели, с другой — борьбой прорусской и пророссийской партий абхазской знати в обстановке борьбы держав за Кавказ.

В 1810 г. владетельный князь Георгий Шервашидзе, пришедший к власти при помощи русских войск, обратился к Александру I с «просительными пунктами» о покровительстве России; 17 февраля царь издал манифест о присоединении Абхазии к России. Поначалу традиционные основы внутреннего самоуправления сохранялись, но в 1864 г. владетельное княжество было упразднено, вместо него появился Сухумский военный отдел (затем Сухумский военный округ). Слом привычных жизненных устоев вызвал массовое возмущение и восстание 1866 г. Оно было подавлено, и около 200 тыс. абхазов переселилось в Турцию. Опустевшие абхазские заселялись грузинами, русскими, армянами и др.

После Февральской революции 1917 г. развернулся процесс политического самоопределения Абхазии. Ее лидеры поддержали интеграцию северокавказского региона в рамках Горской республики, провозглашенной в мае 1918 г.

[2010 г.]

Формирование многонационального государства в России: синтез правовых систем

Среди огромного конгломерата народов, каковыми являлись Московское царство и Российская империя, не было и не могло быть единства в понимании и восприятии понятий и установок государственности. В различных регионах царили разные представления о сущности подданства и о роли верховной власти.

Для раннего периода (XVI–XVIII вв.) изучение подданства осложняется размытостью критериев этого института. Одни владения входили в состав государства реально, другие номинально. Причем степень реальности/номинальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах». Для удобства исследования, в качестве его инструмента в историографии предприняты попытки определить объективные параметры подданства. Касательно изучаемой эпохи такие параметры сводятся, как правило, к (1) включенности территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; (2) налогообложение в пользу единого государства; (3) распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; (4) принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства⁵⁸. По моему мнению, вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь с тех пор, как она обзаводится хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев. Впрочем, с XVIII в. можно также учитывать закрепление территорий за Россией в результате международных договоров.

Материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства, на первый взгляд, служит выплата налогов в государственную казну. Народы Поволжья, Сибири и южных степей облагались податью под названием *ясак*. Порой эта подать облакалась в архаичные формы дарообмена. В разных местностях и в разное время ясак видоизменялся, да и понимался неодинаково. Если русские власти однозначно видели в нем обязанность подданных по отношению государю, то плательщики ясака трактовали его или как способ меновой торговли (особенно в тех местностях, где до прихода русских не существовало налогообложения), или как дань побежденных победителю. Как отмечал еще в XVIII в. Г.Ф. Миллер, «могло, конечно, произойти немало недо-

⁵⁸ *Трепавлов В.В.* Формирование системы отношений между Центром и национальными окраинами в России (XVI–XX века) // *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений.* М., 1999. С. 116, 177. См. также: *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 170, 171, 184; *Кочкаев Б.-А.Б.* Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 97, 98; *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1998. С. 279; *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980. С. 11–17.

разумений оттого, что дающий имел иное намерение, чем то, которое предполагал получающий»⁵⁹.

Ясачное обложение было заимствовано из татарских ханств, как и сам термин, и, очевидно, находилось в общем ряду явлений и институтов, объективно унаследованных Московским государством от его тюрко-монгольских геополитических предшественников. Правда, сами русские монархи, прагматично перенимая технологию властвования, были, очевидно, далеки от представления себя преемниками «бусурманских» царств (хотя на сей счет в литературе существует и противоположное мнение).

Со второй половины XV в. в русском политическом лексиконе появляется термин *шерть*. Он был образован от арабского *шарт* (условие, договор) и обозначал соглашения между московским государем и правителями некоторых владений к востоку и югу от российских рубежей. Соглашения под названием *шарт-наме* («шертная грамота» или «шертная запись») заключались в XV–XVI вв. между различными тюркскими монархами Восточной Европы, Сибири и Казахстана и определяли их взаимные обязательства. Подобный характер взаимоотношений стал возможен только после распада Золотой Орды, поскольку в период ее могущества связи между различными частями единого государства определялись документами иного ранга — *ярлыками*, выдававшимися сарайским ханом, верховным и общепризнанным сюзереном. В условиях отсутствия такого сюзерена, при необходимости взаимного определения полномочий между правителями наследных ханств возникла форма шертных соглашений. Они, таким образом, первоначально заключались между государями, сопоставимыми по статусу.

Великий князь Московский, Московская Русь занимали определенное место в послеордынской системе властителей и улусов. Однако постепенное ослабление тюркских государств и одновременное усиление русского привело к тому, что шерти со временем стали заключаться, как правило, между великим князем (позднее царем) как старшим партнером и соседними правителями как младшими партнерами. Военное и материальное превосходство Руси над восточными соседями стало столь явным, что в историографии шерть нередко интерпретируется как присяга. Это иногда верно фактически, но некорректно с формальной точки зрения. Официально шертные соглашения оставались двухсторонними договорами, но на самом деле являлись декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению старшему. Обычно в них включались обязательства выплачивать ясак Москве, воевать с противниками русского государя и не вступать в союз с его врагами.

Иногда в шерти заявлялось об «учинении в холопстве», что вовсе не означало автоматического вступления в подданство. Под воздействием всевозможных политических обстоятельств действие шерти могло прекратиться. В целом этот вид документов можно рассматривать как форму межгосударственных, а не внутригосударственных отношений. На период действия шерти младший партнер как бы переходил под покровительство российского монарха, но не включался в число его подданных.

Представляется, что принцип покровительства России в лице ее государя присутствовал в большинстве шертных соглашений XV–XVII вв. Они, следова-

---

⁵⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. С. 48.

тельно, представляли собой один из способов привлечения соседних владений в сферу российской гегемонии. В ситуации, когда она могла смениться гегемонией, например, крымской или цинской, соглашения оказывались преходящими, разорванными. Но уже начиная со второй половины XVI в. у России в общем-то не осталось равносильных соперников в Северной Евразии, и шертная грамота фактически стала служить начальной вехой обращения в российское подданство (в форме подданства лично «белому царю»).

На протяжении XV–XVII вв. территория Московского государства расширялась в восточном направлении главным образом за счет шертных (протекторатных) связей. Они были тем более важны в политическом отношении, что заключались добровольно, и таким образом придавали легитимность российскому господству на новых территориях.

В XVIII в. практика шертования ушла в прошлое, уступив место вступлению под имперскую «протекцию»; в общем-то этот неологизм отражал тот же самый принцип покровительства, что олицетворялся шертью. Но в обоих случаях взгляд на заключаемые соглашения принципиально различался. Если «иноверцы» видели в них прежде всего пакт о военном союзе и ненападении или же мирный договор под привычным патриархальным, мало обязывающим патронажем, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения; к тому же император России в XVIII столетии уже не мог представить себя по отношению к «варварским» соседям в каком-то ином качестве, кроме как патрона и защитника⁶⁰.

Неустойчивость и некоторую двусмысленность шертям, да и позднейшим документам сходного плана придавали оттенки отношения к партнерам по переговорам. Дипломатические отношения испытывали влияние этноцентристских и религиозных установок. Например, средневековые русские, смотрели на «иноверцев» как на существа иного порядка, в отношении которых соблюдение нравственных норм было не обязательно⁶¹. А в исламском мире не считалось зазорным нарушить обещания (в том числе «присягу»), данные «неверным», и письменные соглашения соблюдались до тех пор, пока они приносили какие-то выгоды⁶². В среде русских чиновников на протяжении столетий созрело и укрепилось убеждение, будто клятвенные обещания даются «неверным» мусульманами с заведомой необязательностью их соблюдения. Однако мне не удалось обнаружить упоминаний о какой-то формальной норме, которая оправдывала бы подобное отношение приверженцев ислама к договорам.

⁶⁰ Данный вопрос детально рассмотрен М. Ходарковским (*Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, 2002. P. 51–56, 59, 184.*)

⁶¹ *Борисов Н.С. Иван III. М., 2003. С. 313.*

⁶² См., напр.: *Аранов Д.Ю. Присяга мусульман в российских законодательных актах и юридической литературе XIX в. // Ius antiquum. Древнее право. 2002. № 2 (10). С. 252–262; Веселовский Н.И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. СПб., 1884. С. 16; Орешкова С.Ф. Неизвестное турецкое сочинение середины XVIII века об отношениях с Россией и османском понимании европейских международных отношений того времени // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996. С. 138, 139; *Санин Г.А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М., 1876. С. 97, 98; и особенно: Дингельштедт Н.А. Мусульманская присяга и клятва // Журнал Министерства юстиции. 1986. Апрель. С. 112–156.**

Дополнительной гарантией соблюдения соглашений с народами кочевой степи и сибирской тайги и тундры служили заложники-*аманаты* — как правило из знатных или просто уважаемых семейств. В отношении аманатов взгляды сторон тоже различались. Если воеводы видели в них знак безусловного и исключительного подчинения Москве, то «иноверцы» — неприятный, но необходимый акт, сопутствующий договору с русскими о военном союзе, взаимном ненападении и покровительстве⁶³. Очевидно, институт заложничества был тоже заимствован русскими из ордынской политической практики.

До образования СССР в Российском государстве «национальный вопрос» не имел территориально-административного воплощения — за единственным, пожалуй, исключением черты еврейской оседлости (да и она функционировала в рамках губернской-уездной структуры). Не было и никакого федерализма, тем более по этническому признаку. Однако неверно было бы полностью отрицать учет национального состава населения при организации управления. В XVII—XIX вв. в Восточной Сибири сохранялись волости, соответствовавшие расселению местных родоплеменных объединений (правда, не всегда и не везде); в начале XX в. на Северном Кавказе предпринимались попытки организовать округа по такому же критерию. Эти меры преследовали по большей части этатистскую цель — обеспечить наибольшую мобильность управления, надежность контроля, исправность сбора податей. Характерно, что такое соответствие внутренних территориальных границ этническим ареалам (впрочем, уже тогда во многом условное) практиковалось лишь на самом нижнем уровне, в масштабах нескольких сельских общин.

В Московском царстве и Российской империи народы (этносы) однозначно выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. И здесь не следует видеть проявление какого-то подчеркнутого пренебрежения властей к нерусскому населению. Во-первых, абсолютное большинство существующих сегодня стабильных этнических общностей в те времена еще только формировалось. Во-вторых, одним из главных принципов имперской государственности была надэтничность, предполагавшая верность престолу вне зависимости от языка и вероисповедания. Все это, однако, не означало, игнорирования полиэтничности населения. Этнокультурное и этнополитическое разнообразие невозможно было не учитывать в силу исторических условий складывания многонационального государства.

Учет этот заключался во включении локальных юридических норм в общий корпус государственного законодательства — как правило, в масштабе отдельных регионов (установления обычного права, шариата и др.). В этом же ряду находилось и районирование по этническому принципу, о котором только что упоминалось. Кроме того, власть при организации управления опиралась и полагалась не на абстрактные «народы», а на местные элиты, традиционные привилегированные слои — аристократию, родоплеменную верхушку, иногда духовенство. В отношении данной категории подданных со времен средневековья действовала практика сохранения некоторых старых социальных привилегий и предоставления новых льгот.

---

⁶³ *Khodarkovsky M.* Op. cit. P. 59

Примером комбинации различных правовых систем могут служить отношения московских властей со служилыми татарами, в том числе с правителями вассального Касимовского царства (в Мещерской земле). Об этих отношениях написано много и подробно, зависимость и полная покорность касимовцев Москве не вызывает сомнений. Я не стану подробно останавливаться на статусе Касимовского царства по причине его известности. Укажу лишь, что квинтэссенцией этого статуса могут послужить слова татарского хрониста начала XVII в. Кадыр Али-бека о своем патроне, царе Ураз-Мухаммеде: он «правой рукой действовал по шариату, а левой рукой – согласно высочайшему указу (ярлыку) государя Бориса Федоровича-хана, бил кнутом воров, разбойников и неблагодетельных»⁶⁴. Следовательно, источником власти вассального хана и здесь выступает (помимо мусульманского права) выданный в Москве ярлык.

В осуществлении контактов со служилыми государями порой не гнушались демонстрировать свою особую милость к ним, особенно по сравнению с прочими иноземцами. Известен случай из времен Ивана III, когда причудливо переплелись упомянутый выше шариат и самовластная воля великого князя московского. В 1483 г. выезджий немецкий лекарь Антон взялся лечить и «залечил» до смерти бека Кара-Ходжу, приближенного служилого царевича Даныяра Касимовича. Возникло подозрение в умышленном отравлении. Хотя доказательств не нашлось, великий князь выдал врача на расправу сыну умершего. Антон подвергся истязаниям, но в конце концов потерпевшая сторона добилась от немца, чтобы тот заплатил за себя выкуп, и отпустила его на свободу (так позволяли действовать шариатские каноны). Однако Иван Васильевич приказал все-таки схватить Антона и казнить («зарезаша его ножом как овцу»)⁶⁵. В данном случае великий князь выступал как высшая судебная и карающая инстанция по отношению к своим подданным, в том числе иноверным, и в том числе – имеющим собственные законоположения.

Россия в глазах ее подданных порой выглядела носителем гораздо более свободного и справедливого правления (режима), чем окрестные владения.

Подобное отношение можно проследить почти по всему периметру ее границ XVII–XVIII в. Даже башкиры, известные своими многократными антиправительственными выступлениями в течение этих двух столетий, первоначально расценили монархию Ивана IV как менее жесткую политическую систему по сравнению с прежним ногайским наместничеством на своих землях⁶⁶.

Еще больший контраст являла Россия по сравнению с Цинской империей. Этот контраст отразился в сведениях источников о народах Дальнего Востока и Центральной Азии. Племена Приамурья в XVII в. не желали мириться с порядками, устанавливаемыми маньчжурскими правителями: непосильными

⁶⁴ Цит. по: *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972. С. 90.

⁶⁵ *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. I. СПб., 1863. С. 89. Анализ описанной ситуации см. также: Борисов Н.С. Политика московских князей (конец XIII – первая половина XIV века). М., 1999. С. 594.

⁶⁶ О борьбе башкирских племен против ногайских наместников и переходе их на сторону русских см., напр.: Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 231; Башкирское народное творчество. Т. 2. Уфа, 1987. С. 190; *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству // Советская этнография. 1957. № 4. С. 78; *Трепавлов В.В.* Установление российской гегемонии на Южном Урале (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Русские в Башкортостане. История и культура. Уфа, 2003. С. 39–48.

поборами и насильственными переселениями. Жители областей, прилегающих в северо-восточным пределам Маньчжурии, спасались бегством в русские владения и, получив там царское подданство, дорожили им, не желая возвращаться на родину⁶⁷. Столь же негативно относились к власти цинского богдыхана переселенцы из Монголии в русскую Сибирь: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдемте отсюда в подданство к русскому белому царю»⁶⁸. Причем такие переселенцы, соглашаясь на выплату ясака в русскую казну, надеялись, что им суждено «впредь паки быть свободным», уйдя из-под власти прежних властителей⁶⁹.

Но не только «всенародные» миграции отмечены в документах. Случались переселения в Россию по социальным мотивам. Элита «иноверцев» стремилась обрести повышенный статус на государевой службе, щедрые пожалования и привилегии, а простонародье бежало от собственной знати — от ее налогового гнета и прочих притеснений, а также в поисках более сытой и безопасной жизни.

В середине — второй половине XVII в. наблюдалось бегство калмыков в соседние русские селения и города. Там они оказывались вне досягаемости ханов, нойонов и тайшей, которые начинали забрасывать русские власти требованиями вернуть беглецов. Иногда добиться этого удавалось, но если переселенцы принимали православие, следовал категорический отказ⁷⁰. По этой причине желание принять крещение охватило такое количество калмыков, что в XVIII в. правительство стало отводить специальные участки для поселения новокрещеных⁷¹. Центром их размещения стала новая крепость Ставрополь-на-Волге (ныне город Тольятти).

При этом и принимающая, и преследующая стороны понимали, что в перемене религии мировоззренческие мотивы играли подчиненную роль по сравнению с желанием достичь облегчения условий жизни.

Еще более наглядно подобная ситуация проявилась на Северном Кавказе. В XVII в. с постройкой казачьих станиц и Терского городка, а в XVIII в. — с основанием крепостей Кизляр и Моздок в них устремились представители местных народов, которые желали найти укрытие у русских. Резоны были самые разные: кровная месть от соплеменников, тяжелые налоги и повинности (особенно во владениях кабардинских князей), разорительные набеги абреков — горских воинов⁷².

---

⁶⁷ Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М. 1974. С. 148, 207.

⁶⁸ Бурятское предание, цит. по: Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987. С. 148. Известна более афористичная формулировка: «Белый царь сечет спину, а желтый царь — голову». Впрочем, сравнения иногда бывали и не в пользу России. Известны «непригожие речи» украинских казаков, сравнивавших московского самодержца с польским королем во второй половине XVII в. (см.: Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 92, 94).

⁶⁹ Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992. С. 17.

⁷⁰ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 147, 148.

⁷¹ Там же. С. 203.

⁷² См.: Блиева З.М. Русско-чеченские отношения в XVII—XVIII вв. // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 48, 49; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 95; История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1. М., 1967. С. 150, 151; История Северо-Осетинской АССР. М. 1959, с. 128; Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967. С. 69.

Каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно *присоединение* (иногда в виде завоевания), т.е. установление российского подданства; постепенная *инкорпорация* в структуру государства; наконец, *ассимиляция*, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как конечная цель и результат инкорпорации⁷³. Этим процессам соответствовали некоторые объективные тенденции. Во-первых, медленная, но неуклонная *унификация* юридического статуса территорий, установление единого стандарта подданства и управления; во-вторых, *русификация*, которая отнюдь не должна трактоваться как проявление зловещего умысла удушить этническую самобытность народов. Этот процесс вызывался прежде всего объективным обстоятельством — численным и культурным (господствующая религия, язык общения) доминированием русских в России. Обе тенденции то ослабевали, то усиливались, но в разных формах постоянно присутствовали в российской истории XVI—XIX вв. Сознательно же они были возведены в ранг государственной политики только в конце XIX столетия.

Инкорпорация народов и регионов могла растянуться на длительный срок. В составе Российской державы на протяжении четырех столетий существовали территориальные подразделения с неодинаковым юридическим статусом. Например, в XIX — начале XX в., наряду с губернско-уездным делением, имелись казачьи войска, горные и пограничные округа, протектораты. Ранее существовали еще и «царства» на месте завоеванных татарских ханств, а также различные вассальные владения. Подобная «многослойность», очевидно, характерна вообще для имперской государственности. Причем не следует, конечно, приписывать ее гибкости и мудрости правительства — просто такая структура была порождением исторического развития, складывалась по мере пространственного разрастания России. Именно в отношении к «неканоническим» подразделениям осуществлялось движение к стиранию административно-юридических различий, а при Николае II была сформулирована задача добиться «слияния окраин с основной территорией».

Репрезентация власти и подданных в этнической политике Российской империи

Межэтнические отношения, национальная политика (ее в последнее время чаще называют этнической) — это один из самых сложных и тонких предметов исследования нашей науки. В последние годы увидели свет новые версии истории республик в составе РФ (Коми, Удмуртии, Калмыкии, Башкирии, Татарстана, Дагестана...). Последним в этом ряду, кажется, был 3-й том «Истории Чечни», посвященный XIX веку. В этих книгах иногда вводятся новые источники, формулируются новые трактовки событий, но в целом продолжает господствовать нарратив, без особенных аналитических обобщений. (Отрицательный пример для нашего будущего многотомника.) Межэтнические отношения по-прежнему, как и в советское время, находятся на периферии внимания ав-

⁷³ В основных чертах данная трехступенчатая схема уже давно бытует в историографии (см. труды А. Каспэ, М. Раева, А. В. Ремнева).

торов. Между тем исследование этой проблематики обнаруживает удивительные и поучительные соответствия современной ситуации.

Полиэтничность была присуща еще Древней Руси и Московскому государству (или, как иногда его называют, Русскому централизованному государству). Централизация государства выражалась не только в общеизвестной ликвидации самостоятельных княжеств и уделов, но и в создании новой системы отношений с неславянским населением. На место архаичных, патриархальных норм, когда русским князьям выплачивалась дань и предоставлялись местные ополчения, приходило постепенное встраивание иноэтничных элит в структуру государства, в том числе в его правящие круги.

Русские элитные страты традиционно кооперировались со своими иноэтничными «коллегами». Собственно, процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию. На протяжении XVI–XVII вв. наиболее заметным был приток в ряды правящего класса аристократов тюркского и черкесского происхождения, в XVIII в. — остзейских немцев, в XIX в. — тех же немцев, а также грузин, поляков и прочих. Таким образом, российское дворянство оказывалось этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты. Разумеется, существовали определенные критерии и ограничения. Могли сказываться и личные предпочтения, и привязанности императоров. Напомню знаменитую фразу Николая I: «Русские дворяне служат государству, немецкие служат нам» (т.е. лично царю). В целом социальная и культурная русификация (прежде всего переход в православие) облегчала выходцу из неславянской знати рекрутирование в дворянский корпус, а, следовательно, и успешную карьеру.

Важным средством формирования отношений с этническими элитами и в целом с населением т.н. «национальных окраин» была репрезентация власти (ее представление, предъявление себя подданным). Применительно к верховной власти понятие «репрезентация» ввел немецкий исследователь Перси Эрнст Шрамм. Он пришел к обобщению властных символов через анализ инсигний, монарших одеяний, титулов, ритуалов, приветственных жестов и т.д. Вопрос о том, каким образом верховная власть старается представить себя в глазах подданных, привлекал и продолжает привлекать многих исследователей. Постоянный интерес к этой проблеме вызывается не только научным интересом, но и ее животрепещущей актуальностью. Меняются формы репрезентации правящей элиты, увеличиваются ее технические возможности (через средства массовой информации, интернет), но суть остается прежней: власть стремится обеспечить лояльность подданных.

Если брать сферу этнической политики, то формами репрезентации власти в т.н. «царской России» были путешествия венценосных особ по стране, аудиенции представителям народов, участие их в торжественных придворных церемониях. Власть проявляла себя и через разветвленную систему пожалований (офицерские чины и штатские должности, жалованные и похвальные грамоты, ордена и медали, денежное вознаграждение, именное оружие и проч.). Все это имело важное символическое значение. Репрезентации преследовали несколько целей: продемонстрировать подданным могущество и богатство империи,

обнадежить их монаршим расположением и вниманием к их нуждам. Посредством многообразных милостей осуществлялось «удаленное присутствие» монарха на всем пространстве огромного государства.

Но здесь важно было не переборщить. Своеобразная ситуация сложилась на Северном Кавказе в период Кавказской войны и отчасти после нее. В отношении правительства с высшими социальными стратами этого края проявлялись черты, отчасти знакомые по современному состоянию дел. Местным правителям щедро раздавались от высочайшего имени чины, медали, денежное жалование. Но эти знаки внимания рассматривались горцами не только как высочайшая милость, но и в качестве скрытой формы дани, как плата за лояльность. (В современной историографии об этом предпочитают помалкивать, как и в старой советской.) Это было (и остается) элементом традиционной политической культуры региона. Такое отношение к могущественным покровителям сформировалось задолго до российско-кавказских контактов XIX в., еще в эпоху взаимодействия кавказцев с Османами и Сефевидами. Тем не менее сочетание пожалований с огромной властью русских кавказских наместников во второй половине XIX в. в целом позволяло поддерживать в крае лояльность населения и стабильность.

Обеспечение лояльности этнических элит (как одной из основ прочности государственного строя) достигалось и достигается прежде всего их вовлечением в социальную структуру государства, в его экономическую систему — и в конечном счете в допуске к пользованию ресурсами. Эта явная выгода от пребывания в российском подданстве подкреплялась еще и умелым сочетанием материального и символического компонентов (один без другого оказывался бы неэффективным). Верховная власть не только сохраняла высокий социальный статус своих разноэтничных элитных контрагентов (пока находила это целесообразным), но и охраняла этот статус, демонстрировала признание исконных социальных прерогатив у традиционных владельцев на присоединенных территориях. Такой подход давал им и их соплеменникам еще и возможность обрести некоторую психологическую компенсацию за утрату независимости.

Использование в отношениях с этническими элитами традиционных, привычных для них символов и ритуалов было одним из принципов российской этнической политики. Например, правительство не возражало, чтобы до издания императорского указа о назначении хана в Младшем или Среднем жузе или в Букеевской Орде казахи провели свой древний обряд поднятия хана на белой кошме; оно не гнушалось наделять тарковских шамхалов церемониальными перьями на шапки, исходя из персидской традиции, укоренившейся в Дагестане.

В церемониально выстроенных акциях верховная власть не только демонстрировала благосклонность к разноэтничным подданным, но и выказывала уважение к их традиционному жизнеустройству, являла доброжелательное отношение к инокультурным устоям. Это тоже (как и сохранение традиционных элит) в немалой степени компенсировало негативное отношение к русскому господству, примиряло с необходимостью покоряться царю, его наместникам и чиновникам.

В России XVI–XIX вв. представления о государстве, его управлении и устройстве, сосредотачивались главным образом в персоне монарха. Соот-

ветственно и любые формы репрезентации в конечном счете замыкались на нем, подразумевали его незримое присутствие. Это заочное присутствие проявлялось в царских портретах и статуях, гербах и девизах, изображениях на деньгах, молниях за государя и т.д. Важное место в утверждении образа власти в представлениях подданных занимали официальные тексты: царские грамоты, патенты на должности, указы и вообще любые документы с царской подписью или резолюцией, или иногда просто с гербовой печатью. В условиях неграмотности подвластного населения большое значение имел внешний вид документов, церемониал вручения.

В этой связи показателен такой случай. В 1896 г. вернулся домой зайсанг (родоначальник) Манжи, глава алтайской делегации на коронации Николая II. Послушать его рассказ о поездке в далекую русскую столицу собрались уважаемые люди — родоначальники и старейшины. Манжи щедро кормил и поил гостей и взахлеб расписывал незабываемые подробности своего пребывания на коронации и о своей встрече с молодым царем. По словам Манжи, он подробно и толково изложил Николаю нужды алтайского народа, после чего получил от государя особый указ о всевозможных льготах и послаблениях алтайцам. Тут наступила кульминация «пьяного застолья» (так названо это мероприятие в отчете Алтайской духовной миссии). Со словами «Вот этот указ!» Манжи извлек из сундука грамоту неземной красоты: на веленовой бумаге, с тонко прописанной многофигурной цветной композицией, с геральдическими орлами — в общем, именно такую, каковым и должен быть царский указ. Насладившись впечатлением публики, Манжи объявил, что благодетельствованный, благодаря его стараниям, алтайский народ должен возместить ему путевые расходы в сумме 1500 рублей. Свидетели этого зрелища, потрясенные рассказом и видом грамоты, разнесли повсюду весть о высочайшей милости, добытой в Москве почтенным Манжи-зайсангом.

Через некоторое время этот документ довелось увидеть одному русскому чиновнику. Грянуло разоблачение. Красивая легенда о царской грамоте в одночасье рухнула. Оказалось, что Манжи предъявил гостям красочное меню праздничного обеда, устроенного в Петровском замке для волостных старшин и инородческих депутатов, прибывших на коронационные торжества. Соответственно никакой беседы с алтайским посетителем Николай II не вел и никакого указа не подписывал. Ну, а подвыпившая неграмотная аудитория приняла на веру брехливые рассказы зайсанга.

Сибирские аборигены из-за неграмотности, случалось, игнорировали предписания, изложенные на бумаге (пусть и с печатями). Хитроумные чиновники в Северо-Западной Сибири нашли выход. Зная о преклонении инородцев перед царским именем, они изобрели «царскую тамгу»: на обтесанной палочке вырезали императорский вензель (букву «А» с римской цифрой II внизу — как на монетах) и предъявляли ее как знак императорского приказа туземным старшинам. Те, видя столь «явное» доказательство государевой воли, беспрекословно выполняли все требования.

Периодически ко двору, на аудиенции и представления, допускались депутаты от регионов. В XIX в. неперенным элементом торжеств общегосударственного значения в столице стало присутствие представителей разных народов. В приглашениях их ко двору и в привлечении к придворным церемо-

ниям возможно видеть и некоторый компаративный, состязательный дискурс. Нарочитая пышность и торжественная размеренность коронаций и аудиенций обнаруживали наглядный контраст с традиционными обрядами «инородцев». Величие империи, в которой судьба уготовила им жить, представало в наиболее зримой ипостаси. Происходила визуализация власти в самой доступной для восприятия форме.

Верховная власть визуально репрезентовала себя еще и посредством царских путешествий, когда недоступная, сакральная персона монарха вдруг появлялась в отдаленных провинциях, в крепостях и селениях.

Смысл и замысел продолжительных вояжей заключались в нескольких аспектах. Во-первых, демонстрировалась забота о провинциях империи, а если учитывать тему моего доклада, то и об их неславянском населении. Эта забота формально могла носить вид инспекции. Но действительную и жесткую оценку работы региональных властей проводили, пожалуй, только Павел I и (иногда) Николай I; Александр I в своих длительных разъездах более напоминал туриста, чем ревизора. Конечно, полноценной проверки деятельности управленцев на местах не получалось. Но все-таки при иллюзии высочайшего контроля само присутствие монарха побуждало устранять некоторые неполадки и ограничивать злоупотребления. Екатерина II объясняла мотивы своих разъездов французской пословицей: «L'œil du maître engraisse les chevaux» (хозяйский глаз зорек, глаз — алмаз, букв.: от хозяйского глаза и кони жиреют).

Во-вторых, создавалась картина единения царя с его верноподданным народом. Проявления их взаимных любви и согласия скрупулезно отмечались и умильно описывались в официозах и стараниями литераторов и публицистов. При этом создавалась уникальная возможность, пусть и для ничтожного количества россиян, пробиться с прошениями к вершителю судеб империи.

В некоторых случаях, в сложных политических обстоятельствах, целесообразны были личное присутствие монарха и исходящие от него объяснения важных вопросов. Особенно наглядно это проявилось в правление Александра II. В 1861 г. он отправился на Кавказ. Время и место были значимыми: шла к завершению Кавказская война и начиналась крестьянская реформа. Император встретился с представителями горских народов, выслушал их видение ситуации и изложил свое. В Кутаиси на встречу с ним собрались почти все дворяне Закавказья. Александр обратился к ним речью о смысле Манифеста 18 февраля, о целях и методах отмены крепостного права.

Объезд подвластных земель обозначал суверенитет России над ними. Это было принципиально и для Александра II в его появлении на Кавказе после недавно проигранной Крымской войны, и ранее для Екатерины II при посещении Новороссии и Крыма, отвоеванных у турок. Помимо демонстрации незыблемости русского правления в новообретенных владениях, требовалось расположить к себе завоеванные народы, убедить в терпимости и снисхождении верховной власти к их жизненным устоям и верованиям. Каким бы анахронистичным ни выглядело мое сравнение, но царские вояжи в некотором смысле оказывались реинкарнациями древнего полюдья. Ведь правитель в старину объезжал земли не только ради сбора податей, но и для регулярного подтверждения своей власти, периодического обновления своих прерогатив, как бы повторного, символического завоевания территории страны.

Наконец, участие региональных, в том числе инородческих, начальников в мероприятиях, связанных с встречей высоких гостей, вовлекало глав завоеванных земель и местную знать в церемониальные представления имперской элиты, т.е. в систему государственных ритуалов, которые объединяли социальные близкие страты империи.

Что касается визитов в регионы престолонаследников, то их предназначение состояло в знакомстве с народами, над которыми им предстоит царствовать в будущем (знакомство неизбежно беглое и поверхностное). Уже не по книгам и рассказам преподавателей, а воочию цесаревич убеждался в огромных размерах, богатстве и разнообразии России. Кроме того, лицемерие его подданными способствовало укреплению среди них монархических убеждений. Лишь когда развернулся народовольческий и эсеровский террор с его кульминацией — цареубийством, пришлось пересмотреть отношения к таким поездкам. Они почти прекратились. Цесаревич Николай Александрович уже не завершил цикл своего образования познавательной поездкой по России, а вместо этого, как известно, отправился в далекие восточные страны (правда, возвращался он в Петербург из Японии через всю Сибирь).

Почти во всех крупных населенных пунктах, через которые пролегали маршруты царственных странствий, устраивались аудиенции. Их обязательным элементом было участие представителей местных народов. Вместе с казенными чиновниками и офицерами расквартированных там частей они призваны были олицетворять сплоченность вокруг монарха и благоденствие под сенью его правления. Как правило, абсолютное большинство таких мероприятий ограничивалось представлением высших должностных лиц и социальной верхушки местных народов, протокольными фразами монарха о его милостивом отношении и благодарности за преданность. Иногда зачитывались приветственные адреса и стихотворные посвящения, вручались подарки (от царя) и подношения (от приглашенных). Считалось, что уместно явиться перед августейшие очи в лучшем наряде и огласить приветствие на местном наречии. Совокупность многоцветных национальных костюмов и разноязыких речей создавали наглядную картину полиэтничности и опосредованно — обширности и могущества России.

Взаимное общение ограничивалось «милостивыми» вопросами и краткими подобострастными ответами, одобрительными замечаниями высоких гостей об окрестной природе. Из подобных диалогов невозможно было почерпнуть никакой актуальной информации о крае. На приеме казахской депутации в Оренбурге в 1824 г. Александр I, обходя длинный строй кочевой знати, остановился возле жены хана Младшего жуза. Остановился по единственной причине — заинтересовавшись экзотичным нарядом ханши, и в особенности ее причудливым головным убором. Было неудобно просто молча стоять и разглядывать даму, и царь задал ей, очевидно, первый же вопрос, который пришел в голову: где ей больше нравится, в степи или в Оренбурге? Та с достоинством отвечала: «Государь, здесь очень хорошо, но там, где родишься, кажется еще лучше».

Теоретическая возможность пробиться во дворец или приблизиться к государю во время его путешествий по стране и рассказать о своих нуждах являлась, кроме того, своеобразным амортизатором протеста. В условиях произвола местных властей перед тем, как пойти на крайние меры — мятеж или бегство, жители «национальных окраин» имели шанс попробовать донести свои нужды

до всемогущего «белого царя», который только один и способен был одернуть своих наместников.

Материальным (предметным и визуальным) воплощением власти были разнообразные царские пожалования. Они заключали в себе как практический смысл — заинтересовать подданных выгодой от лояльности правительству, так и репутационный подтекст — продемонстрировать богатство казны, неисчерпаемость государственных ресурсов, незыблемость Российской державы. На протяжении столетий их ассортимент и ценность менялись радикально: от отрезов сукна до орденов.

Самыми массивными наградами (из категории движимого имущества) были, очевидно, кареты. От Николая I казахскому хану Джангиру доставили карету, запряженную лошадьми. Катание на ней по степи вошло у него в церемониал приема гостей. В отличие от него, калмыцкий хан Аюка сотней лет раньше нашел другое применение английской карете, подаренной ему А.Д. Меньшиковым. Она стояла без движения в его степной ставке и использовалась в качестве своего рода тронного зала: в ней хан принимал посланников из соседних государств и устраивал пиры в торжественные дни. Лошадей в нее не запрягали, а дышла отрубали за ненадобностью.

Нужно упомянуть также о визуализации подданства со стороны населения государства. Кроме депутатий с поздравлениями и прошениями, она проявлялась в подношениях различных предметов и (реже) торжественных текстов. Они изготовлялись и вручались не только для демонстрации верноподданнических чувств. Это была нечастая возможность рассказать о своем народе, его обычаях и жизненном укладе, продемонстрировать искусство местных умельцев. Расширить познания такого рода у царя, царицы, цесаревичей, великих князей во время их поездок по империи можно было самым наглядным способом: преподнести продукцию местных промыслов, предметы быта, религиозного неправославного культа, а также специально изготовленные стилизованные изделия с познавательной этнической символикой. Для высоких гостей устраивали «показательные выступления», чтобы познакомить их с народными обычаями и увеселениями. То есть августейшей аудитории преподавался завуалированный урок этнографии.

Знакомство с этническим многообразием империи во время царских поездок не ограничивалось официальными церемониями. По пути венценосцы знакомились с жизненным укладом подданных. Конечно, это знакомство оказывалось беглым и поверхностным. Но какие-то бытовые детали замечались.

При посещении различных местностей гостям старались показать народные развлечения. Когда цесаревич Александр (будущий Александр II) по пути из столицы в Крым в 1863 г. заехал в Калмыцкую степь, для него были устроены «увеселения и зрелища». Замысел астраханских чиновников состоял в том, чтобы «показать великому князю в продолжение одного дня всю жизнь и весь быт калмыков в степи». Устроители сочли, что сановным посетителям будет интересен в том числе и процесс перегонки молока в водку-арку.

Любимым развлечением кочевников были скачки. Калмыцкие, казахские, башкирские всадники с удовольствием показывали свое мастерство и удаль. Иногда для солидности зрелища их облачали в одинаковую одежду. Налицо был весь набор потех и забав кочевников: кроме скачек на лошадях и верблюдах, это борьба, соколиная охота, ловля и укрощение диких лошадей, джигитовка, усаживание на землю верблюдов и проч.

При проезде путешественников через Калмыцкую степь им старались продемонстрировать буддийские храмы и исполнить некоторые религиозные обряды. Ставился кочевой разборный храм-хурул, перед ним выстраивались священнослужители и монахи в канонических желтых и красных одеждах, музыканты хурального оркестра. При приближении высоких гостей начинали реветь длинные трубы, пищать дудки, бренчать колокольцы, грохотать барабаны и литавры. После этого десятиминутного приветствия, которое в одной публикации тех лет названо «страшным молитвенным концертом», прибывших приглашали осмотреть модельню, с удовольствием отвечали на вопросы о смысле обрядов и назначении тех или иных предметов. В честь царственных особ устраивалось богослужение.

Верховная государственная власть понималась основной массой населения империи как явление, во-первых, тотальное и всеохватное, пронизывающее все сферы жизнеустройства; во-вторых, магически-сакральное, далекое и недостижимое, недоступное для простых людей; в-третьих, персонифицированное — воплощенное в царе.

В межэтнических межэлитных отношениях абсолютно господствовали вертикальные связи: «снизу вверх», от периферии к Центру и обратно. Это тоже была закономерность внутренней политики. Горизонтальные же связи были гораздо слабее — ввиду своей малой полезности в условиях самодержавного правления и всевластия бюрократии. На протяжении XVI–XIX вв. выстраивалась четкая и жесткая пирамидальная структура отношений, принижающая все уровни управления, все области социальной жизни и даже культурно-религиозную сферу.

В конце XX — начале XXI в. многие механизмы взаимодействия с этническими (национальными) элитами оказались утрачены. Эти механизмы складывались веками и в целом действовали успешно. В современной России и на пространстве бывших Российской империи и Советского Союза, в условиях периодического обострения межэтнических и (в последнее время) межгосударственных отношений, необходим учет исторического опыта — в том числе в символической и ритуальной сфере этнической политики.

[2019]

Переводы этнонимов в российской коммуникативной практике XVII в.

Известно, что в XVII в. арабграфичные грамоты на восточных языках в московском Посольском приказе переводились, переводы записывались на черновых столбцах и впоследствии заносились в посольские книги, а оригиналы грамот и столбцы затем обычно уничтожались. Однако в уцелевших документах приказа имеются подлинники и (не всегда) переводы посланий, в частности ногайских, и в некоторых из них содержатся материалы, которые иллюстрируют одну интересную проблему. Оказывается, что во многих случаях в оригиналах отсутствует этноним «татары». Однако в русском тексте он по-

является и представляет собой результат интерпретации содержания послания приказными переводчиками.

Вот фрагмент перевода XVII в. грамоты малоногайских мирз Али Уракова и Аблы Темирава, привезенной к астраханским воеводам 6 октября 1629 г. (перечисляются участники набега): «...Баигазы юзского родства, Сарыбаи крыцкого родства, Мурзалеи абыз бурлак, Курмаш чобалачиского родства, Янмамет темюры тогунчицкого родства, Акмагмет. **Те все нагайские татаровя головы.** <...> Моих двесте лошадей да пятьдесят коней и у **моих татар** и у холопеи три тысячи лошадей отогнали»⁷⁴.

Транскрипция: ...*Бай Гази юзның, Сарыбай кыркның, борлак, Курмаш чубулатчи, Джан-Мухаммед Тимур тогунчуулы, Азим Мухаммед ушбул агаллары.* <...> *Ики йүз ылтқым элли атым дүште кашымызда булан әлүмизниң кулларымызның үч миң йылкысы дүште*

Современный перевод: Бай Гази юзский, Сарыбай кыркский, борлак, Кураш из чубулатчи, Джан-Мухаммед (и?) Тимур из тогунчуулы, Азим Мухаммед — **эти аги.** <...> Моих двести лошадей и пятьдесят коней у **нашего народа** и у состоящих при нас наших рабов три тысячи лошадей угнали.

Таким образом, «татары» оказались результатом домысливания/дописывания текста послания русским переводчиком. Подобная замена встречается и в других переводах ногайских грамот. Так, в переводе обращения рядовых улусников к властям Астрахани 1644 г. словом *татары* переводчик передал тюркское *кулум* (в данном случае «мой слуга») ⁷⁵.

Вместе с тем, не исключено, что в оригиналах цитированных ногайских грамот действительно мог содержаться этноним *татары*. Если это так, то объяснение видится в следующем. В довольно упрощенной этнополитической картине мира, которая сложилась в головах тогдашних русских управленцев, все тюркоязычные народы для простоты и по малой пока осведомленности именовались обобщенно татарами, и ногаи, в частности, — ногайскими татарами. Так же называли их и европейские современники, черпавшие информацию от русских собеседников. Поэтому в грамотах адресанты обращались к своим русским собеседникам на понятном им языке, и *татары* в данном тексте могли не иметь отношения к этнокультурной самоидентификации ногайских авторов посланий. Именно обобщенно-примитивной этнической терминологией, присущей русской речи XVII в., можно объяснить необычное титулование царя Михаила Федоровича в отдельных посланиях ногайских мирз: «всёа Руси и **всех татар государю**», «всей великие Руси и **татар государю**» (*джомле урусның ва татарның падишахи*) ⁷⁶. То есть устойчивая титульная формула «государь всея Руси» в данном случае была «творчески переработана»: во-первых, буквально в грамоте значится «всех русских» (как и в подавляющем большинстве прочих подобных документов: *джомле урусның*; такой же оттенок в передаче титула имел место в крымских грамотах XVII в.⁷⁷), во-вторых, к русским здесь добав-

⁷⁴ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1629 г., д. 1, л. 323–324.

⁷⁵ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1644 г., д. 1, л. 254, 261.

⁷⁶ РГАДА, ф. 127, оп. 1, 1636 г., д. 1, л. 80, 101, 105.

⁷⁷ См.: Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереевского времени. М.: Гуманитарий, 2003. С. 46.

лены татары — как для подчеркивания своей покорности воле монарха (к которому обращены челобитные), так и, возможно, как неявная претензия на место татар в государстве, равнозначное православным подданным.

Причина также видится в употреблении терминологии, понятной для русских адресатов, а это, в свою очередь, являлось следствием все большей зависимости ногаев от российских властей, что порой просматривается в заискивающем, уничижительном тоне обращений к царю и его заместителям. На протяжении первой половины XVII в. представители ногайской элиты овладели мастерством общения с московскими приказными чинами и провинциальными воеводами, в том числе составлением документов особого жанра — челобитных на высочайшее имя. Тщательное выписывание малого царского титула в инскрипциях грамот, частое употребление понятия *кулыныз* [= ваш (государев) холоп], подобострастная тональность прошений свидетельствуют о перенимании русских канонов бюрократического официоза и готовности говорить с адресатами на привычном для них языке. А в этом языке практически все тюрки-кочевники обозначались как *татары*. (Аналогичный прием имел место в обращениях ногайцев к российским властям в XIX в., когда адресанты именовали казахов «по-русски» — киргиз-кайсаками (*кыргыз казак*)⁷⁸).

Причем, приведенные выше примеры, пожалуй, доказывают самостоятельное составление мирзами челобитных, без помощи астраханских или терских писцов и подьячих. Исследования крымских и ногайских документов первой половины XVII в. показывают, что, наряду с преемственностью терминологии грамот от предыдущей эпохи (трафаретные штампы, этикетные выражения и т.п.), новые терминологические образования подбирались уже из современного тогдашнего письменного языка, а случалось, что и из устно-разговорной речи⁷⁹.

Нечто похожее можно иногда наблюдать в переводческой практике дипломатического ведомства другого (в основном русскоязычного) государства той эпохи — Великого княжества Литовского в документах, связанных с Крымским ханством. В титуле ханов-Гиреев упоминание татар прочно утверждаются только с начала XVII в., в одном ряду с перечислением ногаев и черкесов — как равновеликое им понятие, хотя и, как правило, первое в перечне подданных народов (*барча татарныц, сансыз кюб татарныц* и т.д.). Столетием же раньше хан Мухаммед-Гирей пока не указывал на свое господство над татарами. В интитуляции послания к королю Сигизмунду I 1520 г. он представлял себя как «хана Великой Орды, падишаха Дешт-и Кипчака и **всех монголов**». Перевод XVI в.: «Магъметъ Кирей Цар, Дест-и Кипъчакъ **всимвъ землям татарскимъ господарь**, с предковъ своих господарь, слово мое то есть»⁸⁰. То есть выражение *barça Moğul*

⁷⁸ См.: Ханмурзаев И.И., Идрисов Ю.М. «Прошение Найманова куба 1816 года» как исторический источник по связям народов Северо-Восточного Кавказа и Среднего Поволжья во второй половине XVIII — начале XIX вв. // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков — к грядущему. Материалы Третьей Междунар. науч.-практ. конф., г. Черкесск, 2–3 октября 2016 г. / отв. ред. Н.Х. Суюнова, Д.С. Кидирниязов, М.А. Булгарова, С.А. Кукаева. Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 243–245.

⁷⁹ Хисамова Ф.М. Татарский язык в восточной дипломатии России (XVI — начало XIX в.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. С. 99.

⁸⁰ *Kolodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th-18th Century): a Study of Peace Treaties Followed by Annotat-ed Documents. Leiden; Boston: Brill, 2011. С. 652, 660.

padişahı в русском переводе данного текста XVI в. было передано как *всем землям татарскимъ господарь*. Следовательно, *монголов* переводчик заменил на *татар*⁸¹.

Не исключено, что и в более ранних русских и латинских переводах крымских посланий в ВКЛ на месте *татар*, которые изредка встречаются в ханских интитуляциях, в несохранившихся оригиналах в действительности писались *монголы*.

Возможно, что в глазах тюркских династов понятие *татары* могло служить синонимом монголов — в соответствии с равнозначностью этих названий, которая установилась еще в эпоху монгольских завоеваний XIII в. В таком случае *татары* являлись не одним из этнонимов, но обозначением принадлежности к элите элит, высшей правящей страте бывшей Монгольской империи, Золотой Орды и всех постордынских ханств и орд. Приписывание себе монгольского (синоним: татарского) происхождения свидетельствовало о сохранении старых, традиционных, идущих с имперских и золотоордынских времен рудиментов монгольской идентичности.

Очевидно, так же понял смысл выражения «государь всех монголов» и русско-литовский переводчик грамоты Мухаммед-Гирея. Он вставил в русскую версию интитуляции фразу «с предков своих господарь». Но ведь в оригинале документа ее нет, и она выглядит как дублирующий вариант «государя всех монголов» со значением «наследственный правитель подданных народов».

Интерпретирование содержания грамот, случаи отхода перевода от буквально-го следования тексту диктовались, в том числе, необходимостью сделать содержание документа более понятным для адресатов — в том числе коронованных. Это наблюдается как в Москве с ее огромным штатом переводчиков с «татарского» языка тюрки в Посольском приказе⁸², так и в Вильне. Впрочем, для вольных и невольных искажений исходных текстов находились и другие веские основания⁸³.

Таким образом, тюркские элиты адаптировали привычную для себя терминологию к языковой практике и устоявшимся представлениям русской правящей элиты, столичной приказной и провинциальной воеводской бюрократии с целью разрешения различных насущных вопросов, поставленных в челобитных грамотах. Однако практика отношений русских властей со степными «иноземцами» показывает, что этот разработанный ими прием адаптивной коммуникации не оказывал заметного воздействия на реальную политику Москвы в южных степях.

[2021]

НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова.
Оп. 1. Д. 7. Статьи, записки и научные доклады
В. В. Трепавлова. 66 л. Неавторизованная машинопись.

⁸¹ О различии оттенков местоимений *джомле* и *барча*, переводившимся по-русски как «все» в дипломатической переписке см.: Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. С. 31–32.

⁸² Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М.: Индрик, 2021. С. 17–18, 31.

⁸³ Подробно см. об этом явлении: Фаизов С.Ф. Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. С. 42–59.

РАЗДЕЛ III

Учебные материалы

История Северного Кавказа

Северный Кавказ: географическая характеристика

Кавказ обычно делят в географическом отношении на Северный Кавказ и Закавказье. Граница между ними проходит по Главному, или Водораздельному хребту Большого Кавказа.

Северным Кавказом принято называть территорию, располагающуюся к северу от Большого Кавказа и на его северных склонах. На западе Северный Кавказ ограничен Азовским морем и Керченским проливом, на севере Кумо-Манычской впадиной, на востоке Каспийским морем. В него обычно также включают часть южного склона Большого Кавказа до реки Псоу (современной российско-грузинской границы), но не включают Калмыкию.

Среди природных зон выделяются следующие. Северо-Западный Кавказ (или западное Предкавказье) — это в основном равнинный регион, в котором севернее реки Кубань расположена Кубано-Приазовская низменность, а южнее — Прикубанская наклонная равнина. К дельте Кубани примыкает Таманский полуостров, разделяющий Азовское и Черное моря; он покрыт невысокими грядами и грязевыми сопками. В центральной части Северного Кавказа (среднем Предкавказье) находятся Ставропольская и Терско-Сунженская возвышенности, между которыми располагается область Минеральных вод со знаменитыми целебными источниками. Восточнее (в восточном Предкавказье) есть Терско-Кумская низменность. По мере приближения к горам к югу от реки Терек местность повышается, и образуется Терско-Сунженская возвышенность, к которой примыкают наклонные равнины Кабардинская, Осетинская и Чеченская.

Западное и Среднее Предкавказье — главным образом, степные местности с плодородными черноземными почвами, которые сейчас почти полностью распаханы под поля и сады. В восточном Предкавказье господствует полупустынный ландшафт. Там выращивают хлопок, а необработанные земли используют под пастбища. По мере приближения к горам становится все больше лиственных лесов. Горные районы характеризуются малопродуктивными почвами; там растут хвойные леса и располагаются альпийские пастбища.

Крупнейшие реки впадают в Каспийское (Терек, Кума, Сулак) и Азовское (Кубань) моря. Их многочисленные притоки питаются от ливней и тающих высокогорных снегов; весной эти мелкие речушки превращаются в ревущие потоки, затопляющие низменные берега. Нередко по этим рекам проносятся разрушительные сели — грязекаменные лавины.

Население Северного Кавказа издавна использовала природные условия для хозяйственных занятий. В западном Предкавказье люди занимались в основном выращиванием зерна, садовых и бахчевых культур; на востоке региона жили кочевники-скотоводы. Горцы тоже занимались земледелием и скотовод-

ством. Важное место в экономике занимала торговля, обмен продукцией хозяйства между разными народами и районами края. В последние два столетия была начата промышленная разработка полезных ископаемых, в том числе нефти и газа.

В административном отношении Северный Кавказ, входящий в состав Российской Федерации, охватывает Краснодарский и Ставропольский края, Республику Адыгея (столица Майкоп), Республику Дагестан (столица Махачкала), Республику Кабардино-Балкария (столица Нальчик), Республику Северная Осетия – Алания (столица Владикавказ), Республику Ингушетия (столица Назрань; недавно для столичных функций заложен новый город Магас), Республику Чечня (столица Грозный).

Древнейшее население Северного Кавказа

О самых древних жителях Северного Кавказа мы узнаем из археологических находок. Ученые-археологи извлекают из земли следы поселений и старые предметы. Часто важные сведения о культуре первых жителей края дают погребения, потому что рядом с умершим в могилу помещали оружие, посуду, украшения и другие вещи. Наиболее старинные остатки жизни человека на Северном Кавказе имеют возраст примерно 200–400 тысяч лет. А первое изображение обитателей края в письменных сочинениях относится к VIII в. до н. э. (ассирийские надписи упоминают народ киммерийцев, который жил на северо-восточном берегу Черного моря).

В глубокой древности племена охотников и собирателей с юга стали заселять Северный Кавказ – сначала черноморское побережье и долину реки Кубани. В горах и лесах добычей им служили пещерные медведи, а в степях – стада диких лошадей и коз. Охотились с помощью каменных орудий, каменными инструментами обрабатывали звериные шкуры и древесину. Со временем изготовление таких орудий становилось все искуснее, охота все успешнее, и древние кавказцы начали приручать животных, научились выращивать хлеб. В поселках VI тыс. до н. э. находят первые следы зерновых растений и кости домашних животных.

В III тыс. до н. э. началась эпоха металла. Местные жители стали добывать медную руду и изготавливать из нее бронзовые изделия. Именно к так называемому бронзовому веку и относятся известия о киммерийцах – воинственных обитателях степей, вытесненных более сильными скифами, пришедшими с востока. Северный Кавказ пережил в древности несколько больших переселений народов. Часто вторгались кочевники, которые, как киммерийцы и скифы, предпочитали жить в степях со своими стадами. Население же горных районов обычно не затрагивалось такими переселениями и сохраняло свой привычный, сложившийся с древности жизненный уклад.

В VI в. до н. э. на побережьях Черного и Азовского морей появились города-колонии, основанные греками. Одним из самых крупных была Фанагория на Таманском полуострове. В таких поселениях жили в основном купцы и ремесленники. Торгуя и обмениваясь с ними знаниями и опытом, кавказцы смогли познакомиться с передовой европейской культурой того времени.

Могущественные и воинственные скифы говорили на иранских наречиях. Из причерноморских степей они часто совершали походы в Закавказье и на Ближний Восток. Их конница обычно двигалась на юг вдоль Каспийского моря, через Дербентский проход, где горы почти вплотную подступают к побережью (позднее этот путь был «заперт» крепостью Дербент). Археологические памятники показывают, что местные кавказские племена и скифы многое переняли друг у друга в культуре — в кузнечном, ювелирном, гончарном ремесле, изготовлении оружия.

Скифы были разгромлены очередными кочевыми пришельцами — древнеиранскими племенами сарматов. Сарматы одержали верх благодаря своей многочисленности, лучшему вооружению и умелому применению конницы. Их знаменитая тяжелая кавалерия с всадниками и лошадьми, одетыми в железные кованые доспехи, легко добивалась победы над противниками. Крупнейшими сарматскими племенами были сираки и аорсы; близко родственными им были аланы. Большинство сарматов заняло степную зону. Понемногу они стали проникать в горы, смешиваясь с местными народами. Аланы вскоре перешли к земледелию.

Население Северного Кавказа начала нашей эры описали древнеримские историки. Они называли множество племенных наименований, и в некоторых из них уже угадываются названия современных народов.

В IV в. н. э. Северный Кавказ подвергся нашествию кочевников-гуннов — выходцев из Центральной Азии. По мнению одних ученых, гунны говорили в основном на тюркских языках, другие считают их смесью племен с самыми разными наречиями. Приход гуннов имел тяжелые последствия: были разграблены и разрушены многие города и селения, их жители погибли в боях или угодили в рабство. Гунны начали войны с Ираном и Византией, и нередко сражения между ними разворачивались на кавказских землях, принося населению еще больше бедствий. Значительная часть пришельцев с востока поселилась на территории Дагестана, где появилась целая «Страна гуннов», как ее называют древние хроники (хотя основное население составляли местные племена). Огромное пространство от Каспийского моря до Дуная вошло в состав державы гуннского предводителя Аттилы, который жил далеко на западе, на территории нынешней Венгрии. После смерти Аттилы в 453 г. его объединение довольно быстро распалось. Входившие в него племена обрели самостоятельность. Так на Северном Кавказе появились первые тюркские народы — древние болгары и хазары.

Древние царства

Начиная с V в. н. э. на Северном Кавказе появлялись государства, созданные народами-наследниками гуннов и сарматов.

Древних болгар в начале VII в. возглавил хан Кубрат. Эти кочевые скотоводы жили по берегам Азовского моря, делились на несколько племен, говоривших в основном на тюркских языках. Кубрат захватил обширные степные пространства и устроил свою столицу в городе Фанагория на Таманском полуострове. Государство Кубрата принято называть Великой Болгарией. Оно делилось на уделы во главе с племенными вождями. Древние болгары часто воевали

с соседями и поддерживали тесные дружественные связи с Византийской империей. Византийцы очень ценили сильного союзника, и император даровал Кубрату аристократический титул патрикия. Некоторые ученые считают, что имя древних болгар сохранилось в названии современных балкарцев, живущих на Северном Кавказе.

Неподалеку от болгар, на северо-восточном берегу Черного моря, сложились племенные союзы зихов и касогов — предков адыгов. Армянская хроника VII в. упоминает нахчаматеанк, кустк и дурцк, от которых произошли нынешние чеченцы и ингуши.

На территории Дагестана набирал силы и другой тюркский народ — хазары. В середине VII в. они начали борьбу с сыновьями и преемниками Кубрата. Не выдержав хазарского напора, некоторые болгарские ханы решили покинуть родину. Одни с частью подданных откочевали на Дунай, где появилась Дунайская Болгария (там тюрки-пришельцы смешались с местными славянами и переняли их язык и культуру, оставив стране лишь свое имя); другие удалились на север и образовали Волжскую Болгарию. Оставшиеся в Приазовье болгары вошли в состав государства хазар.

Управлял им царь — каган, поэтому царство называется Хазарским каганатом. Столицами его были города Беленджер и Семендер в нынешнем Дагестане, на древнем торговом пути между Восточной Европой и Ближним Востоком. На этом же пути располагалась старая крепость Дербент. Хазары занимались скотоводством и земледелием, выращивали хлеб и виноград, проводили оросительные каналы. У них было довольно много городов. Каган обладал сильным войском, которое посылал в походы на соседей — древних болгар, алан и иранцев. В VIII в. территория Дагестана подверглась нескольким опустошительным нашествиям армий Арабского халифата. Под ударами арабов большая часть населения Хазарского каганата ушла на север, в Поволжье. Многие хазары и болгары во главе с каганом тогда приняли ислам, но позднее правящая верхушка каганата перешла в иудаизм. В X в. каганат окончательно ослабел и распался под ударами печенегов, огузов и русских.

По соседству с царствами болгар и хазар располагались владения алан — народа сарматского происхождения. В конце IX — начале X вв., освободившись от хазарского господства, аланы создали собственное царство, которое оказалось гораздо долговечнее окрестных государств. Оно располагалось на территории современных Северной Осетии-Алании, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Ставропольского края. Цари Алании управляли не только своими соплеменниками, но и множеством прочих горских народов. Эта держава достигла расцвета в XI в. при царе Дорголеде Великом. Он пользовался большим уважением в Византии и Грузии, его сорокатысячная армия считалась сильнейшей в то время на Северном Кавказе. Аланы имели широкие связи с христианским миром, и многие из них исповедовали христианство. Эта религия распространялась благодаря в том числе и активности грузинских миссионеров и проповедников, церковных зодчих. От той эпохи сохранились развалины величественных аланских соборов. Система горных путей прочно соединяла государство алан с Грузией и Абхазией; на западе страны располагались черноморские порты, через которые велась торговля и обмен посольствами с Константинополем.

Со временем Аланию охватили междоусобицы, она ослабла и в XIII в. пала жертвой монгольских завоевателей. В наши дни жители Северного Кавказа вспоминают об Аланском царстве как о периоде богатой культуры, эпохе славных деяний царей и богатырей. Некоторые современные народы считают себя прямыми потомками средневековых алан.

На степных равнинах с XI в. стали кочевать тюрки-кипчаки. Их многочисленным и воинственным племенам иногда удавалось вытеснять местных земледельцев в горы и занимать их земли под пастбища. Окрестные правители ценили мощную кипчакскую конницу и часто использовали ее для своих политических целей. В 1118 г. грузинский царь Давид IV Строитель пригласил в свои владения 40 000 кипчаков, сформировав из них постоянное войско. Чтобы организовать это переселение через аланские земли, Давид лично явился в Аланию и помирил кипчаков с аланами, до того враждовавших друг с другом.

Войны и нашествия

На протяжении столетий народы Северного Кавказа сталкивались с внешними врагами, отражали их нашествия или иногда терпели поражения. Завоевателей привлекали тучные пастбища степной зоны, богатые хазарские и аланские города, древние торговые пути, крупнейший из которых шел вдоль западного берега Каспийского моря из Поволжья через крепость Дербент (в Дагестане) в Иран.

В VII–VIII вв. Хазарский каганат подвергался нападениям арабов. Правители Арабского халифата снаряжали на Кавказ большие армии. Самый крупный поход состоялся в 737 г. Полководец Мерван ибн Мухаммад, назначенный наместником Кавказа, разгромил войска хазарского кагана и вынудил его бежать. Коннице Мер-вана удалось пройти через весь Северный Кавказ до реки Дон. Захваченные земли раздавались воинам халифа и переселенцам из Халифата, население угоняли в рабство, многие города и селения были тогда разрушены. Арабы отвоевали у хазар Дербент и другие города, вытеснили на север большую часть населения Хазарии. Однако им не удалось закрепиться на Северном Кавказе. Под воздействием смут в Халифате и освободительной борьбы кавказских народов арабские гарнизоны были вынуждены покинуть край. Власть арабов удержалась лишь в южном Дагестане – там со временем утвердились династии правителей арабского происхождения.

Несмотря на довольно краткий период арабского завоевания, культурные последствия его оказались долговечными. Главное из них – начало распространения ислама на Северном Кавказе. Крупным центром новой религии стал Дербент, в котором уже в начале VIII в. была возведена большая мечеть. Внедрению ислама помогала налоговая политика халифов: тот, кто становился мусульманином, освобождался от выплаты подушной подати. Однако еще несколько столетий ислам на Северном Кавказе оставался религией горожан – торговцев и ремесленников; жители внутренних горных районов продолжали придерживаться своих древних языческих верований или исповедовали христианство. Арабы принесли на Кавказ черты новой, яркой культуры, которая во многом обогатила культуру местную. Это относится и к градостроительству,

и к распространению письменности и научных знаний, и к связям кавказцев с богатыми и развитыми странами Востока. Кроме того, из Арабского халифата было заимствованы многие особенности государственного устройства, налогообложения и т. д.

Большинство прочих завоевателей несли кавказцам не культурное развитие, а гибель и разорение. В XIII в. край испытал опустошительное нашествие монголов. Монгольское завоевание растянулось на десятки лет: слишком упорную борьбу вели горцы с полководцами Чингисхана и его наследников. Последними очагами сопротивления оказались высокогорные города алан и вайнахов. Северный Кавказ был включен в состав монгольского государства Золотой Орды. Главным хозяйственным занятием монголам служило кочевое скотоводство, и в своей державе они опирались на таких же кочевников — тюркский народ кипчаков. Кипчаки составляли большинство населения Золотой Орды, и вскоре немногочисленные монголы полностью растворились среди них, переняв кипчакский язык. В золотоордынскую эпоху множество кипчаков заселило кавказские степи. Прежнее население, в том числе аланы и предки чеченцев и ингушей, было вынуждено перебираться с равнины в горы и там основывать селения. В результате смешения местных народов с пришлыми кочевниками стали формироваться современные тюркские народы Северного Кавказа: кумыки, балкарцы, карачаевцы и другие.

Ордынские правители очень ценили свои кавказские владения. На тамошних тучных пастбищах они устраивали свои ежегодные кочевые стоянки; в XIV в. на реке Куме возник большой город Маджар. Золотая Орда долго воевала с государством иранских монголов, и войска враждующих стран не раз разоряли Дагестан.

В конце XIV в. на земли карачаевцев, черкесов и дагестанцев обрушился правитель Средней Азии Тимур. Во время своих войн с Золотой Ордой он подверг их опустошению, но, одержав несколько побед над ордынскими войсками, ушел с Кавказа. Через столетия горцы в своих песнях вспоминали об этом страшном нашествии.

Столь же тяжелые последствия имели вторжения войск Ирана и Турции, которые в XVI—XVIII вв. боролись друг с другом за право владеть Кавказом. Время от времени им удавалось подчинить своему политическому влиянию местные народы. Правители Дагестана признавали зависимость от иранских шахов, а адыги (предки адыгейцев, кабардинцев и черкесов) считались подданными турецких султанов или их вассалов — крымских ханов, хотя часто зависимость существовала только формально, на словах. Турецкие, иранские и крымско-татарские завоевания послужили одной из причин обращений предводителей некоторых местных народов за помощью к России. Первыми на такой шаг решились кабардинские князья в середине XVI в.

Княжества Северного Кавказа

Когда разгромленная Тимуром Золотая Орда распалась, народы Северного Кавказа получили возможность независимого развития. В XV—XVIII вв. здесь образовалось несколько самостоятельных владений. Их правители иногда при-

знавали себя подчиненными монархам окрестных держав (Османской империи, Крымского ханства, Ирана, России), но в общем управляли без внешнего вмешательства.

Несколько княжество возникло на территории Дагестана. В местности Табасаран, где жили табасаранцы и отчасти лезгины, правил князь с титулом майсум; в Кайтаге (там жили даргинцы, кумыки и др.) – уцмий; в Аварии (стране аварцев) – нуцал, или хан. Обширное пространство занимали земли шамхалов с центром в крепости Кази-Кумух. Население шамхальства тоже было многонациональным. Кумыки, даргинцы, чеченцы, ногойцы, лакцы и прочие народы платили подати в казну шамхала, подчинялись его наместникам и были обязаны отправляться на войну по приказу из Кази-Кумуха. В случае опасности шамхал мог собрать стотысячное войско. Но со второй половины XVI в. знатные вельможи и удельные правители начали междоусобные раздоры, и меньше чем через столетие шамхальство распалось. Небольшую часть его с центром в крепости Тарки удержали за собой правители, которые стали называть себя шамхалами Тарковскими. Точно так же под воздействием внутренних распрей развалились Табасаранское майсумство и Кайтагское уцмийство. А вот Аварское ханство продолжало укрепляться и даже расширяться, в том числе за счет бывших шамхальских владений.

Все эти княжества имели сходное устройство. Престол передавался по наследству; территория делилась на уделы и наместничества, с которых собирались налоги; почти повсеместно утверждался ислам.

На территории Горной Чечни и Ингушетии было несколько объединений. Одними руководила местная знать (мурзы), в других предводители выбирались на народных собраниях. Самые важные вопросы решались на совещаниях старейшин.

Сильные княжества образовались в Кабарде. Несколько князей избирали там старшего над собой, и его замок становился на время политическим центром страны. Известно, что в XVI в. знать собиралась на общекабардинские съезды, но единого государства у кабардинцев так и не сложилось. Этому мешали обычные конфликты между князьями. В XVII в. произошло разделение на Большую и Малую Кабарду – две области, которые часто соперничали между собой.

Имелись политические образования (княжества) и у адыгов на Северо-Западном Кавказе. В течение XVII–XVIII вв. адыгские крестьяне-общинники вели ожесточенную борьбу против притеснявших их князей-уорков. Определенных успехов добились самые многочисленные племена – абадзехи, шапсуги и натухайцы. В 1793 г. объединенное ополчение их крестьян сразилось с войском князей, поддержанным казаками, которых прислала на помощь русская императрица Екатерина II. Хотя отряды трех племен отступили, не выдержав ударов артиллерии, княжеская власть в их землях утратила заметное значение. С тех пор абадзехи, шапсуги и натухайцы получили название «демократических племен». Прочие адыги (бжедуги, те-миргоевцы, бесленеевцы и др.) стали обозначаться как «аристократические племена», потому что у них правление местной знати сохранилось. На протяжении нескольких десятилетий остатки знати «демократических» племен переселялись на земли «аристократических», а в обратном направлении двигался поток переселенцев-крестьян, желавших избавиться от тяжелого подневольного положения.

Кроме княжеств, у многих народов (осетин, чеченцев, ингушей, некоторых жителей Горного Дагестана) сохранялись разрозненные объединения сельских общин — так называемые «общества», не объединенные в государственную систему. Они возглавлялись старейшинами и иногда признавали свою зависимость от соседних правителей — шамхалов или кабардинских князей. Семьи некоторых старейшин накапливали богатства и приобретали большое влияние, в них звание старейшины уже переходило по наследству.

Народы края поддерживали тесные связи с Закавказьем. Возникшие в XVIII в. города Кизляр (в Дагестане) и Моздок (в Северной Осетии) стали главными центрами торговли с Грузией и Азербайджаном. Грузинские цари и князья привлекали отряды горских правителей для борьбы против внешних противников и в междоусобных распрях. Царь Картли Вахтанг VI женился на кабардинской княжне. Сближению народов, совместному ведению хозяйства и иногда даже установлению родственных связей помогало и чересполосное проживание в некоторых местностях с древних времен (особенно дагестанцев и азербайджанцев), и новые взаимные переселения. Грузины и армяне перебирались на север от Большого Кавказа и образовывали свои поселения, а, например, многие осетины обосновывались в Грузии.

Присоединение к России

В конце XVIII в. границы России вплотную приблизились к Северному Кавказу. В результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в ее состав были включены Осетия, часть Кабарды, обширная часть степного Предкавказья, установились дипломатические отношения с некоторыми владельцами Дагестана. Одни народы добровольно вступили в империю — например, осетины и кабардинцы, другие же не желали становиться подданными России. Черкесы и чеченцы хотели оставаться свободными, поэтому сопротивлялись продвижению огромной державы на Кавказ. Присоединение региона к Российскому государству растянулось на многие годы.

Русские появлялись на Северном Кавказе не только в составе войск. В поисках лучшей доли сюда устремлялись тысячи крестьян, бежавших от помещичьего гнета. Первые поселенцы появились в горах и предгорьях еще в XVI в. В бассейне реки Терек и на гребнях притеречных холмов возникли станицы (поселения) терских и гребенских казаков. Российское правительство было заинтересовано в широком заселении края казаками, так как видело в них надежную опору государства на южных рубежах. Казачьи отряды помогали строить крепости, посты и несли службу вдоль укрепленной Азово-Черноморской линии, которая с 1781 г. протянулась от донских степей до Каспийского моря (позднее она стала называться Кавказской линией). Значительная часть северокавказских территорий тогда еще не входила в состав России.

Задача окончательного присоединения их была поставлена правительством после включения в империю Восточной Грузии в 1801 г. Долгому вооруженному противостоянию способствовали не только политические интересы России, но и разорительные набеги горских джигитов на казачьи станицы. Главнокомандующий А.П. Ермолов (в 1816–1827 гг.) стал проводить чрезмерно жест-

кую политику по отношению к воинственным горцам. Их вожди Гази-Магомед и Гамзат-бек подняли чеченцев, адыгов и дагестанцев на борьбу против русских армий. Началась Кавказская война.

Наибольшего размаха она достигла, когда движение возглавил легендарный Шамиль. Он провозгласил себя верховным правителем-имамом Дагестана (1834 г.) и Чечни (1840 г.) и создал государство-имамат. Имам воплощал в одном лице светского монарха, религиозного предводителя, командующего армией и верховного судью. Объединительной идеологией государства стало одно из течений ислама мюридизм.

В 1837 г. отряды Шамиля нанесли поражение российской армии. Но через два года она захватила один из центров имамата – аул Ахульго, а в 1840 г. нанесла горцам тяжелые удары на реке Валерик и у аула Гимры. Вскоре армия имама оправилась от поражений и в 1841–1844 гг. одержала несколько новых побед.

После учреждения в 1844 г. Кавказского наместничества российский военные силы наместников М.С. Воронцова, Н.Н. Муравьева, А.И. Барятинского стали теснить Шамиля в горы. В 1859 г. имам был окружен российскими отрядами в ауле Гуниб и пленен. В 1864 г. завершились военные действия и на Северо-Западном Кавказе. После завершения Кавказской войны Россия окончательно присоединила Северный Кавказ.

Обычаи и традиции

Народы Северного Кавказа всегда свято чтит предков. Они бережно сохраняли древние обычаи и обряды, уходящие корнями в эпоху родового строя. Патриархальный образ жизни и быт кавказцев были очень устойчивыми, поэтому многие древние обычаи законсервировались в первозданном виде.

Обычаи. Один из древнейших обычаев – куначество. Кунак в переводе означает «друг», а куначество можно объяснить как побратимство. Любой человек, попадавший в дом горца с добрыми намерениями, становился кунаком. Этот обычай обязывал не только проявлять гостеприимство в отношении кунака, но и оказывать ему помощь, в том числе материальную. Бывало и так, что кунаками становились путешественники, пришельцы из других краев, казаки, русские офицеры и солдаты. Вчерашний враг, переступивший порог горского дома, становился другом. Стоило лишь испить вино или молоко из общей ритуальной чаши и дать взаимную клятву верности. Преступить законы куначества для горца было равносильно потере чести.

Приверженность обычаю куначества на Северном Кавказе во многом обуславливалась суровыми природными условиями горных районов, где даже самый выносливый путник не мог обойтись без поддержки и участия. Куначество – чрезвычайно гуманный и миролюбивый кавказский обычай.

Аталычество (то есть отцовство, от тюркского «ата» – отец) – обычай, который возник еще в глубокой древности, когда знатные родители отдавали своих новорожденных детей на воспитание в простонародные семьи. По достижении совершеннолетия воспитатель-аталык торжественно передавал питомца в родную семью. Ритуал возвращения сопровождался обменом подарками между двумя семьями (дарили оружие, скот, коней, иногда даже земельные участки).

Воспитанниками становились и сироты, причем национальность не играла никакой роли при этом своеобразном усыновлении: дети горцев вырастали в семьях казаков, а русские дети – в семьях кавказцев. Родители никогда не делали разницы между собственными детьми и взятыми на воспитание.

Аталычество служило укреплению связей между знатью и простонародьем, помогало сплачивать народы.

К родовому быту восходит обычай кровной мести. Следовать древнему закону «око за око, зуб за зуб» предписывалось адатами – неписаными законами, которые на протяжении столетий регулировали повседневную жизнь жителей Северного Кавказа. Поводом для объявления кровной мести могло стать убийство, захват земли, похищение девушки, оскорбление религиозных святынь и т. д. Кровниками становились все члены рода. Месть обидчикам считалась долгом ближайших по отцовской линии родственников. Кровная вражда между родами и семьями нередко переходила от поколения к поколению. Она прекращалась после совершения примирительной, строго определенной церемонии с участием обеих сторон (у каждого народа эта церемония включала разные обряды).

На Северном Кавказе было распространено (и в некоторых районах встречается сейчас) похищение девушек. Умыкание невест часто совершалось с их согласия, когда жениху нечем было заплатить требуемый обычаем выкуп (калым) за невесту, или если его размеры такого выкупа оказывались слишком велики.

Иногда похищение становилось причиной жестокой кровной вражды двух родов, приводившей к убийствам. Но чаще все заканчивалось свадьбой, примирявшей обе стороны. Свадебный ритуал строго соответствовал традициям того или иного народа. Невесту вводили в дом жениха, совершали обряд приобщения к очагу – центральному месту в доме. Свадьба сопровождалась песнями, танцами, конными представлениями.

Древние традиции действовали также при погребении покойников и при поминании умерших. Для этого существовал строгий распорядок действий. У одних народов он соответствовал мусульманским религиозным канонам, у других – христианским, но почти всюду сохранялись следы прежних, языческих обрядов и представлений о загробной жизни.

Костюм. Одежда жителей разных местностей Северного Кавказа имела свои этнические и локальные особенности. Однако общий стиль костюма обладал и сходными чертами. Традиционный мужской костюм состоял из бешмета, бурки, башлыка и папахи. Черкеску украшали нагрудные патронташи-газыри, по 8–15 штук с каждой стороны груди. Все это шилось из домотканного сукна, производимого из козьей шерсти, и из овечьих шкур. Обувь из сыромятной кожи надевалась вместе с суконными или войлочными ноговицами.

В женской одежде было значительно больше разнообразия. Основу составляло длинное платье, которое шилось по типу черкески: глубокий V-образный разрез и расходящиеся полы. На ногах – чуваки из сафьяна, сукна, кожи. Нарядные башмаки имели каблук и загнутый вверх носок.

Кулинарные традиции народов Северного Кавказа сохраняли чрезвычайную устойчивость на протяжении веков. Пища включала большое количество мясных, мучных и молочных блюд. Их дополняли разнообразные кушанья из яиц,

тыквы, фасоли, ореха, меда. Мясные блюда готовились из говядины и баранины. Простолюдины употребляли такие блюда в основном в праздники. Заклание барана носило отпечаток языческих традиций, по которым жертвоприношение животного совершалось в ознаменование каких-либо природных явлений и во имя многочисленных языческих богов. Шашлык из лучшей части освеженной туши и три обрядовых пирога преподносились устроителю праздника.

Основу кавказского стола составляли постные блюда, прежде всего пироги с разнообразными начинками: картофелем, сыром, солодом, травами, фасолью, тыквой и др. У каждого народа были свои национальные блюда (пельмени с мясом, пироги, мамалыга) и напитки (пиво, брага, буза, арака — кукурузная водка).

Религии

Язычество, или идолопоклонство, то есть культ природы, обожествление и «очеловечивание» ее сил (огня, воды, земли...) укоренилось на Северном Кавказе с древнейших времен. Его не смогло полностью вытеснить и приобщение местных народов к мировым религиям. Каждый народ в той или иной степени сохранял свои древние верования и отмечал традиционные праздники, связанные с природными сезонами, земледельческим календарем, циклом сельскохозяйственных работ. На Северном Кавказе было распространено поклонение духам, священным горам, камням, деревьям, рощам. В самых разных уголках края можно обнаружить старинные языческие святилища, которые и поныне остаются местом паломничества и поклонения. Они имеют вид небольших построек, груд камней, кустов, рощиц, мест, пораженных молнией и т. д. Например, священное дерево украшалось рогами оленей или туров, разноцветными лоскутками. Перед ним ставился жертвенник. В XVII—XIX вв. в качестве языческих святилищ часто использовались развалины древних христианских храмов и часовен. Подле святилищ в дни праздников устраивались торжественные жертвоприношения. Они сопровождались молитвами в адрес божеств (с просьбами о дожде во время засухи, об урожае, об умножении скота), ритуальными танцами и хороводами. Почти каждое селение имело своего божественного покровителя, которому ежегодно приносились жертвы.

За соблюдением всех этих религиозных церемоний следили особые служители культа — жрецы. Ими становились наиболее авторитетные члены общества. Свои жреческие функции они обычно передавали по наследству.

Языческие традиции на Северном Кавказе сохраняются уже на протяжении тысячелетий и причудливо переплетаются с канонами других религий, придавая удивительное своеобразие современной культуре местных народов.

Христианство проникло в этот регион еще в IV в. Оно распространялось из Византии и Грузии и было воспринято аланами. Следы ранних христианских храмов сегодня можно видеть во многих местностях Северного Кавказа. Позднее, после опустошительных походов монгольских завоевателей в распространении христианства наступил длительный перерыв.

Следующий этап развития этой религии в регионе относится уже к XVIII—XIX вв. и связан с активностью российских миссионеров. Благодаря деятельности «Общества восстановления христианства на Кавказе» (середина XIX в.)

православие прочно укоренилось в среде осетин; лишь небольшая их часть, жившая в пограничных с Кабардой местностях, перешла в мусульманство.

Первоначально христианство распространялось также среди чеченцев и ингушей, но присущие этой религии предписания, в том числе призывы к смирению, не вписались в общественную структуру и социальные установки большинства народов Северного Кавказа.

Ислам впервые проник сюда в VII в., когда армия Арабского халифата вторглась с юга в Дагестан. В местных аулах и особенно городах (самым крупным был Дербент) поднялись мечети, появилось мусульманское духовенство. В течение столетий ислам оставался здесь в основном религией горожан. В горах же он утверждался медленно и постепенно. Так получалось не только из-за нежелания язычников менять свои убеждения, но и потому, что вместе с новой верой шло мусульманское право — шариат. Шариат регулирует всю жизнь верующего. Однако у горцев существовало собственное право — адат. Установления адата передавались из поколения в поколение, за их соблюдение следили старейшины, и диктуемые адатом порядки полностью отвечали условиям жизни народов Дагестана. Они неохотно соглашались менять вековые обычаи на предписания шариата. Тем не менее к концу XVIII века Дагестан уже превратился в мусульманскую страну, разделенную, правда, на несколько княжеств и независимых горных «обществ» (джамаатов).

Постепенно из Дагестана мусульманская религия проникла и в среду других народов. К середине XIX в. большинство северокавказских народов: дагестанцы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, чеченцы и многие другие) уже исповедовало ислам.

Внедрение ислама чрезвычайно усилило роль духовенства — мулл и кадиев. Кадий (судья) выдвинулся на одно из главенствующих мест в обществе.

Тот ислам, что распространился на Северном Кавказе, имел классические суннитские формы. Именно эта, суннитская, ветвь господствовала тогда и преобладает сейчас в большей части мусульманского мира. Кроме того, среди горцев пользовалось популярностью учение суфиев.

Суфизм, или как его еще часто называют, мюридизм, — это идейное направление ислама, которое диктует верующим объединяться в замкнутые братства, пронизанные отношениями подчинения учеников-мюридов наставникам-муршидам. Над всем братством стоит имам, или шейх — человек, отмеченный божественной благодатью: ему открывается смысл Корана, ему являются в видениях ангелы или пророк Мухаммед с советами по важнейшим вопросам... Духовный смысл суфизма заключается в жертвенном служении Всевышнему, готовности посвятить себя исполнению воли Аллаха, донесенной через уста имама. Различия в культовых обрядах и в трактовке учения привели к образованию нескольких суфийских школ — тарикатов. На Северном Кавказе получили распространение накшбандийский и кадирийский тарикаты. Первый уделяет большее внимание деятельной борьбе за веру, в том числе вооруженной. Священная религиозная война (газават, или джихад меча), превращается для накшбандийских суфиев в одну из главных установок в жизни. Кадирийцы же придерживаются более миролюбивой философии. Некоторые духовные авторитеты этого тариката вообще запрещали своим последователям пользоваться оружием в военных целях.

Духовная культура

У многих народов Северного Кавказа с распространением ислама получала распространение арабская письменность. Собственной системы письма в регионе не было (хотя, например, у осетин в X в. был опыт ее создания на основе греческого алфавита, но он не получил продолжения). В XIX в. местные просветители (П. Услар, М. Шапсугов, С. Хан-Гирей, Ш. Ногмов, И. Ялгузидзе) разрабатывали основы письменности для кавказских народов уже на базе латинской графики. Однако включение региона в состав России привело к широкому применению кириллицы, которая в течение XIX–XX вв. постепенно вытеснила другие виды письма.

Северный Кавказ – родина древнейшего эпоса о богатырях-нартах, кладезь богатейшего фольклора, ярко воплотившегося в устном народном творчестве.

Развитие национальной литературы местных народов происходило под сильным воздействием русской классической литературы XIX в. Осетинский поэт и художник К. Хетагуров получил известность за пределами Кавказа. Кабардинец Ш. Ногмов писал популярные в народе поэмы и стихи. В 1836 г. в русском журнале «Современник» была опубликована повесть С. Казы-Гирея «Долина Аджигутай», описывающая красочную природу Кавказа. В 1841 г. в журнале «Русский вестник» появилась историческая повесть С. Хан-Гирея «Черкесские предания». К началу XX в. у всех народов Северного Кавказа существовала собственная литература как искусство художественного слова. Местные писатели и поэты создавали свои произведения на родных языках: адыги К. Джанчатов, Т. Пшизов, Х. Хамахоков, Т. Цуг, карачаевцы А. Джанибеков, К. Кочкаров, И. Семенов, ногойцы Н. Айбат, Б. Монат, чеченцы Мази из Караюрта, Эфи Уддин из Гехи и многие другие.

Что касается науки, то в XIX в. среди народов края получили развитие прежде всего гуманитарные знания. Один за другим появлялись исторические труды адыгских ученых И.-Б. Атажукина, упо-минавшихся выше Ш. Ногмова и С. Хан-Гирея. Они описывали природные условия Кавказа, жизненный уклад, быт, социальные отношения и духовную его населения. С 1846 г. в Тбилиси стала издаваться газета «Кавказ», открывшая возможности публикации для многих местных ученых и просветителей. Г.-А. Алкадари, У. Берсей, Б. Далгат, С. Казы-Гирей, А. Омаров, А. Чиркеевский и другие вели научные изыскания в областях языкознания, фольклора, истории и этнографии. Первый чеченский историк У. Лаудаев талантливо описал социальную историю, общественные отношения, быт и нравы чеченцев. Местные ученые способствовали развитию гуманитарных наук у каждого народа Северного Кавказа и кавказоведения в целом.

В народной музыке и хореографии Северного Кавказа имеется много схожего: традиционные музыкальные инструменты, ритм и форма танцев. К глубокой древности восходят заклинательные песни-речитативы, обращаемые к божествам, нартовские и героические песни (кабардинская – об Айдемиркане, ногойская – об Айсыл улы Амете, осетинская – о Чермене, чеченская – Бейбулате и многие другие). Жанровое разнообразие музыкального фольклора народов Северного Кавказа чрезвычайно велико: помимо баллад и песен о богатырях, это застольные и колыбельные песни, плачи, частушки.

Общий для всех рисунок танца воплотился в знаменитой лезгинке. Сходство воплотилось и в так называемых заклинательных танцах, исполнявшихся коллективно в дни языческих культовых церемоний. К примеру, в засуху женщины исполняли танец, призванный вызвать дождь. Специальные танцы посвящались божееству-покровителю урожая, божееству грома и т.п.

Города и архитектура

У многих народов Северного Кавказа искусство строительства жилищ и поселений развивалось в условиях суровой горной местности и частых военных столкновений с врагами. Селения в горах (аулы) отличались теснотой, почти полным отсутствием дворов, узкими и кривыми улицами. При недостатке места дома иногда смыкались над улицами, превращая их в узкие и темные тоннели. У каждого аула имелись мельница, кладбище и хотя бы маленькая площадь посередине. На ней местные жители обсуждали общие дела, а в Дагестане на такой площади возводилась мечеть.

Место для селения выбиралось тщательно и долго. Требовалось, чтобы рядом был ручей или речка (рыть колодцы в горах невозможно), а желательно также и лес; чтобы аул был труднодоступен для вражеского нападения и не страдал от весеннего половодья — для этого его закладывали на каком-нибудь естественном укреплении: скале, утесе, обрыве, мысе... Еще старались, чтобы был виден соседний аул — для предупреждения об атаке противника. Так как плодородной земли было мало, то обязательно учитывалось и качество почвы.

Столь же внимательно относились и к выбору места для строительства дома. С этим занятием связаны интересные обычаи. Например, кабардинцы и балкарцы, выбрав такое место, выкапывали яму и снова засыпали ее землей. Если вся земля не вмещалась обратно, то на таком месте отказывались возводить не только дом, но и хозяйственные постройки. Или в намеченном для дома месте ставили вечером чашку с водой или молоком; если наутро жидкости в ней не убавлялось, то считалось, что место найдено подходящее.

Жители гор для строительства обычно применяли камень, жители лесов — дерево, на равнинах постройки сооружали из глиняных кирпичей или из хвороста, обмазанного глиной, а кочевники использовали передвижные войлочные кибитки.

Самый древний и простой горский дом (сакля) имел вид комнаты под земляной крышей. В центре его располагался очаг или опорный столб, а вокруг стелились одеяла, циновки, расставлялась утварь. Иногда отделялось парадное помещение (кунацкая), где принимали гостей. Со временем горцы стали сооружать и двухэтажные дома, отводя нижний ярус для скота. Если случалось нападение врага, то через специальный люк в потолке выбирались на крышу, на которой был выложен парапет из камней. Порой и над ней делали дополнительную крышу. Так получалась настоящая оборонительная башня.

Знаменитые горские башни делились на жилые и боевые. До наших дней они дошли в основном от XVI—XVIII вв., хотя появились гораздо раньше. В Чечне и Ингушетии почти все высокогорные селения были башенными. В боевых башнях люди собирались только на время военных действий; такие башни были непригодны для постоянного проживания: они были вдвое выше

и уже жилых. Большинство имело высоту 20–25 м и четырехугольную форму; только дагестанцы предпочитали округлые очертания – чтобы осадные метательные орудия не разрушали острые углы. Встречаются пяти-, шести- и семи-этажные башни.

Вход в них располагался на уровне второго, жилого этажа, куда поднимались по приставной лестнице. На первом этаже, кроме устройства стойл для скота, выкапывали яму для пленников. Верхние этажи служили уже чисто военным целям, там складывали оружие и устраивали разнообразные оборонительные приспособления: чан для кипятка, кладки камней для бросания в противника и т.п.

Строили башню всем аулом, это было тяжелым, долгим и дорогим делом. В чеченской песне поется: «Камни привезли из-под голубого льда, Двенадцать быков тащили плиту, ломая копыта от напряжения, А был каждый камень ценною равен быку, И весом – восьми быкам».

Когда Северный Кавказ вошел в состав России, башни оказались ненужными, так как исчезла военная опасность. Новые строить перестали, но в некоторых старых продолжали жить семьи горцев. Со временем и они перебрались в дома, а большинство башен обветшало и разрушилось.

В раннем средневековье на Северном Кавказе было довольно много городов – особенно в Хазарском каганате и Алании. Однако из-за нашествий монголов, Тимура, иранцев городская культура пришла в упадок. Крупнейшим и старейшим городом края на протяжении столетий оставался Дербент.

Это очень своеобразный город. Расположение в узком проходе между Кавказскими горами и Каспийским морем превращало его в настоящие ворота из Дагестана в Закавказье и Иран. Недаром эту местность называли в древности «Железными воротами». Свою стратегическую задачу Дербент выполнял с помощью двух крепостных стен. Одним концом они упирались в горные утесы, а другим – далеко в море, так что ни обогнуть, ни перелезть их было невозможно. На протяжении VI–XIX вв. территория города, включая крепостную цитадель Нарын-Калу и гавань, ограничивалась пространством между этими укреплениями. Составляла она около 3 км в длину и всего 200 - 400 м в ширину. Лишь позднее, после установления власти России, военная угроза исчезла (граница государства оказалась далеко на юге), и дербентские кварталы распространились за пределы стен.

До сих пор в городе сохранились архитектурные памятники прошлых эпох. Кроме Нарын-Калы и стен, это и мечети, и остатки дворцов... Самый известный – резиденция могущественного правителя Восточного Кавказа второй половины XVIII в. Фатх-Али-хана.

Экономика

У многих народов Северного Кавказа с распространением ислама получала распространение арабская письменность. С древних времен главные хозяйственные занятия жителей Северного Кавказа различались в зависимости от природных условий. На равнинах было развито земледелие: там выращивали просо и пшеницу, пахали поля большими деревянными плугами с железными лезвиями-лемехами, запряженными в несколько пар быков. Большие урожаи позволяли хозяевам не только прокормить себя, но и торговать зерном.

В горах хлебопашество было сопряжено с большими трудностями. В основном там возделывали морозоустойчивый ячмень, а поля обрабатывали легким плугом из суковатого дерева, который только бороздил землю, не переворачивая ее. Урожай с высокогорных участков не могли сравниться с огромными урожаями на равнине, поэтому людям приходилось придумывать разные способы увеличения плодородия. Главным достижением горных земледельцев стало устройство полей на террасах — своеобразных плоских ступенях на склонах и откосах. Террасы создавались искусственно, с каменными подпорками и стенами, с принесенной из других мест плодородной почвой. К ним проводили оросительные каналы от близлежащих родников и речек, а в Дагестане, Балкарии и Карачае обнаружены средневековые остатки настоящих поливных водопроводов из дерева и глины. Ясно, что такая земля оказывалась очень дорогостоящей. Осетинская пословица гласит: стоимость куска земли, на которой помещается бык, равна стоимости быка.

На террасах возникали не только хлебные поля, но и сады. Особенно любили их разводить дагестанцы и адыгейцы. Там они выращивали орехи, яблоки, груши, айву, абрикосы, персики.

Местные народы заимствовали от соседей сельскохозяйственные культуры и орудия. В XVII в. из Грузии и Турции в край пришла кукуруза, которая произвела на горцев огромное впечатление. Из-за необычной удлинённой формы початков, крупных зерен, высокой урожайности они назвали ее «богатырским (нартовским) хлебом». Главной кукурузной житницей стала Чечня.

В XIX в. кавказцы многому научились у русских казаков и крестьян. Те по привычке занимались хлебопашеством, зерна становилось все больше, цены на него падали. Поэтому многие местные жители прекращали заниматься тяжелым земледелием в горах, предпочитая покупать дешевый русский хлеб, и переключались на скотоводство.

Для скотоводства в этих краях прекрасные условия: альпийские луга, покрытые сочными травами речные долины... Традиционно горцы разводили овец и коз, а обитатели равнин — лошадей, коров и быков (последних использовали еще и как тягловую силу). Впрочем, содержать лошадей могла себе позволить только знать. Особенно славилась красотой и быстротой бега кабардинские лошади, которых с удовольствием покупали аристократы из соседних стран.

Выпас овечьих отар и козьих стад был отгонным. То есть летом они паслись на горных лугах, где за каждым аулом было строго закреплено определенное место для размещения скота. На зиму же овец и коз перегоняли с горных лугов на равнинные пастбища, там ставили в особые загоны и кормили до весны заранее заготовленным сеном.

Кроме того, население Северного Кавказа разводило пчел, охотилось, ловило рыбу в реках и у морских побережий.

Большое развитие получили домашние промыслы. Обрабатывались все виды сырья: металл, камень, глина, дерево, кость, шерсть, кожа, из которых изготавливали одежду, оружие, домашнюю утварь... В каждом ауле и городском квартале имелись кузнецы, гончары, оружейники и прочие мастера. С давних пор кавказцы научились добывать руду и выплавлять медь и железо. Секреты добычи серебра составляли профессиональную тайну немногих семей.

Особенно ценились оружейники. Пушки, ружья и пистолеты стали использоваться здесь с XVI—XVII в., а до этого люди сражались исключительно холодным

оружием. Кинжал превратился в обязательную часть мужского костюма. Поэтому продукция оружейников всегда пользовалась спросом. Далеко за пределами Кавказа славились адыгейские стрелы и колчаны, дагестанские кольчуги. Позднее кавказские умельцы научились изготавливать детали огнестрельного оружия и отливать пули. Изготовленные умельцами оружейниками клинки, ножны и пистолеты получались изящными, покрытыми тонкой резьбой или чеканкой и представляли собой настоящие произведения искусства.

Приблизительно с IX в. начала расти известность специалистов-ремесленников из дагестанского аула Кубачи. На протяжении столетий его жители работали по серебру, производили оружие, металлическую посуду и ювелирные украшения.

По традиции обработка металла считалась мужским делом. Женщины посвящали себя прядению и ткачеству, выделыванию шкур и кож. В частности, они изготавливали обувь, шили одежду, в том числе знаменитые накидки-бурки. В некоторых местностях научились делать великолепные ковры.

Самыми развитыми промыслами отличались Дагестан и Черкесия. Там мастера работали уже не только для своих семей и односельчан, но и производили продукцию на рынок. Например, куба-чинцы практически отказались от земледелия, и все средства к существованию добывали за счет продажи своих ремесленных изделий.

Сбыт таких изделий облегчался прохождением старых торговых путей через Северный Кавказ. Самым крупным из них был Прикаспийский, пролежавший через Дербент и связывавший Ближний Восток с Восточной Европой. Другие магистрали шли через степные предгорья, Дарьяльское ущелье, города Тану (Азов) и Маджары. С древних времен главные хозяйственные занятия жителей Северного Кавказа различались в зависимости от природных условий. На равнинах было развито земледелие: там выращивали просо и пшеницу, пахали поля большими деревянными плугами с железными лезвиями-лемехами, запряженными в несколько пар быков. Большие урожаи позволяли хозяевам не только прокормить себя, но и торговать зерном.

В горах хлебопашество было сопряжено с большими трудностями. В основном там возделывали морозоустойчивый ячмень, а поля обрабатывали легким плугом из суковатого дерева, который только бороздил землю, не переворачивая ее. Урожай с высокогорных участков не могли сравниться с огромными урожаями на равнине, поэтому людям приходилось придумывать разные способы увеличения плодородия. Главным достижением горных земледельцев стало устройство полей на террасах — своеобразных плоских ступенях на склонах и откосах. Террасы создавались искусственно, с каменными подпорками и стенами, с принесенной из других мест плодородной почвой. К ним проводили оросительные каналы от близлежащих родников и речек, а в Дагестане, Балкарии и Карачае обнаружены средневековые остатки настоящих поливных водопроводов из дерева и глины. Ясно, что такая земля оказывалась очень дорогостоящей. Осетинская пословица гласит: стоимость куска земли, на которой помещается бык, равна стоимости быка.

На террасах возникали не только хлебные поля, но и сады. Особенно любили их разводить дагестанцы и адыгейцы. Там они выращивали орехи, яблоки, груши, айву, абрикосы, персики.

Местные народы заимствовали от соседей сельскохозяйственные культуры и орудия. В XVII в. из Грузии и Турции в край пришла кукуруза, которая про-

извела на горцев огромное впечатление. Из-за необычной удлиненной формы початков, крупных зерен, высокой урожайности они называли ее «богатырским (нартовским) хлебом». Главной кукурузной житницей стала Чечня.

В XIX в. кавказцы многому научились у русских казаков и крестьян. Те по привычке занимались хлебопашеством, зерна становилось все больше, цены на него падали. Поэтому многие местные жители прекращали заниматься тяжелым земледелием в горах, предпочитая покупать дешевый русский хлеб, и переключались на скотоводство.

Для скотоводства в этих краях прекрасные условия: альпийские луга, покрытые сочными травами речные долины... Традиционно горцы разводили овец и коз, а обитатели равнин — лошадей, коров и быков (последних использовали еще и как тяговую силу). Впрочем, содержать лошадей могла себе позволить только знать. Особенно славились красотой и быстротой бега кабардинские лошади, которых с удовольствием покупали аристократы из соседних стран.

Выпас овечьих отар и козих стад был отгонным. То есть летом они паслись на горных лугах, где за каждым аулом было строго закреплено определенное место для размещения скота. На зиму же овец и коз перегоняли с горных лугов на равнинные пастбища, там ставили в особые загоны и кормили до весны заранее заготовленным сеном.

Кроме того, население Северного Кавказа разводило пчел, охотилось, ловило рыбу в реках и у морских побережий.

Большое развитие получили домашние промыслы. Обработывались все виды сырья: металл, камень, глина, дерево, кость, шерсть, кожа, из которых изготавливали одежду, оружие, домашнюю утварь... В каждом ауле и городском квартале имелись кузнецы, гончары, оружейники и прочие мастера. С давних пор кавказцы научились добывать руду и выплавлять медь и железо. Секреты добычи серебра составляли профессиональную тайну немногих семей.

Особенно ценились оружейники. Пушки, ружья и пистолеты стали использоваться здесь с XVI—XVII в., а до этого люди сражались исключительно холодным оружием. Кинжал превратился в обязательную часть мужского костюма. Поэтому продукция оружейников всегда пользовалась спросом. Далеко за пределами Кавказа славились адыгейские стрелы и колчаны, дагестанские кольчуги. Позднее кавказские умельцы научились изготавливать детали огнестрельного оружия и отливать пули. Изготовленные умелыми оружейниками клинки, ножны и пистолеты получались изящными, покрытыми тонкой резьбой или чеканкой и представляли собой настоящие произведения искусства.

Приблизительно с IX в. начала расти известность специалистов-ремесленников из дагестанского аула Кубачи. На протяжении столетий его жители работали по серебру, производили оружие, металлическую посуду и ювелирные украшения.

По традиции обработка металла считалась мужским делом. Женщины посвящали себя прядению и ткачеству, выделыванию шкур и кож. В частности, они изготавливали обувь, шили одежду, в том числе знаменитые накидки-бурки. В некоторых местностях научились делать великолепные ковры.

Самыми развитыми промыслами отличались Дагестан и Черкесия. Там мастера работали уже не только для своих семей и односельчан, но и производили продукцию на рынок. Например, кубачинцы практически отказались от земледелия, и все средства к существованию добывали за счет продажи своих ремесленных изделий.

Сбыт таких изделий облегчался прохождением старых торговых путей через Северный Кавказ. Самым крупным из них был Прикаспийский, пролежавший через Дербент и связывавший Ближний Восток с Восточной Европой. Другие магистрали шли через степные предгорья, Дарьяльское ущелье, города Тану (Азов) и Маджары. С XVIII в. крупными центрами торговли стали русские крепости Терки, Моздок и Кизляр. Горцы предлагали жителям равнин продукты скотоводства и домашних промыслов, получая взамен зерно, соль и прочие продукты первой необходимости, а от русских купцов — ткани и железные изделия.

Связи с народами Закавказья

Контакты между населением Северного Кавказа и стран Закавказья были многообразными и возникли в глубокой древности. Их связывали традиционные пути через Большой Кавказский хребет. Общению народов способствовали близкое соседство; переплетение исторических судеб, в том числе совместная борьба против иноземных нашествий; сходные черты в экономике, быте и некоторых традициях; иногда приверженность одним и тем же религиям.

У народов Дагестана наиболее тесные отношения сложились с Азербайджаном, а у обитателей Центрального и Северо-Западного Кавказа — с Грузией. Армения же не имела этими народами общей границы, поэтому связи с нею проявлялись в основном в значительных переселениях армян на Северный Кавказ, создании здесь армянских колоний и контактах их жителей с местным населением.

Между семьями закавказских монархов и северокавказских аристократов издавна заключались родственные узы. Особенно это было характерно для грузинских царей, женами которых нередко становились аланские принцессы, кабардинские, адыгейские и осетинские княжны, дочери дагестанских шамхалов и дербентских эмиров. Такие браки являлись прежде всего политическими альянсами, средством укрепления союза с сильными владетелями Северного Кавказа. Правителям разных регионов Кавказа не раз приходилось помогать друг другу, когда над краем нависла опасность вражеского вторжения.

Так происходило в XIII в. при монгольском нашествии, в XIV в. во время похода Тимура, в XVIII в. в борьбе против войск иранских шахов. Северные горцы принимали участие и во внутренних распрях между закавказскими государями, не раз откликались на призывы помочь в строительстве укреплений. В 1754 г. воины из черкесов, осетин, чеченцев и ногайцев поддержали грузинского царя Теймураза при отражении набега аварского хана, после чего объявили: «При первом вашем зове будем служить вам и умрем за вас».

Конечно, военными коалициями сотрудничество народов не ограничивалось. Между ними налаживались также экономические и духовные связи. Расположение Дербента и главных азербайджанских городов на древнем торговом пути способствовало обмену товарами между Закавказьем и Дагестаном. Дербентские, тарковские, шемахинские и ширванские купцы объединялись в товарищества и организовывали совместные морские переезды. Через Дагестан восточные изделия распространялись по всему Северному Кавказу. Издревле был налажен обмен между горцами и Грузией. Он был настолько оживленным и привычным, что грузинские цари освобождали коммерсантов из Осетии от

таможенных пошлин. На Северо-Западном Кавказе в средние века наиболее активно действовали армянские купцы, которые держали в своих руках транзитную торговлю адыгейцев с Грузией, Азербайджаном, турецкими владениями.

Связи в духовной культуре проявлялись прежде всего в области религии. Мусульманские государи Азербайджана помогали своим дагестанским единоверцам в распространении религии и в строительстве мечетей. Известны возведенные зодчими из Ширвана постройки в Дербенте, Верхнем Джулате, Ахты.

Из Грузии шли на север христианские проповедники и строители храмов. Плоды их деятельности проявились в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии. Во многих осетинских церквях служили священники-грузины.

Особенно возросла роль Грузии для Северного Кавказа в XIX в., когда Тбилиси стал столицей Кавказского наместничества и превратился в центр политической, административной и культурной жизни всего Кавказа. В тбилисских учебных заведениях получали образование представители многих северокавказских народов, в том числе и мусульманских. Из их среды выходили чиновники, врачи, юристы, педагоги. В свою очередь и среди этих народов (в Осетии, Дагестане) пребывали грузинские просветители и деятели культуры.

Горцам тоже случалось переселяться в Закавказье. Например, в средние века не раз происходили миграции на юг, под защиту картлийских царей, осетин и вайнахов, страдавших от набегов монголов, турок и кабардинцев. В XVIII в. в разных провинциях Грузии насчитывалось от нескольких сотен до нескольких тысяч осетинских семей. В 1831 г. большая группа чеченцев обосновалась в Панкисском ущелье на севере Грузии, образовав особую этническую общность кистинцев, а через 20 лет следом стали прибывать их соплеменники, спасаясь от царской армии, воевавшей против имама Шамиля. На рубеже XIX–XX вв. в Закавказье в поисках работы устремилось множество мигрантов с Северного Кавказа. Они устраивались на заводы, фабрики, в железнодорожные депо.

Навстречу им двигались желающие поселиться к северу от Большого хребта. Семьи грузинских народностей сванов, тушинов расселялись на вайнахских землях. Среди адыгейцев, а также в больших городах по всему краю обосновались армяне. Занимались они в основном торговлей, но многие еще и возделывали поля, разводили скот. Сплоченные и активные армянские общины играли заметную роль в политической жизни. Часто их представители становились воспитателями детей местной знати.

Контактам между народами помогало смешанное расселение некоторых из них. Это было характерно для северных границ Грузии и Азербайджана, где стояли вперемешку селения разных этносов, а некоторые аулы были многонациональными. Еще более пестрым в этническом отношении оказывалось население городов. В результате совместной жизни выработывались общий жизненный уклад, общие навыки ведения хозяйства, люди свободно говорили на нескольких языках. В этих условиях у кавказцев складывалось естественное уважение к чужой культуре и образу жизни.

РАЗДЕЛ IV

Отзывы и рецензии

Отзывы на диссертации

Отзыв на автореферат кандидатской диссертации Р.А. Абдуманапова «Кипчакский компонент в этногенезе киргизов»

В диссертации Р.А. Абдуманапова рассматривается сложная и интересная проблема участия кипчаков в этногенезе киргизского народа. К исследованию привлечен весь массив известных на сегодняшний день источников по этой теме: средневековые хроники, памятники фольклора, данные археологии, этнографии и лингвистики. Таким образом, работа имеет комплексный, междисциплинарный характер, что является необходимым условием для полноценной реконструкции исторических событий и явлений.

Автор показывает постепенное формирование протокиргизской этнической общности среди племен Алтая и Дешт-и Кипчака в раннем средневековье, концентрацию ее в районе легендарной «прародины» — области Каркархан. При этом определяющую роль в данном процессе отводит кипчакам, что отразилось и сохранилось впоследствии в языке и культуре тянь-шаньских киргизов. Хронологически это событие привязывается к существованию Кимацкого каганата и населявшего его кимако-кипчакского конгломерата тюркских племен X—XI вв.

Полагаю, что подобный подход выглядит достаточно убедительным (тем более что в диссертации, в отличие от автореферата, очевидно, представлена надлежащая аргументация во всей полноте). Возведение этнической истории киргизов Тянь-Шаня не непосредственно к их енисейским «тезкам», а к кипчакам подтверждается также распространением этнонима «киргиз» в среде именно кипчакоязычных народов.

Любой исследователь, обращающийся к истории «домонгольских» кипчаков, сталкивается с проблемой выделения их этнодифференцирующих признаков. Несомненно, что множество племен, объединяемых этнонимом «кипчак», различалось по происхождению, диалектам, особенностям культуры... Очевидно, существовали, с одной стороны, собственно кипчаки и, с другой, племена и народы, тоже жившие в Дешт-и Кипчаке и потому получавшие у иноземных наблюдателей общее наименование кипчаков (канглы, северные огузы и др.). Поэтому рискованно выстраивать схемы этногенеза, опираясь на абстрактных кипчаков в целом. В каждом конкретном случае следовало бы уточнять, какая именно кипчакская общность участвует в тех или иных событиях. Однако наука пока не располагает достаточными сведениями, чтобы четко стратифицировать огромный кипчакский мир XI—XIII вв.: слишком лаконичной информацией располагают историки. Тем не менее Р.А. Абдуманапов, даже исходя из скудных упоминаний в средневековых хрониках, смог предположить участие отдельных конкретных кипчакских племен в складывании древнекиргизского объединения.

[2007]

***Отзыв на докторскую диссертацию М.-П.Б. Абдусаламова
«Кумыкские государственные образования в кавказской политике
России (вторая половина XVI – первая половина XVIII в.)»***

Диссертационное исследование М.-П.Б. Абдусаламова посвящено региону и периоду, которые уже многократно изучались в историографии. Тем не менее, автор нашел новый ракурс для анализа исторической обстановки на Северо-Восточном Кавказе в XVI–XVIII вв. В центре его внимания находятся политические образования, созданные кумыками, – Шамхальство и полигии, которые со временем выделились из состава Шамхальства. Одним из достоинств работы представляется интерпретация диссертантом этих структур и их лидеров не в качестве объектов политики, интриг и притязаний соседних могущественных держав (как это зачастую представляется в литературе), а как самостоятельных геополитических акторов, полноправных субъектов исторического процесса.

Исследование проведено с использованием обширной историографии и солидной документальной базы, которая включает, помимо многочисленных публикаций источников, материалы 17 фондов из 6 центральных и региональных архивов. На основе массы сведений из этих текстов в диссертации представлена не только детальная характеристика социально-политического и военно-политического развития кумыкских княжеств, но и подробно описаны их географическое расположение, этнический состав и численность населения, его социальная структура. Попутно замечу, что при известной мозаичности владений Северного Дагестана воспринимать эту обильную информацию при чтении диссертации было бы легче, если бы к ней была приложена карта региона того периода.

Уже с первой страницы диссертации М.-П.Б. Абдусаламов обозначает методологическую основу своего исследования – формационную теорию, и, в частности, убежденность в существовании в Дагестане феодальной общественно-экономической формации. С одной стороны, приверженность автора к этой концепции, которая в абсолютном большинстве ныне отвергнута российской исторической наукой, вызывает определенное уважение. В конце концов, марксистское учение о формациях является допустимым инструментом исследования прошлого, и диссертант отстаивает идею существования особого «горского феодализма». Но, с другой стороны, в самом исследовании этот инструмент практически не применяется. Автор ограничивается применением названия формации в качестве проходных эпитетов (феодальные владения, феодальные междоусобицы, феодальные войны, феодальная рента и т.п.), не аргументируя именно феодальный характер названных явлений. При этом почти не используется понятийный аппарат марксистского исторического материализма: производительные силы (они упоминаются единственный раз), производственные отношения, эксплуататорские классы, классовая борьба и др.

Отсутствуют ожидаемые концентрированные выводы по данному вопросу и в Заключение, где феодализм практически никак не фигурирует; социальные же страды у кумыков там обозначены не категориями формационной теории, а обтекаемо – «привилегированное сословие» и «зависимое сословие», т.е. посредством понятий, применимых и к другим формациям. Полагаю, что данная

предельно дискуссионная проблема нуждалась бы в более тщательной теоретической проработке и более полном фактологическом наполнении.

При этом характеристика социально-экономического развития кумыкских сообществ представлена автором детально и убедительно, для чего на самом деле и не требовалось однозначных формационных дефиниций. В диссертации показаны причины политического и экономического лидерства Шамхальства и его преемников среди соседних — по большей части горных — политий. Во-первых, это расположение кумыкских владений («кумыкской федерации», как предлагает называть их диссертант) в зоне наиболее плодородных почв региона и, соответственно, более развитого земледелия; во-вторых, прохождение через Кумыкию меридионального торгового пути, освоенного еще в древности. Все это давало возможность получения товарной сельскохозяйственной и ремесленной продукции. Правда, М.-П.Б. Абдусаламов справедливо оговаривает, что в силу слабой покупательной способности местного населения и малой емкости локального рынка эти излишки зачастую оставались невостребованными, и здесь кумыкам очень помогло возведение русских крепостей с их плательными управленцами, купцами, гарнизонами.

Можно было бы добавить, что в силу такого существенного экономического значения Северного Дагестана именно кумыкский язык стал в то время *lingua franca* на Северо-Восточном Кавказе.

В отношении политического развития кумыкских княжеств автор дает картину постепенного формирования самостоятельных владений на территории распавшегося Шамхальства, их отношений друг с другом и с соседями — Кабардой и Грузией. Причем указывается, что жесткое соперничество за гегемонию между кумыкскими и кабардинскими князьями не прерывало мирные, в том числе культурные связи двух народов, когда действовали общекавказские обычаи куначества, аталычества и взаимных браков (стр. 327–329 диссертации).

Естественно, что в ряду местных правителей особое внимание автора привлекают тарковские шамхалы — самые знатные и могущественные правители на Северо-Восточном Кавказе. Подробно описываются взаимоотношения в правящем клане, внутри- и внешнеполитические мероприятия шамхалов. Приводя сведения автора XVII в. А. Олеария об обряде избрания шамхала посредством бросания яблока, М.-П.Б. Абдусаламов склонен считать их вымыслом, плодом «буйной фантазии» немецкого путешественника (стр. 177). Однако, во-первых, Олеарий в своем труде никогда не описывал собственные домыслы; другое дело, что он мог доверчиво рассказывать о явлениях и событиях с чужих слов. Во-вторых, яблоко являлось традиционным символом власти на Востоке, в частности, в Хазарском каганате, Золотой Орде и Османской империи; и не случайно азербайджанский поэт XVIII в. Ашик Сафи Реванлы называл государство шамхалов Страной золотого яблока. Главным же подтверждением реальности необычной церемонии избрания шамхала служит аналогичное описание данного обряда в сочинении турецкого автора XVIII в. Мехмеда из Волыни «Рисале-и ахвал-и Дагыстан».

Хотя название диссертации ориентирует на приоритет отображения российской политики в Дагестане, в работе представлена широкая панорама международных отношений в регионе в XVI–XVIII вв. Внешний фактор служил непременным условием социального развития местных народов, и автор обо-

снованно объясняет его особенности результатом как автохтонного развития кумыков, так и их сложного цивилизационного взаимодействия с Турцией, Персией, степными кочевниками. М.-П.Б. Абдусаламов неоднократно описывает и объясняет давно установленную в кавказоведении политику лавирования шамхалов между соседними могущественными державами, приводит известные факты о шамхальской двусторонней печати с обозначением двух разных сюзеренов и о феномене «общего подданства» сразу нескольким государям.

Эту дипломатическую амбивалентность диссертант резонно объясняет стремлением местных элит по возможности сохранить максимальную самостоятельность в условиях номинального вассалитета (стр. 314, 334). В частности, многократные шертования (присягания на верность) в пользу России и частые нарушения таких соглашений дагестанскими лидерами коренились во «временном совпадении интересов того или иного правителя» с русской политикой в крае; причем, сближение с северным соседом активизировалось тогда, когда нарастали усилия османов и персов по увеличению своего влияния на кумыков (стр. 238).

Полагаем, что неоднократные обращения претендентов на шамхальский ранг в российскую столицу объяснялись еще и восточными государственными традициями. Шамхалы формально не являлись монархами и должны были подкреплять свое избрание на родине инвеститурой от какого-либо вышестоящего государя (в случае с Россией — в виде царской жалованной грамоты). О том же свидетельствует персидский титул шамхала «вали», даруемый шахами. В государстве Сефевидов им наделялись правители, чьи владения располагались вне собственно Ирана: были вали Арабистана, Курдистана, Луристана, Гурджистана (Грузии). В этом же ряду находился и вали Дагестана — шамхал.

Одним из центральных сюжетов исследования в диссертации являются русско-кумыкские отношения. Российское государство было вовлечено в сложную систему дипломатических комбинаций между державами. М.-П.Б. Абдусаламов справедливо подчеркивает, что, помимо прочих политических и экономических интересов, кумыкские элиты видели в России еще и средство своей борьбы за гегемонию в регионе с кабардинскими князьями, традиционно ориентированными на Москву.

Наиболее тесное сближение произошло в начале XVIII в., в результате Персидского похода Петра I. Диссертант расценивает отношения Тарковского шамхальства, Засулакской Кумыкии и России в разных выражениях: «присоединение кумыкских земель», «вхождение в состав России»; но, очевидно, больше склоняется к определению «протекторат» (стр. 384, 450). Представляется, что можно согласиться с таким подходом. Действительно, свобода кумыкских лидеров во внутренней политике, нераспространение российского налогообложения и при этом запрет на самостоятельные внешние связи — все это «классические» признаки протектората (хотя данное понятие в тех обстоятельствах не применялось).

При этом автор резонно констатирует различное и несовпадающее понимание подданства российской и дагестанской сторонами (стр. 386, 387), что в целом было характерно почти для всего массива народов, присоединяемых к России в XVII–XVIII вв. Это, кстати, послужило одной из причин выступления шамхала Адиль-Гирея против российского правления в 1725 г.

В Заключении сформулированы и даже выделены особым подзаголовком причины выбора кумыкскими политиями пророссийской ориентации: умелая политика России по предоставлению льгот и привилегий местным владельцам, необходимость противостояния агрессивной политике Персии, изменения в политической обстановке в условиях крушения царства Сефевидов и развернувшейся борьбы за «персидское наследство». Все эти факторы подробно и аргументировано раскрываются в основном тексте работы, и их концентрированное обобщение в ее финальной части выглядит очень уместным.

В диссертации имеются некоторые положения, нуждающиеся в корректировке и уточнениях.

1. В работе недостаточно отражена роль ислама в социальном развитии кумыков. Присутствие этой религии в Кумыкии упомянуто считанное количество раз: при констатации освобождения мусульман от торговых пошлин (стр. 128), один абзац из 6 строк о мусульманском духовенстве (стр. 146) и два абзаца о роли кумыков в исламизации адыгов (стр. 329–330); несколько раз вскользь говорится о противоречиях между суннитами-кумыками и шиитами-персами. Между тем в Дагестане той эпохи активно развивались богословие и книжная ученость. Известны выдающиеся достижения местной археографической школы А.Р. Шихсаидова по поиску, изучению и вводу в научный оборот рукописных сочинений, и некоторые из них служат ценными источниками по истории духовной жизни, в том числе кумыкского народа.

2. Странно читать в наше время рассуждения в русле давно и заслуженно забытой теории «торгового капитализма» М.Н. Покровского: о том, что русское завоевание Поволжья «благоприятствовало эконо-мическим интересам торгового капитала» (стр. 212), что в XVII в. «Грузия использовалась в интересах московского и иранского капитала» (стр. 228), о «первом наскоке московского капитала на торговый путь» в 60-х гг. XVI в. (почти везде подобные утверждения сопровож-даются ссылками на работу М.А. Полиевктова 1932 г.).

3. Стр. 164, о городе Тарки: «в XIII в. (под 1253–1255 гг.) среди покоренных монголами земель и народов его упоминает итальянский монах, посол папы Римского Иоанн Джиованни Плано дель Карпини». Во-первых, в указанные здесь годы в Монголию ездил другой европеец, Гийом Рубрук, а Плано Карпини проделал свое путешествие раньше, в 1245–1247 гг.; во-вторых, автор смешивает его латинское и итальянское имена: следует: или Джованни да Пьян дель Карпине, или Иоанн де Плано Карпини; в-третьих, диссертант ссылается на публикацию А.И. Малеина, сделавшему русский перевод по Лейденскому списку сочинения Плано Карпини. Там действительно значится «Тарки» (Tarsi). Однако во всех прочих списках этот элемент в перечне народов (а не городов!) записан как Tati, Tathy, Cati и с большей вероятностью соответствует не городу Тарки, а этнониму «таты».

4. При ссылках на Никоновскую летопись в диссертации почему-то использовано не ее общеупотребительное и неоднократное академическое издание, а публикация XVIII в.

5. По терминологии: диссертант возражает против использования в «официальной дагестанской историографии» названия «Казикумухское шамхальство» — на том основании, что оно отсутствует в аутентичных текстах. Однако обозначение исчезнувших государств позднейшими искусственными

наименованиями весьма распространено в историографии (Византия, Золотая Орда, Астраханское ханство и т.п.); Порты – это правительство, а не государство, поэтому неточны выражения вроде «проникновение Порты на Кавказ», «обстановка в Порте» и т.п.; многократно упоминаемая в тексте «Киевская Русь» в современной российской научной терминологии давно уступила место «Древнерусскому государству».

6. На стр. 281 упоминаются тяжелые для России последствия крымских набегов 1571 и 1591 г. Но если в 1571 г. татары сожгли Москву, то в 1591 г. крымцы не причинили Руси особого вреда и отступили.

7. Диссертация перенасыщена сносками. На многих страницах сноски сопровождают буквально каждое предложение, причем далеко не всегда оправданно. Например, указание на хорошо известный историкам факт получения кумыкскими предводителями жалования из персидской казны подкреплен ссылкой на публикацию в газете «Дагестанская правда» (стр. 334).

Указанные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы М.-П.Б. Абдусаламова. Написанная им диссертация представляет собой оригинальное, аргументированное и квалифицированное исследование. Она, безусловно, займет достойное место в историографии народов Северного Кавказа и образования многонационального Российского государства.

[2022]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Л.Ф. Абзалова
«Официальный письменный язык и канцелярская культура
Улуса Джучи»***

Тема диссертации Л.Ф. Абзалова относится к тому кругу проблем, который давно и успешно изучается в историографии – прежде всего российской. Историки традиционно проявляют большой интерес к джучидской системе управления, что вызывается несколькими причинами.

Во-первых, эта система оказалась настолько устойчивой, что надолго пережила государство, в котором была создана, и продолжала функционировать (в основных чертах) в наследных постзолотоордынских ханствах и Ордах. Во-вторых, система управления Золотой Орды объективно оказывала значительное воздействие на русские княжества. Поэтому изучение истории Руси XIII–XVI вв. является неполным без учета этого фактора, и в историографии сложилось целое направление, изучающее восточные черты русской государственности и культуры. В-третьих, государственность Золотой Орды обнаруживает достаточно редкий исторический пример длительного бесконфликтного сосуществования на огромной территории подданных, принадлежащих к разным сферам экономики (кочевые скотоводы и оседлые земледельцы), исповедующих разные религии, говорящих на разных языках.

В истории Джучиева Улуса было несколько событий, которые можно рассматривать как решающие вехи в трансформации его административного устройства. Обретение государством фактической независимости от имперского правительства во второй половине 1260-х гг. побудило сарайских ханов обустроить государство в соответствии с новым, самостоятельным статусом.

Однако разгоревшиеся после смерти Менгу-Тимура распри отвлекли джучидскую элиту от налаживания управления, и окончательно управленческая структура независимой Золотой Орды сложилась, очевидно, после окончания смуты, при хане Тохте в начале XIV в. Вскоре принятие ислама Узбеком в качестве государственной религии повлекло новые преобразования, в результате которых Орда превратилась в одно из мусульманских государств со многими присущими им приемами и канонами управления. Впрочем, в диссертации Л.Ф. Абзалова отмечается, что несмотря на переход в ислам, «правители Улуса Джучи были верны старым делопроизводственным традициям», которые «не претерпели значительных изменений» (стр. диссертации 220).

При всей важности данной проблематики историки сталкиваются с довольно скудным ее освещением в средневековых текстах. Важнейшими источниками при изучении ордынской системы управления являются немногие сохранившиеся ханские ярлыки; определенную помощь оказывают восточные хроники, русские и армянские летописи. Практически не освещен аутентичными материалами начальный период существования Улуса Джучи. Скудость информации заставляет исследователей прибегать к реконструкциям посредством аналогий с Хулагуидским Ираном, о котором сохранилось неизмеримо больше сведений (это имеет место и в рецензируемой диссертации).

Сознавая сложность и важность темы, Л.Ф. Абзалов приступил к анализу одного из принципиальных аспектов действия любого государственного механизма — технологии делопроизводства Золотой Орды и определению языков, на которых велось это делопроизводство. Понятие, которое стоит первым в названии работы и которое изучается диссертантом в первую очередь, — это официальный письменный язык Золотой Орды. Л.Ф. Абзалов исследует давно установленный, но заново и подробно аргументированный факт: носителями письменной культуры и зачинателями канцелярской практики в Монгольской империи были уйгуры. При этом делается попытка внести свою лепту в дискуссию об этнолингвистической принадлежности народов и племен Центральной Азии XII в. Как известно, в последнее время в научных (и главным образом в околонучных) кругах разгорелся спор о тюрко-язычности или монголоязычности кереитов, найманов, киятов и др. Л.Ф. Абзалов предлагает учитывать распространенность билингвизма в том регионе, т.е. знакомство кочевников с языками обеих групп (стр. 60–64). Да и весь материал источников свидетельствует о том, что официальная документация велась как на монгольском, так и на уйгурском языках. Причем на западе империи в силу преобладания тюрков тюркский языковый компонент постепенно стал доминировать.

В диссертации показано, что уже с середины XIII в. он преобладал в дипломатической переписке Золотой Орды. Окончательное же вытеснение монгольского языка из канцелярского оборота произошло, по мнению автора, в 40-х гг. XIV в. (стр. 126). Полагаю, что это можно поставить в один ряд с изменениями, последовавшими за принятием ислама как государственной религии. Широкое внедрение тюркского языка и арабской письменности в делопроизводство знаменовало также демонстративное дистанцирование от враждебных и отныне «неверных» каанов в Пекине (с их тибетскими наставниками, квадратным письмом, китайской роскошью и проч.).

На каком именно наречии составлялись тюркоязычные документы Золотой Орды и большинства наследных ханств? Л.Ф. Абзалов полагает, что обозначение литературного языка в государствах Джучидов как чагатайского неправомерно, т.к. язык письменных памятников монгольского и послемонгольского Маверан-нахра имеет значительное своеобразие (стр. 107). Почему-то фактически игнорируется распространенное в литературе наименование «поволжский тюрки» (автор приводит это название как вариант, предложенный Э.Н. Наджипом, да и сам один раз использует его для обозначения языка ордынских дипломатических документов — стр. 109, 160). Л.Ф. Абзалов предлагает называть данный язык «золотоордынским» или «тюрко-татарским». При этом, опираясь на разработки М.А. Усманова, он подчеркивает, что данный термин имеет исключительно узкое, лингвистическое значение, вне широкого этнополитического контекста (стр. 111, 219). Полагаю однако, что удачную (на мой взгляд), закрепившуюся в науке дефиницию «по-волжский тюрки» рано отвергать или искать ей замену.

Трудно оспорить один из основополагающих выводов диссертанта: «Основой канцелярской культуры Улуса Джучи стали уйгурские делопроизводственные традиции». Оформление сохранившихся документов отличалось от соответствующих канонов на Западе и на Востоке — золотоордынские акты отличались «строгостью, лаконичностью, отсутствием декоративных излишеств» и при этом писались уйгурской или арабской графикой (с. 220).

Значительное место в диссертации отведено организации и технологии канцелярского делопроизводства в Золотой Орде. Рассматриваются организация канцелярской службы, виды официальной документации, материалы и инструменты письма. В целом это довольно подробный очерк с интересными наблюдениями. В частности, Л.Ф. Абзалов отмечает, что термин бахши обозначал как буддийского служителя культа, так и писца, канцелярского служителя (стр. 138). Это было связано с преобладанием в джучидских «офисах» XIII в. уйгуров-буддистов. Интересно, что точно такую же комбинацию значений в XVI в. в русском языке имело слово «мулла». Мусульманские духовные лица, будучи грамотными, вели в некоторых тюркских государствах дипломатическую переписку, и московские посольские дьяки видели в них своих коллег, отмечая: «молла — по руски дьяк».

По поводу данного круга проблем вопросов хотелось бы высказать несколько уточнений. Автор пишет, что нет прямых данных о том, что в Улусе Джучи составлялись реестровые книги-дефтеры, «но мы имеем достаточное количество косвенных аргументов, подтверждающих их существование» (стр. 171). Действительно, приводятся свидетельства о дефтерах в Монгольской империи при Чингис-хане и Гуюке, у Хулагуидов, в эпосе «Идегей», Казанском и Крымском ханствах, государстве Тимура. Однако в русских источниках все же имеется несколько прямых указаний на дефтеры в Золотой Орде, правда, все они от XV в. — В 1432 г. московский правитель Василий II отстаивал в ставке хана Улуг-Мухаммеда свой великокняжеский статус, полученный в свое время «по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем и ярлыком» (ПСРЛ, т. 12, с.16); в 1496 г. рязанские князья обязались выплачивать «выход» «по старым дефтерем, по крестному целованию» (СГГД, т. 1, №127); договорная грамота 1434 г. упоминает «выход по старым девтерем» (ДДГ, №34).

Указание Л.Ф. Абзалова о том, что в золотоордынском делопроизводстве использовалась бумага среднеазиатского и — первоначально — китайского производства из коры тутовых деревьев (стр. 193, 194) требует подтверждения в виде представительного количества соответствующих аутентичных документов. В юаньском Китае туговая кора шла на изготовление бумажных денег. А относительно Мавераннахра известна позднесредневековая технология изготовления распространенного сорта бумаги для книг кагаз-и нимкатани из волокон конопли; а из тутового дерева делалась форма в виде решетки для отлива бумажных листов.

Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые положения, высказанные Л.Ф. Абзаловым, имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Но при этом его диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

[2009]

***Отзыв на докторскую диссертацию М.И. Амаралиева
«История укрепления законности и правового воспитания
населения на Северном Кавказе (1971–1985)»***

Работа М.И. Амаралиева раскрывает чрезвычайно сложную и актуальную тему, которая имеет не только академическое, но и насущное жизненное значение. В условиях современного размаха преступности и правового нигилизма представляется очень важным обратиться к опыту периода последних советских пятилеток, чтобы уяснить, каким образом государственной власти удалось контролировать законность и внедрить ее среди населения. Это особенно важно сейчас для беспокойного северокавказского региона, которому и посвящена рецензируемая диссертация.

Одним из основных ее достоинств является теоретический охват. Проживая и работая в Дагестане, автор не ограничился рассмотрением ситуации 1970-х — 1980-х гг. в своей республике, но попытался дать общую картину состояния правового воспитания и борьбы за соблюдение законности также в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии. Большой жизненный опыт и длительная практика работы в управленческих органах позволили ему произвести тщательный и объективный анализ проблемы. М.И. Амаралиев подошел к ней всесторонне, разобрав функционирование практически всей правоохранительной системы на протяжении полутора десятилетий. В диссертации содержится подробная характеристика деятельности прокуратуры, милиции, народных судов, адвокатуры, нотариата, местных и республиканских Советов, партийных структур, общественных организаций, органов народного образования, средств массовой информации. Суждения и выводы основаны на превосходном знании фактических данных и привлечении множества публикаций и документов, в том числе архивных. Используются фонды Верховных судов, Министерств внутренних дел и юстиции, прокуратур северокавказских республик, центральных государственных архивов (в том числе Государственного ар-

хива Российской Федерации), Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Объем обработанных источников позволяют считать диссертацию М.И. Амаралиева фундированным и профессиональным исследованием.

В историографии данной темы пока не существует работы со столь многоаспектным подходом. Историки и праведы касались, главным образом, общетеоретических проблем или же рассматривали проблему локально, в рамках отдельных республик. В этом отношении М.И. Амаралиеву принадлежит приоритет, однако он максимально учитывает наработки предшественников, показывая глубокую осведомленность в обширной литературе.

Глава 1 отводится обзору историографии и источниковой базы исследования, раскрытию его методологии.

Глава 2 «Организационно-правовая деятельность органов государственной власти республик Северного Кавказа по укреплению законности, борьбе с правонарушениями и преступностью» разбираются деятельность органов прокуратуры по укреплению законности и повышению правовой культуры населения, проблемы органов внутренних дел в борьбе с правонарушениями и преступностью, работа народных судов по профилактике правонарушений и повышению эффективности частных определений, проблемы деятельности адвокатских и нотариальных контор.

Глава 3 «Проблемы взаимосвязи в деятельности законодательных и правоохранительных органов, общественных организаций в борьбе с правонарушениями и преступностью», рассматриваются относительно частные, но принципиальные вопросы, как осуществление органами юстиции методологического руководства и координации работы по пропаганде правовых знаний, деятельности постоянных комиссий Советов по законности и охране общественного порядка, добровольных народных дружин и товарищеских судов по профилактике правонарушений.

Глава 4 «Проблемы правового воспитания детей и молодежи» рассказывает о помощи Советов в правовом обучении и воспитании школьников, организации правового обучения и воспитания учащихся профессионально-технических училищ, техникумов и высших учебных заведений.

В главе 5 «Деятельность средств массовой информации по укреплению законности, пропаганде правовых знаний и правовому воспитанию населения» выделены такие важные аспекты, как роль и методы периодической печати, радио и телевидения в укреплении законности, пропаганде правовых знаний, правовом воспитании жителей республик Северного Кавказа.

Весь материал, собранный диссертантом, свидетельствует, что в 1971–1985 гг. в регионе действовала слаженная и в целом эффективная правоохранительная система, которая охватывала все структуры власти, а правосознание планомерно внедрялось в общественное сознание. Конкретные формы работы с населением (добровольные народные дружины, товарищеские суды и т.п.) оказывались действенными и полезными, как показывает практика 1970-х – 1980-х гг. и как видно из рецензируемой работы. В последние годы эти формы оказались незаслуженно забытыми, и не случайно в некоторых регионах сейчас происходит их возрождение. В целом работу М.И. Амаралиева выгодно отличает внимание к всестороннему опыту правоохранительной работы именно с населением. В литературе долгое время господствовало положение о приори-

тете карательных органов в борьбе за законность. Однако М.И. Амаралиев убедительно показывает, что не милиция, а как раз общественные формирования становились пионерами в применении эффективных средств борьбы с преступностью. Это придает диссертации не только научную, но и злободневную практическую значимость.

Собрав и использовав колоссальный материал, автор не везде смог распорядиться им наилучшим образом. По отдельным моментам работы можно высказать замечания и пожелания.

1. Крайне лаконичен раздел, посвященный историографии. Анализ литературы практически отсутствует и заменен кратким перечнем основных публикаций по теме. При этом в «Историографическом обзоре» (гл. 1, § 1) непосредственно историографии посвящена меньшая часть, а большая часть почему-то отведена описанию системы правоохранительных органов.

2. Тот же недостаток присутствует в источниковедческом очерке. Вместо анализа или хотя бы краткой характеристики источников приводится беглый список архивов. В итоге не ясно, документы какого характера и какой степени достоверности в них содержатся, и почему автор обратился именно к этим фондам.

3. Список литературы и источников составлен в соответствии с нормами, принятыми для диссертационных сочинений — за исключением рубрики «Статьи (мои)». Она не вполне уместна как по расположению, так и по заголовку, и должна быть включена в общий список использованных работ.

Данные возражения носят частный характер и не влияют на общую позитивную оценку диссертации. Работа М.И. Амаралиева представляет собой оригинальное и самостоятельное исследование; автор сумел полностью и объективно раскрыть тему. Вместе с тем считаем, что диссертация выполнена на стыке научных дисциплин — отечественной истории и истории государства и права. Поэтому для ее квалифицированной оценки очень желательно привлечь к экспертизе не только историков, но и правоведов (на стадии оппонирования или предварительного рецензирования).

[1997]

***Отзыв на докторскую диссертацию Ю.Д. Анчабадзе
«Политическая культура адыгов: традиционные общественные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.— 1920-е гг.)»***

Свое диссертационное исследование Ю.Д. Анчабадзе начинает с анализа понятия «политическая культура». В этом есть необходимый резон. С одной стороны, данное понятие является ключевым для рассматриваемой работы, поэтому важно его точное определение. С другой стороны, этот термин весьма широко используется в современных гуманитарных дисциплинах, каждая из которых предлагает собственное понимание данного явления, исходя из предметного поля своей науки, источниковых возможностей, историографической традиции и т.д. Ю.Д. Анчабадзе определяет политическую культуру как «способы и механизмы адаптации социума к социально-политическим условиям жизнедеятельности, поддержания социального мира и стабильности общины в исто-

рическом пространстве ее существования». Безусловно, над автором в данном случае довлеет соответствующая историографическая традиция. Он достаточно полно проанализировал теоретические разработки, представленные в трудах предшественников, определил позиции своего согласия и несогласия с имеющимися подходами, описал структурообразующие функции, связанные с организационными формами политической культуры, ее нормативными аспектами и идеологической сферой, и представил вышеизложенное определение.

Очевидно, что для автора был важен хронологический континуум, так как в определении акцентируется «историческое пространство» существования политической культуры. Между тем, именно этот аспект остается непроясненным. Понятно, что вряд ли это возможно было сделать в рамках краткой дефиниции, но в рассуждениях диссертанта я также не нашел четкой характеристики этого вопроса. Между тем, если вводится историко-хронологический критерий, необходимо указать временные рамки описываемого явления, его истоки и условия зарождения.

В дальнейшем диссертант обращается к конкретному анализу политической культуры адыгов. Во втором и третьем разделах он рассматривает функционирование анализируемой сферы культуры в рамках периода, оговоренного задачами исследования. Во втором разделе исследуются особенности политической культуры адыгов пореформенного времени, в третьем — ее функционирование в первое советское десятилетие.

В обоих разделах автор анализирует материал в соответствии со структурными компонентами политической культуры. Это дает возможность не только получить целостное представление о ее организационных, нормативных и идеологических формах в пределах конкретного хронологического периода, но и позволяет сравнить специфику ее функционирования в рамках различных общественно-политических систем, рубежом между которыми стал 1917 г.

Чрезвычайно интересным представляется исследование советского периода в эволюции политической культуры адыгов. На основании многочисленных архивных данных автор показал сложную, противоречивую картину эпохи, столкновение традиционных и новационных социальных институтов, «соперничество» старой и новой норматики, проникновение в индивидуальное и массовое сознание новых образов и идеологем. Важно, что Ю.Д. Анчабадзе показал не статичные социально-политические явления и институции, а динамику их развития и трансформацию, которая была следствием не только логики исторического развития социума, но и в значительной степени воздействия со стороны властных структур.

Понятно, что сопровождавшаяся государственным принуждением и насилием коренная ломка 1930-х гг. не оставила предшествующим социальным и бытовым формам шансов на дальнейшее развитие, поэтому опыт 1920-х гг. тем более показателем и интересен. Автор, в частности, показал, что традиционная культура в ряде случаев достаточно успешно противостояла потоку радикальных изменений, сохраняя способность к существованию и воспроизводству, более того — способность к самозащите. Последнее, как показал диссертант, выражалось в разных формах протестного поведения — от пассивного одиночного сопротивления до проявлений массового недовольства, в том числе открытых выступлений адыгского крестьянства в конце 1920-х гг., что без

сомнения может рассматриваться как одна из ипостасей политической культуры этноса. Между тем, диссертант практически не останавливается на этих фактах адыгской истории, что, на мой взгляд, несколько обеднило работу.

В целом можно отметить, что рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. Ю.Д. Анчабадзе удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно, безусловно, займет заметное место в историографии.

[2013]

***Отзыв на докторскую диссертацию М.М. Батмаева
«Социально-политический строй и хозяйство калмыков
в XVII–XVIII вв.»***

Выдвигаемая на защиту диссертация М.М. Батмаева посвящена проблемам, которые уже давно изучаются в российской науке. Как особенности исторического развития калмыцкого народа, так и общие закономерности кочевых обществ являлись предметами интереса не одного поколения ученых. В наше время для историков открылись новые исследовательские возможности. Связано это не только с открытием новых источников, но и с переосмыслением тех тем, которые уже логично и полно, казалось бы, изложены в историографии, описаны во множестве научных работ.

Это относится в том числе к истории национальных регионов, особенно к трактовке вхождения их в состав России и начального этапа пребывания в едином государстве. Здесь сказываются и новые идеологические условия существования гуманитарных наук в нашей стране (отсутствие монополии «единственно верного» учения), и развитие научных школ в российских республиках, вступление в науку нового поколения историков, пытающегося освободиться от идеологических штампов советской эпохи. Работа М.М. Батмаева в полной мере несет отпечаток этих новых явлений.

Диссертанту удалось по-новому осветить сложные вопросы социального и экономического развития Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. Исследование базируется на колоссальном количестве архивного материала, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот. Сразу отметим, что рецензируемую диссертацию отличает часто применяемый автором исследовательский прием, не характерный для работ большинства историков-калмыковедов из-за языкового барьера, а именно: для выяснения нюансов социальной терминологии М.М. Батмаев сопоставляет русские переводы калмыцких документов с монголописменными оригиналами. Это придает его выводам дополнительную доказательность и свидетельствует о его источниковедческой и лингвистической квалификации, необходимой для изучения данной темы.

В диссертации по-новому освещен ряд проблем истории Калмыцкого ханства. М.М. Батмаев полагает, что оно окончательно сформировалось в 1680-х гг. при хане Аюке (вопреки бытующим в историографии датировкам: 1660-е гг. или начало XVIII в.). При этом территория и население государства окончательно

стабилизировались на протяжении трех последних десятилетий XVII в., когда установились внешние границы и внутреннее деление, прекратились масштабные миграции ойратов с востока. Кроме того, по справедливому заключению М.М. Батмаева, оформление калмыцкой государственности было связано еще и с политикой российского правительства, заинтересованного, в частности, в привлечении конницы волжских кочевников к участию в военных действиях на стороне русских армий. Консолидации калмыцкого общества способствовали также объективные задачи освоения новых земель и защиты от соседей (башкир, казахов и др.).

М.М. Батмаев неоднократно вступает в полемику с взглядами различных исследователей по поводу трактовок и дефиниций, связанных с общественным и государственным строем кочевников. При этом он придерживается абсолютно корректной, на наш взгляд, установки: позднесредневековое общество калмыков нельзя уподоблять и ставить в один ряд с «классическими» кочевыми империями и тем более с ранними степными образованиями — наподобие хуннов или сяньбийцев. Ведь калмыки (и в целом ойраты) не «изобрели» собственную государственность, придя к ней из родоплеменной первобытности, но уже имели обширный исторический опыт государственной жизни — сначала в Монгольской империи, затем в ойратском объединении XV в. Не случайно историки, изучающие общественный строй ойратов и калмыков, при дефиците сведений нередко обращаются за информацией и аналогиями к монгольским памятникам XIII в.

Мы разделяем скепсис диссертанта относительно правомерности применения к кочевому (в том числе калмыцкому) обществу определения «феодалное», пусть даже и с разнообразными «пережитками». Все-таки категории феодальной формации были рождены и разработаны на западноевропейском материале, и применять его кномадам представляется рискованным, поскольку отсутствовала частная собственность на землю, а скотом владели не одни «феодалы», а абсолютное большинство населения, кроме самых низших, неполноправных слоев. Что касается патриархальных или родоплеменных «пережитков», то они являются таковыми лишь с точки зрения степени приближенности к европейской модели феодализма; если же рассматривать их в контексте собственно калмыцкой государственности, то они оказываются инструментами адекватного регулирования политической, общественной, хозяйственной, да и повседневной жизни. Социум сохранял их не столько по привычке, сколько в силу необходимости.

Тесно связана с этими вопросами и тема уровня развития государственности. Диссертант убедительно отстаивает мнение о существовании полноценного государственного управления в Калмыцком ханстве. Главным критерием для определения степени его развития он также предлагает считать не соответствие европейским образцам, а приспособленность социально-политической системы к задачам регулирования отношений внутри конкретного общества. С этой точки зрения калмыки имели все необходимые институты и обладали именно тем государственным организмом, который был для них необходим и достаточен.

Поскольку государственность прежде всего связана с организацией власти, в диссертации большое внимание уделено правящей элите — ханам, нойонам

и зайсангам. Выясняется, что выведенные автором из документальных данных функции правителя мало чем отличаются от стандартного набора обязанностей степного сюзерена, известных с хуннских времен: перед нами вновь распределение пастбищ, сбор ополчения, арбитраж в спорах в среде знати и между знатью и простонародьем. Существенным новшеством являлась, конечно, медиативная функция ханов (и наместников) в контактах калмыков с российским правительством.

Интересный материал приведен в отношении легитимизации высшей власти. Харизма клана Чингисидов к тому времени фактически угасла, и калмыцким правителям пришлось опираться на генеалогические легенды, не связанные с персоной Чингисхана, а также на инвеституру от далай-ламы; пожалование же от российского монарха в первые десятилетия существования ханства не имело первостепенного значения.

Много места в диссертации отведено определению таксономического статуса и структуры трех основных калмыцких так называемых племен. М.М. Батмаев на основе обширных сведений из источников показывает, что данное архаичное понятие неприменимо к торгутам, дербетам и хошутам. Он предлагает считать их исторически сложившимися этнополитическими объединениями, которые являлись субэтнотами в составе единого калмыцкого этноса.

Следует заметить, что традиционно субэтнос трактуется как более позднее образование по отношению к этносу, в недрах которого он формируется (например, поморский субэтнос в составе русского этноса). Различные этнические группировки, из которых со временем образуется этнос, — будь то торгуты и дербеты по отношению к калмыкам или вятичи и кривичи по отношению к древнерусской народности — до сих пор все-таки не рассматривались в этнологии как субэтнические образования. Однако в принципе подход М.М. Батмаева нам кажется приемлемым. Ведь названные компоненты, уже будучи составными частями этноса, на протяжении долгого времени сохраняют свое этнографическое своеобразие (пусть и постепенно угасающее) и — по крайней мере в культурном отношении — действительно могут интерпретироваться как субэтноты.

Диссертанту удалось сказать новое слово и о таком традиционном и давно известном явлении, как дуально-триадная организация у кочевников. Здесь на качестве исследования вновь сказался огромный массив источников, несравнимый с объемом сведений, допустим, о древних тюрках или монголах. Выясняется, что разделение на две части («больших» и «малых») не фиксируется у групп социального происхождения, но было присуще только калмыцким улусам этнического происхождения, что может происходить из каких-то экзогамных канонов. В то же время в ханстве практиковался и триадный принцип распределения улусов, однозначно выводимый автором из порядка построения конного войска. Подобную комбинацию различных структурных подразделений М.М. Батмаев предлагает объяснять потребностями наилучшего управления скотоводческим народом на обширной, редконаселенной территории.

В рецензируемой работе сделано множество других ценных и новых наблюдений. Чрезвычайно интересен анализ форм калмыцкой семьи, традиционных и новых отраслей хозяйства (среди последних — земледелие и отходничество). Квалифицированно и убедительно описаны социальная стратификация и формы эксплуатации в Калмыцком ханстве, его административная система.

Замечания к тексту диссертации сводятся к нескольким пожеланиям, несколько не влияющим на безусловно положительную оценку работы в целом.

1. Можно согласиться с М.М. Батмаевым, когда он заявляет о неприменимости концепции вождества (чифдом) к калмыкам XVII–XVIII вв. Однако хотелось бы посоветовать ему обратиться также к теории раннего государства. Многие черты ханства и общества калмыков рассматриваемого периода отвечают критериям именно раннегосударственных систем (которые имеют свою градацию). Это позволит автору в дальнейшем избежать прямолинейного выбора: государство или негосударство, государство или вождество, государство или племенной союз и т.п.

2. В обзоре историографии полностью отсутствуют упоминания о трудах зарубежных историков. Пусть они немногочисленны и, возможно, не удовлетворяют автора качеством исследования, но все-таки следовало бы их хотя бы перечислить – в первую очередь книги М. Ходарковского и Д. Шорковица.

3. При анализе социальной терминологии и титулатуры проигнорировано звание тайши. Возможно, это вызвано тем, что широко оно применялось калмыками ранее того периода, который исследуется в диссертации. Тем не менее автор часто упоминает тайшей, и следовало бы обратить внимание на данный титул.

Как и в любом исследовании по истории средневековья и раннего нового времени, некоторые положения в диссертации неизбежно имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. М.М. Батмаеву удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно, безусловно, займет заметное место в камыковедении.

[2002]

Отзыв на докторскую диссертацию А.Г. Бахтина «Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках»

Выдвигаемое на защиту диссертационное исследование А.Г. Бахтина посвящено теме, традиционной для российской исторической науки. Присоединение Поволжья к Российскому государству изучается уже давно и проанализировано, на первый взгляд, досконально. Введены в оборот основные источники, выявлены главные этапы, предпосылки и последствия этого процесса. Однако историки до сих пор не пришли к единой точке зрения относительно многих важнейших аспектов данной темы. В историографии наблюдается большой разброс мнений о причинах русского завоевания Казанского ханства, о степени интенсивности военного противостояния двух государств, о характере и масштабах освободительного движения в крае в 1550-х – 1570-х гг. и др. Вне поля зрения авторов оставалось, как правило, нетатарское население региона. Кроме того, привлечение все новых источников периодически заставляет по-новому взглянуть на устоявшиеся трактовки событий XV–XVI вв.

В 1990-х гг. сложились новые условия для развития российской исторической науки. Стало очевидным, что многие темы нуждаются в радикальном переосмыслении, в избавлении от накопившихся за десятилетия идеологических штампов. Это относится и к истории создания многонационального Российского государства, взаимоотношений Москвы с сопредельными народами накануне, во время и после их присоединения к России. Наряду с квалифицированными, профессиональными исследованиями нередко появляются публицистические, иногда политизированные сочинения низкого научного уровня, авторы которых, не владея ремеслом историка и произвольно трактуя факты, изображают прошлое России и ее народов в искаженном свете.

А.Г. Бахтин в полной мере осознает непростую историографическую ситуацию, которая сложилась вокруг изучаемой им проблемы. Он не уходит от дискуссий (как с учеными, так и с дилетантами), опираясь каждый раз на надежный фундамент средневековых источников. Вообще одной из сильных сторон его диссертации является широкий учет региональной литературы по теме — прежде всего созданной в поволжском регионе.

Диссертант учел все основные исследования по русско-казанским отношениям и привлек многочисленные источники. Корпус главных источников по Казанскому ханству и «Казанской войне» давно известен историкам. Поскольку не сохранились ни собственно казанско-татарские архивы, ни материалы московской дипломатической переписки с Казанью, в качестве первостепенного хранилища информации выступают русские летописи. А.Г. Бахтин широко использует их, причем в объеме, гораздо большем, чем его предшественники на этом поприще. Вместе с тем он вводит в научный оборот уникальный архивный материал — главным образом, из ф. 123 РГАДА («Сношения России с Крымом»). Насколько нам известно, столь обширное и продуктивное привлечение «Крымских дел» к данной теме предпринимается впервые. То же можно сказать и о сведениях Литовской метрики, которая у нас обычно интересовала русистов, полонистов и изредка специалистов по Крыму.

Накопление огромной информации источников позволило диссертанту не только подробно проанализировать всевозможные аспекты темы, обозначенной в названии диссертации, но и рассмотреть важные вопросы, выходящие за рамки непосредственно русско-казанских отношений. К таковым относятся, например, описание формирования и внутреннего устройства Казанского юрта; обзор международных контактов Казани в XV—XVI вв.; положение в Казанской земле во второй половине XVI в., т.е. после присоединения Поволжья к России и др. Одним из главных достоинств рецензируемой работы считаем пристальное внимание автора к истории нетатарского населения ханства (чувашей, марийцев, удмуртов).

В главе 1 «Казанское феодальное государство» А.Г. Бахтин разбирает вопросы образования ханства, его государственной структуры, положения его народов и их отношений с Московской Русью. Он находит непротиворечивое и, как нам представляется, убедительное разрешение давнего (а в последнее время и острого) спора о соотношении болгарского и золотоордынского элементов в казанско-татарской государственности и культуре. Диссертант показывает, что в сфере экономики и культуры происходило развитие старых болгарских традиций данного региона, а в политико-административной сфере приоритет имели порядки, унаследованные от Золотой Орды.

А.Г. Бахтин возражает против принятой большинством историков даты образования ханства 1438 г. Он предлагает 1445 г., связывая это событие не с поселением в Казани хана Улуг-Мухаммеда (который до конца жизни продолжал считать себя общеордынским монархом), а с воцарением его сына Махмутека. Данный вопрос излагается на основе известных источников, авторской интерпретации событий второй четверти XV в. и пока остается гипотезой — одним из возможных вариантов определения времени образования ханства. Для отстаивания своей позиции автору в будущем желательно усилить свою аргументацию путем привлечения новых данных из средневековых текстов.

В главе 2 «Русско-казанские отношения во второй половине XV в.» А.Г. Бахтин также включается в давнюю дискуссию о том, платило ли Московское великое княжество дань казанским ханам. Подобранный им документальный материал наглядно свидетельствует о том, что ордынский «выход» в Казань не посылался (за исключением, может быть, первых полутора десятилетий существования нового юрта); а то, что названо в источниках данью, представляло собой на самом деле расходы по организации дипломатических контактов с татарами. В связи с этим привлекает внимание и другое утверждение автора: в период московского протектората сама Казань выплачивала дань Ивану III как своему покровителю и сюзеру (с. 190).

При исследовании русско-казанских отношений невозможно обойти проблему формирования политических группировок татарской знати — так называемых московской и восточной «партий». В диссертации детально прослеживаются причины и состав этих аристократических лагерей. При этом автор полемизирует с встречающимися в современной околонучной литературе обвинениями московской «партии» в «предательстве национальных интересов». Мы полностью согласны с А.Г. Бахтиным в том, что промосковски настроенные беки и сеиды никогда непосредственно не зависели от Москвы и в своих действиях исходили прежде всего из собственных политических интересов (с. 80, 81).

Конечно, нельзя отрицать мощного воздействия на внутренние дела ханства со стороны набирающей силу России. Одним из проявлений такого воздействия было содержание на Руси татарских династов — резервных претендентов на троны в разных юртах. Отметим остроумное наблюдение А.Г. Бахтина об аналогии такой практики с содержанием царевичей-Гиреев при османском дворе (с. 186).

В историографии сложилось мнение, что Россия в 1487 г. установила над Казанью протекторат, который продолжался до крымского переворота 1521 г. В главе 3 «Русско-казанские отношения в первой трети XVI в.» А.Г. Бахтин предлагает новый взгляд на проблему протектората. Проанализировав ситуацию, сложившуюся после русско-казанской войны 1507–1508 гг., он заключает, что протекторат в то время уступил место межгосударственному союзу, в котором Казань заняла место младшего партнера с некоторыми признаками вассалитета.

Борьба «партий» сопровождалась активностью разнообразной иноземной агентуры, интригами Москвы и Бахчисарая. В диссертации показано, что казанцы были настроены как против русского, так и против крымского засилья (с. 279). Выше всего они ставили независимость, и в этом отношении выводы

А.Г. Бахтина опровергают новейшие домыслы об солидарности единоверных татарских ханств против «неверных».

В последнее время нередко появляются также утверждения об агрессивной, наступательной политике Руси, якобы зарившейся на мирное и безопасное для соседей Казанское ханство. В главе 5 «Казанская война 1535–1552 гг. Присоединение Казанского ханства к России» убедительно показано, что русско-казанское пограничье подвергалось частым нападениям татар. Особенно кровопролитными в этом отношении были 1535–1545 гг. Необходимость отражения набегов побудила московское правительство начать многолетнюю и сложную военно-дипломатическую кампанию по обеспечению безопасности восточной границы. Эти меры, по мнению диссертанта, начались со второго воцарения в Казани Сафа-Гирея в 1535 г., поэтому период так называемой «Казанской войны» А.Г. Бахтин начинает с этого времени, а не с общепринятого в историографии 1545 г.

Что же касается «агрессивности» русского правительства, то автор неоднократно подчеркивает отсутствие захватнических планов у молодого царя Ивана и у Избранной Рады вплоть до начала 1552 г. Более того, мы склонны разделить весьма аргументированное мнение А.Г. Бахтина о ситуативных, продиктованных конкретными обстоятельствами шагах Москвы в Поволжье, без четко прописанной программы действий. Главной задачей Ивана IV и его окружения было сохранить Казанский юрт в качестве вассального владения во главе с послушным ханом (с. 358, 359, 370). Лишь после враждебных действий казанской стороны, когда стала невозможной мирная альтернатива, русское правительство решилось на ликвидацию ханства.

Как уже отмечалось выше, большое внимание в работе уделяется судьбам нетатарского населения Казанского государства. Одним из важных вопросов является присоединение Горной стороны к Московскому царству. А.Г. Бахтин писал на эту тему и раньше, отстаивая трактовку присоединения как вынужденно мирного, произошедшего в условиях занятия края русскими войсками. В диссертации усилена доказательная база, и теперь сформирована полноценная научная концепция. Автор не просто анализирует ход событий начала 1550-х годов, но дает широкую историческую панораму, которая позволяет увидеть, каким образом на протяжении многих лет эта полуавтономная провинция Казанского юрта постепенно ослабляла связи с центральными татарскими властями и все больше попадала под влияние России.

Специальному рассмотрению в диссертации подвергнут вопрос о причинах и идеологическом обосновании присоединения Казанского ханства к России; ему посвящена глава 5. Перед нами превосходный историографическо-источниковедческий анализ проблемы, учитывающий все фигурирующие в науке факторы и основания для присоединения Поволжья. Автору пришлось углубиться в рассмотрение экономического положения Русского государства в середине XVI в., особенностей вотчинной и поместной систем, формирования дворянства, организации торговли и проч. В итоге он приходит к выводу, что «популярные» в литературе доводы о приоритете экономических причин не основательны. На первом месте при экспансии на Волгу стояли причины военно-политические, а именно и прежде всего необходимость ликвидации очага военной напряженности на восточной границе.

В главе 6 впервые в науке рассмотрено влияние «казанского вопроса» (т.е. проблемы реставрации татарской государственности в Поволжье) на межгосударственные отношения в Восточной Европе второй половины XVI в. Показано, что этот вопрос то и дело возникал в ходе конфликтов России с Крымом и Турцией, но в результате напряженных военных и дипломатических усилий московского правительства к концу столетия он был снят с обсуждения из-за очевидной бесперспективности и неосуществимости.

Исследуя протяженный исторический период и анализируя множество сложных проблем русско-казанских отношений, А.Г. Бахтин, естественно, не мог уделить одинаково пристальное внимание каждому аспекту этой обширной темы. Некоторые сюжеты затронуты им вскользь, поскольку не имеют прямого отношения к кругу вопросов, рассматриваемых в диссертации; некоторые требуют дополнительной аргументации. В связи с этим выскажем некоторые замечания и пожелания.

1. Поскольку автор разбирает большой комплекс проблем, по многим из которых велась и ведется дискуссия, было бы лучше, если бы очерк историографии строился не по хронологическому, а по проблемному принципу. Тогда стало бы яснее, какие вопросы вызывают споры, и как эти вопросы решаются разными авторами. Например, можно выделить такие крупные историографические проблемы, как история Казанского ханства; история казанско-русских отношений; завоевание Казани и освободительное движение народов Поволжья; оценка последствий присоединения Поволжья к России.

2. При характеристике государственного строя Казанского ханства следует более четко определиться с дефинициями. Ханство представляется автору как «восточная деспотия, но существенное ограничение ханской власти и широкое участие знати в управлении государством сближало его с представительными монархиями» (с. 112). Здесь содержится противоречие, т.к. деспотия не предполагает ограничения власти монарха каким-либо государственным органом. Полагаем, что совещания знати сближали Казанский юрт не с представительными монархиями, а с кочевыми империями, где практиковались курултай — реликты народных собраний. В этом качестве (золотоордынского наследия, а не результата собственного государственного развития), очевидно, сохранялся курултай и в Казани. Кстати, диван, трактуемый диссертантом как «совет высших светских и духовных феодалов» (с. 112), на самом деле являлся, как и во всех мусульманских странах, ханской канцелярией, ведомством визиря (в Казани, возможно, главного карачи-бека).

3. Вопросы религиозной жизни Казанского ханства рассматриваются в диссертации лаконично, т.к. не являются принципиальными для данной темы. Тем менее оправданным кажется самостоятельный поиск автором доказательств воинственности ислама в тексте Корана и интерпретация случайной подборки цитат из Корана как идеологической базы борьбы татар с Россией (с. 447, 448). В источниках нет никаких данных о том, что именно этими отрывками казанцы руководствовались в своей борьбе. В ходе современных политических событий многочисленные исламские авторитеты неоднократно цитировали противоположные по направленности, сугубо миролюбивые наставления из Корана. Каждый из его аятов за столетия исламской истории много раз комментировался и объяснялся богословами, и, наверное, не сле-

дует исследователю, не обладающему для этого необходимой богословской и языковой подготовкой, произвольно извлекать из священного текста подходящие, с его точки зрения, фрагменты, чтобы иллюстрировать собственные рассуждения.

4. Диссертант полагает, что поскольку поход Ивана IV на Казань в 1552 г. был ответом на внешнюю угрозу с ее стороны, то он не может считаться агрессией (370, 371). А.Г. Бахтин предлагает называть завоевание Казани не агрессией, а экспансией. Полагаем, что данные понятия отражают лишь разные стадии распространения суверенитета одного государства на территорию другого: агрессия — это военное вторжение, непосредственный процесс захвата территории, а экспансия (букв. «расширение») — результат этого процесса; таким образом, агрессия есть одна из форм осуществления экспансии.

Указанные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы А.Г. Бахтина. Написанная им диссертация представляет собой оригинальное, аргументированное и квалифицированное исследование. Она безусловно займет достойное место в историографии народов Поволжья и образования многонационального Российского государства.

[2002]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию И.В. Белозерова
«Религиозная политика Золотой Орды на Руси
в XIII–XIV вв.»***

Тема, которой посвящена диссертация И.В. Белозерова, традиционна для российской исторической науки. Специфическое положение православной церкви в период ордынского ига давно привлекает внимание исследователей русского средневековья. По этому поводу написано немало работ — но, как правило, посвященных источниковедческим проблемам (ханским ярлыкам, выданным митрополитам) или же сводных трудов, в которых ордынско-церковные отношения являлись одним из многих сюжетов.

В этом смысле рецензируемая диссертация, с одной стороны, продолжает историографическую традицию, с другой — отличается новизной в постановке исследовательских задач, поскольку монографического изучения религиозной политики Золотой Орды на Руси до сих пор практически не предпринималось. Кроме того, И.В. Белозеров предлагает новый взгляд на проблему — поиск связи между религиозными воззрениями монголов и положением различных конфессий в Монгольской империи XIII в.

Для изучения данного круга вопросов диссертант решил рассмотреть основные черты языческого пантеона и культа средневековых монголов; выделить главные этапы имперской религиозной политики, в том числе в Улусе Джучи; выяснить последствия монгольского нашествия на Русь для православной церкви и сложившиеся после завоевания взаимоотношения церкви с золотоордынским правительством. Указанные задачи исследования И.В. Белозеров решает с помощью привлечения основной литературы и источников по теме. Основной корпус источников о Монгольской империи давно сформировался и широко используется историками для освещения различных проблем.

Диссертация состоит из двух глав, первая из которых посвящена обзору религиозной ситуации в монгольской державе в целом, вторая — взаимоотношениям между Золотой Ордой и Русской православной церковью.

Автор попытался выявить такие особенности мировоззрения монголов, которые обусловили общие черты их конфессиональной политики в завоеванных странах. Для этого он разбирает языческие верования и обрядность, показывает благосклонность Чингисидов (монгольской правящей элиты) к религиозным структурам. Такое отношение, с точки зрения диссертанта, вызывалось убеждением монголов в том, будто священнослужители разных вероисповеданий выступают в роли посредников в общении с Богом; кроме того, наблюдалось сходство между языческими представлениями монголов о роли Вечного Синего Неба («образа верховного бога» — с. 69) и религиозными доктринами соседних стран (с. 74, 99). Очевидно, И.В. Белозеров полагает, что монголы воспринимали адептов мировых религий чуть ли не как своих единоверцев.

Заметим, что рассуждения диссертанта о культе божества Неба-Тенгри можно было бы проиллюстрировать сформировавшейся за последнее десятилетие концепцией «тенгрианства» как якобы монотеистической религии древних тюрок и монголов. Долгое время эта идея — по нашему мнению, очень спорная и слабо обоснованная — носила публицистический, дилетантский оттенок, но сейчас разделяется многими историками (как правило, работающими в тюркских республиках РФ и в тюркских государствах СНГ). На недавнем международном конгрессе в Улан-Баторе ведущий монгольский историк, академик Ш. Бира в своем выступлении также согласился с данной концепцией, назвав «тенгрианство» государственной религией Монгольской империи.

При рассмотрении ордынской конфессиональной политики на Руси И.В. Белозеров, в отличие от абсолютного большинства исследователей, не сосредотачивается только на политической фабуле событий, но пытается наметить и мировоззренческие основы этой политики — как с русской, так и с монгольской стороны. Конечный вывод автора выражается в тезисе о том, что именно религиозно-мировоззренческие факторы лежали в основе покровительственного отношения Орды к русскому духовенству (с. 205). Для того, чтобы прийти к такому заключению, диссертанту пришлось проанализировать значительное количество летописей и нелетописных памятников, разобрать вопросы о положении Русской церкви во время и после монгольского нашествия, об объеме ее полномочий и прав в XIII—XIV вв., о религиозных конфликтах на Руси, об истории и роли Сарайской епархии.

Большинство выводов автора базируется на материале средневековых источников и выглядит вполне аргументированным.

Отдельные замечания по диссертации сводятся к следующим пунктам.

1. Анализируя языческие верования монголов, автор напрасно обошел вниманием огромную всемирную историографию шаманизма (в том числе у монгольских народов), привлекая в своем тексте лишь этнографические заметки Д. Банзарова и Г. Гомбоева. Кроме того, в историографическом очерке диссертации и в библиографии опущены важные исследования по изучаемой теме: работы В.В. Бартольда о Чингисидах-христианах; статьи А.К. Боровкова, В.В. Григорьева и П. Соколова о ярлыках, выданных ханами русскому духовенству; книга М.Д. Полубояриновой о русских людях в Золотой Орде (хотя этот

труд приведен в перечне литературы, но фактически не использован в тексте — в частности, по поводу истории Сарайской епархии). И главное: в наше время религиозную ситуацию в Золотой Орде и ордынскую религиозную политику уже невозможно (даже позволим себе выразиться: неприлично) исследовать без учета фундаментального, первоклассного исследования американского востоковеда Д. Девиза «Исламизация и исконная религия в Золотой Орде» (1994).

2. Незнание автором восточных языков и, как следствие, отсутствие доступа к оригинальным текстам вызвали искажение имен хронистов и правителей, которые приводятся им в орфографии XIX в. (Эльмелик-Эннасыр вместо ал-Малик ан-Насир и т.п.). Название хроники «Аноним Искандера» давно вышло из употребления — с тех пор, как стало известно название и имя автора этого произведения: «Мунтахаб ат-таварих-и Муини», написанное в начале XV в. Муин ад-Дином Натанзи.

3. Спорным выглядит тезис о «возникновении» Золотой Орды как улуса Монгольской империи в 1240-х гг. (с. 65). На самом деле этот улус официально был образован в 1224 г., когда Чингисхан выделил в удел своему первенцу Джучи северо-восточные регионы империи. Самостоятельным же государством Улус Джучи стал в конце 1260-х гг., после разрыва джучид-ского хана Менгу-Тимура с имперским правительством.

4. Полагаю, что утверждения автора о заметном присутствии в Золотой Орде буддистов не вполне аргументированы. Тем более странным выглядит объявление хана Тохты буддистом (с. 112, 122). Насколько можно судить по источникам, представители данной конфессии никогда не были заметны в политической жизни и культуре этой части Евразии. Доверившись русскому переводу арабских хроник, сделанному В.Г. Тизенгаузенем, диссертант то и дело принимает за рассуждение о присутствии в Орде буддийских лам. На самом же деле в арабских текстах повсеместно фигурируют бакши, неудачно интерпретированные Тизенгаузенем как «ламы». Понятие «бакши» служило обозначением уйгурских чиновников — приверженцев самых разных религий, и влияние их при дворе хана Тохты вовсе не означало обращения его в буддизм.

Указанные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы И.В. Белозерова. Написанная им диссертация представляет собой в целом оригинальное и аргументированное исследование. Она безусловно займет достойное место в историографии русского средневековья.

[2002]

Отзыв на докторскую диссертацию Т.В. Гаджиева «Государство, общество и право в Дагестане (до второй четверти XIX в.)»

Диссертация Т.В. Гаджиева представляет собой монографическое исследование развития дагестанской государственности, общественного устройства и права за огромный период — с VI по XIX в. На основании обширной литературы и доступных ему источников автор попытался проследить историю этих явлений сквозь призму преемственности, непрерывного наследования институтов прошлых эпох последующими поколениями дагестанцев. Исследование отличает широкий, панорамный подход к проблемам: наряду с чисто истори-

ческими средствами и методами изучения, привлекаются лингвистические и этнологические материалы, историософские и правоведческие разработки. Большинство тезисов изложено доказательно, убедительно, с привлечением документальных и историографических данных.

Глава I «Дагестан — от понятия к исторической реальности (историография и методология)» посвящена выяснению содержательного значения понятия «Дагестан» и тех понятий, которые, с точки зрения Т.В. Гаджиева, заменяли его на протяжении столетий. В основном внимание диссертанта сосредоточено на аргументации изначального историко-политического единства народов Северо-Восточного Кавказа. Для завершения картины, очевидно, можно было бы проследить бытование слова «Дагестан» в разные эпохи и в различных источниках. Естественно, не следует проецировать территориальный охват современного Дагестана на древность и средневековье, однако в ряде средневековых источников данное слово (в некоторых тюркских текстах «Тагистан») действительно обобщенно обозначало «Горную страну» и ее многоплеменное население.

В последующих главах Т.В. Гаджиев пробует проследить непрерывную преемственность в развитии государственности от раннесредневекового Сарира через Дагестанское Шамхальство (данный термин промелькнул в одной из работ Е.Н. Кушевой, но не фиксируется в источниках) к политическим структурам XVII—XIX вв. Диссертант убедительно отстаивает одну из трактовок названия «Сарир» как «вершинная страна» (с. 58–60) и связывает формирование сарирской государственности с влиянием Кавказской Албании и Сасанидского Ирана (с. 43 и след.). Представляется, что поиск кавказско-сасанидских связей в политическом развитии народов региона является чрезвычайно перспективным направлением. Интересной выглядит трактовка генезиса легитимного государства в Сарире в 560-х гг., связь его (генезиса) с инвестицией местного правителя от шаха Хосрова Ануширвана (с. 84). Да и те немногие характеристики царства Сарир, которые могут быть почерпнуты из хроник, позволяют согласиться с мнением автора о структурном сходстве между названными державами. Не вызывает возражения и дефиниция Сарира как «раннефеодальной федерации» нескольких «царств» во главе с «хаканом гор».

При этом анализ оказался бы полнее, если бы автор не ограничился поиском аналогий с домусульманским Ираном, но обратил внимание на многочисленные тюркские и монгольские заимствования в политической и социальной терминологии Дагестана: нукер, аталык, имелдеш, чауш, дарга, карачи-бек и т.д. Это позволило бы расширить поиск исторических корней и взаимосвязей дагестанской государственности. Кстати, титул «карачи-бек» не имеет отношения к Ирану, равно как и несопоставим с грузинскими эристами (см. с. 300, 301); это звание высокопоставленных аристократов-формальных лидеров главных племен было широко распространено в тюркских государствах XV—XVIII вв. и зародилось, видимо, в Золотой Орде.

Т.В. Гаджиев обосновывает мнение, что Шамхальство послужило как бы естественным продолжением и наследником Сарира после рубежа XI—XII вв. в связи с утверждением ислама, частичной сменой правящей элиты, переносом столицы из Хунзаха в Кумух. Такой взгляд заслуживает внимания и может стимулировать более глубокое изучение развития Северо-Восточного Кавказа в раннем средневековье.

Дефицит источников неизбежно вызывает предположительность ряда авторских построений, особенно в отношении периода XII–XIV вв. Очевидно, некоторые положения нуждаются в дальнейшей разработке. Например, интерпретация шамхала как верховного правителя всех дагестанских владений абсолютно не находит подтверждений в средневековых документах. Очевидно, диссертант и сам не до конца уяснил для себя прерогативы этого правителя, поскольку неоднократно пишет то о сюзеренитете шамхала над окрестными владетелями (с. 134), то о его покровительстве над ними (с. 132).

Несомненно, как и в любом ерзвитом социуме, дагестанская элита имела внутреннюю градацию и образовывала своеобразную коническую структуру, подобно всем ранжированным обществам. Однако это вовсе не обязательно означало, что между горскими владетелями складывались отношения политического господства-подчинения или сюзеренитета-вассалитета. Примеры из средневековой Европы, на которые ссылается диссертант (в частности, на Священную Римскую империю) являют как раз иерархическое устройство монархии без реального подданства. Все правители занимали разные места в монархической иерархии, но быть королем вовсе не означало автоматически подчиняться императору, равно как быть, допустим, уцмием вовсе не означало автоматически подчиняться шамхалу. Уцмий был ниже шамхала иерархически, но из этого отнюдь не следовало его вассалитет или подданство по отношению к шамхалу.

О сложности проблемы свидетельствует, в частности, и молчание источников о едином дагестанском государстве; даже сам диссертант, убедив себя в существовании такого государства, вынужден констатировать «отсутствие единой государственной системы» в Шамхальстве, его «федеративный характер» и т.п. Думается, автору следовало бы подкрепить свои умозаключения не только лаконичными свидетельствами немногочисленных сохранившихся источников, но и применением научных критериев государственности к изучаемым обществам. При этом кажется более продуктивным использовать не сочинения Гегеля, ссылки на которые многократно встречаются в диссертации, но обширные политико-антропологические разработки в западной и современной российской науке. Именно политическая антропология, по-иному называемая еще потестарно-политической этнографией или этнополитологией, изучает закономерности социального развития доиндустриальных обществ, чему и посвящена рецензируемая диссертация.

Вызывает удивление применяемая автором жесткая парадигма «государство или негосударство» в отношении Дагестана в целом и владений на его территории. Почему-то полностью проигнорированы прочно утвердившиеся в мировой и отечественной историографии концепции потестарной власти, парapolитейных органов и механизмов руководства обществом. Очевидно, могло бы пригодиться и понятие вождества как стадии, предшествующей государству и представляющей собой группу общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, где проживает правитель (вождь).

Полагаю, что если бы в работе были учтены указанные теории, диссертант осторожнее пользовался бы дефиницией «государство» по отношению, например, к Акуша-Дарго или Рутульскому союзу. Ведь наличие некоторых органов

управления далеко не всегда означает наличие государственности. Да и совокупность взаимосвязанных общин, наверное, лучше определить научным термином «вождество», нежели политическим понятием «федерация».

Но даже традиционного понятийного аппарата для Т.В. Гаджиева оказалось достаточным, чтобы сделать ценные наблюдения над особенностями дагестанского государства и общества. В диссертации дана лаконичная, но емкая и корректная характеристика политических образований Дагестана XVII – начала XIX вв., сделана попытка определить точные даты (годы) их вхождения в состав Российской империи. Важно и то, что в работе нет огульных и общепринятых до недавнего времени выпадов против абстрактного «царизма», но присутствует объективный анализ российско-дагестанских взаимоотношений по поводу присоединения региона к России.

Автор приходит к важному выводу о складывании в Дагестане территориально-тухумной общины, сменившей родовую, разбирает имущественные отношения в ней и в целом роль тухума в изучаемом регионе. Интересен анализ джамаатов и союзов общин. В дальнейшем Т.В. Гаджиев, очевидно, сможет развить свои заключения в этом чрезвычайно важном направлении. Во-первых, целесообразно сопоставить институт тухума не только с родом, кланом, но и с такой таксономической категорией, как племя. Во-вторых, можно привлечь к сопоставлению тухумные образования на сопредельных и отдаленных территориях, ведь тухумы фиксируются на огромном пространстве Евразии – от Чечни до Западной Сибири.

Привлекает тщательностью и фундаментальностью рассмотрение социального статуса дагестанских узденей, которые трактуются Т.В. Гаджиевым как своеобразная каста людей неаристократического и нерабского происхождения (с. 288).

Еще одним принципиальным вкладом диссертанта в кавказоведение является определение соотношения между адатом и шариатом в системе дагестанского права. Судя по рецензируемому тексту (глава IV), в науке шариату придается гипертрофированное значение как регулятору повседневной жизни горцев. На самом же деле, как следует из исследования Т.В. Гаджиева, нормы мусульманского права не играли существенной роли, по сравнению с правом обычным (несмотря на внешнюю распространенность исламской терминологии в судопроизводстве).

Как и в любом исследовании по истории Северного Кавказа, особенно древней и средневековой, некоторые положения неизбежно имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Рецензируемая диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. Высказанные выше замечания несколько не снижают общего положительного впечатления от работы Т.В. Гаджиева. Ему удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно, безусловно, займет заметное место в российском кавказоведении.

[2002]

Отзыв на кандидатскую диссертацию Р.Т. Ганиева «Восточно-Тюркский каганат в Южной Сибири и Центральной Азии во второй половине VI – первой половине VIII вв.»

Тему, избранную Р.Т. Ганиевым для диссертационного исследования, можно считать традиционной для отечественной историографии. За более чем столетний период существования отечественной тюркологии историки немало узнали о политических образованиях древних тюрков. Различные проблемы социального и политического развития, экономики и культуры Первого Тюркского и Уйгурского каганатов освещены в трудах С.Г. Кляшторного, Ю.А. Зуева, Л.Н. Гумилева, а также зарубежных авторов – Р. Жиро, Дж. Хэмилтона и мн. др. В 1987 г. в Токио вышла книга Наито Мидори о Западно-Тюркском каганате. Однако малоисследованные аспекты еще остаются. В частности, отсутствует монографическое изложение истории Восточно-Тюркского каганата, который располагался в VI–VIII вв. на территории Южной Сибири и Центральной Азии. Диссертация Р.Т. Ганиева в определенной мере восполняет этот пробел.

Она базируется на широком привлечении одного из основных источников по данной проблематике – китайских письменных памятников. В свое время синолог Лю Маоцай собрал, перевел на немецкий язык, издал (в 1958 г.) и тем самым ввел в широкий научный оборот сведения о восточных тюрках из 36 исторических, географических, религиозных произведений, эпиграфических и поэтических текстов. В собрании Лю Маоцай содержится все, что написано о восточных тюрках китайскими авторами с VII по XVIII в.

Кроме того, в диссертации Р.Т. Ганиева используются памятники рунической письменности Восточно-Тюркского каганата с территории Монголии. Для освещения некоторых исследовательских сюжетов привлекаются также данные археологии. Получилось так, что к 80-м гг. XX в. корпус основных источников по древнетюркской истории был введен в научный оборот. С тех пор историки в основном разрабатывают новые концепции и интерпретации событий и явлений, опираясь на один и тот же довольно ограниченный круг средневековых текстов. Подобный концептуальный поиск характерен и для диссертации Р.Т. Ганиева. Он попытался заново проанализировать сущность и специфику древнетюркской государственности, наметить особенности и хронологию развития Восточного каганата, показать присущие ему социальные, экономические, демографические и прочие черты.

Уже во Введении диссертант заявляет о своем подходе к изучаемой эпохе, который я разделяю. Сопоставление кочевых и оседлых народов и культур, пишет он, является «методологически неправильным, т.к. они абсолютно равнозначны и ведут свое развитие параллельно» (с. 4). Кроме того, над историками довлеет ситуация с источниками. Большинство их происходит из оседло-земледельческих регионов (в данном случае из Китая), и исследователи поневоле следуют интерпретациям придворных хронистов в ущерб всестороннему анализу развития степных империй.

Р.Т. Ганиев рассматривает Восточно-Тюркский каганат, с одной стороны, как результат цивилизационного развития обществ Южной Сибири и Центральной Азии, и, с другой стороны, как особый этап в этом развитии. Начинает он это развитие с эпохи Хунну (первые века до н.э.). Он утверждает, что

«хунну сформировали оригинальное культурное пространство», которое послужило основой для следующих степных держав (с. 72). Китайская средневековая историография тоже видела в хуннах первую «варварскую» империю к северу от Великой Стены. Здесь было бы целесообразно отойти от схемы, навязываемой императорскими хронистами, и учесть роль древнеиранского и тохарского населения Восточной Евразии. В последних работах казахстанского историка Ю.А. Зуева превосходно показано влияние этого древнейшего культурного пласта на кочевой мир — в частности, на тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. Да и этническая (языковая) принадлежность племен не имела существенного значения при строительстве архаичных степных империй.

Однако все-таки во многом обоснованно и древние китайские летописцы, и современные историки начинают развитие государственности в Центральной Азии с хуннов. Именно при хуннах, во II в. до н.э., начал действовать Шелковый путь, соединивший Восточную Азию с Европой. Народы, жившие вдоль этой трансконтинентальной караванной магистрали, получили дополнительный стимул к политической организации, чтобы контролировать ее, охранять и получать таможенные выплаты. (Кстати, здесь просматривается аналогия с ролью Пути из варяг в греки для формирования начальной древнерусской государственности.) Из этого, кстати, следует, что политические структуры евразийских кочевников — т.н. кочевые империи — протянулись вдоль всего Шелкового пути от Китая до Причерноморья, а не ограничивались регионами Монголии и Южной Сибири, как это видится из китайских хроник.

В некотором смысле Тюркский каганат был не новым политическим образованием, а лишь одной из очередных политических структур, которые сменяли друг друга в господстве над Шелковым путем. Если это так, то придуманное немецкими ориенталистами понятие «Тюркский каганат» оказывается условным, поскольку на протяжении тысячелетия, несмотря на миграции и войны, принципы организации населения степей оставались в целом неизменными, и его подчиненность центральноазиатскому центру была традиционной, а менялись только правящие харизматические кланы.

Р.Т. Ганиев обоснованно уделяет внимание Шелковому пути, его значению для международных отношений и экономики раннего средневековья и естественно выходит на проблему степени развития государственности у древних тюрков. После обзора историографии вопроса и рассмотрения исторического материала диссертант приходит к твердому выводу о том, что Восточно-Тюркский каганат представлял собой именно государство со всеми присущими государству функциями и задачами (с. 139, 140, 142).

В целом я разделяю это заключение. Однако сама постановка вопроса: «государство или не государство» представляется слишком категоричной. Очевидно, на международной арене, в отношениях с Китаем, Согдом, Тюркешским каганатом, правительство восточных тюрков выступало как государственный орган, налаживая дипломатические отношения и участвуя в международной политике как единая, сплоченная сила. В то же время внутри каганата продолжали действовать межродовые догосударственные (или внегосударственные) нормы отношений, присущие патриархальному кочевому миру (это относится и к примитивному «налогообложению»). Некоторые признаки территориального деления и наместнического управления, фиксируемые в хрониках, едва

ли выходили за рамки обычного, устоявшегося распределения кочевий между племенами. Думаю, что Восточно-Тюркский каганат возможно характеризовать как раннее государство зачаточного типа (по классификации Сервиса–Скальника), аналогичное прочим кочевым империям в этой зоне Евразии.

Новым словом в историографии можно считать предложенную Р.Т. Ганиевым периодизацию истории Восточно-Тюркского каганата. Его историю он начинает с 581 г., когда Тобо-каган разделил подвластную территорию к востоку от Алтая на два крыла, тем самым заложив основу самостоятельного политического существования этого региона — отдельно от Западного каганата (деление на крылья было присуще только независимым кочевым державам). В этом диссертант расходится и полемизирует с многими авторитетными тюркологами, которые определяли период выделения восточных тюрков из общетюркской империи более поздними сроками.

В литературе принято считать, что в 630–679 гг. Восточный каганат распался и временно прекратил существовать, а его племена попали в зависимость от Китая. Р.Т. Ганиев предлагает видеть в событиях того времени лишь ослабление, но не исчезновение каганата с исторической арены (с. 92, 175). Подобная интерпретация также высказывается впервые в науке. Думаю, автору предстоит еще не раз отстаивать и аргументировать это свое мнение, поскольку оно расходится с устоявшейся трактовкой.

К интересным заключениям диссертанта можно также отнести конкретизацию границ Восточно-Тюркского каганата (с. 62–68) и приблизительное определение численности его населения — 500 тыс. чел. (с. 85, 86).

Теперь о том, чего в диссертации нет, или есть, но недостаточно проработано.

1. Автор подробно разбирает социальную структуру, экономическую и культурную ситуацию в каганате. Однако полностью отсутствует показ политической истории восточных тюрков — очень яркой, насыщенной и хорошо известной по источникам. А ведь политическое развитие восточно-тюркской монархии представляется необходимым фоном для этих исследовательских сюжетов.

2. Утверждение, будто «Восточно-тюркское государство имело достаточно хорошо разработанное уголовное законодательство» (с. 133), нуждается в уточнении. Известно, что письменных кодексов у древних тюрков не существовало, и отношения внутри общества регулировались обычаями. Да и все примеры из источников, приводимые диссертантом, свидетельствуют как раз о бытовании в каганате обычного права. Не думаю, что эту ситуацию можно расценивать как действие «разработанного уголовного законодательства».

3. Незаслуженно мало внимания в диссертации уделено рунической письменности как культурному явлению. В отличие от Первого каганата, где использовалось согдийское письмо, восточные тюрки изобрели собственный алфавит. Автору было бы целесообразно сделать акцент на этом сюжете, поскольку введение собственной письменности означало принципиальный цивилизационный прорыв и, кроме того, послужило бы сильным аргументом в отстаивании тезиса Р.Т. Ганиева о государственной природе Восточно-Тюркского каганата.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы Р.Т. Ганиева. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся исто-

риографические клише, стимулируют новые изыскания. Р.Т. Ганиеву удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование. Было бы полезным опубликовать текст диссертации Р.Т. Ганиева — или в виде отдельного издания, или вместе с осуществленным им переводом книги Лю Маоцяя.

[2006]

Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Ганич «Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние»

Актуальность темы, исследуемой в диссертации А.А. Ганич, не вызывает сомнения. Многолетний кризис на Северном Кавказе пробудил интерес к истории многонационального населения этого региона. Однако при этом народы Кавказа в исторических и политологических работах зачастую рассматриваются лишь в связи с российской историей и политикой. Между тем Кавказ обладает самостоятельной цивилизационной ценностью, является полноправным и полноценным участником исторического процесса, вне зависимости от участия в его судьбах великих держав. Одной из особенностей развития края была давняя, традиционная связь со странами Востока. Присутствие восточных элементов в государственности и культуре региона, наряду с местным субстратом и локальными традициями, всегда придавало Кавказу неповторимый, своеобразный облик. Но исторические и культурные контакты с миром ислама находятся по большей части на периферии внимания отечественной историографии.

Диссертация А.А. Ганич во многом восполняет этот пробел, поскольку в центре внимания автора находится история выходцев из Северного Кавказа на Арабском Востоке. Она посвящена эволюции адыгской диаспоры в Иордании, которая еще не являлась предметом специального исследования отечественных ученых.

Впечатляет комплексный характер труда, проделанный диссертантом при сборе и обработке материала — от архивных изысканий до этносоциологической полевой работы. В основу исследования положены источники и материалы, собранные автором в архивах Москвы, а также республик Северного Кавказа (РГВИА, АВПРИ, Архивной службе при Правительстве РСО-А, ЦГА КБР, Центре документации новейшей истории КБР и др.). Кроме архивных источников, А.А. Ганич вводит в научный оборот собственные полевые материалы, собранные в Иордании и на Кавказе. Именно они представляются рецензенту наиболее ценными и составляют научную новизну диссертации с наибольшей очевидностью. Кроме того, впервые при разработке этой проблематики, используются периодические издания диаспоры, неизданные мемуары черкесов на арабском языке, а также обобщаются работы современных черкесских историков из диаспоры, что, несомненно, обогащает историографию темы.

Стоит отметить квалифицированно написанное введение, в котором автор представил объективный и интересный очерк дореволюционной, советской и современной российской историографии. Положительной стороной введения является и то, что в нем рассмотрены труды европейских и арабских исследователей по арабским странам, Кавказу и черкесской диаспоре. Автор вы-

деляет основные концепции и направления в историографии, содержащиеся в этих работах, отмечая их вклад в разработку данной тематики, отмечая при этом и некоторые критические моменты. Это придало диссертации достоверность и историческую объективность.

Диссертант демонстрирует знание основной литературы на русском, арабском и английском языках. В освещении современной историографии по изучаемой проблеме А.А. Ганич воздает должное трудам исследователей черкесской диаспоры – Ф. Бадерхана, С.Г. Кудяевой, А.В. Кушхабиева и др. Это не помешало ей самостоятельно ставить новые цели и задачи, по-своему интерпретировать источники и прийти к объективным и оригинальным выводам. Все что связано с диаспорами, – это предмет методологической дискуссии. Заслуживает внимания попытка диссертанта внимательно проработать понятийный аппарат. Автор всегда оговаривает спорность термина или дает развернутый комментарий по определениям, принятым теми или иными исследователями.

Выбор хронологических и географических рамок исследования вполне обоснован. Логичной и оправданной представляется выбранная автором методика и структура исследования.

Компаративное изучение и описание положения черкесской диаспоры в Иордании и Сирии вполне оправданы. Такой подход позволил найти общее, и подчеркнуть особенное в иорданском опыте, отличном от ситуации в других странах нынешнего проживания диаспоры. Полностью аргументирован вывод о принципиальной роли черкесов в становлении иорданской государственности. Убедительно показана сложность и неопределенность будущей судьбы диаспоры после смерти короля Хусейна в 1999 г.

К наиболее оригинальным разделам диссертационной работы следует отнести четвертую главу, для написания которой в большей степени были использованы полевые материалы, собранные диссертантом. В ней дается представление о положении черкесской диаспоры в наши дни, ее внутренней структуре, степени сохранения традиционной культуры, а также, что особенно ценно, демонстрируется их отношение к исторической родине и представление о ней. А.А. Ганич проанализировала динамику и характер современных связей между черкесской диаспорой и Северным Кавказом, описала деятельность соответствующих общественно-культурных организаций.

Тщательный анализ источников позволил диссертанту критически подойти к некоторым устоявшимся трактовкам, в частности о причинах мухаджирства. Автор не ограничивается повторением часто постулируемого в европейской и арабской историографии тезиса о том, что основной причиной переселения горцев являлась религия, т.е. нежелание мусульман жить под властью «гяурского» царя. Также не ставится акцент и на причине, называвшейся в советской историографии, – проповедь турецких эмиссаров и вмешательство европейских держав. Не отбрасывая постулаты, сформулированные предшественниками, диссертант тем не менее убедительно доказывает, что в ходе переселения горцев сыграл роль целый комплекс причин – как социально-экономических, политических, так и религиозных, а также причин, связанных с традиционной внутренней структурой горского общества.

Результаты исследования А.А. Ганич позволяют охарактеризовать специфический вариант этно-конфессиональной диаспоры в арабо-мусульманском

обществе, выявить ее отличие от «классических» диаспор Ближнего Востока (армянской и еврейской) и оценить ее влияние на складывание современным миграционных потоков с Ближнего Востока в Западную Европу и США.

Существенных замечаний к тексту рецензируемой диссертации нет. Имеются некоторые пожелания, которые А.А. Ганич могла бы учесть при дальнейшей работе.

1. Стоило бы подробнее сказать о культурно-религиозной активности черкесов в «османский» период.

2. В диссертации заявлена, но пока еще не вполне раскрыта важная для востоковеда тема — отношения черкесской и чеченской диаспоры Иордании с палестинцами.

3. Упомянется понятие «историческое мифотворчество», о котором следовало бы сказать более подробно, чем это сделано, может быть даже с конкретными примерами.

4. Автору следовало бы более четко определиться с этнологической терминологией. Пока создается впечатление, что А.А. Ганич не вполне представляет себе этническую номенклатуру адыгов. Так, на с. 6 сказано, что адыги состоят из трех основных субэтнотосов — адыгейцев, кабардинцев и черкесов; на с. 7 к таковым причислены также бжедуги и абадзехи; на с. 42 упоминаются «не менее тридцати [адыгских] субэтнических групп»; наконец, на с. 56 — «двенадцать наиболее значительных адыгских субэтнотосов».

Рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. А.А. Ганич удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора, автореферат полностью соответствует ее содержанию.

[2003]

Отзыв на автореферат докторской диссертации Е.М. Главацкой «Религиозные традиции хантов и их изменения (XVII–XX вв.)»

Работы Е.М. Главацкой по истории Северо-Западной Сибири и религиозной ситуации в этом крае широко известны в России и за рубежом. Представленная на защиту диссертация является закономерным результатом ее многолетних исследований.

В автореферате представлены методологические основания и главные выводы работы. Уже с первых страниц заметна вдумчивая работа автора над осмыслением огромного материала (архивных документов, полевых наблюдений и др.). Это выразилось, в частности, в назревшей постановке вопроса о пересмотре устоявшейся терминологии, унаследованной от прошлых поколений исследователей. Данный вопрос тем более важен для изучения религиозных аспектов жизни общества, где наша европо-центричная наука поневоле взяла на вооружение христианскую традицию с ее «язычеством», «идолами» и в целом негативным подтекстом при изображении нехристианских мировоззре-

ний и культов. При этом, насколько можно судить по тексту, автор готов вообще отказаться от архаичного понятия «язычество» как некорректного, хотя и общепринятого.

Вместе с тем замечу, что при отходе от непосредственно религиозной тематики Е. М. Главацкая порой остается в плену терминологических стереотипов, применяя их, очевидно, по привычке, механически. Так, неоднократно в автореферате проскальзывает определение России как колониальной империи, а правительственной политики в регионе — как колониальной. Если историки и публицисты бывших союзных республик с готовностью и не задумываясь лепят Российскому государству ярлык колониальной «тюрьмы народов», то для российских историков подобные дефиниции нуждаются в обоснованиях. Не следует смешивать колониализацию с колониализмом, колониальной экспансией. Не говоря уже о том, что колония — это юридический статус территории, подчиненной метрополии, а не просто абстрактный объект чужеземного угнетения. Ясно, что Сургутское Приобье и Березовский край таким статусом никогда не обладали.

Превосходно проведена Е. М. Главацкой градация религиозных изменений у хантов на протяжении четырех столетий. Используя критерии, выработанные Х. Рюдвингом, диссертант вводит еще один уровень изменений, отражающий угасание религиозности. Учет такого фактора необходим для тех, кто изучает советское атеистическое общество. Правда, предлагаемые Е. М. Главацкой разновидности этого процесса (D1 — ослабление религии без восприятия другой и D2 — утрата религиозных традиций) могут трактоваться не столько как параллельные процессы, сколько в виде последовательных стадий одного и того же процесса отрицания религиозного мировоззрения.

Эти размышления вызваны сложностью и широким охватом проблем, поднимаемых в диссертации. Считаю, что Е. М. Главацкой удалось создать интересное, самостоятельное, профессиональное исследование. Она, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук.

[2006]

***Отзыв на докторскую диссертацию Э.-Б.М. Гучиновой
«Вынужденные переселения и этническое самосознание
(на примере этнополитической истории калмыков в XX веке)»***

В диссертационном исследовании Э.-Б.М. Гучиновой анализируются «болевы точки» истории калмыцкого народа в XX в.: участие в Гражданской и Второй мировой войнах, депортация, судьба калмыков в эмиграции. Названные события рассматриваются автором не в качестве объекта изучения (на этот счет уже достаточно написано и опубликовано историками), но как предпосылка для размышлений о влиянии кризисных явлений на судьбу этноса, его культуру, массовое сознание, этническое самосознание, идентичность и т.д. Кроме того, отражено воздействие драматических поворотов в жизни народа на формирование его исторической памяти.

Для рассмотрения этих проблем автор использовал материалы обширных полевых исследований в России (в том числе собственных), США, Германии, Франции, прессу, архивные документы.

Привлеченные в диссертации источники позволили определить некоторые закономерности развития народов в XX в., в условиях советского режима. И в этом отношении работа Э.-Б.М. Гучиновой имеет ценность далеко не только для калмыковедения, но и для исследования этнической истории народов, а также государственной политики в так называемом национальном вопросе.

Поставленная автором задача — разобрать проблему с точки зрения историко-культурного анализа (диссертация, с. 6) — позволили взглянуть на нее с новых и порой неожиданных позиций. Например, в исторических исследованиях депортации калмыков до сих пор не практиковалась категория «коллективной вины», прививавшейся руководством страны к репрессированным народам; не находило отражения такое подчеркнуто этнографические объяснение репрессий, как символическое лишение народа мужского начала (с. 124); до Э.-Б.М. Гучиновой в литературе обращалось внимание на проявления типично колониалистского отношения к жертвам репрессий как к «дикарям», на умышленное (хотя и негласное) насаждение властями такого отношения среди обывателей «метрополии» (с. 127, 128).

Может быть, на использовании столь необычных ракурсов сказывается не только великолепная источниковая оснащенность диссертации и подготовка автора, но и принадлежность его к молодому поколению исследователей, для которого описываемые события уже не имеют столь личного, субъективного значения, как для старших коллег. Э.-Б.М. Гучинова постаралась уйти от уже ставшими традиционными сакрализации и драматизации событий, взглянуть на них как на чисто научную проблему. И ей в полной мере это удалось.

Среди многих вопросов, поднимаемых диссертантом, хотелось бы остановиться на том, как освещается отражение фатальных событий в памяти калмыков. Э.-Б.М. Гучинова формулирует это как «проблема травмы и памяти» (с. 7). Анализ показывает, как общие черты этого явления, характерные, возможно, в общеисторическом плане, так и специфические «калмыцкие» нюансы переживания народом памяти о трагедиях (прежде всего о депортации 1943 г.). Причем, этнологическая направленность исследования здесь соблюдается, поскольку автор увязывает данную тему с развитием этнического самосознания калмыков.

Выясняется удивительное обстоятельство: депортация — едва ли не самое заметное событие в жизни народа в XX в. — находится на «задворках» его исторической памяти. Конечно, здесь сказывается инерция советских времен, когда действовали цензурные запреты на обсуждение подобных сюжетов, и источниками информации служили лишь воспоминания очевидцев да западные «радиоголоса». Однако в отношении калмыков наблюдалось и действие «коллективного стыда», опасения в том, что большинство советских людей продолжает подозревать депортированных в измене Родине. Кроме того, своеобразно проявлялось укорененное в обыденном сознании буддийское отношение к судьбе, когда воспоминания о несчастьях могли увеличить количество зла в мире, повредить карме пострадавших и даже их потомков (с. 7, 167).

Известно, что сходные трагические обстоятельства выпали на долю нескольких народов бывшего СССР. В диссертации неоднократно сравнивается отношение к тяжелому прошлому у разных народов. Отмечается, что для калмыков память о коллаборационизме и депортации не просто не обсуждается

активно (в отличие, например, от мухаджирства у адыгов), но и не превратилась в «коренную парадигму», подобно памяти о геноциде у армян (с. 166); не привела к «двойному отрицанию» – т.е. негативной оценке, наряду с депортацией, и значительной части прожитой жизни, как это имеет место у чеченцев (с. 164); не стала символом истории народа в минувшем столетии, как Холокост для евреев.

Конечно, нельзя сказать, что в современных условиях острые моменты продолжают замалчиваться. Однако здесь вмешиваются соображения политической реальности и конъюнктуры. По наблюдениям Э.-Б.М. Гучиновой, центральные российские органы считают за лучшее рутинизировать проблему, сделать ее привычной настольно, чтобы она утратит интерес для общественности; местные же власти желали бы управлять «депортационным дискурсом», «чтобы не дать ему забыться и в то же время не допустить его чрезмерного развития, особенно появления новых лидеров, использующих энергию национальной обиды/травмы» (с. 156).

Надо сказать, что еще в советское время в качестве своего рода компенсации этой травмы начал формироваться набор идеальных, духовных символов истории и культуры калмыков. Прежде всего это великий эпос о Джангаре; затем – факт добровольного вступления калмыков в российское подданство; участие их в войне 1812 г. и в Великой Отечественной войне; позитивно воспринималось присутствие калмыков среди предков В.И. Ленина. В последние полтора десятилетия повышенное общественное внимание в Республике Калмыкия уделяется также более ранним историческим сюжетам: дороссийской истории ойратов, родовым и семейным генеалогиям, происхождению от кочевой аристократии («белой кости») и др.

Э.-Б.М. Гучинова сумела увидеть в этих разнообразных явлениях инициируемое сверху «изобретение традиции» в Калмыкии. Вместе с возрождением забытых видов состязаний, искусства джангарчи они формируют «неоэтничность» – с одной стороны, как реакцию на глобализационные процессы, с другой, как попытку восстановить этнокультурные утраты, преодолеть «этнический кризис» (с. 321–323, 355, 418). Во многом сходные процессы происходят у других народов и характерны в целом для постсоветской ситуации, когда вырабатываются новые формы идентичности, происходит возрождение исторических ценностей, которые замалчивались на протяжении десятилетий, – и все это на фоне объективного культурного нивелирования, вестернизации городской культуры, угасания традиционных форм жизни.

Таким образом, диссертант соотносит последствия исторических событий с современной социальной и политической ситуацией. В частности, предпринимается анализ современного мифотворчества, в том числе создания в массовом сознании образа героя-лидера. Э.-Б.М. Гучинова полагает, что такого рода мифологема «актуализируется в переломные, трудные для народа периоды, когда стихия массового сознания пытается найти опору и ориентиры в новых условиях исторического бытия, когда старые модели жизненного уклада уже не работают, а новые еще не народились, стремится объяснить возникшее положение и найти пути выхода из кризиса» (с. 389). В обстановке конкретно Калмыкии прообразами национального героя-лидера выступают исторические деятели прошлого: Чингисхан, Аюка и (что особенно интересно и характерно)

первый секретарь Калмыцкого обкома КПСС в 60–70-х гг. Басан Городовиков, а также, конечно, эпический хан Джангар (с. 390–393). При этом отметим интересную подробность: Чингисхан выступает как своего рода общемонгольский исторический символ, создатель древней славы и могущества монгольских народов, однако созданная им империя вовсе не фигурирует в массовом сознании в качестве процветающей страны – в отличие от Калмыцкого ханства периода расцвета при Аюке, Калмыцкой АССР в годы «застоя» при Городовикове или Бумбы – страны Джангара.

Автор аргументировано показывает, как идеальный конструкт героя-лидера проявился и воплотился в результатах выборов Президента Республики Калмыкия в 1993 г., когда на этот пост был избран человек, наиболее соответствовавший указанному архетипу (с. 394).

Понятия «неоэтничность» и «изобретение традиции», которыми оперирует Э.-Б.М. Гучинова, позволяют по-новому взглянуть на феномен идентичности калмыков как в России, так и в эмиграции. Заслуживает внимания любопытная градация понятия «родина». Как выясняется, в представлении современных калмыков можно выделить образы родины исторической (место рождения), символической (Калмыкия, Россия – характерно, главным образом, для эмигрантов) и мифологической (Джунгария, Монголия). Правда, диссертант выделяет еще и виртуальную родину – появившиеся в последние годы интернет-сайты (с. 196). Однако нам представляется, что данное явление все же лежит несколько в другой плоскости и не может быть поставлено в один ряд, например, с Россией или Джунгарией; сайты могут трактоваться скорее как точки соединения, консолидации представителей народа, рассеянных по планете, как своего рода «возвращение» – виртуальную компенсацию «исхода» из символической родины.

В связи с высоким статусом исторической Монголии и образа Чингисхана в общественном сознании, а также учитывая авторский тезис о доминирующей среди эмигрантов идентичности «калмыки суть монголы», хочется пожелать диссертанту в дальнейшем подробнее изучить это форму этнического самосознания. В рецензируемом труде ей посвящено лишь несколько кратких абзацев (с. 185, 196) – намного меньше, чем описанию американской и российской идентичности.

Выше упоминалось, что воспоминания и восприятие депортации калмыками сравниваются в диссертации с оценкой у других репрессированных народов, в том числе чеченцев и ингушей. Подобные сопоставления такого рода достаточно редки в тексте, но все же позволяют определить авторскую позицию. Э.-Б.М. Гучинова считает, что в отличие от калмыков, вайнахи избегали интеграции в советское общество, что проявлялось, в частности, в их принципиальном нежелании работать в местах ссылки (с. 132, 133). Горцы гораздо обостреннее отнеслись к факту несправедливой депортации, и у них, по мнению диссертанта, образовался настоящий «депортационный комплекс», который стал «источником эскалации конфликта и открытых военных действий» (очевидно, речь о событиях 1990-х гг.). Нам представляется такое объяснение кризиса на Северном Кавказе односторонним. Э.-Б.М. Гучинова сама называет гораздо более существенные и глубокие причины исконного недовольства чеченцев российской властью. На таком отношении сказывалась идеология воинствующего ислама (калмыки же следовали традиционно непротивленческой

этике плюс отражалось искоренение буддизма в ходе довоенных атеистических кампаний); убежденность в том, что Чечня была в XIX в. русскими завоевана (а калмыки присоединились добровольно и всегда помнили об этом); больший, по сравнению с калмыками, материальный ущерб от депортации; меньшая, по сравнению с калмыками, представленность в местных органах власти после восстановления своей автономной республики (с. 168–170). И хотя это совсем не относится к теме диссертации, но, коль скоро автор заводит речь о причинах кризиса, то следовало бы назвать и непродуманную политику Центра, и фактор «нефтяной трубы», и действия зарубежных исламских радикалов и др.

Хотелось бы высказать пожелание и в отношении социологического анализа. Среди новых исторических ценностей калмыков автор называет интерес к знатному происхождению, к родственной связи с традиционной элитой — ханами, нойонами и зай-сангами (с. 317). Однако данный феномен, очень распространенный в постсоветском массовом сознании, только упоминается в диссертации и практически не исследуется. А когда автор переходит к характеристике современного калмыцкого общества, то наоборот, внимание сосредотачивает исключительно на элите (по большей части финансово-экономической), без рассмотрения положения других общественных страт. Это вызывает сожаление, т.к. исследование бизнес-элиты проделано Э.-Б.М. Гучиновой в высшей степени интересно и профессионально, а процесс модернизации, рассматриваемый на примере бизнесменов, охватывает все слои населения.

Высказанные замечания имеют характер пожеланий и ни в коей мере не умаляют положительного впечатления от рецензируемой диссертации. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. Э.-Б.М. Гучиновой удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2004]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации
К.Ф. Дзамихова «Адыги в политике России на Кавказе
(1550-е — начало 1770-х гг.)»***

Диссертационное исследование К.Ф. Дзамихова посвящено важнейшему периоду в истории адыгских народов. В XVI—XVIII вв. они являлись активными участниками международных отношений на Кавказе, в Причерноморье и в целом в Восточной Европе. Находясь в непосредственной близости от обширных и сильных держав (Османская империя, Иран, Россия), контактируя с государственными образованиями региона (Крымское ханство, Большая и Малая Ногайские Орды, шамхальство, Грузия), адыги вступали со всеми ними в активное политическое и культурное взаимодействие. Историческим итогом этого взаимодействия стало постепенное вхождение адыгских народов в состав Российского государства.

Характеристика указанного процесса, осмысление связанного с ним понятийного аппарата, политической и научной терминологии составляют одно из несомненных достоинств работы. Автор анализирует содержание и значение

русско-кабардинских соглашений, опровергая традиционную точку зрения на присоединение Кабарды к России в середине XVI в. Очевидно, следует согласиться с его трактовкой отношений сторон как военно-политического союза. Наши предшественники, историки предыдущих поколений, оказались в терминологической ловушке, приняв шертные договоры за оформление подданства. На самом же деле Россия и Кабарда были фактически равноправными участниками союза, но номинально статус адыгских князей был несопоставим с рангом московского государя, что и отразилось на соответствующей терминологии шертей; кабардинцы в XVI в. признавали объективное старшинство царя над собой в иерархии монархов, но пока вовсе не собирались становиться его действительными подданными.

В качестве доказательства суверенности Кабарды диссертант приводит включение отношений с ней в компетенцию российского внешнеполитического ведомства (Посольского приказа), а также дипломатический протокол в отношениях с Кабардой как с независимой страной. Это абсолютно верные, но недостаточные положения. Можно было бы использовать и другие критерии, разработанные в науке (А.А. Преображенским, Б.-А.Б. Кочекаевым, В.В. Трепавловым и др.): Кабарда не была обложена государевым тяглом (налогами) или ясаком; на нее не распространялось российское законодательство; она не входила в территориально-административную систему Московского царства; и т.д.

Насколько можно судить по автореферату, К.Ф. Дзамихов полагает, что соглашение 1557 г. являлось «договором о покровительстве». Однако по известным мне материалам не заметно каких-либо следов подобного покровительства царя в то время. Кабардинские правители оставались абсолютно свободными в своих политических действиях, что полностью соответствовало положению союзников России, не зависящих от нее политически. Впечатление же о «покровительстве» складывается из обычных средневековых формулировок договора «старшего» государя с «младшими» — безотносительно к степени их реальной зависимости от него.

Некоторые признаки включения в сферу влияния (но не подданства!) России просматриваются с 1580-х гг. Обязательства «службы» царю, гарантии его защиты шертовавших князей, некоторые ограничения кабардинской стороны во внешнеполитических контактах позволяют усматривать признаки покровительства (протектората).

Очевидно, автору и его читателям было бы легче ориентироваться в этом меняющемся статусе адыгов по отношению к России и другим державам, если в тексте работы такие изменения были бы представлены компактно в виде хроники или таблицы.

К.Ф. Дзамихов предлагает новые трактовки и для многих других событий и явлений XVI—XVIII вв. В частности, это успешная попытка комбинации формационного и цивилизационного подходов в анализе российской политики в регионе; исследована роль адыгов в налаживании связей России с другими кавказскими народами; монографически изучены обстоятельства выезда князей Черкасских в Россию и их карьеры на новой Родине; и др.

Вместе с тем представляется, что иногда автору не удается избежать стереотипов, историографических штампов. Например, в тексте автореферата неоднократно встречаются утверждения об османско-крымской агрессии на

Кавказе и в Восточной Европе – при отсутствии анализа мотивов и принципов политики Стамбула и Бахчисарая в регионе. Стремление мусульманских держав расширить сферы своего влияния преподносится в однозначно негативном ключе, в то время как точно такие же устремления России не подвергаются авторской оценке. Российское государство в интерпретации диссертанта предстает как позитивная сила для адыгов, их союзник и покровитель; однако с конца XVIII в. этот светлый образ уступает место «колониальной политике» загадочного «царизма» (кажется, до сих пор никто не объяснил, что такое «царизм»). При этом автор, судя по формулировкам в автореферате, не видит ничего захватнического и агрессивного в оккупации и уничтожении русскими воеводами Астраханского ханства и даже ставит адыгам в заслугу невольную помощь при его завоевании (с. 41: «...адыгские отряды... взяли... крепости Тамань и Темрюк. Это благоприятствовало операциям русских вооруженных сил (почему же здесь не «царизма»?! – *В. Т.*) по овладению Астраханью...»).

Политика Порты и Крыма нуждается в дополнительном изучении. Однако еще до внимательного анализа представляется очевидным, что Северный Кавказ и Восточная Европа занимали третьестепенное место в османских геополитических планах XVI–XVII вв. Главными противниками турок были тогда Сефевиды и Габсбурги, а на морях португальцы. Поэтому не стоит, наверное, повторять по инерции тезисы о турецко-крымской агрессии, захватнических планах султанов и т.п. Эпизод же с крымско-турецким походом на Астрахань 1569 г. в целом не характерен для стамбульской политики в этой части Европы.

Указанные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы К.Ф. Дзамихова. Как и в любом исследовании по кавказскому средневековью, некоторые положения неизбежно имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Судя по автореферату, диссертанту удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно безусловно займет достойное место в российском кавказоведении.

[2002]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию С.Н. Жемухова
«Взаимоотношения Кабарды с Россией в начале XIX века»***

Диссертация С.Н. Жемухова посвящена одному из тех вопросов, которые исследуются в исторической науке давно, но в наше время подвергаются радикальному пересмотру. Переосмысливаются в том числе темы, уже логично и полно, казалось бы, изложенные в историографии, описанные во множестве научных работ. Это относится и к истории национальных регионов, особенно к трактовке вхождения их в состав Российского государства. Здесь сказываются как новые идеологические условия существования гуманитарных наук в нашей стране (отсутствие монополии «единственно верного» учения), так и развитие научных школ в российских республиках, вступление в науку нового поколения историков, пытающегося освободиться от идеологизированных штампов советской эпохи. Работа С.Н. Жемухова в полной мере несет отпечаток этих новых явлений.

Вхождение Кабарды в состав России заняло несколько столетий. Осмысление этого процесса тоже имело несколько этапов. На протяжении длительного времени в науке господствовала концепция добровольного вхождения — с разнообразными датировками, от середины XVI в. до второй половины XVIII в. В последнее время кабардинские историки подвергают сомнению данное толкование событий и предлагают новую интерпретацию: присоединение Кабарды к России было завершено к концу первой четверти XIX в., причем в форме «покорения», т.е. военно-колониальной экспансии. С.Н. Жемухов провел свое исследование в русле, главным образом, последнего из названных подходов.

Предметом изучения в диссертации являются кабардино-российские отношения начала XIX в. и особенно их обострение в 1810 г. (трагуемое автором как военно-политический конфликт). Историографическая новизна работы состоит в детальном анализе внешнеполитической обстановки вокруг Кабарды; политики различных аристократических группировок, их роли внутри Кабарды и в отношениях с соседними державами; основополагающих документов по истории кабардино-российских отношений 1811 и 1812 гг.

Несомненным достоинством диссертации является представление Кабарды как самостоятельного субъекта международных отношений. В этом сочинении С.Н. Жемухова отличается от большинства исследований, в которых Кабарда предстает лишь в качестве орудия окрестных государств, без собственного политического веса и собственных интересов. Своеобразная инерция имперской историографии долго мешала историкам увидеть в народах и государствах, поглощенных Россией, равноправных участников исторического процесса. Такой односторонний подход можно встретить и в некоторых современных исследованиях. Диссертация С.Н. Жемухова принадлежит к числу тех работ, которые помогают разрушить данный ложный стереотип, и в этом также заключается ее значимость для науки.

Исследование выполнено на достаточной источниковой базе и с привлечением основной литературы по теме. Материал изложен доказательно и логично, с максимальным привлечением доступных автору документов XVIII–XIX вв. Сначала разбираются причины и факторы, определившие характер кабардино-российских отношений в начале XIX в.; затем прослеживаются ход военных действий 1810–1812 гг. и последующее мирное урегулирование; заключительная глава представляет собой источниковедческий очерк, посвященный главным актам, которые определили взаимоотношения между Кабардой и Россией.

На протяжении всей диссертации С.Н. Жемухов проводит мысль о собственной, самостоятельной политической линии Кабарды по отношению к соседним государствам. Даже выбор державы-протектора (между Россией, Ираном и Турцией) диктовался в большой степени не только интересами этих государств, но и устремлениями кабардинских князей, равно как и их дипломатическим искусством. При этом пророссийская ориентация убедительно обосновывается диссертантом как следствие давних (с XVI в.) политических связей Кабарды с северным соседом. Ценным вкладом автора в кавказоведение следует признать также увязку политики России на Кавказе с ее международным положением, в частности с успехами и неудачами империи в Европе.

Многие из высказанных в диссертации положений выносятся на суд научной аудитории впервые и могут быть со временем уточнены или опровергнуты. Од-

нако на сегодняшний день сочинение С. Н. Жемухова является единственным монографическим исследованием данной темы, поэтому с большинством его выводов следует согласиться. Некоторые утверждения автора вызывают возражения, но в данном отзыве ограничимся несколькими частными замечаниями.

1. Представляется некорректной дефиниция Кабарды (вслед за современным кабардинским историком В. Х. Кажаровым) как «сословно-представительной монархии в форме федеративной княжеской республики» (с. 10), поскольку республиканская и монархическая формы государственной организации противоположны по определению и не могут сосуществовать в одном государстве. При этом оставляем без обсуждения принципиальный вопрос, в какой степени Кабарда являла собой именно государство, т. е. заявляли ли когда-нибудь о ней в таком качестве сами кабардинцы, и признавалась ли она как самостоятельное государство соседями.

2. Вопреки заголовку § 3 главы IV, автор не проводит текстологического анализа публикуемых источников, предполагающего поиск и описание протографов, черновиков, вариантов и редакций документа, сопоставление с аналогичными документами и т. п. Краткое введение к публикации и лаконичный исторический комментарий не имеют отношения к текстологии.

3. Хотелось бы посоветовать автору усилить аргументацию относительно трактовки императорской грамоты 1812 г. как мирного договора. В дипломатии того времени жанр межгосударственного договора уже устоялся, и Российская империя многократно заключала подобные пакты с различными странами. Грамота Александра I не имеет ничего общего с ними ни юридически, ни фактически (по содержанию). Здесь вновь возникает необходимость настоящего текстологического и в целом источниковедческого анализа этого документа.

4. Если диссертант убедил себя в существовании кабардино-русского военного конфликта на протяжении 1810–1812 гг., то в отношении продолжительности последующего мирного периода у него, очевидно, нет столь же ясной позиции. На с. 164 утверждается, будто царская грамота 1812 г. «обусловила мирный период кабардино-русских взаимоотношений с 1812 по 1818 гг.», а на с. 172 написано, что «кабардино-русские взаимоотношения... развивались в сторону мира» в 1812–1821 гг.

Указанные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации С. Н. Жемухова. Она представляет собой оригинальное, интересное, аргументированное и квалифицированное исследование.

[2004]

Отзыв на докторскую диссертацию И. В. Зайцева «Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: рукописи, тексты и их источники»

Диссертационное исследование И. В. Зайцева представляет собой результат многолетнего изучения рукописных памятников, отразивших историю и культуру Крымского ханства. Внимание к этому исчезнувшему государству традиционно для российской исторической науки. Причина такого интереса кроется в той важной роли, которую играл Крым в политическом развитии Евразии

и Восточной Европы XV–XVIII вв. Именно в России появились наиболее фундаментальные труды, посвященные Крымскому юрту; важнейшим из них и до сих пор непревзойденным является двухтомная монография В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты». Диссертант отмечает зарождение крымоведческих штудий также в Западной Европе XIX в. и в современной Украине, но полагаю, что по объему привлеченных источников и диапазону тематики исследований с русской исторической школой может сравниться разве что польская. Таким образом, рецензируемая диссертация продолжает давнюю отечественную историографическую традицию.

И.В. Зайцеву после ознакомления с множеством манускриптов в собраниях разных стран удалось выстроить огромный массив полученной информации в стройную систему, наметить особенности и закономерности развития крымско-татарской историографии. На этом поприще исследователь столкнулся со значительными трудностями. Основное книгохранилище Крыма – библиотека Гиреев сгорела во время занятия Бахчисарая фельдмаршалом Б. Минихом в 1736 г. Уцелевшие или находившиеся вне ханской «кютюпхане» рукописи оказались разбросанными по семейным архивам и по хранилищам от Парижа до Тегерана.

Один из главных тезисов, который обосновывает и иллюстрирует диссертант, – это соединение в крымской исторической литературе золотоордынских и османских традиций. Сформировавшись на развалинах Золотой Орды, Крымский юрт воспринял от этой великой средневековой державы немалую долю культурного наследия. Правда, я не склонен, в отличие от И.В. Зайцева, считать золотоордынскую культуру «степной». Конечно, Крым обрел самостоятельность в то время, когда Орда угасала и в ней все больше преобладал кочевой/«степной» цивилизационный компонент (первая половина XV в.). Однако профессиональное литературное творчество, в том числе историография, развивалось не в кочевой степи, а прежде всего в городах, в среде мусульманских интеллектуалов, чиновников, аристократов. Впрочем, от Золотой Орды осталось слишком мало текстов, чтобы определенно судить о характере ее письменной культуры и литературы. Тем не менее я не рискнул бы, подобно И.В. Зайцеву, однозначно приписывать золотоордынское происхождение таким жанрам, как дестан и шеджере. Уже само происхождение данных понятий (первое персидское, второе арабское) свидетельствует об их более широком распространении, чем Улус Джучи, и о зарождении их за его пределами (ср., например, тюркский дестан «Огуз-наме»).

Исследование И.В. Зайцева чрезвычайно интересно для историков еще и тем, что в нем показана уникальная судьба письменной культуры единственного из татарских ханств, в котором можно проследить этот процесс на протяжении столетий. Как известно, прочие юрты-преемники Золотой Орды – Казань, Астрахань, Сибирь – сошли с исторической арены, не оставив заметного литературного наследия. (О том, что литература и историография там, несомненно, существовали, свидетельствуют изыскания в том числе и И.В. Зайцева.) Крымско-татарская же историографическая традиция прослеживается непрерывно вплоть до начала XX в. Впрочем, как указывает диссертант, изложение событий прошлого было не самым распространенным жанром в Крыму. Преобладали арабоязычные труды по грамматике и мусульманскому

правоведению (фикх), а также арабские и персидские словари и поэтические сочинения (по данным И. В. Зайцева, примерно с 1520-х гг. самым распространенным языком книжности в Крыму становится арабский).

Основную часть диссертации занимает источниковедческая характеристика крупных произведений крымской и крымско-османской историографии. Представляется, что анализ проведен автором с надлежащей полнотой и тщательностью — в отношении списков, редакций, текстуального оформления рукописей и т.д. «Вершиной крымской средневековой исторической прозы» диссертант считает «Ас-саб ас-сийар» Саид-Мухаммеда Ризы. Возражать здесь трудно, однако все же у меня гораздо больший интерес как у историка и оппонента вызвал анализ в диссертации сочинения Реммала-ходжи «Тарих-и Сахиб-Гирай-хан» — источника, давно и хорошо известного исследователям. Любопытно было узнать о выявленных И. В. Зайцевым соответствиях текста хроники археологическим артефактам. В свое время В. Д. Смирнов перевел «Историю Сахиб-Гирея» на русский язык, но текст остался неизданным и погребенным в Архиве востоковедов в Петербурге. Тюркологи и специалисты по истории Восточной Европы были бы благодарны И. В. Зайцеву, если бы он взял на себя труд по публикации этого несомненно квалифицированного перевода.

По ходу источниковедческой характеристики памятников диссертант рассматривает немало частных вопросов, которые вытекают из этой характеристики, но относятся к области политической, этнической и проч. истории. Рассматриваются, например, такие сюжеты, как взаимное отношение турок и крымцев, отношение татар к статусу халифа и институту османского халифата, содержание хутбы в Крымском ханстве, символическое оформление крымского вассалитета (вручение султаном инсигний). Немало места отведено дискуссии о том, существовал ли письменный договор о вассалитете между Крымом и Портой. Насколько можно понять из диссертации, автор склонен отвечать на этот вопрос положительно, хотя все аргументы являются косвенными, и текст соответствующего документа не обнаружен. Все же представляется, что соглашение ахд ва шарт (союз и клятва), упоминаемое в письме Менгли-Гирея 1475 г., не подразумевало обязательной письменной фиксации, но требовало церемониального обновления при воцарении нового султана или назначении нового хана.

При этом мне кажется, что два сочинения выбиваются из общего ряда и не вполне заслуживают рассмотрения в общем ряду исторических трудов. Во-первых, это книга османского хрониста Абдуллы б. Ризвана «Теварих-и Дешт-и Кипчак», который едва ли можно отнести к корпусу крымской историографии. Описание турком крымских событий само по себе не позволяет его считать крымским историком (так же, как С. Герберштейн не причисляется к корпусу русской историографии). Во-вторых, сочинение Ибрахима Кефеви «Теварих-и татар хан...», убедительно в общем трактуемое И. В. Зайцевым как компиляция, созданная 1920-х гг. Попутно замечу, что при интерпретации сведений Кефеви о Московской Руси И. В. Зайцев верно заметил смешение великих князей московских Василия II Темного и Ивана III в образе Ивана Васильевича Слепого, но затруднился с идентификацией его сына Ва-силия Гаврила («что за эпитет Гаврил, мне неизвестно»). Между тем Гавриил — это второе имя Василия III, что, вероятно, указывает, на русский источник сведений Кефеви.

Несколько раз в диссертации поднимается тема связей крымской историографической традиции с традициями тюркских народов и владений на территории бывшей Золотой Орды. Так, цитируется приведенное у Клапрота описание Дешт-и Кипчака – косноязычное, с искаженными именами и названиями. Это явный вариант широко распространенного в Поволжье и на Урале «Повествования о местопребываниях и владениях» («Фасл фи баяну-л-маджалис ва-л-макал»). Разновидности этого текста фиксируются в хрониках Кадыр Али-бека, «Дафтар-и Чингиз-наме», башкирских шеджере, других памятниках и представляют собой несомненное порождение восточной («узбекской») историографической традиции.

И.В. Зайцев справедливо отмечает заимствования из крымских хроник у великого татарского мыслителя и историка Шихабутдина Марджани, в его «Мустафад ал-ахбар». Добавлю, что в шеститомном арабоязычном компендиуме Марджани «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф», в частности, в главках о крымских ханах Мухаммед-Гирее I и Сахиб-Гирее также явно просматриваются сведения из трудов Саид-Мухаммеда Ризы и Халим-Гирея.

В целом можно отметить, что рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. И.В. Зайцеву удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно, безусловно, займет заметное место в историографии.

[2011]

Отзыв на автореферат докторской диссертации В.Ю. Зорина «Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ»

Докторская диссертация является результатом многолетней научной, законодательной и административной деятельности В.Ю. Зорина, представляет собой итог его концептуальных изысканий и практической работы в чрезвычайно острой и актуальной для нашей страны сфере – регулировании межэтнических отношений. Автореферат, отражающий основные положения и выводы диссертации, в полной мере демонстрирует сложность исследуемых автором проблем и глубину авторского анализа. Само по себе исследование, выносимое на защиту, венчает серию монографических трудов В.Ю. Зорина.

Как историк, полностью разделяю исходную посылку автора о том, что «современные процессы в сфере межнациональных отношений имеют глубокие исторические и социально-политические корни» (автореф., с. 4). Диссертант обоснованно выводит многие закономерности «национального вопроса» советского периода из имперской истории начала XX в. Но идейные установки и противоречия той эпохи, в свою очередь, вызревали в предыдущие столетия, и полный анализ российской истории межэтнических отношений должен учитывать также времена Московского царства и Российской империи XVIII–XIX вв. Полагаю, однако, что политологическое исследование действительно правомерно ограничить XX в.

Также абсолютно согласен с мыслью диссертанта о природе советского народа как сформировавшейся в XX столетии «полиэтнической общности со своей четко выраженной социокультурной спецификой, идеологией, ментальностью, стереотипами поведения, ценностями и критериями духовной жизни», с концепцией интернационализма как «реальным и важным фактором повседневной жизни» общества (с. 35). Очевидно, данное положение должно учитываться при научном изучении постсоветского пространства в первую очередь, поскольку позволяет определить точки соприкосновения народов бывших союзных республик — как в политике, так и в повседневной жизни.

В.Ю. Зорин является одним из разработчиков Концепции государственной национальной политики РФ. Отсюда понятно его стремление к совершенствованию и обновлению данного документа. В диссертации и автореферате содержатся принципиальные предложения в этом направлении. В частности, автор предлагает заменить понятие «национальная политика» (в привычном смысле) термином «этнокультурная политика» (с. 47), что выглядит вполне оправданным. В работе также содержатся предложения по практическому регулированию межэтнических отношений и этнокультурного развития народов. Большой жизненный и управленческий опыт диссертанта позволил ему наметить адекватные способы решения этих сложных вопросов в нашей стране.

Считаю, что в автореферате изложены итоги фундаментального и оригинального исследования, и его автор, В.Ю. Зорин, заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук.

[2003]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации А.С. Зуева
«Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России:
военно-политический аспект. Вторая половина XVII—XVIII вв.»***

Диссертация А.С. Зуева посвящена одной из наиболее принципиальных проблем отечественной истории — процессу формирования полиэтнического населения России. В данном исследовании ставятся и решаются вопросы методологии изучения, источниковедения, реконструкции событий относительно присоединения к России регионов, где проживают коряки и чукчи. Эта тема сама по себе неплохо освещена в историографии, однако в отношении ряда концептуальных аспектов еще остается немало неясностей.

Диссертант констатирует неразработанность научных критериев присоединения народов и территорий, интуитивность определений, когда и при каких обстоятельствах данный регион становится частью единого государства (с. 3 автореферата). В результате анализа обширных материалов по Северо-Восточной Сибири XVII—XVIII вв. А.С. Зуев предлагает следующий набор признаков присоединения: наличие акта о приеме в подданство; закрепление русских на новых землях посредством строительства поселений и включения новых территорий в общегосударственную административную структуру; ненасильственное и стабильное взимание ясака (с. 44).

Надо сказать, что процесс российской экспансии в разных местностях Евразии имел сходные черты, и исследователи приходили к сходным выводам, фор-

мулировали приблизительно такие же признаки присоединения (например, Б.-А.Б. Кочекаев, А.А. Преображенский, В.В. Трепавлов и др.). В целом перечень, предлагаемый А.С. Зуевым, адекватно отражает эти закономерности. — Может быть за исключением первого пункта. Шерти и присяги приносились и нарушались многократно, и едва ли можно видеть в них полноценный критерий присоединения. (Так, невозможно признавать присоединение Кавказа к России в XVII столетии, основываясь на неоднократных шертных заверениях о «вечном холопстве» со стороны дагестанских и грузинских правителей.)

Здесь существует проблема разного понимания как института присяги, так и самой сущности государства и гос. подданства, с одной стороны, русскими политиками и управленцами, с другой, — их партнерами, «иноземцами» и «иноверцами». Диссертант неоднократно указывает на эту коллизию, и при этом видит в объективных противоречиях пришельцев и аборигенов многоуровневый конфликт. Предлагаемая схема такого конфликта, его проявления (культурно-психологические, социально-политические и др. — см. с. 37–40) представляется мне чрезвычайно ценной методологической разработкой, которая может быть применена не только к анализу присоединения Чукотки, но и в гораздо более обширном — общероссийском контексте.

Целиком присоединяюсь к предложению автора спокойно и объективно разобратся в правомерности уподобления России колониальным империям (с. 46). Априорные утверждения такого рода, характерные для зарубежной историографии, основываются, как правило, на внешнем сходстве с завоеванием заморских владений европейскими колонизаторами. Очевидно, диссертант, склоняется к этому мнению, называя конфликт русских с чукчами и коряками колониальной войной (с. 44). Полагаю, что черты колониальной экспансии и эксплуатации в Сибири присутствовали, но чтобы определить, являлась ли Сибирь (или отдельно Чукотка и Камчатка) колонией, требуется долгая дискуссия, которая выходит за рамки проблематики рецензируемого исследования.

Считаю, что диссертация А.С. Зуева представляет собой по-настоящему новое слово не только в сибиреведении, но и в целом в изучении закономерностей формирования Российского многонационального государства.

[2005]

***Отзыв на докторскую диссертацию Ф.Г. Ислаева
«Религиозная политика Российского государства и ее реализация
в Волго-Уральском регионе (XVIII в.)»***

Ф.Г. Ислаев посвятил свое диссертационное исследование эпохе, которая стала переломной в российской истории. Организация отношений государственной власти с неправославными конфессиями является одной из сложных проблем российской внутренней политики в течение последних столетий. Поэтому соотношение предмета изучения с политическими и идеологическими проблемами современности, актуальность изучения религиозной политики как исторического урока и опыта делает рецензируемую работу значимой не только в научном, но и в политическом отношении. Это тем более существенно для сегодняшней России, которая переживает очередной период реформ, и в ко-

торой, по справедливому замечанию автора, «общий уровень толерантности значительно ниже, чем в странах развитой демократии» (стр. 5 диссертации).

Среди оснований актуальности своей диссертационной темы Ф.Г. Ислаев называет поликонфессиональность России. В принципе соглашаясь с этим, все же отметим, что поликонфессиональность не должна абсолютизироваться и пониматься буквально. Разумеется, в современной Российской Федерации проживают носители разнообразных культур и религий. Однако на самом деле в основной своей массе российское общество остается атеистическим, и активность религиозных организаций, как и внимание к ним со стороны средств массовой информации, не должны заслонять от ученых этот объективный факт.

Ф.Г. Ислаев поставил задачу впервые в историографии осуществить комплексный анализ религиозной политики Российского государства в Волго-Уральском регионе в период от Петра I до Екатерины II. Диссертация написана на основе многочисленных источников, в том числе архивных. Также использована многочисленная литература, которая в силу известных обстоятельств создавалась главным образом в период до 1917 г.

Интерес к правительственной религиозной политике в Поволжье в последнее время привлекает публицистов и активистов различного рода общественных организаций. Нередко эта политика преподносится как беспощадная и насильственная борьба православия (и стоявшего за ним мощного государства) с исламом. Исследование Ф.Г. Ислаева показывает, что политика властей по отношению к инославным конфессиям действительно имела задачу максимально внедрить православие в среду мусульманского и языческого населения, но при этом она в разное время оказывалась не одинаковой, сочетала методы насилия, убеждения, предоставления льгот.

Диссертант подробно рассматривает особенности статуса новокрещенных — целого слоя бывшего иноверческого, в основном сельского населения, который появился в результате христианизации. В целом можно сказать, что новокрещенные — это результат продуманной и в общем ненасильственной многолетней деятельности светских и церковных властей. Государство шло на предоставление тем, кто перешел в православие, значительных льгот и привилегий (недостижимых для русских православных крестьян). Освобождение от рекрутских наборов, от сметной казни за преступления, от ответственности за утайку «душ» при ревизиях, щедрое денежное вознаграждение оказывались значительным стимулом для перехода мусульман и язычников в православие (стр. 98, 99, 136, 137, 154, 165, 166). Ф.Г. Ислаев справедливо, на наш взгляд, констатирует, что для целей христианизации были в полной мере мобилизованы возможности законодательного механизма (стр. 141).

При этом нельзя не отметить, что мощь имперского законодательства использовалась и для насильственных мер борьбы против инославных конфессий: автор излагает ход кампании по разрушению мечетей в соответствии с сенатскими указами первой половины 1740-х гг. Ф.Г. Ислаев уточняет цифру закрытых культовых зданий — 545, из которых 536 пришлось на Казанскую губернию (стр. 146–148). В этой связи хотелось бы отметить очень интересный, ярко написанный очерк о борьбе татар за сохранение мечетей.

Естественное недовольство жителей региона, на которых была направлены эти меры, выливалось в различные формы протеста. Характерно, что не-

довольство вызывала не только христианизация сама по себе, но и политика предоставления льгот, в результате которой повинности, снятые с новокрещеных, перекладывались на тех, кто сохранял верность религии предков. Немало конфликтов породили и мероприятия по переселению новокрещеных. Таким образом, в данном случае, как это обычно бывает в истории, переплетались социальные и духовные основания для возмущения. Апогеем такого возмущения стало восстание под предводительством Батырши, которому Ф.Г. Ислаев посвящает отдельный параграф главы 4.

Религиозная политика в Волго-Уральском регионе прошла, по мнению диссертанта, несколько этапов, из которых особое внимание уделяется периоду массовой христианизации, развернувшейся в 1740–50-х гг., а также повороту в отношении к инославным конфессиям (веротерпимости) при Екатерине II. Данная периодизация убедительно обоснована обширным фактическим материалом и иллюстрирует общие изменения во внутренней политике при разных царствованиях.

В целом сведения, собранные автором, изложены и выстроены в тексте таким образом, что создают логичную и аргументированную схему развития межконфессиональных отношений в изучаемом регионе в течение столетия.

Вместе с тем хотелось бы, чтобы исследование было больше привязано к историческому контексту. Ведь организация взаимоотношений между разными религиями — при всей настойчивости Русской православной церкви — вовсе не являлась самоцелью российской правящей элиты. Распространение православия было подчинено более общим и глобальным задачам. О некоторых из них диссертант иногда упоминает. Так, абсолютно верно, на наш взгляд, отмечена связь распространения христианства с геополитическими потребностями империи: «Внутренние и внешние условия, перспективы освоения Урала и Сибири, планы дальнейшего продвижения России на восток и в южном направлении настоятельно требовали интеграции покоренных народов Волго-Уральского региона в духовное пространство России» (стр. 108; это сказано о 1720–30-х гг., но, очевидно, верно и для более раннего и более позднего периодов).

Однако анализа данной проблемы применительно ко всей изучаемой эпохе в работе все же нет. Например, при описании причин соответствующих мероприятий Петра I указано лишь на настойчивость церковных иерархов и нелюбимое мнение европейских интеллектуалов о наличии нехристианского населения как показателе отсталости России (стр. 74–82). Полагаем, что церковно-религиозная политика первого императора, как и все его преобразования, были направлены в первую очередь на укрепление могущества государства с главной целью победить в Северной войне. Именно для мобилизации ресурсов, а вовсе не из-за христианского рвения, им были введены дополнительные налоги за право мусульман и язычников отправлять свои культы, обложено податью исламское духовенство.

В определенном смысле социальные петровские реформы тоже являлись формой борьбы России за одоление Швеции и за обретение места в ряду европейских держав. Ф.Г. Ислаев детально описывает попытки петровского правительства обратить служилых татар (в том числе мурз) в православие — и вновь не показывает социально-политических истоков подобных мер. Стратегической целью их диссертант называет христианизацию нерусских народов (стр.

10). Позволим себе не согласиться: стратегическая цель заключалась в строительстве могущественной империи, способной занять место рядом с ведущими державами того времени. Выстраивание общества по сословному принципу, оформление единообразных страт дворянства, крестьянства, мещанства также отвечало насущной цели модернизации государства и общества.

В работе цитируется, но не обсуждается тезис казанского историка И.А. Гилязова, к которому мы полностью присоединяемся: указы Петра — это удар по былому привилегированному положению служилых татар (стр. 91), т.е. одно из средств ломки старомосковской общественной структуры, в том числе элитных слоев. Это была составляющая часть именно государственной, чисто светской политики, и автор сам отмечает активное вмешательство светской власти в дела христианизации при Петре I (стр. 104).

Известно, что быстрого крещения служилых татар добиться не удалось. Ф.Г. Ислаев считает, будто «власть решила упорствующим мурз и служилым татар использовать на строительство... Санкт-Петербурга». Для этого по сенатскому указу в 1715 г. «предстояло выслать с четырех дворов одного человека из числа некрещеных мурз и служилых татар» (стр. 90–91). Следовательно, направление на строительство представлено здесь как репрессивная мера. На самом же деле именно в это время Петр решает превратить Петербург из военной крепости в столицу государства, и для ее строительства на губернии была наложена очередная разверстка по поставке рабочей силы. Казанская губерния тоже была охвачена этой кампанией (см.: Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1957). Кстати, подобный принцип разверстки для возведения городов и укреплений практиковался в Русском государстве с XVI в. При этом основной рабочей силой при строительстве Петербурга все-таки служили русские православные крестьяне.

Гораздо более обширное обоснование Ф.Г. Ислаев дает для екатерининской политики в отношении ислама (стр. 247, 248, 309 и др.). Мы полностью разделяем его трактовку истоков тогдашней веротерпимости. Во-первых, правительство испытывало неудовлетворенность результатами политики массовой христианизации середины столетия: с одной стороны в православную веру удалось обратить десятки тысяч жителей Поволжья (в большинстве своем язычников); но с другой — крещеные мусульмане зачастую сохраняли прежнюю религиозную идентичность, поскольку переходили в лоно русской церкви не из-за смены мировоззрения, а в расчете на льготы и послабления новокрещенцам; здесь использовался принцип «сокрытия веры» (ат-такийя).

Во-вторых, грозным предупреждением для властей стало широкое протестное движение иноверческого, прежде всего мусульманского населения.

В-третьих, существовала необходимость поддержания образа монарха как покровителя всех подданных (с. 309 и др.). Этот образ насаждался еще при первых царях-Романовых, но тогда на первом месте стоял культ именно православного государя, который великодушно терпит подданных-иноверцев. В XVIII в. религиозная составляющая имиджа царя отошла на второй план.

Здесь следовало бы добавить воздействие концепции абсолютизма. Диссертант упоминает «просвещенный абсолютизм», но делает упор на компоненте «просвещенный» как основании для толерантности к инаковерию. Но сам по себе абсолютистский строй предполагал функционирование высшей власти

как арбитра для всех социальных слоев и групп населения, а это требовало хотя бы минимального уравнивания подданных в правах перед престолом. Вероятно, это также служило стимулом смягчения религиозной политики в последней трети XVIII в.

Хотелось бы большего внимания и к внешнеполитическому аспекту, изредка вскользь упоминаемому в диссертации. Перспектива и затем ведение тяжелых войн с Турцией неизбежно заставляла правительство задумываться о потенциальной исламской «пятой колонне» в тылу, о необходимости обеспечить лояльность подданных-мусульман.

Все эти размышления вызваны сложностью проблем, которые поднимаются в рецензируемом труде. Они не умаляют несомненного вклада диссертанта в изучение религиозной политики в Волго-Уральском регионе XVIII столетия и не имеют целью подвергнуть сомнению доброкачественность представленной работы. Диссертация Ф.Г. Ислаева является оригинальным, интересным, самостоятельным исследованием. Его результаты отражены в монографии и в многочисленных научных статьях.

[2005]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Р.В. Кадырова
«Формирование этнословной группы служилых татар
в Мещерском крае (конец XIV–XVI вв.)»***

Диссертация Р.В. Кадырова посвящена проблеме, которая в последнее время довольно активно разрабатывается в историографии — прежде всего в научных центрах областей и республик Поволжья и соседних регионов. Служилые татары в XV–XVII вв. составляли довольно многочисленную группу российского населения. Диссертант обратился к тем служилым татарам, которые населяли Мещерский край, где в свое время существовали Касимовское царство и ряд татарских княжений.

Главной заслугой автора мне представляется определение места данной категории подданных в сословной структуре Московского государства. На основе многочисленных источников, в том числе выявленных в центральных и местных архивах (часть из них представлена в Приложении к диссертации), он исследовал социальную градацию мещерских служилых татар, подробно проанализировал особенности их землевладения, управления, административного деления. Убедительно показано, как в полиэтничном регионе, где соседствовали татары, мордва и русские, власти сочетали общегосударственные и местные нормы управления и налогообложения.

В частности, немало места уделено институту беляка. Он трактуется Р.В. Кадыровым как административный округ и в то же время владение отдельного татарского князя, обладавшего правом на сбор ясака с податного населения, которое занималось промыслами (стр. диссертации 126–128, 195). Беляк представлял собой чисто локальное явление, не присущее другим провинциям государства (полагаю, что этот термин является тюркизмом от белек — «подарок» или бёлек — «часть», в значении «удел»). В диссертации неоднократно указы-

ваются на применение русскими властями золотоордынских управленческих приемов для регулирования отношений с неславянским населением Мещеры.

Сохранение и использование традиционных институтов для управления подданными в национальных регионах составляло принципиальную особенность государственного строя России. Это служило средством постепенной адаптации их к жизни в составе единого государства. Как правило, со временем такие локальные особенности нивелировались и сходили на нет, уступая место общероссийским нормам. Это подтверждается и судьбой Касимовского царства, которое располагалось на территории Мещерского края.

Административное обустройство края происходило на фоне постепенного заселения его русскими людьми, о чем также рассказывается в диссертации. Показано, как поначалу в этих, изначально татарско-мордовских, местах русские поначалу основывали погосты, которые затем превращались во все более многолюдные селения — центры податных округов (стр. 124, 125). Заметим, что при так называемой стихийной колонизации (без участия государственных органов) и здесь, и в Поволжье русским крестьянам обычно удавалось избегать конфликтов с местным населением из-за земельных и промысловых угодий, выбора мест для строительства поселений.

Еще одним достоинством работы представляется ее компаративистский характер. Автор неоднократно сопоставляет социальное положение служилых татар Мещеры с различными категориями служилого и податного населения в других регионах. Он приходит к любопытным заключениям при сравнении мещерских служилых татар с казанскими, в том числе по обеспеченности поместьями окладами (здесь можно было бы посоветовать диссертанту обратить внимание также на сибирских служилых татар, хотя они появились позже). Сделаны некоторые наблюдения над сходством и различиями в статусе и служебных обязанностях татар в Московском государстве и Великом княжестве Литовском.

При этом Р.В. Кадыров соглашается с давно сформулированным в историографии выводом о том, что привлечение татарских эмигрантов на службу и в подданство приносило правительствам этих стран значительную пользу. Во-первых, появлялась возможность использовать в военных кампаниях мобильную татарскую конницу; во-вторых, присутствие высокородных аристократов ханских кровей при великокняжеских дворах давало возможность политических комбинаций в отношении татарских юртов — вплоть до водворения там послушных правителей (стр. 65, 66, 110). (Московские ставленники воцарялись в Казани и Астрахани, литовские — в Большой Орде и в Крыму.)

Не упустил диссертант и того факта, что выезд татарской знати с дружинными отрядами осуществлялся не только в московские и литовские владения, но и в земли других княжений, пока они еще существовали, — в великие княжества Рязанское и Тверское (стр. 78, 79).

В рецензируемой работе имеется ряд дискуссионных утверждений, которые хотелось бы прокомментировать.

1. Автор абсолютно доверяет дворянским родословным, которые содержатся в соответствующих реестрах аристократии Российской империи. Сведения о выездах татарских вельмож на Русь воспринимаются им как непреложная истина. Между тем известно, что данные о родоначальниках знатных кланов очень часто недостоверны, представляют собой так называемые генеалогиче-

ские легенды. Это относится и к центральному персонажу мещерско-татарской истории — некоему «князю Бахмету Усейновичу Ширинскому», который якобы поселился в Мещере в 1298 г. и от которого пошли мещерские князья Ширинские — самая знатная семья местных татар.

В-первых, для конца XIII в. кажутся странными мусульманские арабские имена у татарского бека и его отца (Бахмет Усейнович = Мухаммед сын Хусейна). В то время Золотая Орда оставалась языческим государством, и даже те ордынцы, которые переходили в ислам, не меняли своих тюркских и монгольских имен (хан Берке, нойон Ногай).

Во-вторых, ни один источник не упоминает ширинов в XIII и первой половине XIV в. Они появляются на страницах хроник только в 1370-х гг. в качестве одного из «давних, со времен предков, элей» (племен) хана Тохтамышша. Вместе с остальными тремя наследственными элями — аргынов, барынов и кипчаков они явились со своим правителем на Волгу из далеких восточных степей (личный улус Тохтамышша располагался на полуострове Мангышлак). При этом странное персидское название племени — «ширин» может объясняться тем, что, по данным некоторых тюркских хронистов, оно происходит от асов, т.е. алан, а те, как известно изначально были ираноязычными.

Поэтому время и обстоятельства водворения Бахмета в Мещере, равно как и реконструкция линии его потомков (кстати, все они носят русские христианские или тюркские языческие имена — см. стр. 95), представляются крайне сомнительными.

2. Р.В. Кадыров в качестве аргумента в пользу давнего пребывания ширинов в Мещере приводит слова крымского хана Мухаммед-Гирея I (которого он называет Магомет Гиреем) к Василию III о том, что «из старины этот юрт наш». На самом же деле притязания хана на обладание Касимовским царством диктовались тем обстоятельством, что в свое время на касимовском троне сидели его дядя Нурдевет и двоюродный брат Сатылган. В 1517 г. Мухаммед-Гирей говорил московскому послу: «А Ширины опричь меня здумали, что им вперед Мещеру воевати... а из старины тот юрт наш» (т.е. юрт Гиреев, а не Ширинов).

3. Недостоверным выглядит воспроизведенная в диссертации информация о выезде из Ногайской Орды «Усекая Сулейманова, сына князя Колончакова», которого Дмитрий Донской пожаловал-де в Мещере помещьем и доходами (стр. 100). В действительности Ногайская Орда сформировалась примерно через столетие после смерти Дмитрия Донского. Выходцы из нее действительно положили начало нескольким российским княжеским родам (Урусовы, Юсуповы, Шейдяковы, Байтерековы и около десятка других), но Колончаковых или Сулеймановых среди них не было — как не было и «князей»/беков с такими именами в Ногайской Орде.

4. На стр. 102 утверждается, будто хан Тохтамыш продал Дмитрию Донскому Восточную Мещеру. Обосновывается это летописной фразой: «дал ему царь Мещеру». Однако ордынские ханы не продавали собственные владения своим же данникам. Полагаю, что здесь речь не о продаже в общепринятом смысле, а о рутинной процедуре вручения московскому князю ярлыка на управление данной местностью.

После этого, пишет диссертант, «Восточная Мещера попадает под полный русский протекторат» (стр. 105, см. также стр. 157). Не ясно, что означает для

XIV века понятие «протекторат» — тем более в отношении территории то ли «купленной» у хана, то ли полученной в управление по ханскому ярлыку.

5. Для полноты исследования следовало бы проанализировать не только словное деление служилых татар (что автором убедительно проделано), но и их внутреннюю иерархию, местнические отношения. Может быть, в среде мещерцев это и не было существенным, но известно, что среди родов служилых татар Великого княжества Литовского велись многолетние споры о старшинстве.

6. Встречаются досадные описки и неточности:

— персидский хронист Рашид ад-Дин жил не в XV в. (стр. 43), а во второй половине XIII — начале XIV в.;

— «Сборник летописей» Кадыр Али-бека и «Татарский летописец. Современник Б.Ф. Годунова» — это не разные сочинения (там же). Второе — это русский перевод И.Н. Березиным фрагментов из первого;

— имя английского дипломата Флетчера — не Джером (стр. 44), а Джильс (Джайлс); Джеромом звали другого англичанина — Горсея.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы Р.В. Кадырова. Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые высказанные им положения имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений и представляет собой интересное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2010]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Э. Калана
«Торгово-экономические связи Улуса Джучи (Золотой Орды)
со странами Востока (вторая половина XIII–XIV вв.)»***

Торговля Золотой Орды с восточными странами до сих пор не являлась предметом монографического изучения. Постоянно пополняющиеся археологические и нумизматические материалы дают обширное поле для анализа экономической ситуации в Орде, но сводных работ по данной теме пока очень немного. Внимание историков сосредоточено главным образом на политической и социальной истории этого государства, а в последнее время — и на этнической истории его населения. В работах российских исследователей Золотая Орда зачастую служит объектом рассмотрения с точки зрения монгольского завоевания Руси и последующего «ига». Как правило, золотоордынская экономика (включая торговлю) рассматривается как один из сопутствующих сюжетов, иллюстрирующих данные о политической истории Джучиева улуса.

Диссертация Э. Калана в определенной степени восполняет этот пробел, обобщая сведения многочисленных источников о движении товаров по восточной части Евразийского континента в XIII–XIV вв. В ней освещаются различные аспекты торговых контактов Золотой Орды с ее ближними и дальними соседями на Востоке. Автор обоснованно увязывает маршруты караванных магистралей с направлениями Великого Шелкового пути, которые складывались на протяжении предыдущих полутора тысячелетий. Как известно, функционирование этого пути оказывалось наиболее эффективным в периоды существо-

вания великих трансконтинентальных держав — Римской империи, Тюркского каганата, Арабского халифата. Из исследования Э. Калана явствует, что определенный ренессанс ВШП наступил и в эпоху Монгольской империи и Золотой Орды.

Диссертант последовательно разбирает организацию ордынской торговли с Хулагуидским Ираном, мамлюкским Египтом, чагатайской Средней Азией, в меньшей степени — с юаньским Китаем и Индией. На основе средневековых текстов и данных археологии он реконструирует ассортимент товаров, ввозившихся в Орду из этих стран, выделяя такие статьи, как пряности, ткани, лекарства, стеклянные и керамические изделия, ювелирные украшения. Выясняется, что обратный поток выглядел гораздо менее насыщенным. Золотая Орда могла предложить на международном рынке весьма скудный перечень товаров. Э. Калан резонно ставит на первое место работорговлю (которая довольно неожиданно образом оказалась на истории Египетского султаната). Кроме поставок невольников, заметным предметом ордынского экспорта можно еще считать разве что скот — прежде всего лошадей (стр. диссертации 127, 128).

Значительным вкладом диссертанта в историографию следует считать, по моему мнению, его исследование купеческого сословия в Золотой Орде. В рецензируемой работе разбирается этнокультурный состав торговцев. Как показывает Э. Калан, лидирующие позиции в коммерческих контактах Улуса Джучи занимали купцы, происходившие из мусульманских стран и регионов, в основном хорезмийцы и выходцы из чагатайского Мавераннахра (стр. 134, 135). Именно ведущая роль мусульман в международной торговле Орды и, следовательно, в наполнении государственной казны, послужила одним из стимулов как трансформации изначально «монгольской» государственности Джучидов в подобие мусульманского султаната, так и принятия ислама в качестве государственной религии в начале XIV в. (об этом говорится на стр. 154). При этом Э. Калан указывает, что среди ордынских купцов были представители и других народов и культур — индийцы, итальянцы и др. (впрочем, последние были ориентированы большей частью на западные рынки, на рассматриваемые в диссертации).

Автор подробно изучил институт уртачества. Понятие уртак он трактует как купца, выполнявшего функции ханского торгового агента (стр. 147–149). Купеческие объединения, которые создавались для взаимопомощи, сложения капиталов, борьбы с конкурентами, известны во многих средневековых странах (Ганза, новгородские сотни и т.п.). Из диссертации Э. Калана выясняется, что и в Золотой Орде практиковалась подобная форма торгово-экономической деятельности, и в этом смысле Джучиев улус развивался в общем русле социально-экономической истории Старого Света.

В Заключении автор обобщает свои наблюдения, перечисляя выявленные им факторы высокой активности торговли Золотой Орды с Востоком. К таковым он относит благоустроенные и безопасные дороги с развитой инфраструктурой (караван-сарай, колодцы), низкие таможенные пошлины, купеческие товарищества-уртачества, политику ордынского правительства по повышению роли купечества в общественно-политической жизни государства (стр. 159, 160). Кроме названных факторов, следовало бы отметить разветвленную и налаженную систему денежного обращения, а также общую политико-

культурную ситуацию в государстве с его полиэтничностью, синтезом культур, веротерпимостью. Все это тоже способствовало процветанию торговли и привлекало восточных коммерсантов.

В тексте диссертации встречаются некоторые спорные, неточные и недостаточно проработанные положения.

1. Раздел «Степень изученности темы» во Введении слишком краток и при этом содержит обзор исследований не по теме торговли Улуса Джучи с Востоком, а в целом по истории Золотой Орды.

2. Автор пишет, что после монгольского завоевания Восточной Европы «торговые дела здесь несколько расстроились. Однако за счет того, что монголы объединили кочевых тюрков в мощное централизованное государство, торговля достаточно быстро возобновилась» (стр. 53). Представляется, что причина возобновления торговли крылась не в объединении кочевых тюрков, а в установлении власти монголов над оседлыми областями — главными производителями товаров, а также в контроле имперского правительства над торговыми путями и обеспечении безопасности на этих путях.

3. Для исследования торгово-экономических отношений требовался бы более детальный анализ финансово-денежной системы Золотой Орды, чем это сделано в диссертации — в двух кратких очерках в разных местах текста (стр. 61–64, 74–77).

4. К городам Северного Кавказа, перечисленным на стр. 77, не относится азербайджанская Шемаха, а Арран и Ширван — это не города, а области.

5. Сочинение китайского путешественника VII в. Сюань-цзана называется не «По Великому Шелковому пути к буддийским святыням» (стр. 42–43), а «Записки о странах Запада [во времена] Великой Тан».

6. Неверно называть монгольский Иран государством Ильханидов (т.е. потомков ильхана). Ильханами были все монгольские правители Ирана. Поэтому его обычно называют государством ильханов или государством (Улусом) Хулагуидов.

Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые положения, высказанные Э. Каланом, имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Но при этом его диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

[2011]

***Отзыв на докторскую диссертацию Р.Х. Керейтова
«Общетюркские элементы в этнической истории и бытовой
культуре ногайцев»***

Исследование культурного взаимодействия народов Северного Кавказа является одной из традиционных проблем российской этнографической науки. В свете современной ситуации в данном регионе оно имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку может способствовать преодолению односторонних оценок исторических событий, выработке и прове-

дении позитивной государственной политики на Северном Кавказе. Примеры добрососедского взаимодействия культур народов России, имея важнейшее значение в научном и общественно-политическом плане, будут способствовать улучшению межнациональных отношений и положительно влиять на положение не только в Российской Федерации, но и в странах СНГ.

Диссертационная работа Р.Х. Керейтова «Общетюркские элементы в этнической истории и бытовой культуре ногайцев» — первое специальное исследование, посвященное проблеме места и роли ногайцев в культурном взаимодействии тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Крыма.

Кроме того, в данной диссертации расширены и углублены знания о ногайцах, что имеет самостоятельную ценность. Значимость диссертации состоит и в том, что её результаты могут быть использованы при разработке теоретических проблем, связанных с изучением вопросов этногенеза.

При этом следует учесть, что проблема присутствия общетюркских элементов в этнической истории отдельных народов затрагивались отдельными авторами, но они по большей части изучали проблемы этнического состава, главным образом, населения Средней Азии и Казахстана, языковые особенности тюркских народов Северного Кавказа.

Диссертационная работа Р.Х. Керейтов состоит из введения, четырех глав, заключения. В конце работы приложен список информаторов, список литературы, указаны использованные источники.

Проблемы, исследуемые и решаемые в рецензируемой работе, освещены на достаточно представительной источниковой базе. Освещение столь широкой темы требовало от автора обширной эрудиции, выявления и систематизации значительного архивных документальных и этнографических источников, критического их использования. В целом диссертант успешно справился с этой задачей, использовав многочисленный, разнохарактерный архивный, полевой этнографический, литературный материал.

Во введение включен обстоятельный источниковедческий и историографический обзор.

Первая глава посвящена вопросам этнического состава ногайцев. Приводятся данные об участии тюркоязычных племен в формировании ногайского этноса. Кроме того, на основе многочисленных источников сопоставляются сходные этнонимы, встречающиеся у разных народов. В целом диссертанту удалось показать близость этнических элементов в составе ногайцев, киргизов, казахов, узбеков, каракалпаков, башкир, татар, туркмен, алтайцев и др. Об этом свидетельствует составленная им подробная таблица.

Одним из оригинальных инструментов исследования служит в диссертации анализ тамг, различавшихся и варьиовавшихся у различных родоплеменных коллективов. Хорошо освещены значения терминов «тамга» и «эн», сферы их применения: отметка домашнего скота, деревянной утвари, каменных могильных памятников, сопутствующие обряды и праздники.

Во второй главе изучены хозяйственный уклад и материальная культура ногайцев, где рассмотрены организация скотоводства, земледелия, охоты. Здесь обращается внимание на ареал расселения предков ногайцев, природные условия, позволившие им сохранить многие древние традиции хозяйственной жиз-

ни, в том числе сочетание скотоводство и земледелие. Выводы автора о том, что этнокультурные связи с кавказскими народами способствовали проникновению в скотоводческий быт ногайцев форм и способов, присущих горному скотоводству, а кочевая скотоводческая традиция имеет аналогии у казахов, киргизов, каракалпаков, о чем сказано со ссылкой на конкретные примеры, не вызывают возражений.

Описывая земледелие у ногайцев, автор аргументировано подчеркивает его глубокие исторические корни, хотя и не у всех групп оно было одинаково развито (по причине природно-географических условий мест проживания и оседания). Отметим также вывод автора о том, что переход кочевого ногайского населения к оседлости в значительной степени стимулировался примером более производительного способа ведения хозяйства соседним русским населением. Далее рассказывается об охоте, ее способах, имеющих аналогии в других регионах. В этой же главе привлекает внимание сопоставление календаря и календарной обрядности у ногайцев и других тюркских и нетюркских народов.

Для выявления общетюркских элементов рассматриваются вопросы материальной культуры ногайцев: поселения, жилище, одежда, пища. Подробно освещены основные компоненты традиционной материальной культуры ногайцев в местах их бывшего и нынешнего расселения, развивавшиеся в процессе культурного взаимодействия с соседними народами Средней Азии и Казахстана, Поволжья, Северного Причерноморья и Приазовья, Северного Кавказа.

В третьей главе рассматриваются общественные отношения у ногайцев. Правомерно отмечено, что эти отношения в течение веков претерпели существенные изменения и при этом сохранили схожесть с социальными институтами и явлениями в среде казахов, киргизов, каракалпаков. Раскрыты причины сохранения сословий, приведены их названия. Сделаны интересные сопоставления и на их основе выявлены общие элементы в общественном укладе ногайцев и их соседей — нетюркских народов Северного Кавказа.

В четвертой главе автор подробно исследует формы семьи и брака у ногайцев, воссоздает многие архаичные формы брачных отношений, стадии их исторической трансформации. Эти вопросы освещены на основе обширного фактического материала, значительная часть которого вводится в научный оборот впервые.

Подчеркивая тот факт, что перед нами самостоятельное, завершённое диссертационное исследование, следует отметить, что при положительной оценке в целом, работа не лишена и некоторых недостатков, на которые мы считаем необходимым обратить внимание диссертанта:

1. Сводный список ногайских племен, включающий у Р.Х. Керейтова 33 наименования, может быть существенно дополнен. В Ногайской Орде насчитывалось около 70 племен (элей), а вместе с их крупнейшими подразделениями — около полутора сотен. Не случайно османские источники XVII в. и башкирские шеджере именуют ногаев «народом ста сорока племен».

2. Происхождение этнонима «ногай» до сих пор не имеет убедительного научного объяснения. Традиционная, идущая от Карамзина версия о золотоордынском беклербеке Ногае как эпониме народа не может быть принята, поскольку в период между гибелью Ногаия в 1300 г. и появлением понятия «ногаи» в 1480-х гг. бытование этого термина не фиксируется в источниках. Сами ногаи никогда не связывали происхождение своего народа или хотя бы своих прави-

телей с Ногаем. Правящий род Ногайской Орды велся от беклербека Эдиге, который в свою очередь считался потомком праведного халифа Абу Бекра.

3. Что касается методики исследования, то представляется, что приводимые диссертантом обширные аналогии в этнонимии, хозяйстве, семейном укладе и др. остаются лишь иллюстрацией межэтнических контактов. Чтобы они превратились из иллюстраций в аргументы, следовало проанализировать механизм формирования общих и сходных явлений и терминов — т.е. выяснить, в каком случае имело место наследие древнетюркской культуры, в каком случае происходило конвергентное формирование сходных институтов под влиянием сходных условий жизни, в каком — сознательное заимствование и т.д.

Несмотря на высказанные замечания, полагаю, что диссертация Р.Х. Керейтова представляет собой оригинальное, самостоятельное, квалифицированное научное исследование. Основные результаты исследования отражены автором в многочисленных публикациях, в том числе в нескольких монографиях. Выводы, сделанные в диссертации, могут быть использованы при преподавании истории народов Северного Кавказа XVI — начала XX в.

[2002]

***Отзыв на докторскую диссертацию В.И. Колесника
«Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной
Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках»***

Диссертация В.И. Колесника посвящена решающим этапам истории калмыцкого народа — массовым кочевым миграциям из Центральной Азии в Поволжье и обратно на восток. Данная проблема уже подвергалась изучению в трудах Ш.Б. Чимитдоржиева, Е.В. Дорджиевой, а также во многих исследованиях по ранней истории калмыков. В.И. Колесник сумел найти новые ракурсы темы, привнес в нее геополитический и демографический факторы и поставив рассматриваемые передвижения народа в один ряд с великими миграциями кочевников древности и раннего средневековья.

Эти миграции, по мнению диссертанта, являлись приблизительно однотипными, и неоднократно он уподобляет приход калмыков на Волгу и «торгоутский побег» гуннскому и монгольскому нашествиям на западные страны. Действительно, перемещение больших людских масс вместе со скотом вызывает в памяти прежде всего эти прецеденты. Сходной была, очевидно, и цель всех их — поиски новых земель для поселения, «обретение родины».

Однако полному сходству мешает, во-первых, стихийность заселения калмыками степных пространств Казахстана, затем Поволжья, во-вторых, чрезвычайно широкий географический охват этого процесса. В.И. Колесник сам пишет о «минимальной степени» организованности, «медленном и осторожном приближении к границам Европы, происходившем на огромном фронте от Мавераннахра до Южной Сибири» (с. 114 диссертации). Таким образом, рассматриваемые в диссертации процессы аналогичны скорее не походам Атиллы и Чингисхана, а постепенному, еще более «медленному и осторожному» странствию древних венгров по степям в IX в. или постепенному проникновению в Восточную Европу древних тюрков после Великого переселения народов.

Одна из основных посылок автора представляется весьма логичной и новой для калмыковедения: переселения западных ойратов происходили на фоне глобальных геополитических изменений в Евразии, когда набирали силу и двигались навстречу друг другу молодые могущественные державы — Российская и Цинская. Распространение их границ шло все дальше в кочевые степи, и «места для существования кочевой цивилизации... практически не оставалось» (с. 16). Именно расширение Московского царства на восток изначально породило первые русско-ойратские контакты, — справедливо отмечает В.И. Колесник (с. 90) (тогда как в основной массе литературы по данному вопросу дело представлено так, будто кочевники по своей инициативе приблизились к сибирским крепостям).

Неизбежная необходимость налаживания отношений степняков с российскими центральными и местными властями породила политическую (в XVII в.) и историографическую (в XX в.) проблему положения калмыков в России. Понятны сомнения автора по поводу часто встречающегося тезиса о «добровольном вхождении» народа в ее состав еще в 1609 г. (или хотя бы о начале этого процесса). Названный тезис в последние годы опровергается историками. Однако в таком случае следует предложить другое решение. В калмыковедении последних полутора десятилетий, кажется, закрепляется идея о шерти, данной тайшами царю Алексею Михайловичу в 1655 г., как чуть ли не о юридическом закреплении за калмыками статуса российских подданных. Это особая и сложная тема, далекая, на мой взгляд от окончательного разрешения и не имеющая прямого отношения к теме рецензируемой диссертации. Но поскольку В.И. Колесник останавливается на ней, выскажу несколько замечаний.

Я полностью согласен с ним в вопросе об определении характера шертных соглашений. По традиции, идущей еще с дореволюционной историографии, шерть определялась как присяга на подданство. Превосходные исследования А.А. Преображенского, М.М. Батмаева, К.Ф. Дзамихова, Б.К. Мальбахова и других отечественных ученых показали, что здесь следует избегать абсолютизации. Шерть сама по себе подразумевала просто договор (она так и переводится с арабского) — без обязательного определения степени зависимости или старшинства одной из сторон. Другое дело, что в конкретных исторических ситуациях некоторые шертные договоры действительно могли сопровождаться заявлениями о признании подчинения одного правителя другому. Происходило ли в результате присоединение территории, подвластной «подчиненному» правителю, к государству, в котором царствовал «старший» государь? Далеко не всегда. Ведь нередко каждая из договаривающихся сторон вкладывала в налагаемые на себя и перечисляемые в договоре обязательства собственный смысл, и, например, пребывание «в вечном холопстве неотступно», «под высокой рукою Белого царя» трактовалось степными народами (не только калмыками) как политический взаимовыгодный союз, а вовсе не как добровольное лишение независимости.

Надо сказать, что подобное понимание ситуации присутствует в диссертации, и ее автор неоднократно высказывает верные, на мой взгляд, суждения относительно указанной двойственности шертей, об их неодинаковой трактовке русскими и калмыками и др. При этом он справедливо замечает, что даже после 1655 г. «царское правительство никакого реального влияния на калмыцких тай-

шей не оказывало» (с. 186), а «сами калмыки факт своего вхождения в состав России на правах подданных не признавали» (с. 211). Во вновь образованном Калмыцком ханстве социально-политическая структура крепла с каждым десятилетием и пережила расцвет при хане Аюке в первой четверти XVIII в.

Но раз ни русская администрация не могла побудить кочевых аристократов признать себя «холопами» царя, ни сама калмыцкая элита не желала этого, то стоит ли в таком случае держаться мнения о вхождении калмыков в состав России в последних десятилетиях XVII в.? Полагаю, что только после Аюки в отношениях калмыцкой элиты и русской администрации стали просматриваться черты прямого государственного подчинения, и речь о пребывании Калмыцкого ханства в составе империи можно вести только со второй четверти XVIII столетия.

Наверное, данный вопрос не будет окончательно разрешен до тех пор, пока в исторической науке не будут выработаны общепризнанные критерии подданства (причем, думаю что для разных эпох они будут неодинаковыми).

Один из несомненно новых аспектов рассмотрения темы В.И. Колесником состоит в подробном разборе демографического фактора кочевых миграций, в частности калмыцких. Заслуживает самого пристального внимания предложенный (вычисленный) им кризисный «порог», когда компактно расселенный кочевой социум превышает численность в 300 тыс. чел. и обретает стимул, потенциал для разделения, расселения (с. 348). Это позволяет взглянуть с несколько неожиданной стороны и на тысячелетнюю историю кочевников в целом, и на причины исхода 1771 г.

Этот исход впервые в науке описан В.И. Колесником столь подробно. Сложная и во многом трагическая эпопея переселения показана со всеми подробностями маршрута, со всеми трудностями и конфликтами — до тех пор, пока калмыки не добрались наконец до цинских владений.

Замечания и возражения по диссертации следующие.

1. Калмыцкие так называемые «племена» торгоутов, дербетов, хошоутов и чоросов названы автором ойратскими субэтносами (с. 4). Однако, во-первых, это предполагает существование единого ойратского этноса, что довольно спорно, поскольку ойраты скорее сами являлись в то время монгольским субэтносом. Во-вторых, мне неизвестно о каких-либо этнокультурных отличиях у четырех названных «племен», которые позволяли бы каждое из них трактовать как особый субэтнос. Ни в языке, ни в культуре, ни в образе жизни они не отличались друг от друга. Мне ближе интерпретация их М.М. Батмаевым как ойратских этнополитических объединений.

2. В ряде случаев произошло смешение источников и историографических трудов. Н.П. Рычков назван «родоначальником» отечественной историографии «торгоутского побега» как автор дневниковых записей по этому поводу (с. 48). Однако дневники Рычкова в данном случае выступают как источник, потому что вышли из-под пера очевидца и участника описываемых событий.

Надпись же на китайском обелиске XVIII в. тем более относится к «классическим» источникам, а вовсе не к историографии (научной литературе вопроса) (см. с. 38–40).

В то же время старший современник Рычкова В.М. Бакунин составлял свое «Описание калмыцких народов» в 1761 г. как аналитическую сводку, которую

с полным основанием следует причислить к рубрике «Историография», а не «Источники», куда это сочинение помещено В.И. Колесником (с. 86).

3. В отношении китайского фактора наблюдается явная диспропорция, не оговоренная диссертантом: при анализе ухода калмыков с Волги, уделяется большое внимание китайской идеологии и политике по отношению к степным народам; а при описании калмыцких миграций на запад в XVII в. практически отсутствуют ссылки на источники и научные сочинения из Китая.

Как и в любом исследовании по истории средневековья и раннего нового времени, некоторые положения в диссертации неизбежно имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. В.И. Колеснику удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно, безусловно, займет заметное место в калмыковедении.

[2003]

***Отзыв на автореферат кандидатской диссертации
Н.Н. Константинова «Советский Союз 1945–1991 годов
в историографии: национально-этническое измерение»***

В диссертации Н.Н. Константинова рассматривается история изучения СССР как полиэтничного государственного образования в советской и западной (главным образом англо-американской) историографии. Автору удалось охватить и показать все основные направления в исследовании этой обширной проблематики на протяжении 1940–1990-х гг. В действительности его работа несколько выходит за эти хронологические рамки, заявленные в ее названии, т.к. иногда диссертант обоснованно принимается анализировать ситуацию в историографии постсоветского периода.

Н.Н. Константинов определяет основные методологические концепции в изучении СССР как «многонационального государства», «империи», «нации» и др. В связи с «имперским» направлением исследования данного круга вопросов можно пожелать автору в дальнейшем включить в сферу своего анализа историографию постсоветских государств – бывших союзных республик, поскольку в большинстве из них получила распространение трактовка Советского Союза как империи (чаще всего с негативной оценкой).

Интересны наблюдения диссертанта над судьбой категории «нация» в советской историографии. В частности, привлекает внимание малоизвестный факт зарождения в советской идеологии 1960-х гг. и быстрого угасания теории «советской нации». Насколько можно судить по тексту автореферата, Н.Н. Константинов считает эту теорию обогнавшей свое время. Заметим, что сходная теоретическая конструкция российской нации на протяжении последних полутора десятилетий разрабатывается В.А. Тишковым по отношению к «многонациональному российскому народу» (как он назван в нашей Конституции).

Автор не старается определить степень истинности той или иной модели объяснения национально-этнической истории и структуры СССР. Очевидно,

более адекватна предлагаемая им идея о том, что различные модели в целом не противоречат друг другу, а служат инструментами исследования разных сторон советского строя и советской действительности.

Для полноты изложения наработок западной историографии, вероятно, следовало бы также уделить внимание школе А. Беннигсена (в автореферате лишь один раз, при общем перечислении, промелькнуло его имя и имя его ученицы Э. Каррер д'Анкос). Многочисленные ученики и младшие коллеги Беннигсена (Ж. Вайнштейн, Ш. Лемерсье-Келькёже, М. Ривкин, С. Уимбуш и мн. др.) составили большую школу исследователей СССР, работавших на стыке истории и политологии. Они много внимания уделили анализу внутреннего положения СССР, в том числе изучению ислама и состояния там мусульманской общины. Хотя сам Беннигсен базировался в парижской Высшей школе социальных наук, его единомышленники работали также в Великобритании и США, так что и данное сообщество ученых можно в определенной степени причислять к англо-американской историографии.

Исследование Н.Н. Константинова отличается высокой степенью теоретического обобщения. Ему удалось избежать обычного недостатка историографических работ — простого пересказывания различных авторских мнений и теорий. Считаю, что диссертация выполнена на современном научном уровне, позволяет проследить историю изучения СССР в «национально-этническом измерении», ознакомиться с многообразными научными и политическими концепциями, осознать степень изученности данной проблематики на современном этапе.

[2010]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации
А.К. Кушкумбаева «История военного дела кочевников
Золотой Орды XIII–XV вв.»***

История Монгольской империи и ее улусов, созданных в ходе завоеваний, принадлежит к числу «вечных» тем в мировой историографии. Многолетние успешные войны и покорение огромных территорий Евразии обоснованно привлекали внимание историков к военной организации монголов. На эту тему написаны сотни исследований. Поэтому непросто отыскать в данной проблематике новые и недостаточно изученные аспекты. Тем не менее А.К. Кушкумбаеву удалось сделать акцент на важных особенностях военного дела империи Чингизидов (прежде всего Джучиева улуса), которые не освещены в достаточной мере в научной литературе.

Прежде всего это касается значения облавных охот для организации военного дела. Собственно, сам этот тезис не нов, но диссертант впервые столь подробно и доказательно увязывает традиционный институт массовой охоты со структурой монгольского войска и с тактикой его боевых действий. Причем, это наблюдение он распространяет и на стратегический уровень, утверждая, что облава применялась в ходе широких завоевательных кампаний в масштабах целых стран (с. 19).

В диссертации впервые специально исследован институт бахадурства как категория военной элиты. Внимательный анализ источников приводит автора

к оспариванию некоторых устоявшихся в историографии и в массовом сознании стереотипов: насчет массовых несанкционированных грабежей, производимых ордынскими армиями во время походов (с. 23), поголовной мобилизации боеспособного мужского населения во время войны (с. 26) и др.

Представляется, что некоторые положения исследования нуждаются в дополнительной аргументации (впрочем, возможно, опущенной в автореферате).

1. Складывается впечатление, что дуально-триальную военно-политическую организацию автор выводит из построения конных отрядов во время охоты (с. 18: «На наш взгляд, триальное (иногда дуальное)... деление кочевого войска практически полностью отражает структуру организации облавной охоты»). Однако более вероятным общим источником разделения на крылья и центр — как во время охоты, так и во время войны, и последующей организации управления — кажется фратриальное родоплеменное деление вместе с появившейся в эпоху политогенеза ханской ставкой в качестве «центра».

2. Не вполне ясна связь между организацией облавной охоты и десятичной системой. Известно, что децимальный принцип деления населения с фискальными и военными целями существовал во многих странах (Древняя Русь, Китай и др.) вне связи с охотами.

3. Для рецензента является новостью утверждение о том, будто «в [монгольской] армии существовали специальные службы, занимавшиеся регулярной дезинформацией противника» (с. 35). К сожалению, в автореферате это положение никак не комментируется.

4. Некоторые сюжеты раскрываются автором на раннеимперском монгольском материале (например, организация ханской гвардии, а также во многом анализ облавных охот), хотя тема диссертации обязывает исследовать их применительно к Золотой Орде.

5. Требуется пояснений итоговый вывод о том, что военное искусство монгольских и тюркских кочевников «интенсивно модернизировалось и улучшалось в ходе непрерывной военной практики» (с. 39). Очевидно, диссертант относит данный тезис лишь к изучаемому периоду XIII–XV вв., т.к. позднее военное искусство кочевников практически законсервировалось и не подвергалось заметной модернизации (за исключением применения примитивного огнестрельного оружия).

Эти размышления вызваны сложностью и широким охватом проблем, поднимаемых в диссертации. Считаю, что А.К. Кушкumbaеву удалось создать интересное, самостоятельное, профессиональное исследование.

[2010]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию В.Я. Кыдыевой
«Поземельные отношения в Горном Алтае (конец XIX–XX вв.):
историко-этнографическое исследование»***

Исследование В.Я. Кыдыевой посвящено одному из самых актуальных вопросов современной экономической жизни — проблеме землевладения и землепользования. В наше время, в связи с экономическими реформами, во многих регионах Российской Федерации встает задача перераспределения угодий,

смены форм собственности на землю. Особую остроту она приобретает в тех местах, где сохранились реликты или происходит возрождение досоветских общественных и экономических норм. К таким регионам относится Горный Алтай, которому посвящена рецензируемая работа.

Несомненно достоинством ее является «сквозное» рассмотрение вопроса — без искусственного деления на «дооктябрьский» и «послеоктябрьский» периоды, что до недавнего времени было характерно для большинства исследователей. Анализ земельных отношений произведен автором на базе довольно обширного корпуса источников: привлечен разнообразный неопубликованный материал из Российского государственного архива экономики и местных архивов, использована текущая статистическая документация современных административных органов, периодика; несомненным достоинством работы является обработка результатов полевых исследований В.Я. Кыдыевой в Онгудайском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. В частности, данные проведенного ею анкетирования на предмет знания населением семейных генеалогий, сакральной атрибутики сеоков (родов) и связей между ними представляют собой важный и самостоятельный источник, ценный не только для изучаемой темы. Исторический раздел диссертации учитывает все основные публикации по земельному вопросу в Горном Алтае.

В главе 1 «Система землепользования и землевладения у скотоводов Горного Алтая: община и поземельные отношения (конец XIX — 1920-е гг.)» дается подробная характеристика кочевой экономики алтайцев, организации скотоводческого хозяйства. Диссертант выделяет разновидности общины у местного населения, обозначая их алтайскими терминами «юрт» (для алтай-кижи) и «аил» (для теленгитов). Разбирается семантика данных понятий, что принципиально для изучения кочевого общества, в котором лексика социальной терминологии была довольно ограниченной и потому многозначной. Из общинного характера землевладения и землепользования В.Я. Кыдыева выводит и основной принцип организации горноалтайского общества — расселение и управление на основе сеока (с. 26).

Глава 2 «Характер расселения алтайских и казахских сеоков. Роль института зайсанства в вопросе землевладения» содержит детальную картину расселения алтайских и казахских родов. Диссертант привлекает данные переписи 1897 г. и собственные наблюдения, сделанные в ходе поездок по региону. На основе большого статистического материала еще раз подтверждается тезис главы 1 о незыблемом родовом принципе расселения алтайцев — не смотря на отдельные перемещения населения (особенно в период бурханистского движения и Гражданской войны). Резонным выглядит внимание автора к институту зайсанства как административного органа. Сохранение и даже в некоторой степени культивирование его в Джунгарском ханстве и в Российской империи свидетельствовало об опоре центральной администрации на местные элиты в обеих державах. В этом отношении было бы интересно сравнение статуса и функций зайсанов с положением якутских тойонов, знати бурят и тувинцев, которая занимала приблизительно одинаковое с зайсанами место в управленческой структуре империи. Разобрав имущественное и общественное состояние родовой знати, В.Я. Кыдыева убедительно опровергает мнение о принадлежности зайсанам управляемых ими земель. Поскольку у каждой общины

сложилась своя традиционная система землепользования, не было необходимости регулирования его со стороны властных структур (с. 44). Однако следует отметить, что соглашаясь с данным тезисом в отношении Горного Алтая XVIII–XIX вв., мы считаем такое невмешательство зайсанов в земельные отношения следствием зависимости местной знати от вышестоящих инстанций — сначала джунгарских, затем российских. Перераспределение маршрутов и территорий кочевания обычно являлось одной из важнейших обязанностей каждого кочевого правителя, и зайсаны лишились этой функции только в силу утраты прав на проведение самостоятельной политики. Собственно, зайсан уже не может рассматриваться как только глава алтайского сеока: в джунгарской номенклатуре он приобрел некоторые черты чиновника, в российской — наместника вышестоящей инстанции.

В главе 3 «Обычное право на землю у скотоводов Горного Алтая и законодательные акты России в пореформенное время» предпринято исследование поземельных отношений во владениях Кабинета Е.И.В. Уже во Введении диссертант справедливо указывает, что «судьба Горного Алтая определялась тем обстоятельством, что его территория входила во владения Кабинета» (с. 12). В главе выясняется сложный вопрос о юридической принадлежности кабинетских земель в Горном Алтае. Оказывается, это ведомство владело территорией де-факто, без специальных законодательных актов (с. 60). Это, по нашему мнению, для бюрократически организованной империи и позволяет предполагать, что какие-то законодательные указания на сей счет будут обнаружены в дальнейшем. При рассмотрении земельной политики автору удалось отобразить консерватизм Кабинета в экономических и социальных вопросах — данная черта его деятельности проявлялась не только на Горном Алтае и не только в поземельных отношениях.

Глава 4 «Поземельные отношения после Февральской буржуазной революции, в советское время и в условиях социально-экономических реформ 1990-х гг.» дается хроника законодательных актов и их воплощения по поводу землевладения и землепользования в регионе. На основе архивных источников диссертант разбирает важную и новую для историографии проблему переселенческой политики 1920-х гг. Наиболее подробный анализ предпринят для периода с 1957 г. (эпопея с укрупнением колхозов, превращением их в совхозы и т.п.). Доскональное знание современной ситуации и использование документации ныне действующих административных органов республики позволило объективно изложить ход аграрных реформ последних лет, указать на различные неурядицы и перегибы: неразработанность принципа распределения земельных угодий (паев) среди населения; непродуманная организация мараловодческих парков, наносящая экономический и экологический ущерб; уменьшение площади обрабатываемых земель и т.д. Одним из следствий этих мер автор считает обострение межнациональных отношений в республике, т.к. коренные алтайцы оказались в невыгодном положении как жители местностей, менее благоприятных в экономическом отношении. Изложенный материал подводит В.Я. Кыдыеву к заключению: «Итоги проводимой реформы сельского хозяйства региона не соответствуют поставленным целям» (с. 93).

Работа снабжена приложениями, в том числе картой расселения сеоков. Карта и таблицы содержат обширный дополнительный материал и хоро-

шо иллюстрируют основной текст. Соглашаясь в целом с общей концепцией автора и аргументацией основных положений, выскажем ряд замечаний и уточнений.

1. Представляется неточным и неполным объяснять закрепление ясачных плательщиков за определенными волостями как использование норм крепостного права (с. 46); то же относится и к тезису диссертации о подобных принципах в «Уставе об управлении сибирских инородцев» 1822 г. Правительство преследовало прежде всего фискальный интерес и руководствовалось заботами о пополнении казны, а не распространении крепостнических порядков. Разверстка «инородческих» родов по волостям в Сибири имела целью упорядочить выплату пушного ясака, и местное население обрело статус скорее государственных, но ни в коем случае не крепостных крестьян. Никогда и никакие нормы отношений с крепостным крестьянством, характерные для Европейской России, не применялись к народам Сибири. «Устав» 1822 г. «эюнгорских двоеданцев» (т.е. южных алтайцев, которым посвящена диссертация) еще не рассматривал как однозначно российских подданных, поэтому в отношении с ними он не вносил каких-либо изменений.

2. В.Я. Кыдыева начинает и завершает главу 2 тезисом о столкновении обычного права с правом государственным. Но, во-первых, термин «государственное право» в юриспруденции означает совокупность форм, которые закрепляют основы общественного и государственного строя данной страны; поэтому иногда эту отрасль права называют конституционным правом. Ясно, что обычное право алтайцев не соприкасалось с основополагающими актами империи (о престолонаследии, о вольности дворянства и т.п.), поэтому не могло войти с ними в противоречие. Видимо, автор имеет ввиду государственное законодательство по конкретным поводам. Во-вторых, в тексте главы ничем не подтверждается это столкновение; если только не объяснять генезис бурханизма конфликтом двух правовых систем. В Заключение (с. 98) диссертант трактует земельный вопрос в Горном Алтае как столкновение уже не просто правовых, а нравственно-правовых систем, что тоже не аргументировано в тексте.

3. В.Я. Кыдыева завершает работу утверждением о «нецелесообразности введения в регионе частной собственности на землю», поскольку это «не отвечает требованиям традиционного способа ведения скотоводческого хозяйства» (с. 99). Очевидно, следует оценивать ситуацию реально: едва ли архаичные «способы ведения хозяйства» послужат препятствием на пути преобразований в РФ. Для адаптации алтайцев к новым условиям представляется более продуктивным не отвергать безоговорочно частную собственность на землю, а наметить пути модернизации их хозяйственной системы, а также инициировать разработку более гибких законодательных норм, учитывающих региональную специфику Горного Алтая.

Высказанные замечания касаются частных вопросов и не влияют на общую позитивную оценку работы. Диссертация В.Я. Кыдыевой является самостоятельным и оригинальным исследованием. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Основные ее положения отражены в публикациях автора.

[1997]

***Отзыв на автореферат кандидатской диссертации
А. У. Мавлиева «Татаро-монгольское нашествие
и его историческая роль в политических процессах
Дагестана в XIII–XIV вв.»***

Работа А. У. Мавлиева посвящена одному из поворотных периодов в истории Дагестана. Монгольское нашествие и завоевание, борьба Джучидов и Хулагуидов за Кавказ имели принципиальное значение для судеб народов региона — как в плане политической истории, так и относительно этнического и культурного развития, распространения ислама. Историки (прежде всего дагестанские) неоднократно обращались к этой теме, оперируя в первую очередь нарративными источниками (арабскими, персидскими, западноевропейскими). А. У. Мавлиев, позитивно оценивая вклад своих предшественников в изучение темы, впервые привлек в максимальном объеме не только известные хроники и записки путешественников, но и местную дагестанскую письменную традицию XVI–XVIII вв., а также эпиграфические памятники. В результате ему удалось воссоздать очень сложную и сравнительно полную картину монголо-дагестанских отношений, показать неоднократные изменения политической ситуации в крае, влияние на нее долгой борьбы между Золотой Ордой и Улусом Хулагу.

Многие выводы и заключения автора абсолютно новы и приоритетны в науке. Это касается не только общего анализа политических событий, но и частных вопросов — таких как идентификация личных имен и топонимов, историко-географических наблюдений и др.

Вместе с тем, в тексте автореферата встречаются явные просчеты и оплошности автора. Например, труд армянского историка XIII в. Киракоса Гандзакци называется не «История монголов по армянским источникам» (с. 4), а «История Армении»; непонятно, почему говоря об организации монгольского войска, автор ссылается не на хорошо известные и надежные источники, а на псевдонаучные писания Носовского и Фоменко (с. 11); представляется недостаточно обоснованным возведение некоторых северокавказских географических названий к именам джучидских царевичей, в частности Шибанидов (с. 14) (известно, что юрт Шибана и его потомков располагался на территории Казахстана и юго-западной Сибири); в свете информации средневековых текстов идея о постоянном пребывании в Дагестане Шибанидов выглядит не вполне достоверной.

Эти и некоторые другие замечания не снижают общего положительного впечатления от работы А. У. Мавлиева. Как и в любом исследовательском сочинении по кавказскому средневековью, некоторые положения неизбежно имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Судя по автореферату, диссертанту удалось создать интересное, аргументированное и квалифицированное исследование. Оно безусловно займет достойное место в российском кавказоведении.

[2000]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию И.-Б.Т. Марзоева
«Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия
этнических элит Северного Кавказа (XVIII – нач. XX вв.)»***

За последние пятнадцать лет в нашей науке сформировалось несколько новых исследовательских направлений. Социальные условия постсоветской России сказались и на гуманитарных исследованиях, что выражается в том числе в разработке проблем, которые слабо изучались или вообще не замечались в советский период. В частности, историки обратились к изучению элитных слоев, высших социальных страт. Это является реакцией на долгое замалчивание или одностороннее освещение развития так называемых «эксплуататорских классов» и духовенства. Наблюдается настоящий взрыв интереса ученых и читательской аудитории к дворянству, аристократии.

Данный историографический феномен характерен как для столичных, так и для региональных исследовательских центров, в том числе и на Северном Кавказе. Перед нами – одна из таких диссертаций, которая, таким образом, отвечает современному уровню и потребностям развития исторической науки.

И.-Б.Т. Марзоев посвятил свой труд рассмотрению структуры осетинской традиционной знати и взаимодействию этой знати с элитными сословиями соседних кавказских народов – прежде всего кабардинцев и балкарцев. С источниковедческой точки зрения диссертация выполнена безукоризненно, поскольку основана на многочисленных архивных материалах, часть которых впервые вводится в научный оборот (фонды Центральных гос. архивов Кабардино-Балкарии, Северной Осетии-Алании, Ставропольского и Краснодарского краев, а также Кабардино-балкарского и Северо-Осетинского институтов гуманитарных исследований). Для работы, защищаемой по специальности 07.00.07, особое значение имеет привлечение личных наблюдений и записей автора, полученных им в ходе полевых исследований в регионе; в тексте неоднократно встречаются ссылки на опрошенных им информаторов, которые передавали И.-Б.Т. Марзоеву генеалогические предания, рассказывали о канонах межэтнических браков и проч.

В диссертации рассказывается о высших стратах осетинского общества XVIII–XIX вв. Эта тема уже многократно освещалась в литературе – как дореволюционной, так и постперестроечной, как осетинскими, так и столичными исследователями. Новым является подход автора, во-первых, к дифференцированному выявлению феодального сословия в разных обществах Северной Осетии; во-вторых, к акценту на многообразных взаимосвязях осетинской знати с кабардинской и балкарской. Для выяснения этих сложных вопросов автор соответственно выстроил композицию своей работы: глава 1 посвящена структуре привилегированных сословий Северной Осетии, глава 2 – социально-экономическим и политическим связям осетинских, кабардинских и балкарских элит, глава 3 – этно- и социокультурным контактам между ними.

Один из центральных вопросов исследования – социальная характеристика осетинской элиты как феодального сословия. В принципе правящие страты северокавказских социумов уже на протяжении десятков лет определяются как феодальные. Для многих историков это превратилось в аксиоматичный эпитет. Тем более что ряд авторитетных исследователей, работающих в регионе, по-

пытался сконструировать концепцию особого «горского феодализма» — феодализма без феода, без условного землевладения, без четких сеньориально-вассальных отношений.

Для И.-Б.Т. Марзоева феодальный характер общественных отношений в осетинских обществах — не аксиома. Он приводит многочисленные доводы в пользу именно такой трактовки. В самом деле, владение крупной земельной собственностью, эксплуатация (т.е. присвоение произведенного продукта) экономически зависимых сословий, владение холопами, общепризнанный высокий общественный статус — эти и некоторые другие признаки действительно сближают осетинские элитные страты с феодалами. Однако все же полноценного класса феодалов ни в Осетии, ни в Кабарде не сложилось. Автор это, кстати, признает, поскольку пишет: «...Живучесть доклассовой социальной структуры и архаических общественных порядков, личная свобода крестьян-арендаторов, наряду с другими факторами, определили отсутствие у алдарского сословия широких сеньориальных прав» (стр. диссертации 57).

Похоже, здесь возникла историографическая коллизия, подобная той, что имеет сейчас место в изучении общественного строя Древней Руси. Некогда И.Б. Греков начал, а Б.А. Рыбаков завершил создание концепции «Киевской Руси» как феодального государства. В 1980-х гг. И.Я. Фроянов выступил с собственной концепцией, которая показывает огромный и преобладающий удельный вес нефеодальных и дофеодальных отношений в древнерусском обществе. Греков и Рыбаков прекрасно знали об этой стороне жизни Руси, но оставляли ее без внимания во имя доказательства феодального (т.е. «поступательного», аналогичного западноевропейскому) пути развития нашей страны в Средние века.

Думается, что в изучении осетинского общества возможно снизить присутствие формационной марксистской схоластики. Поскольку автор сам признает неразвитость сеньориальных прерогатив (основного атрибута феодализма), то следует вести речь скорее о существовании в Северной Осетии не феодализма, а всего лишь феодального уклада, который бытовал наряду с укладами общинно-патриархальным и рабовладельческим.

Как известно, на протяжении нескольких столетий осетинские общества были втянуты в сложные политические отношения на Северном Кавказе, в которых сочетались борьба за локальную гегемонию между местными владениями и противоборство великих держав. Основными участниками регионального противостояния выступали дагестанские шамхалы и правители Кабарды. В рецензируемой диссертации многократно подчеркивается значительное влияние соседей-кабардинцев на социальное развитие обществ Северной Осетии. Я отметил бы этот факт как показатель научной зрелости и объективности диссертанта, в тексте которого нет ни малейших признаков этноцентризма, самолюбования, искусственного возвеличивания собственного народа (чем порой грешат коллеги, работающие в регионе).

На протяжении веков, как пишет И.-Б.Т. Марзоев, кабардинские феодалы влияли на социальную жизнь осетинских феодалов, предоставляли им в случае необходимости вооруженную помощь, передавали в потомственное владение земли в предгорье (с. 64). В Заключении к диссертации особо выделена роль Кабарды в формировании традиции этнокультурных контактов аристократии

Северного Кавказа (с. 122). В работе приводятся факты примирительного посредничества кабардинских владетелей в конфликтах между осетинскими фамилиями, а также освидетельствования кабардинцами знатности осетинских «коллег» (с. 68, 69). Такие же функции выполняли порой и балкарские таубии. Браки с представителями кабардинских знатных семей считались наиболее престижными, причем как кабардинки выходили замуж за осетин, так и осетинки за кабардинцев. При этом, как подчеркивает диссертант, строго соблюдалось статусное равенство будущих супругов (с. 123). Это реальная иллюстрация социальной, иерархической близости элиты двух народов.

Однако вывод о «мощном классовом союзе» знати трех народов, который формулирует диссертант (с. 69), представляется мне излишне категоричным. Все-таки скорее имела место сословная солидарность или социальная комплиментарность. Здесь И.-Б.Т. Марзоев выходит на более общую и абсолютно не изученную проблему: взаимное иерархическое соотношение аристократии в целом регионе. Из истории других стран известна большая этническая открытость аристократии по сравнению с простонародьем. Да и сам автор приводит случаи миграций кавказских аристократов в соседние владения (хотя и с некоторым понижением статуса). В данном случае формулируемая в последнее время идея о Кавказе (или только Северном Кавказе) как едином цивилизационном очаге может получить зримые аргументы.

Немало интересного материала в диссертации приводится относительно религиозной жизни осетин. Под влиянием кабардинцев и османов элитные слои придерживались в основном исламского вероисповедания (рядовые общинники являлись христианами или язычниками). При этом диссертант, очевидно, соглашается с высказыванием автора XIX в. М. Селезнева о том, что простой народ «охотно склоняется на сторону той религии, которая оказывает более покровительства и меньше требований». В связи с этим отметим массовое переселение (фактически бегство) крестьян в окрестности Моздока в XVIII в., где они переходили в православие. Князья, требуя их выдачи, указывали, что принятие христианства крестьянами происходило отнюдь не по причинам религиозного характера, а лишь для избавления от неволи или чтобы избежать наказаний за какие-либо проступки на родине. То есть Россия представлялась горцам как государство с более льготными условиями существования, чем те, что были в кавказских княжествах. Аналогичная коллизия складывалась и с новокрещеными калмыками.

Особое значение ислам как политический фактор приобрел в период Кавказской войны. Хотя осетины в большинстве своем не поддержали Шамиля, распространение в регионе воинствующего ислама не могло не сказаться на настроениях мусульманской осетинской элиты. Для меня новыми были сведения об участии осетин в мухаджирстве (с. 95) – хотя, конечно, в гораздо меньших масштабах по сравнению с адыгами.

Существует еще одна важная тема которая обозначена во Введении, но не получила освещения в последующем тексте. Это процесс генезиса, изначально-го формирования осетинской элиты. Для И.-Б.Т. Марзоева период XVIII – начало XX в. – это «время становления, развития и активного общения феодальной знати Северного Кавказа» (с. 4). Однако знать здесь начала складываться и развиваться задолго до XVIII столетия, и искать ее истоки следует в далеком

Средневековье. При этом необходимо учитывать фактор периодического пребывания различных частей края в составе крупных государств, что неизбежно сказалось на структуре, титулатуре и социальной терминологии, на внутренних отношениях элитных сословий. Так, несомненно влияние тюркских социальных систем. В частности, подробно описанное в диссертации явление аталычества имеет тюркское обозначение. И хотя И.-Б.Т. Марзоев ограничивает его рассмотрение осетинами, кабардинцами и балкарцами, оно имело гораздо более широкое распространение и не ограничивалось только связями между этими тремя народами (известно, что крымские ханы-Гиреи отправляли юных царевичей на воспитание в «Черкесию»). В целом считаю, что диссертация И.Б.Т. Марзоева является оригинальным, самостоятельным, профессиональным исследованием.

[2012]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации
С.А. Мельникова «Престолонаследие как фактор эволюции
Древнерусского государства (IX–XV вв.)»***

Тема, исследуемая С.А. Мельниковым, в современной российской научной литературе еще не подвергалась подробному историко-юридическому и государственно-правовому анализу. В советское же время изучение ее не приветствовалось из-за общих требований «классового подхода», при котором жизнь элит изображалась довольно схематично.

В диссертации рассматривается динамика княжеского престолонаследия – важнейшего компонента древнерусской государственности. На обширном материале средневековых источников автор показывает превалирование в домонгольской Руси наследования по закону над наследованием по завещанию. При этом правоведческая направленность работы наложила отпечаток на анализ ситуации с наследованием княжений в Древней Руси. Очевидно, для удобства исследования диссертант сконцентрировал внимание только на взаимоотношениях наследодателей и наследников в княжеских семьях, оставив «за скобками» другие политические факторы, влиявшие на вокняжение конкретного Рюриковича (за исключением узурпации) – а именно: передел столов на княжеских съездах, а также обычную практику приглашения князя на местный стол волостным боярством и вечем, с заключением «ряда» между приглашенным правителем и приглашающей стороной.

Ценным вкладом в отечественную историографию можно считать определение С.А. Мельниковым специфических династийно-правовых условий, обеспечивших возвышение Москвы в XIV в. Под новым углом зрения представлено в автореферате и использование московскими князьями монополии ордынского хана на распределение столов и уделов. Полагаю, что эти наблюдения диссертанта существенно обогатят классическую схему создания предпосылок создания Русского централизованного государства.

Особый интерес вызывают сюжеты, связанные с соправительством великих князей московских и их наследников в XV в. В разработке данной проблематики С.А. Мельникову принадлежит абсолютный приоритет. Возможно, из-за

лаконичности изложения в автореферате не отражен взгляд автора на исторические корни данной ситуации с двумя правителями. Представляется, что при исследовании генезиса московского соправительства можно было бы опереться на византийский аналог соуправления василевса и кесаря. Как известно, Иван Молодой был провозглашен соправителем отца именно по византийскому обряду и при этом впервые венчан Шапкой Мономаха. (Ее крымско-византийское происхождение – а не ордынское, как ранее считалось – сейчас признано, кажется, большинством историков.)

Эти размышления вызваны сложностью и широким охватом проблем, поднимаемых в диссертации. Считаю, что С.А. Мельникову удалось создать интересное, самостоятельное, оригинальное исследование.

[2010]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию М.В. Моисеева
«Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489–1563 годы)»***

Диссертация М.В. Моисеева посвящена теме, к которой историки обращались уже неоднократно. В РГАДА хранится обширная ногайско-русская дипломатическая переписка, связи двух государств отражены в летописях и других письменных памятниках. В этом отношении исследование может базироваться на обширной источниковой базе, чего нельзя сказать о документации, связанной с татарскими юртами – Казанским, Астраханским и Сибирским (вся относящаяся к ним посольская документация оказалась утраченной). Лишь «Крымские дела» РГАДА сохранились в большом объеме и при этом многократно превосходят «Ногайские».

М.В. Моисеев построил свое исследование на анализе периода, который охватывают первые шесть Посольских книг по связям России с Ногайской Ордой. Это эпоха, когда, с одной стороны, происходило укрепление Московского государства, его выход на широкую геополитическую арену, активная борьба за гегемонию с сильными соседями на западе и на востоке. С другой стороны, в то же время на территории Заволжья и Западного Казахстана окончательно оформилась и укрепилась Ногайская Орда – не просто «осколок» Золотой Орды, но одна из последних кочевых империй, многолюдная и обширная степная держава.

История распорядилась так, что на протяжении двух с половиной столетий два государства соседствовали, а после падения Казанского ханства граничили друг с другом. В этой части Евразии сложилась довольно редкое для средневековья положение. – Никогда между могущественными соседями не возникало серьезного военного конфликта. Неоднократные набеги ногайской конницы на русское пограничье и походы астраханских стрельцов к Яику (сердцевине владений ногаев) все же были незначительными эпизодами на фоне длительных периодов мирного сосуществования, торговых обменов и дипломатических интриг. (Единственной долговременной, по-настоящему конфликтной ситуацией можно, пожалуй, считать положение в 1571–1581 гг., когда ногаи участвовали в крымских нашествиях на Московию, а волжские казаки уничтожили столицу Орды Сарайчук. Но эти события находятся уже за пределами хронологических рамок рецензируемой диссертации.)

Рассмотрение взаимоотношений двух стран предполагает отображение их в своего рода симметрии: обоюдные дипломатические контакты, описание внешнеполитических концепций, особенности внутреннего развития, которые влияли на отношения друг с другом и т.д. М.В. Моисеев пошел по несколько иному пути, что, впрочем, не помешало ему выстроить цельную панораму русско-ногайского диалога. Подробно описывается состояние Ногайской Орды на протяжении семи десятилетий (насколько это позволяют Посольские книги), а аналогичная проблематика в отношении Московского государства почти не затрагивается. Полагаю, что это можно объяснить общеизвестностью, хрестоматийностью данного материала.

В отношении же концептуальной оснащенности внешней политики – противоположная картина: анализируются детали и нюансы в изменениях внешнеполитических доктрин московских политиков, но такого анализа нет касательно ногаев. То есть взгляды последних на место их Орды в ряду прочих государств, в том числе по отношению к России, конечно, отражены в диссертации. Но все-таки не сформулированы общие принципы и подходы, как это сделано автором применительно к Московскому государству.

Именно в изучении и обобщении М.В. Моисеевым русской концепции внешней политики в восточных степях мне видится главное достижение диссертации (и с этими же сюжетами связано мое основное возражение автору). Насколько я могу судить по известной мне литературе, М.В. Моисееву принадлежит приоритет в определении динамики русско-ногайских отношений от активного сотрудничества и партнерства в конце XV в. к постепенному охлаждению, остыванию интереса с московской стороны и, наконец (как удачно выразился диссертант) провинциализации этих отношений, т.е. перемещению их на периферию внешних интересов Москвы. Очень подробно в работе М.В. Моисеева отражены разнообразные политические комбинации в этой части Восточной Европы. Показано участие русских и ногаев в дипломатических и иногда военных баталиях на развалинах Золотой Орды: борьба с Большой Ордой, многолетняя проблема влияния на Казань, запутанные отношения с Крымом и др.

На фоне всех этих бурных событий происходило постепенное обретение Русским государством своего места и статуса в ряду «наследников» Золотой Орды. М.В. Моисеев показывает, как на протяжении первой половины XVI в. складывалась концепция превосходства, верховенства московского государя над татарскими ханами и тем более ногайскими биями-«князьями» (стр. диссертации 27, 28). Постепенно преодолевались рудименты ордынского протокола в придворном церемониале, и бывшие татарские данники отказывались от унижительных обрядов (стр. 71, 72).

Замечу, что работа М.В. Моисеева интересна еще и тем, что находится в ряду профессиональных исследований, которые объективно опровергают основополагающие постулаты т.н. евразийской концепции (хотя сам диссертант не ставил этой задачи и даже, возможно, не задумывался над ней). Московская Русь вовсе не ставила целью занять место Золотой Орды, поставить своего монарха на место прежних татарских династов, совершить великую миссию объединения народов Евразии, перехваченную якобы по исторической эстафете от Монгольской империи. В действительности имел место долгий, сложный, ру-

тинный процесс постепенного усиления государства, которое по мере ослабления соседей раздвигало свои границы. С этими соседями отношения выстраивались по-разному, и не раз случалось, что московский государь превращался в патрона и сюзерена для окрестных правителей. Например, М.В. Моисеев высказывает любопытную идею об аналогии между московским «протекторатом» над Казанью при Иване III и Василии III (так принято называть эту систему) и зависимостью Крымского ханства от Порты (стр. 95, 158).

В отношении ногаев изменение в понимании русскими своего положения наиболее наглядно проявилось в вопросе о т.н. поминках — выплатах и подношениях от лица великого князя и затем царя. Считаю, что в диссертации убедительно показана эволюция поминков от пережитков ордынского «выхода» до государева жалованья за службу (т.е. в данном случае большей частью за следование политическим рекомендациям Москвы). Вновь найден удачный, на мой взгляд, термин: «жалованная тенденция» (преодолевшая тенденцию «трибутарную» — данническую). Окончательное превращение поминков в жалованье М.В. Моисеев относит к 1560-м гг. (гл. 3, § 1). В целом я считаю эти наблюдения верными и соглашаюсь с ними.

Едва ли не решающей причиной мирного существования Руси и Орды был активный торговый обмен между ними. Этому кругу вопросов посвящен последний параграф диссертации. Как известно, главной статьёй ногайского экспорта были лошади, и у автора об этом говорится; произведен даже подсчет конского поголовья, поставленного ногаями за изучаемый период. Обратно из Руси в степь везли самые разнообразные товары ремесленного производства.

Здесь хотелось бы уточнить некоторые детали. Неоднократно в списке желательных товаров ногаи называли поталь, нашатырь и ртуть. М.В. Моисеев предполагает, что нашатырь был нужен для выделки кож, ртуть — для косметических средств и ювелирного дела, а что такое поталь и в чем ее предназначение, вообще не оговаривает (стр. 311). На самом же деле нашатырь (густой раствор хлорида аммония) применялся для очистки металлических изделий, в частности оружия и доспехов. Ртуть служила основой для «горячего ртутного золочения» — покрытия металлических предметов позолотой; иногда она применялась и в лекарственных целях. А поталь — это оловянная или медная фольга для украшения изделий.

В целом на общем геополитическом фоне в первой половине XVI в. несомненно усиление Московского государства и зарождение центробежных процессов в Ногайской Орде. Во второй половине столетия они уже представляли собой несопоставимые величины. Однако можно ли видеть между ними отношения (ногайского) вассалитета, как об этом неоднократно говорится в диссертации (стр. 100, 132, 179 и др.; Заключение)? Мне представляется это невероятным. Феодалный термин «вассалитет» ни по одному своему признаку не применим к русско-ногайским отношениям. М.В. Моисеев принимает за вассальную зависимость некоторые детали дипломатического протокола (низкий ранг русских послов к ногаям, особенности их приема в Москве, взаимное титулование и т.п.). Однако все эти явления свидетельствовали не о подчиненности Орды России, а об иерархической разнице между их правителями и, соответственно, возглавляемыми ими государствами. Почти на всем протяжении рассматриваемого периода в Ногайской Орде был собственный номинальный

хан, по отношению к которому осуществлялся реальный «вассалитет» ногайских биев (если уж использовать это понятие).

Кроме того, неоднократно знаки своего покровительства ногаям оказывали турецкие султаны. Для середины XVI в. есть данные о признании ногаями сюзеренитета османского падишаха: они называли его «государем нашим» и просили у него дозволения провозглашать его имя во время хутбы в своих мечетях. В ногайских посланиях к крымским ханам зачастую использовались не менее подобострастные выражения, чем в отношении русских великих князей. Да и сами Гирейи начиная с конца XV в. воспринимали ногаев как своих непокорных, изменчивых, но все таки карачи — слуг.

Сам статус Ногайской Орды как всего лишь юрта племени мангытов придавал ей пониженный статус по сравнению со всеми окрестными монархами. Но это вовсе не означало реального вассалитета по отношению к одной из них. Вассалитет наступил только в 1600 г., когда глава ногаев был избран на должность и провозглашен по приказу русского царя.

Поэтому именно 1600 г. знаменовал радикальную перемену в отношениях между Московским государством и Ногайской Ордой. Инвеститура Иштерека Борисом Годуновым была принципиальной вехой в этих отношениях — гораздо более значимой, чем 1563 г., предложенный М.В. Моисеевым в качестве верхней границы исследования. Мне представляется, что эта дата не ознаменовала какого-то принципиального рубежа.

Полагаю, что в диссертации было бы уместно дать общий очерк организации русско-ногайских посольских отношений: систему приема и отпуска послов и гонцов, процедуру их встречи, размещения, аудиенций и т.д. Практически весь этот материал в работе есть, но он не сведен воедино, а разбросан в ходе подробного пересказа Посольских книг.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы М.В. Моисеева. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. М.В. Моисееву удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2007]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Е.О. Морозовой
«Русско-китайские торгово-дипломатические отношения
в конце XVI — середине XVII века»***

В наше время актуальность изучения российско-китайских отношений не нуждается в пояснениях. Собственно, эти отношения всегда привлекали внимание исследователей. Но в последние десятилетия, в связи с изменившейся после распада СССР глобальной картиной мира, данная проблема приняла особую остроту. Соседство и партнерство наших двух великих держав является одним из стержневых факторов мировой политики. Анализ установления самых первых контактов между ними может оказаться полезным и поучительным для развития межгосударственных отношений, а также для более углубленного

исследования истории российской внешней политики в целом и ее дальневосточного вектора в особенности.

Торговые и дипломатические миссии из Московского государства в Китай подробно освещены в историографии. Из современных историков наиболее существенный вклад в эту проблематику внесли академик В.С. Мясников, доктора исторических наук Б.П. Гуревич и Н.Ф. Демидова. Вместе с тем повторное переосмысление событий XVII века и открытие новых источников позволяют углубить представления о начальных этапах русско-китайских отношений,

Исследование Е.О. Морозовой проведено с использованием обширного круга источников и с привлечением основной литературы по теме. Она верно отмечает, в частности, большой скрытый потенциал для данной темы бездонного фонда Сибирского приказа РГАДА (стр. диссертации 20). (Известно, что до сих пор никому не известен полный состав и тем более полное содержание хранящихся в нем документов.)

Изучаемая проблема подается автором диссертации на широком историческом фоне. Сюжеты, которые не имеют непосредственного отношения к русско-китайским отношениям, присутствуют не для «красоты слога», а в качестве полноценного инструмента исследования. Е.О. Морозова поставила цель показать не только первые контакты русских с китайцами и маньчжурами, но и выяснить роль посредников в этом процессе. Таких посредников она резонно видит в монголах и так называемых бухарцах. Пути всех русских посланцев в Китай проходили через владения монголов (в широком смысле — халха, джунгар, калмыков), в силу географии их проживания. Е.О. Морозова подробно показывает помощь монгольских спутников как проводников и переводчиков. Бухарцы (купцы из Средней Азии и среднеазиатская диаспора в России) обеспечивали приток китайских товаров на русские рынки и заодно способствовали первоначальному накоплению информации о Поднебесной. Именно по караванным путям, проложенным торговцами, осуществлялись связи между двумя государствами. (Карта этих путей, составленная диссертантом, представлена в приложении к работе.)

Панорамность подхода к исследуемой теме проявилась также в учете усиливающегося европейского фактора в российской политике. Рассматривая предпосылки миссии И. Петлина 1618 г., автор справедливо констатирует, что «отправка первой русской экспедиции в Китай была продиктована стремлением московского правительства не допустить транзитной торговли иностранцев со странами Востока, в частности, с Китаем, через территорию России» (стр. 104). Действительно, российские власти в то время испытывали сильный напор со стороны английских и голландских коммерсантов. Те желали проникнуть на далекий богатый Восток континентальным путем, по рекам «Московии», в обход испанской и португальской монополии в южных океанах. При этом русские расценивались ими не как полноценные торговые и тем более политические партнеры, а скорее как полудивилизованные жители громадной дикой страны на краю ойкумены. Не случайно первый визит англичанина Р. Ченслера в Россию в 1553 г. порой уподоблялся открытию земель в Новом Свете.

Наиболее подробно в диссертации разобраны первые попытки российской стороны установить отношения с Китаем. Следует заметить, что то была эпоха, когда нарастал кризис империи Мин и одновременно усиливалась экспансия

маньчжуров против этого угасающего государства. В это непростое время русские посланцы преодолевали границу у Великой стены. Именно в 1618 г. когда Пекин посетил Иван Петлин, маньчжуры приступили к завоеванию Китая. А посольство Ф. Байкова в 1656 г. прибыло в китайскую столицу и потерпело неудачу в своем дипломатическом предназначении в обстановке, когда маньчжурская династия Цин еще не полностью утвердилась у власти и продолжала борьбу с Минами. Впрочем, это обстоятельство уже отмечалось в работах Н.Ф. Демидовой.

Кроме того, как правильно замечено автором, российское и китайское (при Цинах – маньчжурское) правительства по-разному трактовали международные отношения (стр. 170). Если Россия предлагала равноправное общение на межгосударственном уровне, то в синоцентристской картине мира ближние и дальние соседи Поднебесной расценивались лишь как варвары – или плательщики дани Сыну Неба, или пока не охваченные его благосклонностью. Естественно, что при таких установках полноценный дипломатический диалог был невозможен.

При анализе причин активизации российской внешней политики на китайском направлении в середине XVII в., кроме попыток разведать возможности для развития торговли, о чем говорится в диссертации, можно было бы добавить нарастание конфликта в Приамурье. Эта местность, находясь в непосредственной близости от маньчжурского домена династии Цин, находилась под пристальным вниманием имперского правительства. Ко времени приезда Байкова в Пекин маньчжурские войска уже несколько раз потерпели поражение от русских служилых, и Цины принялись переселять местные племена с Амура вглубь своей территории – чтобы не только пополнить свою армию Восьми знамен, но и лишить русских пришельцев источников продовольствия и плательщиков ясака.

Е.О. Морозова детально описывает подготовку первых русских посольств, их путь до цели и пребывание в Монголии и Китае. При этом уточняются, с использованием новых архивных данных, некоторые важные подробности биографий и карьерных передвижений Петлина и Байкова. Несмотря на безуспешность поездки Петлина она обоснованно видит в ней первое российское посольство в Китай (с. 126) (обычно таковым считается визит в Пекин Ф. Байкова).

В диссертации имеются положения, которые нуждаются в уточнениях и исправлениях.

1. Е.О. Морозова считает, что самое раннее упоминание ойратов в русских источниках встречается в тексте указе Ивана IV купцам Строгановым от 30 мая 1574 г. (стр. 16, 70). На самом деле об ойратах («колмаках») впервые говорится в ногайско-русской дипломатической переписке: первый раз в 1535 г., второй – в 1555 г.

2. Карпини и Рубрук отнесены диссертантом к числу «западноевропейских путешественников, побывавших в монгольских владениях XV в.» (с. 60), тогда как в действительности это произошло в XIII в.

3. Очевидно, основано на недоразумении утверждение, будто Спафарий опроверг мнение Карамзина о том, что первым московскими послами в Китай были Иван Петров и Бурнаш Ялычев (стр. 31). Но Н. Спафарий умер в 1708 г., за 60 лет до рождения Н.М. Карамзина.

4. Труды Г.Ф. Миллера некорректно отнесены ко второму этапу изучения русско-китайских отношений (конец XVIII – начало XX в.) (стр. 47), в то время как они были созданы в середине XVIII в.

5. Знаменитый могущественный бухарский хан Абдулла II в диссертации дважды назван Абдул Богатуром (стр. 23, 63) – явно следуя русскому источнику.

6. «Братскими людьми» русские называли не дауров (стр. 124), а бурят.

7. Вызывает недоумение авторская трактовка начала русско-калмыцких отношений. По мнению Е.О. Морозовой, в их установлении «сыграла свою роль и «чингизидская легенда», согласно которой благодаря обряду кровного побратимства... между Александром Невским и золотоордынским ханом Сартаком... благодать-харизма и с ней право владеть Евразией перешли к народу Белого царя», так же, как и «завещанный монголами долг помогать московскому государю в традиционных владениях Чингисидов» (стр. 81). Придуманное Л.Н. Гумилевым побратимство Александра Невского и Сартака не зафиксировано ни одним источником и было немыслимо в принципе. Статус завоеванной Руси в Монгольской империи был не таков, чтобы тогдашние монголы могли «завещать» своим потомкам оказывать помощь потомкам русским данников. И, конечно, никакая «благодать-харизма» и никакое «право владеть Евразией» к русскому «народу Белого царя» не переходили от Золотой Орды.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от рецензируемой диссертации. Е.О. Морозовой удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2013]

Отзыв на кандидатскую диссертацию Н.П. Москаленко «Основные проблемы этнополитической истории Тувы в XX веке»

Исследование, предпринятое Н.П. Москаленко, посвящено региону, который на протяжении десятилетий оставался на периферии внимания общественности и средств массовой информации. Обладая древней и богатой историей, Тува попадала в поле зрения, главным образом, археологов и этнографов. Развитие этой республики в XX веке изучалось почти исключительно местными учеными – и, как правило, в русле жестких идеологических установок советского времени. Уникальная ситуация с включением Тувы в состав СССР в 1944 г. освещалась в единственном ракурсе всеобщего стремления тувинцев строить социализм плечом к плечу с великим советским народом.

Наслоение подобных стереотипов характерно для историографии практически всех народов России. В 90-х гг. появилась возможность более объективного рассмотрения их истории, в том числе и истории в XX столетии. Можно сказать, что сейчас существует необходимость написания заново сводов истории этих народов – когда отсутствует методологическая монополия одного «единственно верного учения», приоткрылись архивы, возник острый интерес к национальной истории. Кроме того, политизация межэтнических отношений, а порой и конфликтность их, побуждает исследователей обращаться к историческим истокам современных сложных ситуаций, проследить зарождение противоречий в минувших десятилетиях и даже столетиях.

Все эти общие констатации относимы и к рецензируемой работе. Н.П. Москаленко принадлежит один из первых опытов объективного, истинно научного анализа этнополитической истории. Кроме того, перед нами — одно из первых сочинений в области такой сравнительно новой дисциплины, как этнополитология. Вместе с предлагаемой диссертантом ее подотраслью — исторической этнополитологией — данное направление научного поиска представляется чрезвычайно продуктивным и перспективным.

В диссертации использованы результаты работы автора в экспедициях по Туве, и приводимые ею опросы населения, записи бесед служат хорошей иллюстрацией при характеристике политической ситуации и общественных настроений в республике. Главное же достоинство диссертации, с точки зрения историка, состоит в широком привлечении архивных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот. Это фонды Архивов внешней политики Российской империи и СССР, Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, «Народного архива» при РГГУ и др. Неоднократно в тексте указывается, что цитируемые документы на протяжении многих лет были засекречены и только теперь попали в распоряжение историков (материалы колчаковского правительства, научной экспедиции в Туву 1926 г., некоторых центральных советских учреждений и проч.).

В главе I «Принятие Тувой протектората России 1914 г.» и основные этнополитические предпосылки его установления» описывается политическая борьба по тувинскому вопросу между центральноазиатскими державами и включение Урянхайского края в состав Российской империи. Перед рассмотрением непосредственно политических сюжетов автор обращается к анализу состояния тувинского этноса в то время и утверждает (вслед за С.И. Вайнштейном), что тувинская народность (или ранний этнос — с. 30) сформировалась в XVIII в. После завоевания Тувы маньчжурами в крае была учреждена единая административная структура, что создало условия для складывания общеэтнической, надплеменной идентичности местного населения, основанной на территориальном принципе (с. 31). Это утверждение представляется очень верным, поскольку подтверждается другими фактами и прецедентами из истории Евразии. Создание Цинами в Туве особых округов не повлекло какой-либо китаизации (губернаторы-цзяньцзюни в Кобдо и Улясутае ограничивались посылками отрядов за данью), зато дало возможность этнической консолидации тувинцев в рамках относительно замкнутых административных границ. Таким образом, русские переселенцы и власти в начале XX в. уже имели дело с оформившимся тувинским этносом.

Н.П. Москаленко дает краткий очерк геополитической ситуации в регионе, особенно после падения Цинской династии в 1911 г., и показывает постепенное вызревание идеи протектората у российской и тувинской сторон. Высказывается принципиально верная мысль о том, что принятие покровительства России отнюдь не отвечало настроениям простых аратов (в этом автор polemизирует с множеством советских историков, утверждавших обратное) (с. 52). В действительности простонародье в данной ситуации полагалось в целом на национальную элиту и безропотно следовало сделанному ею политическому выбору. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать во времена присоеди-

нения к России, например, Казахстана и многих северокавказских владений. Данное противоречие между историографическими штампами и исторической реальностью служит одной из причин, почему история российских народов нуждается в более тщательном исследовании, о чем говорилось выше.

Глава I представляет собой своеобразный фон для подробного освещения последующих событий. Очевидно, поэтому отдельные аспекты освещены слишком лаконично, отчего ряд важных особенностей развития Тувы в начале XX в. остался не оговоренным. Например, диссертант не показывает, отчего российское правительство остановилось именно на варианте протектората, а не колонии или прямого включения Урянхая в империю. Между тем в ходе многолетних обсуждений правящие круги постепенно пришли к выводу о целесообразности именно покровительства на следующих основаниях: оперативное управление краем неосуществимо из-за того, что Саяны по шесть месяцев в году непроходимы; для непосредственного управления там пока было слишком мало русского населения и военных сил; сохранение окружной структуры хошунов, о чем просила местная знать, представлялось возможным только в условиях протектората; наконец, проанализированный в Совете Министров колониальный опыт европейских держав (прежде всего Германии в Африке) свидетельствовал о целесообразности постепенной подчинения новых территорий, в отличие от прямой агрессии, характерной для политики Франции.

В диссертации перечисляются главные совещания по урянхайскому вопросу, однако оказались не упомянутыми совещание у иркутского генерал-губернатора о мерах по поддержке русского населения в феврале 1911 г. и — главное — съезд тувинской знати в январе 1912 г., на котором обсуждалась ориентация на Монголию или на Россию, и был сделан выбор в пользу последней.

К сожалению, пока не подтверждается данными источников гипотеза автора об участии далай-ламы в российских политических комбинациях именно вокруг Тувы (а не только Монголии и Центральной Азии в целом) (с. 33–36).

Сам характер нового режима в Туве после установления протектората заслуживает более детальной картины, чем это представлено в диссертации. Фактически остались не освещенными противоречия внутри российской администрации по вопросам отношений с местной элитой, жестокие, иногда кровопролитные конфликты из-за земли между тувинским и русским населением, да и среди самих русских.

Глава II «Дискуссионные вопросы образования и истории Тувинской Народной республики» фактически открывает совершенно новую страницу в историографии Тувы. Неоспоримый до сих пор вопрос о характере и результатах так называемой «национально-освободительной революции» в крае подвергается радикальной ревизии, освещен предельно логично и убедительно. По многочисленным документам, привлеченным И.П. Москаленко, получается, что революции там не произошло. А провозглашение Народной Республики явилось следствием не социального переворота, а политической комбинации, инициированной в значительной степени большевиками. ТНР была призвана служить иллюстрацией освобождения и самоопределения народов Востока в результате Октябрьской революции 1917 г. (с. 72, 73).

В главе поднимаются и подробно изучаются новые проблемы — такие, как роль ламаистского духовенства в образовании республики. Автор абсолютно

прав, на наш взгляд, когда утверждает, что привлечение лам к государственному строительству и управлению на начальном этапе существования ТНР являлось вовсе не ошибкой Советской власти (как писало большинство исследователей), но единственно возможной мерой в условиях практически поголовной неграмотности народа и необходимости значительного времени для подготовки новой управленческой элиты. В связи с этим напрашивается аналогия с национальными образованиями в пределах СССР. В 20-х гг. административный аппарат союзных и автономных республик подвергся так называемой «коренизации». Эта политика предусматривала в том числе выдвижение управленческих кадров из местного населения, причем, как правило, из среды беднейших крестьян и батраков (как «социально близких» Советской власти). Духовенство и аристократия как враждебные силы уже не допускались к управлению. В Туве, не охваченной советской «коренизацией», подготовка светских кадров велась замедленно, и ламы поначалу играли весьма существенную роль в государстве.

Н.П. Москаленко описывает политические репрессии и роль в них многолетнего лидера Тувы С.К. Токи; особый параграф посвящен политико-психологической характеристике этого яркого исторического деятеля.

Основной вопрос, встающий при исследовании новейшей истории Тувы, — это ее отношения с Советским Союзом и степень ее зависимости от него. В тексте диссертации нет прямых указаний на советское воздействие или диктат, хотя автор прямо пишет: «Советская Россия сохраняла ... фактически все свои геополитические позиции в Туве, обеспеченные в свое время протекторатом» (с. 87). Между тем приводимый материал свидетельствует о всеохватном контроле соседней державы-гегемона. Хорошей иллюстрацией такого контроля может служить Конституция ТНР 1930 г., которая утвердила герб страны: «На красном фоне земной шар, окруженный венцом из колосьев хлеба и травы, в середине шара ... серп и грабли, крест-накрест, а в верху земного шара — пятиконечная звезда с надписью «Тувинская Аратская Республика» и «Пролетарии всех стран и угнетенные народы Востока, соединяйтесь!»» Несмотря на вымученную «специфику» (трава, грабли, «народы Востока» в марксистской формуле), герб явно копировал советскую символику. Складывается впечатление, что руководство СССР в отношении Тувы стремилось использовать опыт национальной политики в мусульманских регионах; об этом говорит, в частности, название денежной единицы «акша», введенной при финансовой реформе 1936 г.

Естественно, главной опорой советского контроля служила многочисленная русская колония. Диссертант пишет о ней очень подробно, останавливаясь, как правило, на тех вопросах, которые в литературе обходились или замалчивались. Например, превращение Русской самоуправляющейся трудовой колонии в Комитет советских граждан в 1932 г., а затем ликвидация и этого комитета через десять лет резонно объясняются приведением местных властей после чисток и репрессий к полной покорности советскому руководству и исчезновением необходимости содержать дополнительную опору в виде особых русских организаций (с. 118).

В главе III «Проблема вступления Тувы в состав СССР и некоторые проблемы ее развития в советский период» Н.П. Москаленко обращается к событиям 40-х — 80-х гг. Привлекает своеобразная «стереоскопичность» взгляда на вопрос присоединения Тувы к СССР. С одной стороны, на архивных материалах

показано, что инициатива исходила от тувинских лидеров, заинтересованных в облегчении советской экономической помощи. А с другой, — есть серьезные основания предполагать и интерес со стороны Центра, учитывая сталинскую политику по возвращению бывших имперских владений (с. 134, 135).

Разбирая послевоенную коллективизацию в Туве и перевод кочевников на оседлость, Н.П. Москаленко справедливо отмечает, что эти процессы были сложным явлением. Их нельзя, как это зачастую делается в литературе, оценивать односторонне — как прогрессивные социальные преобразования или же как преступления против вековых жизненных устоев народа (с. 139). К анализу обстановки 40–50-х гг. следовало бы добавить, что проблема седентаризации тувинцев поднималась еще в период протектората и имела целью сократить площадь земель, используемых тувинцами. Осев на землю, те освободили бы пастбища под сельскохозяйственное освоение их все прибывавшими русскими. Возможно, и в советской экономической политике тоже учитывалась целесообразность максимального сокращения кочевых передвижений, чтобы развивать нескотоводческие секторы хозяйства.

Экономические преобразования советского времени привели к радикальной ломке многих аспектов традиционного образа жизни тувинцев. Но можно ли утверждать, как это делает Н.П. Москаленко, будто произошла смена цивилизации кочевых скотоводов оседлой цивилизацией скотоводов-земледельцев (с. 143)? Думается, данный тезис нуждается в дополнительном анализе. Действительно, многовековой кочевничий уклад позволял включать Туву в область древней центральноазиатской кочевой цивилизации. Однако едва ли социально-экономические трансформации советской эпохи привели к складыванию новой цивилизации. Может быть, правильнее было бы видеть в тувинском обществе 50-х — 80-х гг. маргинальную периферию общесоветского экономического и культурного пространства, не сводимого к «скотоводческо-земледельческому» параметру. Формально, если пользоваться данным понятием рядом, советское общество было, конечно, в основном оседлым или «оседло-земледельческим», или «земледельческо-скотоводческим», но кажется неуместным применять подобные дефиниции архаичных образований к развитым социумам XX в. Тем более спорна мысль о складывании особой цивилизации в «одной, отдельно взятой» автономной республике.

Вопросы истории Тувы последнего десятилетия поднимаются в главе IV «Проблемы этнополитического развития Тувы в «перестроечный» и постсоветский периоды». Впервые проанализирован монографически, с чисто научной, а не политической точки зрения межэтнический конфликт 1990 г. Многочисленные документы, свидетельства очевидцев позволяют заключить, что масштабы тогдашнего кровопролития оказались преувеличенными в средствах массовой информации. Главная ценность данной части исследования представляется в доскональном описании причин конфликта, который, по словам автора, представлял собой «сложный этнополитический процесс, сочетавший «конфликт стереотипов», «конфликт идей» и «конфликт действий»» (с. 161; здесь используется новая и весьма удачная градация конфликтов, разработанная специалистами Института этнологии). Абсолютно верна констатация восприятия местными национал-радикалами русских как начальников и конкурентов с неоправданно высоким социальным статусом (там же). Здесь

следует отметить удивительную аналитическую способность (или интуицию) Н.П. Москаленко, которая в начале 90-х гг. высказала уверенность в угасании тувинского конфликта, в то время как в прессе предрекали его эскалацию.

Вместе с тем следовало бы указать, что в стабилизации межэтнических отношений в республике сыграли свою роль и государственные документы, директивные решения: Федеративный договор, указ президента РФ «О неотложных мерах по стабилизации и развитию социальной сферы Республики Тува» 1993 г., принятие в апреле 1998 г. Концепции государственной национальной политики Республики Тува.

Самостоятельную ценность представляют рассуждения диссертанта об избирательном использовании политиками исторической памяти народа в своих целях (с. 163, 164). Очевидно, подобные наблюдения актуальны в отношении не только современной Тувы.

То же хотелось бы отметить в отношении рекомендации изучения в русских школах Тувы основ тувинской национальной культуры и истории и наоборот (с. 188). Такая гуманизация образования ныне превращается в общую потребность в различных регионах России, и ученые вместе с работниками учебных заведений все активнее выступают за разработку курсов, в которых присутствовала бы концепция этнокультурного плюрализма, предполагающая воспитание человека в духе естественной принадлежности к своей национальной культуре и одновременно прививание интереса и уважения к другим культурам; задачей школы должно стать воспитание навыков межкультурной коммуникации.

В целом диссертация Н.П. Москаленко представляет собой оригинальный, высокопрофессиональный научный труд с широким диапазоном как решаемых проблем, так и источников и методов исследования. Предложенные ею походы к решению частных вопросов истории Тувы могут послужить образцом для изучения спорных тем в истории других регионов и народов России.

[2001]

***Отзыв на автореферат кандидатской диссертации
И.А. Мустакимова «Государственное устройство,
территориальный состав и этносоциальная структура
Джучиева Улуса XIII–XVI вв.»***

В диссертации И.А. Мустакимова исследование Улуса Джучи проведено в необычном ракурсе – с точки зрения наименований этого государства в источниках, выявления воздействий политических и этнических факторов на средневековую географическую терминологию. Представляется, что подобный подход интересен и ценен по многим причинам. В частности, потому, что непосредственно от джучидских государств, особенно периода XIII–XIV вв., почти не осталось аутентичных текстов. Кроме того, в тюрко-монгольском мире терминология, связанная с государственностью, была довольно неразвита, а понятия, обозначающие социальные и политические институты, оказывались зачастую абстрактными и многозначными.

Ценность рецензируемой работы видится в том, что автор впервые свел воедино обозначения Джучиева Улуса в разноязычных и разновременных текстах,

восстановив при этом не только официальные названия государства в различные периоды, но и влияние различных исторических обстоятельств на его возникновение его наименований.

В дальнейшем исследование можно будет расширить за счет более широкого привлечения материала русских летописей, которые можно считать аутентичным источником. Ведь княжества Северо-Восточной Руси находились в подданстве ордынских ханов, и нюансы употребления обозначений «Татары» (в географическом смысле) и «Орда» заслуживают детального рассмотрения.

К сожалению, в автореферате на стр. 12–13 и 14–15 при изложении содержания глав 1 и 2 оказался практически продублирован текст. Очевидно, это просто техническая ошибка, не означающая, что в этих главах содержится одно и то же.

В целом представляется, что диссертация, судя по автореферату, является оригинальным, интересным исследованием, которое по-новому освещает важные аспекты средневековой истории Евразии.

[2012]

***Отзыв на диссертацию кандидата исторических наук
Е.Р. Нестеровой «Монгольская империя Юань в Китае в XIII в.
Аспекты цивилизационного взаимодействия»***

Вопросы изучения полиэтнических обществ сейчас приобрели особую значимость, в том числе в России. Взаимодействие носителей различных культурных кодов в пределах единых государственных систем является не только насущной проблемой практической политики, но и сложной исследовательской задачей для нескольких научных дисциплин.

В диссертации Е.Р. Нестеровой рассматривается гораздо больший круг проблем, чем можно было бы ожидать от ее названия. Автор не только анализирует цивилизационное взаимодействие в Монгольской империи периода Юань (1271–1368 гг.), но обращается также к предимперским и раннеимперским временам. Источниковая база исследования обширна и в то же время традиционна. Оно основано на сведениях текстов, давно введенных в научный оборот и многократно и подробно проанализированных в историографии. (Впрочем, в такой же ситуации с источниками оказываются все ученые, которые берутся за изучение империи Чингисхана и Чингисидов.)

Общеизвестны достижения китайской цивилизации, перенятые монгольскими завоевателями и взятые ими на вооружение при организации огромной евразийской державы. Меньше внимания историки обращали на обратный процесс – рецепцию монгольских институтов и явлений в государственности и культуре завоеванного Китая. Диссертант приходит к заключению, что это было заметным феноменом в империи Юань. Там были учреждены ямская повинность, должность провинциальных наместников-даругачи; при возрождении китайской системы экзаменов на чин монголы и вообще не китайцы пользовались льготами (поскольку объективно они слабее владели премудростями конфуцианской схоластики по сравнению с китайскими претендентами).

При этом резонно учитывая мизерность пришельцев перед многомиллионным местным населением, автор отказывает китайскому влиянию в абсолют-

ном и всеохватном воздействии на монголов. Можно видеть даже сознательные шаги по ограничению такого влияния. В диссертации приводятся соответствующие аргументы. Хубилай воспринимал основанную им империю Юань как преемницу «иностранческой» империи Цзинь (стр. 241), после мятежа одного китайского военачальника увеличил число советников неханьской национальности (стр. 244). Добавим, что и в благосклонности Хубилая к тибетской ветви буддизма можно видеть средство противодействия мощному влиянию конфуцианских норм на императорский двор и все государство.

Однако при этом перед правительством стояла задача сплочения полиэтничной массы подданных неким общепризнаваемым культурным универсумом — помимо идеи подданства, преклонения перед императорским «Небесным мандатом», монгольской харизмой «сульдэ» и т.п. Обычно в истории правители находили такое средство в принятии новой, общей для всех религии. В Монгольской империи (в то числе в ее юаньской части) этому препятствовала Великая Яса Чингисхана, которая запрещала оказывать предпочтение какому-то одному вероучению. Хубилай пошел по другому пути. По его приказу была создана новая письменность на тибетской основе. Однако, как верно замечает диссертант, народы империи не отказались от привычных графических систем, и так называемое монгольское квадратное письмо было забыто сразу после изгнания монголов из Китая (стр. 244, 245).

Вместе с тем, эти искусственные меры не могли полноценно противостоять тысячелетней традиции Китая. В главе 7, посвященной торговле, помимо ассортимента товаров и цен на них, перечисляются страны, с которыми Юани вели активную коммерцию. Оказывается, что круг этих стран очерчивался оком привычной китайской ойкумены — Дальним Востоком, Южной и Юго-Восточной Азией. На земли к западу от империи Юань ее власти обращали очень мало внимания; западные улусы Монгольской империи (Хулагуидский Иран, Золотая Орда, Чагатаи в Средней Азии) их почти не интересовали. В источниках юаньской эпохи сведения о тех краях ничтожно малы и при том зачастую передают искаженные, неверные сведения.

Возможно, в этом подспудно сказывался прораставший сквозь жесткую систему монгольского правления синоцентризм. Здесь, пожалуй, проявилась теоретическая перспектива все большей и неотвратимой китаизации степных агрессоров, что уже не раз случалось до Чингисхана и Хубилая. Е.Р. Нестерова, очевидно, права, когда утверждает, что завоевание не воспринималось китайцами, в отличие от всех прочих оседлых народов Евразии, как эсхатологическая катастрофа: «Для них, на фоне многократных завоеваний кочевниками на протяжении всей истории, монголы стали просто еще одной группой завоевателей... Монголы не расценивались как некое уникальное бедствие. Скорее, просто как еще одна страница истории» (стр. 298).

В работе Е.Р. Нестеровой затронута немало дискуссионных проблем, которые или не поддаются пока окончательному решению, или допускают альтернативные интерпретации. К дискуссии также побуждает полемический стиль автора.

Так, в отношении образования XII в. *Qamug mongqol* Е.Р. Нестерова присоединяется к тем, кто переводит и трактует данное словосочетание буквально: «все монголы». Она пишет: «Если бы *Qamug mongqol* представляло из себя

государственное образование, у этого государства, помимо названия, должны были бы быть хоть какие-то властные институты. А в источниках ни о чем подобном не говорится» (стр. диссертации 154). Но, во-первых, при известном дефиците сведений о средневековых бесписьменных обществах мы не можем отказывать этим обществам в каких-либо признаках из-за того, что в единичных, уникальных упоминаниях о них отсутствует достаточная информация. Во-вторых, современная наука давно не оперирует жесткой схемой «государство или не государство». Разработаны многочисленные концепции различных стадий ранних государств, вождеств, других неэгалитарных сообществ. Очевидно, было бы правомерно пока, до накопления дополнительных данных, определять *Qamug mongqol* общим понятием «полития».

Автор прав, когда отмечает, что китайцы всех кочевников к северу от Великой стены в XI – начале XIII вв. называли татарами (стр. 134). Однако нужно учитывать, что и в мусульманских странах той же эпохи этноним «татар» служил обобщенным названием народов Центральной Азии. Когда меркиты, преследуемые чингисовыми войсками, приблизились к границам Хорезма в 1216 г., там это расценили как пришествие татар.

В диссертации отмечается сознательное расчленение монгольских и тюркских племен Чингисханом. Единичные же разрешения его на воссоединение племен являлись особой милостью (стр.164). Такая трактовка добавляет еще одну версию в старый, нерешенный спор: почему в разных концах Монгольской империи, Золотой Орды – и впоследствии в составе разных народов – оказались родоплеменные сообщества с одинаковыми названиями (найманы, кунграты, мангыты и др.). Согласно одной точке зрения, различным племенам были дарованы места для кочевания, а местное тюркское население – гораздо более многочисленное – приняло названия этих новых владельцев. Другое мнение сводится к переносу на подвластное население племенной принадлежности тысячников, которые командовали разношерстным контингентом кочевников-ополченцев. Таким образом, в рецензируемой диссертации предлагается третье объяснение.

Империя Юань появилась в то время, когда Монгольская империя находилась на грани окончательного распада. Автор пишет: «Хубилай перенес свою столицу из степи [в Китай], положив начало обособлению частей Монгольской империи и выделению четырех самостоятельных государств» (стр. 170). Действительно, основание столицы (Ханбалыка) на месте современного Пекина означало демонстративный разрыв со старой традицией, предусматривавшей пребывание кагана в монгольском городе Каракоруме. Это важно учитывать в связи с повышенным (и не вполне заслуженным) вниманием казахстанских и части российских историков к курултаю (съезду знати) на реке Талас в 1269 г. – через три года после основания Ханбалыка. На этом съезде представителями западных улусов якобы было принято решение отделиться от верховного правителя, перебравшегося в Китай, и править каждому уже в качестве суверенных государей. Подход Е.Р. Нестеровой представляется более здравым в плане учета исторических обстоятельств.

В диссертации имеются положения, нуждающиеся в уточнении.

1. Историография использована выборочно. Необходимо было учесть серию монографий единственного российского специалиста по истории Юань А. Ш. Ка-

дырбаева, а также превосходное демографическое исследование М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени» (М., 1987) о периодах Юань и Мин.

2. Тангуты некорректно отнесены к числу кочевников и степных завоевателей Китая (стр. 119, 121).

3. Стр. 156: «каждому представителю правящего Золотого рода полагается улус (крепостные вассалы), юрт (территориальное владение) и инджу (доход, соответствующий нуждам двора и войска)» (следует ссылка на В.В. Бартольда). Во-первых, вассалы не могут быть крепостными, как и сеньоры – это люди из разных социальных страт; во-вторых, территорию кочевий в данном случае следовало именовать не тюркским термином «юрт», а монгольским «нутаг».

4. Автор, кажется, не определился с принципом владения землями и подданными в Монгольской империи. Стр. 156: Чингисхан рассматривал империю «с точки зрения родовой собственности, от которой каждому представителю правящего Золотого рода полагается улус..., юрт... и инджу». Но ниже, стр. 171: «особенность монгольского подхода к завоеванным владениям» – это «рассмотрение их в качестве личной собственности правителя». Так все-таки родовой собственности или личной?

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования.

[2020]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.Н. Никитина
«Улусная система Монгольской империи в памятниках
письменности имперских центров чингизидских ханств
и Древней Руси»***

Изучение Монгольской империи представляет собой одну из «вечных» тем мировой историографии. Ежегодно появляются научные и популярные работы, описывающие создание колоссальной державы Чингис-хана и его потомков. В этой массе литературы труды российских историков занимают по традиции одно из приоритетных мест. Подчинение русских княжеств империи и затем ее отделившейся части – т.н. Золотой Орде давно анализируется в нашей науке.

Получилось так, что к середине XX в. корпус основных источников о той эпохе был введен в научный оборот. С тех пор историки в основном разрабатывают новые концепции и интерпретации событий и явлений, опираясь на один и тот же довольно ограниченный круг средневековых хроник, актов, путевых записок и некоторых других памятников.

Подобный концептуальный поиск характерен и для диссертации А.Н. Никитина. Он попытался заново проанализировать улусную систему Монгольской империи, которая уже многократно и подробно описана в литературе. Разветвленная государственная структура Чингисидов включала в себя политические образования разного плана: уделы царевичей и иных представителей правящего дома (собственно улусы); наместничества, управляемые эмиссарами из имперской столицы; вассальные владения с собственными правителями. Источники содержат обширный материал для изучения этой пирамиды вла-

дений, поэтому именно данный сюжет в историографии освещен едва ли не лучше других.

Однако диссертант пробует рассмотреть иную ипостась улусной системы — ее идейные основы, мировоззренческие принципы, на которых базировалось территориальное разделение «Еке Монгол Улуса». Для этого он использует сочинения, созданные в разных странах и на разных языках на протяжении нескольких столетий. Кроме того, значительное место в работе отведено сопоставлению монгольской улусной системы с удельным строем, который сложился у славянских данников Орды.

Одна из не разрешенных до конца историографических проблем состоит в статусе «Русского улуса»: являлся ли он частью Монгольской империи и позднее Золотой Орды или обладал автономией и не был встроен в улусную систему? Это довольно сложный вопрос. Русские княжества несомненно составляли часть Монгольской империи, пока она сохраняла реальное единство (до 1260-х гг.). Но вот по отношению к ханам Золотой Орды их статус остается спорным для историков. Я склонен разделить подход А.Н. Никитина: при всем своеобразии своего положения, завоеванные русские земли все же следует считать включенными в систему ордынской государственности. Это верно по крайней мере в отношении великих княжений Владимирского и Тверского. Автором подобран яркий материал для демонстрации сходства удельных систем Орды и Руси, для разбора семантики ключевого понятия жалование (жаловать). А если добавить к этому наличие в монгольской державе других подобных вассальных владений-данников, то мы увидим здесь характерное для архаичных империй явление: территории и правители с неодинаковым рангом, с различной степенью подчиненности правительственному центру — в итоге, с разными уровнями подданства.

Используя элементы семиотического анализа, диссертант прослеживает бытование в монгольской среде термина сойургал и его распространение на улусных территориях. Он приходит к заключению, что система удельных пожалований в кочевом обществе империи и на Руси была в общем сходной. Сходство наблюдается также в концепции принадлежности подвластных земель и народов царствующей династии. В целом, как пишет автор, «и Великий Улус, и Русское государство формировались как собственность правящего дома».

Однако А.Н. Никитин из этих фактов не выводит прямого заимствования феодальных порядков русскими из Орды. Напротив, он убежден, что «то был результат не заимствования Чингизидского опыта, но развитие традиций великокняжеской семьи» (с. 298, 313, 314).

Их данного заключения, кстати, вытекает еще одно немаловажное новшество в историографическом осмыслении эпохи «ига». Выводы А.Н. Никитина опровергают стереотипный тезис об отсталости монголов и кочевых тюрок по сравнению с завоеванной ими Русской землей. По многим параметрам кочевой мир Евразии и общество Руси XIII–XIV вв. оказывались типологически сходными и близкими. В связи с этим было бы полезно пересмотреть разработки историков евразийской школы о массовых заимствованиях русскими у татар элементов государственности, налогообложения, военного дела и т.д. — в частности, разграничить прямое перенимание институтов и использование лишь ордынской терминологии для обозначения явлений, возникших на русской почве.

При соединении указанных двух подходов (отказ от идеи более высокого развития Руси и от идеи широких ордынских заимствований) становится понятным, почему в государственности и культуре Золотой Орды мы находим черты китайской, мусульманской, оседло-тюркской (уйгурской) цивилизации, но там совершенно не присутствуют русские черты. (Этот вопрос евразийцы благоразумно замалчивали.) Очевидно, цивилизационный опыт Руси, накопленный к тому времени, не представлял практического и познавательного интереса для создателей крупнейшей империи в истории.

В этой связи любопытен также произведенный в диссертации анализ употребления понятий царь и царев улус в XIII–XV вв. Известно, что монгольских правителей русские называли царями (цесарями). Использование этого титула, ранее прилагавшегося на Руси лишь к византийским и германским монархам, представляет собой любопытное социокультурное явление. А. Н. Никитин выводит здесь связь с библейскими персонажами, с древними царями-тиранами, которым уподоблялись татарские династии в глазах русских средневековых интеллектуалов. Из этого положения следует важный вывод: признание легитимности «царского» (ханского) правления не исключало негативного отношения к самой этой власти в принципе. Осознавалось появление в будущем и русско-го царя, когда «Божьим попущением» Орда ослабеет (надежды на это заметно усиливались со второй половины XIV в.).

Некоторые положения диссертации вызывают вопросы и нуждаются в уточнении.

1. Во многом автор опирается на разработки и достижения своих коллег, историков нескольких поколений. Следовало хотя бы вкратце охарактеризовать вклад наиболее видных востоковедов и русистов в изучение проблем, поднятых А. Н. Никитиным. К тому же историографический очерк составляет обязательную часть диссертационного сочинения по истории. Однако автор ограничивается обзором историографии русско-ордынских отношений и характеристикой евразийства, не уделяя внимания обширной литературе по собственно улусной системе. Параграф «Зарубежная историография» занимает всего 3 страницы и не содержит ни одной фамилии. Получается, что проигнорированы труды не только монгольских историков, но классиков западной ориенталистики (П. Пельо, П. Голдена, И. Рахевилца и др.). Кроме того, в наше время данную тему уже невозможно изучать без учета исследований, ведущихся в Казахстане, Китае и Японии.

2. Диссертант злоупотребляет иноязычной терминологией. Часто он неоправданно дает цитаты параллельно на русском и восточных языках, что никак не помогает исследованию; некоторые восточные термины он вводит в авторский текст (например, монгольское слово нэрэ), что также кажется излишним.

3. Отдельные сюжеты представляются не обязательными для раскрытия темы диссертации и, будучи освещаемы очень поверхностно, без надлежащего текстологического анализа, только усложняют текст и затрудняют возможность следить за мыслью автора. Нам кажется, что вполне можно было бы обойтись без описания (именно описания, а не исследования!) таких тем, как история предков Чингисхана, его борьба за власть и участие в степных коалициях, отношения монголов с чжурчжэньской империей Цзинь, этимология имен и мн. др.

4. А. Н. Никитин использует понятие «тенгрианство» для обозначения системы языческого мировоззрения и шаманистских культов, практиковавшейся у евразийских кочевников на протяжении по меньшей мере первых полутора тысячелетий н.э. Концепция тенгрианства была изобретена в середине 1980-х гг. и в наши дни получила распространение среди монгольских, казахстанских, отчасти татарстанских, северокавказских и др. историков. Стремление во что бы то ни стало «найти» у кочевников монотеизм и поставить их тем самым в один ряд с оседло-земледельческими цивилизациями Старого Света объяснима и понятна в ситуации постсоветского идеологического вакуума. А. Н. Никитин воспринял «учение» о тенгрианстве без малейшей критики. Более того, он считает, будто концепция власти в империи Чингис-хана имела тенгрианские основы. Это его право, однако заметим, что нужно было аргументировать эту новую и необычную для отечественной историографии интерпретацию. Ведь до сих пор в профессиональной российской науке данная истинная идеологическая конструкция не воспринимается всерьез никем, в том числе автором данного отзыва.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы А. Н. Никитина. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. А. Н. Никитину удалось создать интересное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2006]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Д. Н. Никитина
«Журнал «Революция и национальности». Теория и практика
национального строительства в СССР (1930–1937 гг.)»***

Диссертация Д. Н. Никитина «Журнал «Революция и национальности». Теория и практика национального строительства в СССР (1930–1937 гг.)» представляет собой серьезное и многогранное научное исследование, посвященное одной из сравнительно мало изученных проблем — отражению на страницах печати вопросов национальной политики советского государства в 20–30-е гг. в ее самых разнообразных аспектах и ее практическое проведение в жизнь. Степень актуальности поднятого диссертантом вопроса выражена достаточно четко, так что многие стороны межнациональных отношений современности получили свое начало и развитие именно в рассматриваемый Н. Д. Никитиным период.

Вполне понятно, что поскольку в работе исследуются материалы указанного журнала, то написана она главным образом на основе анализа его периодики, но вместе с тем автором использовано большое количество работ партийных и государственных деятелей того времени, материалов съездов, а также архивных материалов, многие из которых впервые вошли в научный оборот. В то же время, уже при первом же взгляде на диссертационный текст видно, что его содержание явно перерастает рамки журнальной темы и приобретает широко-масштабный обзор межнациональных проблем в СССР 20–30-е гг.

В принципе, структура работы выглядит довольно убедительно. Но было бы все же логичней, если бы заголовки глав со второй по четвертую были бы более

увязаны с формулировкой самой темы. Получается, что собственно о журнале говорится только в первой главе, а в остальных он присутствует постольку-поскольку. И это при всем том, что деятельность журнала действительно проходит через все главы и параграфы работы. Ряд же теоретических рассуждений автора вполне можно было бы привести позднее, в соответствующих разделах диссертации, избежав при этом некоторых ненужных повторений.

Автором очень хорошо показана история возникновения и существования журнала, грамотно и четко определены его задачи и цели. С большой симпатией показана деятельность бессменного главного редактора журнала С. М. Диманштейна, приведен редакционный коллектив, показано отношение к журналу со стороны различных государственных деятелей. Единственный недочет этого раздела — отсутствие хоть каких-либо персоналий авторов журнала, о которых даются лишь самые общие сведения. Естественно, упомянуть о многих из них не всегда возможно, но в последующих разделах Д. Н. Никитин приводит ряд имен, так почему бы это не сделать ранее?

Автор показывает хорошее знание общих и специальных исторических теорий, рассматривая вопросы, содержащиеся в последующих параграфах главы, но вывод его порой слишком традиционны. Так, отказ Ф. Энгельса славянским народам (кроме чехов) распавшейся Священной Римской империи в праве на создание собственной национальной государственности объясняется не расхожими фразами о примате у него классового подхода над национальным и не грядущим ожиданием революций в славянских странах (о чем вообще тогда никто не мог знать), а неприкрытой славянофобией немецкого теоретика. Так, в «Гражданской войне во Франции» Ф. Энгельс со страхом и презрением пишет о варварской толпе восточных славянских гуннов, стремящихся хлынуть в Европу и покорить цивилизованные центральноевропейские народы. Здесь теоретик-интернационалист явно уступает место германскому националисту.

Вряд ли следует считать правильной критику автором А. И. Вдовина, назвавшего Л. Д. Троцкого «национальным нигилистом», который именно таковым и являлся, не представляя собой никакого особого пути в теории национального вопроса. Сам же автор буквально несколькими строками ниже убедительно показывает, что взгляды Троцкого были близки взглядам Н. И. Бухарина. Можно было еще добавить, что ленинскую национальную политику (особенно в ее теоретическом аспекте) вообще мало кто полностью поддерживал в высшем советском и партийном руководстве. Наиболее часто это делал И. В. Сталин.

В этой ситуации возникает естественный вопрос: был ли Сталин продолжателем национальной политики Ленина? Сам автор ответа на него не дает, много и часто ссылаясь на С. Диманштейна, который считает это само собой разумеющимся и по-другому, естественно, в те годы считать не мог.

Следующий параграф, открывающий новую главу, назван «Упорядочение системы национальных образований», что звучит несколько тяжеловесно. Автора более всего занимает вопрос о различных формах национальной федерации и их взаимоотношениях в складывавшейся многоступенчатой системе. Не обойдены авторским вниманием даже такие негосударственного характера образования как национальные сельсоветы и национальные колхозы. Автор добросовестно проследил ход национально-государственного строительства в СССР, сделал немало важных замечаний и выводов. Но все же, такой подход,

как представляется, несколько сужает рамки проблемы, поскольку не учитывает тот факт, что национальный фактор не являлся для большевиков определяющим при внутреннем делении страны. Именно поэтому границы между многими автономиями проводились весьма условно, а интересы местного населения учитывались далеко не всегда. Были попытки создания совместных национальных республик (Татаро-Башкирская, Литовско-Белорусская) и даже многонациональных (Горская АССР), Крымская же АССР никогда не создавалась как национальная автономия крымских татар, чтобы не говорил по этому вопросу упоминаемый в тексте М.И. Калинин.

Далее автор рассматривает вопросы коренизации местных аппаратов и формирования кадров местного пролетариата. По-существу эти вопросы близки и вполне могли бы оказаться в одной главе, но диссертанту, вероятно, не хотелось ломать стройную структуру работы. Принципиальной ошибки здесь, во всяком случае, нет.

Д.Н. Никитин совершенно справедливо обращает внимание на развернувшиеся дискуссии о необходимости коренизации, поскольку многие считали эту меру не своевременной и даже не социалистической. На основе обширного фактического материала, часть которого сведена в хорошо подготовленные и понятные таблицы автор проследил движение этих процессов в ряде республик, и по материалам исследуемого журнала обнаружил, что коренизация на местах зашла значительно дальше пролетаризации. К сожалению, нет совершенно очевидного вывода, что принятые еще на XII съезде резолюции о необходимости формирования национального пролетариата с целью «подтянуть» с точки зрения большевиков отсталые народы и вывести на уровень промышленного развития выполнены не были и братской поддержки со стороны окраин ждать не приходилось. С другой стороны, началось формирование местных национальных элит, которые под рукой Сталина не на что особенно не претендовали, но позднее создали знаменитый в брежневское время и в начале «перестройки» местный бюрократизм. Многие из этих элит (уже другого, конечно, поколения) активно участвовали в развале СССР.

В последнем разделе работы рассмотрены вопросы языковой, литературной политики и т.п. Рассмотрены они довольно фрагментарно и их трудно сравнивать с другими частями работы, но автору, вероятно, хотелось использовать как можно более имеющегося у него материала.

В заключении автор подводит итоги исследования, дает оценку роли журнала «Революция и национальности», рассматривает результаты советской национальной политики того времени. Хотелось бы пожелать ему более четких и глобальных выводов.

[1997]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.В. Парунина
«Политическая история Тюменского ханства в 1430–1508 гг.»***

В диссертации А.В. Парунина исследуется один из самых загадочных периодов сибирской истории. XV век слабо освещен письменными источниками и пока мало представлен археологическим материалом. Именно на это столетие и на-

чало следующего пришлось существование Тюменского ханства, которое является предметом внимания диссертанта. Саму по себе постановку такой проблемы можно только приветствовать, т.к. она позволяет открыть для тех, кто интересуется историей России и Сибири, малоизвестное государство на территории нашей страны, причем государство, которое существовало не в очень отдаленном (не в тысячелетнем) прошлом.

Его название «Тюменское ханство» уже эпизодически появлялось в историографии (автор, видимо, справедливо отдает приоритет в его употреблении историку-любителю второй половины XIX в., тобольскому инспектору гимназии И.А. Введенскому — стр. 12 диссертации), однако прочное утверждение его в научной литературе произошло, очевидно, после публикации в Казани в 2018 г. коллективной монографии «Тюменское и Сибирское ханства». Это фундаментальное издание было подготовлено главным образом усилиями научного руководителя диссертанта, Д.Н. Маслюженко, и послужило к дальнейшему углубленному исследованию истории региона в постордынскую и предроссийскую эпоху.

Диссертация А.В. Парунина — это первое монографическое исследование, посвященное именно Тюменскому ханству, которое до того обычно «растворялось» в общих наименованиях «Сибирское ханство», «Сибирский юрт», «государство кочевых узбеков». При этом автор не отказывает в существовании и ханству Сибирскому, которое, в определенном смысле, после полувекового перерыва заступило на смену Тюменскому — с воцарением в Искере Ахмед-Гирея и Кучума.

Насколько позволяют чрезвычайно лаконичные источники, диссертант раскрывает сложный процесс вызревания нового очага государственности на крайней северо-восточной периферии распадающейся Золотой Орды. Он обоснованно усматривает истоки политической самостоятельности регионального административного центра — города Тюмени (Чимги-Туры) в постепенном усилении во второй половине XIV в. Шибанидов — одного из ответвлений многолюдного династического ордынского клана Джучидов, четко устанавливает последовательность и преемственность шибанидских правителей, а также — там, где это хоть сколько-нибудь возможно — некоторые обстоятельства их правлений. Главный акцент в диссертации сделан на событиях XV в., особенно его конца, когда Тюменское ханство становится заметным участником международных отношений, в том числе, и в Восточной Европе. Важным аспектом исследования (и во многом новым для историографии) представляется реконструкция автором последнего этапа существования ханства — фактически его угасания в начале XVI в. В целом надо заметить, что весь исторический путь, проделанный татарскими политиями Западной Сибири, отразил сложный, долгий, иногда возвратный процесс деградации золотоордынской (а изначально — монгольской имперской) государственности.

Я разделяю подход диссертанта к поиску корней политической самостоятельности Тюмени в, казалось бы, хронологически отдаленной от позднейших сибирских событий «Великой замятне» — масштабной междоусобице в Золотой Орде второй половины XIV в. Именно с того времени в государствах на территории бывшей Монгольской империи наметился и затем набрал силу процесс отхода потомков Чингисхана от реального управления. Смена пра-

вающих элит происходила постепенно и проявлялась по-разному. В частности, дорогу к власти проложила нединастическая аристократия — беки тюркских племен, которые до той поры были почти незаметны в политике. В Западной Сибири таковыми оказались в начале XVI в. беки из фамилии Тайбугидов, которые не только оттеснили от власти ханскую династию, но и перенесли столицу ханства из Тюмени в Искер (насколько можно в тех условиях говорить о столице).

К периоду «Великой замятни» А.В. Парунин возводит «истоки образования крупных политических объединений под руководством Шибанидов на юге Западной Сибири» (стр. 56). Это мнение представляется резонным. Аналогии с другими постордынскими политиями показывают, что они образовывались на основе устойчивых провинций Улуса Джучи — оседлых вилайетов (Казань, Крым) или кочевых улусов и юртов (Казахское ханство, Мангытский юрт). В случае с рассматриваемым регионом такую провинцию можно видеть в Тюмени/Чимги-Туре. «Вилайет Тура» упоминается (правда, при описании событий уже XV в.) у хрониста Утемиш-хаджи. Однако диссертант, кажется, напрасно, для XV в. называет этот город центром новоиспеченного улуса (стр. 61). Какая-то административно учрежденная область была в тех местах еще в предыдущем столетии. Автор прав, расценивая Тюмень как наиболее заметный населенный пункт в северо-восточных областях Золотой Орды — вероятно, самый крупный и многолюдный. Поэтому возможно предполагать у нее давнюю функцию резиденции провинциальных властей. Не случайно на карте братьев Пицигани 1367 г. безымянный город к востоку от Урала, идентифицируемый с Тюменью, изображен в виде строения с флагом, что означало административно-политический центр, формальное местонахождение локального наместника (который, скорее всего, кочевал в степи).

Этот город стал столицей нового государственного образования — Тюменского ханства. Его первым правителем А.В. Парунин предлагает считать Абу-л-Хайра (стр. 82). До сих пор в историографии действует стойкая традиция рассматривать этого хана как основателя так называемого «государства кочевых узбеков». Данный искусственный термин для обозначения политического образования в Восточном Дешт-и Кипчаке XV в. был изобретен в 1960-х гг. Б.А. Ахмедовым, и историки в целом приняли его, при этом единодушно признавая условность такого обозначения (т.к. оно отсутствует в источниках). Однако столь же искусственным является и понятие «Тюменское ханство», которое в источниках предстает как «Тура», «вилайет Тура» и «вилайет Тюмен». Да, можно согласиться с тем, что Абу-л-Хайр воцарился в Чимги-Туре и тем положил начало еще одному постордынскому ханству. По аналогии с другими синхронными политиями и в качестве инструмента исследования его можно называть Тюменским ханством — есть многочисленные примеры именованья исчезнувших государств терминами, изобретенными в позднейшие времена. Но это именование все равно остается условным, «кабинетным». Условность подчеркивается фактом последующего переезда Абу-л-Хайра со всем двором из Тюмени в Сыгнал на Сырдарье — и получается, что его ханство должно было бы превратиться в «Сыгнакское».

Отстаивая «Тюменское ханство», диссертант возражает против употребления выражения «Сибирский юрт» как неконкретного и расплывчатого. Пола-

гаю все же, что оно имеет такое же право на использование, как «Тюменское ханство» и «Сибирское ханство». Все же эти два понятия в аутентичных текстах не встречаются, тогда как слово «юрт» по отношению к татарской Сибири использовалось (например, в грамоте царя Ивана IV ногайскому бию Исмаилу, 1563 г.: «Зять твой был на Сибири на нашем юрте, а ныне на том юрте Ахмет Кирей царевич»).

В тексте работы имеются некоторые положения, нуждающиеся в корректировке.

1. В Описи царского архива 1614 г. упоминаются несохранившиеся «тюменские тетради», одна из которых была составлена «при Иване царе». По мнению диссертанта, «контекст сообщения позволяет определить, что речь идет об Иване Грозном» (стр. 127, см. также с. 134). Однако, во-первых, «Иван», как и «Ивак» – это распространенная описка в русской передаче имени тюменского хана «Ибак» (Ибрагим), и в диссертации многократно приводятся соответствующие цитаты из летописей и посольских книг. Во-вторых, «царем таким-то» титуловали исключительно татарских династов (царь Азигирей, царь Шигалей и т.п.). Если бы речь в Описи шла об Иване Грозном, то использовались бы обязательные титульные формулы и полное имя: не «при Иване царе», а «при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси». Следовательно, эти «тетради» следует с большей вероятностью датировать концом XV в. – временем жизни хана Ибака-Ибрагима.

2. Послы сибирского бека Едигера Тайбугида привезли в Москву «шертную грамоту с “княжею печатью”, что свидетельствует о развитом делопроизводстве при княжеском (т.е. бекском. – *В.Т.*) дворе» (стр. 178). Опыт работы с подлинниками грамот тюркских (крымских и ногайских) беков показывает, что эти документы скреплялись перстневыми печатями, и для их составления требовался всего лишь один грамотный писец. Поэтому нет достаточных оснований для утверждения о «развитом делопроизводстве» в ставке Едигера.

3. При характеристике анонимной хроники нач. XVI в. «Таварих-и гузида Нусрат-наме» (стр. 40) автор упоминает о несостоятельности приписывания ее авторства Мухаммеду Салиху, но не приводит версию о вероятности написания этого памятника узбекским ханом Мухаммедом Шейбани. Эта версия, хотя и остается предположительной, но пока считается наиболее основательной.

3. При характеристике сочинения бухарского автора первой половины XVII в. Махмуда б. Эмир Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» следовало обязательно упомянуть его подробное исследование, проделанное А.К. Алексеевым в монографии «Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар» (СПб., 2006).

4. Сочинение касимовского автора Кадыр Али-бека нач. XVII в. «Джами ат-таварих» некорректно отнесено к крымско-татарским источникам.

5. Имеется одна деликатная проблема, скорее из области научной этики. Приоритет открытия принадлежности сибирских беков-Тайбугидов к тюркскому племени буркутов в диссертации приписывается казанскому историку Д.М. Исхакову (стр. 183, 184). На самом деле авторство данного принципиального положения принадлежит казанскому же исследователю И.А. Мустакимову, который опубликовал и прокомментировал соответствующие переводы из «Таварих-и гузида Нусрат-наме» в статье 2009 г. (Мустакимов И.А. Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» //

Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009. С. 214–232). Поначалу Исхаков при упоминании буркутского происхождения Тайбугидов ссылался на ту публикацию Мустакимова, но затем перестал это делать. А поскольку он печатается очень много и часто, то у многих коллег создалось впечатление, будто именно он и обнаружил в средневековом памятнике данный исторический факт. И.А. Мустакимов в одной из своих последующих статей был вынужден указать на необоснованность такого приписывания Исхакову, указав при этом, что тот не владеет «навыками работы с арабграфичными источниками» (Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011. С. 236). Полагаю, что диссертанту в будущем следует излагать данный сюжет без искажений.

Высказанные замечания не умаляют достоинств рецензируемой диссертации и легко могут быть учтены при дальнейшей работе над данной темой. Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые положения, высказанные А.В. Паруниным, имеют гипотетический характер, что обусловлено, прежде всего, состоянием источниковой базы. Но при этом его диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, которые, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

[2022]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Порсина
«Политическая деятельность Ногая в Золотой Орде
(1262–1301 годы)»***

Тема диссертации А.А. Порсина относится к кругу проблем, которые давно изучаются в отечественной и зарубежной историографии. Место и роль Ногая в истории Золотой Орды и в целом истории Восточной и Юго-Восточной Европы отражены во многих исследованиях. Однако, во-первых, монографически его жизнь и карьера освещалась только в небольшой книжке Н.И. Веселовского 1922 г., во-вторых, за последние десятилетия появилось немало интересных работ по золотоордынской тематике, в которых в той или иной степени затрагивалась деятельность этого исторического персонажа. Как и в любой сфере науки наступает время, когда следует обобщить наблюдения разных авторов, свести их в систему, сопоставить со сведениями традиционных и новых (в данном случае нумизматических) источников – и на этой основе предложить новую реконструкцию исторической ситуации.

В диссертации А.А. Порсина предлагаются некоторые новые походы, позволяющие по-новому взглянуть на историю Золотой Орды второй половины XIII в. Например, автор постоянно соотносит положение в Улусе Джучи с юаньской «метрополией» империи. Данный аспект редко учитывается исследователями, которые начиная с ханствования Менгу-Тимура рассматривают державу Джучидов как отдельный субъект международных отношений, больше внимания уделяя ее связям с Египтом и Хулагуидами. Между тем из рецензируемой работы следует, что нужно учитывать и отношения внутри Монголь-

ской империи — пусть все более номинальной и раздираемой конфликтами. При этом А.А. Порсин считает, что инициатива предоставления независимости Джучиева улуса исходила в начале 1270-х гг. не от джучидских сепаратистов, а от каана Хубилая, стремившегося расколоть коалицию Менгу-Тимура и Хайду. Диссертант даже полагает, что Менгу-Тимур после этого принял каанский титул (стр. диссертации 117, 118).

Еще одним важным аспектом изучения той эпохи в диссертации является анализ влияния религиозных течений и соответствующих политических группировок на ситуацию в Золотой Орде. Прежде всего хотелось бы отметить внимание автора к распространению там буддизма. До работ покойного В.П. Костюкова исследователи ограничивались, как правило, предположением о приверженности к этой религии хана Тохты. В.П. Костюков и вслед за ним А.А. Порсин показали заметное распространение буддизма среди высшей элиты Улуса Джучи. Причем эта ситуация также увязывается диссертантом в том числе с политической борьбой в распадающейся Монгольской империи, с отношениями между Джучидами и двором Хубилая, при котором буддизм стал играть роль государственной религии.

В.П. Костюкову диссертант следует и в интересной интерпретации появления улуса Ногай на западном ордынском пограничье. Он считает, что Ногай заменил там потомков Шибана в 1270-х гг. (стр. 130, 131). При этом А.А. Порсин резонно разделяет скепсис тех историков, которые сомневаются в тождественности деда Ногай — Бувала с Мауцы, который в середине XIII в., по данным Карпини, кочевал по левобережью Днепра.

Оригинальной разработкой А.А. Порсина представляется идея о планах ордынского правительства по подготовке завоевательных кампаний против европейских государств — прежде всего Венгрии. Причем татарские вторжения в Польшу и Болгарию трактуются им как стратегические приемы для достижения этой цели, поскольку Паннонскую равнину отделяли от Орды Карпатские горы. В диссертации убедительно отражены два этапа оживления подобных проектов: на рубеже 1250–1260-х гг. и во второй половине 1280-х гг. (в первом случае они не осуществились из-за династического кризиса в Монгольской империи, во втором — из-за разногласий между Ногаем и сарайским правительством) (стр. 174, 175).

Естественно, в центре исследования А.А. Порсина находится фигура Ногай. Источники о начале его военной и государственной деятельности очень лаконичны, поэтому историкам приходится домысливать подробности его карьеры. Одним из главных вопросов является определение времени, когда Ногай встал во главе всех ордынских войск. А.А. Порсин сомневается, что это произошло при хане Берке. В качестве аргумента он приводит ситуацию войны с ильханом на Кавказе: Берке тогда возглавил свою армию, а Ногай находился на втором плане. Однако такое положение было продиктовано присутствием хана на театре военных действий и, на мой взгляд, несколько не умаляло полномочий главного военачальника. Аналогичная ситуация сложилась в 1278 г., во время аланского похода Менгу-Тимура, когда, как считает А.А. Порсин, Ногай «пост беклярбека... потерял» (стр. 123).

При этом следует учитывать, что институт беклербекства (во всяком случае терминологически) оформился еще в среде раннесредневековых тюрков-

огузов и предполагал разделение управления и командования между ханом (над левым — старшим крылом) и главным беком (над правым — младшим). Улус Джучи в первые десятилетия своего существования, очевидно, обладал разнородной — если не сказать хаотической — системой элементов управления, которая включала заимствования из китайского, киданьского, уйгурского и хорезмийского административного опыта. По мере становления самостоятельной государственности, в условиях преобладающей численности кочевого тюркского населения Золотая Орда все более вооружалась опытом управления именно этой основной массой подданных — опытом, сохранившимся из тюркской старины (Китайские и прочие прецеденты не давали адекватных рецептов для управления завоеванными кипчаками, канглами, огузами и др.). В этих условиях постепенно возродилась традиционная тюркская иерархия беков, и в XIV в. должности главных беков, как известно, занимали уже племенные предводители, а не члены царствующей династии.

Таким образом, полагаю, что ко времени Менгу-Тимура Ногай занимал в Орде пост, соответствующий беклербекскому, хотя, возможно, и не обозначавшийся пока этим термином. Поэтому не могу не разделить сомнения А.А. Порсина в том, будто при Менгу-Тимуре Ногай имел иерархическое и политическое преимущество в рядах ордынской знати (стр. 144). Сам диссертант ниже приводит убедительное доказательство такого преимущества: египетские послы, прибывшие к Менгу-Тимуру и не заставшие его в живых, после аудиенции у нового хана, Туда-Менгу, были приняты именно Ногаем и вручили ему подарки от султана. Причем «взлет» Ногаю не был связан со сменой монарха. Еще при Менгу-Тимуре его имя значилось среди тех, кому предназначались мамлюкские дары, при перечнях татарской знати в биографии Кулавуна Ногай следует сразу за Менгу-Тимуром. А.А. Порсин и сам признает: «Во время правления Менгу-Тимура он (Ногай. — *В.Т.*), безусловно, пользовался определенным политическим весом среди ордынской аристократии» (стр. 154). Все-таки мне кажется, что этот его «вес» и влияние были в той среде не просто «определенными», а доминирующими.

Солидаризируясь с точкой зрения многих историков, А.А. Порсин считает, что в самом конце XIII в., после победы над Тохтой, Ногай провозгласил себя ханом, правителем самостоятельного государства на юго-востоке Европы.

Хотя диссертант разделяет мнение В.П. Костюкова о расположении «коренного юрта» Ногаия на Яике, все же убедительным оснований для такой интерпретации не находится. А.А. Порсин предлагает свое объяснение образованию этого юрта — столь далекого от Ногаевых кочевий на Днестре и Дунае. Ногай породнился с главой золотоордынских кунгратов Салджидаем, а тот имел юрт в районе Хорезма; оттого и произошло «появление владений Ногаия на Яике» — «где-то рядом» (стр. 190). Здесь трудно уловить логическую взаимосвязь: почему породнение с кунгратским беком повлекло за собой появление яицкого юрта у его родича; к тому же Яик — это вовсе не «рядом» с Хорезмом. Кроме того, эль кунгратов как племенное сообщество кочевников имел основание обладать собственным юртом — пространством для кочевания. Ногай же как Чингисид получал в управление не юрт, а улус — податное население. При этом в источниках нет сведений о том, юрты каких татарских племен были включены в его улус — будь то на Яике или на балканских рубежах.

В качестве замечания хотелось бы указать на чрезмерную порой увлеченность диссертанта сюжетами, напрямую не связанными с предметом его исследования, как-то: подробное изложение борьбы за имперский каанский престол, детальный анализ ордынско-хулагуидских военных столкновений.

Как и в любом исследовании по истории средневековья, некоторые положения, высказанные А.А. Порсиным, имеют гипотетический характер, что обусловлено прежде всего состоянием источниковой базы. Но при этом его диссертация содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

[2022]

***Отзыв на докторскую диссертацию Д.А. Прохорова
«Крымские караимы в эпоху Средневековья
и в Новое время»***

Диссертационное исследование Д.А. Прохорова посвящено истории и (в определенной степени) культуре караимов — народа очень небольшого, хотя пока и не причисленного к категории «коренных малочисленных народов России». После 2014 г., когда Крым вошел в научное пространство Российской Федерации, начался новый этап в изучении народов полуострова — и, в том числе, караимов, которые на протяжении столетий сохраняли свои этнокультурные особенности. В процессе выстраивания и отстаивания своей идентичности они, будучи подданными Российской империи, настойчиво добивались отличия их от евреев, а с конца XIX в. происходила тюркизация этой идентичности — во многом искусственная и конъюнктурная.

Историографическая судьба караимов складывалась непросто. В советское время их изучение практически не проводилось. Исследования о них, источники о караимах, обзоры архивных фондов были изданы по большей части в XIX в. и в конце XX — начале XXI в. Относительная скудость научной литературы по караимоведению позволили диссертанту учесть практически весь массив публикаций, отразивших различные аспекты истории и культуры этого народа. Кроме того, в диссертации использован обширный круг неопубликованных документов, выявленных автором более чем в 300 фондах центральных и местных, российских и украинских архивохранилищ. Весьма информативным для данной темы оказался такой вид источников, как музейные коллекции артефактов, отражающих караимскую культуру. Привлечены также данные археологии и эпиграфики.

При этом Д.А. Прохоров зачастую расширяет географические рамки, обозначенные в названии работы, обращаясь к истории не только крымских караимов, но и живших далеко за пределами Крыма. В начале XX в. караимские общины имелись более чем в 30 российских городах (стр. диссертации 242), а в главе 4 описываются караимские молитвенные дома не только по всей империи, но даже в Харбине.

Также диссертант попытался в несовершенной, неполной, путаной статистике Российской империи определить демографические параметры предмета

своего изучения. В работе даются, очевидно, все возможные (порой разрозненные) данные по демографии народа в XIX — начале XX в. (численность, прирост и убыль, миграции) — и снова как в Крыму, так и в Малороссии, Новороссии, Литве, Галиции и др. Таким образом, рассматриваемая диссертация представляет собой многоплановое междисциплинарное исследование.

Историю крымских караимов Д.А. Прохоров начинает с конца XIII в., связывая ее с переселениями из Малой Азии и Ближнего Востока. В период Крымского ханства местом наиболее многочисленного расселения караимов стал город Кырк Йер (Чуфут-Кале). Эта первая столица государства Гиреев сохраняла важное символическое и экономическое значение и после переноса ханской резиденции в Бахчисарай. В труднодоступной крепости Кырк Йера содержалась государственная казна и располагался монетный двор; известно, что Менгли-Гирей поместил туда и всю трофейную казну Большой Орды после ее разгрома им в 1502 г. Из материалов, собранных в диссертации, явствует, что чеканка монеты находилась в руках караимских откупщиков (стр. 143–148), что свидетельствует если не о привилегированном, то о полноправном статусе караимской общины в Крымском юрте.

Диссертация подробно описывает положение караимов в Российской империи — их расселение (о чем уже сказано выше), изменения в юридическом статусе, экономическое положение, занятия, систему общинного самоуправления, религиозную жизнь. Объективные условия развития государства привели к тому, что происходила постепенная модернизация традиционных жизненных устоев караимов, и в их среде к началу XX в. уже формировалась светская интеллектуальная элита.

Важным средством осуществления политики империи по отношению к «инородцам» было привлечение этнических элит (как и неславянского населения в целом) к реальному или символическому участию в жизни государства. Д.А. Прохоров верно пишет о том, что присутствие караимов на царских коронациях «должно было продемонстрировать рядовым членам караимской общины факт единения караимского народа с народом русским (ср. 193). Добавим к этому, что собрание разноэтнической массы на общеимперских торжествах знаменовало также многообразие национального состава России и должно было продемонстрировать единение всех ее жителей вокруг самодержца, без различия языков и религий.

Действительно, в РГИА, в фонде 473 «Церемониальная часть Министерства императорского двора», хранится документ под названием «Таблица об участии духовных особ иностранных христианских исповеданий и представителей духовенства нехристианских исповеданий в церемониях и торжествах Священного Коронования Их Императорских Величеств» (в мае 1896 г.). В этой «Таблице» караимов представляют евпаторийский гахам Панпулов с двумя ассистентами — Крымом и Шапшалом. Расписан порядок их участия в церемонии, указаны места пребывания во время коронации. Причем, караимская делегация помещена после «магометан» и перед еврейскими раввинами. Самуил Панпулов был в то время самым значительным караимским деятелем. Конечно, он прекрасно знаком диссертанту, и в работе упоминается волокита, связанная с присвоением ему потомственного дворянства через 5 лет после воцарения Николая II (стр. 24).

Одна из главных проблем, проходящая через всю историю народа, — это выяснение его соотношения с евреями. Диссертант склоняется к еврейской этнической первооснове тюркоязычных караимов и уверенно отвергает хазарскую версию. При этом постоянно подчеркивается как сознательное дистанцирование караимов от иудеев-раввинистов, так и частое смешение караимов с евреями в административной практике Российской империи. Это смешение началось, очевидно, еще в эпоху дороссийского Крыма и вызывалось конфессиональной близостью двух народов. Поэтому в источниках нередко караимы выступают под именем евреев, жидов, яхуди. Это неудивительно при тогдашнем повсеместном преобладании религиозной идентичности над этнической (лишь в XIX в. стала формироваться новая этническая идентичность караимов, без еврейских этнического и религиозного компонентов — стр. 111). Это наблюдается, в частности, в сер. XVIII в. у Ш. Пейссонеля в «Записке о Малой Татариин», хотя он и оговаривает, что «крымские евреи почти все караиты» (кстати, этот автор однажды употребил примечательное обозначение караимов: «евреи дворца», что показывает своеобразное положение их в ханстве). Но, во всяком случае, власти Крымского юрта различали их: в решении кадиаскера 1775 г. фигурируют «караимские иудеи», «караимский иудейский народ» (стр. 115).

Стремление караимов убедить имперские власти в своем отличии от евреев было жизненно мотивировано, и это хорошо показано в диссертации. Караимы желали избежать законодательных ограничений, налагаемых на евреев, а в конце XIX — нач. XX в. — еще и погромов. Д.А. Прохоров подробно описывает трудную историю юридического оформления особого статуса народа. Если сразу после присоединения Крыма к России караимы не были причислены к «врагам Христовым», то впоследствии им многократно приходилось ходатайствовать и доказывать в разных инстанциях (как правило, успешно) свои принципиальные отличия от иудеев-раввинистов. Правда, до конца избавиться от ярлыка «еврейскости» караимам так и не удалось, о чем свидетельствовал хотя бы тот факт, что статья о них была помещена в Еврейской энциклопедии (1912 г.).

Как подчеркивает диссертант, несмотря на постоянное дистанцирование от евреев, отношения между ними и караимами не были антагонистическими (стр. 566). Уточним: по большей части не были, т.к. в тексте приводятся примеры конфликтов, евреям отказывали в переходе в караимскую веру (как и русским сектантам-субботникам, стр. 269–271), а на стр. 192 отмечается, что во второй половине XIX в. усилились «социальные противоречия между еврейской и караимской общинами».

Диссертация имеет обширное приложение с иллюстрациями и списком музейных артефактов, отражающих караимскую культуру. Вместе с подробно изложенной историей караимов данное исследование является настоящей энциклопедией их бытия в средневековом Крыму и в Российской империи. Но «энциклопедия» в данном случае означает не справочник, а всестороннее описание и анализ разных сторон жизни народа.

В качестве пожеланий, замечаний и уточнений можно высказать следующие положения.

1. В п. 2.1. (глава 2) «Появление караимов в Крыму и проблема их этногенеза» много места отведено спорам о надписях, их находках, фальсификациях

Фирковича и проч. Этот материал более уместно было бы поместить в очерк об источниках.

2. Сочинение Авраама Гаркави «Исторические очерки караимства» охарактеризовано как «двухтомный труд» (стр. 57). Это преувеличение, т.к. первый выпуск состоял всего лишь из 61 страницы, второй – из 22 страниц.

3. Тохтар – это особое, самостоятельное тюркское имя, а не искаженное «Тохта» (стр. 406) (впрочем, с тем же значением: «пусть остановится»).

Перечисленные незначительные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации Д.А. Прохорова. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. Д.А. Прохорову удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора.

[2020]

***Отзыв на докторскую диссертацию В.А. Росова
«Русско-американские экспедиции Н.К. Рериха
в Центральную Азию (1920-е и 1930-е годы)»***

Многогранная деятельность Н.К. Рериха – выдающегося русского художника, путешественника и мыслителя – традиционно привлекает внимание отечественных исследователей. Она давно изучается и подробно описана во множестве научных и популярных работ. В.А. Росов считает, что за пределами внимания ученых остался важный аспект деятельности Рериха – его политические взгляды и практическая деятельность по их воплощению в жизнь. Действительно, до сих пор культурно-философские воззрения Рериха не анализировались с точки зрения геополитики и международной политики 1920–30-х годов. Диссертант посчитал, что сведения некоторых источников и его анализ рериховских экспедиций в Центральную Азию позволяют увидеть в Николае Константиновиче не только выдающегося деятеля культуры, но и приверженца «Великого плана» по строительству «Новой страны» в том регионе. Материал, представленный в диссертации, призван подтвердить и обосновать такую интерпретацию.

Очевидно, суть исследовательской методологии диссертанта выражена в одной фразе в середине работы: «Рерихи, как показывает изучение их биографии, лишних слов не роняли» (стр. диссертации 207). Исходя из такого подхода, автор ищет и находит намеки на некий глобальный замысел, простирающийся из отрывочных и разновременных оговорок в дневниках, письмах и статьях. «Расшифровка» намеков приводит его к предельно спорным заключениям.

К таковым можно отнести, к примеру, трактовку рассуждений Рериха о грядущем приходе в мир будды Майтреи как осмысленной политической программы. Неоднократно заявляется о наличии у Рериха «Великого (или Мирового) плана». Осуществление этого «плана» якобы связывалось с его надеждами то на большевиков, то на тибетских буддистов, то на американцев...

В диссертации уверенно постулируется стремление Рериха создать «монголо-сибирское государство» со столицей в Звенигороде на Алтае; этапами на этом поприще и стали Тибетская и Маньчжурская экспедиции, которым посвящена диссертация.

Однако приводимые В.А. Росовым сведения не позволяют согласиться с подобной трактовкой как экспедиций, так и активной работы их руководителя по налаживанию связей с самыми разными политиками, написанию книг, статей и лекций, созданию живописных полотен и т.д. В статьях и письмах Н.К. Рериха и членов его семьи в самом деле неоднократно встречаются понятия «Новая страна» и «Мировой план». Похоже, диссертант слишком буквально воспринял эти мыслительные конструкции и, отождествив идеальную «страну» с государством, которому будто бы суждено появиться на карте, приписал своим героям не присущие им намерения.

Создается впечатление, что автор часто домысливает за Рериха его планы и прогнозы. Так, в двух лаконичных фразах из дневника Рериха начала 20-х гг. (а именно: «Кто поймет Великий план?» и «Союз народов Востока назревает») ему видится зарождение идеи «Новой страны». Поскольку никаких данных об этой «рериховской» идее больше нет, далее В.А. Росов излагает геополитические конструкции других политиков, связанных с Центральной Азией, — Бадмаева, Унгерна и Краснова (стр. 33–38).

Одержимый идеей «объединения буддистов Запада и Востока», Рерих-де «сделал ставку на Панчен-ламу» (стр. 47). В качестве «доказательства» вновь привлекаются лапидарные пассажи о панчене из путевого дневника, в которых не обнаруживается ни малейшего намека ни на «ставку» на него, ни на буддийскую унию. Не имея даже косвенных подтверждений данного тезиса, диссертант тем не менее сначала уверенно заявляет о существовании такого замысла у Рериха, а затем приступает к его лабораторному открытию «путем реставрации тех связей, которые возникли у Н.К. Рериха с представителями советского постпредства в Урге правительства МНР и монгольского ламства» (с. 48). На наш взгляд, «реставрировать» хитроумное использование тибетского первосвященника для объединения буддистов В.А. Росову не удалось.

Столь же голословным оказывается утверждение о «собственном плане» Рериха «использовать имя и авторитет Панчен-ламы в религиозной войне буддистов» во имя создания нового государства (с. 53).

Особый сюжет составляют связи Рериха с Советской Россией. Встречи и переписка с различными большевистскими руководителями определенным образом повлияли на его мировоззрение. Эпизодически возникали при этом и мечты о некоем будущем сообществе народов — «Новой стране» и «Единой Азии» под водительством СССР (см. с. 79, 80, 97, 110). Но опять это были лишь случайные упоминания, которые вовсе не отражали главных направлений деятельности художника. Довольно подробно рассказав о его активном сотрудничестве с большевиками в 20-х гг., диссертант ниже пишет нечто противоположное — о том, будто уже в 1921 г. в головах Рерихов вызревала идея освободительного антисоветского похода на Россию через Центральную Азию. Не сумев найти аргументов и на сей счет, В.А. Росов поясняет: «Конкретного плана не существовало, только магистральное направление» (с. 216) — т.е. по-

лучается, что именно таковым оказывалось «магистральное направление» дум и дел Рериха!

Следует заметить, что несмотря на заявленное широкое введение в оборот новых источников из американских архивов, диссертанту не удалось обосновать не только стремление к практическому строительству «Новой страны», но и продемонстрировать существование сколько-нибудь стройных его представлений Рериха о ней. Относительно развернутые рассуждения на эту тему приводятся в диссертации не по текстам, вышедшим из-под пера Н.К., а по записям его жены (см. с. 110, 129, 130, 173–175, 218, 301, 302 и др.). Это относится, в частности, к утверждению, будто экспедиция на Алтай 1926 г. послужила этапом в планировании будущего «монголо-сибирского государства» (с. 25, 173). Совершенно надуманной и необоснованной выглядит идея о связи между, с одной стороны, экспедиционными планами Рериха, с другой – крестьянским повстанческим движением в Сибири 1933 г. и сочувствующими им русскими эмигрантами (с. 184, 185).

Можно согласиться, что «Новая страна» занимала определенное место в идейных исканиях. Но она отнюдь не служила руководством к действию. То же можно сказать и об американском этапе экспедиционной активности Рериха. Вновь в диссертации утверждается, что с помощью высокопоставленных американцев (вплоть до президента Рузвельта) Рерих стремился к конструированию нового государства. Но здесь автор хотя бы смог в подтверждение привести не только односложные дневниковые записи и собственные умозрительные построения, но и обвинение эмигрантской харбинской газеты в намерении Рериха создать «масонское государство» (с. 276, 295) (кстати, связь художника с масонами практически выпала из поля зрения диссертанта, хотя на этой почве можно было бы создать не менее «захватывающую» версию его биографии).

В целом название диссертации не соответствует ее содержанию. В.А. Росов почти не затронул научную и культурную составляющую путешествий Рериха в Тибет и Маньчжурию, необоснованно выставив на первый план умозрительно реконструированную политическую подоплеку. Главный тезис автора о том, что «обе экспедиции... были напрямую инициированы идеей построения монголо-сибирского государства» (с. 364) остался не подкрепленным убедительными свидетельствами источников. Вероятно, если бы диссертант шире привлек к анализу труды самого Н.К. Рериха и использовал многочисленные исследования рериховедов (в частности, фундаментальные работы Л.В. Шапошниковой), он смог бы уяснить истинное место «Великого плана» в идейных поисках знаменитого художника и мыслителя. «Новая страна» должна расцениваться скорее в качестве гуманитарной категории, но не как геополитическая концепция.

Рецензируемая диссертация как по постановке, так и по решению заявленных задач не вносит новизны в историографию отечественной истории. Обсуждаемые в ней проблемы представляются искусственными, умозрительными и неаргументированными. Считаю, что исследование такого качества не может служить основанием для присуждения ученой степени доктора исторических наук.

[2006]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации С. В. Рыбакова
«Православная интерпретация русской истории в отечественной
историографии»***

Настоятельной потребностью нынешней исторической науки является отказ от теоретического схематизма, тормозящего её творческое развитие. Недостатком однолинейных теоретических моделей является искажение действительных связей между социальным бытием и человеческим сознанием, игнорирование того, что образы сознания способны активно конструировать общественную реальность. Связь между бытием и сознанием гораздо сложнее, чем их схематический чертёж, положенный в основу узкосоциологического взгляда на историю. Вне развития научных, мировоззренческих, историософских идей движение внешних, материальных форм общественной жизни невозможно в принципе.

В свете сказанного становится понятно, что перед современным отечественной исторической наукой стоят большие и серьёзные задачи, сопоставимые с необходимостью значительно усилить внимание к тем сторонам исторического процесса, которые связаны с цивилизационной, культурной, ментальной, религиозно-духовной спецификой разных стран и народов. Подходы к решению этих задач обозначились достаточно отчётливо. Число исследований, касающихся этих сторон исторической реальности, за последнее время значительно выросло. Среди этих исследований выделяется целый ряд научных работ, выполненных специалистами по историографии из Москвы, Омска, Новосибирска, Челябинска, Екатеринбурга, Тюмени и других городов. Достойное место в этом ряду занимает докторская диссертация представителя Екатеринбурга С. В. Рыбакова, посвящённая православной интерпретации русской истории в отечественной историографии.

Проблематика, определяющая существо заявленной темы, получила, насколько можно судить по автореферату диссертации С. В. Рыбакова, обстоятельное решение. Несомненным достоинством исследования стала тесная связь прокламируемых автором теоретико-методологических принципов со смысловой тканью текста работы. Автору, благодаря системному подходу к изучению темы, удалось вписать её в общий контекст русской истории. Успешное достижение этой цели стало возможным прежде всего за счёт использования солидной источниковой базы, включающей в себя различные категории источников.

Диссертация С. В. Рыбакова является современным исследованием, выстроенным во многом благодаря удачному использованию возможностей междисциплинарного синтеза. Заслуживает уважения эрудиция автора, позволяющая ему свободно ориентироваться в проблемах отечественной истории, методологии исторической науки, философии истории, религиоведения, культурологии. Можно приветствовать стремление исследователя не только развить сугубо историографические сюжеты, но и показать многие яркие элементы реального исторического процесса.

Автореферат даёт основания отметить, что диссертант хорошо осознаёт научную значимость поднятой им темы, умело выделяет её ключевые моменты, стремится всесторонне учесть как позитивный, так и негативный опыт своих

предшественников. Структура исследования выглядит оптимальной, позволяющей полноценно раскрыть тему, акцентировать внимание на её наиболее существенных аспектах, выразить авторскую позицию.

С.В. Рыбаков решил в своей диссертации крупную научную проблему, создав собственное предметное поле исследования, что позволило ему углубить и обогатить наше понимание такого выдающегося феномена, как традиционная русская историософия, вернуть нам «забытое знание», гармонично связав его с современной исследовательской практикой.

[2008]

***Отзыв на автореферат докторской диссертации А.Г. Ситдикова
«Средневековая Казань: историко-археологическое исследование
(XI–XVI в.)»***

Работы А.Г. Ситдикова по археологическому изучению Казани (в частности, Казанского кремля) широко известны в России и за рубежом. Представленная на защиту диссертация является закономерным результатом его многолетних исследований.

В автореферате представлены методологические основания и главные выводы работы. Уже с первых страниц заметна вдумчивая работа автора над осмыслением обширного исторического материала. При общеизвестном дефиците средневековых письменных текстов огромное значение для изучения данной темы приобретают археологические источники. А.Г. Ситдилов убедительно показывает преемственность в развитии города Казани в период XI–XVI вв., «в рамках существования болгаро-татарской городской культурной традиции» (стр. 4). Большой накопленный и обобщенный материал раскопок позволил ему проследить экономические и политические факторы, позволившие Казани превратиться в центр региона и объясняющие учреждение здесь столицы ханства в середине XV в.

Диссертант характеризует различные этапы застройки города (причем, не только кремля, но и посада), изменения в его планировке и укреплениях, хозяйственной жизни. Интересно наблюдение о том, что построенные еще в домонгольскую эпоху белокаменные казанские стены сохранялись в период Золотой Орды – в то время как города, основанные ордынцами, обычно не имели стен, а города в подвассальных землях, где существовала угроза мятежа, должны были скрыть свои укрепления (Галицко-Волынская земля в середине XIII в.). Очевидно, сохранение стен свидетельствовало об уверенности джучидских правителей в лояльности местных жителей.

Опираясь на свои многолетние исследования, автор с новых позиций освещает важный и практически не изученный вопрос об этническом составе и численности казанцев. Он приходит к заключению, что основную их массу составляли болгары; кроме них, в городе жили представители финских народов, а в золотоордынское время добавились еще и славяне. При этом наблюдалось доминирование мусульманской городской культуры. По мнению А.Г. Ситдикова, в середине XVI в. в Казани население насчитывало 10–12 тыс. чел.

Итоговый вывод диссертанта о том, что «ханская Казань» являлась одним из крупных городов средневековья, представляется убедительным и достаточно аргументированным. Считаю, что А.Г. Ситдикову удалось создать интересное, самостоятельное, профессиональное исследование.

[2013]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.А. Султановой
«Социально-антропологическая тематика в научном наследии
дореволюционных тюркологов»***

Диссертация А.А. Султановой посвящена формированию основных российских тюркологических школ XIX – нач. XX в., и главным образом их исследованиям в области социального строя и политогенеза тюркских народов Евразии. В основном рассматриваются труды В.В. Бартольда, В.А. Гордлевского, В.В. Радлова и в меньшей степени З. Валидова (А. Зеки Велиди Тогана).

На обширном материале автор показывает, что в этом отношении представители российской науки могли считаться полноправной частью общеевропейского научного сообщества. Здесь сказывались и особенности складывания профессиональных научных коллективов в России (приток немецких ученых в Академию наук и университеты в XVIII в.), и непосредственное участие наших исследователей в европейском научном процессе (стажировки, курсы лекций, рецензирование проектов...) (стр. диссертации 48).

Регулирование жизни огромной России ставило задачи не только кабинетного осмысления истории и состояния ее народов, но и выдвигало практические потребности, связанные с необходимостью управления, проведения экономической, переселенческой и религиозной политики. Во многом данные задачи перекликались с проблемами, решаемыми в европейских державах, особенно, как это неоднократно подчеркивает диссертант, в Британской колониальной империи. Но если англичане, будучи отдаленными от своих заморских владений значительными расстояниями, могли позволить себе больше внимания уделять теоретизированию, методологическим поискам (стр. 45), то нашим тюркологам пришлось делать больший акцент, с одной стороны, на работе с источниками, с другой, – на полевых исследованиях. В то же время именно англичане, исходя из потребностей колониального управления, впервые ввели (в нач. XX в.) университетскую дисциплину «Практическая антропология», опередив нас в этом почти на столетие.

Столь же сходным было сочетание научного изучения народонаселения с государственными, практическими задачами. А.А. Султанова справедливо подчеркивает, что зачастую антропологические штудии служили для оправдания действий метрополии или центрального правительства (стр. 44). Здесь следовало добавить комбинацию научных изысканий с разведывательной деятельностью, что было особенно актуальным на стыке российской и британской сфер влияния в Центральной Азии.

Автор отмечает «вечную» проблему в отношениях между наукой и государственной администрацией: результаты научного анализа далеко не всегда оказываются востребованными чиновниками (стр. 95). В наше время мы также

сталкиваемся с игнорированием мнения ученых экспертов. Однако подобный негативистский подход все же в большей степени присущ управленцам центральных ведомств. Сотрудники региональных администраций и в XIX в., и теперь, находясь в непосредственном контакте с подведомственным разноэтничным населением, вынуждены учитывать культурные, ментальные особенности и традиции неславянских подданных. Впрочем, как правило, это происходит не из ученых рекомендаций, а из собственного опыта.

В диссертации очерчен основной круг проблем, которым посвящали свои труды отечественные тюркологи. Влияние кочевого образа жизни на организацию степных обществ, формирование айльного способа кочевания, складывание потестарных структур, политическая история кочевников — все эти аспекты в принципе не ограничивались исключительно тюркским материалом. Рассматриваемые в диссертации ученые с равным вниманием изучали и монгольские народы. Но в условиях России получалось так, что наибольший массив материала для наблюдений исходил именно от тюрков. Поэтому, наверное, у автора есть основания причислять к тюркологам, например, В.В. Бартольда, хотя на самом деле он был востоковедом энциклопедического охвата и равным образом может быть назван иранистом и арабистом.

А.А. Султанова находит сходство в подходе Бартольда с позднейшими конструктивистскими концепциями этногенеза, поскольку, будучи высочайшим профессионалом, он зачастую воздерживался от однозначного определения этнической принадлежности того или иного средневекового народа и считал уместным применять словосочетание «тюрко-монгольские народы» (стр. 82, 83). В самом деле, на протяжении столетий мы видим, как один и тот же этноним применяется то к преимущественно тюркоязычному кочевому объединению, то к монголоязычному, то к смешанному. Своеобразным отголоском таких этнических трансформаций служат современные споры (впрочем, по большей части среди дилетантов) о происхождении Аттилы, Чингисхана, Тамерлана, их принадлежности к казахам, якутам и т.п.

Непременной частью социально-антропологических исследований является изучение религиозной составляющей жизни общества. Поскольку речь идет о ситуации в поздней Российской империи, когда большинство тюркских народов были обращены в ислам, то большое внимание уделялось роли этой религии в жизни «инородцев». Наверное, после Бартольда в академических трудах не было попыток объяснить, отчего именно ислам с относительной легкостью распространялся среди кочевых тюрков. Правда, объяснение, которое давал знаменитый ориенталист, выглядит достаточно спорным: мусульманская доктрина оказалась-де достаточно гибкой для оправдания кровопролития как необходимого элемента кочевого военизированного общества (стр. 77).

В диссертации неоднократно подчеркивается комплексный характер тюркологических исследований в России, сочетание методов разных гуманитарных дисциплин — источниковедения, лингвистики, этнографии и т.д. Действительно, такое сочетание было присуще гуманитарным исследованиям того времени, и при комплиментарном взгляде на российскую науку оно может служить показателем разностороннего и многофакторного подхода к предмету изучению. Однако я не склонен здесь видеть сознательного синте-

за средств и методов исследования. Скорее всего наоборот — их комбинация свидетельствовала о тогдашней нерасчлененности гуманитарных наук, когда из востоковедения еще не выделилась тюркология, а из истории — социальная антропология.

В рецензируемой работе имеется ряд дискуссионных утверждений, которые хотелось бы прокомментировать.

1. Автор возражает А.И. Першицу, который писал о традиционном для до-революционной историографии тезису о бесклассовости кочевых обществ, поскольку, пишет А.А. Султанова, для одного из «столпов» тюркологии, академика Радлова, было бесспорным «наличие социального расслоения в среде кочевников» (стр. 54). Полагаю, что А.И. Першиц все же был прав, ведь социальное расслоение далеко не равнозначно сословному и тем более классовому делению общества. Мне не встречались высказывания В.В. Радлова относительно классовых структур в кочевой степи.

2. «Точка зрения (В.В. Бартольда. — В.В.) о гибкости золотоордынской системы, способствовавшей взаимодействию внутри единого бюрократического и экономического пространства, прямо противоречит новейшим исследованиям в этой области. Отсутствие юридически оформленных договоренностей между русскими князьями и золотоордынскими правителями привело к выработке «рабского» менталитета...» — и дается ссылка на книгу В. Похлебкина «Татары и Русь» (стр. 65). Однако новейшие исследования по истории Золотой Орды, напротив, свидетельствуют о существовании обширной и продуманной системы отношений между центральным ордынским правительством и разноплеменными подданными (см., например, труды А.А. Горского, А.П. Григорьева, Д.М. Исхакова). Мнение Похлебкина как автора чисто компилятивного сочинения с массой ошибок в данном случае не авторитетно — и тем более неуместно в сопоставлении с мнением Бартольда. Что же касается сути вопроса, то выдача ханом князю жалованного ярлыка и являлась ничем иным как юридическим оформлением их взаимоотношений (хотя, конечно, их сложно назвать «договоренностями»). А точка зрения на ордынскую первооснову рабской психологии русских не только спорна и недоказуема, но и была высказана в околонучной публицистике задолго до Похлебкина.

3. Для полноты исследования следовало бы не ограничиваться четырьмя тюркологами, а привлечь материалы по более обширному кругу персоналий. В частности, работа выиграла бы, если в ней были проанализированы взгляды и труды немногочисленных (буквально единичных) представителей тюркских народов в рядах научной элиты империи. Прежде всего это касается Ч. Валиханова и Н.Ф. Катанова. Как и Бартольда, Радлова, Валидова, их тоже занимали вопросы общественного строя и этнографии, они активно проводили полевые исследования. Причем в некоторых областях знания они даже превосходили Бартольда (например, Катанов — в сборе, обработке и публикации тюркского фольклора, Валиханов — в этнографических наблюдениях).

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации А.А. Султановой.

[2009]

***Отзыв на докторскую диссертацию Ю.Н. Сушковой
«Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в.»***

Диссертационная работа Ю.Н. Сушковой «Этноправосудие у мордвы в конце XIX – начале XXI в.» посвящена теме, имеющей большое научно-познавательное и этнокультурное значение. Эта работа проведена в русле направления историко-этнографических исследований, нацеленных на разработку до сих пор слабо изученного аспекта юридического быта народов России – этноправосудия как системы правовых традиций разрешения споров на основе обычного права. Изучение этнического аспекта права на основе обобщения как уже накопленного материала по юридическим традициям, так и в результате сбора современных эмпирических данных, их анализ с точки зрения современных теоретико-методологических позиций оказываются востребованными не только при осмыслении прошлого и настоящего народов России, но и при реализации конкретных проектов в сфере национальной, государственно-правовой политики, направленных на сохранение традиционных систем хозяйственного и культурного жизнеобеспечения, осуществление правозащитной и консультативной деятельности, поддержку этнического многообразия страны.

Одним из таких проектов является утвержденное указом Президента Российской Федерации Д.А. Медведевым 13 января 2009 г. празднование в 2012 г. 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства, в рамках которого запланировано проведение комплекса мероприятий, включающих положения по оптимизации и гармонизации межэтнических отношений.

Мордовский народ на протяжении многих веков создал своеобразный неписанный кодекс должного поведения и традиционных форм правосудия, сосуществовавших наряду с официальными. Будучи народом крестьянским, большая часть которого и поныне проживает в деревне, мордва руководствовалась при регулировании различных сфер жизнедеятельности главным образом общеправовыми нормами, основным гарантом которых была сельская община. Изучение юридического быта крестьянства – традиционная тема отечественных историков и этнографов, показавших, что крестьянское право в целом и правосудие, в частности, во многом было «общинным»: община обеспечивала надлежащее функционирование обычно-правовых норм, способствовала формированию правосознания народа.

В этом ключе происходило и изучение обычного права мордвы, хотя в сравнении с обычным правом русских, оно оказалось изученным гораздо в меньшей степени. Если в области русского обычного права имеются десятки ценных монографических исследований, анализирующих различные стороны традиционного юридического быта, крестьянского менталитета, то этого нельзя сказать о мордовском обычном праве, анализу которого практически за всю историю его существования была посвящена лишь одна монографического порядка работа, а именно исследование В.Н. Майнова «Очерк юридического быта мордвы», опубликованное в Санкт-Петербурге в трудах Русского географического общества в 1885 г. Что касается других публикаций на данную тему, то они в своем большинстве весьма поверхностно освещали этноправовой пласт проблемы, что было обусловлено не только трудностями сбора полевого

материала, требующего владения языком изучаемого этноса, но и спецификой самой темы, предполагающей знания как истории и этнографии народа, так и юриспруденции.

Диссертацию Ю.Н. Сушковой, посвященную изучению юридических традиций разрешения споров у мордвы конца XIX – начала XXI в., можно считать фундаментальным исследованием, знаменующим качественно новый этап в изучении обычного права народа. В ней заложена концепция, одной из ключевых идей которой является тезис о народе (этнoсе) как о правоучредителе, самостоятельно вырабатывающим эталоны правомерного поведения и механизмы ответственности за их нарушение. Некоторые юридические обычаи мордвы восходят своими истоками еще к первобытности. Но, как убедительно показано автором, значительная их часть существовала в условиях не столько родовой, сколько сельской (соседской) общины дореволюционной мордовской деревни, а также в годы советской власти и даже на современном этапе.

На протяжении всей своей истории мордовский народ создавал институты, адекватные потребностям и реалиям собственного социально-экономического и потестарно-политического развития, и зачастую выражавшие противодействие явлениям, которые не соответствовали его представлениям о справедливости, правде, правосудии. Ярким примером тому служит восстание мордовских крестьян Терюшевской волости Нижегородского уезда Нижегородской губернии 1808–1810 гг., выступавших за сохранение «своей мордовской веры» и «праведный суд», который осуществлял бы свою деятельность по «мордовским законам».

Другим важным выводом диссертанта, имеющим практическое значение, является рекомендация по использованию обычного права и традиционных институтов в качестве одного из средств преодоления асоциальных процессов в современной России, к числу которых относятся преступность, правовой нигилизм, коррупция, демографический спад, разрушение села, морально-нравственная дезориентация подрастающего поколения и т.п. Сохранение и возрождение приводимых диссертантом народных традиций уважения и почитания предков, собственности, добрососедства и взаимопомощи, призрения слабых, престарелых и сирот, обычаи деревенского общежития, очевидно, могло бы способствовать улучшению сложившейся в стране ситуации.

В работе собран и систематизирован большой материал, извлеченный из фольклорно-этнографических источников, документальных, опубликованных и архивных данных (Центрального государственного архива Республики Мордовия, Рукописного фонда НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), нормативно-правовых актов, обширного полевого материала, непосредственно собранного автором в Мордовии и за ее пределами в экспедиционных поездках, который дал возможность убедительно аргументировать основные положения исследования. Кроме того, автором приведены примеры из юридического быта мордвы-духоборов Канады, записанные в ходе экспедиционного выезда в г. Гранд Форкс (провинция Британская Колумбия, Канада) в 2004 г. и позволившие лучше осмыслить пути трансформации этнических традиций юридического быта.

Ю.Н. Сушкова обстоятельно анализирует организационно-правовые формы этноправосудия (крестьянские сходы, суд старейшин и суд соседей); его ре-

ализацию (виды нарушений в обычном праве, доказательства, система наказаний); традиции семейного правосудия (обычно-правовые нарушения в сфере брака и семьи, разрешение семейных споров); религиозные основы этноправосудия (обычно-правовые аспекты дохристианских верований, юридико-антропологические начала христианизации у мордвы, правовые традиции сектантов на примере канадских мордвы); взаимодействие этноправосудия и государственной власти в условиях революции и советской власти (1917–1991 гг.), а также на современном этапе.

Основной объем диссертации (2, 3, 4, 5 главы) посвящен исследованию юридических традиций у мордвы в дореволюционный период, т.к. в конце XIX – начале XX в. обычай считался источником права, применялся волостными судами при разрешении споров, а «мир» выступал низшей общественно-административной единицей у крестьян, выполнявшей многочисленные функции в регулировании этносоциальных отношений, в том числе и признанные государством официально. Этот период в наибольшей степени обеспечен источниками, поскольку обстоятельное изучение жизни и быта российских «инородцев» в те годы считалось элементом национальной политики.

Вместе с тем автором приводятся сведения, характеризующие истоки этноправосудия мордовского народа, которые им проанализированы в основном на материалах устно-поэтического творчества и самых ранних данных о мордве, собранных российскими и зарубежными путешественниками, государственными и общественными деятелями. Эти примеры создают целостность общей картины юридических воззрений, позволяющие понять первичные представления народа о «праве», «законе», «справедливости». Еще с древности в обычном праве начинают формироваться так называемые «иррациональные» виды нарушений, доказательств, наказаний (к примеру, различные формы Божьего суда).

Ю.Н. Сушковой подробно изучены основные организационно-правовые структуры разрешения споров, к числу которых относились сходы (мокш. промкс, эрз. пуромкс), суд старейшин (мокш., эрз. эрикс атят – зажиточные старики, велень атят – сельские старики, покш атят – большие старики), суд соседей. Официальными органами правосудия в отношении крестьянства были волостные суды. Одной из форм возмездия и наказания являлась расправа с виновным, в основном на месте преступления, без предварительного разбирательства. В ней принимали участие как потерпевшая сторона, так и община в целом. Автором исследованы структура, компетенция, порядок созыва, круг участников органов правосудия. Более того, при рассмотрении вопроса о государственных органах правосудия Ю.Н. Сушкова систематизировала материал, позволяющий сделать вывод о том, что в условиях Российской империи учреждались специальные должностные лица для решения «мордовских дел», к числу которых относились приказчики (приказные), бортничьих и мордовских дел воеводы, мордовские головы, подьячие мордовских дел, мордовские недельщики, уставщики. Диссертант собрал уникальный материал, раскрывающий виды нарушений в обычном праве, наказаний за их совершение, доказательств.

Особое место в работе занимает глава, посвященная традициям семейного правосудия. В 2005 г. автором диссертации была издана монография «Брак

и семья в обычном праве мордвы», в которой подробно исследовались способы семейных разбирательств. Эта работа стала первым трудом монографического плана после вышеупомянутого исследования В.Н. Майнова. Автор диссертации на основе новых материалов рассмотрела семью в качестве самостоятельного структурного подразделения общины, обладавшего собственным кругом полномочий. В ее основе лежали прежде всего такие общие соционормативные установки по управлению семьей, как подчинение домохозяйину и старшим, соблюдение каждым ее членом системы половозрастной иерархии. Органами семейной юстиции выступали семейные советы, суд большака и большухи, супругов, родителей. Развитие рыночных отношений в конце XIX – начале XX в. вело к демократизации семейных институтов, учащению семейных разделов, «омоложению» домохозяев, приобретению женщинами права голоса, ниспровержению стереотипов, ослаблению семейно-общинных традиций, росту частнообственнических отношений, усилению юридической регламентации государством семейно-общинных отношений.

Как своеобразный элемент этноправосудия автор выделил антропони-мический аспект. По справедливому замечанию Ю.Н. Сушковой, традиции именованием тесно связаны с правовым положением того или иного члена семьи.

Оригинальным направлением рецензируемого исследования также можно считать религиозные основы этноправосудия. В отдельной главе прослежена эволюция юридических воззрений в условиях дохристианских верований, после принятия мордвой христианства, в годы советской власти, в постсоветский период и в настоящее время. Проанализировано проявление правовых взглядов в различных религиозных сферах жизнедеятельности этноса; раскрыта роль религии не только в сакральном санкционировании обычного права, но и в становлении особой системы нормирования – религиозного права (конфессионального, церковного и др.).

Разработка диссертантом вопросов, связанных с действием обычного права в условиях революционной ситуации в России, в годы советской власти и на современном этапе – одна из первых попыток в отечественной науке осмысления роли народных институтов правосудия, которые в основном действовали вопреки позитивному праву. Автор на примере мордвы опровергает бытующее мнение о ничтожности обычая в регулировании этносоциальных отношений, доказывает, что нормы обычного права и сегодня продолжают действовать, подчас обретая новые формы и нередко являясь более надежными правовыми гарантиями, чем другие источники.

В исследовании Ю.Н. Сушковой нашло отражение не только этническое, конфессиональное, историческое своеобразие обычного права мордвы, но и его сходство с таковым у русских, обусловленное как влиянием единого общегосударственного законодательства, так и длительным этнокультурным соседством этих народов.

Диссертация Ю.Н. Сушковой своевременно заполнила очевидную лауну в изучении правовой культуры мордовского народа, впервые дала цельную картину этноправосудия мордвы, занимавшую значительное место в правовой практике народа, его правосознании.

[2009]

***Отзыв на докторскую диссертацию С.Д. Сыртыповой
«Культовые памятники кочевников Трансбайкалья
как исторический источник (буддийские книги
и антропогеографические объекты)»***

Диссертация С.Д. Сыртыповой посвящена теме, которая, казалось бы, давно и успешно изучается историками, этнографами, востоковедами и культурологами. Однако новый подход к культурному наследию бурят, нетрадиционный взгляд на объекты религиозного поклонения позволили автору создать оригинальное исследование. С.Д. Сыртыпова вводит в научный оборот новые источники для изучения своей темы – как письменные тексты, так и культотые объекты; предлагает методику выявления и изучения буддийских памятников письменности; проводит классификацию культотых памятников по различным критериям; определяет особенности хранения и передачи информации у забайкальских кочевников.

Диссертация имеет междисциплинарный характер и не может быть определена только как этнографическое, религиозное, источниковедческое (и т.д.) исследование, поскольку С.Д. Сыртыпова пользуется методами и приемами различных научных дисциплин. Из арсенала социальной и культурной антропологии ею привлечены анализ традиционной системы ценностей монгольских народов и их законодательства, понимания пространства и числовой символики. Как историк-источниковед и специалист по религии она разбирает тибетские трактаты, имеющие отношение к культотой архитектуре бурят. Изучение топонимики региона потребовало привлечения арсенала лингвистики (несмотря на то, что этимологические реконструкции древних и средневековых географических названий обычно рискованны и предположительны). Таким образом, рецензируемая диссертация представляет собой результат комплексного, разностороннего подхода к изучаемой проблеме.

Избранная для исследования тема, несомненно, актуальна. В условиях идеологического вакуума, который образовался в России после падения господствовавшей марксистской идеологии, повсеместно наблюдается возрождение традиционных, формировавшихся столетиями культурно-религиозных мировоззрений и практик. При этом нередко оказывается, что эти явления вовсе не являются архаичными реликтами, а вновь превращаются в важную часть повседневной жизни.

Забайкальский регион представляет в этом отношении благоприятный объект изучения. С.Д. Сыртыпова справедливо отмечает его историческую «маргинальность», т.е. пребывание на периферии государств, что способствовало «консервации многих архаичных элементов в религиозно-культотой сфере» (стр. диссертации 16). Причем, в отношении объектов религиозного почитания здесь обнаруживается сочетание признаков как развитых религиозных систем (храмовые постройки), так и ранних религиозных форм (поклонение природным объектам). Существенным фактором сохранения традиционных норм послужил, несомненно, кочевой образ жизни бурят с его размеренным, консервативным хозяйственным циклом, устоявшимся за века бытом, авторитетом патриархальных, завещанных предками обычаев.

Религиозный синкретизм в культуре бурят весьма наглядно предстает из работы С.Д. Сыртыповой. Сопоставление и параллельное рассмотрение ею буддийских текстов и сакральных географических объектов ярко иллюстрирует переплетение различных по происхождению и диахронных мировоззренческих систем. Например, в диссертации показано, что по единому тибетскому шаблону составлены обрядники, посвященные автохтонным местным божествам и связанным с ними природным объектам (стр. 129, 130); классификация насыпей-обоо предпринята в соответствующих священных текстах посредством буддийских канонов (стр. 109, 110). Вообще глубокие познания в тибетской религиозной литературе позволяют автору обнаруживать интересные соответствия между письменной традицией и этнографическими явлениями.

Заслуживает быть отмеченным территориальный размах работы С.Д. Сыртыповой. Она принимала участие в реализации проекта «Культовые объекты Забайкалья и Прибайкалья», в ходе которого смогла обследовать культурный ландшафт районов исторической Бурятии, максимально удаленных друг от друга и потому обнаруживающих разнообразие локальные особенности (Восточные Саяны, Баргузинская долина, юг Читинской области и др.). Каждую из этих местностей диссертант характеризует с точки зрения природных условий, способов землепользования, исторических предпосылок для территориального (административного) объединения, региональных этнокультурных традиций, бытования религиозных культов и особенностей религиозно-культурных практик. Самостоятельная обширная полевая работа, проделанная С.Д. Сыртыповой, придает ее диссертации дополнительную ценность.

Некоторые итоги деятельности автора по изучению Забайкальского региона, а также буддийской литературы представлены в приложении к диссертации, где представлены факсимиле тибетских текстов, карты обследованных районов с обозначением культовых объектов, экспедиционные фотографии.

Отдельные положения рецензируемого сочинения нуждаются в уточнениях и пояснениях.

1. Автор приводит различные классификации памятников, в том числе тибетскую градацию реликвий (стр. 37–42), но почему-то не уделяет внимания классическому источниковедению, в котором источники делятся на письменные вещественные, этнографические, лингвистические, устные, кино-, фото- и фономатериалы. Привлечение такого деления было бы тем более уместно, что (как отмечалось выше) диссертация носит комплексный характер, и многие из названных категорий источников присутствуют в исследовании. Попутно заметим, что оно явно выиграло бы, если бы автор привлек к анализу своей проблематики колоссальный фонд бурятского фольклора.

2. Иногда создается впечатление, будто автор не выделяет бурят из общемонгольского мира, предпочитая писать о монгольских (не бурятских) традициях, обрядах, ритуалах и т.п. За территориальные рамки работы (т.е. за пределы «Трансбайкалья») выходят разрабатываемые в диссертации сюжеты об административном устройстве Монголии, о картографии Монголии, о местах поклонения Чингис-хану (в том числе в китайском Ордосе). Разумеется, бурятские племена изначально занимают северную часть монгольской ойкумены. Но все же за последние 200 лет произошла этническая консолидация бурятского народа, у него сформировалась определенная историческая и этнокуль-

турная специфика, которая отличает его от собственно монголов. Возможно, диссертант считает эту специфику недостаточно значительной, и такое мнение имеет право на существование. Однако в таком случае следовало бы оговорить подобный подход.

3. В диссертации присутствуют разделы, которые, на наш взгляд, не способствуют раскрытию основной темы и кажутся необязательными. Это прежде всего упоминавшиеся очерки об управлении Монголии, а также Байкальского региона в составе России и, в частности, инородческого населения региона. Здесь же приводится лаконичная сводка «административного управления в советский период». Очевидно, в авторском замысле данные сюжеты занимают какое-то заслуженное и логично обоснованное место, но без соответствующих разъяснений они представляются чужеродными по отношению к остальному материалу.

Столь же мало связана с предыдущим текстом последняя глава, содержащая путевые впечатления автора и общие рассуждения об экологии и культуре края.

Высказанные замечания имеют характер пожеланий и ни в коей мере не умаляют положительного впечатления от рецензируемой диссертации. Она содержит немало оригинальных идей и суждений; некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания.

[2009]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию В.Т. Тепкеева
«Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.)»***

Тема диссертации В.Т. Тепкеева представляется весьма интересной и актуальной. Его предметом являются взаимосвязи не просто между соседними владениями на южной периферии Российской империи и северной периферии Османской империи, но между двумя зависимыми политическими образованиями в составе этих держав. Сопоставление статуса Крымского и Калмыцкого ханств по отношению к их «сюзеренным метрополиям» – это новый ракурс в историографии юга Восточной Европы. Данная проблема формулируется диссертантом (с. 4) и, хотя она не относится непосредственно к задачам его исследования (см. с. 5), в работе содержится яркий материал для ее анализа.

Кроме того, важность диссертации В.Т. Тепкеева состоит в показе степени зависимости калмыцких правителей от российского правительства. Данный аспект в последнее время все более активно обсуждается историками. Институт подданства в XVII–XVIII вв. имел множество нюансов и конкретных проявлений, и зачастую разительно отличались взгляды на подданство у русских властей, у нерусского населения империи и у иностранных наблюдателей.

Применительно к ситуации, рассматриваемой В.П. Тепкеевым, данная проблема выражается в вопросе: являлись ли калмыки в последней трети XVII–XVIII вв. российскими подданными? Ответ далеко неоднозначен. В 2009 г. в Калмыкии собираются отметить 400-летие со времени вхождения народа в состав России (в качестве исходной даты здесь берется одно из первых посольств в Москву). Во многих отечественных и зарубежных исследованиях точ-

кой отсчета подданства калмыков служат шерти, заключенные в 1650-х годах. Но в эпоху хана Аюки (конец XVII – первая четверть XVIII в.) Калмыцкое ханство пользовалось полной внутренней автономией и, как явствует из диссертации В.Т. Тепкеева, внешнеполитической самостоятельностью. Так можно ли считать этого самовластного владыку подданным – по тогдашней терминологии «холопом великого государя»?

Для российских политиков все было ясно: подданство начиналось с заключения шертного соглашения. Калмыки смотрели на ситуацию по-другому: В.Т. Тепкеев неоднократно указывает, что Аюка, например, считал себя не столько подданным, сколько союзником и политическим партнером царя (с. 28, 53, 57). Кроме того, в диссертации приводится мнение турецкого великого везира о том, что калмыцкий правитель не является ничьим подданным – и потому свободен в своих внешних акциях (с. 50).

При преемниках Аюки начинается явное свертывание самостоятельности ханства, в том числе внешнеполитической. Оно все большее подпадает под воздействие столичных и астраханских чиновников, слабеет от распрей и в итоге утрачивает способность выступать на политической арене как самостоятельная сила. Как известно, недовольство своим положением в империи послужило одним из главных факторов массовой откочевки калмыков в Китай в 1771 г. – событие, на котором диссертант завершает исследование.

Я не мог для себя определить статус калмыков в России до тех пор, пока не ознакомился с рецензируемой работой и вслед за ее автором не взглянул на отношения калмыков с русским правительством в сравнении с крымско-османскими отношениями. Пожалуй, и в одном, и в другом случае, проявилась типичная имперская «многослойность», разнообразие статуса владений, которые составляли империю. Главы владений были связаны с верховным сюзереном разного рода обязательствами, которые складывались исторически, ситуативно, без единого общепринятого стандарта. Понятия из европейского политического лексикона – вассалитет и протекторат – применительно к Крыму и Калмыкии можно использовать лишь условно и только применительно к связям между правителями. Все-таки оба владения бесспорно являлись составными частями империй, и в этом смысле их население автоматически становилось имперскими подданными.

Правда, если юридическая основа калмыцко-русских отношений восстанавливается по многочисленным официальным документам, то парадигму связей Гиреев с Османами можно реконструировать аналитически (насколько мне известно, так и не выяснено, заключил ли в конце XV в. хан Менгли-Гирей договор с султаном о нормах отношений). Назначение крымских ханов было безвариантным – только от султана. У калмыков – сложнее: правитель становился легитимным лишь при инвеституре от далай-ламы, и российскому правительству приходилось задумываться, во-первых, над поднятием своего авторитета в глазах степных владетелей, во-вторых, над обрядовым наполнением процедуры назначения калмыцких лидеров. В целом полагаю, что это направление в диссертации В.Т. Тепкеева очень полезно для изучения закономерностей складывания Российского многонационального государства.

Своеобразие внутриимперского статуса Крыма и Калмыцкого ханства проявлялось в том числе во внешнеполитической деятельности, которая находится

в центре внимания диссертанта. С одной стороны, Гирей и калмыцкие правители обладали свободой в общении с зарубежными партнерами; с другой – случалось, что они продолжали военные действия друг против друга даже после того как верховные сюзерены уже заключили мир. В.П. Тепкеев объясняет это своеобразной инерцией, вытекающей как раз из автономного положения Крыма и Калмыкии (с. 22). В частности, так происходило после Константинопольского мира 1700 г. и Адрианопольского мира 1713 г.

При этом как бы мы ни трактовали статус ханств, объективно между ними не было глобальных, традиционных противоречий, почвы для долгой вражды. В.Т. Тепкеев справедливо отмечает, что их правители не вмешивались во внутренние дела друг друга, не посягали на территории... (с. 48, 119). А неоднократные жестокие конфликты были следствием противостояния России и Порты. Эти конфликты рассмотрены диссертантом с надлежащей полнотой, и данная сторона калмыцко-крымских отношений освещена им безупречно. Кроме того, политическая ситуация умело встраивается автором в геополитический контекст и анализируется на фоне событий Северной войны, русско-турецких войн, турецко-иранских противоречий и др.

Постоянно в поле зрения исследователя находится «ногайский вопрос» – сложная проблема отношений с многочисленными, но по большей части децентрализованными ногайскими кочевыми улусами. Перемещаясь по всей огромной степной полосе между Крымом и Россией, они являлись существенным фактором в межгосударственных отношениях того времени. Окрестные правители непрерывно следили за расселением ногайцев, их политической ориентацией, нередко враждовали с ними или, наоборот, пытались привлечь на свою сторону.

Военно-политические контакты между двумя ханствами изучены в диссертации довольно полно. Однако она все-таки называется «Калмыцко-крымские отношения...». Следовательно, можно было ожидать внимания и к более мирным сюжетам – например, экономическим и культурным связям калмыков и крымцев. Об этом, к сожалению, имеется очень незначительный материал – в частности краткий очерк о торговле (с. 109, 110). Автор указывает, что торговля калмыков с Крымом выступает на первый план лишь с 1740-х гг. Значит ли это, что до тех пор она была незначительной? Во всяком случае огромный русский рынок был освоен калмыками уже со второй половины XVII в., когда они заменили на нем ногайцев как главные поставщики лошадей.

Возможно, скудная информация о невоенных аспектах отношений связана с характером источников, которые использованы в диссертации. Это в основном русские документы, отражавшие конфликты с Крымом и ногайцами. Надо сказать, что судя по ссылкам, источниковая база довольно обширна и в общем достаточна для решения задач, сформулированных во Введении (хотя можно было бы привлечь еще и восточные тексты). Из сносок видно, что автор опирался не только на опубликованные, но и на архивные материалы. Многократно цитируются документы из РГАДА, АВПРИ, Национального архива Республики Калмыкия. К сожалению, никакого источниковедческого анализа этих документов в рецензируемой работе нет. Соответствующая часть Введения занимает полторы страницы и сводится к простому перечислению использованных публикаций и архивных фондов. При этом постоянно подчеркивается

«огромная ценность» для темы того или иного комплекса материалов, но не уточняется, в чем заключается эта ценность.

Вместе с тем диссертант вполне квалифицированно и умело воспользовался доступным кругом источников и смог выстроить логичную непротиворечивую, аргументированную картину калмыцко-крымских отношений. Его исследование – это не просто пересказ исторических событий, но успешный анализ диалектики этих отношений, их особенностей и закономерностей. Ценность работы видится еще и в постановке проблемы сравнительного изучения двух ханств. Дальше резонно ставить вопрос о перспективе сравнительного изучения статуса подвластных владений в целом – как в России, так и в Османской империи. И очень досадно, что автор не сформулировал методологию исследования (хотя это является одним из обязательных элементов оформления диссертации).

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы В.Т. Тепкеева. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. В.Т. Тепкееву удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2005]

***Отзыв на докторскую диссертацию В.Т. Тепкеева
«Российское государство и калмыки: проблемы политических
взаимоотношений в XVII – первой четверти XVIII века»***

Проблемы истории калмыцкого народа и русско-калмыцких отношений, которые рассматриваются в диссертационном исследовании В.Т. Тепкеева, давно и подробно освещаются в историографии. Миграция части ойратских племен в Восточный Дешт-и Кипчак и Нижнее Поволжье, образование там Калмыцкого ханства и принятие калмыками российского подданства относятся к числу исторических сюжетов, которые традиционно привлекают внимание исследователей. По этому кругу проблем уже имеется обширная литература. Одним из последних по времени обобщающих трудов явилась трехтомная «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней», в первом томе которой (Элиста, 2009) освещается период, рассматриваемый в диссертации В.Т. Тепкеева. Однако переосмысление событий XVII–XVIII вв. с точки зрения новых концепций, а также привлечение новых источников заставляют ученых вновь и вновь возвращаться к событиям той эпохи.

Диссертант поставил задачу проследить вызревание предпосылок формирования калмыцкой государственности в Поволжье и постепенной интеграции народа в состав Российского государства. В ходе исследования убедительно анализируются как заинтересованность российского правительства в сохранении автономии у калмыков, так и долгий путь калмыцкой элиты к признанию и принятию российского подданства. Автор аргументировано показал, что принципиальным рубежом в согласии Москвы на образование ханства и на распространение зоны калмыцких кочевий на правобережье Волги была по-

требность в военной силе кочевой конницы для противостояния Крымскому ханству и Речи Посполитой.

Исследование В.Т. Тепкеева базируется на надежном фундаменте архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Особо следует отметить самое раннее письменное свидетельство русско-калмыцких отношений – послание тайши Лоузана царю Михаилу 1642 г., исполненное старомонгольским письмом. Оно давно известно историкам, но долгое время оставалось не переведенным. (Интересно, что приведенное в нем калмыцкое изречение «Если держать мир, то волосы белеют, а если держать железо, то кости белеют», но в тюркском варианте, приведено в грамоте сибирско-татарского царевича Кучука тобольским воеводам 1664 г.)

При описании постепенного обживания кочевниками-ойратами новых территорий к западу от Джунгарии в XVII в. диссертант внимательно отслеживает перемещения различных племенных группировок и политику их предводителей-тайшей. При этом постоянно приходится обращаться к сложной проблеме отношений этих мигрантов с окрестными народами – теме, которая в советской историографии освещалась очень скупо. В частности, приводится малоизвестный факт частичного вытеснения калмыками казаков с Яика, которые были вынуждены переселиться на Волгу и на Дон. В целом вопросы взаимоотношений калмыков и казаков (особенно донских) занимают значительное место в работе, что также выделяет ее, поскольку обычно в исследованиях характеризуются связи тайшей со столичными и региональными российскими властями.

Важным фактором истории калмыков XVII–XVIII вв. были их сложные отношения с ногайцами. Как правило, эти отношения представляются в виде общей схемы вытеснения ойратами населения распавшейся Ногайской Орды за Волгу. В диссертации В.Т. Тепкеева показана неоднозначность той ситуации, когда многие ногайские мурзы не возражали против подчинения калмыцким тайшам и достигали соответствующих договоренностей (чему яростно противились астраханские воеводы).

Фактическое установление калмыцкой гегемонии в Заволжье в 1630-х гг. показано автором в драматической обстановке падения престижа Московского государства, его поражения в Смоленской войне, локальных военных и дипломатических неудач властей Астрахани, которая неоднократно подвергалась угрозе нападения со стороны калмыков. В диссертации наглядно отображена картина чрезвычайного военного напряжения в Нижнем Поволжье в первой половине XVII в., когда, казалось, противоречия между калмыками, ногайцами и русскими вот-вот приведут к полномасштабной войне.

Начав с описания появления ойратов на границах русской Сибири, В.Т. Тепкеев возражает распространенной точке зрения, будто переговоры с российскими властями в 1608–1609 гг. стали первым шагом к вхождению калмыков в состав Московского государства. На самом деле, считает диссертант, это было лишь самое начало установления русско-калмыцких отношений – и в дальнейшем доказательно обосновывает это свое понимание ситуации. Заслуживает внимания его предположение о возможной оценке тайшами внутреннего положения России, охваченной Смутой (что находит аналогии в тогдашней ситуации с народами Северо-Западной Сибири, которые выжидали, чем закончит-

ся междуцарствие). Не случайно череда шертований (и не только калмыцких) началась после 1613 г., когда политическая обстановка в государстве относительно стабилизировалась.

В.Т. Тепкеев приводит данные о письменных шертях, данных калмыками в 1631 и 1649 гг., опровергая тем самым распространенное в историографии мнение о том, что первой письменной договорной записью была шерть 1655 г. В то же время он присоединяется к точке зрения некоторых историков о расценивании ее калмыками как «соглашения между союзниками о мире и военном сотрудничестве».

Авторская концепция постепенного, довольно растянутого во времени процесса вхождения калмыков в состав Российского государства представляется наиболее адекватной исторической ситуации XVII века. Она подтверждается обширным фактическим материалом — как приведенным в диссертации, так и оставшимся вне ее. Изменение статуса калмыцких владений по отношению к Москве иллюстрируется многими аспектами: вариациями в ассортименте и размерах государева жалованья тайшам (здесь автору, кроме использованных им источников, могли бы помочь обширные материалы из фонда 396 «Архив Оружейной палаты» РГАДА), церемониальным сопровождением ин-веституры калмыцких правителей (вручение Мончаку булавы и знамени — явно по аналогии с введением в должность украинских гетманов, недавно признавших сюзеренитет царя), компетенцией центральных ведомств, отвечавших за отношения с волжскими кочевниками (создание Калмыцкого приказа в составе приказа Посольского) и т.д.

Начало существования Калмыцкого ханства диссертант склонен отсчитывать с 1647 г., когда тайша Дайчин был признан в качестве хана большинством ойратских аристократов и духовенства. Однако официальное признание калмыцкого правителя ханом со стороны российского правительства последовало только через полвека, в «Договорных статьях» 1697 г.

Особое внимание в работе уделено правлению тайши и затем хана Аюки. Впервые детально рассматривается заключенная им шерть 1673 г. Ее можно считать определенной вехой в истории не только русско-калмыцких отношений, но и правительственной этнической политики в целом, т.к., в отличие от прошлых шертных соглашений с взаимными обязательствами, теперь перечислялись обязанности почти исключительно калмыцкой стороны (русская сторона лишь гарантировала исправную выплату жалованья и выдачу беглых улусников).

Историки обоснованно считают период ханствования Аюки апогеем могущества и международного авторитета Калмыцкого ханства. В.Т. Тепкеев в целом подтверждает такую оценку, описывая умелую внешнюю политику лидера калмыков, его стремление к максимальной автономии при номинальном российском подданстве, его отношение к протестным движениям в Московском государстве, борьбу с башкирскими и казацкими восстаниями. Важным, даже поворотным фактором в формировании своеобразного положения Аюки по отношению к его русским сюзеренам диссертант резонно считает женитьбу будущего хана на высокородной представительнице княжеского рода Черкасских, что традиционно знаменовало скрепление взаимных обязательств — в данном случае московской и калмыцкой сторон.

Правление Аюки пришлось на время радикальных петровских реформ, и в диссертации показано, что калмыкам тоже нашлось место в грандиозном про-

цессе модернизации России. Калмыцкая знать была инициатором образования особой Астраханской губернии, а кавалерия калмыков стала одним из первых иррегулярных формирований реформированной армии Российской империи.

В качестве пожеланий, замечаний и уточнений можно высказать следующие положения.

1. В источниковедческом разделе следовало бы дать характеристику по-сольским книгам по связям России с Калмыцким ханством как важному виду источников, а не ограничиваться указанием на отдельные ценные документы в них и экскурсом в историю письменности у ойратов.

2. В историографическом разделе неясна цель характеристики выдающегося труда В.Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты». Дается комплиментарная оценка книги, в которой история калмыков и их связей в России практически не затрагивается.

3. В диссертации почти не рассматривается роль буддийской церкви в становлении и оформлении калмыцкой государственности. В частности, известно, что восшествие на ханский трон в глазах калмыков оказывалось легитимным, если оно не только утверждалось императорским указом, но имело и другое важнейшее основание — инвеституру от Далай-ламы. Вместе с грамотой о присвоении ханского звания и тронного имени из Лхасы в Калмыцкую степь привозили новую печать. Обычно считается, что это началось с интронизации Аюки в 1690 г., получившего титул и печать от Далай-ламы VI (хотя есть мнение, что еще в 1650 г. Далай-лама V удостоил этим званием его деда Дайчина). Кроме того, при рассмотрении проблемы возвращения народа с Волги в Джунгарию (чему в работе уделено немало места) следовало бы указать на постоянную пропаганду этого исхода со стороны высших тибетских духовных иерархов. Вообще связей с Тибетом диссертант касается очень лаконично.

4. При изложении событий XVII–XVIII вв. не принято переводить даты событий в «новый стиль» (если только это не повод для отмечаемого юбилея); тем более что диссертант производит такую передатировку не повсеместно.

5. Утверждение автора, будто «в историографии нет достоверного источника, где встречались бы сведения о возможном визите Петра I в ханскую ставку» Аюки (стр. 450), неточно. Такие сведения имеются в придворной хронике Персидского похода Петра — «Походном журнале 1722 года» (издание: СПб., 1855).

Перечисленные незначительные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации В.Т. Тепкеева. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. В.Т. Тепкееву удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2020]

***Отзыв на докторскую диссертацию И.Х. Тхамоковой
«Русское и украинское население Кабардино-Балкарии»***

Актуальность темы, исследуемой в диссертации И.Х. Тхамоковой, не вызывает сомнения. Многолетний кризис на Северном Кавказе пробудил интерес к истории формирования многонационального населения этого региона

и межэтнических отношений в нем. Особую значимость приобретает изучение славянского населения края и его взаимодействия с кавказскими народами. Дополнительная ценность рецензируемой работы видится в том, что в ней выделены в качестве самостоятельных объектов исследования казачество и крестьянство, а также русские и украинцы. Хотя на сегодняшний день имеется немало этнографических и исторических работ по истории и культуре казаков и (в меньшей степени) крестьян Северного Кавказа в целом, территория Кабардино-Балкарии в этом отношении почти не рассматривалась. Между тем разработки И.Х. Тхамоковой показывают, что изучение этой республики дает яркий и наглядный материал для анализа дискуссионных и слабоосвещенных проблем: генезиса терского казачества, русско-украинского межэтнического взаимодействия, влияния этого взаимодействия на культуру жителей края и др. К положительным чертам диссертации следует отнести и ее компаративистскую направленность, то есть сопоставление традиционной бытовой культуры казачества с культурой других групп восточнославянского населения Кабардино-Балкарии.

Источниковая база диссертации весьма обширна и представляется достаточной для решения поставленных автором задач. Используются документы из центральных (РГАДА, РГВИА, РГА РФ) и местных (Госархив Ставропольского края, ЦГА КБР) архивов, опубликованные статистические данные, краеведческие публикации, музейные коллекции, полевые записи. Автор на протяжении 1986–1999 гг. принимала участие в этнографических экспедициях по республике и в массовых опросах русского населения.

На протяжении всего исследования И.Х. Тхамокова выдвигает, отстаивает и аргументирует несколько основополагающих тезисов. Во-первых, она убеждена, что казачество нельзя считать особым народом, поскольку его состав был полиэтничным; во-вторых, несмотря на постоянное взаимовлияние, основные элементы традиционной культуры у русских и украинцев в Кабардино-Балкарии отличались устойчивостью, оказались довольно жизнестойкими. Следует признать, что автору удалось доказать (правда, лишь на локальном материале) справедливость данных положений. И в целом работа И.Х. Тхамоковой содержит много новых, интересных выводов об историческом и культурном развитии восточнославянского населения в регионе.

Глава I посвящена описанию процесса заселения русскими и украинцами территории Кабардино-Балкарии. Диссертант демонстрирует весь спектр факторов, которые влияли на темпы и интенсивность миграций, социальный и этнический состав и численность переселенцев. Особо внимательному разбору подвергнута земельная политика правительства, стимулировавшая рост здесь крестьянского населения: в частности, передача земель в собственность кабардинской знати, которая вскоре продавала их или сдавала в аренду русским новоселам (с. 52) Немало места уделено выяснению численности русских и украинцев в регионе в разные периоды, отмечены фазы ее увеличения и снижения (с. 58–62). В целом автор обоснованно выделяет два этапа формирования восточнославянского сельского населения в Кабардино-Балкарии: вторая половина XVIII в. — первая половина XIX в., когда территория республики заселялась в основном казаками, и конец XIX — начало XX в., когда сюда приезжали русские и украинские крестьяне (с. 65, 66).

В главах II и III, где описываются традиционно-бытовая культура и этнокультурные процессы в XIX — начале XX в., привлекает внимание постановка вопроса о степени воздействия хозяйства и жизненного уклада кабардинцев и осетин на культуру пришлых славян. Выясняется, что нет фактов, подтверждающих бытующее в литературе положение о широком и массовом характере такого воздействия. Например, несмотря на заимствование крестьянами и военными поселянами некоторых пород скота у горцев, скотоводство у местных русских оставалось приблизительно таким же, как и в других районах России. Отгонное скотоводство не привилось, а попытки содержания кабардинских скакунов в казачьих табунах вылилось в вырождение породистых лошадей из-за неумения новых хозяев ухаживать за ними (с. 89, 92). То же отсутствие заимствований было характерно для организации общественной и семейной жизни. Разве что обряды избегания могли быть привнесены из горской среды, рассуждает диссертант, но и это сомнительно, поскольку они были известны и другим группам российского казачества (с. 153, 154). При этом обряды, присущие русским и украинцам, сохранились и существенно различались между собой. Впрочем, у терских казаков, которые жили в крае намного дальше по сравнению с крестьянами, да еще в близком соседстве с кабардинцами, фиксируются обычаи, напоминающие куначество и атальчество; добавим к этому общеизвестные кавказские элементы казачьей одежды (с. 242–252).

Справедлива, на наш взгляд, осторожность диссертанта при оценке источника тюркского влияния на культуру казачества. Едва ли можно связывать это влияние с пребыванием терцев и гре-бенцов на Северном Кавказе. Многочисленные аналогии в других регионах расселения казаков позволяют предполагать, что следы влияния тюрков-кочевников проявились у них еще до прихода на Кавказ (с. 250, 251).

Социально-демографические и этнокультурные процессы 1920–70-х гг. разбираются в главе IV. В этой части работы наиболее наглядно представлена широта источниковой базы исследования. Параграф о формировании городского населения республики написан почти исключительно на архивных данных. Подсчеты динамики и анализ численности даются по материалам республиканской статистики за период в несколько десятилетий. Иногда даже создается впечатление о чрезмерной увлеченности автора архивными источниками, поскольку в ряде случаев можно было бы привлечь опубликованные материалы переписей (И.Х. Тхамокова использовала издания результатов переписей 1926 и 1989 гг., но не привлекла публикации переписей 1959, 1970 и 1979 гг.). Параграф главы, посвященный этнокультурному развитию, во многом построен на сведениях, лично почерпнутых диссертантом от многочисленных информаторов.

Разбирая факторы, повлиявшие на радикальные изменения в традиционной культуре русских и украинцев Кабардино-Балкарии, автор особо выделяет антиказачью политику большевиков в первые послереволюционные годы, коллективизацию, социальные и религиозные запреты, характерные для советского периода.

В главе V дается статистический материал по занятости, расселению, уровню образования, миграциям и степени урбанизации русских и украинцев в республике в 1980-е годы, дается очерк их современной городской и сельской культуры.

Существенных замечаний к тексту рецензируемой диссертации нет. Имеются некоторые пожелания, которые И.Х. Тхамокова могла бы учесть при дальнейшей работе.

1. Для более полного отражения истории этнического взаимодействия следовало бы описать ареалы расселения кавказских народов накануне и во время прихода русских на Кавказ – особенно кабардинцев, осетин и чеченцев, то есть тех, с кем активнее всего общались терские казаки и позднее крестьяне.

2. Пусть это и не входило в задачу автора, но было бы полезно дать по возможности краткий очерк влияния славянского населения на кавказские народы. Очевидно, это влияние было довольно обширным, по крайней мере в экономической сфере. Известно, что в XIX в. кавказцы многому научились у казаков и русских крестьян. Те занимались хлебопашеством, зерна становилось все больше, цены на него падали. Поэтому многие местные жители прекращали заниматься тяжелым земледелием в горах, предпочитая покупать дешевый русский хлеб, и переключались на скотоводство.

Рецензируемая работа содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут радикально изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. И.Х. Тхамоковой удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2003]

***Отзыв на докторскую диссертацию А.Ю. Хабутдинова
«Татарское общественное движение в российском сообществе
(конец XVIII – начало XX веков)»***

Диссертация А.Ю. Хабутдинова посвящена чрезвычайно сложному и острому вопросу в истории татарского народа – формированию общественного движения и общественных организаций у татар на протяжении XVIII – начала XX в. Актуальность поставленных в диссертации проблем не вызывает сомнений. В 1990-х гг. Татарстан стал одним из ведущих и наиболее заметных субъектов политической жизни в России. Развернулось в Республике и энергичное общественное движение. Разнообразные по целям и устремлениям, общественные организации Татарстана (пожалуй, более активные, чем в других регионах РФ) все вместе объективно способствуют формированию и выражению общественного мнения – и, следовательно, являются необходимым элементом гражданского демократического общества.

Очевидно, подобная активность берет начало не только в трансформации массового сознания периода «перестройки», но имеет и глубокие исторические корни. Тем важнее и интереснее проследить истоки татарского общественного движения; к тому же оно с самого начала развивалось, как и сейчас, в пределах Российского государства.

В работе А.Ю. Хабутдинова учтена основная историография данной темы. Источниковая база диссертации также может считаться достаточной для исследования: привлечены сочинения татарских мыслителей XIX–XX вв., периодическая печать и общественно-политическая литература того времени, ма-

териалы деятельности различных административных органов, национальных и религиозных организаций и форумов, произведения татарских писателей, поэтов и драматургов.

В главе 1 «Формирование и эволюция татарского общества в российском сообществе в XVIII–XIX вв.» прослеживается начальный этап формирования татарской нации. Автор приходит к заключению, что этот процесс на первых порах развивался в рамках мусульманской общности и в духовной сфере базировался на миллете Оренбургского Духовного Соборания. По ходу исследования неоднократно делаются сопоставления с османской системой миллетов, выявляются сходства и различия между ними и российской структурой под тем же названием.

В конце XVIII – начале XIX вв., по мнению диссертанта, наблюдался «переход основного вектора деятельности татарского мусульманского общества от сопротивления насильственной христианизации к достаточно автономному развитию в рамках российского государства» (с. 35).

Это развитие рассматривается в диссертации посредством анализа деятельности главных общественных сил (элиты) татарского народа – землевладельцев, буржуазии и духовенства. Показано, что традиционные экономические и духовные связи со Средней Азией, и прежде всего с Бухарой, определяли особенности татарского общественного движения в тот период. А.Ю. Хабутдинов считает, что в начале XIX в. появились важнейшие предпосылки для формирования общественного движения, присущего Новому времени: экономическое преобладание буржуазии и рационалистическая богословская доктрина (Г. Курсави). Но из-за ориентированности буржуазии на среднеазиатское экономическое и культурное пространство объединения этих тенденций не произошло.

В главе разбираются сложные процессы, разворачивавшиеся в религиозной сфере, – в частности, сосуществование схоластической доктрины, подпитывавшейся бухарскими богословскими авторитетами, и новыми веяниями в собственно татарской этнической среде, (в том числе активизация приверженцев суфизма). В этой связи привлекает внимание описание диссертантом деятельности Шихабутдина Марджани не столько в качестве просветителя и историка (как обычно он изображается в историографии), сколько «модернизатора ислама» и реформатора исламского образования.

Глава 2 «Общественное движение тюрок-мусульман России на рубеже XIX–XX вв.» посвящена анализу наиболее заметных проявлений социальной активности татарских передовых деятелей – движению джадидизма и событиям революции 1905–1907 гг. Достаточно убедительным выглядит тезис автора о том, что джадидизм и его антипод кадимизм представляли собой своеобразную реакцию татарских интеллектуалов и общественных деятелей на модернизацию российского общества и государства, начатую реформами Александра II.

Большое место в данной главе отводится рассмотрению положения в мусульманской общине, позиции ее руководства по отношению к вопросу религиозной и культурной автономии мусульман в империи.

Среди общественных движений диссертант особо отмечает группировку тангчыллар как объединение наиболее динамичных социальных слоев – татарской мелкой буржуазии, шакирдов, зажиточных крестьян. Одним из результа-

тов эволюции татарской социальной элиты А. Ю. Хабутдинов считает формирование в 1905–1907 гг. «татарского национального социализма».

Глава 3 «Татарское общественное движение и создание автономных национальных институтов (1908–1918 гг.)» описывает принципиальный этап в развитии татарской нации – постепенное вызревание политических структур и создание автономной государственности. Подробно охарактеризованы политические группы того времени – Харби Шуро и Мусульманский социалистический комитет. Высшей точкой национального движения диссертант считает сессию Милли Меджлиса в ноябре 1917 – январе 1918 г.

В целом общественные процессы в среде татарского населения Волго-Уральского региона в XVIII – начала XX в. отражены в диссертации А. Ю. Хабутдинова достаточно полно. Обширные сведения, привлеченные из разнообразных источников, позволили ему осветить разнообразный и противоречивый процесс развития татарской экономической и духовной элиты, формирования татарских общественных организаций и политических структур. Многие из вопросов, затрагиваемых автором, уже имеют немалую историографию (джадидизм, деятельность Ш. Марджани, мусульманская фракция в Думе, Идель-Урал и т.д.). Однако в рецензируемой диссертации эти и другие темы встроены в более общую проблему истории татарского общественного движения, что позволяет взглянуть на них в новом ракурсе.

Весь материал, привлеченный автором, и вся выстроенная им система аргументов подводят к заключению, что государственное строительство, принятое татарскими политиками после революции 1917 г., было подготовлено долгим общественно-политическим развитием народов Поволжья и Приуралья в предшествующие столетия.

Как нередко бывает в подобном обширном исследовании, некоторые высказанные положения и авторские формулировки вызывают возражения или требуют уточнений и разъяснений. Приведем некоторые из них.

1. Автор не разъясняет, что он понимает под «татарским обществом», многократно фигурирующим в тексте – при том, что по ходу изложения он иногда смешивает такие разнопорядковые явления, как общность российских мусульман, совокупность тюркских (или чаще тюрко-мусульманских) народов империи и собственно татарский этнос. Кроме того, нигде не расшифровывается понятие «российского сообщества», вынесенное в название диссертации и главы 1. Из всей работы следует, что под таковым следует, очевидно, понимать Российское государство.

Правда, иногда у А. Ю. Хабутдинова появляется особое «русское общество». См., например, с. 24 автореферата: «Впервые эволюция русского и татарского обществ приобрела (в конце XIX в. – В.Т.) общегражданские светские факторы развития». – Таким образом, предполагается, что в империи существовало по меньшей мере два этнически детерминированных «общества» – русское и татарское – которые то ли порознь, то ли вместе эволюционировали и «приобретали факторы развития». При этом заметим, что первые «общегражданские светские факторы развития» в историографии традиционно связываются с гораздо более ранним периодом – эпохой петровских реформ.

2. Представляется, что формирование татарской нации излишне персонифицируется автором. Роль просветителей и общественных деятелей выглядит

гипертрофированной, а в 1917 г. автор приписывает политическим деятелям сознательное намерение создать отдельные нации (с. 366); ту же цель он приписывает адептам джадидизма (с. 193). Между тем формирование нации является долгим и объективным процессом, неподвластным воле политиков. Кроме того, вызывает удивление полное игнорирование диссертантом этнической составляющей этого процесса; в частности, обойден вопрос об этнической консолидации татарского народа и почти не затронута проблема развития этнической (национальной) идентичности татар.

В итоге остается неясным, на основе каких факторов и предпосылок произошла трансформация татарской этнической общности в нацию. Несомненно, таких факторов было несколько. Но разбирая ситуацию второй половины XIX в., диссертант называет из них только один: «В это время ислам остается единственным консолидирующим институтом татарского общества» (с. 53). Таким образом, в консолидирующей функции отказано и языку, и исторической памяти, и, наконец, объективному факту пребывания татар в пределах Российской империи. Правда, возможно, что в приведенной цитате имеется в виду не все татарское население, поскольку автор ведет речь вновь о загадочном «татарском обществе».

3. Вызывают возражения отдельные частные положения. Так, на с. 4 говорится, будто по отношению к татарам «российские императоры сменили османского султана и халифа в качестве политического, а муфтии — в качестве духовного лидера». Однако для татар османский падишах являлся именно духовным лидером — как номинальный «повелитель правоверных»; никакого политического лидерства по отношению к поволжским татарам Порты никогда не осуществляла.

Несмотря на высказанные замечания, полагаю, что диссертация А.Ю. Хабутдинова представляет собой оригинальное, самостоятельное, квалифицированное научное исследование. Автореферат полностью соответствует ее содержанию. Основные результаты исследования отражены автором в многочисленных публикациях, в том числе в нескольких монографиях. Выводы, сделанные в диссертации, могут быть использованы при преподавании истории татарского народа, общественных движений XVIII — начала XX в.

[2021]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию Б.Р. Хисматуллина
«Политико-административное регулирование земельных
правоотношений в Казанском ханстве»***

Диссертационное исследование Б.Р. Хисматуллина отражает позитивную тенденцию отображения Казанского ханства в историографии. В последние десятилетия появляется все больше научных трудов, в которых оно предстает не в качестве объекта внешней политики Московского государства, но как самостоятельный актер исторического процесса, полноценное государственное образование с присущими ему закономерностями и особенностями политического, социального и культурного развития, с развитой экономической системой, упорядоченными нормами землевладения, землепользования, налогообложения и т.д.

После известных трудов Ф.Ф. Лашкова и Ш.Ф. Мухмедьярова рецензируемая диссертация является, очевидно, первым монографическим исследованием данного круга проблем в отношении «постордынского» мира. Очевидно, мизерное количество работ по конкретной теме данной диссертации побудило автора посвятить свой историографический очерк не этим нескольким работам, а истории изучения Казанского ханства в целом.

Б.Р. Хисматуллин привлек обширный источниковый материал: опубликованные и неопубликованные акты, эпиграфические и этнографические данные. При общеизвестной скудости сведений о внутренней жизни Казанского ханства ему понадобилось воспользоваться обширным корпусом сведений по истории других татарских государств, прибегнуть к аналогиям и экстраполяциям, чтобы осветить основные черты регулирования земельно-правовых отношений в ханстве.

Для исследования также оказались полезными упоминания о рудиментах поземельных отношений ханского периода в русских делопроизводственных документах Казанского уезда второй половины XVI–XVII вв. Кроме того, автор использовал некоторые сведения по этому поводу, отложившиеся в историческом фольклоре татар. При этом он не оставил без внимания нетатарское население ханства, постоянно обращаясь к анализу социальной организации, правового регулирования и землепользования у тех, кого он обозначает небесспорным термином «периферийные народы», — чувашей, черемисов, вотяков, мордвы и башкир.

Одним из достоинств диссертации является постоянное внимание автора к феномену исторической преемственности в административных, правовых и прочих аспектах внутренней политики Казанского ханства. Он видит и обосновывает (с разной степенью убедительности) наследие Волжской Булгарии в его экономике и наследие Монгольской империи и Золотой Орды — в организации управления и нормах землевладения. Исследуя динамику различных явлений и терминов, относящихся к поземельной сфере, Б.Р. Хисматуллин выдвигает любопытное предположение о том, что в Казанском ханстве прежняя ордынская сюрюгальная система пожалований утратила свое первоначальное значение (по аналогии с Крымом) и была заменена тарханством; хотя при этом само понятие «сюрюгал» продолжало употребляться в делопроизводстве (стр. диссертации 73).

Преемственность и дальнейшее развитие демонстрируют и основы территориально-административной структуры ханства, реконструированные в диссертации. Деление его территории на даруги и далее — по нисходящей — на улусы и или Б.Р. Хисматуллин убедительно соотносит с военно-административной разверсткой населения по десятичному принципу. Улусы, по его заключению, соответствовали сотням, а или — десяткам (стр. 117–121, 128), что в условиях казанской оседло-земледельческой государственности не совпадало с прообразами этих институтов в кочевой степи.

Очевидно, континуитету традиций и институций способствовали некоторые особенности развития Средневолжского региона в XIV–XV вв., а именно: стабильность поземельных отношений в оседлых ареалах Золотой Орды и стабильность местного оседлого населения, сохранявшего культурные устои домонгольской эпохи (несмотря на общеизвестные военные конфликты, эпи-

демии, миграции иноплеменников и т.д.). Исследование Б.Р. Хисматуллина приближает историков к решению проблемы: насколько было заметно в казанской государственности, экономике, культуре болгарское наследие. То есть насколько, как выразился хронист ал-Омари, «земля одержала верх» над пришлыми завоевателями и переселенцами? имела ли место «булгаризация» Казанского вилайета — подобно китаизации монголов в Юани, иранизации в ханстве Хулагуидов, тюркизации у Чагатаидов?

В диссертации убедительно опровергаются распространенные в историографии советского времени тезисы о существовании в ханстве вотчинного землевладения и крепостного права, а рабовладельческий уклад, хотя и присутствовал, но занимал незначительное место в экономике государства (с. 73–77, 98).

Значительное место в работе Б.Р. Хисматуллина занимает рассмотрение налоговой системы. После разбора податной терминологии автор приходит к верному, на наш взгляд, выводу о том, что под ясаком в Казани понимался не отдельный налог, а совокупность различных податей. То есть ясак — это «собираемое название налоговых сборов» (стр. 94). В данном случае просматривается близкая аналогия с синхронной русской терминологией, в которой понятие «дань» также покрывало собой разнообразные выплаты, а их субъекты являлись буквально «подданными» — так же, как плательщики ясака именовались ясачными (и это не означало, что они выплачивали только ясак).

Наглядно проявилась в Среднем Поволжье политика московского правительства на сохранение «дорусских» административных и податных установлений, что облегчало процесс постепенной адаптации новоприсоединенных территорий и народов к жизни в Российском государстве. Это известное, в общем, явление подтверждается обнаруженными диссертантом в архиве документами о непрерывной принадлежности мурзам Сююндюковым земельных владений в Казанском уезде на протяжении 200 лет (стр. 35).

Автору можно посоветовать в дальнейшем обратить более пристальное внимание на факт легитимизации пожалований и податей посредством ссылок на волю прежних ханов. Насколько нам известно, чаще всего в русскоязычных актах встречаются указания на времена Мухаммед-Эмина («как при Магметелиме царе») и — несколько реже — Сафа-Гирея. Вероятно, не случайно на протяжении долгого времени после русского завоевания Казани в документах фигурируют именно эти имена. Создается впечатление, что в конце XV — начале XVI в., в течение трех «царствований» Мухаммед-Эмина, в ханстве произошло упорядочивание (а, возможно, и кодификация) порядка налогообложения и землепользования, обновление старых владельческих прав на землю и утверждение новых. Сафа-Гирей же предположительно впоследствии внес коррективы в эти нормы, сообразуясь с необходимостью обеспечить ресурсами прибывших с ним в Казань многочисленных крымских и ногайских соратников.

В качестве пожеланий, замечаний и уточнений можно высказать следующие положения.

1. Вызывает возражение свободное оперирование в диссертации понятиями «феодализм», «феодальный», «феодалы» по отношению к Казанскому ханству. Только на стр. 63, после многократного их употребления, диссертант пытается в двух коротких абзацах обосновать их использование — на основании того, что существует концепция «восточного феодализма» (с единственной ссылкой

на книгу Ю.В. Качановского 1971 г.). Однако современная российская наука отходит от европоцентристской парадигмы, когда в различных обществах и государствах пытались найти черты «феодальной формации» и тем доказать верность марксистского учения о формациях. А поскольку исторические реалии не соответствовали изначальным европейским схемам феодального строя, то изобретались иные «феодализмы»: восточный, кочевой, горский и т.п. Полагая, что диссертанту следовало более подробно обосновать применение данных принципиальных понятий, которые проходят через всю его работу.

2. Историографию изучаемой проблематики Б.Р. Хисматуллин разделяет на четыре этапа. В течение первого этапа (2-я пол. XVIII – нач. XX в.), как он отмечает, не проводилось «изысканий, где специально затрагивались бы вопросы земельных правоотношений, поземельных общин в Казанском ханстве» (стр.11). Такие исследования появились позднее. Следовательно, выделение периода до начала XX в. для историографии данной темы представляется неоправданным.

3. Текст требует более строгой структурированности. О некоторых сюжетах автор пишет несколько раз, повторяясь: обнаружение Саидом Вахиди и Р. Степановым документов в архивах (стр. 31, 36), характеристика джиенов, илей и др. Рациональнее было бы изложить эти темы в более концентрированном виде.

4. Встречаются неточности в описании источников. «Казанский летописец» – это не летопись (вопреки одному из названий, данных историками) (стр. 42), а историческая повесть памфлетного характера. Не существует оригинального сочинения или сборника под названием «Сказания князя Курбского» (с. 43). Его придумал историк Н. Устрялов в 1868 г. для издания собрания сочинений А. Курбского, куда вошли «История великого князя Московского» и письма Курбского царю Ивану IV.

5. Представляется неточным тезис: «Наследник престола, стоявший на вершине иерархической лестницы, был не только верховным распорядителем, но и верховным собственником земель в государстве» (стр. 62). Это противоречит как историческим фактам, так и неоднократно высказанному в этой же диссертации верному суждению о том, что на вершине иерархии в Казанском государстве находился хан, и именно он, а не его наследник, являлся верховным распорядителем и собственником земель.

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от диссертации Б.Р. Хисматуллина. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. Б.Р. Хисматуллину удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2019]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.В. Цюрюмова
«Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.»***

Диссертационное исследование А.В. Цюрюмова посвящено малоизученному периоду в истории калмыцкого народа. Эпоха междоусобиц в Калмыцком ханстве во 2-й четверти XVIII в. до сих пор не получала монографического ис-

следования. Между тем, без анализа этого социально-экономического кризиса невозможно в полной мере разобраться в особенностях правительственной политики по отношению к калмыкам, в тех ее изменениях, которые в конечном счете привели к массовому исходу калмыков в Китай в 1771 г. и ликвидации Калмыцкого ханства.

Работа А.В. Цюрюмова основана на широком привлечении неопубликованных материалов из центральных и местных архивов, максимального учета научной литературы по теме. К сожалению, автором не учтена последняя вышедшая на Западе обобщающая монография по истории калмыков — книга М. Ходорковского «Где встретились два мира: Российское государство и калмыцкие кочевники, 1600–1771 гг.» (Итака; Лондон, 1992). Однако российская дореволюционная и советская историография привлечена практически полностью.

В главе 1 «Предпосылки феодальных усобиц в Калмыцком ханстве» дается обзор социально-экономического состояния калмыцкого общества в начале XVIII в., главным образом, в период правления хана Аюки; выясняются особенности экономики и общественного устройства, которые привели к нарастанию политических противоречий в среде знати после смерти Аюки. Автор хорошо разобрался в специфике кочевого скотоводства и сопутствующих ему оригинальных административных институтов. Рецензент полностью разделяет тезис А.В. Цюрюмова о том, что Калмыцкое ханство не являлось государством в чистом виде по причине значительных рудиментов родового строя (с. 66). Не вызывает возражения и анализ причин активизации вмешательства российской администрации во внутренние дела ханства этого периода — колонизация Нижнего Поволжья и утверждение абсолютизма в империи (с. 68, 69). Несомненным вкладом автора в калмыковедение является попытка подсчета численности калмыков на основе архивных документов (с. 28).

Глава 2 «Феодальные усобицы и политическое развитие ханства в 20-х гг. XVIII в.» содержит детальное изложение хода борьбы различных группировок знати после смерти Аюки. Панорама политического противоборства кочевой аристократии дана последовательно и аргументированно, с твердой опорой на источники».

В главе 3 «Феодальная борьба в Калмыцком ханстве в 1-й половине 30-х гг.» впервые в историографии освещены события указанного периода. А.В. Цюрюмов убедительно трактует политическую борьбу нойонов как проявление кризиса кочевого общества, его экономической системы. Причем, уходя от чисто социологической подоплеки усобиц, диссертант правомерно учитывает также внешнеполитический и этнический факторы (влияние Крымского ханства на Калмыцкое, участие ногайцев в делах калмыцкого государства).

В главе 4 «Калмыцкое ханство во 2-й половине 30-х гг.» разбираются события периода правления хана Дондук-Омбо (1735–1741). Ознакомившись с аргументацией диссертанта, рецензент согласился с его выводом: «в эти годы была достигнута не просто стабилизация, а восстановление и укрепление основ кочевой государственности времен хана Аюки» (с. 187). Кроме того, убедительна трактовка русско-калмыцких отношений данного периода как носивших «военно-вассальный характер при сохранении независимой внутренней политики калмыцкого хана».

В диссертации нет необоснованных положений и домыслов; все тезисы подкреплены достаточным по количеству и достоверным материалом источников. В результате обработки документальных сведений А. В. Цюрюмову удалось создать стройную и убедительную картину развития калмыцкого общества исследуемой эпохи.

Тем не менее диссертация нуждается в некоторых уточнениях и дополнениях — как в содержании, так и в оформлении. Использование автором понятий «феодализм», «феодальный» по отношению к калмыкам XVIII в., требует существенных оговорок. В диссертации Калмыцкое ханство отнесено к категории феодальных образований без каких-либо доводов. Очевидно, здесь сказалось влияние концепции так называемого «кочевого феодализма», господствовавшей в нашей науке до недавнего времени. Представляется более плодотворным рассматривать социальную структуру и политическую организацию калмыков с точки зрения концепции раннего государства, поскольку Калмыцкое ханство, несомненно, имело больше черт раннегосударственной монархии, чем феодального королевства.

Для большей наглядности мы советовали бы А. В. Цюрюмову сопроводить текст картой Нижнего Поволжья с улусным делением. Во Введении необходимо включить пункты, требуемые при оформлении диссертаций: сформулировать методику исследования, указать на апробацию его результатов и т. д.

Основные положения исследования отражены автором в публикациях. Содержание работы полностью соответствует ее названию.

[1997]

***Отзыв на докторскую диссертацию А. В. Цюрюмова
«Калмыцкое ханство в составе России: проблемы
политических взаимоотношений»***

А. В. Цюрюмов обратился к теме, которая многократно анализировалась в историографии, но в последние годы подвергается радикальному переосмыслению. Особенности и закономерности формирования многонационального Российского государства — это «вечная» тема отечественной исторической науки; материал для изучения этой темы неисчерпаем, и каждое новое поколение ученых привносит свой вклад в ее изучение. Исследование пребывания калмыков сначала по соседству с Россией, а затем в ее составе тоже имеет долгую традицию. Диссертация А. В. Цюрюмова находится в русле указанной традиционной проблематики, однако при этом отличается и существенной новизной подходов.

Событийная канва калмыцко-российских отношений в целом неплохо изучена и известна. Простой пересказ обстоятельств, связанных с историей возникновения, развития, ослабления и ликвидации Калмыцкого ханства не внес бы ничего нового. Диссертант же ставит другую задачу: попытаться определить статус калмыков по отношению к России в XVII—XVIII вв. Для этого ему потребовалось не только привлечь обширный документальный материал, но и заняться теоретическими вопросами (относительно природы подданства, особенностей государственности у кочевников, нюансов отношений центрального правительства к различным окраинным владениям и др.).

К оригинальным исследовательским сюжетам прежде всего нужно отнести неоднократное сопоставление автором положения Калмыцкого ханства по отношению к российскому государству и правительству с положением «гетманской» Левобережной Украины и Донского войска. А.В. Цюрюмов убедительно показывает многочисленные аналогии в их статусе и в исторической судьбе. Он обоснованно считает три названные владения политическими образованиями в составе России, которые до определенного времени играли важную роль на ее южных рубежах, особенно в начале открытого военного проти-востояния России и Турции. Проанализировав общие черты в статусе калмыков, донцов и малороссов, диссертант считает, что они отразили общее явление в российской государственности и определяет эти владения как «систему буферных полунезависимых военно-государственных образований вдоль южных границ» с некоторыми признаками вассалитета и протектората (с. диссертации 5, 140, 141, 360, 409 и др.).

Представляется, что такой подход верно отражает закономерности развития имперской государственности. Российская держава складывалась исторически, присоединяя мирными и военными методами многочисленные народы и регионы. Рудименты этой территориальной экспансии долгое время сохранялись в государственной символической и административной практике. России была присуща своего рода «многослойность», т.е. присутствие в ее составе владений разного ранга и разной степени автономии. В частности, на территории Московского государства XVI–XVII вв. существовало вассальное татарское Касимовское царство. До начала XVIII в. официально считалось, что продолжают существовать Казанское и Астраханское ханства, просто ими теперь управляет московский царь. На протяжении XVII в. каждый русский монарх, коронуясь в Успенском соборе, принимал власть, по официальной формуле, над государствами Московским, Владимирским и Новгородским, царствами Казанским, Астраханским и Сибирским.

Одним из проявлений такой «многослойности» было существование Калмыцкого ханства под верховной властью царя. И так же, как прочие подобные образования, оно постепенно утрачивало автономию, подчиняясь общему объективному процессу унификации стандарта подданства и управления в империи. В рецензируемой диссертации превосходно показан этот процесс. Автор на обширном материале убедительно показывает, как первоначальное, фактически самостоятельное существование калмыцкого государства второй половины XVII столетия постепенно сменяется нарастанием государственно-го и бюрократического контроля в петровскую и особенно в послепетровскую эпоху. Ханство (наместничество) все больше включалось в общероссийскую административную систему и рынок.

При этом автор вовсе не приписывает данные события злой воле русских властей. Напротив, он подчеркивает, что у них не было намерения сознательно уничтожить автономию калмыков, чтобы растворить их в общей массе царских подданных (с. 326). Я разделяю подход А.В. Цюрюмова, сформулированный в следующем тезисе: «Логика событий, вытекающая из общей природы абсолютизма, социально-экономического положения Российской империи, связанного с развитием всероссийского рынка, неизбежно вела к нивелировке политических статусов входящих в нее народов, к подчинению их центральной

власти, к деформации традиционных форм хозяйства, быта, культуры и т.п. ...» (с. 275, выделено мною; о том же см. на с. 185).

В самом деле на протяжении XVI–XIX вв. в России происходила неуклонная, хотя медленная и постепенная, унификация государственного устройства, приведение национальных регионов к общему знаменателю. Впрочем, в результате расширения империи в ее состав периодически включались все новые и новые компоненты (Польша, Финляндия, азиатские протектораты), поэтому полного административного единообразия к концу ее истории так и не наступило.

Кроме того, необходимо учитывать (и диссертант в полной мере это делает) международную обстановку и интересы внешней политики России. Когда ее границы выдвинулись в Центральную Азию (после присоединения Младшего жуза) и к Черному морю (после побед над османами), Калмыцкое ханство утратило свое «фронтирное» значение, и его ценность как стратегического буфера сошла на нет. Соответственно правительство и провинциальные чиновники все более переставали считаться с интересами калмыцкой элиты и народа в целом (с. 325, 360, 411).

Описывая историю ханства, А.В. Цюрюмов неизбежно должен был обратиться к финальному этапу его существования – исходу калмыков 1771 г. Это событие многократно описано в литературе. Однако и в данном случае диссертант обнаруживает некоторые важные детали, мало привлекавшие внимание коллег-предшественников. Так, он подчеркивает, что неоднократные намерения откочевать на восток в первой половине XVIII в. не реализовались из-за нежелания попасть под власть джунгарского хунтайджи. Лишь после разгрома Джунгарии Цинами, надеясь на обретение «свободных» (от джунгаров) земель, калмыки решились на переселение (с. 373, 374).

Анализируя сложные процессы изменения статуса калмыков, диссертант устанавливает некоторые хронологические рубежи. Он считает, что в результате первых же шертей 1607–1608 гг., на протяжении первой половины XVII в., произошло юридическое вхождение калмыков в состав Московского государства; в тот период наблюдаются «черты института покровительства России над калмыками, который включал в себя элементы вассалитета». Во второй половине столетия, когда пришельцы с востока получают кочевья между Доном, Волгой и Яиком, происходит уже их фактическое вхождение в состав России. Покровительство при этом перерастает в политическую автономию. Данный процесс окончательно завершился в 1650–1560-х гг., когда образовалось автономное ханство (с. 41, 120, 121, 410).

Решение вопроса о престолонаследии после Аюки по сценарию, разработанному Петром I, и назначение Церен-Дондука трактуется как трансформация политической автономии в административную (с. 411).

Соглашаясь в основном с периодизацией и интерпретацией истории калмыцко-российских отношений в XVIII в., не могу полностью разделить авторскую трактовку их в предыдущем столетии, особенно касательно начального этапа. В те времена представления о подданстве, покровительстве, сюзеренитете и т.п. оказывались довольно условными. Как показывают не только калмыцкие материалы, но и сибирские, ногайские, кавказские и др., подданство («холопство»), декларируемое на основании шертных договоров, следует

сопровождать серьезными оговорками. Двухсотлетняя эпопея многократного шертования кабардинских, дагестанских, грузинских и прочих владетелей русским царям подтверждает эту особенность международных отношений позднего средневековья.

А.В. Цюрюмов, очевидно, опирается на российскую официальную точку зрения, по которой после принятия шерты соответствующий правитель становится подданным царя, а после ее нарушения превращается в изменника, «сударева непослушника». На самом же деле взгляд на заключаемые соглашения у русских властей и их партнеров по переговорам, как правило, принципиально различался. Если так называемые «иноверцы» видели в этих соглашениях прежде всего пакт о военном союзе и ненападении или же мирный договор под привычным патриархальным, мало обязывающим патронажем, то для российской стороны это был знак безусловного подчинения. Данная коллизия хорошо отображена в исследованиях М.М. Батмаева и М. Ходарковского.

Сложность заключается в трудности, условности применения европейских государственно-правовых категорий из средневековья и нового времени к отношениям между Россией и восточными народами (подданство, протекторат, сюзеренитет, вассалитет и т.п.). Точка зрения, высказываемая диссертантом относительно юридического вхождения калмыков в состав России в начале XVII в., имеет право на существование, но далеко не бесспорна. Вероятно, окончательное решение данной проблемы произойдет лишь тогда, когда будет выработана адекватная терминология, отражающая исследуемые исторические процессы. Кстати, заметно, что диссертант и сам иногда теряется перед разнообразием дефиниций; например: «... процесс вхождения переплетался с чертами присоединения калмыцких кочевий» (с. 409, выделено мною).

Перечисленные замечания не снижают общего положительного впечатления от работы А.В. Цюрюмова. Она содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из которых, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. А.В. Цюрюмову удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2007]

***Отзыв на кандидатскую диссертацию А.Р. Чедия
«Западный Кавказ в черноморской политике Османской
империи в XVII – первой четверти XIX вв.»***

Диссертационное исследование А.Р. Чедия посвящено одному из острых вопросов международных отношений XVII–XIX вв. – османской экспансии в Причерноморье и попыткам Порты распространить свой сюзеренитет на Кавказ. Обострившаяся в конце XX в. и начале XXI в. политическая ситуация в регионе Западного Кавказа вновь выдвинула на первый план сложные проблемы статуса отдельных территорий, российско-турецких и российско-грузинских межгосударственных отношений и др.

Изучение османской политики было бы неполным без привлечения турецких материалов – как источников, так и научной литературы. В диссертации они достаточно полно представлены. Исследование строится на основе широ-

кого использования опубликованных источников и архивных документов из Османского государственного архива Президента Турецкой Республики, а также документов РГВИА, учета и анализа обширной историографии на русском, турецком и западноевропейских языках. В заслугу автору можно поставить и введение в научный оборот такого нечасто привлекаемого источника, как тарихи (надписи на зданиях по случаю их строительства), — для реконструкции некоторых исторических событий.

К теме османской политики на Западном Кавказе отечественные историки обращались неоднократно. Однако ее затрагивали, как правило, в связи с русско-турецкими войнами и на фоне подробного освещения российских военных кампаний в регионе; непосредственно проблема османской политики оставалась на периферии внимания исследователей. К тому же турецкие источники и научные работы, созданные в Турции, учитывались в незначительной степени. В диссертации А.Р. Чедиа данный круг проблем занимает центральное место, причем, с учетом наработок турецких коллег, в том числе новейших публикаций.

При этом следует заметить, что историографический очерк в диссертации нуждается в более продуманном структурировании. Так, к категории «советской историографии» отнесены издания источников — русский перевод труда Эвлии Челеби (1979, 1983 гг.) и сборник документов «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв.» (1974 г.) (стр. диссертации 52). Впрочем, ниже, в списке литературы эти работы помещены под надлежащими рубриками.

Автор делит всю историографию на российскую, абхазскую и зарубежную («инострannую»). Но если Абхазия сейчас является независимым государством (о чем сказано уже в первом предложении диссертации на стр. 4), то российская историография тоже должна быть обозначена как «инострannая». Возможно, здесь сказались особенности современной политической ситуации и постсоветской идентичности.

В диссертации подробно и убедительно показаны изменения в османской политике по отношению к народам восточного черноморского побережья и сопредельных областей — от превращения моря в «османское озеро» (А.Р. Чедиа именно так трактует результат турецких завоеваний, присоединяясь к одной из сторон в многолетней дискуссии о статусе Черного моря) до его «открытия» в результате русско-турецких войн.

Пребывание черноморской береговой зоны под сюзеренитетом Порты, принадлежность этой зоны к административным единицам Османской империи, как показывает автор, до первой половины XVIII в. оставались во многом номинальными. Турки не стремились к прямому подчинению региона, которое грозило им большими потерями и не сулило больших материальных выгод. Яркий пример отсутствия целенаправленной стратегии и первоначальной незаинтересованности в прочном утверждении здесь — это всего лишь двухлетнее существование особого Сухумского бейлербейства (стр. 94, 99). А.Р. Чедиа аргументированно показывает, что у Стамбула, соответственно, отсутствовал и систематический подход во взаимоотношениях с местными народами — черкесами и абхазами (стр. 150).

Очевидно, на слабом внимании Порты к кавказскому побережью, по крайней мере, в первое время сказывалась его отдаленность от «метрополии». В свя-

зи с этим можно привести показательный ответ султана Сулеймана I в 1549 г. на просьбу ногаев воспрепятствовать усилению России в Поволжье. Он прямо заявил (через посла) о неосуществимости своего вмешательства в дела к северу от Крыма; ведь даже его собственное владение — Азак/Азов на Дону не могло рассчитывать на помощь своего государя: «А мне моему городу Озову пособить немочно — стоит от меня далече».

В отношении местных народов А.Р. Чедия особо останавливается на абхазах и черкесах. Он определяет статус западных черкесов (адыгов) как вассалов Османской империи, находившихся в даннической зависимости, но зависимости непостоянной — с нерегулярной и не повсеместной выплатой податей. В работе показано также особое положение Абхазии, которая, несмотря на столь же формальный османский вассалитет, действовала как равноправный актор исторического процесса в регионе, наряду с соседними Мегрелией и Имеретией. Причем ее политическая самостоятельность со временем, особенно в течение XVIII в., становилась все более заметной. А в начале следующего столетия абхазские правители умело лавировали между политическими устремлениями Стамбула и Петербурга (что было характерно для кавказской элиты в целом).

Стремление склонить на свою сторону элиту подвластных территорий было одним из принципов османской политики — в том числе и в кавказском Причерноморье. Одним из способов обеспечения ее лояльности было утверждение здесь ислама. Весь излагаемый материал по этому поводу подводит к выводу, который прямо не сформулирован в диссертации: турки проводили типично имперскую политику, обращая в свою религию, прежде всего, аристократов, с расчетом на то, что по примеру знати и с ее помощью ислам проникнет в широкие массы населения. Надо сказать, что мусульманизация со временем принесла ощутимые результаты. Это относится не только к массовой перемене вероисповедания к середине XIX в., но и к созданию определенной репутации Османской империи в глазах адыгов. Известно, что накануне их мухаджирства (массового исхода в турецкие владения) в 1860-х гг. среди них царило убеждение, будто единоверная Османская империя является самым богатым и могущественным государством в мире, а прочие народы находятся у нее в услужении.

Перечисленные аспекты исследования проиллюстрированы диссертантом, в частности, на примере судьбы местных крепостей, которые турки время от времени пытались использовать как пункты размещения своей провинциальной администрации, дислокации гарнизонов и плацдармов для дальнейшего продвижения вглубь Кавказа (что было особенно актуально по время конфликтов с персидскими Сефевидами). На второстепенность данного региона для Порты наглядно указывает тот факт, что стены Тамани, Темрюка и других крепостей, воздвигнутых османами в первой половине XVI в., к началу XVIII в. были в значительной степени разрушены временем и разобраны местным населением для хозяйственных нужд. Только приближение границ России к Кавказу и войны с ней заставили турок в 1730-х гг. заново отстроить укрепления (с. 122–124). Однако если это все так, и турки позволяли городским стенам разрушаться, а окрестным адыгам разбирать их на кирпичи, то действительно ли так велика была опасность от черкесских и абазских набегов на эти го-

рода, как о том пишет диссертант? были ли эти набегии настолько частыми и разорительными?

При освещении исторической ситуации на Западном Кавказе, А.Р. Чедия неизбежно приходится обращаться к роли в ней сопредельных стран. Нельзя было обойти молчанием близкое присутствие и активное участие в истории региона вассала Порты – Крымского ханства. Правда, автор во Введении оговаривает, что проблема крымско-черкесских отношений выходит за тематические рамки диссертации. Это верно, однако дать полную картину событий невозможно без учета крымского фактора, поэтому, несмотря на это объявленное ограничение, вмешательство Бахчисарая в кавказские дела неоднократно освещается в работе. Тем более что «горные черкесы» (тау шеркеш) как крымские подданные фигурировали в полной формуле ханского титула Гиреев, и в XVIII в. между Стамбулом и Бахчисараем то и дело возникали разногласия по поводу принадлежности и подчиненности Черкесии.

Столь же обособленно обращение автора к близлежащей Грузии. И в связи с грузинскими сюжетами я перейду к замечаниям.

1. На стр. 197 автор пишет, что во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. «Порта требовала восстановить вассалитет Картлии и Кахетии». Однако эти восточно-грузинские царства (ошибочно названные на стр. 208 княжествами) традиционно, на протяжении двух столетий, являлись персидскими вассалами. Следовало пояснить, что картли-кахетинский царь Ираклий II, формально оставаясь подданным шаха, в 1776 г. счел целесообразным обезопасить себя с запада столь же формальным признанием верховенства султана. Был заключен договор, по которому Ираклий объявлял себя его вассалом, в ознаменование чего получил из Стамбула шубу, саблю и коня со всем убранством. Впоследствии Порта, ссылаясь на эти договоренности, отказалась признать Георгиевский трактат.

2. Не совсем ясно утверждение: Абхазское княжество XVII–XIX вв. являлось «фактически преемником (в тексте: преемницей) Абхазского, затем Имеретинского царств» (стр. 78). Но царство Имерети просуществовало до 1811 г. Очевидно, следовало яснее изложить данный тезис.

3. В принципе, можно согласиться с применением к Абхазскому княжеству предельно общего определения «полития». Однако диссертант напрасно приписывает его разработку К.А. Фурсову в 2005 г. (стр. 131). Общеизвестно, что авторство этого термина принадлежит Аристотелю; затем его стали применять средневековые мыслители (Альберт Великий, Фома Аквинский), а в Новое время оно прижилось в европейском научном и вненаучном лексиконе (при одной из трансформаций породив слово «полиция»). В русский научный обиход оно вошло в конце XX в.

4. Аталык – это дядька-воспитатель, а не молочный брат (стр. 223). Молочный брат – имелдеш.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Оно содержит немало оригинальных идей и суждений, некоторые из них, возможно, смогут изменить устоявшиеся историографические клише, стимулируют новые изыскания. А.Р. Чедия удалось создать интересное, аргументированное, самостоятельное и квалифицированное исследование.

[2019]

Рецензии на рукописи книг

Рецензия на рукопись книги Ш. К. Ахметшина «Потомки татарской знати на русском престоле. XVI – первая четверть XVII века»

Влияние неславянского компонента на организацию российской государственности, культуры, этнодемографического облика страны было несомненным. Русь изначально пребывала в окружении равновеликих и равноценных ей социальных и культурных систем, взаимодействовала с ними, училась у них, и сама делилась достижениями. К таким системам принадлежали и страны Европы, и Византия, и мир ислама, и финно-угорские народы Восточной Европы, и мир тюрко-монгольских степных кочевников. По различным письменным и фольклорным текстам разбросаны свидетельства тесной и исконной связи русских с их соседями (некоторые из которых впоследствии стали соотечественниками).

До XIII в. неславянский компонент в государственности и культуре Руси ограничивался, пожалуй лишь византийскими заимствованиями в верхах, финскими заимствованиями в низах и трудноуловимым сейчас иранским (скифо-сарматским) наследием. А вот когда Русская земля оказалась завоеванной монголами и установилось так называемое «ордынское иго», произошел мощный вброс инокультурных элементов. Восточное влияние на русскую государственность и культуру достигло апогея в XIV–XVI вв. и придало особый, специфический облик российской цивилизации.

Вклад татар в историю России огромен, но пока мало исследован. Одним из проявлений этого стало включение представителей этого народа в высшую правящую элиту страны и, следовательно, участие в выработке направлений политического развития государства. Именно этому аспекту посвящена рецензируемая рукопись.

Книга Ш. К. Ахметшина написана не историком и не для историков. Это очевидно уже с первых страниц, где повествование об истории русско-татарских связей ведется с позиций концепции Л. Н. Гумилева – со всеми присущими этому неординарному исследователю натяжками и откровенными ошибками (профессиональные историки, как правило, не опираются в своих работах на умозрительные конструкции Гумилева).

Тем не менее автору удалось создать объемную и в целом объективную картину участия аристократов татарского происхождения в политической истории России. В этом видится главная ценность данной работы. Несмотря на отдельные спорные утверждения (см. ниже), для общественного мнения чрезвычайно важно показать, что многонациональность нашей страны – это не просто девизный лозунг, но жизненный принцип ее развития.

Представляется удачным избранный автором принцип изложения – широкая историческая панорама, в которой действуют его герои, т. е. не просто показ генеалогических истоков и корней (для доказательства татарского происхождения), но описание эпохи и ситуаций, в которых действовали «потомки татар-

ской знати на русском престоле». Кроме неожиданных сведений о тюркских корнях исторических деятелей, которые традиционно считаются русскими по происхождению, читатель знакомится со множеством любопытных подробностей прошедших времен: правление служилого царя Симеона Бекбулатовича (большинство читателей не подозревает о существовании такого деятеля в XVI–XVII вв.); захватывающий очерк о загадочном исчезнувшем(?) сыне Василия III и Соломонии Сабуровой, якобы рожденном в монастырском заточении; интересные подробности о захоронениях Елены Глинской и Ирины Годуновой; о знаменитом памятнике Мартоса Минину и Пожарскому на Красной площади и др. Особо хотелось бы выделить рассказы о крестившихся казанских татарах, причисленных Русской Православной церковью к лику святых, — Петре и Стефане.

Нужно заметить, что содержание книги несколько шире ее названия. Только что упомянутые святые, а также адмирал Ф.Ф. Ушаков и Кузьма Минин, которым посвящены отдельные главы, не принадлежали ни к потомкам татарской знати, ни к царственным особам. Следовало бы оговорить данное несоответствие в предисловии.

Равно как и названные в заголовке книги хронологические рамки (XVI — первая четверть XVII в.) являются более узкими по сравнению с периодом, охваченным авторским повествованием, т.к. время жизни Апраксиной, Нарышкиной, Лопухиной и Ушакова приходится на вторую половину XVII и на XVIII в. Полагаю, что надо внести поправку в название работы.

Череду исторических персонажей, достойных рассмотрения в ракурсе данной темы, можно было бы расширить. Автор показал судьбу Елены Глинской, ведущей род от киятского бека Мамая, но почему-то опустил биографии ее сына и внука — царей Ивана IV и Федора Ивановича. Вообще эпоха Ивана Грозного, как и его отца, Василия III, отмечена наиболее широким участием татарской знати в политической жизни. В историографии высказана даже версия, что бездетный Василий III до рождения сына намеревался передать московский трон служилому царевичу Петру (Худайкулу) Ибрагимовичу. А земская часть царства в эпоху опричнины возглавлялась исключительно лицами татарского происхождения (И.Ф. Мстилавский — внук этого Петра/Худайкула, затем царевич Михаил Кайбулович, затем Семион Бекбулатович). Думаю, что читателям было бы интересно узнать об этих подробностях.

Зато целая глава посвящена Борису Годунову, татарское происхождение которого вызывает серьезные сомнения у историков. В работах ведущего современного медиевиста Р.Г. Скрынникова показано, что истинные корни Годуновых лежат в среде русского костромского дворянства, а их легендарный прародитель — мурза (или князь) Чет был «изобретен» для придания этому клану знатности и престижа (очень распространенное явление в средние века).

Здесь сказалась особенность авторского подхода — полное доверие аристократическим реестрам Российской империи. Однако на протяжении последних двухсот лет историками многократно было показано, что «Бархатная книга» и прочие официальные родословные изобилуют малодостоверными легендами, содержат путаницу в сведениях и откровенные фальсификации. Поэтому каждую родословную нужно тщательно анализировать с привлечени-

ем независимых источников (там, где это возможно). Например, для показа предыстории рода Глинских было бы полезно использовать, кроме высочайше утвержденных генеалогий, «Подлинный родослов Глинских князей» — памятник, написанный вскоре после выезда их из Литвы и рассказывающий о предках клана со времен Чингисхана.

Полагаю, что напрасно истоки родов Лопухиных и Ушаковых автор связывает с татарами. В приводимых им данных родоначальники этих семей происходили из «Касуйской Орды», от касожского богатыря Редеди («Редеги»). Но касоги, которых возглавлял Редедя, — это не татары и вообще не тюрки. Данный этникон служил в русских текстах обозначением одного из народов Северного Кавказа — раннесредневековых предков адыгов (современных черкесов, кабардинцев, адыгейцев).

Столь же малодоказуемо татарское происхождение К. Минина. Никаких документов на этот счет не обнаружено. Автор ссылается на абстрактные «некоторые сведения» (с. 284), рецензенту не известные. Этимология имени Мина не имеет отношения к тюркским языкам (и уж, конечно, не восходит к татарскому местоимению «мин» (с. 286)). Это распространенное христианское имя, означающее по-гречески «лунный, месячный». В православных святцах числится около десятка мучеников и подвижников с таким именем. Да и факт монашеского пострига Мины Анкудинова (отца Кузьмы) свидетельствует о его глубоких православных корнях.

Названные замечания не умаляют основного достоинства книги — широко показана участь потомков татарской аристократии в истории России. С данной задачей автор вполне справился. Читатель получает возможность оценить вклад татар — одного из крупнейших народов нашей страны — в ее развитие на протяжении нескольких столетий. Это представляется мне особенно важным и актуальным в условиях, когда в учебной литературе и в массовом сознании царит руссоцентризм — представление об истории России как истории только русского народа. Справедливость и объективность требуют изменения такого взгляда.

[2016]

***Рецензия на рукопись монографии А.Г. Бахтина
«Образование Казанского и Касимовского ханств»***

Монография А.Г. Бахтина посвящена проблемам, которые давно и успешно исследуются историками. Формирование Казанского и Касимовского ханств проанализировано в трудах многих исследователей, прежде всего М.Г. Худякова и В.В. Вельяминова-Зернова. Эти авторы не только предложили общую схему и интерпретацию событий, но и привлекли основной круг источников, необходимых для изучения данной темы. Тем не менее осталось много не решенных и не рассмотренных до конца проблем.

Новизна исследования А.Г. Бахтина состоит прежде всего в том, что, в отличие от своих предшественников, он рассматривает образование двух политических структур в едином комплексе, как взаимосвязанный процесс. Кроме того, он привлекает источники, не использованные Худяковым и Вельяминовым-

Зерновым (а некоторые и не известные им); впервые к изучению вопроса о генезисе казанской государственности привлекается «Житие св. Макария Желтоводского» первой половины XVI в.

А.Г. Бахтин показал превосходное владение историографией темы. Свои заключения он выводит не только из разбора сведений источников, но и опираясь на книги и статьи историков XVIII–XX вв. Поскольку сведения о той эпохе порой весьма скудны, а трактовки разных авторов расходятся, А.Г. Бахтин считает нужным вырабатывать свою точку зрения по многим позициям — как правило, в доказательной полемике с ушедшими и ныне живущими коллегами. Прежде всего это касается отдельных современных казанских исследователей, для которых рассматриваемая тема служит одним из основных объектов изучения.

Рецензируемая монография вносит существенный вклад в историографию формирования татарских государств в период распада Золотой Орды. Кроме того, наблюдения А.Г. Бахтина над особенностями политических процессов в позднем средневековье могут оказаться полезными для решения более общих вопросов истории народов России и в целом формирования многонационального Российского государства.

[2012]

Рецензия на рукопись монографии И.В. Белича, А.Г. Селезнева, И.А. Селезневой «Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального»

Рецензируемая монография посвящена чрезвычайно актуальной, но малоизученной проблеме выявления региональных особенностей ислама у народов России. Исследование базируется на чрезвычайно широкой источниковой базе: использованы полевые материалы авторов (фольклорные тексты и этнографические наблюдения), записи народных преданий сибирских татар, нарративные произведения различных жанров (в том числе родословные-шеджере/сэцэре); привлечена обширная историография как непосредственно по теме исследования, так и в целях поиска аналогий изучаемым явлениям. В целом авторы создали комплексный, междисциплинарный научный труд, сочетающий тематику религиоведческую, источниковедческую и этнологическую.

В центре их внимания находятся региональные особенности мусульманской религии в Западной Сибири — прежде всего пантеон святых, трансформировавшийся в недрах локальной традиционной культуры. Подробное описание соответствующих легендарных персонажей, связанных с ними поверий и обрядов, поиск их исторических прототипов превращает сугубо научную монографию в увлекательное чтение, в ходе которого читатель имеет возможность следить за работой «лаборатории» историка.

Авторы подчеркивают и обосновывают приоритетное воздействие суфийской ветви ислама на формирование мусульманской религиозности сибирских татар. Хотя сам по себе суфизм в определенном смысле играл в Центральной Азии роль «народного ислама», в книге продемонстрировано его глубокое про-

никновение в культуру местного населения и еще большую адаптацию к особенностям региона — превращение в «народный суфизм».

Для историков, занимающихся проблематикой сибирско-татарской средневековой истории, важное значение имеют источниковедческие разыскания (с участием А. Бустанова), в том числе интерпретация и расширение круга татарских рукописей о «религиозных войнах» суфийских шейхов, новое прочтение текстов, опубликованных сто лет назад Н.А. Катановым. Авторы приходят к выводу о широком распространении данного сюжета среди сибирских татар.

Особый объект исследования представляет собой такой интересный культурно-исторический феномен, как астана. В монографии изложена семантика данного термина, показаны его распространенность в Евразии и в том числе у тоболо-иртышских татар, даны подробные сведения об устройстве сибирских астан, их местоположении, захороненных в них лицах, сопутствующей обрядности.

Немало места в книге занимает разбор преданий, связанных с мусульманскими святыми, в частности, истории о разрезанной бычьей шкуре (т.н. «хитрость Дидоны»). Эта история увязывается авторами, во-первых, с тотемной функцией быка-первопредка, во-вторых, с реалиями кочевого быта (ремешки из разрезанной бычьей шкуры не выкладываются по периметру некоей территории, а связываются вместе и служат для очерчивания территории от центрального шеста по принципу циркуля), в-третьих, с распространением суфизма (совпадение ареалов этой легенды и суфийского проповедничества).

Заметим однако, что «хитрость Дидоны» потому и отнесена фольклористами к числу бродячих сюжетов, что она бытует в разные времена, у разных народов и в разных исторических обстоятельствах. Наши наблюдения показывают, что данный рассказ в сходных вариантах был распространен в зоне русской хозяйственной колонизации XVI–XVIII вв., в том числе и в Сибири, и обман доверчивых аборигенов, вынужденных уступить хитроумному пришельцу землю «величиной с бычью шкуру», почти повсеместно увязывается с фигурой русского купца, промышленника, казака и т.п. Поэтому я не уверен, что указанный фольклорный сюжет можно однозначно увязывать с распространением ислама в Евразии.

Чрезвычайно интересны очерки о культах святых Хаким-Ата, Зенги-Ата и Хидыр-Ильяса. Авторы убедительно раскрывают общеисламскую основу этих культов, которые изменились в недрах традиционной культуры татар. Однако ничего не сказано об образе мусульманского «главного святого» — Мухаммада: был ли он задействован в мировосприятии традиционной культуры? (родственницы Пророка Айша и Фатима в этом отношении хорошо представлены в рецензируемом исследовании). Или, может быть, персона основателя ислама оказалась на периферии «народно-исламской» и «народно-суфийской» картины мира?

Считаю, что книга трех авторов является высокопрофессиональным и фундаментальным исследованием. Она не только содержит новые сведения по этнологии и культуре сибирских татар, но и несомненно придаст новый импульс к изучению истории коренного населения Западной Сибири.

[2008]

Рецензия на рукопись монографии Е. В. Беловой «Русско-турецкие войны и население приграничных территорий. 1670–1770-е годы»

Монография Е. В. Беловой посвящена теме, давно и подробно исследуемой в историографии. Однако автор нашел недостаточно изученные аспекты внешней и внутренней политики Российской империи XVIII в. Прежде всего это касается анализа русско-турецкого военного противостояния сквозь призму «национальной политики» российского правительства, его отношений с народами региона, их привлечению к антиосманской борьбе, организации переселений и размещения разноэтничных иммигрантов на приграничных территориях.

Исследование выполнено на солидной источниковой базе, с привлечением архивных материалов и обширной литературы – в том числе украинской (правда, не учтена недавняя книга Я. Е. Водарского «Загадки Прутского похода Петра I»). Выводы автора оригинальны и самостоятельны, четко аргументированы, основаны на свидетельствах источников и результатах тщательного анализа исторических фактов.

Главным достоинством рецензируемой работы представляется показ постепенного формирования политики России в южных приграничных регионах, выработка стратегии по освоению новоприсоединенных земель с помощью населения, прибывающего из-за границы. Е. В. Белова показывает широкий, комплексный характер этой стратегии, которая включала и строительство военных укреплений, и организацию поселений мигрантов, и разработку соответствующего законодательства и, конечно, военные действия против внешних противников – прежде всего Османской империи и Крымского ханства. При этом отмечено, что начатые с конца XVII в. непосредственные конфликты с турками отражали новый подход к внешней политике России на Юге (до того Московское государство воевало с крымцами).

Большое место отведено отображению ситуации на Украине, в том числе в польских владениях, а также сложным проблемам в отношениях российских властей с Запорожской Сечью – особенно в последние десятилетия ее существования.

В отдельную главу выделена судьба сербской диаспоры в южных регионах России. Подробно описаны предпосылки переселения сербов, создание «Новой Сербии» и «Славя-носербии», показана внутренняя жизнь сербской колонии со всеми противоречиями, пограничная служба сербов. Е. В. Белова приходит к заключению, что при обороне приграничных территорий эти военные формирования вырабатывали ценный опыт степной войны, использованный впоследствии великими русскими полководцами в русско-турецких войнах.

Подобный поход позволяет по-новому взглянуть, в частности, на военную историю России XVIII в. и историю ее армии. Вооруженные силы империи предстают как многонациональное сообщество разноэтничных подданных, сплоченных единой целью – борьбы против общего врага (правда, османские войска, являлись, пожалуй, еще более пестрыми в этническом отношении).

В дальнейшем желательно, чтобы автор столь же подробно исследовал судьбу других диаспор на Юге – болгар, греков, молдаван и др. (соответствующий материал присутствует в книге в виде вкраплений и, в отличие от сербских сюжетов, не выстроен в цельное повествование).

[2009]

***Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова
«Сарбадары Самарканда»***

Книга Л.Д. Бойматова посвящена описанию драматических событий третьей четверти XIV в., когда Чагатайский улус погрузился в необратимый кризис, и в междоусобной борьбе начал свою карьеру знаменитый Тимур. В центре внимания автора находится мощное социальное движение сербедаров. Автор глубоко проанализировал его политические и социально-экономические причины, в частности, тяжелое положение основной массы населения Мавераннахра под властью монгольской династии. Вместе с тем автор не ограничивается показом только этих факторов, уже освещенных в историографии. Указывается идейная основа движения – религиозное течение суфизма. Опора на суфийские принципы была характерна для подобных явлений в мусульманском мире начиная с позднего средневековья. Л.Д. Бойматов характеризует движение сербедаров Самарканда как национально-освободительное, т.к. оно было направлено не только против собственных властей (как у сербедаров Хорасана в 1330-х гг.), но и против внешнего врага – моголов, угрожавших карательным нашествием.

Сербедары участвовали в сложных политических комбинациях, которые завязывались в распадавшемся Чагатайском государстве. На его развалинах все более обретала силу нединастическая знать из тюрко-монгольских кочевых племен (тот же процесс одновременно развернулся и в Золотой Орде). На политическую авансцену выдвинулись удачливые племенные предводители. Одним из наиболее заметных среди них оказался барлас Тимур. Между эмирами (беками) Мавераннахра началась борьба за первенство, участники которой пытались привлечь как можно больше сторонников. Л.Д. Бойматов убедительно показывает ставку Тимура на союз с верхушкой оседло-земледельческого населения, на его поиски популярности в среде низшего податного сословия. Имея целью противостоять военной угрозе из Моголистана, сербедары пошли на заключение союза с Тимуром и другим тюркским эмиром, Хусейном. Оба эмира были также заинтересованы в том, чтобы многолюдный мегаполис поддержал их в противостоянии с моголами.

Ярко и убедительно показаны в данном исследовании причины неудачи сербедарского движения, а также его роль в историческом развитии Мавераннахара.

В книге неоднократно приводятся оценки и характеристики Тамерлана и его политики. Автор признает его выдающуюся историческую роль, но в целом относится к этому историческому деятелю отрицательно. Рецензируемая книга Л.Д. Бойматова содержит немало новых и интересных сведений о средневековой истории Средней Азии и, несомненно, заслуживает публикации.

[2015]

Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова «Социально-экономическое положение Центральной Азии в XIII–XIV вв.»

В монографии Л.Д. Бойматова проанализированы последствия монгольского завоевания Средней Азии и политика монголов в этом регионе в XIII–XIV вв.

Исследование проведено на основе широкого круга источников. Помимо широко известных и часто цитируемых средневековых хронистов, автор привлекает сочинения, редко попадающие в поле зрения историков: жизнеописания высокопоставленных чиновников, суфийских святых, богословские труды (сочинения Укайни, Хирави, Ходженди, Бахарзи и др.).

В центре внимания автора — проблема сосуществования кочевого (политически господствующего) и оседлого элементов в Чагатайском улусе, т.е. части Монгольской империи на территории Средней Азии. При этом название монографии требует уточнения, т.к. понятие «Центральная Азия» гораздо шире данного региона. Более точной была бы формулировка «...положение Средней Азии» или «...Чагатайского улуса».

Л.Д. Бойматов убедительно показывает негативные последствия монгольского нашествия для древнейших культурных областей Мавераннахра и Хорасана: упадок городской жизни и сельского хозяйства (многие города и деревни не оправались от катастрофы и лежали в руинах еще в XIV в.), ухудшение положения крестьян и ремесленников. В этой связи интересен предпринятый автором анализ налоговой системы при хане Чагатае и его преемниках, характеристика важнейших податей и повинностей. Кроме того, впервые в исторической литературе дается систематическое описание административной системы и государственного устройства улуса

На материалах чагатайского Мавераннахра Л.Д. Бойматов рассматривает некоторые принципиальные явления, характерные для всей Монгольской империи на огромной территории Евразии. Во-первых, это институт соправительства — унаследованный из кочевой старины порядок совместного правления двух монархов. Убедительно показано, что данное архаичное явление сохранилось в Чагатайском улусе на протяжении второй половины XIII в., т.е. гораздо дольше, чем было принято считать в историографии.

Во-вторых, это борьба двух тенденций к управлению покоренными оседлыми народами — беспощадной, конфискационной эксплуатации и прагматичного управления с использованием местных ресурсов для экономического развития. Привлекаемый материал источников показывает, что среди приверженцев и того, и другого подхода были представители как монгольской правящей верхушки, так и мусульманских городских слоев. Выясняется, что первая тенденция у Чагатаидов всегда была сильной, а победы второй никогда не были окончательными.

Считаю что монография Л.Д. Бойматова вносит немало нового в историографию восточного средневековья.

[2008]

Рецензия на рукопись монографии Л.Д. Бойматова «Восстание Махмуда Тараби»

Рецензируемая рукопись представляет собой первое в историографии монографическое исследование одного из ярких событий средневековой истории Центральной Азии — движения под предводительством Махмуда Тараби в Бухаре в 1238 г. Автор привлек практически все письменные источники по Бухаре 1230-х гг. Наряду с широко известными хрониками, ему удалось найти сведения

о восстании Тараби в редко используемых сочинениях Ибн Фувати и Дарагани (у последнего есть уникальные данные о восстании, до сих пор не известные исследователям). Кроме того, в книге приводятся данные фольклора местных народов, в котором отразилась эпоха монгольского завоевания.

Изложение непосредственного хода восстания Тараби проводится на широком историческом фоне. Показано, каким образом завоеватели-монголы установили свое господство над Мавераннахром, и как население этого региона протестовало против нового режима. Автор суммировал формы социального протеста, которые, по его мнению, сводились к следующим проявлениям: прошения и жалобы к представителям власти, отказ от исполнения государственных служб, индивидуальный протест, бегство из родных мест, проповедь суфийских шейхов, еретические движения, партизанские действия, крупные народные восстания. Вероятно, подобная классификация имеет научную ценность не только для анализа истории Центральной Азии XIII в., но и для других регионов.

Л.Д. Бойматов уточняет периодизацию восстания Тараби, перенося его начало на лето 1237 г. (в следующем году движение достигло апогея). Подробно разбирается идеологическая (религиозная) составляющая этого выступления. Автор обнаруживает связь с движением сафид джамаган под руководством Муканни в Бухаре и Мерве в VIII в. При этом выясняются любопытные исторические параллели между Муканной и Махмудом Тараби. Детально исследуется социальная база и социальный состав участников бухарского восстания: «люди базара» (ремесленники), крестьяне окрестных селений, бродяги; именно объединением простонародья городских и сельских местностей автор объясняет широкий размах движения. По-новому рассмотрена деятельность братьев и преемников убитого вождя движения Махмуда – Мухаммеда и Али, представленных в книге как умелые организаторы.

Приведены доказательства слабых сторон движения и порожденных ими причин поражения: стихийность, недостаточная организованность, плохое вооружение, отсутствие военного опыта, разобщенность крестьян, слабые связи между разными районами движения, а также слепая вера в божественное заступничество (отчего его руководители гибли в боях).

Специально рассмотрен вопрос об исторических последствиях восстания Тараби. Автор связывает с этим движением существенные изменения в управлении Чагатайским улусом с конца 1230-х гг.: упорядочение и уменьшение налогообложения, переход непосредственного управления к улусному хану Чагатаю, минуя наместников-мусульман.

Считаю, что рукопись книги Л.Д. Бойматова является интересным и самостоятельным исследованием и заслуживает публикации.

[2008]

Рецензия на книгу М. Гешаева «Знаменитые чеченцы. Художественно-исторические очерки»

Книга, направленная в ИРИ РАН для экспертизы, представляет собой первый том из задуманного автором трехтомного издания о выдающихся чеченцах. Она состоит из авторского предисловия; краткого очерка биографии М. Гешаева (на-

писанного Г. Георгиевым); авторского очерка биографии А. Албакова — одного из инициаторов издания; большой вводной статьи «Из пепла воскресая вновь и вновь...», содержащей авторский взгляд на историю и культуру чеченского народа; 17 биографических очерков, посвященных чеченцам-деятелям литературы, искусства, науки, а также проявившим себя в различных военных компаниях: Шейху Мансуру, П. Захарову, Зелимхану (Гушмазукаеву), Т. Чермоеву, А. Шерипову, М. Узеву, А. Мамакаеву, М. Кадыровой, Х. Ошаеву, Х. Магомадову, Р. Ахматовой, И. Алимсултанову, М. Эсанбаеву, С. Вацанаеву, И. Татаеву, М. Минцаеву.

По-существу поставленных перед экспертом вопросов можно сказать следующее. Автор излагает свой взгляд на историю чеченского народа, отношений Чечни с Россией, дает оценку военным действиям в Чечне в XVIII—XIX вв., так и в 1990-х гг. Некоторые его суждения представляются излишне эмоциональными и с научной точки зрения не вполне корректными. Например, мы не можем согласиться с тезисами о целенаправленном уничтожении Россией чеченцев на протяжении нескольких веков, о столь же давнем стремлении российских властей оклеветать этот народ; очень спорна характеристика Кавказской войны XIX в. как колониальной и т.п.

Однако, во-первых, тема русско-кавказских отношений всегда была предельно политизированной, в том числе и в науке. До выработки учеными единого подхода в трактовке российской политики на Кавказе в разные исторические эпохи еще далеко. В данном случае автор лишь невольно следует одной из нескольких, сменявшихся одна за другой, официальных версий, которые в свое время утверждались в историографии. Так, политика «царизма» на Северном Кавказе в советской исследовательской литературе и публицистике 30-х — 40-х гг. подвергалась гораздо более уничижительным оценкам, чем это наблюдается в тексте М. Гешаева.

Во-вторых, многие резкие суждения автора могут объясняться обостренным национальным чувством под влиянием военных действий на его родине. Но при этом он ни разу не выдвигает каких-либо обвинений против русского народа в целом. Хотя многократно подчеркиваются позитивные черты в образе жизни чеченцев, их традиционной социальной структуре, национальном характере и психологии, однако эти характеристики никоим образом не противопоставляются другим народам.

В-третьих, автор нигде не задается вопросом о правомерности, справедливости или пользе присоединения Чечни к России. Он исходит из объективной исторической ситуации пребывания его родины в составе Российского государства. Написанные им биографические очерки показывают вклад литераторов, музыкантов, художников чеченского происхождения в общую духовную сокровищницу России. Что же касается фигур так называемых абреков (Зелимхан, Х. Магомадов), то они в книге М. Гешаева предстают скорее, как образцы личного героизма, воплощение чеченского идеала воина, чем как приверженцы каких-то политических воззрений.

В-четвертых, автор очень лаконично пишет о распространении ислама в Чечне, абсолютно не касаясь вопроса о мусульманских экстремистских течениях. Тем более нет речи о противопоставлении ислама христианству.

Таким образом, книга М. Гешаева «Знаменитые чеченцы. Художественно-исторические очерки». (В 3 кн. Кн. 1. Грозный: Седа, 1999) не содержит при-

зывают к насильственному изменению конституционного строя, в ней нет направленности на пропаганду фашизма либо иной формы политического экстремизма, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, на подрыв целостности государства.

М. Гешаев далек от шовинизма и не пытается представить своих соплеменников в более выгодном свете по сравнению с окружающими народами. Как в биографических очерках (основной части книги), так и в вводной статье «Из пепла воскресая вновь и вновь...» М. Гешаев дает читателям много интересной информации о жизненном укладе и обычаях чеченцев, традиционных нормах их воспитания, поведения, межличностных отношений. В современной ситуации, когда внимание российского общества (как правило, внимание негативное и враждебное) приковано к Чечне, когда в обществе воцарилась настоящая «чеченофобия», такая панорама вековых устоев жизни и быта вайнахов представляется полезной и своевременной. Знакомство с книгой «Знаменитые чеченцы» поможет российским читателям ближе и глубже познакомиться с драматичной историей и богатой культурой чеченского народа, а также оценить участие его представителей в общероссийском социальном и культурном развитии. Это будет способствовать изживанию примитивного «образа врага», созданного на протяжении последнего десятилетия в массовом сознании. Причем, сочинение М. Гешаева выгодно отличается объективностью, ровным и уважительным тоном повествования от тех полупублицистических опусов, которые иногда выходят из-под пера чеченских радикальных деятелей, полностью искажающих историю Северного Кавказа и Чечни, рисующих Россию только черной краской.

[2000]

Рецензия на рукопись книги И.В. Зайцева «Очерки из истории культуры средневекового Крыма»

Книга кандидата исторических наук И.В. Зайцева, написанная в виде серии очерков, посвящена духовной культуре Крымского ханства (XV–XVIII вв.). В отечественной и зарубежной историографии эта тема (вернее, совокупность тем) была незаслуженно обойдена вниманием исследователей.

Книга объединяет шесть очерков: «Ислам в Крыму» (административная организация, наиболее распространенные мазхабы, школы, мечети, текке, суфизм и шиизм, реликты доисламских верований, отношения мусульман с иудеями и христианами); «Средневековая крымско-татарская письменная культура: золотоордынские традиции, османское влияние, репертуар сочинений» (письменная культура: языки и алфавиты в канцелярской традиции, ханская библиотека, исламская книжность, списки известных сочинений); «Историография Крымского ханства»: обзор оригинальных крымско-татарских и турецких средневековых сочинений по истории Крымского ханства (это первая попытка очертить многовековую историю развития историографической традиции на полуострове); «Крымские ханы в миниатюрной живописи» (портреты нескольких крымских ханов и связанные с этим обстоятельства, одежда, при-

чески, мода и проч.); «Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве» (виды и традиции потребления алкоголя, алкоголь в культуре, литературе, пиры); «Табак и курение в Крыму» (история появления и проникновения табака на полуостров, табак в крымско-татарской культуре).

Каждый из этих очерков – самостоятельное исследование, которое с большим интересом прочтет не только специалист-историк или востоковед, но и любой человек, увлекающийся историей Крыма. Полезна эта книга будет и студентам.

Работа И.В. Зайцева в значительной мере восполняет лакуны в историографии Крыма эпохи Средних веков и Нового времени. Это добротное исследование, основанное на серьезной и глубокой источниковой базе. Оно написано живым, увлекательным языком. Издание этой книги, безусловно, крайне полезно и будет способствовать дальнейшему развитию исследований истории Крымского ханства.

[2010]

***Рецензия на рукопись коллективной монографии
«История Калмыкии в конце XIX–XX в.»***

В рецензируемой монографии излагается история населения Калмыкии в очень противоречивую и насыщенную яркими событиями эпоху. При этом, в отличие от обычных академических сводов истории, авторы не просто излагают устоявшиеся трактовки тех или иных явлений, но предлагают новый взгляд на них, а также освещают некоторые сюжеты, до сих пор слабо отражавшиеся в историографии. Работа основана на обширном источниковом материале (в том числе архивном), с учетом основной исследовательской литературы.

В рассматриваемый период Калмыкия превратилась в многонациональный регион, и в книге учитывается этот момент; постоянно уделяется внимание, в частности, калмыцко-русскому взаимодействию в различных сферах, в том числе в ходе различных политических потрясений.

Находясь в составе России, Калмыкия в своем историческом развитии прошла в целом через все главные этапы и вехи, которые переживало все государство, но при этом социальные, экономические и др. процессы имели здесь локальную специфику.

В частности, это относится к эпохе Великих реформ в империи второй половины XIX в. Подробно показаны различные проекты, споры, столкновения мнений по поводу преобразований, в том числе относительно положения большинства калмыцкого простонародья. Разрешение проблемы растянулось на десятилетия. Окончательно вопрос об «обязательных отношениях» был решен в ходе реформы 1892 г. Причем подчеркивается любопытный социально-психологический аспект того времени, подобный ситуации в русской деревне после отмены крепостничества: стремление калмыков сохранить традиционный образ жизни с привычным приоритетом традиционной элиты, в которой видели покровителей и заступников от русских властей (стр. рукописи 30).

Разбирается изменение экономики края в период капиталистического развития России, отмечается вступление кочевого хозяйства Калмыкии

«в усилившуюся стадию своего разложения» (стр. 50), постепенный переход от экстенсивно-го кочевого скотоводства как основной отрасли к оседлому товарному хозяйствованию. На рубеже столетий началось формирование национальной аграрной буржуазии и прогрессирующее расслоение массы рядовых скотоводов.

Особый параграф посвящен русским и отчасти немецким переселенцам, которые перенимали у калмыков навыки разведения домашних животных и сами в свою очередь стимулировали подъем земледельческого уклада и ремесла в Калмыцкой степи.

Все указанные экономические и социальные перемены излагаются с привлечением большого статистического материала, с приведением данных по отдельным улусам.

Как и во всей Российской державе, корнем противоречий во многом был нерешенный аграрный, земельный вопрос. Авторы анализируют нарастание противоречий, которые привели к социальному взрыву в середине 1900-х гг., ход столыпинской реформы, обострение конфликтной ситуации во время Первой мировой войны, идейную и политическую борьбу по земельным и социальным вопросам после Февральской революции, взаимоотношения с казачеством (частью которого были донские калмыки).

В монографии показано сложное переплетение этнических, политических и др. конфликтов в период после революции 1917 г., действия белых и красных войск, казачьих формирований. Роль калмыков в этих событиях была значительной. В частности, они приняли заметное участие в Астраханском антисоветском мятеже атамана И. Бирюкова 1918 г. Причем авторы, утверждают, что число калмыков-участников данного выступления было в разы большим, чем утверждалось ранее в советской историографии (стр. 276). Указывается, что присутствие калмыков в белом движении оказалось весьма ощутимым: к началу 1919 г. в составе армий Юга России действовало четыре калмыцких конных полка (стр. 351). Это довольно показательный и неожиданный факт, учитывая известную аполитичность и неприятие вооруженной борьбы, присущую в целом буддистам.

Хотелось бы подчеркнуть объективность историков, излагающих события Гражданской войны. В их повествовании нет однозначной поддержки большевиков (характерной для советской историографии) или белого движения (нередкой для постсоветской литературы). Подчеркивается позитивное значение для Калмыкии – в частности, для окончания военного противостояния на ее территории – ленинского «Воззвания к трудовому калмыцкому народу» и постановления СНК РСФСР «О новом устройстве земельного быта калмыцкого народа» (стр. 421, 422). И дело здесь не только в намерении авторов уйти от политизации исследования, но и в реальной позиции калмыков в тот период. В отношениях и с белыми, и с красными они искали собственный, приемлемый для себя выход из кризисной ситуации (стр. 459).

Далее излагается развитие Калмыкии в 1920–30-х гг., восстановление хозяйства при нэпе, жесткая линия на коллективизацию и вытеснение «социально чуждых» элементов, освещена тема массовых репрессий второй половины 30-х гг. Очевидно, впервые в историографии специальный параграф отведен проблеме голода в регионе в начале 1920-х гг. Одновременно показаны поло-

жительные изменения в жизни населения Калмыкии, появившиеся при Советской власти.

Чрезвычайно интересен раздел «Калмыкия в годы Великой Отечественной войны». Пожалуй, это наиболее яркая и интересная часть монографии. Читатель получает возможность увидеть сложности с мобилизацией и снабжением Красной армии, оценить неподдельный патриотизм и самоотверженный труд жителей республики в начале войны, уяснить ложность поисков вредителей и диверсантов в тылу — в частности в ситуации массового падежа эвакуированного с запада скота. Наглядно показана беспомощность и растерянность местного руководства, которое сперва не решалось, а затем не сумело организовать эвакуацию населения в преддверии наступающих немецких армий летом 1942 г. В результате довольно много людей осталось на оккупированной территории.

Режим нацистской оккупации в Калмыкии — тема новая для академических сводных изданий. Полагаю, что рассказ об этом сделает рецензируемую книгу привлекательной не только для профессиональных историков. Авторы показывают место Калмыкии в геополитических планах германского руководства (сначала ее планировалось включить в рейхскомиссариат «Украина», затем в рейхскомис-сариат «Кавказ»), организацию управления — как немецких, так и «туземных» властей. Указывается, что главным смыслом всех административных и хозяйственных преобразований, проводимых оккупантами, было снабжение гитлеровской армии (стр. 842). В связи с этим немецкое командование сочло целесообразным, в отличие от Украины и Белоруссии, сохранить в Калмыкии колхозы и совхозы как удобное средство мобилизации ресурсов, а также отказать прежним собственникам в возвращении имущества и скота, отнятого во время коллективизации и раскулачивания.

Здесь вновь поднимается тема неадекватности действий местного советского партийного руководства. Авторы считают, что Калмыцкий обком ВКП(б) проиграл в идеологической борьбе фашистской пропаганде. Подробно и очень интересно рассказывается о приемах и организации этой пропаганды. Не обойден вопрос и о сотрудничестве с оккупантами — как добровольном, так и вынужденном, под страхом репрессий со стороны немцев. Коллаборационисты определяются как люди, «обиженные советской властью, карьеристы, уголовные элементы», которые по своей воле и сознательно перешли на сторону врага. При этом разделяются собственно коллаборационизм как служба оккупантам в администрации и в экономической сфере и сотрудничество (незначительной части населения) на бытовом и хозяйственном уровнях (стр. 904).

Основная же масса жителей региона, занятого немцами, как подчеркивается в монографии, сохраняла высокий духовный настрой и патриотизм. Об этом свидетельствовало и нараставшее сопротивление врагу (диверсионное подполье, партизанское движение), хотя и развернувшееся с опозданием по причине указанной выше низкой оперативности местного советского руководства.

Одним из главных сюжетов книги является депортация и последующая реабилитация калмыков. Подробно описан процесс подготовки высылки с осени 1943 г., нагнетание негативного отношения к республике. Высказывается авторский взгляд на причины этой трагедии. Они заключались не только в «стремлении провести этническую чистку», но и в намерении сталинской верхушки переложить на малочисленные народы свои промахи в войне. Имел

место и обязательный для того времени поиск «врагов народа». Кроме того, депортированные восполняли дефицит рабочей силы в восточных регионах СССР (стр. 962–965).

Сосланный народ оказался в тяжелых условиях. Однако авторы, описывая организацию жизни и быта спецпереселенцев, указывают и на их хорошую, честную работу на новых местах проживания. Подчеркивается, что несмотря на репрессии, лишение языковой и культурной среды, калмыцкий народ сохранил историческую память, не растворился, не ассимилировался в иноэтничном окружении, сберег факторы национальной самоидентификации (язык, традиции, религию) (стр. 1008, 1009).

Детально описано восстановление КАССР после возвращения вынужденных переселенцев из ссылки. Особо отмечается большая роль в этом процессе первого секретаря Калмыцкого обкома КПСС Б. Б. Городовикова.

Текст о периоде 1960–85 гг., к сожалению, разительно отличается от предыдущего материала. Пожалуй, он более других разделов напоминает прежние советские региональные «истории». На протяжении десятков страниц идет перечисление выборных кампаний в Советы, статистика хозяйственного развития и культурных достижений. Анализ развития республики в этот период практически отсутствует — если не считать встречающейся кое-где констатации недостатков. Лишь на стр. 1086 полтора абзаца специально посвящены дефектам развития республики (она стала сырьевым регионом со значительным бюджетным дефицитом, овцеводство превратилось в моноотрасль).

Перестроечная и постсоветская Калмыкия постепенно изменила свой статус, превратившись из автономной республики в государство в составе РФ. Авторы демонстрируют постепенные юридические и политические изменения в этом направлении, заканчивая исследование на современном периоде.

Оценивая в целом положительно рецензируемую рукопись, хотелось бы высказать некоторые пожелания.

1. В представленном на рецензию тексте отсутствует Введение. Полагаю, что оно необходимо — как для изложения общей концепции труда, так и для перечня авторов тома.

2. Также кажется уместным сделать некоторое Заключение, чтобы не заканчивать столь фундаментальную коллективную работу рассказом о достижениях калмыцких спортсменов.

3. В монографии очень мало внимания уделено буддийской церкви, особенно в дореволюционный период, хотя общеизвестно огромное влияние духовенства на повседневную жизнь калмыков. Вплотную авторы обращаются к этой теме лишь при описании антирелигиозных советских кампаний.

4. Слабо освещена политика коренизации 1920-х гг.

5. Сталинские репрессии некорректно названы «массовым террором» (стр. 720). Все-таки в наше время террор терроризм имеют несколько иное значение.

6. Названия раздела III «Калмыкия в годы строительства социализма» и главы 2 этого раздела «Калмыкия в годы форсированного строительства социализма» представляются слишком официозными и не отражающими многообразия процессов, происходивших в то время. Лучше оставить в названиях только даты (ср. ниже: «КАССР в 1960–1985 гг.»; это гораздо уместнее, чем официальная советская дефиниция «КАССР в годы развитого социализма»).

Считаю, что рецензируемый коллективный труд калмыцких историков полно и объективно освещает историю Калмыкии конца XIX–XX вв. и с учетом сделанных замечаний может быть рекомендован к публикации.

[2009]

***Рецензия на рукопись коллективной монографии
«История культуры и образования Калмыкии»***

Рецензируемая монография представляет собой завершающий том трехтомной коллективной монографии об истории калмыков и Калмыкии. В отличие от обычной схемы подобных трудов, в данном случае авторы выделили в отдельную книгу вопросы, связанные с развитием культуры и образования. В ней отражены такие проблемы, как традиционная культура калмыцкого народа (материальная и духовная), религия в истории Калмыкии (добуддистские верования, буддизм, христианство на территории расселения калмыков), образование, здравоохранение, развитие физической культуры и спорта. Все перечисленные темы излагаются на солидной источниково-базе, с учетом обширной историографии, детально и подробно, с учетом многочисленных объективных и субъективных факторов, влиявших на развитие Калмыкии.

История культуры калмыков несет отпечаток своеобразной исторической ситуации, в которой оказался этот народ с XVII в., и это верно отмечено во Введении: на протяжении нескольких столетий он существовал в иноэтничном и инокультурном окружении, что «наложило заметный отпечаток на духовно-культурную сферу» (стр. рукописи б). Пребывание калмыков в составе России неизбежно приводило к их контактам (с течением времени все более тесным) с другими народами, прежде всего русским. Результатом этих контактов было не только включение калмыков в жизнь государства, переживание ими всех успехов и испытаний, выпавших на его долю (о чем рассказано в первых двух томах монографии), но и взаимное культурное обогащение, заимствование культурных достижений. В монографии неоднократно приводятся примеры таких заимствований (впрочем, их можно было бы расширить – например, в сюжетах о национальной кухне).

Оригинальная, многогранная калмыцкая культура представлена в книге во всех разнообразных проявлениях. Некоторые яркие моменты, связанные с ее развитием, безусловно, привлекут особое внимание читателей и надолго запомнятся – например, описание трона, преподнесенного донскими калмыками императрице Александре Федоровне по случаю 300-летия Дома Романовых (с. 119, 120) (кстати, читателям было бы интересно узнать о дальнейшей судьбе этого трона!); использование ханом Аюкой подаренной Меншиковым английской кареты не для езды, а для приема послов (с. 47); традиционные представления о схеме циркулирования души в различных телесных органах (с. 163) и многое другое. Особо хотелось бы отметить тему народных игр. До рецензируемого труда она не привлекала внимания ученых, не была исследована роль игр в национальной культуре (такая же ситуация наблюдается в казахстанской и киргизской историографии).

Изложение материала начинается с материальной культуры, в том числе хозяйственно-бытовой сферы. Подробно освещается жизнь степных скотоводов — состав стада, система выпаса и разведения животных, цены на скот и т.д.; отмечается, в частности, что калмыцкий крупный рогатый скот пользовался большим спросом в южных регионах России и заимствовался даже такими «профессиональными» скотоводами, как казахи (с. 32). Столь же детально представлены кочевое жилище — юрта (конструкция, материалы изготовления, интерьер, утварь), народная кулинария и пищевой рацион, народная медицина, существовавшая как в устной, так и в письменной традиции.

Особый интерес вызывают главы, посвященные религиозной жизни. Читателю будет любопытно узнать об особенностях распространения буддизма в массе рядового населения, когда, не зная тибетского языка и санскрита, люди выучивали молитвы наизусть, и в ходе распевного исполнения эти молитвы приблизились к мелодике народных песен (часть этих песен со временем стала исполняться на родном языке) (с. 214). При этом по мере внедрения новой религии менялись некоторые добуддистские ментальные установки: например, кошка из нечисти, посланной духами-шулмусами, превратилась в символическую хранилищницу ритуальной пищи (с. 304) и т.п.

Сложность конфессионального развития проявилась в спорности, дискуссионности некоторых вопросов. Так, в книге представлена полемика по поводу существования шаманистской традиции у калмыков. Уместно выглядят этнографические сюжеты о добуддистских практиках (жертвоприношение огню, промысловая магия и проч.); при этом отмечается сходство соответствующих обрядов у калмыков, бурят и якутов.

Находясь в имперском подданстве, калмыки испытали на себе политику установления государственного контроля над их религиозной жизнью. В книге показаны правительственные меры по учреждению Ламайского духовного управления в 1836–1847 гг. (несомненно, по аналогии с мусульманскими духовными управлениями) и по организации буддийской церковной структуры во главе с «ламой калмыцкого народа». Наглядно представлена социальная роль буддийского духовенства, которое, несмотря на правительственные меры по сокращению сферы его влияния, являлось значительной общественной силой, что особенно ярко проявилось в событиях начала XX в.

Относительно христианизации авторы справедливо отмечают определенную осторожность властей, поскольку «калмыки были народом пришлым, кочевым... В случае неблагоприятно складывающихся для них обстоятельств они могли двинуться на поиски новых территорий или попытаться вернуться... в Джунгарию» (с. 369). Вместе с тем названы и объективные причины постепенного распространения православия в калмыцкой среде: боевые действия в составе российской армии; миграции калмыков в донские степи, по соседству с православным казачеством; бегство от наказаний во внутренние районы страны и принятие там православия (во избежание выдачи калмыцким властям) (с. 370, 371). От внимания авторов соответствующих разделов не ушел и факт масштабных переселений калмыков за пределы ханства, отчего возникла необходимость размещения и обустройства их на новых местах. В книге освещены меры правительства по укоренению переселенцев, в том числе различные льготы. Кульминацией в серии мероприятий в этом отношении стало

основание крепости на Куньей Воложке – Ставрополя-на-Волге (совр. Тольятти) (с. 390–392, 412).

Как и во всей империи, революционные события начала XX в. повлияли на состояние калмыцкого общества, в том числе на его духовно-религиозную жизнь. В книге показаны процесс перехода калмыков из православия в буддизм в период революций 1905–1907 и 1917 гг. (при этом позитивно оценивается религиозная политика Временного правительства) (с. 417, 450), участие буддийского духовенства в Гражданской войне – в основном на стороне белых, против большевиков-богоборцев (хотя Колчак признал одного верховного ламу, а Деникин назначил другого – с. 456).

И так же, как остальные народы России, калмыки прошли через все повороты и кампании в религиозной политике Советской власти – искусственное движение обновленчества, съезды духовенства и верующих мирян, репрессии против духовенства, разрушение храмов и т.п. Однако в отношении Калмыкии в 1920-х гг., оказывается, существовала особенность: будучи заинтересованными в связях через лам с Тибетом для разжигания революции на Востоке, большевики пока воздерживались от широких репрессий (в отличие от беспощадной травли Русской православной церкви), и лишь с 1929 г. государство всей своей мощью обрушилось на буддизм.

В монографии показано, что попытка быстрого и жестокого искоренения религии в 1930-х гг. (в частности в ходе «безбожной пятилетки» 1932–1937 гг.) фактически провалилась, т.к. по переписи 1937 г. более половины взрослых жителей Калмыкии признали себя верующими (с. 500).

Следует заметить, что при изложении истории религиозной жизни авторы не ограничиваются рассказом о буддизме, но также показывают развитие христианской конфессии в Калмыцкой степи. Рецензенты отмечают такое интересное явление, как миссионерские станы в калмыцких улусах в XIX в., выполнявшие заодно и функцию приходов для русского населения (с. 432–434). В главе о современной ситуации внимание уделяется и мусульманам (до того о них не говорилось – очевидно, из-за немногочисленности приверженцев ислама в Калмыкии).

Чрезвычайно интересный материал представлен в очерке об изобразительном искусстве. Хорошо показана связь развития изобразительных жанров с историей народа, влияние буддизма и европейской культуры.

Приступая к рассказу об истории образования, авторы заслуженно отмечают большой вклад в его организацию русских монголоведов А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, С.А. Козина. В монографии отражен драматический процесс становления новой системы просвещения в атеистическом государстве. Обрисованы плюсы и минусы периодических кампаний в этой области, показаны такие негативные факторы, как беспринципное начальственное рвение, приписки в отчетности, тяжелое материальное положение школьных учителей и др. Вместе с тем нужно признать, что в республике была создана стройная и рациональная система школьного образования, которая, по заключению авторов, прошла испытание временем. Во многом этому способствовали усилия энтузиастов просвещения, педагогов-новаторов. Например, специфическими явлениями в культурной сфере были такие издания, как букварь-газета и журнал-учебник (с. 986).

Откровенно говорится о непростой судьбе калмыцкого языка, ограниченности среды его употребления, недостатке часов для преподавания, в результате чего «постепенно калмыцкий язык практически перестал быть полноправным языком на территории проживания своих носителей» (с. 688).

Непростой путь прошла и письменность у калмыков. В монографии выделены несколько этапов этого процесса: письмо Зая-Пандиты (1648–1924), русская графика с введением дополнительных знаков (1924–1930), латиница (1930–1938), возвращение к русскому алфавиту (с 1938 г.) (с. 608). Такие радикальные перемены привели к тому, что целый пласт литературы, созданный в 30-х гг. на латинском алфавите, оказался впоследствии невостребованным (то же произошло у народов Центральной Азии, которые претерпели аналогичные пертурбации в письменной культуре).

Отмечая фундаментальность изложения истории культуры и образования в рецензируемом томе, вместе с тем необходимо отметить некоторые недочеты и высказать пожелания по улучшению содержания книги.

1. Во всех разделах отсутствует материал по 2000-м гг. Если замысел авторов состоит в ограничении материала 90-ми годами, то это нужно оговорить во введении; но тогда нужно убрать из подзаголовков обозначение «современная Калмыкия».

2. Сфера здравоохранения обычно освещается в разделах, посвященных социально-экономическому развитию. Привязка ее к теме культуры и просвещения выглядит искусственной.

3. Отсутствует очерк такой важной сферы материальной культуры, как военное дело.

4. Следует рассказать о литературе калмыков до XX в. (сейчас этой теме посвящены полстраницы – с. 932).

5. Для читателя, мало знакомого с культурой калмыков, было бы полезно кратко изложить содержание эпоса о Джангаре. Сейчас этому посвящено несколько строк, что контрастирует с подробным пересказом сюжетов калмыцких сказок.

6. Необходимо унифицировать терминологию по всему тексту, например, встречаются обозначения водки арька (с. 81) и эрк (с. 110).

7. При первом употреблении специфических терминов нужно объяснять их значение: худук (с. 29), аргал (с. 32), ширдык (с. 33), арьян (с. 72) и др. (некоторые из них «расшифровываются» ниже, при повторном упоминании).

8. Нужно обосновать или заменить на более удачные термины «клубная экономика» (с. 907), «культурный номадизм» (с. 1029).

9. Желательно в параграф о культовой архитектуре добавить материал о современном Элистинском хуруле; из параграфа о народной музыке убрать сторонний материал об истории калмыцкого буддизма и об обрядности.

10. Глава 5 раздела II заканчивается на событиях 1943 г. (церковный собор и избрание патриарха), в главе 6 рассказывается о религиозной ситуации в 1990-х гг.; таким образом опущен период второй половины 40-х – 80-х гг.

11. Повествование о развитии школьного образования представляется излишне подробным, с массой деталей малоинтересных читателю.

12. Основная часть раздела IV представляет собой трудночитаемую хронику событий, изложенную языком официальных постановлений: «все еще сла-

бо была поставлена работа...», «важным составным элементом мировоззренческой работы клубных учреждений являлась пропаганда научного атеизма», «в целях улучшения организации содержательного досуга населения, более полного удовлетворения их [чьих – населения?] интересов и запросов...» и т.п. Представляется целесообразным переработать раздел, сократив его и стилистически отредактировав.

13. При анализе состояния культуры советского периода недостаточно, на наш взгляд, освещены позитивные аспекты: явные успехи в деле народного просвещения «тонут» в перечислении недостатков и перегибов, при всех оговорках необходимо как-то отразить роль местных организаций КПСС и ВЛКСМ, без которых были немыслимы любые мероприятия, в том числе в сфере культуры и образования.

14. Почти не освещена история науки в Калмыкии (по отраслям).

15. Период депортации везде представлен как фатальный исторический рубеж. Однако в условиях депортации, наверное, культура калмыков тоже как-то развивалась. Может быть, стоило дать очерк об этом.

16. Предлагаем авторам подумать о формулировании заключительных выводов по каждому разделу и, возможно, по тому в целом.

17. Рецензенты не имели возможности ознакомиться с иллюстративным материалом. Полагаем, что он совершенно необходим и при этом должен быть привязан к соответствующим разделам и главам.

В целом следует отметить высокий научный уровень рецензируемой рукописи. Считаем, что коллективный труд калмыцких историков полно и объективно освещает историю культуры и образования Калмыкии и с учетом сделанных замечаний может быть рекомендован к публикации.

[2009]

Рецензия на рукопись коллективной монографии «История Якутии», том 2

Подготовленный коллективом авторов второй том «Истории Якутии» является результатом обобщения исследований прошлого народов, населяющих Республику Якутию-Саха, и в целом отражает современное состояние данной отрасли исторической науки. Том охватывает обширный период XVI–XIX вв., когда в Восточной Сибири происходили сложные политические, социальные и этнокультурные процессы, в ходе которых регион вошел в состав Российского государства, в нем формировались системы управления, налогообложения, конфессиональной политики. Эти процессы показаны достаточно взвешенно, без акцента на конфликтах, но, вместе с тем, с аргументированным анализом различных сложностей и противоречий. Убедительно продемонстрирована политика правительства и местных администраций по использованию «инородческих» элит и традиционных социальных институтов при управлении краем. Полнота и объем излагаемых сведений существенно превосходят прежние сводные работы по истории республики. В томе изложены основные этапы и явления, характеризовавшие административное устройство края, его экономику, социальное положение жителей, их культуру и общественную жизнь.

При этом авторы не сосредотачиваются на отображении истории и культуры исключительно якутов, но уделяют достаточно места описанию развития малочисленных народов Севера (юкагиров, эвенков и др.), а также русского населения.

По традиции последних лет большое внимание уделено деятельности Русской Православной церкви.

Читатели смогут узнать о малоизвестных сюжетах истории края: участии представителей якутов в Уложенной комиссии, осуществленных и нереализованных проектах по реформированию управления Восточной Сибирью, изменениях в жизни коренного населения под воздействием государственной политики и соседства с растущим русским населением и мн. др.

Признавая большую работу, проделанную историками при написании тома, хотелось бы обратить их внимание на некоторые аспекты, нуждающиеся в уточнении и исправлении.

1. Не вполне ясна авторская трактовка социального развития якутского общества в освещаемый период. В главе 4 подробно описываются различные общественные слои в среде якутов и делается вывод: «Якутское общество развивалось по пути зарождения и развития классовых отношений» (с. 77); ниже утверждается о «развитии [якутского] общества по пути феодализации» (с. 79). При том, что в главе 8 (§ 2) показано, что социальные связи были гораздо сложнее «феодализации», а в § 4 той же главы существование феодального (патриархально-феодального) строя у якутов опровергается (с. 155–157). Правда, авторское понимание общественного строя как «кланового» (с. 162) не вполне ясно.

Представляется, что использование терминологии из марксистской формационной парадигмы – это вчерашний день науки. В историографии выработаны гораздо менее схематичные и более детальные и аргументированные дефиниции, и критерии для обществ, подобных якутскому XVII–XVIII вв. (вождество, реципрочно-линейные мини-системы и др.).

2. Показаны новые явления в культуре и быте якутов, привнесенные в результате контактов с русскими новоселами. Было бы желательно подробнее отразить также явление обратного свойства – заимствования, перенятые русскими от якутов и тунгусов. Известно, что такие заимствования были многочисленны в одежде, рационе питания, промысловых приемах, языке и даже в повседневном поведении.

3. В тексте, сносках или отдельном словарики необходимо объяснить читателю незнакомые термины. Некоторые из них объясняются, но при повторном, а не при первом упоминании в тексте: 33000 одекую (с. 19), аласы (с. 55), наслег (с. 138), сдача земли в коротом (с. 151), станки (крестьяне ленских станков) (с. 161), заказ (Якутский заказ) (с. 101 и др.), дицари (в значении «дикие звери») (с. 250).

4. Желательно подумать над заменой устаревших терминов и определений, унаследованных от советской эпохи и превратившиеся в штампы: царизм (с. 38, 41, 44 и др.), колониальная политика царизма (с. 41, 43), ясачный режим царизма (с. 80), угнетаемый русский народ (с. 44).

5. Изредка встречаются неакадемичные выражения: беспредел (с. 25), главари (казачьих отрядов) (с. 31).

6. Необходимо унифицировать справочный аппарат. В большинстве глав ссылки даются в конце главы, но в главах 14, 19, 21, 22 ссылки помещены в основном тексте.

7. В главах 5, 10, 16, 22, несмотря на многочисленные цитаты из источников и статистические данные, полностью отсутствуют сноски. Тем более необходимы ссылки на опровергаемые мнения при полемике с иными точками зрения (если уж автор непременно желает спорить в данном обобщающем труде). С. 186: «Не соответствует действительности мнение [че?], что в XVIII в. единственным женским монастырем епархии являлся Иркутский Знаменский монастырь»; с. 187: «Новосибирские исследователи [кто именно?] утверждают, что это часовня, которую расширили... [и т.д.]».

В целом замечания касаются в основном незначительных, легко устранимых частных деталей. Полагаю, что после работы над ними рецензируемый труд может быть рекомендован к публикации.

[2018]

***Рецензия на рукопись книги Ш.С. Камолiddина
«Происхождение Саманидов»***

Рецензируемая рукопись представляет собой подробный очерк происхождения одной из среднеазиатских династий, период правления которой был яркой эпохой в истории средневековой Центральной Азии. Для освещения этой проблемы автор привлек огромное количество источников — не только хроникальных сочинений на арабском, персидском и тюркском языках, но и данные археологии, нумизматики, сфрагистики, обширный корпус памятников фольклора.

Появление на исторической арене родоначальников Саманидского дома представлено на фоне широкой исторической панорамы, когда на обширной территории сосуществовали и боролись могущественные державы — Сасанидское царство, Арабский халифат и Тюркский каганат. В рукописи отражены обстоятельства появления предков Саманидов в Хорасане, Тохаристане и Фергане. Помимо главной задачи — выяснения подробностей предыстории династии — в работе содержится немало интересных деталей, позволяющих по-новому оценить некоторые аспекты политической, военной и этнической истории народов и государств данного региона.

Тщательно анализируя разнообразные тексты и артефакты, Ш.С. Камолiddин приходит к заключению, что этнические корни клана Саманидов вероятнее всего следует возводить к тюркскому населению — огузам, проживавшим на территории Сасанидского Ирана, а также западным тюркам эпохи каганата. Данный вывод базируется на умелом подборе фактов, убедительной системе доказательств и не вызывает возражений у рецензента.

Считаю, что рецензируемая работа выполнена на высоком научном уровне, отличается новизной в постановке и решении научных проблем и несомненно заслуживает публикации.

[2021]

Рецензия на рукопись коллективной монографии «Тюркские народы Крыма»

Коллективная монография «Тюркские народы Крыма» продолжает серию «Народы и культуры», которая уже насчитывает несколько книг и получила широкую известность среди историков и этнологов. Рецензируемая рукопись содержит тексты, написанные в соответствии с устоявшейся концепцией и структурой изданий серии. Авторский коллектив сумел собрать и обобщить большой и разнородный материал, дать объемную картину этнического и культурного развития тюркских народов Крымского полуострова.

Рукопись содержит три раздела: «Крымские татары», «Крымчаки», «Караимы». При этом раздел о татарах намного превосходит два другие, что объясняется и большей изученностью этого народа, и его большей численностью. Каждый раздел содержит сведения по этнической и социально-политической истории, материальной и духовной культуре, демографии и антропологии; в отношении крымских татар и караимов обоснованно уделено внимание общественным движениям в их среде.

Этногенез описываемых народов зачастую излагается гипотетически, поскольку в распоряжении исследователей находится сравнительно немного источников о начальных этапах истории тюркского населения Крыма. Авторы приводят наиболее распространенные версии, называют дискуссионные аспекты, отчего читателю становится ясной сложность и спорность современных исторических реконструкций (в особенности это касается караимов и крымчаков). Вместе с тем данная полемическая направленность делает соответствующие части разделов чрезвычайно интересными и познавательными.

Этнографический материал изложен в традиционном, апробированном ключе; его содержание, структура и терминология не вызывают возражений. Здесь наверняка сказались не только квалификация авторов, но и высокое качество редактирования со стороны этнологов.

Замечания и пожелания не носят принципиального характера и вполне могут быть учтены в ходе редподготовки. Наиболее существенные сводятся к следующим пунктам.

1. Необходимо унифицировать структуру разделов, определив их единообразное деление на главы и параграфы, выстроив последовательность изложения материала: введение (включая источники и историографию), этническая история (включая сведения по исторической демографии и политической истории), материальная культура, духовная культура.

2. Нужно унифицировать написание имен, географических и этнических названий, тюркских и еврейских терминов.

3. Необходимо сверить библиографию со сносками, т.к. некоторые цитируемые в тексте работы отсутствуют в конечном списке литературы.

В целом считаю, что рукопись коллективной монографии «Тюркские народы Крыма» может быть рекомендована к печати с учетом некоторой редакционной доработки.

[2003]

Рецензия на рукопись книги Р.Ю. Почекаева «Батый»

Книга Р.Ю. Почекаева «Батый» представляет собой научную биографию монгольского правителя первой половины XIII в. Бату как исторический персонаж известен всем. Однако его традиционная и прочная репутация как жестокого завоевателя Руси, разорителя Польши и Венгрии в течение долгого времени не позволяла обратиться к объективному описанию его жизненного пути, который вовсе не сводился к установлению «ордынского ига» над русскими княжествами. Перед нами первая в историографии попытка не только отобразить походы Бату (об этом уже написаны горы книг) или его интриги и борьбу за власть в Монгольской империи (о чем также говорилось немало) — хотя и эти сюжеты анализируются Р.Ю. Почекаевым. Автор постарался выстроить биографию своего героя от рождения до смерти, обратив внимание на спорные и малоизвестные аспекты.

Считаю данную инициативу тем более ценной, что она проявлена российским исследователем. Ведь именно в российской историографии сложилось стереотипное негативное отношение к Батю, и знаменательно, что в ее же среде начинается разрушение этого стереотипа.

Для меня стали новыми, во-первых, убедительное обоснование отсутствия официального ханского титула у Бату (т.е. не было общепринятого «хана Батия»); во-вторых, отражение пребывания его в Китае в 1229–1235 гг.; в-третьих, обоснование высокого статуса Бату в империи его особой связью с семьей старшей жены Чингисхана, Бортэ; в-четвертых, показ самостоятельных и автономных действий монгольских царевичей во время Русского похода 1237–1238 гг. Я разделяю не все утверждения автора. Однако средневековый исторический материал, как обычно, дает широкие возможности для взаимоисключающих интерпретаций, и версии Р.Ю. Почекаева — аргументируемые и логичные — выглядят вполне приемлемо для дальнейшего развития историографии вопроса.

Источники о Бату многочисленны, хотя предлагаемая ими информация довольно скудна. Но это не стало препятствием для автора. В конце концов, об Александре Невском мы имеем лишь несколько летописных упоминаний да пятистраничное «Житие»; тем не менее об этом князе пишутся целые тома. Однако все-таки набор основных источников давно и хорошо известен. Я посоветовал Р.Ю. Почекаеву исключить из текста раздел с их характеристикой, поскольку одни и те же средневековые сочинения (Карпини, Джувейни, Рашид ад-Дин и др.) описываются почти в каждом исследовании о событиях той эпохи.

Довольно много места в книге отведено полемике с различными историками по крупным и мелким вопросам. Сначала мне показалось такая полемика излишней, и я рекомендовал Р.Ю. Почекаеву ограничиться анализом сведений источников. Однако затем решил, что первая биография Бату должна сопровождаться экскурсами в историографические «дебри» — с тем чтобы разрушить стойкие клише и штампы, о которых говорилось выше.

Кроме того, автору было рекомендовано написать специальный раздел об отношениях Бату с его братьями Орду и Шибаном, что позволило бы отразить события в «казахстанской» части Удуса Джучи.

Следует заметить, что повествование ведется в спокойном, объективном ключе, начисто отсутствуют признаки каких-либо национальных пристрастий и предпочтений.

Считаю, что книга Р.Ю. Почекаева «Батый» может быть рекомендована к печати.

[2006]

Рецензия на коллективную монографию «Татары»

Содержание книги в целом позволяет получить представление о культуре и этнической истории татар. Авторы отразили почти все существенные аспекты этногенеза, расселения народа, функционирования его языка, материальной и духовной культуры, современных общественных и политических движений. К написанию книги привлечены ведущие специалисты Татарстана в соответствующих отраслях науки. Многие из них известны как авторы фундаментальных исследований, генераторы новых подходов и концепций в освещении истории своего народа.

Не все подобные концепции получают безоговорочную поддержку в среде историков и этнологов, в том числе и в самом Татарстане. Сказываются как частные разногласия по интерпретации источников, хронологии и трактовке событий, так и отсутствие общепринятой методологии исследования – в особенности исследования этнической истории. Методологический кризис, продолжающийся в гуманитарных науках, в полной мере отразился на рецензируемой монографии. Объективный дефицит теоретической, собственно научной базы побуждает многих ее авторов к попыткам детерминировать этническое и культурное развитие религиозным или политическим факторами, преувеличивать значение государственной независимости (в прошлом) или суверенитета (в настоящем) для этногенеза и формирования этнической идентичности татар. «Мусульманский ренессанс» последнего десятилетия также наложил отпечаток на интерпретацию исторических и этнографических явлений.

Авторы прослеживают истоки этнической истории татарского народа с древнетюркской эпохи (VI–VIII вв.), уделяют большое внимание периодам Волжской Булгарии (VII–XII вв.) и Золотой Орды (XIII–XV вв.). Разумеется, досконально изображены события и явления времени Казанского ханства (XV–XVI вв.). С максимальной тщательностью, с привлечением доступной статистики (и впервые в историографии), описан этап развития татарского этноса в XVII–XIX вв. При этом исследователи не ограничиваются изложением исторических процессов в Волго-Уральском регионе, но и пытаются реконструировать генезис этнического самосознания татар. Помимо истории главного массива этого народа на территории нынешнего Татарстана, изложены обстоятельства формирования прочих этнических групп татар (касимовских, мишарей, кряшен и др.). Кроме того, в поле зрения авторов попадают также татары астраханские и сибирские.

Большое место в книге отведено характеристике материальной и духовной культуры татар. В отличие от исторических глав, эта часть монографии более традиционна в этнографическом плане. Авторы излагают основные черты

и традиции в одежде, пище, жилище, музыке, устном народном творчестве и т.д.

Значительная часть текста посвящена истории общественного движения татар — как начала XX в., так и современного. Обобщенная панорама современного политического состояния Татарстана как субъекта Российской Федерации дана в послесловии, написанном Р.С. Хакимовым. С одной стороны, оно не содержит новой информации с чисто этнологической точки зрения, но с другой — дает общие сведения о статусе современного Татарстана, что актуально с политической точки зрения и в целом полезно для читателей. В данной главе Татарстан — историческое ядро татар — предстает как участник российской политической жизни. А поскольку межэтнические отношения в нашей стране сейчас предельно политизированы, то подобная информация кажется уместной.

Следует отметить большую работу научных редакторов монографии, которым удалось в современной сложной идеологической обстановке, насыщенной спорами и дискуссиями, собрать в единую команду большой коллектив профессиональных исследователей и организовать написание этого обширного обобщающего труда.

При очевидной дискуссионности ряда высказанных в рецензируемой монографии тезисов, в целом можно считать, что она объективно отражает современное состояние татароведения — со всеми его плюсами и минусами, достижениями и, возможно, заблуждениями, зачатками новых идей и борьбой против ошибочных, с точки зрения авторов, стереотипов в историографии и массовом сознании.

В целом считаю коллективную монографию «Татары» несомненно заслуживающей публикации.

[2002]

Рецензия на рукопись монографии А.А. Шейхумерова «Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV—XVIII вв.)»

Книга А.А. Шейхумерова посвящена проблеме, которая, казалось бы, давно и досконально должна быть изучена в историографии. Крымские татары интересовали их современников, прежде всего, как военная сила — по отношению к одним враждебная, по отношению к другим союзная (впрочем, в конкретных обстоятельствах эти роли могли меняться). Тем не менее, оказалось, что военный потенциал Крымского юрта до сих пор не был монографически исследован. Рецензируемая работа, таким образом, восполняет большой пробел в изучении Восточной Европы позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Исследование основано на широком круге источников и литературы (особенно привлекает большой массив привлеченных польских публикаций). Автор разбирает структуру крымского войска, подробно рассматривая состав, количество и принципы комплектования ханской гвардии, пехотных и артиллерийских подразделений, ополчения, войсковой obsługi; анализирует сведения текстов XV—XVIII вв. о численности армии ханства, ее внутренней организации (опровергая распространенное мнение о сохранении в Крыму ор-

дынской десятичной системы); приводит многочисленные и убедительные данные о различных категориях нетатарских воинов (ногайцев, казаков и др.). Отдельного внимания удостоиваются меры последнего хана Шахин-Гирея по реформированию вооруженных сил юрта в 1770–80-х гг.

Много место отведено описанию военной тактики крымских татар, способам ведения боя, управления войсками в ходе сражений.

В целом, монография оставляет впечатление профессионального, самостоятельного и оригинального исторического исследования. Для полноты картины следовало бы охарактеризовать также комплекс неогнестрельного вооружения татар. При неоднократной констатации автором сохранения золотоордынских традиций в военном деле Крымского ханства было бы логично обратить внимание еще и на османское влияние в этой области.

При упоминании присоединения Крыма к Российской империи абсолютно необходимо заменить используемые автором выражения «аннексия Крыма» (с. 117, 165, 187) и «российская интервенция» (с. 111) более нейтральными понятиями.

Встречаются отдельные мелкие неточности. Например, некорректно перечислять черкесов и кабардинцев как равновеликие понятия (с. 27), т.к. кабардинцы являются частью черкесов; нукеры (дружинники) не являются синонимом имельдешей (молочных братьев) (с. 50), хотя иногда один человек действительно был и тем, и другим.

Полагаю, что рукопись монографии А.А. Шейхумерова может быть рекомендована к печати.

[2019]

Рецензия на рукопись А.В. Шумкина «История тюркских обществ Центрального Кавказа в XVI–XVIII веках»

Исследование А.В. Шумкина посвящено одному из наиболее загадочных сюжетов истории народов России – выяснению происхождения и ранней истории тюркских обществ Центрального Кавказа. При практически полном отсутствии письменных источников для периода до XVII в. историкам приходится обращаться к более поздним свидетельствам, а также к обширному корпусу памятников фольклора, бытующего у населения региона. При дефиците сведений большое значение имеет изучение топонимии и этнонимии – как языковых областей, сохранивших следы прошлых миграций и этнокультурных контактов. Поэтому неудивительно, что в науке с XVIII в. и до сегодняшнего дня высказывались и существуют несколько версий и гипотез относительно этно- и политогенеза карачаевцев, балкарцев и др.

Автор резонно начинает свое исследование именно с обзора формирования историографии проблемы, показывая, каким образом постепенно накапливались знания о тюркских обществах и складывалась основа для научного осмысления этой информации. Очевидно, именно в этой (первой) части работы было бы логичнее разместить очерк о местном фольклоре, его жанрах и сюжетах, который ныне расположен в главе II, после описания сословно-правового состояния рассматриваемых обществ.

Основную часть исследования составляет рассмотрение и, насколько позволяют немногие доступные источники, восстановление исторических корней правящих фамилий центрально-кавказских аристократических кланов, а вместе с ними и соответствующих этнических сообществ. Главным достоинством исследования А.В. Шумкина представляется анализ генеалогий знатных фамилий, сопоставление содержащихся в них сведений с достоверно известными историческими персонажами и событиями. Неожиданными и показательными оказываются аналогии героев сказаний с деятелями степного средневековья, в частности, с золотоордынскими, крымскими и иными правителями (Джанибек, Барак, Тамерлан и др.).

При всей гипотетичности подобных реконструкций такой подход, в условиях дефицита источников, не раз обнаруживал свою продуктивность в историографии. Некоторые построения автора нуждаются в дополнительной аргументации. Например, связь фольклорного персонажа, первопредка Борака, с малозначительным и недолговечным ханом Золотой Орды Бараком не очевидна (хотя и имеет сюжетные аналогии в фольклоре других регионов). Возможно, Борак кавказских преданий восходит не к хану Бараку, а к столь же легендарному Бора-хану, что выводит на связь с загадочными борганами.

Дополнительный интерес представляют генеалогии местных элитных фамилий — как разобранные в тексте, так и проиллюстрированные автором в виде генеалогических схем (древ).

Считаю, что после незначительной редакционной правки (например, замены «шамхалата» на общепринятое «шамхальство») рецензируемая рукопись может быть опубликована.

[2015]

Рецензии на планы-проспекты изданий

Рецензия на план-проспект «Истории Кабардино-Балкарии» в 3-х томах

Представленный на обсуждение в Институт российской истории РАН план-проспект трехтомника охватывает период с древнейших времен до современности. Коллектив авторов проделал большую работу по обобщению и переосмыслению огромного исторического материала, попытался преодолеть идеологические штампы, накопившиеся в науке за последние десятилетия. Ряд положений радикально расходится с оценками событий, сформулированными в сводных трудах 1950-х – 1970-х гг. по истории республики и всего Северного Кавказа. Принципиальные изменения в трактовках касаются вопросов вхождения Кабарды и Балкарии в состав Российского государства, характеристики имперского режима управления, а также практически всего периода XX в. В этом отношении будущее издание окажется, несомненно, оригинальной и интересной работой, которая поможет по-новому взглянуть на сложные проблемы развития кавказских народов, их связей с Россией и пребывания в ее составе. При этом следует отметить, что многие, даже весьма существенные изменения в объяснении исторических фактов выдержаны в духе объективности, терпимости, строгой научности; в плане-проспекте не нашлось места безосновательным националистическим построениям, возводящим предков современных народов к доисторическим эпохам. В этом отношении рецензируемый текст представляет собой вполне профессиональное произведение и может послужить примером для подобных начинаний в других республиках – и не только Северного Кавказа.

Как и любой глобальный по объему научный труд, план-проспект по некоторым аспектам вызывает возражения и замечания, некоторые из которых изложены ниже.

Том I «С древнейших времен до XVIII в.» охватывает период от зарождения первобытного общества до кануна российской экспансии в Кабарду (третья четверть XVIII в.). Исходя из состояния источниковой базы, авторы увеличивают детализацию изложения политической истории по мере приближения к новому времени. Обращает на себя внимание оценка брака княжны Кученей и Ивана IV не в качестве первого этапа в присоединении Кабарды к России, а лишь как толчка к «усилению русского влияния в Кабарде». Значительное место отведено соционормативным институтам (гостеприимству, покровительству, аталычеству, кровной мести, баранте, наездничеству). Хотя сведения об этих явлениях исходят в основном из материалов XVIII–XIX вв., авторы абсолютно правы, помещая анализ их в I том, поскольку указанные институты являются несомненным реликтом патриархального уклада и зародились на ранних этапах истории кабардинцев и балкарцев.

Замечания по начальным стадиям развития региона и отчасти по структуре тома изложены в письменных отзывах археологов М.П. Абрамовой, Г.Е. Афанасьева, И.С. Каменецкого (прилагаются).

Том II «Кабардинцы и балкарцы в последней трети XVIII – начале XX вв.» описывает события и состояние кабардино-балкарского общества от начала утверждения русской военной администрации в регионе до 1917 г. Ядром содержания политической истории, изложенной в томе, является окончательное присоединение Кабарды и Балкарии к России, а также Кавказская война. Большое внимание уделяется изменениям в традиционных социальных и экономических институтах – главным образом, под влиянием имперской государственности. При этом создается впечатление, будто отмирание патриархальных установлений (аталычества, гостеприимства и т.п.) воспринимается авторами однозначно отрицательно и приписывается негативному воздействию «царизма».

В отличие от I и III томов, в данной части плана-перспекта более всего чувствуется субъективный, эмоциональный настрой авторов, излишний для объективного отображения событий. Формулировки и заголовки типа «сопротивление имперскому натиску», «военно-оккупационный режим», «национально-колониальная политика царизма» и т.п. содержат готовые оценки, заданный поход еще до знакомства с содержанием соответствующих разделов. Можно предложить авторам избрать менее пристрастный стиль, подобрав нейтральные обозначения явлений в заголовках; это было бы корректнее и честнее по отношению к читателю, без навязывания ему трактовок. Большого внимания к будущей аудитории трехтомника требует и степень легкости изложения; едва ли самые сложные проблемы, объясненные научнообразными выражениями, будут доступны для понимания основной массы жителей республики («наличие у каждого института своей хроноструктуры, своего ритма изменений», «носитель социокультурного хода традиционной российской цивилизации» и проч.). Сами по себе данные словосочетания без сомнения корректны и уместны, но снабженный ими текст явно ориентирован на интеллектуальную элиту, а не на массового читателя. Думается, в этом отношении следует «облегчить» текст. Кроме того, ряд выражений, похоже, понятен только придумавшим их авторам: что такое, например, «административно-полицейское гетто», «узкие масштабы и индивидуальный характер» «массовой социально-политической борьбы классовых слоев»? Впрочем, план-перспекта представляет собой своего рода конспект будущего текста, и вполне возможно, что все эти вычурные изречения будут расшифрованы в окончательном варианте простым и ясным языком.

Том III «Народы Кабардино-Балкарии на путях к современности (1917 г. – конец XX в.)» посвящен одному из наиболее спорных и драматичных периодов в истории нашей страны. План-перспекта III тома является в сущности тезисным изложением трактата, сочетающего элементы политологии, социологии и культурологии. Автор, судя по тексту, превосходно владеет современными технологиями научного поиска и сумел найти, в отличие от авторов II тома, ровный, сдержанный тон для анализа самых сложных, конфликтных процессов. В этом отношении часть, написанная А.Х. Боровым, выгодно отличается от аналогичных сочинений по XX в. коллег из других республик и при этом выступает едва ли не первым опытом академического описания современной истории в республиках РФ. Однако формулировки проблем также таят, кажется, чрезмерную сложность для широких читательских кругов. Для обсуждения в среде профессионалов план III тома вполне адекватен, но развернутое изложение желательно сильно упростить.

Трактовка событий автором нова и интересна, хотя и несет отпечаток еще не устоявшихся новых концепций, что характерно для сегодняшней ситуации после «краха» марксизма в методологии истории. Привлекает анализ возможных альтернатив развития Кабардино-Балкарии, в частности, в начале XX в. и после революции. Можно спорить, насколько это уместно в своде истории республики, но привнесение в изучение своего народа категории поливариантности несомненно позволяет понять сложность исторического развития региона. Автор умело оперирует и категорией «элита» при описании становления партийно-государственной администрации; отражены все основные характеристики советского правящего слоя: структура, состав, система формирования, монополия на информацию и т.д. Еще одним признаком новых подходов является позитивное внимание к традиционным институтам кабардино-балкарского общества в условиях советской государственности.

В целом очерк советского периода выгодно отличается от привычных работ по этой теме. Если А.Х. Борову удастся выдержать план, то читатели получат не скучный идеологизированный перечень цифр и достижений (или утрат), а всестороннюю картину общества. Не составляют исключения и разделы о периоде Перестройки и 1990-х гг. Автор верно отмечает нарастание проблем и противоречий в Кабардино-Балкарии. Однако хотелось бы посоветовать ограничить изложение 1991 г., т.к. события последующего времени, очевидно, пока не «созрели» для включения в академический свод истории. Наверное, в последующих изданиях рецензируемого труда период 1992–1998 гг. можно будет описать без неизбежной сейчас конъюнктурной политизации.

В заключение выскажем два общих пожелания по всему тексту. Во-первых, представляется слишком явной диспропорция, особенно во II томе, между описанием истории кабардинцев и балкарцев. Последним следует уделить больше места и внимания. Во-вторых, хотя бы несколько страниц нужно посвятить очерку историографии. В плане-проспекте историографический сюжет присутствует лишь в конце III тома (т.е. только по XX веку), тогда как научные традиции и этика требуют перечисления работ предшественников в самом начале сочинения – в первом разделе I тома.

Рецензируемый текст представляет собой задел очень интересного и высокопрофессионального научного труда. Он показывает, что авторы будущей «Истории Кабардино-Балкарии» обладают всеми необходимыми качествами и источниками для переосмысления и анализа прошлого своей республики. План-проспект безусловно может служить хорошей основой для создания трехтомника.

[1998]

Рецензия на план-проспект первого тома «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней»

Представленный на обсуждение план первого тома «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней» охватывает период с древности до 1917 г. Том предполагается составить из семи разделов, разбитых на параграфы. Судя по оглавлению, редколлегия тома стремится охватить главные этапы истории

калмыцкого народа, а также вопросы его социального, экономического и культурного развития. Планируемое издание будет не первым сводным изложением истории Калмыкии, в историографии уже есть такой опыт. Поэтому будущие авторы, с одной стороны, сохраняют некоторые основные, сформировавшиеся в науке подходы к трактовке событий, с другой, пытаются по-новому осветить многие факты и события.

Прежде всего это касается отказа от описания «докалмыцкой» эпохи в Нижнем Поволжье. Вместо традиционного отображения смены археологических культур, характеристики сарматов, гуннов, кипчаков, Золотой Орды и т.д. предлагается дать «краткий исторический обзор» развития региона до XVII в. Это, казалось бы, резонным, если бы авторы задумали создать историю калмыцкого народа, поскольку названные сюжеты не имеют непосредственного отношения к его истории. Однако заявленная тема истории Калмыкии (то есть территории, а не этноса) предполагает описание всех народов и племен на данной территории в прошлом, а не только судьбы нынешней «титульной нации» республики.

Столь же дискуссионным кажется выделение темы ойратов XIII–XVI в. в особый раздел. Здесь имеет место та же дилемма: если пишется история калмыков, то описание их предков уместно и логично; если решено излагать историю Калмыкии, то перипетии ойратской (фактически монгольской) истории кажутся слишком далекими от проблем развития Нижнего Поволжья.

Редколлегии тома следует определиться с концепцией издания: если будет готовиться «История калмыков», то структура тома в нынешнем виде не вызывает сомнений; в случае же сохранения названия «История Калмыкии» уместнее будет развернуть и подробно описать содержание Раздела I, а главы I и II в Разделе II сократить до краткого ознакомительного экскурса. Предлагаемую ныне структуру можно было бы оставить, если название работы будет изменено на «Историю калмыцкого народа и Калмыкии...»

Основная часть тома отведена времени пребывания калмыков в Российском государстве. Можно приветствовать взвешенный, истинно исторический подход авторов к вхождению калмыцкого народа в состав России. Судя по оглавлению, начало и завершение этого процесса разведены во времени и представлены как длительное, постепенное изменение статуса калмыков и отношений их с российским правительством (Раздел II, глава III, §§ 1, 2). Хотелось бы, чтобы авторы ушли от стереотипного привязывания «добровольного вхождения» к конкретным датам (особенно начала XVII в.), поскольку данная тема еще требует тщательного и подробного изучения.

В остальном концепция тома не вызывает возражений. По частным вопросам предлагаются следующие уточнения.

Ойратский период не может определяться как отдельный этап в истории калмыков, т.к. в составе ойратской этноплеменной общности калмыки не выделялись. Поэтому история ойратов, их политического развития и миграций, представляет собой лишь предысторию собственно калмыков. Если же убрать понятие «ойратский период», то следующий за ним «калмыцкий период» теряет смысл, поскольку охватывает все время существования калмыцкого народа до наших дней.

Участие калмыков в составе российских армий в военных действиях логичнее рассматривать в общем контексте пребывания народа в составе России.

То есть в главе II Раздела III объединить § 2 и 4; главы II и III Раздела IV также объединить под общим названием «Калмыки во внутренней и внешней политике России» и включить сюда отдельный параграф об участии калмыков в социальных движениях — в первую очередь, в Крестьянской войне 1773–1775 гг.

Оглавление показывает, что авторы будут стремиться охватить все стороны жизни калмыков — политическую историю, социально-экономическое развитие, культуру. В отношении культуры в отдельную главу обоснованно выделена тема религии. Очевидно, в распоряжении авторов имеется достаточный этнографический материал для описания добуддийского пласта идеологии. Хотелось бы лишь уточнить, что шаманизм, несомненно, также относится к добуддийским (или скорее небуддийским) религиозным системам, поэтому § 2 главы III можно объединить с § 1, сохранив название последнего.

Вполне обоснованным представляется внимание, уделяемое проблеме государственности и этнической территории калмыков и их ханства. Это тем более важно для Волго-Уральского региона в целом — одного из тех российских регионов с неславянским населением, которые характеризуются относительно высоким уровнем социального спокойствия, лояльностью и конформизмом местной элиты.

Прилагаемые списки состава редколлегии и авторского коллектива включают имена ведущих историков Республики и не вызывают сомнений в квалификации и уровне профессиональной подготовки участников работы над томом.

Материалы, представленные для обсуждения Калмыцким институтом гуманитарных исследований РАН, позволяют надеяться, что задуманный научный труд внесет достойный вклад в объективное изучение истории калмыцкого народа и Калмыкии. Структура и концепция тома в целом заслуживают одобрения.

[2000]

*НА ИРИ РАН. Личный фонд В.В. Трепавлова.
Оп. 1. Д. 9. 167 л. Неавторизованная машинопись.*

---

www.idmedina.ru

Научное издание

В.В. Трепавлов

Неизданные работы

Выпускающие редакторы: М. И. Бълхова, С. М. Абубакаров

Ответственный за выпуск: И. А. Нуриманов

Оформление: Л. В. Лобанова

Верстка: С. Б. Мишина, А. А. Паньшин

Подписано к печати 30.10.2024

Формат 70×100/16. Гарнитура NewtonТТ.

Усл. печ. л. 68,25. Уч.-изд. л. 55,22.

Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-9756-0370-8

9 785975 603708

Отпечатано: ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»
214012, Смоленск, ул. Розы Люксембург, 2
Тел.: +7 (495) 150-11-98
Сайт: capitalpress.ru

www.dumrf.ru www.muslims.ru www.muslim.ru www.miu.su www.islamsng.com
www.muslim-forum.info www.manuscriptaislamica.ru www.spbu.ru cis.spbu.ru

ISBN 978-5-9756-0370-8

9 785975 603708

МЕДИНА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ